

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

SAME ACCUMENTS.

1.5

PYÇÇKIN BBCTHNKB

ELELL LIERARITANI BINABARNIN M. KATROBIIN'S.

омъ восемь десять первый

1869

май.

COLEP **KAHIE**:

- 1. КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ЕВГЕНІЙ ВОЛХОВИТИ-НОВЪ. Гл. I—II. Н. С. Тихоправова.
- II. ЖЕНИТЬБА АТУЕВА. Разказъ. Я. П. Полоноваго.
- III. ГРАФ'Ь ПАНИНЪ, УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ. Га. IV. Д. А. Анучна.
- IV. УЧРЕЖДЕНІЕ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАӨЕДРЫ У ТУРЕЦ-КИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ. Гл. I—IV. Н. И. Субботина.
- V. АССИГНАЦІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ІІ. А. Н. Куломенна.
- VI. БЪЛЫЕ ГОЛУБИ. Га. XIII—XVIII. П. И. Мелькикова.
- VII. ВОСПОМИНАНІЯ САМОВАРА. И. Г.
- VIII. МОГИКАНЫ РЕАЛИЗМА. **Н. И.** Соловьева.
- IX. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМВТКИ: 1. Joseph II und Katharina ron Russland, ihr Briefwechsel, herausgegeben von A. R. Arneth, Wien, 1869.—2. Pocciau Espona, cou. H. Данилевскаго (Заря № I—IV). П. Щ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трекъ чаотякъ. Соч. Вильяма Говарда Росселя. Переводъ съ анraitickaro. Часть вторая. (Окончаніе.) Часть третья. Гл. I—IV.

Digitized by Google

РУССКІЙ ВЪСТНИКЪ

РУССКІЙ ВЪСТНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и-ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

M. KATROBUMS.

чњ.

томъ восемьдесятъ первый.

~>: 40000 ----

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)

На Страстномъ будьваръ.

1869.

"!EBCKIN MNTPONOANTЪ

ЕВГЕНІЙ БОЛХОВИТИНОВЪ

I.

Евений Болховитиновъ родился въ Воронежъ 18-го декабра 1767 года. Отецъ его, священникъ Входо-Іерусалимской, иначе называемой Ильинскою,—церкви *, умеръ когда Евенмію было только десять ліэтъ. Воронежъ въ то время біденъ быль учебными заведеніями; духовная семинарія до начала 1777 года состояла изъ одного риторическаго класса и съ 1761 года нівсколько ліэтъ оставалась безъ префекта.

^{*} Г. Пономаревь въ Матеріалах для біографіи митрополита Ессенія замічаєть: "Отець его у иныхь называєтся священникомъ Входо-Герусалимской, у другихъ церкви Иліи Пророка; это разноръчіе, пожалуй, еще можно объяснить: отепъ Алексий, вироятно, быль переводимъ съ мъста на мъсто. Все-таки и это обстоятельство требуетъ повърки въ источникать воронежскихъ" (стр. 6). Г. Ивановскій уже положительно утверждаеть что отець Евгенія "быль священвикомъ въ городъ Воронежь, сперва Входо-Герусалинской, а потоме деркви ИліпПророка, при которой и скончался". (Журналь Министерства Народнаго Просепщенія 1867 года, декабрь стр. 708.) Мнимое разнорачіе о маста служенія священника Болховитинова разръщается следующими словами его сына въ Историческоми описаніи Воропедськой губернін: "Церковь Входо-Іерусалинская одноштатная, каменная, построена съ 1767 по 1770 годъ на мъсто деревянной. Ныи въ сей церкви придаль во имя Св. Пророка Маін, отъ коего сперва и перковь прозвана Ильинскою, а настоящая освящена уже въ 1780 году" (стр. 71).

^{**} Историческое описанів Воронезсской губернін, стр. 65—66.

Евечмій Болховитиновъ учился сначала въ архіерейскомъ певческомъ корф, потомъ, около 1775 года, поступилъ въ воронежскую семинарію. * Въ риторическомъ классь Болховитинова застала реформа этого учебнаго заведенія: съ начала 1777 года въ семинаріи открыть быль новый, философскій каассъ. Въ немъ Болховитиновъ пробылъ только годъ, протедии такимъ образомъ въ воропежской семинаріи риторическій курсь и половину философскаго, который, по семинарскимъ правиламъ, долженъ былъ продолжаться, какъ и риторическій, два года. Важная переміна произошла въ сульби биднаго семинариста. Воронежскимъ епископомъ былъ въ то время Тихонъ III. Этогъ молодой архіерей рѣзко отличался отъ своихъ предшественниковъ на воронежской каоедрв. Девятымъ enuckonomъ воронежскимъ былъ Кириллъ Латевецкій, умершій въ 1771 году. "Сей пастырь на Воронежь (по словамъ Болховитинова) быль первый изг ученых за ибо прежде его бывшіе воронежскіе преосвященные были иза неучившихся ва школаха, кромъ развъ преосвященнаго Веніамина, который, сказывають, писколько обучался латинскому языку въ волошскихъ училищанъ. ** Тихонъ III поаучиль образованіе въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, въ посавдствіи преподаваль въ ней философію и быль ея префектомъ. Вниманіе образованнаго enuckona остановилось на Евений Болховитиковъ, и въ 1778 году *** окъ отправиль десятильтняго мальчика, на семинарскій счеть, въ Москву слушать науки въ той академіи гдв онъ самъ нвкогда учился и училь. *** Болье десяти льть прожиль Бол-

^{*} Въ семинаріи преподавались тогда греческій, французскій, намецкій языки. Тамъ же, стр. 65.

^{**} Тамъ же, стр. 208.

^{***} Самъ Евгеній годомъ отправленія своего въ Москву невѣрно называль 1784. Въ вѣдомостяхъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи записано: "Евимъ Болховитиновъ поступиль учиться въ академію въ 1778 году, 11-ти аѣтъ отъ роду". Смирновъ, Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской акаделіи, стр. 890. Это офивіальное указаніе подтверждается свидѣтельствомъ самого Евгенія, что онъ учился въ воронейской семинаріи "до половины курса фидософіи". Философокій курсъ продолжается въ семинаріяхъ два года; въ Воронейской онъ быль открыть въ 1777 году, и сяѣдовательно въ вачаль 1778 года Болховитиновъ уже оставиль семинарію.

^{****} Г. Ивановскій смішиваєть Тихона III съ Тихономъ I, святымъ, когда замічнеть: "Полное описаніе жизни Тихона составляєть какъ

комитиковъ въ Москвв. Завсь, еще въ годы учекъя, началъ окъ печатать свои переводы и даже самостоятельные литературные труды. Въ никъ ясно выразились литературныя симпатіи Болховитинова, и опредвлились вопросы которые завимали его мысль на школьной скамью. Havka духовной академіи, повидимому, не вполяв удовлетворила Болховитивова. Самъ митрополить Платонъ, стоявшій во главт Слаавто-Греко-Латинской акалеміи, не быль доволень преполаванемъ въ ней философіи за то время когда учился въ ней Болховитиновъ: въ 1783 году Платонъ прямо объявилъ что въ продолжение восьми леть своего управления академией онь не встречалъ между учениками еще ни одного достойнаго имеви студента философіи". В Нравственная философія препоаввалась въ самомъ ограниченномъ объемъ: Платовъ не придавалъ ей особеннаго значенія въ ряду наукъ академическихъ, заменая что "мораль человеческая слаба и не действительна. в должна почерпаема быть изъ слова Божія въ богословскомъ кассь". ** Ученическіе диспуты по-прежнему играли важную роль въ академическомъ образовании. "Публичные диспуты, чаи состяванія, бывали четырежды въ годъ, а икогда и больте, смотря по окончанію частей богословія и философіи; приватные же диспуты бывали каждовий мпьсяць; свериь того, обучающіеся богословію, философіи и риторика упражнялись каждую субботу чтеніемъ сочиненныхъ ими проповъдей, диссертацій и другикъ писаній, по удостоенію учителей своихъ. " *** Повзію преподаваль въ академіи Михаиль Завьядовъ ****, оставившій ифсколько жалких похвальных одъ и переводъ изъ Эразма Роттердамскаго: Христіанинъ-воинъ Христовъ и побъдоносное его оружіе, или спасительныя правила жизни христіанскія, подробно и ясно разсмотрыныя

бы памятникъ благодарности бывшаго ворокежскаго семинариста заботливому о судьбъ его пастырю, память котораго раввымъ же образомъ съ глубокимъ уваженіемъ чтитъ весь православный русскій народъ. "Журн. Мин. Нар. Просе. 1867, дек., 712. Евгеній издаль описаніе живни Тихона I, покровителемъ же его быль Тихонъ III.

^{*} Chupnoba, Ucmopia Mockosckoŭ Caasano-Ppeko-Aamunckoŭ akademiu, etp. 299.

^{**} Тамъ же, стр. 301.

^{***} Xpucmianckis kazendaps na zomo 1784 crp. 494.

^{****} Тамъ же, стр. 496.

и на священномъ писаніи основанныя. Краснорвчію русскому и латинскому учили по риторикамъ Бургія, Воссія и Ломоносова. Книга. изданная Помеемъ въ копив XVII въка, Pantheum mythicum, seu fabulosa deorum historia служила въ класст повзіц руководствомъ при изученіц римскихъ повтовъ: ее переводили студенты на русскій языкъ, "оставляя непристойныя мъста". * Только въ классъ нъмецкаго языка можно было отдохнуть студентамъ надъ переводами изъ Галлера, Лессинга и Клопштока. ** Ясный и положительный умъ Болховитинова рано почувствовалъ бедность и неполноту схоластического преподаванія въ Славяно-Греко-Латинской академіи. Болховитиновъ записался слушателемь въ Московскій университеть, и сталь завсь посвіцать лекціи исключительно иностранных профессоровь: *Шадена* по всеобщей нравственной философіи и политикв, Роста-по опытной физикъ, Бодуеня-по французскому красноръчию, Геймапо нъменкому языку. Лекціи университетскихъ профессоровъ сгладили въ Болховитиновъ односторонность богословскаго преподаванія въ академіи. Шаденъ, остававтійся "всю жизнь хранителемъ святой візры" ***, вооружавтійся постоянно на "плевелы и подавляющій души вічною смертію волчецъ безбожія, деизма и натурализма" ****, въ своихъ ръчакъ и лекціяхъ ссылался на Опыть объ исторіи гражданскаго общества Фергюсона, въ которомъ мораль уже поставлена была независимо отъ религіи. Въ преподаваніи нравственной философіи Шаденъ держался Якоби, одного изъ первыхъ последователей Фергюсона въ Германіи. Въ университеть, на лекціяхъ нравственной философіи, Болховитиновъ слышаль объ ученіяхъ діаметрально-противоположныхъ тымъ воззрыніямъ съ которыми онъ знакомился въ Славяно-Греко-Латинской академіи. Англійскіе деисты и французскіе матеріалисты не подвергались полному и безусловному гоненію со сторовы Шадена: профессоръ правственной философіи считаль "достойными прочтенія" сочиненія Шефтсбюри, следоваль

^{*} Смирнова, Исторія Московской Славяно-Греко - Латинской академіи, стр. 306.

^{**} Тамъ же, стр. 310.

^{***} Пріятное и полезное препровождение времени, ч. XVI, стр. 31-32.

^{****} Шадена, Слово о правъ обладателя вы разсуждении воспитанія и просвъщенія науками и художествами подданныхь. Пер. Грачевскаго, 1771 г., стр. 66.

Локку въ учени о разумении человеческомъ, ссылался на Кондильака и на "просвъщеннъйшихъ мужей" Дидро и Лаламбера. * Гораздо враждебиве относилоя Шаденъ къ идеанистическому направлению, пориная въ особенности Руссо. который "Эмиля ко всякой независимости воспитывая и нацаевая струями равенства, двлаеть неспособнымъ къ сожитір въ обществъ, особенно монархическомъ. ** Въ лекпіахъ о политикъ Шаденъ старался поддержать въ слушателахъ любовь и уважение къ охранительнымъ началамъ и недовърчиво относился къ Монтескъё *** за его равнодушіе къ монархіи, которая была политическимъ идеаломъ Шадена. Болховитиновъ разделяль взглядь Шадена на Духъ законовъ. Въ лета времыя онъ отзывался объ этой книге одному изъ своихъ друзей такимъ образомъ: "Авторъ писаль ее во время повсемъстнаго почти нечестія, которое тогда было въ модъ и которымъ всякій тогдашній ученый щеголять старался. Впрочемъ, скажу вамъ, что и по философскому отношенію мыслей, книга сія давно уже признана во многихъ своихъ началахъ неосновательною и запутанною.... Довольно для насъ и выписокъ изъ нея. Прочія мысли пусть останутся въ обаяніи революціонныхъ головь, оть которыхъ да избавить Господь Богь отечество наше. Новизно-любивые умы чаще всего бывають не истино-любивы, а только славолюбивы, хотя бы то и на счеть общаго блага. Они похожи на непріятелей отечеству, у которыхъ аксіоною Виргиліево слово:

Dolus, an virtus, quis in hoste requirat?" ****

Лекціи Шадена обращали Болховитинова къ философскимъ и литературнымъ авторитетамъ Англіи и Франціи. Въ Москвъ, этой "столицъ русской литературы", по выраженію Болховитинова †, его охватило литературное движеніе создавшее и подготовившее Карамзина. Съ полною силой, во всей энергіи развивалась въ Москвъ дъятельность Новиковскаго

^{*} Тамъ же, стр. 25, 53, 56, 89.

^{**} Тамъ же, стр. 34.

^{***} Тамъ же, стр. 56.

^{****} Письма митрополита Евгенія къ Городчанинову, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XCIV, отд. VII, стр. 11.

[†] Переписка Евгенія съ Державинымъ. Чтеніе Я. К. Грота, стр. 109.

кружка, когда Болховитиновъ пришелъ слушать лекціи въ Московскомъ университеть. Трудно было свъжему и живому человъку избътнуть вдіянія "ученаго Общества", распространявшаго съ такою настойчивостью интересь къ правственной философіи и къ вопросамъ просвъщенія въ московскомъ обществъ. Съ именемъ "Компаніи типографической" связанъ одинь изъ первыхъ студенческихъ трудовъ Болховитинова-Краткое описание жизней древника философова са присовокипленіемь отборныйшихь ихь мнюній, системь и нравочченій, сочиненное г. Фенелономъ, архіепископомъ Камбрійскимъ . Въ предисловіи Болховитиновъ и Розановъ, трудившійся вмість съ нимъ надъ переводомъ этой книги, ясно намекають на то что переводческая и журнальная дъятельпость "ученаго Дружескаго Общества" побудила ихъ перевести это произведение Фенелона: "Ободряемы будучи примпъромъ другихъ, мы предпріяли доставить нашимъ соотечественникамъ на собственномъ языкъ такую книгу, которую по предпочтению любовь къ нимъ, съ позволения празднаго времени, побудила насъ перевесть. Жизнеописаніями древпихъ философовъ и характеристиками ихъ ученій Новиковъ паполняль пелые томы своего періодическаго изданія Утренмій Сотть. ** Переводчикамъ Фенелоновой книги особенно правились въ ней "расположение порядочное и обстоятельное, штиль естественный и отрывной: въ ней можно съ перваго взгляду видьть рожденіе, воспитаніе, путешествія, приключенія, положенія физическія, мижнія правственныя и политическія и замысловатыя річи каждаго изъ всіхъ древнихъ греческихъ философовъ, и притомъ въ самомъ лучшемъ порядкв, ез отрывности, разнообразіи и пріятности. Академическіе студенты, сидъвшіе надъ переводомъ Фенелона, уже искали въ литературномъ произведении естественнаго, пріатнаго, отрывистаго изложенія; папышенный складь пусскихъ писателей половины прошлаго въка начиналъ наповдать; молодежь желала и ждала естественного, прівтного

^{*} Переведена съ французскаго въ Московской академіи 1787 года. Москва, въ типографіи Компаніи типографической. 1788. Въ предув'ядомленіи переводчики называють эту книгу "первымъ опытомъ" своихъ трудовъ.

^{**} Такова вапримъръ 5-я часть Утренняго Септа, вышедшая вторымъ изданіемъ въ 1785 году.

итературнаго языка: готовившаяся реформа литературной речи яваялась сознаваемою потребностью. Въ классахъ поэзіц разбирались въ академіц стихотворенія Ломоносова, Кантемира, Сумарокова и Державина *; но не всв изъ этихъ .классическихъ" русскихъ писателей правились Болховитивову. "Сумарокова (писалъ онъ въ 1807 году) нынъ уже ве моготъ и изъ книжныхъ лавокъ выжить, несмотря на то что современники величали его и Расиномъ, и Лафонтеномъ и пр. О Петровъ скажу я вамъ, что онъ есть стихотворенъ, но не на русскоми языки. Пусть его переведуть на другой языкъ, тогда будуть имъ восхищаться, такъ точно какъ Кантемиремъ на французскомъ языкъ". ** Положительный, реальный умъ Болховитинова чуждался безсодержательнаго риторства и бользненной искусственности ложнаго классинизма. "Надобно стараться (писаль онь въ 1805 году), чтобы въ журнаяв было болве жатеріи нежели словесных расширеній. Въкъ словеснаво красноръчія нынь уже проходить. Всь жаждуть вещей, а не слово." *** Въ восьмидесятыхъ годахъ про**мед**маго стольтія русскіе писатели чувствовали стремленіе освободиться отъ оковъ риторическаго и ложно-классическаго направленія; ими овладівали мечты о простоті и сантиментальная грусть объ утраченной природъ. Въ авторствъ (говорилъ Болховитиновъ словами одного изъ любимыхъ своихъ писателей) la nature fait mieux, que l'art. **** Совершенная тщаливость и цоправность въ сочиненіяхъ почти всегда пахнеть натужностью.... Геній не терпить неволи и попабощенія правилами." † Карамзинь шель далве по той дорогв на которой стояль Болховитиновъ - студентъ академіи и слушатель университета; Карамзинь какь бы осуществиль литературныя надежды его. "Что съ Шишковымъ они не сошлись (писалъ Болховитиновъ о Карамзинъ), вто естественно проистекаетъ отъ различія ихъ геніевъ. Одинъ хочеть еще составить правила, а другой давно уже написаль образиы почти классические. Не реторы, а ораторы плъняroms uumameseü." ++

^{*} Смирнова, Исторія Сл.-Гр.-Лат. akadeniu, стр. 306.
** Переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 140.

^{***} Тамъ же, стр. 129.

^{****} Тамъ же, стр. 102.

[†] Тамъ же, стр. 163.

^{††} Тамъ же, стр. 161.

Уже въ одномъ изъ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ Болховитиновъ враждебно отнесся къ риторамъ. Студентомъ духовной академіи, онъ печатаеть $\hat{I}$ ожвальное слово чеми-нибидь, посвященное ото сочинителя кому-нибудь, а оть переводчика никому, ст присовокуплением похвального письма ничему. * Похвальное письмо ничему, которое Болховитиновъ перевелъ стихами, написано извъстнымъ французскимъ гуманистомъ, преемникомъ Рамуса на каседръ древней филологіи въ Парижь, однимъ изъ сотрудниковъ Sature Menippée. Іоанномъ Пассера. Трудолюбивый филологь, развлекавшійся въ тяжелыя времена анги чтеніемъ Плавта, гуманисть, въ горячую пору Возрожденія сохранившій живое сочувствіе къ старой повзіи труверовъ и отъ изученія греколатинскихъ словарей легко переходившій къ составленію комментаріевъ на Пантагрювля Рабле, Пассера и въ поздравительных латинских стихах Nihil покровителю своему Henri de Mesmes, въ домъ котораго онъ прожилъ почти триднать леть, умель сочетать игривую шутку со строгою формой латинского стиха. Въ тяжеломъ переводъ Болховитинова тутка Пассера потеряла много игривости:

"Ничто огромиће всего строенья міра, Жарчае солица и прозрачиће веира, Кто осязаль ничто, тоть тваъ не осязаль:

^{*} Москва. Въ тип. Пономарева, 1787. Пожвальное слово чемунибуда приписываютъ Розанову (Смирновъ, Ист. Mock. akad., стр. 394), основываясь на одной цензурной въдомости, въ которой читается: "Сіе Похвальное слово и пр. доставить цензору и не прежде выпускать въ свътъ, пока отъ него не получу на то дозволенія, обязуюсь Оома Розановь" (Осьмнадуатый выкь, изд. Бартеневынь, І, 446. Но изъ той же цензурной въдомости можно убъдиться, что подобныя обязательства не всегда давались самими переводчиками или авторами представленнаго въ цензуру произведенія. Такъ, подобное обязательство даеть Карамзинъ относительно Поэмы Камоэнсовой, не имъ переведенной (стр. 445), а относительно книги Разсмотръніе натуры, переведенной Карамзиными, Плещеевъ (стр. 446). О томъ что Похвальное слово ничему вышло изъ полъ пера Болховитинова свидетельствують онь самь, въ автобіографической записки (напочатанной въ Вороне Аскоми литературноми сборника, вып. І, стр. 238), и накодившійся съ Болковитиновымъ въ баизкихъ отношеніяхъ библіографъ Анастасевичь, въ Росписи россійскимь книгамь изв библіотеки Плавильщикова (ч. І, стр. 477), изданной при жизни Болховитинова.

Кто могь украть мачи», тоть цавта не видых;

Начимо семо из себа боль чувства слука слишать,

И бель души мачию нь жанотныхь рода дышеть;

Начимо бель манка и гласа говорить;

Начимо бель манка и гласа говорить;

Начимо бель велкихь ногь и бель движены ходить;

Начию, какь Богь, вигда препятства не находить;

Начию противится законань естества,

Начию полезиве для спертныхь врачества.

Итакь напрасно тоть, кто страстью заразанея,

И из сердца коего любонный ядь разанась.

Отраду инить себа по прачества найти,

Которую нь кичели онь ножеть обрасти.

Еще при жизни Пассера, его Nikil переведено было на французскій азыкъ, вызвало подражанія и не разъ печаталось въ постъдствіи, въ сопровожденіи вереницы похвальныхъ словъ никому, кому-пибудь, чему-нибудь и т. п. ** Переводъ одной изъ такихъ брошюръ представляетъ Положенное слово чему-нибудь. ** Но Болховитиновъ не ограничился ролью простаго переводчика. Подлаживаясь подъ тонъ Пассера и его подражателей, онъ пародируетъ напыщенныя посвящения русскихъ панегиристовъ и стихотворцевъ, и посвящая свой трудъ Никому, превозносить его такимъ образомъ: "Естли кому одному въ свъть приписываемы были когда всь почести міра сего, то истинно сіе—никому; естли кто могь ког-**18-**нибуль быть славенъ по всей вселенной, то сіе — микто; естли кто могь покорить всехъ смертныхъ и самую природу, то сіе одинъ только никто; естли кто наконецъ могъ пройти и разсмотреть всю земию подробно и видеть концы ея оси, то сіе могь только никто." Никому принадлежать всв совершенства знаній. "Никто (подсывивается студенть духовной академіи) есть совершенный богословь: ибо

[•] Пошвальное слово чету-нибудь, стр. 45—46.

^{**} Nihil, Henrico Memmio pro xeniis, per Joa. Pass. carmen; huic subjungitur aliud gallicum, cui titulus quelque chose per Phil. Girard Vandomois, Paris, 1587. Upesta nackoanko antre neumao: Estrenes, Nihil, Nemo, quelque chose, tout, le moyen, si peu que rien, on, il (par Passerat et Phil. Girard). Caen et Paris, 1596.

^{***} Opurunazione del Boarobutunoba, nobudunomy, caykusa L'éloge de rien, dédié à personne, avec une postface; troisième édition peu revue, nullement corrigée et augmentée de plusieurs riens (par Cocuelet). Paris, 1730.

никто истиню понимаеть волю Божію и проницаеть въ Его двянія: никто есть совершенный метафизикъ: ибо ясно разумъетъ существо и свойство духовъ; никто есть совершеннайшій физикь: ибо въ тонкости выдаеть симпатію. антипатію и магнетизмъ существъ.... Сверхъ сего никто еще совершенъ и въ правственномъ отношеніи; никто есть истинный и действительный юриспруденть: ибо справедливо всякому постойное воздаеть... Въ заключение всего никто есть и могущественный повелитель: ибо чего не могуть повельть всь, повельваеть никто: всь мопархи міра могуть повельть только двлать, но никто можеть повельть котпоть дълать. У никого во власти состоить превращать вравы человъческие: ибо никто можеть исправить издоимство подъячаго, вертопрашество петиметра, жеманство кокетки, надменность глупаго и высокомысліе нівкоторых ученыхъ. Никто можеть отучить придворнаго оть ласкательства и пронырства, щеголя отъ долговъ, купца отъ божбы и всевозможнаго увъренія, а особливо модныю любовников отъ хитростей и обмана." *

Еще опредвлениве высказались литературныя симпатіи Болховитинова въ выборъ для перевода брошюры несомнънно вышедшей изъ лагеря последователей и привержениевъ Вольтера. Она носить названіе: Парнасская исторія, заключающаяся въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ первая содержить описаніе горы Парнаса, находящихся на немъ строеній, окрестныхъ потоковъ, источниковъ, болоть, лъсовъ и обрѣтающихся тамъ животныхъ; а вторая жителей, правленія, чиновъ, судилищъ, жертвоприношеній, праздниковъ и торговъ парнасскихъ. ** Подъ видомъ описанія Парнаса и изложенія его исторіи авторъ этой брошюры изображаєтъ различныя направленія во французской литератур'я XVIII въка и дълаетъ краткій очеркъ развитія европейской словесности съ эпохи Возрожденія. Поборники академическихъ правиль, риемачи, не признающіе ничего кром'в своихъ піитикъ; представители отвлеченной схоластической эрудиціи выведены здесь въ виде парнасскихъ животнихъ. При подошев горы, въ дощинв и долинахъ есть многочисленныя

^{*} Похвальное слово чему-нибудь, стр. XII—XV.

^{**} Переведена С. Еве. Боах., Москва. Въ тип. Пономарева, 1788. Переводъ сдъявнъ въ 1787 году. Осъмнадуатый секв, 1, стр. 449.

животныя, подобныя осламъ, которыхъ называють грамиатофорами. Но у насъ еще нътъ столь сильныхъ ословъ, какъ сіп животныя. Они служать парнасскимъ жителямъ возовыни скотами и употребляются для перевозки тяжестей. Естьли върить преданію, то сіи животныя были прежде людьми чрезмърно трудолюбивыми и которые, за то что старались и думали помъститься на горъ, въ сіи виды превращены. Впрочемъ они не одинакаго рода: одни изъ нихъ по природъ кротки и ручны, изъ нихъ все можно сдвлать, даже можно ихъ заставить идти по мъстамъ не очень приступнымъ, и только бы имъ приметить какой-нибудь следъ, котя бы то быль человъческій, хотя бы скотскій, они идуть прямо и не сбиваются съ сихъ тропинокъ. Другіе же, напротивъ, норовистъе самыхъ лошадей: они рвутся, быотъ, свергають съдока на землю и болве упрявы нежели лошаки. Они куслють всякаго кого только встретять, и не терпать ни ведущаго, ни запрягающаго, ниже обуздывающаго ихъ. Однакоже ил.те ничего им прівтине тязскаго ига; а подъ величайтимъ выюкомъ они не только не развъшивають ушей, какъ обыкновенные ослы, но еще чемъ больше на нихъ тяжести, темъ они прямене ихъ держатъ. Словомъ, ез том они сеое удо-вольстве получають чтобы быть подо бременемь." * Чтобъ эта характеристика не осталась слишкомъ общею, Парнасская исторія прибавляєть, что къ числу подобных гранматофоровъ относятся аббать д'Оливе и предшественникъ его Менажъ", извъстный своимъ заступничествомъ за удержание арханзмовъ въ литературномъ языкъ. Ронсара и Малерба не вольвуются почетомъ въ Парнасской исторіи; во главъ франпузскихъ писателей XVII въка поставленъ человъкъ, котораго романтическій геній менье другихъ способень быдъ подчиняться теоріи и правиламь, узаконеннымь академіей-Корнель. Напротивъ "строгів законы и тяжков иго, наложенное" Малербомъ на французскую литературу, "были ис-точниками того отеращения, которое имън къ нему, и тъхъ возмущений, которыя появлялись со всъхъ сторонъ". ** Онъ быль низложенъ Корнелемъ. Стихотворны-ласкатели и зожные меденаты одинаково ненавистны автору Парнас-ской исторіи; они одинаково гріщать противь всеобщих

<sup>Парпасская исторія, стр. 26—28.
Тамъ же, стр. 52.</sup>

законовъ повзіц: "запрещено всякому парнасскому обитателю объщевать безсмертіе за подарокъ старой шапки, худой епанчи, изношеннаго кафтана, или нъсколькихъ копъекъ". * Парнасская исторія не дасть на Парнась места сочинителямъ анаграммъ, акростиховъ, загадокъ и догогрифовъ: всв эти многотрудныя безделины и заботныя пустоши представляють трудь безполезный и излишній". Болховитиновъ зналь, что сатирическія выходки автора Парнасской исторіи имъли полное примъненіе къ современнымъ ему русскимъ стихотворнамъ; переводчикъ прибавилъ въ примъчаніяхъ, что законъ объ изгнаніи съ Парнаса сочинителей "многотрудныхъ бездвлицъ" прилагается къ Хераскову и его сотрудникамъ по изданію Свободных Часовт **, журнала, наполненнаго подобными "пустошами". Теорію торжественной оды Болховитиновъ слышаль въ академическихъ классахъ риторики и повзіи; примъненіе ея къ дълу всегда бывало при академическихъ торжествахъ. Въ пору ученья Болховитинова въ Славяно-Греко-Латинской академіи "сироты и самые бъдпъйшіе ученики ся (до 50 человъкъ) жили въ монастырь въ бурсь и имъли обыкновение предъ праздниками Воскресенія и Рождества Христова ходить съ книгою ко всть человиколюбивыми покровителями науки, которыя деньги и употреблялись для ихъ пропитанія" ***. Этотъ обычай вызываль и поддерживаль у академистовъ поздравительные стихи и похвальный оды ихъ меценатамъ. Въ последніе годы своего академическаго курса Болховитиновъ печаталь болье чымь могло бы позволить время преданнаго учебнымъ занятіямъ ученика академіи. Появленіе одного изъ своихъ переводовъ онъ прямо объясняетъ "позволеніемъ празднаго времени". Не проявлялось ли здесь отчасти и охлажаение Болховитинова къ накоторымъ изъ академическихъ курсовъ? Судя по выбору французскихъ брошюръ для перевода, симпатіи Болховитинова не всегда были тамъ куда стремилось склонять ихъ академическое преподаваніе.

Авторъ Парнасской исторіи принадлежаль къ горячимъ сторонникамъ "безсмертнаго" Вольтера: "кротость правленія

^{***} Аполлоса (ректора академіи), Христіанскій календарь на 1784 годь, стр. 495.

^{*} Парнасская исторія, стр. 65-66.

^{**} Тамъ же, стр. 64.

его со дня на день привлекаетъ ему множайшихъ защитниковъ изъ стихотворческого юпошества, которому онъ весьма правится". * Опъ съ презръніемъ говорить о знаменитомъ противникъ Вольтера, Фреронъ, воспитанникъ језуитовъ, выступившемъ на защиту религи открытымъ врагомъ французской философіи и особенно Вольтера: Фреронъ не въ силахъ идти по непроходимымъ горамъ Парнаса и возпестись на верхъ его: въ ослаблении и изнеможении задыхаясь, остается въ типъ" **. Бротюра, переведенная Болховитиновымъ, делаетъ даже очень ясный намекъ на комедію Вольтера L'Ecossaise, гдв Фреронъ, подъ именемъ Фрелона, выведенъ былъ омерзительнымъ шпіономъ и политическимъ донощикомъ. Самыя грязныя обвиненія и безцеремонныя ру гательства сыпались въ этой піесь на Фрерона, который высидълъ на ел первомъ представлении до конца и не замедлиль напечатать въ своемъ журналь отчеть объ этомъ cnekтакль, подъ заглавіемь: Rélation d'une grande bataille ***. Объ этомъ эпизодъ изъ литературной распри между Вольтеромъ и Фрерономъ (1760 г.) такъ вспоминаетъ Парнасская исторія: "Недавно появилась рота гусарова подъ предводительствомъ капитана Фрелона, который решился идти на приступъ и испровергнуть зданіе (храма Памяти на Парнасв). Таковое несчастіе едва только отвращено было бдительвою стражею, которую везав около храма разставили истинные потомки Академовы и впрныя чада Софіи и здраваго skuca." ****

Последніе годы пребыванія Болховитинова въ Москве совпадали съ эпохою появленія первыхъ переводовъ Карамзина изъ Галлера, Лессинга, Шекспира. Болховитиновъ переживаль ту же тревожную пору "бури и порывовъ", которой полными выразителями были у насъ Кутузовъ, Петровъ, Ленцъ, Карамзинъ. Умственный кругозоръ Болховитинова быль уже чемъ у Карамзина и друзей его молодости; образованіе перваго было односторонне, бедне чемъ то пирокое, либеральное, исполненное терпимости и космополитизма направленіе которое получилъ Карамзинъ среди

^{*} Парнасская исторія, стр. 21, 61.

^{**} Тамъ же, стр. 17.

^{***} Nisard, Les ennemis de Voltaire, p. 218. Hatin, Histoire de la presse en France, II, 404.

^{****} Парнасская исторія, стр. 11.

T. LXXX1.

"любослововъ" Дружескаго ученаго Общества. Но Болховитинова одушевляло то же недовольство правилами, та же вражда къ старымъ литературнымъ преданіямъ, то же исканіе чегото лучшаго, которыми такъ полонъ былъ Карамзинъ и которыя заставили его сказать: "Времена Расина и Буало прошли и не возвратятся; въкъ Вольтеровъ, Руссо, энциклопедистовъ, Духа Законовъ не уступаетъ ихъ въку". "Дикій и чувствительный Петровъ, во многомъ "напоминавтій Руссо", * обращаль Карамзина къ простоть и неиспорченности будничной, свободной отъ ственительныхъ условій жизни и доказывалъ ему превосходство деревни предъ городомъ. "Сія матерія (писаль онъ Карамзину) давно уже часто и пространно была нами трактована. Позволь только спросить у тебя: какъ можеть находить вкуст вт бельлетрахт, въ искусственномъ подражании прекрасной натуръ тотъ, кто въ самомъ оригиналь не находить пріятностей, когда оный представляется ему вълучтемъ своемъ видь?" этому сантиментальному стремленію къ природъ искали литературнаго выраженія и находили его въ англійской литературв. Она наиболве удовлетворяла сантиментальному настроенію, желанію простоты и свободы, чувству недовольства холодными условіями світскихъ и литературныхъ приличій, стремленіямъ къ иному, идеальному міру, которыми проникнуты были лучшіе представители московской литературной молодежи въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго въка. Въ стихотвореніи "Повзія", написанномъ въ 1787 году, говоря "о поэтахъ которые наиболье трогали и занимали его дуту, " *** Карамзинъ провозгласилъ, что

Британія есть мать поэтовь величайшихь.

Эти слова были выраженіемъ убъжденія господствовавшаго въ кружкъ молодыхъ писателей того времени. Пъсни Оссіана, Грея, Томсона, Юнга дълались предметомъ горячаго изученія, подражаній, переводовъ. Въ Московскомъ Журналю 1792 года **** Карамзинъ напечаталь это юношеское свое

^{****} Mock. Журналь 1792, сент. Ни въ одномъ собраніи сочиновій Карамзина оно не перепечатано.

^{*} Собственныя слова Карамзина.

^{**} Письма Петрова къ Карамзину. Русский Архиев 1863 г., вып. 5 и 6, стр. 483.

^{***} Собственное признаніе Карамзина въ прижѣчаніи къ этому стикотворенію.

стихотвореніе, въ которомъ съ такою ясностію отпечатльнись его первыя литературныя симпатіи, закрыпленныя въ послудствіи ближайшимъ и многостороннимъ знакомствомъ съ западно-европейскою литературой: Карамзинъ понималъ, что въ этомъ стихотвореніи выразились взгляды и сочувствія не его одного, а цулаго литературнаго поколунія, ему современнаго. Въ ряду "величайшихъ поэтовъ Британіи" Карамзинъ называетъ Оссіана, пусни котораго

Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томпый духъ, Настраивають насъ къ печальнымъ представленьямъ, Но скорбь сія мила и сладостна душѣ.

Рядомъ съ нимъ онъ ставитъ Мильтона, которато "гремящія страшныя пъсни" то веселять душу, то "извлекаютъ ручьями слезы изъ очей"; друга и утъшителя несчастныхъ Юнга, который "съ смертію дружа, дружитъ насъ и съ жизнію."

Но особенно прославляетъ Карамзинъ Томсона:

Природу возлюбивъ, природу разсмотръвъ, И вникнувъ въ кругъ временъ, въ тончайшія ихъ тъни, Намъ Томсонъ возгласилъ природы красоту, Пріятности временъ.

Тв же стремленія охватывали Болховитинова въ Славяно-Греко-Латинской академіи. Въ числе самыхъ близкихъ къ нему академическихъ товарищей былъ Протопоповъ, который, будучи даже священникомъ, не могь бросить чтенія Жанъ-Жака Руссо, и переводилъ его: онъ любилъ его "не какъ антагониста религи, а какъ умъющаго трогать душу и разговаривать съ сердцемъ, чувствительнаго писателя". * Другимъ пріязненнымъ Болховитинову товарищемъ быль Розановъ, чувствовавшій особенную склопность къ сантиментальнымъ повъстямъ и романамъ. Онъ "выбралъ цзъ разныхъ французскихъ авторовъ" и напечаталъ Пріятныя и любопытныя повысти крайне сантиментальнаго направленія; ему же принадлежить переводъ слезливаго романа Лолотта и Фанфанг, или приключенія двухг младенцевг, оставшихся на необитаемом в островы. Сантиментальныя повъсти и чувствительные разказы любиль Болховитиновь; "трагическія исторіи были ему по вкусу"; ** Испостде Жанъ-Жака Руссо

^{*} Собственныя слова Протопопова. *Библ. Записки* 1858, № 24, стр. 756.

^{**} Библіограф. Записки 1859 г., стр. 67.

называль книгою о величество Божіемь: * даже въ льта врълаго мужества онъ переводиль то что казалось ему "трогательнымъ". ** Спокойная, уединенная жизнь, вдали отъ шума и роскоши свъта, всегда правилась Болховитинову. Въ 1804 году онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: "Я живу поперемънно то въ Новъгородъ, то въ Хутынъ, но охотнъе въ послъднемъ, гдъ роскошная природа живитъ меня свъжими своими красотами.

Мой садъ не аглинской, но фруктовъ въ ономъ болѣ; Они сочнѣй Петропольскихъ, растущихъ по неволѣ; Театръ мой—цѣлый садъ; музыка—птичьи хоры; Мой пышный дворъ—друвей любезныхъ разговоры; Мой эрмитажъ—въ саду, въ сгустившихся кустахъ; Моя кунсткамера—въ снопахъ и закромахъ, Вся академія—природа предо мной: Въ пей лучше учится и сердуе, и умъ мой.

"Воть вамъ въ худыхъ стихахъ картина удовольствій, которыя желалъ бы уділить вамъ." ***

Впечатлительная, горячая натура Болховитинова, не умъв-шаго сдерживать порывы своего чувства, **** uckana себъ

^{*} Тамъ же, стр. 68.

^{**} Переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 105. Позволяю себъ высказать предположение, что Болховитинову принадлежить пере водъ сантиментальной книжки: "Прекрасная Полонянка. Истинная повъсть о кораблекрушении и плънъ дъвицы Аделины, графини де-Сентъ-Фаржель, на шестнадцатомъ году ся возраста, въ краяхъ Алусирского госудорства, въ 1782 году. Москва. Въ тип. Пономарева, 1787. В 12-ю долю листа. Это предположение основывается: 1) на следующей расписке, данной Болховитиновымъ цензуре въ 1787 году: "Окую Прекраскую Полонанку долженъ я представить въ оригиналь и въ печатной книгь г. духовному цензору и не выпускать въ свъть, пока не получу билета отъ него. Московской Академіи студенть Евеимъ Болховитиновъ. " (Осьмнадуатый выкь, І, 449). 2) Самъ Болховитиновъ въ перечив своихъ литературныхъ трудовъ указываетъ, повидимому, на ету брошюру, невърно приводя ея заглавіе въ такомъ видь: Историческое примпчаніе объ Алжирь, Тупись.... Вы 12-ю д. л. Выставленныя на Прекрасной Полонянки перевель съ французскаго П. Б. погли быть наифренвымъ сокрытіемъ имени переводчика.

^{***} М. П. Погодина, Утро, ПІ, 375.

^{**** &}quot;Я часто (писалъ Болховитивовъ въ 1794 году) бываю горячъ до бъщенства, и если въ сіи минуты горячности моей случится миф

пищи и удовлетворенія въ той же англійской литературф. Но Болховитиновъ не могъ сделать англійскихъ поэтовъ предметомъ такого живаго и непосредственнаго изученія къ какому способенъ былъ Карамзинъ: Болховитиновъ не зналъ англійскаго языка. При томъ живомъ интересъ который пробуждали въ образованныхъ людяхъ, въ читающей молодежи Екатерининской эпохи, соціальныя и философскія произведенія французскихъ и англійскихъ мыслителей, семинаристь, выведенный Радищевымъ въ знаменитомъ Π_{v} тешестви изг Петербурга вт Москву, кажется списаннымъ съ натуры. Юноша съ волосами примазанными квасомъ. бредущій піткомъ въ Петербургь чтобы "сыскать случай для пріобретенія науки", такъ жалуется въ книге Радишева на долю семинаристовъ: "Сколь великій недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвъщенія! Одно свъдъніе датинскаго языка не можетъ удовлетворить разума, алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита Ливія, даже Тацита почти знаю наизусть; но когда сравню знанія семинаристовъ съ темъ что я имълъ случай по счастию моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ стольтіямъ.... Насъ учать философіи, проходимь мы логику, метафизику, чечку, богословіє, но, по словамъ Кутейкина въ Недорослю. дойдемь до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться? Аристотель и схоластика донына царствують въ семинаріяхъ. Я, по счастію моему, знакомъ сталь въ домъ одного изъ губернскихъ членовъ въ Новгородъ, имълъ случай пріобрасти въ ономъ малое знаніе во французскомъ и нъменкомъ языкахъ и пользоваться книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвъщени временъ, когда одина латинскій языкъ быль въ училищахъ употребителенъ, сь ныпъшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для сведущихъ латинскій языкъ токмо отверстыя, но преподаются на языкъ народномъ!" Семинаристь, ратующій противь семинарской схоластики и исключительнаго господства латинскаго языка въ преподаваніи, является приверженцемъ ученій Монтескье и Блекстона: "не худо бы было (заключаеть онъ свою рачь) заставлять

писать, то я противъ воли обижаю... Горячность можетъ вводить аюдей въ разныя погръщенія; но она никогда не доказываетъ ни китраго, ни въродомнаго, ни злаго сердца." Письма Болховитинова къ Селивановскому. Библ: Записки 1859 г. стр. 72.

судей нашихъ имъть сію книгу * вмъсто святцевъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать нежели въ календаръ." **

Въ Славяно - Греко - Латинской академіи Болховитиновъ встретиль те же явленія, на которыя сетоваль семинаристь Радишева. Съ англійскими писателями Болховитиновъ знакомился чрезъ французскіе переводы. Акензайдъ, современникъ Томсона, Юнга, Грея и Макферсона, издателя такъ-называемыхъ пъсенъ Оссіана, остановиль на себъ вниманіе Болховитинова: онъ перевелъ съ францизского поэму его Удовольствія от способности воображенія. *** Для Болховитинова подлинникомъ служилъ переводъ Акензайдова произведенія сдъланный проповъдникомъ крайняго матеріализма, сотрудникомъ Дидро по вициклопедіи, ревностнымъ покровителемъ матеріалистовъ и авторомъ Système de la nature-барономъ Гольбахомъ: отсюда заимствовалъ Болховитиновъ и всв свои примъчанія къ этой повмъ и "чертежи", или краткія изложенія, предпосланныя каждой части поэмы. **** Болховитинову правилось и содержание поэмы, и тв свойства литературнаго дарованія Акензайда которыя выступають въ этомъ произведеніи. "Предметъ здівсь описываемый (говорить Болховитиновъ) поистинъ достоинъ вниманія, и объяснение онаго долженствуетъ быть съ жаромъ и, какъ говорять, энтузіазмомь; но съ сей-то стороны ничего и не найдется въ укореніе сочинителю. Предметь повмы представляль действительно особенный интересь для молодыхъ писателей бывшихъ современниками начальныхъ Карамзина. Съ восторженною рачью обращался последній къ фантазіи, "усладительниць своей жизни", "утьтительницв людей", и думаль въ уединенной кущв, посвященной этой

^{*} Истолюванія Англиканских законов Блекстова вышли въ переводъ Дескицкаго въ 1780—1782 гг.

^{**} Радищева, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Подберезье.

*** Удовольствія от способности воображенія, Англинская поэма
въ трехъ пъсняхъ, сочиненія Г. Акенсида. Съ французскаго на росеійскій языкъ переведена С. Евеимомъ Болховитиновымъ. Моск.
Въ тип. Гиппіуса. 1788.

^{****} Впрочемъ накоторыя примачанія и чертежи принадлежать сажому Акензайду. Гольбахъ перевелъ повму Акензайда съ перваго са изданія; въ посладствіи оно было совершенно передалано и значительно распространено авторомъ.

богинь, "удалясь от всего міра, сидыть въ модчаній и св крппкимь терпъніемь сердуа внимать туму ся приближающагося полета". * Пріятель Карамзина Подтиваловь помыстиль въ своемь журналь переводь обтирной статьи Аддисонова Зрителя: "О удовольствіяхь воображенія." **

Локторъ Акензайдъ былъ восторженнымъ поклонникомъ древнихъ классиковъ. Его благородная личность одушевлена была мечтами о первобытной общественной своболь. Акензайль быль непримиримымь врагомь невыжества и угнетенія, въ какихъ бы сферахъ оно ни проявлялось. Бросая въ своей поэмъ взглядъ на развитие изящныхъ искусствъ съ эпохи Возрожденія, Акензайдъ говорить: "Искусства были долгое время порабощены тиранству и безпорядкамъ дворовъ. Несмотря на ихъ противожеланіе, они принуждены были однакожь чрезъ три въка посвящать имъ свои труды." Возвращаясь къ своему въку, Акензайдъ восклицаетъ: "Что я эрю?—Се свътоносная эпоха предвъщается... Храмъ своболы навсегда возвышается при благополучныхъ брегахъ Альбіона; овъ подаетъ общее убъжище всемъ дарованіямъ, устремляющимся къ блаженству общества. Тамъ-то свита мудрости, тамъ-то добродътели, увидъвшись съ своими друзьями, отъ которыхъ онв долгое время пребывали отлученными, облобызаются и совокупятся, какъ и прежде, съ любезною толпою искусствъ, Музъ и Грацій. Порокъ, роскошествующій ихъ драгоцівнными дарами, не будеть уже ихъ посвящать презрительнымъ предметамъ; негодовательные взоры гражданина и мудреца не будуть уже принуждены отвращаться съ омерзеніемъ отъ ихъ прелестей; сила закоповъ и наука философіи не будуть уже добычею помраченію, надменности и рабству." *** Другими словами: "добро, ис тина и красота связаны нераздівльно. Красота сошла съ небесъ для того, чтобы быть посреди призраковъ сего міра залогомъ доброты и истины; ибо доброта и истина не что иное какъ одна и та же вещь; красота въ нихъ пребываетъ, и они обитають въ красотви. "Отделение сочинений философскихъ (по Акензайду) есть злоупотребленіе, которымъ заражены новъйшіе ученые." "Душа, душа одна заключаетъ

[•] Московскій Журналь, 1791 г., сентябрь, стр. 323.

^{**} Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій, X, 484; XI, 183; XII, 3. 207.

^{***} Удовольствія от способности воображенія, стр. 51-52.

въ самой себъ живые источники высокости и красоты; тамъто красота имъетъ свой престолъ". Для Акензайда искусство было такимъ же подражаніемъ природъ какъ для Баттё, котораго Карамзинъ и Петровъ называли "наставникомъ поэтовъ". Но природа доставляетъ удовольствие только чувствительным душам. Она совершенствуеть правственныя свойства человъка. "Блаженъ тотъ, котораго ни разслабительный гласъ роскоши, ни гнусныя приманки богатствъ, ни суетныя желанія честей не отвратили отъ всегла новыхъ удовольствій, которыя воображеніе почерпаеть въ природв для услажденія душевныхъ способностей. Не можно всемъ людямъ достигнуть завиднаго величества; но природа, справедливая для всехъ своихъ чадъ, уметь раскрывать гораздо большія сокровища.... Для него весна сыплеть утвшительную чувствамъ росу и развертываетъ листки изъ зеленыхъ пучковъ; для него рука осени даетъ плодамъ видъ, столь же прекрасный какъ злато, и покрываеть каждую плодоносную вътвь пурпуромъ живъйшихъ утреннихъ небесъ. Всякій часъ, проходя, платитъ ему дань; всегда новыя красоты рождаются подъ его стопами и представляются глазамъ во чединенной прогулкь; онъ чувствуеть себя влекомымъ непонятными прелестями..... И не только опъ чувствуетъ всегда новыя удовольствія, но еще его душа, внимательная ко впечатленіямъ делаемымъ въ ея орудіяхъ всеобщею гармоніей, становится сама гармоническою. Привыкщи помышлять о красотахъ священнаго порядка въ существахъ, ее окружающихъ, она ищетъ уже и въ самой себъ порядка, соотвътствующаго оному.... Чрезъ сіе упражненіе способности ел очищаются; каждая страсть становится пріятнійшею, уміренною и гораздо кротчайшею. Въ природъ все "извъщаетъ, къ чему Творецъ предопредълилъ способности человъка. Мы чувствуемъ въ самихъ себъ его всевышнюю силу; онъ въщаетъ нашему сердцу, что мы сотворены отт Него для того, чтобы мы созерцали и любили такъ, какъ онъ созерцаеть и любить, всеобщій кругь жизни и существованія, чтобы мы были по примъру Его величественны, всегда дъйствующи и благодетельны. Такимъ образомъ смертные, которыхъ дъла природы имъютъ право плънять, созерцаютъ Творца въ образъ тварей каждый день; они болье и боаве познають его намеренія, поступають по его предписаніямъ и стараются учинить себя участниками его блажен-

ства." * Таковы основныя мысли поэмы Акензайда. Въ его идеалахъ такъ много родственнаго съ повзіей Томсона. что Болковитиновъ могь бы примънить къ нему слова сказанныя Карамзинымъ объ авторъ Четырект сремень soda:

Ты выучиль меня природой наслаждаться И въ мрачности авсовъ хвалить Творца ел. **

IL.

Въ концъ 1788 года Болховитиновъ возвратился въ Воропежъ.

Покровителя его, enuckona Тихона, не было въэтомъгородъ: еще въ іюнь этого года онъ былъ перемъщенъ въ Тверскую епархію. *** Воронежскимъ епископомъ Болховитиновъ засталь Иннокентія, члена Россійской Академін, который, по евидътельству Академіи, потъ избранія его въ члены оной до отбытія изъ С.-Петербурга рачительно соучаствоваль въ собраніяхъ Академіи и сообщиль ей полезныя примечапія **** при составленіи академическаго словаря. Новый епископъ, заботливо следивтій за благосостояніемъ семинаріи, вскорв имвлъ возможность оцинить умъ и многосторонною образованность Болховитинова. Последній, тотчась по прівздв въ Воронежъ, 9-го января 1789 года назначенъ быль учителемъ риторики и французскаго языка. Молодой наставникъ горячо принялъ къ сердцу успъхи воронежскихъ сежинаристовъ. Для преподаванія ніжоторыхъ предметовъ въ этомъ учебномъ заведении не было учителей; въ семинарскомъ курсъ замътно было много пробъловъ. Болховитиновъ приняль на себя трудь устранить по возможности неполноту семинарскаго преподаванія и расширить его предалы. Онъ первый ввель въ воронежской семинаріи и приняль ва себя преподавание греческихъ и римскихъ древностей (въ

[•] Удовольствія от воображенія, стр. 149-151.

^{**} Mockosckiй Журналь 1791 г., септябрь, стр. 174.

^{***} Болховитинова, Описание Воронеусской губернии, стр. 214.

^{****} Красовскаго, "Опытъ исторіи Россійской академіи" въ Журналь Минист. Народнаво Просетц. ч. LX, отд. III, стр. 103.

видъ особаго, самостоятельнаго предмета), священной герменевтики, церковной исторіи и ново-греческаго языка. *

Въ теченіи пяти лѣтъ въ семинаріи не было ректора. Исправляя эту должность, Болховитиновъ читаль семинаристамъ догматическое и нравственное богословіе; за неимъніемъ учителя философіи, преподаваль и эту науку.

Человъкъ съ литературнымъ образованиемъ, съ живымъ сочувствіемъ къ новому литературному движенію, начавшемуся въ восьмидесятых в годах прошлаго въка, Болховитиновъ не приносиль схоластики въ аудиторіи воропежской семинаріи. Въ основу своего курса риторики Болховитиновъ положилъ knury abbata Todobae: Réflexions sur l'éloquence en général et sur celle de la chaire en particulier (Séconde édition, augmentée de plusieurs analyses d'ouvrages d'éloquence. Paris 1764). ** Kakoвы бы ни были насмътки Вольтера надъ этою "le premier livre du second ordre *** , Размышленія Трюбле выдалялись разкими достоинствами изъ ряда латинскихъ риторикъ, бывшихъ тогда въ употреблении въ духовныхъ семинаріяхъ. Въ основъ книги Трюбле лежить мысль, что природа выше искусства; онъ преследуеть вычурность и схоластику. "Есть еще особое краснорвчіе школьное, краснорвчіе риторическое, пышпое, надутое и пр., которое столько же невкусно для отличныхъ светскихъ людей, какъ и для народа.... Школьнаго краспорвчія существенный признакъ есть декламація, состоящая въ чрезвычайномъ увеличиваніи или уменьшеніи своей матеріи одними только словами, безъ основательныхъ доводовъ. Слишкомъ блистательный и цвътущій слогь неумъстенъ въ проповъдяхъ." **** "Онъ должны быть понятны

^{****} Разлышленія о краснортчіи, стр. 37, 74.

^{*} Прот. Өаворова, Рачь, произнесенная на годичномъ торжественномъ собраніи университета Св. Владиміра, 3-го сент. 1867 года. въ Трудахъ Кіевской духови. академіи, 1867, августъ, стр. 258.

^{**} Свое руководство по риторик Волховитиновъ напечаталь подъ ваглавіемъ: Размышленія о краснорнчій вообще и особенно о проповидическомъ краснорнчій. Изъ сочиненій г. аббата Трюблета, переведеннымъ въ Воронезбской семинаріи, для пользы юношества, воспитывающагося въ той збе семинаріл. М. въ типогр.
Селивановскаго. 1793.

^{***} Ср. Вольтера Le pauvre diable, стихотвореніе, каписанное сарказмомъ на Трюбле.

для всехъ, и потому въ нихъ не надобно отвращаться низкихъ и простонародныхъ мыслей и словъ. Мы находимъ въ превосходныхъ писателяхъ и въ превосходнейшихъ ихъ сочиненіяхъ тому примъры. Кажется, что они темъ котели показать что они не имьють той чрезвычайной уже разборчивости, которая похожа на брюзгливость и происходить иногда отъ хвастовства, а иногда отъ несмълости. * Болховитиновъ не требуетъ чтобы проповъдникъ былъ ученымъ богословомъ; но онъ долженъ знать свою особую и общирnyo navky: sto-navka peauriu, navka cmucaa u duxa peauгіи, наука того въ чемъ состоить подлинная и основательная добродьтель". ** Проповъдника, передающаго слушателямъ духъ религи, Трюбле ставить выше богослова. "Догматы редиги довольно уже доказаны. Богословъ контраверсисть, или спорной полезень только тогда, когда нужно оспаривать какую-нибуль ересь; а ереси не всегда бывають.... Проповеди только проповедують правоту и человоколюбів; а въ спорныхъ богословскихъ книгахъ часто добродътели сіц нарушаются". *** Пропов'ядь должна д'вйствовать на сердпе: образны для проповъди — апостолы, которые уловляли серана людей простотой своего сокрушавшаго серане слова. "Такт ты хочешь, скажуть мяв, можеть-быть, ты хочешь сдълать всько проповъдниково такими же простыми во пропосыдахь, какосы миссіонеры? Да, я этого желаль бы, не желая однакожь чтобъ они во всемъ были имъ подобны. Простота миссіоперовъ не только не недостатокъ, а напротивъ того превосходное качество; потому что безъ нея они не имвли бы самаго важнайшаго и полезнайшаго качества, тоесть благочестивой и умилительной трогательности. Учитель воронежскихъ семинаристовъ горячо нападаетъ на твхъ проповъдниковъ которые любили ослъплять слушателей блескомъ своего "замысловатаго и цветистаго" слова. Вдохновленный негодованіемь на этихь эгоистическихь поклонниковъ своего риторскаго таланта, онъ обращается къ вимъ со стихами Ламотта:

^{*} Тамъ же стр. 43.

^{**} Тамъ же стр. 65.

^{***} Тамъ же стр. 80.

^{****} Тамъ же стр. 46.

Когда собарянь тоть истребится
Лжепровозвъстниковъ Христа?
Когда блестящь умъ постыдится
И заградятся ихъ уста?
Они не благу научаютъ
И не пороки обличаютъ,
Но лишь тщеславятся умомъ;
Для нихъ едина честь и слава
Пустая слышащихъ забава,
И гдъ жь?... во храмъ, предъ Христомъ!
О святъ законъ, законъ почтенный!
Ты данъ къ ученію людей;
Но риторъ, остротой надменный,
Творитъ та играми ръчсй!... *

Трюбле остался навсегда авторитетомъ Болховитинова въ теоріи краснорьчія и въ области литературной критики **. Ко взглядамъ Трюбле Болховитиновъ чувствовалъ влеченіе всявдствіе своего отвращенія отъ риторики и схоластицизма; его сочувствіе французскому аббату условливалось его литературнымъ образованіемъ и подкрыплялось авторитетомъ протектора Славяно-Греко-Латинской Академіи, московскаго митрополита Платона, который въ предисловіи къ собранію своихъ проповедей признался что по витійственномъ и испещренномъ слотв онъ никогда много не заботился". При этомъ Платонъ высказаль совершенно тотъ же взглядъ на свойства проповеди, который развиваль и Болховитиновъ предъ учениками воронежской семинаріи: "Словами играющій и надменный слогь можеть быть для світских сочиненій когда-либо пристоень и нужень; но на священномь мізств, гдв устами проповъдника бесъдуетъ въчная истина, почиталь я что оный есть излишень.... Церковный проповедникъ долженъ бесъдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуеть, дабы духовная беседа была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько

^{*} Тамъ же стр. 28.

^{**} Въ 1804 году Болховитиновъ перевелъ для журнала Другь Проссыщения, сафдующія статьи изъ Трюбле: 1) О красноричіи сочиненій; 2) Размышленіе о вкуси. Изъ него Болховитиновъ приводиль выписки въ письмахъ къ Хвостову: статью его О вкуси перевелъ вы плучение себи. Ср. Грота, переписка Евгенія съ Державинымъ, стр. 98, 99, 104, 124, 165. Другь Проссиц. 1804, №№ 5, 8 и 12; 1806 г. № 2.

возможно, то подоврвніе, что будто проповъдникь болье ищеть калы слушателей за свое краснорьчивое слово, нежели ревнуеть о насаждений добродьтели и стража Божія вы сврдуахы слушателей."

Болховитиновъ, следуя своему французскому образиу, вносить въ руководство, назначенное для семинаристовъ, замъчаніе что світская литература проводить въ общественное сознание боле нравственных началь и боле служить делу пристанского просвъщения нежели церковная проповъдь. "Очень стыдно для некоторых проповедниковъ что светскіе писатели въ чувствительных и трогательных своих сочиненіях тщательные ихъ достигають сего дыла и лучше ихъ уменотъ достигать оной, какъ, напримеръ, Расинъ". ** Въ Воронежъ Болховитиновъ съ прежнимъ интересомъ изучаль французскихъ писателей. Онъ съ напряженнымъ внинапісить следиль за убогимь воронежскимь театромъ. "Въ Воронежь (писаль онь въ 1792 г.), новизна та, что театръ съ воскресенья до воскресенья все лучше становится, и Болховитиновъ не упускаетъ ни одного спектакла." *** Онъ уваекался трагедіями Расина и Вольтера. Даже въ 1809 году. уже бывши архіереемъ въ Вологдъ, онъ писаль въ Москву одному изъ своихъ друзей: "Не найдете ли вы стереотипического изданія Расина и Вольтеровыхъ трагедій? Если сы**тутся**, то пришлите." ****

Отвергнувъ прежнюю рутину въ преподавании теоріи красноръчія, Болховитиновъ въ области философіи относилсился сочувственно къ послъдователямъ деизма. Въ Размышленіяхъ о красноръчіи, онъ привелъ выдержку изъ Размичныхъ миний Попе. † Въ Воронежъ Болховитиновъ перевелъ прозою его Опыть о человъкъ. †† Не въ первый разъ вта

^{*} Поучительныя слова и другія сочиненія Платона, отъ Московской Академіи выпечатанныя 1780 г., томъ первый.

^{**} Размышленія о краснор., стр. 29.

^{***} Библіогр. Записки, 1859 г., стр. 67.

^{••••} Письма Евгенія къ Городчанинову, стр. 9.

[†] Размыша. о краспор. стр. 129.

^{††} Опыть о человики, повыв г. Попе. Переводъ въ прозъ съ историческими и философическими примъчаніями. М. въ типогр. Попомарева, 1806. Въ іюль 1793 г. Болховитиповъ писалъ Селивановскому: "Вамъ скоро поспъстъ Попісвъ Опыть о человики". Библ. Зал. 1859 г., стр. 69.

философская поэма англійскаго стихотворца являлась въ русскомъ переводъ. Еще въ 1754 году копректоръ Академіи Наукъ, въ последствии профессоръ Московскаго университета. Поповскій перевель ее стихами съ того же самаго французскаго перевода которымъ отчасти руководствовался и Бодховитиновъ *. Не ранве 1757 года могь быть напечатанъ переводъ Поповскаго: встретились важныя къ тому затрудненія со стороны духовной цензуры. Самъ Поповскій находиль нужнымы сделать вы предисловіи ка своему переводу следующую оговорку: "А какъ матерія сія нежная, то можеть найтись кому-нибудь нечто и сомнительное въ разсужденіи нашей редигіи: въ чемъ однако справедливый читатель меня извинить для двухъ причинъ: первая, что я не богословъ, и потому простительно мив будетъ, если гдв не могъ усмотръть несходства съ нашею религею; второе-что я не критикомъ былъ, но переводчикомъ; следовательно, хотя бы и усмотрълъ нъчто противное, однако поправлять не имълъ никакого права." ** Луховная цензура строго отнеслась къ переводу Поповскаго; она нашла что "издатель оныя книги ни изъ священнаго писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей перкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всв свои мивнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и Коперникову систему, такожь и мивнія о миожествів міровъ, священному писанію совствить не согласныя". *** Кураторъ Московскаго университета, Шуваловъ, находившій книгу Попе "весьма небезполезною учащемуся юношеству", передаль ее для новаго разсмотрънія архіепископу Амвросію Зертисъ-Каменскому. Переводъ Поповскаго съ поправками противныхъ свящевному писанію м'ясть, сдівланными Амеросіємь, быль наконець

^{*} Приложенныя къ переводу Поповскаго гравюры заимствованы изъ амстердамскаго изданія Oeuvres diverses de Pope, traduites de l'Anglais. Nouvelle edition. Amsterdam et Leipzig. MDCCLIV. Здъсь помъщены два перевода Ольгма; одинъ въ прозъ, другой въ стихахъ; послъдній принадлежить аббату Дю-Ренелю (Du-Resnel). Изъ этого изданія Болховитиновь заимствоваль всъ приложенныя имъ къ своему переводу Опыта о человоки примъчанія. Переводъ Болховитинова сдълань уже съ подлиника, но при пособіи французск. переводъ.

^{**} Опыть о человикь. М. 1756, стр. 5.

^{***} П. П. Пекарскаго Матеріалы для исторіи русской литературы, въ Библ. Зап. 1859 г., стр. 489—490.

изданъ, и притомъ на первый разъ такъ, что исправленныя пензурою мъста напечатаны были болье крупнымъ прифтомъ чемъ текстъ принадлежавшій Поповскому, "какъ будто бы (остриль по втому случаю Тепловь) читатель самь не могь различить стиховъ поповскихъ отъ стиховъ Поповскаго" *. Большею частію цензурою исправлены были отдальныя слова и термины. Стихи о множеств'я міровъ зам'янены были другими. Совершенной передылкы подверглись напримъръ следующие стихи Поповскаго, въ которыхъ упоминалось множество міровъ: **

Мірт каждый въ степеняхь порядокъ наблюдаеть, И чинь въ теченіяхъ всечастно нагаздаеть; . Но чинъ сей надлежить не только для него. Какъ и до зданія вселенныя всего; Въ единомъ изъ міровъ малейшій непорядокъ Не одного его приводить лишь въ упадокъ, Но всехъ другихъ міровъ и весь вселенной кругъ Къ паденью страшному влечеть съ собою вдругь; Оставить туть земля свой путь въ минуту кратку, Хотя то тамъ, то туть, безъ чина и порядку, И сольде, и лука и весь строй светлыхъ звездъ Подвигнутся съ своихъ въ нестройномъ бъгъ мъстъ. И авгели съ круговъ, которыми владъютъ, Въ семъ замещательстве стремглавъ снисласть имеють: Тогда бы тварь на тварь и міръ на міръ упаль, Вся твердь бы потряслась, весь свыть бы возстеналь. ***

Оптимизмъ Попе и его апологія страстей были стушеваны пензорами перевода Поповскаго. Измънены были стихи, въ которыхъ говорилось что разумъ —

^{*} Фонъ-Визинъ въ чистосердечномъ признаніи.

Въ Московскомъ главномъ архивъ министерства иностранныхъ дель кранится подъ № 236 рукопись Опыть о человью, на которой приписано: "Переведено съ французскаго переводу профессор. Николземъ Иоповскимъ: Списано съ подлинника прежде, какъ оной сватьшимъ синодомъ быль поправленъ. Изъ этой рукописи заимствуемъ свъдънія о поправкахъ цензурою перевода Поповскаго.

^{***} Ср. съ печатнымъ пъснь І, стихъ 461 и саъд. Всь упоминанія о иножества міровъ уничтожены. Такъ 37 стихъ первой пасни: Хотя темь мірамь неть пределовь, ни числа измінень такъ: Хотя тыть кругомь; ст. 535 вывсто: Хотя бы ев мірь семь, хотя бы ев другоже ты быле, стоить: Хотя бъ ты въ мірь семь, котя бъ гдь индю быль.

Не долженъ истреблять онъ въ насъ страстей конечно, Но токмо управлять волнение сердечно, Плънившую насъ страсть не долженъ выгонять И съ нею такъ, какъ другъ, не недругъ поступать. *

Наконецъ возгласы Попе о тщеть религіозныхъ споровъ, возгласы, въ которыхъ просвычиваль религіозный индифферентизмъ автора, были затемнены и получили въ цензорской передылкь другой оттынокъ. Въ переводы Поповскаго стояло

Пусть спорять глупые ревнители чрезъ мбру, Которую почесть всвять долженть лучше втру: — Котора главному изъ встять концу вредить, Та втра на себт имбеть ложный видъ. **

Въ печати явилось:

Пусть, кто хочеть, спорить отъ ревности чрезъ меру и т. д.

Болховитиновъ занимался теодинеею Попе при иныхътусловіяхъ чемъ Поповскій. Надъ его переводомъ не тяготела такая строгая и взыскательная цензура съ какою долженъ быль иметь явло профессорь времень Елизаветы Петровны. Болховитиновъ, правда, чувствовалъ также потребность оговорить накоторыя маста эпистоль Попе и назвать мысли о множествъ міровъ и взаимодъйствіи ихъ памеками на разныя платоническія мивнія"; *** но уже самыя средства, къ которымъ прибъгаетъ Болховитиновъ чтобъ освободить аюбимаго имъ писателя отъ нареканій, далеко не походять на тв оправданія которыя выставиль своему переводу Поповскій. Болховитиновъ отклоняєть отъ Попе упреки въ атеизмъ, старается оправдать его оптимизмъ отъ обвиненій въ несогласіи съ ученіемъ въры и ссылается при этомъ-на авторитеть Вольтера, который въ предисловіи къ повмі Hlphaразрушение Лиссабона сказаль объ Опыть Попе: "Благоразумиве было бы смотреть только на полезныя красоты въ сочинени, в не искать вы немь ненавистнаго смысла. Но въ числе несовершенствъ нашей природы есть то, что мы не доброжелательно перетолковываемъ все то что славно. Изъ превратно понимаемой аксіомы что все хорошо, начали

^{*} Пасть II, ст. 289. Не одобрень быль 195 стихь: Возможно хь страсти намь почесть вредомь какимь?

^{**} Пъсвъ III, ст. 545.

^{***} Опыть о человпка, стр. 25.

выводить перавистрыя посаваствія: савдовательно-де чалостreckist pode ne umbre nadenia, candosamereno ne nustane-de osomanosumers u uckynumers, crisdosamersno-de budymes coстояние человика не лучше будеть настоящаво и т. в." Съ своей стороны, Болховитиновъ не видить ва эпистомих Попе деизна, признавая телько что онъ "украніаль свой Опыть иногда мажніями платомическими, стихотворческими и другими мечтательными гипотезами, находящимися у самихъ философовъ". Но въ этомъ Болховитиновъ признасть не болье какъ возтическую вольность, вполив извивительную. "Если Мильтона (говорить окъ) не казывають безбожникомъ за то что онъ, описывая надение ангеловъ. MROTO LAR VEDAMERIA BHAVMHERAT COECTATA RECCRORATE MARTO и много весогласкаго даже съ разсудкомъ; если Камоенса ве вазывають еретиковы за то что омь въ Дуизіадъ своей вводать Венеру содыйствующею распространской хриотіанской живы и пр.: то и Попе, конечно, столько жь извинителемъ. какъ и они; потому что, въ качествъ стихотворца, онъ, по крайней мере, имель одинаковое съ жими право вольности въ выборв украшеній своей повиы". • Волховитиновь отдаеть Hone первое мъсто между англійскими поэтами: "со времени его смерти до нынв не появлялось еще въ Англіи на одного превосходнаго стихотворна". *** Эпистолы Попе опъ называеть лучнить родомь его сочиненій; Опыть о челосько полагаеть "въ числе классическихъ книгь чусствительной GUACCOGiu": **** BY REMY "OCHOCAMETPHOCUS" COEGURACTOR CA "трогательностію". † Переводу Опыта в челосько Болховитиновъ предпосаваъ общирное введение, въ которомъ ивложиль историческое развитие вопроса о происхождении зла вы мірі, вопроса, которому Попе посвятиль свою повму. Отвращаясь отъ философскихъ положеній Беля, Болховитиновъ справеданно сопоставляеть Попе съ Шефтсбюри, видя въ томъ и другомъ върность одному философскому возгрвнію

Относясь сочувственно къ оптимизму Попе, Болховитивовъ не оставался равнодушнымъ къ тому полному отрицанію истивъ откровенной въры, которое съ такимъ цинизмомъ

^{*} Тамъ же, стр. XVIII.

^{**} Tamb ske, crp. XXII.

^{***} Тамъ же, стр. IX.

^{****} Тамъ же, стр. V.

[†] Tanz ke, crp. XVI.

T. LXXXI.

Pycckië Bictuuks.

проводиль Вольтерь. Далеко разносились по Россіи въ прошломъ въкъ и вызывали особенный интересъ читателей именно эти направленныя противъ пристівнотва произведевів Вольтера. Не имая возможности проникнуть въ печать. our temp cz dóamneme ychekome pachpoctparauch mekay читателями въ рукописять, и не вызывая печатных опроверженій, оставляли въ недоуменіи или увлекали малополготовленных витателей. Въ скромной нашей литература (писаль Болховитивовъ въ 1793 году) мы не видимъ еще самыхъ возмутительныйших и нечестиныших Волгеровых книга; но, можетъ-быть, отъ сего предохранены только книжныя наши лавки, между тамъ какъ сокровенными путями повоюду разливается вся его зараза. Ибо письменной Вольтевь omanogumos y nacz usenomeną omoseko oke, kake u nevamnesi."* Томатній воронежскій елиского Инпокантій "чужал быль обыкновенному въ мірв хладвокровно въ върв". Въ уединенныхъ бесновкъ съ приближенными къ нему динами, въ числе которых быль и Болковитивова, Инвокентій часто открываль душевное собользнование о невърукщихъ и вольнодумпыхъ овнать своей паствы; часто въ благочестивомъ его негодованіи взоры его одущевлялись священным оглемы, и растроговное сожваниемъ о забаужавющихъ сердие его изапвалось въ воздыханіи". ** Болховитиновъ даль студентамъ богословія воронежской семинаріи перевести общирную книгу аббата Нопота о Вольтеровыми заблуждеными. По окончаніц этого труда Болховитиновъ пересмотраль работу своихъ учениковъ, исправият ее и напечаталь подъсвоею редакціей.*** Изданіе этой книги встрівтило затрудненія, которых Болховитиновъ не ожидаль. Изъ предисловія Новота ко второй части Вольтеровыми заблуждений ценнура исключила перечень реациозныхъ вырожаній Вольтера, которыя должень быль опровергать Нопоть; изъ обличительной кваги вычер-

^{*} Волтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомь Нонотомь. Часть І, Предуепдомленіе кь россійскому переводу.

^{**} Слово надгробное (Болховитивов) преосвященному Иннокентію, епископу воронезісскому. Издавів второв, Воронежь, 1799 г., стр. 3—4.

^{***} Волтеросы заблужденія, обнаруженныя аббатом в Нонотом в. Часть І и ІІ. Переведена съ французскаго оригинала последняго шестаго изданія въ Воронежской семинаріи отудентами богословія. Моск. въ тип. Пономарева, 1798 г.

кивалось именно то противъ чего предлагались возражепія. По этому поводу Болховитиновъ писаль Селивавонскому: Въсть о второй части моей квиги взобения меня, и я какаля ничего въ Москвъ не печатать. Помарка его въ предислени больше всего (простите новиу самолюбію) доказываеть его трусость и (съ повволенія сказать) глупость." * Болковитиновъ чувствовать что планъ, овянанный съ изданість Вольтеровым заблуждений, разрушается. Книгой Новота онь думаль парализовать вліяніе такъ сочиненій Вольтера которыя затрогивали откровенную религю и обходили читателей BE DYKODUCANE: HO UMERHO PARBU HOROTS O ndec.mamusechuse заблужденіяхъ" Вольтера въ вопросахъ вары не были доволены къ напечатанию. "Простодушный нашъ неученый сеотечественникъ (писалъ Болговитиновъ), олима повских славу Вольтера и язвительныя его насижики воему священному и почитаемому, сперва подвигается благочестивымь ужасомъ и петодованиемъ; но можетъ ли омь потомъ защинать от заразы сердне свое сими одними чувствонамами, когда опъ не утвержденъ въ основательных истинать и когда овъ почти вездъ слышить только крикливыя вольноаумпевъ похвалы Вольтеру, но не видить обличения лжей и kаеветъ его?[≥] **

Лишь въ одномъ случав Болховитиновъ нашелъ необходинымъ заметить, что "статьи V, VI, VII и VIII выключены гг. цензорами" ***. Эти статьи принадлежить къ 22-й главе эторой части русскаго перевода Вольтеровное заблуждений, главе посвященной Изслюдованию поэмы на естественный законь. Выпущенныя цензурой статьи этой главы занаты разсужденими о терпилости, о преимуществать терпилости, о нетерпилости и о войнать и преслыдованиях за религию. "Терпимость (по опредъленю Новота) есть не иное что какъ позорное равнодущие ко всякаго рода въръ, какъ любовь къ независимости, которая производить

^{*} Bubaiospaguveckia zanucku, 1859 r., crp. 68.

^{**} B5 pycckom5 переводь второй части Вольтеросым заблуубдекій пепзурою исключены главы оригинала: XII. Des verités revelées et des Livres divins; XIII Du peché originel; XVIII Des conciles; XIX De la politique, attribuée à quelques papes sur les matières de foi; XXII Du Célibat de réligion.

^{***} Вольтеровы заблужденія, Ц, 180.

то, что не хотатъ подчинаться никакому закону совъсти... Одинь изъ величайтихъ французскихъ кальвинистовъ. Напень, попять и потомъ въ превосходномъ сочинении доказалъ, что первымъ саваствіемъ этой ужасной системы было совершенное назвержение и полное унижение религи. Вольтеръ учить именно тому что возмутило Папеня." * Новоть выражаеть недовольство тамъ, что Вольтеръ просить помилованія сопиніанину или аріанину Ньютону", и удивляется, почему въ каталогъ своихъ святыхъ (Лейбница, Локка, Аддисова) Вольтерь не помъстиль въсколькихъ актеровъ и актрисъ: "они имъютъ такія же права на Вольтеровъ рай, какъ эти еретики и азычники". Нонотъ отражаетъ затвиъ отъ катоминизма упреки въ петерпимости. "Что такое эта нетерпиность католической церкви? (спративаеть опъ). Это са въргость и твердость въ сохранени божественныхъ истинъ во всей ихъ чистоть. Она не можеть измънять божественной истинь, иначе она перестанеть быть святою; савдовательно она пепременно должна отличаться петерпимостію. Нопоть сомпевается чтобъ ужасы инквизиціи были въ самомъ двав такъ велики, какъ они представляются у франпувскихъ писателей; по мявнію Новота, они иногда полезны и даже необходимы: "могуть ли быть какія-нибудь инквизипін слиткомъ суровыми для такихъ людей, которые съ нечестіємъ, болве чемъ адскимъ, распространяють неслыханныя до сего времени проклатія на религію?" Таково содержаніе тых главь которыя московская духовная цензура въ деваностыхъ годахъ Екатерининскаго парствованія не считала приличнымъ печатать.

Уже въ глухомъ Воронежь, семинарскаго наставника, обремененнаго разнообразными педагогическими занятіями, манила къ себъ малоразработанная область науки—отечественная исторія. Съ льтами Болховитиновъ чувствоваль въ себъ усиливающійся интересъ къ положительнымъ и строгимъ историческимъ изысканіямъ. Ему не трудно было убъдиться что онъ не созданъ былъ для повзіи и беллегристики. Только въ школъ позволилъ онъ себъ увлечься писаніемъ стиховъ и заняться немногими стихотворными переводами; онъ считалъ потомъ "счастіемъ", что "со времени выбытія изъ школь онъ

^{*} Nonnotte, Erreurs de Voltaire, Besançon. MDCCXVIII, p. 211.

ве быль повинень въ етикосотрешениями". * Любовь къ историческимъ занятіямъ рано пробудилась въ немъ. Въ 1792 году Болховитиновъ приступиль къ составлению Российской ысторіи. Онъ "думаль ею заслужить похвалу"; эпоха до напаленія Татань на Россію уже откранвалась у него окончательно. Онъ весь быль обложень историческими книгами пріятели, которымь Болковитиновь читаль отрывки изъ своей россійской исторіи, уже апплодировали автору. Но Болховитиковъ скоро понядъ, что вта работа не была ему по сизамъ. что пособія и средства для задуманнаго имъ труда были сантикомъ скудны: опъ пересталъ говорить о своей российской исторіи. Широків записам о полной русской исторіи уступцац въ немъ место более скромнымъ историческимъ задачамъ. Болховитиновъ обратился къ изучению тахъ историческихъ памятниковъ которые управли въ его родномъ городь: она прислушивался ка тама преданіяма которыя еще холили завсь. Въ Воронеже онъ началъ и напечаталъ свой первый историческій трудь: Историческое, географическое и экономическое описание Воронеусской губернии, собранное изъ исторій, архивских записокь и сказаній.

Въ 1800 году послъдовала ръшительная перемъна въ судьбъ Болховитинова, имъвшая глубокое вліяніе на ходъ и направленіе всьхъ его послъдующихъ ученыхъ занятій. Въ 1793 году Болховитиновъ былъ рукоположенъ во священника, незадолго предъ этимъ онъ женился. Говорятъ, что узнавъ объ этомъ, тогдашкій воронежскій губернаторъ О. И. Хорватъ сказалъ другу Болховитинова, Македонцу: "Какъ ты допустилъ своему пріятелю жениться? Ты отнялъ у церкви великаго пастыря". ** Въ 1799 году онъ овдовълъ, дътей его также ни одного не осталось въ живыхъ. Семейное горе глубоко потрясло Болховитинова. Послъ кончины своей жены онъ спрашивалъ себя:

[•] Письма Есгенія ко Городчанинову, стр. 22. Въ посавдствіи Въгскій написаль однако два, три стихотворскія. Г. Саввантовъ (Утро М. И. Погодина, III вып., стр. 876) высказаль предположеніе, что канть: Только певтес солина/красы паписать Волховичиновыть. Это песправедливо: овначенный канть папечытать быль въ Письмосники Курганова (второе изданіе 1777, стр. 260), когда Волковичинову по быле и досяти літь отъ роду.

^{**} Anackii, vs. Boponezeckons sumepamypuons coopuuka, vam. I, osp. 227.

Дая того аи свътомъ авститься, Чтобы мърять жизнь тоской, Чтобы плакать и крупиться И не знать, что есть покой? *

Адаютанть княза Репнина, живтій въ воронежскомъ штвніи его, Репьевіть, П. И. Литке уб'ядиль Болховитинова постричься въ монахи. Посл'ядній исполниль сов'ять своего бливкаго знакомаго ** и сообщиль о своемъ нам'яреніи Николаю Николаєвичу Бантышъ-Каменскому. "Первый систематическій русскій библіографъ" *** уб'яждаль Болховитинова сп'яшить въ Москву. Ученики воронежской семинаріи при прощаніи съ своимъ наставникомъ и префектомъ поднесии ему стихи; они обращались къ покидавшему ихъ учителю съ "невольными слезами":

Мы дунваи, для насъ ты жиль, Мы для тобя, трудясь охотно, Съ свободнымъ дукомъ беззаботно: О сколько жребій сей намъ миль! ****

Получивъ отъ Бантышъ - Каменскаго рекомендательное письмо къ петербургскому архіепископу Амвросію †, Болховитиновъ отправился въ Петербургъ. Здівсь опъ назваченъ былъ 3-го марта 1800 префектомъ Александропевской академіи, а 9-го марта постриженъ въ монашество съ именемъ Евгенія. ††

н. тихонравовъ.

(Окончанів слыдуеть.)

^{. &}lt;sup>•</sup> М. П. Порадина, Утро, III, 875.

^{**} Греть, Перешска Есгенія св Дерубавиния, стр. 210.

^{***} Такъ вазываетъ Баневинъ-Каневскаго Болховичиневъ.

^{****} Ръчь Овеорова, сер. 261.

[†] Crosaps docmonamemuse redes pyechos saura Banzamz-Kanenekaro, 1846, II, exp. 2.

^{††} Чистовичь, Исторія Петербургской духовной академіи, втр. 181.

ЖЕНИТЬБА АТУЕВА

PASKASB.

I.

. Стучави вожи и виаки, раздавался нестройный говорь и восился паръ отъ кушавій. За кухицетерскимъ отоломъ, въ квартиръ г-жи Пфаль, подъ № 7, сидъло около дваднати чедовъкъ посътителей, по большей части людей молодыхъ и еще не оперившихся. Быль уже пятый чась, и всь мьста были запаты. Смерклось и подавали свичи. Роза, пухлевькая, съ ямочками на шекахъ Нъмочка, въ сивемъ подинаасить спенверь и въ фартучкь, услуживала за столонъ. Моаодые моди съ ней заговаривали, иные заигрывали. Роза ни на кого прямо не глядвая, но чногда кокетливо улыбалась ч опускава глазки. Объдъ быль въ самомъ разгаръ, подавали минёмую фарменть phny подъ соусомъ — блюдо для кухиистерскаго стола не совствив обыкновенное. Вдруга въ передней раздался звонокъ, Роза поставила блюдо, побъжала отпереть дверь, и спустя двь, три минуты въ комнату вошель новый, неизвестный козайка посатитель.

Это быль человыкь, повидимому, лыть двадцати шести, невмескаго росту, из сбортукь, из клытчатых брюкахь, из зелотых счких и съ длиними космами волось зачесаннить за уни. Сухощавое, продолговатое лицо его клизу заканчивалась руссю, коротемькою бородкей, не подстриженвою, но очевидно еще не услишемо подрости; усики также были едва замѣтны, только кончики ихъ торчали явственно въ видѣ двухъ запятыхъ; завостренный, продолговатый носъ его былъ недуренъ въ профиль; вообще онъ былъ ни хоротъ, ни дуренъ; сѣрые блестящіе глазки на этотъ разъглядѣли изподлобья, такъ какъ вошелъ онъ нагнувъ голову и какъ будто сконфузившись въ присутствіи незнакомаго ему общества.

— Есть мев место? спросиль онь вполголоса.

Никто не отвічаль, только нівкоторые на него огланулись, и застольный говоръ замітно сталь тише.

Роза побъжала за хозяйкой, передавъ блюдо съ ръпой кому-то изъ присутствовавшихъ, и око пошло переходить изъ рукъ въ руки; сосъдъ сталъ подчивать сосъда.

Пришла мадамъ Пфаль, женщина пожилая, но еще проворная и замътно угодливая.

- Вы немножко опоздали, сказала она; ну, да какъ-нибудь.... Роза! накрой этому господину на ломберномъ столикъ, у окна.... знаеть?
- Не дуетъ? спросилъ молодой человъкъ, и не дождавшись отвъта, положилъ на окно свою круглую шляну, виъотъ съ другими шляпами, шапками и фуражками.

Наковеръ принесли ему приборъ, поставили отулъ и по-

- Что стоить билеть? спросиль онь.
- Сорокъ копъекъ, отвъчала, погладывая въ сторону, Роза, и побъжала за новынъ кушанъемъ.

"Здісь, кажется, не худо кормять, подумаль молодой человікь;—гораздо лучше чімь у этой Панцевской. Гм! ман они знають что я литераторь Атуевь, или чорть внасть что про меня думають; вошель—и притихли. Чего добраго подумали что я шпіонь какой-нибудь.... и какъ нарочно ни одного знакомаго!... Какъ же это Солодовь сказаль мив что ядісь нашь кружокь иногда об'ядаеть....

И Атуевъ сталъ всауниваться въ застольный геверъ. Говорили про Апраксияскій пожаръ; но не про самый пожаръ, а кто гдъ былъ въ это время.

- Я, говориль одинь, —быль въ это время въ Паваовски; долго машина не шла: пожарныхъ инструментова дожидались.
- Какихъ пожарныхъ! Съ какой стати изъ Паваовска въ Потербургъ пожарные инструменты посывать?...

Ha a came of numu trace.

- Да этого быть не можеть!
- Да помилуйте!...
- Да я же ванъ говорю...
- И начинался споръ.
- А я въ это время, говориль другой, у Макаровскихъ въ преферансъ пераль, и какъ нарочно, только что одали ина, и — можете представить, вижу, десять безковырныхы вдругь прибъгають, кричать: пожары! Эдаков насчастье!...
- Ну, а я, сказаль какой-то молодой франтикь съ эспаньйолкой,—я въ это время быль зайсь и Розв куры строиль.

Вев закохотали. Рова покрасивла, съ какою-то жалобиокислою миной поглядвал на франтика и покачала головой.

- Онъ все вреть, сказала она, и опать всв захехотали.

Атуевъ посмотрваъ на сконфуженную дваушку и подуналъ: "туда же красиветъ, а у самой, чай, и очету ивтъ сколько перебывало любовниковъ".

Подъ конецъ объда до слуха Атуева сталь доходить знаконый голось. Кто-то кому-то объдоняль какой-то инстру

— Это очень просто, геворият знаконый голост,—трубочка... другая съ окруменнымъ концомъ... она выдвигается, сто́ить только подавить пруживу, и является остріє; вы можете его поворачивать... очень просто: пятука эта совстив не житрая....

Атуевъ, въ ожиданіи пирожнаго, перекинуль одну руку за спинку стула, вытануль ногу и сталь прислунішваться. Не отолько саный предметь разговора интересоваль его, сколько звуки знакомаго голоса. "Неужели это Тертієвъ", подумаль Атуевъ.

Ему подали пирожное, розанчикъ съ капелькой краснаго. варенья посредина; онъ началъ его обламывать и всть, безпрестанно огламываясь на одинъ косматый затылокъ. "Должве-быть, обросъ; при миз быль отриженный", думалъ Атуевъ.

— Пожалуста, миз кофе покрапче и безъ сливокъ, сказалъ онъ горичной нарочно громко, чтобъ обратить на себя вимению.

Косилтый затылокъ продолжалъ толкопать какому-то блидмему отаричку о пенябимности какой-то операціи, и ни разу не пенернуль къ нему опосій физіономіи.

Кончилея обидъ, иные стани выходить, иные вакуривали

папиросы; комната наполнилась дымемъ и отдывающими послъ объда петербургскими джентльменами.

Наконецъ, къ окну, около которато сидълъ Атуевъ, подошелъ, несомивно за своею шапкой, широкоплечій, на распашку, молодой человъкъ, съ вамъчательно - выразительною филономіей, съ невысокимъ, но выпуклымъ лосомъ, съ большими, темными при свъчахъ глазами, правымъ восомъ, широкими ноздрами и раздвоившимся, гладко заябритымъ подбородкомъ. Это былъ тотъ самый косматый господинъ, голось котораго, какъ какой-вибудъ смычокъ, прошелъ пе душъ Атуева, возбудивъ въ ней страшное желаніе заглануть ему въ лицо (ибо у какдаго человъчьяго голоса певрешъпно есть какое-вибудъ человъчье лицо), и Атуевъ сквозь очки устремилъ на вего глава свои.

- Тертієвъ, это вы? спросиль опъ.
- **... A**

И благообравно-скульствий молодой человых погладыех на Атуева съ суровымъ недоумъніемъ, и раздулъ ноздри; мо вдругъ лицо его озарилось, подъ верхнею губой сверкнуми зубы, и темныя, широко разотавленныя броки приподиваневь.

— Это ты, Атуевъ? Ха, ха! Какини судьбани? Сколько

льть не видались.

- Да сколько летъ? Летъ семь, неого воды утекло! Помиите.... помишь, я поехаль въ Харьковъ, а ты въ академію; пять летъ я пробыль въ университетъ, да вотъ здесь два года.... Ну, что ты поделиваешь?
- Да все eme безъ мъста; что Богъ пошаетъ тъмъ и пробаваносъ....
- Я также что Богь пошлеть. Пишу, знаешь, же развыже журвалахь участвую.
- Молодецъ! Удивительное дело какъ это я не увналъ тебя; ну, и много тебе платить эти редакторы?
- . Да, я въ прошасить году ровно 1.905 рубаей заработаль.
- Mo-o-o-acaeus! eme гроиче и еще весекве сказаль Тертіевъ.

Атуевъ поглядълъ ему въ глаза. Что это значить: "молодецъ!" подумаль окъ; ко это сомивне, это минолетное облачко писколько не помъщало имъ дружески разговориться, вызвать наружу кое-что когда-то обоимъ имъ близкое, но уже въ наотолицио минуту для нижъ обоимъ не только далекое, но и вызываемое-то для того только чтобы надъ ник, какъ надъ чамъ-то ребическимъ, подтрунить, превратить въ шутливое воспоминаніе.

Заментно, оба пріятеля, друзья въ дінстві, товаршщи по гимавій, были рады другь другу; но разставаясь, уже на улиді, ни Атуевъ не скаваль Тертієву гді онь живеть, ни Тертієвъ Атуеву. Даже и вопроса объ этемъ не было. Видво, петербургская жизнь уже устіла наложить на нижь клеймо овое. Свою дружескую встрічу оба сочли ни боліве ни меніве какъ пріятною случайностью, которая тімь только и хороша что она случайность.

II.

Кухмистерскій столь г-жи Пфаль, какъ видно, поправилов Атуеву; онь закупиль у ней нізсколько билетовь и сталь въ урочный часъ являться къ ней объдать, но не каждый день, а раза два, три въ недваю. Тамъ постоянио встречвася онь съ Тертіевымъ, перебрасывался съ нимъ черезъ отолъ словами, сообщаль ему новости: но не оближался съ нимъ. Онъ по двумъ, тремъ фразамъ, пойманнымъ на асту, сталъ полозръвать Тертіева въ идеализмъ, и слишкомъ высокаго былъ о себь миния, чтобы ради какихъто воспоминаній жертвовать чистотой своихъ убъжденій, или близко сходиться съ людьми противовоможнаго лагера. Однажам Тертіевъ быль не въ духв, а между твиъ рвчь заплав о какой-то реценвіи на книгу одного изменкаго ученаго; Тертіевъ, какъ оказалось, только что прочель эту резенцію и сталь на нее нападать; Атуевъ заступился, начался горачій споръ, и туть-то только понамь Атуевъ что спорить съ Тертіевымъ натъ для него никакой возможности. Тотъ на каждомъ словъ сталъ обрывать его, доказываль громогласно что авторъ рецензіц ни аза не смыслить въ естественныхъ наукахъ и не обладаетъ сотою долей той учености какая видна въ книга ученаго автора. Атуевъ надулся и замолчаль.

Посав объяв, когда всв стали расходиться, онъ подсвав къ Тертіеву и сказаль ему:

— Конечно, я не спеціалисть, по у меня есть изв'ястяма идеи, изв'ястяма направленія и.... та статья которую ты обругаль—моя статья.

- А я такъ и думалъ, нисколько не сконфузись, отозвался Тертіевъ.
  - Почему же ты такъ думалъ?
- А потому что будь это чужая статья, ты бы за нее не вступился; у насъ на Руси за чужое никто вступаться привычки не имъетъ; ни кому ни до кого, кромъ своей шкуры, дъла нътъ; до такого братства ны еще не доросли, да врадъ ли и доростемъ; раса такая славянская, грызться за свои личные интересы—первое удовольстве.
  - Такъ ты думаешь, я за себя,—а за мысль...
- Тутъ одна можетъ быть мысль: дай намъ Богъ побольте такихъ добросовъстныхъ ученыхъ и тружениковъ какъ этотъ Нъмецъ; другой мысли быть пока не можетъ; а ты взалъ у него двъ, три фразы, не понялъ ихъ, и поъхалъ....
- Не поняль? перебиль его Атуевъ: такъ я дуракъ потвоему?
- Настоящихъ дураковъ на свъть такъ же мало, какъ и настоящихъ геніевъ. Считай я тебя дураковъ, я бы и спорить съ тобой не ставъ: для дураковъ заковъ не висакъ.... А если ты сердинься....
- Напротивъ, ты заинтересовалъ меня; ты, я вижу, моего поля ягода реалистъ.
  - А ты реалисть?
- Полагаю что "да"; это ты можеть самъ заключить, если прочтешь статью мою подъ заглавіемъ: Послюдніє метафизики. И туть Атуевъ назваль ему тв вумера журнала гдв была пом'вщена статья его.
  - Прочтемъ! сказалъ Тертіевъ, принимаясь за шапку.

Чрезъ недвлю Атуевъ узналъ что Тертіевъ ищеть квартиру и вызвался показать ему двѣ комнаты на Ивановской улицѣ. Тертіевъ принялъ предложеніе, и они вмѣстѣ отправились. Квартира оказалась подходящая: дрова, прислуга и самоваръ отъ хозяйки; аѣствица не высока; два окна на улицу.

Тертієвъ перевхаль на эту квартиру, и Атуевъ сталь посъщать его, сначала редко, потомъ чаще и чаще. Какая была тому причина, конечно, онъ и самъ не зналъ. Самолюбивый, обидчивый, Атуевъ могь переносить только Тертієва, несмотря на то что тоть какъ бы считаль обязанностью своею ни въ чемъ съ нимъ не соглашаться и постоянно его оспаривать. Атуевъ чувствоваль что эта споры дають ему матеріаль и открывають предъ намъ цълую массу такихъ фактовъ, о которыхъ онъ не имълъ понатія. Онъ увидаль что у Тертіева не мало поклонниковъ и сталь дорожить мавніемъ Тертіева, воображая что отъ этого чудака зависить если не вся, то хоть сотая доля его будущей репутаціи.

Тертієвъ же, въ свою очередь, видълъ въ Атуевъ кой-какія стремленія, находилъ ихъ честными, хоть и ни къ чему не приложимыми; чувствовалъ что его пріятель, точно такъ же какъ когда-то въ гимназіи, подчась нуждается въ его правственной помощи, и какъ человъкъ въ сущности очень маткій и добрый, несмотря на свои ръзкости и угловатости, не только привыкъ къ посъщеніямъ Атуева, но и полюбиль его почти такъ же, какъ любиль въ то время когда они вывств долбили латинскую грамматику и мечтали о своемъ будущемъ студенчествъ.

Тертієвъ однимъ изъ первыхъ вышелъ изъ медицинской академіи, но на докторскомъ экзаменъ одинъ изъ профессоровъ, лично къ нему первеположенный, поставилъ ему дурвой баль и такимъ образомъ превратиль въ нуль всё выдержанные имъ изъ другихъ предметовъ экзамены. Трое изъ товарищей Тертіева, тё которые своими усивхами много были обязаны вліявію Тертіева и которые сами признавааись что имъ викогда не догнать его, получили право на зва-ніе докторовъ, а Тертіевъ провалился: излитняя пылкость характера ему подгадила. Это обстоятельство не могло не подъйствовать на Тергієва, онь сталь раздражителень. То думаль заняться чемь-нибудь другимь, сделаться, напримерь, химикомь во преимуществу, и не въ примененіи къмедицинь, а къ фабрикамь да заводамь; то думаль получить какое-нибудь мъсто при больниць, то запяться переводами, то сдвлаться инженеромъ, такъ какъ онъ зна-комъ былъ съ математикой и умелъ чертить. Практики у него, разумъется, почти что не было, и еслибы не переводы да не работа въ журналахъ, онъ могъ бы умереть съ голоду. Вырабатывалъ онъ себъ рублей шестьдесятъ, семьдесятъ въ жени жиль уединенно, даже волокитства не позволаль себь и ни въ комъ не искаль для себя протекціи. "Эхъ! какъ-нибудь проживемъ, земля не клиномъ сошлась," думаль онъ про себя, работаль, въриль въ свои силы, но на свой вторичный локторскій экзамень, по правлі сказать, плохо

надългов, ибо тотъ же самый профессоръ точно такимъ же способомъ могь вторично насолить ему, особливо если Тертієвъ оситантся не по его тетрадкъ на экваненъ отвъчать ему. Но возвратимся къ Атуеву.

Ш.

Атуеву было съ побольшимъ двадцать лать, въ то время когда, после севастопольскаго погрома, въ нашемъ обmecrat navagoch kou-kakoe vucteennoe spokenie, korga правительство приступало къ реформанъ, а все благоденствовавшее при крапостномъ права, все залежавшееся и васпанное съ испугомъ и недоверіемъ встричало эти реформаторскіе замыслы; когда, въ свою очередь, молодое повоачніе, ничего кром'я недовольства и жалобъ не слыхавшее изъ устъ своихъ отдовъ, отаршихъ братій и судьбой притибенныхъ наставниковъ, покольніе, привыкшее съ дітства смотрать на всякую истину какъ на мъчто цензурой запрещенное и, отако-быть, все вапрощенное привыкнувшее считать несомивимою истиной,--ринулось съ юномескимъ уваечениемъ искать ее и вдавайссь въ радужных мечты, какъ насчеть своих собственных силь и вредости, такъ и насчеть быстрой перестройки всего нашего общества: когда россійскій нигилизмъ ваговориль въ одно и то же время съ русскимъ патріотизмомъ; когда каждый кружокъ людей разсуждающихъ и неръдко одна и та же семья представляли собой инсколько отдельных личностей переставших другь аруга повимать и другь другу сочувствовать, однимъ словомъ, въ это знаменательное, каотическое время Атуевъ только что кончаль свой курсь въ Харьковскомъ университеть.

Это умственное броженіе застало вашего юношу, такъскавать, врасплохь, точно такъ же какъ и многихъ молодыхъ людей оно застало ни научно, ни правственно къ нему ве подготовленныхъ. Атуевъ, воспитанный въ домъ зажиточной тетки и своей крестной матери, въ средъ не только религіозной, но и суевърной, и самъ въ глубинъ души своей съ дътства върующій юноша, вдругь долженъ былъ ухватиться за Фейербаха и Бюхнера. Атуевъ, пріученный съ почтительнымъ страхомъ глядъть на каждаго полицейскаго,

такъ-сказать, оз молокомъ всосавній дукъ кротости и повеновенія, вдругь, ни съ того ни оз сего, должень быль принать участіє въ студенческихъ демонстраціяхъ. Пописываний стишки, съ восторгомъ хватавнійся ва все написавнее Кольцовымъ и Лермонговымъ и заучивній ихъ наизусть, вдругь должень быль соглашаться что повзія вздоръ и что искусство не выше савожнаго ремесла, что оно не только не вомогаеть развитію, но будто бы усыпаветь мысаь, изніживаеть, создаєть мечтателей или, что все равно, бездільниковъ.

Въ это время многіе наканува варующіе просывались атенстани; утромъ покаодинки поввін, къ ночи того же дня дальное непавистниками рисмованных строчека, и что ncero ordannee, nukto ne sambuano takoro phakaro, muunus не оправланняю перехода изъ крайности въ крайность, и Атуевъ, повидимому, не быль исключениемъ; овъ вдругь авиаса отридателемъ, и такимъ спокойнымъ и самоувърсинымъ, какъ будто отъ роду онъ ни чему не вършав, или какъ будто отринать ровно ничего не стоить и есть самое прівтное ваватів. Но такимъ опъ только казалев; въ сущности, люди не такъ-то легко отдельняются отъ своихъ первоначальныхъ впечативній, віврованій и образа мыслей, какт это спаружи кажется. Атуевъ, погладывая на образъ которымъ благосковила его покойная мать и предъ которымъ когда-то, во дни его дътства, по ночамъ горбла лампадка, мысленно даваль объть отслужить молебень, если только удачно выдержить онъ посавание выпускные экважены, и конечно, сомъявь бы за это своего товарища, еслибы тотъ не скрыль отъ него своего реацговного наотроенія. Атуевъ въ университеть никого не удивиат своимъ новымъ направленіемъ; напротивъ, иногда провирался; хваля то что другіе осуждали, или осуждая то что принято было хвалить, онъ иногда рисковаль удивить своею отсталостію. Благодаря своей памяти и перепишикамъ лекцій. Атуевъ считался порядочнымъ студентомъ и у накоторыхъ профессоровъ быль на хорошемъ замъчаніи, во учиться какъ сабдуеть ему было некогда: оъ одной стороны одолевали страсти, съ другой стороны-желание играть роль кавалера въ тогдащиемъ харьковскомъ обществъ. Влюбаялся онъ безпрестанно, то въ какую-нибудь барышню, то въ какую-нибудь горничную, и разъ не шутя втюрился въ дъвочку, дочь какого-то отставнаго урядника, обитавшаго

въ одной изъ слободъ, въ собственной казанкой кать. Львочка эта была кровь съ молокомъ и торговала на мосту то мочеными яблоками, то копчеными грушами, и на первый равъ обманула его. Атчевъ назначиль ей свидание, она объшалась прияти и не примла. Этимъ она доказала ему свою правственность и подлила масла въ оговь. Атуевъ не отставаль, покупаль у пей то груши, то яблоки, давая ей четвертаки вибото гривенниковъ, и девочка его полюбила, то-есть CTAAS DOTUXOREKY RABBIUSTE CTO. DOTONE EGDYFE USBERUAR, соплась съ какимъ-то юнкеромъ. Атуевъ въ это время отваъ на себя не похожъ: ревновалъ опъ ужасно, не спалъ по ночамъ, все подстерегалъ своего conepnuka, все котваъ убъ диться точно ли она ему измінила. Разъ отепъ этой дівочки, съдой, коревастый казакъ, пьявый, засталь его ночью на завалинив, около окна своей хаты, приняль его за поджигателя и чуть-было собственноручно, въ потымахъ, не поколотиль его. Атуева спасла темпая, воробьиная ночь, она прикрыма его, дала ему возможность отбиться оть собакъ ч прибъжать домой. Убъдившись въ измътъ своей возлюбленной, Атуевъ чуть не утопился. Спустя два, три дня посяв того какъ опъ пробовать утопиться, опъ уверяль товарищей что пикогда ни въ кого варбаенъ не быль, и что неть еще женщины которая была бы въ силахъ покорить его жельное сердце. Вообще, казаться волокитой онь не стыдился, но казаться ваюбленнымъ ему было стыдно. Въ двадцать латъ опъ уже любилъ корчить изъ себя колодиато сердцевда, иняче сказать, прикивываться иногла Печоринымъ. Я говорю вноеда, потому что, вопервыхъ, мода на печоринство проходила даже BE INDOBURNIANE, U NOTOMY, BOSTOPHINE, UTO DOAL STA CHIAL CHY не по силамъ. Я, какъ безпристрастный разкащикъ, вовсе не намъренъ ни осуждать, ни квалить Атуева; онъ быль не гаупъ, впечатлителенъ и обладаль уменьемъ казаться въ десять разъ учение чимь онь быль на самомы двав. Несмотря на природную наклопность къ праздности, иногда, какъ юноша самолюбивый, онъ порывался серіозно заняться то древними языками, то исторіей, и эти порыванья не остались для его головы безъ некотораго следа и относительной пользы. Но о современных ученіях онь зналь только по сауху. Когда, бывало, кто-нибудь заговариваль при немъ о сепсимонизмъ, фурьеризмъ, коммунизмъ, опъ весь превращался въ слухъ, молчалъ, догадывался въ чемъ главкая суть и уже ка

другой день съ такимъ тактомъ вводнать въ свою рѣчь эти повыя для него слова что, казалось, произведенія Фурье и Прудона были ему извістны какъ свои пать пальцевъ.

Только смине ближайшіе изъ его прівтелей (а онъ выбиpass npistesed usb uccas cambix appobutbixs, syumuxs ctyдентовъ) плохо довъряли его учености: "Ну, молчи, ты," гоbepuar one eny, cyembca tyga ke chopura, a ne shaemb o лемъ різчь идеть!" Атуеву это было ножь вострый; иногда nocat takuxa priveti ona sapupanca goma, penca da kauraxa, BE BRINKAONCAUVECKUNE CAOBADANE, U BCC STO AAR TOTO TOARKO чтобы ври случав отомотить, то-есть навести разговорь на тему ближе всего ему знакомую, только-что вычитанную, и по-DESUTE BUILT RESEARCH RESOURCE ARRESTS PRESIDENCE BY STO POLODIA. Это сму иногае удавалось и какъ нельзя болье тышило его самолюбів. Вы скажете что это маразтанство: да, пожалуй, но это и таланть въ своемъ родь, таланть которымъ обла-MEDTE REMROFIE.... He ASDOME CHYCES ABS FORS NO BELLOCK нев укиверситета Атуевъ съ ногъ до головы превратился въ ретербургскаго шаркуна и не безъ накоторой удали выступаль на литературномъ поприще по части фельстоновъ, журнальных заметок и репеняй. Не даром вашансь и резакторы которые не шутя вообравили что это одина изв самых образованившимх молодых людей, одина иза таха которых не измаеть прикармациать.

Модима идеи от необыкновенною легкостью прививанись из воловъ его; она писаль, и писаль. Не спративайте, въриль ли она сама тому что писаль; зналь ли то о чемь судиль. Кажется, на этоть вопрось ответило время; слава его была вфемерна и недолговременна даже въ темъ кружкъ гдъ на него смотръли какъ на дългеля и гдъ онь думаль блистать.

IV.

Проти около двух леть, Атуевь быль все таким же Атуевым, только лицо его приняло цветь осенняго петербургскаго пеба, да пострадали зубы. Что же касается до его двательности, то опа шла въ гору; перо его уже начивало пріобретать бойкость. Появившійся въ то время романь что для произвель на Атуева потрясающее действіе т. LXXI.

Прочтя его, онъ помель еще далве, онъ решиль что никогда не женится: найдеть жену, но не женится. Она будеть работать въ артели швей, онъ въ артели литераторовъ, и все пойдетъ какъ по маслу. Въ этомъ смыслъ онъ проповъзывалъ и провикался невавистью къ прежникъ писателямъ; до романа Что дълать, говорилъ онъ, нетъ русской литературы. "Блаженъ кто въруетъ, тепло ему на свыты сказаль Грибондовъ, и Атуевъ быль бы совершенно счастливъ, еслибы никто ве сомиввался въ его даровитости. еслибы можно было печатать все что успаваль онь цвогда вычитывать изъ разныхъ контрабандныхъ французскихъ книжекъ, и еслибъ опъ былъ пемпожко ботаче, ибо жизнь, становилась все дороже и дороже, а его потребности все шире и утончениве; онь же любиль комфорть, женщинь, квиги въ богатыхъ переплетахъ, новоизобретенныя лампы, и умывался не иначе какъ самымъ лучшимъ французскимъ мыломъ. Наконецъ, Атуевъ былъ бы счастливъ, еслибы петербургская жизнь, въ видь разныхъ враговъ и недоброжедателей, не отравляла его существованія. Да. Петербургь не быль бы Петербургомъ, еслибь овъ не помяль боковъ Атуеву. Плохо ему было подчасъ, вообще трудно ладить съ потребностями не соотвътствующими комельку, неръдко впадающему въ совершенивищее истощение. То запрещение журналовъ, пріютившихъ его подъ крыло свое, то редакторскіе капризы, то женскія плутки и коварныя изм'яны, то непріятные слухи и какой-то безотчетный страхъ безпрестанно волновали его легко волнуемую душу. Изъ числа его пріятелей. Тертієвъ оказался самымъ надежнымъ, по за то не разъ бъсцав его своею діалектикой и наводиль на вего хандру невообразимую. Сердце его также ныло бользненно; напрасно онъ искаль себъ жены, такой именно какой ему хотвлось. Юныя девицы, даже тв которых онъ считалъ архи-нигилистками, даже тв которыя по-товаришески нисколько не ственялись заходить къ нему, до такой степени безукоризненно вели себя, до такой степени были къ нему строги и холодны, что въ жены ему не годились. Только одна изъ нихъ, и то самая некрасивая, была, повидимому, влюблена въ него, но едва убъдилась что Атуевъ никогда на ней не женится, подразнила его и вышла замужь за другаго пролетарія. Атуевъ написаль ей горькое письмо, продиктованное ему раздраженнымъ самолюбіемъ. Та

показала это письмо своему мужу. Мужъ вступился и наговорилъ Атуеву дерзостей, чуть не поколотилъ его. Темъ и кончилась эта исторія.

Не знаю что бы стало съ Атуевымъ, еслибы не умерла его тетка, крестная мать его, и еслибъ онъ не получилъ телеграммы вызывающей его въ Херсонъ за полученіемъ наслідства по завіщанію. Обрадованный смутнымъ ожиданіемъ впереди чего-то хорошаго, Атуевъ сосредоточился, и только одному Тертіеву сообщилъ что его, чортъ знаетъ для чего, тревожатъ и вызываютъ, быть-можетъ, изъ какихъ-нибудь пустаковъ.

- Что дваать! говориль онь:—надо вхать! Если мив на дорогь вздумается что-нибудь написать фельетонное, пришлю на твое имя; ты, пожалуста, передай кому-нибудь изъ редакторовь, только всякаго вздору не печатай съ моимъ именемъ; главное—деньги, деньги на тотъ случай, если я какъ-нибудь ворочусь сюда безъ денегъ.
- Хороно, согласился Тертіевъ,—папини какую-вибудь госпитальную чепуху, я въ *Медицинскомъ Въотникъ* ее оттисну. А что ты будень дълать съ твоею квартирой? Сдань ее?
- Ивть; знаеть Дуню Сигареву, я ей предложиль на это время поселиться въ моей компать, она дъвушка чествая и.... досадно, никакъ не можеть отыскать себъ ни мъста, ни занятія. Пожалуста, брать, прими ее подъсвое покровительство; не будеть ли у тебя перевода какого-нибудь или переписки.
- Знаю Сигареву.... видаль. А ты ей скажи чтобъ она какъ-нибудь зашла ко мнв.
  - Xopomo, ckaky.
  - Только грамотная ли она?
- Еще бы! Преобразованная давушка! и съ необыкновенного сидой води.... съ необыкновенного!...
  - Вотъ, ты бы на ней женился.
- Эхъ, Тертіевъ, какой ты отранный! Сколько льть меня ты знаешь и не можешь понять что я, какъ политическій двятель, какъ публициотъ, не долженъ обзаводиться ни женой, ни ребятами. Еще Богъ знаетъ въ какихъ трущобахъ я окончу жизнь мою. Но, прощай, однако.... хлопотъ бездна! Прощай! не говори никому куда я увхалъ и зачвиъ. Пустъ думаютъ что хотятъ; даже можешь какую-нибудь утку про меня пустить.

- Ха, ха, ха! засивался Тертієвъ:—я всемъ разкажу что ты бежаль въ Америку, въ южные штаты, стоять за рабство негровъ.
  - Ну, вотъ еще что выдумаль, стоять за рабство!
- Да въдь написалъ же у васъ какой-то естественникъ что негры еще не люди, и что, стало-быть, рабство ихъ есть дъло законное.

. Атуевъ почему-то сконфузилса.

— Да мало ли кто что пишетъ, сказалъ онъ,—какое мнѣ до этого дъло?.... Впрочемъ, ври про меня что кочетъ. Прощай, душа моя.

Они поприовались и разстались какъ добрые прівтели.

V.

Прошац два афтије месяца; въ это время никто почти въ Петербурга и не замътиль отсутствія Атуева, но Атуевъ He MOTE CAUMKONE GOATO AUMATE CTOAUNY CROSTO HOUCYTCTRIN; овъ получилъ наследство, исполнилъ все формальности и ствших обратно въ Петербургь уже не твиъ Атуевымъ какимъ онъ вытакалъ; у него былъ капиталь въ сорокъ четыре тысячи и четыреста десятинь земли въ хероовскихъ степахъ, стало-быть, вървыхъ четыре тысячи доходу. Овъ мечталь уже о новомъ журналь, о редакторствь, о мести тысячахъ подпищиковъ, и вероятно, эти мечты действовали на него благотворно: онъ пополниль, похорошиль, повессанав, даже какъ-то вытянулся, словно выросъ; свежий воздухъ родныхъ ему полей придаль лицу его центь копомеской сенжеоти, давно уже имъ утраченный и не надолго прочный для всякаго, кто на самомъ дълв чего-нибудь добивается среди той умственной и правственной атмосферы которую можно просто назвать петербургскою атмосферой.

Всякаго петербургскаго кабинетнаго человъка поъздка по Россіи не можетъ не отрезвить, освъжая не только тъло, но и умъ, насквозь прокопченный, если не наркотическими, то ужь навърное болотными міазмами. Сила новыхъ, часто грустныхъ и тяжелыхъ впечатлъній не можетъ иногда не поколебать кой-какихъ кабинетныхъ фантазій и убъжденій на нихъ построенныхъ. Дворцы изъ аллюминія какъ-то сами собой

T.

ì.

ы

4

i

E

26

ď

1

ið

13

3

3

вылетають изъ головы посреди безлюдныхъ пространствъ или многолюднаго невъжества; практическая, прочная вить вкрадывается и незамътно впутывается въ обычную ткань размышленій. Но Атуевъ не быль наблюдателемь. Явленія жизви, или быта, или народнаго духа, если на вихъ не указывала книга или статья (да и то не всякая, а окрашенная въ любимый имъ цвъть), не оставляли въ умъ Атуева почти викакого впечатлънія, или очень слабое, то-есть такое, какимъ онъ самъ, безъ помощи своихъ пріятелей или своихъ любимыхъ авторовъ, не могь и воспользоваться. Атуевъ, какъ теоретикъ, не могь переродиться и остался въренъ себъ и своему кружку. Но сердце его ръшительно переродилось, романтическія мечты стали навъщать его, и онъ влюбился.

Ваюбился онъ, наканунъ своего прибытія въ Петербургь, въ одну изъ пассамирокъ, которая вхала съ кумыса изъ Оревбургской губерніи, съ своею помилою и очень чахоточною тетушкой. По цълымъ часамъ молча глядълъ онъ на этотъ строгій, полуримскій, полугреческій профиль, на эти длиныя ръсницы, широкими полукруміями опускающіяся на утомленные, каріе, съ блескомъ глаза, на эти немного сухія и бладныя губы, изръдка насмъшливо улыбающіяся, на этотъ не высокій, но умный лобъ съ золотистымъ пушкомъ около пробора волось идущихъ на затылокъ и тамъ, по-дорожному, скрученныхъ въ одну тажелую, послъ неловкаго сна, до самой спины спустивнуюся косу.

"Аристократка! думалъ про себя Атуевъ.—Съ погь до годовы простота и изящество!... Давно уже не встрвчалось мив вичего подобнаго.... Повзія, чорть возьми! Однако, это дама, а не дівица! Я это сразу замізтиль что это дама. Объ закладь побьюсь что она замужемъ. Что-то такое есть въ ней совнательно-небрежное, самоувіренное.... Непремінно, или молоденькая вдова, или замужняя."

Хорошо что не съ квит было побиться объвакладъ Атуеву; окъ ошибся. Когда окъ съ ней познакомился (его рекомендовалъ ей на одной станціи одинъ знакомый ему молодой человъкъ, Сергьй Сергьичъ), оказалось что она вовсе не замужняя, а дъвица, Людмила Григорьевна Клеверъ, дочь одного покойнаго тайнаго совътника, когда-то ванимавшаго очень видное мъсто въ средъ высшей петербургской бюрократіи.

До самаго Петербурга Атуевъ ухаживаль за ея больною, сухощавою тетушкой, угощаль ее аеденцами, поддерживаль ее за локоть, при входь въ вагонъ; старался занять ее раз-казами, намекаль на свою литературную извъстность и на свое состояніе; мысленно старался разгадать значеніе улыб-ки, которая по временамъ змъилась на устахъ ея племянницы. Когда же вагонъ подошель къ дебаркадеру Петербургскаго воксала, Атуевъ попросилъ позволенія бывать у нихъ, и ему показалось что эта просьба немножко удивила ихъ.

— Мы живемъ очень скромно и почти что никого не видимъ съ тъхъ поръ какъ умеръ братъ мой, но... если вы вспомните, мы будемъ рады... отвъчала тетушка, и при этомъ маленькія изжелта-сърые глазки са заблестъли какъ два лезвія двухъ перочинныхъ ножичковъ и поглядъли на Атуева какъ будто хотъли прочитать на его физіономіи: не шута это вздумаль онъ навязываться къ нимъ на знакомство, или такъ, ради одной дерожной любезвости?

Атуевъ не смутился,—не даромъ же въ двадцать лѣть онъ быль Печоринымъ,—пошелъ нанять для вихъ карету, посадиль ихъ, подалъ имъ ихъ дорожные мѣшки (чуть своихъ не растеряль) и простился съ ними въ увъренности что его сердце уже не принадлежить ему. Многія страсти начинались и начинаются съ такой увъренности. Съвъ на извощика, съ дорожною сумкой чрезъ плечо и съ маленькимъ чемоданчикомъ у ногъ, Атуевъ отправился на свою прежномо квартиру, но не думалъ ни о своей квартиръ, ни о томъ что завтра будетъ онъ дълать. Образъ блъдной пассажирки плавалъ предъ нимъ въ туманномъ воздухъ, гладълъ изъ каждато окна, выглядывалъ изъ каждой кареты, и то говорилъ ему: "какой одна-коже вы дуракъ! воображаете что им васъ примемъ!"...

"А что если мое письмо къ Сигаревой пе дошло, и опа еще пе очистила мою компату", подумалъ Атуевъ, взбиралсь къ себъ на верхъ по витой, чугунной лъстицъ.

Войда въ корридоръ, онъ подошелъ къ дверамъ своей комнаты, нашелъ ее запертою и заглянулъ въ щелку, желая убъдиться вынутъ ли ключъ; ключа въ замкъ не было, и онъ пошелъ за нимъ къ хозяину.

— Все ли благополучно? спросиль онь горичную.

Но горничная оказалась уже не та которая ему прислуживала, и вытараща глаза спросила, "кого ему нужно?"

- Сигарева все еще въ 48 номеръ?
- Не знаю-съ.
- Ла вы давно ли зафсь?
- Да ужь съ ивсяцъ....
- Кто же живеть въ 48 вомеръ?
- Этоть вомерь заперть; тамъ никто не живеть.
- Ну, такъ это я тамъ живу; пожалуета, сходите за каю-
  - Ключъ у ховячна.
- Ну, ступайте, возъмите у хозянна ключь, да поставьте мив самоварь, а буду чай пить. Я Атуевъ.

Войда въ свой номеръ, Атуевъ, къ удивлению своему, нателъ все на прежиемъ мъстъ и на столъ записку слъдующаго содержания:

"Я прожила здёсь три недёли, но вы ничего не сказали мий насчеть цёны, а я забыла васъ спросить. Даромъ жить не кочу, да и козяинъ вашъ дрань, вообразилъ себе что я ваша любовница. Прислуга также самая подлая, да и сосёди, нечего сказать, подлецъ на подлецв. Обидне всего что я не знаю сколько я должна вамъ за три недёли. Пожалуста не вообразите себе что я вамъ обязанная. Когда пріёдите, приходите; гдё я живу—узнайте? у Котиковой, она все тамъ же, на Выборгокой. Ваша книги находятся у ней. Прощайте!

Влагородно! подумалъ Атуевъ, и весьма довольный что јне нашелъ у себя въ квартиръ дъвицы Сигаревой (что могло бы на первый разъ стъснить его), даже и не замътилъ грамматическихъ ошибокъ которыми щеголяло это немножко ръзкое посланіе.

VI.

Атуевъ викому не сказаль что опъ получиль въ наследство деньги. Опъ быль уверень что Тукинъ попросить у него несколько тысячь въ займы на свою библіотеку и не отдасть. Боркинъ втянеть его въ свое предпріятіє, и чего добраго, надуеть; а Зулинъ прямо ему скажеть, что если опъ капиталисть, то опъ скотина, что если онъ вти деньги не отдасть на такое трудовое дело которое бы не одному ему,

а мпогимъ приносило постоянныя выгоды, то онъ свинья, или, что еще куже, измънникъ. Мало того, онъ укажетъ ему на кой-какія выраженія изъ Атуевскихъ статей, и на ихъ основаніи докажетъ Атуеву, что онъ самъ не привнаетъ правъ собственности на такія деньги которыя собственными руками имъ не заработаны.

Атуевъ, чтобы никого не озадачить; остался даже жить въ томъ же корридорв и у того же хозяина, только перешелъ изъ одной комнаты въ двв съ окнами на улицу.

Атуевъ, посътивъ Тертіева, подпаль толки о повомъ журналь, намекнувь что деньги опъ можеть достать, что ему одинъ купецъ объщвася дать на проценты, если только онъ убъдить его что журналь удастся. Раза два или три у Атуева на квартиръ собирались его пріятели и пріятельницы, и толки превратились въ совъщавія: одни требовали чтобы журкаль этоть не быль его собственностью, а изаввался бы на артельномь основаніи (хотя и на деньги занятыя Атуевимъ). и чтобы чистый доходъ съ журнада, по истечении года, жвлился поровну между редакторомъ и постоянямии сотрудниками; другіе увіврали что порядочнаго журнала издавать нельзя-прихлопнуть, и что, стало быть, нельпо приниматься за такое дело; третьи прамо говорили Атуеву: ты, брать, лопнешь; были позубастве тебя, да и связи литературныя у пихъ тоже были не тебъ чета, и то лопкули; это ужь какъ лважин-лва....

Атуевъ спориль то съ твии, то съ другими, то соглащался, то не соглашался, чуть было не поссорился съ двумя изъ числа своихъ будущихъ сотрудниковъ, и въ тайнъ ръшилъ: не издавать усурнала.

Ему же было не до литературы; спустя педвли двв по своемъ возвращени онъ встрвтилъ свой идеалъ, то-есть Людмилу Григорьевну, въ Англійскомъ магазинв, и такъ какъ опъ былъ въ новомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ, поверхъ котораго лежали его гладко причесанные, почти до самыхъ плечъ отпущенные волосы, онъ рвшился подойти къ ней, и съ замирающимъ сердцемъ спросилъ ее о здоровьи ел тетушки, потомъ сталъ помогать ей выбирать кой-какія вещи, въ родв наперстка, ножницъ, тамбурной иглы и т. п.

- Развів вы знаете толкъ въ этихъ вещахъ, спросила его Людмила Григорьевна.
  - Натъ, не знаю, отвачалъ Атуевъ.

- Ну, такъ не мъшайте миъ! сказала дъвушка, и насмъшливо улыбнулась.
- Прівду къвамъ чтобы попросить увасъ извиненія, сказаль Атуевъ, довольно развявно, потому что въ живни его было время когда онъ всячески пріучаль себя къ этой развязности; онъ даже не улыбнулся, боясь чтобъ улыбка его, сопровождая любезность, не показалась ей слишкомъ приторною.
  - А почемъ вы знасте, гдв мы живемъ?
  - А узнаю въ адресномъ стоять, если вы не скажете....
  - Я вамъ этого и ве скажу, потому что вы не справиваете.
  - Скажите!... Я.... я васъ справиваю.
- На Большой Коношенной, домъ Р.... № 11. Впрочемъ, предупреждаю васъ, если васъ не примутъ, это будетъ значить что тетушка не такъ вдорова и принять васъ не можетъ.

Съ этими словами Людмика Григорьевна спустилась оз въстищы и вышла на улицу.

Атуевъ пошель по савданъ ев, но догнать ее и опять заговорить съ ней не решился. Посавднія слова ея его озадичили. "Что это значить? думаль онь; какъ это понять: хитрость это или прямодуміе?" И погрузясь въ такія соображенія, онь долго шель такъ разсвянно, что несмотря на капаи дожда, долго не могь догадаться развернуть зонтикъ и темъ спасти свою новую, только-что въ магавинъ Циммермана купленную шаяну.

Всю вочь окъ думаль что ему дваять и решился быть наотойчивымъ. "Не примутъ разъ, сказаль окъ,—пойду вторично; вторично не примутъ — въ третій, яъ десятый, въ сотый разъ пойду!..." О жекитьов окъ еще ке думаль; ко пообъдить сердце аристократки показалось ему такимъ великимъ подвигомъ, что окъ готовъ быль на все рискнуть лишь бы доститнуть цваи.

Атуевъ быль счастливъ; для чрезъ три ожь быль приватъ у тетушки Клеверъ, и быль поражевъ: квартира была небольшая и очень просто убранная; и тетушка, и племянница были одъты со вкусомъ, но также очень просто. Въ обращени ихъ овъ не нашелъ ничего натянутаго; только въ глазахъ старухи замътилъ пытливость, и въ втой пытливости что-то такое, что придавало маленькому, худому лицу ел, съ товкимъ носомъ и съ товкими губами, злое и въ то же время умное выраженіе.

Атуевъ завелъ рѣчь о литературѣ. Оказалось что тетушка не только не читала послѣднихъ журналовъ, но и читать ихъ не хочетъ.

— Пишутъ, сказала она,—не зная ни человъческаго сердца, ни правилъ приличія; попалась мив повъсть, и до того бевправственная, что я дала себъ слово ничего не читать, развъ вотъ что-вибудь Гончаровъ, или Тургеневъ, или графъ Толстой напишутъ....

Атуевъ вступился за новую литературу и ея реальное направленіе. Оказалось что тетушка очень хорошо понимаетъ что такое реальное направленіе, но къ реалистамъ причисляетъ у Намаевъ Гёте, а у Русскихъ Пушкина!

Атуевъ поморщился. "Экъ ее, подумаль онъ, никакъ въ прошломъ въкъ изволить вязнуть. Изъ какихъ же благь я стану ее отгуда за уши вытаскивать: еще, чего добраго, разсердится!" Атуевъ забыль что ювость его прошла не въ врошломъ въкъ, и что въ семпадцать лъть онъ зналь наивусть и "Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ", и "Я вомию чудное игновенье", и "Буря мтлою пебо кроетъ", и не только зналь наивусть—упивалоя Пушкинымъ.

Господи! Какая отсталость! продолжаль онь думать, и рвшиль щадить старушку, а съ Людинлой Григорьевной поступать такь же точно какъ поступаеть съ нимъ Тертієвъ, то-есть не щадить ся....

Испросивъ у тетушки и у ел милой племанницы позволекіе навъщать ихъ, Атуевъ раскланался и вышелъ довольный своимъ качаломъ. Людмила Григорьевна ему еще болъе понравилась въ этой скромной обстановкъ. "Ну! Върно не очень богаты, подумалъ онъ. А л-то вообразилъ что попаду къ аристократкамъ. Ничего аристократическаго! даже на лъстницъ швейцара нътъ; даже гарданы на окомкахъ не шелковыя; зала маленькая, гостипая еще меньше. А что будетъ, если я посватаюсь! Вотъ будетъ штука-то!..."

VII.

Въ началь октября того же года Атуевъ зашелъ къ Тертіеву, легь у него на клеенчатомъ дивань, закурилъ папироску, поправилъ очки, и помолчавъ, сказалъ ему:

— Дружище Тертіевъ, сообщу тебъ секретъ, одно прескверное обстоятельство!... Тертієвъ ходиль по комнать, также куриль папироску, и поглядываль не столько на Атуева, сколько на его новые брюки съ лампасами, на его цепочку къ часамъ, и на его модный галстучекъ; овъ догадывался что Атуевъ разбогатьлъ, и мысленно прощаль ему эту безвредную фантазію! Излимвее франтовство онъ причисляль къ области фантазіи.

- Какое же такое скверное обстоятельство? сказалъ Тертієвъ.—Гляда на тебя, право трудно подумать чтобы ты находился въ крайности.
  - -- A kennes...
- Почему же ты это называемы сквернымъ обстоятель-
- Да потому что жениться, это.... это.... очень не легко.... Бракъ не только связываеть насъ по рукамъ и ногамъ, бракъ притупляетъ наши способности, дълзетъ насъ эгоистами, филистерами. Фу! чортъ вовьми, какъ подумаетъ.... За ваши эстественныя права, за тъ права которыми пользуются всъ животныя безъ всякаго дозволенія царя звърей, мы отплачиваемся не только въчными обязанностами, отплачиваемся неволей....
- Да что, перебиль его Тертіевь,—тебя насильно что ли нодь вънець-то тащуть, или ты самъ идень? А?
  - Разумвется, самъ иду.
- Такъ зачвиъ же ты идень? значить, тебъ по вкусу это скверное обстоятельство?
- Пожалуста, не привазывайся къ словамъ; я это дело считаю серіознымъ, а ты привазываешься.
- Такъ ты всякое серіозное діло считаєть сквернымъ! Позаравляю! при этомъ Тертієвъ покосился на Атуева, тевельнуть бровью, и повернувшись къ нему спиной, продолжать ходить по компать.

Атуевъ покрасиваъ, также шевезьнулъ бровью (точно овъ не могь этого не сдълать, по законамъ отраженія) и надулел.

- Еслибы ты влюбился, Тертіевъ, неужели бы ты женился? Ну-ка, скажи по совъсти!
- А смотря по обстоятельствамъ. Захотваъ бы около себя двтей имвть женился бы.
  - А развів безъ женцтьбы нельза дітей иміть?
- Если ты не эгоисть, говорю *эгоното* въ симсив бездушнаго себалюбія, которому ни до кого дела петь, то немья,—нельзя ни съ нашими законами, ни съ нашимъ обще-

ствомъ. Прежде заставь общество передълать тъзаковы которыми оно управляется, и ужь потомъ и поступай сообразво съ повыми пачалами. ź.

10

15

J

.

G

:1

21

.

- Передваать общество можно только начиная съ самото себя.
- Ну, и прикоси ему себя въ жертву, а не жену и не дътей. Ты спративаль ли эту особу на которой ты женишься, кочеть ли она быть твоей безъ всякаго вывывательства церкви и государства? Если кочеть, ты, пожалуй, въ правъ... Да и то еще далеко не въ полномъ правъ, потому что ты лишенъ возможности спросить будущихъ дътей твоихъ, котять ли они быть незаконными. Воть еслибъ и они на это варанъе согласились....
- Слушая тебя, иногда, право, не вършть ушамъ своимъ; на все ты найдешь возражение, на все, лишь бы только возражать. Право, заговори я что мий следуетъ, какъ чествому человеку, жениться, ты сталъ бы доказывать мий что не следуетъ.
- И теперь скажу что не савдуеть. Если ты такъ смотришь на бракъ, ищи женщину равную себв какъ по убъкденіамъ, такъ и по силь характера, ибо для того чтобы вывосить на плечахъ своихъ тяжесть узъ не признаваемыхъ обществомъ, нужна сила.
  - А если пътъ такой жепщины.
  - Если пътъ, не женисъ.
- A если я чувствую потребность имъть около себя существо которое бы я любиль, уважаль и такъ далье.
  - То-есть потребность жить семейною жизнію?
  - Ну да, положить, семейною жизнію.
- Ну, такъ не ломайся и не прикидывайся несчастнымъ, если нашлась такая женщина которая можетъ и любить, и подарить тебя семейнымъ счастіемъ. Бери ее себѣ на вѣки вѣчные, храни ее какъ вѣницу ока; няньчи дѣтей; копи деньти на ихъ воспитаніе, словомъ, будь мужемъ и отцомъ. Или тебѣ хочется быть семьяниномъ, не будучи ни мужемъ, ни отцомъ? Ну, въ такомъ случаѣ, донжуанничай,—кто тебѣ мѣшаетъ!
- Твое возраженіе никуда не годится. Вопервыхъ, Донъ-Жуаны выдуманы; ихъ нътъ. Это глупая, поэтическая фавтазія. А если и были Донъ-Жуанм, то наше время не признаетъ ихъ, какъ идеалистовъ пустылъ и вредныхъ. Я хочу

разумной и свободной семейной живни, а ты совътувны миз MANAGEMENT AND LANGE

А что же ты до сихъ поръ делаль? Разве не донжувавичаль? Гдв не доставало красоты, или ума, или ловкости, деньги въ ходъ пускаль. Вспомни сколько ты зарабатываль своими статьями-самъ же говориль-и куда по большей чаоти уходили эти деньги? Изъ всего что ты мий туть наговорилъ, только и можно вывести одно ваключение, что тебъ всю жизнь хочется докжувиничать, и ты боинься какъ бы бракъ не помъщаль тебъ...

- Атуевъ замахааъ руками и подпался съ дивана. Ну, Богъ съ тобой! сказалъ окъ. Я думалъ тебя обредовать, а ты напаль на меня какь на какого-нибудь школьника. Право, мев не до того чтобы съ тобой спорить. Прощай!
- Да ты прежде обрадуй, а потомъ и прощайса. Вотъ чулакъ, думадъ обрадовать мена какимъ-то сквернымъ оботов-TEALCTRONS!

И Тертієвъ засиваєм, удержавь за руку обидививатося Атуева.

- Да, я пе въ духв.
- Я давно, брать, замічаю, что у тебя вутре горить; върно ваюбленъ. Одълся по послъдней модъ и помышляетъ о nogpyrb kusnu.
  - Нечего тутъ помышаять. Я посватался и....
  - И тебъ посъ наклечач? А?...
  - Въ томъ-то и штука что дали согласіе.
- И ты отъ этого не въ духв. Ха-ха-ха! на весь донъ захохоталь Тертіевъ.—Такъ зачемь же ты сватался?
  - Да совствить не то, ничего ты не понимаеть.
  - Да что же такое?
- Да и не увъренъ любимъ ли и; кто ее знастъ. Можетъбыть, просто нужно за кого-пибудь замужь выходить, ну и выходить, благо нашелся дуракь. Эта мысль, одна эта жысаь обидна, терзаеть меня, мучить, спать мив не даеть. Вижу, какая-то съ ея стороны перешительность, какъ будто ова боится чего-то, а вовсе не изъробкихъ, ни... нисколько!! Просто повять не могу.
  - Да kто опа такая?
  - Htkro mademoiselle Клеверъ.
  - Hanka?
- Нать, то-есть, пожалуй что и Наика; мать была Русская, отепъ обруствшій Німець. Тайнымъ совітникомъ быль.

— Значить, помьсь. Ха-ха! это хорошо, это, брать, для приплода ничего лучше быть не можеть. Право. Женись, совьтую. По крайней мъръ ничего лучшаго ты не выдумаещь, хоть ты и донжуанничаль съ нигилистками; я давно, брать, замъгиль, что тебъ калата не достаеть. Право! говориль Тертіевъ развесельна и потирая руки.

Атуевъ опать сваъ на диванчикъ и показался Тертієву че-

ловъкомъ разстроеннымъ.

- Да самъ-то ты любищь ли свою невъсту?
- А кой чорть заставиль бы меня решиться на такой шагь, еслибы не это; не за деньги же я продаю себя, да у ней и въть никакого состоянія; я втрое ен богаче.... Любовь проклятая примышалась, воть что! Удивительное существо, братець ты мой, и что всего глупье, существо загадочное, неповятное. То ласкается, ухаживаеть за мной, а нынче утромъ чуть не оттолкнула. Вто знаеть что у ней на душъ? можеть-быть, и влюблена въ кого-нибудь: и это бываетъ. Развъ это не бываетъ? бываетъ сплоть да рядомъ: одному руку, а другому сердце. Признаюсь тебъ, Тертіевъ, не знаю я ел, совствиъ не знаю.
  - . Да въдь и она тебя не знасть.
- И опа меня не знасть. Впрочемъ, я высказываюсь предъ ней, а опа молчить; я откровененъ, а опа скрытная.... и хитра, должно-быть.... Тетушка тоже у ней есть; опа живеть со своею тетушкой. Свътская старушка, начитанная, но суха тъломъ и суха душой, при этомъ решитозна и совершенная Англичанка, да и невъста моя тоже на англійскую миссъ или леди смахиваеть, на англійскихъ романахъ выросла...
- Что же туть дурнаго; а если это тебъ не правится, отказаться оть дъвушки до вънца никогда не повдно.
- Не могу; вотъ въ томъ-то и штука что не могу; напротивъ, гороплюсь свадьбой. Ровко черезъ десять дней повънчаютъ меня раба Божьяго. Только, пожалуста, Тертіевъ, никому не говори; прошу тебя.
- Болтать о твоей свадьбё не вижу никакой необходимости. Наконець Атуевъ пригласиль Тертіева быть своимъ шаферомъ и въ то же время свидетелемъ. Даль ему свой новый адресъ и простился съ нимъ. Простившись, полетваъ на Невскій покупать подарки.

VIII.

Я, авторъ этого разказа, признаюсь вамъ, былъ очень удивленъ, когда услыхалъ что у Атуева есть невъста, и что эта невъста не только не похожа на нигилистку, по, о ужасъ, ходитъ, смотритъ, говоритъ и даже одъвается какъ свътская дъвушка.

Невъста Атуева, Людмила Григорьевна Клеверъ, была во всъхъ отношенияхъ дъвица благообразная, благовоспитанная и благовравная. Глядя на нее, мнъ почему-то казалось что за нее непремънно посватается или генералъ, или статоъсекретаръ, или племянникъ какого-пибудъ министра, и что рано или поздно, а ужъ бытъ ей высокопревосходительною. Могъ ли я даже вообразить, что она выйдетъ замужъ за Атуева! Вотъ какъ все на свътъ обманчиво, и какъ мы легко опибаемся.

Аюдицав Григорьевив быль уже двадцать четвертый годъ и она казалась выдержанною, серіозною и даже скрытною дьвушкой. Стройная, бавдная, съ золотистыми искорками въ большихъ карихъ глазахъ, внимательно строгихъ и задумчивыхъ, она на столько же способва была внушать страсти. на сколько и гасить ихъ своимъ немного сухимъ, постоянно сдержаннымъ обращениемъ. Какая-то мягкость и даже доброта, разлитая по всему ея мину, не исключала того серіознаго выраженія которое сразу говорило вамъ: "я не гаупа, со мной не шутите," и когда она сменавсь, это быль дурной знакъ, это значило что въ васъ, въ вашихъ речахъ. манерв, токв голоса, Людиила Григорьевна подметила чтото такое смешное, чего вы свии въ себе никакъ не заметите, будете думать, думать, чему это она смеллась, и только покрасивете съ досады. Она не была явною насившницей, но это-то и бъсило многихъ; не она, ся глаза, ся губы казались насывшливы, и на сколько вамъ пріятно было съ ней бесъдовать, когда она была холодна и спокойна, то-есть не казалась ни слишкомъ любезною, ни слишкомъ веселою, на столько становилось жутко, когда она глядвла вамъ въ глава и ловила каждый звукъ вашего голоса. Въ эти минуты какъто не вършлось са веселости. "Это не даромъ она такъ смъстса, думали молодые франты; это не даромъ, о! знаемъ мы."

А что знаемъ? въ этомъ никто изъ этихъ щекотливосамолюбивыхъ юношей, которые за ней ухаживали, не могъ бы отдать себъ никакого отчета, ни малъйшаго.

Покойная мать ся была женщина очень добрая, но пустая и апатическая. За то отець, тайный совътникъ Григо-рій Ивановичь Каєверь, быль человъкь для своего времени замечательный. Онъ, сынъ какого-то оптика изъ Риги. самъ пробиль себъ дорогу, вавель свяви, и къ 60 лътамъ очутнася на высокихъ ступеняхъ административно-бюрократической афстницы, съ двумя звъздами на груди, и не безъ вакотораго вајянія на своего министра, бывщаго своего ученика (въ ранкей молодости онъ даваль ему уроки намецкаго авыка и математики). Гордъ овъ быль и ваносчивъ ужасно, но быль и справедливъ; умъль давать щелчки по носу тамъ кто старался планить его своею угодливостью. цаи, по его собственному выражению, хвостомъ видяль, и награждаль скромныхъ, едва заметныхъ тружениковъ своей каппеляріи: редкій изъ нихъ подъ его начальствомъ не по-AVVAAT KE DDARARUKAME HAIDAARMEE ACHOIE, U CIO ADGUAU. Только что стала подростать дочь его, онъ пригласилъ къ себъ въ домъ сестру свою Клару Ивановну, въ то время кавсеную даму въ какомъ-то институть, и поручиль ей аражайтей половины, не балуй сл. ноя дражайтая половина ничего въ воспитаніи не смыслить, довольно съ вед и того что я ее въ генеральни выволь"... И Клара Иванов-HA DEBROCTRO DDURAGACE BS BOCHUTARIC CROCK DAGMARKEDE: она благоговъла предъ своимъ братомъ и на перемонной ногь стоям въ отношени къ жень его, которую не мобила за то что, по ел мизнію, она не довольно цінить великій умъ Григорія Ивановича и не гордится его высокимъ положеніемъ. На попеченіи матери оставался другой ребенокъ, Аркама, родившійся спустя шесть літь посль старшей сестры своей. Овъ еще не минуеть рукъ моихъ, думела Клара Ивановна, и искаючительно посвящала себя воспитанию своей племяницы, какъ бы предчувствуя, что леть черезъ десять она заменить ей мать и отпа, будеть са саинственною матерью.

Григорій Ивановичъ жиль на тирокую ногу, проживаль почти что все что получаль, тысячь пятнадцать въ годь, даваль иногда обеды, держаль экипажь, больтую прислугу, и надвялся въ будущемъ не столько на пенсіонъ, сколько на вренду которая была ему объщена. Большая была у него квартира, и что всего замъчательные, въ его передней была полка съ образами, и предъ каждымъ праздникомъ горъла предъ ними лампада и восковыя севчи. Будучи самъ лютераниномъ, онъ строго следилъ за темъ чтобы люди его собаюдали посты и ходили на исповедь. По службъ онъ по-кровительствовалъ Немцамъ, вне службы казался Русскимъ съ головы до пятъ; дома даже не говорилъ по-пемецки, даже иногда слово "Немецъ" въ ругательномъ смысле употреблять любилъ.

На 60 году потеряль онь жену свою; на 67 году, при перемымы министра, Григорій Ивановичь получиль какой-то афронть по службів, погорячился и подаль просьбу объ отставків вы надеждів что ся не примуть; но враги восторжествовали, Клеверь быль отставлевь. Это потрясло его; онь не могь уже жить безь того чтобы курьеры не стояли у него въ передней, чтобы министры не подавали ему руки, чтобы подчиненные не расписывались у него въ Новый Годь; жить безь подчиненных для него значило не жить. Выбото арейды дали ему при отставкі владимірскую звізду и 2.000 пенсіи. Взятокъ онь не браль и очутился въ довольно стіснительных обстоятельствахъ. Не прошло двухъ літь после втой неочастной для него отставки, онь заболіль и умерь.

Тетушка Клара Ивановна нанала небольшую квартирку, сократила расходы, но не бросила свыта. Когда Людмиль стукнуло 18 лыть, она стала иногда вывозить ее на балы и принимать визиты молодыхъ людей, увлекавшихся глазками Людмилы Григорьевны.

Замъчательно, что до двадцать мътъ Людмила Григорьевна маогимъ вскружила голову, много выслушала признаній, но микто еще ви разу не просиль у ней руки ея. Когда Атуевъ встрътился съ ней въ Англійскомъ магазимъ и проводиль ее съ лъстницы на улицу, она подумала: "ну, если и этотъ не посватается, значить я никогда не выйду замужъ."

Не приди ей въ голову эта мысль, быть-можеть, Атуевъ не получиль бы такъ скоро ея согласія. Атуевъ же, какъ бы на зло всімъ своимъ убъжденіямъ, посватался за нее прежде чъмъ признался ей въ любви своей; это также помогло ему. Признаніе въ любви она бы встрітила или холодно, или

T. LXXXI.

Digitized by Google

Pycckin Bacrauka. пасмышливо; она уже не разъ слыхала ихъ за мазуркой; но предвожение она приняла не безъ тайнаго страха, не безъ волненія, не безъ краски въ лиць; но все-таки приняда, потому что Атуевъ не быль противень, и потому ито тетушка раскусила его на столько что подметила въ немъ доброе сераце и накоторию порядочность, на при под повед и

Z

6

'n

ì

ij

.1

3

.1

ŀ

-1

ŧ

Į

þ

ŧ

i i

Давушки вообије бывають двукъ, сортовъ; одна врбать не дначе какъ безумно, примешивають, къ мобви, своей ромадическія мечты и всевозможныя фантазін, пробять нервако наперекоръ всемъ враждебнымъ ихъ чувству обстоятель-_ствамъ; другів, напротивъ, начинають любить, только дугав, когда къ любви ихъ применивается чувство долга. Людинав "Григорьевна рринациежала къ разряду, просевдицъ. Ату-,евь, мой женихъ, подунала она, и полюбила Алуева Очень "можеть быть, что въ его манерахь, въ выкт доб отрасть, которой она уже, не одерживаль когда, бералвал, дъздей ваединь, въ его преврзиви ка разпыма приличими, въ его "жоданын цанатыса и демократомы, и передовымы человыкомы, - и, рамфиапемины пролицентом тугородом двидам фанарам дви (дабавнаго, но Дюдинав: Григорьския уже но улыбалась на--стріпацьо, когда тудська сму прано на грава част порцав каж--дый авукъ-его голова. Неоподра на постолованова Ажепватитть чить было два ревстроилавы, плато было писнео въ тоть день, когда онь ныль серднемь и беседоваль съ Тор-Тегушка Кара Пречоч в часела и обольщы ко**личерк**у, whirm a partoga, to elffound, order Home Round er kirno is abril, ola erosa alteria marolita en la ficha a им в видина в видина во соды о в видина, в вис Хвис Хвин и видинии

Людуныя Григорыевлы. .::Одражды упроит, Глосив ванграка, Доздина: Григораевна осидбив: въ гостиной гу естолика и чтосто пика, призко накаоживь! валь іработой свою толому Вь обыой, словно чав юлоповой, костин выпоченной рукв: са/быстро мелькага ргаз; очеркъ стройной теп уходиль подъ сы кружевной воратиччокъ и на груди замъкался кораловою броткой. Профиль ся казася, серіозпро обыкновеннаго; поррака ел рисипры піжеao, kaka din nexota, nogrumanuch, a dominie raasa kaka-vo особенно пристально поглядывали на Атуева. Атуева быль

Въ той же компать, на ручкъ креселъ, около окиа, сидылъ Аркаща, брать его невъсты, юноша 17 льть, тоговищійся

поступить въ студенты, очень красивый, такъ же какъ и сеепре едо, на вида веська осріозный, ва сущности же очень жетраный и недесекій жалый; отт доснящейся головы его пах-40. realberdonours :: ohr doranterate to be deed be yauty, to на Атуева. Атуевъ уже цълый чась какъ проповъдываль.

. — Сифи, дунать, довордав овъ между, прочимы, что свобода орть одно взя первых условій всякаго союза между мусма и ведала его Людучаф Григорьск припримен. и Вониш ги подрамена, Григорьенна и мона, согласилась ст втою общевыган вотг т. kr., годимаеция Патка у э~~доргруп монтовие~~

— Кто же насъ можеть заставить любить другь, друга, если ны какъ-пибудь, когда-пибудь, другь друга разаюбимъ,

Людицав Григорьевна погладавля на споего жениха такъ, какъ будто чего-то испуганась; но ато было, одно муновение пальчики ся такъ же ровно и такъ же быстро передергивале иглу.

— А вы не допускаете ревности? спросидъ сто будущій

– **А вы, молодой человфкъ, вы**кее допускаете? ... Н. истана при не подобрана в при не при

..... И вы никогда не доджны са попытывать; это унивительное, отвратительное чувство. Я не понимаю даже кака могь Пекспиръ ожисстись къ нему такъ серіовно. Помните это-го несчастнаго Отелло? Возмутительно! я бы никогда не позвения, себф написать, такую трагедію. Впрочень водиренена капрапства возножны и такія сцены, и такія драны. Въ наще время серіозные дюди понимають, что трагическій конепъ есть саваствіе предразсудковъ опутавших нашу кизнь.

Отрасти не предразсудки тихимъ голосомъ, и какъ бы
запнувшись замічила Людима І ригорьевна.

Атуевъ поправиль очки, сложиль кончики своихъ немного
растопыранныхъ пальневъ и продолжалъ.

растопыренных разьцевъ и продолжалъ.

- Я не противъ страстей данныхъ намъ самою природой, но противъ твхъ страстей которыя привида намъ ложная и показвициная насъ пивилизація. Поглядите на животныхъ, ревнують ли они когда нибудь? Да-а-асъ! разумъ рвніштельно этого не допускаеть. Если васъ не любить женщина, жай измънила вамъ, пикакая отелловская ревность не поможеть. ставъ опять въ окно глядеть.

Подитическихъ страстей также пътъ у животныхъ, не

поднимая глазъ, заметила Людийла Тригорьевна. Кажегся

мнь, что и публицистовъ нътъ.... Впрочемъ, можетъ-быть, я опибаюсъ.

À,

ĩ

7

45

1

31.3

u

Атуевъ смутился, какъ будто кто-нибудь въ него выстрълилъ. Улыбнись только при этомъ Людмила Григорьевна, и ея слова поразили бы его окончательно; но она не умыбылась и продолжала работать.

Атуевъ уже собирался съ силами чтобъ отвъчать и уже сморщиль лобъ, какъ вошла горничная съ какимъ-то шитъемъ и подала его Людмилъ Григорьевнъ. Та потлядъла на работу и стала учить ее: "ты это здъсь промечи, а нотомъ загни вотъ такъ, понимаешь? Нитки у тебя есть?"

— Есть еще.

— Какой померъ?

Горничная сказала какой номеръ.

- Тоть самый который я дала тебъ?
- Тотъ самый.
- Ну, хорото, ступай.

Горничная вышла.

Атуевъ пришелъ въ себя и началъ:

- Ваше возражение было очень мътко, но не попало въ пъль. Политическия страсти также искусственны; будетъ время когда и ихъ не будетъ.
- А долгъ искусственъ? перебила его Людиила Григорьевна.
- Какой долгъ? долгъ власти, или долгъ покорности?... Вотъ вы умвете шить лучше вашей горничной, и она васъ слущаетъ; я, положимъ, знаю химію лучше васъ, вы меня непремвично будетъ слушать, если вздумаете учиться, то-есть покоритесь моему знанію. Какой же тутъ долгъ? Кто кого въ чемъ слабве, тотъ тому и повинуется. Не правду ли я говорю, Аркаша?

Арката покачаль ногой, и обернувшись къ Атуеву, про-

говорилъ:

- Разумвется кто слабве....
- И все это очень просто, безъ всякихъ романическихъ бредней. Вы также дъвутка положительная, реальная, не мечтательная дъвутка.

— Будто ужь вы никогда ни о чемъ не мечтаете?

— Никогда, чуть было не сказаль Атуевъ, но это уже и самому ему показалось слишкомъ реально. — Да, иногда, въ хорошемъ расположении духа, почему же и не помечтать!

Это даже полезно: мечты, это умственный моціонъ, и когда нать никакого дала, почему же не прогуляться; но это еще не значить быть поэтомъ или мечтателемъ.

- Вамъ, замътила Людмила Григорьевна, нынче было какъто особенно пріятно мечтать о непостоянствъ, воображать себя человъкомъ непостояннымъ, и ел губы въ первый разънасмъщаво улыбнулись.
- Вы думаете? Напротивъ, я былъ бы мечтателемъ, еслибы вообразилъ себя постояннымъ, но я не Германъ, а вы не Доротея; для буколической жизни мы не годимся. Теперь я васъ любаю и глубоко, искренно любаю, а буду ли любить васъ черевъ три, четыре года, не знаю. Я могу влюбиться, вы можете влюбиться, и если за вто отвъчать, такъ придется отвъчать и за лихорадку, и за горачку, и за ревматизмъ; никто въ втомъ невиноватъ и виноватымъ быть не можетъ; по крайней мъръ, я этой вины не допускаю. На этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны.

Людицла Григорьевна побледнела и перекусила нитку, по казалась совершенно спокойною.

Будущій студенть взяль свою тотландскую тапочку, провель рукой по волосань и вытель.

Атуевъ подсваъ къ своей невъсть и замодчаль. Кровь его прихлынула къ серацу, и мозгъ потеряль способность, повторяв чужів слова и мысли, поучать и спорить. Онъ сталь любоваться красотой дъвушки, наконецъ тихонько обняль ее и хотьяъ поръдовать.

Она уронила работу, обернула къ нему бледное лицо свое, и стала глядеть ему въ глаза, какъ бы разглядывая или желая прочесть въ нихъ что-то не совсемъ ей понятное или загадочное. Въ расширенныхъ зрачкахъ ея светилось недоумение; къ щекамъ сталъ медленно приливать румянецъ.

Когда же наконецъ губы его прикоснулись къ щекъ ея, она слегка подалась назадъ, что-то хотъла ему сказать, но не сказала, только приподняла руку, какъ бы желая на этотъ разъ защитить себя отъ его страстной ласки.

Атуева огорчило это невольное движеніе.

— Вы меня не любите? спросиль онь робко, и сложа на груди руки, повысиль голову.

Людиила Григорьевна продолжала молчать, только потупиза респицы и покраснела сильнее прежнаго.

— Вы не хотите говорить, не хотите отвичать мий?

— Я ныиче не расположена говорить.... завтра....

- HTO As and its hand? But mens ingraere. The common of the original Hudgero, gattre mits nogyment, inpuxogure sampa....
- BE KOTOPOME MRCY? COME AND COME AND COME AND COME AND COME TO A SECRET PROBLEM PAGOTA, A COMEN, A COME
- Нътъ, не то я котъла вамъ сказать, но ланиче у мена голова болитъ .... Прощайте.... в сестоя в станите вы --
- Опова общить проценте. Продение. Пр

To ividia Vpuropoesi, a no lidia di a u liepelipendi, il idip no schalaro cerepmento enologia wo.

Пуд цій этуденть взикь з вою шотки докую жало ку, прэ-

Terymka Kaapa Ивановна, разъ рвінцатись выдать замужь свою племяницу, уже не мвіналась вы беседы жениха и нев'юты, знана что са присутствіє бужеть ихъ отвенать, и всякій разъ, когда приходиль Атуевь, удалялась вы свою компату.

Съ остаткомъ легкихъ въ груди и изръдка покативая, захоточная и сухопарая, она не могла ни на минуту бытъ безъ дъла, была еще бодра, по не теряла ни остроты глазъ, пи остроты своей памяти. И нельзя было не дивиться ея умънью, не прибъгая ни къ баловству, ни къ ласкъ, заслужить не только любовь, но и поливитую довъренность молодой дъвутки. Людмила или Людя спокойно выносила воркотню ея и по-прежнему довъряла ей все, не исключая даже тъхъ признаній въ любви которыя ей приходилось когдато выслушивать. Старая дъва, къ счастію, была безъ всякихъ предубъжденій противъ замужества и очень была рада видъть Людмилу влюбленною въ своего жениха, хотя мысленно и удивлялась ей. "Ну ужь," думала она про себя, "нашла сокронице!"

Въ это утро Старуха не не слыхала ихъ разговора; она

сидна въ креслахъ съ чулкомъ въ рукахъ, шевелила стальными спицами и въ то же время читала какую-то англійскую квигу, развернутую на ея кольняхъ. Людмила Григорьевна, простившись съ женихомъ своимъ, посидъла съ полчаса въ гостиной, глядя въ потолокъ и ничего не дълая, потомъ встала, пошла къ теткъ, и постоявъ предъ ней, сказала:

- Знаете, ma tante, что я скажу вамъ?
- Что такое? спросила тетка, взбросивъ на нее маленькіе блестящіе глазки, которые многіе находили ядовитыми. Мигомъ поняли эти старые глазки, что племянница подошла къ ней не съ темъ чтобы спросить ее какое надёть платье, или пожаловаться ей что горничная прескверно выгладила рукавчики.
- Я ему откажу, чуть не шепотомъ сказала Людмила, потупась, и глаза са не знали куда имъ глядътъ: на тетушку, въ пустой уголъ, или себъ подъ ноги.
  - Что такъ? сухо отозвалась старуха.
- Да такъ; мы не сходимся въ образъ мыслей. Онъ не признаетъ ни брака, ни долга, ни обязанностей, даже ревности не признаетъ.
  - Ну, что еще? спросила отврука.
- И вообразите что еще говорить! Говорить что я, вытедии замужь, могу влюбиться и любить кого мив вздумается.
  - Hy, a еще что?
  - Да ужь, кажется, чего же больше!

При этомъ Людина Григорьевна развела руки и еще ниже потупилась. На губахъ старухи появилась усмътка; руки съ чулкомъ опустились на книгу.

- И ты ему въришь? Эхъ, ты!... Да мало ли что онъ говорить, а ты ужь и уши развъсила. Кажется, матушка, не въ заперти жила, а ума не нажила еще. Вонъ тотъ, который носъ-то откусилъ у жены своей, тотъ чай и не то еще городилъ своей невъстъ.
- Такъ какъ же вы думаете, ma tante? помолчавъ, спро-
- Да нечего туть думать, матушка. Все вздоръ!... Ревности не признаеть, а намедни какъ съ Сергвемъ Сергвичемъвышаа ты въ другую комнату, такъ покоробило его всего, точно на иголкахъ, усидъть не могъ.
  - Неужели? съ полууситикой проговорила Людиила, и

щеки ея покрылись румянцемъ. Точно отъ насмъщливыхъ словъ старухи начали таять и распускаться все ея страхи и недоуменія.

- Вздумала отказывать! продолжала старуха, откашавьшись въ платокъ.—Я дышу, мать моя, на ладанъ; не нынче, завтра Богу душу отдамъ, а она вздумала отказывать. На твоего вътренника брата я плохо надъюсь; не скоро онъ наживеть что-нибудь. Думаю, что еще и твое добро проживеть. Тяжело тебъ будетъ. Отъ прежняго родства мы отстали; въ свътъ друзей не нажили; умри я, куда ты пойдешь? Къ дядюшкъ что ли твоему, картежнику? Онъ и брата-то твоего въ конецъ испортитъ. Нашла поводъ отказыватъ. Влюбленъ въ тебя, и сама, небось, влюблена! Отъ тебя, матушка, зависитъ, чтобъ онъ, женившись на тебъ, не разлюбилъ тебя. Ты не глупа; передълай его по-своему; всакаго мущину умная женщина передълатъ можетъ.
  - Вы думаете, ma tante?
- Мущины краснобаи, говорять такъ, что подумаеть орель парить.... а ужь ты и струсила!... Въ ужасъ пришла!... Ну, откажи, это отъ твоей воли зависить.

И старуха поднала съ колънъ свой чулокъ и начала попрежнену, потряхивая тюлевымъ чепчикомъ, шевелить стальными спицами.

Людмила, помолчавъ съ полминуты, засмъвлась, и этотъ беззвучный смъхъ привакъ на губахъ са насмъщливое выражение. Видно, это выражение по наслъдству перешло къ ней отъ са же тетушки.

- Знаете что, та tante? Окъ просто котваъ пощегодатъ предо мной своими новыми идеями и нарочно выбраль такую минуту, когда братъ мой быль. Захотвлось выигратъ въ его глазахъ.
  - Давно бы такъ, мать моя, догадаться.
- Понимаю, хорошо же! весело заключила Людмила Григорьевна, и поцеловавъ свою умную тетушку, воротилась на свое прежнее место въ маленькую гостиную и опять приналась за свою работу.

I.

ь

Ţ

XI.

Людица Григорьевна и тетушка ел, Клара Ивановна, ръшили между собой не посылать свадебныхъ пригласительныхъ билетовъ, вопервыхъ, потому что многія такъ выходать замужь, то-есть экспромптомъ, вовторыхъ, потому что партию эту объ онъ не считали блистательною. Атуевъ не принадлежаль къ тому петербургскому кружку въ которомъ врещалась иногда Людмила Григорьевна: онъ не быль ни особенно богать, ни особенно извъстень. Тетушка Клара Ивановна уже справлялась кой у кого насчеть Атуевской знаменитости, оказалось что вив его кружка даже имени его никто не слыхаль. Наконець, Людмила Григорьевна сама настолько знала свять, что не разчитывала на прежнія связи и на прежнее вниманіе, выходя замужъ за человъка не только темнаго, но даже и не чиновнаго. Атуевъ на вопросъ тетупки: "гдв вы служите? отвъчалъ: "я членъ Географическаго Общества. Наконепъ, выходя замужъ, Людмила Григорьевна не жалела о свыть, леданоме и безпощадноме, какъ выразился Лермонтовъ. Она одного только желала, и желала отъ всей души: умпаго, двятельнаго мужа и безмятежнаго семейнаго счастія, по крайней мере на столько, на сколько возможно это счастіе. Атуевъ же до такой степени поколебаль ся увъренность въ прочность семейныхъ началь, высказывая ей свои убъжденія, что она нісколько разъ порывалась воротить ему данное слово и не была увърена состоится ли свадьба.

Совершенно по другимъ причинамъ, Атуевъ тоже никому не говорилъ что онъ женится. Законнымъ бракомъ онъ думалъ себя скомпрометтировать, уронить себя въ глазахъ тъхъ юношей которые, по его собственному мнанію, привыкли варить ему какъ оракулу; онъ боялся сплетень, предположеній, догадокъ и пр. и пр....

Никто не зналъ где онъ нанялъ квартиру и съ какимъ вкусомъ ее отделалъ; но тайна все-таки разгласилась, по випъ самого Атуева. Дернулъ же его чортъ пойти къ редактору и попросить его быть посаженымъ папенькой. Редакторъ вытаращилъ глаза, разставилъ руки, отказался, на томъ основании что самъ былъ несчастливъ въ супружествъ, и сказаль, усмъхаясь, что не хочеть, какъ человъкъ несчастный, повліять на судьбу его. Атуевъ никакъ не могь понять, отчего человъкъ, у котораго такой роскотный кабинетъ, такой экипажъ, — несчастный! Онъ потупилъ глаза, извинился что такъ не кстати побезпокоилъ его своем просьбой, и редакторъ, какъ человъкъ великодушный, снисходительно извинилъ его. Сходя съ лъстницы, сконфуженный Атуевъ проговорилъ себъ подъ посъ: "Ну, слава Богу, отказался! Еще, чего добраго, подумали бы что это подлость съ моей стороны, чортъ его возьми совсъмъ!"

Но подумаль ли Атуевь о томь, что небезызвыстное редактору не можеть оставаться тайной для редакціи, что у редакціи есть не мало родни и цылый легіонь такихъ личностей обоего пола, которыя относятся къ ней какъ провинція къ столичному городу, или какъ губернскіе чиновники къ сплетнямъ губернаторши. Этого онъ не подумаль и безконечно быль удивлень и овадачень, когда, въ назначенный день и часъ, выскочивъ изъ кареты и въ сопровожденіи посаженаго отца войдя въ церковь, гдѣ уже все было заранье готово чтобы повънчать его, онъ засталь порядочную кучу народа, и въ этой кучъ разглядъль физіономіи своихъ пріятелей и пріятельниць. Атуевъ смутился и мысленно прокляль себя за то что, какъ нарочно, въ посаженые отцы себъ пригласиль дядю своей невъсты, генеральскою осанкой.

Дьячокъ зажигалъ севчи; пъвчіе занимали правый клиросъ и откашливались; священникъ былъ въ алтаръ; толпа шушукалась, и сотни глазъ глядъли на Атуева, какъ будто въ этотъ день, въ этомъ фракъ и въ этомъ бъломъ галстукъ, онъ уже не Атуевъ, а владътельный принцъ или японскій посланникъ.

Атуевъ узналъ и Дуню Сигареву, и дъвицу Кудревичъ, и дъвицу Младову, и г-жу Барабанову, и Петрова, и Сласова, и Нимаева. Тергіевъ былъ также туть и тотчасъ же позваль его въ алтарь къ священнику.

Атуеву почему-то казалось что девицы и дамы глядять на него какъ-то особенно насмешливо, а юпоши серіозно и какъ бы снисходительно. По выходе изъ алтаря, не безъ волненія прошелся онъ отъ налоя къ дверямъ, отъ дверей къ налою, пожимая руки своихъ знакомыхъ, и мелькомъ, какъ бы съ затаеннымъ страхомъ, оглядываясь на рядъ иконъ,

какъ будто очи святыхъ могли разглядьть и понять въ душь его тоть сумбуръ, въ которомъ никакой психологъ ничего бы понять не могъ. На видъ онъ былъ, конечно, не только спокоевъ, по даже улыбался, какъ бы говоря: "Пожалуста, глядите, какъ я надъ собой смъюсь! Пожалуста, смъйтесь", а между тъмъ, была и такая минута, когда ему вдругъ почудиюсь что онъ пришелъ на свои собственныя похороны, и дрожъ пробъжала у него по спинъ.

- Не правда ли, пожавъ плечани, сказалъ овъ одной дъвицъ:—не правда ли, все это какъ-то дико? Византію напониваетъ. Плачу дань обществу, сказалъ овъ другому еще моводому малому, но уже съ лицомъ пожилаго профессора.
- Плати, брать, плати! проворчаль тоть сквозь зубы.
- Видить, генераль.... это родственникь мой дальній, назазался ко мив въ посаженые; думаль ли я что моя свадьба, не лучте иной купеческой, не обойдется безъ генеральской ленты? Воть оно что значить иронія-то двйствительности! кому-то на ухо поясняль и оправдывался Атуевъ.
- Мы слышали, пролепетала ему одна гувернантка, дъвица среднихъ лътъ, черноглазая, смуглая, со въдернутымъ посикомъ и подвижными бровками: — мы слышали что невъста ваша аристократка.
- Фи! возразиль Атуевь: за кого вы меня принимаете? Она такая же аристократка какъ и вы....
- Никогда, никогда не пойду я замужъ, прошелестила амыми губками воспитанница этой гувернантки, высокая голубоглазая дъвочка, лътъ пятнадцати, въ гарибальдійской
  тапочкъ набекрень и съ русыми, пушистыми локонами, спадающими на ея худенькія плечики.
- Hukorда? спросилъ ее Атуевъ, какъ бы съ некоторымъ сомисниемъ.
- Никогда, повторила дъвочка: любовь не нуждается въ церемоніяхъ. И тонкій румянецъ разлился по ея бледному мичику.
- Вашими бы устами да медъ пить, проговорилъ Атуевъ! и подумалъ: "Такъ же выйдешь, голубушка, замужъ, какъ и всъ! Знаемъ мы васъ!"

Невъста не заставила слишкомъ долго ожидать себя; посаышался стукъ четверомъстной кареты; настежь отворилась дверь, и въ сопровождени двухъ дамъ, мальчика съ образомъ и брата Аркаши, въ церковь вошла Людмила Григорьевна. Съ вамирающимъ сердцемъ, не то обрадованный, не то испуганный, женихъ пошелъ къ ней навстрвчу; лакей, въ сврой ливрев съ красными кантами, снялъ съ нея бурнусъ; дамы поправили головной подвънечный уборъ ея. Атуевъ поклонился Аркашъ; священникъ вышелъ изъ алтаря въ полномъ облачении; пъвчие грянули: Гряди, гряди! толпа раздвинуласъ и опятъ сдвинуласъ; невъста поразила всъхъ строгою красотой своею, стройностью стана, мертвенною бавдностью и какимъ-то скромнымъ величиемъ.

Во время вънчанія никто такъ горячо не молился въ глубинъ души своей, какъ самъ Атуевъ, тотъ самый Атуевъ который всъхъ деистовъ называлъ метафизиками и свысока относился къ нимъ, какъ къ людямъ далеко не серіознымъ. Атуевъ въ это время суевърно трусилъ за свое невъріе; на него вмъстъ съ ладаномъ повъяли дътскія воспоминанія, предъ нимъ ожили забытыя отроческія впечатлънія, и какъбудто ожили темные дики святыхъ въ золотыхъ сіяніяхъ. Впрочемъ, онъ старался не поддаваться обаянію, и несмотря на свое настроеніе, явно желалъ казаться присутствующимъ равнодущною жертвой роковой необходимости, оглядывался, улыбался и кусалъ себъ губы.

Когда подъ сводами раздались извъстныя всъмъ слова апостола: "жена да боится своего мужа", легкій шепотъ пропесся въ толпъ, особливо съ той стороны откуда выглядывали дамы и дъвушки.

- Это что за рабство! тепнула одна.
- Вотъ еще какъ! пробормотала другая.

Гувернантка шепнула что-то на ухо своей воспитанницъ, и та насмъшливо улыбнулась. Невъста покосилась на толпу и перекрестилась.

Наконецъ вънчаніе кончилось; Людмила Григорьевна пошла прикладываться къ образамъ. Атуевъ принималъ поздравленія и между прочимъ особенно кръпко пожалъ руку Тертіеву. Къ чести присутствующихъ, Атуевъ не слыхалъ ни одного пошлаго комплимента своей суженой, ни одного упрека за то что онъ никого о своей свадьбъ не увъдомилъ, и никого не позвалъ, хотя онъ, какъ женихъ, былъ бы не прочь и отъ комплиментовъ, пріятныхъ для его самолюбія, и отъ упрековъ, на которые въ отвътъ и въ оправданіе уже и фравы были имъ приготовлены.

Накопецъ, конецъ. Атуевъ вздохнулъ свободнъе; онъ уже

несся со своею молодою женой самъ-другь въ каретв; пользуясь вечернимъ сумракомъ, обнималъ и целовалъ ее, калася ей въ въчной, неизменной любви, однимъ словомъ, опять превратился въ самаго пламеннато поклонника красоты, и въ страстныхъ речахъ его звучало много той позвии которал перестала быть въ моде у нашихъ реалистовъ, но которал никогда не была и не можетъ быть модой, точно такъ же какъ никогда не могутъ быть модой глаза, слухъ, красота или молодость.

XIL

Не внаю, достаточно ли было первыхъ главъ для того чтобы читатели составили себъ кос-какое понятіе о мосмъ маленькомъ героъ Атуевъ; впрочемъ, всакая глава должна выяснять его личныя качества; въ одномъ мъстъ прибавить свъту, въ другомъ тъпи, ибо безъ удачнаго солвечнаго освъщения не можетъ рельефио выступить пикакая фигура.

Жизнь Атуева переменилась.

Не даромъ его посаженый папелька, генераль, на другой день свадьбы, за объдомъ у Атуева, подняль бокаль и произнесъ слъдующій спичь:

— Господа! вамего полку прибыло. Дай же Богь чтобы сей новобранень оказался крабрынь воиномъ, чтобы защищать свою крипость (при этомъ генераль указаль рукой на Людиилу Григорьевну) оть всякихъ непріятельскихъ покуменій, и желаю чтобы въ междуусобныхъ браняхъ мужъ, тосоть ванаъ почтенный Николай Захарычъ, оставался поб'ядителенъ. Ура!...

Атуеву, какъ и савдовало ожидать, рвчь эта была не по вкусу. Тертіевъ же захохоталь отъ всей души, выпиль за здоровье генерала и сказаль ему:

— Вы молодецъ, ваше превосходительство! Вы бы и въ парламентъ лицомъ въ гразь не ударили.

И генераль такъ быль этимъ польщенъ, въ такомъ быль ударъ, что даже началъ либеральничать, что вовсе не шло ни къ его подкрашеннымъ усамъ, ни къ его осанкъ.

Упоминаю объ втомъ только потому, чтобы наша краткая повъсть о семейной жизни Атуева не осталась, такъ-сказать, безъ приличнаго предисловія.

Думать як самь Агускь что изъ него выйдеть такой мусый и пажный супругь, и думала як Людиная Григорьския что она такия увлекиющенся женщина? Лединая наружность ва вовсе этого не объщала.

. Ну воть, поди та," думаль прогосоя счастичный мужь, экто бы могь ожидаты Суди, теперь по двищамь что цавнихъ: выйдеть."

Впрочемъ, не следуеть забывать что это быди: медовые месяцы.

Новая квартира Атуева приняла такой порядочный, такой комфортабельно-изящный видь, что любо-дорого. Хозайка ужила управляться какъ съ собой, такъ и съ прислугой. Не бряняли, была правленьна и ужила острить, надъ мужить, не оскорбиян его самилюбія Все шло какъ по масау. Къздоверняння благовомунія «Алуева, сказалоси» овержь жолка правля надага, что у подкамо Григоровины и деньги есть. Какъ-индитер Атуевское бевкорыстіе было ужиламо пеожидациюю наградой, чего вижаки чельня сказаль вообщеною праводе безкорыстіе.

почетуевь стали однакоми разнетивые, и вообще невый образьживни не могь па выкотерых отвощеных не инфидить отрокапримырь, онь, будучи холостымь не мунданся правых собесыдвиковы лать бы эти собесыдники были дитереторы. Людять своей партисовы правыть ист санксновномили безобравів, и неріщає замт са мини пильниц прикиминальное правыни.
Теперь сталь бакться их убраться какт праводо йонору штв,
такт и их пошеть на каррикатуру, клій на аругоб не день быль
обласниьмъ. Какт видите, положеніе было однабливать нос.
Прежине его прінтельници помрежнему вногда замежни
къзничу, но зах принимать их у себя възнабнеть и рекомендоваль их жент своей только въ такомъ случай, кома
вто было неизбежно, толесты когда: Людинав Григорьевна
сама въ это время входила къ мему въ компату.

По субботамъ онъ не всехъ пригламалъ къ себъ, нојуже съ разборомъ. Литературные вечера его были порядочно скучны, одинъ Тертіевъ оживаялъ ихъ своимъ присутствіемъ.

Тергієвъ сначала не понравнася Людмиль Григорыевив, но привыжнувъ къ его манерамъ и его криканному голосу, она нашла въ немъ много хорошихъ качествъ, и не только была любезна съ нимъ, во говорила мужу что наъ числа его прідпредей это самый благонадежный.

- Да чемъ же онъ тебф такъ правится?
- Да онъ оригиналенъ и безъ натяжки оригиналенъ.
- Да овъ гордъ и самомобивъ какъ чортъ.
- Пу: что жы! другіе это скрывають, а окъ не укветь. Тетулька его не выносить, но а привыкав.

Атуевъ, невидимому, быль очень доволень, чте его аристократка (такъ иногда онъ называль жену свою) оненила демекрата, его стараго пріятела, безпрестанно приглашаль Таргієма принци увераль его что онь, Богь его знасть чень принци денну жену его.

Тертієм во любиль семейных домовь, но заходиль къ Атусну домольно часто. Людиила Григорьевна уміла поділтирь серопнасеровь, в спорить было потребностью думи его; - операт везмольные спорить.

"Неужели," сталь думать Атуевь, "ей пріятно что онь не щавичь поснь Пеужелі ей весело что я иногда пасую предь его учелостью: Ни одного мосго знакомаго не оставиль онь въздюбов, посьхы равбираеть по ниточки и векхъ бранить. Ове, Апривыкивая: ки свытской сдержанности и къ гостивдени разговорами, варугь находить что Тертіевь минивіній немерыкай Минивіній Чтожь въ немь такого милагої Фиергическая, разкая физіономія: воть что ей правител... Мин

- и. Не стрине орстроены плани голони. Узнава раза ито жена исте же читала рожность Жорин-Занда, и что тетунка не да-
- Какт! говориль опъ:—не читать Жоржъ-Занда! Да знаещь да жаз что изкоторые нав таших дамъ и даже двицьне полько прочли гданнымъ-данно, но и считають ес уже опоталою женщиной, находять ито Жоржъ-Зандь все еще барется противъ такихъ вещей которыя дажно уже утратиан всакую силу и важноё! значене въ объременномъ образозанномъ обществения.
- Пожалуй, и буду все читать, отвышала ему жена его, всеу потому что за себя не боюсь. Не книги для меня страивы или опасны, а люди....
  - «И Атуевъл послъдною фразу пональ по-своему.
  - . Она боител за свое сердце... за свою страстность.

подумаль овъ. "Гм!... не книги опасны, а люди.... Кто же эти опасные аюди? Ужь не Тертіевъ ли?..."

И жутко ему стало при мысли потерять сердце женщивы, къ которой онъ съ каждымъ днемъ привязывался силою неодолимой страсти.

Иногда котвлось ему испытать ее, попробовать, будеть ли ей груство или коть скучно, если онъ покажеть видь что онь уже къ ней охладъть и скучаеть. Но чаще всего самъ грустиль, воображая что жена его стала равнодушные къ ето любевностямъ.

Писать онь не успаваль, и часто труды его пропадали даромъ; но Атуевъ хотваъ взяться за какой-то большой трудъ и добываль себа книги, по его мизнію, необходимыя.

Жажда литературной славы томила его. Трудно утолить эту жажду безъ таланта и безъ учености. Но Атуевъ былъ увъревъ что опъ не бездарнъе другить, и что при знаніи языковъ ему ничего не стоить сдълаться великимъ крити-комъ.

Атуевъ не замъчаяъ что въ томъ кружкъ, гдв онъ до сихъ поръ вращался, онъ уже падалъ, и что бывшіл его поклоничны въ эту зиму уже на другихъ перенесли свои надежды и свои помыслы, и такъ между собой толковали про Атуева "Знатьол съ Атуевынъ еще можно, онъ нашего поля ягода, только жена его дрянь. Ну, да памъ съ ней не кашу варить, а онъ все-таки добрый малый!"

Добрый малый! Что можеть быть хуже, обидные этого прозвища въ такое время, когда желчь для человыка чуть ли не дороже золота, когда вражда, презрыне и ненависть стали для него единственными силами достойными любви и покломенія.

Одна только Сигарева, та самая которая не захотьла даромъ жить на квартиръ Атуева и оставила ему на столь записку, только она еще върила уму и перу Атуева, но и та, вообразивъ себъ что Атуевъ женился на деньгахъ, потеряла къ его личности прежнее довъріе. Навъщая его, она насмъшливо оглядывала его кабинетъ и все допрашивала скоро ли онъ станетъ издавать журналъ и не закажетъ ли онъ ей какого-пибудь перевода. Только вто въ ея глазахъ и могло оправдать женитьбу Атуева.

Атуевъ лгалъ ей, говоря что журвалъ будетъ, что это его мечта и единственная пъль, при этомъ излагалъ ей

манъ своего будущаго изданія, и Сигарева мирилась съ Атуевымъ.

Сигарева воображала что Атуевъ быль втайнъ неравнодушенъ къ ней (было время, онъ и за ней ухаживалъ), и что не будь она къ нему такъ холодна, Атуевъ никогда бы не женился на какой-то Клеверъ.

Атуевъ, какъ нарочно, бесъдуя съ нею, казался задумчивымъ и говорилъ не разъ что онъ не можетъ быть счастливъ, потому что тяготится *мъщанскимъ счастиемъ*.

Вскоръ послъ его женитьбы дъвица Сигарева, будучи еще въ какой-то женской переплетной, поссорилась съ ея учредительницей, которая будто бы не доплатила ей сорока восьми копъекъ и будто бы имъетъ явное намъреніе все прибрать къ своимъ рукамъ, тогда какъ мастерская эта вовсе не ея собственность, а основана на новыхъ началахъ, именно на началахъ свободнаго труда и ассоціаціи. Сигарева требовала суда и расправы. Атуевъ взялся быть ея адвокатомъ, вздилъ, разбиралъ это дъло, мирилъ враждующихъ, одну упрашивалъ не лишать себя работы, другую не лишать себя труженицы, но какъ онъ ни хлопоталъ, какъ ни старался, труженица бросила переплетную.

Теперь она готовилась въ акушерки, и тутъ Атуевъ по итъръ силъ своихъ старался ей быть полезнымъ.

Атуевъ также воображаль что эта бъдная дъвушка неравнодушна къ нему, и отъ всей души жальль ее.

Между Атуевымъ и Сигаревою одно было общее: оба они не столько жили, сколько сочиняли, выдумывали жизнь свою. За симъ-пичего общаго. Въ Атуевъ лежала закваска и реангіозныхъ верованій, и поэтическихъ образовъ, и романтическихъ мечтаній; въ Сигаревой пичего этого пе было; она искренно не понимала ни одного лирическаго стихотворенія, ни одной драмы основанной на страстяхъ, и всю романы, за исключеніемъ Что долать, считала пустаками и вздоромъ не стоящимъ вниманія. Атуевъ быль постоянно добрый малый и злымъ только прикидывался, во что бы то пи стало старался злиться. Сигарева была иногда добра до самоотверженія, чногда зла до нелепости; вся она состолла изъ порывовъ и любила только крайности. Атуевъ, по своему образованию и начитанности, могь бы и теперь еще быть учителемъ Сигаревой, и несмотря на это, въ головъ его бына порядочная каша его новъйтія теоріи постоянно расхо-

дились или враждовали съ его наклонностями, привычками и залушевными цвлями. Сигарева чему разъ повърила, такъ съ темъ и осталась; въ ней не было ни притворства, ни горькихъ сомивній или колебаній, но жизнь ся была пуста и въ высшей степени безалаберна. Честная до щенетильности, она была самолюбива, обидчива и ни съ къмъ не уживалась, особливо съ женщинами. Житейскаго такта или благоразумія не было въ ней ни на каплю. Нанимая комнатку въ одномъ корридоръ со студентами, она съ ними не церемонилась, и перъдко, сидя въ одной юпкъ и нечесаная, принимала ихъ къ себъ, не обращая ни мальйшаго вниманія на тоть безпорядокь который царствоваль вь ея комнать: но никто изъ этихъ молодыхъ людей не смыль быть съ нею дерзокъ, особливо съ техъ поръ какъ она за одинъ неожиданный попрауй отплатила совершенно неожиданною оплеухой. Это была краснощекая, свъжая блондинка, съ голубыми глазами, крупными губами и вздернутымъ носикомъ, сильная и здоровая.

Носились слухи что она еще ребенкомъ въ какомъ-то губернскомъ пансіонъ прослыла неукротимою и потомъ ушла отъ своихъ родителей. Слухи эти были не безъ основанія Мать ея, вдова и помъщица Т-ой губерніи, безвытьздно живеть въ деревив; кромв Дуни, то-есть Авдотьи Ивановны Сигаревой, у ней на рукахъ цълая куча дътей, четыре дъвочки и четыре мальчика. Домъ этой барыни, если только заглянуть за кулисы ея семейной жизни, верхъ безпорядка и хаоса невообразимаго. Никто не знаетъ своего мъста. своего угла, своего дъла. Гувернантки ссорятся съ няньками: няньки льтомъ по ночамъ выльзають изъ окошекъ и уходять къ своимъ любовникамъ. По утрамъ, когда происходить умыванье, иныя дети умываются на заднемъ крыльцв, иныя въ корридорв, иныя вовсе не хотять умываться. убъгають въ садъ и ихъ тамъ ловять по приказанію барыни. Сама барына женщина чувствительная, любить иногда выпить лишнюю рюмочку, и тогда, при дурномъ расположеніи духа, всемъ достается. Писки и крики раздаются по всему дому, и въ этотъ-то хаосъ воротилась изъ пансіона семнадцатильтняя Дуня. Началось съ того что она запретила матери бить сестеръ, возникла борьба, борьба тяжелая и подчасъ возмутительная. Богь знаетъ чемъ бы она кончилась. еслибы мать Дуни была чостоянно въ одномъ и томъ же

настроеніи духа; но этого не было; иногда она затихала, удалялась въ свои компаты, молилась, тосковала, и по пълымъ нелъламъ то равнодушно глядъла на дътей своихъ, что бы они ни дълами, то баловала ихъ. Такъ прошелъ годъ. Неукротимая дочка стала деспотомъ, и въ то время проповъдывала полкое неповиновеніе: при матери строго говорила своимъ сестрамъ и братьямъ: "не слушайтесь!" Мать вступалась за свои права: поднимался споръ, упреки и жалобы. Наконецъ Дуня стала требовать своихъ бумагь и проситься вонъ изъ дому; мысль своимъ собственнымъ трудомъ зарабатывать себъ кусокъ хавба давно уже гивздилась въ головъ ея. "Хуже вамъ будеть", говорила она матери, "если я сама уйду; пропадать такъ пропадать!" Мать наконець сказала ей: "съ Богомъ! я не держу, иди на всв четыре стороны",-но прощаясь съ ней, замилась слезами и приказала своему управляющему достать ей на дорогу денегь. Управляющій принесь триста рублей, и эти деньги безалаберно-добрая мать положила потихоньку въ чемоданъ своей дочери. Она уже считала ее навсегда по-гибшею. Съ этимъ чемоданомъ Дуня прибыла въ Питеръ, и по следамъ Сусловой думала было поступить въ Медицинскую Академію, но ей доказали, что, вопервыхъ, для этого она нисколько не подготовлена, а вовторыхъ, сообщили ей саухи что для женщинъ двери Академіи будутъ заперты.

Сдълвенись петербургскою современною дъвушкой, много испытала она воякихъ папастей, но все выносила и все къ чему-то стремилась. Съ необычайною энергіей бралась она то за то, то за другое дѣло; но у ней не хватало то знанія, то териънія и способности подчиниться людямъ знающимъ и териъливымъ. Въ своемъ кружкъ, разумъется, Сигарева слъзва отъявленною нигилисткой.

XIII.

Людицав Григорьевна прежде всего старалась быть со всеии любевною. Она была любевна и съ Авдотьей Ивановной Сигаревой, когда та приходила къ ел мужу; но не могла не замътить что эта гостья поглядываетъ на нее изподлобья или ограничивается ничего не поясняющими отвътами. "Что ей до меня за дъло?" думала про себя Дуня. "Ей, кажется, не угодно говорить со мной," думала про себя Людмила Григорьевна и удалялась въ другія комнаты, предоставлая своему мужу бестадовать съ этою песговорчивою дъвушкой. Однимъ словомъ, не нашлось между ними мъстечка удобнаго для симпатіи, и антипатія не замедлила занять его.

Однажды утромъ, предъ завтракомъ, Людмила Григорьевна, зная уже что мужъ ея хлопочетъ достать для Сигаревой какой-то анатомическій атласъ, была въ кабинеть и между прочимъ стала увърять своего мужа что изъ Сигаревой ничего путнаго не выйдетъ, что экзамена она не выдержитъ, а если и выдержитъ, то все же не быть ей акушеркой.

- Судя по всему тому что я про нее знаю, говорила Людмила Григорьевна,—нътъ у ней ни постоянства въ прилежаніи, ни настойчивости, ни терпънья. И что это ей вздумалось въ акушерки? Не къ лицу ей это.
- Надо же что-нибудь делать, возражаль Атуевъ. Найдется по душе работа, найдется и терпенье.
  - Hukorда не найдется....
  - Ты въ этомъ увърена!
- И Атуевъ черезъ очки поглядель на жену свою съ оттенкомъ ироническаго неудовольствія. Ему показалось что она потому только говорить такъ о Сигаревой, что онъ ей покровительствуетъ и о ней заботится. "Женщины этого не любятъ," подумалъ Атуевъ.
- Да она груба и какъ одввается! Можно и въ ситцевомъ платъв ходить, да не такъ; пуговки оторванной пришить на себъ не дочетъ. Спрашиваю тебя: должна ли акушерка на больныхъ производить тяжелое впечатлъніе? Уходъ за больными требуетъ ласковости и аккуратности, а у ней смятые воротнички, руки исцарапаны, точно она съ кошками дралась! Нътъ, не правится мнъ твоя Сигарева.
- Напротивъ, мић это-то именно въ ней и правится. Вонъ Тертіевъ....
  - Что Тертієвъ?
- Тоть также мало заботится о своей визивости, что же ты на него не нападаемь?
- Какое мив двао на кого-нибудь нападать? разсердившись, проговорила Людиила Григорьевна.—Нападать! Развъ я нападала когда-нибудь на твою Сигареву?
  - Ну, не сердись! Голубутка мол, милал мол, не сердись! И Атуевъ притянулъ ее къ себъ, объялъ и сталъ

при подумать подумать счастливый мужь, осыпая жену нъжными именами и поприлуями.

Вдругъ изъ передней шумно отворилась дверь, и въ кабинетъ влетъла Сигарева. Отъ нея еще въяло уличнымъ колодомъ, на шетъ мотался вязаный шарфикъ, щеки горъли. Влетъвъ, она остановилась какъ вкопаная, и пораженная любовною сценой, судя по выраженію ея глазъ, казалась не столько сконфуженною, сколько сильно испуганною. Людмила Григорьевна, вспыхнувъ, отскочила отъ своего супруга и строгимъ взглядомъ встрътила незваную гостью, неожиданную нарушительницу ихъ семейнаго благополучія.

— Извините! сказала дъвутка:—я уйду....

Атуевъ готовъ быль провалиться, такъ ему было досадно.

- -- Какъ это вы вошли? спросиль онъ.
- Очень просто, дверь съ лъстницы не была заперта.
- Не заперта? Люля, поди узнай что такое? Можетъ ли это быть?
- Иначе я не могла бы войти, возразила Сигарева,—дверь была не только не заперта, но на цилый вершокъ отворена. Пожалуста, не вините меня....

Людиила Григорьевна, не говоря ни слова, вышла вонъ. Чрезъ минуту звонкій, разгитванный голосокъ ея уже раздавался въ корридорт, она кликала мальчика и дълала выговоры своей служанкть.

Атуевъ сидълъ съ глупою миной, повъсивъ голову. Сигарева стянула съ себя шарфикъ и нахмурилась.

— И вы, сказала она,—вы позволяете вашей женъ бранить людей, тогда какъ они такіе же люди какъ и вы, какъ и всякая барыня, а можетъ-быть, даже и лучше....

Атуевъ обидълся.

- Еслибы, сказаль опъ,—вы напяли меня для того чтобъ я запираль вату дверь и берегь вати вещи, надъюсь, вы были бы въ правъ взыскивать съ меня, еслибъя за вати же депьги да не исполняль своей обязанности....
- То-то и есть, приподнявъ указательный пальчикъ и глядя изподлобья, сказала дъвушка, — еслибъ я васъ нанимала, вы бы не пошли служить ко мнв, потому что вы аристократъ, бълоручка, трутень, живущій чужими трудами и заъдающій чужой хлюбъ, не гражданинъ человъчества, не передовой человъкъ, а просто.... буржуа и филистеръ.

Атуевъ быль уязвленъ.

- Ну вотъ!... То аристократъ, то буржуа, сами не знаете что городите и къ чему вы все это приплетаете, Господъ васъ въдаетъ! Гражданство и незапертая дверь, что тутъ общаго?... Ну, калоши бы ваши, бурнусъ бы вашъ украли.... ну что тутъ хорошаго?
- И пусть бы украли.... А знаете вы знаете что сделаль Туркинъ, когда человекъ обокраль его?
- Не знаю-съ; ни о какомъ Туркинъ не имъю ни малъйтаго понятія.
- A! вы не знаете! такъ я вамъ скажу. Вотъ что сдвлалъ Туркинъ: онъ позвалъ этого человъка и сказалъ ему: "прости что я довелъ тебя до воровства...."
  - А! такъ онъ самъ его довель?...
- Не перебивайте, слушайте! Позваль человъка и сказаль ему: "Владъй моимъ украденнымъ пальто и моимъ жилетомъ, но оставайся у меня, и если ты судьбой обиженъ, требуй чтобъ я прибавилъ тебъ жалованъя." Вотъ это человъкъ!
- Просто дуракъ какой-то; и кто вамъ это разказывалъ? Такъ это все невъроятно! Послъ этого, если вы меня обокрадете, я же должевъ буду на колънкахъ предъ вами извиненія просить.
- Да.... да!... вспыхнула Сигарева и глаза ея заискрились:— на колънкахъ предо мной, если вы меня доведете до такой низости!... Но какъ вы смъете думать что это возможно?
- Помилуйте! возразиль Атуевъ, покраснъвъ до ушей и приподнявъ плечи:—я ничего не думаю, уменя и въ мысляхъ не было обидъть васъ.... Я просто не понимаю васъ.
- Э, да что мив съ вами толковать! Прощайте!... Моя нога у васъ не будеть!

Съ этимъ словомъ она повернулась къ дверямъ, встрахнула головой и вышла.

Атуевъ какъ сидваъ на стулв такъ и остался сидвть, разогорченный до последней степени. Онъ почувствоваль что тераль свою единственную поклонилцу, онъ струсиль что она разгласить о немъ какъ о буржуа, какъ о человекъ который съ новыми идеями не имъетъ ничего общаго.

XIV.

Почему-то до самаго объда и мужъ, и жена были не въ духъ: оттого ли что на дворъ была оттепель, на небъ съро, на улицахъ сыро и въ комнатахъ тускло, или оттого что появленіе Сигаревой расхолодило ихъ. Целый день они о ней говорили и спорили.

- Я это понимаю, между прочимъ говорилъ Атуевъ,—это.... это понятно.... она оттого и городила такой вздоръ, что когда увидъла насъ, кровь бросилась ей въ голову. Стало завидно....
- А что, развъ она влюблена въ тебя² спросила Людмила Григорьевна.
  - Кажется, есть тотъ гришокъ.

Каріе глаза супруги съ особеннымъ блескомъ остановились на лицъ его.

— Ты, кажется, очень радъ что по тебф страдають, проговорила она, и улыбнулась.

Погруженное въ сумерки тусклое лицо ея въ эту минуту напомило Атуеву улыбающияся губы ея чахоточной тетушки.

- Не радъ; но не гнать же мив было ее за это.
- Мять было бы особенно интересно поглядать, хоть въ щелочку, какъ это ты съ ней наединт любезничаешь?

Атуевъ пожалъ плечами и взялся за какую-то книгу.

— Какъ это ты разсыпаешься въ подобныхъ случаяхъ? Очень бы хотвлось поглядъть, продолжала шутить Людиила Григорьевна, и глаза ея уже зловъще весело поглядъли на Атуева.

Въ этотъ день за объдомъ разговоръ также не клеился. Людиила Григорьевна на французскомъ языкъ высказывала неудовольствіе.

- Петя лучше всвять, заключила она,—спасибо Тертіеву что онт намъ рекомендоваль его, мальчикъ услужливый.
  - А дверей не запираетъ, замътилъ мужъ.
- Его не было дома, Степанида должна была запереть за нимъ дверь и забыла; у ней въ головъ вътеръ ходитъ.
  - А куда ходиль мальчикъ?
  - Я посылала его къ тетушкъ.
- А!... въчно эта тетушка!... Ты бы могь, обратился онъ къ мальчику уже по-русски,—ты бы могь съ задняго крыль- ца уйти.
- Дя куфарка на рынокъ пошла, куфию заперла.... ключъ съ собой въ карманъ взяла, я пробовалъ.... пробовалъ—не отворяется, пошелъ черезъ парадную.
- A сказалъ ты Степанидъ чтобъ она за тобой дверь замкнула?

- Сказалъ-съ, неувъреннымъ голосомъ и глядя растерянными глазами, отвъчалъ мальчикъ.
- Вздоръ! Вздоръ! отозвалась Степанида, ставя на столъ бутылку краснаго вина. Ничего ты мнв не сказывалъ, я тебя и не видала.

Начался споръ и взаимныя обвиненія; Людмила Григорьевна приказала имъ замолчать.

Затъмъ оказалось что красное вино, только что третьяго дня откупоренное, уже скислось, и что безъ воды его пить нельзя. Точно съ утра Сигарева принесла прозу и унесла съ собой всю повзію ихъ брачной жизни. Отъ разговоровъ, отъ стола, отъ погоды, отъ прислуги и отъ всего несло чъмъто мелко-будничнымъ, пошло-обыденнымъ; этого они сами не замъчали, но чувствовали что имъ скучно, и что къ занятіямъ никакой охоты нътъ. Вечеромъ къ чаю явился Тертіевъ, хозяйка ему обрадовалась. Атуевъ, повидимому, также обрадовался, но послъ чаю тотчасъ увелъ его къ себъ въ кабинетъ

Тертієвъ, закуривая сигару, признался что онъ вотъ уже двъ недъли какъ ходитъ въ магазинъ къ одному оптику и волочится тамъ за однимъ микроскопомъ....

- Торгуюсь, говорилъ Тертіевъ, какъ Жидъ торгуюсь—не уступаетъ. Сто восемьдесять рублей крайняя ціна, а гдіз я ихъ возьму. Хотівль ему платить помісячно, не хочеть, кредита не иміно....
  - А тебъ очень нуженъ этотъ микроскопъ?
  - А разумъется...

Тертіевъ началь развивать планы своихъ занятій. Скоро разговоръ съ медицины перешель на политику. Тертіевъ говориль много и говориль съ жаромъ.

Быль уже двінадцатый част ночи. Атуевт почувствоваль что вт дверь молча вошла жена его, молча сіла вт уголокт и стала ихт слушать. Тертіевт долго не заміналь ел присутствія, но какт-то оглянулся и увидаль ее, чрезт минуту онт опять оглянулся, и на лиців его выразилось что-то похожее на промелькнувшее удивленіе. Атуевт какт разт замітиль это движеніе на лиців своего пріятеля, тихонько обернуль свою говолу, и опершись на локоть, сквозь пальцы, сталь глядіть вт уголь. Изт угла сілли глаза Людмилы Григорьевны

- Большіе, горящіе какимъ-то неподвижнымъ, планетнымъ блескомъ были устремлены они на говорящаго Тертіева. Въ ихъ, казалось, было что-то страстное и что-то благоговъйно-

робкое. Сердце Атуева бользненно сжалось. "Такъ смотрыть," подумаль Атуевъ, "это или верхъ неприличія, или верхъ кокетства, или верхъ страсти!"

Ни того, ни другаго, ни третьяго не могь онъ даже вообразить себъ, и потому все это разомъ какъ-то ръзко пришло ему въ голову.

Никогда еще Людиила Григорьевна не сидъла въ его кабинетъ такъ поздно и такъ долго. Былъ уже второй часъ, когда Тертіевъ взялся за шапку, и пожавъ руку уже разсъявному Атуеву, вышелъ въ переднюю.

За нимъ, не прямо изъ кабинета, а черезъ залъ, вышла Аюдмила Григорьевна.

Атуевъ весь превратился въ слухъ и притаилъ дыханіе. Тертієвъ надъвалъ шинель и калоши, и Атуевъ никакъ не могъ разслышать что такое говоритъ ему на прощанье Людмила Григорьевна, говоритъ такъ тихо и такъ проворно, какъ будто съ умысломъ чтобы никто не могъ понять ее.

Онъ уже хотваъ подкрасться къ двери, но скрипъ его же собственныхъ сапоговъ испугалъ его.

- Къ какой стати ты сама пошла его провожать? не утерприт окъ и пробормоталь съ досадой жент своей, встретивтись съ ней на порогъ спальной.
- А что! наивно-удивленнымъ голосомъ, простодушно возразила жена.—Я пошла узнать есть ли кому посветить или подать шинель. Все спять.
  - И тебъ бы давно спать пора.
- Э! еще будеть время! Да и почему я должна спать, а ты не спать... воть еще новости!

Атуевъ потушилъ лампу, издохнулъ и пошелъ раздъваться. "Посмотримъ, будетъ ли онъ ревновать ко мив," подумала Людмила Григорьевна....

XV.

"Меня легко надувать, женщины всегда меня всю жизнь надували! Такая моя судьба," думалъ Атуевъ, и мало-помалу сталъ ревновать жену. Ему стало казаться что Тертіевъ иногда въ ея присутствіи съ умысломъ не щадить его, съ умысломъ щеголяеть своею діалектикой и сов'втуетъ ему, Атуеву, повнимательное перечитать кой-какіе труды европейскихъ ученыхъ и литераторовъ. Атуевъ какъ будто забыль что Тертіевъ всегда быль таковъ, тайная досада грызла его завистливую дуту. "Понимаю, брать, что все это значить!" говориль онь про себя, когда Тертіевъ пускался въ разсужденія предъ женой его, и когда та изподтитка, какъ бы нехота, и какъ бы не замъчая мужа, бросала на него пламенные взгляды, по крайней мъръ такими именно, сквозь ревнивыя очки, казались они глазамъ Атуева.

Всего върнъе что милой Людмиль Григорьевнъ хотълось помучить своего благовърнаго. И если это такъ, то пъль ел была достигнута. Атуевъ уже воображалъ что она влюблена въ его пріятеля и страдаль.

- Отчего ты не хотыть нынче завтракать? спросила его однажды Людмила Григорьевна.
  - Taka, у меня annerura пътъ.
- Гдв ты вчера быль вечеромь? Опять гдв-нибудь вль слоеные пирожки, тебв вредно слоеное, ты самъ это значень, и....
- Да пътъ! Kakie слоеные пирожки? Откуда вдругъ вечеромъ слоеные?!
  - Ну, такъ что-нибудь копченое?

Атуевъ поморщился и выразиль на лицъ своемъ досаду.

- Если я мізнаю тебів, я уйду....
- Да нътъ же! Ты нисколько инъ не иты вень. Только откуда ты взяла копченое? Придетъ же въ голову фантазія. Я просто чай пилъ у Тамариныхъ, хоротіе люди, затхаль къ нимъ и засидълся. А что? Вчера безъ меня никто у насъ не былъ?
  - Заходилъ Тертіевъ.

Атуеву показалось что жена его запнулась при слов'в "Тертієвъ", не вдругь произнесла эту фамилію.

- Заходилъ? Почему же онъ не остался, не подождалъ меня?
- Не знаю, спроси его, я не спративала.
- Чудесный человъкъ этотъ Тертіевъ! Люблю его, работящій, честный, правдивый....
  - Что это ты вздумаль вдругь такъ хвалить его?
  - А развъ тебъ непріятно что а хвалю его?
  - A!
  - Что: а? Ну, чему ты смветься?
  - Ты не ревнуеть ли?
  - Я ?! Вотъ еще новости! Ревновать! Избави Боть. Надъюсь

что ты, какъ честная женщина, сама мнв прямо скажеть что разлюбила меня и полюбила другаго. А? Не правда ач?

- А если это тебя огорчить, оскорбить!
- Все же лучше знать чемъ быть обманутымъ.
- Ну, не бойся, не бойся; я не обману тебя, полусеріозно пробормотала ему въ отв'єть Людмила Григорьевна.
- Люля! Если.... если Тертіевъ или кто-нибудь, какъ-нибудь затронетъ твое сердне.... Я.... клянусь тебъ, я ни слова не скаку тебъ, съ жаромъ въ лицъ проговориль Атуевъ.
  - Не бойся, не бойся, Тертіевъ и не думаеть.
- А ты желала бы чтобъ онъ о тебф думаль? игривымъ голосомъ подхватиль Атуевъ.
- Отчего жь бы и не желать? Это пріятно, когда о насъ дунають, отвівчала жена тономъ деревенской дурочки.
  - -A, Takis Tisi koketka?
- Немножко, отвъчала она жалобно, какъ бы признавалсь и въ то же время нисколько не болсь своего признанія.
- —Вотъ ужь ничего петъ хуже кокетства, горячо подхватиль Атуевъ.—Я этого не ожидаль, право, не ожидаль! Кокетство, да это извращенное честолюбіе.... Не любить и желать быть любимой, что можетъ-быть этого хуже, преступнъе? По какому праву мы, оставаясь лично спокойными, посягаемъ на спокойствие другихъ?

И Атуевъ, глядя на нее изъ-подъ очковъ, даже вопросительно ротъ раскрылъ.

- А ты, мой Атуличка!... Ты никогда не кокетничаль? И заке съ Сигаревой не кокетничаль? А? припавъ къ плечу его, проговорила жена, и объими руками ласково провела по щекамъ его. Она была въ шаловливомъ настроеніи духа.
- Никогда! Ей-Богу, никогда! перебилъ Атуевъ. Впрочемъ, въ субботу придетъ Тертіевъ, и если ты считаеть его умиве исня, ну да, если, по-твоему, онъ умиве меня, спроси его, признаетъ ли онъ кокетство, допускаетъ ли его въ порядочной женщинъ? Вообще, что онъ объ этомъ думаетъ.
- Право, кажется, ты меня къ нему ревнуеть, улыбаясь и погладывая на него изъ-коса, лепетала Людмила Григорьевна.
  - Ну, нътъ же, я тебъ говорю....
  - Честное слово?
  - Честное слово что не ревную.

Дюдмила Григорьевна весело поцеловала своего супруга въ

Атуевъ остался одинъ предъ кабинетнымъ столомъ своимъ, передвинулъ чернильницу и котълъ писать, но поднялъ перо, уперъ глаза въ стъну и подумалъ: "Однакоже она не возражала миъ, когда я сказалъ ей: ты считаеть Тертіева умиъе меня. Гмъ! Не кочетъ, чтобъ я ревновалъ — о женщины!"

XVI.

Пришла суббота; вечеромъ, къ десяти часамъ, у Атуева собрались гости. Мущины курили, спорили и разсаживались въ кабинеть со стаканами чаю. Три какія-то дамы и ръдкая гостья, тетушка Клара Ивановна, находились въ столовой, гдъ кипълъ самоваръ. Людмила Григорьевна разливала чай. Мальчикъ разносилъ, уносилъ и обратно приходилъ съ подносомъ. Дамы были одъты не безъ претензій на моду, хозяйка была весела и любезна.

Атуевъ быль въ духв; въ средв его гостей были двв или даже -три литературныя знаменитости; быль одинъ романисть, одинъ юмористь и одинъ преисполненный гражданской скорби поэтъ; всв они придерживались одного и того же направленія, но участвовали въ разныхъ журналахъ и потому другь на друга косились. Впрочемъ, все было оченъ прилично и комфортабельно: по угламъ велись сдержанные разговоры, у каждаго на умъ было его послъднее произведеніе, и каждый очень тонко допытывался, извъстно ли оно прочимъ членамъ общества, и что о немъ думаютъ.

Дамы послв чаю отправились въ уборную, маленькую комнатку возлв спальной ниши, меланхолически озаренаую китайскимъ фонарикомъ. Но голоса мущинъ и туда долетали, особливо голосъ Тертіева.

— Что вы мнв говорите, кричаль онъ.—"Еслибы!" это все равно еслибь я сказаль: а что еслибь у лошади да копыть не было, или: а что еслибы Волга да въ Неву текла. Куда годится ваше: "еслибы"? Я знать его не хочу, потому что на немъ я вамъ что хотите построю, куда хотите повду. Европа на три въка стоить впереди насъ, это фактъ; ну, о фактъ и разсуждайте.—Ему что-то возражали.—Пустяки! пустяки! гремъль вновь Тертіевъ, и многіе ръшили что это пренесносный господинъ, не столько всякаго переспорить, сколько перекричить.

Тетушка Клара Ивановна издали затыкала себъ уши и спрашивала хозяйку: "неужели онъ, мать моя, всегда такъ оретъ." Ламы смъялись.

— Пожалуста, милая, скорви вели имъ ужинать дать, заключила тетушка,—авось повдять, повдять да и разъвдутся.

За ужиномъ точно говорили какъ будто тише: присутствіе ли дамъ, или усталость, или вкусныя блюда были тому причиной.

Тертієвъ сёль около хозяйки, лобъ его лоснился, волосы ерошились, губы улыбались; онъ выпиль стаканъ краснаго вина и быль расположенъ къ любезности.

Вдругъ посреди говора, стука ножей и вилокъ, возвысился голосъ самого Атуева.

- А что, брать, Тертіевь, какь ты думаеть вообще о кокетствъ? Саъдуеть ли женщинь быть кокеткой?
- А какъ же! Ха-ха-ха! Какъ же, разумъется, слъдуетъ, заголосилъ Тертіевъ, и сталъ доказывать что женщина безъ кокетства никуда не годится, выъденнаго яйца не стоитъ.

Что Атуевъ не забыль спросить объ втомъ у Тертіева, вто одно уже было подозрительно: значить, разговору съ женой своей онъ придаваль особенное значеніе и быль убъжденъ что Тертіевъ будетъ на его сторонъ, то-есть, разразится противъ кокетства и станеть карать его. Онъ даже помниль, какъ однажды, въ разговоръ съ нимъ, Тертіевъ высказываль діаметрально противоположное мивніе, чуть ли не съ грязью мъшаль всякую женіцину, которая бы вздумала съ нимъ кокетничать. Никакъ, никоимъ образомъ не ожидаль Атуевъ со стороны Тертіева такой выходки. Онъ видъль какъ жена его улыбнулась и даже покраснъла отъ удовольствія.

"Ужь не сговорились ли", подумаль онь, ошеломленный краснорьчіемь своего пріятеля, и возмутился духомь оть такого предположенія.

Послъ ужива, часу въ четвертомъ, проводивъ гостей, Атуевъ сказалъ женъ что у него отъ табачнаго дыму голова кружится.

- Зачень же ты сидишь въ кабинеть, здесь такой дымъ что ужасъ! Отвори форточки.
- Да, твоя правда, сказалъ окъ, и перешелъ въ ея уборкую. "Гиъ! Не можетъ быть чтобъ окъ капередъ не зналъ что я спрошу его", думалъ Атуевъ, сдергивая съ шеи галстукъ

предъ туалетнымъ зеркаломъ своей супруги. "Но гдъ же вто они могли сговориться? Гдъ? Онъ до самаго ужина не подходилъ къ ней, она ни слова не говорила съ нимъ, и когда онъ сълъ подлъ ея, даже немного стулъ свой отъ него отодвинула. Гмъ! Какъ ей было пріятно что онъ—за нее! Улыбнулась и покраснъла! Однакоже каналья этотъ Тертіевъ! Не ожидалъ я отъ него такого лицемърія."

Все это бользненно ворочалось въ мозгу Атуева; ревность начинала пускать свои маленькіе ростки и усики, какъ ка-кое-нибудь выющееся растеніе, и душила его, не давала ему заснуть. Утомленная же вечеромъ жена его спала кръпкимъ сномъ, сномъ безмятежной невинности, и до самаго утра ни разу не повернула къ нему головы своей.

XVII.

Прошло изсколько недвль, и Атуевъ самъ уже начиналъ трунить надъ своею, ни на чемъ не основанною, ревностью. Правда, иногда приходила ему въ голову мысль, какъ-нибудь, хоть на будущее время, обезопасить себя отъ тайныхъ (въ сушности же мнимыхъ) посягательствъ своего пріятеля: то хотьлось ему съ нимъ поссориться, какъ-нибудь обидъть, чтобы тотъ плюнуль на него и пересталь бы заходить къ нему; то хотыль какт-нибудь оклеветать его. Но Тертіевъ. какъ нарочно, былъ чемъ-то очень занять и пропадаль: поссориться не предвиделось никакого извинительнаго предлога или благовиднаго случая, а оклеветать? Оклеветать было также не совствить то удобно; это не то что назвать дуракомъ Августа Шлегеля, или напарапать какую-нибудь статейку о Маколев и за узкость его взглядовъ прочесть ему приаичное наставление. Выдумать какую-нибудь нельпость про своего пріятеля, да еще такого крикуна, не такъ-то легко, да и повърить ли еще жена его какой-нибудь выдумкъ? а ну какъ еще самого Тертіева спросить? что тогда?...

И Атуевъ ръшительно отвергъ въ самомъ себъ сей замыселъ гнусный и неблаговидный. "Все это вздоръ! ръшилъ онъ:—если она влюблена въ него, ничто не поможетъ. Да и влюблена ли еще? Изъ чего это видно? Вотъ ужь недъли двъ какъ онъ и носу своего къ намъ не кажетъ, а она и не спросила ни разу о немъ такъ же спокойна, такъ же занята и такъ же ко инт внимательна. Решительно не имтю причины соинтваться ни въ ея честности, ни въ ея любви ко инт. Буду набаюдать.... Набаюдать, конечно, никогда не итвиветъ, но ревновать—глупо до послъдней степени."

Наконецъ Атуевъ пересталъ думать о Тертіевѣ; но судьба, зая судьба, какъ нарочно, такую придумала штуку, что вочей-неволей заставила думать.

Разъ, вто было незадолго до Рождества, телъ онъ изъ Гостинаго двора къ себъ на Гороховую (онъ квартировалъ на Гороховой улицъ), телъ со сверткомъ только-что купленной имъ бумаги. Запахивая полы своей ильковой тубы, онъ старался предохранить грудь свою отъ сивжной выоги, которая дула ему то въ лицо, то въ затылокъ, и на Невскомъ около Казанскаго моста, повернувшись, увидалъ дъвицу Сигареву. Она переходила Проспектъ въ своемъ осеннемъ бурвусикъ, въ съромъ, вязаномъ тарфъ вокругъ теи, и тла прамо на него, одною рукой приподнимая подолъ платъя, изъподъ котораго виднъласъ бахромка юпки, а другой поддерживая какой-то узелъ съ книгами.

— Скоръй! Васъ задавятъ.... Чуть васъ дышломъ не задъли, сказалъ ей Атуевъ.

Сигарева подпрыгнула, перескочила на тротуаръ и стала отряхивать свои ноги. На ней были резиновыя калоши и ей, обдияжкъ, было замътно холодно, молодыя щеки ея, обвъявныя снъжною пылью, румянились, руки безъ перчатокътакже казались розовыми.

- A, это вы! отозвалась она безъ мальйшей улыбки. Какъ это вы разглядьли меня съ высоты вашего величія.
  - Эдакая вы злая! За что вы на меня сердитесь?
  - Еще бы на васъ не сердиться!
  - Ну, какъ наши двла?
- Э, чортъ возьми ихъ, мои дъла! Одна моя подруга книпи мои забыла у своего пріятеля. Насилу ихъ выручила! Иду браниться....
- Вы вое бранитесы! Совнайтесь, что вы были тогда вивоваты
  - Что-о-о-о Я была виновата? Вотъ еще какія новости!
- Да какъ же, сами посудите, стоило ли горячиться, вмвшваться въ распоряженія жены моей.
  - Я и не горячилась. Ей было досадно что я вошла безъ

доклада; разумъется, досадно. Въ другихъ домахъ швейцаръ докладываетъ лакею, лакей камердинеру и уже потомъ....

- Да вы бы хоть въ дверь постучались. Посудите сами, я могь въ эту минуту одъваться, мало ли что?
- Кажется, въ двънациять часовъ быть раздътымъ вы не имъете обыкновенія, не въ этомъ дъло, дъло въ томъ что жена ваша терпъть меня не можеть, ну, да мнъ, конечно, отъ этого ни тепло, ни холодно. Воть я сейчасъ ее только встрътила. Вы, пожалуста, скажите ей что это я вовсе не ей кланялась, а Тертіеву. Такъ и скажите.

У Атуева заныло сердце, и онъ спросилъ ее гдв она встрътила жену его.

- Да вотъ, около кондитерской Вольфа; я прохожу, Тертіевъ узналъ меня и поклонился. Разумъется, я также покловилась.
- Когда же это вы ихъ встретили? Быть-можеть, это была не жена моя.
- Я еще, слава Богу, не ослъпла. Она и "здравствуйте" мив не говорить, когда я прихожу къ вамъ, а я, по-вашему, должна ей кланяться. До чего вы избаловались, какъ я погла-жу на васъ!
  - Прощайте, мив некогда, пролепеталь Атуевъ.
- Ну, сердитесь, чортъ возьми, а я подчиняться вамъ не намърена.... Прощайте!...

Но Атуева уже не было, онъ какъ на крыльяхъ вътра шелъ вверхъ по Невскому.

Догадалась ли эта давушка, поглядава вслада за пимъ своими сердитыми глазками, догадалась ли какую бурю подняла она въ душь этого человъка? едва ли. Слова ел были бевъ всякаго злаго умысла; она не подовръвала въ Атуевъ ни ревности, ни даже страстной любви къ женъ своей. Въ человъческихъ страстахъ она такъ же мало смыслила какъ и въ китайской грамотъ. Быстрое исчезновеніе Атуева она поняла по-своему: "Разсердился гордачка! подумала она:—а въдъ самъ глупъ, даромъ что идеи проповъдуетъ, жена его дура, и онъ дуракъ!"

Поздно вечеромъ воротился Атуевъ домой. Гдв опъ ходиль и куда заходиль, Господь его ведаеть.

— Ты нынче опять не въ духв, сказала ему Людиила Григорьевна.

- Да вое двла, все непріятности, проворчаль мужт.
- Kakia ghaa? Kakia nenpiathootu. A?

Атуевъ молчалъ, локтемъ опершись на столъ и ладонью подпирая голову.

- Развъ в не доажна знать твоихъ дълъ? Непріятности! Какія же это, а? Мить кажется, я, какъ жена твоя, обязана раздълять съ тобой все, и дурное, и хорошее.
- Ну, пынфинія жены! Богь ужь съ ними! вполголоса, какъ бы сквозь зубы, процедиль Атуевъ.

Людиила Григорьевка потупила голову и опустила ръсницы.

— Ты меня обижаеть.

"Я же ее обижаю!" подумаль Атуевъ.

- Съ минуту продолжалось обоюдное молчаніе, наконецъ Людмила Григорьевна откинула назадъ свою голову и стала глядъть на него, какъ бы стараясь разгадать выраженіе лица его.
- У мена также есть одна непріятность, проговорила она, не спуская съ него задумчивыхъ глазъ.
  - Kakas?
- Не твое дело, отвечала ока, подкялась съ кресель и постепко вышла.

У Атуева сжалось сердце. "Неужели и это притворство?" подумаль овъ. "Боже мой! Боже мой!"

И съ четверть часа просидъль онъ на одномъ и томъ же мъстъ, потомъ прошелся по кабинету, отворилъ дверь, и сквозь темноту наполнявшую компаты увидъль свъть въ видъ ярко-топкой линіи, обозначавшій дверь въ спальную. Шаркая туфлями, онъ подошелъ къ спальной и постучался.

— Кто тамъ? Войди! послышался голосъ Людмилы Григорьевны, и шорохъ упавшихъ на полъ юпокъ далъ ему знать что она раздъвается.

Онъ вошелъ и сълъ на маленькую кушетку; свъча горъвшал на туалеть освътила разстроенное лицо его.

- Я тебя обидель, Люля? началь Атуевъ.
- Чемъ ты меня обидель? холодно спросила его жена, стоя предъ веркаломъ и накидывая ночную кофточку на свои обнаженныя, кругиыя плечи.
- А твиъ что я не сказаль тебв какая была со мною непріятность.

T. LEXEL.

Digitized by Google

— Видно, не нужно мив сказывать, оттого ты и не сказаль, твиъ же тономъ отвъчала она, снимая шиньйонъ, изъподъ котораго двъ темныя косы, какъ двъзаморенныя эмъи, тяжело упали ей на спину.

Атуевъ поглядълъ на нее влюбленными глазами: хороша была она, усталая и въ то же время сердитая.

- Я тебя такъ люблю, такъ люблю, началъ онъ, къ чему же мив тревожить тебя всякимъ вздоромъ. Все это вздоръ что я хотвлъ сказать тебв; мив досадно что всякая глупостъ на меня двиствуетъ. Вотъ что было, слушай и смвися, если только ты въ самомъ двлв на меня не сердишься.
  - Слушаю.
- Встретилась со мной этадура Сигарева, и право, я чуть не прибиль ея.... вообрази, Люля, въ претензіи на тебя, зачемъ ты ей поклонилась.
- Ну да, ну что жь! Отчего же ей не кланяться, когда она кланяется.
  - Ла она не тебъ поклонилась.
  - Кому же? Тертіеву? а развъ она его знастъ?
- Именно Тертіеву, и эдакая дура! Я, говорить, поклонилась Тертіеву, а она, то-есть ты, это на свой счеть приняла. Ну, какъ же не досадно! Такая дъвушка, которой я все что только могь, все что только отъ меня зависъло.... и вотъ она чъмъ платитъ!

Чуткій слухъ жены разомъ подсказаль ей, что ея благовърный не совсъмъ-то съ ней искрененъ.

- Какой вздоръ! можетъ ли это быть?
- Ты мив не ввришь?
- Можетъ ли это быть чтобы такая глупость могла тебя разстроить, что у тебя могутъ быть такія непріятности?
- Больше никакихъ, ну, право, больше никакихъ непріятностей. Сама ты видишь что это вздоръ; но мяв было досадно.

Людмила Григорьевна высвободила изъ его рукъ свою руку, прежде чемъ онъ успелъ поцеловать; ее, и прошавсь по комнать.

- Нътъ, нътъ! Или ты это выдумалъ... начала она. Ты все еще разстроенъ, я это вижу... или тебъ просто непріятно было съ ней поссориться, сознайся.
  - Ну да, конечно, это непріятно.
  - Тебъ это больно, до смерти больно, и она указатель-

нымъ пальцемъ правой руки постучала по указательному пальцу левой.—Ты просто не равнодушенъ къ ней. Въдь ты не даромъ же предоставилъ себъ полное право влюбляться....

- Развъ я одному себъ предоставилъ это право? съ досадой проговорилъ Атуевъ. — Я и тебя не могу лишить этого права, не могу.... ну, что дълать? не могу.... договорилъ онъ задыхающимся голосомъ.
- А! Такъ это правда? это правда? и Людмила Григорьевна, поблъднъвъ, остановилась посреди своего будуара, посреди разбросанныхъ принадлежностей ея дневнаго туалета. Глаза ея заискрились, и вслъдъ за этимъ строгимъ блескомъ показалась улыбка злая, саркастическая, невыносимая.
  - Какъ! вдругъ вскрикнулъ Атуевъ, какъ бы очнувшись:— ты думаешь что я влюбленъ въ нее? въ нее!! Я?! что ты, Люля? Я еще не сошелъ съ ума...
    - Нътъ, ты не равнодушенъ къ ней. Признайся.
  - Люля, умоляю тебя, не терзай меня, я не только не люблю, не только не влюбленъ, я просто ее ненавижу. Какъ ты могла это подумать? Ты.... Нътъ, ты этого не думаешь. Ты такъ парочно миъ говоришь, тебъ хочется, самой хочется чтобъ я въ кого-нибудь влюбился, во-о-о-тъ что!

И Атуевъ съ отчаяніемъ поглядывалъ на жену свою. Онъ никакъ понять не могь этой незаслуженной ревности и огорчился, мало того, обидълся. Разговоръ ихъ въ этомъ тонъ продолжался довольно долго, до двухъ, или трехъ часовъ ночи: оба они легли спать не увъренные другъ въ другъ, но на половину примиренные и другъ другомъ утъшенные. Несмотря на то что Атуевъ не созпался женъ что онъ ревновать ее къ Тертіевъ, жена догадалась наконецъ что, можетъбыть, Тертіевъ во всемъ этомъ играетъ не послъднюю роль; по крайней мъръ она объяснила мужу что была у тетки, которая сильно заболъла, лежитъ въ постели и проситъ каждое утро навъщать ее, потомъ пошла въ Англійскій магазинъ покупать шелкъ и на Невскомъ совершенно нечаянно встрътилась съ Тертіевымъ, что она виновата, забыла передать ему поклонъ его и сожальніе что они давно не видались.

— Какое мит діло что ты встрітилась съ Тертієвымъ или съ кімъ-нибудь, мало ли у тебя знакомыхъ: я тебів вірю и не ревную къ тебі; а ты мит не віришь и ревнуєщь: нашла

Digitized by Google

къ кому приревновать, къ Сигаревой! сокрушенно жаловался Атуевъ, погружая свой носъ въ подушки и уже засыпая.

Что обоимъ имъ снилось въ эту ночь? какая дребедель? Не знаю.

XVIII.

Такія-то непріятности или, лучте сказать, недоразумънія начались между супругами, и это на третій мъсяцъ ихъ супружества. Отчего такъ скоро? Не въроятнъе ли было бы, еслибъ авторъ этого разказа далъ имъ годика три-четыре пожить безъ такихъ недоразумъній. Нътъ, ревнивые, наклонные по своей натуръ къ ревности мужья, по большей части, ревнуютъ женъ своихъ въ первые мъсяцы, иногда даже въ первые дни ихъ брачной жизни, и напротивъ, неръдко позднъе чувство это засыпаетъ, по мъръ разъ возниктаго довърія, по мъръ успокоенія удовлетворенной страсти и начинающихся заботъ о дътяхъ, по мъръ скуки наводимой иногда однообразіемъ семейной жизни, и наконецъ по мъръ увяданія тъхъ прелестей, которыя въ подругахъ жизни ихъ казались имъ когда-то соблазнительными для всякаго, одареннаго зръніемъ, вкусомъ и иными общечеловъческими свойствами.

Атуевъ ревновалъ, потому что страство любилъ жену свою и боялся за непрочность своего счастія; любовныя похожденія его сластолюбивой юности воспитали въ немъ недовъріе къ женщинамъ, и вто недовъріе развилось въ немъ въ пугливую подозрительность, стало быть, ничего туть нъть невъроятнаго.

А между тімъ тетушка Клара Ивановна была дійствительно плоха; она лежала въ постелів и, по большей части одинокая, по цілымъ днямъ и ночамъ шептала молитвы и ожидала смерти. Иногда только изъ-подъ байковаго одівла протягивалась тощая, желтая какъ воскъ рука ея, и звонила въ колокольчикъ; приходила горничная, давала ей ліжарство, поправляла ей подушки, или выслушивала ея приказанія: "сотри пыль, подай мить чистый носовой платокъ, дай мить сюда о-де-колону, подними стору," и тому подобное.

Жалко было смотреть на это существо, въ жизни прослывmee злымъ и завистливымъ, а въ сущности доброе и самоотверженное. Одна только Людмила Григорьевна навъщала свою тетушку чуть ли не каждый день; но ни разу не говорила ей о своихъ домашнихъ спорахъ и маленькихъ перепалкахъ съ мужемъ; напередъ знала она что тетушка или перетревожится, или ръзко осудить ее, убъжденная что мущины съ колыболи до гроба дъти, съ которыми надо только умъючи вести себя, и что Атуевъ болье чъмъ кто-либо ребенокъ, не ладить съ которымъ одной только дуръ было бы простительно.

Разъ Атуевъ сидълъ у себя въ кабинетъ и писалъ. Да извинятъ меня читатели, если я умолчу о заглавіи статей его: чего добраго, иной начнетъ изъ любопытства ихъ разыскивать, прочтетъ и увидитъ умъ Атуева въ полномъ блескъ: зачъмъ же мнъ безъ всякой нужды ослъплять моихъ читателей. Статьи забыты, и самъ Атуевъ не помнитъ многаго изъ того что произвело въ то время ретивое перо его. Итакъ онъ писалъ... вдругъ поднялъ голову и поглядълъ на Аркашу, брата жены своей, который, полулежа на диванъ, читалъ какую-то французскую книжку. Атуевъ вынулъ часы и поглядълъ. Былъ третій часъ...

- Не знаешь ты, жена воротилась? спросиль онъ.
- Не знаю, отвічаль Аркаша, -- кажется, еще візть.
- Ты нынче былъ у тетушки?
- Вчера былъ.
- Въ которомъ часу?
  - Да такъ, около объда.... Не поиню въ которомъ часу.
  - Ну, что она?
  - ILioxa.
- Жаль ее отваную, чего добраго, не встанеть.
- Да, умирать ей не хочется.
- Что это сестра твоя, пошла въ десять часовъ и хотыза къ двумъ домой непремънно быть. Пропала.
- Не знаю отчего она пропала, лѣниво, соннымъ голосомъ протанулъ Арката. Когда онъ долго что-нибудь читалъ, ему всегда отчего-то дремалось.

Атуевъ вышелъ въ переднюю, надваъ свою шубу, вышелъ и крикнулъ извощика. Чревъ нъсколько минутъ онъ уже былъ на Конюшенной, предъ дверями тетушки. Позвонилъ. Вышла горничная.

- Здесь жена моя?
- Hukaka нать-съ.
- Была она здесь? спросиль онь, уже входя въ передиюю.

— Была-съ, да ужь съ полчаса, или больте никакъ, увхала-съ. Атуевъ потупился.

Въ эту минуту изъ спальной тетушки долеталь до передней звонъ ея колокольчика. Горничная побъжала къ ней.

- Кто тамъ? докторъ? спросила больная.
- Нътъ-съ. Николай Захаровичъ.
- Попроси его подождать въ гостиной. Людя сейчасъ прітьдетъ. Охъ! подай мит.... kxe!... kxe-kxe!... Гдт мой платокъ, да подними стору.... темно....

Воротившись въ переднюю, горничная уже не застала Атуева; заглянула на лъстницу; но уже и на лъстницъ его не было; она заперла за нимъ дверь и торопливо воротилась въсвою комнату.

XIX.

На Конюшенной, не доходя Невскаго, Атуева окружила правя толпа извощиковъ.

- Ваше сіятельство, кричаль одинь, возмите четверомъстную, попросторнъй будеть.
- Господинъ купецъ! Вотъ, пожалуйте, пожалуйте! Лотади, карета первый сортъ.
- A куда вашей милости? спрашивала его одна борода, мигая глазами и приподнимая шапку.
  - Мяв по часамъ... Сколько за часъ?
  - А до котораго часу, вашей милости.
  - Ну, до пяти часовъ?
  - Ну, положите четыре рублика...
  - Три, и.... и на водку.
  - Э! садитесь!
- Да что вы, баринъ, куда садитесь-то, одры лошади-то, глядите, не довезутъ, вотъ, сюда пожалуйте, сюда.

И Атуева манили, чуть не таприли въ разныя сторовы.

Онъ отвориль дверцы рекомендованной ему кареты, поглядвль есть ли въ окнажь занавески и опускаются ли стекла, потомъ свлъ и велвлъ вкать.

- Куда прикажете?
- На Ивановскую, потелъ...

Извощикъ вануздалъ лошадей, вскарабкался на козлы, и карета двинулась. На поворотъ въ Ивановскую улицу Атуевъсвустилъ передовое стекло и крикнулъ: — Эй! какъ тебя? Повыжай тите, и когда я скажу тебы: стой! остановись нальво поближе къ тротуару, и не трогайса съ инста пока я не скажу тебы, прибавлю рубль на водку, слышить, рубль прибавлю, только слутай! Если тебя будуть нанимать, скажи что карета занята, или ныть, скажи что баринь велыль дожидаться, или.... слутай! впрочемь, ныть, ступай!

Карета шагомъ двинулась по Ивановской.

Провхавъ домъ гдв квартировалъ Тертіевъ, Атуевъ велваъ остановиться; карета взяла влево и остановилась предъ какими-то воротами.

Опустивъ запавъску съ аввой сторовы, Атуевъ пересълъ и въ раскрытое окно изподтишка сталъ смотръть направо. Въ шести или семи саженяхъ отъ него виднълся тотъ подъвать который велъ въ квартиру его пріятеля. Сердце Атуева больвненно сжалось, глава его остановились на двухъ окошкахъ, но его разчету несомивнно озаряющихъ ту комнату, воздухъ которой отравляетъ своимъ дыханіемъ Тертіевъ. Мысль что, быть-можетъ, тамъ въ вту минуту жена его—молоткомъ била его въ голову, пульсъ его бился сильные обыкновеннаго и, казалось, подъ мъховою шапкой отдавался въ вискахъ его...

Привявъ такой наблюдательный постъ, Атуевъ весь превратился въ то вниманіе, которое по силь своей равнялось развъ его отрасти и его ревности,—въ то сосредоточенное, напраженное вниманіе, которое, истомивъ глаза и слухъ, долго продолжаться едва ли можетъ, по крайней мъръ требуетъ необычайнаго терпъвія.

Прошло полчаса. На ступеньки поди нависоми появилась какая-то дивочка вы синемы дырявомы полушубки, пріостановилась на пороги и прислопилась кы стинки. Дивочка эта показалась ему подоврительною,—чимы то вы роди шпіома, высланнаго освидительствовать улицу; но постояла она недолго и скрылась.

- Гей, карета! крикнумъ кто-то съ тротуара:—что ты тутъ стоишь. А?
  - Вельно стоять, ну, и стою, проворчаль извощикь.
- Не ивото тебв туть стоять, загорланиль дворникъ; чорть ты здакій! не видишь, — вор ота. Загородиль дорогу.... Двигай! двигай! говорять тебв, ч-о-о-орть!
  - Да что ты ругаемься-то, афмій.... Ну!...

И карета, къ ужасу Атуева, двинулась, провхала еще сажени три впередъ и остановилась около забора. Не моему перу изобразить ту бъщеную досаду, которая въ эту минуту заклокотала въ груди Атуева. Вопервыхъ, это движепіе кареты могло развлечь, могло помъщать его наблюдательному вниманію; вовторыхъ быстро надвигались сумерки, пошелъ снъгъ; стало-быть, чъмъ дальше стояла карета, тъмъ трудиве было для него напрягать свое зрвніе,—онъ же былъ близорукъ. "Чортъ возьми," ворчалъ Атуевъ.

Слишкомъ часъ, безконечно долгій часъ для Атуева, столав карета. Атуевъ все еще глядълъ, хотя уже далеко не съ такимъ вниманіемъ. Наступила ночь, или, върнъе, тотъ часъ когда зажигають фонари, то-есть около половины четвертаго. Атуевъ дышаль уже легче и свободиве, ему уже становилось немножко стыдно. Дуракъ я, дуракъ, какую штуку выкинулъ! Что если узнають? Можеть ли это быть?.. Изъ какихъ благъ бросилъ четыре рубля; даромъ, ни за что бросиль! Да еще въ добавокъ ноги озябли, чего добраго, флюсъ чач жабу сквачу... Такъ самъ съ собой разговариваль Атуевъ, продолжая поглядывать на подъездь; онъ уже намеревался расплатиться съ извощикомъ, зайти погреться къ Тертіеву и. быть-можеть, лично удостовърившись въ своей собственной глупости, пригласить его къ себъ объявть. Варугъ Атуевъ вытаращиль глаза и чуть не упаль въ обморокъ: съ подъвяда сошла какая-то дама, закутанная въ темный башлыкъ; средній рость, медленная походка-вся фигура жены его. Помутилось въ глазахъ Атуева, сердце забило тревогу, онъ высунуль въ окошко голову и сталь напраженно смотреть въ савдъ за удаляющеюся тенью, наконецъ протануль руку изъ окна наружу, упипился за колодную мидную ручку и сталь вертъть ее, толкая въ каретную дверь колънками; дверка не отворялась; изо всехъ силь опъ удариль въ нее и выдетнаъ изъ кареты, наступилъ на полу своей шубы, чуть было не упалъ въ снегъ, но какъ-то справился и неровными шагами пошель за дамой. Ему хотвлось какъ можно ближе удостовършться, точно ли это жена его. Онъ быль убъждень что это она, ему хотвлось поймать ее за руку и сказать ей,онъ и самъ не зналъ, что бы такое онъ ей сказалъ, еслибы поймаль ее за руку, -- только чувствоваль, что спльно, страшносильно будеть то слово которое сорвется у него съ данка,

Запыхавшись на десяти шагахъ (какъ это бываеть съ

воторићанами и страстными охотниками завидѣвшими дичь), овъ уже видѣлъ какъ дама подходила къ извощику съ явнымъ вамѣреніемъ сѣсть и уѣхать.... Но въ эту минуту догнала его карета.

- Баринъ! а баринъ! кричалъ извощикъ, нагибаясь къ нему съ высокихъ козелъ и натягивая возки, а деньги-то!
- Отдамъ, отдамъ! гаухо, не своимъ голосомъ пробормотваъ Атуевъ.
- Вы мив деньги-то сперва ваплатите!.. А то, шпь, побъжали! грубо, чуть не на всю улицу приставаль извощикь.
  - Отдамъ! повзжай за мной!

Извощикъ заподозрилъ барина въ намереніи улизнуть, и стегая лошадей, ругался.

— Да ну, на, чортъ теба возьми, сказалъ Атуевъ, торопачво вынулъ изъ жилетнаго кармана бумажку и бросилъ ему на руку.

Извощикъ взяль бумажку и сталь ее разсматривать.

- Еще рубаь надоть получить съ вашей милости.

Но Атуевъ уже не слыкаль его; дама вскочила въ сани, огланулась, онъ это ясно видъль какъ она робко и торопливо на него оглянулась, и уъхала. Цълый адъ быль въ душъ Атуева.

- Дьаволь ты эдакій, сказаль онь наконець извощику, какъ бы желая на немъ сорвать свою неудачу, или свое веанкое горе.—Я бы тебъ, собака ты, я бы тебъ десять рублей двав, еслибы ты подождаль меня. Мало тебв трекь рублей, подлецъ! Убирайся ты къ чорту! не дамъ я тебъ ни полушки, быотрыми шагами, весь въ огиъ, двинулся онъ, безнадежно гандя въ тевеланійся сумракъ полуосвіщенной улицы. — О, русскій народецъ! негодоваль онъ, и слевы бъжали по его щекамъ:-- мало ему за часъ три рубля! Изверги! Безбожниku! Hu Bora, nu takchi nets na nuxs. - O! sto ona! чувствуеть мое сердце, что она, коварная, подлець, а не женщина! А какъ я вършаъ ей, какъ я вършаъ! Что теперы! я наи его убыо, наи себя убыо... Воть оно семейное-то счаотіе! не даромъ я на него возотаваль! не даромъ я писаат... Вавилонъ! сжавъ подъ полой кулакъ, обратился онъ къ фасадамъ зданій обступившихъ Невскій. Ясно, что это Петербургъ изволиль онъ назвать такимъ грандіозно-непри-AUGUSTA TAKOHOMS.

XX.

Въ пать часовъ Атуевъ быль уже дома. Что можетъ быть несностве, натянутве положенія, когда мужъ и жена сидать вавоемъ за объденнымъ столомъ, молчатъ и дуются. Людмила Григорьевна была огорчена темъ что мужъ, не видавшій ел почти съ утра, и не поздоровался, и не попраовалъ ея. Ока же очень устага. Тетушка почувствовала такую боль въгруди, что послала ее за своимъ докторомъ на Васильевскій островъ, вельла ей во что бы то ни стало привезти его. Но доктора она не застала дома и целый част ждала его въ пріемной комнать; наконедъ докторъ воротился, но ни за что не хотьль съ ней вхать, жалуясь на усталость и голодъ,--надо было уговорить его, потомъ надо было успокоивать тетушку, погому что та уже стала тоскливо метаться и прощаться съ ней, —однимъ словомъ, для Людмилы Григорьевны вто утро было самое непріятное. Усталость лежала на всемъ лиць ел, какъ-то удлиная черты и въ то же время притупляя ихъ.

Атуевъ почти что ничего не влъ; жена его, напротивъ, вла съ аппетитомъ, но молчала. Она думала: "это онъ прівзжаль узнавать тамъ ли я. Онъ, кажется, не только меня ревнуетъ, подозръваетъ въ чемъ-го. Хорошо же! Самъ, бытъ-можетъ, волочится за этой.... за этой Сигаревой, бытъ-можетъ, даже бываетъ у нея и не оказываетъ... Пустъ же думаетъ обо мяв что хочетъ."

Принявши мысленно такое решеніе, Людмила Григорьевна къ концу стола казалась уже совершенно спокойною, и втото спокойствіе, съ явными следами усталости (испуга и тревоги по мненію Атуева), чуть не свело его съ ума.

Онъ думаль что, по крайней мъръ, она по-прежнему его спросить: "отчего это ты не въ духъ"; онъ думаль что она первая подойдеть къ нему, какъ лисица виляющая хвостомъ. Ни чуть не бывало! встъ за двоихъ и не обращаеть на него ни мальйшаго вниманія. Въ концъ стола онъ сухо спросильее: "здорова тетушка?" Она отрывисто отвъчала. "Все так-же." Наконецъ онъ спросиль: "не сердитесь ли вы на меня за что-нибудь?" "За что?" спросила она его въ свою очередь; довдая пирожное.

"Странно! думалъ Атуевъ, вставая изъ-за стола и уходя въ гостиную: если она меня также видъла, какъ и в ее, чъмъ инь объяснить это дьявольское спокойствіе? неужели притверствомъ? а что если это притворство?! если это притворство?! какова должна быть та женщина которая такъ умъеть притвораться!.. Да она человъка убъеть и будеть потомъ въ состояніи повхать на баль, улыбаться и танцовать... Ужасно! такое самообладаніе!.. Но я помолчу до поры до времени. О! я также способенъ на самообладание, я такжезарактеръ! Сумъю съ достоинствомъ поддержать себя... Да и что я скажу ей! что я ей скажу! всплеснувъ руками, мысленно вопрошаль опь самого себа, стоя въ темной гостиной спиной у теплой печки и покачиваясь.-Делайте что хотите. скажу я ей, я уже не мужъ вашъ... А ну, какъ она мив на это: "Если это такъ-то... ничего не можеть быть пріативе!" что тогда? Да въдь я люблю тебя, страстно, безумно, глубоко любаю! "А я, скажеть, любаю да не васъ; что прикажете дъзать!" Боже мой! Боже мой! за что такое стращное наказаніе!.. И онъ то къ потолку поднималь глаза свои (что казалось бы, вовсе не шло къ писателю съ его направленіемъ), топрислупіцвался что діяласть жена, не плачеть ли она, не вздумала ли лечь въ постель; но въ дом'в парствовала мертвая тишина. Онъ заглянулъ въ уборную, увидълъ что жена преспокойно сидить въ уголки предъ лампой и что-то шьеть. Быть-можеть, тишина эта и разразилась бы какимъ-нибудь объясненіемъ, еслибы вечеромъ не прівхаль Аркаша, и въ кабинеть Атуева не заняль своего любимаго мъстечка на ARBant.

- Не женись, брать, Аркаша, сказаль ему Атуевь, уже сидя за письменнымъ столомъ и закуривая папироску.
- A что? спросиль его юноma, не безъ накотораго удивленів.
- Да такъ, братъ, возъми кого-нибудь на содержаніе и живи пока живется да любится; по крайней мърв не связанъ.
- Если я возьму себъ кого-нибудь на содержаніе, то это непремънно Француженку, отезнался юпоша, которому очень поправился совъть Атуева.
  - Почему же непременно Француженку?
- Да ужь такъ, отвъчаль, вяло улыбнувшись, Аркаша, и ничего аругаго не могь бы отвътить. Онь зналь только сагатът французскихъ актрисъ, то-есть видъль ихъ издали на

Михайловской сцень, зналь что такая-то премсть, такая-то состоргь, а такая-то страшно дорога и все-таки находить такихъ счастаивцевъ которые на нее разоряются. Всыми ими онъ плынялся и даже покупаль себы ихъ фотографическія карточки; но почему Француженка лучше, то-есть пи-кантные Ныки или Русской, этого онъ еще не могь вполны уяснить себь.

"Дуракъ, подумалъ Атуевъ, не понимаетъ, даже не догадывается, что если я, женатый человъкъ, мужъ сестры его, даю ему такіе совыты, то это не даромъ, значить что мны горько. тяжело, невыносимо. Дуракъ! еще молоко на губахъ не обсохдо, а ужь мечтаеть о Француженкахъ..." И Атуевъ опять погрузился въ свои невыносимыя размышленія. Поздно увхаль Арката, поздно догорвав его лампа. Атуевъ зажегъ свъчу. разделся, тихонько прокрадся въ спальню къ жене своей, увидаль что она спить, и также тихо воротившись въ свой кабинеть, легь на дивань, подложивь подъ себя кожакую подушку и накрывшись халатомъ. Это была, со дня его свадьбы, первая ночь проведенная имъ не на брачной постели. Людиная Григорьевна не спала, она слышала какъ вошель мужь и притворилась спящею; черезь чась она заплакала, но плакала такъ тихо, что Атуевъ и не подозръваль горячихъ слезъ ся.

XXI.

На другой день, въ десять часовъ утря, почти въ одно и то же время, мужъ и жена вывхали изъ дому; она къ тетувикъ, онъ къ Тертіеву.

Тертієвъ быль завлять, онь писаль прое возраженіе на какую-то замьтку по поводу одной медицинской статьи его, и быль не въ духв. Авторь замътки какъ разъ указываль на тв авторитеты которые отрицаль въ своей стать Тертіевъ, доказывая ихъ научную несостоятельность, ихъ отстаассть... и пр... Въ авторъ замътки Тертієвъ видъль своего заклятаго врага и не зналъ кто этоть врагь. Замътка появилась въ печати безъ всякой подписи. Мысль, что, въроятно, это кто-вибудь изъ числа академическихъ свътилъ, и что, чего добраго, редакція журнала не приметъ его возражевій, найдетъ ихъ или слишкомъ ръзкими, или почему-либо къ печати неудобными, мысаь эта заранве его бъсцаа; стаканъ съ остывшимъ кофе столаъ на краю стола; онъ былъ въ одной рубашкв и въ широкихъ грузинскихъ шароварахъ, спереди завязанныхъ какою-то красною тесьмой съ кисточками, на ногахъ были стоптанныя туфли, курчавые волоса на головъ, по обыкновению, отличались живописнымъ безпорадкомъ. Иногда онъ вставалъ и гордо прохаживался, обдумывалъ что писать, и обдумавъ, опять бросался къ столу, опять хваталъ перо и писалъ почти безъ помарокъ, твердышъ, ровнымъ и довольно разборчивымъ почеркомъ.

Услыхавъ звонокъ, онъ сморщилъ добъ и сталъ смотреть на дверь, раздувъ ноздри и съ такинъ свиренымъ выражениемъ въ глазахъ, что можно было подумать, посетитель, увидавъ его, непременно попятится.

Вошель Атуевъ.

— A! это ты? сказалъ Тертіевъ, и опять пригнувшись къ столу, сталъ писать, догоняя порванную фразу. — Запатъ, братъ, посиди немного. Сейчасъ, проговорилъ онъ съ разстановкой.

Атуевъ молча свлъ на стулъ, вынулъ изъ кармана складную табачницу съ папиросною бумагой и сталъ свертывать папироску; руки его дрожали, онъ былъ бледенъ, но папироску онъ все-таки какъ-то свернулъ, склеилъ ее языкомъ, лосталъ сърную спичку и сталъ ею шаркатъ по стънъ.

— Можно бы ствну-то и не пачкать, сказаль Тертіевъ;—на это спичечнина есть.

И овъ со стола подалъ ему спичечкицу.

Атуевъ взялъ ее и почему-то пересваъ на клеенчатый ди-

Въ пріемъ Тертіева не было ничего необыкновеннаго; онъ часто такъ принималь его, когда работаль или быль не въ хукъ, и Атуевъ никогда на вто не сердился; но теперь этотъ пріемъ показался ему наглымъ до послѣдней степени.

- Тертієвъ, сказаль опъ, а пришель поговорить съ тобой.
- О дълъ или о пустякахъ? не покидая пера, отозвался Тертієвъ.
  - Быть-можеть, о пустакахъ для тебя, а для меня о деле.
  - Trò rakoe?
  - Ты, ты... соблавниль... чужую жену....

Тертієвъ обернулся и поглядня на него съ недоумінісмъ.

-Ты равотроиль семейный мірь; благородно ли это?

Тертієвъ положиль перо, подняль голову и уже поглядыль на Атуева такимъ вызывающимъ взглядомъ, что тоть смутился.

- Ну, что дальше, говори? сказаль Тертіевъ.
- Я все сказаль, ты понимаешь, ты.... ты должень понимать меня. Вчера вечеромъ, въ четвертомъ часу, я знаю, она была у тебя.... Да.... я.... я... это знаю....
- A какое тебъ до меня дъло? Какое ты право имъеть приходить ко миъ и дълать миъ выговоры?
  - Я имъю ли право?
- Никакого права, горячась, перебиль его Тертіевъ. —Доказывай, почему я не имъю права любить кого хочу и принимать кого мнъ вздумается удостоить этой чести. Доказывай! Когда ты быль холостымъ, развъ ты не заводиль интрижекъ? А? Развъ не была у тебя какая-то купчиха изъ Коломны, и развъ ты мнъ, вотъ, сидя на этомъ мъстъ, не разказывалъ, потирая руки, какъ ты ловко изволилъ надувать ея мужа?... А? Ну, говори, не разказывалъ? Ну, а я тебъ ничего не разказывалъ, потому что не имъю похвальной повадки хвастаться такими дешевыми побъдами или разрисовывать кой-какій сцены ради потъхи пріятелей. Да и почему ты знаеть?
- Потому что я видълъ, вставая съ мъста и весь дрожа, отвъчалъ Атуевъ.—Она была вчера.... Говори, была она у тебя?
- Была, съ удареніемъ на словъ, какъ бы два раза подчеркнувъ его, отвъчалъ Тертіевъ.
  - Ну, если такъ....
  - Ну что, если такъ?
  - Ты... подлецъ!

Тертіевъ остолбенъть, Атуевъ взяль шапку и съ краспыми пятнами на лиць вышель вонь изъ комнаты.

Тертієвь, какъ сидъль въ своихъ креслахъ, такъ и остался сидъть; онъ не въриль ушамъ своимъ, онъ такъ быль озадаченъ, что даже позабыль о статъв своей. Чтобъ Атуевъ могъ такъ горячо принять къ сердцу его интрижку съ женой какого-то пъянаго приказнаго, чтобъ Атуевъ ръшился назвать его подлецомъ за женщину ему совершенно неизвъстную! Надо еъ ума сойти, до того это нежью! Или Атуевъ не только знакомъ съ этою женщиной, но и влюбленъ въ нее; не только влюбленъ, но и не безъ претенвій на нее, не безъ правъ на эту женщину? Какими же это судьбами? думалъ Тертіевъ. "Когда же это моя Анна Семеновна успъла ему эдакую страсть внушить? Да пътъ, это вздоръ! Можно ревновать ко мив, но упрекать меня за тв же поползновевія въ которыхъ онъ самъ не безгрешенъ, это дико. Что же это такое?"

Тертіеву даже въ голову не могло придти что Атуевъ подъ словомъ "чужая жена" разумьль свою собственную, то-есть женщину, къ которой Тертіевъ, кромъ симпатіи, да нъкотораго дружескаго расположенія, ничего не чувствоваль. О реввости Атуева къ женъ своей или къ нему онъ даже и подоэрввать не могь: стало-быть, что жь мудренаго что въ эту минуту всв его мысли вращались около его возлюбленной Анны Семеновны, которая афиствительно у него была и которую Атуевъ действительно могь встретить и видеть. Тертієвъ вовсе не быль влюблень въ эту Аппу Семеновну; онъ никогда за ней даже не волочился, случай ихъ свель: она приходила къ вему лечиться отъ побоевъ мужа, влюбилась въ него, и первая бросилась къ нему на шею. Тертіеву стадо жаль ее, онъ зналъ что у этой женщивы нътъ на свътъ ни привязанностей, ни отрады, ни надежды на лучшую будущность, и вся вина его заключалась только въ томъ что онъ позволяль ей любить себя и иногда навышать, говорю "иногда", потому что, несмотря на то что Аннъ Семеновнъ было не более двадцати трехъ летъ, несмотря на то что она была недурна собой, стройна и умела держать себя, несмотря на ея томные глаза и бледныя губки, Тертіевъ, посреди своихъ занятій, не всегда былъ расположенъ къ амурнымъ восторгамъ и по цваымъ недвлямъ не видвася съ нею. Случалось, когда судьба посылала ему деньги, онъ считалъ своимъ долгомъ помогать ей, какъ матери голодающаго ребенка, у котораго отецъ пропиваетъ почти что все свое жалованье. Деньги эти жгли ей руки; но она все-таки брала ихъ. Тертіевъ попималь ся положеніе, но не увлекался. Узнай онъ что Анна Семеновна влюблена въ Атуева, или посъшаеть не одного его, онъ нисколько бы не изминиль своихъ къ ней отношеній, даже бы не упрекнуль ся. Перестань она павъщать его, Тертіевъ также не быль бы въ отчанніи.

Непонятна, въ высшей степени непонятна для Тертієва была выходка Атуева. Но какъ человіку чуждому средневівковых рыцарских преданій, Тертієву, какъ ни быль онь оскорблень

и опечаленъ, ни на одну минуту не пришла въ голову мысль о дувли или о кровавомъ мщени... "Коли сразу я ва вто слово да не придушиль его, значитъ, думалъ онъ, я имъю время подумать и разсудить что бы это такое значило? Если это только придирка чтобы разойтись со мной (кто знаетъ, быть-можетъ, я уже давно ему не нравлюсь своимъ ръзкимъ языкомъ и нецеремоннымъ съ нимъ обращеніемъ), если это придирка, то неужели Атуевъ, этотъ мягкій по своей натуръ Атуевъ, не могъ просто написатъ мнъ записку: дескатъ, такъ и такъ, пожалуста, вы меня не знайте. Къ чему же было нужно прибъгатъ ему къ такой глупой выходкъ, къ такому сильному слову и наконецъ явно идти на опасностъ получить отъ меня затрещину, или еще хуже, будь у меня подъ рукой ножъ, я могъ бы сгоряча пырнутъ его. Гръхъ да бъда на кого не живетъ. Или онъ помъщался?"

Такъ терялся въ догадкахъ и такъ разсуждалъ про себя Тертіевъ, допивая стаканъ простывшаго кофе. Чрезъ полчана, походивъ по компать, опъ опять принялся работать и писалъ до объда; объдать, по обыкловенію, пошелъ къ кухмистершъ; тамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спорилъ за столомъ и хохоталъ по поводу какого-то анекдота. Воротившись домой, опять принялся за перо и писалъ до часу ночи. Но, прежде чъмъ легъ спать, задумался. Жаль ему было ни съ того ни съ сего порвать пріятельскія, воспоминаліями дътства освященныя отношенія. Нашло на него грустное раздумье, и не спалось. Наконецъ, вздохнувъ, вынуль опъ изъ стола почтовый листокъ, согнуль его и написалъ Атуеву письмо следующаго содержанія:

"Милостивый Государь!

"Если вы не сошли съ ума, то, конечно, имъли достаточную "причину для того чтобъ оскорбить меня; но если вы влюбдены въ А. С. (Тертіевъ не написаль полнаго имени), то самая отчаянная ревность наша еще не давала вамъ никакого права требовать отчета въ моемъ поведеніи, потому
ячто и въ такомъ случать, ваше поведеніе, какъ человтька
педавно женатаго, во сто разъ постыднтве. Гдт вы съ ней
познакомились, и гдт вы съ ней видълись,—не мое драо,
меня это нисколько не интересуетъ. Во всякомъ случать,
виноватъ я, или не виноватъ, надъюсь, что вы не только
мизбавите меня отъ вашихъ постыденій, но постараетесь и
ма улицт не встртиться со мной.

"Останось презирающій ваме негодованіе "Ф. Тертієвъ."

XXII.

Записка Тертієва на другой же день, въ воскресенье, по-метьма по городской почть, и суждено ей было еще болье запутать и разстроить отношенія Атуева къ жень своей. Арката почти что каждый вечеръ сталь навъщать сестру свою, то-есть сидъть или лежать въ кабинеть Атуе-ва. Дома ему не сидълось. Онъ жилъ у своего дяди, опекуна, у того самаго генерала который быль посаженымь отпомъ на свадьбъ нашего Николая Захаровича. Генералъ этотъ, пожалой вдоверь и служака, по утрамъ быль занять провіантскими бумагами, а по вечерамъ постоянно играль въ преферансъ по маленькой, и передко воеваль за ломбернымъ столомъ до 3-4 часовъ пополуночи. Иногда, когда не доставало партнера, онъ посылаль за племянникомъ, и говорилъ ему: садись; племянникъ садился и, разумвется, иногда проагрываль. Проигрывать ему было хоть и обидно, но не убыточно; по большей части дядя-генераль хоть и ворчаль, но расплачивался. Три дня тому назадъ Арката свять играть съ трема престарвании генералами, и на этотъ разъ сваъ no собственной своей охоть, такъ сказать, навазался на urpy, въ надеждъ къ праздникамъ лишнихъ рублей 20 положить въ свой карманъ и на нихъ пожупровать; но надежда его обманула; онъ продулся въ пукъ, и оставшись совершенно безъ денеть, на аругой день сталъ просить генерала дать ему на расходы хоть 10 рублей. Генералъ сначала сказалъ что не дасть, потомъ сказаль "погоди". Что можеть-быть хуже этого "погоди"? Эдакъ можно годить недели и мъсяцы, и Аркама, для котораго недван и мъсяцы безъ денеть показались бы приот враностью, решился занять или у сестры своей, или у ел мужа. Окъ собирался куда-то вечеромъ и на этотъ разъ рано забрался въ квартиру Атуевыхъ. Забравшись, овъ меданаъ со своею просьбой, терпъливо выжидаль благопріятной минуты, а въ сущности до семи часовъ вечера еще не чувствоваль той великой крайности, которая приалеть особенную смелость и находчивость.

Атуеву было вепріятно его появленіе. Онъ не могь при этомъ молокосось явно предаваться своему отчаннію, быть т. ыккі.

Digitized by Google

такъ-сказать вывыской своего собственнаго малодушія; онъ не находиль пока нужнымь посвящать брата жены своей въ тайну своего семейнаго горя, онъ стыдился этого горя, и присутствіе Аркаши было для него невыносимо. Обыкновенно бываеть такъ, что чымъ громадные у человыка самолюбіе, тымъ меньше оно выносить; муха кажется ему слономъ; каково же было выносить слона, а не муху. Онъ при Аркашь, съ притворною лаской, но торопливо простился съ женой, покаваль видь будто куда-то торопится и ушель изъ дому. Аркаша остался объдать; за объдомъ онъ спросимъ сестру свою, была ли она утромъ у тетушки.

- Нътъ, не была, отвъчала Людмила Григорьевна.
- Otvero ke?
- Да такъ; мужу моему, въроятно, непріятно что я каждое утро у ней бываю; вынче я не поъхала, посмотрю, что онъ миж скажеть, будеть ли доволень моимъ поведеніемъ.
- Ara! видно онъ тебя въ ежовыхъ рукавицахъ держитъ. Ничего на это не отвъчала Людиила Григорьевна, только слеза показалась у ней на щекъ; она утерла ее салфеткой и продолжала объдать.

Флегма брать не замътня этой слезы и точно также продолжаль объдать.

Посль обыда, съ чашкой кофе, онъ отправился въ кабинетъ, въ третій разъ примадилъ предъ зеркаломъ свою голову и усълся въ креслахъ Атуева. Закурилъ папироску и сталъ читать газету, первую которая попалась ему подъ туку.

Не протило получаса какъ кто-то позвонилъ въ передней. Мальчикъ Петя отперъ дверь, принялъ изъ протинутой руки почтальйона письмо со штемпелемъ городской почты и подалъ его Аркашъ. Аркаша, успъвшій не только принятъ видъ и позу хозяина, но и вообразившій себъ что овъ дома, взялъ письмецо, не поглядълъ на адресъ, сорвалъ конвертъ и сталъ читать. Мало-по-малу на лицъ юноши изобразилось нъчто похожее на ужасъ и изумленіе; долго онъ не вършатъ глазамъ своимъ. Что я надълалъ, подумалъ овъ. Что я надълалъ! Это не ко мить письмо. Это... это... необыкновенное письмо... Ужасное! Обязанъ ли я, какъ братъ, сообщить записку Тертіева сестръ моей. Такъ вотъ оно отъ чего онъ такой! Эте!..."

Прошель еще часъ, а онъ все еще не рышиль что ему дымать и обязань ли онъ показать это письмо сестры своей:

Раздался новый звонокъ. Аркаша вздрогнулъ, спряталъ письмо въ карманъ, и чрезъ гостиную, съ быющимся сердцемъ, отправился въ комнату къ сестръ своей.

На этотъ разъ вслъдъ за звонкомъ вошелъ Атуевъ и занялъ въ своемъ кабинетъ мъсто только что пригрътое Ар-

kameŭ.

- Сестра! который теперь часъ? спросилъ Аркаша Людмилу Григорьевну, входя къ ней на цыпочкахъ.
  - Посмотри самъ, у тебя есть часы.
  - Мои невърны. Ба! скоро семь!

И Аркаша почувствовать что уже наступиль часъ неизбъжной крайности.

- Ради Бога, Люля, сказаль онь, —выручи, крайне нужно пать или шесть рублей, дай, пожалуста, до 24-го числа. Я, ей Богу, тебъ отдамъ... честное слово!.. Что ты такъ смотришь?..
  - Да у меня ничего нътъ кромъ мелочи.
  - Ну, займи у мужа...
- Да я, право, не знаю что у него на умв, дуется вотъ уже третій день. Двв ночи спить у себя въ кабинеть.
  - Неужели въ кабинеть?
- Да; я еще имъла глупость спросить тего: за что такая немилость? Молчить, ничего не отвъчаеть; бледный такой, разстроенный.
  - Я знаю отчего это, сболтнулъ Аркаша.
- Ну, знаеть, такъ говори... Что такое? Кажется, я не подала ему ни малбитаго повода.
- Нътъ, прежде сходи къ нему и спроси у него 5 рублей. Людмила Григорьевна подумала. "Хорошо", сказала она, и пошла къ мужу.
  - Николя, сказала она ему, ставъ за его креслами.
- Что? спросиль онь ее, какъ бы очнувшись; быстро повернуль къ ней лицо свое, и на одно мгновение глаза ихъ встретились.
  - Нътъ ли у тебя пяти рублей?

Атуевъ подумалъ, потомъ вдругъ какъ-то неестественно васуетился, раскрылъ столъ и сказалъ:

- Бери; все бери что у меня есть; все бери.
- Да мив всего не нужно, я даже не для себя, у меня

братъ проситъ; конечно, еслибы не праздникъ, я бы не дала ему.

— Мит ничего не надо, ничего! Мит уже не долго жить! Людина Григорьевна не могла не дрогнуть отъ этихъ словъ, отъ этого голоса; она его любила, и поняла въ эту минуту что такъ говорить можетъ только одно отчание. Но мысль что это отчание проистекаетъ изъ какого-то ей не-извъстнаго, темнаго источника, бытъ-можетъ, отъ того что какая-нибудь нигилистка не приказала принимать его, мысль эта ожесточала ел огорченную дуту, и слеза, готовая канутъ, удержалась, подхваченная мигнувшею ръсницей; глаза ел упирались въ его затылокъ, и онъ не могъ видъть лица ел.

Не саыта въ отвътъ ни отвъта, ни привъта, Атуевъ тажело вздохнулъ, выпулъ на столъ всъ деньги, рублей около восьмидесати пати, захватилъ ихъ въ руку и черезъ плечо подалъ ихъ женъ своей.

Людиила Григорьевна выбрала пяти-рублевую, сказала: "жит больше не надо, спасибо", положила остальныя деньги на столь, и вышла.

Получивъ деньги, обрадованный студентъ вынулъ изъ кармана письмо отъ Тертіева, торопливо сунулъ его въ руку сестръ и сказалъ:

— Спасибо, душка! Изъ этого письма ты узнаеть отчего твой муженекъ не въ духв, только ради Бога не показывай ему этой записки. Я сдваалъ скверность, мив его подали, и а, по разсвянности, нечаянно распечаталъ. Тутъ, кажется, какая-то интрижка.... Только ты будь умна и изъ такихъ пустаковъ не поднимай исторіи. Прощай, Люля.

И овъ быстро вышель, покинувъ озадаченную сестру свою съ тою запиской, содержаніе которой уже извъстно моимъ читателямъ. Выходя отъ сестры, Аркаша быль утвревъ что поступиль такъ, какъ и слъдовало ему поступить въ данномъ случав; вообще о благородствъ и неблагородствъ поступковъ онъ имълъ очень шаткія понятія. Наклонный къ впикуреизму, ни надъ чъмъ не привыкъ онъ долго ломать свою голову. Тетушка Клара Ивановна выучила его читать, когда ему было семь лъть, и затъмъ уже не имъла ника-кого вліянія на его воспитаніе.

XXIII.

Натяпутое положеніе супруговъ должно же было наконецъ разрышиться въ какую-нибудь катастрофу: кончиться или разрывомъ, или прижиреніемъ. Записка Тертієва подняла въ душть молодой женщины бурю ничтить не меньшую той которая бушевала въ груди ея супруга.

"Несчаствая я, думала опа, — хоть бы не хитриль со мной... И это мой мужь!... Презрънный!... и я должна быть женой его; всю жизнь должна жить съ человъкомъ который мена не любить, который мъняеть меня на всякую.... и, по себъ судя, осмъливается еще ревновать меня! Да нътъ! что я?! Опъ и не ревноваль, опъ просто быль въ отчаянии что какая-то А. С.... ужь не Авдотья ли Сигарева?... ему измънила.... довела его до ссоры съ пріятелемъ. Не даромъ я боллась выходить за него, не даромъ!... Боже, вразуми меня! Нътъ! Я не такая чтобъ онъ могь оскорбить меня. Я уйду оть него, я не кочу слышать о немъ; не кочу, не кочу, не кочу!«

И она, ломая руки, ходила по своей одинокой, лампаднымъ свътомъ озаренной спальнъ. Въ эту ночь Атуевъ слышалъ маги ея; какъ-то тяжело стучали они въ полъ, даже разъ послышалось ему ея восклицаніе: "а!" Разъ даже котълъ онъ войти къ ней, но заглянувъ въ полурастворенную дверь, онъ увидалъ въ полусвътъ глаза ея и не посмълъ войти. "Нътъ, не время! подумалъ Атуевъ: — да и зачътъ мяъ идти къ ней, когда между нами все уже кончено! все! Суровал, злая женщина! Я сказалъ ей что я скоро умру, и она, она на это ни слова! какъ будто я не мужъ ел! какъ будто она не увъряла меня въ своей любви!... въ своей въргости! и.... и какъ будто я, несчаствый, никогда не любилъ ел!"

"Вътренникъ! развратникъ!" думала про себя Людиила Григорьевна.

"Притворщица! Камень безчувственный! Безсовъстная! Хоть бы капая раскаянія! Хоть бы какое-нибудь чувство!" дуналь чрезъ двъ компаты Атуевъ, лежа на своемъ дивань, на который, по его приказанію, недоумъвающая горничная

съ вечера принесла подушку, простыню и одъяло. Въ сомкнутыхъ глазахъ его зудъли слезы. Къ утру онъ почувствоваль что-то въ родъ озноба, закутался въ свой халатъ и забылся.

Когда онъ раскрылъ глаза, было уже утро, и предъ нимъ, совсемъ одътая, въ шляпкъ, стояла жена его.

— Ara! сказаль онъ, приподнявь голову.

Онь подумаль съ просонья что она пришла къ нему сама во всемъ признаться и, быть-можеть, упасть къ ногамъ его....

- Что вамъ угодно? спросиль онъ ее наконецъ, видя что она куда-то собралась и не думаеть упадать къ ногамъ его.
- Въ кого вы такъ влюблены? спросила она его съ сострадательнымъ презрвніемъ.

— Въ васъ, отвъчалъ онъ; – а вы въ кого?

— Не обо мив рвчь. Впрочемъ, что же я васъ спративаю? Какое мив до васъ двло?... Я это могу и безъ васъ узнать. Гдв живетъ Тертіевъ?

— Вы не хуже меня знаете гдв онъ живетъ.

— Гдв онъ живеть? я васъ спративаю; мнв пуженъ его адресъ; или вы боитесь.... совъсть нечиста. Что же вы молчите? Я непремвино хочу застать его дома. Если только вы сами мив во всемъ не признаетесь, я броту вамъ въ лицо вате обручальное кольцо и уйду отъ васъ. Вы можете быть покойны, я мътать вамъ не буду, только, или признайтесь, или дайте мив адресъ.

·— Вы хотите отъ меня упти ка нему? съ горькою усмът-

кой, полусидя на дивань, спросиль Атуевъ.

— Къ кому бы то ни было, только скажите мнв гав живетъ Тертіевъ?

- Нътъ, это ужь изъ рукъ вонъ, накидывая на себя халатъ и привставъ, началъ Атуевъ. Это изъ рукъ вонъ! Вы....
  вы.... спрашиваете у меня его адресъ, тогда какъ сами.... тогда
  какъ я собственными глазами своими видълъ какъ вы.... вы....
  сходили съ его подъъзда, были у него пълые два часа. Какан же вы коварная! Лицемърная!... Ожидатъ ли я это отъ
  васъ?! отъ вашего воспитанія! Послъ всего того что я отъ
  васъ слышалъ! А еще на меня нападали когда-то. Не обмапывайте, не надувайте меня! Я все знаю, все, все, и оскорбитъ ли я васъ хотъ однамъ словечкомъ, оскорбилъ ли я
  васъ хотя намекомъ!"
  - Что такое?! сдвинувъ брови и скрестивъ пальцы рукъ,

проговорила Людмила Григорьевна.—Я васъ не понимаю.... Даже и понимать васъ не хочу.... Вы дошли до такого безстыдства, что можете мнв въ глаза говорить о какихъ-то безобразіяхъ, утверждать что сами видвли! Что это? Гдв я наконецъ? и заливаясь слезами, она свла на порожній стулъ и закрыла руками лицо своє.

Атуевъ былъ озадачевъ слезами жевы своей: не заплачь ола, овъ бы самъ сейчасъ заплакалъ; слезы ел не могли на вего не подъйствовать, потому что овъ любилъ ее. "Но, не хитрость ли это?" подумалъ овъ и проговорилъ, повизивъ голосъ:

— Вы плачете, но виновать ли я? Тертіевь этого не скрываеть; опъ самъ сказаль мив что вы у него были....

Людишла Григорьевна вдругь отнала руки оть лица и поглядьла на него съ какимъ-то ужасомъ, какъ бы желая удостовъриться: не съ ума ли спатилъ несчастный мужъ ея, или не клевещетъ ли съ какимъ-нибудь затаеннымъ умысломъ....

- Оправдывайтесь, если можете, добавиль Атуевъ еще тише, какъ бы приглашая тъмъ и жену свою говорить какъ можно тише.
- Оправдываться! сказала она, возвысивъ негодующій, слевами освъженный голосъ. Послъ такого оскорбленія оправдываться! Вы съ ума сошли.

И быстро поднявшись съ мъста, она вышла изъ кабинета въ переднюю, такая же гордая и холодиза.

Атуевъ слышаль какъ она, надъвая салопъ, спрашивала маньчика, знаетъ ан онъ гдъ живетъ Тертіевъ, и получивъ утвердительный отвътъ, приказала ему одъваться и ъхать съ ней. Когда горничная заперла за ними дверь на лъстницу, Атуевъ закрылъ глаза. Онъ чувотвоваль что въ груди его что-то вакийаетъ и подступаетъ къ самому горду; онъ думать, что ими дъйствительно онъ съ ума сошелъ, или что это сонъ, алой, нелъпый сонъ. Она уъхала и, быть-можетъ, не прівдетъ, на воротитоя! быть-можетъ, милый образъ навоегда исчезъ изъ глазъ его; разъв это не смерть? Развъ онъ мелатъ, котътъ оскорбить ее? Какъ же это такъ могле случиться? Развъ онъ не любилъ ея? Развъ онъ измъниаъ ей? Развъ пе она.... А что, если въ это утро онъ навсегда потерялъ ее! Навсегда!

И Атуавъ такъ горько зарыдаль, какъ еще пикогда, съ тъхъ поръ какъ матъ на свътъ родила его, не рыдаль Атуевъ.

XXIV.

Тертієвъ только что всталь, и ходя изъ угла въ уголь разминаль себя, даже раза два зъвнуль во все горло, потягиваясь и вытягивая кверху свои мускулистыя руки; на немъ быль тоть костюмь который обыкновенно составляеть переходъ съ постели къ умывальнику. Въ компать было свъжо (видно, хозяйка плохо печь истопила); но въ окна, сквозь морозные узоры, свътило солице, значить, быль уже часъ одиннадцатый. Въ Петербургь, зимой, всъ работающіе по ночамъ и не обремененные службой встають довольно поздно. Тертієвъ, видно, не быль исключеніемъ.

Въ дверь къ нему постучалась хозяйка.

- Что вамъ?
- Мальчикъ васъ спращиваетъ, черезъ кухню прошелъ.
- А какой такой мальчикъ? позовите-ка его сюда.

Чрезъ минуту въ корридорѣ послышались шаги, очевидно мальчика въ сапогахъ, и вошелъ Петя.

- А! Петя! Ну что? зачемъ ты? началъ было вессамиъ тономъ Тертіевъ, но вдругъ бровь его зашевелилась и онъ спросилъ:—ты съ письмомъ отъ Атуева?
- Натъ-съ, барыня просить васъ сойти къ ней, ока на улица васъ дожидается.
  - Kakaя барыня? Людиила Григорьевна?
  - Да-съ.

Тертіевъ походиль по комнать.

— Ну, скажи, что одънусь и выйду.

"Это она мирить меня прівхала, подумаль Тертієвь, или мужь прислаль съ извиненіємь.—А можеть-быть, и въ суматедтій домъ свезти его. Чорть его знасть. Третьяго для меня выругаль, нынче, можеть-быть, кусаться сталь..."

Умывшись, одевшись, накинувъ шинель и старую академическую съ козырькомъ фуранку, Тертісвъ вышель на улицу; увидаль сани, въ саняхъ Людмилу Григорьевну. Онъ ей поклонился. Она вышла изъ саней, и на тротуаръ они встрътились.

— Вы давно у насъ не были!... сказала она, протягивая руку, и горячій румянець заиграль на щекахь ся.

- Я все занять быль, отвічаль Тертієвь, глядя ей въ глаза и какъ бы стараясь прочитать въ нихъ чего она отъ него дочеть. Ужь не влюбилась ли въ него? Чінь чорть не тутить!
  - Пройдентесь, мив надо кой-о-чемъ спросить васъ.
  - И она вельна мальчику вхать вследь за ней по улиць.
  - Филиппъ Егоровичъ! я хочу васъ спросить....

"Ну, подумаль Тертієвь, это романомь пахнеть. Начнеть она мена депрашивать за что я съ мужемь ел поссорился."

- —Спративайте, сказаль онь, я оть отвіта не отказываюсь, коть, признаюсь вамь, очень бы желаль чтобы вы не спративами меня за что именно я поссорился съ вашимъ мужемъ...
- Нътъ, я просто хотъла бы васъ спросить, давно du вы стали клеветникомъ.
- Я?... Каеветникомъ? Это какими судьбами, каеветникомъ! Кого же это я оклеветалъ, по вашему мивню? Мужа вашего, что ли?
  - Mena!...
  - Bacz! Kakz Takz!...

Тертієвъ остановился и опять посмотріль на нее изъподъ козырька своей фуражки. Онъ не зналь, захохотать ли ему, разсердиться ли, или отнестись къ этой барыні съ сожажніемъ, потому что лицо ея позеленило, а въ глазахъ съ опущенными різсницами и на губахъ было не совсімъ обычное выраженіе.

- Вы изволили сказать моему мужу что я была у васъ, тажело дыша, проговорила Людиила Григорьевна.
  - Я? Вашему мужу? Что за дребедень!...
  - Вто же изъ васъ двухъ клевещеть?
- -Постойте. Ба! я теперь понимаю; какъ хорошо что вы

И Тертієвъ захохоталь такимъ искреннимъ смехомъ, что этоть смехъ не могь не озадачить Людмилу Григорьевну. Она эт свою очередь пріостановилась и поглядела ему въ лицо.

— Надо вамъ сказать, продолжаль весело Тертієвъ,—что вашъ сумашедшій мужъ просто-на-просто выругаль меня подлецомъ. Такъ-таки и бряквуль, что—подлецъ! Ха, ха, ха! И а, будь у меня въ это время въ рукахъ ножъ, я бы или въ подоплеку или въ брюхо ему засадиль его, и вышло бы чорть знаеть что! Но я отчасти поняль, что если человъкъ весеть такую дичь, такъ ужь, въроятно, или не въ своемъ ужь, или дъйствительно есть какая-нибудь причина не мале-

важная; иначе бы я на мысть ўбиль его; но чувство справедливости прежде всего. Теперь и выходить что я очень хорошо сдылаль что не отправиль его ad patres. Такь это онъ мны про вась говориль, что будто бы видыль вась; какы вы оть меня вышли! Это значить что онь за вась приняль мою Анну Семеновну! Я же, ха, ха, ха! посудите сами, могь ли подумать что рычь про вась идеть! Самь, говорить, видыль, была у тебя чужая жена. Ну, я ему и сказать; да, была чужая жена, потому что дыствительно не моя, а чужая. Онь мны на это бракнуль подлеца, ха, ха, ха! и улепетнуль. Ну, назови онь мны вась, милышая! ку, я все бы и поняль, и самь бы его выругаль, а то имя-то ваше произнести духу-то у него не хватило.... Не понимаю чымь я могь подать поводь такь ревновать вась ко мны, рышительно не понимаю.

- И вы до сихъ поръ были увърены что дъло идеть окакой-то Аннъ Семеновнъ? съ прояснившимся лицомъ перебила его Людмила Григорьевна.
- А что жь я могь думать! Не могь же я полагать что этоть сумасбродъ приняль мою дульцинею за жену свою.
- А развъ она на меня похожа?
- Развъ ростомъ, да дородствомъ, да вотъ еще башлыкъ свой носитъ такъ же какъ вы,—сзади золотая кисточка. Другаго сходства не обрътаю.
- Благодарю васъ что вы меня успокоили. Вы не клеветникъ; что же касается до моего мужа, то я, я разобдусь оъ нимъ.... Такое подозрвніе. Такъ оскорбить меня!... Впрочемъ, сдвлайте мив одно одолженіе.
  - -Kakoe?
  - Нътъ, даете слово что сдълаете?

Property of the appropriate and appropriate

- Не дамъ, прежде скажите.
- Запанте къ нему. Когда и упла, онъ плакалъ такъ ребенокъ. Отнесите ему вотъ эту вату записку, онъ епре из читалъ ел. Она попалась мив въ руки риспечатанила; какъ это случилось, вамъ нечего объяснять, только это поминов воли меей случилось. Думала ли и что изъ такижъ случать постей можетъ выйти такая неприятиля потория. Итакъ, вы из немузандете и... и объясните...
- на Нисванодить къ нему, ни объяснять ему что-либо ливе пенавренър равко отвачаль Тергіевъ, и за пасколько микульсатмощестя лицомето привило строто-суродоє выражимел и т

Вы мив скажете, что это опъ по опибкв назвалъ меня подлецомъ, стало-быть, мив извинить его следуетъ, нетъ-съ, это не такъ-съ! Если у меня украдутъ часы, а я по отнокъ назову васъ воровкой, не знаю, будете ли вы после этого говорить со мной. Это ясно, стало-быть вы меня не просите, потому что это будеть совершенно напрасно. Вы жена, и хотите съ нимъ разстаться за оскорбление, а я, не жена, а просто пріятель, долженъ быть списходительные жены. Онъ можеть съ повинной придти ко мнв. Да и этого я ему двивть не совътую; ибо это слово "подлецъ" такое слово, что его никакими трапками не сотрешь, никакими сладкими ръчами не замажешь. Я могу презирать такое оскорбление, но не прощать! Такъ вы и знайте, мильйшая!

- Ну, съ вами делать нечего, благодарю васъ. Прощайте!

— Прощайте, Людмила Григорьевна, жаль мив васъ!... "Эхъ жизнь, проводивъ ее глазами и насупивъ на глаза фуражку, подумалъ Тертіевъ;—вотъ, были знакомы, видались, спорили иногда, начинали, можетъ-быть, понимать другь друга, вдругь какая-пибудь нельпость, пошлость какая-пибудь-и прощай! оборвалась нить! Неужели это было последнее наше свиданіе? Судя по всему, она сойдется съ мужемъ; она изъ числа прощающихъ, а все-таки, врядъ ли она долго булетъ любить ero!..."

Людмила Григорьевна немедленно, то-есть не завзжая домой, поселилась у своей тетутки. Чтобы не пугать ея и не перетревожить, она разказала ей свою ссору съ мужемъ такъ, что вышло только смъшно. Чахоточная тетушка выслушивала этотъ анекдотъ сидя въ постели и уже работан спицами.

- Что же ты намерена теперь делать? тряся головой, спроспіа она племянницу.

— Я, ma tente, намърена его помучить и остаться съ ваии.... Прежде чъмъ онъ не придетъ въ себя, прежде чъмъ не убъдится что онъ кругомъ виноватъ,—я къ нему не поъду.

- Вотъ оно что! вся по характеру въ моего покойнаго братца. "А Аркаша дурень, въ мать пошель, подумала про себя, Клара Ивановна.-Приди-ка онъ сюда, дамъ я ему чужія

записки читать! Эдакой пустой мальчишка! ни о чемъ серіозпо не думаеть!"

Прошель день; пришла ночь. Людиила Григорьевна легла на диванъ въ спальной у своей тетушки.

- Какъ это странно! сказала она, ложась.—Опять я съ вами! точно и замужъ не выходила!
- Только какъ же это, моя милая, ты со мной останеньсл. Можетъ-быть, твой дуракъ мужъ не одумается, не сознается въ винъ своей и все-таки завтра же тебя къ себъ потребуетъ!...
- Я завтра не пойду, особливо если онъ потребуетъ. Да если онъ будетъ требовать, я и вовсе не пойду, какъ бы я его ни любила. Умру, а не пойду, горячо подтвердила Люд-мила Григорьевна.
  - А если онъ тебъ не дастъ паспорта.
  - Kakoro паспорта?

Тетушка, откашлявшись, разказала ей въ чемъ дело. (Она же когда-то и Сводъ Законовъ читала.)

- Какъ! а еслибы мужъ оказался мерзавцемъ и негодяемъ первой степени! Еслибъ онъ не любилъ меня и въ то же время котвлъ бы у себя въ домв держать меня какъ мебель, какъ кръпостную, и не давалъ бы мив паспорта! Что тогда?
  - И тогда ты обязана быда бы жить съ нимъ.
- Еслибы жить съ нимъ не было никакой человъческой возможности, еслибы онъ напивался и билъ меня?
- И тогда бы, матушка, безъ его паспорта тебя бы никто къ себъ не принялъ.
  - И такой законь?
  - Takoŭ законъ.
- Да въдь такой законъ держить сторону негодяевъ. Честный и образованный, или просто доброй души человъкъ всегда дастъ паспортъ женъ, если та не захочетъ жить съ нимъ. Напримъръ, какъ я ни зла на моего мужа, а я увърена что онъ непремънно пришлетъ миъ паспортъ, если я объ этомъ попрошу его. Чью же руку держитъ законъ? На чьей онъ сторонъ?... на сторонъ злыхъ и эгоистовъ, на сторонъ тъхъ которымъ пріятно правственно добивать жену свою....
- Кому это пріятно? поморщившись и оправляя на себѣ одѣяло, замѣтила тетушка: откуда ты это вычитала? Ты думаещь, еслибъ у тебя были грудныя дѣти, ты бы могла

спокойно ночевать у меня, могаа бы изъ пустаго каприва покинуть домъ свой.

Людицаа Григорьевна забыла что тетушки нужень покой, что уже дивнадцатый чась ночи, что уже симна догараеть, и стала возражать, пускаться въ разсужденія.

Долго молча слушала ее чахоточная тетушка; наконецъ вдругъ привстала, упиралсь на руки, съла на кровати, въ бълой кофтъ, въ бъломъ чепцъ, худая, страшная, и тънь ея, съ дрожащею головой на сухой и длинной шеъ, обрисовалась на стънъ за ея постелью.

- Люля! сказала она.
- Что тетушка?

Людиила Григорьевна испугалась.

- Ты... ты вигилистка!... ты....
- Ахъ, та tante, успокойтесь. Неужели размышлать зна-
  - Да развъ я учила тебя такъ размышлать?
- Размышленіямъ учить жизнь, ma tente! Ради Бога, успокойтесь! Мало ли что я говорю, и мало ли что иногда лыветь въ голову.
- Такъ ты въ самомъ двяв несчастна, Люля, если ты такъ разсуждаемь?

И въ голосъ старухи послышались слезы.

- Я счастлива, та tante, и буду счастлива. Вотъ вы увидите! Дайте только мив выдержать характеръ. Развъ вы не видите что мужъ до осавиленія меня любить, иначе бы онъ и не ревноваль меня....
  - А ты?
- И я люблю, успокойтесь, ma tante. Онъ добрый малый и совствиъ не такой вътренникъ! Право же, не шутя говорю вамъ, что я люблю его. Дня черезъ три, четыре, мы сойдемся, и все пойдетъ какъ по маслу. Я его изучила.... я знаю теперь какъ мнъ вести себя....
- Ахъ. Люля, Люля! какъ ты меня напугала своими размышленіями! И я училась, и ячитала, и никогда не доходила до такихъ мыслей.

Аюдмила Григорьевна босикомъ перескочила къ постели своей тетушки, поцъловала ее и стала увърять ее что она соверженно такого жемнънія, что напрасно она тревожится и пр., и пр.

Старуха опять улеглась; свеча догорела, и Людиила Григорьевна, задувъ ее, также протянулась на диване, но долго

не спала, и долго мысленно упрекала себя за то что своими, ей самой непривычными, разсужденіями такъ встревожила свою престарълую воспитательницу, иначе сказать, вторую мать свою.

XXVI.

Мальчикъ-слуга, воротившись домой безъ барыни, быль позванъ Атуевымъ въ кабинетъ и разказалъ ему какъ умълъ о свиданіи Людмилы Григорьевны съ Тертіевымъ. Баринъ допрашивалъ его, повидимому, безъ всякаго любопытства, даже въ рукахъ держалъ какую-то книгу и покраснъвшими глазами глядълъ въ нее, даже имълъ видъ все уже знающаго напередъ, или совершенно довольнаго женой своею, какъ поступившею на этотъ разъ сообразно съ данном ей инструкціей. Мальчишка, конечно, не подозръвалъ что такое творится въ домъ; но въ кухнъ уже шли разныя сплетни и пересуды: кухарка была за барина, горничная—за барыню, хотя и у той, и у другой были одни и тъ же подозрънія; не было только ръшено; кто изъ двухъ, то-есть баринъ приревновалъ, или барыня заартачилась, а ужь чтонибудь да не даромъ....

На другой день Атуевъ получилъ записку следующаго со-

держанія:

"Надъюсь, что вы позволите мив взять кое-что изъ вещей моихъ. Пришлите мив мои подушки, одъяло и часть бълья. Надъюсь, что въ мое отсутствие вы совершенно успокоитесь; я также съ своей стороны постараюсь о васъ не думать. Прощайте!"

"Л...."

Атуевъ самъ вышелъ въ кухню къ посланной и спросилъ о здоровъв тетупки, и какъ провела у ней ночь жена его?

— Все слава Богу-съ, отвъчала горничная, тетутка приказали кланяться-съ.

Это: "приказали кланяться" она уже прибавила отъ себя; по Атуевъ повърилъ что ему прислали покловъ, и вто его пемножко успокоило.

Затемъ опъ написалъ жене своей:

"Требуйте все что нужно. Такъ какъ я люблю васъ, я не въ силахъ былъ вынести вашу измену и оскорбилъ васъ

невольно. Никакое ученіе, котя бы и соціалистическое, не оправдываеть обмана и не возводить въ принципь лукавство.... Я бы никогда не позволиль себь васъ обманывать, изъ уваженія къ человіческому достоинотву. Надівось, что Тертієвъ, если только вы съ нижа виділись, подтвердиль вамы слова мои. Какъ ни горько, какъ ни тяжело съ вами разстаться, поступайте какъ знаете, и будьте счастливы....

"Остаюсь нашъ любящій и несчастный N. А.":

Посланная получила подушки, целую корзину белья, записку и рубль на извощика.

Когда она увхала, Атуевъ вошелъ въ спальню, легь на свою брачную, двуспальную кровать и опять залился слезами. Онъ вспомниль что чрезъ два-три дня Рождество Христово, что въ этотъ день онъ мечталъ о подаркъ женъ своей; мечталъ о томъ какъ будетъ этотъ подарокъ принятъ, и какимъ восторженнымъ поцвауемъ отдаритъ его благовърная.

"Все пошло къ чорту!" подумалъ Атуевъ, и никакъ не могъ на этой фразв успокоиться. Семейная жизнь уже успъла пустить въ него свои пъпкіе корни, и вырвать ихъ было не легко ему.

Чрезъ день, по городской почть, онъ опять получиль письмо, увидьль на конверть почеркь жены, и сердце забилось въ немъ радостнымъ предчувствіемъ; но это было мерцаніе его собственныхъ, имъ самимъ еще не вполнъ сознанныхъ надеждъ и желаній (а онъ желаль или оправданія, или признанія, или, по крайней мъръ, того отчаянія, въ которомъ саышались бы и любовь, и горе). Увыі конверть заключаль въ себъ, вопервыхъ, просьбу прислать ей свидътельство на отдъльное жительство, вовторыхъ, записку Тертіева, причемъ Людмила Григорьевна откровенно разказала ему какъ она попала къ ней въ руки, и совътывала ему, если онъ встрътить Аркату, выбранить его за разсъянность.

И то и другое было для Атуева громовымъ ударомъ. Онъ увидалъ что жена его не шутитъ, и главное, уразумълъ изъ письма Тертіева, что не только напрасно онъ оскорбилъ жену свою, но и Тертіева назвалъ подлецомъ совершенно напрасно. "Я смівшонъ!" сокрушенно повторялъ Атуевъ, стоя посреди своего кабинета, разставивъ ноги и подбоченившись. "Віздь а смівшонъ!! Все могу явынести, — этого не вынесу!... Это... это ужасно! Я смізшонъ! Она меня презираетъ! Что же такое я надълалъ?... Ухъ!..." Потомъ онъ расхаживалъ,

махаль руками и горячился.... "Какъ смъть читать чужія записки!" кричаль опъ самъ про себя (потому что можно и про себя кричать, когда монологь не на подмосткахъ сцены, а на сценъ жизни дъйствительной). "Развъ это не подлость! Приходить ко мит записка, опъ береть, распечатываеть, читаеть, отдаеть не мит, а женъ моей! По какому праву?... Гдъ я наконецъ! Кто заплатить мит за всъ страданія которыя и съ тъхъ поръвынесъ! Сколько потеряль, потому что ничего не могь работать; ръшительно ничего не лъзло въ голову! Разстанность! Положимъ, разстанность! Зачтыть же опъ не извинился? Зачтыть не мит отдаль записку?... Тъфу! Подлость!... И Тертіевъ дуракъ! Чортъ знаетъ что вообразиль себъ. Очень мит нужна его Анна Семеновна!... Я такъ же объ ней думаю какъ о чужихъ подотвахъ. Вообразиль что ревную къ ней! Скажите пожалуста!..."

Taks kunatuaca Atyebs.

Ночью овъ писалъ длинное, страстное посланіе къ жевъ своей, упрекалъ себя, просилъ, умолялъ ее простить его, но о паспортъ ни слова. Письмо это осталось безъ отвъта. Наступилъ канувъ Рождества; никогда еще такъ страшно не тосковалъ овъ, не падалъ такъ духомъ, какъ въ тотъ день. Квартира безъ жевы показалась ему могилой. Овъ страдалъ ужасно; все думалъ какъ ему поступить, и въ рожественскую полночь, сидя у себя въ кабинетъ, придумалъ написатъ письмо и вслъдъ затъмъ отравиться. Овъ писалъ:

"Я ръшился умереть. Жизнь меня обманула. Судьба поставила въ такое положение, что явно я не могу ни говорить, ни писать, ни дъйствовать. Я родился свободнымъ, и умру свободнымъ! Радуюсь что этого права, права умереть, никто, никакая деспотическая власть отнять у меня не можетъ. Никого не вините въ моей ръшимости. Вое мое завъщаю женъ моей."

"Николай Атуевъ."

Вотъ какой поводъ къ самоубійству избраль для себя Атуевъ! Сочиняя вто письмо, онъ услаждаль себя мыслію что строчки имъ начертанныя будуть перепечатаны во всіхъ газетахъ: что если ему не удалась слава при жизни, по крайней мъръ пусть хоть имя его, какъ мученика идеи не выпестаго на плечахъ своихъ всей тяжести современной дъйствительности, протумить вслъдъ за извъстіемъ о его страдальческой кончинъ. Письмо это было однакоже не съ разу написано; онъ пугался собственныхъ фразъ своихъ; иногда вставалъ, ходилъ, разъ даже заглянулъ въ кухню, и тамъ вперилъ глаза свои на икону озаренную праздничною лампадкой. Кухарка спала раскрывъ ротъ, и похрапывала. Атуевъ и на нее погладълъ; "вотъ и она, подумалъ онъ, удивится что баринъ умеръ.... А Люля! Люля моя!... Неужели и она не пойметъ, что это она меня убила, что а не могу житъ, потерявъ навсегда любовъ ея.... Ахъ, Люля, Люля!..."

"Нетъ! подумалъ онъ, ложась спать:—погожу еще день или два. Для праздника не следуетъ тревожить ни людей моихъ, ви жену."

XXVII.

Въ первый день Рождества Атуевъ сдѣлалъ вѣсколько визитовъ и, повидимому, былъ покоевъ; только когда спрашивали его: "а какъ здоровье вашей супруги?" сердце у него сжималось, овъ отвѣчалъ:

- Слава Богу-съ, по тетушка ея, Клара Ивановна, очень плоха, она теперь у ней пока, въ родъ сестры милосердія.
  - И вы одни теперы?
  - Что делать! пожимая плечами отвечаль Атуевъ.

На другой день ему почудилось что, воротившись домой, окъ пепремънко найдетъ у себя въ кабинетъ жену свою, но отибся, и поъхалъ походить предъ ея окотками, на Конютенной.

Были сумерки; онъ уже возвращался съ своей прогулки и нечаянно встрътилъ одного доктора, по фамиліи Бурко, пріятеля и однокашника Тертіева.

- Гдв вы живете? спросиль его Атуевъ.
- А вотъ тутъ, на дворъ.
- Можно зайти къ вамъ?
- А зайдите, потолкуемъ. Вы гдв объдаете?
- Я.... nurgt.
- Kaka nurgts?
- Такъ, нездоровится что-то.
- Ну, мы васъ полвчимъ.
- Ну, вотъ, и прекрасно.
- Что вы говорите: прекрасно?
  - T. LEEK).

- А то что, я увъренъ, вы миъ поможете. Давно ли вы были у Тертіева?
  - Вчера былъ.
    - Онъ вамъ ничего не говорилъ?
    - Ничего, а что?
- Такъ, ничего.... kaжется, сама судьба послала мив васъ на встрвчу.

Перебрасываясь подобными вопросами и подобными отвътами, оба они вошли подъ ворота, потомъ направо по двору, и наконецъ по лъстницъ во второй этажъ, налъво.

Атуевъ никакъ не ожидалъ чтобы товарищъ Тертіева, одного съ нимъ выпуска и такой же бъднякъ, жилъ такъ богато. Кабинетъ Бурка былъ убранъ не только со вкусомъ, но и съ нъкоторою роскотью. Книги выглядывали изъ великоафиныхъ маленькихъ шкапчиковъ съ рфзными украшеніями. За стеклами и безъ стеколъ, на коммодъ и на этажеркахъ стояли снаряды; туть были и кресла для изследованія больныхь, и спирометръ для страждущихъ грудными болъзнями. Чего, чего не было! На диванъ лежали шитыя по бархату полушки: въ углу топился каминъ, ярко озаряя пестроту всего этого разнообразія и уголь кабинетнаго стола, на которомъ торчали ящики для сигаръ и подсвъчники въ видъ уродливыхъ, вытянутыхъ, словно зеленою ярью подернутыхъ фигуръ, однимъ словомъ, модные, хотя и безобразные подсевчники. Атуевъ сразу понялъ что напалъ на квартиру человъка практическаго, умъющаго пользоваться всякимъ случаемъ не безъ пользы для своихъ кармановъ.

- — Вы, кажется, счастливы? сказалъ ему Атуевъ.
  - A что?
- Да такъ, по всему видно что вы не однихъ дворниковъ да прачекъ лечите, какъ Тертіевъ.
- У Тертіева никогда не будеть практики, отвічаль хозаинь, улыбаясь и подчуя Атуева настоящими гаванскими сигарами.
  - Oruero ske sto?
- A! Да оттого, вопервыхъ, что онъ много пишетъ: это корошо для науки, но не для публики; вовторыхъ, потому что много говоритъ и часто неудачно, невпопадъ говоритъ, а втретъихъ, потому что больнымъ льстить не умъетъ, а это главное.
  - Да какъ же это льстить?

b

Ų

Ą

4

è

ŧ,

45

'n

1

- Очень просто: на каждаго умирающаго смотрите какъ на человъка безсмертнаго, на каждую разслабленную, развинтившуюся, капризную барыню, какъ на существо неземное, на каждаго мнимо-больнаго, какъ на человъка опасно заболъвшаго, и у васъ непремънно будетъ практика, разумъется, если при этомъ вы ловки, не безъ лукавой улыбки добавилъ онъ, зажигая свъчку.
- Докторъ, я къ вамъ съ просъбой, сказалъ наконецъ Атуевъ,—помогите миъ умереть, жизнъ невыносима. Что за климатъ! Что за люди! Что за мерзостъ кругомъ творится, куда ни поглядишь! Дайте миъ на всякій случай какого-нибудь.... здакого порошка, ну, да вы понимаете. Я нарочно къ вамъ обращаюсь, потому что вы человъкъ вполнъ современный, для васъ самоубійство не есть преступленіе.
- Гм! промычаль козяинь, уствишсь противь него въ кресла, и поглядывая въ каминь, спросиль его:—Такъ жизнь вамъ надотла, значить?
- Да и къ чему жить? Были идеи, были надежды и въра въ лучтее, все прото. Чувствуеть, что только землю бременить даромъ.... Вы не думайте что я съ тоски или съ отчаянія, нътъ, просто отъ того что сознаю, ну..... какъ бы это выразиться, дотель до такого сознанія что жить безъ какого-нибудь общественнаго дъла, безъ какой-нибудь цъли, значить не жить.... Понимаете?...
  - Попимаю, Гм!...
- Если вы мив и не дадите яду, вы этимъ меня не спасете; я или въ прорубь брошусь, или сървыхъ спичекъ навися....

На это докторъ спокойно ему замѣтилъ что, конечно, овъ его не спасетъ, но по крайней мъръ отвъчать за него не бу-

— А какъ это узнають, позвольте васъ спросить, какъ узнають что я получиль отъ васъ какое-нибудь зелье или спадобье? Не бойтесь, я не разъ говориль женъ своей что у женя есть ядъ, что во всякое время могу отправить себя въ поля елисейскія, и она мнъ върила.

"Ну, едва ли тебѣ хочется въ елисейскія!" подумаль про себя докторъ и сказаль ему:

- Хорошо-съ, за мной дело не станеть.

Атуевъ сейчасъ же повелъ разговоръ на другой тонъ, сталъ трувить надъ его интрижками и ему завидовать.

Черезъ полчаса хозяниъ поднялъ портьеру и вышелъ въ

другую комнату, пробыль тамъ минутъ десять и вынесъ Атуеву небольшую сткляночку какого-то изсъро-бълаго порошка.

— Смотрите жь, menнулъ онъ ему,—не выдайте меня, это довольно сильный ядъ.

Атуевъ взяль сткляночку, спраталь ее къ себъ въ боковой карманъ и сказаль:

- Не безпокойтесь, это тайна.... Только нать ли у васъ зельтерской воды или чего-нибудь здакаго, у меня жажда.
  - А чаю не хотите?
  - Да въдь вы же еще не объдали?
- Я быль на именинахь, и такъ позавтракаль, что объдать не буду.
  - A kakoro нынче святаго?
  - Да должно быть Якова, двадцать тестое число.
  - Ну, дайте мив чаю.

Бурко звопкомъ позвалъ человъка и велълъ ему чаю подать. Атуевъ мало-по-малу пришелъ опять въ такое грустное настроеніе духа, что докторъ не шута сталъ думать что Атуеву плохо, и даже какъ будто раскаялся что далъ ему ядъ. Атуеву же хотълось все разказать доктору, все что съ нимъ случилось, и какъ у человъка практическаго, попросить у него совъта, но одна мысль его удерживала: опъ когда-то слышалъ отъ Тертіева, что докторъ Бурко не только сплетничаетъ не мало, но даже анекдотцы разные про своихъ знакомыхъ выдумываетъ; вто пугало Атуева, и его порываніе къ откровенности такъ и осталось однимъ безплоднымъ, глухимъ порываніемъ.

- Прощайте, докторъ! Постойте, между нами будь сказано, какое дъйствіе оказываеть вашь порошокъ?
- Тсъ!... и Бурко глазами показалъ на своего саугу, выносившаго подносъ со стаканами. — Если вы весь его примете, то чрезъ подчаса умрете.
  - Значить, не вдругь,—это скверно... быть-можеть, еще боль будеть страшная, я этого не хочу.
- A! ну ужь а не знаю! впрочемъ, не думаю. Если у васъ внутри нътъ никакого органическаго поврежденія, то вы и не почувствуете, только заснете. Эдакое замираніе во всемъ тъль,—понимаете? А если вы примете половину этой порцін, то можете еще успъть и завъщаніе написать. Рапыне-

часу или двухъ не подъйствуетъ; тогда можно будетъ даже еще и спасти васъ; у меня есть противоядіе.

- А если спасете, то никакихъ послъдствій?
- А! это судя по организму!...
- Ну, прощайте.
- Прощайте, Атуевъ, только постойте, не пеняйте на меня, сами просили. Помните это, Атуевъ.
- Еще бы, отвічаль тоть въ полголоса, пенять! Напротивъ, благодаренъ вамъ; вы не лишили меня послідняго права; какъ равный съ равнымъ со мной поступили.

Когда же Атуевъ вышелъ на улицу, онъ подумалъ: "Вотъ чортъ! даетъ мив смерть, помогаетъ отравиться,—и это ему ни почемъ: точно я для него лягушка, или крыса! Эдакое, подумаешь, желвзное времечко! Какъ, кажется, не закалиться въ этакой средъ... Неужели никто и не вздохнетъ коли я отравлю себя?... Какъ будто я вздыхалъ о тъхъ самоубійцахъ о которыхъ каждый мъсяцъ читалъ въ извъщеніяхъ отъ полиціи! да-а!... О Люля, Люля! до чего я дошелъ! Но неужели и ты.... холодное существо! и ты не заплачешь!..."

Искреннее горе, искреннее чувство и истинное раскалніе зъ Атуевъ безпрестанно мъшались съ чъмъ-то фальшивымъ, неестественнымъ, натянутымъ, притворнымъ, но это онъ едва ли замъчалъ въ себъ.

XXVIII.

Того же дня, въ девятомъ часу вечера, Людмила Григорьевна была испугана своею горничною, Степанидой, которая, вызвавъ ее въ переднюю, торопливымъ голосомъ сообщила ей что баринъ умираетъ и проситъ ее завхать къ нему проститься.

Люджила Григорьевна одвисква, но не вдругь повърила, скватила горничную за руку, и спросила:

- Правду ли ты говорить мить? Если это обманъ....
- Ей Богу, барыня.... Руки похолодили, на силу языкомъ ворочаеть.

Не заходя въ спальню тетушки, Людиила Григорьевна, дрожа встить телоить, накинула на себя салопъ, капоръ, сбъжала съ лестницы и на извощикть, который дожидался ея у подътведа, покатила къ себть на квартиру. Никакъ не ожидала она ничего подобнаго. Ей уже становилось скучно въ гостяхъ у больной тетки, и она непремънно бы повхала къ мужу, еслибы тотъ прислалъ ей паспортъ; но мужъ не прислалъ ей этого паспорта, и она упрамилась. Думала ли она что случится такая катастрофа! Представъте же себъ весь ужасъ бъдной женщины, когда она увидала мужа своего на диванъ, блъднаго какъ полотно, съ закатившимися глазами, съ хрипотой въ горлъ, и предъ нимъ на столъ, возлъ очковъ, недопитый стаканъ со слъдами какогото порошка. Она схватила его за руку, рука была холодна. Чувствуя что голова ея кружится, Людмила Григорьевна упала на колъна, и со слезами на глазахъ, припала головой на грудь своего мужа.

Онъ обнялъ эту милую для него голову и спросилъ:

- Это ты, Люля? Прости меня!
- Безумный, безумный! что ты надълаль? Говори скорьй что ты съ собой сдълаль?... Какъ могь ты, несчастный, соминьваться въ любви моей! Какъ могь ты....

И она, плача, стала обнимать и целовать его.

— Спаси меня, шепнулъ ей мужъ.—Еще есть врема; у доктора Бурка, что на Малой Конюшенной, есть противоядіе... Если онъ дома, я спасенъ. Скоръй.... или пошли за нимъ, или дай мнъ умереть.... Охъ!...

Не прошло пяти минуть какъ всё люди были подняты на ноги; кухарка послана за молокомъ, мальчикъ и горничная оба поёхали искать доктора Бурка и во что бы то ни стало привести его.

Можете себъ представить какими ужасными казались и ей, и ему минуты ожиданія!

Людмила Григорьевна не жалъла никакихъ ласкъ, никакихъ утъшеній; поила своего мужа на-скоро вскипяченнымъ молокомъ; но тотъ увърялъ ее что ему не легче, что онъ чувствуетъ замираніе во всемъ тълъ, жженіе въ груди, и при этомъ раскаивался, проклиналъ докторовъ, жалълъ о жизни, плакалъ отъ страха, и уже готовъ былъ упасть въ обморокъ, когда раздался громкій звонокъ въ передней, и вбъжавшая горничная возвъстила о прівздъ доктора.

Атуевъ замѣтно ожилъ; надежда озарила его туманную голову.

— Я вижу, сказалъ докторъ Бурко, входя въ кабинетъ съ гакимъ строгимъ и злымъ лицомъ, что несмотря на всю его

красивую наружность и румяныя щеки, Людмила Григорьевна поглядьла на него какъ на чудовище, — я вижу что съ вами нельзя имъть дъла. Вы посылаете за мной людей, и опоздай я къ вамъ прітхать, на меня бы пало подозръніе что я вамъ далъ что-то вредное, тогда какъ я вамъ ничего такого вреднаго не далъ.... Меня бы ради васъ притянули къ слъдствію, и вы, милостивый государь, испортили бы мою репутацію.

- Но до репутаціи ли, когда нужно спасти человъка? проговорила Людмила Григорьевна.
- Мив моя репутація дороже-съ, отвічаль Бурко съ нікоторымь озлобленіемъ.
  - Спасите, докторъ, я чувствую....
- Ну что вы чувствуете? Покажите языкъ. Гдв порошокъ мною вамъ прописанный?
- Я не помию, докторъ, вотъ онъ на столъ письменномъ.. Докторъ взялъ сткляночку, поднесъ ее къ свъту, и улыбка покривила его губы.
- Вы однакоже и половины не приняли! Куда годится такое животолюбіе? Я никакъ этого не ожидаль отъ васъ. Сударыня, сказаль онъ, съ ногъ до головы оглядывая Людмилу Григорьевну и какъ бы любуясь встревоженною красотой ея,—пока я дамъ ему противоядіе, пожалуста, прикажите большой горчичникъ сдёлать, это главное.

Людмила Григорьевна побъжала въ кухню дълать горчичникъ.

Только что она вышла, Бурко нагнулся надъ ухомъ умирающаго и шепнулъ ему:

- Отъ сахару съ перцемъ не умираютъ. Полноте воображать себя умирающимъ. Чего еще добраго, отъ одного воображения на тотъ свыть отправитесь.
- Докторъ! неужели? спросилъ Атуевъ, и краска выступила на лицъ его. Ради Бога, не говорите женъ моей что вы меня надули. Какъ же вамъ это не совъстно!
- Ну, вотъ еще вздумали какую претензію объявлять. Сами рады что я надуль. Небось, кабы на самомъ-то ділів захоть и умереть, весь бы порошокъ приняли. Я съ васъ меньше двадцати пяти рублей за этотъ визить не возьму, потому что вы помінали мить; я вотъ теперь опоздаю.... Меня въ пати домахъ ждуть....
  - ити домакъ ждутъ.... — Хорошо, корошо, докторъ, пробормоталъ Атуевъ, а самъ

подумаль: "Ну, этоть докторъ не умреть съ голоду; онъ не Тертіевъ."

И надо отдать справедливость Атуеву, въ эту минуту мысленно онъ не пощадиль себя, порядкомъ себя выругаль.

Людиила Григорьевна принесла горчичникъ, и докторъ при ней преспокойно облъпилъ животъ своего пріятеля.

- Ужь она даль мив противоядіе, сказаль Атуевь, мив легче; успокойся ради Бога....
- Докторъ, докторъ! Что кабы не вы?... Пожалуста, побраните его, сумашедшаго. Можно ли такъ?... лепетала благодарная Людмила Григорьевна, сидя у ногъ своего ожившаго супруга.
  - А кто у васъ домовый докторъ? спросилъ ее Бурко.
  - У насъ пътъ домовато доктора.
  - Возьмите меня, я возьму съ васъ не дорого.

Атуевы согласились. Бурко повесельль, напился чаю, полюбезничаль, получиль 25 рублей и ужхаль.

Разумъется. Людмила Григорьевна осталась съ мужемъ и послала къ тетумкъ записку съ увъдомленіемъ что она ночевать у ней не будетъ.

Атуевъ былъ очень радъ, сбросилъ съ себя горчичникъ, и какъ сумашедшій, пъловалъ чуть не до утра жену свою.

Я также радъ что все благополучно кончилось. Трагическій конецъ быль бы даже какъ-то и не къ лицу Атуева. Но неужели конецъ?

Господа, пока жизнь тянется, конецъ одного есть начало другому или, лучше сказать, не видать ни конца, ни начала. Чувствуются одни только превращенія, и тъ совершаются такъ незамътно, что не всякому глазу, постоянно за ними слъдящему, уловить ихъ колеблющееся движеніе.

Съ того времени прошло не Богъ знаетъ сколько лътъ, но ужь Атуевъ не совсъмъ тотъ Атуевъ какимъ вы уразумъли его въ этой повъсти. Онъ уже совершенно подъ башмакомъ жены своей, состоитъ на службъ, получаетъ порядочное жалованье и въ виду имъетъ выгодное мъсто, къ тому же у него двое дътей, двое маленькихъ Атуевыхъ. Жизнъ его окончательно разошласъ съ его убъжденіями; но теоріи, какъ ни шатки они были въ душъ его, до такой степени пріучили его къ извъстнымъ взглядамъ и къ извъстнымъ тенден-

діознымъ выраженіямъ, что и теперь Атуевъ говорить то же самое, также называетъ себя раціоналистомъ, также въруетъ въ одни естественныя науки, коть самъ ими и не занимается; также нападаетъ на искусство, то-есть требуетъ отъ него чего-то такого что онъ и самъ порядочно не сознаетъ. Съ Тертіевымъ онъ сошелся не скоро, но сошелся на столько, что при встръчъ на улить или въ гостяхъ попрежнему съ нимъ разговариваетъ; изъ числа этихъ разговоровъ приведу одинъ, которому я былъ свидътелемъ. Ръчь мла о страстяхъ и о томъ, страоти ли дъйствуютъ на умъ или умъ возбуждаетъ страсти? Между прочимъ кто-то заговорилъ о ревности.

- Ревности не должно быть, провозгласиль Атуевъ, и опустиль глаза, потому что Тертіевъ погладель на него такъ, какъ ястребъ гладить на свою добычу.
- Эхъ, "не должно быть"! возразиль не безъ злости Тертіевъ.—Еслибъ ты сказаль что ревность, какъ и всякая другая страсть, должна быть умъряема воспитаніемъ или разсудкомъ, однимъ словомъ, находить въ насъ самихъ противовъсъ или границу, а бы тебя поняль, а то "не должна"! Это то же самое еслибъ я сказаль тебъ: носъ твой, не долженъ слышать запаху деття, или тебъ на морозъ не должно быть холодно, а лътомъ на солнцъ—жарко.... Вонъ, бываютъ и такіе индивидуумы, которые и безъ селезенки жили нъсколько лътъ: слъдуетъ ли изъ этого что у человъка, или у Атуева, не должо быть селезенки? Это, братецъ, не раціональный взглядъ, а фантазія.

я. полонскій.

ГРАФЪ ПАНИНЪ

УСМНРНТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ

матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта.

IV. Объездъ графомъ Панинымъ ввереннаго ему края.

Въ первой главъ настоящаго сочиненія мы уже довольно подробно выяснили причины не позволившія графу Паниму вытькать изъ Москвы тотчасъ по полученіи увъдомленія о назначеніи его главнокомандующимъ. Причинами этими бы ли, съ одной стороны, боязнь, раздъляемая и императрицейчтобы Пугачевъ не бросился къ Москвъ и не сдълалъ въ ней "пакость какую ни на есть", а съ другой—пеобходимость не только дождаться слъдовавшихъ въ Москву войскъ, но и выждать пока они нъсколько выдвинутся впередъ, чтобы потомъ слъдовать вмъсть съ ними.

Выбхавъ 17-го августа изъ Москвы, графъ Панивъ не могъ не составить себъ самаго печальнаго взгляда на тогдашнее положеніе дълъ въ краѣ, который ему предстояло усмирить и привести въ прежнее спокойствіе. Не говоря уже о слухахъ, всегда и все преувеличивающихъ, офиціальныя изъвстія, сами по себъ, были настолько мрачны что не оставалось пикакого сомивнія въ отчаянномъ положеніи всего Поволжья Съ главнаго театра дъйствій Пугачева было получено (наканунъ или въ день вывзда Панина изъ Москвы) извъстіе о

^{*} Cm. Pycckiŭ Bncmnuks NN 3 u 4.

разграбленіи имъ Саратова, а изъ пройденныхъ его тайками мѣстъ во множествѣ присылались донесенія о бунтѣ крестьякъ. Донося о своемъ выѣздѣ изъ Москвы, Панинъ былъ правъ, прибавивъ, что чернь всюду поднялась, слутаясь подсыльныхъ отъ Пугачева, и что "сіе пламя прорывается уже по здѣтней сторонѣ Волги, не только въ одной Нижегородской, но и въ Воронежской и Московской губерніяхъ, разнестіяся отъ него искрт въ черни конечно вездѣ куда только оныя достигнуть могли совсѣмъ готовы воспламениться" (дѣло № 26.429 ст. 58). Около этого же времени Панинъ писалъ князю Голицыну что положеніе "дѣла натего въ самемъ предосудительномъ для насъ состояніи". *

Свъдънія, полученныя Панинымъ въ Москвъ изъ поднавшагося края, мы постараемся сгруппировать въ одно целое дабы показать что масса населенія столько уже была наслышана о Пугачевъ и объявляемой имъ свободъ, съ такимъ ветерпъніемъ ждала его, и вообще такъ сильно была назлектризована, что дъйствительно достаточно было только искры чтобы начался пожаръ. Появленіе двухъ, трехъ матежниковъ подымало цельне города и села и служило сигналомъ къ арестованію дворянъ и мъстныхъ властей.

До Алатыря, гдв Пугачевъ былъ съ 23-го по 25-е іюля, ма тежники шли одною толной; появленіе ихъ за Волгой было-еще слишкомъ недавно, и численность ихъ невелика чтобы можно было допустить отдъленіе боковыхъ отрядовъ, но на пути отъ Алатыря на Саранскъ и далѣе начали отдъляться отъ главной шайки Пугачева небольшія толпы и даже одиночные люди рышившіеся попытать счастія. Будучи съ Пугачевымъ, они имъли полную возможность убъдиться въ обмань самозванца и въ той легкости съ какою можно было, въ то злополучное время, подымать темную чернь и властвовать ею. Примъръ былъ заманчивъ, и вотъ явились новые самозванцы. Въ городъ Инсаръ прівхали два казака; одинъ ивъ называль себя Петромъ III и требоваль отъ жителей

[•] Приводимъ здѣсь не лименную интереса слѣдующую выписку изъ письма императрицы къ князю Волконскому, отъ 29-го августа 1774 г. (Восьмнадуатыей съкъ, стр. 128.) "Пожалуй держите уко востро. О тульскихъ обращенияхъ вдѣсь слухъ есть что тамъ между ружейными настеровыми не спокойно. Я нымъ тамъ заказала 90.000-ружей для арсенала: вотъ имъ работа года на четыре, шумъть не станутъ."

покорности. Воевода, захвативъ казну, бъжалъ, а горожане покорились пришельну, который, какъ оказалось послъ, былъ "бъгло-помъщичій человъкъ, именемъ Петръ Евстаевевъ, росту средняго, лицемъ смуглъ, волосомъ русъч. Хотя съ нимъ находился только одинъ товарищъ, но окрестные жители, особенно дворовые люди, стекались со всехъ сторонъ и образовали шайку. Инсарь сталь местомь страшнаго позорища; семьдесять девять человъкъ, побольшей части чины инвалидной и штатной командъ, пали жертвами черни. Мы не имвемъ никакихъ свъдъній опричинахъ истребленія этихъ командъ, но не подлежить сомявню что онв не приняли сторону Евстаејева и за то были истреблены его тайкой. За первымъ ослутникомъ его власти, инсарскимъ воеводой, была послана погоня. Къ новому самозванцу начали прибывать и мятежники изъ главной Пугачевской толпы. Усилясь въ числь, Евстафіевъ пошель брать Троинкъ. Троинкъ былъ разграбленъ; воевода секундъмаюръ Вареоломей Сталповскій, товарищь его капитанъ князь Чегодаевъ и дворцовыхъ дель управитель Половинкинъ убиты, а имущество ихъ расхищено. Мъстные троицкіе жители не только не сопротивлялись, но помогли мятежникамъ и попридержали своихъ начальниковъ, поплатившихся kusnim.

Въ Наровчать поступили еще смълье. Тамъ не ждали мятежниковъ, а какъ только заслышали о прибытіи самозванца въ Инсаръ, всв жители вооружились дубинами, и захвативъ воеводу Асанасія Цівнина и его канцелярію, сковали всъхъ и посадили подъ караулъ. Шацкой штатной команды вахмистръ Иванъ Санковъ, посланный изъ Шацка разузнать что дъластся въ окрестностяхъ, засталъ Наровчатъ и тамошнюю кръпость наполненными чернью, выжидавшею что будетъ. Санковъ не могъ вхать далъе, такъ какъ всъ селенія были взволнованы. Въ послъдствіи воевода былъ убитъ.

Въ Керенскъ 1-го августа прибыла команда изъ 12-ти неизвъстныхъ людей съ вахмистромъ, который говорилъ попольски, "объявляя о себъ что они команды государя Нетра Третьяго и бъгутъ за инсарскимъ воеводой". Керенскіе однодворцы пристали къ нимъ и повели ихъ къ воеводскому товарищу Перскому. Вахмистръ показалъ какое-то письмо на имя сына инсарскаго воеводы и требовалъ помощи къ поимкъ воеводы, объщая, "что если-де они его поймаютъ, то отъ Петра Өедоровича дано будетъ имъ за то денегъ полтораста рублевъ". Перскій не хотват слушаться, приказаль было вязать бунтовщиковъ, но містный городничій, отставной унтеръ-офицеръ Черменскій, съ толпою человікь во сто, хотвать было сковать Перскаго и его секретара Королькова, однако этого не сділали, а только взяли ихъ подъ карауль. Пріть жавшіе мятежники, попировавъ съ однодворцами, уткали.

17-го августа вновь прибыла къ Керенску партія мятежниковъ, но встрітила отпоръ. Воеводскій товарищь Перскій приняль мізры ко вразумленію жителей, послів перваго наізда бунтовщиковъ, и успіль отбить вновь явившихся непрошенныхъ гостей.

Вследъ за Троицкомъ чернь разграбила Краснослободскъ, Темниковъ и приближалась къ Ардатову, изъ которато въввали о помощи къ князю Волконскому.

Эти свъдънія были тъмъ печальнье, что къ нимъ присо-единились извъстія что и духовенство принимаетъ сторону матежниковъ. Графъ Меллинъ, донося о взатіи Саранска, поаробно объясниль измину духовенства, описавь какь ово, съ архимандритомъ Александромъ и монахами мъстнаго монастыря во главъ, встрътило Пугачева, и повсюду, несмотря даже на отсутствие самозванца, поминаеть на литургіи и молебнахъ "злодъйское варварское има". Это извъстіе сильно встревожило графа Цанина. При той робости которая овладала повсюду дворянствомъ, не выказавшимъ нигдъ способности къ привятию сообща мъръ предосторожности противъ страшнаго врага, измена духовенства была тажелымъ ударомъ для правительства. Духовекство приставшее къ матежу еще болье облегчало дьло самозванца; событіе это удостоверяло чернь что въ самомъ деле въ пароде явился царь утедтій отъ пресавдованій дворянства и принестій наконенъ столь желанную волю.

Измъна духовенства побудила графа Панина просить чтобы синодъ сдълалъ увъщанія и разосладъ прамо отъ себа въ епархіи предписанія съ требованіемъ "чтобы духовный чинъ особливо не дерзалъ впадать и сообщаться въ таковыя злодъннія, и что несохраняющіе себа даже до претерпънія смерти, по подражанію Христу Спасителю и апостоламъ, въ непремънной върности къ благочестивой своей церкви, къ вашему императорскому величеству и къ Имперіи, въ самой тотъ часъ въ который кто изъ нихъ попольнется приступить не только въ сообщество, но и къ какимъ бы то ни было способіямъ къ злодъйственнымъ бунтовщикамъ и врагамъ благочестивой своей церкви и государыни, литается властію синода священническаго и всякаго духовнаго рукоположенія и подвергается гражданскому суду и наказанію".

Желаніе графа Панина было исполнено, но въ Петербургв мало вършли въ силу увъщаній синода. Таковыя увъщапія были уже и прежде посланы въ губерпіи Казанскую и Оренбургскую, "но мало дъйствія тамъ имъли, а теперь и самъ архіепископъ казанскій, который на бунтовщиковъ первую клятву наложиль, подъ сумнъньемъ...."

Увъщанія синодомъ были посланы; текста этого увъщанія мы не имъли подъ руками, но есть положительныя указанія что виновные священно-служители опредъленіемъ синода ли-

тены были рукоположенія и прокляты.

Итакъ, не съ веселыми надеждами вывъжалъ графъ Панинъ изъ Москвы; тяжелыя мысли подавляли его. Онъ твердо ръшился употребить самыя крайнія мъры, чтобы подавить возстаніе, усмирить крестьянъ и сдълать ихъ болье прежняго покорными своимъ господамъ. Кръпостное право, противъ котораго столь неожиданно поднялось Поволжье, готовилось вступить въ новую фазу своего историческаго развитія и утвердиться на цълое почти стольтіе, до той поры когда, по воль Цара-Освободителя, зажглась заря свободы для милліоновъ безотвътныхъ тружениковъ и новая пугачевщина сдълалась немыслимою.

Положеніе графа Панина было довольно оригинальное. Театръ военныхъ дъйствій и войска преслъдовавшія Пугачева были отдълены отъ него на весьма значительное разстояніе. На всемъ промежуточномъ пространствъ народъ волновался, совершались убійства и истязанія дворянъ и чиновниковъ; чернь, собиралсь въ шайки, прекратила всякія сообщенія и даже грабила города. Самъ Панинъ находился въ Москвъ съ остальными войсками. Ему не только нельзя было управлять дъйствіями передовыхъ отрядовъ, но чтобы дойти до нихъ, предстояло усмирить мятежниковъ опустошавшихъ губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Казанскую. Графъ Панинъ былъ поставленъ въ необходимость истребить сперва ближайшаго и менте опасмаго врага и потомъ дойти до возможности дъйствовать противъ главнаго

путачевскаго сброда. Какъ ни спетиль онъ идти впередъ, обстоятельства требовали отъ него отделенія въ стороны небольшихь отрядовъ и приведенія окрестныхъ месть въ порядокъ. Словомъ, онъ самъ подвергся темъ же самымъ задержкамъ которыя прежде задерживали въ пути графа Меллина и Михельсона.

Графъ Панияъ, лишенный возможности руководить непосредственно военными дъйствіями, еще изъ Москвы писаль къ Михельсону, прося его настойчиво преслѣдовать врага, и если тотъ не выйдеть изъ Саратова, то блокировать городъ до прибытія покрѣпленій. Впрочемъ, Панинъ не связываль ничѣмъ дъйствій Михельсона, уполномочивая его дъйствовать по обстоятельствамъ и прибавляя, что нашъ герой Михельсонъ "ничего изъ виду не упустить".

Весьма озабочивала графа Панина Башкирія, гдѣ попрежнему распоражался неспособный генераль де-Колонгь. Панинъ кодатайствоваль о присылкѣ къ нему "надежнѣйшаго генераль-поручика" для порученія ему башкирскихъ дѣлъ. Не довольствуясь этимъ, онъ писалъ князю Голицыну предложитъ генералу Фрейману "чтобъ онъ пересталъ быть въ повиновеніи генераль-поручика де-Колонга", но исполняль въ точности его (князя Голицына) приказанія "подъ тажкимъ въ противномъ случав отвътомъ".

Не зная на что решится Пугачевъ и полагая возможнымъ что онъ можетъ броситься на Медведицу и оттуда повернуть къ Москве, графъ Панинъ направился на Шацкъ по Рязанской дорогъ. Такое направленіе, давая возможность предупредить покушеніе на Москву, вводило его прямо въ центръ взволнованнаго края. Войска шли на Коломну, Рязань, село Ухолово, Шацкъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ приходили тревожныя въсти: то объ усиленіи Пугачева, то о робости отдельныхъ воинскихъ начальниковъ.

Въ Коломив графъ Панинъ получилъ донесение Микельсона съ подробностями о падении Саратова и измънъ артиллерійской команды. Это была первая измъна части регулярныхъ войскъ; она крайне озаботила главнокомандующаго. Настало время что и регулярныя войска, писалъ онъ, прельщаются измънниками и службу законвую не различаютъ отъ службы внъшнимъ непріятелямъ. Но не отлегло еще отъ сердца это первое тяжелое впечатлъніе, какъ стали прибывать новыя извъстія такого же свойства. Комендантъ Новохоперской кръпости, бригадиръ Арменевскій, узнавъ что партіи мятежниковъ пробрались въ ближайтія къ Волгъ донскія станицы, совершенно растерался и просилъ о помощи, опасаясь что въ противномъ случать кръпость не устоитъ противъ нападенія казаковъ и крестьянъ. Донской полковникъ Себряковъ, назначенный войсковою канцеляріей для принятія мъръ къ отраженію Пугачева, забольлъ и обратился къ Арменевскому съ письмомъ, прося позволенія, въ случать надобности, укрыться съ семействомъ въ его кръпости.

Приказавъ выслать къ себь подъ присмотром полковника Себракова, Панинъ сдълалъ строгое внушение Артеневскому. Казаки не могутъ овладътъ и редутомъ, писалъ овъ Артеневскому, а у васъ кръпость, и "военному человъку смерть съ оборовою ввъреннаго ему мъста, есть одно только средство къ соблюдению своей чести и репутации, не только для одного себа, во относительно и для всъхъ ихъ потомковъ

Въ то же время въ своихъ донесеніяхъ Панинъ писалъ, что изъ доходящихъ до него свъдъній видно, "къ несчастью, весьма слабое мужество въ отдаленныхъ гарнизонныхъ начальникахъ, не ограждающее ихъ и тою бодростію чтобы не опасаться отнятія изъ-подъ ихъ защищенія кръпостей казаками съ крестьянами и стыдиться денно и нощно разсылать курьеровъ чтобы пъхота за 400 версть поспъвала къ ихъ отъ оныхъ спасенію. Въ этихъ начальникахъ Панинъ подразумъвалъ новохоперскаго коменданта, бригадира Аршеневскаго, и воронежскаго губернатора, генерала Шетнева, испуганнаго въстями отъ Аршеневскаго.

Ко всёмъ этимъ тревогамъ вскорт присоединилась новая, которою, какъ кажется, Панинъ былъ взволнованъ по преимуществу. Разнеслись слухи что опъ, какъ братъ дядьки наслъдника цесаревича, идетъ съ клъбомъ и солью на встръчу. Пугачева, который-де дъйствительно есть настоящій Петръ Третій. Эти въсти привели Панина въ величайте е негодованіе. Опъ натель нужнымъ дъйствовать съ крайнею энергіей. Къ этому-то времени относится его выраженіе что онъ принимаеть "съ радостію пролитіе проклатой крови такихъ государственныхъ злодъевъ на себя и чадъ своихъ".

Однако, какъ ни рвался Панинъ къ дългельности, ова не могла начаться, онъ не входилъ еще въ предълы подчинен-

наго ему крав. Ока отдължа его отъ Воровенской губерніц,* которая хотя не была ему подчинена непосредственно указомъ 29-го поля, но сталя подчиненном съ минуты начала въ ней безпорнаковъ. Лостигнувъ селенія Уколово, Панинъ объявиль извъстныя свои воззванія и громко заявиль сь ка-. кимъ жаббомъ-солью чдеть опъ на встречу самозванца. Здесь же, въ Уколовъ, обрадоваль и ободриль его прівяль Суворова цэъ Молдавіц, "въ одномъ только кафтань, на открытой почтовой телеге". Подучить назначение командовать всеми передовыми войсками. Суворовъ поскакалъ впередъ. Съ прівздомъ Суворова явилось болве шансовъ на успъщное дъйствіе войскъ, но темъ не мене Панинъ находиль, что подеженіе "двав нашего было въ самомъ предосудительномъ для васъ состояніи". Въ письмъ къ князю Голицыну, котораго овъ не подчинилъ Суворову, разрешивъ командовать войсками на аввомъ берегу Волги, Панинъ писалъ, что князь самъ можеть восчувствовать "сколь увеличился теперь камень на моемъ серацъ и какое стъсненное движение въ душъ моей производить ежеминутное ожиданіе". "Сверхъ той заботы, прибавляеть онь далве, которая наносится намъ въ разсужденіи отъ времени до времени усиливаніемъ злодвя, не меньже представляется и та, когда бъ окъ и при счастливомъ наступленіц на него нашего передоваго корпуса, по слабой встрічв отъ Царинына, бросился въ степь". Главнокомандующій бовася что войска наши не найдуть себв продовольствія въ степи, однако овъ имълъ надежду на Суворова, и не отибся.

Въ Шацкъ Панинъ получилъ отъ Михельсона извъстіа сперва о разбитіи Дица и Дундукова на ръкъ Пролейкъ, а потомъ объ отбитіи Пугачева отъ Царицына и дальнъйшемъ преслъдованіи мятежниковъ. Здъсь въ первый разъ Панинъ примънилъ къ дълу одно изъ своихъ распоряженій: манифесты Пугачева, присланные Михельсономъ, были публично сожжены палачомъ подъ висълицей. Должно думать что въ Шацкъ не было виновныхъ въ соучастіи съ мятежниками, а то Панинъ, безъ сомнънія, воспользовался бы случаемъ и казнилъ ихъ, чтобы тъмъ немедленно ввести въ дъйствіе свою систему укращенія мятежа и доказать что его объявленія не

^{*} Тогдашвая Воронежская губернія состояла изъ провинцій: Елецкой, Тамбовской и Шацкой, а съверная ся граница по ръкъ Окъ и верховьямъ Дона доходила до городовъ Богородицка, Михайлова и Пронска.

Digitized by Google

останутся мертвою буквой. Въ этомъ предположении насъ утверждаеть, между прочимь, и то что для выполненія той части своей программы, въ которой говорилось о награжденіи върныхъ слугъ отечества. Панинъ воспользовался первымъ и ничтожнымъ случаемъ. Мы уже видели что жители города Керенска 1-го августа арестовали воеводского товарища Перекаго и держали его подъ карауломъ. Однако потомъ его освободили, и онъ успълъ на столько образумить горожанъ, что когда 17-го августа къ городу подошла новая maŭka *, то горожане не пустили са въ городъ, и матежники должны были отойти. Этотъ подвигъ Керенцевъ графъ Панивъ ръшился наградить. Всехъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ овъ повысилъ чиномъ, а простолюдинамъ выдалъ депежное пагражденіе, каждому по рублю. Въ Керенскъ произощае странное стечение обстоятельствъ. Въ это самое время Панинъ получилъ донесение полковника Цыплетева о защить Царицына, и не только не наградиль его, но и осыпаль насмышками за то что Цыплетевь послаль свое понесекіе одновременно и ему, и самой императриць. Сопоставленіе двухъ этихъ фактовъ, почерпнутыхъ нами изъ документовъ подписанныхъ самимъ Панинымъ, прибавляетъ любопытную черту къ карактеристикъ этого государственнаго человъка, "гордыя затьи" котораго хорото были извъстны императрипъ.

Въ Керенскъ же Панинъ показалъ примъръ прощенія раскашвающихся крестьянъ. Прокуроръ Чемесовъ представиль ему челобитную крестьянъ вотчины княгини Голицыной, Пензенскаго увзда, которые, объясняя что вовлечены были въ бунтъ крестьяниномъ Иваномъ Ивановымъ (изъ села Каменки), объявившимъ имъ что они перестали быть господскими, а сдълались государственными, просили простить ихъ за сопротивленіе начальству въ теченіе мъсяца и за содержаніе подъ арестомъ бурмистра и земскихъ. Панинъ простиль ихъ, но съ тъмъ чтобъ они поцъловали крестъ и Евангеліе и сами поставили около своихъ деревень по висълицъ, глаголю и колесу.

Кругомъ Керенска волновались селенія и города. Безпорядки производились на всемъ огромномъ пространств'я до самой Волги.

^{*} Huvero ne smaent o es vuctenhoctu.

Въ обили разсвеваемые указы самозвания доводили чернь до полнаго изступленія. Указы эти объявляли крестьянамъ освобожденіе отъ власти помъщиковъ и дълали ихъ казаками, вольными отъ всткъ налоговъ; самозваненъ жаловалъ ихъ земаями, лугами и соляными озерами и приказываль всекъ дворанъ ловить, казнить и въшать. Соблюдение последняго условія было какъ бы гарантіей ненарушимости данныхъ привилегій, и потому крестьяне повсемъстно хватали пом'вшиковъ и держали ихъ подъ карауломъ, а многихъ и убивали. Шайки крестьянъ и мятежниковъ были столь велики, что держали въ страхъ значительные города и даже вступали въ боръбу съ войсками. Симбирскій коменданть, полковникъ Рычковъ, пошедшій противь одной изъ такихъ шаскъ, предводимой крестьяниномъ помещика Киндякова, Фирсомъ Ивановымъ, былъ окруженъ мятежниками, 26-го августа, подъ Корсуномъ, и поплатился жизнью. Въ окрестностяхъ ра-зоренной Пензы неистовствовалъ пугачевскій полковникъ Иванъ Ивановъ, крестьянинъ села Каменки. Противъ него авйствовалъ прокуроръ Чемесовъ, командовавній уланами сформированными на счетъ пенвенскаго дворянства. Въближайшихъ къ Керенску мъстахъ ходилъ съ отрядомъ под-полковникъ Архаровъ, посланный съ двумя сотнями Донцовъ изъ Москвы въ Нижній, и высланный оттуда губернаторомъ Ступишинымъ усмирить чернь въ Нижегородской и Воро-пежской губерніяхъ. Посылая Архарова, Ступишинъ приказаль ему наказывать виновныхъ крестьянь по желанію госnodz.

Легко можно себъ представить какъ отрадно было для Пакина, среди этихъ непріятныхъ обстоятельствъ, получить отъ Михельсона, чрезъ курьера секундъ-маіора Дуве, весьма желанное извъстіе о разбитіи Пугачева и бъгствъ его въ степь. Отправляя Дуве въ Петербургъ, Панинъ писалъ что государство освободилось отъ опасности главнъйшихъ своихъ поврежденій, и что это доставить ему возможность искоренить не только возженные въ четырехъ губерніяхъ бунты и измъны, но и довести народъ до изловленія его для законнаго наказанія.

Успокоенный въ главномъ пунктв своихъ заботъ, Панинъ, зная что вокругъ Керенска крайне не спокойно, могъ уже смъло ръшиться на ту мъру, которую въ худшихъ обстоятельствахъ принимали Муфель и Михельсонъ, и которая

значительно замедляла движеніе войскъ: онъ долженъ быль пріостановиться на явкоторое время дальнайшимъ походомъ и послать въ разныя стороны небольшие отряды, наказать зачинщиковъ безпорядковъ и темъ успокоить умы. Эти отряды действительно скоро водворили порядокъ. Капитанъ Лунинъ, после четырехчасоваго дела, выгналъ мятежниковъ изъ Наровчата; подполковникъ Бедряга и полковникъ Древицъ разогнали двъ другія партіи, а подполковникъ Архаровъ очистилъ Краснослободскъ и Троинкъ. Каждая изъ этихъ шаекъ распускала слухи что въ ней находится самъ Пугачевъ. Такія выдумки, делая самозванца какъ бы вездвсущимъ, производили огромное вліяніе на народныя массы, усиливавшееся темъ, что пигав не было видно войскъ правительства, а мъстныя власти и духовенство или убъгали, чаи передавались на сторону бунтовшиковъ, доставляя имъ тымъ большую правственную поддержку.

Всв эти командировки войскъ заставили Панина значительно промедлить въ Керенскъ; сверхъ того случился съ нимъ припадокъ подагры, державшей его цълый день "въ опасности жизни". По этимъ причинамъ только къ 10-му сентября прибылъ онъ въ Нижній-Ломовъ. *

Нижній-Ломовъ не устояль противъ прельщеній самозванца. Толпа мятежниковъ, предводимая однимъ изъ самозванцевъ, которыхъ тогда было много, явилась 9-го августа къ городу. Воевода, по обыкновенію, бъжаль, захвативъ съ собой казну. Товарищъ его, титулярный совътникъ Есимъ Овсянниковъ, и инвалидный секундъ-маіоръ Лукинъ съ командой засъли въ старой деревянной кръпости. "Народъ же черный, говоритъ Лукинъ, ** весь съ великою радостью и восторгомъ ожидалъ нетерпимо сихъ злодъевъ." Собственно мятежниковъ было не много, "но черни или, такъ-сказать, равныхъ имъ злодъевъ, великое множество". Горожане за версту вышли

[•] Точныхъ чиселъ прибытія Панина въ разные города по пути изъ Москвы къ Симбирску мы не имъемъ. Первые его рапорты помъчены: изъ Керенска 2-го, а изъ Нижняго-Ломова 10-го сентября.

^{**} Его записки въ № 8 Русскаго Архива за 1865 г. Вънихъ вкрамась та неточность, что онъ показываетъ, будто бы въ Нижнемъ-Ломовъ былъ самъ Пугачевъ, тогда какъ подъ его именемъ явиася туда одинъ изъ самозванныхъ его полковниковъ. Мятежники вошли въ Ломовъ, по словамъ Лукина, 9-го августа; въ этотъ день Пугачевъ выходилъ изъ Саратова, пропировавъ тамъ три дня.

на встрвчу со крестомъ и оказывали самозващу великое почтеніе. Въ монастыр'в архимандрить Исаакій тоже оказалъ почетъ мятежникамъ: онъ прат со всею наличною братіей молебень за здравіе Петра III. Узнавь о запертыхь воротахъ крипости, матежники не пошли брать ее, а открыли kaóaku, разбивъ бочки съ виномъ, и начали поить народъ. Воеводскій товарищь Овсянниковь оказадся сторонникомь Пугачева: онъ требоваль отъ Лукина сдаться, подговариваль къ тому солдатъ, и "тв люди върность присяги перемъними". Когда пьяная толпа обступила крыпость, то внутри ел уже была измъна. Лукинъ выпустилъ Овсянникова изъ крепости, и тотъ былъ принятъ мятежниками съ радостію. Панинъ въ своихъ донесеніяхъ говорить объ этомъ нъсколько иначе, а именно, что Овсянниковъ намъревался отворить ворота, но Лукинъ и канцеляристь Левъ Юрьевъ его удержали; тогда Овсянниковъ протянулъ руки въ заваленную привратную калитку и быль злолеями вытащенъ на улицу.

Ворота въ крипость скоро были выбиты, Лукинъ и унздный депутатъ (имя его неизвистно) схвачены мятежниками. Лукинъ спасса отъ смерти какимъ-то чудомъ, о которомъ забылъ разказать въ своихъ запискахъ. Весь городъ былъ разграбленъ; цилымъ остался только домъ Овсянникова, въ которомъ пировали мятежники.

Подходя къ Нижнему-Ломову, Панинъ приказалъ приготовить для себя квартиру въ монастыръ. Вся братія пала на кольни при его встрычь. Архимандритъ Исаакій, снявъ панагію и камилавку, каялся въ общей винъ и слезно молиль о помилованіи.

"Какъ ни велико ваше преступленіе, сказалъ графъ Панинъ, но оно произошло болье отъ малодушія чъмъ отъ злодыйства, а потому, видя ваше раскаяніе, я именемъ императрицы прощаю васъ отъ смертной казни и тълеснаго наказанія." Въ ожиданіи суподскаго распоряженія о лишеніи ихъ священства, Панинъ приказалъ имъ покаяніемъ и молитвой очищать тяжкое свое преступленіе, а завъдываніе монастыремъ поручилъ протодіакону Порфирію, не бывшему, по отлучкъ, при встръчъ матежниковъ.

Всявдъ за твиъ получивъ сунодское увъщаніе, онъ собраль въ церкви все духовенство Нижняго-Ломова и при себъ приказалъ читать увъщаніе. Упоминая о мъстномъ

духовенствъ, Панинъ говоритъ, что во всей той странъ "чинъ нерковный еще погруженъ въ самомъ вышнемъ невъжествъ и грубіанствъ", и кажется дивомъ когда изъ нихъ кто-либо усмотрится "съ настоящимъ чувствомъ добродътели и хотя съ нъкоторымъ познаніемъ должности пастыря, а не только что исправителя служенія церковнаго, частію уже наизусть выученнаго".

Надъ виновными гражданами началось слъдствіе. Обвинепіе Лукинымъ Овсянникова подтвердилось, и такъ какъ виновный подозр'явался въ прямыхъ сношеніяхъ съ Пугачевымъ, то отправленъ былъ въ казанскую секретную коммиссію, а прочіе преступники казнены. По встять вытядамъ изъ городабыли разставлены колеса, вистлицы и глаголи, и на нихъ несчастныя трла "значились долгое время", говорить Лукинъ.

Лукинъ и Юрьевъ повышены чинами. Лукинъ въ своихъ запискахъ сътуетъ, что другимъ возвращены убытки понесенные отъ разграбленія мятежниками, что Панинъ давалъ по тысячь и по двъ тысячи рублей даже и такимъ лицамъ, которыя злодъевъ не видали въ глаза, а показывали будто разорены. Много разъ подавалъ онъ Панину жалобы, но отвъта не получалъ и вскоръ, выйдя въ отставку, былъ назначенъ въ Петровскъ воеводой.

Мы уже неоднократно упоминали, что одною изъ особохарактеристическихъ чертъ пугачевщины было появленіе многихъ самозванцевъ. Почти все тайки действовавтия въ пугачевщину имъли среди себя смъльчаковъ называвшихся Петромъ III. Такіе смельчаки иногда появлялись безъ сообщниковъ, какъ, напримъръ, крестьянияъ Петръ Евстаејевъ въ Инсарф; но преимущественно это были люди подосланные изъ главной шайки Пугачева, и только немногіе брались за это по собственной иниціативъ. Между самозванцами последней категоріи были и такія личности, которыя не думали о мятежь и грабежь, а принимали самозванство дишь въ видь мелкаго обмана, ради своихъ личныхъ выгодъ. Ожиданіе освободителя отъ крипостнаго гнета было повсюду распространено между крестьянами; вездв говорили что императоръ Петръ III. желавшій освободить крестьянъ, скрылся отъ пресавдованія аворянь и ходить по Россіи, выискивая случая объявиться; тепотомъ, подъ великою тайной, передавами другь другу какь можно узнать царя по царскимь зна-

Для примъра разкажемъ объ одномъ изъ самозванцевъ постъдней категоріи, крестьянивъ тамбовской провинціи, дворцоваго села Кирсанова, Іовъ Мосакинъ.

Подъ вечеръ, къ одному изъ домоховневъ деревни Подвигаловки, постучался прохожій, прося пустить на ночлегь. Странника принали, отограли и усадили ужинать. Во врема ужина путникъ всталъ, и снявъ со станы мадный поклонный крестъ, началъ его паловать и молиться Богу. Бывшіе въ изба начали переглядываться, недоумавая что такое даласть незнакомецъ. Онъ сказаль имъ:

— Что вы смотрите на меня? лучте бы вы встали и всмотрелись въ меня, тогда бы и узнали что я не мужикъ, а царь Петръ Оедоровичъ.

Переполошились въ избъ, но не давали въры слышаннымъ словамъ. Тогда неизвъстный показаль имъ свои уарскіе энаки. Это были знаки креста на рукахъ близь кисти.

— Эти кресты у меня природные, царскаго покольнія, продолжаль самозванець;—есть таковые же кресты на груди и на спинь, изъ которыхъ на спинь кресть прощенной, и ежели-де тоть кресть поцьлують, то Богь помилуеть и царь простить.

Такихъ доказательствъ было совершенно достаточно; всъ присутствовавшіе признали въ прохожемъ царя, пали на колани, приовали его парскіе знаки. Сейчась отвели ему чистый покой, приставили слугу, а между тымъ поспышили подванться своею радостью съ сосваями. У насъ царь объявиаса, говорили всв другь другу, и спешили поклониться государю. Въ глазахъ простолюдиновъ каждый шагь самозванца доказываль его высокое происхождение. Такъ онъ не приказывалъ выливать на полъ воду, которою умывался, а застававаъ присутствовавшихъ пить ее; перевязывалъ у себя поверхъ рубатки, черезъ спину и подъ плеча, крестообразно **меаковым**и и бумажными платками. Допуская крестьянъ къ присодиванию своих парских знаковъ, онъ всехъ приходивтихъ баагосдованаъ на подобіе священника. Про великаго киявя Павла Петровича не иначе говорияв какъ: "чадо мое нилое и возлюбленное Павелъ Петровичъ; велить ли мив Богь съ вимъ видеться." Затемъ прибавляль что "посадиль его въ Петровъ день на парство, и викто про то не знастъ, а только знаеть онь одинъ." По ночанъ онь молился Богу, громко просиль чтобы сподобиль его увидъть сына, и вообще старался чрезъ вто еще болье утвердить въ крестьянахъ въ себъ довъріе. И ему върили. Когда онь входиль въ чейлибо домъ, то подъ ноги ему разстилали холсты. Иногда, впрочемъ, Мосякинъ пугалъ приходившихъ къ нему своею властью. "У меня силы много, говорилъ онъ, и недавно въ селъ Кирсановъ два человъка повъшены, да и вамъ того не миновать, ежели ко мнъ не добры будете."

Слухи о явившемся царѣ дошли скоро и до властей, а такъ какъ кругомъ все было тихо и спокойно, то самозванца немедленно задержали. Тогда оказалось что онъ крестьянинъ дворцовато села Кирсанова Іовъ Макаровъ Мосякинъ, занимался лѣченіемъ нашептанною и наговоренною имъ водой и вообще бродяжничалъ. Знаки на рукахъ сдѣлалъ оебъ надавливаніемъ мѣдныхъ крестовъ, которые привязывалъ около кистей рукъ платками. Все это онъ дѣлалъ для того чтобы собратъ съ легковърныхъ людей денегъ и возвратиться на родину.

Мосякина арестовали и перевезли въ Тамбовъ. Графъ Панинъ взглянулъ на него какъ на подражателя Пугачева и сперва вельль держать въ тюрьмы прикованнымъ къ стыть, а потомъ конфирмовалъ его, какъ втораго самозванца, четвертовать въ Воронежь. Императрида не одобрила этой мвры. "Втораго самозванца казнь, писала она,- я заблагоразсудила уменьшить, о чемъ указъ мой отсель прямо въ Воронежъ и отправленъ, но не знаю еще, ко времени ли доmель." Быль ли казнень Mocakunь и какь, памь не извыстно. Но въ объявлении Панина, отправленномъ изъ Симбирска 17-го октября, сказано, что Мосякинъ "при самомъ начатін пойманъ и, по Божінмъ и государственнымъ законамъ, заслуженную имъ казнь на площади города Воропежа воспріяль, отстичність объихь рукь и ногь и головы; проклятый его трупъ поверженъ туть же на колесь, а голова, руки и ноги взоткнуты на колья на месте злодейского его порожденія въ означенномъ сель".

Следующимъ этапомъ на пути тествія графа Панина была Пенза, едва ли не болье другихъ городовъ пострадавива

^{* 30} поября 1774 г., допр. Пут., стр. 55.

оть матежа. Самъ Пугачевъ, въ бытность свою въ этомъ городь, страшными казнями привель въ ужасъ местное населеніе; городъ быль разграблень, окрестные крестьяве возстали противъ помъщиковъ, и образовавъ шайки, угрожали Пензъ новымъ нашествіемъ. Къ счастію города. всаваъ за выходомъ мятежниковъ, подосиваи отряды Муфела и прокурора Чемесова, командовавшаго пензенскимъ аворянскимъ корпусомъ, сформированнымъ еще при жизни Бибикова, на счетъ дворянства, и дъйствовавшимъ за Камой. Чемесовъ не помедъ далве съ Муфелемъ, а остался въ Пенэв, къ чему призывало его крайне бъдственное положение города и мъстнаго дворянства. Немедленно приступивъ къ явау, онъ сталь очищать оть мятежниковь ближайшія окрестности Пензы. Главнымъ зачинщикомъ безпорядковъ быль крестьянинъ села Каменки Иванъ Ивановъ, называвшися полковникомъ. Въ двухъ сраженияхъ, при дер. Студенцъ и сель Каменкъ, Ивановъ быль разбить Чемесовымъ, и отъ окончательной погибели спасся только тъмъ, что самъ и люди его были на хорошихъ заводскихъ лошадахъ, ограбленныхъ у помъщиковъ. Это было 19-го августа. Затьмъ Ценза нъсколько успокоилась и сдълалась сборнымъ мъстомъ для всъхъ пострадавшихъ отъ мятежа дворянскихъ семействъ, которыя, боясь новыхъ бъдствій, сбирадись въ свой провинціальный городъ подъ охрану своихъ уданъ.

Встръча графа Панина въ Пензъ сопровождалась столь необыкновенными обстоятельствами, что едва ли ошибемся, если скажемъ, что другаго примъра такой встръчи не отыскать въ нашей исторіи. Разказъ о ней мы заимствуемъ изъ донесеній самого графа Панина.

По собственнымъ словамъ Панина, два совершенно одно другому противоположныя обстоятельства привели его въ Пензъ "въ наичувствительнъйшее движеніе". По имъющейся у насъ выпискъ изъ донесенія Панина № 17, не видно, случились ли оба обстоятельства въ одно и то же время, т.-е. при встръчъ его, или между ними было нъсколько дней промежутка. Одно върно, что первое обстоятельство было при самой встръчъ. При въъздъ Панина въ Пензу, его акиражъ обступила масса женщинъ съ громкими воплами, повергиваем на кольни. Это были вдовы, дочери, мало-автнія дъти и родственницы дворянъ погибшихъ отъ

мятежниковъ. Всв безъ изъятія были въ рубищахъ. Несчастныя вдовы съ отчаяніемъ поднимали вверхъ своихъ маленькихъ дътей, требуя помощи и покровительства. Положеніе ихъ было отчаянное; лишившись поддержки ближайшихъ родственниковъ, они потеряли и все свое имущество. Со слезами Панинъ обнадеживалъ ихъ въ щедротахъ императрицы, объщалъ оказать имъ помощь и приказалъ выдать денежное пособіе.

Пругое обстоятельство было более потрясающаго свойства. Пензенскіе обыватели и жители ближайшихъ седеній были собраны вывств. Устроенныя висьдины, колеса и глагоди жами своихъ жертвъ. Жертвы были приготовлены-наибоаве виновные изъ захваченныхъ мятежниковъ и грабителей стояли въ оковахъ среди собравшагося народа. Все съ трепетомъ ожидало прибытія грознаго главнокомандующаго. Прівхаль и Панинь: по его приказанію пачались казни надъ приговоренными уже зарание преступниками. Однихъ казнили смертью, другихъ съкли кнутомъ подъ висълиней. "Послв казни и наказаній небольшаго числа оныхъ", Панинъ прерваль ужасное зредище и обратился къ пароду съ речью. Описавъ имъ всв сдвланныя ими беззаконія, онъ вывель заключеніе что всь безъ изъятія достойны казней только что ими виденныхъ, но что милосердное и человеколюбивое сердне императрицы поражается продитіемъ крови. При этихъ словахъ, допоситъ Папинъ, "весь народъ, павъ на землю съ пролитіемъ совершенно сердечныхъ слезъ произнесъ стонъ, пресъктий мое сдово; а совокупиль и собственныя слезы, объявивъ имъ помилованіе". (Дело № 26429. ст. 125).

Бъдственное положеніе духовенства дълало еще болье темною картину тогдашняго положенія Пензы. Такъ какъ между духовенствомъ не было ни одного "который бы не встръчаль злодъя со крестами и не дълаль бы служенія съ произношеніемъ (имени?) самозванца", то всё они, по опредъленію сунода, считались лишенными рукоположенія и подпавшими подъ проклятіе, "всё ихъ церкви остаются теперь безъ служенія, и приходы ихъ безъ потребы (віс) по долгу христіанскому". Не будучи въ состояніи своею властію сдълать что-либо для разръщенія вопроса о духовенствъ, Панинъ сдълаль представленіе о томъ чтобы тъхъ лиць изъ

духовенства, которыя только изъ страха исполвали волю заоава. подвергнуть духовному исправлению и возвратить къ священному рукоположеню, а изъ прочихъ годныхъ отдать въ солдаты, негодныхъ же опредвлить на пашню. Кромъ того, Панинъ посладъ изъ Пензы представленія о пособіи разореннымъ дворянскимъ семействамъ и о прощеніи пензенскихъ жителей за ихъ участіе въ мятежь. Утвердивъ всв расходы савланные Панинымъ, государыня писала: "проту васъ особливое имъть око и попеченье о нужды терпящихъ во ввъренпыхъ вамъ мъстахъ, и если нужду и надобность вы въ томъ наxoaure, to vnotpedure ha vhumarie crony u nasyy pasopen-REALS U RYMAY TEDNAMUNT BE DOBURDIANE U VESANE TREвомъ Божіемъ постщенныхъ, хотя отъ двухъ до трехъ сотъ тысячь рублей". Раскаяніе пензенских жителей было привато съ отвесениемъ вины ихъ скорве къ "глупости и слабости военачальниковъ ихъ, кои сами, не знавъ свою должность, не умъли простонародье оберегать и ободрить ко времени, нежели инымъ какимъ причинамъ". Насчетъ духовенства суподъ сдвават свое распоряжение, но въ чемъ оно заключалось-не знаемъ. Надо полагать, что предложевіе Пакина было привато.

Во время пребыванія Панина въ Пензтв получены были извъстія о поимкъ Пугачева. Первое свъдъніе получилъ онъ 18-го сентабря и тотчасъ же посладъ внука своего князя Лобанова въ Петербургъ (дъло № 26.429, стр. 189) съ донесеніемъ о спроминой поимкъ Пугачева, * отправивъ подлин-

^{*} Вота это донесеніе Паника изъ Пензы, 18-го сентября 1774 г., № 18. "Имъю счастіе поздравить ваше императорское величество съ избавленіемъ Имперіи отъ язвительнъйшаго ел врага, Пугачева. Какое получиль я въ сію минуту извіщеніе о его поимѣ, кажется совствив віроятной, оное оригивально спітну симъ препроводить съ подателенъ, правящимъ при мкі должность флигель-адъютанта, клазенъ Лобановынъ, моимъ внукомъ роднымъ, коего, а наиначе еще генераль-жаїора клазя Голицына, какъ главнаго виновника первону визложенію силъ сего государственнаго врага, такъ и первому же извіщателю о вверженіи его въ заслуженным имъ оковы и оказавшаго толикую пеутомительность, рвеніе и усердіе службой въ окомъ вашему императорскому величеству, дерзаю повергнуть въ монартную милость и благоволеніе, самъ же постараюсь обстоятельжійтую відомость принести къ вашему императорскому величеству тъ самое полученіе ел, пребывал пр.

ный рапорть князя Голицына отъ 15-го сентября съ ръки Камель. Въ рапорть этомъ Голицынъ сообщаль о полученномъ имъ извъстіи, будто бы Перфильевъ связаль Пугачева и везеть его въ Яицкій городокъ. 22-го сентября Панинъ посладъ императринъ, дабы она не имъла сомнънія о дъйствительной поимкв Пугачева, полученное имъ отъ Суворова подтверждение. Доставленное княземъ Лобановымъ свъдъніе было, двиствительно, первою вістью о ношикі Пугачева. Императрина, въ писъмъ къ князю М. Н. Волконскому, оть 27-го сентября, писала: "Съ последнимъ курьеромъ я получила извъстіе изъ Пензы отъ графа Панина, что ящкіе казаки связали Пугачева и везуть его въ Япикій городокъ. Въсть о поимкъ Пугачева произвела радостное впечатавне въ Петербургв. Императрица писала Панину, что изъ донесеній его изъ Пензы, видить "что наконецъ извергь Пугачевъ находится въ нашихъ рукахт, что онъ сообщниками своими доставленъ, и что до последняго часа они обращались въ неистовствъ; но какъ бы то ни было. Богу воздаю благодареніе что мерзкая сія исторія, славъ Имперіи повреждающая, тыть самымъ пресыклась, коя, не упоминая объ ужасномъ внутреннемъ разореніи, разстройствів и безчисленныхъ той тайки суровостей и безчеловний, насъ отсылала во мижніц всея Европы къ варварскимъ временамъ отъ двухъ до трехъ сотъ летъ назадъ, къ крайнему моему сожалению и увеличиванію наиглубочайтему сердца моего оскорбленію о народномъ страданіи".

Изъ Пензы Панинъ поспъщилъ въ Симбирскъ, куда Суворовъ везъ уже Пугачева. Съ дороги, 25-го сентября, главнокомандующий издалъ во всеобщее свъдъніе объявленіе о по-

имкъ Пугачева. *

Въ Симбирскъ Панинъ увидалъ Пугачева. Высокомърный вельможа сталъ лицомъ къ лицу съ дерзкимъ казакомъ, вдоволь погулявшимъ на бъломъ свътъ. Отвъты Пугачева были такъ мътки и такъ ловко сбили нъкоторые необдуманные вопросы, сорвавшіеся у Панина, что вывели изъ себя тщесавнаго вельможу. Лътописецъ Пугачевскаго бунта Рычковъ говоритъ что самозванецъ, "по привычкъ своей или по злой

^{*} Поимка Пугачева разказана въ нашей стать В Участие Суворова въ устирении Пугачевщины и поитка Пугачева, напечатанной въ № 11 Русскаго Впстичка за 1868 г.

своей натуръ, отвътствовалъ на вопросы его сіятельства очень смъло и дерзновенно, но раздража тъмъ его сіятельство, тутъ же передъ всъмъ народомъ получилъ отъ собственныхъ его рукъ нъсколько пощечинъ и ударовъ. 4 *

О встрече Панина съ Пугачевымъ писали Рычковъ п Державинъ. Преимущественно со словъ перваго написалъ свой разказъ Пушкинъ. Въ настоящее время мы можемъ привести почти дословно офиціальное объ этомъ допесеніе самого графа Панина. Отъ (?) октября 1774 года. № 19, изъ Симбирска Панинъ писалъ, что Пугачевъ "былъ въ оковахъ выведенъ передъ народъ, почти весь собравшися къ моей при въвздв квартирв, и павъ передо мной на колвни, на вопросы мои велегласно объявиль, что онь бытлый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ, тотъ который дерзалъ назваться именемъ покойнаго императора Петра III, производилъ въ государствъ и въ здъщнихъ окрестностяхъ подъ тъмъ самозванствомъ бунть и возмущенія, чинилъ грабительства и смертоубійства своими бунтовщичьими сонмищами, а темъ погращиль и виновать передъ Богомъ и вашимъ императорскимъ величествомъ. Затемъ Пугачевъ введенъ былъ въ квартиру графа, произнесъ тоже передъ всеми чиновными людьми, дворянствомъ и прочими гражданами, "после чего, прододжаеть Панинъ, вверженъ подъ заслужениую имъ своими беззаконіями стражу".

По словамъ Пушкина и Державина, вопросы Панина Пугачеву заключались въ следующемъ:

- "— Кто ты таковъ? спросиль онъ у самозванца.
- "- Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.
- "— Какъ же смълъ ты, воръ, называться государемъ?
- "— Я не воронъ, возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь по своему обыкновению иносказательно,—я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ.
- "— Какъ же смълъ ты воевать противъ меня? необдуманно спросилъ разгорячивтися Панинъ.
- "— Что делать, ваше сіятельство, когда уже воеваль противь государыни! съостриль Пугачевь.

"Графъ не вытерпълъ, говоритъ Державинъ, и вырвалъ у него нъсколько волосовъ изъ бороды."

Въ свитв Панина находился гвардіи капитанъ Галаховъ

^{*} Сочиненія Пушкина, часть VI, стр. 521.

которому еще въ августь мъсяць поручено было принять подъ караулъ выданнаго или пойманнаго Пугачева. Галаховъ предъявидъ это поведение, и Пугачевъ быль ему отданъ. Въ приказъ Панина Галахову, отъ 2-го октября, говорилось что Пугачевъ сдается подъ его присмотръ, и что Гадаховъ собственною своею жизнью отвъчаеть за жизнь и пълость плавника. Пугачева посадили въ тюрьму скованнаго по рукамъ и ногамъ желъзами, и сверхъ того около пояскицы его подоженъ жельзный обручь съ жельзною ценью, которая вверху прибита была въ стъну. Ключъ отъ ванка на пъпяхъ Пугачева всегда хранился у Галахова. Къ Пугачеву никто не допускался; для ближайшаго за нимъ ежеминутнаго наблюденія, безвыходно въ его компать находились одинъ оберъ- и одинъ унтеръ-офицеръ, сверхъ часоваго, который входиль къ плъннику безъ ружья, имъя при себъ одну лишь необнаженную mnary. Takia предосторожности приняты были для того чтобы Пугачевъ какъ-нибуль не выяватиль у часоваго ружья и "не умертвиль себя или не повредиль". На содержание Пугачева отпускалось по 15 коп. въ день, и Галахову приказано кормить его "пищею, подавить человъкомъ употребанемою", и "спабаить его паатьемъ и обувью, подаымъ, а не знатнымъ людямъ свойственною".

Первую жену Пугачева и сына, которые вивств съ нимъ привезены въ Симбирскъ, не разръшено допускать къ преступнику, но поивстить отдъльно, смотръть чтобы сынъ не ушелъ, а на пищу матери и сыну давать по 10 коп. каждому.

Приказаніе Панина о снабженіи Пугачева одеждой подлому лицу свойственною доказываеть что самозванець быль привезень въ Симбирскъ въ остаткахъ своего прежняго одъянія.

Самъ Панинъ не принималъ никакого участія въ направленіи войскъ гонявшихся за Пугачевымъ, и поимка самозванца состоялась, такъ-сказать, мимо его, но онъ чрезвычайно кичился тъмъ что дерзкій мятежникъ находился въ его распоряженіи простымъ арестантомъ. Въ Петербургъ Панинъ доносилъ, что "Пугачевъ уже въ оковахъ и въ рукахъ подчиненныхъ ему войскъ" (22-го сентября изъ Пенвы), а въ Симбирскъ любилъ показывать своего плънника всъмъ прітьяжающимъ. Державинъ въ своихъ запискахъ описываетъ это "показываніе" такимъ образомъ. Графъ Панинъ приказалъ Михельсону послать за Пугачевымъ. "Чрезъ насколько минуть представлень самозванець въ тажкихъ оковахъ по рукамъ и по ногамъ, въ замасленномъ, поношенномъ, скверномъ широкомъ тулунъ. Лишь прищелъ, то и сталъ передъ графомъ на колъни. Лицомъ онъ былъ кругловатъ, волосы, борода окомелкомъ, червые, склоченные, росту средняго, глаза большіе, черные на соловомъ лазуръ какъ на бъльмахъ. Отъ роду 35 или 40 лътъ. Графъ спросилъ:

- "— Здоровъ ли, Емелька?
- "— Ночи не сплю, все плачу, батютка, вате графское сія-
  - "— Надъйся на милосердіе государыни.

"И съ симъ словомъ приказалъ его отвести обратно туда гдъ содержался."

Со 2-го октября начались допросы Пугачева. Ділаль ихъ прибывній изъ Казани генераль-маіоръ Павель Сергівевичь Потемкинъ. Допросы эти составляли въ сущности дополненіе къ обстоятельнымъ допросамъ снятымъ гвардіи поручикомъ Мавринымъ въ Яицкомъ городкі, и напечатаны во эторой книгь Уменій съ Императорскомъ Общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университеть на 1858 годъ.

Въ началь января 1775 года дворъ собирался перевхать въ Москву. Дъло Пугачева желали окончить ранве этого прівзда, но скорое отправленіе самозванца въ Москву представлялось невозможнымъ. Необходимо былъ обезопасить самый путь до Москвы, лежавній по взволнованнымъ мъстностамъ. Приказано было по всей дорогь, черезъ каждыя местъдесятъ верстъ, разставить пъхотныя роты, которыми и конвоировать Пугачева. Отъ Симбирска до Мурома стали роты изъ войскъ Панина, а на занятіе дороги отъ Мурома до Москвы князь М. Н. Волконскій послалъ 8-го октября изъ Москвы бригадира князя Голицына съ пятью ротами Нарвскаго полка. На разстановку войскъ потребовалось времени около трехъ недёль, и только 25-го октября Галаховъ вывхалъ изъ Сим бирска, имъя подъ своимъ наблюденіемъ Пугачева, его первую жену и сына.

Всявдъ за Пугачевымъ отправдены были въ Москву изъ Казани содержавшіеся тамъ главивйшіе его сообщники. За оговоренными Пугачевымъ лицами посланы были офицеры: Булгаковъ, Лихаревъ и Щербачевъ; имъ поручалось розыскать и привести восьмерыхъ преступниковъ, а остальныхъ взялся розыскать и доставить Потемкинъ. Пугачевъ оговорилъ 21 человъка, въ томъ числъ находились: поручикъ Гриневъ, подпоручики Швановичъ и Минъевъ, одинъ подъячи, а остальные семнаднать человъкъ были куппы, крестъяне и казаки. *

П. С. Потемкинъ, которому, какъ начальнику слъдственныхъ коммиссій въ Казани и Оренбургь, извъстны были всъ ближайтія подробности мятежа, получилъ приказаніе ъхать въ Москву къ князю М. Н. Волконскому; туда же отправленъ и знаменитый слъдователь Шетковскій. Въ ожиданіи привоза Пугачева, они дъятельно изучали снятые съ него допросы.

Князю Волконскому, такъ много трудившемуся въ началъ Пугачевщины, привелось-таки подъ конецъ ея вновъ сдълаться главнымъ дъятелемъ въ этомъ дълъ. Ему пришлось принять Пугачева въ Москвъ, производить разслъдованіе, участвовать на судъ и потомъ наблюсти за исполненіемъ ръменія сената.

Ужасы произведенные какъ самимъ Пугачевымъ, такъ и его приверженцами и послъдователями, сдълали его имя извъстнымъ во всей Россіи. Въ самой Москвъ чернъ была въ такомъ настроеніи, что правительство одно время боялось "чтобы Пугачевъ не подълалъ въ ней какой ни на есть пакости". Въра въ могущество Пугачева, а во многихъ мъстахъ и въ подлинностъ его какъ императора Петра III, была весъма сильна. Очевидно, до какой степени важно было какъ можно болъе огласить послъдніе дни Пугачева, чтобы всъ убъдились что дъйствительно Пугачевъ, какъ обманщикъ и самозванецъ, схвачевъ, содержится въ тюрьмъ и ждетъ казни за свои преступленія.

Въ этихъ видахъ графъ Панинъ, тотчасъ по получении увъдомленія отъ Суворова о поимкъ Пугачева, издалъ 25-го сентября свое извъщеніе объ этомъ событіи, начавшееся словами исимъ каждый извъщается". Въ этихъ же видахъ Москва

^{*} Пойманный прежде Бълобородовъ, считавшійся у Пугачева фельдмаршаломъ, быль суждень ранье и казнень въ Москвъ 5-го сентабря 1774 г. Судь надъ Бълобородовымъ происходиль въ самое горячее время мятежа, и казнью его хотъли внушить "стракъ бездъльникамъ". Швановичъ, вслъдствіе заступничества графа Орлова, быль лишень чиновъ и дворянства съ переломленіемъ надъ головой его шпаги на эшафотъ; Гриневъ оказался невиновнымъ, а Минъевъ прогнанъ сквозь строй.

была избрана мъстомъ для суда и казни Пугачева. Никакой аругой пунктъ не былъ пригоденъ для того чтобы дъйствія правительства съ Пугачевымъ получили большую огласку.

Князь Волконскій полагаль необходимымь придать какь можно болье гласности и знаменательности самому ввозу Пугачева въ Москву. Онь вспомниль примъръ Петра Великаго, который, "взявъ Азовъ, а въ немъ измънника Якутку, велъль ввозить въ Москву слъдующимъ образомъ: сдълана была особливая повозка, на которой поставлена была висълица, и къ оной тотъ злодъй, стоя, прикованъ быль, а вверху надъ нимъ, большими литерами, надпись была его злодъйствамъ. "*

Въ Петербургв этотъ проектъ не одобрили, а дали приказаніе "его привезти днемъ, подъ конвоемъ (акромъ тъхъ кои съ нимъ) сотъ до двухъ донскихъ казаковъ и драгунъ, безъ всякой дальной афектаціи и не показывая дальное уваженіе къ сему злодъю и измѣннику".

Въ 9 часовъ утра, 4 поября 1774 г., Пугачева привезли въ Москву. Огромныя массы народа толпились по всъмъ улицамъ и провожали конвой до самаго Монетнаго двора (въ Охотномъ ряду), гдъ приготовлена была тюрьма для Пугачева. Множество каретъ съ дамами собралось къ Воскресенскимъ воротамъ, такъ "что проъхать съ нуждою было можно". Думали что Пугачевъ подойдетъ къ окну, но этого ему сдълать было нельзя, потому что въ отношеніи его приняли тъ же почти мъры что и въ Симбирскъ. Ближайшимъ его охранителемъ по-прежнему остался Галаховъ. Пугачева въ оковахъ приковали къ стънъ. Жена и сынъ помъщены въ особомъ нумеръ. Галаховъ и Шешковскій поселились въ томъ же домъ гдъ была тюрьма Пугачева и тайная экспедиція.

Въ десятомъ часу прибыли въ тайную экспедицію князь Волконскій и Шешковскій. Къ нимъ, въ судейскую комнату, ввели Пугачева. Безъ всякаго еще спроса паль онъ на кольни, — симбирскіе порядки были ему памятны, — и сказаль: "виновать передъ Богомъ и государынею". Князь Волконскій сталь говорить съ нимъ "исторически, съ начала

^{*} Дъло № 26 429, от. 14, письмо кназа Волконскаго къ императрицъ, отъ 5-го октабра 1774 г.

^{**} C6. XVIII enks, crp. 131, Nº 123.

Digitized by Google

какимъ образомъ, гдъ и когда сіе содъянное имъ злодъйство въ скверное свое сердце посъялъ, и кто ему первые были въ семъ злъ пособники, даже и во все время, кто его и чътъ подкръплялъ."

Пугачевъ отвъчалъ спокойно и ясно; говорилъ совершенно то же что показывалъ прежде, ссылался на названныхъ уже имъ лицъ, и ничего не говорилъ вновь. Укоряемый въ своихъ преступленіяхъ, Пугачевъ отвъчалъ: "мой гръхъ; подбили меня люди, да ужь теперь виноватъ". Не отклоняя отъ себя обвиненій, онъ прибавилъ: "да яицкіе казаки дълали что хотъли", и закончилъ свой пятичасовой разговоръ съ кназемъ Волконскимъ фразой: "радъ заслужитъ вины свои са пмператорскому величеству".

Послаль князь Волконскій и за женой Пугачева. Простав казачка, она была непричастна злод'вяніямъ своего мужа, "Чортъ его знаетъ, говорила она, что онъ вто над'влалъ; а о злод'виствахъ его прежде никогда отъ него не слыхала, и онъ меня бросилъ уже съ три года."

Для полноты картины нельзя не привести описаній княземъ Волконскимъ Пугачева и его жены, по первому на нихъ взгляду. Про перваго князь говорилъ: "Онъ человъкъ нельзя никакъ сказать чтобы былъ великаго духа, а тъмъ меньше разума; ибо я по всъмъ его отвътамъ нисколько остроты его не видалъ, скверенъ такъ какъ мужику бытъ простому свойственно, съ тою только разницей, что онъ бродяга", а о женъ: "жена его человъкъ самой подлой, и видно, тихій; а сынъ, мальчишка лътъ двънадцати, также ничего лучше матери не объщаетъ."

Шешковскій немедленно началь снимать съ Пугачева показанія, и полагаль что на этоть трудь ему понадобится "часовь шестьдесять, а по крайней мірть семьдесять". П. С. Потемкинь тоже участвоваль въ производствів слідствів. Наконець оно было кончено, но не такъ быстро какъ ожидаль Шешковскій, и отправлено въ Петербургь, а 19-го декабря объявлень манифесть о преступленіяхъ казака Пугачева. Въ манифесть * описана была вкратців вся исторів самозванца, и возвіщалось, что слідственное діло производившееся въ Москвів генераль-аншефомъ княземъ Войконскимъ и генераль-маїоромъ Потемкинымъ окончено и

^{*} Напечатанъ Пушкинымъ.

передается въ сенатъ, коему повелвалось, "купно съ синодскими членами, въ Москвъ находящимися, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ, съ президентами всъхъ коллегій, выслушать оные отъ помянутыхъ присутствующихъ въ тайной экспедиціи, яко производителей сего слъдствія, и учинить, въ силу государственныхъ законовъ, ръшительную сентенцію по всъмъ ими сдъланнымъ преступленіямъ противу имперіи, къ безопасности личныя человъческаго рода и имущества."

Для участія въ окончательномъ судѣ прівхали въ Москву И. С. Потемкинъ, возивтій въ Петербургъ слѣдственное дѣло, и генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

Казнь Пугачева и ближайтихъ его помощниковъ была неизбъжна, но императрица желала чтобы не было истязаній, и чтобы число жертвъ по возможности было меньте. Какъ прежде, во время слъдствія, писала государыня къ Волконскому: "для Бога, удержитесь отъ всякаго рода пристрастныхъ распросовъ, всегда затемняющихъ истину", такъ и теперь просила его же: "пожалуй, помогайте всъмъ внутитъ умъревность какъ въ числъ, такъ и въ казни преступниковъ. Противное человъколюбію моему прискорбно будетъ. Не должно быть лихимъ для того, что съ варварами дъло имъемъ". (XVIII с., стр. 129 и 139.)

9-го января 1775 года члены суда, въ числъ 28 человъкъ, подписали сентенцію; четыре члена синода, уклонясь отъ подписи сентенціи, дали заявленіе, что по злодъяніямъ Пугачева признають его достойнымъ казни.

Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика—къ отсъченію головы; Шигаєвъ, Подуровъ и Тарновъ къ повъшенію; восьмнадцать человъкъ къ наказанію квутомъ и ссылкъ въ каторжную работу; двухъ опредълено высъчь кнутомъ и одного плетьми, одного лишить дворянства и ошельмовать (Швановичь), одного лишить чиновъ (Юматовъ) и одного лишить депутатскаго званія (Горскій). Девять казаковъ выдавшихъ Пугачева прощены, а подпоручикъ Гриневъ, царицынскій купецъ Василій Качаловъ, брянскій купецъ Петръ Кожевниковъ, Малороссіянинъ Осипъ Коровка, донскіе казаки: Лукьянъ Худяковъ и Андрей Кузнецовъ; янцкій казакъ Иванъ Пономаревъ (онъ же Самодуровъ); раскольники: Василій Щолоковъ, Иванъ Съдухинъ,

крестьянинъ Василій Поповъ и Семенъ Филипповъ — оказались невиновными.

Казнь совершилась 10-го января 1775 г., въ Москвъ, на Болотъ. Пусть говорить очевидець.

"На серединъ его (Болота) воздвигнутъ былъ этафотъ, или лобное мъсто, округъ коего построены были пъхотные полки.

"Начальники и офицеры имъли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинъ жестокаго мороза. Тутъ же находился и оберъ-полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чи-повниками и ординарцами. На высотъ или помостъ лобнаго мъста увидълъ я, съ отвращениемъ, въ первый разъ, исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота, или, лучте сказать, низкой лощины, всъ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ объихъ сторонъ ея, усъяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія.

"Любопытные эрители даже вспрыгивали на козлы и запятки кареть и колясокъ. Вдругь все всколебалось и съ шумомъ заговорило: "Везутъ, везутъ!" Вскоръ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидълъ Пугачевъ, насупротивъ духовникъ его и еще какойто чиновникъ, въроятно, секретарь тайной экспедици; за санами слъдовалъ еще отрядъ конницы.

"Пугачевъ съ непокрытою головой кланялся на объ стороны, пока везли его. Я не замътилъ въ чертахъ лица его ничего свиръпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лътъ, роста средняго, лицомъ смуглъ и блъденъ; глаза его сверкали, носъ имълъ кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клиномъ.

"Сани остановились противъ крыльца лобнаго мъста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ сопровождени духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на этафотъ, раздалось повелительное слово: "На караулъ!" и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово

до меня доходило.

"При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодія, также и станицы гдів онъ родился, оберъ-полицей-мейстеръ спрашиваль его громко: "Ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?" Онъ столь же громко отвітствоваль: "Такъ, государь, я донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ." Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тімъ какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, не малаго роста, сутулый, рябой и свирівповидный, стоялъ неподвижно, потупа глаза въ землю.

"По прочтеніи манифеста, духовникъ сказавъ имъ нъсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ вшафота. Читавшій манифестъ последовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сделалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, оборотясь къ соборамъ; потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ, кланялся на всѣ стороны, говоря прерывистымъ голосомъ: "Прости, народъ православный, отпусти мнѣ въ чемъ я согрѣшилъ предъ тобою; прости, народъ православный". При семъ словъ вкзекуторъ далъ знакъ: палачи бросилисъ раздъвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ всплеснулъ руками, опрокинулся навничь и въ мигь окровавленная голова уже висъла въ воздухъ, палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ постъдовало тоже.

"Четвертованіе было исполнено надъ трупами. Отръзанные члены нъсколько дней выставлены были около московскихъ заставъ, наконецъ сожжены вмъстъ съ тълами, и пепелъ раз-

жанъ палачами."

Мы уже видваи что 22-го сентября Панинъ получилъ достовърное извъстіе о задержаніи самозванца, а 25-го числа онъ уже разосладъ повсюду печатное извъщеніе объ этомъ знаменательномъ событіи. Цёль "извъщенія" состояла въ томъ чтобъ убъдить всъхъ въ поимкъ самозванца и оповъстить что самъ онъ сознался что онъ бъглый донской казакъ Емелька Пугачевъ, "воспріявшій самозванство имени императора Петра III для бунтовщичьяго своего токмо злонамъренія". Далье говорилось, что истина эта объявляется, дабы никто не впалъ "въ какія-либо поползновенія", а пребывалъ върнымъ государынъ и отечеству, не върилъ вреднымъ разглашеніямъ и ловилъ бы измънниковъ.

Для большаго оглашенія преступленій Пугачева и доказательства что онь не только не быль Петромъ III, но даже ви мальйшаго подобія съ нимъ не имьль, Панинъ приказаль снять съ Пугачева "гораздо сходный списокъ съ изображеніемъ возложенныхъ на него оковъ" и отправилъ его въ Казань, гдв онь быль сожженъ палачомъ на площади, подъ вистапрею, въ присутствіи множества народа, второй жены Пугачева и главныйшихъ его сподвижниковъ, содержавшихса тогда въ Казани подъ стражей.

Для окончательнаго же "изловленія виновных з къ наказапію". Панинъ саблалъ сабдующія распоряженія:

Овъ постановилъ сдълать различіе между селеніями принимавшими участіе въ мятежь и селеніями остававшимися спокойными. Около первыхъ онъ приказалъ поставить немедленно глаголи, висълицы и колеса, а селенія спокойныя отъ втого были избавлены. Засимъ селенія, около коихъ были поставлены орудія казни, исключались изъ-подъ дійствія милостивыхъ указовъ Елизаветы и Екатерины о прекращеніи смертной казни, и жителей ихъ (податнаго лить состоянія), виновныхъ не только по преступленіямъ "бывшаго Пугачева бунта, но и по всімъ прочимъ, заслуживающимъ смертную казнь", приказывалось судить и казнить властію тікът містныхъ учрежденій, которымъ это въ былое время (до указовъ) присвоивалось. Съ жителями же візрныхъ селепій, въ случав ихъ преступленій, приказывалось поступать пе иначе какъ по упомянутымъ милостивымъ законамъ. Приказаніе вто было разослано въ особомъ ордерть, отъ 3-го октября, къ губернаторамъ нижегородскому, воронежскому, каванскому, сибирскому и оренбургскому.

Вооруженныхъ шаекъ въ то время было уже не много, и то только въ Башкиріи. Вообще въ октябръ 1774 г. спокойствіе нарушалось или Башкирцами, разбойничавшими подъ начальствомъ Салаватки и его отца Юлая, или набъгами Киргизовъ.

Для обузданія техъ и другихъ, Панинъ послаль письмо къ киргизъ-кайсапкому хану Нурали и предложение башкирскимъ народамъ. Въ первомъ, извъщая объ утутении мятежа и поимкв Пугачева, главнокомандующій требоваль оть кана образумить всехъ обманывающихся, привести на верность своей государынв и доставить обратно русскихъ людей похищенных при набытахъ; въ противномъ случав угрожалъ "побъдопоснымъ всероссійскимъ мечомъ". Вторымъ-Папинъ требоваль выдачи Салаватки и Юлая и постановки при вськъ башкирскихъ селеніяхъ висьлиръ, колесъ и глаголей. Въ случав непослушания. Панинъ грозилъ мужской ихъ повъ до самыхъ младенцевъ растерзать лютейшими смертями, жекъ, дътей и земли ихъ всь безъ изъятія раздать въ рабство и владение верпымъ подданнымъ Россіи. Суворовъ посланъ былъ въ Башкирію для направленія войскъ къ повыkt Calabarku.

Всявдъ за отправленіемъ Пугачева изъ Симбирока, Папинъ

^{*} Указы императрицы Елизаветы фельдмаршалу Ласси въ 1743 г. и сенату 29-го марта 1753 года, о замънъ натуральной смерти подитическою. Виновнаго въ тяжкомъ уголовномъ дълъ, по объявлении смертнаго приговора, клали на плаку, съкли кнутомъ и ссылали въ каторжную работу.

счелъ возможнымъ донести императрицъ, 29-го октября, что вса чернь находится въ такомъ подобострастномъ подданническомъ законной власти повиновеніи, какого она прежде не имъла, и что баткирскія и киргизскія продерзости почти совствить прекратились. На другой день, 30-го октября, онъ полвердиль, что вся бденію его порученная мъстность отъ возмущенія исціалилась, и всё текущія дъла и правительства вступили въ прежнее свое безопасное дъйствіе. Наконецъ, 19-го поября, онъ снова объясниль что, по его мивнію, тишива и безмолвственное повиновеніе возстановились.

Въ теченіе ноября пойманы были послѣдніе разбойничьи атаманы Фирсь Ивановъ (крестьянинъ симбирскаго помъщика Киндякова), братья Иванъ и Алексѣй Ивановы, нападавшіе на Пензу, и наконецъ Башкирецъ Салаватъ.

Изъ донесеній Панина извлекаемъ слідующія цифры, опредівлющія успівность его дійствій. Его войсками разбито 62 тайки мятежниковъ; злодівевъ убито до 10.000 человінь; взято въ плінть 9.000 человінь, освобождено изъ ихъ власти дворянь, дворянскихъ женъ и дівиць и всякаго званія людей 1.280. Пушекъ взято 64, единороговъ 4 и мортиръ 4.

Исчислены были также, по приказанію Панина, жертвы павшія отъ варварства мятежниковъ. Всего убито дворянъ, ихъ женъ и дътей 1.572; священно-служителей 237 и прочаго яванія людей 1.037, а всего 2.846 человъкъ. Сверхъ того мятежники разорили 14 монастырей и 63 церкви. *

Здесь кончаются наши сведенія объ объевде графа Панина, по онъ не ограничился проживаніемъ въ Симбирске и ездиль по другимъ городамъ. Такъ изъ записокъ Д. Б. Мертваго видно что Панинъ былъ въ Алатыре.

Йовсюду происходили торжественныя встрвчи, говорились рвчи, выхвалялись доблести "спасителя отечества". Одинъ изъ предводителей дворянства назвалъ Панина честью, славою и украшением российскаго дворянства, достойным орудием промысла Великой Екатерины.... Усивотодателем свочав собратий.

Симбирскъ, во время пребыванія тамъ Панина, быль місстомъ съязда всяхъ искавнихъ милостей и заступничества

^{*} У Путкина напечатанъ списокъ 1.456 убитыхъ, то-есть только половина общаго числа приведеннаго въ извъстность Панинынъ.

сильнаго вельможи. "Здвсь нын такое людство, говорить Рычковъ, что каждодневно вижу маленькую Москву. И объдаетъ у его сіятельства человъкъ до шестидесяти и болье." Бывали частые пріемы и выходы. Державинъ описалъ одинъ изъ такихъ пріемовъ: Панинъ "былъ въ сфроватомъ атласномъ, широкомъ шлафоркъ, французскомъ большомъ колпа-къ, перевязанномъ розовыми лентами".

д. АНУЧИНЪ.

(Ao cand. No.)

YUPE MAEHIE

АРХІЕРЕЙСКОЙ КАӨЕДРЫ

У ТУРЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ *

(ИЗЪ ИСТОРІИ ВЪЛОКРИНИЦКОЙ ІВРАРХІИ.)

T.

Первое появленіе русскихъ раскольниковъ за Дунаемъ относится къ начаду XVIII стольтія и находится въ связи съ извъстнымъ возмущениемъ донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана Кондратья Булавина. Подпятый собственно въ защиту казацкихъ вольностей, на которыя императоръ Петръ хотваъ наложить свою властную руку, приславъ разыскивать между казаками разнаго рода бъглыхъ людей, свободно принимаемыхъ ими въ силу ихъ казапкихъ привилегій. Булавинскій бунть имель отчасти и религіовный оттенокъ: въ царственномъ преобразователе Россіи казаки видели не только своего притеснителя, но и голителя такъ-называемой "старой візры", которой они были горячими поборниками. брадобривца, ведущаго дружбу съ бусуржанами, піющаго табакъ и иныя богопротивныя зелія; между ними даже ходили слухи, что изъ немецкой земли прі**ъхалъ не истинный царь** Петръ Алексвевичъ.... Въ своей грамоть, разосланной въ началь 1708 года, Булавинъ между

[&]quot; Кромъ бумать бълокриницкаго архива, матеріаломъ для этой статьи служило сочиненіе одного изъ главныхъ участниковь въ описываемыхъ событіяхъ, Осипа Семенова Гончарова, имъющее такое ваглавіе: Первое начатие произшествія нашего духовняго дтла о устроеніи епископа.

прочимъ писалъ, что Донское воинство положило "стоять со всякимъ радъніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную въру христіанскую и за благочестиваго уаръ.... а Нъмцамъ за ихъ злое дъло не спущать ради того, что они вводять всъхъ въ еллинскую въру и отъ истинной въры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестими". Когда царскія войска стали одольвать бунтовщиковъ, когда началась петровская расправа съ полоненными, одинъ изъ сподвижниковъ Булавина, атаманъ Игнатій Некрасовъ, видя бъду неминучую, ръшился со своею дружиной, состоявшею изъ 2.000 казаковъ, бъжать на Кубань, за россійскій рубежъ, во владънія крымскаго хана.

Это была знакомая приволжскимъ и допскимъ раскольникамъ дорога: не мало казаковъ бъжало на Кубанъ и въ пронаомъ XVII столътіи. Первоначальные выходцы помогали потомъ переселяться за рубежъ и другимъ желающимъ изъ своихъ земляковъ и единовърцевъ: ** въ девяностыхъ

^{*} Coa. Hem. Pocciu, XV, exp. 244.

^{**} Изъ актовъ историческихъ видно, что въ 1692 году съ раки Аграхани задумали уйти за рубежъ казаки-раскольники подъ предводительствомъ атамана Льва Маницкаго, или Мананскаго. Они преднарительно отправили ходаковъ навъдаться можно ли имъ перейти въ Крымъ. Ходаки воротились въ сопровождении кубанскихъ казаковъ, которые пришли именно за тъмъ чтобы проводить своихъ аграханскихъ товарищей и единовърцевъ за русскій рубежь: "въ нывъшвемъ 201 году, въ септябръ 18 числъ (допосилъ астраханскому воеводъ князю Хованскому Денисъ Сербинъ), къ раскольщикамъказакамъ, къ Левкъ Мананскому съ товарищи, пришаи изъ Крыму казаки, которые отъ вихъ были посылавы, также и кубанскіе казаки, которые живуть на реке Кубане, примаи къ нивъ на помочь. жеть и ихъ проводить до Крыму, и та воровскіе казаки съ раки Агражани пошан въ побътъ въ Крымъ. Сульба агражанскихъ бъгдецова была несчаства: Чеченцы, подвластвые Московскому государетву, пустились въ погоню за ними, и догнавъ на реке Сунже, "училили съ ними бой, и тъхъ воровскихъ казаковъ разбили, женъ ихъ и дътей побрали въ полокъ, а иныхъ изъ нихъ побили и живьемъ вяди: а изъ такъ воровскихъ казаковъ отобрався человъкъ съ тридцать съ небольшинь побъявани на побъть". Но и за отими пустился въ поголю "Амиръ-ханъ съ своими Чеченцами" (Акты Истор. V. Ж 215). Ho goneceniio Hana Boakona rony ke Xonanckony, dinao ura kasakosa (npu Cynkh) schua человена полтораста, а умло има каваковъ человъкъ съ сорокъ". (Танъ же.)

годать XVII стольтія число казаковъ на Кубави и въ Крыму было даже такъ значительно, что они дълали набъти на приволжскіе города. * Итакъ въ то время, когда Некрасовъ со своими товарищами пришель на Кубавь, тамъ существовали уже раскольничьи поселенія. Дружина Некрасова умножила ихъ въ значительной степени, и какъ предводитель, Некрасовъ естественно получилъ большое значеніе и власть среди кубанскихъ казаковъ. Всё они были, само собою разумъется, ревнителями своего "древляго благочестія", гонимаго и церковію, и государствомъ.

Однакоже Некрасовъ со своею дружиной не долго пожилъ во владениять крымского хана. Онъ испыталь судьбу всехъ вашихъ зарубежныхъ выходцевъ того времени. По мерв того какъ съ успъхами русскаго оружія отольигались дальте и дальте рубежи русскаго государства, дальте отодвигались и усъвшіеся за рубежами русскіе выходны. Еще въ парствованіе Петра, когда начались войны съ Турками, и русскія войска, направляясь къ турецкимъ предвламъ, начали тревожить кубанскихъ поселенцевъ. Некрасовъ и больmaя часть kasakовъ поднялись съ Кубани и пустились дальте искать освядаго места во владениях туренкаго султава. Турепкому правительству они предложили свои услуги противъ парскаго войска и вообще обязались: во время "размира" съ къмъ бы то ни было являться на службу по первому привыву, не требуя отъ правительства никакихъ расходовъ на вооружение и содержание своей вольной дружины; за то оки просили у султанскаго правительства дать имъ ивста для поселенія и предоставить свободу испов'яданія древлеправославной веры" и сохранение ихъ стародавняго казапкаго быта во всей его полкотъ, отъ суда и расправы въ казацкомъ кругу до казацкаго платья включительно. Султанъ принадъ милостиво просъбу Некрасова: казакамъ было дано позволеніе селиться по берегамъ Дуная при впаденіи его въ Черкое море и жить по своимъ обычалиъ, только ве варушая върности султанскому правительству и исправно. явалясь на службу въ военное время. Новые подданные суатана, по имени своего предводителя Игната Некрасова.

^{*} Такъ, из 104 1698 года кубанскіе казаки-раскольники, "соединась съ Крынцы", подступали къ Чернону Яру и угрожали Царицыну (Акты Истер. V; NW 220 и 221).

получили у Турокъ названіе Игнать-казаков, а сами стали называться Некрасовуами.

Такъ явились первыя поселенія русскихъ старообрядцевъ за Дукаемъ въ томъ мъсть, гдъ эта ръка, направляясь къ морю, образуеть своимъ изгибомъ небольшой полуостровъ, извъстный подъ общимъ названіемъ Добруджи. Это мъсто, и въ то время когда пришелъ сюда Некрасовъ лежавшее неподалеку отъ русскихъ границъ, въ последствіи, когда начались частыя войны съ Турками, сделалось передовымъ постомъ, куда направлялись обыкновенно русскія войска. Это обстоятельство и было причиной что у Некрасовцевъ довольно рано начинаются переселенія изъ Добруджи во внутренкія области Турецкой имперіи, даже на окраины Турціи, въ сторону совершенно противоположную Добруджь. Правда, это быди переселенія большею частію временныя: съ прекращеніемъ войны, по минованіи опасности, переселенцы возвращались обыкновенно на свои старыя места, въ свою Добруджу; но случалось что иные изъ этихъ переселенцевъ предпочитали оставаться и тамъ куда на время загоняла ихъ нужда. Такимъ образомъ явились поселенія Некрасовцевъ даже въ мъстахъ столь далекихъ отъ Добруджи и Луная какъ берега Эносского залива, глъ существуетъ и досель некрасовское селеніе Казакъ-кой, и даже малоазійскій берегь Мраморнаго моря, гав находится другое, болве извъстное некрасовское селеніе съ турецкимъ названіемъ Бинъввле (тысяча домовъ), иначе Майносъ, какъ обыкновенно зовуть его сами Некрасовцы. Казакъ-кой теперь вичтожное. полузабытое селеніе; Майносъ гораздо значительніве, но всетаки своему названію Биль-ввле далеко не соотв'ятствуеть. Самую замічательную принадлежность Майноса составляєть теперь то что завсь сохранились во всей первобытной, неповрежденной чистоть своей казацкіе правы и порядки временъ Некрасова съ товарищи; Майносцы, это какимъ-то чуднымъ образомъ до нашего времени сохранившиеся въ авіятской глуши живые представители техъ вольныхъ вусскихъ людей что въ началь XVIII въка пришли на Дунай съ береговъ Дона и Кубани. **

^{**} Домашній и общественный быть майносских в Некрасови от очень

^{*} Еще два раскольничьи селенія этого имени находятся на южножь берету Черваго моря, одно при озер'я Дерконь, другое башь Въфры.

При совершенной незначительности такъ казапкихъ посеаспій которыя были основаны добруджинскими выходнами въ разныхъ мъстахъ Туренкой имперіи. Лобрудка, гдъ первоначально поселились Некрасовны, попрежнему осталась главнымы мыстомы жительства задунайскихы раскольниковы. Здесь раскольничье народонаселение съ течениемъ времени достигло весьма значительной цифры, и не столько путемъ естественнаго размноженія казачьихъ семей, сколько вольаствіе наплыва новыхъ бътлецовъ изъ Россіи по проложевной Некрасовнами дорогь въ султанскія владенія. Эти новые русскіе выходны уже вовсе не принадлежали къ потомкамъ славнаго Войска Донскаго: это были, какъ и въ другихъ мъстахъ, тъ изъ ревнителей "древляго благочестія" которымъ почему-либо сделалось не совсемъ удобно оставаться въ Россіа. Некрасовцы, по старому казацкому обычаю, радушно принимали ихъ въ свое общество, и многіе изъ этихъ выходневь начали жить подъ именемь и на правахь Игнатьказаковъ, хотя техъ казацкихъ качествъ, которыми отличаются прявые потомки Некрасовцевъ, пріобресть уже не моган. Впрочемъ, большею частію они селились отдівльно отъ казаковъ, по турецкимъ городамъ и мъстечкамъ Добруджи, или ваводили свои собственныя поселенія, и живуть здівсь какъ обыкновенные русскіе выходны. Изъ такихъ поселеній гдв раскольники живутъ не на казапкихъ правахъ, извъстны въ Добруджь: Камень (неподалеку отъ Мачина), Новинка (близь Гирсова). Татарина (на пути изъ Силистріи къ Туртукаю): кромъ того, значительное число ихъ живеть въ Тульчь, Исакчь, Мачинь, Бабадагь (у раскольниковъ онъ называется Баба) и въ разныхъ мъстечкахъ разсъянныхъ вдоль морскаго берега до самаго Адріанополя, — до Ядрина, какъ навывають его раскольники.

Но средоточіе раскольничьяго населенія Добруджи состававють и понынів тів казацкія села, которыя были основаны первыми біжавшими съ Кубани Некрасовцами. Таковы именно слідующія три слободы, сплощь населенныя раскольниками: Сары-кой, * Слава и Журиловка. Хотя мирному

живо описанъ въ интересной статью г. Иванова-Желудкова (Кельсіева): Русское село ев Малой Азіи (Русск. Въсти. 1866 г. № 6).

^{*} Въ одномъ письмъ Аркадія Славскаго находимъ объясненіе этого имени "турецкимъ названіемъ, а по нашему Желтое село". (Письмо въ Бълую-Кринацу, 7-го сентабра 1867 г.)

развитію и процебтанію этихъ селеній не мало препатствоюми частыя войны между Россіей и Турпіей, во время которыкъ обыкновенно происходили трудныя переселенія казацкихь семей во внутреннія области Турецкой имперіи, откула выкоторыя совствить не возвращались къ своимъ старымъ аворажь, а оставшеся въ Добрудкъ Некрасовны иногаз принимали русское подданство, какъ было, напримъръ, во время войны 1828 года: * но темъ не мене въ сороковыхъ годахъ, когда было начато дело объ учреждении архіерейской каоедры у турецкихъ раскольниковъ, эти коренныя некрасовскія селенія Добруджи были и многолюдны, и не бъдны. Вотъ что писаль о нихъ Н. И. Надеждинъ, въ это самое время (1846 года) путешествовавній по містамь обитаемымь заграничными раскольниками: изъ трехъ некрасовскихъ слободъ "самая большая есть Серакой, или Сари-кой, перекеверканная русскимъ выговоромъ въ Сараково, кругомъ почти омываемая развътвленіями огромнаго дунайскаго лимана, чэвъстнаго подъ именемъ озера Разельмо: въ ней считается болье 600 семей. Другая слобода Слава разбросана въ дремучемъ лесу по речке Сласт, изливающейся въ лимань Гомовицу: туть тоже около 600 домовъ. Слобода третья Журилоска лежить между Головицею и Разельмомъ, противъ самаго Партицкаго горла Дуная: домовъ въ ней до 500, Межау всеми ими разстоянія не более какъ версть пятнацать; и на этомъ пространстве скучено, выходить до 1.700 семей, что составляеть населеніе, по крайней мірів, въ 8.000 душь." Это и есть собственно Некрасовии, Игнать-казаки; всь они живуть на старыхь казацкихь правахь: въ военное время обязаны высылать молодыхъ людей на службу, въ мирное свободно занимаются рыболовствомъ и иными промыслами, управляются своими стариками и выборнымъ атаманомъ, судятся своимъ собственнымъ судомъ и расправой въ казанкаго

^{*} Въ 1830 году дозволено было "пересилившимся въ Россію изъ Бабадагской области Некрасовцамъ устроить разобранную ими въ селени Серков (Сарьской) старообрядческую церковь, въ приличномъ мъстъ, въ окрестностяхъ Измаила, и отправлять богослужение по своимъ обрядамъ"; а въ слъдующемъ году дозволено даже построить каменную церковь. (См. Сборн. пост. по части расколе, указы 25-го ноября 1830 г. и 7-го іюля 1831 г.) Итакъ Некрасовцы, тогда переселившеся въ Россію, даже перенесли съ собой и церковъ

"мругу", и держатся вообще старыхъ казанкихъ обычасвъ. Впрочемъ, настоящихъ, чистокровныхъ потомковъ друживы Некрасова теперь едва ли можно- отыскатъ между вими, и во всякомъ случав ихъ количество слишкомъ вичтожно въ сравнени съ твми пришлыми раскольвиками, которые въ разное время успъли войти въ составъ казацкихъ некрасовскихъ обществъ. Преобразунсь въ казачество, этотъ пришлый элементъ и самъ въ свою очередь имълъ на него вліяніе, слъды котораго можно усматривать именно въ томъ, что старые казацкіе правы у добруджинскихъ Некрасовцемъ не сохранились въ такой чистотъ какъ у майносскихъ ихъ товарищей.

Гаавнымъ связующимъ началомъ для нынфшнихъ некрасовскихъ обществъ саужить не столько казачество съ его стериними вольностями, сколько та мнимо-старая въра, акобы гонимая на Руси отъ летъ Никона патріарха, за которую ихъ предки, Булавинъ и Некрасовъ съ товарищами, возстали не меньше чемъ за свою казацкую волю. Слевая приверженность къ этой "старой въръ", соединенная съ сильною враждой противъ православія, къ сожальнію, удержавась въ ихъ обществахъ гораздо крепче нежели самая любовь къ казачеству; она составляетъ общую и главную принадлежность вськъ добруджинскихъ Некрасовцевъ и держить ижъ въ тесномъ общении не только между собой, но и со всемъ задунайскимъ раскольничьимъ населениемъ. Замечательно, что здесь, у турецкихъ раскольниковъ, петъ даже того раздробленія на секты, которое составляеть общую принавлежность раскола и вносить столько вражды въ раскольничьи общества: всв турецкіе раскольники, за ничтожными исключеніями, всегда принадлежали и принадлежать accerb ka nonobekomy corasciro.

До учрежденія бълокриницкой іерархіи, Некрасовцы принимали бътствующихъ отъ великороссійской церкви сващенниковъ. Впрочемъ, пріобрътеніе бътлыхъ поповъ представляло не малыя трудности для задунайскихъ раскольниковъ, и бывали времена, что во всей Добруджъ не имълось ви одного раскольничьяго попа. Случалось также, что подъименемъ поповъ жили и дъйствовали у Некрасовцевъ разные бродяги, никогда не имъвшіе священнаго сана; жили, разумътется, до перваго случая, открывавшаго обманъ, и тогда надъ самозваннымъ попомъ, если не успъваль омъ

заблаговременно скрыться, чинилась короткая казацкая расправа, ст куль да ст соду. И тв попы, которые приходили не съ фальшивыми ставленными грамотами, были въ вравственномъ отноменіи не много лучше этихъ бродягь: сами Некрасовны, при всемъ своемъ невъжествъ и грубости правовъ, терпъли ихъ только ради крайней нужды въ священствъ, для совершенія необходимыхъ церковныхъ требъ, и ватемъ не жазли отъ нихъ ничего. Ни религознаго, ни правственнаго вліянія на свою паству некрасовскіе попы обыкновенно не имели, да и не думали иметь. Крайне ограниченнымъ потребностямъ Некрасовцевъ въ этомъ отношении удовлетворяли ихъ уставщики и дьяки, ихъ старики-пачетчики и живущіе между ними иноки. Добруджинское иночество составляли главнымъ образомъ раскольничьи могахи бъжавше изъ Россіи, число которыхъ значительно возрасло именно съ того времени когда на раскольничьи монастыри у васъ обращено было строгое внимание правительства, что, разумъется, было крайне неудобно для обитателей сихъ монастырей, и многихъ побудило переселяться на болве спокойное жительство къ своимъ заграничнымъ единовърцамъ, въ Австрію, въ Турцію, въ Дунайскія Княжества. Въ Добруджь пъкоторые изъ раскольничьих в иноковъ жили отдъльными кельями, по близости некрасовскихъ селеній, и въ самыхъ селеніяхъ; но главнымъ пріютомъ задунайскаго иночества служиль такъ-называемый Славскій скить, расположенный въ трехъ верстахъ отъ Славы, среди лъса, и какъ всв раскольничьи скиты, состоящій изъ отдельных жатокъ, или келій, разбросанныхъ безъ порядка вокругь часовни. Основателемъ Славскаго скита и настоятелемъ его въ сороковыхъ годахъ былъ старецъ инокъ Макарій, а братство главнымъ образомъ составляли выходцы изъ русскихъ раскольничьихъ монастырей и скитовъ: въ томъ числъ были иноки и извъстнаго Лаврентьева монастыря, изъ котораго вышаи главные двятели по учреждению бълокриницкой ісрархіи. Такъ жили здівсь лаврентьевскіе иноки Аркадій Дороесевъ, е еще въ 1833 году совершивній странствіе по

^{*} Дороессыми назывался окъ по имени своего евангельскаго отца, ибо въ иночество постриженъ быль инокомъ Дороесемъ; а родовая его фамилія Лысый. Отецъ его быль крестьянинъ села Куничнаго, Спиридокъ Лысый.

Востоку для отысканія древлеправославных вепископовъ, и Алипій Вепринцевь: потомъ сюда же пришель, по закрытіи Лаврентьева монастыря, и самъ лаврентьевскій настоятель Арказій Шапошниковъ съ въсколькими другими. Прибытіе даврентьевского настоятеля было событісмъ очень важнымъ для Славскаго скита и даже для всего заграничнаго стареобрядства. Аркадій пользовался въ старообрядскомъ міръ большою известностью и уважениемь и быль, действительно, человъкъ умный, весьма начитанный, съ твердымъ характеромъ и строгихъ правилъ жизни: самая наружность его внутала уважение старообряднамъ: это былъ видный мущина. высокаго поста, съ даинною, закрывавшею всю грудь, бородой, за что ему дали и прозвище бородатый. Въ Славскомъ скиту Аркадій, будучи простымъ инокомъ, весьма скоро пріобрадъ преобладающее вліяніе на всь дъла; безъ его совъта и участія завсь не двлалось ничего сколько-нибудь важнаго; старецъ Макарій быль только по имени настоятелемъ скита. Послъ Аркадія въ Славскій скить переселился и еще одинъ лаврентьевскій выходець, еще прежде Аркадія оставившій Россію, инокъ Евфросивъ, лицо также замъчательное между старообрядцами, многоначитанный и обладавшій редкою памятью. Въ матеріальномъ отношеніи Славскій монастырь. жотя единственный во всей Добруджь, не отличался ни довольствомъ, ни особенными удобствами жизни: но онъ имълъ нъкоторое правственное вліяніе на добруджинских в Некрасовцевъ, особенно же по двламъ въры голосъ иноковъ славскихъ именть для нихъ значение.

П.

Когда служь о томъ, что буковинскіе раскольники затівають діло о пріобрітеніи архіерея для старообрядцевь и объ учрежденіи самостоятельной старообрядской іерархіи, дошель до некрасовскихъ селеній, здісь приняли его съ большимъ сочувствіемъ. Некрасовцамъ по душів была мысль иміть свое собственное священство, навсегда избавиться отъ этихъ былыхъ великороссійскихъ поповъ, которые имъ такъ опротивыми, и пріобрітеніе которыхъ становилось все трудніве и трудніве. Правда, они знали отчасти каковы бывають у раскольниковъ и свои собственные архіереи и попы: еще въ половинів прошлаго столітія были у Некрасовцевъ два т. ыххі. епископа—Осодосій да Ансимъ, и обоихъ ови выпроводили отъ себя вовсе не съ честію; вособенно горькія воспомиванія оставили по себів владыка Ансимъ и попы ансимовскаго поставленія, причинившіє Некрасовцамъ не мало соблазна и даже посвявшіє раздоръ между ними. Но это было давно, и почему же новый владыка долженъ непремінно походить на прежнихъ? Надівлись, напротивъ, обрівсти истиннаго пастыра, поборающаго по древнемъ благочестіи. Вообще извістіе о намівреніи бізлокриницкихъ иноковъ завести самостоятельную старообрядскую ієрархію принято было Некрасовцами съ большимъ сочувствіемъ, хотя были между ними и такіє что смотрізми очень неблагосклонно на затімо буковинскихъ искателей архієрейства. Свое сочувствіе Некрасовцы не замедлили показать самымъ очевиднымъ образомъ.

19-го сентября 1845 года въ Славскій монастырь прівхали извъствые иноки Бълокрининкой обители Павелъ и Алимпій. Получивъ наконецъ отъ австрійскаго правительства формальное дозволение учредить въ Бълой Крининъ архіерейскую липованскую кассдру, иноки эти направляли теперь путь свой въ восточныя страны для отысканія enuckona "древлеправославной въры", или по крайней мъръ такого, который бы согласился принять спо въру: къ славскимъ отнамъ ови забхади по дорога въ Ковстантикополь. О прідзав такихъ знаменитыхъ гостей, разумъется, очень скоро провъдали во всъхъ некрасовскихъ слободахъ. Сарыкойны почему-то особенно желали узнать о намереніяхъ и надеждахъ инока Павла относительно пріобр'ятенія enuckona: они общимъ совътомъ решили-снарядить къ нему посольство съ приглашеніемъ постить смиренную Сарыкойскую весь. Назвачили въ это посольство двухъ почетныхъ казаковъ. Ивана Широкова да Осипа Семенова Гончарова, которые утромъ 21-го числа и отправились въ Славскій скить. Между темъ въ этоть же самый день и инокъ Павель съ Алимпіемъ вы вхади изъ Саввскаго скита въ дальнейший путь, имеля намерение побывать и въ Сарыков: сарыкойские посланники встретились съ ними, только что провхавъ Бабадагь. Здесь Гончаровъ на несколько времени задержалъ инока Павла, а свою подводу отправилъ поскорве назадъ чтобъ извъстить стариковъ о скоромъ

^{*} Cm. II. H. Meabnukons, Ovepku nonosymus, 1 v., ra. 6.

прибытіи дорогих в гостей, которымъ желаль такимъ образомъ устроить почетную встрычу. Старики собрались въ домі Гончарова, гді назначена была квартира для Паваа съ Адимпіємъ, и какъ только эти послідніе подъйхали къ дому, ванили къ нимъ, и низко покловившись, сказали: "Благодаримъ что вы посітили насъ свешть честнымъ прибытіємъ,—спаси Христосъ!" Гончаровъ пригласилъ стариковъ и нісколькить сарыкойскихъ иноковъ къ себі потрапезовать и послушать назидательной бесінды отца Павла. Отъ Гончарова всі отправились къ уставщику Карпу Яковлеву; потомъ перешла къ атаману Козьмъ Василискову и "просиділи у него (пищеть раскольничій бытописатель) даже до світу съ восторгомъ и великою любовію, даже не могли видіть когда нощь прошла въ пріятномъ разговорів, даже никто изъ насъ той нощи и сна не принялъ ни мало".

Инокъ Павелъ хорошо понималь что для успашнаго окончакія предпріятія ему было весьма неизлишке заручиться расположениемъ некрасовскихъ обществъ, и потому употребиль все свое искусство чтобы заслужить это расположеніе. Въ Сарыков прожилъ опъ болве двухъ дней, видвася и бесвловаль со всеми почетней тими липами въ селении. Беседы, само собою разумжется, вращались по преимуществу около главного предмета, какъ и гле бы обрести древлеправославнаго enuckona. Когда, наконецъ, дорогіе гости собрались вхать далве, Сарыкойны не знали чемъ выразить имъ свою признательность за постичение и какъ засвидътельствовать свое сочувствіе кътому двау, на которое шаи они, презирая всв опасности и труды. Имъ приготовили подводу, нанесли разныхъ дорожныхъ запасовъ, кто рыбы, кто вивограду, и кром'в того присудили выдать изъ перковныхъ денеть 100 левовъ на расподы.

— Это напраско, говорилъ Павелъ, —денегъ у насъ доводъно.

— Нътъ, возьми, отвъчали ему старики,—пусть и отъ вашего усердія во участіє будеть, котя мало, дабы и мы были участники этому дълу.

Потомъ начали просить Гончарова, человъка бывалаго, хорешо знавшаго дорогу въ Царьградъ, проводить гостей, по крайней мъръ, до Тульчи, и тамъ пристроить ихъ на покойкую квартиру, пока найдутъ мъсто на пароходъ. Подали лошадей. Старики поклонились Павлу до земли и сказали: "Даруй вамъ, Господи, получить вся благая", вообще проводили его съ великою честію. Въ Тульчь Осипъ Семеновъ помьстиль путешественниковъ у самаго зажиточнаго изъ мъсткыхъ старообрядевъ, Саввы Ивановича Рукавишникова.
Здъсь инокъ Павелъ написалъ и вручилъ Гончарову для доставленія по принадлежности благодарственныя висьма сарыкойскому обществу и настоятелю Славскаго скита Макарію. Вообще онъ былъ очень доволенъ пріемомъ, какой ему
сдълали Некрасовцы, и особенно тъснымъ сближеніемъ съ
Гончаровымъ, котораго вналъ и прежде какъ человъка разумнаго, а съ этого времени могъ считать самымъ надежнымъ
помощникомъ своимъ въ начатомъ дълъ объ учрежденіи старообрядской іерархіи.

Въ Тульчъ, однакоже, вришлось иноку Навлу встрътиться и съ однимъ изъ горячихъ противниковъ втого дъла. Тамъ жилъ нъкій инокъ Аркадій, называвшійся Тульчанскимъ, человъкъ не слишкомъ далекаго ума, но крайне самоувъренный, даже съ притязаніями на прозорливость. Учрежденіе самостоятельной раскольничьей іерархіи онъ почиталъ непозволительнымъ и опаснымъ нововведеніемъ и потому гром-ко порицалъ затью буковинскихъ старообрядцевъ. Павлу это было извъстно; однакоже, предъ отъъздомъ изъ Тульчи, уже отправляясь на пароходъ, онъ зашелъ къ Аркадію проститься, питая надежду, авось смягчится его сердце. Нобесъдовали не много; Павелъ поднялся и говоритъ:

- Прости, отче, и благослови.
- Не благослованю, отвъчалъ Аркалій.
- Отче, благослови! повторилъ Павелъ.
- Не благословляю! Не благословляю! твердилъ непреклонный инокъ Аркадій.

Павель и Алимпій утаи отъ него съ огорченіемъ. Всявдь за втимъ ихъ ожидало новое, гораздо болве интересное свиданіе. Продолжая путь на пароходную пристань, къ немалому удивленію, встрітили они настоятеля Лаврентьева монастыря Аркадія съ Евфросиномъ и другими лаврентьевскими иноками. Аркадій, по закрытіи монастыря живтій нісколько времени на родинів, въ Клинцовскомъ посадів, ізкаль теперь прямо ивъ Россіи и только что вступиль на турецкую землю. Съ инокомъ Павломъ, который предъ отъївдомъ за границу жиль у него въ Лаврентьевів монастырів, онъ не видался около мести літь: понятно что тоть и другой были очень обрадованы втою неожиданною встрівчей и въ такое

важное для обоихъ время. Такъ какъ пароходъ отъязжалъ еще не скоро, то, по приглашению Рукавишникова, все отправились къ кему въ домъ, гдв по случаю радостваго свъланія имъ была предложена обильная трапеза. Завсь инокъ Павелъ сообщилъ Аркадію о своихъ трудахъ и предважереніяхъ касательно учрежденія іерархіи, какъ успъль устроить явло съ австрійскимъ правительствомъ, куда теперь вдеть и зачемъ. Аркадій принадлежаль къ числу техь старообрадпевъ которые на исканіе архіерейства смотрали неблагосклонно. Когда, леть девнадцать тому назадь, серковскій пастоятель, инокъ Героптій, въ последствіи пастоятель Белокриницкаго монастыря и главный сотрудника инока Павла, прівзжаль въ Лаврентьевъ монастырь для переговоровъ, именно по двау объ учреждении за границей архіерейской старообрядской каесары, только что возникавшему въ то время, еще тогда Аркадій высказался рівшительно противъ старообрядскаго архіерейства, въ учрежденіи котораго не вильят ни особенной нужать, ни особенной пользы для старообрядцевъ. Теперь обстоятельства вкачительно измънились. Положеніе старообрядства въ Россіи саваалось ственительные, пріобрытеніе бытлыхы поповы затруднилось еще больше, и самъ окъ теперь уже не находился подъ надзоромъ русскихъ властей. Но, по своей обычной осторожности, Аркадій все-таки не могь помиричься такъ скоро съ предприятиемъ инока Павла и потому слумаль разказъ его молча, хотя и съ подобающимъ вниманіемъ. Наконеръ Павлу пора было и отправляться. Онъ сказаль при разстяваньи:

— Прости, отче, и благослови васъ на сіе дело.

Аркадій быль поставлень въ затрудненіе: ему не хотвлось огорчить Павла отказомь; съ другой стороны боялся онь какъ бы не погръщить, если дасть благословеніе. Помолчавъ немного, онь отвітиль:

— Богь да сотворить съ вани, якоже хощеть! Павель поклонияся ему низко и сказаль:

- Cnacu Xpucrocz, orue!

"Смотрите обоихъ разумы, Лаврентьевского Аркадія и Тульчанского, замізчаеть по сему случаю старообрядскій новіствователь, они была въ одномів сомнівнім о епископів, по первый не оскорбиль отца Павла о благословеніи, а Тульчанскій Аркадій невізжествомъ своимъ опечалиль.

Изъ своихъ странствій чнокъ Павель не забываль при саучай унадоманть добружинских благопріятелей о своих noaburaxa aan npioophrenin apenaenpanocaannaro enuckona чтобы подаержать въ нихъ сочувствие къ этому делу. Окъ писвать на имя Гончарова, а этотъ посатаній обыкновенно читаль его письма въ кругу, на сходкахъ, въ общемъ собрадіц некрасовских стариковъ. Первое письмо цнокъ Павель приследь изъ Царяграда, вскорт по прідзді туда; потомъ въ феврааф 1846 года подучено было другое, въ которомъ Павель подробно описываль свои странствія по восточнымь вемлямъ, "какъ были въ Сиріи и во Аравіи, во Іерусалимь, и во Египть, во Александріи и даже, словомъ сказать, во всей Палестинь разсматривали догматы опыхъ въръ. какая въ чемъ состоитъ." Съ умиленіемъ внимали старики Некрасовны чтенію простравней епистоліц инока Павла, который вообще обладаль замечательнымь даромь составлять подобmaro poga nocasnia: "Bos yausasauch ero myapomy onucanio и путемествии ихъ, и всь сказали: можетъ-быть и дасть Богь, гар-вибудь найдуть по ихъ усердному старанію. Спуоти мъсяцъ посяв этого, чнокъ Алимпій, проважая мимо Тульчи, передаль для доставленія въ некрасовскія слободы еще письмо, въ которомъ содержалось радоствое извъстіе ero "Eors gaas, namau enuckona", u umenno focnocapaesckaro murponoaura Ambrocia. Hakonens, 20-ro uncas mas mirсана. пришао извъстіе что инокъ Павель письменно увъдомиль благотворителя своего Савву Ивановича Рукавишникова о импющемъ скоро посмъдовать прибытіи своемъ въ Тульчу купно съ высокопреосвящениващимъ митрополитомъ.

Эта въсть привела въ движеніе все раскольничье населеніе Добруджи: сарыкойскіе, славскіе и журиловскіе Некрасовцы присудили устроить Амвросію торжественную встръчу на тульчанской пристани, гдъ онь долженъ быль сойти съ пърохода, выбрали для этого самыхъ почтенныхъ стариковъ изъ всъхъ селеній, и надавали имъ "калачей для митрополита". Славскій монастырь, съ своей стороны, также выразиль готовность принять участіе въ торжественной встръчъ Амвросія: настоятель инокъ Макарій отправиль въ Тульчу въсколько человъкъ изъ старшей братіи и съ ними Лаврентъевскаго Аркадія, который въ это время пребываль уже въ Славскомъ скиту и пользовался адъсь не малымъ почетомъ. Согласившись вхать на встръчу митрополита, Аркадій этимъ

самымъ давалъ уже внать что усимът, увънчавний предприятие инока Павла, поколебалъ его прежнее нерасположение къ учреждению старообрядской архиерейской каседры. Кромъ того, по своей доброй воль, много усердныхъ и любопытствующихъ Некрасовцевъ отправились посмотръть на встръчу "богодарованнаго владыки". Вообще навхало такое множество казачьяго люда, что "вся Тульча удивлялась столь великому собранию".

29-го мая толпы Некрасовревъ, одътыхъ въ праздничное платье, и впереди ихъ депутаціи изъ славскихъ иноковъ и почетныхъ стариковъ, съ хавбомъ и солью, запали берегъ Дукая, около тульчанской пристани, въ ожиданіи парохода, на которомъ въ втоть день доджны были прівхать Павель и Амвросій. Но оказалось что всв хлопоты были напраслы, торжественной встречи будущему липованскому митрополиту нельзя было устроить. Вышло педоразумьніе: инокъ Цавель кота и писаль Рукавитникову о своемь скоромь прибытіи вивоть съ Амвросіемъ, по не только не желаль устроенія ему торжественной встрічи, напротивъ, всячески заботиася о строжайшемъ инкогнито липованскаго владыки, который, какъ извъстно, ъхалъ изъ Цараграда перераженный въ казапкое платье, "тихимъ побытомъ, по выражению Гопчарова, съ кубанскимъ пачпортомъ, а не на своемъ имени". Примаось, удаливъ собравніяся на берегу почетныя некрасовсків депутаціи и толпы любопытныхъ, "взять митрополита изъ парохода тайнымъ и тихимъ образомъ": безъ всакой торжественности и съ крайними предосторожностими провели его въ глукую тульчанскую улицу, на квартиру къ нъкоему Степаву Михайловичу Волохину, вывсто приготовленваго въ домъ Рукавишникова весьма удобнаго помъщеніа.

Такимъ образомъ торжественная встреча Амвросію не удаавсь; мало того, она причинила большое безнокойство и Павму, и Амвросію, который и безъ того еле живъ былъ отъ страха; она могла бы даже кончиться действительною непріятностью для бывшаго босносараевскаго митрополита, еслибы инокъ Павелъ своею находчивостью не успель поправить дело. Подъ свежимъ впечатленіемъ тульманскихъ тремогъ, Навелъ очень живо описалъ ихъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Геронтію, откуда мы и приводимъ это люботытное описаніе. "Прибыли въ ночи на устье Дуная, въ Оуаинъ, гаф поутру раво встретилъ насъ Савва Мвановичъ

Рукавишниковъ, съ благопріятными привитствіемъ и восдушевнымъ усердіемъ; самъ взощель на пароходъ, провожая пасъ до Тудьчи, гдв у него другой свой домъ, дабы принять насъ тамъ и услокоить; съ собою принесъ одъ намъ разныхъ овъстныхъ гостинцевъ: ибо я ему предварительно последъ письмено и писаль ему о своемъ приходъ секретию. Но какъ его не случилось въ Тульчь, прикащикъ его Семенъ Ивановичь, тоже искренній для насъ благопріятель, прочиталь оное, такъ какъ по адресу довърено было посмотръть и ему, по не зная самъ по скорописи читать, показаль мальчику, который протолковаль ему. Онь, по своему усердію, запечатавъ письмо, отослаль своему козячку въ Сулинъ: а самъ даль внать въ село Серякое (Сарыкой) съ прямымъ извъстемъ. а тіц въ Славскій скить и во всі селенія нашей віры. Боже мой! Мы вдемъ отдохнуть въ Тульчв и, по необходимости, для перемъны пачнорта, въ Серакое, ничего того не зная, и даже не решился митрополить изъ принесенныхъ Саввою Ивановичемъ гостинцевъ ничего вкусить, доком не внидемъ въ его домъ въ Тульчъ: а въ Тульчъ, еще наканувъ нашего прибытія, отецъ Аркадій, по порученію настоятеля Славскаго монастыря отца Макарія, со многочисленною братією иноковъ, съ Серекой (изъ Сарыкоя) господинъ атаманъ съ общественными людьми и со всехъ слоболъ старики съ клюбомъ и солью для встречи митрополита, и множество по произволенію народа, убранные корото, яко на праздникъ, съ женами и дътъми, какъ говорится, отарые и малые, прівздомъ своимъ покрыли Тульчу, и прогремело всюду, паче грома! Пароходъ прибъжаль къ берегу, - на полчаса не болье остановился для высадки, кого надлежало, и скоро вов вещя и васъ побуждають перемести на берегь. Я выскочнаь чэт комары (камеры) на палубу, - и какъ взглянуль на берегь, такъ отъ неизъяснимаго ужаса омрачился и не зналъ что вообразить! Эта минута даже подобилась начимъ Моисею ари Черномъ морф (?): оъ парохода капитанъ тотчасъ гонить, какъ Фараонъ; а напротивъ, какъ синая пучива, волнуется полкъ безчисленняго народа, одинъ другаго угнетая видъть митроподита! Эта минута не представляль мив сроку ни разсуждать что, ни вопить, ни молиться; едва только умомъ безгаясно могъ восканкнуть (ако вторый Монсей): О, всемогущій Боже! что сотворю? И варугь положиль Госводь на мысль бросить вре на пароходь, вещи и сущихь со

vaco, u chopbe behra, ne okugan sanopasro neperory, saврачаль: подвите лодку! И вскоры перескочиль одинь ни съ чить на береть въ полкъ народа; поликовался съ отдемъ Аркалісмъ и съ прочими первыйшими, абіе скорыми шагаи пошель въ домъ Саввы Ивановича, возмасивъ вовиъ: "Идите скоро со мною, имено вамъ нечто предложить весьна нужное; а на пароходъ нътъ ничего моего и со мною выть никого." Чудо было эрыты! весь пароходь удивился, что это быль за человъкь такой, на коего ови почти ни ма-10 не внимали, а вдругъ дивную встричу увидали! Итака весь вародъ я увель за собою, такъ что не осталось никого привять митрополита. И овъ быль столь поражень таковою вечалиностію, что столять побледневлый, аки мертвый, кака мис сказывали тв, коихъ я послалъ на помощь Савев Ивановичу забрать наши вещи ко мить, а его съ переводчикомъ (Отнановичемъ) отвести задворками на самый край города. къ одному нашему христолюбцу." *

Неудача испытанная Некрасовнами при вотрічи Амвросія ни мало не охладила ихъ усердія и уваженія жъ богодарованному владыкь". Это странное его укрывательство, это вебавгопримичное путешествие съ фальшивымъ паспортомъ, подъ чужить именемь, въ чужомъ платыв, -- все это только возвышало Амвросія въ ихъ понятіи: въдь такія тревоги и пономенія, говорили они со словъ инока Павла, святитель териить ради насъ, дабы наши ненавистички не раздучили его съ нами, и камъ подобаеть упокоить его и защитить отъ враговъ. И мирно, безъ всякаго неудовольствія, разошись Некрасовцы по городу Тульчь, а затым отправились и во свояси. Славскіе же отпы и почетняйшіе изъ депутатовъ секретнымъ образомъ, соблюдая все предосторожноста, посытили Амеросія въ его тульчанскомъ уединеніи, поздравыи съ прівздомъ, поднесли клібъ-соль и всячески старались его успокоить. Потомъ къ вечеру того же дня увезаи его для пущей безопасности въ Сарыкой. "По уходъ паро-10да и по утишеніи народнаго волненія мы, — пов'яствуєть чнокъ Павелъ, — чревъ часъ въ домъ Саввы Ивановича обо всемъ съ отцами переговорили, и о благомъ посовътовавъ, малыми частями и разными тропами пошли посвтить планато владыку. Напередъ я съ отцемъ Аркадіемъ и съ

[•] Письмо Павла къ Геронтію отъ 8-го іюта 1846 года.

въкоторыми почтенными стардами; потомъ господинъ атемань со стариками и съ приготовленнымъ жарбомъ и солью. И себравшись, поваравнаи его съ прибытіемъ, а оки утішнаи его кръпкими увърскіями, что оки теперь за него въслучав какой тревоги (чего Боже сохрани!) готовы предать свой животъ. Тутъ овъ мало оживился и обрадовался, чего уже и не навъяся. Однако и туть, оть неизъяснимаго бывшаго BOSMVINERIA, RE MOTE RUVETO RU ACTE, RU DUTE, - DOCUAS MA-40 покою, отдохнуть. Но когда по всему граду (славно бо npocarbuca) vsnaau boż ashku ote ctaparo go maaaro, to toго же дня на вечеръ, пообъдавъ и взявши пару добрыхъ коней, отправили насъ для тишайшаго спокою въ село Серекое, куда мы прибыли уже ночью, а вещи наши на другой день доставили." Вдесь Амеросію отвели помещеніе у Гончарова, котя самого Гончарова въ это время не было дома: окъ еще ваходился въ Константивополь, гдв предъ этимъ содействовалъ иноку Павлу въ устроеніи дела съ Анвросіємъ и помогаль секретному отвізду этого послідкаго изъ Цараграда.

Въ Сарыков Амеросій прожиль болве четырекъ сутокъ, частію для того чтобы доставить утеменіе Некресовпамъ, такъ желавшимъ его видеть, главнымъ же образомъ потому что пужно было хлопотать о получении оть турепкаго правительства другаго наспорта на профадъ въ Въну. Въ это время Амвросій часто видался съ почетными сарыкойскими, также славскими и журиловскими жителями, и къкоторыхъ удостовав посещениемъ. 31-го числа сарыкойские старики пришан просить его чтобы посетиль ихъ церковь. Анвресій надъл иноческую одежду, которая заблаговременно была приготовлена для него еще въ Тульче инокомъ Алимпіемъ и отправился смотреть церковь. По улицамъ стояли большія толпы варода, которому хотвлось посмотрыть на митропоанта. Въ церкви, по разказу Гончарова, случилось следующее событіе: "Когда ввошан во ватарь, митрополить взяль Евангеліе на престоль, разгнуль и сказаль: "смотрите, что туть написано. Воть Серапіонь старець сталь читать, и бъ написано: Господи, се ты оставиком вся и ев слыдь Тебе идожоль. Митрополить спросиль: что туть написано? Толмачъ сказаль ему: владыко, туть написано: Господи, се жы

^{*} Huchno ka Pepenzilo.

остившения вся и ет сладт Тебе идожомъ. Митрополитъ весьма удивился, со умиленіемъ, о томъ что прилучися річь такам. Изъ церкви "зашли къ попечителю Евтею, митропомитъ и старики старцы, и простаго парода множество, и объдали тамъ. Черезъ день послів этого, именно 2-го імня, опять "собралися всів старики и старцы, и простаго парода много, и попросили господина митрополита пройтись по селу. Опъ тотчасъ всталъ и пошелъ съ вими по селу, и вымани на степь, и народу множество,—всів кланаются."

Между тамъ въ Бабадага успали выправить для Амвросія вовый паспорть. За отсутствіемъ Гончарова, великаго мастера втихъ далъ, о выдача паспорта хлопотали главнымъ образомъ сарыкойскій атаманъ и Аркадій Лаврентьевскій-Миъ удалось выправить паспортъ на имя башь-папаса, что, по объясненію Павла, значить: "верховный надъ всами старовърскими попами святитель"; но все-таки въ паспорта допущена была опшбка, какъ-то пеправильно написали собственное имя Амвросія, чего никакъ не случилось бы, еслибъ это дало велъ Гончаровъ, который въ своемъ сочиненіи и выражается довольно презрительно о томъ что не умали сдальнъ, какъ сладуетъ, такого простаго дала. Но Павелъ былъ очень доволенъ итамъ паспортомъ какой успали получить отъ турецкаго правительства: "спаси Христосъ господина атамана и всахъ стариковъ, а наипаче отца Аркадія и отца Евфросина за ихъ благое наставленіе и усердное содайствіе." *

Теперь можно было отправляться дальше. Присудили не завляжать въ Тульчу, а провхать на лошадяхъ до Браилова и тамъ уже състь на пароходъ. Послъ тульчанской исторіи эту дорогу находили бевопаснъе; старики совътовали только поосторожнъе ъхать мимо Кампя, такъ какъ жителей втого селенія считали враждебно расположенными къ принятію епископовъ. 3-го числа Амвросій съ Огнановичемъ и Павломъ вытыхаль изъ Сарыков, весьма довольный сдъланнымъ завов пріемомъ. Проводы были торжественные: "собрался весь міръ, разказываетъ Гончаровъ, и приготовили двъ подводы: Давыда Аблан и Веденея Чепуру, и Еремея Гапъева, чтобъ онъ проводилъ митрополита до Браилова и дондеже на пароходъ сядетъ, а на дорогу приготовили рыбы бълуги и икры черной. А когда стали вытыжать, то даже весь міръ

^{*} Ипсько Павса къ Героптію.

собрался, отъ стараго и до малаго, и приказали звонить на вызвять ему. Когда сталъ митрополить на повозку садиться, благословилъ всвять, и всв ему поклонились до земли, и звонили много, дондеже изъ глазъ скрылися".

Мимо Камия провхали благополучно, но въ Браиловъ случилось одно обстоятельство, которое сильно перепугало Амвросія. Здесь нужно было несколько дней дожидаться парохода. Ради большей безопасности провожатые Амвросія решили въ городъ не завзжать, а остановиться на противоположномъ берегу Дуная. Нашли какой-то пустой овечій сарай, вычистили его, устлали коврами и расположились спокойно; но къ общему удивлению, сюда стали являться къ нимъ посвтители. Сначала вошель какой-то попъ и сталь у митрополита просить благословенія, его выпроводили, сказавъ что туть нъть никакого митрополита. Потомъ пришель какой-то зоопскій монахъ, этому дали денегъ, и онъ также ушелъ. Наконецъ является знакомый Некрасовцамъ мачинскій Грекъ и съ нимъ одинъ греческій епископъ, хорото внавшій Амеросія, такъ какъ Амеросій не задолго предъ этимъ вмъсть съ другими архіереями присутствоваль при его рукоположении; съ епископомъ была пълая свита, и всъ расположились неподалеку туть же, на берегу Дуная. Амвросій до того перепугался встрівчи со знакомымъ епископомъ. что хотель было спрятаться въ ясли, и едва уступиль настоятельнымъ просъбамъ спутниковъ—не тревожить себя преждевременно, а принять въ соображение что этотъ enuckonъ. быть-можеть, и не знаеть совсыть о его присутствии здысь (какъ это дъйствительно и было). Старикъ Еремей Гапвевъ, возвратившись домой, разказываль Гончарову и другимъ объ этомъ злосчастномъ случат: "какъ господинъ митрополитъ хоронился и говориль ему, Еремею: я ляжу, сказаль, въ ясли, а ты, Еремей, возьми объедьями меня прикрой, и какъ Еремей убоялся, и сказаль: я не могу этого сделать, какъ я моту такое липо въ ясли положить и объедьями закрыть! по вмъсто того взялъ митрополита и Павла и отвелъ въ камышъ". * Гончаровъ и старики некрасовские съ удивлениемъ

^{*} Гончаровъ, Первое начинание и пр. Инокъ Павелъ нъсколько имаче разказываетъ объ этомъ происшествии въ письмъ къ Геровтию: "Въ патницу наисильнъйшее обновление развать сердечнымъ, такъ ито митрополиту уже недоставало полога въ укрънте, по вличе

саушали эту повъсть "о первоначальномъ страданіи" своего владыки.

Вообще въ раскольничьемъ населени Добруджи какъ самая въсть о пріобрітеніи митрополита была встрічена съ полнымъ сочувствіемъ, такъ и личное знакомство съ Амвросіемъ, повидимому, произвело самое благопріятное для него впечатлівніе. Инокъ Павелъ отправился въ Віну хлопотать объ окончаніи Амвросіева діла съ твердою увітренностью что въ Добруджі, среди задунайскихъ казацкихъ обществъ, власть будущаго білокриницкаго митрополита совершенно упрочена, и новую старообрядскую іерархію примуть здівсь безъ всакаго прекословія.

III.

Но въ то самое время когда некрасовскія общества, къ утьшенію инока Павла, такъ усердно и единодушно чествовали Амвросія почетными встръчами и торжественными проводами, изъ среды Некрасовцевъ явились и противники Амвросія, которые очень скоро увлекли большую часть недавнихъ его почитателей и произвели сильный и продолжительный раздоръ среди старообрядскаго населенія Добруджи,—раздоръ, оставшійся не безъ вліянія и на русскихъ старообрядцевъ. Когда Амвросій совершалъ описанную выше протулку свою по сарыкойскимъ улицамъ, одинъ изъ этихъ противниковъ публично выразилъ совершенное къ нему неуваженіе. Весь народъ, стоя безъ шапокъ, почтительно кланялся митрополиту, а новый сарыкойскій дьякъ Михайло Ивановъ Кудрявцевъ и шапки не скидалъ, и не кланялся.

— Что за невъжа, и manky не снимаетъ! замътилъ ему находивнийся тутъ же инокъ Евфросинъ.

— Я викогда предъ несприым не стану скидать manku u

ев скотскія ясли и котпле закопаться ев навозе и осчій обенди, едва мужественными о Бозт уговорами убъдцай его предаться возтройністі.... Мы ни твий, ни пивни не могай изъ сарая никуда выступить, полагалитеся такими какъ съдящая рыба во мрежи. Однако не последовало ничего противнаго, ибо после открылось что они о нашенъ дълъ неизвъстны, а прибыли по своимъ дълът, и, слава Вогу, име и отъ оего искушенія разрышились белъ вреда. (Письмо отъ 8-го імпа 1846 г.)

кланяться! ответиль ему Михайло Ивановъ громко, чтобы слышали и другіе.

По свидетельству Гончарова, этогь Михайло Ивановь обижень быль темь что его не выбрали въ депутацию, котория снаряжена была для встречи Амеросія въ Тульче, потому и решился действовать противъ Амеросія. Но Михайло Ивановъ былъ не одинъ, у него имблись сообщники и руководители изъ тъхъ липъ, которыя и прежде смотръли чепріязненно на затью буковинскихъ старообрядцевъ учредить свою собственную ісрархію. Теперь, когда эта затья приводилась къ окончанию, когда архіерей быль найдень и привезень, они все еще не теряли надежды разстроить дело и имваи къ тому удобный предлогь. Они стали говорить что еслибы Павелъ нашелъ истиннаго древлеправославнаго enuckona. какъ объщался, это было бы хорошо; а то привезъ митрополита изъ Грековъ, отпавшихъ древляго благочестія, у которыхъ въра и законъ "порушены", однимъ словомъ, какъ выразился Михайло Ивановъ, привезъ "невърнато". Еще, пожалуй, можно было бы, по примъру бъгствующихъ священниковъ, принять enuckona отъ великороссійской перкви, но отъ Грековъ пріятіе невозможно, ибо всь Греки "обливанцы", крестятся не въ три погруженія, о чемъ засвидетельствоваль и Арсеній Сухановь въ своемь проскинитаріи. Подобными ръчами можно было смутить старообрядцевъ и гораздо болъе свъдущихъ нежели обитатели некрасовскихъ селеній. И воть между ними начали мало-по-малу распространяться разныя "сумненія" и "недоуменія" относительно Амвросія, такъ что прошло какихъ-нибудь три недъли послъ сарыкойскихъ праздниковъ въ честь "богодарованнаго владыки", и тв же Сарыкойны довольно решительно заявили себя его противниками, при первомъ удобномъ случав.

Будучи занять важнымъ вопросомъ какъ принимать Амвросія въ старообрядство, инокъ Павелъ, съ своею обычною предусмотрительностью, распорядился предложить этотъ вопросъ некрасовскимъ старообрядскимъ обществамъ, отъ которыхъ онъ уже видълъ такія очевидныя доказательства добраго расположенія къ Амвросію. Чрезъ это онъ надъядся и оказать вниманіе Некрасовцамъ, и еще тъсные связать ихъ съ дъломъ Амвросія, и наконецъ, заручившись инъ полосомъ, могъ смълье разчитывать на успъхъ Амвросіем дъла у всъхъ вообще старообрядцевъ—русскихъ и заграничныхъ.

Во второй половинь іюня прівхаль изъ Вълой Криницы въ Славскій скить инокъ Опуфрій, именно съ порученіемъ къ славскимъ отцамъ и ко всъмъ некрасовскимъ обществамъ соборнъ разсудить и опредълить, какимъ чиномъ надлежитъ принять митрополита Амвросія въ старообрадство. Немедленно во всъ некрасовскія слободы разосланы были приглашенія—избрать депутатовъ для присутствія на соборть, который имеетъ быть неотложно 23-го числа іюня мысяца, въ Славскомъ скиту. Къ назначенному времени явились депутаты сарыкойскіе, славскіе, журиловскіе; настоятель собраль скитскихъ иноковъ, всть вмёсть отправились въ часовню. Положили "началь", каждый заняль подобающее мъсто, и приступили къ соборнымъ совъщаніямъ по вопросу о чинопріятіи Амвросія.

Лав руководства при решеніи этого вопроса инокъ Павель забдаговременно составиль сочинение поль заглавиемь Краткое соображение, или сличение о разных в религиях, то-есть въражъ, за ереси осужденнымъ, однако тъжъ только, отъ копорых дойствувана тайны, крещенів и хиротонія, по правылама святых соборова ва православную въру ка пріятію есть достойны. Здівсь о Грекахъ было рівшительно сказано: "въ догнатехъ веры о самомъ Божестве никакой погрышности не имыють что есть главный пункть православію": имъ даже отдавалось предпочтеніе предъ "никоніанами", или "нынътники россіянами", именно за строгое содержаніе трехпогружательнаго крещенія: "О трехпогружательномъ въ Грекахъ крещеніи" была написана въ сочиненіи цълал особал глава. Списокъ "краткаго соображенія о върахъ" находился у Лаврентьевского Аркадія и быль получень имь оть самого инока Павла въ то время, когда этотъ последній винств съ Амвросіемъ прінажаль въ Сарыкой. Бесначи съ Аркадіень о новоучреждаемой ісрархіи и объ Амеросіи, Павель не могь не замътить что Аркадій все еще колебался разными сомнъніями относительно іерархіи, равно какъ не не чуждъ сомивнія и относительно личности новопріобрівтеннаго митрополита, котя и относился къ нему со всемъ должнымъ почтениемъ. Пріобрести своему делу, которое теперь приводилось къ концу, полное сочувствіе и содъйствіе Аркалія, человъка столь извъстнаго и уважаемаго между старообрядцами, для Паваа было весьма желательно, и вотъ, на прошеньи съ нимъ, чтобы разсвять посаванія его

сомивнія пасчеть ісрархіи и митрополита Амвросія, опъвручиль ему свое "соображение о религияхь". По свидетельству самого Аркадія, это сочименіе будто-бы имфло на него рапительное вліяніе: "не скрываю, а раче проповначю свое мифніе, писаль онь въпоследствіи, — видель митрополита, пеловаль его руку, но все еще не быль расположень; быль провожаемъ изъ Сарыкоя отцемъ Павломъ, но только я молчалъ и не объяваяль своего мятнів. Здівсь получиль от в него правила" и приняль ихъ хладнокровно. По прибыти же въ свою келью, началь оныя читать, и по прочтеніи ст одну женуту десятильтнее сопротивление меня оставило, и я сотворияся отъ инаго инымъ. " Отъ чего бы ни зависила вта перемина, такъ мгновенно совершившаяся, - убъдился ли Аркалій доводами инока Павла въ правильности и закоплости вовоучрежавемой ісрархіи отъ Амеросієва корене, или, — что гораздо въроятиве, только вполив сообразилъ теперь, каків выгоды можеть принести она и старообрядству, и лично ему самому, по съ этого времени онъ действительно становится жаркимъ поборникомъ бъюкриницкаго свящества и запитникомъ митрополита Амвросія. ** Съ находившимся у Аркалія

^{*} Письмо Аркадія въ Вълую Криницу отъ 25 авр. 1847 г.

^{**} Что словамъ Аркадія въ письмъ отъ 26 апр. 1847 года о чудесной веремънъ его убъжденій нельзя вполив довърять, это очевидно ивъ другихъ, его же собственныхъ и болве искреннихъ отвывовъ объ Амеросіи и проистедней отъ него ісрархіи. Въ началь 1847 г. когда начиналось дело о поставлении enuckona для турецкихъ раскольниковъ, Аркадію не излишне было сообщить въ Враую Кринипу, что омъ теперь искрепло убъдился въ заколности дела устроенnaro unokowa Habaona, u mpiemaeta u Ambpocia u iepapzilo ota Amвросія, какъ учрежденную "по правиданъ". А воть что писаль тоть же Аркадій въ Бълую Криницу спустя четырнадцать льть, когда ваздыка Кириаль сказаль ему почто для него непріятное: "пишете, что митрополить Амиросій мене не принадь въ число святителей за изкоторую неудобность. Владыко святый! еслибы я на сей хартіц открыль вамь Анвросіевы педостатки, то бы вы пе сіе думали; по открыть не на пользу, разви когда потребуется надобность. Амвросій принять по великой нуждь, а не по обдержнымъ правиламъ; Taka pasno u moe noctasaenie, taka u sch samu pykonosokennыe только по нуждъ, а если по обдержнымъ правиламъ повърять всехъ святителей достоинства, то затворите церкви вст. Прочих подостать ки по винамъ граховнымъ, -- на никъ есть равсуждение. Но кте о къры погрышаеть, тому мыть входа вы чинь святительскій. Покойный:

"соображеніемъ о въракъ" были знакомы и другіе иноки Славскаго скита. Поэтому, когда на соборъ надлежало приступить къ разсуждению о чиноприемъ Амеросія, предложили Аркадію прочесть это Павлово сочиненіе. Всв слушали со вниманіемъ, и выслушавъ, сказали: "это оченно хорото, дви Богъ привести дело въ совершеніе". Но въ числе присутствовавшихъ были и нъкоторые изъ "сумнящихся": они возразили, что отъ Грековъ не можно принимать священства. Возражателями оказались два инока Іовъ и Илія Градишанскій (одинь изъ сарыкойскихъ депутатовъ); ихъ поддержали Власій, Филаретъ и ніжоторые другіе. Защищать противъ нихъ сочинение Павла, а вытысть и самое дело Амеросія, взялся инокъ Евфросинъ, другой лаврентьевскій выходецъ, знаменитый начетчикъ, "сильный въ книгахъ" или, какъ называлъ его Аркалій, "великій книгчій"; по свидітельству того же Аркадія, Евфросинъ могь, если захочеть, "всякое дело развыми приводами разрушить и подклонить подъ свое мижне многихъ" *. Съ такимъ искуснымъ сопровосникомъ трудно быдо состязаться пекрасовскимъ грамотвямъ, онъ двиствительно засыпаль ихъ свиавтельствами изъ разныхъ уважаемыхъ старообрядцами книгь, которыя приводиль съ буквальною

Павель намь на вопрось объ Амеросіи не даль отвыта. И теперь лучие молчать" (собственноручное письмо Аркадія, 18 октября 1861 года). Подобные же отзывы объ іерархіи и объ Амеросіи встрачаемъ и въ другихъ собственноручныхъ письмахъ Аркадія. Вотъ что, папримеръ, писяль онь попу Василью Камененскому: "глаголеши: вратами подобаеть ввити. Отче, вратами входа изсть, понеже человоды папеногота. Церков наша вся на случайным обстоятельствам, а срать не имать, т.-е. обдержных правила правднують.... Равсмотримъ) самый корень — Амвросія: не вратами, но теснотою, съ вуждою великою! Я однажды отпу Павлу написаль о Амвросіи пунктовъ до 14: онъ ответъ далъ. Я паки возразилъ: не о томъ вопроmaю; по не погръщить au о въръ Амвросій (а что? не подобаеть глаголати!)? Итакт отент Павель не доказаль. Обращаемъ особенное внимание старообрядиевъ, приемлющихъ бълокриницкое сваменство, на эти откровенныя фобъясненія Аркадія, изъ которыхъ какъ пельзя болье яспо, что полной закопности былокриницкой ісраркіц онъ никотда не признаваль, а относительно Амеросія, и именво насчеть его православія (съ раскольничьей точки арвнія), не переставаль питать великія сомпанія, которыхъ и инокъ Павель разphmuth Re Morb.

^{*} Письмо къ Кириллу отъ 19 марта 1862 года.

T. LXXXI.

точностью. "Началь, разказываеть Гончаровь, оть Цисавія приводить свидітельства съ Кириллосой, и изъ Виры, и Кормчей; и какъ онъ на какую книгу укажеть, и им посмотримъ, върго ли онъ говоритъ, и такъ върго, что даже ни въ одномъ словъ опибки не замътили". Упорства некрасовскихъ грамотвевъ инокъ Евфросинъ не поколебалъ своими "приволами": но не зная что отвъчать ему, они все-таки должны были умолкнуть. Посав этого вопросъ: можно ли принать Амеросія? считали решеннымь въ пользу принатіа. Савдовало разсмотреть теперь другой: какима чиноми принять Амвросія? Согласно изложенному въ сочиненіи Павла ученію о Грекахъ, на основаніи соборныхъ правилъ и святоотеческихъ подобій, признади справеддивымъ принять его третьимъ чикомъ, т.-е. чрезъ проклятіе ереси. Это было мивніе большинства: противники же Амвросія и теперь заявили свое межніе, что отъ Грековъ съ соблюденіемъ священства пикого принять невозможно. Тогда настоятель, инокъ Макарій, чтобы примирить ту и другую стороку, предложиль свое посредствующее мнжніе: "ради многихъ немощныхъ и писанія не свъдущихъ, привыкшихъ къ священникомъ, которые всеобдержно принимаемы суть вторымъ чиномъ, такожде и нынь греческого митроподита Амеросія принять темъ же вторымъ чиномъ (подъ муропомазаніе), и то, если онъ не тяжко себъ вывнитъ на сіе соизволить. * Большинство согласилось съ этимъ мивніемъ, которое и было принято; по "сумплиціеся" остались при своемъ прежнемъ решеніи. Аркалію Лаврентьевскому туть же поручево было составить положение соборнаго определенія, что опъ и исполниль немедленно. Подлинный списокъ этого акта переданъ былъ иноку Онуфрію для доставленія въ Белую Криницу. **

Итакъ на первомъ Славскомъ соборъ, происходившемъ 24 іюня 1846 года, вопросъ о принятіи Амвросія ръшенъ быль въ смыслъ благопріятномъ для дъла начатаго въ Бълой Криницъ; но здъсь же, на этомъ первомъ соборъ, ясно обнаружилось и то, что среди Некрасовцевъ, еще такъ недавно принимавшихъ Амвросія со всъми подобающими архіерею

^{*} Славское соборное двяніе.

^{**} Онъ приведенъ вполні въ извістномъ "Соборномъ дівніи Вілокриницкаго монастыря о чинопріятіи митрополита Амвросія 27 окт. 1846 г. (Это "дівніе" напечатано въ первый разъ игуменомъ Пареснісмъ въ книгъ о Промыслю Божісмъ, стр. 61—75).

почестями, были и горячіе его противники, педружелюбно относившівся и къ самому двау объ учрежденіи самостоятельной отарообрядской ісрархіи. Потерпівв пораженіе на соборі, они, разумвется, не подчинились его решению; напротивы, съ этого времени стали еще сильные нападать и на Амеросіа, и на затыю былокриницких учредителей архісрейства, стали еще громче проповъдывать, что отъ Грековъ нельза принимать священства, что всв Греки обливанцы, и самъ Амвросій, какъ они достовърно внають, крещень поливательнымъ крещеніемъ. Обливанецъ-блазнительное и стращное для раскольника названіе, и какъ только по некрасовскимъ селамъ распространился этотъ слухъ, что митрополить Амеросій-обливанець, все раскольничье населеніе Добруджи пришло въ движеніе, -- "въ міръ сдълалась вражда и песогласіе",—одни візрими педоброму слуху, другіє не візрими, и больше оказалось таких в которые расположены были вършть. Дело становилось такъ серіовно, что Аркадій решился изв'ястить о всемъ случившемся инока Павла, отъ котораго ожидаль и въ этомъ случав какого-нибудь полевнаго распоряжения: онъ написаль Павлу что въ некрасовскихъ селенияхъ, и особенно въ Сарыков, "завелся великій раздоръ и распря", и что виной всего распространенный. явкоторыми слухъ, будто Амвросій крещена поливательнымъ крешеніемъ.

Павель не совствить доволенть быль и темъ уже что поразказаль ему инокъ Онуфрій о діяніяхъ Славскаго собора.
Не безъ огорченія узналь онт, что среди Некрасовцевъ,
такъ сочувствовавшихъ его предпріятію, явились на этомъ
соборт упорные противники Амвросія, съ которыми славекіе отцы вынуждены были вести словопренія, и ради которымъ соборт решился даже сділять постановленіе о принатіи Амвросія вторымъ чиномъ,—постановленіе столь оскорбительное для Амвросія и столь мало согласное съ собственными предположеніями инока Павла. Темъ больше огорчило
его это новое, сообщенное Аркадіємъ извъстіе, что число
противниковъ Амвросія между Некрасовцами возрастаєть,
и что они пріобрътаютъ большую силу въ народъ. Павелъ
слишкомъ дорожиль согласіємъ турецкихъ раскольниковъ
на принятіе новоучреждаемой ієрархіи чтобъ остаться безучастнымъ ко всёмъ этимъ извъстіямъ. Въ видахъ именью
успокоснія некрасовскихъ ревнителей, онъ уже сділаль имъ

весьма важную уступку: вопреки его убъждению. Амвросій принать быль вторымь чиномь, согласно опредвлению Славскаго собора. Теперь оказывалось что недостаточно и этого, что случилось именно то чего онъ опасался и прежде,возбуждено сомнине отпосительно правильности самого креmenia подученнаго Амвросіемъ, а съ темъ вифсть отвергается возможность заимствовать отъ него и јерархію. * Такъ какъ причиной этого были служи будто Амеросій крещенъ поливательнымъ крешеніемъ, то чнокъ Павелъ призналь за лучшее. въ опровержение такихъ слуховъ, послать Некрасовнамъ самыя точныя извъстія о митрополить Амвросів, объ его предkaxa, o mborta ero postaenia u o npovema. Onucaba ace aro со словъ самого митрополита, опъ совътовалъ Некрасовцамъ послать верных людей въ Эносъ, на его родину, чтобы посмотръли какъ совершается крещение у тамошнихъ Грековъ и увериться такимъ образомъ, что Амеросій, равно какъ и прочіє Греки, вовсе не обливанецъ. Если же, писаль опъ въ заключение, и свидътельству митрополита не повърите, и справокъ въ Эносъ навести не захотите, и своего упорства не оставите, то будете подобны твиъ Іудеямъ, которые, видевте Господа, не въровали, и одинаковое съ ними понесете осужленіе. Слова эти инокъ Павелъ написаль, какъ видно, подъ вліяніемъ сильной досады на Некрасовцевъ, обманувтихъ его ожиданія, и не принявъ въ соображеніе какъ они чувствительны къ подобнаго рода обиднымъ сравненіамъ. Относительно въры Некрасовцы считають себя совершеннайшимъ народомъ во всемъ христіанскомъ міра, единственнымъ у котораго древлее благочестіе сохранилось во всей его неповрежденной чистоть: уподобить ихъ какимъ-пибудь еретикамъ, а темъ более Жидамъ-христоубійцамъ, значило оскорбить ихъ въ самомъ завътномъ ихъ чувствъ. ** Своимъ

^{*} Что Павелъ и прежде имълъ опасекія какъ бы старообрядцы не усомнились насчетъ крещенія Амеросіева, это видно изъ того, что въ своемъ "соображеніи" опъ помъстиль особую, довольно обтирную главу "о трехпогружальномъ въ Грекатъ крещеніи", гдѣ обстоятельно и съ особеннымъ усиліемъ доказывалъ, что Греки держались трехпогружательнаго крещенія даже гораздо строже чъмъ "Никоніане".

^{**} Такъ отвываются о Некрасовцать даже сами старообрядцы. О Майносцать, этихъ Некрасовуское по преимуществу, Аркадій Славскій говорить въ одномъ письмі: "они считають себя перевеймили

вое впечатавніе письма и только еще больше повредить своему двау, какъ действительно и случилось.

Письмо было адресовано въ Сарыкой. По казацкому обычаю. Сарыкойны собрами кругь, чтобы публично прочитать овлокрининкое посланіе. Слушали внимательно, не прерывал чтена: ибо Павель умель писать разумно и убедительно: но едва прочитано было то место, где говорилось, что они, неkpaconckie xpuctiane, sa свое невъріе будуть осуждены, якоже Іудец, со вобхъ сторонъ посыпались ругательства на Павла, и "вст, по выражению Гончарова, яко звтріе разсвиръпъди зълькою простію". По сему случаю некрасовскій пъеписатель предвется сабдующимъ печальнымъ размышленіямъ о своихъ единовърцахъ и соотечественникахъ: "чудитися подобаеть внезапному предожению ихъ оть кротости въ свирепство! Малымъ прежде нимопединимъ временемъ Павда жвачач, превозносили и благодарили, и говорили: даруй ему. Господи, вся прошевія, яже ко спасенію, и животь вічный: а нынъ, хуля, оплювають и прокливають, и не токмо единаго Павла, но самого митрополита и все дъло его, и даже не стали шалить высочества святыни его!"

Теперь руководителямъ враждебной Амвросію партіи не трудно было окончательно завладіть Сарыкойцами, и для втого они дійствительно воспользовались удобиымъ временемъ, когда неудовольствіе, вызванное письмомъ инока Павла, вста еще такъ живо чувствовали. Во главть партіи, кромъ Михайла Иванова, стояли два инока, Илья Градищанскій и

жристилами, неимущими порока. Воть кота навый примъръ икъ буести. Они жили прежде близь Сарыкоя на Дунавцъ, былъ у викъ священникъ. Случился праздникъ Богоявленія Господня: потаи на Дунавецъ святить воду. Священникъ обрядъ совершалъ; погрузилъ крестъ, и грянули изъ пушекъ, и изъ ружей. Священникъ обидълся, назвалъ еретическими обичлемъ. Итакъ совершилось и дъйствіе праздника, и начинались транезованія. Священникъ началъ объядъть. Прибътлетъ къ нему человъкъ, возвъщатъ, дябы утекъю; ибо совътъ утвердили убить попа, за то
тто, дябы утекъю; ибо совътъ утвердили убить попа, за то
тто имъ обычай назвалы еретичествомъ. Попъ, все остабя на
столь, бъжалъ чрезъ поле въ Сарыкой. Они пришли въ его колыю,
и его не нашан; осъдавли коней и бросились въ погонь. Съ конца
и до конца все село обыскали; но повъ укрылся. Се едино отъ многихъ!" (Посъ. въ Вълую-Криницу отъ 26-го январа 1856 года.)

Іовъ, которые, какъ сказано выше, и на первоиъ Славсконъ соборь заявили себя противниками Амеросія. Ісет быль изъ числа извъстныхъ въ исторіи раскола чернобольскихъ иноковъ; • овъ принадлежаль теперь къ братству Славского скита, по гаф-то въ лесу, близь Сарыков, имеват и свою отправную келійку: пиокъ Илія жиль также неподалеку оть Сарыков, въ камышахъ на Градицъ. Тотъ и другой съ втого времени кажами день неопустительно приходили въ село вобесвловать и посовътовать съ Сарыкойнами объ общемъ верковномъ деле, несмотря на то что, по случаю весенняго половодья, путешествовать въ село было крайне нечлобно. "Объ Илів стартв я какъ вздунаю, разказываетъ Гончаровъ, то и теперь сожалью: ибо того года была великал вода отъ Градина даже до самаго села; опъ же, бъдный трудникъ вражій, ежедневно изъ Градища въ село по водв бродяте, и аки бы въчто веліе предъ Богомъ сотворити вияме, и толикія труды принимая, и тіни усталости въ себів не чувше, но яко перната нъкій бяте, Богу попущающу, а діаволу помогающу." Труды обоихъ старцевъ и прочихъ противниковъ Амвросія съ его повоучрежденною іераркіей не были одпакоже тщетны: Сарыкойны почти всв поголовно перешли ва ихъ сторону: изъ всего многолюднаго селенія только Осипъ Гончаровъ, да пать-месть человъвъ болье грамотныхъ остаачеь върмини Павлу и Анаросію, не хотыли изивнить своихъ прежаихъ повятий о новомъ старообрядскомъ священствъ. Сарыкой глава всехъ некрасовскихъ селеній: не было сомивнія что за жимъ последуеть и Слава, въ которой и имелось уже не мало "сумпящихся" о приняти священства отъ обливания: отпосительно Журиловки, какъ селенія не такъ значительнаго, сомпевались еще меньще: а каменскіе жители давно извъстны были какъ люди враждебно смотревтіе на предпринятое буковинскими старообряднами учрежденіе архіерейства.

Итакъ новой старообрядской митрополіи, къ втому времени окончательно устроившейся въ Бълокринцикомъ монастыръ на законныхъ, правительствомъ утвержденныхъ основаніяхъ, приходилесь встратить сильную оппозицію у такъ

^{* &}quot;....Черкобольскіе старцы Іом» в Исакій разпратили Сарыкой и на такую злобу модинтан, что уже и описать невозмежно. (Письно Аркадія Саваскиго нь Балую-Криницу 7-го сентабря 1857 г.)

самыхъ добруджинскихъ Некрасовцевъ, на сочувствие которыхъ всего более разчитывали и имели право разчитыватъ и инокъ Павелъ, и Амвросій. Теперь этимъ последнимъ прилодилось возложить все надежды на славскихъ отцовъ, да на техъ немногихъ, однакоже довольно сильныхъ между Некрасовцами доброжелателей, которые не изменили своихъ прежнихъ къ нимъ отношеній.

IV.

Подписавъ на первомъ своемъ соборѣ постановление о приватіи Амеросія вторымъ чиномъ, славскіе отцы, такъ-сказать. формально связали себя съ деломъ объ учреждении былекриницкой ісрархіч. Теперь же, когда Амяросій быль приветь именно такъ какъ они постановили, и самое ихъ "постановленіе", въ полномъ его видь, вошло въ составъ "Бълокрининкаго соборнаго деннія", какт одно изт основаній кт аринатію Анаросія вторымъ чиномъ, теперь славскіе отпы должны были чувотвовать себя еще теснее связанными съ вовоучрежденною ісраркісй, Надлежало подумать и о томъ чтобы запечативть эту связь санымъ деломъ, испросить себе ort nobondurataro apxunactupa aiakonost, chamennukost, а если окажется возможнымъ, то и enuckona. Для решенія вопроса о подчинении былокриницкому митрополиту и о поставленіи чрезъ него евященниковъ славскіе иноки признаан нужнымъ составить у себя въ скиту новый соборъ.

3-го феврала 1847 года Сарыкейны получили изъ славскаго монастыра приглеменіе прислать избранныхъ депутатовъ для присутствія на этомъ соборь. Немедленно составился кругъ; поръщим что не жхать на соборъ нельзя; стали выбирать депутатовъ изъ числа почетнъйшихъ стариковъ, навначили Козьму Василискова, Евтея Евстратьева, Вавилу Петрова, Карпа Яковлева, Ивана Трифовова, Якова Потура, старца Власія и Гомчарова. Здісь были ифкоторые изъ расположенныхъ къ новой ісрархіи, именно, кромів Гомчарова, Вавила Петровъ, Яковъ Потуръ. По прізадів въ Славу они остановились у своему союзнику, Василью Спиридовову. Пріткали въ Славу и журиловскіе Некрасовцы. Утромъ слідующаго дня условлене было отправиться въ скитъ; но по случаю сильной непогоды едва совствить не разстроилось дъло. "Тоя нощи, разказываетъ Гончаровъ, сдълалась сильная зима, даже и свъту не видать было: Поутру собралися ны, журиловскіе и славскіе, къ Евиму и посовътывали, идти или нътъ? весьма глубокій снътъ выпалъ! Согласились идти, и началъ я вести передъ, а прочіе за мною; а Потуръ Яковъ и Евимъ воротилися назадъ, не могли идти за великій снътъ и зиму; а мы съ Божією помощію дошли въ скитъ."

Настоятель, инокъ Макарій, созваль братію, и въ монастырской часовив открыль соборныя разсужденія. И теперь, какъ на первомъ соборъ, по вопросу о приняти новой јерархіи голоса раздівлились, "одни говорили что можно принять. a apyrie говорили нельзя прикять": по тепевь сторока непріемлющихъ оказалась сильные, большинство лепутатовъ отъ пекрасовскихъ обществъ, подъ вліяніемъ Сарыкойпевъ, решительно заявили что принять священство отъ обливания не желаютъ. Напрасно противная сторона приводила имъ свидетельства въ защиту Грековъ, ссылаясь на перковныя правила и на отеческія святоподобія; сумняціеся не хотвли внимать никакимъ вразумленіямъ. Тогда припомили совъть инока Павла навести справки о крещеніи Грековъ въ Экось. Одинъ изъ зажиточныхъ Некрасовцевъ, по фамиліи Аткарь, предложиль: "Давайте пошлемь въ Экось и посмотримь какъ тамъ: погружаютъ Греки или нетъ. Онъ вызвался дать отъ себя на издержки по этому двлу 500 левовъ: Гончаровъ скаваль что и онъ дасть 200 левовъ. Но сарыкойскіе старики не приняли и этого предложенія: "Наять нечего смотрыть тамъ, а кому нужно, тотъ пущай вдетъ и сиотритъ"

Такъ новый Славскій соборь и кончился виченъ. Овъ имель лишь то значене, что ясные определиль положеніе и карактерь объихъ несогласныхъ сторонъ. Защитники белокриницкой іерархіи теперь могли быть внелять увърены что ихъ противники, принявъ свое решеніе, ни въ каків изысканія о Грекахъ и объ Амеросіи входить не будуть, и потому надежды на ихъ вразумленіе остаєтся мало; въ свою очередь и эти последніе лучте узнали на соборе кто особенно сточть за "обливанца" и за къмъ изъ своихъ надобно присматривать построже чтобы не вредиль народъ. Съ этого врежени начинають они особенно зорко следить за Гончаровымъ. Что Гончаровъ, такъ много потрудившійся вмъсть оз инокомъ Павломъ для пріобретенія митрополита Амеросія,

быль самымь ревностнымь изъ всехь Некрасовневь поборликомъ бълокриницкой јерархіи, это ни для кого не было тайной, и самъ онъ не думаль скрывать. Правда, онъ не имълъ еще такой большой силы предъ турепкимъ правительствомъ и такого вліянія на перковныя и общественныя дала Некрасовдеть какъ во время и после Восточной войны: но и теперь, по своимъ связамъ съ Константинополемъ, по знакомству съ разными пашами не турепкаго происхождения. равно какъ по уму, начитанности и особенно по своему отважному, предпримчивому нарактеру быль овоего рода авторитеть между Некрасовцами и во всякомъ случав самый опасный для противной партіи изъ всехъ сторонниковь беаокриницкаго священства. Вотъ почему Сарыкойцы учредиаи баительный надворь за Гончаровымъ, какъ бы онь не повреднать народъ въ такое важное для нихъ время, когда надаежало решить вопрось о введеніи австрійской ісрархіи у турецкихъ стареобрящевъ. Самъ Гончаровъ разказываетъ довольно подробно о томъ какъ строго следили за нимъ его односельнане. Воть два разказа, интересные въ томъ отноmenia что хорошо знакомять насъ съ характеронъ и бытомъ Некрасовиевъ.

Въ скоромъ времени после втораго Славскаго собора, когда противники бълокриницкаго священства отказались даже отъ всякихъ справокъ о крещенін Грековъ въ Энось. Гончарову пришло на мысль справиться у сосванихъ молдавскихъ старообрядцевъ: какого они мижнія о новоучрежденпой јерархіц. Ихъ расположение къ јерархіц Гончаровъ, безъ сомивнія, зналь хорошо, и если рівшился войти по этому вых въ спошение съ молдавскими старообрядиями, то, ковечно, имън въ виду примъромъ почтеннаго ясскаго общества полействовать сколько-нибудь на своихъ согражданъ. Отправивъ въ Яссы на имя одного изъ уважаемыхъ старообрящевъ, Михаила Антоновича Щипцова, письмо съ запросами объ јерархіи, Гончаровъ увхалъ на время по своимъ торговымъ дъламъ въ Константинополь. По возвращепіи оттуда, онъ нашель дома ожидавшій его отвіть ясскаго общества письмонъ за подписью всехъ стариковъ и тогдашняго ясскаго nona Aлексия, * съ приложениемъ церковной

^{*} Адексий Булгаковъ, бытлый изъ Россіи. Достойно замычанія что омъ пемедленно призналь законность былокриницкой ісрархіи, комечно, не по убыжденію, а по личнымъ разчетамъ, какъ видно между

печати, однимъ словомъ, офиціально извѣщали Гончарова, что въ Яссахъ и во всей Момавіи бълокривинкое свашевотво принимають безъ сумнения и почитають за свято, что acckie aake rotoratca otnoarute ee mutponosiio croero creраго уставщика Папкратів Тимоесева для поставленія во священника. Съ этимъ утетительных посланіемъ Гончаровь сейчась же отправился къ Вавиль Петровичу, своему первому сообщинку въ Сарыков, посовътоваться съ намъ, объявить это письмо въ кругь или не объявлять. Вавиав даль совыть хранить дыло въ секрети: "Что объявлять этимъ невъждамъ? говорият окъ. Ты развъ не видить какъ опи влобою дышуть!" Но оказалось что Сарыкойны уже проведали о переписка Гончарова съ асскими. Разумается, ови омотрели на это дело очень подозрительно, и такъ какъ слеавлось извъстно что къ нему какимъ-то образомъ причастепъ быль другой сторонникъ Гончарова, Яковъ Потуръ, TO CE STUNE NOCATARUME, BE NOUNTEDE U REPURENCE ADVICAME, Сарыкойны придумали учинить извъстную казацкую расправу, каковое намерение и исполнили на самомъ деле. Потуръ примель жаловаться къ Гончарову какъ только узналь объ его прівздв. Теперь, очевидно, съ ясскимъ письмомъ немья было тапться, и опо было прочитано публично. Какъ вто случилось, и что ва темъ было, приводинъ разкавъ самого Говчарова:

"Прихому я (отъ Вавиям) домой: сидить у меня Яковъ Потуръ и плачеть. Я съ нимъ повдоровался и говорю ему: "Объ чемъ ты, Яковъ, плачеть?" Овъ мив говорить: "Того ради что ты въ Яссы письмо посладъ, а меня чрезъ него били." Я ему сказалъ: "Напрасно опи тебя обидъли: на тов письмо есть отвътъ изъ Яссъ." Овъ какъ услыхалъ что есть письмо изъ Яссъ, той часъ вышелъ отъ меня и сказалъ старикамъ: "Вотъ, господа старики, вы меня били, а напрасно; теперь самъ Гончаръ въ домъ, и есть у него письмо изъ Яссъ,—на

прочимъ изъ того что окъ скоро привядъ можемество и потомъ, обменувнись въ надеждахъ на получение высшего сана въ раскольничьей и прочихъ раскольничьихъ властей. Въ бълокриницкомъ архивъ естъ любопытныя письма попа Алексъя, въ иночествъ Алексанара, изъ которыхъ видно что вто былъ очень не глупый, но крайне испорченный человъкъ, однинъ словомъ, истый представитель бъглыхъ раскольничьихъ поповъ стараго времени.

пославное отъ него письмо отвътъ." Старики усликали что Потуръ сказаль, той часъ приказали есаулу закличку строго двасть. Вотъ когда услыхали вакличку и узнали двао, въ никуту всв собранись. Присылають есаула за мной чтобъ и а шель въ кругь скоро и письмо несь. Я той чась, вазвин nucamo, npuxoky sa knyra. Crapuku co mnom sos nosapanствовани и съ привздомъ поздравнан, ибо не болве прошло врема какъ одина часъ моему пріваду съ Царыграда. И старики говорять: "Мы самхаан что будто у тебя есть письмо, азъ Яссъ приславное." Я говорю: "Есть." Они сказали: "Поди вринеси." Я говорю имъ: "Вотъ оно, извольте." Они ввяли и дали читать, а пароду приказали молчеть. Когда дочитаянсь до того что Молдава приняла священство за свято, когда услыхали это слово, тогда весь народъ залькою простію распылахуся и обратились ко име от великинт негодованемъ. и всв единогласно закричали: "На что ты пишень письма и разсываемь, въ разныя изога? Чтобы оъ этихъ поръ не писваъ викуда писемъ! А ежели ты будеть кому висать, или тебф откуду будуть присылать, то чтобы пакто не знаяв! А ежели кому объявины, то худо тебф будеть!" Потомъ привосять книгу скоропискую отъ Каркев Головатаго безполовскую, въ которой паписано изъ книги Максижа Грека, будто незьез никакъ отъ Грекъ священотво приnate nukakona una, nu giakona, nu nona, nuke enuckona. А то не видать что Максимъ Грокъ быль прежде того временя какъ царыградскій патріариъ, Грекъ, Іеремія поставись въ Москив Іова патріарха первопрестольнаго, после Makcuma Tpeka 67 abra, a noroma npitanas sa Poccino Geoфакъ патріархъ и поставиль Филарета патріарха въ лето 7127 и въ лето 7142, феврала въ 6-й девь, велекій господинь святейшій патріарив Іссафъ (?). И а сталь инь отв Quearia ackasusare eto abro, a onu u caymare ne xorare, во только кричать: "молчи, молчи, а то начлемь дубаситы" Ужь многіе было даже и рукава ввоучнай и хотвай колотить, но Богь избавиль меня отъ рукь ихъ и всякаго чанна."

Другой случай, бывшій векор'в послів этого, не мен'ве интересенъ. Чрезъ Онисима Рукавишникова Гончаровъ получиль изъ Білой Криницы нізоколько просфоръ. Просфоры назначались собственно въ Славскій монастырь, куда Гончаровъ и нереслаль ихъ потихоньку, чтобы не раздражать сарыкойскихъ ревнителей, для которыкъ такое тісмое общенів Бізлой Криницы съ Славскимъ монастыремъ могло бы послужить великимъ соблазномъ. Случилось потомъ что въ Сарыкой прівжали повидаться съ Гончаровымъ славскіе иноки: Аркалій Лаврентьевскій и Алимпій. Прівхали они подъ саный Троицынъ день, и въ праздникъ всв вывств были за часами, а по окончаніи службы Гончаровъ устроиль для гостей праздничную трапезу, которую вывств съ ними пригласиль разделить еще двухъ иноковъ, старца Серапіона, да старца Власія. Во время объда, когда взощли въ разговоръ, Аркадій говорить Гончарову: "спаси тебя Христось, что ты, Осипъ Семеновичъ, просфоры намъ пересладъ". Гончаровъ отвътидъ что его не за что благодарить, что труда его было туть не много. Этимъ и кончился весь разговорь о просфорахъ, но стариы Серапіонъ и Власій приняли его къ сведеню. Сейчась же, какъ только вышли изъ-за стола, побъжааи они въ корчну, гав по праздникамъ обыкновенно засъдали старики-Некрасовцы, передать имъ такую важную новость что Гончаръ съ Аркадіємъ даже просфоры получають изъ Белой Конницы! По миннію стариковъ, это было еретичество и дерзость непростительная; положили, какъ только наступить ночь, расправиться съ Гончаровымъ.

Между тъмъ ни Гончаровъ, ни Аркадій съ Алимпіемъ не водоврѣвали, что надъ ихъ головами собирается гроза. Правда, они подивились немного что старцы Серапіонъ и Власій ушли такъ скоро, не остались и побесѣдовать послѣ трапевы; но особенваго значенія втому не придали, а разговоръ о просфорахъ и совсѣмъ опустили изъ вниманія. Остатокъ дня провели они, какъ слѣдуетъ, "по - христіански": занимълись духовными разговорами, сходили къ вечернѣ, затѣмъ потрапевовали и мирно разопілись на покой: гостямъ Гончаровъ отдаль "хату", а самъ расположился въ сѣняхъ. Но въ эту ночь ни хозянну, ни гостямъ усвуть надлежащимъ образомъ не удалось. Мы приведемъ опять собственный раз-казъ Говчарова о дальнѣйшихъ событіяхъ, разказъ неподражаемый по своей впической простотъ и обстоятельности.

"Въ третьемъ часу ночи (то-есть, по-нашему, часу въ 12, ибо Некрасовцы, придерживаясь стараго обычая, считаютъ время отъ восхожденія и захожденія солнца) приходитъ есауль Есимъ Чеботарь; сотворилъ молитву; я отдаль аминь. Онъ вызваль меня на дворь, и говорить мнв: "одінься и иди со мною къ Евтею: тебя требують старики, они тамъ

всв собраны, и старпы, и дьаки." Я взошедь въ хату: жена меня спросила: "куда ты идеть?" Я ей говорю: "что-то старики требують". А она заплакала и говорить: "куда ты пойдемь? Половина ночи есть! помилуй Богь, убьють, никто и знать не будеть!« А я сказаль: "Богь милостивь, избавить ия отъ съти ловящихъ!" И пошель къ Евтею. Подхожу къ дому и слышу шумъ, яко водъ многахъ. Сотворилъ молитву: мяв отдали *аминь*. Взошель я въ кату, смотрю-полна ката вароду, а причины тому собранию не знаю. Я еще и Богу не помолился и сказаль имъ: "вотъ, господа, гдъ сусаннинъ суль! Единственно, какъ и Сусанна старцамъ Израилевымъ сказала: тесно мив отвомоду, ваю не убъжу, и Бога боюса, что сотворю?" Это сказаль имъ, потомъ Богу помодился, и достойное почтеніе всемъ отдаль. Евтей сказаль мив: "сяль съ нами". Я свять. Евтей началь говорить: "знаешь ли ты, заченъ мы тебя призвали?" Я сказаль: "почему а могу знать? ежели скажите, тогда я буду знать." Окъ говоритъ: "ты просфоры получиль изъ Белой Кринины?" Я говорю: получилъ". Онъ спросилъ: "гдъ онъ?" Я сказалъ: "хотя и получиль, и я той же чась и отослаль вы скить, кому следуеть: ибо онв не намъ присланы, такъ не должно намъ ихъ и удерживать". А онъ мив говорить: "почему ты намъ не объавиль?" Я ему и сказаль: "вы же сами мяв прикавали въ кругу, ежели ты будеть куда письмы писать, чтобы никто не зналъ, или получить откуду письмо, чтобы никому не объявляль!" Они и замолчали.

"По семъ старецъ Илія обозвался, сказаль: "вы по еретическихъ книгахъ учите". А я ему и говорю: "ты долженъ доказать, какія у насъ есть неправильныя книги". Онъ и замолчаль. Я ему говорю: "Вюру книгу, какъ ты почитаеть, за свято или нътъ?" Онъ мят отвъчаеть: "я за свято ее почитаю." Я сказаль: "принесите Вюру книгу". Андрей Плетунъ пошелъ домой за книгой. Я тутъ сказаль: "пойдите, отца Аркадія позовите; онъ у меня на квартиръ епитъ". Тойчасъ приказали есаулу призвать его скоро. Приходить отецъ Аркадій въ хату, помолился Богу, и обычное почтеніе отлаль, и сълъ. И они начали спративать: "получиль ты просфоры чрезъ Осипова?" Онъ сказаль: "получилъ". Они спросили: "глъ же ты ихъ дълъ?" Онъ отвъщаетъ: "употребилъ въ пользу". Они паки спросили: "какъ ты это дъло почитаю, и

просфоры за свято пріємлю". Когда услыкали это слово, что онъ свято сказаль, тогда всё единогласно закричали: "зачёмь вы въ часовню къ намъ кодите!" и съ техъ поръ отлучили насъ отъ часовни. Я сталъ ихъ просить: "позвольте намъ котя въ своемъ домъ служить". Закричали всё, якоже невъгласы: "если будете служить, то запалимъ домъ и съ вами, вотъ вамъ и конецъ!" Это дело было ночью.

"Приносить Пастунь книгу; даль мив; я взяль и нашель у (въ) ней, что она посылаеть смотреть въ римской кроникь (sic) и летописецъ, и Барокію. Мы имъ подали книгу и сказали: "смотрите, что туть написано". * Они посмотрели и не дали намъ никакого ответа, и стали единъ по единому расходиться по домамъ. А Плетунъ сказалъ имъ: "вотъ, какъ Гончара не было, то всё были философы, и всё по звезде держали; а какъ Гончаръ пришелъ и отецъ Аркадій, то и читать забыли, и звезды побросали!" съ темъ и разоплись всё; никакова ответу не дали; ны съ темъ и домой пошли, уже светомъ. Это дело было на самую Троицу, въ воскресение подъ понедельникъ."

Черезъ день после втого событія Гончаровь съ несколькими товарищами долженъ быль отправиться въ Константивополь по торговыми делеми; но имелось вы виду воспольвоваться настоящимъ случаемъ и для того чтобы навести справки о крешенія у Грековъ, какъ совътоваль поступить и инокъ Павелъ для удобнайшаго разрашения возбужденныхъ на этотъ счетъ сомивній. Сарыкойны знали о намереніи Гончарова и, повидимому, не хотьли ему препятствовать: тоть самый Евтей Евстратьева, у котораго недавно чинался допросъ Гончарову, теперь, провожая его съ товарищами въ дорогу, сказалъ даже что и самъ повхалъ бы съ ними въ Царьградъ для смотренія у Грековъ крещенія. "Ежели собственно для этого явля хочеть ты вкать, отвечаль одинь изъ спутниковъ Гончарова, такъ пожалуй мы два, или три дня и обождемъ. Но Евтей, подумавши, сказалъ только чтобы сами они "корошенько посмотрели". На пути Гончаровъ съ товарищами заважаль въ Журиловку: завиніе Некрасовцы особенно усерано просцаи ихъ понаблюсти какъ

[•] Этимъ Гончаровъ котълъ доказать старцу Илів, что и сама уважаемая старообрядцами Кишел о впри ссылвется на сочиненія писамныя еретиками.

Греки крестять. Въ Константиноповъ "за сустой" справокъ вавести не удвассы но профадомъ чревъ городъ Сизополь. тяв преобладающее населене греческое. Гончаровъ не опу-CTUATS CAYVAR ACCTABUTS CHOUNTS CHYTRUKAMS BOSMOKROCTS отъ настоящаго Грека получить свължніе о греческомъ обрадъ крещенія. Дімо происходило такъ. "Пошли им. разкавываеть Голчаровъ, на базаръ; было пасъ четыре чедовъка: Митрій Ивановъ, Тимовей Карповъ крествикъ, Алексви Рогачевскій и а съ ники. Зашли въ лавку къ Греку, имя ему Месодій Николанчъ. Онъ намъ подаль стулья и сталь просить чтобы им свли. Я свль: а они не свли, а облегиись на стулья постояли. Зашель у насъ съ нивъ разговоръ о закожь, дошла рычь и о крещении. Я у него началь спрашивать: какъ у васъ крестать? Онъ взяль чашку, поставиль, и началь примърно дълать какъ погружають, приглашение прочитають по-гречески, и скажеть аминь, и погрузить. Сдаават трижам, какъ слъдуетъ и должно быть. А в ему скаваль: "такъ и у пасъ; только есть у насъ довершеніе". А опъ у меня спрашиваеть: "какое?" Я ему сказаль: "мы трижды погрузниъ, и потомъ трижды на главу поливаемъ". Онъ на меня доаго смотрель, и потомъ говорить мие: "напрасно ты товоришь!" И спрашиваетъ: "скажи мяв, какое приглашеніе вы читаете, когда на главу поливаете?" Я на его вопротеніе не зналь что сказать. После им промежь собою разговаривали объ втомъ леле.

Ивъ повзаки Гончаровъ возвратился домой 5-го іюля, и прівхаль очень кстати, ибо въ это время по двлу о принятіи бізлокриницкой іерархіи должны были послідовать важным переміны. Отъ втораго Славскаго собора прошло цізлых пять міслцевъ. Иноки славскіе не переставали дізлать въ это время разныя попытки расположить некрасовскія населенія въ пользу іерархіи, но безъ особеннаго успіха: "Съ Великаго поста, по собственному ихъ свидітельству, начали иміть соборные совіты, но тыма непріязненная разрушала всіз ихъ благія наміренія". * Такъ было соборное совіщаніе въ апріміт міслів, и опять никакого окончательнаго різшенія на немъ не состоялось. ** Но въ слідующемъ міслців

[•] Прошевіе, подавное Амеросію 28-го іюля 1847 г.

^{••} Объ етокъ апръзъскомъ соборъ Гончаровъ не упониваетъ, не изъестіе о некъ находится въ писькъ Некрасовцевъ къ дворнику Ивану Александрову.

случилось очень пріятное для защитниковъ бізлокриницкаго священства событіе: все почти паселеніе слободы Журиловки, вопреки ихъ ожиланіямъ, изъявило готовность принять это священство. По-сему случаю въ Журиловкъ составился соборъ, на которомъ присутствовали иноки Славскаго скита и старики изъ селенія Славы; сарыкойцы же, крайне недовольные поступкомъ Журиловпевъ, решительно отказались отъ участія въ соборъ, послали только письмо, въ которомъ было написано: вы какъ хотите, такъ и делайте, а мы не согласны къ этому двлу". Такъ какъ самыхъ горачихъ противниковъ бълокрининкой јерархіи теперь не было на дино, то соборныя совышанія происходили и кончидись очень мирно: "ударили въ звонъ, и собралося въ часовню множество народа, и свли по мъстамъ, кто гав стоялъ, и начали омотрыть по божественнымъ книгамъ и по правиламъ святыхъ отепъ, какъ это священство, можно принять или нетъ. Согласіе учинили всв въ томъ чтобъ это двао принять и за свято почитать, оъ темъ и подписали всв: журиловскіе, и славскіе, и скитскіе". * Для славскихъ отцовъ, какъ главныхъ защитниковъ бълокриницкой ісрархіи, Журиловскій соборъ имълъ большую важность: теперь они чувствовали себя на столько сильными, что могли приступить къ окончательному ръшению вопроса о приняти священства отъ Амвросія и къ выбору достойныхъ лиць для поставленія имъ въ священные саны. Съ втою пелію назначено было составить 8-го іюля въ Славскомъ скиту новый соборъ, на который и равослади приглашенія во всь некрасовскія слободы.

Къ этому-то времени возвратился изъ своей поъздки Гончаровъ съ товарищами. Старики сарыкойские встрътили его весьма непривътливо. Они сильно озабочены были предстоявшить въ Славскомъ скиту соборомъ, справедливо опасалсъ что придется выдерживать неравную борьбу съ защитниками бълокриницкаго священства: а тутъ еще возвратился на помощь имъ этотъ Гончаръ со своими справками о греческомъ крещении! При томъ же о Гончаровъ ходили слухи между Сарыкойцами, что будто онъ предъ отъъздомъ въ

^{*} Гончаровъ въ письмів къ Ивану Александрову объ этомъ соборѣ говорить: "Иноки Аркадій и Евфросинъ и подобные имъ.... повторили свой соборъ въ маіз місяців, и склопили къ себіз слободы Журиловку и Славу.... и обязали всімъ подписами, и сділали условіе чтобъ епископа иміть своего въ Турпіи.

Константинополь разосладь по разнымы местамы письма вы samury Ammocia, u sa eto, no cooctrennomy ero empakenio, весь міръ давно уже выдаль противъ него злобою. Итакъ. возвращению Гончарова сарыкойские старики были весьма ве разы: ови положили никакъ не допускать его до присутствія на новомъ Славскомъ соборъ. Между тімъ они видіван нужду, на помощь себъ, пригласить къ участно въ этомъ соборь и изъ аругихъ месть известныхъ имъ недоброжелетелей новоучрежденнаго священства. Изъ Брандова прівхади по ихъ приглашению Кириллъ Бусурка и Степанъ Костылевъ ов Описимомъ Рукавишниковымъ; прівхадь также одинь изъ московских отврообрядцевъ, почитатель рогожскаго аворкика Ивана Алексанарова, извъстнаго въ Москвъ противника Chaokoununkou iepanxiu. Cemenz Encuratenz Caeskunz uau Саезачкинъ; потомъ Кирилаъ Бусурка съвздилъ нарочно въ Тульчу за Аркадіенъ, темъ санымъ Аркадіемъ Тульчанскимъ, у котораго инокъ Павелъ тщетно просилъ благословенія своему авау еще въ то время, когая отправился на искаміе древлеправославнаго архіерейства. На него Сарыкойны свавно разчитывали; "той бо, по словамъ Гончарова, бысть имъ всакій пособникъ во всемъ васумышаенномъ начинанія вть, хитръ сый и велерфиивъ, якоже другій Арій".

Когда пришло время тхать на соборъ, Сарыкойны составили кругь чтобъ условиться какь действовать на соборъ и выбрать уполномоченных на соборъ. Кругь собрался около хаты Ивана Шиаргуна; почетивйшие старики сели на вывалиний; народу нашло много со всей слободы; пришель и Гончаровъ, онъ ваналь место поближе къ старикамъ, тоже на ваналиний. Речь шла все о томъ что отъ Грековъ принить евященство нельна; въ доказательство приводили опять подложное сочинение Максима Грека, принесли книгу Максимову отъ Кормея Головатаго, и Михайло Ивановъ сталь читать ее вслухъ. Гончаровъ не вытеритать, началь делать возражения.

- Когда писаль это Максимъ Грекъ, въ какихъ летехъ?
- Когда писалъ, я не внаю, отвъчалъ Михайло Ивановъ, в только вижу что такъ пишетъ.
- Ну, вотъ, самъ не знаешь, а говоришь. Максимъ Грекъ былъ въ Русіи и преставился въ лівто 7064, а Іеремія, патрівриъ пареградскій, былъ на Руси въ лівто 7089 и поставилъ

патріарха Іова въ Москвъ, а потомъ былъ еще ~~Ософанъ,~~ патріархъ ісрусалимскій, и поставилъ въ Москвъ патріарха Филарста.

На слова Гончарова не обратили вниманія. Въ это время пришель на сходку Аркадій Тульчанскій: ему дали почетное мьсто и предложили сказать свое мивніе о былокриницкомът священствь. Аркадій началь доказывать что принять его викакь нельзя, понеже всь Греки обливанцы. Гончаровь несколько разъ пытался возражать; хотыль разказать какь вы Сизополь у Грека разспрашиваль о крещеніи: его и слушать не хотыли; наконець и говорить ему запретили: "молчи ты, а то будемь бить!" Условившись такимь образомъ всячески противиться принятію былокриницкаго священства, стали говорить кому вхать на соборь. Выбрали Ивана Василискова, Евтея, Михайлу Иванова, иконописца Антипа Семенова, да еще двухь малограмотныхь стариковь; о Гончаровь не было и помину. Самъ онь поболяся проситься, а только замътиль:

- Возьмите вы лучше Артамона Караката, да Егора Пач саренка, эти люди грамот'в знають хорото и могуть сказать что-нибудь оть писанія.
- Не твое дело распоряжаться въ этомъ, закричали старики,—мы лучше тебя знаемъ кого послать.
- А то возьмите Алексвя, продолжаль неугомонный Осивь Семеновь, —либо Митрія съ Тимовесть: они были при темъ двав, когда я спращиваль о крещении у Грека.

Это вывело Сарыкойцевъ изъ терпънія. Закричали:

— Есаулъ! приноси железы заковать Гончара чтобъ опъсидель: смирно, да на соборъ не уехалъ: а то ведь оне такую тамъ кутерьму заведеть, что изъ насъ никто не разбереть.

Въ желвза не заковали Гончарова, но вхать на соберт ему запретили. А выборные съ твиъ намвреніемъ 'и отправились въ Славскій скитъ чтобы двло это о принятіи отмо-криницкаго священства "истребить и изъ памяти изгладить".

Къ 8-му іюля въ Славскій скить навхало довольно многонароду изо вевхъ некрасовскихъ селеній. Старики журиловскіе и славскіе пошли доложить о своемъ прівздів настоятелю, иноку Макарію, а сарыкойскіе и браиловскіе съ Аркаліемъ Тульчанскимъ отправились сначала на совіщаніе къ старцу Іоку, у котораго нашли и прочихъ своихъ сторонниковъ иноческаго чина: Илію Градищанскаго, Филарета и гуслицкаго Тарасія. Они также весьма озабочены были предстоящимъ соборомъ: старецъ Іовъ откровенно высказваъ это собравшемуся въ его кельъ почтенному обществу.

— Отцы и братія, говориль онь, — что сотворимь? Соборь соберется что мы будемь говорить? У насъ нату отъ писанія свадущихь глаголати и отвату дать мы не сможемь: ибо у нихъ лаврентьевцы, Аркадій и Евфросинь, весьма сильны въ словахь и свадущи въ писаніи. И ежели, поминуй Богь, на ихъ руку сложится отець Макарій, тогда мы ничего не успаеть и это дало не остановимъ. А когда будеть ихъ верхъ, тогда мы посрамлены останемся.

— Поэтому-то, отцы святые, мы и Гончара не взяли на соборъ, сказали сарыкойские старики, ибо онъ на ихъ руку согласевъ и по нихъ побораетъ.

Отпы поблагодарили ихъ за такое умное распораженіе: "спаси Христосъ что вы такъ сделали!" Но все же надобно было подумать какъ противоборствовать на соборе Аркалію и Евфросину, которые и безъ Гончарова были опасными соперниками. Аркалій Тульчанскій и Антипъ иконописецъ предложили такой советь:

— Воть что надо сделать, православные христіане, — надо

— Вотъ что надо сдадать, православные христіане, — надо не давать имъ ходу на соборь: какъ стануть они показывать правила вы, кто чамъ можеть, пререкуйте противу ихъ, чтобъ и гласа ихъ не было слышно; и правиль ихъ не слу шайте, а какъ можно больше кричите. Тогда, можеть, Богъ дасть, и одолжень ихъ, и народъ не вониеть ихъ словамъ; а коли развъсимъ ущи, да разинемъ ротъ, такъ они своими правилами, разумъется, одолжить насъ и міръ весь за собою умекуть.

Всв одобрили этоть мудрый совыть, и условившись держаться его во всей точности, отправились въ часовню, гдв собрался уже народь въ ожиданіи открытія соборныхъ разсужденій. Славскіе иноки и журиловскіе депутаты были очень удивлены, когда узнали что съ Сарыкойцами нътъ Гончарова. Его присутствіе на соборъ было для нихъ тъмъ желательнъе, что онъ могъ бы сообщить теперь точныя, собранныя во время поъздки въ Константинополь, извъстія о крещеніи у Грековъ; Журиловцы даже нарочно посылали къ нему приглашеніе, чтобы непремънно прівзжалъ на соборъ. По сему случаю они не прежинули сдалать замечание сары-

койскимъ депутатамъ:

— Почему вы не взяли съ собой Гончарова? Мы его нарочно просили, когда онъ вхалъ въ Царыградъ, чтобы тамъ посмотрелъ и испыталъ у Грековъ о крещении: чего же ради вы не взяли его на соборъ?

— Вы нами распоряжаться не можете, отвічали Сары-

койпы.-- Мы кого знали, того и взяли.

Но за такъ кого они взяли. Сарыкойпамъ пришлось попавтиться не малымъ поворомъ. Когда пачали запимать мъста, они посадили съ собою выше всехъ Аркадія Тульчанскаго. Настоятель инокъ Макарій, какъ только увидаль Апкалія, всталь съ своего міста и говорить: "зачімь этоть врагь Божій сюда засвав?" Надобво заметить, что за Аркалість была извіства большая провинность,—окъ, будучи уже anokowa, nakorga nozaw ceca keny, u sa sto nopyranie anreabckaro ofpasa" отлученъ быль отъ церковнаго общенія; у самихъ Сарыкойцевъ было тогда положено не впускать Аркадія не только въ часовню, но даже и въ село, и если теперь они отминими это свое распоражение, то единственво ради желанія цивть у себя такого спавнаго ратника про-Tues of ackpununkou iepapxiu, kakoes omas Apkagiu. Ho apyгіе не забыли вину этого ратника, и воть почему инокъ Маkaniti ne xorbab gonycruth чтобъ окъ присутствоваль ка соборь, притомъ еще занимая почетное мьсто. Прочіе поддержали голосъ Макарія, и Аркадій Тульчанскій съ поворомъ быль выслава изъ собранія. Это было уже не мальнь поражениемъ для Сарыкойневъ и для всехъ вообще присутствовавших на соборъ противниковъ бълокрининкаго священства. Но дело не кончилось и втимъ. Кто-то, вероятно изъ ввавших что Аркадій будеть на соборф, представиль соботвенноручное письмо его, очень отранняго и неприличнаго содержанія, направленное противъ учредителей и чтитеаей бълокриницкаго священства, которое письмо и попросиль прочесть во всеуслышаніе. Аркалій Лаврентьевскій на-UMA TUTATE.

- Оставьте такія басни читать на соборѣ,—замѣтиль ему инокъ Макарій, выслушавъ начало письма.
- Нътъ, отче, сказалъ на это Аркадій, —оставить нельзя, а надо все вычитать: ибо и на соборъхъ святыхъ отецъ, прежде отыскивали еретическія ложныя сочиненія, и на

соборъхъ прочитывали ихъ, еретиковъ, хуленія; а потомъ, по многомъ увъщаніи и непокореніи, предавали ихъ въчной клятиъ.

И куріозное письмо Аркадія Тульчанскаго было прочитаво сполка. Въ карактеръ Аркадія, какъ выше замътили,
была черта, свойственная всъмъ почти сектаторамъ, самомвительность и самообольщеніе: она-то особенно ръзко и
обнаружилась въ его письмъ. Такъ онъ писалъ, напримъръ:
"Уподобляюся облаку духоносному; * ученіе мое простирается, аки ръка водъ медоточныхъ; отвращаю люди Божіе
отъ рва погибели, сиръчь Павлова и Алимпіева пути, и не
вогръщу, дерзая рещи ангеломъ: да возьмутъ душу Павлову
векоръ и предадутъ ю въчному- отно! А о Алимпіи властъ
имамъ самъ: ** возьму душу его и отворю бездву, и врину
въ пропасть адскую, въ тартаръ преисподній, да не будутъ
болье совращати люди моя Иврамля съ пути праваго", и пр.

Сарыкойнамъ сдваваось и стыдно, и досадно, когда прочитали это писаніе ихъ главнаго руководителя. За то, въ отмщевіе за обиду, они въ точности исполнили его совіть, не давать ходу на соборъ лаврентьевскимъ инокамъ, когда они ставуть приводить правила. Лъйствительно, никакихъ правиать они не слушали, а только, по выражению Гончарова, "вопіжу нелівоотно" противу Грековъ и противъ Амеросія въ частности. Противъ атого посебднаго поставляли на виль между прочимъ то обстоятельство, что его побучаеть русckowy pasrosopy naperpagekiu czykurz (?), To-eoto epewuka, и авторгиваеть ври вномъ и при совершении таннотвъ предстоить лично,--каковое дело очень дико, понеже не велить ванъ православнымъ христівнамъ сообщеніе имъть съ еретиками". *** Впрочемъ, было представлено лаврентьевскими иноками одно свидетельство, которое невольно остановило на себъ общее внимание. Они доказывали, что обливательное

^{*} За это выражение Аркадию дано было и прозвище: Облакъ.

^{••} Икокъ Алимпій не считался вообще такимъ авторитетомъ у старообрядцевъ какъ икокъ Навелъ; потому Аркадій и не нашелъ мужнымъ обращаться къ ангеламъ за помощью чтобы расправиться съ Алимпіемъ.

^{***} Письмо Некрасовцевъ къ Ивану Александрову. Письмо это папечатано въ Чтеніями Общества Исторіи и Древностви Россійскими (1865 г. кв. 3), но, какъ видно, съ искаженнаго списка и по мъстанъ съ поправками, къмъ-то весьма пеудачно сдъланными. Напримъръ: "Греція крещаеть не въ три погруженія, обливательно",

крещеніе, за которое ихъ противники такъ несправедаиво укоряють Грековъ, не употребляющихъ сіе крещеніе, аревняя россійская церковь, дониконовскихъ временъ, даже не почитала за еретическое и въ крайнихъ случаяхъ еще дозволяла оное употреблять: въ свидътельство они представили выписки изъ требниковъ, печатанныхъ при Іовъ патріархъ и промежь патріарховъ, гдъ говорилось, что если придется крестить больнаго младенца, то подобаетъ священнику погрузить его въ купель, наполненную теплою водою, по выю, и правою рукой возлить воду на главу его трижды, съ обычными приглашеніями. * Но и это свидътельство было

въ печатномъ читается: "Греція крещаеть се три погруденія облисательно (?)"; собственныя имена переиначены,—вибсто: Авдей Марковичь (Пуговкинь, хорото известный въ Москвъ), напечатано Андрей Миропосичь, вибсто Антипъ Семеновъ иноковописенъ, напечатано: Антонъ Симеоновъ, и т. п. Приведенное у насъчесто напечатано также неправильно,—переводчикъ Амвросія названъ пареградскій Супнить." Огняновичу не посчастливилось у наших дитераторовъ: одни прозвали его Костюткой Жидосиполь, другіе пареградскимъ Суннитоль, тогда какъ не подлежить сомнанію что отъ природный Сербъ.

Въ томъ же письмъ Некрасовцевъ къ Ив. Александрову объ этомъ сказано: "прочитанъ ими (Аркадіемъ и Евфросиномъ) былъ при всемъ полномъ соборѣ списокъ,—выписано ими въ Россіи (теесть когда они были въ Россіи) изъ потребника изъ старопечатиго Іова патріарка первопрестольнаго, и промежь патріарковь во многихъ потребникахъ видьми (то-есть Аркадій съ Евфросимомъ увържи, что сами видъли, бывши въ Россіп), и увържли насъ, что это дъйствительная справедливость: если младененъ не заравъ.... Это мысто въ Чтеніяю Общества Исторіи и Древности напечатано въ такомъ видь: "прочитаны были при всемъ соборь списки, сыписанные ими из Россіи изъ потребниковъ старопечатныхъ Іова патріарха и промежь патріарховь; ее оныже потребникаже, kaks mu sudniu samu (?), maks u yenpaiu nacs, umo dnücmeuмельно справедливо, если младенецъ нездоровъ... Здесь, очевидно, сдальн поправки подлиннаго текста, какъ надобно полагать, съ паано придать ему бозьтую граматическую правизьность, но за то въ ущербъ дъйствительному смыслу письма. Особенно страннымъ представляется, какъ исправитель могъ напечатать что Некрасовны canu sudniu es mpednukans npasuao o ofausaniu, korga onu, neжду прочимъ, просять московскихъ старообрадевъ именно о томъ чтобъ извъстили ихъ, есть ли дъйствительно такое правило въ старопечатных требвиках, когорых оки сами не инфоть и не видам. отвергнуто, какъ невъроятное, съ немалыми укоризнами противъ людей, якобы измышляющихъ такія лживыя свидьтельства. Вообще бесъдовали "не соборно и не союзно, но злобно и укоризненно", такъ что славскіе отцы признали за лучшее положить конецъ собору. Сарыкойцы только втого и желали. Они предложили съ своей стороны отложить дъло обълокриницкомъ священствъ до Покрова, питая надежду что къ тому времени успъють и совсъмъ потушить это дъло.

Итакъ, соборное засъданіе 8-го іюля, подобно прежнимъ, кончилось пичъмъ. Защитниковъ бълокриницкаго священства сильно ризчитывавшихъ на этотъ соборъ, такой неудачный исходъ его не мало опечалилъ; Сарыкойцы же и всъ ихъ сторонники почти торжествовали побъду: они отправились домой очень довольные своими подвигами, и по прітъдъ въ Сарыкой объявили народу что дъло оставлено до Покрова.

Но Сарыкойны немного поспышили торжествовать побъду. Когда они отправились домой, вслыдь за ними стали разъняжаться изъ Славскаго скита и прочіе Некрасовны, бывшіе на соборь. Остались въ Славь только Браиловцы — Кириль Бусурка, Костылевъ, да Аркадій Тульчанскій: они дожидались Онисима Рукавишникова, который долго не возъращался изъ скита, чтобы съ нимъ вмысть вхать домой. Онисимъ, братъ того Саввы Рукавишникова что такъ услуживаль Павлу и Амвросію, быль также изъ числа сторонниковъ іерархіи, и остался въ Славскомъ скиту, вмысть съ журиловскими, для того чтобъ еще потолковать и посовытовать со старцами насчеть ихъ общаго дыла. Когда онъ возвратился изъ скита, Кириль Бусурка сталь ему пынять:

- Мы тебя давно ожидаемъ, ужь народъ весь разъвхался по домамъ: что ты тамъ двлаль? зачвиъ оставался?
- Дело имель, потому и оставался, отвечаль Описимъ Иванычь.
  - Kakoe дало? спросили его.
- Да выбирали мы koro поставить въ попы, koro въ дъяkorы.
  - Какъ такъ? Ну, что же, выбрали, или нътъ?
  - Слава Богу, выбрали.

Это извъстіе было такъ неожиданно, что Браиловцы не варугъ и повърили ему; но Онисимъ Иванычъ говорилъ правду.

(Okonyanie cznodyems.)

н. сувботинъ.

АССИГНАЦІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ІІ

Въ 1768 году была представлена императрицѣ пространная Записка , имъвшая цълью доказать пользу и необходимость введенія въ Россіи бумажныхъ денегь.

Авторъ Записки начинаетъ съ того что указываетъ на пространство Имперіи и громадность разстояній, какъ на одно изъ главныхъ неудобствъ при переводъ денегъ изъ одного мъста въ другое. Увеличивщаяся же внутренняя торговля требовала чтобы деньги, какъ уппа товаровъ, могли бытъ скоро и легко повсюду доставляемы и обращаемы. Безъ этихъ способовъ къ скорому обращению денегъ, говоритъ авторъ Записки, не могла бы развиться и торговля въ западной Европъ, ибо тамъ не только найдены способы обращать значительныя суммы денегъ, но и увеличивать ихъ число учрежденемъ банковыхъ уеттелей.

Затемъ авторъ указываетъ на то что надобность въ подобныхъ учрежденіяхъ чувствовалась уже давно въ Россіи, и что целью облегчить обращеніе денегь были правительствомъ допущены переводы казенныхъ суммъ чрезъ

^{*} Изъ переписки графа Сиверсъ, изданной Баюмонъ, можно, повидимону, закаючить что Сиверсъ былъ авторонъ Записки. Записка эта кранится въ Московскомъ главномъ архивъ министерства имостранимкъ дълъ.

купеческія руки и наобороть. Съ этою же цваью, продолжаєть авторь, въ частное употребленіе купечества вошли вексела. Переводъ казенныхъ денегь чрезъ купечество замъняетъ веудобство провоза, но опыть показаль что на вървесть этихъ операцій всегда полагаться петь возможности, и казпа ве разъ претериввала убытки отъ несостоятельности векселедателей. Съ другой стороны, казенныя мъста неръдко вымавали векселя на другія таковыя же, полагая что въ нихъ ваходятся наличныя деньги, между тэмъ какъ леньги въ этихъ мъстахъ оказывались истраченными, что причинямо убытки взявшему подобный переводъ. Для облегчения же обрашенія денегь служили и печатные указы, выдававшіеся оть комичиссаріата на два года въ платежи и выкупавтіеся съ уплатой по нимъ 6%. Но неудобство такихъ указовь состояло въ томъ что казна принимала ихъ въ платежи лишь по истеченіи срока въ нихъ означеннаго, и съ другой стороны **уплата** по пимъ процентовъ придавала имъ видъ скорње займа чвиъ орудія мвиы.

Доказавъ такимъ образомъ неудобство прежнихъ способовъ перевода денегъ, авторъ предлагаетъ выпускъ *цептеле*й, какъ върное средство пособить значительному неудобству переводу денегь изъ мъста въ мъсто и какъ способъ умножить ихъ количество. Для пріобретенія доверія къ нимъ парода онъ полагалъ: 1) принимать ихъ всегда и вездв во всв казенные платежи; 2) положить въ "нарочито учрежденномъ банкъ" равное суммъ выпущенныхъ цеттелей количество мадных денегь и разманивать цеттели на деньги и обратно, безъ всякаго ограниченія. "Такимъ образомъ", продолжаль авторъ, "правительство должно было, котя бы въ "началь и съ нъкоторою для себя трудностью, доказать примвромъ, какимъ образомъ, имвя деньги въ одномъ мвотъ, можно ими пользоваться въ другомъ, однако не перевоза "ихъ туда". Особенно авторъ указывалъ на то что цель правительства въ этомъ дъль состояла бы по преимуществу въ облегчени быстраго обращения денегъ посредствомъ упроченія довірія народа къ цеттелямъ ихъ размівностью. Уже на второмъ плані выставлялась въ Записко другая возножвая оть выпуска такихъ цеттелей выгода. Она должва была состоять въ томъ, что когда довъріе къ нимъ утвер-дится, и они войдутъ въ постоянное употребленіе, то не бу-детъ препятствія умножать ихъ количество на отолько, на сколько достанеть для откладыванія вивсто ихъ въ банкъ міздныхъ денегь. Тогда можеть случиться что цеттели будуть легко переходить изъ рукъ въ руки, между частными людьми и оть нихъ въ казну и обратно, такъ что положенныя въ казну вивсто ихъ сумны будутъ лежать праздно, и къ размізну будеть вступать лишь небольшое количество цеттелей. Въ втомъ случать отъ правительства зависьть будеть даровать этимъ капиталамъ обращеніе, раздавать ихъ въ ссуды съ меньшими противъ прежняго процентами, и тогда произойдеть, такимъ образомъ, значительное увеличеніе количества денегь, а съ тымъ вийсть увеличеніе и распространеніе въ народъ благосостоянія.

Затьмъ, переходя къ опровержению тьхъ возражений которыя могли бы быть сделаны противъ учреждения цеттелей, авторъ Записки по преимуществу останавливается на одномъ: "Одно предубъжденіемъ зараженнымъ людямъ остаетвся убъжище сказать что государь можеть всегда изъ бан-"ка заимообразно или безъ того взять и на случающіяся "нужды употребить". "Но", спративаеть авторъ, "какой изъ этого можеть произойти вредь, когда заплатить и въ свое время, и съ надлежащими процентами? Неужели лучше "чтобъ онъ занималь у народа новыми на оный налогами, "кои никогда возвращаемы быть не могуть, по причинь нелисчисляемой мелкости? Если же полагать что государь воз-"меть деньги не думая о возврать, то врядь ли найдется та-"кой государь", восклицаетъ авторъ, "который добровольно "Захочетъ раззорить сперва свое государство, а затемъ и "самого себя." "Не великое надобно къ тому просвъщение эчтобы видеть что стократь для него выгодные и полезные "государству положить, въ крайней нуждь, некоторый налогъ, нежели потерять великій государственный капиталь, подобно тому какъ хоротій домостроитель въ нужномъ слу-"чав охотиве занимаетъ нужныя ему деньги, хотя и съ "убыткомъ, потому что оныя возвратить можетъ, нежели продасть малую часть своего именія, потому что онаго возвратить уже не можеть."

Заключая перечисленіемъ уже указанныхъ выгодъ отъ выпуска бумажныхъ денегъ, авторъ Записки заключаетъ ее следующими словами:

"Однимъ словомъ", восклицаетъ онъ, "всѣ и каждый свомею и всего государства пользою обязаны тому по своей ""мърв и возможности содвиствовать чтобы число бумажныхъ "цеттелей выпущене было сколько можно больше, чтобы по-"поженныя за нихъ въ казначейскія конторы деньги остава-"лись сколько можно больше въ неподвижности, и чтобы "твиъ самымъ правительство скорве въ состояніи нашлось "нівкоторую изъ опыхъ часть, оставляя другую на случаю-"щійся мелочной вымінъ билетовь, употребить въ новое "деньгами обращеніе съ такими, для безопаснаго онаго воз-"вращенія и приращенія черезъ проценты, предосторожно-"стями, какія тогда уже легко придумать можно будетъ."

Такимъ образомъ первоначальный въ царствованіе Екатерины II проектъ учрежденія ассигнаціоннаго банка не выставляль примо его основанія воспособленіе нуждамъ государственнаго казначейства. Но между трить вспыхнула Турецкая война, и нужда въ денежныхъ средствахъ стала сильно заботить государыню. Вследствіе сего генералъ-прокуроръ князь Вяземскій представиль проекть о выпускі, вмісте денегь, ассигнацій на 3 милл. руб. Проекть быль принять во вниманіе, и Вяземскому поручено сочиненіе подробнаго плана по этому предмету.

Планъ этотъ, также хранащійся въ бумагахъ генеральпрокурора въ Московскомъ архивъ министерства иностранпыхъ дваъ, начинается съ указанія на то что, согласно разсуждению совъта императрицы, положено: "для начинающей-"ся войны на расходы первой кампаніи учредить бумажныя "ассигнаціи, утвердя къ нимъ точно ту довъренность какая "есть къ настоящимъ деньгамъ". Съ этою целью предложено было собрать въ Москви и С.-Петербурги до 1.000.000 руб. капитала медными деньгами и выпустить на первый разъ на такую же лишь сумму ассигнацій чрезъ коммиосаріатскую и провіантскую канцеларіи, по съ тімъ чтобы размінивать ихъ въ учрежденныхъ для того банкахъ. Если же окажется что ассигаціи будуть приниматься охотно, и что місяца черезъ три не болье половины будеть внесено къ промыну, то выпустить еще столько же, и потомъ более, до 3 милл. руб. Разивненныя ассигнаціи банки должны были тотчась же отсывать въ коммиссарівть, или провівитскую капцевирію, или статов-контору для выдачи ихъ вийсто денегь; места же эти должны были отсылать въ бакки равное сумив полученных ими ассигнацій количество наличных де-Bers.

Планъ, по которому выпускъ ассигнацій предполагалось довести до 3 мил. руб.,—состолять въ слідующемъ:

Для размъва 1 мил. руб. вссигнацій, выпущенных въ первое время, назначаєтся 1 мил. руб. мѣдными деньгами. Затьмъ, на первые 4 мѣсяца, на чрезвычайные по арміи расмоды, назначались остаточныя суммы вѣдомства главнаго комичесаріата, къ которымъ должно было сверхъ того отпустить ассигнацій въ комичесаріать—на 500.000 руб., и въ провіантскую канцеларію—такъ же на 500.000 р. За послѣдніе 500.000 р. провіантская канцеларія должна была выдать равную сумму мѣдными деньгами, которая должна была быть употреблена на чрезвычайные расходы.

Этими суммами расходы по армін были обезпечены по іюль місяць, а между тімь должно было оказаться на опыть сколько вступить ассигнацій обратно къ разміну или же въ полати.

Если въ обоихъ размънныхъ банкахъ къ іюдю осталась бы только половина капитала положеннаго въ нихъ, т.-е. 500.000 руб., то полагалось выпустить подъ ихъ обезпеченіе еще 500.000 руб. ассигнацій, употребивъ столько же наличныхъ денегъ на чрезвычайныя по арміи издержки, чънъ со-держаніе ея должно было быть обезпечено по сентябрь мъсяцъ.

Въ сентябръ, предполагалось, что найдется возможность увеличить капиталь размънных банковъ еще на 500 т. руб. деньгами и въ этомъ случав предполагалось подъ ихъ обезпечение выпустить до 1 мил. руб. ассигвацій; наличныя же деньги употребить опять на удовлетворение чрезвычайныхъ расходовъ. Въ случав же усиленнаго требования размъна ассигнацій, предполагалось отложить въ банки еще до 500 т. руб. изъ долженствовавшихъ вступить къ тому времени прибавочныхъ за вторую половину года податей.

Такимъ образомъ, къ концу года, при денежномъ обезпечивающемъ фондъ въ 2 мил. руб., должно было быть выпущено ассигнацій на 2½ мил. руб., и военное въдомство должво было получить возможность всъ чрезвычайные (по преимуществу заграничные) платежи и расходы произвести наличными деньгами. Если же къ концу года значительная часть размъннаго фонда оогавалась бы въ целости, то, "для умноженія зъ народъ денегь и подкрыменія тъхъ меровкои расходы производать", предполагалось выпустить еще на 1 мил. руб. ассигнацій.

Императрица сама занималась подробнымъ разсиотръніемъ проекта, что доказывается собственноручными ся заизчаніями на поляхъ и нъсколькими сяравивыми сю поправками.

Всявда за тъмъ, по представлению генералъ-прокурора, изданы были: жавифестъ объ учреждении въ Москвъ и С.-Петербургъ банковъ для размъна ассигнацій, особая инструкція для нихъ и указъ правительствующему сенату.

Означенные манифесть и именной указь сенату оть 29-го декабря 1768 г. опубликованы были 1-го февраля 1769 г. . Манифестомъ 29-го декабря установлялся ассигнаціонный банкъ, раздъленный на два отдаленія: С.-Петербургское и Mockobokoe, Banks stors goakens chas cosgats normit, aerчайшій способъ обращенія денегь въ народь. Указывая на sarpygnenia, ecrpevanciaca opu oбращении медных денегь, тажеловъскихъ и кеудобныхъ для перевозки, манифестъ подтверждват, осыжною на примърт чностранных государствъ, ойндаемую польву от установленія всоненацій. Предполагалось выпускать ассигнаціи линь на такую сумку, какая будеть состоять вы банка на намичномы капиталы; новельвалось чивть имъ обращение во всей Имперіи, наравив съ денърани и, энфоть об тынь, установанася свободный ихъ размень из обоить отманениях банка. При этомъ объявая-**40сь, "что по всемъ госудирстиеннымъ ассигнаціямъ всегда** conpainas a shoras noorbevers masaya senera Trefymmuna onym uss fankous". Be orpadgenie me ore nomonnocru satnone we dank's se upusokennowe upu manudeert gyspeytoe niu C.-Hemepoypeckomy u Mockoetkomy bankame" ybakonaseca, . что денежную сумму, въ банкахъ находящуюся, ниже малышую часть оной никакому правительству требовать или взаимообразно брать не дозводяется", и было прибавлене: "банкамъ накакихъ такого рода требованій не принимать".

Въ указъ сепатскомъ, ** сопровождавшемъ изданіе манифеста, былъ возвъщенъ выпускъ на 1.000.000 руб. ассигнацій, причемъ для обмъна ихъ въ обоихъ отдъленіяхъ банка было отложено по 500.000 руб. мъдною монетой.

^{* № 13219} декабря 29-го 1768 г. П. С. З.

^{** № 13.220} декабря 29-го 1768 г. П. С. 3

Выпущенныя ассигнація, для расходованія ихъ, были распредълены между слідующими відомствами:

Въ	камеръ-коллегію				٠.		~ 200.000 ~p.~.	ļ
_	kommuccapiars		••	/	٠.		100.000 p.	
	провіантскую канцеларію						150.000 p.	
•	соланую контору		•, •		•		150.000 p.	
-	штатсъ-контору.			•			100.000 p.	
-	адмиралтействъ-коллегію				•	•	100.000 p.	
•	разныя маста на разные	Daca	оды	ι.			200.000 p.	
•	•	_	_		_	_	1.000.000 p.	
	n	TOTO			•	•	TYMONOOD De	

При выдачь денегь изъ казенныхъ месть должно было производить эти выдачи медными деньгами, асергнаціями же не более какъ на одву четвертую насть. При поступлении ассигнацій въ банкъ для размена, ему предписано было опять ихъ посылать въ разныя ведомства для производства новыхъ платежей.

Каждому частному лицу было, з сверкъ того, в возволено: приносить въ банкъ металлическія деньги и брать вивото ихъ ассигнаціи; также и правительственныя учрежденія чиблито же право. Для удовлетворенія подобныхъ требованій повеліно было выпустить еще на 150,000 ассигнацій и дерг. жать въ запасії на 1/2 милліона руб. напечатанныхъ ассигнацій и на 1/2 милліона рублей ассигнаціонной бумаги. Обалоту діяленія банка должим были присымать въ правденія банкевъ требованія на высымку имъ ассигнацій по мірть надобности въ пить, по суммами не опыще 100,000 руб. 4

Требованіе на ассигнація было такъ велико, и такъ быт стро установилось къ намъ довіріє публики, что изъ отакъ деній банка расходилось въ неділю нерідко по 190.000 руби Венідствіє того, сенату предписано было чинішь постоли по уже подписанных ассигнацій на 1.000.000 руб., да въ каждомъ изъ отділеній банка по 250.000 руб., и въ правлений банка также 250.000 руб.

Въ виду утвердивнатося въ народъ довърія къ ассигнат, піямъ, правительство, для пріобрътенія въ пользу банка прибылей, установило въ 1770 году, при промънъ приносимыхъ въ банкъ для размъна на мъдныя деньги ассигнацій 1/2% сборъ; *** но вмъстъ съ тъмъ повельно было размънивать

^{*} Январа 12-го 1769 г. Именной указъ сенату № 13227 П. С. З. ** Именной указъ сенату ноябра 19-го 1769 г. № 13385 П. С. З.

^{*** № 13403} П. С. З. Манифесть 22-го января 1769 г.

ехъ не только въ банковыхъ отделеніяхъ, но и во всехъ губерискихъ канцеляріяхъ, причемъ было подтверждено о томъ чтобы подобный разменъ не подалъ повода причинять народу разныя притесненія и проволочки. * О поступленіи этого сбора было предписано губерискимъ канцеляріямъ присылать годовыя ведомости **.

Но въ началь 1771 года сборъ этотъ быль уже отивнень, и вивств съ темъ разменъ ассигнацій на медным деньги быль облегченъ дозволеніемъ производить его не только въ губерискихъ, но и въ провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. *** Вследъ за темъ, для облегченія ихъ обращенія, повелено было Московскому и С.-Петербургскому отделеніямъ банка взаимно принимать къ размену ассигнаціи, которыя каждымъ изъ нихъ были выпущены.

Между тыть число выпущенных в ассигнацій съ каждынть днемъ увеличивалось. Въ половинъ того же 1771 года т поветьно было, вивсть съ тыми ассигнаціями кои предписано по прежнимъ указамъ держать на готовь, всего напечатать ихъ на сумму 2.100.000 руб. и, вивсть съ тымъ, по укичтоменіи 75-рублевыхъ, по случаю появившихся въ этомъ родь ассигнацій поддълокъ, замънить ихъ на такую же сумму 160-г рублевыми, 50-руб. и 25-рублевыми.

Въ то же вреия, въ мелкихъ декьгахъ сталь уже ощущаться значительный недостатокъ, и ассигнаціи стали падать въ своей ценів. Это выразилось въ томъ, между прочимъ, что купцы перестали давать правительству для перевода суммъ ивъ одной мъстности въ другую векселя, если въ кихъ не было выговариваемо право получить деньги серебряною и золотою монетой.

Для расширенія свободнаго разміна ассигнацій, правительство начало въ слідующемъ же году учреждать банковыяконторы, спабженныя мідною монетой. Вступающія въ нихъдля разміна ассигнаціи веліно было не выпускать уже вновь, а за равную сумку въ мідныхъ деньгахъ, отдавать въ містныя канцеляріи. Такія конторы были основаны

^{*} Указъ сената 27-го явваря П. С. З. № 13.407.

^{**} Декабра 20-го 1770 г. № 18.544 П. С. З.

^{•••} Указъ 3-го февраля 1771 г. № 13.563 П. С. З.

^{****} Макифестъ 17-го мая 1771 г. № 13.607 П. С. З.

^{+ № 13.883} *П. С. З.* 1772 г. Манифестъ 22-го іюля.

то 1772 году, въ Ярославаћ; затвит, въ саћдующемъ 1773 году, въ Устюгв и Смоленскв, Астрахани, Нижнемъ Новгородв и Вышвемъ Волочкв, причемъ повелено было отпустать для вымвна ассигнацій въ каждую изъ этихъ конторъ отъ 150.000 руб. до 250.000 руб. банковаго капитала мъдимии деньгами *. Таковы были тв правительственныя мъры отвосительно ассигнацій, которыми оно хотьло придать изъ большее довъріе и твердость.

Изъ докавда коммиссіи, занимавшейся въ 1786-мъ году разработкой плана графа Шувалова (о которомъ будемъ говорить ниже) видно, что на потребности государственной казны, въ теченіе Турепкой войны, отъ 1769 по 1775 годъ. было выпушево на 12.714.750 руб. эссигнацій, и такимъ обраsome, arbon manycka accurranit, chenye notokenharo ne ofesпеченіе ихъ металлическаго фонда, далеко превзошла сумну 3 миля, руб., съ примо пріобратенія которой быль, какт мы видьми выше, учрежденъ и самый ассигнаціонный банкъ. Обычное явленіе, сопровождающее излитній выпускъ асситыniu, a umerro, ucuesnoberie meakuxa genera, kaka name smao указано, сафаллось уже чувствительными, и правительство, въ виду отвращенія его, учреждало размінныя конторы въ развых частях Имперіи. Что число выпускаемых в ассигнації превосходило потребность въ нихъ чувотвовалось въ публикь, а потому правительство пришло къ окончательному убакдению въ необходимости, для поддержания поколобавиватося довфрія, постановить предват для дальнайтих выпусковъ Это сававно было именными указоми 10-го двивра 1774 года **, которымъ объяванаось, что "государыня заблагоразсудиав ограничить количество государонвенных весигнацій ко-Cankoss es kassunua muoma u es nyonuky madasasmuss. Преафат выпуску шть быль положень повельнісми не держать ихъ въ обращении болье чвиъ на 20 мил. руб. Вилотъ съ тъмъ постановлено было чтобы разныя въдомства отнюдь не требовали изъ бакка ассигнацій на большую сумму чемъ они могаи представить въ заменъ ихъ денегъ, такъ какъ на разныхъ мъстахъ состояло долговъ банкамъ вдвое противъ капитала хранившагося въ отделеніяхъ банка. *** а

^{* № 14.012} П. С. З. 1773 г. іюда 16-го сепатскій указъ; № 14.094 П. С. З. 1773 г. указъ имен. 28-го декабря.

^{**} J 14.096. II. C. 3.

^{***} Именной указъ сепату 1774 г. 10-го явваря, № 14.097. П. С. 3.

дав большей безопасности отъ поддълки, повелено было ас-

Между твик, учрежденные въ разныхъ ивстностахъ банковыя венторы нуждамись въ медиких деяргахъ для разийна ассигнацій, и пересымка изъ банковато правленія и отсылка туда ассигнацій требовали вначительныхъ расходовъ. Въ виду этого, въ 1776 году предписало было местнымъ канцеляріямъ отсымать въ ближайтія къ каждой изъ нихъ банковыя конторы сбираемыя въ подати медики деньга, променивать ихъ на ассигнаціи, в изъ последнихъ веткія и уже негодным къ хожденію отсымать въ центральныя правительственныя учрежденія, которыми в предоставлялось менять ихъ въ отделенихъ банка на новыя.

Въ то же время, нъ Тобольскъ была учреждена нован банковаа контора, съ капиталомъ въ 1 мил. руб., при чемъ узаконенъ бълъ выпускъ ассигнаций на 1 мил. свертъ установлението размъра. • Такая же контора учреждена въ Иркутокъ, съ капиталомъ въ 500 т. руб., на сумму которыкъ также былъ увеличенъ выпускъ ассигнации.

Таків же конторы были въ 1781 году учреждены въ десяти городахъ, а именно: Новгородь, Псковъ, Тъери, Нъткинь, Кіевъ, Куракъ, Харьковъ, Тамбовъ, Орив и Тулъ, съ навинченість наждой изв нихъ по 200,000 капитала и съ увеличеність выпуска асвитацій на 2 мил. рублей. Въ слъдующемъ же году были основаны конторы въ Казани и Хереонъ съ капиталомъ въ каждой по 300 т. руб., въ Архангельскъ и Ригь съ капиталомъ по 200 т. руб., а въ Ревель съ капиталомъ во 100 т. руб. и соотвътственно тому разръщемъ вновь выпускъ 1.100.000 руб. ассигнацій. †

Съ расширениемъ операцій ассигнаціоналю банка, съ увеличениемъ числа его конторъ, правительство не желало принимать на себя расходы по содержанію какъ банка, такъ и его конторъ. Въ виду втого опо позволило банку отпустить въ аворанскій банкъ сперва 300.000 р., а затыть еще 1 милл.

^{*} Севатскій указъ 29-го мая 1776 года № 14.474. П. С. З.

^{**} Именной указъ сениту 12-го веля 1776 г. № 14.488. П. С. З.

^{***} Именной указъ сепату 10-го аправа 1777 г. № 14.861. П. С. З. **** Именной указъ указъ сепату повера 1781 г. № 15.275. П. С. З.

[†] Имениой указа 9-го сентября 1789 г. № 15.508. П. С. З.

руб. медныхъ денегь для раздачи ихъ въ займы подъ дворянскія имінія. Съ этихъ денегь 5% должны были поступать въ ассигнаціонный банкъ на удовлетвореніе его расходовъ, а 1% оставался въ пользу дворянскаго банка.

Вивоть съ твиъ, уже въ 1780 году, *** запрещение вывоза ассигнацій за границу было подтверждено особымъ манифестомъ, причемъ крайнимъ срокомъ для вымена въ банке техъ ассигнацій которыя уже были вывезены было назначево 10-е явваря 1781 года.

Исполнение указовъ объ ассигнациять подало поволъ и къ въкоторымъ недоразумъніямъ. Такъ, въ нъкоторыхъ мъстностяхъ, ту часть высочайшаго указа которою предписывалось, при пріем'я въ казну платежей, требовать на каждые вносимые 500 рублей, по крайней мірь, 25 рублей ассигнаціями, понями такъ, чтобы болье этой пропорціи ассигнаціями не принимать, такъ что потребовалось особымъ указомъ разъяснить, что эти 25 руб. на каждые 500 руб. представаяють лишь minimum, по это викому, по смыслу высочайтихъ манифеста и указовъ. представаять и всв савдующіе въ казну платежи сполна accurranismu.

Въодномъ мъсть, при пріемъ отъ часткаго лица ассигвапій, прісытикъ сдвиват на нихъ надписи о прісыв и темъ одвавать ихъ негодными къ хождению. Сенатъ решилъ напечатать такія же новыя ассигнаціи. По этому поводу было повельно сенату по всемъ деламъ касающимся до ассигнацій спрашивать предварительно заключенія у правленія банко-Baro. +

Возраставшая съ каждымъ годомъ потребность въ денежныхъ средствахъ на покрытіе постоявно увеличивавшихся расходовъ производила въ государственномъ бюджеть значительные ежегодные дефициты. Необходимость увеличивать постоянно налоги вовсе не согласовалась съ видами императрицы. Потому удобнымъ средствомъ избъгнуть этой необходимости казалось увеличеніе числа банковых вассигнацій и покрытіе

^{*} Именной указъ 18-го апрыл 1779 г. № 14.760, Полн. Собр. Зак.

^{**} Именной указъ 9-го поября № 15.276, Полн. Собр. Зак. *** Маниф. 8-го октабра 1780 г. № 15.071, Поли. Собр. Зак.

^{****} Imag 18-ro 1769 r. cenarck. ykasa N 18.314.

[†] Августа 7-го 1770 г. именной указъ генералъ-прокурору.

ими недостатка наличных денегь въ государственномъ казначействъ. Число выпускаемыхъ въ обращеніе ассигнацій возрастало съ каждымъ годомъ, и вибсть съ тъмъ возрасталь долгь государственнаго казначейства ассигнаціонному банку за отпущенныя, уже безъ замъна мъдною монетой, въ разныя въдомства ассигнаціи. Въ 1786 году число выпущенныхъ ассигнацій возрасло уже до 50 милл. руб., а между тъмъ дефицитъ въ бюджетъ того года и необходимость въ средствахъ на разныя предпринятыя сооруженія требовали новаго значительнаго выпуска.

Таково было положеніе діль когда графь А. П. Шуваловъ подаль императриців въ 1786 году Записку о пеобходимости увеличить выпускъ ассигнацій до 100 милл. руб., и вибств съ тімь особымь высочайшимь повелівніемь постановить эту сумму преділомь даліве котораго выпускъ ассигнацій не должень быль быть увеличень "ни въ какомъ случать и ни въ какомъ положеніи". Основаніе для расширенія выпуска ассигнацій до 100 милл. руб. графъ Шуваловь находиль въ увеличившемся, со времени изданія манифеста объ ассигнаціонномъ банкъ, количеств выпущенной въ обращеніе мідной монеты, а равно и въ возрастаніи государственныхъ доходовъ. Изданіе же кореннаго закона о количеств долженствующихъ быть выпущенными ассигнацій, по мизнію его, должно было сділать непоколебимымъ довіріе къ банкамъ и привлечь къ нимъ уваженіе прочихъ европейскихъ народовъ.

Затемъ, указывая на крайнюю нужду государственной казны въ денежныхъ средствахъ по случаю военныхъ издержекъ, сооруженія "нужныхъ заведеній и по распоряженіямъ
козяйственнымъ, земскимъ", графъ Шуваловъ, съ другой
стороны, выставлялъ, что нельзя ждать успъха отъ внутренняго вайма. "Два сословія, собственность имъющія, дворяне
и купцы, равно сами нуждаются въ деньгахъ", говорится въ
Запискъ, "и торговля послъднихъ значительно стъснена необходимостью постоянно брать задатки у иностранныхъ торговцевъ." Единственнымъ средствомъ оставался, по мижнію
автора Записки, выпускъ ассигнацій. Кромъ недостатка въ
средствахъ на обыкновенныя ежегодныя и чрезвычайныя
издержки казны, значительнымъ для нея бременемъ была

[•] Въ московскомъ главномъ архивъ.

необходимость ежегодными платежами возвращать ассигнапіонному банку числивнійся на казначейств'я долгь. Необходимость эта служила лишь къ увеличенію ежегоднаго дефицита въ средствахъ казны. Потому, въ виду дарованія казнів возможности покрыть недостатки въ бюджеті и довершить предположенныя сооруженія, а съ другой стороны, даровать дворанству и городамъ средства, первымъ къ развитію своей хозяйственной діятельности, а вторымъ къ довершенію необходимыхъ въ вихъ улучшеній, графъ Шуваловъ предлагаль слідующій планъ:

Выпустить 17% милл. руб. ассигнацій для раздачи ихъ дворянамъ подъ залогь ихъ имѣній и 11 милл. для раздачи городамъ. Вмѣстѣ съ прежде розданными изъ дворянскаго банка эти 17% милл. должны были составить 22 милл. руб., которые предполагалъ графъ Шуваловъ раздать со взиманіемъ 8% интереса и погашенія въ 20 лѣтъ. Предполагавшіеся къраздачѣ городамъ 11 милл. руб. должны были быть розданы со взиманіемъ 7% интереса и погашенія, и окончательный возвратъ капитальнаго долга долженъ быль произойти въ 22 года. Графъ Шуваловъ разчитывалъ что казна получить, такимъ образомъ, отъ этой операціи чистой прибыли 19.140.000 руб., которые и должны были быть употреблены на погашеніе долговъ государственнаго казначейства, вмѣсто возврата илъ путемъ ежегодныхъ уплатъ изъ государственныхъ дотодовъ.

Затьмъ, сверхъ 28% милл. руб., предположенныхъ къзыпуску для указанной цели, графъ Шуваловъ предполагалъ выпустить еще 4 милл. руб. для необходимыхъ расходовъ по собственному кабинету ея императорскаго величества, 2½ милл. на пособіе государственному казначейству, и затьмъ 15 милл. руб. ассигнаціями имъть въ запасъ на случай внезапной войны.

Вместа съ тамъ, по установлени кореннаго закона объ ассигнаціонномъ банкъ, графъ Шуваловъ предлагалъ, въ огражденіе доверія къ нему, сделать все его счеты явными и извъстными всей публикъ, такъ какъ, по митию его, какдый человекъ въ государствъ, имъя ассигнаціи въ своихъ рукахъ, есть сащь по себъ естественный въ банкъ участникъ и долженъ знать "что ничего отъ него не сокрыто и что окрывать нечего".

Всавдствіе такой міры биржа стала бы во всяких

случавать банку способствовать, куппы для своего облегчения и спокойствія пожелали бы имівть въ банкі счеть, и установилась бы, на подобіе Голландіи и Гамбурга, мысленная монета. Банкъ съ пріобрівтеніемъ иностраннаго кредита могь бы содійствовать казнів при переводі денегь за границу, могь бы всегда имівть наготовіз деньги до 1 милл. руб. для чиненія по переводамь денегь—des avances, и способствоваль бы къ удержанію курса въ равновісіи. "Конечно", кончаль графь Шуваловь свою Записку, "если всінь отраслять финансовь тайна несвойственна, то она еще меніве вміщена быть можеть въ банки, которыхъ душа есть довіріе, а правила—ясность".

Предложенный графомъ Шуваловымъ плавъ, по желанію его, для оковчательнаго его разсмотрівнія и разработки былъ переданъ особо назначенной для того императрицей коммиссіи, состоявшей изъ того же графа Шувалова, графа Александра Вороннова, тайнаго совітника Петра Завадовскаго, графа Алекс. Безбородко и генералъ-маіора Александра Ермолова. Коммиссія собиралась три раза въ теченіе апрівни имая місяцевъ 1786 года, и наконець окончательныя свои предположенія выразила въ особомъ докладів, поданномъ на высочайшее имя въ началів мая місяца.

Измънивъ въ нъкоторыхъ подробностяхъ планъ графи ИІувалова, коммиссія однако "совершенно съ нимъ согласи"дась" въ главныхъ основаніяхъ и "лишь подробные развила
"всё предполагавшіяся отъ осуществленія его выгоды и бла"годітельныя для всего государства послідствія". "Польза
всенародная," писала она въ своемъ докладів на высочайшее
имя, "польза казні вашей толико въ семъ предположены и
ощущаются, что выходить изътого дінніе рідкое, не всінки,
можеть-быть, доуміваємое, ибо туть изобрівтаєтся преудобное средство выплатить знатные долги, получить новые доходы въ прибытокъ и въ удовлетвореніе нуждъ государственнакъ, и вкуніз съ тімъ, во учінненіе великой души вашей,
вромить сродкую ей милость и величайшее благотвореніе на
различныя состоявія всікъ вашихъ подданныхъ."

Коммиссія сділала полный равчеть заключеннямъ правительствомъ въ ассиглаціонномъ банкі, со времени его учрежденія, займамъ. Оказалось что въ теченіе Турецкой воймабило ванято до 12.714.750 р. Оь того времени, "для приведенія финансовъ въ должное изобиліе и для разникъ пресбразованій", было запято 24.320.857 р., такъ что весь долгь бавку простирался до 37.035.607 р., а за уплатою съ 1776 года 11.635.607 р., оставалось на казначействъ 25.400.000 р., за выполненіемъ же предписанныхъ именными указами отпусковъ изъ ассигнаціоннаго банка, весь долгь простирался въ 1786 году до 30.400.000 руб.

Эта сумма составлялась следующимъ образомъ:

1. Доагъ kaduneta u kasnaveŭctea sa kadunetъ 2. Доагъ сnetepdyprokaro octatounaro kasnaveŭctea	6.400.000 p
З. Долгъ содянаго въдомства Отпущевныя въ распораженіе Потенкина для юж-	6.000.000
noti Pocciu	3.000.000 ,
_	80,400,000

Затемъ предстояла еще необходимость отпуска изъ государственнаго казначейства суммъ на следующія потребности:

2. 3.	Ha Ha	созидан. дороги изъ Москвы въ СПетербургъ падобности кавначейства падобности кабинета устройство Вытегорскаго канада	3.700.000 p 2.500.000 , 600.000 ,	
		Josephanis Darieropokaro kamana,	0.000.000	-

По прежнимъ указамъ, изданнымъ при заключении приведенныхъ займовъ на сумму 30.400.000 р., обратная ихъ уплата банку была расположена такъ, что долгъ погашался ежегодными взносами изъ государственныхъ доходовъ, въ следующихъ размърахъ;

Въ 1786 году приходилось уплатить 1.270.000 р.

Въ теченіи двухъ леть, то-есть въ 1787—88 г. по 2.301.000 руб. въ каждомъ.

Въ теченіи семи міть 1789—95 по 2.091.000 р. въ каждомъ. Въ теченіи пяти міть 1796—1800 по 1.411.000 р. въ каждомъ и въ 1801 году 1.226.000 руб.

Для исполненія принятых казной на себя обявательство относительно производства этих уплать, при постоянных дефицитах въ средствах государственной казны, не было, по мивнію коммиссіи, другаго средства, какъ обложить все государство общимъ налогомъ, въ 20 коп. съ души. Для покрытія же остальныхъ почти 10 милл. руб., заемъ коихъ быль неизбежень въ виду огромныхъ выгодъ ожидавшилов, какъ для торговли, такъ и для правительства, отъ осеруженія лероги между отоливами и Вытегорокаго канала, емегодими

налогь этоть должно было бы увеличить до 30 коп. съ души. Увеличение же налоговъ, кромъ того что оно должно было быть петерпимо матерьнему сердцу и въ свътъ прославленному милосердно государыни", коммиссія уже потому почитала невозможнымъ, что еще въ 1783 году налоги уже были вначительно увеличены; потъ новаго ихъ увеличенія" она предвидъла пуныніе и страхъ всенародные, неръдко въ такомъ положеніи дознаваемые, когда подати увеличиваютъ безъ прибавки новыхъ способовъ къ изобилію и благосостоянію платащихъ оныя".

Ивъ такого положенія дель коммиссія выводила необходимость прибъгвуть для уплаты казенныхъ долговъ къ плану графа Шувалова. Согласно некоторымъ видоизмененіямъ, введеннымъ въ него коммиссіей, уплата казенныхъ долговъ должна была быть произведена следующимъ образомъ: операція раздачи капиталовъ въ займы дворянству и городамъ должна была, по вновь сделанному коммиссіей разчету, дать чистой прибыли 18.300.000 р., которые должны были получить следующее назначеніе:

1. Долгъ кабинета 2. Часть долга казначейства на	
3. Доагь по построевію дороги между столицами. 4. Въ распораженіе правительства оставаться доаж-	-
RO (MACO	4.000.000 ,
Итого	18.300.000

Сверхъ того предполагалось пять милл. руб. сложить со счетовъ казначейства следующимъ образомъ:

- 1. Предполагалось три милл. руб., данные въ распоряженіе Потемкина, отчислить отъ долга государотвеннаго казначейства и возвратить ихъ средствами южнаго края.
- 2. Изъ числа потребныхъ на Вытегорскій каналь денегь предполагалось отпустить лишь одинъ милл. руб., а остальные два милл. руб. должны были поступить также изъ прибылей по операціи раздачи капиталовъ въ займы городамъ.

Такимъ образомъ всего должны были считаться погаменными 23.300.000 руб.

Затемъ ивъ остальныхъ 16.900.000 руб. казенныхъ долговъ предполагалось покрыть разными средствами 300.000 р., 10 милл. руб. объявить отвержденнымъ долгомъ казначейства, dette fondés, съ которяго казначейство (не обязываясь упла-

чивать капитальную его часть) должно было уплачивать въ банкъ лишь 300.000 р. ежегодныхъ процентовъ и темъ покрывать расходы на содержание банка. Последние 6.600.000 р. должны были быть возвращены въ банкъ ежегодною уплатой одного милліона, начиная съ 1789 до половины 1795 года.

Такимъ образомъ, вивсто прежнихъ значительныхъ ежегодныхъ уплатъ, новыя обязательства казыы ограничивались ежегодною уплатой 1.300.000 р., и притомъ начиная лишь съ 1789 года. Первые же два года въ полномъ распоряжени правительства оставались предназначавшиеся къ обратной уплатъ 2.400.000 р. и вновъ ванимаемые въ пособие казначейства 2.500.000 р., всего до 5 милл руб., и создавался запасный на случай войны капиталъ въ 15 милл. руб.

Таковъ въ окончательномъ итогъ финансовый планъ, выработанный коммиссіей, на сколько, по крайней мъръ, можно себъ составить о немъ понятіе изъ довольно нелснаю и сбивчиваго изложенія представленнаго ею на высочайшее имя доклада.

Коммиссія не могав не сознавать, котя бы и смутно, основательности опасеній относительно вреда, какой можеть произойти для всего финансоваго строя государства отъ излитняго выпуска бумажныхъ знаковъ. Она подробно останавливается на этомъ вопросъ. Тутъ ясно обнаруживаются все то смешение, вся та неопределенность экономическихъ понятій, которыя не дозволяли государственнымъ людямъ того времени уяснить себъ настоящимъ образомъ ни положенія тогдашнихъ дель, ни неизбежныхъ последствій предпринимаемыхъ меръ. Опровергая мевніе техъ которые полагають что умножение денеть послужить къ увеличению пънъ на предметы потребленія, коммиссія соылается на примъръ иностранныхъ западно-европейскихъ государствъ, изобилующихъ деньгами и кредитомъ и не страдающихъ, несмотря на это, возвышеніемъ півнь: "въ такомъ случав, торговля, которой предметь есть увеличение нумерера (наличности), говорить коммиссія, была бы вредна". Завсь, очевидно, члены комически не давали себъ отчета въ различіи между изобиліемъ капиталовъ въ странв и количествомъ находящихся въ обращении ассигнапій, и отъ увеличенія выпуска последних ожидали техт же последствій кака бы оть развитія въ страни кредита и ужноженія въ ней капиталовъ. Чувотвовавшееся уже въ то время возвышение ценъ комичести объяснява педостаткомъ

денегь, а не излишествомъ ассигнацій, "ибо гав деньги выше 5 процентовъ ходять, тамъ ихъ мало, и сей велостатокъ, истребляя добрую веру къ платежамъ, производить дороговизву. Подрядчики и продающіе частвымъ людямъ, да и самимъ казеннымъ мъстамъ, не надъются въ договорный срокъ подучить заплату, по мере чего награждають себя высокостю пвин." Недостатку же денегь коммиссія приписывала и небреженіе къ земледалію, которое, по ся выраженію есть "благо и сосум питающів государство". Указывал на педостатокъ и дороговизну кредита въ странъ, не дозводяютіе землевладальцамъ делать значительныя затраты для жеобходимых въ промышленности ихъ улучшеній, коммиссія выставляла всь то выгоды которых в можеть и должна ожидать вся страна отъ дарованія дворянству возможности польвоваться дешевымъ и долгосрочнымъ кредитомъ. Тв же благодъянія должны были оказать ть суммы которыя предпоаагалось раздать въ ссуду городамъ, темъ более что въ приморскихъ городахъ и объихъ столицахъ суммы эти предпоаагалось ссудить не городамъ, а отдельнымъ купеческимъ фирмамъ, для дарованія имъ возможности растиренія ихъ торговых оборотовъ. При этомъ коммиссія предполагала устроить при банкъ страховую экспедицію для застрахованія домовъ и купеческихъ кораблей.

Наконепъ, касаясь мысли графа Шувалова обнародовать операціи ассигнаціоннаго бакка, члены коммиссіи высказывають илеи вполив достойныя такой великой эпохи, какъ парствованіе Екатерины ІІ. "Такая ясность", докладывала государынъ коммиссія, и уклоненіе отъ всякаго рода тайнъ обнаружить великія правила августвищей законодательницы. чимь болье вирить обществу, тимь болье довирів его пріобпътается. Лоброе явло и благія намеренія не требують завъсы. « Коммиссія выразила при этомъ надежду что пубмичностью купечество будеть подвинуто къ тому чтобы ввърять свои капиталы банку, и что открытіе текущихъ счетовъ произведеть движение во внутренией и вившией торговав, которое въ свою очередь привлечеть къ банку и ивостранных капиталистовъ, въ особенности же если къ прочимь операціямь бакка присоединень будеть учеть векселей.

Таковы были мысли и планъ изложенные императрица въ доклада комписсии. Радокъ съ идеями, совершенно сходамии

съ теми экономическими и финансовыми принципами которые въ настоящее время признаны за несомитенную аксіому, мы видимъ полное смътеніе понятій, долго преобладавтее въ нашей финансовой политикъ, и по которой думали, что растиряя выпускъ ассигнацій, обогащаютъ страну новыми производительными силами и разливаютъ богатство во всъ сословія государства.

Мысли, изложенныя въ запискъ графа Шувалова и разработанныя коммиссіей, нашли себъ однако среди государдарственныхъ людей окружавшихъ Екатерину II сильнаго противника въ лицъ генералъ-прокурора, князя Вяземскаго. Въ особой запискъ *, поданной на высочайтее имя 29-го мая 1786 года, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ возставалъ противъ основной мысли предложеннаго плана, то-есть противъ уплаты казенныхъ долговъ процентами отъ выпуска и раздачи въ займы государственныхъ ассигнацій подъ обезпеченіе поземельною собственностью.

Напоминая что въ первоначальномъ манифесть, объявлявшемъ объ установлении ассигнаціоннаго банка, объщано быдо что ассигнацій выпускаемо будеть столько, сколько будеть въ банкъ состоять наличнаго капитала, что самый банкъ названъ хранилищемъ денегъ всему государству, а не одной казив принадлежащихъ, онъ указывалъ на то что выпускъ ассигнацій, безъ достаточнаго увеличенія притомъ капитала, породить недовъріе къ нимъ, а вмъсть съ тъмъ и къ самому банку. Выпускъ ассигнацій уже сділанный на удовлетворекіе потребностей государственной казны онъ оправаываль тымь, что при этомъ постоянно имылись въ виду ныкоторые, почти равные, по сумые, количеству выпущенных вссигнацій наличные капиталы, находившіеся въ разныхъ въдомствахъ, которые всегда могли быть обращены на полкръпление банка. Слъдовательно всегда представлялась возможность выменять выпушенныя ассигнаціи на чистыя деньги, чемъ во всякое время, въ случае недоверія, публика могла быть успокоена, и кредить еще болье утверждень. При выпускъ же ассигнацій подъ обезпеченіе неавижимою собственностью, утверждаль князь Вяземскій, "уже невозможно будеть почитать ихъ имъющими денежное лостоинство. Овъ не считаль согласнымъ съ существомъ ассигнаціовнаго

^{*.}Въ Московскомъ главномъ архивъ.

банка чтобы могли быть приняты другіе какіе-либо задоги кромъ золота и серебра, такъ какъ, въ случав "восколебанія" довірія публики, невозможно было бы ее успоконть, за неимъніемъ денежныхъ капиталовъ. Мъры предлагаемыя графомъ Шуваловымъ опъ считалъ уместными дипь въ томъ случав, еслибы государство находилось въ самыхъ крайнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, еслибы не оставалось ни малвишей возможности увеличить подати безъ крайняго разоренія подданныхъ. При этомъ князь Ваземскій указываль для увеличенія доходовъ правительства на тв міры, которыя были предложены имъ въ 1785 году. Определение самаго размвра новаго выпуска ассигнацій до суммы 100 милл. руб., какъ такой суммы до размера которой выпускъ ассигацій не произвель бы вреда денежному обращению и не поколебаль бы доверія публики, опъ считаль пичемь не оправдываемымъ, голословнымъ предположениемъ. "Раздача изъ бавка денегь въ займы дворянству, говориль кназь Ваземскій, произведеть то что всв вещи, соразмерно умножению въ пиркуляціи денеть, придуть въ такую цену, которая со временемъ для маломочныхъ людей, а особливо живущихъ однимъ жалованьемъ, причинитъ совершенную невозможвость содержать себя онымъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что князь Вяземскій ясно сознаваль, что увеличеніе въ обращени денежныхъ знаковъ должно было имъть значительное вліяніе на изм'вненіе цівнь, котя, повидимому, онъ приписываеть это вообще увеличению денегь, не проводя различія между металлическими деньгами и ассигнаціями.

Переходя къ разсмотрънію плана графа Шувалова со стороны той пользы, которую должна была принести сельскому хозяйству раздача дворянству въ займы 17½ милл. руб. подъ залогъ недвижимыхъ имъній, князь Вяземскій и въ этой части проекта не надъялся на осуществленіе блестящихъ надеждъ графа Шувалова. Здъсь прежде всего онъ обратилъ вниманіе на размъръ предполагавшихся займовъ, а именно: по 40 руб. на душу. При этомъ князь Вяземскій разчитываль, что ежегодная уплата 8% съ 40 руб. составить 3 руб. 20 коп. въ годъ, между тъмъ какъ величина оброковъ получавшихся помъщиками съ крестьянъ не превышала 3 руб. съ души. Такимъ образомъ князь Вяземскій выводитъ что дворянство, большею частію уже обремененное въ то время частными долгами и склонное къ растрать денегь вепроиз-

водительнымъ образомъ, не найдетъ другаго средства уплачиватъ проценты по вновь заключеннымъ займамъ, какъ увеличивъ оброкъ со своихъ крестьянъ.

Такое увеличеніе, которое опъ считаль почти невозможнымъ, обременивъ крестьянъ, естественно повело бы лишь къ накопленію недошмокъ въ податяхъ. Самое облегченіе для дворянства заключенія новыхъ займовъ должно было, по мивнію князя Вяземскаго, повести лишь къ окончательному его разоренію. Это мявніе опъ доказывадъ опытомъ предшествовавшей четверти стольтія. Такъ въ 1750 году долги дворянства не превосходили въ общей сумми 1.593.000 руб. Въ 1775 году, послъ того какъ, по учреждении заемныхъ банковъ для дворянства, оно получило большую возможность за незначительные проценты занимать деньги, и вследствие того стала повсюду вкрадываться въ обычаи роскоть, долги дворянства возросли до 8.430.733 р., изъ которыхъ до 4.379.868 руб. были заняты ивъ банковъ. Отъ новаго облегченія займовъ князь Вяземскій ожидаль новаго, сильный шаго противы прежилго, развитія роскоти и обогащенія торгующихъ икостранными галантерейными товарами купцовъ; следовательно, заключалъ онъ, "деньги пойдутъ "большею частію вив государства въ руки иностранцевъ, "тягость же въ платежахъ владвльцамъ останется на кресть-"янахъ". Неисправныя имънія придется брать въ казенное управленіе, отчего опять страдать будуть та же крестьяне.

Несмотря на оппозицію князя Вяземскаго, записка графа Шувалова и докладъ коммиссіи были одобрены императрицей, и 28-го іюня 1786 года были одновременно изданы манифестъ объ учрежденіи новаго заемнаго банка, а равнымъ образомъ о дарованіи новыхъ льготъ ассигнаціонному банку и о растиреніи его операцій, и два именные указа: одинъ тайному совѣтнику Завадовскому, въ которомъ поручалось ему управленіе банкомъ, а другой генералъ-прокурору, о способѣ погашенія нѣкоторыхъ казенныхъ долговъ.

Тв мявнія и взгляды на финансовую политику правительства, которые выражены были въ докладь коммиссіи, получили полкое развитіе въ манифесть. "Государотвенных пуждъ и пользы, по выраженію манифеста, которая учить какъ назначать, собирать и потомъ раздълять выгоды принадлежащія коронь изъ всеобщаго изобилія, и которая во

внутреннемъ государственномъ управленіи составляєть основаніе всвят политическихъ умозрівній. Далье манифестъ указываеть на изобиліе денежныхъ знаковъ какъ на источникъ народнаго богатства, при чемъ число выпущенныхъ со времени учрежденія ассигнаціоннаго банка ассигнацій признано было манифестомъ недостаточнымъ, не удовлетворяющимъ "въ полной мірті нуждамъ и хотінію людей, общему, иміть ихъ боліве". Причина недостаточности развитія поощряємыхъ правительственными мірами торговли, рукоділій, ремесль и земледілія также указывается въ недостатьть денегь.

Преобладавшее тогда въ умахъ смѣшеніе понятія объ ивобиліи денежныхъ свободныхъ капиталовъ св понятіемъ о денежныхъ знакахъ выразилось адѣсь во всей своей силь. Помочь педостатку въ денежныхъ капиталахъ думали новымъ
выпускомъ ассигнацій, и эта мысль выставлялась въ манифестъ какъ руководящая дъйствіями императрицы при
учрежденіи заемнаго банка. Объ уплатъ кавенныхъ долговъ
упоминалось лишь вскользь. Вмъстъ съ тъмъ вновь подтверждено было что выпускъ ассигнацій ни подъ какимъ
видомъ не долженъ превосходить 100 милл. руб. Заемному
банку дозволено было при этомъ производить ссуды и принимать вклады золотыми или серебряными деньгами, а при
уплатъ какъ въ банкъ, такъ и изъ банка, положено было выдавать на деньги эти ажіо по биржевому въ С.-Петербургъ
курсу.

Съ другой стороны, ассигнаціонному банку были даны повыя права: ему было предоставлено производить торговлю металлами, и для облегченія этой операціи, горнозаводчики были освобождены отъ обязательства уступать въ казну, по опредъляемой ею цівні, половину той мізди которую они впредь будуть добывать сверхъ прежнаго. Разрівшено было также заниматься учетомъ векселей, переводомъ денегь за границу. При этомъ предполагалось, что послідне-названною операціей дана будеть банку возможность, въ извістное время, давать подкрівпленіе "какъ внутреннему, такъ и внізнънему государственному хозяйству".

Въ указъ на имя генералъ-прокурора * изложенъ былъ, котя въ весьма общихъ чертахъ, планъ правительства отно-

^{• &}gt; 16.410, II. C. 3.

сительно уплаты казенныхъ долговъ казначейства и кабинета банку посредствомъ новаго выпуска ассигнацій и раздачи ихъ взаймы дворянству и городамъ. Согласно указу, уплата 22.600.000 руб. долговъ банку должна была произойти савдующимъ образомъ: 6.000.000 доджны быди уплатиться изъ прибылей отъ раздачи въ займы ассигнацій дворяютву и городамъ. Въ уплату 10,000,000 руб. казначейство, въ теченіе 10-ти лівть, должно было отпускать 300.000 р., то-есть всего 3.000.000 руб.; затемъ изъ возвращаемыхъ отъ аворяества капиталовъ должно было быть вновь роздано 6.000.000 руб., а съ нихъ ежегодно получаемыми 5% то-есть 300.000 руб., должка была быть уплачека осталькая часть 10.000.000 руб. Наковецъ последніе 6.600.000 руб. должны были быть погашены ежегоднымъ отпускомъ изъ казначейства по одному милліону въ теченіц 68/4 лівть. Такимъ образомъ разчитывалось, что отпускомъ лишь 9.600,000 руб. погатался долгь въ 22.600.000 руб. Изъ предыдущаго видно, что разчеть обпародованный въ этомъ указъ значительно разнствоваль отъ того который быль окончательно принять коммиссіей; а именно, долги казначейства банку быди въ дъйствительности значительные.

Для застрахованія строеній представляємых в залогу въ государственный банкъ, была манифестомъ 23-го декабря 1786 года * учреждена страховая экспедиція, а въ довершеніе преобразованія банковъ, какъ ассигнаціонному, такъ и заемному банкамъ даны были новые уставы **, и при ассигнаціонномъ банкъ установлена особая экспедиція для пріема и ревизіи ассигнацій, которыхъ внѣшній видъ былъ, между прочимъ, измѣненъ. ***

Новыми указами и изданіемъ новыхъ уставовъ, однакоже, не уничтожился корень всёхъ затрудненій, лежавшій въ излишнемъ выпускъ ассигнацій. Потому уже въ мав 1787 г., **** въ виду недостатка въ мъдной монеть для размына ассигнацій, было дозволено с.-петербургскому отдъленію ассигнаціон-

^{• № 16.478} II. C. 3.

^{**} Указы на имя Шувадова 23-го декабря 1786 г., №№ 16.479 16.481 *П. С. З.*

^{*** № 16.480} П. С. З. указъ графу Шувалову.

^{**** № 16.541,} Полное Собраніе Законовь. Именной указъ Шувалову, 31-го мая 1787 г.

наго банка принимать, какъ и въ конторахъ, мелкую мъдную монету въ обм'янъ на ассигнаціи, и зат'ямъ на эту мелкую монету вым'янивать старыя ассигнаціи.

Въ виду того же недостатка въ медномъ разменномъ фондъ, мвогочисленность конторъ ассигнаціоннаго банка затрудняла правительство. Потому ово должно было решиться на уничтоженіе большей ихъ части. Такимъ образомъ, указомъ января 21-го 1788 года, выда уничтожена контора въ Тобольскъ, и накопившійся въ ней капиталь въ 238.775 руб. мваною монетой быль взять въ московское отавление банка. Пругамъ указомъ того же года ** конторы оставлены лишь въ Ярославль, Смолевскь, Нижвемъ-Новгородь, Казави, Орав, Херсовв, Вышкемъ-Волочкв и Архангельскв, - прочія же уничтожены. При этомъ капиталы астраханской конторы въ 89.875 р. и иркутской въ 263.080 р., меданою монетой, были отданы въ мъстныя казенныя палаты для расходованія вивсто ассигнацій. Капиталь тобольской конторы, въ 756.300 р., назначенъ быль для израсходованія на Колыванскихъ заводахъ. Изъ капиталовъ остальныхъ уничтоженных конторы повельно было укомплектовать оставтівся банковыя конторы.

Наконецъ размънъ ассигнацій въ банкъ, временно закрытый, вновь открытъ по именкому указу съ 28-го декабря 1788 года. *** Другимъ указомъ, отъ 15-го іюня 1789 г., **** повельно было чтобы банкъ для размъна открытъ былъ каждодавено, кромъ праздичныхъ дней.

Въ виду "умноженія въ государстве міздной монеты, для равновівсія съ государственными банковыми ассигнаціями," были правительствомъ въ 1791 году куплены за 2½ милліона рублей міздные и желізные заводы Походятиныхъ и отданны въ відівніе ассигнаціоннаго банка, † для чего при немъ основана особая экспедиція. Отъ этой покупки предполагалось въ 10 лізть получить чистой прибыли до 3 милл. р. ††

^{• 16.612,} Hornoe Coopanie 3akonoss.

^{••} Именной указъ Шувалову 11-го февраля 1788 г., № 16.626 Поли. Собр. Зак.

^{*** № 16.737,} Полн. Собр. Заk.

^{**** № 16.779,} Полн. Собр. Зак.

⁺ Именной указъ генералъ-прокурору, 11-го апреля 1791 года. № 16.957.

^{††} Севатскій указа, 17-го декабря 1791 г., № 17,005. . . .

Но какъ и прежде, кужде въ финансовыхъ средотвать, возрастающіе расхеды, дорона войны, требованнія новыхъ пожертвованій и новыхъ усилій, заставили правительство ототупить отъ плана 1786 года и заключить цѣмый радъ займовъ изъ ассигнаціоннаго бамка, всябдствіе которыхъ сумпаего, предназначавніяся, по плану графа Шувалова, или на погащеніе ассигнацій, или на какія-либо полезныя предпріатія, поступили вижесто того на удовлетвореніе государствовныхъ расходовъ.

Такъ уже въ 1787, 1788 и 1789 годахъ, правительство исгратило изъ предназначенныхъ на устройство иссковско-петербургской дороги 2.210.000 руб. * и взало изъ ассигнаціоннаго банка отложенныя на случай войны 15.000.000 руб. **

Въ 1789—92 годахъ опо употребило на покрытие государственныхъ расходовъ до 7.970.773 руб. поступившихъ отъ дворянъ въ уплату капитала и продентовъ по ваключеннымъ ими въ засиномъ банкъ займамъ и предназначенные по первоначальному банковому плану 1786 года къ уничтожению.

Въ 1790 году до 1.200.000 р. было взято въ государственное казначейство изъ капиталовъ банковыхъ конторъ, и до 6.160.000 руб. были заняты изъ сумим предназначавшейся къ раздачъ городамъ. Наконецъ въ течени 1790 — 93 годомъравными указами былъ разръшенъ новый выпускъ 20 милы руб. ассигнацій сверхъ стамилаюной пропорціи.

Съ другой сторовы, правительство мало-по-малу отсречивало уплату, какъ назначенныхъ по плану графа Шувалова къ возврату долговъ казначейства банку, такъ и новыхъ займовъ. Такъ, обратная уплата банку 6.000.000 р., которая должна была начаться съ 1789 г. по 1 милл. въ годъ, въ этомъ уже году была отложена до окончанія войны, а въ 1793 г. опать отсрочена на два года. Обратная уплата 15 милл. руб., которая должна была начаться по окончаніи войны и про-изводиться въ размъръ одного милл. въ годъ, была въ 1793 г., вновь отсрочена на два года. Уплата взятыхъ въ началъ 1790 г. изъ банковыхъ конторъ капиталовъ въ томъ же году была отложена до окончанія войны, и то же самое было предписано и относительно займа изъ суммъ предназначенныхъ

^{**} Укарь 80-го ная 1798 г. Поли. Собр. Зак., № 17.128.

^{*} Равчетъ при запискъ представаевной графонъ Озмойдовымъ графу Зубову, 31-го мая 1795 года. Изъ бумагъ Московскаго архива мивистерства имостранныхъ дълз.

на устройство между столицами дорогь и на раздачу городамъ. Наконецъ, въ началъ 1786 года предмолагалось также отпускать ежегодко въ уплату десяти-милліоннаго отвержденнаго долга государственнаго казначейства бакку по 300.000 руб. ассигнаціями въ теченіи 10 лѣтъ, послѣ которыхъ эта уплата должна была замъниться процентами со вновь предполагавшихся къ раздачъ 6 милл. руб., изъ числа имъвшихъ вступить въ теченіи того времени отъ дворанства обратныхъ платежей. Деньги вти однако, какъ мы видъли, потребовались на расходы по государственному казначейству. Потому указомъ 1793 года * отпускъ изъ казначейства 300.000 руб. быль продолженъ далъе первоначально предполагавшихся 10 лътъ, и притомъ повелъно было, въ видахъ подкръпленія бакковаго фонда, производить этотъ отпускъ не ассигнаціями, какъ прежде, а мъдною мокетой.

Такимъ образомъ къ 1794 году разчеты государства съ банкомъ находились, какъ видно изъ отчета представленнаго императрицъ генералъ-прокуроромъ графомъ Самойловымъ о государственныхъ долгахъ, изъ разчета приложеннаго къ отношению его на имя графа Зубова и изъ особаго разчета по банковомъ капиталъ", ** въ слъдующемъ видъ:

Старыхъ долговъ казначейства банку считалось.	
Aoarobs kaduneta	7.008.399 "
Довговъ въдомства князя Потемкина по управле-	
вію южными губервіями	7.65 0.000 "
Долговъ развыхъ казенныхъ месть	1.275.519.

Новых долгов казначейства:

(Сверкъ 50 милл. руб. прежникъ.)

Выпущенныя изъ ассигнаціоннаго банка по осо-	*		
бынъ указанъ	20.000.000 "		
Взвосы заемщиковъ заемнаго банка, вновь израс-			
ходованные на государственныя нужды	7.97 0. 773 "	76	k.
Преднавваченные къ обратной уплать въ банкъ,		-	
во вивсто того вновь истраченные			
Ваатые изъ капиталовъ банковыхъ конторъ	1.200.000 "		
Отложенные въ 1786 г. въ запасъ на случий вой-			
вы и израсходовавные	15.000.000 ,		

^{*} Именной указъ правлению банка, 30-го мая 1793 г., № 17.130.

^{**} Въ Московскомъ и С.-Петербургскомъ архивахъ.

Итого..... 125.074.691, 76 k.

Върность сего разчета подтверждается тъмъ что въ запискъ, представленной императрицъ графомъ Зубовымъ въ 1796 году Q средствахъ къ уплатъ внутреннихъ долговъ, число выпущенныхъ въ обращение ассигнацій показано во 150 милл. руб. Вычта изъ этой суммы до 25 милл. руб. находившихся, въ долгахъ на дворянствъ и городахъ и въ капиталахъ наличныхъ въ банкахъ и конторахъ, остальные 125 милл. р. и будуть составлять ту часть ассиенацій, которая была, ев разное время, выпущена на покрытие расходовъ правительственныхъ.

Въ отчетв о государственныхъ долгахъ представленномъ императрипъ, графъ Самойловъ предполагалъ немедленпо же запяться уплатой банку должныхъ ему и вновь выпущенных 20.000.000 руб. и стараго долга въ 50 милл. рублей. Для этой цели графъ Самойловъ предполагаль возстановить действіе установленняго въ 1786 году и нарушеннаго во время войны плана погашенія. посредствомъ взноса въ банкъ платежей поступавщихъ отъ заемтиковъ аворянъ и городовъ. Всафаствіе того положено было ежегодно выплачивать банку изъ штатной суммы до 2.500.000 руб. Но сверкъ того графъ Самойловъ предложилъ произвести погашеніе и вившнихъ займовъ, наложеніемъ налога на вино по 1 руб. на ведро. Долженствовавтая поступить, вследствіе того, сумма 4.971.955 р. предназначалась исключительно на уплату въ течени 15 леть 43 милл. руб. вившихъ долговъ. Но по мъръ уплаты сихъ долговъ, причитавшиеся по нимъ проценты предполагалось отдавать въ распоряжение банка, который и долженъ быль этими деньгами не только погасить вновь выпушенные 20 милл. руб., но и составить особый капиталь, чему должно было содыйствовать освобожденіе казны отъ военныхъ расходовъ и умноженіе доходовъ. Вместь съ темъ графъ Самойловъ делалъ и другія предположенія въ помянутомъ докладь: "Откладывая показанныя деньги, говорить онъ, не надлежить, однакоже, ихъ истреблять, а только хранить въ банкъ и въ народное обра-

Accuragiu sa naporsosanie Ekarepuna II.

тем выпускать, дабы още сседа были на лицо и ее сомостости на ссяки случай; ибо въ случав какой-либо пеобходимой надобности, лучше оныя употребить нежели внеть
прибавлять ассигнаціи, какъ прежде ділять принуждены были." Таковы были распоряженія сділанныя императрицей въ
конців ся царствованія съ цілью исполненія принятыхъ ся
правительствомъ относительно банковъ обязательствъ, таковы были надежды ся на будущіе болье мирные годы. Къ
несчастію, на ділів было не такъ. Съ новымъ царствованіемъ
наступили, вслідствіе новыхъ войнъ, еще большія ватрудненія для государственнаго жазначейства, и всів его средства
потребовались для покрытія военныхъ расходовъ. Начались
новые выпуски ассигнацій, а о погашеніи прежнихъ выпусковъ, конечно, уже не могло быть и річи.

А. КУЛОМЯИНЪ.

БЪЛЫЕ ГОЛУБИ*

XIII.

Еще въ Сибири Кондратій Селивановъ сказаль своимъ дътуткамъ, притедтимъ къ нему на поклоненіе изъ Сосновки: "когда вы чанъ слезъ наплачете, тогда Отецъ мой небесный меня къ вамъ отпуститъ; теперь еще не время, я долженъ исполнить приказъ Отца моего небеснаго." Это было не ранъе восьмидесятыхъ годовъ протилаго стольтія.

Чанъ слезъ не былъ наплаканъ, какъ Селивановъ другимъ ученикамъ, приходившимъ къ нему въ Иркутскъ, по словамъ одной скопческой пъсни, сказалъ:

Вуду, буду я въ Москву, Разговю вашу тоску; Вуду въ Питеръ во градъ, Утвержу васъ во оградъ. Миъ въ столицатъ поселиться, Чтобы съ важи веселиться На святыхъ божьихъ кругахъ, Во столичныхъ во трудахъ.

Въруя въ непреложность объщаній отца-искупителя, стаями поднялись бълые голуби изъ сель, изъ деревень и провинціальныхъ городовъ во срътеніе грядущему

Изъ восточныя страны Изъ Иркутскія.

^{*} См. Pycckiй Bacmнuks № 3.

^{**} Посланіє отща-искупителя. Въ немъ сказано, что скопцы пять автъ не имъли никакого слуха о своемъ отцъ-искупитель. Саъдовательно, первое свиданіе ихъ было не рамъе 1780 года.

Они селились въ Москвъ, а еще больше въ Петербургъ, стали заниматься торговлей, преимущественно золотыми и серебряными вещами, и размъномъ денегъ. При строгой бережливости, при скромномъ образъ жизни, скопцы скоро разбогатъли, и нъкоторые изъ нихъ сдълались значительными столичными капиталистами.

Въ Москву бълые голуби переселялись преимущественно изъ Тульской и Орловской губерній, * а въ Петербургъ

^{*} Въ Тульской губерній скопцы были въ следующихъ местахъ: въ городахъ Туль, Бълевь, Веневь, Ефремовь, Каширь (въ сельской подгородной слободь) и Новосиль: Тульского увяда, въ деревив Рожественкь; Алексинскаго, въ селахъ Алетиь, Поднокловь, Яковлевскомъ, Новояковлевскомъ, сельцахъ Костинъ, Романовъ, Азаровкъ, Карпищевъ, дереввякъ Вишевкакъ и Новоселкакъ; Бългескаго уъзда, въ деревняхъ Величкой, Кожуровъ, Черногрязкъ, Горбуновой, Писковатой. Бългевой и Семьеновой; Веневского убяда, въ селахъ Урусовъ, Брежневъ, Настасинъ, Баршинъ, Городентъ, Петровъ, Подаипкажъ, Крытовъ, Тепломъ и деревняхъ Салковъ, Княжовъ, Бундуковь, Прудахъ, Хлоповъ и Артемовкъ; Ефремовского уъзда, въ сель Каплинь; Каширского увяда, въ селахъ Масловь, (родина Александра Ивановича Шилова) Вослинкъ, Мартемьяновъ, сельцахъ Дапиловскомъ и Хлоповъ; Новосильского увада, въ свяв Нижней Залеготь и слободь Зарыкой. Хамсты не оскоплявшиеся: Алексинского увяда, въ сель Талежь, Веневского, въ сель Маныль и сельць Крытомъ, Каширскаго, въ сель Зайповь и деревнь Хлоповой.—Въ Орлосской губерніц скоппы находились въ городахь Ельць, Болховь и Кромахь; Орлоского увада, въ селахъ Краснопрудовкъ, Сергіевскомъ, Архангельскомъ, Очкахъ, Дурновъ, Никулить и деревняхъ Квасовъ и Щучьей; Болховского увзда, въ селахъ Парамоновъ, Бунинъ, Селеховъ, Смородивномъ, въ сельцъ Кокоревъ и деревняхъ Чашивъ и Улановъ; Джитровскаго увяда, въ селахъ Дубровкъ, Сумовъ, Вородинь, Волковь, Мощанцахъ, сельць Березовкь, въ деревнь Шариkunon; Елецкого узыда, въ сель Черпольскъ; Карачесского, въ деревиз Вогородинкой: Кромского, въ сель Кутафина, сельцахъ Жиратиль, Пузневь и Верхнемъ Оедотовь и въ деревняхъ Шаховь, Шаракиной, Гицушкъ, Оедотовой, Новой-Оедотовой, Череповой, Вильдожкь, Нижней Оедотовой, Волковой и Красовив; Ливенскаго увзда, въ селахъ Валовъ, Васильевскомъ, въ сель намъ неизвъствомъ, ваходящемся въ Должанской волости, въ сельре Петровскомъ, въ деревняхъ Дубровкъ, Кургинкъ, Николвевкъ; Малоарианзельсказо увяда, въ селахъ: Глимихъ Плотахъ, Вольшихъ Плотахъ, Нетрубежь, Лескахъ, Легостевь, Бублинь, Луковцахъ, въ деревнахъ Гриневка, Трооткахъ, Тельникской, Малыхъ Плотахъ, Игнатьевой,

изъ Сосновки, Моршанска и другихъ мъстъТамбовской губерни.*

Въ Москвъ бълые голуби нашли готовые корабли. Обнаруженная въ царствованія Анны Ивановны и Елизаветы Петровны хлыстовщина (квакерская ересь) не была искоренена. У Сухаревой башни продолжаль существовать домъ божій основанный христомъ Иваномъ Тимоесевичемъ; въ Ивановскомъ и другихъ монастыряхъ оставались последовательницы ученія людей божіихъ.

Спачала купецъ, потомъ капитанъ, Иванъ Максимовичъ Лугининъ (на Тульскомъ заводъ котораго скопили Кондратій Селивановъ вмъстъ съ Андреемъ юродивымъ) изъ своего московскаго дома сдълалъ скопческую "сіонскую горницу". Здъсь бълые голуби собирались для совершенія радъній, здъсь производились и оскопленія. Прикащикъ Лугинина считался главою московскихъ бълыхъ голубей. Самъ Лугининъ подозръвался въ принадлежности къ скопческой сектъ, и не безъ основанія. Дъйствительно, онъ былъ "скопецъ не оскопленный", то-есть хлыстъ. Весь домъ его былъ наполненъ хлыстами и скопцами. Чтобъ избавиться отъ подозрънія, капитанъ Лугининъ открыто содержалъ любовницу, которую знала вся Москва. Хитрость удалась: она избавила его отъ преслъдованій главнокомандующаго въ Москвъ фельдмаршала князя Прозоровскаго.

Способъ, употребленный коноводомъ московскихъ скоп-

Чашина, Густой, Долженкова и Подкопаевой; Миенского узяда, въ селахъ Золотарева, Арнаутова, Старожевомъ, Зміевскомъ, Новодицтріевскомъ и сельца Новой Слободка; Стеского узяда, въ селахъ Чемлижа, Залипаева и Новоямской слобода, въ деревна Фащевка и на Безугловомъ хутора, что близь деревни Юшиной. Хлысты не оскоплявнием, крема названныхъ селеній, были въ деревняхъ Мало-архангельскаго узяда, Непочатой и Саламатовка; скопцовъ здась замачево не было.

^{*} Въ Тамбовской губервіи скопцы были въ городахъ Тамбовѣ, Морманскѣ, Козловѣ и Усмави; Тамбовскаго уѣзда, въ селѣ Солдатской Вихляйкѣ и слободѣ Полковѣ; Моршанскаго уѣзда, въ селѣхъ Сосновкѣ, Верятинѣ, Атмановомъ Углу, Русскомъ, Аглеевѣ, Крюковѣ, Правыхъ Ламкахъ, Лѣвыхъ Ламкахъ, Рослаѣ, Дальней Дубровѣ и въ подгородной слободѣ города Моршанска; Козловскаго уѣзда въ селахъ: Дегтянкѣ, Стежкахъ, Малыхъ Пункахъ, Устъѣ и Новомъ Клекскомъ, Услансказе уѣзда, въ селѣ Верхней-Вайгорѣ и деревиѣ Вереввеговкѣ; Борисоллобскаго уѣзда, въ селахъ Уваровѣ и Шибраѣ.

повъ капитаномъ Лугининымъ съ пълью отвести глаза фельдмаршала, зорко смотръвшаго за мартинистами и другими тайными обществами въ Москвъ, послужилъ урокомъ "неоскопленнымъ скопцамъ" позднъйтаго времени. Главными распорядителями скопческаго братства нервако бывали и и теперь бывають не подвергнувшіеся уродованію. Ихъ иногда называли "духовными скоппами". Въ случав открытія скопческаго корабля, эти люди, чтобъ отвлечь отъ себя подозржніе, ссылались на то что имели любовниць: являлись женшивы и не по одной, а по дви и по три, признававшіяся въ связи съ руководителемъ скопческаго корабля: являдись лаже дъти рожденныя будто бы отъ незаконной ихъ связи. Другіе в'вичались въ церквахъ и "для видимости" жили въ одномъ домъ со своими женами, да кромъ того держали по квартирамъ на своемъ содержании женщинъ единственно ради отвлеченія отъ себя подозрівній правительства. Это самая обыкновенная уловка неоскопленныхъ скопповъ.

Разыскивая въ 1792 году въ Москвъ мартинистовъ, князь Прозоровскій узналъ о скопческомъ кораблъ Лугинина. Собравъ свъдънія, впрочемъ весьма поверхностныя, онъ написаль ко всесильному тогда Платону Александровичу Зубову, проса его доложить императрицъ и просить ея разръшенія какъ поступить: "приказать ли слъдствіе произвесть, или въ тайной экспедиціи, и что съ виновными въ томъ дълать, такъ какъ въ законахъ о семъ точнаго пътъ положенія". *Зубовъ не отвъчалъ. По крайней мъръ отвъта его князю Прозоровскому въ дълъ не сохранилось.

^{*} Дъло московскаго армива старыми дъли 22-го іюля 1792 г., по описи № 1. Вотъ письмо князя Прозоровскаго къ Зубову: "Милостивый государь мой Платонъ Александровичъ! Въ Москвъ, по достовърному освъдомленію, есть люди, наполненные весьма страннаго фанатизма и вреднаго общественнымъ правиламъ, которые дълмотъ себа скопцами и странную сію операцію производять раскаленнымъ ножомъ. Сколько здъсь таковыхъ глупцовъ замічено, прилагаю записку, а главный сему замодчикъ есть прикащикъ Лугинина, и сіл операція производится въ московскомъ домі Лугинина. Они жериньють связь съ С.-Петербургомъ и Тамбовомъ. Зло сіє довольно распространяется и въ Калужской губерніи: нашелъ я въ моихъ деревняхъ двухъ крестьямъ, которыхъ и отдалъ на рішеніе судебныхъ мість, и въ тамошнихъ шурина моего (княза Волконскаго) деревняхъ примічается ихъ піскольке. А какъ распространеніе сего зла

Кром'в дома Лугинина, московские скопцы въ конце прошлаго и въ начале нынешняго столетій собирались въ следующихъ домахъ:

- 1) купца Оедора Евсеевича Колесникова, жившаго съ братомъ своимъ, тоже скопцомъ, въ собственномъ домѣ, въ Мѣщанской части, въ приходъ Троицы что въ Троицкомъ.
- 2) купца Василья Жигарева, жившаго въ Рогожской части на Таганской улиць, у котораго всъ находившіеся въ услуженіи были оскоплены.
- 3) купца Андрея Тимоосева, жившаго за Серпуховскими воротами.
- 4) отставнаго солдата Александра Иванова, жившаго въ подмосковномъ селъ Черкизовъ.

Во всекъ этихъ домахъ производились оскопленія, почему

весьма безполезныя влечеть за собою для государства последствія, то весьма нужно опое пресвиь а наплаче источникъ опаго истребить. Но я, не начиная сафдствія, за лучшее разсудиль уведомить ваше превосходительство и покоривите просить васъ, милостивый госудерь мой, чтобъ изволили доложить ся императорскому величеству, какъ повелено будетъ ине въ семъ случае поступить: приказать ли следствіе произвести, или въ тайной экспедиціи, и что съ виновными въ томъ сделать, такъ какъ въ законать о семъ точнаго петь положе-Ожидать буду на сіе рашенія вашего превосходительства, з между твиъ и при семъ случав упомяну о истинномъ моемъ почтеніи и таковой же предавности, съ коими я есмь, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга князь Александръ Прозоровскій. Ізоля 22-го 1792 года. Петровскій дворецъ. Далве въ две ль московскаго архива старых в двля 1792 г. № 1 читаемъ: .0 начальникать опой секты, кто ся сектаторы, достоварно знать нельзя, потому что въ дом'в онаго Лугинина, кром'в двукъ скопцовъ, викого нътъ, а самъ на заводъ. Потомъ: "Скопры дому отставнаго капитана Ивана Максимова Лугинина, который прежде быль тульскій купець: Марко Екушовъ конторщикъ и Семенъ Ивановъ дворникъ — вдъсь въ домъ; Романъ Шеметовъ поваръ — въ заводать съ бариномъ, Григорій Шеметовъ-въ Петербургь, Наумъ Васильевъвъ отлучкъ, Антипъ Григорьевъ — въ Туль на фабрикъ, Демидъ Астаховъ-въ Тулъ на фабрикъ, Евдокимъ Богатыревъ-въ Тулъ на фабрикъ. Той же секты, князя Волконского крестьяне, Михайло Өедоровъ съ братомъ-портные. Самъ капитамъ Лугинимъ скопецъ au? Не скопедъ, а имъетъ на содержании дъвку. Изъ названных скопдовъ Шеметовъ, Астаковъ и Богатыревъ въ посаваствіи были богатыми людьми въ Петербургъ.

названные домохозяева и назывались въ средв былыхъ голубей "мастерами". У Колесникова была главная молекная. Она была устроена подъ поломъ, и дневнаго свъта въ ней никогда не бывало. Налъ втою vстроенъ былъ горнъ или большая печь, въ которой раскаляли скопческій ножь, называемый "булатнымъ мечемъ"; въ ней же сожигали тъла тъхъ, которые, не перенеся оскопленія, умирали. * Колесниковъ былъ очень богатый купецъ, овъ торговалъ преимущественно пущнымъ товаромъ. Его знали наследникъ престола Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна, знала и сама императрица. Находился ли онъ въ какихъ-либо сношеніяхъ съ мартинистами. не знаемъ, но князь Прозоровскій въ 1792 году доносцаъ что онъ изъ числа масоновъ и придерживается правиламъ близкимъ къ масонству. Екатерина поэтому и называла Кодесникова масономъ. Названіе это такъ и осталось за нимъ. Въ последствии его даже въ офиціальныхъ бумагахъ называли Масоновымъ. Выше было сказано, что этотъ Колесниковъ вздилъ въ Сибирь, и возвратясь оттуда, сказалъ Павлу Петровичу, уже императору, о Селивановъ, котораго называють Петромъ III. Сказано было и о томъ какъ Колесниковъ попалъ въ Шлиссельбургскую кръпость. По освобожденіи онъ поселился въ Москвъ и жилъ въ ней безвытьздно, съ каждымъ годомъ наполняя свой корабль новыми "убъленными", для чего прибъгалъ даже къ насиліямъ. **

^{*} Дъло московскаго губерискаго архива старых в дъль объ открывшихся въ Москов скопуахъ, 1806 г., № 14.

^{**} Въ 1806 году коллежскій совътникъ Александръ Сухово-Кобылинъ представилъ при объявленіи въ московскую полицію крестьянина своего, Ярославской губерніи, Романовскаго увзда, деревни
Грязновки, Сергъя Михайлова Салтыкова, назначеннаго имъ за
дурное поведеніе къ отдачь въ военную службу. Салтыковъ оказался оскопленнымъ. Ему было тогда 27 льтъ, онъ былъ женатъ,
имълъ сына и дочь. Онъ разказалъ московскому военному губернатору Беклешову слъдующее: "по торговат познакомился онъ въ
Москвъ съ купцомъ Оедоромъ Евсеевымъ Масономъ. Прітхавъ въ
1808 году изъ Петербурга съ пушнымъ товаромъ отъ сьоего ховачна, петербургскаго купца Григорья Алексъева, Салтыковъ былъ у
Масона, и этотъ сталъ уговаривать его "убълиться". На вопросы Салтыкова что значитъ убълиться, Масонъ, объщая изъяснить это, пригласилъ его къ себъ въ домъ. Это было около

Въ Ригь скопческій корабль, основанный Александромъ Шиловымъ во время заключенія его въ Динаминдской кръпости, состояль преимущественно изъ солдать мъстнаго гарнизона и квартировавшихъ въ городъ войскъ. Онъ собирался въ домъ скопца чиновника 14 класса Михаила Антоновича Пищулина. Этотъ Пищулинъ, служившій въ рижской полиціи надсмотрщикомъ за дорогами и мостами, по переводъ Шилова въ Шлиссельбургъ, сдълался кормщикомъ рижскаго корабля. Домъ Пищулина находился въ Московскомъ

Успеньева для (15-го августа) 1803 года. Масонъ всегда произносиль духовныя слова, говоря Салтыкову: "надобно уподобиться ангедамъ безплотивны и для того умертвить свою плоть и очистить чувствія". Поэтому я и обольстился, разкавываль Салтыковь, тамь 60аве, что прежде отъ родителей быль всегда водимъ въ набожности. Повтому я съ охотою помель къ Масоку. Масокъ, когда примель къ мему Саатыковъ, какъ человъка заъзжаго, уговаривалъ его остаться у него ночевать. Салтыковъ согласился. Весь вечеръ хозяннь уговариваль своего гостя убълиться, говориль много изъ Священнаго Писанія, и по слованъ Святыкова, "пророчествоваль неудобоповятное, что меня весьма смущало". Посль того они пили кофей и ужинали. Въсамую полночь, продолжаль Салтыковъ, Масонь повель меня вътакъ-называемую моленную, которая у него подъ поломъ въ земля, и въ которой двевнаго свъта не бываеть. Туть было въ собраніи мущинь и женщинь человъкь до пятидесяти, всь въ длинныхъ бълыхъ рубашкахъ. Масовъ совершиль обрядь своего служенія, вертясь одинь по середина компаты до усталости, между тамъ какъ другіе сидали вокругъ на стульяхь, ударяя въ то же время ногами по полу, а руками по кольнямь "въ означение первымъ пребывания Христа вездъсущаго, а прочихъ окружающихъ его топаніемъ и плесканіемъ летанія ангедовъ и Святаго Дука вокругъ него. При чемъ онъ, упоясь, якобы Святымъ Духомъ, паки пророчествовалъ". После того женщивы и кекоторые мущины вышли изъ моленкой, осталось въ ней восемь человъкъ. Масонъ сталъ повторять Салтыкову, что ему надо убълиться, з Салтыковъ опять спрашиваль: что это вкачить? Масокъ сказаль: "теперь-то и настало время узнать", и вельль ему раздываться. Салтыковъ едва успълъ спросить: для чего? какъ его скватили, одинъ скватиль его сзади, другой завязаль платкомъ глаза, а роть зажаль подушкой. Туть его и оскопили раскаленными ножомъ.... "Я быль безъ чувствъ около трекъ часовъ и за темъ былъ боленъ восемь дней, продолжаль разказывать Салтыковъ. Въ ето время Масонъ и брать его Тимоеей уговаривали меня дать присягу принять ихъ въру и викому объ никъ не открывать. Въ такомъ только случат, говорчач ови, рана заживеть, инэче ты укрешь. Вывь въ неспосной тоски и

форштать, на Каменной улиць у Каменнаго столба. Кромь его, въ Ригь скопцы собирались въ домъ тамошнаго купца Ивана Васильевича Мацкова, на улиць Романовкь, и у богатыхъ мъщанъ: Емельяна Пахомова и Якова Яковлева. *

Это были самые больше скопческие корабли того времени, но главнъйшій находился въ Петербургъ. Онъ образовался въ послъднихъ годахъ прошлаго стольтія, преимущественно изъ сосновокихъ и моршанскихъ выходцевъ. Петербургскій корабль особенно усилился съ 1797 года, когда скопцы заключенные въ кръпостяхъ и сосланные въ Сибирь по повельнію императора Павла Петровича получили свободу, кромъ повредившихся въ разсудкъ. Они собрались въ Петербургъ, ожидая обътованнаго пришествія отца-искупителя. Искупитель, какъ мы знаемъ, не замедлилъ.

Во главъ петербургскаго корабля стояли Сидоръ Яковлевичъ Ненастьевъ и братъ его Иванъ. Не знаемъ откуда они родомъ, но въ началъ нынъшняго столътія принадлежали они къ купеческому сословію Выборгской губерніи, тогда входившей еще въ составъ Имперіи. Сидоръ Ненастьевъ, его жена, особенно же дочь его дъвица Въра Сидоровна были люди благочестивые и чрезвычайно набожные, усильно искавшіе духовнаго свъта, возрожденія и спасенія и дошедшіе до хлыстовщины. ** Семейство Ненастьевыхъ дошло и до скопчества.

сильномъ страхъ, а принялъ ихъ присягу.... Салтыковъ упомянулъ что овъ не разъбывалъ свидътелемъ скопленій. Во всякое воскресенье и торжественные праздники, говорилъ овъ, товарищество сходится въ моленную, и по большей части бываетъ всякій разъ скопленіе, не только одному, но неръдко двумъ и тремъ человъкамъ. При мит оскопляли въ Москвъ у Масона одного, въ Петербургъ у Кострова дважды, въ Ригъ у Пищулина одного. Сказалъ Салтыковъ и про отца-искупителя: "въ Петербургъ, говорилъ овъ, находится первый или глава ихъ секты, подъ именемъ Петра Федоровича, называющагося государемъ, Іисусомъ, сыномъ божіимъ, который иногда живетъ у купцовъ Ненастьевыхъ, Кострова и Огородникова, а временемъ неизвъстно глъ. «

^{*} То эбе доло. Въ 1844 г. скопецъ Пищуливъ уже въ чинъ губериского секретаря служилъ смотрителемъ казармъ въ Гатчинъ.

^{**} Такъ выражается о нихъ г. Сушковъ со словъ московскаго митрополита Филарета, коротко и близко звавшаго петербургскихъ хаыстовъ и ваходившагося съ мъкоторыми изъ вихъ (квазенъ А. Н. Голивывымъ, тайвынъ совътвиконъ В. М. Поповынъ, А. О. Лабзивынъ и др.) въ дружескихъ отношеніяхъ. Сушкова Записки о убизни и времени сватителя Филарета, житрополита московскаго, стр. 75

Не знаемъ навърное, былъ ли убъленъ Сидоръ Яковлевичъ, но въ его домъ происходили радънія съ участіемъ бълыхъ голубей, въ его домъ долго жилъ Кондратій Селивановъ, въ его домъ производились оскопленія. "Благочестивое" семейство Ненастьевыхъ находилось въ близкихъ сношеніяхъ съ набожными монахами Александро-Невской лавры, Зеленецкаго и другихъ монастырей, гдъ также появилась хлыстовщина и даже скопчество. Имъло это семейство короткія знакомства и съ набожными людьми высшаго сословія. Въра Сидоровна въ послъдствіи сдълалась пророчицей въ хлыстовскомъ корабль, образовавшемся въ Михайловскомъ дворцъ, что нынъ Инженерный замокъ. Самый корабль г-жи Татариновой, по свидътельству г. Сушкова, писавшаго по словамъ Филарета митрополита московскаго, произошелъ изъ корабля Ненастьевыхъ.

Корабль Ненастьевых находился въ собственномъ домъ Сидора Яковлевича въ Староконюшенной улицъ (нынъ Басковъ переулокъ) близь артиллерійскихъ казармъ. Послъ Ненастьевыхъ домъ этотъ принадлежалъ Брилину. Кому теперь принадлежить не знаемъ. *

Скопческій корабль въ Петербургь собирался еще въ дом'в купца изъ бълыхъ голубей Андрея Ивановича Кострова. Костровъ былъ женатъ (для вида) на Афросинъъ Софоновнъ, меньшой дочери "Андрея Первозваннаго" (такъ скопцы величали первооскопившагося сосновскаго крестъянина Софона Авдъева Попова, по освобожденіи изъ заточенія сдълавшагося инокомъ православнаго Зеленецкаго монастыря). На ея имя и домъ былъ записанъ. Онъ петербургскими хлыстами и скопцами назывался "Рождественскимъ монастыремъ". Сюда неръдко прівъжала изъ Моршанска переселившаяся туда послѣ ссылки отца старшая сестра ея Анна Софоновна, считавшаяся богородицей.

Кромъ того, въ Петербургъ бывали собранія людей божіихъ и бълыхъ голубей въ домахъ Алексъя Даниловича Огородникова, Красниковыхъ, Артамонова и Добрецова. Всъ они сами были скопцы.

^{*} Вз двию москоскаго аржиса старым двия, 1806 г. № 14, сказаво что домъ Ненастьева быль у Шести Лавочекъ, то-есть бливы пыньштей Надеждинской, прежде Шестилавочной улицы. Басковъ переулокъ пересъкаетъ Шестилавочную или Надеждинскую улицу.

Въ то время скопцовъ только извъстныхъ крестьянину Салтыкову въ Москвъ, Петербургъ и Ригь было тысячъ ло пяти. А сколько было ему неизвъстныхъ? Сколько было ихъ по аругимъ мъстамъ: въ Кронштадтъ, въ Тамбовской губерни, въ Орловской, въ Тульской, въ Калужской и въ другихъ?

XIV.

Съ петербургскими хлыстами и скоппами въ посмъдкихъ годахъ прошавго стольтія сбливился Алексьй Михайловичь Елепскій. Родомъ Полякъ, камергеръ последняго польскаго кородя Станислава Понятовского, онъ после третьяго раздела Польши быль, въ 1794 году, переименованъ въ статскіе совътники русской службы и получиль пенсію въ пятьсоть рублей изъ кабинета. Сумма по тому времени довольно значительная. Не знаемъ быль ли онь до того православнымъ или приняль наше исповъдание сявлавшись уже русскимъ статскима совътникома, но къ началу пыпвинято стольтія паходимъ его не только уже православнымъ, но и живущимъ въ Александро-Невской лавръ, въ особой квартиръ, отведенной ему митрополитомъ Амвросіемъ. * Русскимъ языкомъ владълъ онъ совершенно, какъ увидимъ изъ приведенныхъ ниже отрывковъ его сочиненій. Когда и при какихъ обстоятельствахъ поступиль Еленскій въ скопчество, не знаемь, по въ началь ныньшило стольтія опъ быль уже самымъ видкымъ, самымъ почеткымъ и самымъ вліятельнымъ членомъ петербургскаго корабля. **

[•] Самого Амеросія ужь ни въ какомъ случать нельза заподозрить въ сочувствіи къ какой бы то ни было мистической или тайной секть. Это быль человъкъ совствъ другикъ свойствъ. (См. мою статью Изъ прошлаго, напечатанную въ № 4 Русскаго Вистичка за 1868 годъ.)

^{**} Катерина Филипповна Татаринова, урожденная Букстевденъ, основательница жамстовского корабля въ Михайловскомъ дворцъ, совратилась въ клыстовщину изъ лютеранства въ западныхъ губерніяхъ (Гродненской и Виленской) гдъ мужъ ел, служившій въ веснной службъ, стояль съ полконъ. Племянникъ ел мужа (сынъ его сестры) Полякъ, маіоръ, а потомъ статскій совътникъ Мартынъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій, находившійся въ корабль своей тетки, быль изъ Гродненской губерніи. Вдова маіора польской службы Анна Францъ, находившаяся въ томъ же корабль, была изъ Вилен-

Когда Селиванова привезли въ Петербургъ, скопцы обоаридись и пришли въ сильное движеніе. Обътованіе отцаискупителя исполнилось, онъ воротился къ своимъ дѣтушкамъ, онъ воскресъ. Въ цухтгаувъ Обуховскаго дома Селивановъ принималъ ихъ посъщенія, здѣсь познакомился съ нимъ Еленскій, увъровалъ въ его божественность, и оскопившись, самъ сталъ скопить членовъ петербургскаго корабля. Его стараніямъ, его проискамъ Кондратій Селивановъ былъ обязанъ освебожденіемъ изъ богадѣльни Смольнаго монастыря.

Селивановъ жилъ спачала въ домъ Непастьева. Здъсь на радъніяхъ стали отдавать ему божескія почести. Настало влавтое время воскресеніа", говорили бълые голуби.

Подинія знала обо всемъ что двавется въ дом'в Ненастьева, знала что тамъ живеть прощеный ссыльно-каторжный, котораго считають живымъ богомъ и императоромъ Петромъ III. Она зназа что число бламкъ голубей съ кажаниъ годомъ значительно умножается въ Петербурга, что въ Кропштаать образовася аругой корабаь, находившійся въ зависимости отъ петербургскаго и считавтий въ числе своихъ членовъ не только матросовъ, но даже офицеровъ. Никакихъ однако мъръ для пресъченія распространяющагося зав предпринимаемо не было. Въ то время еще не существо-BAIO RUKAKUXE VSAKORORIŪ NDOTUBE CKONVECTBA, RA BTV CEKTY смотрван списходительно, на основании привична въротерпимости въ саныхъ широкихъ размерахъ. Императоръ Алексанаръ Павловичъ, въ началь своего парствованія, желаль религіозныя заблужденія устранять единственно мірами кротости, мърами церковнаго навиданія, убъяденія, вразумиепія и предоставиль это дело духовенству. Но духовенство оказалось двятельнымъ и строгимъ лишь въ отношеніи поповщины, секты самой близкой къ перкви, не хотввшей

ской губеркіи. Елекскій быль оттуда же: ближайшіе его родственники владъли имъкіями Глилушка и Великій Дворь въ Вилекскомъ, Оквисты въ Вилькомірскомъ, Резге въ Ковенскомъ уъздахъ и другими. Можетъ-быть, Еленскій еще на своей родинъ вступиль въ сектаторское общеніе съ названными лицами и одновременно переселился съ ними въ Петербургъ, гдъ сошелся съ Ненастьевыми, а посредствомъ ихъ и съ Кондратьемъ Селивановымъ, и затымъ сблизиль Въру Сидоровну Ненастьеву съ своею теткой Татариновой.

только зависимости своихъ поповъ отъ православныхъ архіереевъ. Чемъ более удалялась отъ православнаго ученія какая-либо религіозная секта, темъ большею снисходительностью она пользовалась. Хлысты и скопцы, какъ усераво исполняющіе обряды православной перкви, какъ шеломе прихожане, укращавшіе перкви иконостасами и колоколами и платившіе священникамъ за требы большими суммами, считались усердными сынами православія. Въ духовенства. особенно изъ высшихъ лицъ, они постоянно находили защиту. Хлыстовщина и даже скопчество процебтали въ самихъ монастыряхъ. Въ разныхъ местахъ Россіи священники и іеромовахи уклонялись въ хлыстовщику, ивые даже скопиаись. * Скопецъ и скопитель камергеръ Еленскій пользовался квартирой и содержаніемъ въ Александро - Невской лавръ, и живя подъ самыми митрополичьими покоями писаль свой проекть объ учреждени въ Россіи есократическаго правленія, съ темъ чтобы скопческіе пророки возвышали императору и правительственнымъ лицамъ волю самого Бога. При такомъ положени дълъ нечего было и думать о ръшительныхъ мерахъ къ пресечению зла, распространявшагося съ каждымъ годомъ... "Какъ уже по иногинъ опытамъ ивваство, писвать въ июне 1806 года министръ внутреннихъ дваъ, графъ Кочубей, московскому военному губернатору Беклетову, что заблужденія сего рода формальными следствіями и публичными наказаніями не только не пресыкаются, но и болье еще усиливаются, то и найдено болье удобныйтимъ употребить прежде всего кроткія средства: убѣжденія и вразумаенія.* ◆

Такое списхождение правительства бълые голуби объясняли особымъ покровительствомъ ихъ сектъ императора Александра Павловича. Въ одной скопческой рукописи такъ говорится о царствовании втого государя: "Во славной России красно солнышко появилось и вся вселенная удивилась

^{**} Отношение жинистра внутренник дъл графа Кочубея къ генералу от инфантерии Беклешову 5-го июня 1806 года, № 430, къ дълъ московскаго архива старык дъл, 1806 г., № 14.

[•] Не далъе какъ въ 1867 году всъ иноки Святогорскаго монастыра Жарьковской епархіи, считавшіеся самыми благочестивыми и набожными, оскопились.

что оно (солнышко, то-есть императоръ Александръ Павловичь) чудо творило, съ сыномъ божьимъ говорило (въ Обуковскомъ домъ). Скоро радость намъ сотворится со восточной стороны.... Скоро намъ другая такая радость сотворится: со восточной стороны сынъ божій прикатится въ завтой колесницъ, а вокругь райскія птицы распъвають тостю дорогому пъснь нову."

XV.

Злоупотребляя снисходительностью правительства, петербургскіе скопцы затвяли такое дівло, предъ которымъ бліванівоть всів дикіе вымыслы ихъ о сынів божіемъ Петрів III. До сихъ поръ сказки ихъ о Кондрать Селивановів не выходили изъ ихъ кораблей, сохранялись въ большой тайнів, такъ что вновь поступающіе въ ихъ общество не вдругь ихъ узнавали. Теперь скопцы замыслили поставить своего отца-искупителя во главів правительства Русской имперіи, съ тівмъ чтобъ императоръ Александръ Павловичъ, оставаясь въ санів верховнаго правителя, дійствоваль бы не иначе какъ по велівнять самого Бога, который будетъ прорекать волю свою устами скопческаго "настоятеля, боговдохновеннаго сосуда, въ которомъ полный Духъ небесный Отцомъ и Сыномъ присутствуетъ" (то-есть Кондратья Селиванова).

Первые годы нынъщняго стольтія были годами внутреннихъ преобразованій. Старыя учрежденія петровскія и екатерининскія упразднялись, на мъста ихъ являлись новыя министерства, совъты, канцеляріи. Самъ государь принималь личное участіе въ преобразовательныхъ работахъ, раздъляя труды съ молодыми любимцами своими: гр. П. А. Строгановымъ, Н. Н. Новосильцевымъ и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ главнымъ дъятелемъ былъ Сперанскій. Было общее убъжденіе что на втомъ дъло не остановится, что будутъ измънены самые основные законы государства. Новосильцевъ, живтій передъ тъмъ долгое время въ Англіи и изучившій тамошнее государственное устройство, сгремился ко введенію его въ Россіи. Императоръ Александръ Павловичъ раздълялъ его мнънія, но

желаль чтобъ измънение государственнаго строя произопло постепенно. Объ втомъ знали въ Петербургъ и по провиндіямъ, и разными лицами присылаемы были Новосильцеву проекты о новомъ государственномъ устройствъ. И вотъ, въ числъ такихъ проектовъ, въ мартъ 1804 года онъ получилъ проектъ Елепскаго, объ учреждении "божественной канцеляріи" и объ установленіи въ Россіи веократическаго правленія, причемъ бы скопческіе и хлыстовскіе пророки, какъ пророки дней Израиля, были посредниками между Богомъ и русскимъ императоромъ. При проектъ представлена была особая рукопись подъ заглавіемъ: Извъсстіе на челъ скопчество утверуєдается.

Мысль введенія въ Россіи скопческо-веократическаго правленія едва ли принадлежала самому Селиванову. Ему въ то время было уже семьдесять пять льть, онь быль старикь вялый, неповорогливый, больной, лежаль больше въ постели, ни на сколько не имълъ энергіи и при томъ былъ близокъ къ помъщательству. Ему ли быть изобрътателемъ такого проекта? Въроятно, эта затъя принадлежала Еленскому. Человъкъ образованный, начитанный, знавшій, какъ видно изъ его сочиненій, Священное Писаніе, имъвшій по своему камергерству довольно видное положение въ высшемъ обществъ, провеля съ Селивановымъ болве полутора года въ постоянныхъ, ежедневных почти сношеніях в. Еленскій увироваль ви его святость, въ его божественное происхождение и вздумаль поставить его во главъ правленія. Селивановъ и теперь, какъ и въ последствіи, быль только игралищемь върукахь ловкихъ нодей. Впрочемъ, нельзя полагать чтобъ Еленскій писалъ свое Изстшение съ какою-нибудь лукавою пелью. Искренность его трактата не подлежить сомнънію. Увлекшись мистицизиомъ и дойдя до хлыстовишны, даже до скопчества, онъ быль убъжденъ въ божественности Селиванова, и что ни писалъ, писалъ искренно. На его проектъ надо смотреть какъ на плодъ разстроеннаго мистицизмомъ духа, а не какъ на обманъ.

Какъ бы то ни было, въ началь 1804 года проектъ былъ написанъ, а въ марть, черезъ Новосильцева, представленъ императору Александру Павловичу. *

^{*} Вотъ письмо Еленскаго къ Новосильцеву, при которомъ онъ представилъ свой проектъ: "Ваше превосходительство, милостивый

Digitized by Google

Елепскій имъль въ Петербургъ связи съ нъкоторыми амцами тогданняго высшаго общества, особенно съ тъми что подпали вліянію бывшаго тогда въ модъ и съ каждымъ годомъ усиливавшагося мистицизма. Онъ близокъ быль и съ масонами. Кажется, были люди и не принадлежавшіе къ хамстовщинъ или къ скопчеству, которые смотръли на затью Елепскаго не какъ на сумасбродство. Въ письмахъ мистиковъ того времени, вовсе непричастныхъ къ хлыстовско-скопческимъ кораблямъ, встръчаются мысли о есократическомъ образъ правленія.

Въ Извъстии на чемъ скопчество утверусовется Еленскій старается доказать что хлысты и скопцы суть истинные христіане, сохранивтіе все преподанное Іисусомъ Христомъ, между тымъ какъ прочіе называющіе себя христіанами, отверглись живаго Бога, отверглись Духа и все основывають на мертвыхъ киигахъ, на преданіяхъ и обрядахъ. Мысль та же что была высказана еще саваовомъ Данилой Филипповичемъ. Вотъ выдержки изъ Извъстів камергера Еленскаго:

"Первоначально, избранный народъ Божій, Евреи, правимъ былъ самимъ Господомъ, изрекавшимъ волю свою устами пророковъ. Такъ было при Моисев, при судіяхъ и при царяхъ израильскихъ. Между тымъ написались книги, усилилось священство и пренебрегло пророками. Тымъ отвергло оно гласъ небесный, довольствуясь однъми книгами Моисевыми и пророческими, составило законы, обряды, уставы и приняло за правила преданія отцовъ. Это дылали священники для достиженія чести и славы, отметая славу

государь! Предстою вамъ, яко таинственно возрожденному и по сердцу цареву избранному мужу, поднося сокровище таинственное на прославление истины Господней и на возвышение возлюбленнаго отечества, Россъ Мосоха именуемаго, а самъ для себя ожидаю или Данила пророка участи многотрудной, или Іереміи печальной, либо Іоанна Крестителя скоро отрадной, однако неустрашимо тайно, въ тайну цареву проливая, на десницу вашего превосходительства посягаю, яко желаю быть вашего превосходительства, милостивъйшаго государя, преданнъйшимъ слугою, Алексъй Еленскій, марта дня 1804 года. Это письмо, равно какъ и двъ записки представленныя Новосильцеву Еленскимъ, напечатаны въ 4-й книжкъ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей на 1867 годъ. Принадлежащій мнъ списокъ (полученный въ 1852 году отъ покойнаго Надежация) нъсколько короче напечатаннаго.

Бежію; когда же явалансь глаголявшіе Духонъ Святынъ пророки—ихъ гнали и убивали. Изранаьское священотво вознеслось, и архіерен стали править народомъ іудейскимъ безъ
небесныхъ вождей (пророковъ) и безъ земныхъ царей. Изранаь аншился живаго Бога. Стали руководствоваться однёми
квигами закона, вся въра заключилась въ одномъ обрядъ....
Тогда Отецъ свътовъ, видя на земли гладъ слова Божія, посладъ въ міръ Сына своего Інсуса Христа. Своимъ ученіемъ
Сынъ Божій освободиль людей отъ суетныхъ отеческихъ преданій, отъ обрядовъ, отъ суевърія, отъ невърія, отъ плотоской жизни по Адамъ, отъ наружной мудрости, отъ плотоской жизни по Адамъ, отъ наружной мудрости, отъ плотоской жизни по Адамъ, отъ наружной мудрости, отъ плотоской жизни по Адамъ, отъ наружной мудрости. Ото вмънилъ,
говора: "Кто есть мати моя, и братія моя и сестры? Сіи, иже
"слушаютъ слово Божіе и сотворять е." Онъ же сказаль: "Со"блазняющіе уды отстки"....

"Наученные самимъ Богомъ, истинные христіане отъ временъ апостольскихъ скрывали пророчество въ тайнъ. Въ ихъ собраніяхъ былъ тотъ порядокъ, что предписанъ апостоломъ Павломъ въ 14 главъ перваго посланія къ Коринеанамъ. Такъ и нынъ это бываетъ въ нашей тайной угркои, гдъ хранится Новый Завътъ не письменный, но духовный, ибо письмо

убиваетъ, а Духъ животворитъ, по слову апостола.

Mekay rang xpuctiane, npubukmie ka ofpagana nipokuna. идолопоклонническимъ, и сами какъ древніе Евреи стали составлять обряды и основывать двла въры на законъ, а не на Духъ. Такимъ образомъ они во всемъ уподобились древнему Израилю—лишились живаго Бога, лишились гласа небеснаго устами пророческими возващающаго, лишились таинствъ Святаго Духа, стали водиться книгами, а не Духомъ.... Священники простими в простими в постоловъ, но дълами чужды имъ. Опи уподобились жредамъ, книжникамъ и фариселмъ, кои взяли ключъ разумънія, сами въ паретво Божіе не входили и входящить запрещали внити. Такъ низко и денево сделалось христіанство, что теперь всв богоотступники и завішіе міра любители, блудники, пьяницы, христівнами нарицаются, а сначала христіане были подъ названіемъ "святые" и "сынове Божіи" нарицались. Удалясь живой съ делами веры, стали довольствоваться обрядами, преданіемь святыхь отець, дабы какъ можно побольше читать книги, сделали духовный законъ. матинальное моленіе. И все то основано соборами на клятвахъ. Отъ сего санъ церковный, то-есть духовенство, только одежлами отличается отъ міра.

"Мы, истинные последователи Христу (то-есть скопцы и камсты)—родь избрань, царское священіе, языкъ свять, люди обновленія, Бога боящісся, царя почитающіе, властямъ по-коряющіеся, воздающіе дани и оброки и исполняющіе рачительно службы яко на деле видеть можно, не воздаемъ зло за здо, ниже досажденіе за досажденіе.... Общество наше возрастаєть на истинныхъ словахъ Христовыхъ: "Никто же

"пріцаєть ко Мив, аще не Отець Мой пебесный привлесеть."
Тако собраны оть всвях странь земли не человівнами, но самимь Святымь Духомь: "Духь, идіже хощеть, дышеть, и "пась его слышите, но не вісте, откуда пришель и кано "идеть"; тако и человівкь оть Бога рожденный. Чиновный и простой—вси единочадны Отца Світовъ Господомъ Інсусомъ Христомъ, и такъ покорены волів Отца пебеснаго, яко никто имущество свое своимъ именуеть, но вся Бога Отца, а не наше". И ежели есть что чистаго и цівломудреннаго, то также не наше, а Божіе дійствіе, а наши собственныя только слабости и немощи, которыми во плоти обложены есмы. Наша должность отдать себя на волю Божію, а его сила въ немощіхъ нашихъ совершаєтся.

"Сбираясь на слово Божіе, стараемся быть всё примиривмісся Богу въ единов'вріи и единодуміи, въ амбви нелицем'врной, въ простот'в сердца. О чемъ молимся никогда напередъ не внаемъ, но Духъ Божій за кого и какъ молиться и поститься прикажетъ, то только и стараемся сердечно воздыханіями неизглаголанными исполнятъ. Обрядное же моленіе не есть въ употребленіи. Книгъ никакихъ не употребляемъ, по ихъ не чуждаемся; ибо разум'вемъ, что всё книги написаны тымъ Духомъ Святымъ, который съ нами есть. А онъ, истинный, самъ живая книга, а въ книгахъ Духа н'ятъ, тамъ бумага и чериила. Мертвыя буквы ради мертвыхъ книжниковъ и фарисеевъ. Всё книги не ради Бога, по ради челов'вковъ, а челов'якъ

долженъ быть книга Божія.

"Запимаемся таинственными псаамами, пъніемъ сіонскихъ пъсней, кои на земать чуждей не поются: тимпаны, гусли, струны и органы подвигаемъ яко Давидъ предъ кивотомъ Гооподнимъ былъ скачущій, и играющій, и плясающій, а когда Мельхола безумная посмъялась, то опъ и паче скакаше и играме. Такъ и нынть та же Мельхола смъстся намъ и вопоситъ, а рабы Божій въ дому Давидовомъ и паче скачутъ и играютъ, яко младенцы благодатные, пивомъ повымъ упоенные.

Пасха всечествая съ нами всегда пребываетъ.

"Да и то есть въ міріз яко на кроткаго Давида и избраннаго по сердну мужа и царя Израильтавъ простой мужикъ,
Семей, каменіе мещетъ и ругаетъ, и поноситъ. Но той же
избранный Давидъ, который умітетъ грізки давитъ, миме
идетъ и молчаливо терпитъ. Терпізнія потребу имите, да волю Божію сотворите. Ність Богь въ разживаніи, ність Богь
въ гордости, ність Богь въ пьянстві, въ сквернословіи и
буесловіи, но въ Дусіз тонкомъ и чистомъ. Тамъ Богъ пребываетъ и благодать его святая почиваетъ. А въ доказатемство: приходили ко Христу всіз окаянные грізтники, но познавши его и услыхавши о единомъ крещеніи во оставленіе
грізковъ, не обратились въ прежнія діла свои, но во святости
пребывали, подражая своему Учителю. Павелъ апостоль еще
сильнів подтверждаетъ, говоря: "аще ніжій брать именуемъ

"будеть баудникъ или аихоимецъ, или идолослужитель, или "ассадитель, или піаница, или хищникъ, съ таковымъ ниже "асти". Напосл'ядокъ: "не льстите себе, ни блудницы, ни "идолопоклонницы, ни досадители, ни прелюбодфи, ни лихоимщы, ни татіе, ни піяницы царствія Божія не насм'ядятъ, и "ошим убо нъціи бъсте, ни освятистеся, но оправдистеся имеянемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашеяго". Вотъ гдъ можно найти автихриста и истиннаго христіанина съ плодами въры, а върно: "сія глаголя, и намъ досажляєщи"?

"Сіе не тайна: всякій, возвратясь на древность, можеть видіть какъ устроился законный обрядь, какъ покорилися суевірію, и когда лишились благодати Святаго Духа, по Новому Завіту устами пророкъ гласившаго, какъ, сділавшися пустовірами, впали въ ереси, свары, здоры, споры и расколы; разділилися Греки съ Римлянами и Армянами, Римляне съ мотеравами, лютеране съ кальвинами. А сколько еще мелкихъ ересей и несогласій во всякой религіи и въ каждомъ царотвів находится! И числа имъ піть, а всіз они, бывши влотскаго земнаго мудрствованія, ненавидять истинныхъ духовныхъ людей, которые въ тайні отъ Емманушла питаются манною небесною. Убилъ плотской Каинъ духовнаго Авеля, гналъ плотской Исявь духовнаго Іакова! И ближе видіть можно: по наущенію архіереевь, народь вопіяль: "Распни, "распни! разбойника Варавву отпусти, а Христа распни!" Такъ и пынів дійствуется съ духовными людьми отъ ненависти плотскихъ міролюбителей.

"Правда неоспоримая что нужны явныя церкви. Нужны обрады, кужно священство ради плотскихъ людей, кои земные и земному, видимому прилъпляются. Такъ было во всъхъ язырахъ и во всемъ міра, такъ и нына есть. Но только бы nu+ тающихся духомъ небеснымъ, истинныхъ христіанъ, оставили болье свободными отъ суевърія; ибо, по свидътельству Новаго Завъта, савдовало бы въ истинные разумы пріити и возаръть кто кого насильно можеть спасти. Чемъ боле было гоненій ва рабовъ Божіихъ, темъ более они умножалися во всехъ странахъ. "Аще изгнаша мя, изженутъ и васъ; аще бысте отъ-_міра были, любиль бы мірь своя, а яко явсте оть міра, затвиъ пенавидить вась мірь. Пріцаеть время, егда убыють вась ли будуть думать яко службу Богу приносать." Такъ съ нами мірское земное священство поступасть, ненавидя истиннаго духа Христова. Возэри аще не тую ли власть составляеть на земан духовенство, о которой пространно свидетельствуеть Евангеліе: "На съдалицъ Монсеевъ съдома книжницы и фаподни не прейдуть. "Небо и земля мимо идуть, а слевеса Гостего Духа, а гав иетъ духа Христова, тамъ иетъ ни единой добродьтели духовной, ни истинной любви Божіей, ин кротооти, ни омиронія, ни воздержанія, ни любви ближняго.

"Сіє запов'яданіє Господа Іисуса Христа всегда подтверждается Духомъ: "Любите враги ваша, добро творите пенавиданцимъ васъ, молитеся за творящихъ вамъ напасти и будьте милостивы яко Отецъ вашъ пебесный милостивъ естъ."

"Наблюдается у насъ духовная чистота въ высочайшемъ смиреніи. "Не ищите мудрости, а кротости: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать; не дети бывайте

"умы, но злобою младенчествуйте!"

"У насъ чистота плоти отъ главы до ногъ и изъ устъ никогда не выходить гнилое слово ругательное или клятвенное, но тихіе и скромные глаголы. Даже не годится имени темнаго врага Божія помянуть ни въ какомъ разговоръ. Всякаго рода напитки хивльные запрешены, и кофія не употребляется, яко разжизаніе плоти делаеть. Во яденіи со искусствомъ того не ядять, отчего вътры возбуждаются и похоть воюеть на дуту, по большей части отъ мясояденія удаляются. Однако не подъ гръхомъ, если въ нуждъ кто поъстъ, а напитки хивльные подъ грахомъ запрещены, яко они не отъ нужды, а отъ слабости. Не дозволяется на пиры, на свадьбы, на комедіц, на маскарады, на качели ходить и подобныя сборища запрещены, яко они не отъ Христа, а отъ міра заведены. Лучте ходить въ явную перковь слутать литургно, яко она наma и отъ истиннаго Духа съ небесъ составлена, и прочаго чтенія и пенія; ибо, взявши оть ихъ книгь, да ихъ же книжпиковъ можно обличать за неисполнение и злоупотребление.

"Не дозволяется ближнему агать, запрещено всякаго человіка обманывать явностію, а быть хитрымъ и мудрымъ яко зміи, скрывая діло Господне, скрывать въ тайні посты, моаитвы, милостины и всів добродітели духовныя. Въ такомъ ділів ради Бога можно и солгать какъ і ерихонская блудница, Раавъ, ради Бога солгала и похвалу иміветь, или какъ Іудифъ Олоферну солгала и голову ему срубила; да и пастухъ, скрыв-

шій Варвару мученицу, похвалу имветь.

"Подавніе всімъ біднымъ по возможности подаемъ, во паче сами ищемъ кому подать: въ біздахъ и тюрьмахъ братіи меньшей Христовой, нищимъ, святымъ и твердымъ въ въръ. Въ Духъ Божіи возвіщаемъ гдъ и кому подать.

"Напоследокъ всв Посланія Апостольскія, Евангелів и всь боговдохновенныя книги могуть засвидетельствовать наши дела; ибо той истинный Духъ который ихъ училь и насъучить и вещаеть вся сокровенныя премудрости. Ежели чего не уразумень оть гласу пророческаго, апостольскія письма растолкують. Кто говорить во славу Господню, на спасеніе души и на службу Божію, тому не надобно ни одной книги. Омне даждь сердце, и ищи не мудрости, а кротости, то и довольно. Ни малейшей новости не заводимь, а старое потерянное отыскиваемь и пренебреженное воздвитаемь, яко Богь оты вами всть.

"XOTH DOORS II TRETOTA OF PAREM AO ROFS HA, RACS

Святымъ Духомъ воздожены, но еще есмы малольтки, "млекомъ, ва не кръпкою пищею насыщены, и не усовершены въ дъла "Божіи". Потому какъ скрываемся отъ міра, то даже и слабости нъкоторыхъ не искореняемъ, опасаясь всегда отъ своихъ, дабы не возсталъ предатель и не разорилъ бы церковь Христову, какъ случалось во времена апостольскія. По силъ и возможности крестъ Господень поднимаемъ, а свой носимъ и о помощи просимъ; ибо бъды въ моряхъ, въ ръкахъ, въ разбойникахъ и во лжебратіи. Въ скорби и тъснотахъ, въ руганіи и поношеніи провождаемъ дви нашей жизни ради любезнъйшаго Христа, возлюбившаго насъ и давшаго намъ обрученіе Святаго Духа и показавшаго тъсный путь и узкіе врата въ царствіе Божіе. Но мало стадо Христово, и мало ходящихъ по сему пути.

"При всехъ обстоятельствахъ стараемся сильнейше немощи немощныхъ носить, и тако исполняемъ законъ Христовъ: "аще кто хочетъ быть болве, буди всемъ слуга". **Также** въ богопознаніе приводимъ, отъ сусвітрія свобождаемъ, дабы знали живаго Бога, который Духъ есть, не имъющій викаковаго виду, а видимые образа стоять ради виду. И до насъ были люди подобные намъ и угодили Богу, и мы должны въ тую же силу подвизаться, дабы тому же Богу угодить и въ чистотъ непорочнъй Ему, Свъту, служить; ибо рече Богъ: "Будьте святы яко и Азъ свять есмь; такая заповъдь тяжелая избраннымъ, а по отшестви въ чемъ застану, въ "томъ сужду. Итакъ, по смерти не надвемся ни на чужія молитвы, ниже на кадило и кутью священническую. Следуетъ каждому не довольно върою, но и житіемъ вообразить себъ Христа и во Христа вообразиться: его же призва, того и оправда, а его же оправда, того и прослави во образъ Сына своего быти.

"Относительно скопчества, то оно на твердомъ ваніи Слова Божія, чрезъ уста Исаіи пророка сказаннаго. что скоппамъ лучшее мъсто сыновъ и дочерей Господнихъ дастся. И Христовыми устами дозволено, по силь и реввости, исказить себя или отъ человъка обръзаться, и таковое дело есть истинное пострижение монашеское и утверждение иноческаго свиа, настоящая схима, печать дара Іуха Святаго, крещеніе Христово огнемъ и духомъ. едина крещение во оставление грехова, очищение плоти отъ полотныхъ соковъ. "Камень бълъ и на камени имя "ново написано, котораго никтоже въсть, только пріемляй "его." Сіе зайное дело было отъ начала. Если кто удосточася получить сію печать, дабы за грѣхи не отвѣчать, то скрываль; ибо рѣдкимъ даеть самъ Богь Духомъ своимъ, гласомъ небеснымъ и просящимъ. Не всякому дается сей камень быль, а безь гласу пебеснаго пикто ни надъ собою, важе надъ другимъ не можетъ сдваать. Сказано: "Могій эместити, да высетить. Несть на сіе дело ни обряду, ниже

обыкновенія, а тайное отъ Промысла непостижимаго. И получившіе скрывають яко драгоцівнный алмазь, дабы мірь не позналь, а буде узнають, то тяжело на земли жить такому человъку; ибо всъ его ненавидять, яко нагло наступиль на главу змія и искорениль въ себъ гръхъ Адамовъ. Тогда уже всемъ земнымъ, Адамову семени-чужой; нетъ ему сродства, за то и ненавидять, готовы были бы живаго огно предать. Только тв которые возродились свыше и имъють Христовъ духъ, тв терпять, яко ради Христа побъдилъ плоть и всю силу вражію. Сей человівкь значить убъленный: какъ Христова пелена, такъ и плоть его убілена.

"Въ прежил времена, до VII въка отъ Христа, было открытое скопчество отъ временъ апостольскихъ, и были нарочитые монастыри, бълоризуами нареченные, яко изъ убъленныхъ людей составлялись. Было много apxienuckonoвъ въ Греціи, въ Римъ, какъ достаточно о сей матеріи свидътельствують Книги Баронія двінадцатых віжовь, Прологи, Четь-Минеи, какъ-то: Менодія 14-го іюня, Мурина скопца, Оригена. Архіереи и даже славные воины были скопцы, какъто Стипиліонъ въ Греціи, который всю Африку побъдилъ (?). Итакъ скопцы въ монахахъ во святыхъ причтены, а въ свътскихъ славные мужи были. Ежели жь тогда Богъ ихъ благословиль, то и нынь не оставить, яко той же Богь Отець. Моисей въ законъ написалъ: "скопецъ да не будетъ служай дому Господню, яко самъ онъ есть жертвенникъ и не бу-"детъ служай алтарю, и не будетъ приносяй жертвы и службы, яко свободенъ есть отъ земной службы". Но законъ Моисеемъ данъ бысть, а благодать и истина Іисусъ Христомъ бысть. И для того по благодати, яко сосуды очищенные, были не только иноками, священниками, но и архіереями скопцы были поставляемы; ибо сій скопцы не ради корыстолюбія, не ради чести міра, но прямо ради царствія небеснаго. Достаточно и сіе понимаемъ, что нужны царю и отечеству министры, полководцы, воины, судьи, земледельны и прочаго званія люди, но кольми паче нужны, яко соль земли, молитвеницки; ибо ради всехъ дель и производства надобно присутствіе Святаго Духа, имъ же вся быша. И то надобно знать, что Богь грешника не послушаеть, а только праведнаго молитва поспъществуетъ во благое, то долженъ молитвенникъ быть свободенъ отъ всвят преданій человіческихъ, дабы слово было къ Богу, и Богь былъ слово, и такъ чисть, какъ хрустальный сосудь въ царской рукъ, такъ предъ очами Божінми и молитвенникъ долженъ быть непорочный.

"Затыть повергаемся подъ покровъ небесный и просимъ Отца Световъ, дабы открылъ сердечные глаза всемъ ваастямъ земнымъ видеть истину Господню, чтобы не прогитвали Отца небеснаго, не вознесли бы хулы на Духа Святаго. но очистивъ чуствія, узръли бы неприступный свъть: "бла-"жени чистій серднемъ, яко тій Бога узрять".

"Непостижимий Отецъ Свътовъ прежде изволилъ избратъ рыбарей и простыхъ людей. Тако и нынъ соизволилъ обитать съ простяками и безчестными людьми. Еслибы Богъ зашелъ прежде къ вельможамъ, гдъ бы простымъ дойти и услышать гласъ пебесный на освобождение гръховъ? А къ простымъ людямъ всякій можетъ зайти и услышать безвестная и тайная Господней премудрости. "Слава въ вышнихъ "Богу и на земли миръ, въ человъцъхъ благоволеніе!" Сіи слова, первая благовъсть о рождествъ Господнемъ, пасту-камъ сказаны."

Въ проекть объ учреждении въ Россіи есократическаго правленія и объ образованіи "божественной канцеляріи", Еленскій обращается къ императору Александру Павловичу тономъ еврейскаго пророка, пришедшаго къ какому-нибудь Езекіи или Охозіи. Церковь таинственная, управляемая Святымъ Духомъ, * говоритъ онъ, подвергнувшись вом Отца Световъ, получила небесное повеленіе, дабы вышла на службу отечества, прославилась бы: яко съ нею воистину Богь есть, и темъ подвигомъ увенчала бы новымъ лавромъ всероссійскаго монарха.... ", Такъ во истинъ и въ правдъ содъйствуется слава Божія, продолжаєть Еленскій, какъ было при Іцсусь Навинь, который гласомъ небеснымъ управлялся и вов парства языческія покориль. Здівсь нельзя не понять на что намекалъ Еленскій. Въ 1804 году уже предвиделась веизбыность борьбы съ Наполеономъ. Преклоняясь предъвеличіемъ военнаго генія перваго консула Франціи, только что надъвшаго императорскую корону, лучшіе люди нашей земли не падъялись на успъщный исходъ этой борьбы. Совершенное поражение Наполеона почиталось деломъ невозможнымъ, это было бы, по мижнию большинства, сверхъестественнымъ чудомъ. Вращаясь иногда въ сферахъ образованнаго петербургскаго общества, Еленскій не могь не знать такого настроенія. И воть онъ, именемъ Бога, говорить объ Іисусв Навинь, при которомъ отъ звука трубъ левитовъ сами собой пали ствыы кръпкаго Іерихона. "Егда пріидетъ дъло на исполненіе, говорить онъ, уповаемъ на помощь Отпа Световъ. Но безъ великихъ симъ военныхъ побъящть Госполь всехъ враговъ и силою своею защитить свою Россію, которая великими трудами и взебильным пролитієм крови человіческой собрана, распро-

Digitized by Google

A To-corn zamoronsko-ckonneckoe obegeerse.

странена и прославлена. И въ самомъ дълъ, если отъ трубъ еврейскихъ левитовъ пали стъны Герихонскія, отъ чего же не пасть стънамъ какого-вибудь Парижа отъ гласа "живогласныхъ трубъ" то-есть хамстовско-скопческихъ пророковъ? По логикъ скопцовъ выходитъ такъ.

"Въ сей въкъ, писалъ Еленскій, сильное и славное дъйствіє Россія воздвигнеть и всему міру дастъ почувствовать ако воистину съ нами Богъ." Для этого стоить лить учредить "божественную канцелярію". "Какъ таинственной церкви люди, вкусивтіе дара небеснаго, и причастницы животворящимъ и безсмертнымъ тайнамъ Христовымъ, * питалсь отъ сокровенной премудрости, довольно всѣ Богомъ учены, а притомъ есть нъкакое число и грамотныхъ людей, ** то изъ грамотныхъ, которыхъ Святый Духъ назнаменуетъ своимъ судомъ небеснымъ, *** долусенъ в буду съ сію канцелярію пресставлять, а правительство, имъя именное высочайтее повельніе, будетъ обязано таковыхъ людей препровождать къ архіереямъ ради постриженія въ монахи, произведенія въ ісромонахи и обученія церковной службѣ."

Жива въ Александроневской лавръ и обращаясь съ монахами, Еленскій зналъ, что по церковнымъ правиламъ скопца нельза рукополагать въ священство, а потому и предложилъ обманывать архіереевъ: "сіе производство дабы не было извъстно никому, даже и архіереямъ, чтобы не знали каковые люди и съ каковымъ намъреніемъ таковое основаніе правительство производитъ, ежели случится въ числъ таковыхъ избравныхъ людей найдутся скопцы, **** то архіереи невъдъніемъ произведуть ихъ въ священнодъйствіе...."

Божественная канцелярія, по проекту Еленскаго должна была дъйствовать такъ:

"Натъ настоятель, боговдохновенный сосудь, въ которомъ

Вдась разумаются не тапиства церковныя, но тайны жамстовскоскопческих кораблей.

^{**} Стало-быть, большивство въ клыстовско-скопческихъ кораблять было безграмотко.

^{***} Хаметовско-скопческое выраженіе, означающее амодей приподящим за восторженное сестовніе и пророчествующих на радіпіять.

^{****} Явио, что Вленскій разунілі, не одиних оскепленныхи, не необще намотоми:

Лута пебесный Отпома и Сыкома присутствуета (Кондратій Селиванова), обязана быть при лица самого государя императора, и кака она есть вся сила пророкова, то вой тайные соваты, по вола небесной премудрости, будета апробовать и нама благословеніе и "покровы пебесные" посмать и молитвы изливать, яко кадило на всаха ищущих Бога... Она, путеводитель наша, всегда своими святыми молитвами умилостивита Бога, если его совать небесный будема наблюдать. А что она иза уста своима скажета, то дайствительно Духа Святый устами его возващаеть, ибо великая сила Божія ва нема есть."

Изъ хлыстовъ и скопцовъ, поставленныхъ въ іеромонахи, правительство стало бы опредълять на военные корабли, присоединивъ ко всякому іеромонахъ по одному пророку на кактый корабль. Іеромонахъ, завимаясь изъ устъ пророческихъ масомъ небеснымъ, долженъ будетъ секретно командиру того корабля совътъ предлагатъ какъ къ сраженію, такъ и во всвъъ случаяхъ, что Господь возвъстить о благополучіи или о скорби. А командиръ долженъ имътъ секретное повельніе заниматься у іеромонаха благопристойнымъ и полезнымъ совътомъ, не уповая на свой разумъ и знанія. Іеромонахъ съ пророкомъ пребудутъ всегда въ истивной молитвъ, яко очищенные сосуды, а гдъ таковыхъ избранныхъ будетъ два человъка, то и Господь посреди ихъ. Затъмъ градъ, корабль и полкъ сохранитъ Господь отъ всякато вреда и непріятельскихъ нашествій или поврежденів."

Себъ Еленскій предполагаль сладующее положеніе: "на мена возложена должность оть непостижимаго Отца Сватовь
какъ грамотныхъ въ іеромонахи, такъ и простячковъ, въ дукъ пророческомъ находящихся, истинныхъ и сильныхъ, собрать не только на корабли, но даже и въ сухопутную армію. Я съ дванадцатью пророками обязанъ буду находиться
всегда при главной арміи правителя, ради небеснаго совъта
и воли Божіей, которая будетъ намъ открываться при дадахъ нужныхъ на мъстъ.... Я слыша гласъ пророческій, и еодибы что недовадомо (непонятно) было, то на разсужденіе и
апробацію долженъ буду письменно представлять, на чье имя
венельно будетъ, ради растолкованія боговдохновенному натему настоятелю и путеводителю, а иногда и самъ апиле
предстать (къ государю) для ценовненія совъта небеснага?

Каевскому не прошелъ даромъ его проектъ. На него взгавнули какъ на сумащедшаго, и онъ, по высочайшему повельню, отправленъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евеимьевъ монастырь, гдв и умеръ въ мартв 1813 года. * Скопцы увъряли что онъ сославъ за разглащеніе ихъ тайнъ.

^{*} Каснскій въ Суздаль познакомился съ монахиней тамошнаго Покровскаго монастыря Паисіей (дочь крестьянина коннозаводскаго выдомства села Козлова, Суздальскаго уззда). Эта мовахина была соврашена имъ въ хамстовско-скопческую ересь и завела въ своей кельъ раденія, на которыя въ разное время дня, особенно же по ночамъ, собирались девушки, жившія въ послушницахъ Покровскаго монастыря. Нерадко приходили къ ней и мущины разнаго званія, подъ видомъ на сродниковъ. Другія жительницы монастыра слыхали въ keart Hauciu ntuie u cryks. Bz nocatacrniu Haucia npu gonpoct noказала, что съ Полякомъ Алексвемъ Михайловичемъ, содержавшимся въ Суздальскомъ Спасо-Евеимьевомъ монастыра "за разглашение скопческой секты", она знакома, а познакомилась съ нимъ потому что онъ 45чись ей руку. Въ собраніяхъ бывшихъ въ ся келью до 1812 г. принимали участіє: монахиня Назарета, суздальскія мъщанскія дъвутки Матрена и Арина Львовы Биркины, дьячкова дочь Настасья Андреева и послушницы: Устинья Михайлова, Арина Никитина, Аграфева и Марья Андресвы, Катерина Васильева, Настасья Антонова, Настасья и Марья Михайловы, Варвара, Авдотья и Агафья Ивановы. Всего патнадцать давина. Въ 1812 году о сборищата въ кельъ Паисіи узналь владимірскій епископь Ксенофонть. По его резолюціи Паисія была отправлена подъ особый надзорь въ Переславскій Оедоровскій женскій монастырь, Назарета въ Успенскій девичій, что въ города Александрова, а прочія участницы на раданіять, кака балицы. не находившілся еще въ духовномъ званіи, были высланы изъ Покровскаго понастыра. Наисія оставалась подъ надзоромъ въ Ослоровскомъ монастыръ до 1820 года. Въ втомъ году, по ед просъбъ п до удостовърению настоятельницы Оедоровского монастыря что она совершенно исправилась, была она така же enuckonoma Ксенофонтомъ возвращена въ Покровскій Суздальскій монастырь. Такимъ образомъ Паисія возвратилась въ Суздальскій Покровскій монастырь въ томъ самомъ году, когда въ Суздальскій Спасо-Евециьевъ моластырь быль посажень Кондратій Селивановь. Это, по всей въроятности, было деломъ петербургокихъ скопповъ, не пожалевшихъ денегъ же то чтобы баизь своего отца-искупителя инвты предакваго ему ченована. Монастырь Покровскій отданается отъ Спасо-Евешивева томко ис широкими сукодоломи. Воператлен из Сундаль, монакими Напом заком обширную верешеку со скепцани разнаму и вота; на ел има были присылаемы висьма даже изъ Иркутска. Въ 1825 году

XVI.

Сумасбродный проектъ Еленскаго повредиль только ему одному. Братьевъ петербургскаго корабля, самого даже Кондратья Селиванова оставили въ поков. Нѣкоторые полагають, что ни государь, ни лица поставленныя во главъ правительства, еще не знали въ то время тайнъ скопческой ереси, не знали что глава петербургскаго корабля почитается Сыномъ Божіимъ и императоромъ Петромъ III. Это несправедливо. Самъ Еленскій писалъ о своемъ настоятель какъ о боговдохновенномъ сосудъ, въ которомъ присутствуетъ Святый Духъ со Отцомъ и Сыномъ. Въ то же время какъ государю, такъ и высшимъ лицамъ государственнаго управленія, было извъстно что Кондратій Селивановъ приверженцами своими почитается за императора Петра Феодоровича. О томъ допосили государю и министру внутреннихъ дълъ изъ Москвы. *

Императоръ Александръ Павловичъ смотрълъ на скопческую ересь какъ на заблуждение жалкое, но не опасмое, и приказывалъ относительно ея послъдователей держатъся мъръ терпимости, имътъ только секретный полицейскій присмотръ для предупрежденія новыхъ оскопленій. Государь не желалъ даже чтобы дъла о скопцахъ производились посред-

^{*} Всеподданный рапорт посковскаго военнаво губернатора, генерала от инфантеріи Беклешова, 24-го па 1806 г.

о мовахина Паисіи возникаю новое дало. Тогда при обыскаха сдававляму въ ед келью и въ сель Козлово у двомроднаго ед брата, скопца Ивана Елизарова Коробова, было найдено много писема отъ скопцовъ и хлыстовъ изъ разныхъ городовъ; въ етихъ письмахъ упоминалось о "Полакъ Алексър Михайловиче" и объ "отцеправеднике", то-есть, по объяснению Паисіи, секретномъ арестантъ содержимомъ въ Спасо-Евеимьевъ монастыръ. Но кто онъ, и принадлежалъ ли къ скопческой сектъ, монахина Паисія при следстви не объяснила, сказавъ что того не знаетъ, а только по народному слуху объ его подвижнической жизни почитаетъ за праведнаго. Само собой разумъется, ръчь шла о Кондратъ Селивановъ. Дъло департалента общихъ даль линистерства снутреннихъ даль 1825 года № 11.

ствоиъ бумажной переписки. Такимъ образомъ еще въ 1901 году, когда московскимъ военнымъ губернаторомъ фемамаршаломъ графомъ Салтыковымъ доведено было до его свъавнія что скопчество въ Москві распространяется, и что во главъ его стоить купець Колескиковъ, прозванный Масономъ, государь ограничился приказаніемъ, чтобы московскій оберъ - полицейнейстеръ Эртель инвав за скопцани секретный присмотръ, стараясь только о томъ чтобъ они не умножадись. Это поведение объявлено было на словахъ. Никакого письменнаго производства не было. Эртель въ свою очередь ограничился тыть, что поручиль наблюдение за Масономъ и другими скопцами полицеймейстеру Ивашкину. А о полипеймейстеръ Иваткинъ и досель сохранилось преданіе, что это быль челов'якь расторопный, но приношепісти не брезговаль. "Таковые (скопцы) и здівсь въ Петербуртв появились было третьяго года *, писаль Эртель, будучи уже петербургскимы оберы-полицеймейстеромы, кы Беклешову, по также письменнаго производства не имелось, а подъ рукой приказано было (государемъ) за ними имъть присмотръ, дабы не размножались, что и выполналось, но нынв болве уже объ нихъ не слыхать. « **

Между твить съ разныхъ концовъ Россіи приходили въ Истербургъ извъстія о распространеніи скопческой ереси.

Въ 1805 году скопцы были открыты въ Ольвіопольской увзяв Херсонской губерніи. Діло кончилось объявленіемъ кереонскому губернатору министромъ внутреннихъ діль графомъ Кочубеемъ слідующаго высочайшаго повелінія; по принятымъ вообще на людей сего рода правиламъ, не должно вміншваться въ образъ ихъ віроисповіданій, предоставляя духовной власти обращеніе заблуждающихся, не должно и подвергать ихъ взысканію, собственно за расколь, но лишь за нарушеніе порядка, за явный соблазнъ, ежели бываетъ, и за покушеніе на оскопленіе себя." ***
Но духовныя власти, видя въ скопцахъ и хлыстахъ самыхъ усердныхъ прихожанъ, исполнявшихъ вст христіанскія обязанности, щедро награждавшихъ духовенство и щедро

[•] То-есть 1804 года, когда Еленскій подаль свой проекть.

^{**} Omnowenie Ipmera kt Bekrewosy 19-ro man 1806 r. Bt dain mockosckaro apxusa cmapsixt dart 1806 r. N 14.

^{***} Anno apxusa nunucmepemsa wemuyiu obs onesiononeckuws ckonyaws 1805 r. Nº 4.015.

дававшихъ дельги на укращеніе церквей, никогда не представами въроученія ихъ противнымъ христіанству.

Взглядъ тогданиямо правительства на скопцовъ выразился еще ясные въ отношении графа Кочубея къ московскому военному губернатору Беклешову, въ отвыть на всеподданный рапортъ его объ открытияхъ сдыланныхъ крестълнивомъ Салтыковымъ. "Государъ императоръ высочайме повельть соизволилъ," писалъ графъ Кочубей,—

"сообщить вамъ, милостивый государь, следующее: Тому два года какъ таковая же секта учинилась известною здесь въ С.-Петербурге. По точнымъ объ ней разведываніямъ открылось, что въ существе своемъ она имеетъ два размичные вида, или, такъ-сказать, две степени. Первая изъ нихъ состоитъ въ мысленномъ только заблужденіи, поставляющемъ святость въ плотской чистоте, другая въ практическомъ воведеніи людей сего рода, или въ скопленіи.

"По различно сихъ степеней, различныя приняты и пра-

вила въ поведении съ ними со стороны правительства.

"Оставляя первый изъ сихъ степеней подъ общимъ правиломъ терпимости, признано было нужнымъ изыскать спо-

собы чтобъ остановить распространение втораго.

"Способы сіи состояли въ слъдующемъ: Какъ уже по многимъ опытамъ извъстно, что заблужденія сего рода формальными слъдствіями и публичными наказаніями не только не пресъклются, но и болье еще усиливаются: то и найдено было удобкъйшимъ употребить прежде всего кроткія средотва убъжденія и вразумленія. Для сего предположено было аривлечь довъріе и откровенность главныхъ секты сей пачальниковъ и посредствомъ ихъ внушеній дъйствовать на прочихъ. Мъра сія столь успъшное имъла здъсь дъйствіе, что начальники сей секты, удостовърясь что правительство ве желаетъ ихъ преслъдовать, допустили людей къ сему употребленныхъ въ ихъ моленную, и убъжденіями и кроткимъ съ ними обхожденіемъ приведены были къ тому, что не только дали объщаніе впредь не дозволять оскопленія, но и другимъ внушали что время къ сему уже прошло, и что сіе средство не должно быть болье употребляемо. Послъдствіемъ сего было то, что въ продолженіи двухъ лътъ, по всъмъ нанехолило.

"Примъняясь къ сему образу поведенія, коего успъшное дъйствіе самымъ опытомъ уже удостовърено, государь императоръ полагать изволить, что и въ Москвъ должно въ семъ случать распорядиться на томъ же самомъ основаніи, а именно: 1) Посредствомъ непримътныхъ развъдываній открывъ модей, кои въ сектъ сей наиболье имъютъ важности, должно прежде всего привести ихъ кроткимъ съ ними обхожденіемъ

из довърно и откровенности. 2) Получивъ ихъ довърне, должно склонять ихъ къ тому чтобъ они не только сами не дозволяли и не привлекали аругихъ къ оскопленю, но вънушали бы своимъ единовърцамъ чтобъ онаго ни подъ какимъ
видомъ не производили. 3) За симъ оставляя имъ свободу
совъсти въ мысленныхъ ихъ заблужденияхъ, и не входя съ
жими о семъ въ составания, наблюдать только чтобы практическаго дъйствия не было, а еслибы послъ всъхъ убъжденаго и формальнаго слъдствия, предварительно доносить о
семъ его величеству."

Кто же такіе были люди имъвшіе полномочіе удостовърить начальниковъ скопческой секты что правительство не желаетъ ихъ преслъдовать, проникшіе внутрь скопческаго корабля и кроткимъ убъжденіемъ доведшіе старшинъ его до того что тъ дали объщаніе никого не скопить болье, и даже уговаривали другихъ втого больше не дълать? Когда могло вто случиться?

Это было летомъ 1804 года, какъ видно изъ отношенія графа Кочубея къ Беклешову, значить тотчасъ после отвраванія камертера Еленскаго въ Суздаль, между мартомъ и ісвемъ того года.

Узнавъ изъ представленнаго Еленскимъ Изельстів сущность ckonческаго ученія и взглядъ скопцовъ на православную церковь и ел духовенство, образумаетіе заблудшихъ не метап поручить кому-либо изъ липъ духовлыхъ. Въ глазахъ скопповъ всв архіерен, всв священники-книжники и фарисен, поставляющие въру въ однихъ внашнихъ обрядахъ и изъ служенія церкви составившіе доходное для себя ремесло. Такихъ модей, какъ бы они учены ни были, какую бы правственную жизнь ни вели, ни хлысть, ни скопець никогда не послушають, развъ изъ лицемърія, развъ изъ-за такъ-пазываемаго "страха іудейскаго". Употребить на образумаеніе скопповъ полицію-дівло немыслимое:- оберъ-полицеймейстеры и другіе полипейскіе чины плохіе ув'ящатели въ делать совъсти. Избранъ былъ на это дъло человъкъ близкій къ государю, склонный къ созерцательной жизни и притомъ завваывавшій съ 1803 года дуковными дваами. Это быль княвь Александръ Николаевичъ Голицынъ, оберъ-прокуроръ святвинаго сипода. Въ годы первой молодости поклопникъ

^{*} Omnomenie nunucmpa enympennum dnas spacie Konycen ks Bekaemoen, 5-ro 110ma 1806 r., Je 48.

французских вициклопедистовъ, особенно Волтера, остроумный царедворецъ, поклонникъ женской красоты, онъ, не достигнувъ еще тридцатильтняго возраста, круто поворотилъ на набожность, мистицизмъ, сталъ читатъ Бема, Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга, Сенъ-Мартена и Сведенборга. Овъ окружилъ себя такими же мистиками и болье всъхъ сблизился въ Василіемъ Михайловичемъ Поповымъ, кроткимъ изувъромъ, котораго однакожь, по словамъ Вигеля, именемъ въры можно было подвигнуть на элодъянія. Это былъ самый приближенный къ Голицыну человъкъ изъ всъхъ его подчиненныхъ.

Князь Годинынъ, вивств съ Поповымъ, быль въ домв Ненастьева и говориль съ Селивановымъ. Глава скопцовъ произвель благопріятное впечатавніе на набожнаго оберъ-прокурора и на его паперсника. Въ посмъяствии, уже въ сороковыхъ годахъ, когда въ Петербургь производились изследованія о тамошнихъ скопцахъ, одинъ изъ нихъ. Хорошкъевъ, сказываль что онъ быль свидетелемъ посещения Селиванова княземъ Годипынымъ и Поповымъ. Это было часу въ одиннадиатомъ дня, говориль онъ, прівхали два лица: одинъ Поповъ Василій Михайловичь, другой не знаю кто. Поговоривъ съ Селивановымъ, они пожали плечами и шли отъ него задомъ, всплескивая руками и приговаривая: "Госполи! еслибы не скопчество, за такимъ человъкомъ пошли бы полки полками." Изъ другихъ показапій видко что тотъ, кого не узнадъ Хорошквевъ, былъ князь Александръ Николаевичъ Голипынъ.

Селивановъ, дъйствительно, объщаль ему впредь никого не скопить, но не сдержаль объщанія. Оскопленія продолжались въ дом'в гдів онъ жиль и принималь поклоненія обожавших его послідователей. Пользуясь благосклоннымъ расположеніемъ князя Голицына, онъ оставался безнаказаннымъ. Государя увірили что скопцы не вредны, и что не слідуетъ принимать противь нихъ никакихъ рішительныхъ міръ.

^{*} Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля въ Русском в Выстникы 1865 г. № 2, стр. 447.

Digitized by Google

XVII.

Въ 1806 году крестьяниномъ Салтыковымъ, какъ уже было сказано, указаны Беклешову московские скопческие соборы Колесникова (Масона), Жигарева и другихъ. Въ томъ же году открыты скопческие корабли подъ самымъ Петербургомъ: въ городъ Павловскъ, въ Графской Славянкъ, въ слободахъ Покровской и Большой, и въ посадъ Өедоровскомъ.

Во главъ ихъ стоялъ жившій въ Павловскъ купецъ Яковъ Фроловъ; у него въ домъ бывали сходбища, называемыя "соборами". Назначенная для того большая комната не имъла оконъ выходившихъ на улицу; все были обращены во дворъ и въ огородъ. Полъ въ той комнать быль уставнъ колстомъ, въ углу висвлъ большой образъ въ кіотъ краснаго дерева, обаоженный бронзою; кругомъ по ствиямъ стояло много стульевъ. На чердакъ устроена была особая комната, въ ней висълъ портреть красивой и богато одътой женщины, которому скопцы и хлысты поклонялись, называя нарисованную на немъ своею "матушкой". Следствіемъ не открыто какая именно женщина была изображена на этомъ портретв. Въ последствій говорили что это быль портреть богородицы Анны Софоновны Цоловой, жившей въ Моршанскъ, но часто приважавшей въ Петербургъ. Въ углуј комнаты на чердакъ дома Якова Фролова нашли ящикъ съ крышкой, и въ немъ высущенныя части человического тыла.

Сбирались на радънія еще въ двухъвтажномъ домѣ крестьанина Алексъя Фролова, въ Покровской слободъ Графской
Славянки. Тамъ, во время совершенія богослуженія, скопцы
кружились, вертясь на пяткахъ, пъли пъсни, покланялись
портрету "матушки", кланялись въ землю "передъ своимъ
старшиной, сидъвшимъ на подушкахъ, цъловали его руки и
одежды". По всей въроятности, это былъ Кондратій Селивановъ, какъ извъстно изъ другихъ свъдъній, иногда утвужавшій
изъ Петербурга на недолгое время. Скопцы мяса не там,
даже и въ Свътлое Воскресенье, не пили никакихъ кръпкихъ
напитковъ. Всъхъ было открыто 23 человъка, кромъ дътей.
Въ радъніяхъ принимали участіе и не оскопленные (то-есть
хлысты).

Противъ скопческаго корабля въ Павловскъ и Графской

Славянкъ мъстнымъ начальствомъ были приняты строгія мъры чтобъ уничтожить вредную секту. При этомъ затронуты были скопцы петербургскіе. Оберъ-полицеймейстеръ Эртель встревожился. Но друзья скопцовъ и на этогъ разъ успъли внушить государю что заблужденіе ихъ нисколько не вредно. Послъдовало высочайшее повелъніе: имъть за вновь открытыми скопцами секретный надзоръ и предупреждать лишь новыя оскопленія.*

Въ томъ же 1806 году открыто большое общество скопповъ и хлыстовъ въ Симбирской губерніи, въ городъ Алатыръ и въ селеніяхъ Алатырскаго, Ардатовскаго и Курмышскаго уъздовъ. ** Центръ ихъ былъ въ Алатыръ, въ домъ тамошнихъ купцовъ братьевъ Милютиныхъ. Оба Милютина были оскоплены, а сестра ихъ считалась богородицей и пророчицей

[•] Дъло денартамента общихъ дълъ министерства внутренних доля 1807 года № 14. Софійскій увадъ въ посавдствіи вошель въ составъ нынешняго Царскосельскаго уезда. Скопцовъ Софійскаго увзда, открытыхъ такошнимъ увзднымъ судьей, называли "духобордами". Изъ донесенія судьи петербургскому гражданскому губернатору видно, что они совращали легковърный народъ ръзкими выражевіями относительно обрядности православной церкви. "Часто духоборцы (скоппы) сін при сборищь мужиковъ, которые поглупье или легковърны, говорять имъ: "на что-де молиться сухимъ мощамъ не дучне ли живымъ (разумъя Кондратья Селиванова)?" И какъ по обыкновенію заведено ставить свічи передъ иконами, они говорять: "мы-де медъ-то сами съедимъ, а воскъ на Тебь, Боже! Одинъ крестьянинъ спрашиваль у женщины принадлежащей къ скопческой секть: "Что же вы дълаете когда собираетесь?" та отвъчала ему: Въдь и у Христа есть тайна обръзующая, поди и узнаеть. ". Тайна образующая искажено изъ словъ жерувимской пасни "тайно образующе". Крестьянинъ сказаль ей: "у васъ-де скачуть и пляшуть," а она отвічала: "а разві у вась въ перкви на Паску не поють "скаkame urpaa" (Богоотень убо Давидь и пр.). Скопцы Софійскаго увзда въ православную церковь къ объднъ ходили, но непремънно вожени. Для совершенія своихъ обрядовъ сбирались по ночамъ съ субботы на воскресенье и на прочіе установленные православною перковью праздники. Чтобы кто не подслушаль ихъ пъсенъ и топанья, ставили караульныхъ вокругъ дома и на крышъ. Въ Графской Саавянки къ дому Алексия Фролова быль пристроенъ во двори жань, куда убъгали и запирались бывавшіе на радініяхъ, если входиль въ домъ посторонній.

^{**} Талызинъ, Стемасъ, Ичиковъ, Карталеевскомъ, Гартъ, Шерапулинъ и Борисовомъ.

и называлась "животною книгой". Въ алатырскомъ корабль клыстовъ было гораздо больше чвиъ скопцовъ. Они не признавали Кондратья Селиванова за императора Петра III и за Сына Божія. Впрочемъ, какъ обряды ихъ, такъ и върованія были тождественны съ другими клыстами и скопцами. Но все-таки они стояли особнякомъ, называясь "алатырскими людьми божіими", или "милютинскими". Противъ нихъ также не приказано было принимать строгихъ мъръ; придерживаясь прежнихъ высочайтихъ повельній, и на втотъ разъ вельно было заботиться лишь о томъ чтобы не происходило новыхъ оскопленій. *

Въ томъ же 1806 году открыты были скопцы въ Малоархангельскомъ уфядь Орловской губерніи. Тамъ, на родинъ скопчества, "убъленіе" приняло такіе огромные разміры, что орловскій губернаторъ Яковлевъ внергически настаивалъ предъ высшимъ правительствомъ на строгости міръ относительно скопцовъ.

Яковлевъ представиль что оскопленіе взрослыхъ и дітей производится съ цілію избавленія ихъ отъ поступленія въ военную службу. Митіне неосновательное, но имівшее послітдствіемъ перемітну правительственнаго взгляда на скопновъ. И правительство, и лица стоявшія во главт правительства, въ качестві поміщиковъ, увиділи въ усиливающейся секті нарушеніе собственныхъ интересовъ. Это было поводомъ къ первому строгому отношенію русскаго законодательства къ скопчеству. Чтобы разрушить надежды скопцовъ на избавленіе отъ военной службы велітно встахъ ихъ отдавать въ солдаты....

Въ день новаго 1807 года усердно защищавтій скопцовъ предъ государемъ графъ Кочубей оставиль портфель министерства внутреннихъ дёлъ, и черезъ восемь дней послѣ того новый министръ князь Куракинъ объявилъ орловскому губернатору саёдующее высочайтее повеленіе: "Министръ внутреннихъ дёлъ (графъ Кочубей) донесъ мнё по представленію ватему о явившихся въ Малоархангельскомъ округѣ скопцахъ, кои палатой уголовнаго суда приговорены къ наказанію и оставленію при прежнемъ жительствѣ. Находя что таковымъ наказаніемъ соблазпъ, отъ людей сихъ происходящій, не

^{*} Дъло департажента общиет дъл жинистерства внутренние дъл 1809 года. № 6.

прекратитов, и что напротивъ примъръ ихъ можетъ вовлечь и другихъ въ заблужденіе, повельваю: 1) всъхъ вышепомянутыхъ скопцовъ, согласно объявленному вамъ прежде о скопцъ Егурновъ повельнію, отдать въ военную службу, зачтя помъщикамъ ихъ и селеніямъ въ рекрутъ; 2) въ случав открытія впредь скопцовъ, дъйствительно себя оскопившихъ, поступать съ ними на семъ же основаніи." Объ этомъ высочайшемъ повельніи было объявлено повсемъстно "для единообразнаго по вовмъ губерніямъ поступленія" сенатскими указами 18-го февраля 1807 года. *

Еще рѣшительнѣе сказано было въ высочайшемъ повелѣніи объявленномъ около того же времени министромъ юстиціи княземъ Лопухинымъ одесскому генераль-губернатору герцогу де-Ришелье относительно скопцовъ появившихся въ Одессъ. Велѣно было: "впредь поступать со скопцами, какъ съ врагами человъчества, развратителями правственности, нарушителями законовъ духовныхъ и гразсданскихъ". Столь важное постановленіе не было однакоже распубликовано и осталось безгласнымъ, хотя въ послъдствіи и дълались на вего семаки.**

Что было причиной столь быстрой и крутой перемъны взляда правительства на скопцовъ? Можно предполагать что виною тому быль московскій митрополить Платонъ. Императоръ Александръ Павловичь поручиль ему составить записку о скопцахъ, и знаменитый Платонъ дряхлъющею рукой начерталь "Развясненіе клыстовско-скопческаго спрочченія" въ двінадцати главахъ. Митрополить представиль скопцовъ врагами человічества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ духовныхъ и гражданскихъ. Это его выраженія. Подъ вліяніемъ Платоновой записки и было объвванено высочайте повельніе герцогу де-Ришелье 25-го іюля 1806 года. Друзья скопцовъ успівли однако вскоріз убівдить государя что Платонъ написаль на скопцовъ сущую напраслину, легковірно повіривъ дотедшимъ до него ложнымъ

^{**} Высочайшій указь 25-го імая 1806 года. Записка о скопуахь и скопческой ереси, представленная министромы внутреннихы даль графомы Л. А. Перовскимы императору Николаю Павловичу вы 1845 году.

Первое похное собраніе законовъ Россійской Имперіи, XXIX,
 № 22.422.

свъдъніямъ объ ихъ обрядяхъ и върованіяхъ. Діло пошло по-прежнему.

Въ указъ 8-го января 1807 г. сказано: "а въ случать открытія впредь скопцовъ, дъйствительно себя оскопившихъ, поступать съ ними на семъ же основаніи", то-есть отдавать въ солдаты. Съ этимъ первымъ общимъ о скопцахъ постановленіемъ возникло и недоумъніе: какъ понимать выраженіе вспих дойствительно оскопленныхъ, или однихъ самооскопителей? Если принять первый смыслъ, нельзя объяснить послъдующихъ узаконеній; если же второй, то всть скопцы оскопившіе себя не своими руками не подлежать наказанію, чего нельзя согласовать съ высочайшимъ повельніемъ поступать со скопцами какъ съ "врагами человъчества".

Въ слъдующемъ 1808 году, октября 8-го, послъдовало пояснение: "всъхъ оскописшихъ себя, кромъ тъхъ кои имъютъ отъ роду менъе четырнадцати лътъ, отдавать въ военную службу, а оскопившихся малолътнихъ оставлять у помъщиковъ и въ селеніяхъ до семнадцатилътняго возраста, по протествіи же онаго и ихъ туда же отдавать, зачитая помъщикамъ и селеніямъ тъхъ изъ нихъ кои окажутся годными къ службъ за цълыхъ, а малорослыхъ и имъющихъ болъе тридцати пяти лътъ—за половину рекрута; старъе же пятидесяти лътъ совсъмъ не зачитать". *

Здёсь представляется прежняя неясность или двусмысленность въ выраженіяхъ: "оскопившихъ себя" и "оскопленныхъ". Но такъ какъ оба эти выраженія встрічаются на этотъ разъ въ одномъ указѣ, то это и должно было вести къ тому чтобы распутать діло и вывести истинный смысль буквы закона. Взрослыхъ, "оскопившихъ себя", отдавать въ солдаты, малолітнихъ, "оскопленныхъ", подвергать тому же когда они будутъ на возрасть— таковъ буквальный смыслъ, но, конечно, не разумъ указа. Быть ве можетъ чтобы малолітній подвергался наказанію за то что прощается взрослому, и сверхъ того, за такое преступленіе, о которомъ онъ, по неразумівнію, не можеть еще иміть надлежащато понятія. Слідовательно выраженіе "оскопившіе себя" должно принять въ томъ же смысль, какъ и "оскопленные", или вообще скопцы; другаго объясненія допустить нельзя. Это

[•] Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи.

согласно и съ выраженіями употреблявшимися въ то время въ перепискъ о скопцахъ. Дъла того времени въ ваголовкахъ надписывались: "о такихъ-то людяхъ, самовольно себя оскопившихъ", между тъмъ какъ изъ самаго дъла видно что они вовсе не сами оскопились, а были оскоплены другими. Принявъ правильный смыслъ, законъ все еще оставался несправедливымъ: ребенокъ, не будучи въ состояніи понять значенія оскопленія, къ которому его уговорили или приневолили, достигнувъ совершеннольтія, наказывался наравнъ съ изувъромъ совершающимъ завъдомо и съ полнымъ сознаніемъ столь важное преступленіе! Какъ бы то ни было, но указомъ 1808 года повельно: "всъхъ скопцовъ, не исключая и малольтнихъ, отдавать въ солдаты".

Такое распоряженіе было, какъ мы уже замітили, слідствіемъ неосновательнаго мнінія, представленнаго орловскимъ губернаторомъ Яковлевымъ, будто люди оскопляютъ себя и своихъ дітей ради избіжанія военной службы. Это мнініе, въ послідствіи вновь возникшее (въ 1822 году вслідствіе донесенія курскаго вице-губернатора), доказываетъ что сущность скопческой ереси тогда не была еще достаточно знакома законодателямъ, и что они, не зная, по всей віроятности, Разъясненія митрополита Платона и позабывъ высочайшее повельніе герцогу де-Ришелье, впали въ ошибку.

Съ отдачей скопцовъ въ солдаты, законодатели достановое средство распространять свою ересь. BULIU UMB И действительно, съ этого именно времени начинають встрвчаться оскопленные солдаты сотнами, и не только солдаты, но даже штабъ- и оберъ-офицеры, обращенные въ ересъ скопцами разосланными по полкамъ, портамъ и гарнизонамъ. Военно-судныхъ делъ о скоппахъ разомъ возникломножество. Всв открытыя по этимь двламъ скопры изъ воевныхъ отличались твердостію въ своихъ върованіяхъ, ръ шимостью и изувърствомъ. Такъ, папримъръ, штабсъ-капитапъ Созоповичъ, сославный въ 1819 г. на покаяние въ Соловеркій монастырь, и тамъ успъль соблазнить и оскопить до тринадцати человькъ изъ тамошней инвалидной команды, Замъчателенъ еще слъдующій факть: пока скопцовъ не отдавали въ солдаты, пока у скопцовъ не было единомышленниковъ въ арміи между офицерами, до техъ поръ при всакомъ случав опи откровенно говорили кто быль ихъ оскопителемъ. Теперь они стали упорно скрывать объегомъч Такое упорство было повсемъстно и вызвало 14-го марта 1812 года слъдующее высочайшее повельніе, послъдовавшее по всеподданнъйшему докладу министра внутреннихъ дъло скопцахъ обнаруженныхъ въ Разанской губерніи: "объявить тъмъ скопцамъ, которые будутъ скрывать гдъ опи оскоплены, что съ ними поступятъ какъ съ ослушниками, а тъхъ, которые чистосердечно признаются, отнюдь не пресладовать".*

Только въ 1816 году правительство обратило вниманіе на вышеуказанное обстоятельство, и комитеть министровъ нашель что законъ 1807 года не достигаеть цъли, такъ какъ скопцы распространяють ересь въ полкахъ и гарнизонахъ, пріобрътая тамъ новыхъ послъдователей. Поэтому комитеть полагалъ: отдавать скопцовъ на службу въ Сибирь и въ Грузію, а неспособныхъ ссылать въ Иркутскую губернію. Императоръ Александръ Павловичъ повелълъ (4-го августа 1816 года) поступать такимъ образомъ лишь съ главными скопцами и съ оскопителями; изъ чего слъдуетъ что съ прочими скопцами должно было поступать на основании прежнихъ постановленій, то-есть отдавать въ солдаты, съ оставденіемъ на мъстахъ. **

^{*} Собранів постановленій по части раскола. Спб. 1868 г., стр. 39. ** Hepsoe nounce coopanie sakonoss Poccinckon Hanepiu XXXIII Nº 22.462 u Coopanie nocmanoszeniŭ no vacmu packoza, Cnb. 1858. стр. 44. Тамъ сказано: "комитетъ гг. министровъ по представаепію главнокомандующаго въ С.-Петербурга о умершемъ отъ оскопленія крестьянин Петровь и о находящихся въ Симбирской губерніц скопцахъ, шивя въ виду что причины, по которымъ велено отдавать скопцовъ въ военную службу, не достигають своей цали, и скоппы, оставаясь въ техъ же саныхъ местахъ откуда поступили, оодъйствують распространению сего зла, журналомь 4-го августа 1816 года состоявшимся, полагала: всяха упомянутыха скопцова, такъ и всехъ другихъ по губервіямъ оказаться могущихъ, отсылать na caykoy be Cuoupu u be Ppysiu naxoanmiaca boucka, a necnocobвыхъ къ овой въ Иркутскую губервію на поселеніе. При подписаніц сего журнала генераль оть артиллеріц графь Аракчесвь объявияъ, что государь императоръ, по выслушаніи меморіи комитета, не соизволяя на принятие таковаго правила община, повелать изволиль: поступать по оному съ однимъ только главнымъ зачинщиkowa usa ckongosa, uau ca tama kto npoussoguta ockonaenie. Oba этомъ 26-го августа 1816 г. было пославо пиркулярное предписание munucipa noauniu, a okraspa 18-ro cenarckië ykasa.

Это положение комитета министровъ опять не могло соотвътствовать своей пъли, заключая опибку не менъе важвую какъ постановление о разсылкъ скопцовъ по полкамъ. Восточная Сибирь считается скоппами обътованною землей. тамъ, по ихъ върованію, находится ихъ отецъ-искупитель. оттуда онъ долженъ придти для окончательнаго утверждения своей ереси. Потому скопцы шли въ Иркутскую губевію съ радостію, говоря что промысать Божій видимо и явно совершается надъ ними, что отецъ-искупитель, върный своему обътованію, собираеть вокругь себя своихъ дътушекъ и пр. Сверхъ того петербургскіе скопцы посылали сибирскимъ значительныя суммы денегь, собственно для распространенія скопчества, о чемъ неоднократно производились дела. Такимъ образомъ Восточная Сибирь савлалась новымъ гивздомъ и притономъ скопчества, и эта ересь до того начала тамъ распространяться, что правительство въ последстви принужаено было издавать особыя постановленія отпосительно оскопляющихся ссыльных поселениевь и лаже каторжныхъ.

Въ 1816 же году (27-го октября) последоваль указь о томъ что оскопленіе, какъ преступленіе близкое къ само-убійству, всемилостивейщимъ манифестомъ не прощается, ибо еще 1806 года (іюня 25-го) скопцовъ повелено признавать срагами человъчества, разгратителями правственности, нарушителями законост Божійх и гражданских; почему, за подведеніе скопцовъ подъ милостивый манифесть, орловской уголовной палате сделань быль выговоръ. *

[&]quot; Первое полное собраніе законось Россійской Имперіи ХХХІІ № 26.486. Сенать 27-го апръла 1816 года слушаль три діла о скопцахь, представленныя орловскимы губернаторомы: 1) о крестьянахы шалольтнихь поміщиковы Кошелевыхь: Андрей Печеревкові, Селорі Ушакові и Тимофей Мурашові, 2) о крестьяних поміщика Страхова Александрі Маринникові и 3) о крестьянихь княза Куракина: Оедорі Иванові, Борись Тимофееві, Ивані Семенові, Васильі Карпові, Петрі Филипові и Никиті Кузьмині. Всі опи были судины за самооскопленіе. Орловская уголовная палата, на томы основаніи что опи оскопили себя до изданія всемилостивійнаго мавифеста 30-го августа 1814 года, полагала освободить ихъ отъ поступленія съ ними по законамы. Сенать, на основаніи высочайнаго указа 8-го января 1807 года и высочайше утвержденной выписки изь журвала комитета министровь 27-го сентабря 1812 года, поставовили: годанкъ изъ никъ отдать въ военную службу съ зачетомъ

XVIII.

Между тыть отецъ-искупитель преспокойно жиль въ доить Ненастьева, принимая божескія почести отъ двтушекъ, посвіщая "соборы" въ домахъ другихъ петербургскихъ скопцовъ и близкіе къ Петербургу корабли Фроловыхъ. Съ последователями жившими въ местахъ отдаленныхъ онъ велъ обширную переписку. * Со всехъ сторонъ скопцы

помъщикамъ ихъ за рекрутъ, а неспособныхъ къ военной службъ отослать на казенные заводы. Орловской же уголовной палать за неправильное заключеніе сдълать выговоръ. Преступленіе же, сказано въ сенатскомъ постановленіи, какъ близкое къ самоубійству, не прощается всемилостивъйшимъ манифестомъ, ибо высочайшимъ указомъ прописаннымъ въ ордеръ министра юстиціи бывшему оберъпрокурору Шетневу отъ 25-го іюла 1806 года повельно признавать таковыхъ преступликовъ врагами человъчества, развратителями правственности, нарушителями законовъ божішхъ и гражданскихъ. Въ отвращеніе того, дабы по прочимъ губерніямъ не могло послідовать подобныхъ сділанному орловскою уголовною палатой неправильныхъ заключеній при рішеніи ділью о скопцахъ, сенатъ разослаль повсемъстно печатные указы отъ 27-го октября 1816 годзе

* Нѣкоторые говорять что Кондратій Селивановь быль безграмотень. Это несправедливо. Воть, напримѣрь, два письма его, писанныя къ калужскому священнику Ивану Сергъеву, увлектемуся было въ хлыстовско-скопческую ересь и по раскаяніи представившему ети письма въ святъйтій синодь. Встять писемъ [Селиванова къ нему болье десяти.

Письмо 3. Христосъ воскресе! Воистину воскресе во славу Божію, а намъ на спасеніе и въчную радость. Возлюбленному мосму сывочку И. С. Посылаю я тебъ мое отеческое благословеніе и милость Божію съ неба и покровъ Отца моего небеснаго и вивкой мой пеклонъ съ покровомъ Отца моего небеснаго. Любевный мой сывочекъ воживи, а мял истинному отцу-искупителю послужи въ кротости и смиреніи, въ любви и совътъ. Хравите чистоту и дівотво, оберегайтесь ліпости и правдныхъ словъ и хмільныхъ напитковъ. А на бесьду ходи, только не заглядывайся на сестеръ и не давай видимыхъ гостинцевъ. Отъ нихъ заходитъ ліпость, которая побдаєтъвесь свътъ и отъ Бога прочь отводитъ. А ты любевный мой сыночекъ самъ знаеть какъ надобно жить и дуту свасти. Еще, любевный мой сыночекъ, И. С., нельяя ли тебъ побывать ко меть, отду сврему искупителю. А я сердечно тебъ радъ и желаль бы я тебя

приходили къ нему просить благословенія, милости и покрова. Онъ раздавалъ имъ сухарики, кусочки сахара, ладана. восковой свичи. Все это принималось какъ ведикая святыня. Еще большею святыней почитались остатки пиши оть стола Селиванова и части его "святыхъ живыхъ мощей": обръзанные ногти, оставшіеся въ гребню волосы, кусочки его одежды. Ихъ завертывали въ бумажкахъ и держали у образовъ. или зашивали въ ладонки и носили на креств вивств съ рублями и полтинниками, чеканенными въ непродолжительное парствованіе Петра III. Изъ монеть Петра III особенно уважались такт-называемые "крестовики", на которыхъ четыре буквы П. вычеканены были крестообразно. Съ развыхъ сторонъ привозили въ Петербургъ, къ Кондратью Селиванову, скопческихъ учителей, наставниковъ, пророковъ в пророчицъ, которыхъ онъ благословлялъ на исполнение ихъ должностей, махая на нихъ платкомъ, давалъ имъ

повидать лично и побесвдовать сътобою. Итакъ, остаюсь истинный вать отецъ-искупитель. Проту и молю пебеснаго своего Отца дабы похраниль жизнь вашу до конца. Истинный вать отецъ, остаюсь живъ и здоровъ на въки. Аминь. Еще желаль бы я тебъ знаться и водиться съ моимъ любезнымъ и стариннымъ сыночкомъ С. М.

Письмо 4. Христосъ воскресе! Bouctury воскресе во сазву Вожію, а намъ на спасеніе и въчную радость. Возаюбленному моєму сыночку И. С. Посылаю тебъ заочно миръ и мое отеческое благословеніе. Не заглядывайтесь на женскій поль, отъ женскаго поль приходить человыкь въ слабость, которая повдаеть весь свыть и отъ Бога отвращаетъ. А намъ только дана чистота наша и душу спасти. А вы аюди ученые, вамъ можно знать кто какъ себя спасаль: kakoe житіе вель Дмитрій Ростовскій и Вогу служиль, такъ и Иппокентій Иркутскій, который взяль благодать въ Москвъ. Но и все угодники на земае не въ славе были, а слава вечная на небеси. Возлюбленный мой сынокъ, воззри на житіе отца своего искупителя, какъ я жизнь свою проводиль, какія пужды пріяль въ дальней стракв, и обратите внимание и сердечные очи на глаголы истинные своего отца и посмотрите на понесенныя мною скорби и раны и раздробленные мои члены. А все сіе сотвориль для того чтобы показать чистоту и девство и утвердить истинный залогь и разорить лепость и печистоту. Такъ остаюсь истипный отець, проту и молю небеснаго своего Отца, дабы похраниль жизнь вату во всякомъ благочестіц до конца и прочихъ. А тебе посылаю на века nou nokpose ote nears u go stre. Anune.

* Это называлось "подавать покровъ". Платокъ отца-искупителя скопцы называли "покромомъ".

твльному кипарисному кресту, по платку (покровъ) и по нъскольку маленькихъ образковъ (финифтевыхъ) и сухариковъ для раздачи "върнымъ праведнымъ". *

Крестьянинъ Иванъ Андреяновъ, въ своемъ донесеніи императору Александру Павловичу, говорилъ: "Когда отецъ-искупитель новопоставленному скажетъ бывало свою милость и покровъ, то давалъ ему объ ручки, также и каждому. Алюди Божіи, принимая его ручки и платокъ, крестились,

^{*} Крестьяния Иванъ Андреяновъ, въ донесени поданномъ императору Александру Павловичу въ 1825 году, говорить: "когда отецъискупитель благословляеть какого-либо скопив на должность учителя, то служащие отпу-искупителю дають благословенному съ го-40вы его волосы.... Я привезъ съ собой въ Петербургъ насколько волось съ головы искупителя, инф даль ихъ учитель мой Алексей Ивановъ въ знакъ великато подарка. Нъсколько же водосовъ съ годовы учителя моего (Алексъя Иванова) дала миз крестьянка-пророчила скопловъ. Люди божін такіе волоса принимають съ великимъ уважениемъ и называють таковые "частями живыхъ мощей" и пранять у себя съ бережанвостію. Въ 1827 году возникао въ Суздаль дело о монахине Паисіи. У нея въ келье найдены были волосы и образки когтей, тивтельно сохранденые. По производившемуся всладстые дваа о Пацсіц розысканію, на Москва была обыскана дома купчихи Анны Аванасьевны Подкатовой, где бывали скопческія собранія и гдв передъ тамъ жилъ наставникъ, скопецъ Ларіонъ Подкатовъ, и деховая Акка Ивановна пророчица, бывшіе въ сношеніяхъ съ моважинею Паисіею. Во время обыска и здась были найдены образки вогтей и волосъ. Подкатова и Иванова сказали, что волосы и ногти остались у нихъ въ воспоминание отца Ларіона Андреевича Подкатова, тогда уже умершаго. Туть же найдено было шесть гусиныхъ перьевь очиненныхь безь раскепа и загнутыхь крючкомъ, кошть удотребленіе неизвъстно, четыре пражки, особаго рода ножь, шесть стклянокъ съ примочками. (Дъло департамента общихъ дълъ министерства виутренних доль 1829 г., № 26.) Дезертиръ Будыдинь въ своемъ объяваении показаль что всю почти скоппы имеють у себя полученные отъ отца-искупителя волосы, которые сохранамоть на крестахъ въ мадонкахъ и въ сундучкахъ, и почитають за педикую святыню. (Дпло того же департамента 1829, № 81.) Такбовской губерніц, Усманскаго увада, въ 1829 году, при обыскі дома создатки Дарьи Григорьевой Чузковой, принадзежавшей къ скопчеакой секта, найдены человаческие волосы, аккуратно завернутые въ бумажку и хранившіеся въ деревянных небольших складняхь. При осмотра же въ домакъ жившикъ въ города Усмани давокъ, Матрежы Чулковой, Надежды Мартемьяновой, Авдотьи и Надежды Труб-

прикладывались къ онымъ, и крестясь, кланялись искупителю въ ноги. Служащіе же при искупитель давали некоторымъ съ головы его волосы и Посланіе отуа-искупителя, въ которомъ описаны его страданія." По словамъ Андреянова, отецъ-искупитель спрашивалъ иногда у приходившихъ: убъленъ ли такой-то, и умъетъ ли радъть, и когда ему отвъчали что убъленъ и радъть умъетъ, то говорилъ: "Ну, дай Господи, дътушки: тотъ у меня и архіерей кто стоитъ у монхъ дверей, тотъ у меня, отца, и генералъ, кто плоть свою

виковыхъ (изъ вихъ Надежда Ивановна Трубникова, по показанію Будылина, была наставницею или пророчицею), найдень въ сундукф кипарисный тальный кресть, а при вемъ привязаны ладонки, въ которыя были запиты съдые волосы и два малепькіе кусочка ладана. (Авло того же департамента, 1829 года, № 107.) У скопровъ Псковской губерији, Опочецкаго увада, въ 1829 году найдены были волосы и погти, кот рые они посили на шев при крестахъ. Тамошній скопческій учитель Захаръ Григорьевъ показаль, что волосы и вогти достанись ему въ звакъ памяти отъ бывшаго ваставника скопцовъ Селиванова, жившаго въ Петербурга, въ дома Кострова, а потомъ сославляю въ Суздаль. Чиновникъ XIV класса скопель Осдоръ Васильевъ показаль, что волосы и погти даль ему петербургскій околеда Андрей Кострова, са тама чтоба иха носить на шеа, при кресть, ибо, по увърению Кострова, они отъ мощей Александра Henckaro. (Ando moro see denapmamenma. 1829 roga, Nº 148.) Bopoнежскаго увзая, у создатки Емезьяновой и у другой женщины, состоявшихъ въ скопческой секть, въ 1836 году найдены узелки съ ладапомъ, воскомъ и какими-то корешками. (Дъло тово же департамента 1836 г., № 270.) При осмотръ въ вачаль выпътвивато года 40ma mopmanekaro kynna Makeuma II40runama, "ekonna neockonaenваго , найдены были завернутые въ бумажку съдые волосы. Квлужскій священникъ Иванъ Сергвевъ, бывшій въ переписка съ Кондратьемъ Селивановымъ, въ своемъ Избяснении раскола именуемаго христовщина или хлыстовщина, говорить: "Есть у пихъ высочайтий учитель, а о имени и въ письмахъ своихъ никому не объявляеть. Последователи его зовуть "государемъ", "батюткою", "богатымъ гостемъ", куппомъ торгующимъ безпаннымъ товаромъ, то-есть словомъ Вожішнъ, "рекою Допомъ". Отъ него происходять всь пророки и учители. Оный "батюшка" всегда пребываеть св одноже изе первыке городось, къ кему со всых сторовъ събажаются просить благословения. Окъ одбляеть крестами и дарить иколами, отсутствующимь же посылаеть сухарики, коими будто самъ питается, просфиры, баранки и воду святую. Употребаяють все сіе какъ святывю."

не замаралъ. Однажды, продолжалъ Иванъ Андреяновъ, нъкая женка принесла искупителю десять копъекъ мъдью. Искупитель вынесъ эти деньги въ собраніе, положиль на столь и сказалъ: "сія женка принесла мнв только десять копвекъ, но отъ усердія и оное мив пріятиве прочихъ, пріятиве большаго приношенія". У искупителя мало молятся Богу: только полагають по три поклона въ землю, а поклоняются ему или его портрету; но всв радвють до сыта, поють духовныя пъсни, слушають отъ пророжа слово и расходятся по своимъ мъстамъ: а сходятся въ соборъ искупителя всегда въ полдень. Одинъ изъ пророковъ, провъщавшій въ міръ искупителя, выпаль что въ искупитела ихъ Госполь Саваосъ и съ ручками и съ ножками.... Учитель мой (Адексви Ивановъ) говариваль: "у Небеснаго Отца слуги безплотные, такъ и у государя батюшки слуги безъ плоти (то-есть оскопленные); прежніе святые беседовали съ Богомъ лицомъ къ лицу, такъ и теперь святые божьи (то-есть скопцы) бестьдують съ богомъ лицомъ къ лицу"... Восемь летъ тому назадъ (сталобыть въ 1816 году) вздили въ Петербургъ къ искупителю двв дввицы пророчицы, а по возвращении говорили что передъ святыми образами не должно возжигать масла, такъ какъвъ Питеръ у искупителя и у хорошихъ людей масла не возжигають передь образами. Онв тогда же говорили, что не должно молиться за умершихъ. Все это по внушению искупителя. Дъвицамъ этимъ искупитель прорекъ: "Аннушка да Феклушка! я, отецъ, растворю для васъ соборы, и божьи люди васъ примуть и угостять, и вы не будете въ нуждъ". Но онв теперь, замичаеть Иванъ Андреяновъ, отъ божьихъ людей прогнаны и не имъютъ пристанища... Искупитель благосклонно отзывался объ отсутствующихъ его последователяхъ. Онъ говариваль: "невидящіе меня, отца, и върующіе въ меня преблаженны; иной и со мной да стоить ко мнв спиной, а иной и далеко, да близко моего бока". Нъкоторые приходили къ искупителю въ веригахъ и просили позволенія носить ихъ; искупитель отвівчаль: "во иное время носите, а въ другое подъ лавку кладите: мои детушки носять тайныя вериги".

Отенъ-искупитель долго жилъ въ домв Непастьева. Ненастьевы находились въ короткихъ отношенияхъ съ разными

^{*} Донесеніе крестьянина Ивана Андреянова императору Александру Павловичу, подвинов въ фовраль 1825 года.

апрами изъ петербургского духовенства, изъ купечества и даже изъ образованнаго общества. Многіе изъ ихъ знакомыхъ хотя и не принадлежали къ хлыстовщинъ, по искали случая увидеть Селиванова и получить оть него благословеніе. Онъ слыль за святаго человъка, объ немъ разказывали много таинственнаго, чудеснаго, поговаривали что онь предсказываеть будущее, а этого было достаточно для нъкоторыхъ чтобы спетить къ Ненастьеву и добиваться свиданія съ праведникомъ. Нередко въ доме Ненастьева появлялись благочестивые монахи и монахини, какъ петербургскіе, такъ и прівзжавшіе въ столицу за сборами. Нередко по пескольку каретъ, заложенныхъ по тогдащиему обыкновению четвернями и шестернями, стояли въ Басковомъ переулкъ, у дома Ненастьева. Это набожныя петербургскія барыни прівзжали къ праведнику привять благословеніе, послушать поученій, а можетъ-быть и пророчество услышать. Не всв однако ви-дали "праведника", но только приводимые къмъ-либо изъ семейства Ненастьевыхъ. Селивановъ и ихъ одвляль сухариками, пряниками, баранками, иногда финифтяными образками, и имъ давалъ цъловать свои руки и одежду. При этихъ поклоненіяхъ, разумъется, не происходило ничего оказывающаго жинстовско - скопческую ересь. Для усыплепія блительности подипіи и чтобы доказать неосновательность слуховъ, укоторые не могли же не распространаться о тайномъ учении и обрядахъ скопцовъ, Невастьевы, а потомъ Костровъ и Солодовниковъ, у которыхъ жилъ Селивановъ, приглашали къ себв и министра полиціи Балашова, и петербургскаго генералъ - губернатора графа Милорадовича, и графа Петра Александровича Толстаго, и оберъ-полицеймейстеровъ, и другихъ. При нихъ совершали они молитвы и слушали поученія, но тогда, конечно, не упоминалось ничего такого что могло бы показаться предосудительнымъ. Бывали у Селиванова и тогдашніе мистики: князь А. Н. Голицынь, А. О. Лабзинъ, В. М. Поповъ и другіе почитавтіе его боговдохновеннымъ сосудомъ. Въ Михайловскомъ дворпъ, у Татариновой, совершались тв самые обряды какіе совершались по ночамъ у отпа-искупителя.

О собраніяхъ "върныхъ праведныхъ" у своего батюшки цара израильскаго имъемъ свидътельства нъсколькихъ очевидевъ. Приведемъ изъ нихъ три: одно того времени когда Селивановъ жилъ у Ненастьева, другое когда онъ жилъ у

Кострова, третье когда онъ имель пребывание уже въ своемь доме, построенномъ для него Солодовниковыми.

Въ сентябръ 1846 года, когда въ Петербургъ и Кронштадтъ производились розыски скопцовъ, семидесатильтий отетавной фельдфебель Николай Ивановъ, служившій при маякахъ, а послъ отставки жившій въ Кронштадтъ, даль весьма любопытныя показанія о собраніяхъ въ домъ Ненастьева. Онъ не былъ оскопленъ, но нъкоторое время находиаса въ обществъ скопцовъ, отъ которыхъ вскоръ отсталъ в женился.

Будучи лівть тридцати съ небольшимъ, онъ въ 1808 году служиль въ Ревель и тамъ познакомился съ унтеръ-офицеромъ морскаго відомства Александромъ Дмитріевымъ. Этоть Дмитріевъ быль оскопленъ, и онъ, и жена его принадлежали къ скопческой ереси, чего однако не зналъ тогда Николай Ивановъ. Въ 1810 году обочить ихъ перевели изъ Ревеля: Иванова въ Кронштадтъ, гдв онъ съ тремя матросами (оскопленными) жилъ на Толбухинъ маякъ, а Дмитріева въ Петербургъ, въ адмиралтейскія мастерскія.

Зимой, когда службы на маякахъ не было, Николай Ивановъ по праздникамъ взжалъ въ Петербургъ и посъщалъ ревельскаго своего знакомца Александра Дмитріева въ его квартиръ. Случились два праздника сряду, онъ повхалъ изъ Толбухина въ Петербургъ и остановился у Дмитріева. "Рано по утру, сказывалъ Николай Ивановъ въ сафдственной коммиссіи 1846 года, замътивъ что Дмитріевъ сбирается идти со двора и узнавъ что онъ идетъ къ заутренъ, а пресилъ его взять меня съ собою, но онъ велълъ мнъ остаться дома, а самъ ушелъ. Часу въ десятомъ утра пришелъ ко мнъ молодой человъкъ въ купеческой одеждъ, совершенно мнъ мезнакомый, назвалъ меня по имени, говорилъ что онъ меня знаетъ и пригласилъ идти съ собой къ объднъ.

"— Куда же мы пойдемъ, къ Спасу на Сънной что ли?—спросилъ я его, выходя изъ дому.

"— Да, къ спасу, * отвітиль молодой человінь, и мы пошли. "Но вмісто того чтобъ идти въ церковь Спаса на Сіннюй, онъ привель меня въ Староконюшенную улицу (Басковъ переулокъ), въ домъ Ненастьева.

"Мы вошли въ компату нижняго этажа. Тамъ сняли съ мена бывшее на мив платье и дали надвть халать и туфли. Въ этой компать было нъсколько оскопленныхъ мальчиковъ разваго возраста. По ихъ лицамъ, я принялъ ихъ за выздоравливающихъ послъ тяжкой болъзни, не зная что они излъчиващись туть отъ оскопленія. Мальчики просили моето вожатаго подвести мена къ нимъ. Вожатый сказалъ: "На что онъ вамъ?" Но я самъ подошелъ къ мальчикамъ. Они, посмотръвъ на меня внимательно, сказали: "Этотъ будетъ нашъ." Послъ того вожатый повелъ меня вверхъ по лъстницъ. Ступивъ на третью ступень, услыхалъ я слъдующія слова, пътыя на распъвъ: "Овцы, вы овцы, овцы бълыя мои!" Я остановился отъ удиваенія; но вожатый взялъ меня подъ руку и повелъ далъе, сказавъ: "Какой ты любопытный!"

"Мы пришли въ комнату, гдъ нашли: Александра Дмитріева, чиновника Пищулина, до того времени мнъ неизвъстнаго, и еще одного чиновника, котораго а видалъ въ Ревелъ. Мы съли на диванъ, и они стали давать мнъ наставленіе какъ должно жить на свътъ, на что я отвъчалъ имъ что я и самъ понимаю что хорошо, что худо. Поговоривъ немного, Пищулинъ сказалъ мнъ:

"Теперь пойдемъ къ "богу", дваай что я буду дваать, и молись съ крестомъ."

Въ отвътъ на это, я показалъ ему бывшій у меня на шев крестъ; но Пищуливъ съ улыбкой отвъчалъ мив:

"Ты не поняль моихъ словъ; крестись на него."

"Привели меня въ компату, устланную цельнымъ большить ковромъ, на немъ вытканы были лики ангеловъ и архангеловъ. Мнъ страшно стало ступать на святыя изображенія, но Пищулинъ дернулъ меня и вельль идти. Я увидалъ кровать. Постланные на ней пуховики были въ мой ростъ, надъ кроватью былъ пологь съ кисейными занавъсками и золотыми кистями. На постели лежалъ въ пуховикахъ старикъ въ батистовой рубашкъ, котораго Пищулинъ и собратія его называли "богомъ". Они молились ему, какъ мы молимся истинвому Богу. Пищулинъ сталъ молиться на кольнахъ и мнъ вельлъ то же льдать.

"Богъ, указывая на меня, спросилъ Пищулина:

"Давно ли онъ желаетъ?"

"Уже съ годъ", отвъчаль тотъ.

Тогда богь прикаваль Пищулину подать себѣ крестъ, взяль т. иххи.

его, поциловаль и мин даль приложиться ко кресту и потомъ поциловать свою руку. Затимь онь сказаль Шищулину "Отвели его къ пророку."

"Пищулинъ привелъ меня въ сосъднюю компату, гдъ сидъло четыре человъка, въ томъ числъ и Дмитріевъ. Кромъ ихъ, тутъ находился еще одинъ человъкъ, онъ стоялъ на колъняхъ передъ пророкомъ, а пророкъ, одътый въ бълую до пятъ рубатку, и стоя, прорекалъ будущее, но слова его были для меня непонятны. И я въ свою очередъ сталъ передъ пророкомъ на колъни, и онъ объщалъ миъ золотой вънецъ и нетлънную ризу. Пророкъ оканчивалъ свои пророчества, махая платкомъ и говоря: "Оставайся богъ съ тобой и покровъ мой падъ тобой." Онъ велълъ отвести меня въ "соборъ", и бывтие въ комнатъ повели меня внизъ, откуда раздавалосъ слышанное мною пъніе.

"Комната, въ которую мы вступили, была огромной величины; вокругь ствны стояли стулья; туть было больше стачеловъкь, въ томъ числъ и мои товарищи по маяку, матросы Есимъ Сидоровъ, Аверьянъ Ивановъ и Флоръ Гурьевъ. Всъ были въ длинныхъ бълыхъ рубашкахъ, и напъвая, кружились въ два ряда. Это они, по ихъ выраженію, "ходили кораблемъ". Въ маломъ пространствъ оставшемся середи круга нъсколько человъкъ вертълись на одномъ мъстъ. Меня посадили на стулъ и заставили, такъ же какъ и удругихъ сидъвшихъ на стульяхъ, разостлать на колъни платокъ и подлаживать пънію кружившихся, ударяя въ тактъ руками и ногами. Такъ шло весь день до вечера. Часу въ девятомъ вечера пъніе и круженіе вдругъ прекратилось минутъ на пять. Настала мертвал тишина. Потомъ запъли:

Царство, ты царство, Духовное царство, Во теба во царства Баагодать великая."—

и после того снова все затихло.

"Туть растворились двери, и богь, одетый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье, тихо вошель въ компату. Его вели подъ руки два человъка, которыхъ называли Іоанномъ Предтечей и Петромъ Апостоломъ. На вихъ были темпыл рясы, подпоясанныя ремнями. Увидя ихъ все пали на колени, а богь, махая белымъ батистовымъ платкомъ, говорилъв "покровъ мой святой надъ вами", и прошелъ на женскую половину.

"Женское отделеніе было въ смежной комнать; въ стень же раздваявшей объ комнаты было прорублено низкое, но широкое окно, которое по приходъ бога открыли. На этомъ окнъ была поставна постель, на которую богь и сълъ. Предтеча и апостолъ остались на женской половинъ у самого ложа бога. Пророчицы начали богу пророчествовать. За симъ какъ женщины, такъ и мущины, стали кружиться. Богъ, пробывъ тутъ съ часъ времени, снова былъ отведенъ тъми же что привели его. Съ уходомъ его, окно на женскую половину было закрыто, но круженія не прекращались.

"Часу въ двънадцатомъ по полуночи кружившеся стали прыгать всв въ одинъ разъ, такъ что стъны тряслись, и кричать: "Ай духъ!" Это навело на меня такой страхъ, что я хотълъ выскочить въ окно; но меня удержали. Вдругъ шумный крикъ замънился тихимъ пъніемъ: "Царь Богъ, Царь Богъ". И снова стали кружиться.

"Вскоръ соборъ прекратился, всъ разошлись, а я остался ночевать въ томъ домъ, но въ особой компать, вмъсть съ человъкомъ который меня привелъ туда. На другой день повторилось то же самое, и меня отпустили уже на третьи сутки. Я съ товарищами отправился въ Кропштадтъ.

"Въ Кронштадтъ меня привезли въ "кронштадтское братское общество", находившееся въ нижней широкой улицъ, въ домъ Родіонова, куда я и прежде хаживалъ, но еще не зналъ о существованіи общества. По приходъ нашемъ общество радушно насъ встрътило, всъ стали молиться другь на друга, а прибывше со мной товарищи сказали: "Батюшка и духъ святый и върные праведные кланяются." Тутъ прочли письмо отъ Пищунива, въ которомъ было написано что я былъ принятъ въ общество.

"Я каживаль къ вимъ редко. Однажды меня затащили въ общество, мы стали кружиться, но у меня съ непривычки закружилась голова, а упаль и урониль съ собою несколько человекъ. Въ этомъ обществе читывали страданія ихъ бога. Слумая, они заливались слезами, а я, чувствуя ко всему этому омерзеніе, оставался равнодушнымъ. За то они называли меня истуканомъ. Однажды я спросиль чиновника котораго видель въ доме Ненастьева, кто этотъ старичокъ котораго они называютъ богомъ.

"Это государь Цетръ Өедоровичъ", отвъчаль окъ. *

"Бога скопцовъ я видывалъ каждый разъ какъ бывалъ въ Петербургв въ ихъ обществъ, въ домахъ Ненастьева и Кострова. Въ семъ послъднемъ домъ видълъ я бога, такъ же какъ и впервые, сидъвшимъ на богатой постели. Въ другомъ положении я его не видывалъ. Когда же этотъ богъ бывалъ на соборъ, то на ногахъ у него были золотомъ шитыя туфли, на которыхъ, какъ помнится, находились какія-то священныя изображенія."

Когда Селивановъ жилъ у Непастьевыхъ, домъ ихъ представлялся чёмъ-то въ родъ страннопріимной обители. Скопцы такъ и называли его. Сюда стекались многочисленные послъдователи хлыстовско-скопческой ереси со всъхъ концовъ Россіи. Тутъ бывали изъ Иркутска, изъ Одессы, изъ Риги, изъ

^{*} Далве фельдфебель Ивановъ разказываль следующее: "все что я видълъ и слышаль въ этомъ обществъ, настоящей пъли котораго не постигать, поселило во мит сильное къ нимъ отвращение. Но какъ я уже саышаль что всь эти люди оскоплены, то желая въ томъ тбедиться, свазаль однажды Пищулику что видель сонь, будто бы Николай Чудотворецъ мив говориль, "ежели хочеть быть спасекъ, оскопись". "Экой ты глупый, возразиль Пищулинь, это самь богь васжиль тебь эту мысль." "Да развь вы обрызавы?" скаваль я Пиmyauny. Да какъ же, отвътцав мин онь, безъ того нельзя спастись." Туть я получиль омерзеніе и сталь оть никь удаляться. У mena были разныя духовныя книги, и когда скоппы заметили что я стараюсь отъ нихъ удаляться, то сперва уговаривали меня сжечь эти книги, потомъ предлагали за нижъ большія деньги, говоря что чтеніе ихъ развращаеть меня и отвлекаеть отъ истинато пути; но все ихъ убеждения остались тщетными. Эти книги были моимъ утъменіемъ, и я сохраниль ихъ. Пророкъ и еще какой-то купецъ прівзжали изъ Петербурга уговаривать меня не отходить отъ нижь, требовали только чтобъ я не женился, предоставляя свободу имъть пезакопныя связи, по всв ихъ убъжденія остались безполезны, я оставиль ихъ общество, и въ 1813 году женился. Темъ и прекратились мои спотелія съ этими людьми. Во время знакомства моего съ ними, когда я уже сталь съ ними коротокъ, они говорили миз что міръ проклать, что божиться въ этомъ мірь выть грыха, лишь бы не говорить правды; православную церковь называли "муравьипынь гиводомь", повосили св. причащение и говорили, что ежели ожи и ходять въ церковь, такъ только за темъ чтобы къ нимъ не привавывались. "Святое причащение принимаемъ ны, говорили они, по нужда; возьменъ за скулу, посла ножно выплюнуть". Ихъ же причащение закаючалось въ кренделяхъ, освящение которыхъ состояло въ томъ

Азатыря, словомъ, отовсюду гдв была распространена ересь, а распространена она была почти по всемъ губерніямъ. Приходившіе на поклоненіе въ Петербургь немедленно получали въ обители отпа-искупителя покой и пишу и были осыпаемы всевозможными ласками приближенных къ богу. Подъ видомъ заботливости и участія, опи старались между твиъ вызнавать домашнія отношенія пришедшаго, житейскія его обстоятельства и пр., а потомъ передавъ все это пророку, къ которому посылалъ обыкновенно Селивановъ покаонниковъ, ставили его въ возможность сказать при свиданіи съ посьтителемъ нъсколько словъ, которыя бы въ глазакъ пришедшаго свидетельствовали что пророкъ въ саномъ двав обладаетъ духомъ пророчества. Поклонники съ простосердечіемъ и вірой падали предъ Селивановымъ на землю, и получа утешение и уверение что благодать Божія всегда съ ними пребываеть, орошали стопы своего "батютки" радостными слезами. Снабженный краткимъ наставленіемъ для жизни и подаркомъ на благословеніе: бумажнымъ платкомъ, финифтянымъ образкомъ, сухарикомъ, пряникомъ или кусочкомъ сахара, поклонникъ отправлялся въ свою сторону чтобы тамъ еще съ большимъ рвеніемъ, еще съ большимъ фанатизмомъ распространять скопческія заблужденія. **

что богъ ихъ касался рукою до тъхъ кренделей. Когда въ 1812 году въ Россію вступилъ Наполеонъ, скопцы говорили миф, что это сывокъ батюшки (бога), который писалъ къ нему чтобъ онъ шелъ къ намъ. Они увъряли что при Наполеонъ будетъ хорошее царствованіе: всъхъ крестьянъ возьмутъ отъ господъ. Когда же Наполеонъ былъ изгнанъ изъ Россіи, то я сказалъ скопцамъ: что, много ли напраствоваль вашъ Наполеонъ? "А это отъ того, отвъчали они, что онъ батюшки не послушалъ". Въ Кроншадтъ былъ только одинъ пророкъ Яковъ Андреевичъ Кушеверскій, матросъ, находившійся постоямно на въстяхъ у корабельнаго мастера; пророчидъ же вовсе не было въ Кронштадтъ. Онъ находились въ Петербургъ, и каждому изъ васъ порознь пророчили. Онъ между прочимъ говорили что у нихъ была богородица Акулина Ивановна, умершая въ какой-то губерніи, вазваніе которой не припомню, и что она воскреснетъ.

^{*} Кромѣ Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Витебской, Волынской, Минской и Астраханской; но и въ этихъ губерніяхъ скопцы и хлысты не были только открываемы формальными следствіями, въ тайнѣ же и тамъ находились.

^{**} В. И. Дала Изслюдованіе о скопулюч. Скопческіе учители жившіе въ отдаленныхъ местахъ и "страдальцы скопцы",

Вмѣсто всей этой "святыни", дешево стоившей приближеннымъ Селиванова, они получали отъ поклонниковъ дары болѣе существенные: деньги текли рѣкой, и въ непродолжительномъ времени казна "обители" въ домѣ Ненастьева обогатилась до чрезмърности. Очевидны, изъ которыкъ многіе были живы въ сороковыхъ годахъ, а нѣкоторые, можеть-быть, живы и теперь, увѣряютъ, что самъ Селивановъ изъ этихъ пожертвованій ничѣмъ не пользовался, за то приближенные его не упускали случая поживиться на счетъ легковърія ближнихъ и дальнихъ почитателей отцаискупителя. Многіе изъ нихъ нажили значительное состояніе. Больше всѣхъ обогатился Солодовниковъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ казначея въ обители Ненастьева, а въ посаѣдствіи державшій отца-искупителя въ своемъ домѣ.

п. мельниковъ.

(Продолжение будеть.)

то-есть ваходивніеся подъ судомъ ими сафдствіємъ и сидфвніє вътюрьмахъ, также получами изъ Петербурга подарки: кумекъ правичныхъ орфховъ, крендемей, сухой рыбы, равно и другихъ предметовъ остающихся отъ стола отца-искупителя. Эти объфдки своего царя и бога принимали они какъ драгоцфинфйную святыню, равдфлями между "вфрными-праведными" и употреблями не иначе какъ натощакъ, съвеликимъ, блягоговфијемъ, тогда какъ пріобщаясь въправославной церкви, передъ причастьемъ тихонько завтракали. Пузырьки съ помоями оставшимися послф умыванья Селиванова также разсылали какъ святыню, но самою великою святыней были "части святыхъ живыхъ мощей", то-есть волосы, обрфзанные ногти и т. п. Самыя нечистоты Селиванова почитаемы были за святыню.

ВОСПОМИНАНІЯ САМОВАРА

I.

"Какъ? Развъ самоваръ смыслить что-нибудь?!" воскликнутъ, пожалуй, люди. "Развъ въ самоваръ можетъ быть панять, умъ, соображеніе?..." О люди! если въ васъ частенько вътъ этихъ качествъ, то это, повърьте, не есть еще доказательство отсутствія ихъ въ самоваръ.

Позвольте мив сдвлать вамъ одинъ только вопросъ: несмотря на ваше безграничное самолюбіе, на ваши увъренія что вы стоите выше всего на свътв, не признали ли вы за столами способности предугадывать будущее? Не одни глуппы, но первако и умпые, образованные люди не обращаются ли съ задушевными вопросами къ вертящимся и стучащимъ столамъ? А что такое въ сущности столъ? Дерево, не болве. Я стою выше мелкой зависти; по признаюсь, не могу безъ негодованія подумать о несправедливости людей. Какъ часто ихъ идолы нелены, ничтожны, и какъ часто они ве опънивають истигно достойнаго! Какое же сравнение межау столомъ, этимъ беззвучнымъ, холоднымъ созданьемъ, и самоваромъ, въ которомъ столько жизни, теплоты, огня! И какъ немпого нужно чтобы навлектризовать всв его способвости! Стоить швырнуть въ его трубу въсколько угольковъ, да забросить туда искорку огна, и онъ мигомъ зашумить, закипить, заживеть всеми силами своей жизни, согресть своею теплотой всю окружающую его атмосферу, и если забудуть влить въ него достаточное количество воды, какъ элемента охлаждающаго, онъ, отъ избытка силы, готовъ развасться-предпочитая вялому бездвиствію энергическое преkpamenie своего существованія.

Я познакомился съ жизнью въ дом'в княгини Анны Өелоровны Симборской, хотя и проводиль большую часть времени на ясеневой полки въ буфеть. По утрамъ мена ставиль лакей Оилька, пьяница, но добракь, а буфетчикь Василій Ивановичь вносиль меня ровно въ девать часовь въ столовую и помъщаль на столь прямо противъ этажерки со множествомъ серебряной посуды; тамъ же, на верхней полкъ, стоялъ серебряный самоваръ — мой злъйшій врагь, причинившій мит бездну горя и обидъ. По вечерамъ всегда его вносили въ гостиную къ княгинъ: меня не считали достойнымъ этой чести. Я съ чувствомъ собственняго достоинства переносиль это оскорбленіе; но когда собиралось много гостей, серебрянаго самовара не хватало. На видъ онъ казался больше меня, но безполезныя украшенія занимали половину его фигуры, и для того чтобы принесть существенную пользу въ немъ недоставало содержанія. Въ продолжении одного вечера меня ставили пъсколько разъ кряду. Какъ только серебряный самоваръ оказывался совершенно пустымъ, его вносили въ буфетъ, приближали ко мяв, и наполнивъ водой, согрътой моими силами, опять несли въ гостиную. Въ последствии, когда я сталъ замечать какъ часто и люди, для того чтобы блестеть и выказываться въ высших в сферахъ, пользуются временемъ, способностями другихъ, незамъчаемыхъ людей, которыхъ потомъ бросаютъ какъ корку выжатаго лимона, - я пъсколько утвшился; по въ первое время моего существованія я быль юнь, неопытенъ, слишкомъ горячъ, и не могъ хладнокровно переносить той минуты, когда серебряный самоварь, вновь кипяцій, опять выносили изъ буфета, а меня Оилька опять начиналь ставить, при чемъ иногда, подъ пьяную руку, не обращая вниманія ни на мое изнеможеніе, ни на мою патуру, наполнялъ меня прежде горячими угольями чемъ водой.

Въ столовую, по утрамъ, на запахъ печенья, первая являпась Биби, болопка княгини, съ замъчательно длинными, въчно мокрыми волосами около морды, и усаживалась на приготовленной для нея, на креслахъ у стола, бархатной подушкъ. Потомъ входила Мими, хорошенькая воспитаница княгини. Потомъ вбъгала со связкой ключей въ рукахъ Матрена Петровна, пъчто среднее между ключницей, приживалкой, подругой и рабой княгини, и начинала приготовлять чай и кофе, перекидываясь обыкновенно изсколькими словами съ Мими и съ Васильемъ Ивановичемъ.

- Что, Марья Андреевна, были-съ вчера опять во французскомъ театръ? спросила въ одну изъ такихъ бесъдъ Матрена Петровна, обращаясь къ Мими.
  - Да, отвъчала отрывисто Мими.
- И князекъ Василій Дмитріевичь были-сь съ вами? продолжала медленно и съ меланхолическимъ выраженіемъ Матрена Петровна.
  - Да. Очень весело было, говорила не безъ намъренія Мими.
- Не житье, а масленица! воскликнула съ тяжелымъ вздохомъ Матрена Петровна:—театры, да наряды, да ухаживаніе, да безділье, какъ вамъ не хорошіть при такой жизни. Вотъ при моихъ несчастіяхъ и заботахъ не мудрено что человізкъ прежде времени состарится, а какъ подумаеть, вамъ віздь не было на роду написано такъ жить: не знатнаго происхожденія, вольноотпущеннаго дочка....
- А вы чиновничья дочь, перебивала Мими, съ озлобленіемъ сверкнувъ глазами.—Какъ вамъ не надовстъ повторять одно и то же!
- Правду и лишній разочекъ не мізшаеть прислушать! говорила со спокойною грустью Матрена Петровна.

Раздавался звонокъ. Мими убъгала въ комнату княгини.

— Ишь какъ рано засустилась старая въдьма! также медленно и грустно бормотала про себя Матрена Петровна.— Что, Василій Ивановичъ, новый чай купленъ? обращалась она къ буфетчику.

Василій Ивановичь приносиль ящикь съ изображеніями уродливых пестрых в человічновь. Матрена Петровна отсыпала половину чая въ стекляную посуду, а другую половину авлила на двіз части, и пересыпавъ ихъ въ два бумажные бурачка, одинъ бурачокъ клала въ свой карманъ (необычайной глубины), а другой передавала Василію Ивановичу.

- Вотъ вамъ, голубчикъ, уговоръ дороже денегъ. Лучше имътъ свой чай чъмъ ходить все къ шкапу. Мало ли здъсъ въ домъ разнаго холопъя: въ душу каждаго не залъзешь!
- Эхъ, Матрена Петровна! Мив этотъ разъ приходится получить весь остатокъ. Вы и то со вчеращияго объда все вино себъ забрали!
  - Что ты! побойся Бога! никогда я тебя не забываю!
  - Много у меня накипъло противъ васъ на душъ, когда-

вибудь не стерплю, доведу о васъ все сведения са сія-

- Прикуси азычокъ, голубчикъ, да поставь свъчку Николаю угоднику за то что а пока молчу о твоихъ-то продъгкахъ.
- Я человъкъ простой, а вы, сами говорите, дочь чиковника, такъ вамъ стыдите, вотъ что!
  - Ой молчи, худо будетъ?
- Много я получиль оть вась за то что молчу? окромв непріатностей, ничего!
- Ничего?! Ахъ ты безстыдникъ, ахъ ты воръ безжалостный! воскликнула еще плаксивъе обыкновеннаго Матрена Петровна. Этотъ оттънокъ въ ел голосъ всегда
  неблагопріятно дъйствовалъ на нервы Биби: она начинала
  выть. Матрена Петровна одною рукой сжимала ей морду,
  другою давала ей энергическаго тумака.—Замолчить ли ты,
  противная тварь?! Господи! Неужели эта собаченка никогда
  не окольетъ?! Когда жь это прекрататся мои мученія! При
  этихъ словахъ она, бывало, горько заплачетъ и освободить
  морду Биби, чтобы подъ сурдинку высморкаться.

Скоро въ сосваней компать слышался шорокъ шелковаго платья. Василій Ивановичь кидался къ двери и очень ловко растворяль объ половинки. Входила княгиня, Мими вела ее подъ руку. Матрена Петровна разомъ преображалась: злой взглядъ ел съро-зеленыхъ глазъ мигомъ превращался въ приторно-масляный, на искривленныхъ плачемъ губахъ появлялась сладчайшая улыбка, визгливо-хриплый голосъ уступаль шьсто вкрадчивому шепоту.

- Какъ ваше сіятельство изволили ночку провести? спрашивала она, мелкими шагами подбъгая къ княгинъ.
  - Очень дурно, говорила княгиня.
- Опать върко боль въ спикъ? восклицала съ отчаниемъ Матрена Петровна.

Кпагина слегка кивала головой и садилась около стола, Василій Ивановичь подставляль ей подъ ноги вышитую скамейку.

- Господи! продолжала не безъ паеоса Матрена Петровна:—когда ты услышишь мои ежечасныя молитвы, когда прекрататся ваши страданія, княгиня!
- Что это у васъ посъ такой красный? перебивала ее квагина:—опять квыкали?

- Ахъ, ваше сіятельство! мало ли у меня горькихъ воспоминаній и страданій! Другому какъ съ гуся вода, а меня Богу угодно было сверхъ всяхъ испытаній еще над'ялить черезчуръ чувствительнымъ сердцемъ. Одно мое ут'ятельниць!
- Доволько, доволько, Матрека Петровка, у мека и безъ того мигрекь.
  - Ахъ! святые угодники! уксусу повюхать бы!
- Не нужно? Биби, поди сюда. Биби лениво поднималась, вытагивалась, медленно поворачивая хвостомъ, и перескакивала на колени къ княгине, где, лизнувъ ее въ лицо, укладывалась клубкомъ.
- Просто редкость, не собачка! восклицала съ энтузіазможь Матрена Петровна.—Какъ она привазана къ вамъ, ваше сіятельство, даже подчасъ трогательно бываетъ! (У нея навертывались даже слезы на глазахъ). Бибишенька, радость ты наша, обращалась она къ Биби, протягивая руку чтобы погладить ее.

Но Биби, начинала ворчать и даже выказывала поползновение цапнуть ее.

— Ахъ ты плутовочка! ласково продолжала Матрена Петровна:—знаю чего тебъ хочется.

Опа давала ей кусокъ сахару, Биби бойко выхватывала его, и прищуривъ одинъ глазъ, събдала сахаръ, и опять сворачивалась въ клубокъ.

— Не мътайте собакъ, сухо говорила кнагина.

Кнагина была ужь стара, но несмотря на лета и высокій рость, держалась совершенно прамо. Въ чертахъ ся худощаваго лица видны были следы прежней красоты.

- Молодые князья встали? спросила въ одно утро княгина.
- Василій Дмитріевичь изволять еще почивать, а **О**едорь Дмитріевичь въ билліардной.
  - Попроси Оедю и господина Деларозьеръ сюда.
- Ахъ, княгиня! воскликнула Матрена Петровна:—какія очаровательные манеры у новаго гувернера, какъ онъ одіть, какъ мило картавить!
- Овъ очевь похожъ на парикмахерскую куклу, которая выставлена на углу нашей улицы, замъчала Мими.
- Графина Eudoxie очень рекомендуетъ мяв его и съ большою похвалой отзывается о немъ, начала опять кнагина;— Theodor теперь въ томъ возраств, когда....

Въ компату вошли Өедя, корошенькій, кудравый мальчикъ, лътъ пятнадцати, и новый гувернеръ, совсъмъ еще молодой, съ черными закрученными усиками и завитыми волосами. Өедя, какъ всегда, подошелъ къ княгинъ, и сказавъ ей: "bonjour grand'maman", почтительно поцъловалъ ей руку. Она поцъловала его въ лобъ. Французъ сталъ граціозно и развязно раскланиваться.

- Вы уже давно въ Россіи? спросила его княгиня пофранцузски. (Разумъется, я, въ качествъ настоящаго Русскаго, знаю французскій языкъ чуть ли не лучше своего роднаго.)
- Я два года быль въ домъ графини Eudoxie Валянской. О! Я тамъ проживалъ чудныя минуты! прибавиль полувосторженно, полухвастливо Французъ. Да и вообще, я въ восторгъ отъ Россіи! Я совсъмъ не нашелъ той дикости нравовъ, того певъжества, которыя ожидалъ найти здъсь. На Западъ не отдаютъ справедливости Россіи и всему русскому! Увъряютъ, напримъръ, что Русскіе способны только подражать, что они не сдълали ни одного замъчательнаго изобрътенія. Да вотъ предъ нами самоваръ! Развъ самоваръ не русское изобрътеніе? Я хочу и о самоваръ кой-что написать.

Признаюсь, надежда попасть въ число героевъ описанныхъ въ иностранной литературъ весьма пріятно подъйствовала на меня.

. Княгиня стала распрашивать г. Деларозьера о планъ составленномъ имъ для занятій Теодора. Онъ говорилъ съ нею долго, скоро, я ничего не могъ понять, но все-таки вслушивался съ благоговъніемъ въ слова литератора.

- Проту васъ, сказала квягиня вставая,—обратить больше всего вниманіе на вопросы касающієся нравственности. Теодоръ теперь вступаеть въ возрасть, который.... который....
- Княгиня! перебиль ее господинь Деларозьерь съ торжественностью:—правственныя начала всегда составляли и будуть составлять основу всёхь моихъ помысловь и стремленій.

Матрена Петровна сидвла все время молча, сложивъ какъ институтка руки и поглядывая съ восторженнымъ умиленемъ то на княгиню, то на г. Деларозьера. Когда княгиня встала и вышла изъ комнаты, она вскочила и побъжала вслъдъ за ней.

- Вы, сударыня, здівсь живете? спросиль господинь Деларовьерь Мими.
  - Да. Я воспитывалась въ доме княгини.

— Если ваше образование соответствуеть вашей красоть, то вы составляете прелестивищее укращение вашего пола. (Мими молчала). Къ сожальнию, я долженъ оставить васъ, продолжаль онъ, покручивая былою рукой усики,—у меня дыло въ городь. Теодоръ! Чрезъ два часа начнутся наши занатия. Онъ ушелъ.

Теодоръ подбъжалъ къ Мими, схватилъ ее за руку и под-

— Я хочу поцваовать васъ, сказаль онъ, протягивая пухденькія, адыя губы.

Мими отскочила отъ него.

- Я, говорять, ребенокь, мив можно, приставаль тоть.
- Не смейте! Не трогайте меня!
- Или вы только большихъ любите? Я виделъ какъ Базиль целовалъ васъ.

Мими вспыхнула, ся глаза злобно засверкали. "Гадкій мальчишка!" пробормотала она съ ненавистью.

- Здравствуйте, очаровательная Мими! Чаю, пожалуста, чаю! заговорилъ весело, входя, князь Базиль. Опъ былъ красивъ. Уланскій мундиръ къ нему очень шелъ. Дайте ваши ручки.—Опъ сталъ ихъ цізловать.
- Оставьте меня, сухо сказала Мими и подошла ко мин. Когда она отвернула кранъ, я почувствоваль что ея рука дрожала.
- Не въ духъ? процъдилъ, улыбнувшись, князь Базиль: убирайся въ твою комнату, маршъ! обратился онъ къ Теодору.
  - Да, Базиль, что же.... заговориль, надувшись, Теодоръ.
  - Безъ отговорокъ, убирайся!
- Ну, такъ я все grand'maman разкажу, воскликнулъ Теодоръ, уходя и хлопнувъ дверью.

Князь Базиль подотель къ Мими и взяль ее за объ руки.

- Что съ вами? опросиль онь, нъжно пожимая ихъ:—что съ тобой, Маша, ты чуть не плачеть, продолжаль онь щепотомъ, я съ тобой, ты меня любить....
  - Нътъ, князъ, я васъ не люблю, перебила отрывисто Мими.
  - "Нетъ", "квязъ", "васъ", что ты хочеть этимъ сказать?
  - То что между нами все кончено.
- Умная дввушка, а какой вздоръ въ голову зашель, и все это изъ-за одного слова что на тебъ не желюсь, какъ будто можно любить только мужа или жениха. Я считаль бы безчестнымъ обманывать тебя.

- Да, теперь... прошентала Мими.
- Я никогда не упоминаль о жениться. Я говориль что люблю тебя это правда, я тебя очень люблю, а жениться на тебь не могу, потому что это произвело бы революцію между всьми бабутками, дядютками, тетутками, и опи оставили бы меня, пожалуй, безъ копьйки, ты знаеть, мое собственное состояніе не велико. Да и подобная женитьба повредила бы моей каррьеръ.
  - Я бы сама не вышла за васъ. Я васъ болве не люблю.
- Будто бы? спросиль князь Базиль, обвивая руками талію Мими и страстно глядя ей въ глаза....
- Оставьте меня, князь! Мнѣ тошно, гадко.... Эта жизнь въ вашемъ домѣ... ваше ухаживаніе... моя бѣдность....

Слезы брызнули изъ ея глазъ.

- Mama, ycnokouca....
- Мив опротиввла эта роль, я уйду изъ вашего дома, все равно куда, къ кому.... Не хочу называться "воспитанницей". Я хочу быть независимою, я уже почти невыста.

Недоброе, пекрасивое выражение пробъжало по ел лицу.

- Воть ужь это неправда! перебиль князь Базиль; его голосъ слегка задрожаль, онь криче прижаль Мими къ себъ.
- Пустите! восканкнува она. Въ дверякъ показавась Матрена Петровна.
- Прекрасно, превосходно! заговорила она еще плаксивъе обыкновеннаго. Ай да, Марья Андревна! безстыдница!
- Молчать! Не смейте оскорблять ее, она ни въ чемъ не виновата, громко сказаль князь Базиль.
- Василій Дмитрієвичъ! вы войдите въ мое положеніе, жалобно продолжала Матрена Петровна,—в'ядь я дочь чиновника, я благородная, я д'ввушка! Каково же жию присутствовать при такихъ сценахъ....
  - Молчать! повториль еще громче князь Базиль....

Въ эту минуту вошелъ Василій Ивановичъ, любопытивишій буфетчикъ въ мірів. Візроятно, услышавъ шумъ, онъ закотвлъ узнать въ чемъ дізло и нашелъ наилучшій предлогъ: "онъ пришелъ за самоваромъ", то-есть за мной!... О! какъ часто въ самыя интересныя минуты моей жизни, когда я дізлаль глубокомысленныя наблюденія надъ людьми, какойнибудь лакей грубо, неожиданно прерываль мою серіозную думу и уносиль мена, для того чтобы поставить на полків въ буфетів!... Разъ я услыхалъ важную новость: мой врагь, серебряный самоваръ, испортился. Этому безполезному фату исполнение самыхъ легкихъ обязавностей пришлось не въ силу! Его отдали въ починку. Меня стали чистить, чистить какъ никогда еще; прежде Оилька, потомъ самъ Василій Ивановичъ.

- Ай да Оилька! сказаль опт:—славно, брать, вычистиль, нечего сказать! Пропади ты совсемь и съ самоваромъ! (Экая логика, подумаль я, чемъ туть я-то виновать?!) Слышаль, кажется, что сегодня вечеромъ этоть самоварь надо къ чаю подавать? Такъ неть! везде пятна оставиль! Изволиль ужь нарезаться!...
- Гренно вамъ, Василій Ивановичъ, у меня, можетъ, вотъ этакой крохи клеба во рту не было, то-есть, разрази меня громъ Господній!

Овъ заплакаль. Овъ всегда плакаль когда пьявъ быль.

- Нечего хныкать, видимъ ужь!
- Васи-илій Ивановичъ! Ей Богу, грътно такъ обижать сироту! воскликнулъ Өилька, торжественно грозя пальцемъ.— Въдь я сирота, у меня ни отца, ни матери нътъ!

И зарыдалъ.

- Ишь завыль какъ! Пошель въ кухню, проспись, пропащая твоя душа!
- Не пойду! Воть что! заговориль съ замечательною энергіей Оилька.—Я свое дело знаю и не отойду отъ своего дела, я не воръ, даромъ что не буфетчикъ.... Лакей, лакей и есть, а барское добро мит дороже всего!

Опъ еще громче зарыдалъ. Василій Ивановичъ молча схватиль его за шиворотъ, вытолкаль за дверь, потомъ опять подошель ко мив и съ невъроятнымъ озлобленіемъ сталь тереть меня. Я безропотно переносиль это. Желаніе явиться въ блистательномъ видъ на великосвътскомъ вечеръ заставило меня покориться даже грубости и униженію. Мысль объ этомъ вечеръ сильно волновала меня. Произведу ли я эффектъ? думалъ я, оцівнять ли мое превосходство надъ серебрянымъ самоваромъ?

Наконецъ насталъ желанный вечеръ. Гости стали съвъжаться. Изъ сосъднихъ комнатъ до меня долетали шорохъ платьевъ, бряцанье шпоръ и сабель, легкій смъхъ, полурусскія, полуфранцузскія фразы. Въ буфетъ, кромъ Василія Ивановича, суетились и всъ другіе лакеи, одътые въ богатыя ливреи. Оилька, уже совершенно трезвый, но еще съ оттинкомъ меданходій во всемъ существ'я своемъ, принядся мена ставить. Вана, маденькій казачокъ княгини, нечаяню толконуль Василія Ивановича, тотъ урониль и разбиль блюдечко, шепотомъ разругаль Ваню и даль ему сильную пощечину. Вана скривиль личико и заплакаль, но совершенно тихо. Влетъла Матрена Петровна и стала перешептываться съ Василіемъ Ивановичемъ. "Пора чай подавать", сказала она громко. Послъ этихъ знаменательныхъ словъ настала торжественная для меня минута. Василій Ивановичь вытеръ меня еще разъ и понесъ. До тъхъ поръ я не много видълъ на своемъ въку: во времена дътства грязную мастерскую, и въ продолженіи нъсколькихъ дней холодный магазинъ гдъ я быль выставленъ; потомъ, въ домъ княгини, буфетную, корридоръ и столовую.

Меня понесли анфиладой великольныхъ комнатъ. Шелковые, бархатные занавъсы и мебель, во всю стъну зеркала, картины въ золотыхъ рамахъ, ковры, вазы, статуи, восхитительные туалеты, эта роскошь, яркій свътъ карселей и лампъ, сильный запахъ цвътовъ, присутствіе предестныхъ женщинъ (что ужь гръха таить, я поклонникъ женской красоты), все это такъ ошеломило меня, что когда, наконецъ, меня поставили на столъ, я совершенно замолкъ въ изумленіи.... Мими подошла ко мнъ.

— Василій, сказала она, — самоваръ не кипитъ.

Это замвчаніе задело меня за живое. Мысль что я могу осрамиться при такомъ собраніи заставила меня вспыхвуть отъ стыда, я разомъ зашумель, загудель и поспешиль выпустить тонкую струйку пара чтобъ окончательно разубедить Мими. Княгиня держалась еще пріятне обыкновеннаго и прив'єтливо со всеми разговаривала. На щекахъ ем играль яркій румянець, что меня крайне удивило: по утрамъ у нея быль шафранно-желтый цветъ лица. На одной изъ стень висель портреть молодой женщины. Длинный, немного сгорбленный носъ, улыбка тонкихъ губъ напоминали черты княгини.

- Я всегда любуюсь вашимъ портретомъ, княгиня, сказала ей дама, вся окутанная въ кружева.—Какъ вы мало перемъвились!
  - Вы мьстите мив, баропесса.

Кнагина встала и подошла къ другой группъ.

- Кто повърить, обратилась баронесса къ своему сосвау,

господину съ лысиной и звъздой,—что эта прелестная kpaсавица изображаетъ княгиню Анну Өедоровну?

- Нарумяненая она еще эффектна, сказаль господинь съ лысиной.
- Но ея носъ дъйствуетъ на мои нервы! Знаете, я его иногда вижу во свъ. Вы слышали что ея воспитанница выходить замужъ за Бродова?
  - Неужели! Онъ, говорять, очень богатый негоціанть.
  - Я всегда находила что она умна.

Князь Базиль подотель къ Мими.

— Вы не стыдитесь продать себя этому мужику, этому отвратительному старичишки: сказаль онь ей шепотомъ.

Мими побледнела, ся брови сдвинулись. Въ эту минуту подошель къ ней господинъ, худенькій, старенькій, съ мутными глазками, въ гладко причесанномъ парике.

— Марыя Андревна! произнесть онт, торжественно шепелява:—я окончательно переговориль съ ихъ сіятельствомъ. Княтиня притомъ вполнт согласны-съ. Теперь-съ ничто не можетъ препятствовать моему счастію!

Онъ попеловаль руку Мими.

— Князь Базиль! позвольте вамъ представить моего женика, внатно проговорила Мими.

Князь Базиль въжливо поклонился и подошелъ къ хорошенькой дамъ съ чернымъ пятнышкомъ на щекъ.

- Скажите, князь, кто это стоить у камина? Какъ онъ рисуется!
- Өединъ гувернеръ, monsieur Деларозьеръ, герой романа графики Eudoxie!...

Дама съ пятнышкомъ стала смотреть на него въ лорнетку.

- Не дуренъ, но, кажется, глупъ. Говорятъ, онъ былъ виновникомъ оченъ скандалезныхъ сценъ между графиней Eudoxie и ея супругомъ.
  - Это ей не помъха! сказаль князь Базиль.

Опъ былъ не въ духф.

Господинъ Деларозьеръ далеко не былъ такъ развязенъ какъ въ то утро, когда я съ нимъ познакомился; онъ замътно присмирълъ. Въроятно, онъ размышлялъ о какомъ-нибудь серіозномъ сочиненіи о Россіи. Онъ приблизился къ дамъ въ роскошномъ нарядъ.

— Когда я васъ увижу, божественная графиня?

— Не знаю, здъсь не деревия, сухо отвъчала она и подот. 1xxxi. та къ дамъ съ пятныткомъ на щекъ.—Извините, chère amie, что я еще не была у васъ.

- Ахъ, chère Eudoxie, отвъчала она,—я не знала что вы уже здъсь, а то я давно бы поспътила къ вамъ, а теперь я уъзжаю: здъсь невыносимая скука, је n'en peux plus!
- Вечера княгини Симборской славятся своею классическою скукой! проговорила графиня Eudoxie.
- Но такъ же и тъмъ, сказалъ аристократъ-литераторъ, какъ его назвала Мими,—что весь beau monde жаждетъ счастія бывать на этихъ вечерахъ. Признайтесь, mesdames, еслибы княгиня забыла пригласить васъ, вы были бы весьма недовольны.

Графиня Eudoxie закусила губку.

- Княгиня сумъла пріобръсть пъкоторый авторитеть, сказала дама съ пятнышкомъ,—но она невыносима! Ужь одинь ея носъ....
- Да, ея носъ непріятенъ, перебилъ ее аристократъ-литераторъ,—но все же она лучше многихъ изъ насъ... она не злословитъ, въ ея жизни не было ни одного скандала и.... и вообще въ ней много отрицательныхъ достоинствъ.
- Одна изъ самыхъ антипатичныхъ личностей! mennyaa дама съ пятнышкомъ на ухо графинь Eudoxie, korga графъ-литераторъ отошелъ.
- Mais il a du piquent quand même, едва напілась графиня Eudoxie, вся позелентявъ.
- Chère Eudoxie, вы замѣтили вашего protegé, Monsieur Деларозьеръ? спросила княгиня, усаживаясь возлѣ нея.
- Мелькомъ, отвъчала графина. Какой у васъ сегодна очаровательный вечеръ! воскликнула она, какъ бы поддава-ясь невольному желанію высказаться.
- Вечера княгини всегда такъ оживлены! прибавила дама съ пятнышкомъ.—Къ несчастію, я должна оставить васъ, а объщала еще завхать къ англійскому посланнику.
- Змъйка, но красива, проговориять ей всявять аристократъ-литераторъ.
- У меня строго запрещено злословить, даже самь! заметила княгиня, любезно улыбнувшись.
- Княгиня! еслибъ вы потребовали строгаго исполненія подобнаго закона, даже ваша гостиная совершенно опуствла бы.

Стали разъезжаться. Кой-какія группы сменялись у

чайнаго стола. Поговорили о возможности новой революціи во Франціи, о свадьбів Мими, о півніи мадамъ Віардо, о встрівні графини Еидохіє съ господиномъ Деларозьеромъ, о красоті болонки Биби, только обо мнів ни единаго слова!... Моє присутствіє, моє несомнівнює превосходство надъ серебрянымъ самоваромъ остались незамівченными. Нівть, воля ваша, не того я ждаль отъ большаго світа!

Когда все разъехались, клягиня подошла къ Мими.

— Chère enfant, ты оправдала мое мивніе о тебв (она попразнымъ дваамъ, знаю Бродова съ прекрасной стороны. Онъ просилъ меня ничего не давать тебв. Денегъ я тебв въ настоящую минуту дать не могу; а что касается приданаго, отправляйся завтра къ Madame Amelie и закажи себв все что нужно, у тебя вкусъ есть. Я скоро увду въ Подмосковвую и оставлю тебв и кой-что изъ мебели и посуды. Я не хочу чтобы дввушка воспитанная въ моемъ домъ явилась мищею къ своему мужу.

Мими попъловала ей объ руки.

— Василій, сказала княгиня,—попроси сюда **М**атрену Петровну.

Этоть авитяй воспользовался удобнымъ случаемъ, схватилъ, вынесъ меня, и помъстилъ на столъ въ буфетъ. Оттуда, разумъется, я ужь продолженія разговора слышать не могъ. Но вскоръ вбъжала въ буфетъ Матрена Петровна. Она была въ сильномъ волненіи.

- Василій Иванычъ! воскликнула она слезливо и всплесвувъ руками: — вы слышали, этой хамовой дочкъ какое счастье? Выходить за Бродова!
  - Знаемъ-съ, давно, отвъчалъ небрежно Василій Ивановичъ.
- .— А мяв ни слова! Вамъ не стыдно-съ?!
  - Чего стыдиться. Вамъ-то что изъ себя выходить?
- Какъ что?! прододжала она съ глубокою меланхоліей:—
  да княгиня только что сказала мив, что она оставляетъ
  Марьв Андревив (Матрена Петровна стала пересчитывать
  на пальцахъ): всю мебель изъ красной комнаты, всю мебель
  изъ столовой, весь голубой сервизъ! Каково счастье? такой
  низкой двичонкв! А я дочь чиновника, двушка съ правилами, всю свою жизнь маюсь въ бъдности! Ужь болве сорока
  лътъ въ чужихъ домахъ крохи со столовъ собираю! Господи!

гдъ же Твое Небесное правосудіе! — Она горько заплакала. — Да еще! воскликнула она вдругъ сквозъ слезы и почти съ отчанніемъ, — велъла всю кухонную посуду отпустить ей и.... и этотъ самоваръ.

П.

Первое время въ домъ Тимоеся Тимоесевича Бродова я проводиль въ совершенномъ безавиствіи. Меня помъстили въ шкафу, около людской, на самой высокой полкъ. На нижней полки стояли большой самоварь, печклюжій толстякь, и маленькій, съ претензіами на грацію, оба изъ меди и оба непроходимо глупы, но de bons enfants. Впрочемъ, имъ некогда было развивать свою мыслительную способность: моихъ товаришей разъ лесять въ лекь ставили и вкосили въ комнаты. Меня какъ бы забыли. Пыль толстыми слоями покрыла меня, невыносимая тоска овладела мной. Болтовня прислуги была моимъ единственнымъ развлечениемъ. Разказывали что Марья Андреевна прибрала весь домъ въ руки, что баринъ сильно побаивается ея, что свекровь, Агафья Лукьяновна, еще ничего, а свояченица, Дарья Тимоосевна, ужь очень возненавидела "новую барыню", "да что и вправду она черезчуръ важные порядки въ домъ заводить и съ прислугой ужь больно строга и сердита". Узналъ я тоже что въ парадномъ буфетв помвщаются шкафы съ серебромъ и серебряные самовары, которыхъ прежде не трогади. а теперь ежедневно утромъ и вечеромъ ставять для мододой барыни. О. Мими! Какъ ты увлеклась наружнымъ блескомъ! Изъ моихъ наблюденій надъ прислугой я не извлекъ ничего новаго. Точно такъ же какъ у княгини, и въ домъ Бродова люди обманывали, обворовывали, ругали своихъ госполъ. Повидимому, во всехъ сферахъ общества лакеи остаются дакеями.

Много времени прошло. Я потеряль счеть днямъ, мъсяцамъ, годамъ, и уже думаль что весь въкъ свой проведу въ этомъ вяломъ бездъйствии.

Какъ-то утромъ въ буфетъ вошла высокая, худая женщина, съ большими стеклянными глазами, длинными бъличьими зубами, въ шелковомъ платъв и чепчикв съ зелеными лентами.

- Что это самоваръ не несутъ? грозно вскрикнула она.— Неужели самой прикажете нести?
- Трудно сталъ закипать, сказалъ лакей Иванъ, нагнувшись надъ самоваромъ и раздувая изо всёхъ силъ свои ужь безъ того толстыя щеки.
- А для Марьи Андревны небось всегда во-время кипить?
- Помилуйте, Дарья Тимоеевна, въдь барынъ всегда серебряный самоваръ подають.
- Мить серебрянаго самовара не нужно, я не княгиня, а пить во-время чай хочу. На столько-то, кажется, у меня власти еще осталось!
  - Сію минуту-съ.
- A это что за самоваръ? спросида Дарья Тимоееевна указывая на меня.
  - Это Марьи Андревны, съ ихъ вещами привезли-съ.
- Много она навезла! Однъ трапки! Отчего жь никогда не подаютъ этотъ самоваръ? Что вы ее добро жальете что ац?
  - Чего намъ жалъть! Не приказывали, такъ и не подавали.
- Знаю я васъ всехъ! Вы все Марье Андревие льстите, а насъ ни въ грошъ не ставите, греховодники, дармовды! Съ нынешняго дня каждый день этот самоваръ подавать. Слышали?
  - Слушаю-съ.
  - Сейчасъ извольте ставить и подать.
- Такъ вамъ въдь долго придетса ждать, а этотъ уже закипаеть.
- Все равно, часъ ждала, такъ еще другой часъ могу промучиться. Подать ся самоваръ!

Она вышла, со злостью хлопнувъ дверью.

— Ишь дьяволъ какой! проговорилъ ей всявдъ Иванъ, выпрямившись и подбоченившись.—Тьфу! (онъ плюнулъ) чтобъ тебв лопнуть и съ самоваромъ-то!

О tempora, о mores! думаль я, пока онъменя чистиль и ставиль, сопровождая эти дъйствія весьма неделикатными выраженіями на мой счеть.

Меня внесли въ большую комнату. Въ ней симметрически была разставлена старинная мебель краснаго дерева, покрытая полинавшимъ краснымъ штофомъ. Съ потолка спускалась соловъиная клътка, обтянутая зеленою тафтой. Ствим были украшены броизовыми кеккетами съ пальмовыми свъчами, зеркалами, предъ которыми, на ломберныхъ столахъ, красовались вазы съ букетами измятыхъ цвътовъ подъ стеклянными колпаками, и портретами въ почернъвшихъ золотыхъ рамахъ. Почти на всъхъ портретахъ были изображены толстыя фигуры, мущины съ бородами, женщины съ платочками на головахъ. У всъхъ были испуганные глаза, щеки ярко-краснаго цвъта и лица крънко приклеенныя къ полотну. На одномъ портретъ я узналъ Дарью Тимоееевну. Она была въ наколкъ съ длиннымъ перомъ и съ головы до тальи увъшена жемчугомъ и брилліантами. Все въ комнатъ было покрыто густою пылью. Въ углу помъщался кіотъ съ драгоцънными иконами, предъ

Меня поставили на столь, накрытый красною салфеткой съ синими узорами. У стола сидъла, пригорюнившись, старушка, въ пестромъ шелковомъ платкъ съ большими разводами, ея голова была повявана темнымъ платочкомъ. На ея старенькомъ, сморщенномъ лицъ выражалось тоскливое раздумье. Возлъ нея стоялъ Тимоеей Тимоеевичъ, чъмъ-то словно запуганный. У окна сидълъ, развалившись на креслахъ, молодой человъкъ въ юнкерскомъ мундиръ и съ чутъчуть замътными усиками, и съ явнымъ волненіемъ барабанилъ пальцами по стеклу окна. Дарья Тимоееевна большими шагами расхаживала по комнатъ.

- Сумъди вы, братецъ, выбрать супругу; есть чъмъ похвастать! Ваша первая жена Авдотья Карповна, дай Богь ей царство небесное, была глупа, да по крайней мъръ Бога и людей не гитвила, посты соблюдала, родныхъ слушала, а ваша княгина встять насъ на тотъ свътъ выживаетъ!
- Да въ чемъ же ока вамъ перечитъ? спросилъ боявливо Тимоеей Тимоееичъ.
- Въ чемъ? Да она васъ нищимъ сделаетъ! Впрочемъ, и вышла-то она за васъ для того чтобы деньгами сорить. Вотъ ужь подлиняо: деньги копилъ, да пелегкаго купилъ!
- Полно, Дарьютка, заговорила тихимъ голосомъ старутка,—мы не можемъ чужую дуту видъть, единому Богу все извъстно! Поуспокойся, да лучте чайку напьемся.

Она начала чай приготовлять. Я вспомниль роскошную обстановку въ дом'в княгини, мои барскія привычки, и тяжелыя думы охватили меня.

- Спасибо, матушка; она жалостливъе васъ, сестрица, сказатъ Тимоеей Тимоееичъ.
- Ну за кого вы заступаетесь! Вѣдь она васъ выше нуля не ставитъ! Сама-то холопка, а хочетъ жить не хуже принцессы какой-нибудь. Балы, парады, театры. Все что въ нашемъ домѣ—"фидонъ"! На своей пеловинъ все на свой ладъ устроила!
- Что же, у вихъ вкусъ хорошій, вотъ и все! сказалъ Тимоесй Тимоесичъ.
- Оттого върно ей князь Василій Дмитріевичъ больше мужа правится!

Тимовей Тимовеичь вспыхнуль, его мутные глазки какъ будто засверкали.

- Сестрица! я не позволю такъ обижать мать моего ребенка! воскликнулъ онъ.
- Какъ расходился! Достойно смеху, право. Говорю любя же васъ, а не по злобъ.

Тимовей Тимовенчъ угрюмо молчалъ. На вторую внергическую выходку онъ, кажется, не былъ способенъ.

- Полно, Дарьюшка! Грівшно между мужемъ и женой раздоръ свять, сказала старушка.
- Что это вы всё заступаетесь за нее?! Я, благодаря Бога, не привыкла чтобы мнё ежеминутно противорёчили. И покойный мужъ мой, Никифоръ Пантелеймоновичъ, дай Богъ ему царствіе небесное, не смёлъ пикнуть при мнё, а теперь эта нищая всёхъ извратила!

Какая же опа пищая? перебилъ ее не смъло Тимоеей Тимоееичъ.

— Что же вы взяли за ней? А? Что? спративаю васъ? Что? Тряпки да этотъ дрянной самоваръ! прибавила она, злобно взглянувъ на меня.—Вы, пожалуй, подумаете что я недовольна что вы во второй разъ женились? Да женитесь хотъ въ третій, хоть въ двадцатый разъ, мнъ, слава Богу, естъ чъмъ жить и что сыну оставить; Никифоръ Пантелеймоновичъ, дай Богъ ему царствіе небесное, позаботился о женъ и сынъ. Мнъ васъ жаль, вотъ что! Все же вы мнъ родной братъ, а я вамъ родная сестра!

Она совершенно неожиданно заплакала.

- Я вполнъ, сестрица, счастливъ-съ.
- Вы счастливы? Поздравляю! Проту покорно! Счастливъ! заговорила она опять съ ожесточениемъ, быстро обтеръвъ

глаза и высморкавшись.—По-вашему, она васъ мало разораеть? Мало срамить? Много заботится о дочкъ? Передала ее въ руки этой мамзель или миссъ что ли?

- Китти ангелъ, божественно-сверхъестественное существо! Я ее боготворю, я не могу жить безъ нея, я молюсь ей! заломъ продекламировалъ молчавшій до этой минуты юнкеръ.
  - Что это за напасть такая! прошептала старушка.
- Молчи! грозно воскликнула Дарья Тимовеевна. Не только никогда не позволю жениться на ней: не смъй и имени ея произносить!
- А я застрелюсь, ей-Богу застрелюсь! или въ Неву брошусь, воть честное слово, въ Неву бротусь!
- Вы слышите, братець? Воть до чего довела насъ ваша супруга!
- Да чемъ же опето виноваты? сказалъ Тимоеей Т
  - Какъ чемъ? Кто нанималь эту подлую Англичанку?
- Матап, сжальтесь надъ моимъ растерзаннымъ сердцемъ. Матап, благословите нашъ бракъ!
- Не смъй больше говорить!... Никто иной какъ ваша супруга подучила ее одурачить этого мальчишку.
- Вотъ ужь нътъ! Ма tante хочеть женить меня на Elise Суханиной, но я ни за какія блага въ мірѣ не оставлю моей небесной Китти! Она моя первая, моя послѣдняя любовь! Я женюсь на ней, или умру у ногъ ея!
  - Я запретила тебъ произносить имя этой бусурманки.
- Она христіанка, она болье.... она ангелъ! она святая! она....
- Будь она пресвятая, этой свадьб'я не бывать! Ни слова больше!
- Здравствуйте, бабушка, здравствуй папа! послышался звонкій голосокъ. Въ комнату вбъжала маленькая дъвочка и весело бросилась на шею старушкъ и Тимовею Тимовеичу. Потомъ она не смъло подошла къ Дарьъ Тимовевнъ.— Здравствуйте, тетенька!... Петя, ты будешь сегодня играть со мной въ кегли? обратилась она къ юнкеру.

Но онъ не отвъчалъ ей. Скрестивъ руки на груди и выставивъ одну ногу впередъ, онъ съ выраженіемъ трагическаго отчалнія устремилъ взглядъ на даму съ очень пріятнымъ лицомъ, которая вошла вмъсть съ дъвочкой. — Китти! закричаль онъ вдругь. — Китти, я тебя люблю! Твой до гроба!

И какъ бъщеный, онъ выбъжалъ изъ комнаты. Китти не то грустно, не то презрительно улыбнулась.

- Вы торжествуете, сударыня! обратилась къ ней Дарья Тимоееевна, съ трудомъ скрывая свою ярость. Удивляюсь какъ вамъ не совъстно являться еще въ мою комнату!
- Маша хотвла поздороваться съ бабушкой, отвътила та просто и спокойно,—а относительно Петра Никифоровича могу васъ увърить что я ничъмъ не подала ему повода къ...
- Меня вы не обманете, сударыня! Я много гувернантокъ видъла на своемъ въку, извъстно ужь какъ онъ умъютъ ловить богатыхъ жениховъ.
- Дарья Тимовеевна, вы никакого права не имъете оскорблять меня!...
- Меня-то вы не одурачите! продолжала Дарья Тимовеевна, какъ бы не слушая ея.
  - Перестань, Дарьюшка, право, сказала старушка.
- Бабушка! за что тетя такъ бранитъ мою Китти? спросила Маша, широко раскрывъ глазенки, явно запуганная этою сценой.
- Ужь силь нъть слушать васъ, сестрица! сказаль Тимоеей Тимо-
- Вы всё съ ума сошли! закричала еще громче Дарья Тиможеевна.—Ужь не хотите ли и сы чтобы мой сынъ женился на ней?
- Вы напраснотакъ горячитесь, сказала Китти.—Эта свадьба ужь потому никогда не могла бы состояться, что я бы ни за что не согласилась выйти за Петра Никифоровича.
- Какъ? Что? Вы бы не согласились выйти за моего сына? Ахъ вы дерзкая дввчонка! Знаете ли вы что я....
- Дарья Тимовеевна! перебилъ ее вошедшій лакей: барыня вельли просить васъ чтобы не было такого шума; онв въ маленькомъ будуаръ, а туда все слышно-съ. У нихъ мигрень-съ и гости, князь Василій Дмитріевичъ....
- Покорно васъ благодарю, братецъ! воскликнула Дарья Тимовеевна, кланяясь въ поясъ.—Дожила я у васъ до чести! Эта холопка смъетъ мят приказывать! Что я ей кръпостная? а? голоса не смъю подать, да еще у себя въ комнатъ? Иванъ! скажи этой княгинъ что я хочу кричатъ, что я буду кричатъ! (Съ каждымъ словомъ она все болъе возвышала

голосъ.) Возьми ел самоваръ, ел приданое, вонъ изъ моей комнаты!

Лакей вынесъ меня. "Буду кричать! буду, буду на зло ей! А-а-а! А-а-а!" послышался еще намъ вследъ голосъ Дарьи Тимоесевны.

Возл'в одной спущенной портьеры лакей, не выпуская меня изъ рукъ, остановился и приложилъ ухо къ портьеръ. Знакомые голоса коснулись моего слуха.

— Нътъ, Мими, ты ищеть утътенія въ роскоти, но ужь одно присутствіе мужа все должно отравлять. Уъзжай скорье, я прівду къ тебъ...

— Знаешь, Базиль, о чемъ а думаю? Еслибы моя жизнь иначе сложилась, я бы могла быть порядочною женщиной, а

теперь....

Ея голосъ слегка задрожаль.

— Какіе пустяки! Повітрь, главное въ жизни счастье. За границей намъ никто мітать не будеть. Да и знаеть, когда ты уіншей, твой благовітрный не на тутку обрадуется, онътебя очень побацвается.—Князь Базиль засмітася.—"Мол жена теперь въ Парижів, онів очень довольны-съ!" прибавиль князь, мастерски передразнивая голосъ Тимовея Тимовеича.

Мини тоже засмъялась. За портьерой послышался шорохъ щелковаго платья. Лакей бросился со мной къ дверямъ.

Помъстивнись на полкъ, я кръпко задумался. Съ какою томительною тоской я проводилъ послъднее время на этой полкъ. Съ какимъ рвеніемъ стремился я къ возможности опять являться и блестъть въ свътъ... И что же? Какія впечатлънія вынесъ я изъ этого новаго столкновенія съ людьми? Мелочность, пустота, невъжество, злоба, несправедливость, развратъ!... Я постить всю прелесть одиночества! Но увы! именно съ этого времени меня стали ставить и вносить къ Дарьъ Тимовеевнъ по четыре, по пяти разъ въ день! Чрезъ нъсколько времени я замътилъ большую перемъну въ Дарьъ Тимовеевнъ. Она кротче обращалась со всъми и даже меньше бранила Марью Андреевну. Она, казалось, была совершенно поглощена серіозными мыслями.

— Знаете, маменька, сказала она разъ, наливая четвертую чашку чаю, — я справлялась насчеть семейства Китти. Отецъ быль, говорять, очень порядочный человъкь, дослужился до маіорскаго чина. Только не сумъль деньгу скопить, и оставиль

семью въ бедности. Китти почти все свое жалованье отдаетъ больной матери да маленькимъ сестрамъ.

- Дарыюшка, перебила ее Агасыя Лукьяновна, коль она добрая дочь, такъ будеть доброю женой. А что тогда она говорила что не вышла бы за Петю, такъ нужно простить ее, не въ самомъ же деле этакъ она думала. Неспелый умокъ что вешній ледокъ!
  - Копечно, проговорила очень мягко Дарья Тимоееевна.
- Обидълась, извъстное дъло, ну, лишнее слово и сорвалось, потомъ, я думаю, бъдняжка измаялась!... А что она крещена не по нашему, въдь хорошенько разсудить-то, такъ единъ Богъ на пебесахъ! Да и между православными бывають такіе говшники что упаси Господь!.... У Пети хватить чемь прокормить и вебогатую жену!... Ты вспомни, Ларьюшка, выдь послыший разы когда ты его видыла, оны на себя не быль похожь! Воть четвертая неявля какь ты его на глаза къ себъ не пускаеть! Намедни я его въ корридоръ встрътила, "Петя, голубчикъ", говорю я ему, "не кручинься такъ. у Дарьюшки сердце-то не каменное, — отойдеть, все перемелется, мука будеть; а ты поставь свичу Николаю Угоднику, да другую свичу Пресвятой Варвари Великомученици, великая она помощница въ сердечныхъ бъдствіяхъ." Такъ онъ какъ расхохочется, да такую белиберду понесъ, что и повять не возможно! Я такъ и остолбенвла въ коррилоръ-то: ну что. думаю, коль онъ съ ума сойдеть, али въ правду руки на себя BAJOKUTA!

Старушка заплакала.

- Парашка, Парашка! закричала Дарья Тимоееевна. Вкатилась толстая, какъ обрубокъ, краснощекая горничная. Попроси-ка ко мяв Екатерину Павловну, сказала Дарья Тимоееевна.
  - Arauvanky?
- Екатерину Павловну! повторила Дарья Тимовеевна съ торжественною почтительностью.—Да кстати убери чай и самоваръ, прибавила она.

Эхъ, какая досада!... Паратка неграціозно подхватила меня и вынесла. Я утвіпался мыслью что Дарьв Тимовеевні, візроятно, опять скоро захочется чаю. Часа черезъ два меня вновь понесли къ ней. Умилительныя картины представлящись моему воображенію. Петя, думаль я, візроятно, въ объятіяхъ своей матери; возаїв нихъ Китти со счастливою

улыбкой на устахъ. Ничуть не бывало! Дарья Тимоесевна и Агаеья Лукьяновна были одив.

- Что жь я этой двичонки на посминье родилась, что ли? кричала Дарья Тимовеевна:—это мий-то, Дарьи Тимовеевни Дороховой, унижаться передъ ней, дилать ей таков предложение, и смила она такъ отвичать!... Ужь конечно Марья Андревна изволила подучить ее!... Чтобы такъ поступить съ моимъ сыномъ!...
- Пресватая Богородица! помилуй насъ гръшныхъ! Не допусти чтобы наше дътище живота себя лишилъ! шептала старушка.
- Паратка, Паратка! крикнула изо всъхъ силъ Дарья Тимовеевна.—Что это, матутка, грозно спросила она ту же минуту кубаремъ влетъвтую Паратку, васъ дозваться нельзя?
  - Не слыхать-съ.
- Молчи! не смъй грубить! Знаю я всъхъ васъ, всъ вы готовы со свъта меня сжить! Позови сію минуту Петра Никиеоровича сюда.—Парашка кинулась изъдверей.—Пусть овъ знаетъ свою возлюбленную!
- Охъ, Дарьютка, что станется съ нами коль онъ въ колодезь бросится?! воскликнула, всхлипывая, старутка. Дарьа Тимовеевна ничего не отвъчала. Она стала дълать чай. Ел аростное овлобление высказывалось въ каждомъ движени ел. Она съ ожесточениемъ придвинула подносъ, сдернула со стола чайное полотенце и начала вытирать имъ чатки. Она оы, конечно, и со мной также грубо оботласъ, но къ счастью, явъ эту минуту кипълъ. Несмотря на свое бътенство, она осторожно приблизила ко мнъ свои руки. Не разъ я замъчаль что люди мастерски побъждаютъ самыя непобъдимыя волнения при тъхъ кого трусятъ. Вотелъ Петя. Онъ показался мнъ совершенно другимъ. Не было и помину о трагическихъ позахъ и возгласахъ. Онъ былъ весьма небрежно одътъ; волосы отросли до плечъ....
- Что вамъ угодно? спросилъ онъ Дарью Тимоесевну, держа руки въ карманахъ панталонъ и вяло процеживая слова.
- Полюбуйся-ка на свою Англичанку! произнесла она съ паеосомъ.—Любовь къ тебъ ваставила меня забыть все на свътъ! Я объявила ей что даю согласіе на ея бракъ съ тобою, и что свадьба будеть сейчась же послъ твоего произ-

водства въ офицеры, а эта пичтожная тварь осимлилась сказать мив что она решительно отказывается оть нашего предложения и никогда не выйдеть за тебя!

— Ну, вотъ и прекрасно, спокойно сказалъ Пета.

Дарья Тимовеевна казалась вна себя отъ изумленія что не производить потрасающаго эффекта каждою фразой своей рючи, посладнія же слова Пети окончательно озадачили ее, она съ безпокойствомъ взглянула на него.

- Батюшки! Да овъ не въ своемъ умъ! воскликнула Агаевя Лукьяновна.
- Я убъдился, продолжалъ Петя,—что человъкъ съ мочми воззръніями не можеть любить такую женщину какъ Китти. Теперь я встрътилъ другую! Не чета Китти. Она мнъ прямо сказала: "если твоя мать не захочеть чтобъ ты женился на мнъ, и если священникъ не согласится обвънчать нась безъ са позволенія, то мы обойдемся безъ матери и безъ священникъ...." Вотъ такъ женщина!
- Да ты о комъ говоримь?! Что еще за "женщина?" Вдова, что ли? воскликнула въ сильнъйшемъ волнении Дарья Тимоесевна.
- Нътъ, она не была замужемъ. Что же, по-вашему, дъвушка не женщина? хладнокровно спросилъ Петя. Я привезу къ вамъ мою невъсту. Надъюсь, что вы ее хорошо примете. Повъръте, всъ мелодраматическія сцены ни къчему не поведутъ, да и черезчуръ ужь устаръми; мы устрочить дъло безъ скандала, оно спокойнъе, прибавилъ онъ уже за дверью.
- Дурно, охъ, дурно мив! Душегубецъ этотъ убъетъ меня! воскаикнува съ воплемъ Дарья Тимоесевна и упала на диванъ. Агаеъя Лукъяновна совствъ растерялась.

Въ эту минуту вастълъ Гритка (върожтно, опъ подслутивалъ у дверей) и, злодъй! унесъ меня!... Но вскоръ я примирился съ нимъ: проходя мимо той портъеры гдъ мы разъ подслутали разговоръ между Мими и кляземъ Базилемъ, опъ опять на томъ же мъстъ остановился, поставилъ меня на мозаичномъ столикъ у портъеры, а самъ приложилъ къ ней ухо.

- Милый Timothee, посуди самъ, возможно ли мив жить за границей двумя тысячами въ мъсяцъ? говорила Мими.
- Ты знаеть, душа, что я для тебя на все на свъть готовъ-съ, отвъчалъ Тимоеей Тимоееичъ. — Мнъ не трудно

прибавить рублей патьсоть въ мъсяцъ. Миз вотъ одно обидно: мало ты меня любишь!

- Ахъ мой котикъ, какъ тебъ не грътно? Я не люблю тебя? (Раздался поцълуй.) Ты знаеть, Timothee, всъ доктора находять что здътній климать мить вредень, а то я бы ни за что не оставила тебя, мой котикъ, на цълый годъ.
- Maman, maman! Неужели Китти въ самомъ деле уедеть отъ насъ?! послышался голосокъ Маши.
  - Я буду навъщать тебя, отвъчала Кити.
- Меня ждуть на моей половинь. Устрою все соразмърно твоему желанію, сказаль Тимоеей Тимоееичь.
  - Merci, Timothée! закричала ему вследъ Мими.

Следующій разговоръ происходиль на французскомъ дівлекть. Не знаю, изучиль ли Гришка, подобно мив, хорото французскій языкъ, или онь имель особенное пристраотіє къ процессу подслушиванія. Онь не отняль ука оть портьеры.

- Когда ваша свадьба, миссъ Китти?
- Черезъ три ведвли. Я на это время перевду къ матушкъ.
- У вашего жениха есть состоявье?
- Нътъ. Опъ живетъ жалованьемъ. Я надъюсъ получить кой-какіе уроки, а то намъ трудно будетъ существовать.
- Жалью, что мив уже не удастся быть на вашей свадьбъ; но я приготовила вамъ мой cadeau de noces: я заказала для васъ столовый и чайный сервизы съ вашимъ вензелемъ.
- Благодарю, но у насъ будеть такое маленькое хозайство, что....

Мими подпалась, не дослушавъ; складки портъеры зашевелились. Гришка отскочилъ, но не успълъ скватить мена. Передъ нами стояла Мими. Еслибы на ней было шелковое влатъе, шорохъ былъ бы сильнъе, и Гришка успълъ бы уйти во-время. Но Мими была въ бархатномъ платъв (ярколиловаго цвъта съ длиннъйшимъ шлейфомъ) съ распущенными, бълокурыми локонами. Она немного пополнъла, но была еще дивно хороша.

— Что ты здъсь дълалъ? быстро спросила она.

Гришка замътно струсилъ.

— Вотъ несъ самоваръ, такъ съ минутку-съ отдохнуть хотваъ. Не слишкомъ великъ, кажись, а такой тяжелый что не дай Богъ! (На меня же свалилъ всю вину—низкая натура!) Мими нахмурила брови и потомъ, какъ бы нечавнио, взглянула на меня.

- Что это за самоваръ? спросила она живо.
- Это что съ вашими вещами-съ привезли.
- Да, да, старый знакомый, сказала она, улыбнувшись и какъ бы говоря сама съ собой. Его, върно, мало употребляаи? онъ совсъмъ еще новый.—Ея слова пріятно подъйствовали
  ва меня.—Пожалуй, возьмемъ съ собой за границу.
- Совсемъ новый-съ, воскликнулъ Гришка, повидимому, въ восторге что я отвратилъ отъ него вниманіе Мими.—Превосходный самоваръ-съ и какъ перушко! прибавилъ онъ, подымая меня выше своей головы. (У этого презръннаго созданія даже памяти порядочной не было!) Все стоялъ на полкъ, оттого и сохранился, вотъ только послъднее время стали подавать его Дарьъ Тимовеевнъ. Мими опять нахмурила брови.
- Хорошенько вычистить его и отдать въ руки старшему буфетчику. (Это быль повъренный по разнымъ дъламъ Мими.) Скажи ему чтобъ онъ уже не покупалъ самовара. Когда понесутъ заказанную посуду къ Екатеринъ Павловнъ, то чтобъ этотъ самоваръ занесли къ ней, онъ еще совсъмъ корошъ, и фасонъ очень красивый.

Прежде чёмъ я успёль опомниться, Мими исчезла. Холодпое созданье! Ты узнала, оценила меня, для того чтобы ради экономіи въ какихъ-нибудь двадцати рубляхъ бросить меня на произволъ неизвестной судьбе!...

Меня превосходно вычистили, тщательно завернули въ бумагу, поставили въ шкафъ, и въ продолженіи послѣднихъ трехъ педѣль, проведенныхъ мною въ домѣ Мими, вовсе не тревожили. Внѣшній міръ оставался для меня чуждымъ, и я безпрепятственно предался разнымъ размышленіямъ. Какъ часто, думалъ я, судьба замѣчательнѣйшихъ личностей зависитъ отъ пустаго случая! Еслибы Мими, напримѣръ, въ то утро надѣла не бархатное, а шелковое платье, Гришка скрылся бы со мной до ея выхода, и я бы спокойно сталъ доживатъ свой вѣкъ въ домѣ Тимоеея Тимоееича.

III.

Я Китти мало зналъ. Не мудрено что, переселяясь къ ней, л тревожился мыслыю какова оудеть моя новая жизнь?...

Признаюсь, спачала она мив вовсе не поправилась. Скромная, почти бълная обстановка чрезвычайно шокировала мои аристократическія привычки. У Китти о буфетной, напримъръ, и ръчи не могло быть. Ев квартира состояла всего изъ двухъ довольно большихъ комнатъ, темной передней и кухни. Я долженъ сознаться, что помещался въ кухне... на полкъ противъ плиты... Впрочемъ, я не слышалъ болъе злыхъ сплетень и пиническихъ выходокъ толпы лакеевъ: у Китти была только одна прислуга, кухарка Пелагея, исполнявшая также и должности лакся, горничной, а въ последствін и няньки. Это было добрейшее существо, всегда всемъ и всеми довольное. Одно только ей не правилось: что она была одна въ домъ, и не потому что вся работа была взвалена на нее одну, а потому что ей "не съ къмъ было покалакать". Страсть высказывать, до малейшихъ подробностей, всв свои ошущенія заставдяла ее произвосить нескончаемые монологи, а иногда, за неимъніемъ иного общества, обращаться съ рвчью ко мив. Она относилась ко мив съ искрепнимъ уважениемъ и даже съ ивжностью. "Голубчикъ ты мой, изманаись мы съ тобой сегодня, поотдохни теперь", говаривала она мяв, прикрывая меня на ночь чистенькимъ полотенцемъ. Время шло ровно и вывств быстро: пичто не варушало тихаго семейнаго быта: по утрамъ пили чай наскоро, мужъ уходилъ на службу, а Китти принималась за свои занятія. Пелагея была всегда такъ занята на кухнъ, что долго не убирала съ чайнаго стола, и я могь на свободь наблюдать молодую хозяйку. Я не могь надивиться ея двятельности. Она занималась хозяйствомъ, давала уроки приходящимъ къ ней дівочкамъ, кормила своего ребенкс, все сама шила и находила еще время развивать свой музыкальный таланть. Вечеромъ изредка приходилъ кто-нибудь изъ хорошихъ знакомыхъ, но чаще Китти съ мужемъ оставались вдвоемъ. Благодаря заботливости Пелагеи о моей вившности, маленькая гостиная какъ-то особенно свътдо отражалась во мив со всею обстановкой недорогой мебели, уютнаго фортепіано, чайнаго стола и лампы съ фарфоровымъ колпачкомъ. У Китти на коленяхъ покоилась такая милая, такая прелестная кротка въ кружевномъ чепчикъ, такъ уморительно ловила губенками кашку изъ бълаго хлъба съ ложечки, съ такимъ любопытствомъ таращила на меня голубые гаазки, протагивая ручонки и ножки въ бълыхъ миніатюрныхъ чулочкахъ, — что ужь ради ея одной я почувствовалъ бы влечение къ моимъ хозяевамъ, еслибъ этого не случилось уже давно и совершенно безъ моего въдома. Я полюбилъ ихъ, слушал ихъ разговоры, въ которыхъ каждое слово было прочувствовано и пропикнуто редкою теплотой. Особенно у Китти. Савлавъ чай и уложивъ свою малютку, она принималась за шитье, а мужъ начиналъ читать вслукъ какое-нибудь корошее сочинение. Считаю долгомъ сказать здась, что я обязань своимъ литературнымъ образованіемъ единственно моему пребыванію у Китти. Николай Васильевичъ Ивановъ боготворилъ свою жену. Часто онъ говорилъ ей что онъ былъ бы еще счастливве, еслибы могъ окружить ее роскошью и всеми удобствами жизни. Китти всегда отвъчала ему что она подобныя желанія считаетъ ровотомъ на судьбу. "Развъ у насъ не хорошо, не уютно? Смотри! все чисто, свъжо, цвъты, фортепівно, книги, развъ это не роскошь? А согласіе, любовь, дитя, развъ это не высшее счастье?"

Но что бываеть долговременнымъ въ этомъ міръ?... Какъ громъ въ свъжее, весеннее утро, несчастье грянуло надъ Ивановыми. Посат рожденія своего втораго ребенка Китти серіозно занемогла. Невозможность продолжать уроки, докторъ, автека, приказаніе врача взять кормилицу, къ тому же какія-то неудачи по службъ совершенно разстроили ихъ денежныя обстоятельства. Все это я узналъ изъ монологовъ Пелагеи. Но и самъ я сталъ замъчать, что въ домъ явилась и ростеть нужда.

Нужда! знаваль я тебя только по книгамъ, впервые примлось мив поближе познакомиться съ тобой. Съ какою баснословною быстротой ты увеличиваешься! Въ этомъ отношеніи только одна клевета можеть состазаться съ нуждой. Что въ мірв, подобно этимъ двумъ страшнымъ явленіямъ, сумветь съ такою изумительною ловкостью развиться изъ самаго незначительнаго зародыша до громадившихъ разивровъ, проникнуть-во всв углы и скважины, затронуть всв стороны человвческой жизни, и часто совершенно разрушить ее?...

Китти встала съ постели, но еле-еле передвигалась. Продолжительная болевнь изнурила ее. Когда она делала чай, а заметилъ, что ея бледныя ручки страшно похудели и т. иххи. дрожать оть слабости. Николай Васильевичь быль грустень, иногда мрачень. Изъ ихъ разговоровъ я узналь, что жалованье уже взято за два мъсяца впередъ, за все это время накопилось много долговъ, а нечъмъ платить, нечъмъ жить, не на что купить дорогой сиропъ прописанный докторомъ для Китти.

Мало-по-малу изъ квартиры стали исчезать разные предметы: двв лампы, коверъ, ствиные часы, вольтеровское кресло. Въ одинъ вечеръ я увидълъ что мъсто гдв стояли фортепіаны и шкапикъ съ книгами пусто, а у Китти сильно запла-канные глаза. Николая Васильевича не было дома.

- Барыня, а барыня, сказала вотедши Пелагея,—выбраться бы намъ скорве изъ этой проклятой квартиры. Хозяинъто нашъ домовый не человъкъ, а звъръ, истинно говорю вамъ, звъръ! Что день, то присылаетъ за деньгами. Я все отвъчаю что баринъ ушедши, а барыня почиваютъ, притилютъ, говорю, непремънно; а вамъ ужь и не докладываю: чего тутъ, думаю, еще горя прибавлять? Такъ вотъ теперъ на лъстницъ встрътилъ, да какъ расходится, полиціей стращаетъ....
- Что жь, няня, онъ въ правъ: мы ему такъ много должны!
- Оедуло Ивановичъ, говорю я ему, въдъ, слава Богу, господа-то три года живутъ у васъ, отдадутъ, будъте спокойны! Тяжелое время, значитъ, теперъ пришлось! Такъ нътъ! Какъ закричитъ: "Я слышатъ больше ничего не хочу! Прежде каждый мъсяцъ платили, а теперъ за пятъ должны! Доложи господамъ, что если завтра не пришлютъ мнъ денегъ, я выгоню ихъ: мнъ не нужны такіе жильцы!"
  - Мы и тебъ, Пелагея, такъ давно ничего не можемъ дать.
- Это что.... я ничего! обо мив вамъ нечего безпокоиться. Вотъ кормилица, это новый человъкъ, ну и кормить ее вадо получине, а я что, я ничего....

Раздался звонокъ. Пелагея кинулась въ переднюю.

- Николай Васильевичъ у себя? послышался чужой голосъ-
- Нѣтъ-съ.
- A ero cynpyra?
  - Екатерина Павловна дома.
- Доложи: Константинъ Семеновичъ Микулинъ.
- Директоръ! произнесла съ удивленіемъ Китти.—Проси! прибавила она, обращаясь къ Пелагев.

Въ комнату вошелъ господинъ среднихъ летъ и средняго

роста, съ выдающимся, какъ у нашей братьи, брюткомъ, и съ рыжеватыми бакенбардами, въ формъ котлетокъ, на толстыхъ, красныхъ щекахъ. Все въ немъ, костюмъ, прическа, манеры, было до нельзя гладко и полированно.

- Вашъ мужъ скоро воротится домой? спросиль онъ, усаживаясь возлѣ Китти и дружески сжимая ся ручку.
- Онъ пошелъ къ одному знакомому, который объщалъ достать ему какую-нибудь работу.
- Мив бы нужно переговорить сънимъ объ одномъ двлв. Впрочемъ, я буду особенно спастливъ, если моя бесвда не прискучитъ вамъ....

Устремивъ на нее взглядъ, онъ какъ-то поприщурился, отчего глаза его стали еще маслянъй.

— Напротивъ, Константинъ Семеновичъ! начала Китти, краснъя и запинаясь:—я также рада случаю видъть васъ и даже имъю къ вамъ просъбу....

Китти опустила глаза и похруствла пальчиками:

- Не можете ли вы дать получте мъсто мужу? Съ его жалованьемъ такъ трудно жить....
- Не знаю, другіе мои чиновники съ такимъ же жалованьемъ живуть очень хорошо.
- Можетъ-быть, у нихъ есть другіе доходы, или состоянье. Когда я была здорова, я могла иногда помочь ему.... Но теперь.... право, мы въ такихъ ствененныхъ обстоятельствахъ....
- Постараюсь, постараюсь, когда будеть вакансія. Николай Васильевичь на хорошемъ счету у меня: онъ прилежень и понимаеть свое дъло. Маіз vous êtes bien changée! прибавиль онъ, придвигая стуль свой ближе и продолжая по-французски:—Когда я встръчаль васъ у Марьи Андреевны, вы были такая розовенькая.... А теперь, похудъвъ, стали еще прелестнъй. Этотъ томный видъ вамъ очень идетъ.... Я всегда чувствоваль особенное влеченіе къ вамъ!...
- Мив пріятно что вы сохранили добрую память обо мив; можеть-быть, это заставить вась скорве исполнить обыщаніе, шутливо добавила Китти, чувствуя ивкоторую недовкость.
- Вы не хотите понять меня! Вы бы могли имъть большое вдіяніе на меня.... Я первый разъ у васъ, и признаюсь, а не думаль что вы такъ.... скромно живете.

Овъ окинулъ взглядомъ комнату и потомъ еще пристальные и еще приторные сталь смотрыть на Китти.

Digitized by Google

- Рождены ли вы для такой обстановки? продолжаль опъ съ увлеченіемъ.
  - Я совершенно счастлива.
- Allons donc ma chère dame! Съ вашею красотой, съ вашить образованіемъ во всемъ себъ отказывать! Съ вашими ли ножками—я давно замътилъ эти крошечныя, пухленькія ножки—ступать по такому полу! Еще три года тому назадъ вы произвели на меня сильное впечатлъніе, но сегодня очаровали.... побъдили.... плънили....

Онъ нагнулся къ ней и продолжалъ шепотомъ:

— Скажите одно слово.... одно словечко.... и вы будете окружены роскошью, всв ваши прихоти будуть исполняться, вашь мужь сдвлаеть блестящую карьеру.

Китти встала, ея щеки горъли, губы дрожали, но она спокойно проговорила:

- Константинъ Семеновичъ! Если вамъ угодно будетъ приказать что-нибудь моему мужу, такъ я передамъ ему, и онъ завтра же явится къ вамъ....
- Нътъ, пускай онъ не безпокоится: я думалъ переговорить съ нимъ, но....
- Сегодна мужъ мой, въроятно, не скоро верпется: а васъ долъе задерживать не смъю.

Микулинъ всталъ и взялъ тляпу.

— Простите что не могу проводить васъ, моя малютка плачетъ, прибавила Китти, и слегка поклонивнисъ, вышла въ другую комнату.

Микулинъ закусилъ губу и потомъ сделалъ насменначвую гримасу.

- Какую сцену разыграла! проговориль онъ сквозь зубы:— знаемь! не въ первый разъ иметь дело съ бабенками: въ другой, въ третій разъ иначе заговорить!... Ей, кто тамъ? спросиль онъ громко, входя въ переднюю.
- Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! послышался привътливый голосъ Пелагеи.
- Здівсь у васт на лівстниців шею можно сломать! ckasars опъ сердито.
  - Темпенько маленько, сейчасъ посвъчу.

Китти опять вошла. Пелагея принялась убирать со стола. Подхвативъ меня, она взглянула на Китти.

- Барыня, голубушка, что съ вами?! воскликнула она.

Китти сидъла на прежнемъ мъстъ, слезы въдва ручья катились по ея лицу.

— Вы такъ себя совствить уморите! ей Богу правда! продолжала Пелагея:—Опять сляжете, что толку будеть? А вы бы аучие себя поберегли. Вотъ я узнала что въ нашемъ домъ, вотъ насупротивъ насъ, живетъ чиновница, въ займы деньги даетъ, сходить развъ къ ней?

На другой день, утромъ, за чаемъ, Николай Васильевичъ глядълъ еще пасмурнъе обыкновеннаго; его вчерашняя попытка найти работу опять не удалась.

- Да не сходить ли, матушка, говорила Пелагея, обращащаясь къ Китти,—воть что насупротивъ живетъ чиновница, въ займы денегь даетъ. Богомольная такая, не станетъ много спращивать. Ну, извъстно, надо будетъ дать что-нибудь. Она уже говорила мнъ: "ежели, говоритъ, они желаютъ, а приду къ нимъ чтобы переговорить обо всемъ...." Сходить развъ за ней?
- Да, попроси ее, если можно, теперь къ намъ, сказала Китти.

Пелагея мигомъ исчезла. Прошло ивсколько минутъ тягостнаго молчанія.

- Въ эту дверь? раздался въ передней знакомый мив голосъ.
- Сюда, матушка, сюда! отвъчала Пелагея, и не безъ торжественности отворила дверь.

Вопла женщина въ клетчатомъ, телковомъ платъв. Ба! да вто моя старая знакомая: Матрена Петровна! Она мало изменилась. Только голосъ ея звучалъ еще меланхоличне, и въ манерахъ не было прежняго подобострастія. Она, казалось, была глубоко проникнута чувствомъ собственнаго достоинства. Николай Васильевичъ поклонился, но не сказалъ ни слова. Китти объяснила ей въ чемъ дело.

- Ста патидесяти рублей я теперь не могу дать вамъ, и целый годъ мев невозможно ждать, произнесла плаксиво Матрена Петровна.
- Меньшая сумма врядъ ли выведетъ насъ изъ этого затруднительнаго положенія, сказала Китти.
- Что жь делать, душой бы рада, да сама koe-kakъ перебиваюсь; а любаю пособить добрымъ людямъ и не хочу отказываться отъ богоугоднаго дела. Она подняла глаза къ потоаку. Сто рубликовъ могу одолжить вамъ месяцевъ на шесть....

- Какія вати условія? спросила тревожно Китти.
- Десять рублей за сто положите?
- Въ годъ?
- Что это вы сударыня?! Помилуйте, да гдв теперь найти денегь за такіе проценты?! Мив бы тогда пришлось по міру ходить! Я беру по десяти рублей въ мвсяцъ.
- Да это.... это въдь лихоимство! воскликнулъ Николай Васильевичъ. Матрена Петровна вспыхнула.
- Милостивый государь! начала она скороговоркой и какъ бы забывъ свой меланходическій тонъ:-- вольному воля. я вамъ моихъ денеть не навязываю! А вы не имвете права оскорблять меня, я такая же чиновница какъ и вы: мой отецъ умеръ въ чинъ коллежского регистратора, а на дочь переходить чинь отпа! Такъ и въ Сводъ Законовъ показано! Вотъ что! Да и всю почти жизнь свою я провела не гдв-нибудь, а въ домъ ея сіятельства, княгини Анны Оедоровны Симборской. И княгиня любила меня какъ свою дочь родную, и намеревалась завещать мне часть своего состоянія, да недобрые люди воспрепятствовали, и скончалась она не сдълавъ въ мою пользу никакого распоряженія. Взяли, да на смъхъ мнъ собаченку и отдали. Собаченка у покойницы такая была: Бибиткой звали. Вотъ и перебиваюсь я теперь деньжонками что сама сберегла-изъ жалованья которое получала у квагини. Другая бы на моемъ мъсть и секунды долве не осталась бы у васъ, но Спаситель велить прощать всякое зло. А а дъвушка благородная, съ чувствительнымъ сердцемъ, и зная изъ разказовъ вашей кухарки какъ вы нуждаетесь, я не отказываюсь отъ своихъ словъ, и даже готова немного сбавить. Если желаете взять у мена. сто рублей, то чрезъ полгода отдадите мив 150.

Она наконецъ остановилась, перевела духъ, и съ раздражениемъ поправила бантъ у своей шляпки.

Послѣ долгихъ переговоровъ и колебаній, Матрена Петровна, въ порывѣ великодутія, сбавила еще десять рублей, но потребовала чтобы въ заемной запискѣ значилось что Ивановы должны ей 140 рублей, и чтобъ опи на ней оба полписались. "Я дѣвутка одинокая, беззащитная, должна сама клопотать о себѣ!" сказала она въ заключеніе, тяжело вздохнувъ. Составили, подписали заемную записку и получили деньги. Достались онъ, правда, не на легкихъ условіяхъ, а все-таки въ домѣ какъ будто посвѣтлѣло.

Прошло нъсколько недъль. Съ издержками перебивались кое-какъ со дня на день. Но Николай Васильевичъ сталъ замътно худъть. Имъ, казалось, овладъло непреодолимое безпокойство. А тутъ открылись какія-то злоупотребленія въ въдомствъ гдъ опъ служилъ, и хотя опъ ни въ чемъ былъ неповиненъ, при общей переборкъ и ему грозили увольненіемъ. Съ каждымъ днемъ опъ становился раздражительнъе. Даже Китти отвъчалъ сухо и отрывисто.

Однажды вечеромъ Николая Васильевича не было дома. Дъти спали. Китти была сильно встревожена. Когда раздался звонокъ, она вздрогнула и пошла навстръчу къ мужу.

- Это ты! Ну, слава Богу! Я уже такъ безпокоилась что тебя долго натъ.... Ты принесъ добрую васть? Досталь деньги?
  - Ну, разумъется... такъ вотъ сейчасъ... Ха, ха, ха!...

Онъ громко захохоталъ и схватился, шатаясь, за спинку стула. Его лицо горъло, глаза глядъли мутно, волосы были разбросаны въ безпорядкъ.

- Ты боленъ, воскликнула Китти, и кинулась къ мужу.
- Поди!—Онъ оттолкнулъ ее.—Не подходи ко мнв, Киттичка, ангелъ мой... видишь, пьянъ!

Китти остановилась въ какомъ-то оцепенении.

- Ну, чего ты? Не пугайся, продолжаль онь, сь трудомъ произнося слова:—просто.... два товарища.... надо же было угостить меня на прощанье.
  - На прощавье!
- Да, что называется, спрыснули мой выходъ. Теперь легче.... А то у меня духу не хватало сказать тебъ: меня увоачаи.... Китти! Другъ мой! Не презирай меня.... Не оттолкни...

Китти взяла его голову объими руками и прижала къ своей груди. Лицо ея озарилось необычайнымъ спокойствіемъ и кротостью; онъ помоталъ-помоталъ головою и горько зарыдалъ.

— Полно, полно, говорила она, силясь улыбнуться и отрывисто дыша:—у насъ ребенокъ, мы не имвемъ права предаваться отчаянью. Мы молоды, можемъ работать. Богъ милостивъ. Онъ не оставить насъ.

IV.

Дней пать спуста въ дом'в поднялась ужасная суматоха: то и д'яло раздавался звонокъ, входили, уходили, слышались громкіе чужіе голоса. Меня взяли изъ кухни совствиъ ужь

закипавшаго и потащили въ залу. Въ комнатъ было много разнаго народу. Произносили разныя цифры, громко говорили, спорили, давали деньги какому-то господину съ краснымъ носомъ, и выносили изъ компаты некоторыя вещи. Высокая, толстая барыня, въ яркомъ клетчатомъ буркусе и въ желтой шляпкъ съ полинявшимъ желтымъ перомъ, сердито о чемъ-то спорила съ молодою девушкой со славными голубыми глазами. Миніатюрный старичокъ, весь сморщенный, съ пряжкой за безпорочную службу въ петлиць изпошеннаго винъ-мундира и съ высоко-стоящими воротничками, глубокомысленно разсматриваль пару мелькіоровыхъ подсевниковъ, примъриваль одинъ къ другому, вертель ихъ на все стороны, поднималь къ свету. Более всехъ покупаль человъкъ въ длинномъ напковомъ кафтанъ, съ рыжею бородкой клиномъ. Онъ говорилъ медленно и въжливо, набавлялъ по полтинничку и пріобредъ почти всю мебель. Въ компатв стало пуствть. Я попяль что моя личная свобода погибла безвозвратно и уже мало обращалъ вниманія на все происходившее вокругъ меня.

- И самоваръ можно купить-съ? вдругъ прервалъ мои размышленія человъкъ въ нанковомъ кафтанъ.
- Мы, мы замоваръ купимъ! заговорили разомъ двв женщины въ парикахъ, съ большими узлами въ рукахъ:—Цетыре рубля мозно дать.
- Четыре съ полтиной, сказалъ человъкъ въ кафтанъ, приглаживая рукой свою бородку.
  - Я даю пять! закричала дама въ желтой шляпкъ.
  - Пать съ полтиной.
  - Шесть.
  - Шесть съ полтиной.

Двъ женщины въ парикахъ быстро застрекотали между собой на странномъ, неизвъстномъ мнъ языкъ.

— Ну цто долго толковать? начали онв, опять перебивая одна другую:—отцево полтинникъ не прибавить? Мы даемъ земь рублей, ну и концено. Этотъ замоваръ и того не стоить, да такъ цтобъ даромъ не уходить.

Въ продолжение всей этой сцены, я переживалъ невыразимо тяжелыя минуты. Могь ли я когда-нибудь предвидъть, красуясь, напримъръ, въ роскошныхъ покояхъ клягини Симборской, что ничтожная, грязная торговка, оцънивъ меня въ семь рублей.... пріобрътетъ право владъть мною! Это меня окончательно сразило. Мысль что я навсегда покидаю семью къ которой я такъ привязался и гдъ сумъли опънить меня, страхъ попасть въ руки двухъ грязныхъ женщинъ, оскорбленное самолюбіе, — все соединилось въ мучительное чувство, и я горячо заплакалъ. Слезы крупными каплями, ручьями полились по мнъ.

- Ай, ай, ай! воскликнули опять въ ужасть объ женщины: Да опъ тецетъ! Пусть меня на мъсть убъють, езели опъ не тецетъ! Цтобы мы купили этакой дрянной замоваръ? продолжали опъ на распъвъ:—опъ и семи копъекъ не стоитъ! Мы бъдныя торговки, гдъ зе мы туть заработаемъ нъсколько гросей?...
- Я дамъ семь рублей, прервала ихъ дама въ желтой шляпкъ. Чрезъ какихъ-нибудь полчаса я уже находился закутанный въ саняхъ. Сзади меня сидъли дама въ желтой шляпкъ и дъвушка съ славными голубыми глазами.
- Знаете ли, тетенька, сказала она,—я давно хотвла имъть такой самоваръ. Онъ очень красивъ.

Пріятный голось и пріятныя слова развеселили немного меня, но не надолго.

— Знаешь ты чего желать! отвівчала сердито тетенька.—Радость, нечего сказать, что купила старый самоварь! Да, Лиза, глупа ты! Будешь потомъ жалівть что не хотівла пользоваться обстоятельствами.

Въ квартирв тетеньки и Лизы была почти та же обстановка что у Китти. Но не было того порядка и той опрятности. На мебели часто лежали матеріи, странные наряды, разбросанныя книги и тетрадки, и всегда было много пыли. Я поміщался въ кухні, но за мной ходила уже не добрая, трудолюбивая Пелагея, а горничная Сата, перетянутая въ рюмочку, нарумяненная, и съ огромнымъ фальшивымъ тиньйономъ, совертенно другаго цвіта нежели ся волосы. Ел главныя занятія состояли въ томъ что она приносила изъ трактира кутанье, подавала чай, выметала кой-какъ дві комнаты, курила папироски, пила кофе и говорила дерзости тетенькі, а иногда и кроткой Лизі. Почти каждый разъ когда меня вносили утромъ и вечеромъ къ чаю, Лиза ходила по комнаті съ тетрадкой въ рукахъ и громко читала, останавливаясь иногда предъ зеркаломъ.

Тетелька бранилась или съ Сашей, или съ Лизой.

- Да! обратилась она въ одинъ вечеръ къ Лизъ, у теба

въ сердцъ нътъ и капли благодарности! Ты послъ отца и матери остались малюткой. Еслибъ я не сжалилась надътобой, да не выходила, ты бы съ голоду пропала!

- Развъ я не благодарна вамъ, тетя? отвъчала Лиза.
- Хороша благодарность! Мало я жертвъ для тебя принесла? Отказывала себъ во многомъ чтобы дать тебъ образованіе и приготовить будущность. Талантъ одинъ и гроша не стоитъ. Ты мнъ всъмъ обязана. А теперь ты припъваючи поглядываеть какъ я переноту всякія литенія, чуть не нужду. Платья даже хорошаго не заведу, а объ тали ужь и не думай.
- Развъ я не учусь, не стараюсь сделаться достойною своего призванія?
- И! мать моя, все это галиматья! Съученіемъ да съ призваніемъ далеко не уйдеть. Тебъ ни одной порядочной роли не даютъ. Панфилова говоритъ и ходитъ какъ утка, одъвается какъ кухарка, а играетъ главныя роли, потому что она маленько поумнъе тебя. Развъ возможно на сценъ сдълать каррьеру съ твоими понятіями?! И ябыла такой дурой какъ ты.... Вотъ теперь и мучусь на старости лътъ. Ты красива, могла бы далеко пойти!
- Тетушка! тетушка, перестаньте, ради Бога! воскликнула Лиза, судорожно сжимая тетрадку.
- Здравствуйте, та сhère! раздался веселый голосъ, и въ компату влетъла словно куколка разряженная дамочка, вся въ телку, лентахъ и кружевахъ, съ кокетливо-прихваченнымъ пажами платьемъ, выказывавшимъ щегольскія ботинки. Что это у тебя такой отчаянный видъ? Или ты повторяещь драматическую сцену? Ты вчера очень хорота была. Маленькая роль, а ты всъхъ тронула. Панфилова не на тутку струсила, и вчера во время репетиціи бранила тебя на чемъ свътъ стоитъ. Махронина увъряла что ты только прикцываеться недотрогой и скромницей. А Антоновъ, тотъ сильно противъ тебя. Онъ называетъ тебя святотей и намекнулъ что знаетъ о тебъ весьма скандалезную исторію.
- Антоновъ? Невозможно! перебила Лиза, сплеснувъ руками.
- Ахъ, та сhère, ты всему удивляеться. Мит право жаль тебя, защебетала гостья, развязывая ленты своей тляпки.— Я тебя полюбила. Да и ты вредить мит не можеть—я водевилистка. Хочеть, я дамъ тебт кое-какія наставленія?

- Послушаетъ она васъ, какъ же! проговорила сердито тетенька.
- Вотъ видишь, та спèге, противъ тебя составляется интрига. Хотять въ эту середу от икать тебя. Это бы еще ничего, вздоръ! Да вотъ что худо: Панфилова намърена просить Андрея Андреевича на будущій сезонъ не только не прибавлять тебъ жалованья, но вовсе не ангажировать тебя. Ты знаешь, Панфилова имъетъ вліяніе на Андрея Андреевича.
- А, что? Что я тебъ говорила? закричала тетенька.—Вы думаете что ваши слова образумять ее? Какъ бы не такъ! Горохъ объ стъну! Вотъ и все.
- Увъряю тебя, та chère, надо непремънно предупредить интригу.

Лиза молчала.

- Вамъ легко разсуждать, а намъ чъмъ прикажете дъйствовать? У насъ всего-на-все рублей пятнадцать во всемъ домъ. Вотъ я на старости лътъ, за всъ свои труды и жертвы, не въ состояніи позволить себъ партію въ ералать по по копъечкъ, или выпить рюмку хоротаго вина, или исправить какъ слъдуетъ свой гардеробъ!... Еслибы вы знали какое счастье она намедни отвергнула!
- "Счастье!" прошептала Лиза. Ел глаза наполнились сле-
- Она еще повичокъ у насъ, сказала, въ видъ извиненія, водевилистка, ласково потрепавъ Лизу по плечику:-- И у мена когда-то были подобныя идеи, и что же.... она замялась.--Ахъ, ma chère! начала она опять:—я и забыла сказать тебъ, Веляевъ въ восторть отъ тебя. Скоро будуть ставить его новую піесу. Она очень скучна. Но ее приняли, потому что у Андрея Андреевича съ дядей Веляева какіе-то денежные счеты. Къ тому же піеса написана совершенно въ новомъ духь: героиня въ первомъ дъйствіи убъгаеть отв родителей, во второмъ отъ мужа, въ третьемъ оставляетъ детей, въ четвертомъ спокойно и счастливо проживаетъ у любовника, а въ пятомъ мирится съ мужемъ. Онъ назначаетъ ей ежегодную значительную сумму въ виде пенсіи, а она убъждается что собственно никогда не любила ни мужа, ни любовника, что съ обоими расходится въ воззрвніяхъ на жизнь, и что страстно влюблена въ одного артиста, съ которымъ и

увзжаеть за границу. Веляевь кочеть стараться чтобы тебв дали эту роль.

Наконецъ я понядъ что нахожусь у актрисы. Я давно интересовался театральнымъ міромъ, но отчаивался въ возможности ближе познакомиться съ нимъ. И потому мысль что я попалъ къ актрисъ завяла и обрадовала меня. Но не долго пришлосъ миъ предаваться моимъ наблюденіямъ!...

По вечерамъ тетенька и Лиза ръдко пили чай однъ. Обыкновенно бывали гости. Преимущественно мущины развыхъ возрастовъ. Бывало тъсно, людно, шумно, а весело не бывало.

- Vous êtes délicieuse се soir! раздался разъ около мена знакомый голосъ. Я узналъ князя Теодора. Онъ очень выросъ, былъ еще красивъе брата, въ гусарскомъ мундиръ, но очень блъденъ. Говорилъ вяло, беззвучно.
- Благодарю васъ за букетъ, сказала Лиза,—я люблю цвътъ, но прошу васъ, присылайте мнъ букеты не завернутые въ кружева.

Князь Теодоръ поклонился. Вошелъ Бродовъ. Давно мы не встрвчались съ тобой, старина, подумалъ я. На немъ быль совсемъ новый парикъ. Онъ въжливо со всеми раскланялся и подошелъ къ тетенькъ.

- Исполниль-съ ваше поручение. Надъюсь, ваше дъльце пройдеть въ департаменть, всъ усили употребиль-съ.
- Ахъ, какъ я вамъ обязана! воскликнула тетенька, подымая глаза къ потолку и сладко улыбаясь. Мнъ всего смъдуетъ получить рублей триста. Но при нашихъ стъсневныхъ обстоятельствахъ... вы знаете что Лиза получаетъ очень небольшое жалованье, все интригуютъ противъ нея.
- Смъю доложить вамъ, заговорилъ Бродовъ, что ваша племяница ръшительно всъхъ съ ума сводитъ. Вотъ намедки генералъ Слезневъ въ театръ говорилъ мнъ: "Ты посмотри какъ играетъ, а сложена какъ!..." а полковникъ Дубровскій, тотъ, когда ваша племянница на сценъ, бинокль отъ главъ не отнимаетъ, а меня все время локтемъ толкаетъ: "чудо, прелесть!" говоритъ. Да, точно-съ. Только ужь слишкомъ онъ непреклонны и строги-съ!...
- Тимовей Тимовеичъ! перебила его со вздохомъ тетенька:—я должна была заступить ей мать, и всегда старалась и стараюсь развивать въ ней самые строгіе принципы!...
- Вы ангель, вы божественное созданье! говориль въ это время шепотомъ Лизъ молодой человъкъ. Ба! да и это

старый знакомый, Петя! Только уже не въ юнкерскомъ мундиръ, а въ изящномъ фракъ.—Если вы не сжалитесь надо мной, не скажете мнъ коть одно слово утъшенія, я лишу себя жизни! Я застрълюсь!

- Когда вы будете читать мяв вашу роль? прерваль Петю подошедшій къ Лизв баринъ съ воклоченными волосами, длиневищею бородой и мрачнымъ взглядомъ.
- Петръ Никифоровичъ, вы знакомы съ Матввемъ Ивановичемъ Веляевымъ? спросила Лиза.

Петръ поклонился съ накоторымъ подобострастіемъ. Признаюсь, я почувствовалъ пріятное ощущеніе при мысли что нахожусь въ одной комнать съ литераторомъ.

- Я роль знаю, сказала Лиза.
- Вы въ ней будете хороши. Пісса эта произведеть фуроръ. Въ героинъ а создаль типъ передовой, истинно развитой женщины. Пожалуста, въ сценахъ когда она оставляетъ родителей, а потомъ дътей, будьте естественны безъ возгласовъ и жестовъ, безъ возвышенія голоса, безъ "драматизма". Все это для моей піссы не годится. Только въ сценъ истерики, послъ ссоры съ мужемъ, продлите истерику какъ можно подольше. Наша публика привыкла теперь видъть въ каждой драмъ истерику, и всегда аплодируетъ ей. Я клопочу чтобы вамъ оставили эту роль. Противъ васъ цълая партія. И самъ Андрей Андреичъ не жалуетъ васъ, вы слишкомъ гордо себя держите....

Когда всв разъвхались, тетенька мигомъ измвнилась. Ел сантиментальный взглядъ и сладкая улыбка мгновенно исчезли.

- Лиза, сказала она, тебъ извъстно что я сегодня издержала послъднія деньги? До перваго еще цълая недъля. Можеть-быть, вы сумъете научить меня гдъ достать денегь? Сашъ надо заплатить. Я ръшительно не хочу переносить ея грубостей. Ужь и такъ, кажется, я довольно терплю. Съ моимъ ли здоровьемъ переносить ежедневныя лишенія, непріятности!...
- Я попроту жаловатья впередъ....
  - Впередъ! А что потомъ будетъ? А?
- Можетъ-бытъ, возможно еще скромиве устроиться, проговорила трусливо Лиза.
- Скромиње? векрикнула, вся побагровъвъ, тетенька. Чего же вамъ еще надо? Прекрасно! Не станете ли требовать чтобъ я, которая вовыть для васъ пожертвовала, носила дрова и воду, чтобы для васъ бълье стирала, чтобы....

- Помилуйте, тетенька! начала Лиза и заплакала. Она видимо боялась тетеньки.
- Вы не ребенокъ, начала тетенька изсколько мягче,—вамъ минуло 19 лвтъ. Кажется, могли бы уже понять что намъ не пристало такъ жить какъ теперь. А главное, для твоей же карьеры необходимо чтобы мы имъли больше средствъ. У насъ стали бывать разныя значительныя особы. Въ какой квартиръ, какъ мы принимаемъ ихъ?... Ты взгляни! Что за мебель, простыя чашки, старый самоваръ.... Въдь это стыдно! (И меня таки задъла!) Ты многимъ правишься.... Боже меня сохрани чтобъ я стала подговаривать тебя къ чему-нибудь дурному! Но Бродовъ....
  - Бродовъ! воскликнула Лиза.
- Что же? Онъ старъ, за то человъкъ честный, ужь не обманетъ. Его жена опять увхала. Поговариваютъ что они разведутся. Если ты не будеть такъ отталкивать его, какъ знать? Онъ болъе приважется къ тебъ, и современемъ, можетъ-быть, и женится на тебъ. А у него милліоны!

Лиза ничего не отвъчала и продолжала плакать.

Подобныя сцены повторялись все чаще и чаще. Только тетенька говорила еще громче и різче, а Лиза плакала еще больше и сильніве. Въ одно утро Саша необычайно засуетилась. Она даже забыла наруманиться. Стала укладывать свои вещи, посуду, гардеробъ Лизы. Меня она закутала кой-какъ въ полотенце и вынесла на улицу. Тамъ стоялъ ломовой, нагруженный сундуками, корзинками и разнымъ хламомъ. Меня помістила на самомъ верху, между кофейной мельницей и картонкой съ вывалившеюся крышей. Лошадь поплелась шагомъ. Саша, въ тетенькиной желтой шляпків, тала возлів насъ на извощиків....

Я съ тяжелымъ чувствомъ вспоминалъ блистательные дни моей юности, а теперь!... Но вотъ мы остановились предъ красивымъ подъвздомъ. Меня понесли по устланной ковромъ льстниць. Въ передней насъ принялъ прилично одвтый лакей, улыбнулся Сашъ, взялъ меня изъ ея рукъ, понесъ черезъ четыре небольшія, но богато убранныя комнаты, и поставилъ на полкъ въ кухнъ. Итакъ я опять попалъ въ роскошную, сродную мнъ, обстановку, думалъ я съ удовольствіемъ. Но увы, вто была одна мечта.... Дверь въ кухню отворилась, зашла тетенька. На ней было тяжелое шелковое платье и красная шаль, заколотая огромною брошкой.

— Сата! сказала она, нахально подымая свое толстое липо:—прежнюю посуду и этотъ самоваръ (она съ пренебреженіемъ указала на меня) не надо подавать намъ. Пускай они останутся въ кухнъ для людей. Сегодня придетъ новая кухарка.

Эти немногія слова рівшили мою участь!... Я вытолкнуть изъ образованной среды и доживаю свой віжь въ кухив. "Новая кухарка" ставить меня по шести разъ въ день. Прихожу въ столкновеніе только съ прислугой. Въ этихъ людяхъ я замівчаю качества и привычки характеризующія людей вообще. Только всі эти свойства проявляются въ нихъ грубіве и откровенніве нежели въ высшихъ сферахъ.

Впрочемъ, я теперь многое переношу гораздо холодиве. Я постарвлъ. Я уже медлениве закипаю и стараюсь стать выше всвят невзгодъ и униженій моего настоящаго положенія...

и. г.

могиканы реализма

Въ настоящее время не остается, конечно, ни малейшаго сомявнія что отрицательное направленіе нашей литературы уже пережило цвътущій періодъ своей дъятельности. Нътъ въ немъ ни вождей особенно храбрыхъ, ни единства скольконибудь внушительнаго, ни поклонниковъ многочисленныхъ; даже имя, которымъ ихъ окрестилъ И. С. Тургеневъ. и то изпосилось: пигилисты называють себя теперь уже не пигилистами, а реалистами. То было слово слишкомъ ядовитое. слишкомъ напоминающее о ничтожномъ количествъ идей вращающихся въ ихъ средъ. Нигилистамъ было объяснено что отрицаніемъ да порицаніемъ вічно отдівлываться нельзя, что обществу нужна какая-нибудь положительная, осязаемая, а не отрицаемая только двятельность. Воть съ того-то времени нигилисты и стали выдавать себя служителями естествознанія и обращаться въ реалистовъ. Въкъ реалистовъ, значитъ, весьма еще педолгій, и какъ они уже устарыли, до какихъ песообразностей договорились! "Насъ совствить не поняли", твердать теперь болве догадливые изъ нихъ, вглядываясь въ свое собственное изображение поднесенное имъ искусною рукой г. Тургенева. Кто выдумаль что мы ничего не дылаемь и ни на что не опираемся? А лягушка, а скальпель, а микроскопъ, на которые мы указали какъ на могущественныя орудія общественнаго развитія! Всего этого, положимъ, мы не держали въ рукахъ, но это однакоже не пометало намъ дойти до самыхъ реальныхъ, почти анатомическихъ взглядовъ. Не мы развъ доказали идеалистамъ что міръ "прокисъ", что повты и эстетики не нужны, историки и экономисты безполезны,

что женщинъ савдуетъ обмущинить, а семьи обратить въ артельныя мастерскія? Не нами развъ предложенъ быль проекть уничтожения историко-филологического факультета и подробно развита идея компаніи реалистовъ которые бы на собранныя тысячи организовали систему гимнавій, гдв преподавалось бы все, за исключеніемъ грамматики. языковъ, словесности и исторіи? А реальная критика, реальная поэзія, реальный способъ рівшенія разныхъ вопросовъразвъ всего этого педостаточно чтобы дъятельность наша была вполив осязаема? Увы, жалкія права на известность! ухватившись ради отрицанія за реализмъ, вы на самомъ двль оказались крайними идеалистами; потому что то съ чемъ вы были знакомы, чему действительно учились, то вы поставили ни во что, а то что вычитали изъ случайно попавшихся естественно-историческихъ книжекъ, вы по новизнъ предмета приняли за непреложныя истины. Вы не знаете, а съпиme: kakaa uponia!

Естественныя науки, приихъ настоящемъ состояніи, имівють совствить не то значение какое эти господа стараются имъ приписать. Техника и механика—воть где ихъ страшная сила, а не область принциповъ и убъжденій, обыкновенно вырабатываемыхъ не точными науками. Естественныя науки дають полную возможность оріентироваться въ природь, но не въ обществъ. Естествознание есть дополнение къ человъкознанію, а не начало знаній. Естественными науками ограничиваться нельзя, а темъ более нельзя съ нихъ начинать. Санткомъ живая фантазія всякаго начинающаго жить требуеть еще образовъ, вымысла и оттого не въ состояни выдержать черезчуръ осязаемыхъ фактовъ зоологіи. ботаники, анатоміи. Точность, -- эта неотвемлемая принадлежпость естественныхъ наукъ, -- недостижима для начинающаго. Знакомство съ природой будеть въ немъ не дъйствительное, а призрачное. Даже въ возраств юношескомъ и позднейшемъ, и то не всегда усвоивается, вследствіе пылкой фантазіи и неосновательнаго воспитанія, эта точность, эта незыбленость положительных наукт, чему и служать примъромъ наши реалисты. Слишкомъ большая отличающая ихъ смълость въ обращении съ вопросами неразръщимыми и слишкомъ большая погоня за целями недостижимыми только и можетъ быть объяснена ихъ поверхностнымъ соприкосповеніемъ съ наукой природы. Пораженные на первыхъ

Digitized by Google

же порахъ недугомъ любопытства и раздразнивающимъ вліяпіемъ вициклопедизма, они естественно стали бросаться то въ одку, то въ другую сторону, и потому ни на чемъ серіозно не остановились. Простое удовлетвореніе любознательности, какою бы тратой способностей оно ни сопровождалось, есть еще только развлечение, а не трудъ въ настоящемъ смысль. Поверхностное ознакомленіе съ природой дразнить, конечно, любознательность, но оно въ то же время возбуждаеть и слишкомъ большую смелость и склопность къ произвольпымъ выводамъ. Хватаніе вершковъ науки служить только орудіемъ къ безціяльному и непроизводительному бітанію по книжкамъ. Знаніе, конечно, есть сила, но только въ рукахъ человъка умъющаго прилагать его. Литературное и научное безчинство, совершаемое у насъ во имя мнимореальнаго или мнимо-естественно-исторического направленія, лучше всего доказываеть это. Ни одной еще діяльной статьи по естественнымъ наукамъ мы не встретили въ журналахъ проповедующихъ реализмъ, тогда какъ въ журналахъ съ направленіемъ противоположнымъ онв иногда попадаются. Даже Бокль, Люисъ и Дарвинъ, этотъ тріумвирать реалистической мудрости, были предложены русской публикт не реалистами. Между тымъ реалисты, прибавивъ къ нимъ Бюхнера и Молешотта, только этими хорошими книжками и ограничились, и исполнилось такимъ образомъ слово о пятикнижіи, завъщанное авторомъ романа *Чтд дълать*. Иниціативы въ распространеніи трезваго пониманія природы въ нашихъ реалистахъ, значитъ, никогда не было. Занимаясь постоянно игрой въ естественно-исторические факты, они наконецъ дописались теперь до какой-то смеси критики съ зоологіей, беллетристики съ физіологіей, которая только отталкиваеть отъ себя всякаго человъка сколько-нибудь приковновеннаго наукъ, и называють еще этоть литературный винегреть популяризированіемъ знанія!

Чтобы не быть, однако, голословными въ нашихъ замъчаніяхъ о такъ-называемомъ реализмъ въ литературъ, по-пробуемъ взять на выдержку нъкоторыя статьи, очевидно, написанныя въ этомъ направленіи. Намъ подвертывается подъ руку недавно напечатанная въ Дълю статья г. Португалова Источники бользней: остановимся на ней. Написана она, какъ видно по заключенію, врачомъ: несомнънно что авторъ знакомъ съ естественными науками; но несомнънно

также что знаніе въ такой мірт переплелось съ извістными тегденціями, что вышло вічто очень куріовное. Локазывая. сообразно направлению Дюла, что нишета и голодъ составаяють главные, почти единственные источники больней. авторъ, чтобы быть болве убъдительнымъ, пытается въ то же время отвергнуть всв другія причины бользней, напримерь климатическія, заимствуя для этого свои аргументы из наблюдений надъ лошадью.... "Лотади, говорить онь, улучшаются въ породь, по наблюденіямь Дарвина, отъ хорошаго ухода и естественнаго подбора, а климать нисколько не обнаруживаеть на нихъ вліянія. Не правда ли, удачная цитата? Она намъ очень напоминаетъ ту парадлель, которую когда-то проводиль профессорь Флоринскій вь томъ же журналь между удачнымъ подборомъ супруговъ и улучшеніемъ породъ рогатаго скота, между красивыми Охтянками и холмогорскими коровами. Оставляя въ стороне все что въ подобномъ взгляде есть возмущающаго человеческое достоинство и все что есть сметнаго въ томъ внутрениемъ наслаждени съ какимъ наши реалисты спъ**шать**, во **имя** будто бы науки, засвидетельствовать всемь и каждому объ исключительной принадлежности человъка къ животному царству, мы должны сказать имъ, что ихъ коннозаводческій взглядъ (выраженіе покойнаго С. С. Дудышкина) непримънимъ къ человъку и съ точки зрънія науки. Человъкъ есть самое развитое, но вывств и самое безсильное и бользненное изъ всыхъ существъ. Самое даже изреченіе: здоровый умъ въ здоровомъ тьль, не всегда къ пему примънимо, потому что условія для проявленія умственныхъ силъ заключаются не въ развити костей, мышцъ и жира, а въ совершенствъ нервной системы: нервы, въ случаъ крайности, какъ бы высасывають весь сокъ жизни изъ тыла, подорваннаго страданіями и недугами, и поддерживають въ немъ дъятельность. А что первиая система у человъка соверmenrie чімъ у лошади, это, кажется, должно бы быть из-віство г. Португалову. Къ чему же туть и всі эти сравнепія, и смілые выводы пасчеть того что климатическое ліченіе не приносить будто бы человъку пользы. Кто же не наблюдаль, даже изъ не-врачей, что, напримъръ, колодные кли-маты располагають къ ревматизмамъ и простуднымъ болъзнямъ, изменчивые убивають чахоточныхъ; что есть места где чахотка бываеть только въ виде исключения, а лихорадка, напротивъ, очень частая гостья; что существують, наконець, мъста отрицающія золотуху или, наоборотъ, ее обусловливающія и т. д. Скажемъ къ слову, что климатическое авченіе имъетъ у насъ въ Россіи даже блестящую будущность, потому что съ развитіемъ жельзныхъ дорогь, оно, при разнообразіи климатовъ Россіи, можетъ сдълаться доступнымъ для массы больныхъ солдатъ и для простолюдиновъ. Докторъ Милліотъ, спеціально занимающійся этимъ вопросомъ, сдълалъ даже (да проститъ онъ намъ эту нескромность) довольно значительное пожертвованіе съ цълію опредълить санитарныя станціи по направленію нашихъ жельзныхъ дорогъ.

Развивая мысль о зависимости бользней отъ нищеты и голода и о значеніи дурных условій жизни для здоровья человька. ученый сотрудникъ Дъла приводить въ примъръ, полагая, повидимому, что это очень идеть къ двау, - кого бы вы думали?-свиней, "у которыхъ, по наблюденіямъ некоторыхъ ученыхъ и происходить укорачивание головы, если онъ отъ недостатка пищи много роють мордей землю", и кроликовъ, "которые, по замъчанию Дарвина, живя въ неволъ, слабъе развиваются въ своихъ инстинктахъ". Дарвинъ насчетъ последняго факта дълаетъ еще только предположение, а г. Португаловъ уже приивриваетъ подневольную жизнь кроликовъ къ человъку и распространяется при семъ удобномъ случав о народахъ живущихъ въ рабствъ... Точно также, стараясь объяснить силу вліякія культуры на здоровье человівка, авторъ, ви съ того, ни съ сего, заговариваетъ вдругъ о культурь розь, астраханскихъ арбузовъ, нежинскихъ огурцовъ и сладкаго ярославскаго горошка. Усиливаясь, такимъ образомъ, доказать совершенно не требующее доказательства. онъ упускаетъ изъ виду что качества мъстныхъ произведеній природы зависять все-таки не оть одной культуры цац возделки, но и отъ химическаго состава почвы и климатическихъ условій.

Но ст какой же стати, спросять насъ, приплетаетъ авторъ Дарвина, говоря объ условіяхъ жизни человъка? Дарвинъ ботаникъ и зоологъ, а не антропологъ и не этнографъ; онъ разсуждаетъ въ своемъ замъчательномъ трактать о бобахъ и цвътахъ, баранахъ и ослахъ? Это ничего не значитъ: "Дарвинъ Англичанинъ, а у Англичанъ уже такая манера, что

они сразу не сопоставать человъка съ животнымъ." Такоюто фразой отдълывается г. Португаловъ, смутно догадываясь что Дарвинъ писалъ свое знаменитое сочинение не ради
баловства и злоупотребленій наукой, какъ наши доморощенвые реалисты. Манера Дарвина есть манера не однихъ Англичанъ, но и всёхъ истинныхъ ученыхъ, которые не сделаютъ ни одного шага впередъ до тёхъ поръ пока не чувствуютъ что нога ихъ стоитъ твердо. Эта великая манера
и есть именно то что Клодъ Бернаръ называетъ детерминизмомъ, на основани котораго всякіе скачки и прыжки
въ наукъ и погоня за первыми причинами считаются празднымъ дёломъ, напоминающимъ усилія ребенка ухватить башню стоящую на огромномъ разстояніи.

Но г. Португаловъ, впрочемъ, и самъ себя побиваетъ въ своемъ тенденціозномъ стремленіц вывести всв источники бользней изъ нищеты и голода. Такъ, припоминая что лихорадочные міазмы, по новъйшимъ изследованіямъ, происходять оть особой породы водорослей или споръ ихъ, что корь имъетъ, повидимому, источникомъ происхожденія грибки, являющіеся на испорченной солом'в растеній, что отравленіе проросшею рожью тоже зависить оть микроскопическихъ грибковъ, называемыхъ спорыньею, и что, наконецъ, холера, по мяжнію многихъ, зараждается отъ того что на рисъ тоже являются особаго рода растительные паразиты, — авторъ темъ самымъ невольно указываетъ, что источники бользней далеко не изсякнуть даже и въ случав всыми желаемаго уничтоженія нищеты и голода, что нужно сначала избавить отъ бользней весь растительный міръ и устранить всв неправильности и уклоненія климатовъ, чтобы потомъ уже сказать что климать для человъка вздоръ, а культура все. Следуя Рейху, авторъ говорить, что для уничтоженія холеры необходимо улучшить возделывание риса или лучше заменить возделывание его другимъ питательнымъ веществомъ". Новый куріозъ! Еще не решено въ науки что въ дурномъ питаніи риса заключается причина происхожденія холеры, а ученые мужи Дюла уже проектирують планъ уничтоженія возділыванія риса: предположеніе чрезвычайно характерное для той партіи которая, на основаніи теорій и гипотезъ, мечтала когда-то перестраивать общество.

Но всесокрушающая тенденція доводить почтеннаго доктора до отрицанія своей собственной науки. "Лечить

людей какими-нибудь средствами или вовсе не лечить,--смертвость и въ томъ и въ другомъ случав одинакова", говорить съ увъревностно вашъ авторъ, вертя и орудуя пифрами, такъ что даже становится страшно за статистику. "Н. И. Пироговъ," цитируетъ онъ дальше, "убъжденъ, что всв наши врачебныя средства едеа колеблютъ общую цифру смертности. Но въ этомъ едеа, на которое не обратиль вниманія г. Португаловъ, и заключается та великая задача которую назначено выполнять практической медицина. Задача ея не въ томъ чтобы давать дюдямъ безсмертіе. Медицина, сказаль одинь французскій врачь, въ большей части случаевъ утвиветъ, въ некоторыхъ - помогаетъ, въ немпогихъ же — излачиваетъ. Но и это уже много значитъ въ виду той безпомощности въ которой чувствуетъ себя забольвтій человькь. Извъстный англійскій ученый Беннеть старается подвести правственное вліяніе присутствія врача на ходъ бользни подъ систему. Какъ же посль того можно не придавать значенія медицинскому пособію и сваливать все на правильное распределение богатствъ и будущее устраненіе нищеты и голода между людьми? Есть выдь бользки происходящія и отъ обжорства и роскоми. А положительныя завоеванія медицины, ужели они недостаточно убъждають почтеннаго доктора что рышениемъ соціальныхъ задачъ нельзя ограничивать медицинскую практику? Развъ оспа не ослабъла, благодаря усиліямъ медицины, развъ лихорадка не выличивается, малокровные и цинготные не выздоравливають отъ леченія, разве жизнь страдающихъ хроническими, неизличимыми недугами не удлинивется отъ хорошаго медицинского досмотра, а сила острыхъ бользней не ослабъваеть въ значительной степени черезъ устранение осложненій? А чудеса хирургіи и акутерства, заставляющія слепыхъ прозрѣвать, хромыхъ ходить, и пр.? Отрицать все это, по меньшей мерь, странно для врача.

Но кромъ серіозныхъ и, повидимому, ученыхъ статей, печатаемыхъ въ интересахъ реализма, въ журналъ Дъло существуетъ и особая, приспособленная къ цъли изданія, беллетристика, построенная яко бы на данныхъ изъ геологіи, палеонтологіи и вообще наукахъ естественныхъ. Одинъ изъ новопоставленныхъ реалистовъ, г. М. Михайловъ, уносясь мыслію за предълы исторіи, и именно не ближе какъ "за милліоны лътъ", старается показать подпищикамъ Дъла

какимъ былъ человѣкъ въ то время, когда онъ, на основаніи ученыхъ изысканій редакціи, ничѣмъ не отличался отъ обезьянъ. Рисуется самая фантастическая картина допотопнаго міра и посреди ез человѣкъ, ревущій, къ величайтей радости реалистовъ, какъ дикій звѣрь. Мущина-самецъ, разказываетъ нашъ авторъ, кричалъ а-а! а женщина-самка, скала зубы и хохоча, отвѣчала ему у-у! Вотъ онъ, настоящій зоологическій языкъ, открытый нашими реалистами!... Но будемте читать далѣе. Вотъ, напримѣръ, сцена встрѣчи первобытнаго мущины съ первобытною женщиной:

"Пріятель пашъ (такъ называеть почему-то авторъ голаго человъка-самца) весь вздрогнуль при появленіи молоденькой женщины, и они оба разомъ окинули другь друга очень привътливо. Онъ перебрался къ ней на дерево: она ударила его по плечу и увернулась изъ его рукъ. Овъ за ней: она соскочила на землю, потомъ побъжала по лъсу. Молодецъ нашъ пустился ее договать, и какъ она ни увертывалась, онъ всетаки ее настигъ... Она выбивалась, слабо вскрикивала, все вивств. Онъ визжалъ умоляющимъ голосомъ. Она повернула къ нему свое горячее, обрызганное потомъ лицо; зрачки ее горван, бваки были влажны. Она всв трепетала страстію и пътой.... Она опять побъжала; но въ то же время оглядывалась, бъжить ли опъ за ней; опъ, конечно, бъжалъ. Вотъ льсъ разступился. Какая мягкая высокая трава! Ни у какого царя не было такого пышнаго ложа." Тутъ нашъ юный реалистъ проводить еще песколько черть, но мы воспроизводить ихъ не станемъ, такъ какъ онъ имъютъ назначениемъ вліять не столько на головной, сколько на спинной мозгъ.

Дальнвите чтепіе статьи г. Михайлова убѣждаеть насъ, что вліяніе на этоть именно мозгь онь и желаеть производить. Нвляясь постоянно защитникомъ прекраснаго пола, г. Михайловь не упустиль случая и туть жесточайшимъ образомъ возстать противъ угнетателей-мущинъ, жившихъ за милліоны лѣть до нашего лѣтосчисленія. Ему даже чудится, что ключа женскаго вопроса должно искать въ томъ отдаленномъ и дикомъ времени, когда люди, еще не стъсняясь, ходили безъ одежды: тогда уже, по остроумному соображенію автора, началось угнетеніе женщинъ мущинами. Женщины въ то время жили, какъ оказывается, въ особыхъ шалашахъ, ими же самими построенныхъ, и подвергались нападенію со стороны мущинъ, все равно какъ теперь мы подвергаемся напа-

денію со сторовы дикихъ звірей. Повятно, что все это изображаєтся у автора въ самыхъ реальныхъ образахъ. "Воть, воть, —замінаєть онъ какъ бы съ радостію, описывая такое нападеніе, — клопочеть около одного изъ шалашей еще совствить молоденькая женщина. Судя по плечамъ, бедрамъ и росту, она еще не достигла полнаго развитія. Первые обманчивые признаки эрівлости не остаются не замінченными. Толпа мущинъ тотчасъ начинаєть слідить за предметомъ страсти, и безсильная для борьбы дівочка достается сильнійшему изъ претендентовъ. Даліве авторъ съ большимъ одушевленіемъ разказываєть какъ изобрітень быль поясъ стыдливости, и какъ мущина-самецъ, закабаливъ женщину-самку, началь ею номыкать. Да позволено будеть намъ представить во всей крась ту до невіроятности дикую идиллію, которая по этому случаю рисуется въ испорченномъ воображеніи автора.

Самецъ-человъкъ убиваетъ для утоленія своего аппетита козу; но самъ почему-то не приносить ее изъ лѣсу, а посылаетъ за нею жену. Бъдная жена отправляется за добычей, а онъ, какъ истый баринъ, идетъ къ себъ въ шалашъ. "Надо выбрать мѣсто помягче, думаетъ про себя самецъ-человъкъ. Жена положила на такое мѣсто спящаго ребенка; но онъ можетъ лежать гдъ и пожестче. Отецъ безцеремонно сталкиваетъ своего ребенка съ удобнаго мѣста и вытягивается во всю длину. Ребенокъ со сна реветъ." Между тѣмъ бъдная мать приволакиваетъ козу, и исполняя должность мужа, начинаетъ сдирать съ нея кожу. "Самецъ-мущина не выдерживаетъ и со сверкающими отъ удовольствія глазами подсаживается къ женъ. Съ торопливостію выдергиваетъ изъ кровавыхъ внутренностей сердце, печень и почки, и съ такой же жадностію начинаетъ жевать и глотать."

Что это такое? Можеть ли далье этого идти нельпость? Насмышка ли это надъ здравымъ человыческимъ смысломъ, или стремленіе пощеголять какимъ-то плотояднымъ цивизмомъ? Проявленіе ли выдохшагося, износившагося таланта, или желаніе подслужиться своему направленію? И кого думають эти господа просвытить своими дикими финтазіями? Человыка вполны развившагося уже не прельстить это поклоненіе животной стороны нашей натуры; а склонять недоучившагося юкошу къ тому чтобъ онъ скорые причислить себа къ царству животныхъ и жиль сообразно этому — честь не велика. Но именно юкошей-то преимущественно Доло и имъеть

въ виду. "Молодой писатель изъ молодаго поколенія, говоритъ одинъ изъ его сотрудниковъ, должетъ помнить что у него читатели молодые. Онъ долженъ отмежевывать себъ извъстный кругь, въ которомъ вращается молодая жизнь, и для нея только и работать." Воть куда устремляются разчеты почтенной редакціи при распространеніи реалистическихъ дикостей!... Не съ целію ли поучать юношество написана и статья о проституціи, напечатанная въ последнихъ книжкахъ Дъла. Почему, впрочемъ, и не писать о проституціи? Но дело въ томъ какъ писать. Казалось бы, что журнальная статья о такомъ предметь не должна зарываться въ свой предметь глубже мрачных страниць судебно-медицинских книгь; для серіозной любознательности втого слишкомъ доводьно. Но нътъ; ни передъ чъмъ не краспъющій реализмъ и туть перешелъ всв границы. Въ противоположность знаменитому Тардьё, когда-то посовъстившемуся въ спеціальномъ журналь говорить на общепонятномъ отечественномъ языкъ объ этихъ уродствахъ и потому прибъгшему къ языку древнихъ Римаянъ, авторъ статьи Дъла доходить до самой невъроятной безперемонности въ перечислении разныхъ видовъ растивнія (стр. 109, № 5). Не довольствуясь теми гадостями которыя представляеть въ втомъ отношеніи современная жизнь, онъ зарывается въ глубь древности; повторяеть извъствые разказы изъ жизни греческихъ и римскихъ гетеръ, перечисляя при этомъ всв мельчайтие виды разврата. И хотя бы еще сдълано было это со строго ваучными прісмами, всегда болье или менье скрадывающими пеприглядность такихъ фактовъ, — нътъ: вся статья пред-ставляется какимъ-то балластомъ фактовъ, выдернутыхъ изъ разныхъ книжекъ; и если ее связываетъ какая-нибудь идея, то эту идею нельзя иначе попять, какъ за выражение самаго непроходимаго пессимизма и желанія сделать совершенно не нужную выставку скотскихъ страстей, о которыхъ даже въ судахъ говорятъ при закрытыхъ дверяхъ.

николай соловьевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМЪТКИ

I.

Joseph II und Katharina von Russland, ihr Briefwechsel; hersusgegeben von A. R. Arneth. Wien, 1869.

Мы только что получили и постышили прочесть переписку между Екатериной и Іосифомъ II, изданную съ разръшенія австрійскаго двора г. фовъ-Арнетомъ, извіствымъ издателемъ нъсколькихъ любопытныхъ историческихъ матеріаловъ kakъ-то: Prinz Eugen von Savoyen (1858), Maria-Theresias erste Regierungsjahre (1863), Maria-Teresia und Ioseph II, ihre Correspondenz etc. (1867), Marie-Antoinette, Ioseph II und Leopold II, ihr Briefwechsel (1867). Bob матеріалы изданные г. Арнетомъ извлечены изъ государственныхъ архивовъ и притомъ не только вънскихъ, но,-какъ напримъръ при издани переписки Іосифа и Екатерины, — изъ архивовъ петербургскихъ и московскихъ. "Письма русской императрины хранились въ Вънъ, говорить издатель, но за подливниками писемъ императора Іосифа я долженъ быль обратиться кърусскому правительству, которое благосклонно доставило инв засвидьтельствованныя съ нихъ копіц. Такимъ образомъ, подливность лежащихъ предъ нами писемъ несомивная. Что касается до ихъ содержанія, то оно обнимаеть весь періодъ твснаго союза по двламъ Востока между Петербургскимъ и Вънскимъ дворами, то-есть съ 1780 по 1789 годъ; кромъ того, здъсь находятся два письма относящіяся къ 1774 году, по деламъ польскимъ и, въ виде приложения, присоединено нъсколько писемъ Госифа II къ австрійскому фельямаршалу графу Ласси, въ которыхъ заключаются впечатленія и замътки германскаго императора во время его повзаки въ Крымъ. Кажется, сказаннаго нами достаточно чтобы дать понятіе читателю о высокомъ интересъ матеріаловъ обнародованныхъ г. Арнетомъ. Нъсколько отрывковъ изъ этой переписки находится въ Исторіи паденія Польши, Соловьева, по, разумъется, онъ ею воспользовался лишь на столько, на сколько это соотвътствовало задачъ которую онъ имълъ въ виду, тогда какъ изданіе г. Арнета заключаеть въ себъ всю сущность австро-русской политики по такъ-называемому греческому проекту.

Сближение между императорскими дворами выразилось первоначально повздкой Іосифа II въ Россію. Летомъ 1780 года овъ прибылъ подъ именемъ графа Фалькенштейва въ Могилевъ, гдъ встретился съ Екатеривой и откуда, чрезъ Москву, окъ провхаль въ Петербургъ. При личвыхъ спошенияхъ ихъ между собою и произошелъ, безъ сомивнія, обмінь мыслей, положивній основаніе сближенію ихъ правительствъ. Но въ это время еще жива была Марія-Терезія, не одобрявшая политическихъ видовъ своего сына. Она скончалась въ концъ 1780 года, и съ этого-то времени начинается сближение Вънскаго и Петербургскаго дворовъ. Екатерина немедленно приказала предложить молодому императору заключить трактать о взаимной гарантіи ихъ государствъ. Іосифъ тотчасъ же изъявиль на это полное согласіе; но туть встретилось затруднение весьма серіозное, хотя съ перваго взгляда оно можеть показаться маловажнымь. Еще въ 1779 году, когда шла речь о договоре по польскимъ деламъ, графъ Панинъ представават что "Римскій императоръ никогда не соглашается на употребляемую другими государями въ трактатахъ и конвенціяхъ альтернативу титуловъ и подписей", тоесть, что германскій посоль не можеть подписаться иначе какъ на первомъ мъсть въ обоихъ экземпларахъ международнаго акта; поэтому въ конвенціи о первомъ раздълв Польти, подъ экземпляромъ назначеннымъ для Русскаго двора подписался одинъ германскій уполномоченный, а подъ твих экземпларомъ, который предполагалось послать въ Въну-одинъ уполномоченный со стороны Россіи. Такое же затрудненіе представилось и въ 1781 году. Представитель Вінскаго двора не соглашался подписать трактать иначе какъ первымъ на обоихъ вкземплярахъ, а Русскій дворъ, признанный

въ достоинствъ императорскаго, не хотвлъ приложить своей подписи вторымъ на обоихъ экземпаярахъ. По этому поводу Іосифъ написалъ 6-го марта 1781 году Екатеринъ следующее: "Въ ту минуту когда я съ величайшимъ нетерпъніемъ и искреннимъ желаніемъ ожидаль извъстія о подписи давно желаннаго и начертаннаго въ моемъ сердцв договора, съ истинною горестию узналь я отъ графа Кобенцеля (посоль его въ Петербургъ) о непобъдимомъ затруднении къ осуществленію моихъ желаній, выгодъ, --смею сказать, --нашихъ объихъ державъ и къ торжественному заявлению, если не усиленію, личной нашей дружбы. Ваше императорское величество желаете единственной вещи, которая, къ несчастио, не въ моей власти, потому что мой титулъ и единственная прерогатива съ нимъ еще связанная не принадлежатъ мнв, а ввърены мив князьями-избирателями имперіи." Отвъчая на это письмо, Екатерина не скрыла что ей прискорбна неподатливость Вънскаго двора, но что, впрочемъ, она поручила своему послу при этомъ дворъ сдвлать предложение, которое въ состояніи устранить представляющееся затрудненіе"; въ чемъ состояло это предложение видно изъ письма императора отъ 20-го мая 1781 года. "Средство, которое дружба вашего императорскаго величества и неистощимый вашь геній указываютъ, -- писалъ онъ, -- послъ долгихъ, зрълыхъ размышленій, я признаю единственнымъ, а именно, чтобы мы изложили въ формв писемъ всв обязательства, которыя должны были составить содержание предполагаемаго трактата и секретнаго артикула." Согласно этому были написаны имъ 21-го, а Екатерипою 24-го мая, письма, въ которыхъ они подтверждали конвенпію 25-го іюля 1772 года (написанную по поводу перваго разділа Польши), гарантировали взаимно свои владенія, обязывались помогать другь другу двенадцати-тысячнымъ корпусомъ въ случав нападенія на владенія того или другаго, а если представится надобность, условиться и о более значительномъ вспомогательномъ войскъ; далъе она заявляла о своемъ намъреніи поддерживать существование и приость Рачи Посполитой въ ея настоящихъ границахъ и при настоящей ся конституціи, присовокупляя что заключаемыя нынф обязательства имфють силу въ продолжение восьми леть. Къ помянутымъ письмамъ 21-го и 24-го мая были приложены другія, котя и отъ тьхъ же чисель, въ которыхъ постановлялись отношенія обоихъ императорскихъ дворовъ къ Турніи. Въ этихъ дополпительныхъ письмахъ объ стороны гарантировали перупимость договоровъ заключенныхъ съ Портою и обязывались побуждать ее къ точному ихъ исполненію, а въ случат нарушенія оныхъ объявить ей войну и вступить съ оружіемъ въ ея предълы, употребляя для этого равныя съ объихъ объихъ сторонъ силы. Въ заключеніе выражено было предположеніе договориться, въ случат возникновенія событій предусмотрънныхъ настоящимъ письмомъ, о размърт обоюднаго вознагражденія за военныя издержки.

Порта не замедлила представить союзникамъ случай жаловаться на несоблюдение трактатовъ съ ея стороны, а вивств съ темъ и уговориться о вознагражденияхъ въ случат войны. Турецкое правительство не могло примириться съ независимостью Крыма, признанною Кайнарджискимъ трактатомъ. и постоянно поддерживало тамъ брожение умовъ и вражду противъ Россіи; съ другой стороны, въроятно, къ этому времени относится приведенное г. Соловьевымъ (къ сожальнію, безъ означенія числа) письмо Потемкина, въ которомъ онъ приравниваетъ Крымъ къ бородавкъ на носу и настаиваетъ чтобъ ее уничтожить.... И воть Екатерина, въ письмъ оть 15-го іюня 1782 г. жалуется своему союзнику и предупреждаетъ его что, можеть-быть, ведалеко время когда имъ придется привести въ исполнение тайный трактать свой. Тогда-то Іосифъ написаль то письмо которое приводить г. Соловьевь (оть 12-го, а не 17-го іюля): "Получить письмо отъ 15-го іюля стараго стиля, которое вашему императорскому величеству угодно было написать мив, и отвечать на него въ продолжение техъ же двадцати четырекъ часовъ, было во мив однимъ чувствомъ и однимъ дъйствіемъ. Мнв не нужно ни размышленій, ни соображеній, когда сердце мое чувствуєть и когда дело идеть о томъ чтобы служить, смею сказать, моей императриць, моей союзниць, моей героинь. Заявляя въ такихъ пышныхъ фразахъ о своей готовности содъйствовать видамъ Екатерины, Іосифъ приглашалъ однакожь ее принять меры противъ замысловъ "могущественнаго и дурнаго сосъда который останется за спиной н, то-есть противъ Фридриха Ц.

Прошло несколько месяцевъ. Екатерина приказала представить Порте ультиматумъ, принятіе или непринятіе котораго должно было решить вопросъ о мире или войне. Предполагая что, можетъ-быть, неблагоразумныя внушенія возбу-

дили въ совътникахъ султана воинственный духъ, Екатерина на этотъ разъ прямо напоминала Іосифу о содержаніи договора ихъ, и сдълавъ обзоръ взаимнымъ между собою отноменіямъ первенствующихъ державъ, выражала надежду что
предполагаемая война съ Турціей можетъ окончиться безъ
посторонняго вмътнательства, и что поэтому назначеніе мирныхъ условій будетъ, въроятно, вполнъ зависьтъ отъ союзниковъ; имъя это въ виду, Екатерина ивлагала (10-го сент. 1782
г.) слъдующія мысли:

"Два неизмънные принципа должны быть основаниемъ пред-

полагаемаго договора (съ Портой):

"1) Устройство дель такимы образомы чтобы предотвратить всякое недоразумыйе между тремя державами, и потому устранение сколь возможно непосредственнаго между ними сосъдства.

"2) Совершенное равенство въ пріобр'ятеніяхъ, которыя держава вашего императорскаго ведичества и мол могутъ

сдвлать въ случав войны съ Турецкою имперіей."

"Что касается до перваго пункта, продолжала Екатерина, то следовало бы, мне кажется, предварительно и навсегда постановить чтобы между тремя державами находилось государство отъ нихъ независимое. Такое государство, некогда известное подъ именемъ Дакіи, могло бы быть образовано изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи подъ управленіемъ государя принадлежащаго къ господствующему въ техъ областяхъ кристіанскому вероисповеданію и на котораго оба императорскіе двора могли бы положиться; при этомъ надо было бы постановить, что помянутая новая держава, государь коей быль бы наследственнымъ, останется вполнъ независимою и никогда не будетъ присоединена ни къ Россіи ни къ Австріи, и что наши две имперіи никогда не допустять чтобъ она подпала зависимости отъ какого-либо государства.

"Границы этой новой державы должны простираться до Дивстра и Чернаго моря со стороны Польши и Россіи, а со стороны Австріи техъ областей на которыя я дала въ въ последній разъ гарантію (присоединенныя отъ Польши) и дале до реки Ольты и ея впаденія въ Дукай. Со стороны Турецкой имперіи, границей этого новаго независимаго

владвнія быль бы Дунай до своего устья.

"Опредъление пограничной черты между Австрійскою монаркіей и настоящею Турецкою имперіей (послъ отдъленія отъ нея Дакіи) будетъ зависить отъ размъра вознагражденія, которое ваше императорское величество пожелаете назначить и на которое имъете такія права. Объ этомъ именно, на основаніи секретнаго артикула нашего договора, слъдуетъ намъ пространно объясниться; я позволяю поэтому себъ надъяться, что ваше императорское величество благоволите открыться мив объ этомъ предметь съ тою довъренностію и съ тою взаимностію, которыхъ требуеть тьсная дружба.

"Естественная граница, которую я желаю имъть съ Портою

Оттоманскою, есть Черное море.

"Польша останется въ томъ же положении которое она имъетъ теперь относительно границъ своихъ, согласно постановленному между тремя державами, которыя опредълили и гарантировали ся владънія. Что касается до равенства пріобрътеній, то Россія не желаетъ ничего въ настоящее время изъ турецкихъ, кромъ:

"1) Города Очакова съ его округомъ между ръками Бугомъ

и Дивстромъ.

государствъ."

"2) Одного или двухъ острововъ въ Архипелагь, для удобства и безопасности торговли русскихъ подданныхъ."

Далъе Екатерина повторяла просьбу чтобъ Іосифъ изложилъ съ полною откровенностію о свойствъ и размърахъ вознагражденія въ случать успъшной войны и присовокупляла:

"Вполив проникнутая безграничною доверенностію къ ваmemy императорскому величеству, что въ случав еслибъ успехи наши въ этой войне представили намъ возможность освободить Европу отъ врага Христова имени и изгнать его изъ Константинополя, ваше императорское величество не откажете мив въ содвистви къ возстановлению древняго Греческаго государства на развалинахъ и паденіи варварскаго правительства тамъ господствующаго, подъ непремъннымъ условіемъ, съ моей стороны, сохранить это возстановденное государство въ полной независимости отъ Россіи, но съ темъ чтобы въ немъ царствовалъ меньшой изъ моихъ внуковъ, великій князь Константинъ, который, съ своей стороны, долженъ быль бы въ то же время отказаться отъ всякихъ притязаній на Россійскую имперію, ибо об'в эти державы не могуть и никогда не должны быть подчинены одному лицу. Подобное же обязательство даль бы въ свое время великій князь, сынъ мой, и его старшій сынъ, а между темъ я готова дать всв обезпеченія, какія окажутся нужными, за себя и за моихъ преемниковъ, что никогдя не будетъ предъявлено съ нашей стороны претензій, клонящихся къ соединенію помянутыхъ двухъ державъ.

"Это новое Греческое государство могло бы имъть границей со стороны Россіи Черное море, а со стороны владъній вашего императорскаго величества граница его была бы проведена сообразно пріобрътеніямъ, которыя вы сдъдали бы или выговорили бы въ предположеніи низверженія варварскаго правительства; наконецъ, Дунай служилъ бы рубежомъ между Греческою монархіей и Дакіей. Острова Архипелага также вошли бы въ составъ перваго изъ этихъ

Таковы два важивитія міста письма императрины Екатерины отъ 10-го сентября 1782 года, которое въ изданіи г. Арнета занимаеть почти печатный листь. Сушность его не составляеть новости для людей изучающихъ исторію XVIII віка, но никогда еще, до изданія переписки Екатерины съ Іосифомъ, виды этой государыни отпосительно восточныхъ дваъ не были изложены съ такою точностью и на основании такихъ неопровержимыхъ источниковъ. Какъ ни прискорбно что такія важныя черты нашей исторіи обнародованы вив Россіи, мы утышаемся мыслію что онв получать твить болве достовыности въ глазахъ западной Европы, и что все безпристрастные люди въ состоянии будутъ убъдиться самымъ несомивниымъ образомъ, какъ мало основательно приписываемое Екатеринь желане овладыть Балканскимъ полуостровомъ. Мы приглашаемъ также всвяъ твяъ, кто ищетъ въ исторіи не аргументовъ для предвзятыхъ пелей, а истины, обратить внимание на тв слова вышеприведеннаго письма которыя касаются Польши. Но болье всего им желали бы чтобы письмо Екатерины отъ 10-го сентября 1782 года савлалось извъстнымъ христіанамъ Турецкой имперіи. Они увидять изъ него, правда, что наша императрина не довольно близко быда знакома съ племеннымъ составомъ Балканскаго полуострова, но они припомнять что этнографическіе вопросы сдвлались предметомъ внимательнаго изученія лишь въ недавнее время, и что принципъ національностей получиль серіозное значеніе въ политическихъ соображеніяхъ уже на нашихъ глазахъ. Во всякомъ случав, пусть сопоставять они виды русскаго правительства съ видами вънскаго двора, выраженными въ слъдующемъ письмъ къ Екатеринъ ся союзника:

"Что касается", писаль онь 13-го ноября, "до Очакова и до территоріи которую ваше императорское величество предназначаете присоединить къ своимъ владвніямъ, а также и до острововъ въ Архипелагв, то это не можетъ быть предметомъ какихъ-либо затрудненій.

"Относительно созданія новаго Дакійскаго королевства, насл'ядственнаго въ род'я кого-либо изъ государей греческаго в'яроиспов'яданія, а также до возстановленія греческой монархіи и до утвержденія великаго князя Константина въ Константинопол'я, то о всемъ этомъ рышить судьба войны; если она будетъ благопріятна, то съ моей стороны не будетъ никакихъ затрудненій къ исполненію желаній вашего

императорскаго величества, буде они совпадуть съ потреб-

ностями моего государства.

"Въ этомъ последнемъ отношении я не могу скрыть, что эрвао обсудивъ что могло бы намъ соответствовать kaks въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, и что представило бы наименъе неудобства и затрудненій, я пришель къ заключенію, что Австрійской монархіи могуть удовлетворить лишь савачющія границы, а именно: городъ Хотинъ съ небольшимъ при немъ округомъ, дабы прикрывать Галицію и Буковину. гранины которыхъ надо было бы исправить (dont on arrangerait les limites), часть Валахіи отъ ръки Ольты и Никополя включительно, вверхъ по Дунаю до Бълграда, при чемъ граница проходила бы въ трехъ миляхъ вдоль праваго берега этой ръки, оставляя на сторонъ Австріи Виддинъ, Ортову и Бълградъ, какъ мостовыя укръпленія для охраневів Венгріц; отъ Бълграда надо было бы провести черту, по возможности прямую и короткую, насколько это позволять условія ивстности, къ Адріатическому морю у впаденія рыки Дрины включительно; наконецъ въ эту черту савдовало бы включить Истрію и Далмацію, принадлежащія Венеціи, какъ владънія единственно открывающія доступъ къ морю произведеніямъ моихъ владіній. Полуостровъ Морея, островъ Кандія, Кипръ и другіе острова Архипедага могли бы доставить богатое вознаграждение этимъ республиканцамъ, которые оторвали отъ моего государства то хитростію, то пользуясь обстоятельствами и случайною слабостію, все то чамъ ови выкв владвють."

Итакъ желанію Екатерины получить Очаковъ съ полосою пустынной земаи между Бугомъ и Дивстромъ, да морскую станцію въ Эгейскомъ морф, императоръ противопоставляль виды на Хотинъ съ округомъ и съ исправленіемъ границы со сторовы Буковины и Галиціи, на Малую Валахію и на оба берега Дуная съ нъсколькими находящимися на немъ кръпостами, далве, на нынвшнее княжество Сербское, на Боснію, Герпеговину, Истрію, Далмацію и Черногорію.... Съ своей стороны, русская политика стремилась къ возстановлению углетенныхъ, раздавленныхъ христіанскихъ племевъ, къ возрождению страны откуда просвъщение распространилось накогда на всю Европу, а политика Вънскаго двора имела въ виду еще более раздробить эти племена, подчинить лучтую часть Грепіи чужеземной власти и обобрать государство, съ которымъ Австрія не находилась въ войнь... Пусть узнають это вароды восточной Европы и пусть подумають, измънидась ли от теченіемъ времени какъ политика Австріи, такъ и политика Россіи! Правда, образованіе независимаго государства на

Digitized by Google

Нижнемъ Дунав и возрождение къ политической жизни Балканскаго полуострова возвысило бы международное значение Россіи и послужило бы началомъ славяно-греко-румынскаго союва, въ которомъ она занимала бы первенствующее место: но въ томъ-то именно и заключается счастливая особенность той политики, которую мы называемъ національною, что собственное благо и величіе Россіи неразрывно свяваны съ благомъ и національными стремленіями племенъ Восточной Евроны; служа имъ, она работаетъ въ своемъ собственномъ интересъ.

Переписка между Екатериной и ея союзникомъ по Греческому проекту на вышеприведенномъ письмъ 13-го ноября 1782 г. и остановилась. Правда, 4-го января 1783 г., отвъчая на это письмо. Екатерина слегка выражала свое сочувствие желанію союзника своего имъть ивсколько портовъ на Средиземномъ морь, слегка выставляла на видъ неудобство возбуждать опасенія Венеціянской республики видами на ея области, мелькомъ вамвчала что не следовало бы, кажется, слишкомъ образывать предполагаемое Греческое государство, а 7-го апраля извастила что положение даль въ Европа не благопріятствуетъ нынв исполненію общирныхъ предположеній о которыхъ между ними происходиль обмънъ мыслей годъ тому назадъ. Когда же турецкое правительство арестовало въ 1787 тоду русскаго посланника, и вследствие того возгорелась Вторая Турецкая война, секретный договоръ, о которомъ говорепо выше, быль возобновлень, но мы не находимь въ перепискъ Екатерины и Іосифа слъдовъ продолженія соображеній изложенных въ ихъ письмахъ отъ 10-го сентября и 13-го поября 1782 года. Изъдругихъ источниковъ мы знаемъ, что виды русской политики относительно Балканскаго полуострова и вообще восточной Европы на мало не изминились, но не знаемъ въ какой мере она въ последстви разчитывала на содъйствіе онымъ со стороны Вінскаго двора. Можетъ-быть, Екатерина надъялась, въ случав удачной войны съ Портой и, главное, въ случав двятельнаго въ ней участія христіанскихъ подданныхъ Порты, поставить германскаго императора лицомъ къ лицу съ совершившимися фактами; но это не болье какъ наше личное предположение.

... Изложивъ содержаніе той части переписки, изданной г. Арнетомъ, которая имъетъ первенствующую и всеобщую важность, мы считаемъ не лишнимъ указать на пъсколько

висемъ объясняющихъ, можето-быть, одно темное въ нашей исторіи обстоятельство. Изв'ястно что великій князь Павеля. отъвзжал за границу осенью 1781 года, посвтиль прежде вовкъ столить Европы Въну. Съ своей стороны, Іосифъ II не только осыпаль предупредительностію графа и графиню Стармыль, но и обнаруживаль необыкновенное доварие въ отпоменіи сыва и наследника своей союзнивы. Въ дополненіе къ бавгоскаонности, которую ваше императорское величество не переставали оказывать моему сыну во время его пребыванія въ Вънъ, писала Екатерина 3-го анвара 1782. вы нашаи не лишнимъ оказать ему знаки довърія столь же полнаго какъ и интимнаго, открывъ ему та узы которыя личная дружба и взаимная выгода нашихъ государствъ установили между нами.... Я надъюсь, какъ сынъ мой и объщаль, что онь, согласно желанію вашего императорскаго величестав, сохранить о томъ поливищую тайну, сколь ни мало непрониваема его молодость для тахъ кто имъетъ навыкъ въ ремесат искателя такихъ тайнъ." Прошло въсколько мъсацевъ, и императоръ Іосифъ писалъ къ Екатеринъ: "Мела не останавливаеть ни опасеніе скомпрометтироваться, ни какое-либо другое личное чувство, когда дело идеть о томъ что касается непосредственно вашего императорскаго величества. Поэтому я осмеливаюсь приложить этоть отдельный ачетовъ, касаминійся ніжоторыхъ предметовъ, покорнийше прося потомъ бросить оный въ огонь. Я вполив уверемъ что король Прусскій имфеть подробныя извістія обо всемъ томъ что обоуждается нами, даже въ собственноручныхъ письмахъ. Прилагаемое при семъ извлечение, за достовърность котораго я ручаюсь и о чемъ я извъщенъ съ двухъ разныхъ сторонь, свидетельствуеть какое ядовитое употребление онь изъ этого дълаетъ, и какъ онъ ударяетъ въ набатъ во Франвів и у Порты. Къ какимъ путямъ и средствамъ онъ прибагаеть чтобы знать все это, мив неизвъстно.... На это Екатерина отричала 18-го октября следующее: "Ни писемъ вашего выператорскаго величества, ни моихъ. -- я положи-

^{*.} J'ose croire, puisque mon fils l'a promis, qu'il en gardera, selon les désirs de V. M. I., le secret le plus strict, quelque pou impénétrable que soit sa jouvesse pour ceux qui sont accoutumés à faire le métier de s prutateurs de pareils secrets.

.

тельно вто утверждаю, — не могли видеть агенты короля Прусскаго, ни какое-либо другое подозрительное лицо; я храмо ихъ подъ ключомъ въ своей комнать. Притомъ то, о чемъ король Прусскій поручиль внушать Порть, доказываеть что онъ имветь неверныя сведенія. Можеть быть что онъ знаеть о проекть нашего союзнаго трактата (то-есть о содержаніи писемъ 21-го и 24-го мая), но если онъ извещенъ о заключеніи этого дела (conclusion de ceffe affaire) и о данной оному формъ, — въ чемъ я, впрочемъ, имъю поводъ сомнъваться, судя по колебаніямъ которыя замътны въ делаемыхъ имъ внушеніяхъ, —то это можеть относиться лишь къ эпохъ предшествующей началу настоящаго года."

Въ свою очередь Іосифъ, въ цитированномъ уже письмъ отъ 13-го поября 1783 года, излагая свои мысли о переустройствъ дълъ на Востокъ и о пріобрътеніяхъ отъ Турціи, присовокуплялъ: "Имъю честь извъстить ваше императорское величество, что обо всемъ вышеизложенномъ, равно какъ и о томъ что вы писать мпъ изволили, я ничего не сообщалъ ни ихъ императорскимъ высочествамъ, ни кому бы то ни было, не взирая на частые вопросы ихъ о томъ какой по поводу вроисходящаго въ Крыму (присоединеніе коего тогда подготовлялось) я намъреваюсь предпринять образъ дъйствія, что намърены дълать ваше величество, вопросы совпадающіе съ тъми слухами и толками которые король Прусскій не перестаетъ распространять...."

Такимъ образомъ изъ приведенной нами переписки можно, кажется, заключить, что едва ли не оправдалось замъчание Екатерины о не непроницаемости молодости для опытанхъ ловновъ политическихъ секретовъ.

Въ заключение приведемъ изъ книги г. Арнета еще одно указание не лишенное значения для нашей истории. Въ писъмъ отъ 6-го октября 1792 г., въ которомъ Іосифъ сообщаяъ о странномъ проникновении короля Прусскаго въ тайны личной его переписки съ Екатериной, мы находимъ сладующія слова: "Путешествіе, совершенное ихъ высочествами, принесло имъ, кажется, пользу, и едва ли я ошибусь, утверждая, что они возвратятся sous des formes plus agréables (?) и что недовъріе, подозрънія и щепетильность (petits moyens quelconques) будутъ устранены на столько, на сколько дозволять привычки и люди окружающіе ихъ, которые единственно и возбудили эти чувства. Тщательный выборъ

этих лицъ и удаленіе тых которые не слыдують желаемому направленію, кажется мин дыломь существеннымь для спокойствія и домашняго благополучія трехь особъ которымь я истинно предань."

Кого именно имель въ виду Іосифъ, говоря о свите великаго кназя? Мы знаемъ только что князь А.Б. Куракинъ подвергся около этого время немилости и былъ удаленъ отъ двора.

II.

Poccia u Espona, cou. H. Asnuasscharo (3apa MN I-IV).

Еслибъ у васъ спросили: будетъ ли Русскій народъ имъть свою культуру какъ Англичане, Французы или Нампы. то вы, я полягаю, не думая долго, отвічали бы что въ этомъ не можеть быть сомниня, что создавшій первоклассное государство народъ не можетъ не быть способенъ создать и болье или менье своеобразный мірь интеллектуальныхъ интересовъ. Затемъ, еслибъ у васъ потребовали чтобы вы объяснили въ чемъ будутъ состоять особенности нашей культуры, то вы, въроятно, отвъчали бы что характеристику будишаго начертать неть возможности, и что следовательно этоть вопросъ въ сущности праздный. Но въ томъ-то и двло что мы большіе охотники задавать о себв и другихъ подобные вопросы. И. С. Тургеневъ очень справедливо замвуветь, что если сошлись двое Русскихь, то они непремвино заспорять о будущности Россіи. Это остроумное замьчаніе пришло намъ на память при чтеніи обширной и любопытной статьи г. Н. Данилевского Россія и Европа (Заря № I—IV). Основныя положенія автора заключаются въ сліваующемъ. Изучая исторію человічества съ древивішихъ времень, мы замвчаемь что народывыступали одинь за другимъ на историческую спену и приносили съ собою болье или менье оригинальную культуру, что различные культурноисторические типы сывнялись одинь другимъ: индійскій-египетскимъ, египетскій-греческимъ, который, въ свою очередь, уступиль мысто римскому, а римскій культурно-историческій типъ вытъсненъ западно-европейскимъ или римско-германскимъ. Таковы факты усматриваемые г. Данилевскимъ; затвиъ онъ зедаетъ вопросъ: наступитъ ли время, когда имивший типъ будетъ вытвоненъ славляскимъ? Но еще Вомтеръ сказалъ:

> Chaque peuple à son tour a brillé sur la terre Par les arts, par les loix, par la science, par la guerre. La tour de l'Arabie est à la fin venu....

А если была эпоха ознаменованная торжествомъ оружія Аравитянъ, распространеніемъ идей которыя зародидись въ этомъ племени и знаній которыя развились въ немъ, то какъ же сомивваться чтобы славянское племя, и несравненно болве многочисленное, и несравненно болве развитое, не имъло своей очереди на сценъ міра? Къ сожальнію, этоть отвътъ слишкомъ простъ чтобъ удовлетворить г. Данилевскаго. Онъ отвъчаетъ то же самое, только на двадцати, по крайней мере, листахъ, уже напечатанныхъ Зарею, да еще готовить можеть-быть столько же. Онь построиль общирнов зданів на острів булавки и, отдадимъ ему справедливость, потратиль на это зданіе много арудиніи, обнаружиль много остроумія, положиль много умственнаго капитала.... Но это именно и прискорбно: если я могу завести карманные часы помощію двукъ пальцевъ, зачемъ же устрацвать для атого систему зубчатыхъ колесъ или сооружать паровую мащину? Развъ кто-нибудь серіознымъ образомъ отрицалъ культурную какъ и политическую будущность Россіи?... По какому же поводу г. Данилевскій находить нужнымъ не только ставить предъ собою этотъ вопросъ, но и отвъчать на него простравно и обстоятельно, указывая когда именно наступинъ моменть замъны культурно-историческимъ типомъ Славанъ культурно-исторического типа западной Европы? По ево соображенамъ, втотъ моментъ не весьма даже отдаленъ. "Правда, говорить онъ, Европа находится въ апогев своего цивилизаціоннаго вліянія: блескъ его идетъ во вов кенцы вемаи, все освещаеть и сограваеть исходящими отъ него свътомъ и теплотою", но... не есе то золото что бметить. Авторь нашь находить что сдаванофилы тридцатыкъ годовъ были правы, усматривая признаки разложенія эъ западной Европъ. "Западъ гність", не взирая на видимый свой блески. Докавательство этому онь выводить изъ общих условій последовательнаго развитів, ослабленія и разложенія организмовъ.

"Отпосительно индивидуальной жизни отдельных существъ вопросъ этотъ, говоритъ опъ, решается легко, потому что инвется для каждаго изв нихъ множество предметовъ сравненія. Когда волосы начинають бівлівть, прямой стань егибаться, лицо морщиться, мы знаемь значение этихъ признаковъ, потому что они безчисленное число разъ уже повторяансь. Относительно правых обществъ, это не такъ. Правда, исторія представляєть намъ песколько культурных в типовъ. перешедшихъ полный пикаъ своего развития, по обстоятельства этого развитія большей части изъ нихъ намъ неизвестны. Собственно только жизнь Греціи и Рима сохранилась для насъ въ достаточной полнотв чтобы служить влементомъ сравненія, да и изъ нихъ жизнь Рима была далеко не поаном, претеривнъ слишкомъ сильное искажение чрезв вліяпіе Греціи. Кое-что отвітить намъ и Индія. Но всего этого мало... " говорить онь, и ищеть примеровы вы сферы явленій фивической жизни. "Возьмемъ для перваго примъра ходъ дневной температуры. Она зависить отъ видимаго движенія солния по пебесному своду. Высшей точки своей кульминапіц достигаеть солние въ моменть полудня, но результать этого движенія,—теплота,—продолжаєть еще возрастать два или три часа послів того какъ причина ее производящая стала уже склоняться. Затымь обратимся къ аналогіи того процесса въ жизни земли который обусловливается годичнымъ періодомъ. Время летпяго солидестоянія которому соотвътствуеть наибольшая долгота для и высшее стояне соляца, падаеть на іюнь місяць, а результаты этого періодического движенія достигають своей наибольшей величины только въ іюль или августь. Къ этому же времени или еще поздиве, выказываются результаты жизни растительной.... Возыменть жизнь отдельного человъка: полноты своихъ правственныхъ и физическихъ силъ достигаетъ онъ около тридцетильтняго возраста, несколько времени стоять отв на одномъ уровив, а за сорокъ леть начинають видимо ослабемать. Когда же дають эти силы саные обильные, саные совершенные результаты? Не ранве сорока лвть....

Таковы явленія которыя усматриваеть нашь авторь вь мір'в финических вяленій, а основываясь на нихь, онь считаеть себя въ прав'я заключать по аналогіи о явленіяхь умственнаго міра. Вь исторіи, говорить онь, такъ же какъ и въ прародів, моменть высшаго развитія тіхь силь которыя производять

цавъстныя явленія, не совпадаеть съ моментомъ наибольшаго развитія произведенных ими результатовъ, а потому "обиаје результатовъ европейской пивилизаціи въ нашемъ XIX стольтіи есть признакь того, что та творческая сила, которая ихъ производить, уже начала упадать". Но такъ ли вто на самомъ дълъ? И прежде всего, не касаясь права примънять къ явленіямъ міра духовнаго поверхностныя аналогіи изъ физики или ботаники, спросимъ себя: строго ли върно положение будто тридцатильтний возрасть въ человых соотвытствуеть моменту "полнаго развитія правственныхъ и физическихъ силъ и что послъ него начинается разложеніе"? Медики и физіологи утверждають авиствительно что сила мыших не развивается уже после тридиатильтняго возраста; можетъ-быть, посль этого возраста фантазія становится менюе двятельна, а память менве воспріимчива, по запась знаній увеличивается, мысь не только не теряеть, а напротивъ, пріобр'ятаеть силу, становится сосредоточению, человых овладываеть исканизмомъ того занатія которому отдался, пріобретаеть привычку и навыкъ къ работъ, какъ замъчаетъ и самъ г. Данилевскій, говоря въ заключеніе что "ни одно первокласоное произведение человъческого духа не было выполнено ранъе сорокалътняго возраста." Но если это такъ, то на чемъ же строить авторъ свои выводы? Мы не настаиваемъ, впрочемъ, на безусловной върности этого вывода, но указываемъ на противоръчіе въ положеніяхъ нашего автора. Правда, онъ оговаривается; первоначальная идея великихъ произведеній человіческаго духа, хотя и исполненных послі тридцатильтнаго возраста, зараждалась, говорить онь, гораздо ранве. Но не мудреное двло сказать себъ не только въ 25, но даже и въ 15 летъ: "Я положу основание новой фиаософской школь", ими: "я построю тоннель между берегами Франціи и Англіи"; мудреное дівло исполнить эти замыслы. Многія діти говорять: "я буду великимъ человіжомъ", но не у многихъ достаетъ дарованій, настойчивости, а можетъ-быть и случая, чтобы выбиться изъ общей колеи. Моменть апотел силь въ отдельномъ человеке, какъ и въ целомъ обществе, есть тоть гдв онв проявляются съ наибольшею силой, в потому никакъ нельзя согласиться съ г. Данилевскимъ бул. то этимъ моментомъ надо признать для западной Каропы XVI и XVII въкъ. "когав возводнася храмъ Св. Петра,

писаль Рафавль, Микель-Анджело и Корреджіо, Шекспиръ сочиналь свои драмы, Кеплеръ, Галилей, Беконъ и Декарть закладывали основы новаго мышленія и новыхъ методъ научнаго изследованія..... Эпоха о которой говорить нашь авторь есть хотя великая и блестящая эпоха, но великъ и XVIII векъ, провозгласивній права человька, свободу слова и совести и гуманность во взаимныхъ отношеніяхъ людей; великъ и нашъ XIX векъ, обративній глубокій взглядъ на тайны природы, прорезывающій материки железными дорогами, соединяющій между собою о кеаны, стремящійся къ просвещенію и установленію правоспособности массъ и создавній силу общественнаго мненія.... Это ли признаки гніенія и разложенія?

Посабдовательность развитія, ослабленія и наконець разложенія суть явленія замічаємыя въ человікі, это справедливо; однако правъ быль и Пушкинь, когда восклицаль:

> Нэтъ, весь я не укру: душа въ завътной лиръ Мой пракъ переживетъ и тазнья убъжить!

Поеть управрваеть въ своей лирв, а законодатель въ начертанных имъ законахъ, ученый въ сделанныхъ имъ открытіяхъ; одина оставляеть после себя нажитое има состояміе, другой-примъръ честкой жизни, и всь не безъ савда проходять житейское поле, и общая жизнь человичества не прерывается. Преемствевность ся еще болве осязательна въ выму обществахъ, и мы отколь не согласны съ г. Данилевскимъ будто культурно-исторические типы сманяють, вытесняють поочередно другь друга. Не ботаникь ли нашь авторъ? Въ царствъ растеній мы видимъ дъйствительно что спачала цвететь черемуха, потомъ спревь, после чего завътаетъ шиповникъ, липа и т. д., и всъ они цвътутъ и даэть паодь независимо другь оть друга, такь что певтеніе сиреви ни мало не обусловливаеть цветенія шиповника или яны. Но въ исторіи человіка замічается совершенно иное, 🛊 преемственность культуры 🗫 жизни человичества еще оченивные чемъ нь жизни отлывныхъ людей. Римъ замьжиль Грецію, говорите вы? Да, но онь приняль на себя плоды греческой культуры. Западная Европа стала на мъсто Рима? Правда, но она его не истребила, а напротивъ претворела въ себъ римскую культуру и повела далье дъло всешірной цивилизаціи. Очень можеть быть, и даже вив сомивнів, что наступить время когда Россія и славанскій міръ . 13

явятся во главъ умственнаго движенія, но это случится лишь тогав, когда мы овдадъемъ современною культурой, когда просвъщение провижнеть толщу русскаго народа, когда на пусской почве составится слой солидной образованности, на которомъ только и могуть возрасти кедры умственнаго парства. Весьма въроятно что русская антература, русскіе упиверситеты, русскіе законы, русскій государственный и общественный строй стануть когда-нибудь образцомъ для обоихъ полушарій, но какимъ путемъ это можетъ совершиться? Мы думаемъ что темъ же самымъ какимъ народы стояще во главъ современной культуры опережали послъдовательно аруг друга, тыть самымъ, какимъ Испанія достигла того что в XVII въкъ ел языкъ, ел литература, ел войска и флоть бы аи образцомъ для другихъ, какимъ въ XVIII и въ ныны немъ стольтіи достигли первенства въ одномъ отношеніи Ан лія, въ другомъ Франція и Германія. Уважаємый автор нашъ думаетъ иваче. Окъ желалъ бы чтобы мы развивы "свою славянскую культуру". Что именно онъ кочеть сы зать этимъ, мы, можеть-быть, узнаемъ въ последстви, его предтечи, много говорившіе объ этомъ предметь, не уси ли однакожь опредванть характеристических ел приз ковъ. Мы не отрицаемъ, впрочемъ, существованія эти признаковъ и даже увърены что славянскія племена, ван первенствующее мысто вы исторической жизни человычесь внесуть въ нее не мало оригинальнаго и самобытнаго, но этого мы не видимъ надобности чтобъ они вырабатын сего культуру въ четырехъ ствнахъ съ твиъ чтобы, подо Минервъ, выскочить въ одно прекрасное утро на удивае и поучение всему свъту. Это невозможно. Могь Егип развиваться независимо отъ Индіи, но уже Римъ заимсі валь у Греціи, какъ говорить и самъ г. Данилевскій. На культура одна для вевхъ: это та которая съ Востока пе шла въ Грецію и оттуда разлилась по всей вочти Европ Америка, объщая проникнуть во всь части свъта и во концы міра, видоизм'янаясь конечно въ различныхъ м'яст стахъ и въ разныя эпохи, но въ основанахъ своихъ еди и вовить общая.

Таково паше откровенное мижніе объ основныхъ пол ч піяхъ г. Данидевскаго, статья котораго въ своихъ водр стяхъ заслуживаетъ вниманія и уваженія.

п. щ.

О подпискъ на РУССКІЙ ВЪСТНІ бЪ въ 1869 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВЪСТНИКА, состоящее изъ двънадцати ежемъсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 г. стоить въ Москвъ и Петербургъ, безъ доставки, четырнадцать рублей; съ доставкой на домъ въ Москвъ пятнадцать рублей; съ почтовою пересылкой во всъ мъста Россіи пнестнадцать рублей.

Заграничные высылають за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза—16 р.; въ Бельгію—17 р.; во Францію и Данію—18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію—20 р.; въ Швейцарію—21 р., и въ Италію—22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВЪСТНИКЪ принимается: ВЪ МОСКВЪ: ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторъ Университетской Типографіи на Страстномъ бульваръ; въ книжной лавкъ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульваръ, въ домъ Загражскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжной завкѣ Бавунова, на Невскомъ проспектъ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мъстахъ Имперіи подписка на Русскій Въстинкъ не принимается.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВЪСТ-НИКА, въ Москвъ.

О подпискъ на МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ въ 1869 году.

Цъна за МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ на 1869 годъ. казенными объявленіями и воскресными прибавлені Москвъ, безъ доставки на домъ, двънадцать рубле съ доставкой на домъ въ Москвъ и почтовою пере въ другіе города пятнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ принима, ся въ Москвъ, въ конторъ Университетской типографіи, на Страстномъ бульваръ. Въ Петербургъ, кромъ того, можьо подписываться въ книжномъ магазинъ А. Ө. Базунова, на Невскомъ проспектъ.

~4084

PYCGRIN BECTHURB

LABAEMЫЙ M. KATKOBЫMЪ.

восемьдесять первый.

1869

G60015

ІЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- І. ГРАФЪ ПАНИНЪ, УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ. (Окончаніе.) Д. А. Анучина.
- и. СУДЬБЫРУССКАГО ЯЗЫКА НА ЖМУДИ. Вълорусса.
- III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III. Га. V. П. Щебальскаго.
- IV. СОЮЗЫ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛИ. Густава де-Можинари.
- 🗫 ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ ВЪ ЦАРЪГРАДЪ.В.И. Кельсіева.
- VI. ОЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ. В. И. РОДИславскаго.
- VII. ДВА ВЕЧЕРА. Разказъ. С. В. Танвева.
- УПІ. АРТЕЗІАНСКІЙ КОЛОДЕЗЬ ВЪ МОСКВЪ. Г. Е. Щу-. ровскаго.
- В. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть вторая. Га. I—IX. В. В. Врестовскаго.
  - X. УЧРЕЖДЕНІЕ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАӨЕДРЫ У ТУРЕЦ-КИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ. Га. V—VIII. Н. И. Субботина.
- **ХІ.** ОДИНЪ ИЗЪ НАШИХЪ ЛИТЕРАТУРНО ПОЛИТИЧЕ-СКИХЪ ТИПОВЪ. Р.
- XII. БИБЛЮГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМВТКА. Ekamepuna Первая, соч. В. В. Андреева. (Осьмнадуатый Впкь, кп. III.) П. III.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. V—IX.

Digitized by Google

о подпискъ

н a

РУССКІЙ ВЪСТНИКЪ

В'Ь 1869 ГОДУ. .

Подписка на Русскій Въстник, выходящій въ ежентелипыхъ книжкахъ, принимается: въ Москвъ, въ конторъ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкъ, и въ книжномъ магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульваръ; въ С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинъ А. Ө. Базунова, на Невскомъ проспектъ.

Иногородные адресуются исключительно въ редакцію Рус-

скаго Впстника, въ Москвъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА РУССКАГО ВЪСТНИКА:

	За годъ.		Ва полгод.		Ba 3 mbc.	
				k.		
Въ Москвъ и Петербургъ безъ до-	• •		_		_	
ставки	14		7	-	3	50
Въ Москвъ съ доставкою на домъ.	19		6.	90	3	7 5
Съ почтовою пересылкой во все менета Россіи	16		Q	50	4	50
	10		0	JU	4	90
Съ почтовою пересылкой за границу,						
а именно:						
Въ Австрію, Баварію, Баденъ, Вир-						
тембергь, Ганноверъ, Нидерланды,						
Пруссію, Саксонію, и другія государ-			_			
ства Германскаго Почтоваго Союза	16		8	5 0	4	50
Въ Бельгио	17	~	10	_	5	-
Въ Бельтію	18	50	10	_	Ð	5 0
Въ Англію, Швецію, Испанію и Пор-	an		10	£Λ	E	75
Tyranio	20 01		10	3 0	e C	13
Въ Швейцарію	99	_	11	50		25
Подписные сроки считаются: годовой—съ января, полуго-						
довые — съ января и съ іюля; трехмесячные — съ января,						
апрыля, поля и октября. Полугодовая и трехмысячная под- писка, кромы означенных сроковы, не принимается. За за-						
граничную доставку следуеть высылать кредитными рублями						
spectral and decided the state of the state						

или въ векселяхъ на Москву, либо на С.-Петербургъ.

ГРАФЪ ПАНИНЪ

УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ

матеріалы для исторіи пугачевскаго вунта.

V. Административныя распоряженія графа Панина.

Бунтъ Япикихъ казаковъ, жестоко усмиренный незадолго до Пугачевщины, создаль множество враговъ правительству среди своевольнаго казачества, всеми мерами старавшагося недопускать на берегахъ Яика упроченія государственныхъ порядковъ. Недовольство казаковъ было первымъ звеномъ въ цели событій составившихъ Пугачевщину. Казаки, искавшіе выхода изъ своего положенія, и Пугачевь, убъжавшій отъ каторги, жаждавшій разгула и дикой діятельности, встрівтились между собою. Проходимцы сразу поняли другь друга. Пугачевъ увидълъ что казаки ждутъ лишь случая къ бунту: казаки, въ свою очередь, поняли что пришелецъ человъкъ бывалый и готовъ на все. Какъ только объ стороны стали въ такое положение, то между ними весьма легко возникло полное согласіе. Весьма въроятно, что между ними даже не было никакихъ особыхъ сговоровъ. Одинъ внезапно объявился царемъ, другіе тотчасъ признали его царемъ и изъявили готовность служить ему. Едва ли можно допустить чтобъ одна сторона убъждала другую какими-либо

^{*} Cm. Pycckiŭ Bnomnuke NN 3, 4 u 5. T. LEERI.

доводами. Следствіе, произведенное въ Москве, не открыло чтобы Пугачевъ прежде появленія на Яикт быль склонень къ самозванству какими-либо посторонними вліяніями. Онъ, сперва слыша о войненіи умовъ на Яикт, а потомъ, вида это самъ, задумалъ поднять казаковъ и идти съ ними въ Турцію; казаки желали прежде всего отомстить своимъ товарищамъ оставшимся втрными правительству. Объ общемъ мятежт на всю Россію въ началт не было и мысли.

Полковникъ Симоновъ, комендантъ Яицкаго городка, не умълъ истребить Пугачева при его появлени подъ городкомъ. Пугачевъ, съ своей стороны, не осмълился напасть на городокъ и пошелъ далъе. Эта первая встръча Пугачева съ правительственною властью была въ его пользу: онъ спасся отъ истребленія и почувствовалъ свою силу. Сдача кръпостей, одна за другою падавшихъ при его приближеніи, довела его до Оренбурга; здъсь онъ уже смъло игралъ роль Петра III-го. Слабость дъйствій гарнизоновъ и ихъ начальниковъ составили силу Пугачева и мъстную вспышку, имъвшую чисто провинціальный характеръ, обратили въ общій мятежъ, стремившійся къ ниспроверженію существовавшаго порядка въ Имперіи.

Изъ объявленій Пугачева видно что его система дъйствій измѣнялась сообразно съ обстоятельствами. Сперва, когда онъ имѣлъ дѣло съ одними Яицкими казаками, преимущественно старовърами, онъ призывалъ ихъ къ покорности, объщая за то наградить: "крестомъ и бородою, ръкою и землею, травами и морями, и денеуснымъ усалованъемъ, и хлюбнымъ провіантомъ, и свинуомъ, и порохомъ, и въчною вольностью". Эти объщанія были понятны лишь однимъ Яицкимъ казакамъ; для нихъ однихъ они составляли предметъ мечтаній.

Подходя къ какой-либо крѣпости, онъ посылалъ указъ на имя коменданта и требовалъ покорности отъ войска, объщая разныя выгоды, службу при своемъ лицъ и пр.

Баткирцамъ онъ послаль указъ съ такимъ заглавіемъ: "Указъ; я въ свъть всему войску и народамъ учрежденный великій государь, явившійся изъ тайнаго мъста, прощающій народъ и животныхъ въ винахъ, дълатель благодълній, сладоязычный, милостивый, мягкосердечный Россійскій царь императоръ Петръ Оедоровичъ, во всемъ свъть вольный, въ усердіи чистый и разнаго званія народовъ самодержатель."

Подобнаго рода указы разсыпались самозвандемъ въ частныхъ случаяхъ во все время нахожденія его за Волгой. Только послѣ перехода на правый берегь этой рѣки, указы Пугачева измѣняютъ свой характеръ; здѣсь впервые обращается онъ къ крѣпостпому люду, даетъ ему свободу и власть хватать и вѣшать господъ. "Крестъ и борода", обольстившіе Яицкихъ казаковъ, забыты; онъ спѣшитъ привлечь на свою сторону православное духовенство; при встрѣчахъ онъ прежде всего подъѣзжалъ къ духовенству, цѣловалъ крестъ и прикладывался къ образу.

Не показываеть ли все это что Пугачевь не быль представителемъ какихъ-либо опредъленныхъ пълей: что онъ не былъ выставленъ къмъ-либо; не имълъ въ виду освобождения крестьянъ, но какъ смышленый проходименъ, соображался съ обстоятельствами, хватался за то оружіе которое могло принести ему большую пользу? Онъ поняль гаф больныя мъста и мътко билъ по нимъ. Удался Пугачевскій бунть оттого, что Пугачевъ въ Япикихъ казакахъ нашелъ сильную поддержку и совершенно готовый для мятежа элементъ, а мъстныя власти, какъ военныя, такъ и гражданскія, были лишены всякой силы и не только не могли его остановить, но со страномъ думали о своей собственной защить. Явись Пугачевъ въ другомъ мъсть, а не на Яикь, его постигла бы судьба всехъ бывшихъ предъ нимъ самозванцевъ, повторившаяся потомъ и съ Іовомъ Мосякинымъ. Пугачевскій бунть, разъ удавшись, следавлея страшнымъ. потому что Пугачевъ за три мъсяца до своего паденія задумаль поднять крипостное население. Это не было пилью его двиствій, а только средствомъ къ поддержкв мятежа.

Пугачевскій бунтъ показаль какъ гибельно было для Россіи тогдашнее ея внутреннее положеніе. Неустройство казачьихъ войскъ, слабое подчиненіе пограничныхъ съ Азіей народовъ, ничтожная провинціальная администрація и крѣпостное право—вотъ обстоятельства помогшія Пугачеву поставить Имперію на край погибели. Усмиривъ мятежъ, слѣдовало обратиться къ устраненію причинъ способствовавшихъ его развитію, или, по крайней мъръ, къ принятію средствъ способныхъ парализовать на будущее время вредное вліяніе тъхъ изъ нихъ, устраненіе коихъ было невозможно.

Прежде всего, и болье всего, занималь общее вниманіе крестьянскій вопрось. Въ тогдашнее время о радикальномъ разрышеніи втого вопроса нельзя было и думать. Объ облегченіи положенія крестьянъ могли думать только ныкоторые свытлые умы тогдашняго общества, но Пугачевщина убылия и ихъ, что далеко не наступило еще время для заявленія ихъ идей. Кровавые факты были у всыхъ предъ глазами; свобода крестьянъ отождествлялась, казалось, съ бунтомъ и мятежомъ, и очевидно, что за усмиреніемъ возстанія не могло послыдовать ничего другаго кромь еще большаго укрыпленія власти помінциковъ.

Такъ смотрели все тогдашніе деятели, а во главе ихъ графъ Панинъ, въ руки котораго отдано было усмиреніе мятежа. Первый акть его д'ятельности-объявленіе 23-го августа, разосланное по переходъ Оки, достаточно обрисовывало его взглядъ на дело. Всехъ возмутившихся крестьянъ велено было "пелованіемъ Евангелія и креста" утвердить въ повиновении своимъ начальникамъ и помъщикамъ, съ темъ, что если они вновь осмелятся признать самозванпа Петромъ III, или сдвляють малейшее ослушание "воеводамъ, канпеляріямъ, всякимъ надъ собою начальникамъ и собственнымъ помъщикамъ", то къ нимъ будутъ посланы войска, и "всв въ таковыхъ селеніяхъ, безъ изъятія, возрастные мужики будуть казнены мучительный шими смертами, жены и авти ихъ отданы въ рабство, а земли во вдаление пребывшихъ всегда въ върности къ Е. И. В. подданнымъ и nowbulukama".

Нижегородскій губернаторъ Ступишинъ, разославъ въ разныя стороны отряды, поручилъ имъ наказывать крестьянъ
"по жеданію господъ". Графъ Меллинъ и Михельсонъ, преслъдовавшіе Пугачева, сами, силою обстоятельствъ, вызваны были на жестокія казни. Первый всъхъ виновныхъ
"подъ висълицами съкъ чрезвычайнымъ образомъ плетьми",
а изверговъ "четвертовалъ"; второй приказывалъ: неспособнымъ къ рекрутству "отръзать по уху, а кому и оба, а другихъ пересъчь плетьми". Помъщики, ободренные поддержкой войскъ, выступили со своими правами и требовали наказанія крестьянъ; отсутствующіе изъ деревень писали даже
довъренности, уполномочивая знакомыхъ ходатайствовать о
наказаніи виновныхъ, требуя "отръзанія имъ ушей" и даже

аишенія живота, если окажутся сего достойные. Строгія казни достигли цвли, и 29-го октября 1774 г. графъ Панинъ писалъ, что вел чернь находится въ такомъ подобострастномъ подданническомъ законной власти повиновеніи, какого она прежде не имъла", а 19-го ноября доносилъ, что "по его мнънію, тишина и безмольственное повиновеніе возставовились".

Другое сословіе, оказавшееся въ Пугачевщику пеблагонадежнымъ было духовенство. Соблазнъ чинимый духовенствомъ, признававшимъ самозванца, былъ такъ великъ, что Панинъ приписываетъ ему значительное вліяніе на усиленіе мятежа. "Еслибы духовный чинъ хотя мало инаковъ былъ, злодвянія не возросли бы до такой степени." Припомнимъ однако, что Пугачевъ, понимая всю важность привлеченія къ себъ духовенства,—за коимъ безъ оглядки должны были послъдовать цълыя толпы прихожанъ,—не останавливался ни предъ какими средствами чтобы принудить духовенство къ повиновенію. 237 лицъ духовнаго званія пали отъ руки мятежниковъ, защищая правое дъло и не желая признать Пугачева.

Кром'в страха, была и другая причина изм'вны духовенства: совершенное его нев'вжество. Панинъ нашель, что вчинъ духовный погруженъ въ самомъ вышнемъ нев'вжеств'в и грубіанствь", и что кажется дивомъ, когда изъ нихъ кто-либо усмотрится "съ настоящимъ чувствомъ добродътели и хота съ н'вкоторымъ познаніемъ должности пастыря, а не только что исправителя служенія церковнаго, частію уже наизусть выученнаго".

Обсуждая вопросъ о духовенствъ, графъ Панинъ ясно видълъ, что измънить печальное правственное положеніе духовенства возможно только въ будущемъ, а между тъмъ обстоятельства вынуждали немедленно принять какія-либо мъры. Для будущаго времени онъ указывалъ на необходимость лучшаго воспитанія молодежи духовнаго званія, для удовлетворенія же потребностямъ настоящаго—настаивалъ на принятіи ръшительныхъ мъръ противъ духовныхъ лицъ оказавшихся виновными по участію въ мятежъ. Еще изъ Москвы

^{*} Въ XI выпускъ Русскаго Архива за 1868 г., помъщена такая довъренность Сергъя Несторова, владъльца села Вольшой Та-

просиль онь изданія синодскаго ув'ящанія и объявленія, что каждый служитель алтаря лишается духовнаго рукоположенія и подвергается гражданскому суду и наказанію "въ самый тоть чась", когда пристанеть къ врагамь общественнаго спо-койствія.

Синодъ выдалъ такое распоряжение, и мы видъли въ какомъ положени засталъ Панинъ церкви въ Пензъ. Всъ овъ были заперты, потому что въ городъ не оказалось ни одго священника не подпавшаго подъ строгое ръшение синода.

Императрица, удовлетворившая требованія Панина, раздівляла и его взгляды на будущее. "Великое невіжество духовнаго чина, писала она ему, приміченное въ тіхть мівстахъ гдів находитесь, конечно, ничівмъ поправить нельзя окромя воспитаніемъ и поученіемъ, и изъ первыхъ моихъ попеченій будеть, послів прекращенія всіхть нынівшнихъ хлопотъ, учрежденіе школъ, гдів только возможно; но тогда родится другой вопросъ, объ опреділеніи священству сходственнаго содержанія съ воспитаніемъ."

Сколько намъ извъстно, изъ выстаго духовенства пострадали два лица: архимандритъ Александръ, настоятель Саранскаго монастыря, и казанскій архіепископъ Веніаминъ.

Архимандрить Александръ быль первымъ изъ духовныхъ липъ, публично встрътившимъ Пугачева съ крестомъ и Евангеліемъ. На эктепіяхъ онъ поминалъ императора Петра ІІІ и императрицу Устинью Петровну. Онъ былъ отданъ подъ судъ. "Въ Казани, въ сентябръ 1774 года, въ полдень, приведенъ онъ былъ въ оковахъ въ соборъ; его повели алтарь и возложили на него полное облачение. Солдаты съ примкнутыми штыками стали у свверныхъ дверей. Протопопъ и протодіаконъ поставили его посреди перкви во всемъ облачении и въ оковахъ. После обедни онъ былъ выведень на площаль; ему прочли его вины; после того сняли съ него ризы, обръзали волосы и бороду, надъли мужицкій армякъ и сослали на вічное заточеніе. Народъ быль въ ужась и жальль о преступникь. Въ указь вельно было вывести Александра въ одеждъ монашеской. Но Потемкинъ (Павель Сергвевичь) отступиль отъ сего для большаго эффекта." *

^{*} Примъчаніе Пушкина, не вошедшее въ его Ист. Пуг. Бунта.

Объ архіепископъ Веніаминъ до сего времени мало извъстно. Пушкинъ говоритъ, что окаеветанный Пугачевскимъ полковникомъ Аристовымъ, онъ попалъ въ немилость, но потомъ, когда открыласъ его невинность—возведенъ императрицей въ санъ митрополита. Пушкинъ привелъ даже письма, которыми обмънялись по сему случаю Екатерина и Веніаминъ. Мы можемъ нъсколько дополнить этотъ разказъ и объяснить какого рода была немилость, которой подвергся Веніаминъ.

Сообщая графу Нанину, что о преступленіи архимандрита Александра передано синоду, императрица пишетъ: "теперь и самъ архіепископъ казанскій, который на бувтовщиковъ первую клятву наложилъ, подъ сумнъніемъ; ибо разбойническій полковникъ на него показываетъ, что онъ подъ Казань къ Пугачеву прислалъ 3.000 рублей; обстоятельства непохвальныя, которыя однако прошу содержать до времени въ вышнемъ секретъ".

Самъ Веніаминъ въ письмѣ своемъ къ Панину, 7-го ноября 1774 г., писалъ, что на него возвелъ клевету діаконъ Алексѣй Іонинъ, объявивъ, будто бы 12-го іюля, когда Пугачевъ былъ подъ Казанью, архіерей посылалъ его къ самозванцу съ тремя тысячами руб. золотою монетою, для того чтобы загородный архіерейскій домъ, называемый Воскресенскій монастырь, не былъ выжженъ. Аристовъ и Іонинъ, захваченные подъ Казанью въ плѣнъ, вѣроятно, въвели эту клевету на архипастыря. Быть-можетъ, Іонинъ, выдумавъ ее, передалъ Аристову, а тотъ, какъ приближенный Пугачева, включилъ это обвиненіе въ свои показанія. По крайней мѣрѣ видно, что офиціальнымъ обвинителемъ Веніамина былъ Аристовъ, и только изъ письма самого обвиненнаго можно заключить, что начало дѣла принадлежитъ діакону Іонину.

Слъдственной коммиссіи поручено было особенно разспросить по дълу Веніамина, и послъ приведенныхъ выше данныхъ становится понятнымъ слъдующее мъсто въ допросахъ Пугачева: "заклинается живымъ Богомъ, что ни отъ кого подъ Казанью денегъ не только до трехъ (пропущено слово тысячъ), но и малаго числа не получилъ, а привозили ему деньги казаки, грабя по домамъ". Въ концъ допросовъ вновь говорится о дълъ Веніамина, но рукопись, по которой напечатаны допросы, попорчена, и втотъ конецъ не разобранъ.

Коммиссія нашла однако важныя причины повърить извъту на архіепископа казанскаго; 13-го октября 1774 года Веніаминъ быль арестовань въ его кельи, къ которой приставленъ кръпкій карауль; имущество его опечатали. Начались разспросы, и архіепископу объявили взведенное на него діакономъ Іонинымъ обвиненіе. Чрезъ три недъли послъ ареста, 7-го ноября, Веніаминъ написалъ письмо къ Панину. Получивъ письмо, Панинъ нераспечатанное представиль его императрицъ 19-го ноября. Развязка извъстна; императрица послала Веніамину бълый клобукъ при слъдующемъ рескриптъ:

"Преосвященный митрополить, Веніаминь Казанскій. По прівядь моемь, первымь попеченіемь было для меня разсматривать діла бездільника Аристова: и узнала я къ крайнему удовольствію моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенвую главу вашу симь отличнымь знакомь чести; да будеть оный для всякаго всегдашнимь напоминаніемь торжествующей добродітели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои вась удзвляли; припишите сіе судьбі Божіей, благоволившей вась прославить по несчастныхь и смутныхь обстоятельствахь тамошняго края, принесите молитвы Господу Богу; а я сь отміннымь доброжелательствомь есмь Екатерина."

Путкинъ, у которато мы заимствуемъ это письмо, не означилъ на немъ когда оно писано, а между тъмъ выставленное число показало бы сколько времени томился Веніаминъ подъ кръпкимъ карауломъ, лишенный священнослуженія и епархіальнаго управленія. Однако нъкоторыя выраженія письма даютъ возможность опредълить, приблизительно, время его заключенія. Въ письмъ говорится о прівздв и разсмотръніи дъла Аристова. Все слъдствіе о Путачевъ про-изводилось въ Москвъ, куда императрица прибыла 25-го явваря 1775 г., чрезъ двъ недъли послъ казни Путачева. По всей въроятности, вышеприведенное письмо написано въ Москвъ, въ послъднихъ числахъ января 1775 года, и стало быть заключеніе Веніамина продолжалось не менъе трехъ съ половиною мъсяцевъ.

Нъкоторые писатели въ прощеніи архіепископа Веніамина

^{*} Державинъ свидътельствуетъ, что Веніаминъ "успѣлъ отправить чрезъ отверстіе нужнаго мъста тайнымъ образомъ приверженнаго къ себъ служителя съ письмомъ въ Петербургъ". Наше показаніе, взятое изъ переписки Панина, опровергаетъ показаніе Державинъ.

видять желаніе императрицы скорте окончить дело и прекратить всякіе о немъ толки. Мы полагаемъ, что протреніе и возведеніе Веніамина въ санъ митрополита последовали дъйствительно вследствіе оказавшейся его невиплости. Въ противномъ случать можно было простить Веніамина, но ве было повода его награждать. Невинность его подтверждается показаніями современниковъ. Императрица сама висала Панину что Веніаминъ первый наложилъ проклатіе на матежниковъ, а архимандрить Любарскій, въ извъстномъ его письмъ о разореніи Казани Пугачевымъ, написанномъ нъсколько дней посла событія, прамо говорить, что архіепископъ Веніаминъ во все время штурма, не выходя изъ собора, молился всенародно о ниспосланіи помощи противъ матежниковъ. Воскресенскій монастырь не показанъ у Пушкина въ чисять разграбленныхъ мятежниками.

Съ самаго начала Пугачевскаго бунта оказалась полнъйшая несостоятельность мъстной гражданской администраціи. Въ столь грозное врема, она явилась безсильною предъ затрудненіями и неспособною къ принятію ръшительныхъ мъръ для предупрежденія приближавшейся опасности. Ежели и слъдуетъ согласиться что организація губернскихъ властей была весьма несовершенна, и самое пространство губерній парализовало успъшность ихъ дъйствій, то это нисколько не оправдываетъ образа дъйствій тогдашнихъ провинціальныхъ властей. Общественная польза, служеніе государству и развитіе мъстныхъ средствъ края не входило въ ихъ заботы, которыя главнымъ образомъ были направлены къ извлеченію изъ службы выгодъ лично для себя. Продажность и взяточничество процевтали. Власти управляющія думали лишь о своемъ кормленіи.

Взяточничество происходило столь открыто, что о немъ извъстно было всъмъ. Не только въ обществъ, но и съ высоты трона раздавались противъ него голоса негодованія. Екатерина, едва вступивъ на престоль, сочла необходимымъ издать указъ противъ взятокъ. 18-го іюля 1762 года (чрезъ три недъли по востествіи на престоль) она издала слъдующій указъ: "За долгъ себъ вмъняемъ непреложный и непремънный объявить въ народъ, съ истиннымъ сокруменіемъ сердца намего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынъ и дъломъ самымъ увидъли, до какой степени въ государствъ нашемъ лихоимство возросло, такъ что едва малое самое

мъсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дъйотвіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мъста—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами, клевещетъ ли на кого кто—всъ происки свои хитрые подкръпляетъ дарами. Многіе судящіе, освящевное свое мъсто, въ которомъ они именемъ Вышняго должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, визная себъ ввъренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу приносимую Богу, намъ и отечеству. Сердце наше содрогнулось, когда мы услышали что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ, приводя нынъ къ присять намъ въ върности бъдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себъ деньги."

Взятки отчасти какъ бы узаконялись, ибо многія должности были безъ жалованья, а чиновники опредвлялись на службу "какъ бы неимущіе въ богадвльню, для одного только пропитанія, а не для исправленія двлъ". Новые штаты 1763 года, имъвшіе цвлью уменьшить нъсколько это зло, не помогли двлу. Нъсколько рублей прибавки къ жалованію не могли исправить чиновника; испорченность глубоко коренилась въ нравахъ тогдашняго общества, противъ коихъ и слъдовало дъйствовать. Очевидно, что увеличеніемъ штатовъ для чиновниковъ-взяточниковъ, дъйствовавшихъ попрежнему среди общества, нравственное положеніе коего столь ярко очерчено въ указъ 18-го іюля, нельзя было сдълать многаго. Прошло двънадцать лътъ, и дъла были въ томъ же самомъ положеніи.

Вотъ какъ императрица отзывалась о причинахъ неспособности чиновниковъ къ дъйствію противъ Пугачева: "Не только объ нихъ судить можно какъ тако, что напередъ раздраживъ городскихъ и уъздныхъ жителей неправосудіемъ и лихоимствомъ, когда дошло до обороны, чувствуя народную къ нимъ недовърчивость, у нихъ руки упали." Въ другомъ письмъ ея же къ П. И. Панину, читаемъ: "Слабое поведеніе въ разныхъ мъстахъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ я почитаю столько же общему благу вреднымъ, какъ и самъ Пугачевъ со своею сволочью, и сему теперь инако помощи придать нельзя, какъ наказаніемъ и тъхъ, кои сидятъ рукава спустя и мъста свои оставляютъ."

Такимъ образомъ графъ Панинъ зналъ мысли импе-

ратрины о причинать печальнаго положенія правительственныхъ властей въ губерніяхъ. Самъ онъ смотрвав совершенво также, и на пути отъ Москвы до Симбирска успъль убъдиться что служба "спустя рукава" и взяточничество составаяють суть зла, низводящаго представителей губериской азминистраціи до степени совершенняго ничтожества. Губернаторы Рейнодориъ, фонъ-Брандтъ и Кречетниковъ * играли самую печальную роль во время мятежа. Дъйствія воеводъ и подначальныхъ имъ лицъ были еще слабъе. Прибывъ на театръ мятежа уже совершенно почти усмиреннаго, графъ Панивъ встретилъ полное бездействие со сторовы губерваторовъ. Никто изъ нихъ, попрежнему, не думалъ трогаться съ мъста и не спъщить осмотръть наиболье потерпъвтія мъстности, принять мъры къ возстановленію парушенваго порядка и сообразить чемъ можно помочь населению. И ваасти, и управляемые были все еще подъ вліяніемъ ужаса, овладъвнаго ими въ разгаръ Пугачевщины.

Сдавъ Пугачева подъ стражу капитану Галахову и увърившись въ побъдъ надъ главнымъ врагомъ, Панинъ немедленно занялся мъстною администраціей. 3-го октября, то-есть на третій день послъ пріема Пугачева, Панинъ послаль ордеръ губернаторамъ: казанскому, оренбургскому, сибирскому воронежскому и нижегородскому, предписывая имъ заняться разборомъ дълъ и наказаніемъ виновныхъ, и удивляясь что они до сего времени не подумали объъхать управляемыя ими губерніи для осмотра городовъ и мъстъ пострадавшихъ отъ матежниковъ. Вмъстъ съ тъмъ Панинъ требовалъ ихъ прітьзда въ Симбирскъ на совъщаніе.

Одновременно почти съ отправкой этого ордера, а именно чрезъ два дня, 5-го октября 1774 г., Панинъ издалъ особое предложение губернскимъ, воеводскимъ и всякаго рода и звания судебнымъ и расправнымъ мъстамъ, такъ равномърно управителямъ, казначеямъ и пр., трехъ губерній ему порученныхъ. Я узналъ съ душевнымъ содроганіемъ, писалъ онъ въ предложеніи, что въ дълахъ штатскаго теченія производятся безъ стыда и гръха взятки, пристрастія и отступленія отъ правосудія и нерадъніе къ своимъ должностямъ". Объявляя чтобы "съ сего времени онаго не было", Панинъ грозилъ отрогими наказаніями. Это первое

^{*} Оренбургскій, казанскій и астраханскій.

объявленіе, кажется, не произвело, какъ и следовало ожидать, желаннаго результата; не прошло еще месяца, какъ 4-го ноября того же года графъ Панинъ издаль противъ взятокъ новое объявленіе. Приводимъ его содержаніе по имъющейся у насъ выпискі: "Изв'ютясь о взяткахъ развыхъ начальниковъ съ народа, онъ приказываетъ обывателямъ трехъ губерній его начальству вв'еренныхъ, въ случать требованія взятокъ, подарковъ или какихъ-либо сборовъ, кромъ государственныхъ податей и повинностей своему пом'ящику, таковыхъ задержавъ, не взирая ни на какой чинъ и лицо, приводить прямо къ нему, для неупустительнаго по всей строгости законовъ наказанія."

Объявление это было мерою чрезвычайною. Оно адресовалось ко всему пароду; имъ приказывалось всехъ лихоимпевъ. кто бы они ни были, задерживать и вести прямо къ Панину. Объявленіе это должно было служить народу доказательствомъ огражденія его правъ противъ притвененій чиновничества; чиновникамъ оно грозило весьма непріятною случайностью быть задержанным и представленным къ грозному главнокомандующему. Однако, въ дъйствительности, достигалось ли что-либо втимъ объявлениемъ? Положительно натъ. Опо было издано одновременно съ объявлениемъ о производствъ наказаній виновнымъ жителямъ. Разставленныя по въвздамъ въ города и селенія глаголи, висвлицы и колеса ждали виновныхъ. Кънъ доставлялась работа этимъ орудіянъ казни? Теми самыми чиновниками, которыхъ открыто уличали въ неправосудіи и взяточничествъ. Очевидно, ни указъ 18-го іюля 1762 года, ни объявленія Панина о взяткахъ ве могли повести къ чему-либо серіозному: скорве даже можно сказать, что заявляя о растленіи администраціи и безсиліи правительства помочь бъдъ, акты эти придавали виновнымъ еще болве смелости.

Съвздъ губернаторовъ состоялся. Главнымъ образомъ совъщанія Панина съ губернаторами относились къ принятію мъръ противъ повсемъстнаго почти голода. Пугачевщина взволновала приволжскій край въ самое время уборки хлъба. Урожай былъ весьма плохъ, а уборка еще хуже. Съ самыхъ первыхъ дней своей дъятельности, графъ Панинъ (еще изъ Ухолова, отъ 25-го августа 1774 г.) заявлялъ объ угрожающемъ голодъ. Въ мъстахъ "гдъ самое хлъбное изобиліе всегда было, теперь, при самомъ вступленіи новаго хлъба въ гумны,

несамханная уже дороговизна, и столь малый онаго привовъ въ торговые дни, kakoro почти не запомнять".

Въ это же время и съ Воаги князь Голицынъ доносилъ о неурожаяхъ въ Симбирскомъ, Сызранскомъ, Саратовскомъ и частио Пензенскомъ унздахъ, говоря что неурожай грозитъ почти совершеннымъ голодомъ.

Въ Петербургъ на это посмотръли довольно оригинально, и къ Панину присланы были семь гвардейскихъ офицеровъ "на очищение дорогъ отъ воровскихъ шаекъ, кои мъшаютъ обывателямъ земскимъ привозить продукты къ городамъ и по торгамъ, какъ сіе явно доказывается непривозомъ хлъба въ наизобильнъйшихъ мъстахъ гдъ вы (то-есть Панинъ) теперь находитесь".

Однако Панинъ, во время похода своего къ Симбирску, убъдился что во всъхъ мъстахъ Воронежской, Нижегородской и Казанской губерній, чрезъ которыя онъ проъзжаль, уже съ сентября мъсяца обыватели иного хлъба не ъдатъ какъ съ лебедою, съ желудями, а въ нъкоторыхъ мъстахъ и съ мохомъ".

Преимущественно голодъ чувствовался въ губерніяхъ Нижегородской и Казанской, а потому и мізры противъ голода были приняты Панинымъ по совіщанію со Ступишинымъ и княземъ Мещерскимъ—губернаторами названныхъ губерній.

Сущность мерь этихъ заключалась въ следующемъ. Въ видахъ обезпеченія продовольствія войскъ и населенія, устроевы были провіантскіе мигазивы: нижегородскому губернатору разрышено купить 40,000, а казанскому 50.000 четвертей хавба. Изъ магазиновъ хавбъ выдавался жителямъ "селеній пужду терпящихъ" въ размъръ отъ 2 до 3 четвериковъ на дуту, подъ росписки помъщиковъ, прикащиковъ или старость. При невозможности со стороны терпящихъ прислать за хльбомъ, его развозили на увздныхъ подводахъ съ платою по копъйкъ на версту. Изъ закупленныхъ запасовъ въ 90,000 четвертей отпускался хлюбъ преимущественно на посввы, въ предупреждение голода въ 1775 году. Для удержания чрезиврнаго повышенія пень на клебь, сделано было Панинымъ объявление "всемъ владельцамъ, жителямъ и поселянамъ губерній Нижегородской, Казанской и Оренбургской". Въ объявлении говорилось, что все классы общества должны оставить корыстолюбивые виды и не возвышать цень на

фуражъ и провіантъ. Ослушниканъ Панинъ угрожаль не только наказанісиъ, но и казнью.

Войскамъ опредълено замънять овесъ мукой, и разръшено выдавать командирамъ частей деньги на пріобрътенте продуктовъ за мъсяцъ впередъ. Вот уланскіе корпусы, оформированные дворянствомъ еще при жизни Бибикова, были распущены, для уменьшенія расходовъ хлъба изъ провіантскихъ магазиновъ.

Сверхъ того съ Панина снята была обязанностъ продовольствовать саратовскихъ колонистовъ, такъ какъ канцеларія опекунства иностранныхъ не могла сообщить ему нужныхъ свъдъній, и онъ самъ видимо не желалъ мъшаться въ дъло подлежавшее ближайшему въдънію князя Гр. Гр. Орлова. Панинъ впрочемъ доносилъ, что положеніе колонистовъ критическое, и что они терпятъ не только голодъ, но и наготу. По его же предложенію, посланы были указы губерваторамъ воронежскому, слободскому и бългородскому, чтобъ они снабдили колонистовъ хлъбомъ.

Императрицъ, сомнъвавшейся въ возможности предотвратить возвышение прика принадлежить мысль начать въ голодающихъ мъстностяхъ общественныя работы. "Какъ изъ первыхъ вашихъ упражненій, писала она къ Панину 20 ноября 1774 г., ныяв есть народное прокормаеніе, и дабы оное прокормленіе доставить наивящей голодъ терпящимъ, пришло мять на умъ вамъ сообщить следующую идею, сходственную впрочемъ съ вашимъ мивніемъ, о обведеніи городовъ такими заградами, кои бы величины ихъ означали и служили бы шт защитою отъ воровскаго иногда зброда. Идея сія есть сльдующая: чтобъ начинать около техъ уездныхъ городовъ, где голодъ наивящей есть, рыть ровъ и платить за сей не только деньгами, но и хлебомъ. Тутъ всякій поль и возрасть сыщеть прокормленіе, ибо кто не рость, то мало, или много нося землю не празденъ будеть и изъ увзда не разбредутся въ другіе, по туть свое пропитаніе найдуть. Таковыя работы начать можно въ разныхъ местахъ, чемъ народъ удержите въ мъсть его пребыванія, и упражняя его, убмете и воровство, и разбои. Сіе мое мивніе вамъ питу не въ указъ, но какъ совъть, котораго удобность вамъ на мъсть надлежить разсмотреть и исполнить безъ огласки, дабы не притянуть работниковъ изъ изобилующихъ мъсть для сущаго изъъденія вашихъ запасовъ.«

Върный своей мысли устрашать одвихъ и награждать другихъ, Нанинъ по случаю голода обратился тоже къ этой мъръ. Такъ онъ просилъ о наградъ слъдующимъ чиномъ "добронамъреннаго помъщика Степана Егоровича Кроткаго", который для способствованія общей нуждъ умалилъ свою корысть, будучи образдовымъ въ тамотнемъ крав хозяиномъ въ хлъбопашествъ. Изъ представленія князя Мещерскаго видно, что Кроткій уступилъ свои значительные запасы за самую сходную для казны цъну.

Мысль о необходимости укрвпленія городовъ высказана была Панинымъ въ представленіи 2-го ноября 1774 г., № 25 о возобновленіи выжженной Казани. Въ Казани, до ея погрома Пугачевымъ, было, вив крвпости, 3,186 строеній, изъ нихъ 2,193 сгорвло, а осталось всего 993. Панинъ полагалъ довволить селиться въ Казани только лицамъ могущимъ построчть свои дома; всемъ же остальнымъ отвести за городомъ мъста для слободъ и загородныхъ дворовъ. Затемъ Панинъ говоритъ, что города отдаленные отъ столицъ должны бытъ укрвплены столь для внутренной, сколь и для внътвей безопасности и имъть болье правительство и присутственныхъ полицейскихъ надзирателей. По его мнъню, пространство увъдовъ должно быть уменьшено прибавленіемъ ихъ числа.

Эти мысли Паника объ уменьшеніи губерній послужили основаніемъ обширной реформы. Въ указъ 7-го поября 1775 года объ учрежденіи 50 губерній объяснялось, что "по великой обширности нъкоторыхъ губерній, оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми". Такимъ образомъ въ указъ употреблены даже подлинныя слова Паника. Это показываетъ какое вліяніе онъ имълъ на состоявшееся въ 1775 году преобразованіе губернскаго управленія.

Прамымъ следствіемъ Пугачевщины было, между прочимъ, преобразованіе Япикихъ казаковъ въ Уральское казачье войско, переселеніе Волжскихъ казаковъ на Кавказъ, и уничтоженіе Сечи Запорожской.

Кром'в занятій по умиротворенію края и предупрежденію гоаода, на Панина возложена была государыней обязанность составить соображенія о Киргизахъ и Вашкирахъ. Переписка императрицы съ Панинымъ заключаетъ въ себ'в весьма интересныя по этому подробности.

"Саомавъ рога Пугачева и его сообщинковъ, мысли мно-

жествомъ вдругъ приходятъ, изъ которыхъ, вопервыхъ, теперь есть вниманія достойны: невърность Башкирцевъ, кои
ничъмъ на свътъ не отягощены были, а при всякомъ случать
злодъями объявляются; второе—набъги киргизскіе." Паниву
приказано было усмирить Башкирцевъ, а Киргивскій народъ
привести "въ такое положеніе, чтобы не только потервать охоту къ набъгамъ внутри границъ Имперіи, но чтобы и торгу
Оренбургскому съ Индією и Бухарією пересталь быть вреденъ.... на сіє въ разныя времена различные проекты были,
между которыми и занятіе р. Эмбы редутами почиталось
однимъ изъ тъхъ, чрезъ кои стража границы сей упрощалась. Сія ръка впадаетъ въ море Каспійское, покрываетъ р.
Яикъ отъ степи; осталось узнать способность связать границы по р. Эмбъ съ Сибирскими ръками Тоболью или же
самого Иртыша."

Панинъ потребовалъ отъ Рейпсдорпа доставленія ему двухъ историческихъ экстрактовъ о Киргизокомъ народъ и Башкирцахъ, но въ последствіи объясниль, что имъетъ о сихъ народахъ младенческія свъдънія, и просилъ сложить съ него возложенную обязанность, боясь худымъ исполненіемъ повредить себъ во мненіи у императрицы. *

Съ именемъ Панина неразрывно связано имя другаго замвчательнаго человъка—Державина. Знаменитый повтъ исказилъ смыслъ отношеній къ нему Панина и выставилъ его въ весьма дурномъ свътъ. Незнаніе фактовъ вовлекло Державина въ ощибку, а съ его словъ и всё писатели о Пугачевщинъ невърно изображаютъ этотъ періодъ изъ дъятельности Панина.

Державинъ разказываетъ что, узнавъ о поимкв Пугачева, онъ донесъ о томъ только ближайшимъ своимъ начальникамъ, кн. Голицыну и генералъ-поручику Потемкину. Посылая къ послъднему курьера въ Казань, чрезъ Сызрань, Державинъ написалъ объ этомъ въ подорожной, для ободренія лежавшихъ на дорогъ селеній "пребывавшихъ отъ возмущенія въ ужасъ". Сызранскій воевода, увидя столь благопріятное извъстіе, увъдомиль о томъ графа Петра Ивановича, и какъ сіе увъдомленіе

[•] Составленіе этих экстрактовь поручено было извыстному латописцу осады Оренбурга II. И. Рычкову. Инструкція Панина и любопытныя по сему свыдынія пом'ящены въ сочиненіи акаденика II. Пекарскаго Жизна и литературная переписка II. И. Рычкова-С-.Пб. 1867 г.

детавина буря. Панинъ предположилъ, что Державинъ умышденно оботелъ его, чтобъ угодить брату временщика. "Графъ Панинъ, продолжаетъ повтъ, пребывалъ въ чрезвычайномъ на Державина бъщенствъ, и въ пылу своего гвъва, придравшись къ безпорядкамъ саратовскимъ, почитая виновникомъ оныхъ Державина, требовалъ отъ него, отъ 27-го сентября, отвъта, чрезъ генерала Мансурова, какимъ образомъ не случился онъ бытъ при нападени на Саратовъ, какъ на постъ его, гдъ съ командой пребыване его требовалось? когда, за сколько времени отъ того вападенія и куды отлучался."

Это выписано нами изъ записокъ Державина (стр. 95 и 96), а между твить па стр. 122 соч. академика Грота, Матеріалы для біографіи Державина, помъщено письмо къ поэту князя Голипына изъ Япикаго городка отъ 20 сентября. Быть-ножеть, Павикъ требоваль объясненія оть Лержавина и чрезъ Мансурова, но очевидно, что первоначально требованіе это было сдівлано чрезъ кн. Голицына. Даже и самъ Державинъ отвътъ свой начинаетъ ссылкой на ордеръ къ нему князя Голипына. Не будемъ заподазривать Державина въ умышленной ссылкъ на Мансурова, но нельзя не сказать, что еслибъ опъ упомянуль объ ордерѣ князя Гоаппына, то тогда невозможно бы было обринить Панина въ томъ, что онъ, взбътенный на Державина за несообщение о поимкъ Пугачева, придрадся къ саратовскимъ безпорядкамъ и потребовалъ объясненія. Невозможно потому, что объяспенія затребованы прежде поимки Пугачева. Князь Голицынъ свой ордеръ послалъ 20 сентября, следовательно ордеръ къ нему Панина объ истребовани объясненія отъ Державина последоваль ранве. По тогдашнему затруднительному сообщению съ передовыми отрядами, нельзя не предположить, что письмо Панина изъ Симбирска пло къ князю Голипыну по крайней мъръ отъ пяти до семи дней, и если взять во вниманіе что Годинынъ не сейчась же по полученіи ордера Панина написаль Державину, то и окажетса, что между днемъ написанія ордеровъ Панина и кн. Голипына прошло, самое меньшее, недвля, и ордеръ Панина написанъ быль 13-го сентября, то-есть когда Пугачева повезли эъ Япикій городокъ. Итакъ очевидно, что Панияъ потребоваль объяснения отъ Державина не въ пылу бъщевства. P. LYXXI.

Прискорбно, что Державинъ въ своихъ запискахъ столь легкомысленно обвинилъ графа Панина, упустивъ изъ виду что истина откроется.

Приведенных в нами доказательствъ совершенно достаточно для возстановленія истины и снятія съ графа П. И. Панина упрека, сділаннаго ему Державинымъ, по мы не можемъ отказать себів въ удовольствій привести полное разъясненіе всего этого діла, черпая матеріалы изъ переписки императрицы съ Панинымъ.

Саратовская катастрофа и предшествовавшія ей пререкапія Державина и Ладыженскаго съ Бошнякомъ были въ подробности изв'ястны императрицъ. Ей Голицынъ и Потемкинъ переслали вст по сему донесенія Державина.

Кречетниковъ, астраханскій губернаторъ, боясь отвътственности за бездъйствіе, ръшился защищать Бошняка и съ этою цълью послаль курьеромъ къ Панину и въ Петербургь капитана Сапожникова, вышедшаго изъ Саратова съ Бошнякомъ. Сапожниковъ представиль дъло совершенно въ другомъ видъ.

Показанія Сапожникова не сходились, разумвется, съ донесеніями Державина. Въ императриць зародилось сомньніе кто изъ нимъ правъ? "Если заподлинно комендантъ саратовскій поступаль такъ, какъ въ сказкѣ капитана Сапожникова показано, писала императрица, то онъ достоинъ чтобы върность его не осталась безъ награждения, что поручаю вамъ наиприлежнъйте разсмотръть и въ яспость привести, а потомъ представить ко мив. Доходили до меня гвардіи-поручика Державина о семъ комендантв письма, кои не въ его пользу были; а какъ сей Державинъ самъ изъ города отлучился будто за сысканіемъ секурса, а вы объ немъ нигді не упоминаете, то уже его показанія насколько полвержены сомивнію, которое прошу, когда случай будеть, пообъяснить наведеніемъ объ обращеніяхъ сего гвардіц-поручика Лержавина, и соотвътствовала ли его храбрость и искусство его словамъ; а присланъ онъ былъ туда отъ покойнаго генерада Бибикова.

Вотъ источникъ наведенія справокъ о Державинъ. Отсюда ясно видно, что Панинъ получилъ повельніе о наведеніи о Державинъ справокъ прежде чъмъ что-либо писалъ о немъ самъ.

Академикъ Гротъ помъстиль въ своемъ сочиненіи про-

странное объяснение Державина и насмѣшливый отвѣтъ Панина. Приведемъ выписки изъ донесения Панина императрицъ и изъ ея отвѣта ему по дѣлу Державина.

По окончательному исполнению повельний вашего величества", доносиль Панинь, "вступили ко мив, по моимь требованіямъ, столь великія, особливо отъ Державина, изъясненія, что и меня раба вашего удивили дерзповеннымъ дозводеніемъ себъ толикаго распространенія въ извиненіи, которое требуеть въ непорочной истинъ несколькихъ только словъ: но по прочтеніи онаго заставили меня, къ единому вашего величества любопытству, поднести оныя здёсь въ опитиналь. Смъю притомъ, всемилостивъйшая государыня, о саратовскомъ комендантв съ подчиненными ему офицерами, пробившимися сквозь злодвя, то присовокупить, что опи въ точности исполнили, и заслугу свою показали по настояшей своей вашему императорскому величеству присять, гав кажлый обываеть и должень вы потребномы случаю не шадить своего живота, и гдь отъ всякаго требуется не витійственныхъ словъ и вившиванія въ чужія, себв не принадлежашія и выше всякаго своего званія должности и дела, по существительных всякаго по своему званію действъ и безмольственнаго повиновенія сдного другому по предписанному въ регулахъ порядку, отъ которыхъ, кажется мив, по приближеній злодвя на Саратовъ, далеко было отступлено собираніемъ совътовъ съ приглашеніемъ и купечества." *

"Касательно до двла поручика Державина и саратовскаго коменданта, нашла я," писала императрица, "что вашъ отвътъ сдъланный Державину, и правила, изъ которыхъ онъ истекаетъ, сутъ таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей по службъ ожидать надлежало, и сей отвътъ таковъ хорошъ и полезенъ бытъ можетъ сему молодому человъку что, конечно, образъ мысли его исправитъ, буде природное въ
немъ здравое разсуждение есть. Саратовскаго коменданта поведение, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставлю безъ
вънскания."**

Когда Державинъ прівхалъ въ Симбирскъ, то (его Записки стр. 98) ему сказали, что графъ Панинъ "недвли съ двв, публично за столомъ, болве не говорить ничего, какъ дожидается

^{* 17-}го октября 1774 г. № 21, изъ Симбирска.

^{**} Допросы Пугачева, стр. 55.

отъ государыни повельнія повысить васъ вмысть съ Пугачевымъ. Мы видыли допесеніе его о Державинь, и едва ли можно допустить чтобы Панинъ ожидаль такого повельнія. Но впрочемъ, съ какою бы мыслію ни посылаль Панинъ объясненіе Державина, надо помнить что онъ посылаль его Великой Екатеринь, которая, прочта объясненіе Державина, не могла найти его и не нашла виновнымъ. Быть-можетъ, этотъ случай еще ближе познакомилъ императрицу съ молодымъ человъкомъ, имя котораго было въ послъдствіи однимъ изъ украшеній ея царствованія.

Большая часть приведенных нами фактовь о двятельности Панина была досель совершенно неизвыстна. Хотя съ именемъ графа П. И. Панина и связывали имя усмирителя Пусачесцины, но о дыйствіяхь его мало писано вырнаго, котя невырныхь о немъ отзывовь довольно.

Вообще о Панинъ мы имъемъ свидътельства только одного современника, Державина; потомъ писали о немъ Бибиковъ, Пушкинъ, г. Лебедевъ и г. Мордовцевъ.

Невърность некоторыхъ отзывовъ Державина мы только что доказали; Бибиковъ и Путкинъ не имъли о Панинъ никакихъ матеріаловъ и написали о немъ всего въсколько словъ. Гг. Лебедевъ и Мордовиевъ писали въ недавнее время, и первый сообщиль весьма интересные факты, а второй не остановился на отсутстви фактовъ и написалъ о Панинъ совершенныя небылицы. Г. Мордовцевъ своими историческими монографіями пріобръль какъ бы авторитеть по вопросу о Пугачевщинъ, но авторитеть этотъ опирается не на достоинствахъ его статей, а на той смелости съ которою онв написаны. Последній его трудь, Pycckie государственные дъятели прошлаго въка и Пугачев, три мъсяца печатавтійся въ Отечественных Записках за 1868 годь, заключаеть въ себв столь неввроятныя вещи, что решительно недоумвнаеть какъ можно было решиться написать ихъ. Въ доказательство нашихъ словъ приведемъ отзывъ г. Мордовпева о Панинъ. Помъстивъ текстъ объявленія Панина о поимкъ Пугачева, -- объявленія, подъ которымъ написано: "дано на марть 1774 года сентября 25-го числа". Г. Мордовневъ двлаетъ следующее подстрочное примечание: "На какомъ это маршь? Собственно графъ Панинъ не двлалъ никакихъ жаршево: онъ не быль съ войсками, хотя и считался ихъ

тавнокомандующимъ, а жилъ въ своей деревив. Этимъ-то и замвчательно все то темное двло, которое называется Пугачевщиной."

Что въ этомъ примъчании все, отъ перваго до послъднято слова, небылица, читателю уже извъстно изъ того что мы разказали въ настоящемъ сочинении. Если у г. Мордовцева не было фактовъ сказать о Панинъ что-либо върное, то это не его вина, на нътъ и суда нътъ; но тутъ является другой вопросъ: какіе факты имъетъ г. Мордовцевъ въ подтвержденіе того что написаль онъ? Отвътъ ясенъ. Никакихъ фактовъ у него пътъ и быть не можетъ. Откуда же у него такая самоувъренность въ выраженіяхъ и сужденіяхъ? Неужели отъ предположенія что никто ничего не знаетъ, и всъ повърять ему на слово?

Г. Лебедевъ, почтенный авторъ монографіи: Графы Никита и Петръ Панины, заслуживаетъ того чтобъ остановиться надъ изкоторыми мъстами его интереснаго сочиненія.

Графы Панины, а особенно Петръ Ивановичъ, не пользуются симпатіей г. Лебедева. Онъ выбраль ихъ героями своего разказа не для нихъ самихъ. Они были нужны ему чтобъ отъ нихъ перейти къ другой обаятельной и болье блестящей личности. Его герой Потемкинъ, и монографія о Панинъ есть, какъ кажется, только прелюдія къ будущему его труду о Потемкинъ,—труду, котораго ожидаемъ съ нетерпъніемъ.

О Петрв Панинв г. Лебедевъ пишетъ: "Панинъ почти годъ (до 9-го августа 1775 г.) оставался полновластнымъ правителемъ края гдв было возмущеніе; ему видимо хотвлось насладиться столь долго жданною властью."

Въ другомъ мъстъ нашъ авторъ приводить проектъ рескрипта Панину, съ назначениемъ ему (за усмирение Пугачевщины) меча алмазами украшеннаго, алмазныхъ знаковъ ордена Св. Андрея Первозваннаго и 60 тыс. руб. на поправление экономии, и говоритъ, что товарищи Панина по дъйствіамъ въ минувтую войну были награждены щедръе, именно: Румянцевъ получилъ название Задунайскаго, Долгоруковъ— Крымскаго, Орловъ—Чесменскаго, и что только одинъ князъ Голицынъ, показавтий свою неспособность въ первую кампанию подъ Хотинымъ, былъ награжденъ нъсколько менъе Панина.

Намъ не случалось нигдъ читать что именно дано было

графу Панину за усмиреніе Пугачевщины, но если взять во внимание, съ одной стороны, что между покорениемъ Бендеръ и усмиреніемъ Пугачевщины огромная развица, а съ другой, что получение за Бендеры Георгія 1-й степени графъ Панинъ счелъ для себя малымъ, то станетъ ясно что за усмирение Пугачевщины опъ разчитывалъ получить большую награду. По свидетельству г. Лебедева, онъ получилъ за это брилліантовую шпагу, алмазные знаки ордена Андрел Первозваннаго и 60 тысячъ руб, сер. Повидимому, награду эту Панинъ счелъ для себя достаточною, ибо не вышелъ въ отставку, какъ савлалъ это после получения за Бендеры Георгія 1-й степени. Можеть-быть, была другая причина, удержавшая Панина на службъ: желаніе, какъ говорить г. Лебедевъ, "насладиться столь долго жданною властью". Но мы должны привести факты свидътельствующие противъ такого утвержаенія. Графъ П.И. Панинъ самъ неоднократно просиль объ увольненіц въ Москву ц, какъ мы уже видьли, самъ отказался отъ представленія соображеній насчеть устройства Башкиръ и Киргизъ-Кайсаковъ, тогда какъ взятіе на себя втого порученія давало ему полную возможность остаться у власти еще значительное время, ибо вопросъ о названныхъ инороднахъ требовалъ серіознаго изученія на мість.

Первый разъ о своемъ отозваніи, хотя и не прямо, Панинъ писалъ 30-го октября 1774 года. Тогда ходилъ слухъ что императрица собирается прівхать въ Москву. Заяваля что помощію Всевышняго вся бдінію его порученная містность отъ возмущенія исціплилась, и всі текущія діла и правительства вступили въ прежнее свое безопасное дійствіе, Панинъ ходатайствовалъ разрішенія предстать предъ лицо императрицы, въ Москвъ, для изустнаго о всемъ увідомленія

Всявдъ за симъ, въ донесеніи отъ 3-го ноября, Паникъ говорить о серіозной своей бользни, которая чувствуется твиъ болье, что при углубленіяхъ въ разныя размышленія, всегдашнія въ корпусь его подагрическія движенія вовлекаются въ голову и грудь, "а нервдко и въ кишки, такъ что ежедневно трепещу и ожидаю получить ударъ или слечь, какъ обыкновенно всякій годъ, мысяца на два, подобно деревянному кряжу, безъ всякаго дыйствія руками и ногами и размышленія, или же отъ боли въ кишкахъ неожиданно умереть антоновымъ огнемъ". 5-го декабря онъ вновь пишетъ что льстить себя надеждой предстать предълицо императрицы. Съ своей стороны императрида, въ письмъ отъ 30-го поября 1774 г. *, дозволила графу Панину прівхать въ Москву "тогда когда вы усмотрите что симъ перевздомъ вашимъ дъла тамошняго края разстройкъ не подвергнутся". Далъе Екатерина присовокупила: "предоставляя себъ, при свиданіи нашемъ въ Москвъ, объявить вамъ персонально мое признаніе и чувствительность о трудахъ вашихъ при бользненныхъ припадкахъ, о коихъ много сожалью".

Императрица прівхала въ Москву 25-го январа 1775 года. Былъ ли тогда Панинъ въ Москв, или оставался въ Симбирскъ? Разъясненіе этого факта не лишено интереса. Во всякомъ случать можно смъло сказать, что Панинъ, заявляя объ успокоеніи порученнаго ему края и тяжкой своей бользни, даваль поводъ къ его отозванію, по отозвань не былъ. Фактовъ доказывающихъ что онъ усиливался остаться при власти возможно долте, мы не имтемъ. Можно съ достаточною втроятностью заключить, что скорте графъ Панинъ былъ удержанъ на Волгь чтмъ удерживался самъ. Отозванъ онъ былъ 9-го августа 1775 года слъдующимъ рескриптомъ:

"Графъ Петръ Ивановичъ!

"Въ настоящее время, когда уже исчезли всъ безпокойства внутреннія, когда повсюду тишина возстановлена въ полной мъръ, да и когда прощеніе обнародовано, я увърена что вы чувствуете въ себъ душевное удовольствіе, видя съ нимъ купно окончаніе и той коммиссіи въ которой вашъ самопроизвольный подвигъ прославилъ въчно усердіе ваше къ отечеству, и о коемъ оказанную вамъ мою отличную признательность видъла уже публика. ** Я сіе вновь вамъ подтверждаю засвидътельствованіемъ моего благодаренія за ваши полезные труды, я увольняю васъ нынъ отъ коммиссіи

^{*} Допросы Пугачева, стр. 56.

^{**} Это, въроятно, говорится о нагрядъ Панина. Г. Лебедевъ приводитъ проектъ грамоты Панину: "Графу Петру Панину: 1) Полвальная грамота съ прописаніемъ его усерднаго желанія и прошенія о порученіи ему утишенія внутренняго бунта и веустройства, и что по полученіи команды, когда онъ распоряженіями свочим устремился возстановить тишину и покой, тогда, при самомъ началь его предводительства, Богъ благословиль его предпріятія поимкою злодъевъ; 2) За ревностный его поступокъ жалуется мечомъ, алмазами украшеннымъ; 3) въ знакъ монаршаго благоволенія крестъ и звъзда алмазные ордена св. апост. Андрея; 4) да на поправленіи економіи 60.000 р. с. "Стр. 128—129.

успокоенія внутренних возмущеній, которыя, Богу благодареніе! болье не существують, сльдственно и дыла объ оных прекращены, посль чего остается вамъ теперь упоманутыя дыла отдать губернаторамъ, или которыя куда подлежать, и быть впрочемъ благонадежнымъ что заслуги ваши не будуть никогда забвены, пока я не престану быть къ вамъ благосклонна."

Такъ закончился подвить Панина. Не забудемъ, при сужденіи о его дъйствіяхъ и тъхъ жестокостяхъ, къ которымъ онъ вынуждень былъ прибъгать, что сто лътъ тому назадъ нравы были грубъе, и невозможное въ наше время считалось тогда совершенно умъстнымъ.

Ставъ на эту точку зрвнія, мы совершенно понимаемъ, что графъ Петръ Ивановичъ Панинъ заслужилъ прозваніе "спасителя отечества", которое ему давали на торжественныхъ встрвчахъ при объезде имъ взволновавшихся губерній. Вызвавшись добровольно на тяжкій подвигь, онъ показалъ себя соответственнымъ требованіямъ минуты и не обманулъ возлагавшихся на него надеждъ.

дмитрій анучинъ.

приложенія.

I.

Собственноручный указъ императрицы Екатерины II, данный 14-го октября 1773 года генералъ-маюру Кару.

Изъ представленныхъ намъ рапортовъ отъ оренбургскаго и казанскаго губернаторовъ и письма къ президенту военной коллегіи отъ генерала-антефа князя Волконскаго, усмотрыли ны что быкавшій изъ-подъ карауда, содержавшійся въ Казани, бездальникъ, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, онъ же и раскольникъ, учина непростительную дерзость принатіемъ на себя имени императора Петра ІІ и обольстя въ жилишахъ Япикаго войска тамошній народъ всякими аживыми объщаніями, не только сдълаль, какъ пишуть, великое возмущеніе, но причиняєть смертныя убійства, разореніе селеній и самыхъ крепостей; и хотя губернаторами, какъ оренбургскимъ, такъ и казанскимъ, и помянутымъ генераломъ-аншефомъ, приняты къ захвачению его и пресъчению всего зав возможнайщия мары, о коихъ усмотрите вы изъ копій, которыя ны сообщить вамъ повельли; но дабы все оное произведено было съ лучшимъ услежомъ и скоростію, то повелеваемъ вамъ какъ наискорее туда отправиться, и принявъ въ свою команду, какъ тамо находящіяся войска, такъ и отправленныхъ изъ Москвы 300 человъкъ рядовыхъ, при генералъмајоръ Фрейманъ, да изъ Новгорода гренадерскую роту, равномърво жь, если въ томъ нужду усмотрите, Башкирцевъ и поселенныхъ въ Казанской губерніи отставныхъ, столько сколько надобность потребуеть, учинить надъ онымъ злодвемъ поискъ, и стараться, какъ самого его, такъ и заодъйскую его шайку переловить, и тъмъ всъ заоунышаевія прекратить. О спослеществованіи вамъ во всемь, въ чемъ только будетъ нужно, дали мы повельніе нашей военной колаегіи, и при семъ прилагаемъ къ казанскому и оренбургскому губерваторамъ отверстыя наши повельнія. Въ другихъ местахъ, где почтете вы за надобное чего-либо требовать, можете учинить то именемъ нашимъ: а Башкирпамъ и поседеннымъ объявить, въ случав когда ихъ употребите, что ревпостнымъ исполнениемъ по вашамъ распоряженіямъ помянутаго поиска окажуть они намъ новый опыть своего усердія и пріобрітуть себі особливое монаршее нате базговолегіе. Всабдъ за вами мы пемедленно отправимъ увъщательный макифесть, который вы сами, или же обще съ губеркаторами имвете тамъ на мъсть по усмотрънию публиковать.

II.

Божією милостію мы Екатерина II императрица и самодержица всероссійская проч. и проч. и проч.

Намему генералу и лейбъ-гвардіи маіору Александру Бибикову. Вамъ извітстно уже настоящее положеніе дійль въ Оренбургской губерніи, и степень неустройства, до котораго тамъ гражданское наме правленіе доведено измітною и бунтомъ, полвившагося подъ именемъ покойнаго императора Петра III, самозванца изъ бітлыхъ донскихъ казаковъ Емельяна Пугачева.

Чъмъ болъе интересуетъ общее Имперіи благо, безопасность, да и самую цълость оной, скорое и совершенное прекращеніе сего важнаго зла до послъднихъ его источниковъ, тъмъ надежнъе избираемъ мы васъ къ тому, яко истинато патріота, коего усердіе къ особъ нашей, любовь и върность къ отечеству, ревность къ нераздъльной службъ онаго и нашей, также отличныя качества, способности и дарованія испытаны уже нами во многихъ случаяхъ. *

Военной коллегіи дано уже отъ насъ повельніе снабдить васъ въ самой скорости, какъ достаточнымъ числомъ войскъ, такъ и всымъ нужнымъ къ составленію почтительнаго корпуса. Остальное время пребыванія вашего при дворь нашемъ послужить вамъ къ самоличному и кратчайшему сношенію и постановленію съ оною коллегією о послышныйшемъ и непремынномъ на извыстные сроки доставленіи вамъ и того и другаго, дабы у васъ, по собраніи въ удобныйшемъ мысть, по собственному вашему усмотрынію, всыхъ частей назначенныхъ въ команду вашу войскъ, послы къ прямому съ оными дыйствованію ни въ чемъ остановки и недостатка быть не могло.

Самое же употребленіе ттять войскъ, равно какъ и встять другихъ пособій къ достиженію желаемаго предмета, ввтряя на основаніи государственныхъ нашихъ гражданскихъ и военныхъ законовъ съ полною довтренностію собственному вашему благоразумію и усмотртнію впредь на мъстъ прямаго теченія дтять, восхоттяли мы между ттять, для преподанія вамъ заранте встять отсюда зависящихъ удобностей, снабдить васъ при семъ: 1) отверзтымъ за подписаніемъ нашимъ указомъ ко встять нашимъ духовнымъ. военнымъ и гражданскимъ властямъ, дабы каждый изъ нихъ по требованіямъ вашимъ чиниль скорое и точное исполненіе; 2\ печатнымъ манифестомъ

[•] Это введеніе вошає въ посатедствіи от слова до слова и въ рескриптъ графу П. И. Панику.

для открытія глазь ослівляєнной черки и для испытанія, не удастся ли симь способомь кротости и надеждою совершенняго вы минотедшемь прощекія обратить на истинный путь если не всімь, по крайней мірів нікоторую часть сообщинковь самозванда Пугачева. *

Разствине сего макифеста между толпами бунтовщиковъ и въ ихъ окрестностяхъ имъетъ натуральнымъ образомъ быть долгомъ перваго вашего попеченія, слъдовательно же и предшествовать приготовляемому на нихъ удару встми вамъ порученными силами, дабы между тъмъ въ духи ихъ вселить къ самозванцу презръніе, а другъ къ другу взаимную недовърку, чъмъ они скоръе всего сами собою разсыпанію и истребленію своему воспособствовать могутъ.

Лая сего, для полученія безпосредственными образоми в'ярных свължній о происходящемъ, для аучтаго по опымъ размера и расположенія рішительных ваших мірь, и для удобивитаго совокупленія и обращенія въ ту сторону, гдф большая надобность будеть, назначенныхъ въ команду вашу войскъ, почагаемъ мы, что на первый случай приличные всего вамъ будеть отправиться отсюда прано въ Казань, и ожидая тамъ прибытія войскъ, наблюдать бдительнымъ окомъ все движенія и вредначинанія возмутителей, дабы повнавъ прямо ихъ силы, ихъ связь въ земай, ихъ ресурсы въ проnutariu, ихъ впутреннее между собою управленіе, словомъ, физичеckoe u modadence une nosomenie bo beder ubetre oraro, nocat ce тъмъ бозьшими выгодами поднять на нижь оружіе и дъйствовать наступательно съ тою поверхностію, каковую мужество, просвещепісмъ и искусствомъ руководствуемое, доаженствуєть всегда имыть предъ толою черни, движущеюся однимъ бурнымъ фанатизма духовнаго или политическаго вдохновеніемъ и помраченіемъ.

Между тыть для употребленія въ пользу и для благовременнаго на всякій непредвидимый случай приготовленія всякъ въ существы вещей возможныхъ пособій, поручаемъ мы вамъ созвать къ себы все въ Казани и въ окрествостяхъ сего города находящееся дворянство, и объява опому въ корпусы монаршее наше благоволеніе, изобразить туть же живыми красками настоящее быдственное состояніе сосыдственнаго ихъ края, опасныя изъ онаго родиться могущія слыдствія, какъ для общей тишины, такъ и для частной ихъ самихъ безопасности, слыдовательно же и надобность, чтобъ каждый по состоянію своего званія, силь и достатка воспособствоваль дыйствительнымъ образомъ прекращенію столь вреднаго бунта и злодыйства, присо-

^{*} Этотъ манифестъ, начинающійся словами: "Нътъ да и не можетъбыть въ сертъ общества" помъщевъ въ приложеніяхь, какъ къ Запискать о фоизни и слуфбо Бибикоса, такъ и къ Исторіи пугаческаво бунта, но въ объихъ книгахъ отибочно отнесенъ къ 23-му числу декабря: онъ подписанъ 29-го поября и напечатанъ въ числъ 1.200 экземпляровъ-(Государственный архивъ, сенатокія дъла, книга № 136.)

Bokynana gaabe ore cooctrennero Bamero umenu u auua, uro kake бавгородное дворянство есть во всякомъ великомъ обществъ такой корпусъ, который всю свою отличность и знатность предъ народомъ взаимствуетъ отъ единой существительной общей надобности непремъпнато обузданія и содержанія опаго въ порядкъ, и который лично каждымъ членомъ онаго не инако пріобратенъ, какъ въ праведное и достойное воздание оказанных имъ саминъ или предкани его услугь въ службъ и защищении отечества; слъдовательно же, по самому существу сего звакія его, и не можеть ни въ какихъ другихъ обстоятельствахъ настоять для него столь близкаго и свойственнаго долга и обязательства, какъ въ такомъ случав внутреннаго раздора и мятежа, гда червь, низвергая съ себя законное государю и верховной его власти повиновеніе, дерзаеть явно и вооруженною рукою возставать противу оной; то и вамъ нынь, ако отъ васъ уполномоченному, къ прекращенію настоящаго бъдствія не меньше надъяться и ожидать должно, что и они, сколько подражая достохвальному примъру предковъ своихъ, столько же и сами гора къ отечеству истинною любовію и непоколебимою верностію, поттатся оказать себя истинными сынами и защитниками онаго, чрезъ вооружение по возможности накотораго числа людей своихъ и чревъ свабжение отъ себя всякими припасами, дабы по первому вашему въ случав крайней нужды призыву, каждый изъ никъ могь къ вамъ явиться съ готовыми людьми, съ готовымъ оружіемъ и готовымъ пропитаніемъ для отраженія и пресеченія опаснаго и поноснаго букта черки, такъ больше что въ семъ случав интересованы въ высшей степени собственная ихъ и семей ихъ личная безопасность, безопасность ихъ имъній, да и самая ць 40сть дворянскаго корпуса: ибо не можеть имъ быть закрыто, что дворяне и чиновные люди, попадшіеся до пынь по несчастію въ руки матежниковъ, всь безъ изъятія и безъ мальйшей пощады преданы лютьйшей и попосной смерти, котораго жребія патурально и они всю одинь по другонь ожидать долженствують, еслибь, оть чего Воже сохрани, возотание и матежъ черни при самозванив Пугачева иногда собственнымъ ижъ пераденіемъ и небреженіемъ могь переступить пределы Оренбургской губеркіи, и заразить ядомъ своимъ Казанскую.

Впрочемъ, повторяя- что мы вамъ съ подною и неограниченном довъренностію ввъряемъ изысканіе и употребленіе всякихъ средствъ и мъръ къ прекращенію возрастающихъ теперь безпокойствъ, по лучшему вашему на мъстъ усмотрънію представляющихся тамъ удоблюстей, и во всемъ пространствъ государственныхъ нашихъ воемныхъ и гражданскихъ законовъ, уполномочиваемъ мы васъ сверхътого дълать отъ себя и собственнымъ вашимъ именемъ всякія письменныя и печатныя публикаціи, если вы когда въ томъ нужду признаете для пользы и поспъществованія порученнаго вамъ дъла толикой важности.

Да будеть вамь баагодать Всевышнаго спутникомъ и руководителень. Мы же усердно объ овой моля, пребываемъ вамъ за тамъ императорскою нашею инлостію благоскловны. Дамъ въ С.-Петербурга, молбря 29-го дня 1773 года.

Получеть 1-го декабря 1773 г.

Ekamepuna.

Ш.

Рескриптъ генералъ-поручику князю Щербатову.

Чрезъ допесенія ваши извъстились мы, какъ о смерти генерала Вибикова, такъ и о воспріятой вами по немъ, въ качествъ старшаго военачальника, главной команде надъ войсками предводительству его вверенными, до полученія впредь оть насъ новыхъ повеленій, поручаемъ мы вамъ прикять между темъ главкую вадъ сими войсками команду, и вести по темъ же самымъ основаніямъ, кои отъ покойнаго генерала Бибикова толь благоразумно и удачливо распоражены были, дабы инако не остановить теченія и исполненія всего діав. Но какъ порученная покойному Бибикову коммиссія въ разсумденіи переменившихся ныне обстоятельствь вы гораздо лучшее подожение приведена, то находимъ мы за нужное, предписать вамъ къ руководству вашему на первой случай следующее: 1) чтобы вы продолжали неусыпно поражение и преследование бунтовщиковъ вооруженно воюющихъ и не пропускали ихъ въ околичныя губерніи, а притомъ ко крайней возможности старались приводить въ повиновеніе отложившуюся чернь. 2) Чтобъ вы въ возстановленіи нужнаго устройства съ повсемъстною тишиною, предоставляли однакожь губернаторамъ, каждому въ его губерніи, яко истинному оныхъ хозаину, и состояніе людей и правовъ лучше знающему, главивищее попеченіе, по собственному каждаго въ своей части лучшему усмотревію. З) Чтобъ для сего безпреставное имели вы сношеніе съ окрестными губернаторами, и по ихъ требованіямъ подавали имъ воинскую помощь, не теряя изъ вида главнаго вашего предмета въ первомъ пункте описаннаго, требуя взаимно и отъ губернаторовъ ихъ способствованія вашимъ деламъ и тогда где того истинная польза службы нашей требовать будеть. 4) Чтобь вы строгими отъ себя грамотами требовали отъ Башкирцовъ выдачи Пугачева, изъасвяя имъ всю гнусность его злодейства, и жестокость праведной имъ отъ законовъ мести, есть ли они его укрывать станутъ или же чать своихъ рукъ упустять и не возвратятся добровольно въ повиновеніе монаршей нашей власти, съ объщаніемъ напротивъ въ семъ посавдженъ случав всемилостивейшаго отъ насъ прощенія ихъ вины, а притомъ и награжденія за поимку и выдачу здодея Пугачева,

причинствовавшаго толикому раззорънію, и толикому пролитію вевинной крови. Мы ожидаемъ несомнънно отъ вашей върности и усердія къ службъ нашей что вы благоразуміемъ вашимъ сдъласте себя наиваще достойнымъ какъ нашей монаршей милости, такъ и общаго почтенія.

Что принадлежить до произвожденій по вверенному вамъ корпусу, оные долженствують теперь идти обыкновенною дорогою, почему и имеете вы при каждомъ случаю о достойныхъ представлять въ те места, куда то следовать можеть. О чрезвычайныхъ расходахъ имееть тоже разуметься, по колику на то времени доставать будеть; но для случаевъ онаго не сносящихъ определяемъ мы вамъ чрезъ сіе изъ казанскихъ доходовъ пять тысячъ рублей, изъ коихъ и позволяемъ мы вамъ чинить нужные расходы по собственному вашему усмотрению тамъ гле нужно будеть. На столь же определень вамъ по триста рублей на месяцъ, пока сія ваша коммиссія продолжится, и пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Дамъ въ Царскомъ Селе мая 1-го для 1774 года.

IV.

"Князь Михаилъ Никитичъ.

Извъстіе о запятіи Курмыша заодъями къ сожальнію моему получила сего вечера и не сумнъваюсь, что они стараются пройдти къ Москвъ, и сумнительно, чтобъ они пошли къ Нижнему. Но думаю, что они прямо къ вамъ пойдутъ, и для того не пропустите никакого способа, чтобъ отвратить сіе несчастіе. Я сего вечера изъ Новгорода седьмой полкъ, а именно лейбъ-кирасирскій, еще къ вамъ отправить приказала. Сверкъ того совътую вамъ призвать къ себъ московскихъ дворянъ или по крайней мъръ таковыхъ изъ нихъ, кои надежны быть могуть на своихъ людей или же вооруженныхъ имъютъ, и предложите имъ отъ себя, чтобъ они по примъру предковъ своихъ вооружили колико могутъ надежныхъ людей для общей отъ злодвевь обороны. Можайскіе дворяне во время посавднаго московскаго матежа готовы были во время язвы идти къ Москвъ. Я чаю, они и нынъ не откажутся отъ сей службы. На Москвъ, чаю, найдется много и таковыхъ, кои служатъ и служили: ваше дело разбудить ревность везде туть, где она быть можеть, и, чаю, никто не откажется ее въ семъ случав оказать. Употребите вськъ текъ, кои способны быть могуть, гдебъ употреблены на были для общей обороны. Съ моей стороны же ничего не оставлю, чтобъ зау сему сдваать конецъ. Неужели чтобъ съ семью полками вы не въ состояніи найдетесь Пугачева словить и прекратить безпокойствіе? Я надъюсь, что Чорба къ вамъ прівхаль. Я фельдмарmany приказала генераль поручика Суворова прислать къ вамъ начскоръя. Боже дай, чтобъ все въ скоромъ времени прекратилось, въ чемъ и вадежду имъю на святую Его велю."

Іюля 28-го 1774 г. изъ Петергофа.

"Я вадежду имъю на Петра Дмигрієвича Еропкина, что онъ вамъ весьма корошій и усердный помощникъ будеть въ семъ случаъ. Скажите ему сіе отъ меня. Я увърена, что дъломъ и совътомъ онъ васъ не покинетъ."

V.

Письмо президента военной коллегіи графа Захара Чернышева императрицѣ Екатеринѣ II.

Всемилостивъй тал государыня.

Высочайтая довъренность вашего величества ко миъ, должность и особливое усердіе мое къ освященной особъ вашей, подвигомъ искренной предъвами моей откровенности (?), и такъ, котя не знавъ на какомъ основаніи будетъ учрежденъ совътъ, однакожъ въ опомъ, по миънію моему, быть необходимо: графу Никитъ Ивановичу, графу Григорію Григорьевичу, графу Мордвинову, князю Вяземскому, одному изъ военнаго департамента и вице-канцлеру.

Вашего императорскаго величества всеподданнъй тій рабъ. Графъ З. Черны шевъ.

VI.

Всепресвътлъйшей державнъйшей великой государынъ императрицъ Екатеринъ Алексъевнъ самодержицъ, всероссійской государынъ всемилостивъйшей.

Отъ полковника царицынскаго коменданта `Цыплетева

Всеподданный тее подношение.

Вашему императорскому величеству всеподданный стъ меня донесено о преодолени злодемъ, изменникомъ, государственнымъ возмутителемъ Емелькою Пугачевымъ, Донскаго полку Кутейникова, о взятой въ пленъ полевой команде и отступлени Калмыкъ, и что сей варваръ, бывъ задалеко отсель, скоропоспетно маршируя, требуемыя войска приходомъ своимъ упредилъ, и находится съ 17-го августа волскаго войска въ городке Дубовкъ, разстоянемъ пятьдесятъ три версты отъ Царицына. Известно чрезъ пленныхъ, что всю толну обнадеживаетъ неотменно взять Царицынъ. Со взятою отъ полевой команды и въ Дубовке артиллеріею считаютъ у него до

PRIMETU VETINDELL UCNDABRAIXL ODVAIÜ; SANACAIOTL CHADRIAL, MOTURNвають и вновь двамоть авфеты, по усердію къ вему измінниковь въ Саратовъ передавшихся фуземеровъ; а потомъ происходимо съ другой стороны Дербетевы Калныки, кочующие въ степяхъ, распространясь къ Дону и къ Волгь, и къ Калмыкамъ другихъ владъльцевъ, начали злодействовать, бить до смерти, грабить, отговать скоть (подобно какъ въ 771 году при побъть въ Китай), такъ что подъ Цариныномъ виз города ничего не оставили, скотъ весь безъ остатку отогнали; сады, мельницы, загородные домы жтаи и палыя деревни раззорили, и привели въ последнюю нищету, отчего городъ быль приведень въ уныніе, а оть злодейского нападенія приходили въ опасность, саыша что еще и силь умножиль, домогся злодей вызвать къ себъ показанныхъ нашихъ Дербетевыхъ Каамыкъ; самъ владелень Исидень, съ толною тысячахь въ трехъ, къ нему въ Дубовку примодъ. Отъ сего страху дюдей своихъ и гражданъ я ободряль и приводиль въ единомысліе, обнадеживая ихъ высочайшею вашего императорскаго величества милостію, что за ихъ храбрые поступки безъ награжденія не останутся, а требованія мои о поспізmeniu къ войскамъ,—знавъ о господинъ Багратіонъ что 19-го чисав находился въ семидесяти верстахъ-такъ и къ донскимъ полковникамъ умножаль, объявляя сію нужду; изъ техъ собираемыхъ мною донской полковникъ Василій Манковъ первый о себъ даль знать, что онъ 18-го августа находится подъ толпою тронувшеюся изъ лагеря въ Дубовку, имълъ въ виду злодъя и смотрълъ куда овый клонился, давая о томъ знать, а при томъ браль и присылаль сюда азыковъ до десяти человъкъ, доставая изъ его партіи и изъ-подъ самой Дубовки отт ихъ огней и изъ-подъ садовъ, чрезъ которыхъ оказалось что стремится ко взятію Царицыва, а 20-го августа, какъ ваодъй изъ Дубовки вышель, и Манковъ подвинулся ближе, то съ Дону полковники прибыли Өедөръ Кутейниковъ (который былъ на сраженіи съ заодвемъ при рычка Прольйка подъ командою княза Дукаукова), Василій Грековъ, Григорій Поздвевъ, Карпъ, Михайло и Вараамъ Денисовы, постешая кто только могь набрать небольтое число людей, не съ полными полками, но еще покуда профадъ свободенъ, прибавлялись казаки сами въ ихъ команды, получа здесь порокъ и свинецъ, собранись въ соединение къ линейному атаману Василію Перфилову, стерегли злодвя на пути чтобы въ дефилеять препятствовать, но того жь, 20-го, на вечеръ, на нижь заодъйская толпа обратилась конницею въ великихъ силахъ съ Калиыками, и было сраженіе; три раза прогоняли до ихъ пушекъ, на состоящій отъ Царинына верстахъ въ пятнадцати станъ, а за наступасніемъ почи, остава сраженіе, атаманъ и полковники собрались ко мить, объявили что у нихъ храбраго полковника Кутейникова увезли и убили, но после въ 25-й день онъ, Кутейниковъ, израненый, вышелъ на Царивынскую ацию, избавился ота влодения тема, кака его

звалъ Емелька въ свою толпу, то опъ, изъ усердія къ отечеству, не убовася смерти, отрекся, за что и приказано застрелить, что съ нимъ и учинено. Какъ ударили пулею въ бокъ, будучи падъ самымъ буяракомъ, свалился подъ гору живой, притаясь за-мертво, а по уходъ толов, едва позволило ему отъ ракъ дойти до линіи, при чемъ оки, атаманъ и полковники, единогласно увъряли, по убити-де Кутейникова, полкъ его тропулся и все казаки роптали, а другіе пачали уходить, по причина что не подкраплены регулярною конницей и путками, зная о Багратіонь, еслибы шель, то послышить ему было можно. А 21-го числа овые старшины письменно рапортовали что уходъ казаковъ умножается, чемъ навели на всехъ страхъ. И такъ я выважая обще съ старшинами, уговариваль стоять подъ пушками и производить дело, не пропуская случаю, чемъ успокоились и были при всемъ происхождении неотступны, имъя подъ влодъйскимъ дагеремъ заставы, гдв и состоящій въ непременной квартире отъ Астражанскаго драгунскаго полку берейторъ Коровинъ, съ своею командой отъ самой Дубовки имъль разъездъ. Подаваясь своимъ постоит къ Царицыну, доставая языковъ, присылалъ еюда, и какъ уже съ сего мъста тронулась шайка, онъ вступиль въ крыпость, давъ знать, и казаки подтвердили, въ которое время зажженъ форштадтъ, сгорълъ съ соляными амбарами, до прихода злодъя, потому что быль во вредъ крипости, а до самаго прихода спасался въ чаяпін томъ что не будеть ли иногда злодью отраженія, но уже имъя предъ крипостью, соблюсть не слидовало.

Что происходило въ 21-й день августа, появился изменникъ толпами предъ крепостью на вышинахъ, по полудни въ часъ отъ него вправо, переходя въ самой скорости линію, строился конный фронтъ тысячахъ въ шести или болье, а внутри оной превеликія толпы, занимая мъста, и скоро поспъшно по множеству орудій поставили meсть батарей, въ томъ числе одна изъ двенадцати орудій, по koторымъ и по фронту съ Богомъ начата со всей крипости пушечная пальба. И тотчасъ фронть, цваьноштыкъ-юнкеромъ Ушаковымъ и съ другихъ батарей несколькими выстрелами, разорвался, подаваясь за динією всю половину крыпости обнять, въ кое время отрядь отъ господина Багратіона малороссійских казаковъ во ста человакахъ, московскаго легіона при ротмистръ Степанъ Савельевъ, несмотря на опасность, прибыли въ крепость, а Багратіонъ съ Ростовскимъ карабинернымъ полкомъ и съ казаками отсталъ. Вида казаки разстройку и намереніе заодейское, вступили въ сраженіе, по храбрости ихъ начальниковъ, которые сами схватывали злодейскихъ лицкихъ нафадниковъ и значки и присывали въ кръпость, не давъ мъста стать фронтомъ. Съ правий часъ будучи при остаткажь съ мааыми аюдыми сражение происходило, ихъ толпу съ мъстъ сбивали, а притомъ на другія толпы съ батарен били, чемъ вся сія половина

Digitized by Google

кръпости стала очищена, но казаки прочее время дня и половины почи то отрядами, то и всъ сокрушали злодъевъ, доставали паънъ, и били ихъ вдали.

Съ батарей заодъйскихъ сколько ни стремились и скоростръльною пальбой по исправности передавшихся въ Саратовъ измънниковъ артиллеристовъ дъйствовать, обсыпали кръпость по всему строенію, да и за нее переносило въ Волгу, ядрами и десяти-фунтовыми гранатами, и одного пуда бомбами. Съ начала втораго по седьмой чась пополудни, напротивь же отражение злодею и сбиваніе батарей съ крыпости изъ разныхъ орудій, а болые изъ двынадпати и шести фунтовыхъ пушекъ и трехъ пудъ мортиръ безпрестанно продолжаемо было искусствомъ здешней артиллеріи маіора Харитонова. Самъ онъ съ своей батарен подорваль у злодъя ащикъ и сбилъ батарею, такъ и прочіе батарейные начальники противъ сего нужнаго мъста. Штыкъ-юнкеры Ушаковъ, Харковъ, сержантъ Чепцовъ, цейхтреберъ Власовъ, дъйствовали цельно и сбивали батарец, то переменяя места изъ малыхъ буераковъ открывали стремьбу. По способности же что оные отверзты къ нашивъ батареамъ тотчасъ поражены и какъ по всей вышина не дано больше маста, потанулся съ артиллеріей на плоскость къ Волгъ, чтобы пользоваться берегомъ, что примътя мајоръ Харитоновъ и артиллеріи фузелернаго полку свободившійся изъ Саратова капитанъ Иванъ Елчинь, тотчась съ своихъ батарей пустя частые выстрелы, не давъ мъста, да и какъ скоро оказывались толпы, то исправностию артиддеристовъ сбиты быди. По объявленію планныхъ, у злодвя артиллеристовъ и конницы перебито и ранено довольно, и такъ въ сельмомъ часу уже совствит за горы скрылся. Въ ожидании мы были въ ночь атаки, всъ готовились къ отпору, ибо непримътно за горами было его отступленіе, а на горахъ остатки конницы показывали себя что вадобно быть ихъ лагерю. Но казаки, осмотря, привезли обстоятельное свъдъніе что въ закрытіи отъ крыпости совськъ на низъ по Волга тянется обозомъ; на Волга же поставленною брантвахтой захватили суда и лодки, на которыхъ сволочи боле тысячи было, не дали имъ спуститься къ злодею; оные за Волгой актубъйскихъ шелковыхъ заводовъ въ селеніяхъ бывъ крестьявъ возмутили, и такъ Царицывъ сверху Волги волжскимъ войскомъ, своими жителями, къ Дону кочующими Калмыками, да и за Волгой крестьянами, окруженъ измънниками.

Съ тъхъ воровскихъ судовъ, съ батарей нашихъ поставленныхъ на судахъ, много кратъ злодъи сбиваны уходили къ показаннымъ крестъянамъ, а остатки отстръливались изъ пушекъ, но какъ миновалась въ кръпости опасность, тамъ заняты посты, давъ скопиться на суда всей сволочи атаковали, откуда самые злодъи 25-го числа додками ушли вверхъ, прочіе отдавались въ руки, а невольники, въ

числь коихъ первой полевой команды прапорщикъ Лаптевъ съ солдатами двънадцатью въ Щарицынъ вывезли съ собой невольницъ, тесть дъвицъ, пущенныхъ сиротствовать по погубленіи отцовъ и матерей, въ томъ числь покойнаго бывтаго саратовскаго коменданта Юнгера три дочери и племянница, а мать ихъ убита, да и они видъли много кратъ смертные страхи, какъ то злодъи живыкъ не покидаютъ, но прапорщикъ съ солдатами, видя въ страхъ измънниковъ, взялъ на себя отвозъ сихъ невольницъ и поъхалъ особою лодкой, въ дорогъ отсталъ, тъмъ себя и ихъ спасти могъ.

При сихъ заодъя дъйствахъ какъ въ кръпости, такъ и на водъ, убитыхъ никого съ нашей стороны не было, но во вредъ во многихъ мъстахъ кръпость зажигали гранатами и бомбами. Сей непріятельскій огонь отряженною зарань командой маіоръ Шапкинъ утуmaaъ скоро, и пичего сгоръть не допущено, кромъ что на одной батареи взорвало трехъ-фунтовыхъ зарядовъ десять, въ капіярмусъ пудъ порожу, и никого не повредило, а на другой съ двадцать четвертаго выстрвая разорвало пушку, опалило и ранило бомбардира. Апрочіе артиллеристы и всф трудившіеся при артиллеріи и на постахъ штабъ- и оберъ-офицеры до посабдняго создата, купечество и обыватели, вооруженные занимающие посты, слава Богу и счастиемъ вашего императорскаго величества, доказывая вепобъдимое оружіе, крепость и сами себя соблюди безвредно, а притомъ каждый и обте всь въ добромъ духь сіе избавленіе торжественно праздновали съ благодарнымъ Господу Богу о здравіи вашего императорскаго везичества моленіемъ. Видя приводимыхъ въ пленъ и выбегающихъ отъ тамошней нужды самихъ собою, что избавились отъ таковаго несчастія, почитають себя счастливыми, что хвалящагося овладіть городъ заодъя съ урономъ отвратили. Болъе дву тысячъ какъ побитыхъ, такъ закваченныхъ и не пропущенныхъ на судахъ лишился. А посав его, савдомъ, чрезъ сутки, съ деташаментомъ господинъ полковникъ Михельсовъ съ подполковниковъ кавалеровъ Муфелевъ, жаюромъ графомъ Меданнымъ, 22-го августа Царинынъ просабдовааъ и въ ночь въ прибавокъ донскихъ всехъ (и волжскихъ собравшихся охотно) взявъ съ собой, поднялись въ походъ, и саышно злодвя пресавдоваль, да и планныхъ изъ злодейской толпы прислано отъ него, Михельсона, сто девяносто человъкъ; о дальнихъ же успъхахъ еще неизвъстно.

Требуемые мною донской старшина и атамать Абросимъ Луковкинъ сюда не подоспъли, вмъсто того пользу и хвалу заслужили отраженіемъ появившихся около донскихъ станицъ злодъйскихъ партій, причиняющихъ во многихъ мъстахъ раззореніе, двъ тамъ на корень истребилъ онъ, Луковкинъ, а одное человъкахъ въ восьми стахъ, отправившуюся къ злодъю, на царицынской линіи преслъдовавъ полковникъ Алексъй Иловайскій разбилъ; побито болъе пяти сотъ человъкъ, въ плънъ взято до дву сотъ, доставлены въ Царицынъ; какъ атамана, такъ и полковниковъ съ нимъ прибывшихъ,
Алексъя Иловайскаго, Петра Кулбакова, Максима Янова, Андрея
Вуколова и походныхъ есауловъ: Матвъя Гревцова, Андрея Поздъева, толикіе храбрые поступки, скоротечные успъхи въ высочайшее
вашего императорскаго величества матерное благоволеніе представить осмъливаюсь.

Мит же, кромт всей заботы въ призывании войскъ на отражение, больше всего стоило труда въ приведении у себя людей изъ заблужденія. Но какъ я ихъ увидель всехъ противь злодея въ единодутіи что бодрствовали и возненавидя желали искоренать и храбры былы въ двав, и я благонадежно ими уже командоваль, объезжая водавствиъ всю крепость, а паче противъ атакованныхъ батарей подъ самыми выстремами становимся на батареи, сколько можно подавамъ примъръ во всъхъ случаяхъ собою, а притомъ споспъществующихъ разсматриваль. И могу честь приписать по неусыпнымъ трудамъ артиллеріи маіору Харитонову... капитану Ивану Елчину, подпоручику Ильину, штыкъ-юнкерамъ Ушакову и Харькову, бывтимъ при артиллеріи гарнизопному маіору Бутыркину, да по жеавліямь бывшимь межевщику оть фаота аейтенанту Григорію Колпенскому и отставному, состоящему въ штать при шелковыхъ заводахъ, капитану Свербеву, мајору Куткину, инженеръ-поручику Муханову, трудившимся при укръпленіи съ кондукторомъ Духонипымъ и при всей командъ были при батареяхъ за исправное вхъ дъйствіе изъ артиллеріи и за неустратимость, а воеводскій товарищъ мајоръ Фатьяновъ не только за бытіе при артиллеріи съ его пеустрашимостію подавая примеръ всекть ободрямь и скорому действію своими руками въ подвозъ пушекъ съ употребленіемъ къ тому своихъ подкомандующихъ помогалъ и самъ изъ путекъ страллъ, исправно трудясь во все время на семъ поста откровенно противъ

И гарвизовных баталіонов два командира, князь Андронников и Анненковь, баталіоны свои въ порядки къ отпору содержали и поощряли солдатъ ходя по всъмъ опаснымъ мъстамъ, а другіе маіоры, командуя ротами, Козадаевъ своими солдатами укръпаенія
исправляль, князь Андронниковъ съ первымъ баталіономъ противъ
атакованнаго мъста стоя подъ выстрълами его, маіоръ Тимашевъ
пеустрашимость солдатамъ, какъ они изъ рекрутъ, показывая хожденіемъ предъ ними на валу, ободряль содержа ихъ на своемъ комтъ. Увърили о злодът. А сверхъ того денно и ночно при мит всякой
разъ онъ, Тимашевъ, при воинскомъ распоряженіи быль и трудился
по моимъ приказамъ скоропоспътно и безъ упущенія. Венцель,
Шапкинъ, Слицевъ, Петровъ, Шапулинъ, Фонгревсъ, капитаны и
прочіе офицеры въ расположенныхъ мъстахъ каждый наблюдали

свои должности по присягь. Сверхъ того въ приведени солдать въ бодрость духа ими доволенъ. Маіоръ Титовъ, во время команды іздя на лошади, успіваль все видіть и мит рапортовать, повравляя р ободряя всіхть вооруженныхъ солдать и купечество съ обывателями, и на судовыхъ батареяхъ онъ, Титовъ съ маіоромъ Шивулинымъ, різнили взятье злодійскихъ судовъ, и такъ все находилось въ порядкі, тишині значило, что готовъ каждый на успіхть за отечество. Изъ купечества бургомистръ Клюевъ и ратманъ Сыромятниковъ, сами приміръ показывая, купцовъ своихъ увіщевали и ночевали со всіжи вооруженные во фронті, на постахъ несли ровную службу противъ солдать.

Къ пользъ кръпости въ полъ съ неустращимостію исправляли саужбу: подвоситель сего берейторъ Коровинъ съ драгунами человъкахъ въ семи, донскіе: походной атаманъ Василій Перфиловъ, полковники: Василій Манковъ, Василій Грековъ, Григорій Поздвевъ, Карпъ, Михайло и Варлаамъ Денисовы, все овые сколько силъ ихъ было храбростію заслужили, а Манковъ доброю диспозицією, доставаніемъ языковъ, есауль его полку Желтухинъ, Волскаго войска есаудъ Савва Тараринъ, изъ Саратова будучи гвардіи отъ поручика Лержавина подъ Петровскъ отправленнымъ на сикурсъ, при измънъ казаковъ заколовъ дву человъкъ, избавился, также и парицынскій natuaecatruka Asekcanapa Ilpotononosa, npetepna natuenie npu noseвой командь у заодея, бъжват чрезъ сутки и противъ его да и недавно врибывній отъ Багратіона Московскаго легіона ротичетръ Степанъ Савельевъ съ Малороссійскими казаками совокупно съ Донскими подъ крепостью сражение вообще всеми силами и неустращимостью продолжали, а особливо Донскаго войска полковникъ Оедоръ Кутейниковъ, какъ на сраженіять подъ командою князя Дундукова и 20-го числа въ другой разъ быль и при взятіи въ плень претерпя смертвый страхь и раны присаги не отрекся. Каковые всяхь вышеписанныхъ чиновъ крабрые поступки, а другихъ доказанную неустрашимость и трудъ, чемъ все и решено, какъ артиниерія такъ и казаки оказали въ отбитіи отъ стень злодья великія дела, убивая злодесвъ. Вардамъ Денисовъ почти въ рукахъ былъ подвявшаго оружіе со вначкомъ заодъя, проворно отвель, отпявь значекь, убиль вора, и представиль значекъ и плъннаго япркаго навздника, такъ и везъ; арочіе старшины на такъ пускались кто паче другихъ въ сражевіи, убивали и живыхъ представляли, работая 21 весь дель и до доловины ночи, много плену пригнали, да и 22-го числа пленъ умноmuau, uto ece kake ee kpanoctu take u ee noat, ekanouaa u na eoдь, происходило съ успъхонъ перадочно, вашему императорскому веничеству предаю въ высокоматернее и высочайшее благоволеніе.

За которыя заслуги здашнихъ раззоренныхъ гражданъ Дербетевыми Казмыками, какъ они у заодъя получили не малую выдачу денегъ и своимъ достаткомъ избыточны, а притомъ и воровски взятое имъютъ у себя, то страждущихъ и разворенныхъ за всъ убытки не соизволите ли ваше императорское величество высочайте указать удовольствовать взысканіемъ съ тъхъ Калмыкъ, чего бъдные рабски и испративаютъ.

Вашего императорскаго величества, всемилостивъйная государыня, всеподданнъйшій и всенижайшій рабъ полковникъ царицынскій комендантъ

Шыплетесь.

26-го августа, 1774 г. Царицыя».

VII.

Объявленіе Панина.

"Симъ каждый уведомаяется:

"Несонивнио всякому обитающему въ Россіи уже извъстно о причиненных заодъявах бытавго съ Дону казака Емельки Пугачева, подъ самозванствомъ въ имени давно уже скончавшагося императора Петра III, на истребление котораго съ возженными отъ него бунтами всемилостивъйше отъ ея императорскаго величества миз препоручего главновачальство надъ всеми отряженными къ тому намеренію войсками. А какъ Вожішнь промысловь, благословляютимъ все деякія катей августейтей великой императрины высочайшимъ ся величества счастісмъ, върпостію, не утомленными трудами, и храбростію врученныхъ мив войскъ, сей государственный врать, самозванець и изменникъ Пугачевъ, со всею его бунтовщичьею толпою минувшаго августа 25-го числа не только разбить на голову между Царицыновъ и Червымъ Яромъ, и принужденъ былъ съ малымъ весьма числомъ присвыхъ наперсвиковъ броситься ко исканію еще cnacenia своей прокаятой жизни въ саратовскія степи, но и тамъ отъ пресавдующихъ нашихъ неутомаенныхъ воиновъ и истинныхъ сыновъ отечества, принужденъ былъ сентябра 14-го чисаа при ръчкахъ Узени впасть въ ихъ руки, и теперь окованный подъ стражею отъ мена отраженною содержится и везется къ поayyenio sa ero 6essakonia u saogbania sacaykennoŭ kapm, ott npaвосуднаго престола благополучно владвемаго нашею законною великою государынею, каяся самъ, какъ въ своихъ проклатыхъ окаянствахъ, такъ и въ томъ что онъ истинный казакъ донской Емельянъ Пугачевъ, бътлой и воспріявшій самозванство имени императора Петра III для бунтовщичьяго своего токио злонамфренія. Я симъ о томъ извъщаю, дабы каждый обитающій въ Россіи, спознавъ сію истину во всей точности, не только никогда не впадаль въ какіяаибо поползновенія по происходимымъ объ ономъ разглащеніямъ, ве чтобъ каждый по долгу върности ко владоющей своей государынь и къ отечеству, всякаго икогда о томъ вредно разглашающаго, или спознавши укрывающихся изъ сообщниковъ сего государственнаго бунтовщика, 40вя, представлять къ начальствамъ, яко сущить из мънкиковъ и враговъ всей Имперіи, съ тъмъ что кто поподяются разглашеніямъ о семъ искорененномъ уже самозванцъ и бунтовщикъ инако върить, нежели здъсь самая истина о немъ объявляется, или кто дастъ у себя укрывательство сообщикамъ онаго самозванца, или же въдая, гдъ нъкоторые, можетъ быть малые остатки изъ разсыпавшихся пристаютъ, и о томъ не объявитъ, тотъ каждый будетъ признанъ въ равномъ противу государства злодъяни какъ самъ бунтовщикъ, и будетъ оружіемъ ея императорскаго величества безъ всякой пощады до самаго его истребленія, или до поижки къ заслуженной казни, по строгости всъхъ государственныхъ законовъ, гонимъ и преслъдованъ.

"Оканчиваю сіе извъщаніе всеусерднымъ моимъ желаніемъ, дабы возстановляемое вынъ вождельное спокойствіе внутри страдавтихъ отъ проклятаго изверга Пугачева губерніяхъ, утверждалося день отъ двя все болье и болье; и обновилось бы паки для всъхъ безъ исключенія върныхъ Россіянъ, подъ мудрою и кроткою державою великія нашей самодержицы, совершенный шее, какое токмо быть можетъ, воеобщее благоденствіе въроды и роды. Дано на марти 1774 года, сентября 25-го числа."

VIII.

Письмо графа П. И. Панина къ оренбургскому губернатору отъ 3-го октабря 1774 г. изъ Симбирска.

Высокородный и вревосходительный господинь генераль-поручикь орежбургскій губеркаторы и кавалеры.

Государь мой!

Какой давъ правительствующему сенату высочайтій именной еа императорскаго величества указъ о дъланныхъ мною распоряженіяхъ и ея величеству донесенныхъ, по тъмъ селеніямъ, кои сопричаствовали измънническому бунту, дерзновенному выступленію изъподъ повиновенія законной власти, на обузданіе и впредь черни въ подданническомъ повиновеніи, съ различіемъ противу тъхъ которые опому измънничеству не послъдовали, съ того копію (если еще по настоящей дорогъ изъ правительствующаго сената въ полученіи вътъ) здъсь прилагаю за своимъ засвидътельствованіемъ, а къ точному непремънному исполненію высочайтаго ея величества онаго указа присовокупляю сію:

1. Чтобъ при тъхъ безъ изъятія городахъ и всякаго звакія осаскіяхъ, которыя дерзали при ныи-вшкемъ государственнаго злодъя Пугачева возмущении бунтовать и выходить изъ должнаго подданническаго повиновенія, какъ канцеляріямъ и начальникамъ оставленнымъ отъ ея императорскаго величества такъ и не послуманія свочить поміншкамъ, поставленныя непремінно при большихъ городахъ вистанцы, колесы и глаголи и впредь до указу содержаны были: а при какихъ именно селеніяхъ и за какое точно бунтовщичье оказательство поставлены будутъ, то на смертную впредь кавнъ приготовленіи, объ оныхъ прислать ко мить какъ можно скорто обстоятельныя віздомости за рукою вашею.

- 2. Съ сего времени впредь до особливато са величества указа во всёхъ тёхъ селеніяхъ, гдѣ оныя приготовленія для смертной казни поставлены будутъ, по преступленіямъ не только бывшаго Пугачева бунта, но и по всёмъ прочимъ заслуживающимъ смертную казнъ, оную надъ злодѣями и преступниками податнаго состоянія, а не надъ дворанами имѣющими офицерскіе и выше чины, производитъ по указаннымъ слѣдствіямъ самымъ исполненіемъ по государствевнымъ законамъ тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которымъ власть надъ смертною казнію по онымъ законамъ прежде было предписано, не останавливаясь за изданными о удержаніи надъ преступниками смертной казни всемилостивъйшими указами, какъ покойною, въ гробъ опочивающею государынею Елисаветой I, такъ и нывъ владъющею надъ нами нашею всемилостивъйшею самодержицею, а о дворянахъ и чиновныхъ людяхъ въ смертныя преступленія впадаю щихъ, представлять къ высшимъ надлежащимъ мѣстамъ.
- 8. Въ тяхъ же городахъ и седеніяхъ, которыя не были причаствы пыньшиему государственному возмущенію и букту, но всегда пребывали въ должномъ повиновеніи законной власти, при которыхъ, яко въ поддавнической върности къ ея величеству пребывшихъ, въ различіе отъ тяхъ кои въ измънническое преступленіе впадали, неставить ни висълицъ, ни колесъ, ни глаголей и со впадающими изъ оныхъ селеній преступниками подъ смертную казнь, по обыкновеннымъ государственнымъ законамъ онаго отъ исполненія удерживаться, по поступать съ ними по всемилостивъйше изданнымъ отъ нихъ императорскаго величества въ Бозъ опочивающей покойной государынь Елисаветы Петровны и нынъ благополучно державствующей надъ нами всеавнустъйшей великой государыни императрицы Екатерины II.

Вашего превосходительства, государя жоего, покорный и вървый слуга графъ Истръ Панинъ.

IX.

Выписка изъ письма архіепископа Веніамина къ графу П. И. Панину изъ Казани 7-го ноября 1774 г.

"Просить его покровительства по случаю на него везложенной клеветы діакономъ Алекстень Іонинымъ, вследствіе которой омъ съ 13-го октября арестованъ и имъніе его опечатано, и онъ въ келіи своей содержится подъ кръпкимъ карауломъ—лишенный священнослуженія и епаршескаго правленія—а именно за то, что когда злодби напали на Казань 12-го іюля, онъ будто бы посылаль къ Пугачеву золотою монетой до треть тыс. руб., для того чтобы загородный его домъ, называемый Воскресенскій монастырь, не быль выжжень; что совершенно невъроятно и несбыточно, и онъ кланется небомъ и землею и встякь что есть свято, что чисть своею совъстью и даже о томъ не помышляль, но напротивь старалов отвратить народь отъ злодба, проклиная его въ соборѣ всенародво."

СУДЬБЫ РУССКАГО ЯЗЫКА

на жмудн.

T.

Нывътніе Россіенскій, Шавельскій и Тельтевскій увяды Ковенской губерніи съ XIV въка стали именоваться Жмудью (Самогитіею). Имя Жмудь получило еще больтую извъстность въ XV въкъ, когда здъсь образовалось Жмудское княжество и Мъдницкая (Ворнянская) ікатолическая епархія была переименована въ Жмудскую епархію. Мъстность вта издавна составляла часть Руси и была заселена русскимъ народомъ; Литовцы же, тъснимые въ сосъднихъ странахъ, явились здъсь какъ пришельцы, и водворяясь посреди многочисленнаго русскаго населенія, быстро рустаи, усвоивая нравы, обычаи и языкъ туземныхъ обитателей.

Описывая подвиги и мученическую кончину Св. Брунона, своего родственника, пострадавшаго въ 1009 году въ (собственной) Пруссіи, по всей въроятности тамъ гдъ нынъ городъ Браунбергъ, * лътописецъ XI въка, Дитмаръ Мерзебургскій, пишетъ: "когда онъ (Св. Брунонъ) началъ проповъдывать, то сперва мъстные жители запретили ему, а когда онъ проповъдыватъ Евангеліе не переставалъ, то поймали его, наконецъ... обезглавили, на границъ сказанной страны (Пруссіи) и Руси". **

^{*} Даниловичь, Skarbiec dyplomatów, т. I, стр. 36. Encyklopedya powszechna, т. IV, стр. 302.

^{**} Chronicon Prussiae, kuura 6.

Другой автописецъ XI въка, Адамъ Бременскій, точно также свидътельствуетъ, что съверо-западный край, или точнъе, нынъшнія Сувалкская и Ковенская губерніи въ его время назывались Русью. Воть что объ этомъ читаемъ у Ө. Нарбута: "Адамъ Бременскій, * перечисляя прусскія провинціи..., говоритъ, что Самландія граничитъ съ Руссами, то-есть со страною Руси, которую однакожь къ числу прусскихъ провинцій оно не причисляетъ." **

Лѣтописецъ XII вѣка Гельмольдъ писалъ: "На южномъ берегу (Балтійскаго моря) живутъ славянскіе народы, изъ которыхъ на востокъ первые Русскіе, потомъ Поляки граничащіе съ сѣвера съ Пруссаками, на ють Богемцы." ***

Лівтописець XIII візка Вадевикъ Фрисингенскій свидівтельствуєть что "Польша граничить.... на сіверіз съ русскими и Скиескимъ (то-есть Балтійскимъ) моремъ." ****

Автописецъ ливопскихъ рыцарей живтій въ концъ XIII и въ началь XIV въка, Петръ Дисбургъ, писалъ слъдующее: "Границы прусской земли, въ которыхъ она лежитъ, сутъ слъдующія: Визеля (Висла), Соленое море (Балтійское), Мемель, земля Руси, Мазовецкое и Добринское княжества.... Мемель есть текущая вода, вытекающая изъ Русскаго государства, впадающая въ море подлъ замка и города Мемельберга, отдъляющая ту же Литовскую Русь и Куронію (Курляндію) отъ Пруссіи." †

Извъствый польскій историкъ Христофоръ Гарткнохъ, жившій въ концъ XVII въка, приведя показанія вышесказанныхъ льтописцевъ о русской народности въ нынішней
Ковенской губерніи, писалъ слъдующее: "По всей въроятности, подъ словомъ Русь онъ (Дисбургъ) понимаетъ ту
часть Подляхіи и Литвы, которая граничитъ съ префектурами Лиценскою и Марграббовскою, то-есть, какъ обыкновенно называютъ, Олитскою въ Пруссіи, находящимися между ръкою Мемелемъ и Мазовією. Эта частъ Польскаго государства называется Русью, потому что съ самыхъ древнихъ

^{*} De situ Daniae, orp. 147.

^{**} Dzieje narodu litewskiego, r. II, orp. 309 u 310.

^{***} Kronika Slawiańska Helmolda, orp. 6.

^{****} De rebus gestis Friderici Imper. kn. 1; у Нарбута, т. П стр. 310.

[†] Chronicon Prussiae, exp. 68.

временъ она принадлежала Русскимъ. Даже большая часть Литвы и нынъ (то-есть въ 1679 году) говоритъ по-русски". *

Въ другомъ месте тотъ же Гарткнохъ говорить: "Съ ними (то-есть съ Пруссаками), безъ сомивнія, граничили Русскіе, такъ какъ извъстно что большая часть ныпъшней Литвы въ ть времена была управляема Русскими. Даже въ самыхъ верховныхъ судахъ въ Литвъ пишуть акты на русскомъ языкь, что, конечно, довольно ясно показываеть что ст этихт страная жиль некогда русскій народь. Наконець, Пруссія прежде соприкасалась Руси и съ другой стороны, именно съ юга. Ибо нашъ Дисбургъ постоянно называетъ Русью Поланкію (Сувальская, Ломжинская и Свалецкая губерніц), которая вепосредственно соприкасается съ Пруссіей. ** Въ числь доказательствъ, свидьтельствующихъ что Русь въ старину простиралась непосредственно вплоть до Балтійскаго моря. Гарткнохъ приводить следующее: "Известно что река Мемель (Нъманъ) прежде называлась Руссомъ, а заливъ Куриштафъ-Русною." ***

Изъ сказаннаго очевидно, что на Жмуди издревле жилъ русскій народъ. Литовцы же, получившіе наименованіе Литва **** въ XI въкъ, жили въ это время въ выпъшней Пруссіи, между Нъманомъ, Вислою и теперешнею Сувалкскою губерніей, какъ можно заключить и изъ сопоставленія показаній льтописцевъ, упоминавшихъ о смерти Св. Брунона. Св. Брунонъ пострадалъ: по словамъ Дитмара Мерзебургскаго, ва границъ Пруссіи и Руси"; † по словамъ льтописи Магдебургской: "на границъ Руси и Литвы..."; по словамъ Сакса-Грамматика: "на границъ Руссіи и Литвы...";

Поляки и Нъщы издавна тъснили прусскихъ Литовцевъ, подъ предлогомъ обращенія ихъ въ католицизмъ. Въ началъ XII стольтів король польскій Болеславъ III Кривоустый призваль бамбергскаго епископа Оттона, а съ нимъ толпы Нъщевъ и Поляковъ, въ Померанію и Пруссію. Воть какъ

^{*} Chronicon Prussiae, crp. 69, npuntuanie.

^{**} Selectae dissertationes historicae, orp. 64.

^{***} Тамъ же.

^{****} Даниловичь, Skarbiec, т. I, стр. 36.

⁺ Chronicon Prussiae, kn. 6.

^{††} Skarbiec dyplomatow, T. I, cTp. 36.

свидетельствують объ этомъ историки: "Благодаря острію меча, западная часть Помераніи принуждена была принять католициямъ. Известие объетомъ поразило Литовцевъ, жившахъ въ Пруссіи. Литовцамъ было извъство, что вмъсть съ ковою върой введены и новыя подати и тягости, что у жителей отнято много земли и отдано на постройку костеловъ, монастырей и въ пользу духовенства. Литовны въ Пруссіи виявли полукатія толты пролетарієвь, собравшихся изь разныхъ странъ, болве же всего изъ Германіи, которые и наводнили Пруссію чтобъ обогатиться и присвоить себів чужую собственность. Литовцамъ пришлось испытать всякаго рода угнетенія, лишенія, несправедливости и разныя насилія. Они были отовсюду изгоняемы, повсемъстно пресавдуемы и доведены до крайней нишеты, тогда какъ Нъмуы обогащались, благоденствовали и находили вездъ покровительство. * Такое варварское угнетеніе Литовцевъ въ Пруссіи выпуждало ихъ то и дело переходить и массами, и поодиночке, въ сосвяственную Рись. Не трудно даже опредвацть тв места чрезъ которыя при этомъ передвижении проходили самыя большів массы Литовцевъ. Духовенство играло у нихъ весьна важную роль. У нихъ былъ своего рода папа, глава этого ауховенства, называвшійся Криве-кривейта. Гле жиль Криве-кривейта, тамъ находилась и главная святыня Литовпевъ, и центръ свътской власти. Эту святыню Литовиы трижды переносили въ Пруссіи, вступивъ же въ предваы Жмуди, основали ее сперва при устыв раки Дубиссы, потомъ при устыв Невяжи; потомъ, въ началв XIII въка, она была перепесена въ Керновъ, и наконецъ въ Вильну.

Не одни прусскіе Литовцы терпівли отъ католиковъ. По свидівтельству літописцевъ, Адама Бременскаго, Генриха Латыша и другихъ, Литовцы, одного племени и языка съ прусскими, жили въ XI віжів и по берегу Балтійскаго мора, отъ города Либавы до города Пернавы. Жившіе въ нынішней Курляндской губерніи назывались Курляндцами, у Поляковъ же—Куронами, а въ Лифляндской губерніи—Ливонами. Нынів, называють ихъ обыкновенно Латышами. *** Подобно своимъ

[•] Даниловичъ, Skarbiec, т. I, стр. 38.

[·] Ярошевичь I, стр. 192.

^{•••} Encyklopedya pow caoba: Kurlandya, Inflanti, Latyeze.

прусскимъ соплеменникамъ, имъ пришлось испытать не мало гоненій отъ католиковъ.

Въ 1186 году въ Ливоніи началь пропов'ядывать католицизмъ Мейнгардъ. Посл'я смерти его въ 1196 году, его преемникъ Бертольдъ привелъ изъ Германіи толпы крестоносцевъ для обращенія жителей Курляндіи и Ливоніи въ католицизмъ. Въ 1200 году Бертольдъ оплть призвалъ новыя почища крестоносцевъ изъ Германіи и основалъ городъ Ригу. Отсюда образовался въ остзейскихъ губерніяхъ ордень крестоносцевъ, который въ 1237 году соединился съ прусскими крестоносцами. *

Когда крестоносцы утвердились въ остзейскихъ губервіяхъ и начали мечомъ обращать містныхъ жителей въ латинство, то многіе изъ Куроновъ не могли не оставить своей родины и переселились, подобно прусскимъ Литовцамъ, на Русь, то-есть въ Литву, особенно же на Жмудь. **

Летописецъ ливонскихъ рыцарей, живтій въ XIII вѣка, Генрихъ Латышъ, свидътельствуетъ, что въ 1208 году епископъ и магистръ ливонскихъ рыцарей Альбертъ привелъ изъ Германіи многочисленныя полчица Нѣмцевъ въ Ригу, подъ предводительствомъ Рудольфа изъ Ериха и Вальтера изъ Гаммерслена. При помощи крестоносцевъ, Альберту удалось отнять у русскаго княза укръпленный замокъ Кукевонсъ, нынъ Кокенгузенъ, при Западной Двинъ. Въ этомъ укръпленномъ замкъ засъли послъ этого Нѣмцы, чтобы защищатьса отъ Литовцевъ и Русскихъ.

Самою главною пом'вкой Нівицамъ быль въ то время русскій князь Всеволодъ, столица котораго называлась Берсикою, по всей візроятности, нынівшній Берсенъ въ Курлянаской губерніи. Князь Всеволодъ быль весьма могущественъ, имівль большое вліяніе на Литовцевъ, и быль большой врагь Нівицевъ. Княжество его, населенное преимущественно русскимъ народомъ, *** по пространству было не малое: не только часть Курляндской губерніи, но даже часть нынівшихъ Тельшевскаго и Шавельскаго уівдовъ на Жмуди, по всей візроятности, принадлежала ему.

^{*} Такъ же.

^{**} Тамъ же, т. XVI, стр. 481.

^{**} Генрикъ Латымъ, Origines Livoniae, у Даниаовича, Skarbiec т. I, стр. 55-57.

Понятно, что погубить князя Берсики было для Нѣмцевъ дѣломъ первой важности. Въ самомъ дѣлѣ, крестоносцы напали на него всѣми силами, и имъ какъ-то удалось взять, разграбить и сжечь его столицу, и даже захватить въ плѣнъ его семейство. Семейство и другіе плѣнные были возвращены князю Всеволоду крестоносцами не прежде, какъ по полученіи отъ него клятвы: прекратить связи съ Литовцами, не принимать ихъ въ свое государство, отдать свои земли католическому костелу и пользоваться ими только на ленномъ правѣ.

II.

Русскіе издавна изв'ястны своею терпимостію; поэтому Литовны, переселивніеся изъ Пруссіи и остзейскаго края въ свверо-западную Русь, находили въ этомъ крав радутный пріемъ и пользовались политическими правами наравнъ съ Русскими. Въ раскладкъ податей русскіе князья были даже списходительные къ Литовиамъ чымъ къ русскимъ своимъ подданнымъ, такъ какъ Литовцы сначала были бъдны. Литовцы же, поселившись на Жмуди, скоро рустаи, оставляли свой литовскій языкъ, и усвоивали языкъ русскій. Факть этоть служить неопровержимымь доказательствомъ, что русское народонаселение въ этомъ крат было токда многочисленно, и что русская цивилизація находилась тогда сравнительно на довольно высокой степени развитія. Воть что питуть обь этомь польскіе историки. "Литовцы, говорить А. Гвагнинъ, усвоили себъ чужой языкъ, то-есть принали языкъ и народные обычаи техъ жителей надъ которыми удалось имъ присвоить себе правительственную власть. Долгое время сначала никто не обращаль вниманія на этоть литовскій народь; и онъ находился подъ властью Русскихъ.... Мало-по-малу они (Литовцы) возросли въ силахъ, такъ что успъли подчинить Русскихъ своей власти." * "Поселившись въ съверо-западной Руси, Литовцы, говорить Даниловичь, были окружены со всехъ сторонь Русскими, и то подчинялись ихъ власти, то управляли ими посред-

^{*} Sarmatiae Europeae descriptio, Kpakoba 1578 r., 4ucra 45.

ствомъ своихъ квязей; они приняли русскую цивилизацію и русскій языкъ и сделали его у себя языкомъ двора, науки, судопроизводства, администраціи и дипломатіи. Только при посредствъ русскаго языка можно было понимать Литовцевъ. На немъ они писали и льтописи. Это обстоятельство служить доказательствомъ того, что Литовцы обладали глубокимъ политическимъ смысломъ."

Керновскому князю Зивибунду и жмудскому князю Монтвиллу, жмудскій каноникъ Матеей Стрійковскій писаль въ 1582 году слідующее: "Братець-Литовець, не завидуй Русскимь, ибо они не менье тебя знамениты, что признать за ними принуждены всь. Безъ нихъ ты не въ состояніи удержать порядокъ въ своемъ государстві; ибо Русскіе въ свочих областяхъ живуть издревле. Въ пользу ихъ (то-есть Русскихъ) свидітельства постарше. Изъ нихъ же возникла и Литва, когда, благодаря несогласію, выросли рога у русскихъ клавей. Благодаря единодушію, Литва поселилась въ отечествів ихъ (то-есть Русскихъ), тогда именно, когда, по причині мезісдуусобной вражды, несчастная Русь сама себя истребляла." ***

"Не только русская цивилизація, говорить о. Ярошевичь, уже тогда (въ XIII въкъ) высшая, имъла вліяніе во многихъ отношеніяхъ на Литовцевъ, но и русскій языкъ, особенно въвысшихъ классахъ жителей, въ послъдствіи взяль верхъ надъ азыкомъ природнымъ, до того что наконецъ сдълался языкомъ двора и судопроизводства. Вместе съ языкомъ не могла не распространиться и русская письменность. Хотя говорять что Ягайло не умълъ писать, но по моему мненію, онъ не умълъ писать только по-польски и по-латыни, но никакъ не по-русски." *** "Литовцы, говорить другой польскій писатель, Игнатій Даниловичъ, приняли цивилизацію и языкъ русскій и сделали его у себя языкомъ придворнымъ". ****

Желая утвердиться въ съверо-западной Руси, Литовцы хорошо понимали что имъ необходимо породниться съ Русскими не только по языку, но и по крови. Литовские князья очень часто вступали въ бракъ съ русскими княжнами, а русскія княжны выходили замужъ за литовскихъ

^{*} При *Inmonucu Cmpiŭkoeckaeo*, стр. 38.

^{**} Kronika, T. I, cTp. 219.

^{***} Obraz Lihwy, T. I, crp. 174.

^{****} При Лътописи Стрійковскаго, стр. 38.

квазей. * Всявдствіе сего, присвоеніе Литовцами власти надъ русскимъ краємъ не произвело въ немъ значительной перемъны. Русская жизнь шла своимъ чередомъ, и русскій азыкъ былъ во всеобщемъ употребленіи на Жмуди, не только въ средъ Русскихъ, но и въ средъ коренныхъ Литовцевъ, въ томъ числъ и въ княжескомъ родъ.

Вотъ обращикъ того какъ переписывались литовскіе князья съ Польскимъ королемъ около 1345 года:

"Въдаи то каждый челъвикъ, кто на тои лист посмотритъ Оже я князъ соунутии и кистутии и любартъ Юръии На римонътовичь Юръии Коръятовичь чинимъ миръ твердыи съ королемъ Казимиромъ польсъмъ и сомовитомъ и с его братомъ Казимиромъ Мазовскимъ.... а за великого князя Олькърта и за Коръята и за Патрикия и за ихъ сыны мы саюбуемъ тотъ миръ держати вълми твердо.... а миръ отъ Покрова був до Ивана дне."

Ягайло въ угоду Полякамъ, заклятымъ врагамъ русскаго народа и русскаго языка, сдълавшись польскимъ королемъ, сталъ говорить по-чешски, ибо по-польски не умълъ. **** Витовтъ постоянно говорилъ по-русски и писалъ на русскомъ языкъ. † Великій князь литовскій Свидригайло былъ поборникомъ русской народности и русскаго языка. За привязанность къ русской народности, польская интрига лишила его великаго княжества Литовскаго, въ 1432 году. †† Казиміръ Ягайловичъ и Сигизмундъ Казиміровичъ были также великими поборниками русской народности и русскаго языка. †††

Въ письмъ адресованномъ въ 1420 году на имя имперьтора Сигивмунда, великій князь Литовскій Витовтъ пишетъ такъ: "Жмудская (самогитская) страна считается и считалась всегда однимъ и тъмъ же краемъ что

^{*} Подробныя свъдънія о бракахъ между русскими и аитовскими клазьями находятся въ сочиненіи г. Ратча: Сепдпнія о польскомы матежн 1863 года, часть І, приложеніе 3.

^{**} Каполикъ Эр. Вителій у Тейпера, т. II, отр. 278.

^{***} Стрончинскій, Wzovy pism dawnych, часть 1.

^{****} Manoesckiŭ, Pamietnik, T. I, crp. 349.

[†] О. Нарбутъ, т. V, стр. 612-615, т. VI, стр. 557.

^{††} Тамъ же, т. VII, стр. 4, 132—134. Боричевскій, Православів и русская народность въ Литев, стр. 57.

^{†††} Нарбутъ, т. VIII, стр. 254. Êncyclopedya powszechna, саово Skoryna. Іохеръ, т. II, во многихъ мъстахъ.

T. LXXXI.

и Литовская страна, ибо и здъсь и тамъ одине и тоте же азыке, одине и тоте же самый народе. Но такъ какъ Жмудская страна относительно Литовской находится ниже, поэтому она и называется Шомойть, что на литовскомъ языкъ и означаеть низтую страну. Жмудяки называють Литву Авкстотою, что означаеть, относительно Жмуди, выстую страну. Точно также всъ Жмудяки называють себя издресле Литовцами, но никогда не Жмудяками, и поэтому, благодаря такому тождеству въ названи, въ натемъ титулъ не упоминается слово Жмудь; такъ какъ государство одно, край одинъ, и въ немъ люди одни и тъ же."

Въ политическомъ отношении, жители съверо-западнаго края издревле до 1230 года называли себя русскими подданными. Около 1230 года литовскій князь Ригольдъ назваль себя великимъ княземъ литовско-русскимъ, а съ техъ поръ и жители сего края, очень естественно, стали именовать себя точно также подданными ведикаго княжества Литовско-Русскаго. ** Что же касается народности, то жители свверозападнаго края, обыкновенно называли себя Русскими. Католики называли себя Русскими римскаго закона, православные же-Русски ти греческого закона. Такъ, въ 1433 году. Владиславомъ Ягайловичемъ дарована привилегія русскому деоранству (таяхть) римского закона; въ 1445 году, Казиміромъ Ягайловичемъ такая же привилегія дана русскому дворянству греческого закона. *** Поляки ныпъ стараются называть католиковъ и въ съверозападномъ крат Поляками. Но знаменитый польскій историкъ Лелевель въ своихъ сочиненіяхъ называеть не только православныхъ, но и католиковъ свверо-западнаго края не иначе какъ Русскими по народности.

"Что бы ни говорили невкоторые изъ Поляковъ, мы, однако, пишетъ Ярошевичъ, не боимся утверждать, что русскія права и русскіе юридическіе обычаи, вне всякаго сомненія, действовали въ Литве (и на Жмуди), по преимуществу же въ Вильне, гораздо ранее царствованія Ягайла. Упраздненіе же русскихъ право въ городе Вильне, состоявшееся въ 1432 году, при великомъ князе Сигизмунде, доказываетъ, что

^{***} Гелленій, Czas, dodatek missieczny за 1857 г. т. IV, вып. 18. Гарасевичь, стр. 155.

^{*} Яромевичъ, т. І, стр. 33-34.

^{**} Encyklopedya powszechna, T. XXII, caobo Ryngold.

благодаря древности и привычки къ нимъ народа, русскія права и обычаи имели у народа боле значенія чемь Маглебургское право дарованное въ 1387 году Ягайломъ городу Вильнъ... Многіе законоположенія Рисской правды пъйствовали въ Литвъ (и на Жмуди), а въ последствии вощли въ составъ Литовскаго статута.... Законоположенія Русской правды. какт болье соотвытственныя странь и обычаямь народа, были приняты въ Литвъ (и на Жмуди) немедленно. Побъдитель (то-есть литовскіе князья) въ покоренныхъ имъ странахъ не имълъ обыкновенія отмънять государственнаго строя и законовъ, если они не были противны его цалямъ. или если онъ быль не въ состояни дать лучшихъ законовъ." Въ Литећ издревле были писанные законы и опредъленная форма судопроизводства, какъ видно изъ проекта уніи Литвы съ Польшей, составленнаго на Петрковскомъ сеймъ 1499 года. Изъ древнихъ законоположеній Литвы остался только Статуть Казиміра Ягайдовича, изданный въ 1492 году: остальныя же закоположенія, которыхъ было не мало, затерялись, **Первое изданіе Литовскаго Статута было обязательно съ 1530. второе же изданіе, исправденное и дополненное, съ 1569 года. Статуть во второмъ изданіи принято называть статутомъ Curusmynas-Abrycta, a vame Beero consinekuma, notomy uto имъ управлялась не только Литва и Жмудь, но и воеводства Вольнское, Кіевское, Смоленское, Полопкое, Витебское и Мстиславское. Второе изданіе статута было постоянно дополняемо новыми постановленіями, въ вид'в приложеній. *** Приложение Статута Литовский трипаль (верховый судь). получившее законную силу съ 1581 года, въ этомъ году было напечатано въ Вильнъ. **** По повелъню короля Сигизмунаа III u при помощи канцаера ведикаго кляжества Литовскаго Льва Сапъти, приготовлено третье изданіе Литовскаго Статита, дополненняго и исправленняго, который и получиль законную силу съ 1588 г. и дъйствоваль въ этомъ составъ до 1840 года. Третье издание Статута было напечатано въ Вильнъ въ томъ же 1588 году и притомъ (одного и

^{*} Ярошевичь, т. I, стр. 146—147.

^{**} Такъ же, т. II, стр. 128-129.

^{***} Тамъ же, т. Ц, стр. 133, 140, 144.

^{****} Volumina Legum, петербургское изд. т. II, стр. 210, пукктъ 41. Яромевичъ, т. II, стр. 145,

того усе года) въ двухъ изданіяхъ. * Всё три изданія Литовскаго Статута, дёйствовавнія въ Литве (и на Жмуди) писавы по-русски. Первое польское изданіе напечатано впервые въ 1614 году, по всей вероятности, для пользы Поляковъ. ** По словамъ Раковецкаго и Ярошевича, въ основу Литовскаго Статута легла Русская Правда. ***

Отъ законоположеній дійствовавшихъ по всему сіверозападному краю перейдемъ къ частнымъ законамъ и правительственнымъ актамъ на Жмуди.

Правительственныхъ грамотъ и привилегій XV и XVI въковъ, исключительно для жителей Жмуди, весьма много, и онъ довольно своеобразны. Въ 1492 году дана Жмуди "земская привилегія" Александромъ Казиміровичемъ. Въ 1527 году Жмудь просила чтобы для нея былъ назначенъ "старостой Станиславъ Станиславовичъ", и король согласился. Жители Жмуди называли сановниковъ не по фамиліи, какъ дълаютъ Поляки, а по русскому обыкновенію, то-есть по имени и по отчеству.

Желая защитить простой народъ отъ несправедливостей и угнетеній со стороны старость и тіуновъ, Сигизмундъ Казиміровичъ І издалъ въ 1529 году Уставъ, предназначая его для чтенія простому народу Жмуди. Всё эти привилегіи, законы и другія королевскія грамоты, число которыхъ весьма значительно, писаны по-русски.

Жмудь въ XV и XVI въкахъ получила отъ польскихъ королей весьма много правъ и разныхъ привилегій, и притомъ главнымъ образомъ по ходатайству жмудскихъ епископовъ, дълавшихъ это съ цълью усилить свое вліяніе и значеніе въ средъ народонаселенія Жмуди. Само собою разумъется, что редакція этихъ правъ и привилегій не могла состояться безъ въдома тъхъ же епископовъ. И что же? Всъ эти права и привилегіи Жмуди писаны не иначе какъ на русскомъ языкъ.

Судебные и административные акты Жмуди сохранились съ 1545 года. Всв они безъ исключенія писаны на русскомъ языкъ до 1640 года; съ этого же года начинаютъ мало-помалу употреблять въ актахъ и польскій языкъ; но это

^{*} Ярошевичъ, т. II, стр. 145.

^{**} Тамъ же, т. II, стр. 145, 229 (126).

^{***} Prawda Ruska przez Rokowiechiego, Ярошевичъ, т.І, стр. 222 (53).

случалось весьма ръдко до 1697 года. Очевидно, жители Жмуди, употребляли русскій языкъ въ присутственныхъ мъстахъ и въ обращеніи къ начальству до тъхъ поръ, пока имъ позволялось это дълать. *

Формальное запрещение употреблять русскій языкъ въ верховных судах послідовало въ 1697 году. Тівмъ не меніве, въ низшихъ судахъ, особенно въ судахъ руководствовавшихся магдебургскимъ правомъ, русскій языкъ употреблялся и въ XVIII віжів. **

Наконецъ, не только польскіе короли Ягеллоны, но даже и короли изъ природныхъ Поляковъ и другихъ націй, какъ напримъръ Стефанъ Баторій, Сигизмундъ III и его сынъ Владиславъ IV, умертій въ 1648 году, неръдко издавали грамоты на русскомъ языкъ. ***

Добавимъ, что не только законы, привилегіи и правительственныя грамоты, относившіяся къ мірянамъ, но и относившіяся къ католическому духовенству, писались въ старину въ Литвъ и на Жмуди на русскомъ языкъ. Католическое духовенство не составляло тогда какого-то особаго польскаго класса, какъ нынъ. Такъ въ 1399 году, великій князь литовскій Витовтъ даровалъ виленскому католическому капитулу Березинскую землю и имъніе Стрышнъ. Дарственная грамота, данная Витовтомъ въ Трокахъ, отъ 3-го апрыля того же 1399 года, писана по-русски. **** Въ 1536 году король Сигизмундъ I подарилъ участокъ земли, такъ-называемый Калитниковскій, канонику Жмудской епархіи, князю Валеріяну Протасевичу (въ послъдствіи виленскій епископъ). Дарственная грамота по этому поводу также писана по-русски. †

ΠŦ.

"Литовскій языкъ, пишетъ польскій писатель И. Даниловичъ, стали употреблять въ письм'в впервые въ XVI в'якъ, да и то въ костельныхъ молитвахъ, катихизисахъ, или

^{*} Encyklopedya powszechna, т. XXXVIII, саово Zmudi. Volumina Legum, петербургское изданіе т. V, стр. 418. Западно-русскій жысямеслось на 1866 годъ, Вильна, стр. 67—69.

^{**} Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края, стр. 346.

^{***} Боричевскій, Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи, изданные разными комииссіями и частными лицами.

^{****} Даниловичъ, Skarbiec, т. І. стр. 317, № 702.

[†] Wizerunki, T. XXIV, etp. 91.

проповедяхъ, обращенныхъ къ простому народу. Кто нынъ решится искать летописей писанных по-литовски, если ихъ не удалось найти Стрійковскому? Всь опъ, по его словамъ. nucaны no-pyccku." *

По желанію и повельнію жмудскаго епископа Мельхіора Гедройна, жмудскій каноникъ Матеей Стрійковскій въ конnb XVII въка, написаль летопись Литвы и Жмуди. Стрійковскому удалось собрать въ Литве и на Жмули, какъ матеріалы для своего труда, до тысячи летописей.*** И. Ланиловичъ замечаетъ что "показанное число летописей, найденныхъ Стрійковскимъ, не надо считать преувеличеннымъ, потому что и Шлецеру удалось достать 21 летопись, изъ коихъ 12 печатныхъ, а 9 въ рукописяхъ. Изъ этой тысячи летописей, пайденныхъ Стрійковскимъ на Жмуди и въ Литвъ, не было ни одной писанной не по-русски, *** Но что главное, эти летописи, по словамъ того же Стрійковскаго, были читаемы жителями Литеы и Жлиди издревле. Отсюда ясно видко что въ Литев и на Жмуди издресле знали русскій языкъ и русскую грамоту.

Одну изълитовскихъ летописей, изъ числа техъ которыми пользовался Стрійковскій, издаль И. Даниловичь въ 1828 году. Вотъ что онъ питетъ объ ней: "Изъ этой летописи видно что уже въ XIV въкъ были писаны отдъльно литовскія льтописи, или по крайней мъръ составляемы извлечения изъ другихъ автописей, писанныхъ до того времени. Такъ какъ эта автопись есть сокращение писанныхъ прежде, какъ въ ней значится, то ясно видно что существовали древнія литовскія льтописи, писанныя прежде ея. Такимъ образомъ, ошибается Шлеперъ, говоря будто летописи въ Литве и на Жмуди были писаны не прежде XV и XVI въковъ, ибо уже и эта льтопись писана около 1394 года." +

Если можно было собрать тысячу летописей, то неть сомявнія, что другихъ сочиненій, молитвенниковъ, катихизисовъ и книжекъ религіознаго содержанія, находилось въ то время въ Литвъ и на Жмули еще болье. Въ самомъ дъль.

^{*} Hpu Anmonucu Cmpiŭkosckazo, crp. 38.

^{**} Даниловичъ при Лътописи Стрійковскаго, стр. 47.
*** Стрійковскій т. І, стр. 237, 246, 354.

^{****} Kronika, T. I, cTp. 55, 354.

[†] Hpu Inmonucu Cmpiškosckaso, crp. 59.

особенно въ XIV, XV и XVI въкахъ, въ Литвъ и на Жмуди находилось весьма много разнаго рода книгъ и рукописей; это видно изъ факта сожиганія ихъ ісзуитами, которые, какъ извъстно, въ концъ XVI и въ теченіе XVII въковъ постоанно сожигали огромныя кучи книгъ и рукописей, преимущественно старыхъ, по всей Жмуди и Литвъ. *

Такъ какъ летописи писались тогда все по-русски, то очевидно, что и другія сочиненія были писаны на томъ же русскомъ языкф, темъ более что не было до XVI века ни одной частной сделки писанной уроженцемъ Литвы и Жмуди по-литовски, или по-польски: все оне писались тогда по-русски. **

Еще въ 1094 году Евреи перевели книгу Альгафторажь, то-есть толкование Моисеевыхъ законовъ, на русский языкъ. Къ сожальнию, намъ неизвъстно гдъ составленъ этотъ переводъ; онъ находится теперь въ Римъ, въ Ватиканской библиотекъ. ***

Самою цвътущею впохой русскаго языка въ Литвъ и на Жмуди были XV, XVI и начало XVII стольтія. Воть что писалъ Иванъ-Казиміръ Пашкевичъ въ 1621 году о русскихъ началахъ въ семъ крав. "Польша процвътаетъ латынью, Литва же и Жмудь—русчизною; безъ той нельзя обойтись въ Польшь, безъ сей (т.-е. русскаго языка) будешь въ Литвъ и на Жмуди словно дуракъ. Благодаря латинскому языку, Польша въ состояніи говорить, Литва и Жмудь безъ русскаго языка существовать не въ состояніи. Знай, Русь, что твоя слава разнеслась по всему свъту, радуйся, Русскій, твоя слава никогда не исчезнетъ." ****

Въ статъв "Судьбы Русскаго языка въ костелахъ въ Свверозападномъ крав" мы говорили уже что Ф. Скорина издалъ русскій переводъ Библіи и другія религіозныя книги для католиковъ. Извістно что католическій священникъ Кассіянъ Саковичъ, жившій въ XVII візкі, писалъ не мало

^{****} Въ Собраніи дреснике грамоте и актось, въ двухъ письмахъ русскомъ и польскомъ, (Вильна 1843 года) слова Пашкевича: "безъ той нельзя обойтись въ Польшь, безъ сей будешь въ Литев словно дуракъ", выброшены нарочно, чтобы не обижать польской національной гордости.

^{*} Ярошевичь, т. III, стр. 107.

^{**} Ярошевичь, т. І, стр. 174.

^{***} Encyklopedya powszechna, T. XXVIII, cTp. 1127.

сочиненій на русскомъ языкѣ. Сочиненія Саковича были усердно уничтожаемы. * Кромѣ того, существуєть весьма много религіозныхъ сочиненій, писанныхъ на русскомъ языкѣ, о которыхъ нельзя сказать съ достовърностію, принадлежатъ ли они унівтамъ, или же католикамъ. ** Не мало сочиненій этого рода хранится и въ Виленской публичной библіотекѣ. До сихъ поръ на эти сочиненія никто не обращаль вниманія, и на вопросъ какого они содержанія, отвѣчаютъ обыкновенно казенною фразой, что они уніатскіе, такъ какъ никому изъ Русскихъ и въ голову не приходило что въ прежнее время существовала католическая литература на русскомъ языкѣ.

Нѣть сомпѣнія что мѣсяцесловы, назначенные для мірянъ-католиковъ въ Литвѣ и Жмуди, писались въ старину и печатались въ XVI вѣкѣ на русскомъ языкѣ. Мѣсяцесловы того времени печатались при книгахъ религіознаго содержанія, чаще всего при молитвенникахъ, и издавались не ежегодно, какъ нынѣ принято, а праздники и воскресные дни были въ нихъ обозначены на нѣсколько лѣтъ, какъ это и до сихъ поръ дѣлается въ польскихъ молитвенникахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1525 году Ф. Скорина издалъ мѣсяцесловъ "Сборникъ", напечатанный при Дѣяніяхъ и Посланіяхъ Апостольскихъ.

Наконецъ, католики въ свверо-западномъ крав были тогда такъ тверды въ своей русской народности, что на Жмуди соблюдали посты и праздновали праздничные дни не по правиламъ католической церкви, а согласно постановленіямъ православной, то-есть, жмудскіе католики постились и праздновали вмъстъ съ православными, а не съ Поляками. Жмудскіе католики принуждены были отстать отъ обычаевъ православной церкви вслъдствіе двукратнаго повельнія папы Григорія XIII въ 1582 году, буллами "Inter gravissimas" и "Сиріепtes", и введенія лътосчисленія по повому стилю.***

Кальвинисты, которые такъ распространились было въ Литвъ, по преимуществу же на Жмуди, находили необходимымъ, для распространенія своего ученія, поучать и изда-

^{*} Iохеръ, т. III, стр. 355. Ancyklopedya рою. т. XXII, стр. 822.

^{**} loxepa ba toma II u III.

^{***} Bullarium magnum, римское изданіе, т. ІІ. Гарасевичь, стр. 384. Encyklopedya powszechna, т. XIII, слово—Kalendarie.

вать свои книги на русскомъ языкъ. Только въ последстви. въ угоду Полякамъ и језуштамъ, жедавшимъ истребить русскія начала въ съверо-западномъ крат, стали издавать книги по-польски и по-литовски. * Такъ. польскіе писатели говорять что "Симеонъ Будный, желая насадить кальвинское учение въ среде народонаседения (Литвы и Жмуди), издалъ свои книги на славяно-русскомъ языкъ и переводиль ихъ на чистый славянскій (то-есть русскій) азыкъ". ** Сочиненій протестантскаго содержанія, писанныхъ по-русски, по всей въроятности, было не мало: но ныкъ они составляють большую библіографическую редкость, благодаря ісауптамъ и Полякамъ, истреблявшимъ ихъ. Изъ сочиненій сего рода намъ извітень: "Катихизись, то-есть наука стародавняя христіанская, отъ святого писма для простыхъ людей языка русского, въ пытаніахъ и откажых събрана." Этоть катихизись быль изпаваемъ насколько разъ; намъ извъстны его изданія: Несвижское 1562 и Стокгольмское 1628 годовъ. Кромф того: "О оправдании грфшнаго человъка предъ Богомъ книжки С. Б. (Семена Буднаго)". Намъ извъстно изданіе Несвижское 1562 года: но могли быть u apyris. ***

Здвоь кстати заметить что Будный старался подражать Франциску Скорине, и въ конце своего Катихизиса поместиль впилогь почти слово въ слово такой же какой находится при сочиненіяхъ и переводахъ Ф. Скорины. Это сделаль Будный изъ желанія понравиться жителямъ Литвы и Жмуди, которымъ нравились переводъ Библіи и другія сочиненія Ф. Скорины.

Нътъ сомнънія, что училищь, или учителей русской грамоты, въ Литвъ и Жмуди было въ старину не мало, † такъ какъ въ одной Вильнъ, въ XVI и въ началъ XVII въковъ, существовало 30 русскихъ училищъ †† и только одно польское, основанное при католическомъ соборъ. †††

[•] Ярошевичъ, т. III, стр. 215 — 216. Encyklopedya pow.

^{**} Encyklopedya powszechna, T. IV, crp. 547-548.

^{***} Іохеръ, т. II, стр. 232—306.

^{****} Іохеръ, т. II, стр. 306.

[†] Czacki, o litew. i polsk. prawach, T. I, cTp. 56-57.

^{††} А. Гвагнинъ, въ сборникъ Respublica Moscoviae et urbes. Ярошевичъ, т. III, стр. 82—216.

^{†††} IIpiaaronckiä, Zywoty Bisk. Wil, T. I, crp.171.

Наконецъ, о широкомъ развитіи въ старину русскихъ началь въ Литвъ и на Жмуди можно судить и по дълу книгопечатанія.

Первая польская типографія въ городъ Вильнъ была основана језуштами въ 1576 году. Первая русская типографія въ крав была виденская, такъ-называемая типографія стар--шаго градовачальника Вильны Бабича, успъвшая еще до 1525 года напечатать, если не весь Новый Савыть Скорины, то навърное Дъянія и Посланія апостольскія и Мъсяпесловъ. Эта типографія была католическая: твиъ не мепре вр ней печатались книги и православного содержания. Первая протестантская типографія въ северо-западномъ крав была песвижская, основанная княземъ Радзивилломъ Чернымъ около 1558 года. Въ этой типографіи печатались книги до 1570 года исключительно по-русски. Благодаря уніи Литвы съ Польшей и введенію ісзунтовъ въ 1569 году, несвижская типографія въ 1570 году напечатала уже по-польски протестантскую Библію, переводъ Буднаго. Наконецъ въ следуюшемъ 1571 году она досталась іезуцтамъ. Въ томъ же XVI въкъ въ Вилькъ работали русскія типографіи: Лелонга, Лепчинскаго, Гарабурды и по преимуществу братьевъ Луки, Козьмы и Льва Мамоничей. Типографія Мамоничей существовала долго и успъла напечатать весьма много книгъ: она находилась подле Острыхъ воротъ. Была русская типографія также въ мъстечкъ Заблудовъ (Бълостокского утвэда). Въ XVII въкъ были русскія типографіи: въ Вилькъ: свято - духовская и базиліянская, въ Трокскомъ увядь и въ Могилевъ. Наконевъ, въ XVIII въкъ русскія книги печатали въ монастыръ Супрасльскомъ, въ Бълостокскомъ vbsab. **

IV.

Не можеть быть ни малейшаго сомнения что православное духовенство въ Литве и на Жмуди постоянно произносило проповеди на русскомъ языке. Католические ксендзы точно также поучали народъ вере и произносили проповеди на Жмуди со времени введения католицизма въ Литве въ 1387

^{**} Бентковскій, Wiadcmosć Encyklopedya powszechna, въ раз-

году до половины XVII въка не иначе какъ по-русски. Это видно изъ слъдующаго.

Въ царствованіе Ягайла, два Іеронима изъ Праги, одинъ католикъ и монахъ, а другой последователь гусситскаго ученія, ходили проповедывать Евангеліе на Жмудь. Іеронимъ, последователь Гусса, не имель успеха, потому что не зналь русскаго языка. Іеронимъ же католикъ, напротивъ, въ распроэтраненіи католической веры успельне мало, потому что зналь русскій языкъ, на которомъ и поучаль. Объ втомъ Іеронимъ свидетельствоваль на Базельскомъ вселенскомъ соборъ. * Въ 1387 году, некоторые изъ ксендзовъ, прибывшихъ съ Ягайломъ для обращенія жителей северозападнаго края, произносили проповеди порусски; другіе же, не знающіе русскаго языка, поучали черезъ переводчиковъ, ибо народъ не понималь по-польски; **
какъ сельскіе, такъ равно и городскіе жители повсемъстно говорили по-русски.

Іезуиты, водворенные въ Литвъ въ 1569 году, стали, какъ свидътельствуютъ польскіе писатели, употреблять въ проповъдяхъ и молитвенникахъ литовскій языкъ. Ярошевичъ говоритъ: "не много было лицъ, которые хотъли совершенствовать и распространять родную (литовскую) ръчь, но и этихъ доставилъ намъ по преимуществу орденъ іезуитовъ въ XVI и XVII въкахъ. *** Только въ XVI въкъ, пишетъ Даниловичъ, литовскую ръчь стали употреблять въ церковныхъ молитвахъ, катихизисахъ и проповъдяхъ обращенныхъ къ простому народу. ****

Изъ свидътельства этихъ первостепенныхъ писателей ясно видно, что предъ водвореніемъ іезуитовъ въ Литвъ въ 1569 году, литовскій языкъ не употреблялся въ костелахъ на Жмуди, а тъмъ болье въ остальномъ съверозападномъ крав. Остается разсмотръть, въ какомъ объемъ могъ быть употребляемъ въ нихъ польскій языкъ.

Всемъ известно что учить народъ вере необходимо на азыке попятномъ; иначе проповедь не достигнетъ цели. Между темъ мы знаемъ что въ эпоху, разсматриваемую

^{*} Ө. Чаңкій, O lit. i polsk. praw., т. I, стр. 295. Нарбутъ, т. I, стр. 471.

^{**} Нарбутъ, т. V, стр. 408.

^{***} Ярошевичъ, т. П, стр. 125.

^{****} Ilpu Anm. Cmpiūkosckaso, crp. 38.

нами, жители съверозападнаго края съ чрезвычайно большимъ трудомъ могли понимать говорившихъ по-польски. "По азыку и ръчи, говоритъ А. Гвагнинъ, разнятся Москали отъ Русскихъ (западнаго края) весьма мало, но за то Русские отъ Поляковъ и Мазуровъ разнятся, такъ что понимать другъ друга едва могутъ съ трудомъ." *

О всеобщемъ употребленіи русскаго языка въ сѣверозападномъ краѣ, а слѣдовательно и въ костелахъ на Жмуди, въ 1501 году свидѣтельствовалъ предъ папою, во время торжественной аудіенціи, посланникъ великаго княза литовскаго Александра, каноникъ виленскаго католическаго капитула, Эразмъ Вителій. Въ рѣчи обращенной къ папѣ Александру VI, Эразмъ Вителій между прочимъ сказалъ: "Въ великомъ княжествъ Литовскомъ (слѣдовательно и на Жмуди) обыкновенно говорять по-русски, потому что почти середину княжества занимаютъ Русскіе, и потому что русскій языкъ благозвученъ и доступнѣе другихъ." **

Кромъ католическихъ священниковъ изъ природныхъ Литвиновъ, были, особенно на Жмуди, ксендзы изъ Поляковъ. которыхъ польское правительство старалось посылать въ Литву. Изъ грамоты объ основани въ 1400 году Краковской академіи Ягайломъ ясно видно, что она основана главнымъ образомъ для того чтобы приготовить католическихъ миссіонеровъ для северо-западнаго края. "Этотъ актъ, замьчаеть Даниловичь, съ точностью показываеть, почему академія, основанная Казиміромъ для юридическихъ наукъ, обращена Ягайломъ въ богословскую академію. Городъ Краковъ быль окружень русскимъ народомъ. Крестоносцы же подстрекади Ягайла чтобъ онъ савлался католическимъ миссіонеромъ; упрекали его, что опъ не запрещаетъ Русскимъ исповедывать греческую веру. Поэтому Ягайло и основаль академію чтобы приготовить просвіщенных богослововь и ловкихъ миссіонеровъ. *** Въ этой-то акалемія и получали образование ксендвы, которыхъ потомъ посылали въ Литву и на Жмудь. Нетъ сомненія, что отъ нихъ требовалось знаніе русскаго языка.

^{*} Гвагнинъ, Sarmatiae Eur. descriptio aucтъ 3.

^{**} Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, A. Theiner. T. II, crp. 278.

^{***} Skarbiec, т. I, стр. 821, № 719.

Но католики свверо-западнаго края были крайне недовольны польскими ксендзами, стремившимися къ искоренению русской народности. Случалось передко что, несмотря на угрозы правительства, ксендзы изъ Польши были отвергаемы литовскими католиками. Въ 1454 году польское правительство даже обязалось не посылать въ свверо-западный край ксендзовъ изъ Польши, подъ условіемъ, если въ этомъ кряв найдутся люди достаточно образованные, какъ подобаетъ духовному сану. * Съ этою палью основано при виленскомъ каселральномъ соборъ Св. Станислава училище. Въ послъдствіи. въ 1522 году, это училище было преобразовано и значительно улучшено, по соглашению съ папой. Ученики сего училища обучались не только чтенію и письму, но кромъ того, учились грамматикъ, костельному пънію и другимъ наукамъ. Подобно другимъ училищамъ того времени, и это было ствивное, то-есть воспитывавшиеся въ немъ не были обязаны непременно делаться ксендзами. Темъ не мене многіе изъ его воспитанниковъ вступали потомъ въ ряды католическаго духовенства, какъ достаточно къ тому подготовденные. Въ последствии, въ 1582 году, основана въ Вильне духовная семинарія, по правидамъ Тридентскаго вседенскаго католическаго собора, передъ темъ только окончившаго свои засъданія, въ которой іступты стали преподавать науки. Вследствие сего училище существовавшее при кабедральномъ соборѣ Св. Станислава въ Вильнъ потеряло отчасти свое первоначальное назначение воспитывать клириковъ. Въ этомъ каоедральномъ училищъ, отъ основана его посав 1454 года и до конца XVI въка, науки преподавались пе иначе какъ на русскомъ языкъ. Только въ 1526 году епископъ Іоаннъ приказалъ учить въ немъ и польской грамоть. а на преподавателя Священнаго Писанія возложена обязанность къ русскому переводу Св. Писанія присовокуплять и польскій переводъ его. ** Видно изъ всего, что въ этомъ училищь и въ XVI въкъ польскій языкъ весьма мало употребавлся, потому что привилегія, дарованная этому училищу въ 1567 году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, брать по одному полеку съ каждаго воза дровъ ввозимыхъ въ Вильну чрезъ предмъстье Антоколь, писана по-русски. ***

^{*} Земская привилетія 1454 года, у Ө. Чэцкаго, т. І, стр. 57.

^{**} Іохеръ, т. III, стр. 381. Пріваговскій, т. І, стр. 115.

^{***} Яромевичъ, т. II, стр. 39.

٧.

Мицкевичъ изгнаніе русскаго языка и русской народности изъ западнаго края прямо приписываетъ введенію польскаго языка въ костелы. Будучи профессоромъ славянской литературы въ Collège de France въ Парижь, съ 1840 по 1844 годъ, Мицкевичъ читалъ тамъ: "Какая сила оживила польскую народность и двинула ее въ русскія земли, и оттолкнула русскую народность и русскій языкъ за Днъпръ? Эта сила-костель, который взялъ на себя дъло польской народности."

Дъйствительно, главивищую роль въ ополячении края играмо католическое духовенство. По словамъ польскихъ писателей, виленскій епископъ Іоаннъ былъ весьма скромный, кроткій, и вполит благочестивый человикъ. Тъмъ не менъе, жители края питали къ нему крайнюю ненависть, и Станиславъ Разивилъ однажды даже ударилъ его мечомъ, желая лишить его жизни. Поляки не объясняютъ причины этой ненависти къ епископу, но причина ясна; епископъ Іоаннъ первый началъ вводить на Литвъ польскія начала. Въ 1526 году онъ исходатайствовалъ у своего отца, короля Сигизмунда І, впервые повельніе учить въ учебныхъ заведеніяхъ польской грамотть. * Это повельніе учить и польской грамотть. «Это повельніе учить и польской грамотть. Вото повельніе ксендзами природныхъ Поляковъ до тъхъ поръ не приносило плодовъ.

Хотя невкоторые магнаты северо-западнаго края и поаписали унію Литвы съ Польшей въ 1569 году, темъ не мене, жители Литвы писколько не желали этой уніи, уніи живаго съ мертвымъ, а напротивъ, постоянно стремились кътому чтобъ отделиться отъ Поляковъ, заклятыхъ враговъ русской народности. Спустя пять летъ после подписанія уніи, когда король польскій Генрихъ Валуа, наскучивъ польскою анархіей, оставилъ правленіе и урхалъ во Францію, жители северо-западнаго края отправили къ нему депутацію особо отъ Поляковъ, какъ бы отъ отдельнаго государства. Они просили Генриха чтобъ онъ возвратился и

^{*} Іохеръ, т. III, стр. 381. Пріваговскій, т. І, стр. 115.

привяль правленіе въ съверо-западномъ крат, какъ Литовскій король. Превводителемъ депутаціи быль поборникъ русской пародности Мельхіоръ Гедройнъ. Когда около 1575 года скончадся Жмудскій епископъ г. Петкевичъ. Поляки назначили туда епископомъ Якова Воронецкаго, природнаго Поляка. Но Литовскіе католики не приняли Воронепкаго. потому что окъ быль Полякъ, и назначили епископомъ именно Мельхіора Гендройца. Воть что объ этомъ говорить извъстный польскій историкъ Ю. Бартошевичъ. "Это назначеніе (Воронецкаго) случилось спустя нісколько літь послі Люблинской уніи, и раздраженный провинціализмъ Литвы никакъ не могь успокоиться. Гедройнъ принадлежаль къ истымъ Литовцамъ, которые мечтали о возстановлении отавльности, какая была во время Витовта, т.-е. имъ хотылось возвратиться къ прежнему, попятиться назадъ (т.-е. къ русскимъ началамъ). Литва въ это время не приняла назначеннаго enuckonoma Воронецкаго, потому что ока Поляка. а не природный Литвинъ, котя онъ и происходилъ отъ Литовскихъ князей..... Литва любила Гедройца и, по всей въроятности, онъ назначенъ епископомъ противъ воли короля. назначенъ съ цълію защитить устарълыя привилегіи" (т.-е. русскіе законы, кои Полякамъ хотвлось уничтожить).

Воть въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ находилась русская народность съверо-западнаго края къ польщизнъ и послъ заключенія Люблинской уніи.

Чтобъ искоренить русскія начала въ сѣверо-западномъ краѣ и объединить жителей этого края съ Польшею, Поляки призвали іезуитовъ.

Изгнаніе русскаго языка изъ употребленія на Жмуди всъ приписывають іезуитамъ, которые въ 1569 году ввезены были въ Вильну въ закрытой кареть, секретно, окруженные со всъхъ сторонъ вооруженными солдатами, ибо надо было полагать что безъ этого ихъ не впустили бы въ городъ. **

Іезуиты въ съверо-западномъ крат вполнъ примънили принципъ: divide et impera, или въ ихъ переводъ: "подстрекать Русскихъ противъ Русскихъ, чтобъ они истребляли другъ

^{*} Encyklopedya pow. IX, слово-Giedrojć Melchior.

^{**} Яромевичъ, III, 73. Прізаговскій, І, 181. Третій томъ Obraz Litoy, соч .Яромевича, есть кавссическое сочивеніе по исторіи ісвуитовь въ Литвъ.

друга". Ови возбуждали принявших унію противъ непринявшихъ, и въ то же время Поляки старались чтобы не всъ православные приняли унію, иначе послѣдователи греческаго обряда опать объединились бы. * Дворянство въ сѣверо-западномъ краѣ жило до этого времени въ связи съ народомъ: они смотрѣли другъ на друга какъ на членовъ одного и того же отечества. Іезуиты старались обращать тамошнихъ вельможъ не въ унію (какъ дѣлали съ простымъ народомъ), а прямо въ католицизмъ; для образованія дворанъ открыли огромное число коллегій, куда принимались только дѣти этого сословія. Скоро, благодаря направленію этого образованія и религіозной розни, между дворянствомъ и народомъ сѣверозападнаго края образовалась непроходимая бездна; одно сословіе перестало понимать другое.

Не ожидая большаго успъха въ распространени польскаго языка, который, по словамъ Мицкевича, самъ нуждался въ оживляющей силь, језушты затъяли пробуждать въ средъ народа, какъ чисто русскаго, такъ и бывшаго нъкогда литовскаго, но совершенно обрусъвшаго, Литовскую народность. Съ этою при встренному и поперечному изъ простаго народа стали доказывать будто они литовскаго происхожденія, и что на нихъ лежитъ священный долгь усвоить литовскій языкъ. Въ Вильнъ, тогда центръ русской народности, въ самомъ главномъ после собора костеле, въ костеле Св. Іоанна, они стали произносить, въ перемежку съ польскими проповълями. и проповъди на литовскомъ языкъ. Проповъдникомъ поучавшимъ по-литовски былъ језуитъ Константинъ Ширвинаъ, который, по словамъ польскихъ писателей, училъ въръ и литовскому языку не только въ костелахъ, но и въ деревняхъ, хижинахъ и на дорогахъ. Ширвиндъ скончался въ 1631 году, и ісзуиты объявили его святымъ, чтобы темъ сильне убъдить народъ въ необходимости усвоить себъ литовскую народность. Но просить чтобы папа причислиль Ширвинда къ лику святыхъ језушты не осмвливались. **

Пока быль въ живыхъ Жмудскій епископъ Мелхіоръ Гедройцъ, поборникъ русской народности, до тъхъ поръ трудно было іезуитамъ утвердиться на Жмуди. По смерти же его, въ 1608 году, іезуиты поставили жмудскимъ епископомъ

^{*} Гарасевичъ, стр. 128 и мп. др.

^{**} Ярошевичь III, 215-216. Encyklopedya pow., XXIV, саово Szirwid.

Николая Паца, человъка преданнаго имъ тъломъ и дутой. При каждомъ костель были устроены миссіонерскіе посты, миссіи.* Жмудь наводнилась іезуитскими монастырями и коллегіями; въ Ворняхъ, Крожахъ, Жодиткахъ, въ Меречи, Динабургъ, Илуктъ, Митавъ и Ригъ находились іезуитскія коллегіи, гдъ жило неръдко по 75 іезуитовъ въ одной коллегіи.**

Въ XVII въкъ, мъстечко Кейданы обращено было Радзивилами въ Аеины литовской народности. Тамъ построена кальвинская церковь, въ которой все богослужение совершалось на литовскомъ языкъ; въ 1625 г. основанъ извъстный своимъ вліяніемъ лицей, при которомъ находилась громадная библіотека; въ 1650 г. основана типографія, въ которой напечатано не мало книгъ на литовскомъ языкъ.

Одновременно съ језуштами старались воскрешать бывтую литовскую народность изъ мертвыхъ и Нъмпы прусскіе и оствейскіе, и многіе пришельны изъ Германіи. Кальвинисты. начавшіе пропаганду своего ученія впервые въ XVI вѣкѣ на русскомъ языкъ, теперь вивств съ језуптами стали распростравять языкъ литовскій. Въ Кейданахъ съ 1691 года кальвинисты стали собираться на соборы. Броженіе умовъ въ конце XVI и въ XVII веке на Жмуди было такъ веачко, что даже жмудскій епископъ Петкевичь и всь ксендвы, за исключениемъ мести, не устояли при своихъ прежнихъ приндипахъ и приняли протестантизмъ. *** Такимъ образомъ, благодаря польскимъ и неменкимъ деятелямъ, жители Жмуди, коготорые издревле почти до конца XVII въка говорили по-русски, а въ судъ писали и объяснялись до 1697 года на томъ же русскомъ языкъ, переродились такъ, что нынъ имъ даже и не върится что ихъ предки въ недалекомъ прошедшемъ говорили по-русски и не умъли писать иначе какъ по-русски. Въ 1679 году Хр. Гарткнохъ уже писалъ: "Еще даже и нынъ употребляется русскій языкъ не только въ деревняхъ, но даже и въ городахъ почти во всей Литвъ, за исключениемъ Жжуди". **** Дело истребленія русской народности вело за собою уничтожение умственной деятельности въ народе.

^{*} В. Колловичъ, Miscelanea, стр. 101, 112, 115.

^{**} Encyklopedya pow., T. XIII, caobo Jezuici w Polsce.

^{***} Ярошевичъ, т. ІН, стр. 36.

^{****} Selecta dissert. hist., crp. 64.

Digitized by Google

"Уже въ XVII въкъ, питетъ Яротевичъ, въ Литвъ и на Жмуди существовали виленская ісзуитская академія, късколько гимназій (коллегій) и значительное число приходскихъ училищъ. Но все это ни къ чему хоротему не привело, потому что тогда въ учебныхъ заведеніяхъ старались нарочно держать учениковъ въ невъжествъ и насадитъ въ нихъ всякія дурныя качества.... Благодаря чему Литва въ дълъ цивилизаціи пошла вспять, и что всего печальнъе, это случилось тогда, когда другіе народы дълали успъхи въ развитіи гражданственности".... *

Чтобы подавить окончательно всякое умственное развите въ Литвъ и лишить будущаго историка возможности обнаружить когда-нибудь истину, іезуиты и Поляки предпринали радъ савдующихъ мвръ. Съ самаго начала XVII въка језуцты взями цензуру или въ свои руки, или подъ непосредственное свое вліяніе, такъ что ни одна книга не могла быть напечатана безъ ихъ воли. Устроена повсемъстная ревизія библіотекамъ и очистка ихъ. Все что не правилось іезуитамъ и Полякамъ, что не согласовалось съ ихъ цвлями: всв древніе народные паматники, письма, сочиненія, півсни, въ которыхъ находились следы прошлой старины, наконецъ даже католическія сочиненія, авторы которыхъ могли быть заподозр'вны і езуптами, — все это было истребляемо безпощадно, и огромныя кучи книгь и рукописей посреди городскихъ площадей были торжественно предаваемы огню, руками палачей. Въ дълъ истребленія письменныхъ памятниковъ језушты оставили за собой всехъ варваровъ міра. Ими были истребляемы не только сочиненія несогласныя съ ихъ духомъ, но даже и такія, которыя, по ихъ разумвнію, были лишнія, старыя, безъ значенія. Если же и оставляли какое-либо сочинение или рукопись, то темъ не менве ее подвергали очистко, передълкв и поддвакв. Этого рода очисткъ были подвергаемы и древніе классики, употребляемые въ учебныхъ заведеніяхъ. Дело не кончилось истребленіемъ книгъ и рукописей. Той же участи подверглись и типографіи, принадлежавнія не ксендзамъ. Эти типографіи вскор'в очутились въ рукахъ ісзуштовъ, такъ что имъ однимъ удалось овладеть книгопечатаніемъ, ибо они всячески старались мешать печатать даже и ксендзамь, не

^{*} Ярошевичъ, III, стр. 104—106.

принадлежавшимъ къ ихъ ордену. Видя что іезуиты Голынскій и Скарга заправляють всёмъ и раздають епискоиства, іезуитамъ стало помогать и немонашествующее духовенство. По дёлу уничтоженія и сожиганія книгь, особенною изв'єстностью пользуются виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ и Георгій Радзивиллъ. Іезуитскій воспитанникъ Радзивиллъ, по прозванію Сиротка, истратилъ громадную сумиу денегь на пріобр'єтеніе для сожженія письменныхъ памятниковъ. По дёлу уничтоженія типографій изв'єстны своимъ усердіемъ бол'є другихъ Б. Мац'євскій, Шишковскій, Косцелецкій; за уничтоженіе типографій Мац'євскій получилъ кардинальское достоинство. Акакій Гроховскій только то и делалъ, что всю свою жизнь собиралъ, покупалъ и кралъ письменные памятники и книги чтобы предать ихъ огню. *

Въ замънъ всъхъ этихъ потерь, что же дали ісзуиты? Въ теченіе XVI и XVII въковъ, въ ихъ средъ были только одинъ историкъ и одинъ поэтъ. Ничтожное вознагражденіе, хота В. Колловичъ и Сарбевскій и занимають видное мъсто въ литературъ (латинской)! **

За то цваь была достигнута. "Въ Литвв (и на Жмуди), говорить Мацвевскій, гдв еще во время язычества говорили по-русски, какъ въ чертогахъ вельможъ, такъ и въ самыхъ хижинахъ, и гдв (въ XVI въкв) рядомъ еъ польскимъ языкомъ обучали русскому языку и въ училищахъ, мы изгнали этотъ языкъ изъ учебныхъ заведеній, по преимуществу во время Сигизмунда III, по совъту іезуитовъ; въ этомъ отноменіи слушались іезуитскихъ совътовъ даже и тъ (изъ Поляковъ) коимъ и не правились сами іезуиты." *** "Литва и воеводства присоединеныя къ Польшъ, пишетъ О. Чацкій, почти въ теченіе двухъ стольтій обучались польскому языку, составляющему нашу собственность. Благодаря основанію училищъ (польскихъ), русскій языкъ забытъ и изгнанъ силою общественнаго мивнія."

Въ пачалъ XVIII въка Поляками придумана слъдующая варварская мъра. Въ польской запискъ ("проектъ") объ

[•] Ярошевичъ, III, стр. 107-108.

^{**} Tamb ske, III, erp. 115.

^{***} Pamiętnik r. I, cpp. 343.

искорененіи русскихъ началъ, которая въ 1717 году сдѣлалась настольною книгою Поляковъ, читаемъ слѣдующее:

"Боле всего упрямы (т.-е. тверды въ своей народности и въръ) и другихъ въ упрямствъ поддерживаютъ Русняки (Русскіе) изъ крестьянь, умпющіе читать свои письмена. Поэтому, надо уничтожить въ нихъ причину упрямства; вследствіе чего и упрямство исчезнеть. Достигнуть этого мы Поаяки можемъ легко, если запретимъ холопскимъ дътямъ обучаться грамоть въ училищахъ существующихъ при церквахъ (православныхъ и унівтскихъ). Вследствіе чего мы будемъ въ состояніи извлечь не только вышесказанную пользу, но даже избъжимъ вреда, который неръдко приходится намъ переносить отъ нашихъ кръпостныхъ. Ибо выучившись грамоть въ простомъ сельскомъ училищь, крестьянинъ ищеть свободы. Такимъ образомъ въ инструкціяхъ, даваемыхъ экономамъ и управителямъ имъній, должно быть строго приказано-смотреть за темъ чтобы холопскіе дети занимались не книгами, а напротивъ, плугомъ, сохою, боровою, целомъ. Если же (чего мы никакъ не ожидаемъ) какими-нибудь судьбами успветь получить достаточное образование кто-нибудь изъ Руспяковъ, то съ этими надо поступать такъ: должно убъждать ихъ..... чтобъ они вели жизнь безбрачную, и имъ надо делать более уваженія, давать большую свободу и увеличиваты ихъ доходы." *

VI.

Мы говорили выше что грамоты, данныя въ пользу католическихъ церквей, писаны въ XIV—XVI въкахъ на русскомъ языкъ. Тъмъ не менъе, при костелахъ въ съверо-западномъ крат ръдко гдт имъются древніе акты и грамоты. Не разъ приходилось виленской администраціи спративать, куда дълись древніе прикостельные архивы. На это у католическихъ священниковъ имъется готовый отвътъ: по словамъ однихъ, вст древніе документы сгортали, по словамъ другихъ, сгнили, а иные говорятъ что отобраны къмъ-то, или просто затерялисъ.

Дело въ томъ что въ XVII веке, какъ свидетельствують многія сказанія, іступты осмотрели все прикостельные

^{*} Гарасевичъ, стр. 160.

архивы и ваяли все свидітельствующее что сіверо-западный край не Польша, а Россія. *

Главный памятникъ свидътельствующій о древней унственной культурь въ съверо-западномъ крав и самое непререкаемое свидътельство процевтанія въ немъ русскихъ началь и русскаго языка есть Литовскій Статуть. Іезунты перевели Статут на польскій языкъ и исказили его. Но и въ польскомъ переводъ сохранился законъ повелъвающій употреблять русскій языкъ въ государственныхъ актахъ. Воть этотъ законъ; "Земскій писарь обязанъ всв бумаги, выписи и позывы писать не на иномъ какомъ-либо языкъ и не иными словами, какъ только по-русски, буквами и словами русскими" (раздель IV, артикуль I, пункть 4). "Узаконяемъ, что воеводы и судовые старосты обязаны, каждый изъ нихъ особо по своему въдомству, избрать и опредвлить въ должность для себя помощника, или подстаросту, городскаго судью и секретаря, людей честныхъ, бла-гонравныхъ, свъдущихъ въ законъ и знающихъ русскую гра*моту*^и (разд. IV, арт. 37, пунктъ I).

Хотя до 1840 года Литовскій Статуть въ польскомъ переводь и двиствоваль въ западномъ крав, но какъ книга законовъ для XIX въка онъ совершенно не пригоденъ. Уже въ XVII въкъ жители съверо-западнаго края находили необходимымъ исправить статутъ и передълать его. "Несмотря на всъ хорошія стороны статута (пишетъ Яротевичъ), вскоръ посль третьяго изданія его (1588 года) многіе изъ государственныхъ людей въ Литев находили въ немъ неясности, неточности, противорьчія и даже въ нъкоторыхъ случаяхъ чрезмърную строгость и суевърія свойственныя тому времени, въ которомъ писанъ статутъ. Поэтому были дълаемы постоянныя заявленія о необходимости передълать и исправить статутъ согласно духу времени и успъхамъ цивилизаціи."

"Умъли іступты (пишеть далье Ярошевичь) воспитать не мало людей ловкихъ и неутомимыхъ въ преніяхъ и въ письменной полемикъ съ еретиками, но не умъли образовать ни одного человъка, который былъ бы въ состояніи исправить и передълать статутъ согласно потребностямъ времени. Все что со времени третьяго изданія статута

^{*} Ярошевичъ, т. III, стр. 107.

успваи сдваать въ последствіи относительно свода аитовских законовъ, собранных въ XVI веке, кончилось темъ что удалось вымолить на сейме 1647 года разрешеніе перепечатать статуть вновь." Тексть этого разрешенія въ русскомъ переводе следующій: "Для употребленія и удобства обывателей великаго княжества Литовскаго, мы разрешаемъ напечатать статуть того же великаго княжества Литовскаго, яко нужные для техъ же обывателей законы."

Жители свверо-западнаго края отказывались принять польскій переводъ напечатанный ісэуштами въ 1648 году, желая оставаться при русскомъ текств. Мяв сообщали знатоки исторіи свверо-западнаго края, что ісзушты старались истреблять русскіе экземпляры статута, дабы, за неимъніемъ земпляровъ русскаго подлинника, заставить наконецъ принять и польскій переводъ его. Но и эта ісэунтская прольдка не успъав заставить жителей свверо-западнаго края отказаться отъ русскаго языка. Тогда ісвушты изобрыми новую мыру: по наущенію ихъ, гетманъ великаго кнажества Литовскаго, Казиміръ Павелъ Сапъта, пользуясь властью дарованною статутомъ боаве правительству чемъ шляхть, сталь угнетать жителей этого края до такой степени, что они решились просить управленія сходнаго съ польскими обычалми, согласно которымъ правительственныя лица не имъли значенія, шляхта же была всемотуща. ** Въ самомъ дълъ, во времена избранія Августа II. въ 1697 году, было предписано уравнение жителей свверо-западнаго края въ правахъ съ Поляками (Coaequatio jurium), и тогаа въ редакцію статута вставлены следующія слова: "Въ воеволствъ, въ которомъ будутъ производиться главные верховные (трибунальскіе) суды, писарь земскаго суда обязань будеть.... судебныя рышенія писать не по-русски, а напротивъ, попольски, и ихъ выдавать каждому требующему."

Такимъ образомъ, съ 1697 года, въ сѣверо-западномъ краѣ впервые введено употребленіе польскаго языка въ судопроизводствъ, и упразднено употребленіе русскаго языка и статута въ подлинникъ, то-есть на русскомъ языкъ.

Литовская пропаганда шла своимъ чередомъ. Около 1773 года употребляли литовскій языкъ только жители Жмуди, то-есть Тельшевскаго, Шавельскаго и Россіенскаго увядовъ,

^{*} Volumina Legum, nerep6. usq. т. IV, стр. 54-55, № 18.

^{**} Ярошевичь, т. II, стр. 146.

^{***} Volumina Legum, T. V., CTP. 418.

и еще кое-гав. Въ настоящее время, кромв собственной Жмуав. то-есть кромъ Тельшевскаго, Шавельскаго и Россіенскаго. увадовъ, говорятъ по-литовски жители съверной части Сувальской губерніи, Ковенскаго, Вилькомірстаго, Поневъжскаго и части Новоалександровского уфедовъ, въ Трокскомъ уфедъ, около мъстечка Меречи, и въ Лидскомъ, около мъстечка Начи. Въ увздахъ же Динабургскомъ, Ръжицкомъ и отчасти Люпинскомъ употребляется литовско-латышскій языкъ. Если сличить ныявшиюю территорію употребленія литовскаго языка съ территоріей, въ чертв которой тотъ же антовскій языкъ употреблялся въкъ тому назадъ, то увидимъ, что въ течение одного въка литовский языкъ успълъ распространиться на территорію вдвое большую. Всь эти повые Литовны, впрочемъ, вполят понимаютъ русскую рвчь, а большинство изъ нихъ не дурно владветъ и русскимъ азыкомъ, или по крайней мере песравнено лучше чемъ польскимъ. Новосотворенный литовскій языкъ, это не что иное какъ смъсь составленная изълитовскаго, польскаго и русскаго языковъ. Благодаря этому, жители собственной Жмуди, т.е. жители Тельшевскаго, Шавельскаго и Россіенскаго увядовъ, успавніе олитвиться въ конца XVII и въ начала XVIII ваковъ, смотратъ на этихъ повыхъ Литовцевъ какъ на пришельпевъ и не считають ихъ принадлежащими кълитовскому племени. По всей въроятности, жителямъ Шавельскаго, Тельmeвскаго и Россіенскаго увздовъ хорошо помнится какъ эти новые Литовцы еще недавно говорили по-русски. Благодара преимуществу оказываемому Литовцамъ предъ Русскими въ принатіи въ духовный санъ, съ XVIII въка и понынъ вастоятели приходовъ не только въ Жмулской епархіи, но даже и въ Виленской, по большей части, природные Литовры. Ксендвы считающие себя Литовцами относятся къ русской пародности, подобно Полякамъ, весьма враждебно. У нихъ обыкновенно батраки, служанки и вообше прислуга, въ томъ чисав и костельная, по большей части изъ Литовпевъ. При ксендзахъ неръдко находятся и родные ихъ. Здъсь кстати замътить, что при образовани Ковенской губернии, увяды Ковенскій, Вилькомірскій, Попев'яжскій и Нововлександровскій въ 1845 году присоединены къ Жмудской епархіи, всабдствіе чего эти присоединенные увады не могуть не олитвиться окончательно, потому что и въ этихъ увздахъ ксендвы начали произносить проповым на литовскомъ языкъ.

Проводниками литовской народности въ среду русскаго народонаселенія должны считаться, въ числь прочаго, и литовскія училища. Правительство до 1864 года не обращало вниманія на литовскія приходскіх училища. Благодаря этому, не только на Жмуди, но даже и въ приходахъ и деревняхъ смежныхъ съ олитовленнымъ народонаселеніемъ, польскіе двятели, подъ руководствомъ и при помощи князя Адама Чарторыйскаго. старались основывать литовскія училища, въ увіреннности, что эти училища, при первомъ благопріятномъ для польщизны случав, не трудно обратить въ польскія. Такимъ образомъ. съ 1795 по 1864 годъ, существовали литовскія училища не только при костелахъ, но и въ каждой деревив съ одитовившимся населеніемъ. Существованію дитовскихъ учидишъ до 1864 года ничто не мъщало: если правительство благопріятствовало Полякамъ, тогда ученики этихъ училищъ, рядомъ съ антовскимъ языкомъ, обучались и польскому языку, и даже болье польскому чыть литовскому; если же запрешалась польщизна, то эти заведенія были обращаемы въ литовскія училища. Эта тактика постоянно соблюдалась. Наставники говорили со своими учениками не только по-аитовски, но и по-польски; точно также и ксендзы въ этихъ мъстностяхъ стараются произносить проповъди въ одинъ и тотъ же день и по-литовски, и по-польски.*

Въ концѣ прошлаго стольтія, по преимуществу же въ нынъшнемъ XIX вѣкѣ, издано на литовскомъ языкѣ весьма значительное число народныхъ книгъ. По-литовски писали народныя книги: Рупейко, епископъ Волжчевскій, Пашкевичъ, Незабитовскій, Дроздовскій, Станевичъ, Акелевичъ, Визгирдъ и другіе. Авторы литовскихъ книгъ имъютъ въ виду главнымъ образомъ сблизить Литовцевъ съ Поляками и убъдить своихъ читателей что имъ необходимо держаться и слушаться Поляковъ, и напротивъ, стараются поселить въ Литовцахъ непріязнь къ русскому правительству и русской народности. Эти анти-государственныя книги усердно распространялись въ средѣ народа, на глазахъ правительства, потому что литовскаго языка русскіе чиновники не знаютъ.

Любопытно сравнить что говорили о свверо-западномъ крат старые польскіе историки съ твит что пов'ятствують новые. Первый изъ Поляковъ писалъ о свверо-западномъ крат

^{*} Encyklopedya powszechna, T. IX, cTp. 727.

жмудскій каноникъ Стрійковскій, живтій во второй половинѣ XVI вѣка. Онъ доказаль что народонаселеніе сѣверо-западнаго края состоитъ главнымъ образомъ изъ русскаго племени, что Литовцы говорили не иначе какъ по-русски, что они писали не иначе какъ на томъ же русскомъ языкѣ, и что, наконецъ, безъ тѣхъ же Русскихъ Литовцы были бы не въ состояніи управлять государствомъ. Точно то же за Стрійковскимъ подтвердилъ А. Гвагнинъ, который даже похитилъ у Стрійковскаго Sarmatiae Europeae descriptio и напечаталъ это сочиненіе подъ своимъ именемъ. * Такого же, какъ и Стрійковскій, миѣнія о сѣверо-западномъ краѣ и о русской народности въ немъ былъ іезуитъ В. Кояловичъ, писавтій въ XVII вѣкѣ. Болѣе никто изъ Поляковъ не писалъ исторіи сѣверо-западнаго края до конца XVIII вѣка.

Въ 1800 году, О. Чацкій издаль сочиненіе по литовском в народь и его языкь"; посль него о томъ же предметь писаль бывтій ісэунть Богуть: далье Лелевель. За ними послыдоваль рядъ польскихъ писателей, которые до 1863 года успъли написать много сочиненій и статей не о русской народности въ съверо-западномъ краф, а напротивъ, о литовской народности. У современных в польских в писателей литовское племя является многочисленнымъ, могущественнымъ и достойнымъ особеннаго вниманія; языкъ литовскій, по словамъ современныхъ польскихъ писателей, весьма богатъ, хотя тв же писатели сознаются, что неизвъстно, какимъ быль этотъ языкъ до XVI въка. Если бросить взглядъ на этотъ рядъ современныхъ польскихъ писателей о литовской народности, то нельзя не видъть, что въ каждомъ новомъ изданіи все болье и болъе уменьшается значене русскихъ началъ въ съверозападномъ крав, а напротивъ, все болве и болве выходитъ наружу литовское племя, его могущество, многочисленность и его близкая связь съ Поляками, такъ что у польскихъ писателей писавших въ самое последнее время Стрійковскій авляется уже лжецомъ, насколько онъ пишеть о русскихъ началахъ въ сверо-западномъ крав.

Подъ личивою любителей литовской народности, польскіе двятели, отъ начала вынішняго столітія и до 1863 года, то и двло путешествовали по сіверо-западному краю,

^{*} Encyklopedya powszechna, caoba Gwagnin u Stryjkowski.

якобы для ученыхъ изысканій, вступали въ разговоръ съ крестьянами о литовской народности, о томъ что ихъ предки были литовцами по происхожденію, и т. д. Можно безъ преувеличенія сказать, что нізть ни одной значительной деревни въ сіверо-западномъ крать, гдів члены литовской партіи не побывали бы многократно, бестадуя каждый разъ съ крестьянами о литовской народности, по польской программів.

Конечно, для польщизны полезные всего было бы прямо ополачивать русское народонаселеніе, что идылается по мыры силь; но это не всегда удобно. Поэтому, для скорыйтаго искорененія русскихъ началь въ сыверо-западномъ край, выдумана система обращать Русскихъ въ Литовцевъ. Полезна ли эта мыра Полякамъ? На этотъ вопросъ отвытимъ словами польскихъ писателей. Избираемъ время мятежа, когда ясные всего обнаруживается политическое настроеніе.

О мятежъ 1794 года епископъ Волончевскій пишетъ: "Несчастное потрясеніе погибающаго польскаго государства въ 1794 году тронуло Жмудиновъ, ибо послѣдовала у нихъ огромная потеря людей и денегъ. Весь народъ, по гласу епископа Стефана Гедройца, подобно жителямъ Ниневіи, постился и молилъ Бога о помощи." * "Побъда подъ Раулавицами, пишетъ Лелевель, ускорила возстаніе ет Варшаєть, на Жмуди и подъ предводительствомъ Ясинскаго ет Вильнъй; народъ употребляющій русскій языкъ "къ народному возстанію или былъ равнодушенъ, или даже недоброжелателенъ." **

Во время польскаго мятежа 1831 года разница между жителями употребляющими русскій языкъ и жителями употребляющими литовскій и польскій языки обозначилась еще ръзче. Замъчательно, что участіє или неучастіє народа въ мятежь 1831 года опредълилось главнымъ образомъ языкомъ, а не върою. Тотъ же польскій историкъ Лелевель пишеть: "На западъ отъ Нъмана и Буга народъ мало умъетъ говорить по-русски, и поэтому онъ (тамошній народъ) въ каждомъ польскомъ возстаніи все охотнъе и охотнъе и все съ большимъ и большимъ самопожертвованіемъ сражался за польское дъло, за свободу Польши.... На востокъ отъ Нъмана и Буга народъ немного умъетъ говорить по-польски, онъ обыкновенно говоритъ по-русски, или по-литовски.... Жмудины (употребляющіе литовскій языкъ) возстали повсемъстно, держались долго

^{*} Ucmopia Knydckoŭ enapæiu.

^{**} Kpamkie ovepku noseckazo napoda, crp. 226.

и безъ утомленія. За то народъ русскій (т.-е. употребляющій пусскій языкъ)... не имъль охоты илти въ возстаніе, опъ спокойно смотрель на пановъ идущихъ на войну и не наавялся чтобъ быть его могь улучшиться," въ случав еслибы матежъ удался. Наконецъ точно также и мятежъ 1863 года подтвердилъ истину, что въ дълъ образованія шаекъ и ихъ долгомъ или кратковременномъ существовани самую главную роль играла не въра исповъдуемая жителями, а именпо языкъ употребляемый народомъ. Въ средв народонаседенія употребляющаго русскій языкъ попытались было въ 1863 году образовать тайки ксендэъ Лукатевичъ, Рогинскій и Лухинскій, и мы видимъ что они потерпъли совершенное фіаско; народъ нисколько не участвоваль въ ихъ мятежныхъ замыслахъ. Напротивъ, ксендзы Мацкевичъ и Горбичевскій, Нарбуть и другіе держались черты въ которой народопаселеніе употребляеть литовскій языкь, и поэтому значительно успъвали, особенно ксендзъ Мапкевичъ, ибо народъ употребаяющій литовскій языкъ усердно помогаль имъ.

Изъ опыта польскихъ мятежей ясно видно, что Поляки, старающіеся распространять литовскую народность и знаніе литовскаго языка въ съверо-западномъ крат и передълывающіе русское народонаселеніе въ Литовцевъ, нисколько не измъняютъ польскому дълу; напротивъ, и ополяченіе и олитовливаніе одно и то же великое будованіе Польши въ границахъ 1772 года, съ тою разницей, что въ дълъ ополяченія пъль явно видна, въ дълъ же распространенія литовской народности та же цёль лукаво замаскирована. Словомъ, какъ ополячивающіе, такъ равно и олитовливающіе русское народонаселеніе съверо-западнаго края стремятся variis itineribus ad пришь.

БЪЛОРУССЪ.

политическая система петра 111*

V.

"Завтній дворъ, повидимому, не безъ опасенія находится, въ адмиралтействъ замътна усиленная дъятельность", допосиль пусскій посланникь въ Копентагень, баронь Корфь ** (отъ 13-го февраля), по получении извъстія о кончинъ императрины Елисаветы. Но если таково было впечатление произведенное однимъ извъстіемъ о вступленіи на престоль Петра III, то декларація 12-го февраля, вообще надълавшая столько шума въ Европъ должна была произвести сильныйшую тревогу въ Копентагенъ. Прошло еще двъ недъли, и барону Корфу сообщенъ быль рескрипть (оть 1-го марта) спеціально касавшійся отношеній Россіи къ датскому двору. *** Мы не отрицаемъ, писалъ новый императоръ, что датскій дворъ неоднократно искаль вступить съ нами въ соглашеніе по голштинскимъ двламъ, но его предложенія были постоянно таковы "что мы не могли съ честію и достоинствомъ принять ихъ", во время же последнихъ переговоровъ по этому предмету графъ Гакстгаузенъ выражалъ даже угрозы.... После этого, продолжаль Петръ, в пепростительно погръщили бы мы предъ собою, предъ светомъ и отечествомъ, еслибы съ своей стороны не употребили благовременно достаточных в осторожностей; но дабы и въ семъ случав ничего не у устить что

^{*} Cm. Pycck. Bncmu. 1868 r. NN 6, 8 u 10.

^{**} Іоганъ Альбректъ, въ последствіи президентъ Академіи Наукъ
*** Этотъ рескриптъ былъ сообщенъ кашимъ миссіямъ въ Париже,
Венъ, Лондоке, Стокгольме и Варшаве.

могло бы способствовать возстановлению и утверждению со всеми державами добраго, ко взаимной пользе, согласія, высочайте повелеваемъ мы вамъ, тотчасъ же по получени моего рескрипта, объявить датскому министерству именемъ ващимъ, на нарочно испращиваемой конференци, что чемъ искреннъе наше желаніе продолжать и распространять съ его величествомъ постоянную дружбу и доброе сосъдство. твиъ прискорбиве намъ видъть противныя опому съ его стороны оказательства, какъ угрозами, такъ и чинимыми во всъхъ датскихъ земляхъ вооружениями, которыя не инако можемъ мы почитать, какъ за такія кои со временемъ противъ насъ обращены будутъ, и что потому въ необходимости видимъ мы себя требовать формальнаго изъясненія, намъренъ ли его величество жить съ нами въ согласіи и удоводьствовать справедливыя на герпогство Шлезвитское требованія, ибо въ противномъ случав, какъ по нуждв, такъ и для произведенія неоспоримыхъ нашихъ правостей, принуждены мы будемъ поступать на такія міры, отъ которыхъ, къ сожальнію нашему, могуть крайнія, но легко еще теперь упреждаемыя, последовать бедствія."

Къ втому рескрипту приложена была записка, въ которой изъяснялось положеніе Голштинскаго вопроса съ точки зрънія русскаго правительства. Желательно было бы, писалъ кандлеръ, чтобы въ Копенгагенъ обратили вниманіе на выгодность голштинскихъ наслъдственныхъ земель при Балтійскомъ морѣ, на значеніе которое онъ даютъ своему владътелю на имперскихъ собраніяхъ, и наконецъ на то что онъ неправильно и къ ущербу герцогскаго дома, въ продолженіе полувъка, удерживаемы были Даніей. Если всъ эти условія будутъ приняты въ серіозное соображеніе, и на основаніи ихъ будутъ сдъланы новыя предложенія, то, замъчаль графъ Воронцовъ, государь не откажется отъ нъкоторыхъ уступокъ, какъ ни справедливы его требованія.

Нота, подавная барономъ Корфомъ, согласно рескрипту 1-го марта, не могла быть чемъ-нибудь неожиданнымъ для датскаго правительства, но произведенное ею впечатление было однакожь очень сильно; король находился во Фриденбургь; немедленно потребовалъ онъ туда своихъ министровъ. Графъ Мольтке, хоть и больной, поскакалъ, вопреки приказанию докторовъ. * На другой день великий оракулъ датскаго двора,

^{*} Релація барова Корфа, отъ 4-го апрыля, и приложеніе къ вей.

по выраженію Фридриха II, баронъ Бернсторфъ, пригаасцаъ къ себъ русскаго посланника и сообщилъ ему результатъ министерскаго совъщанія. Онъ заключался въ увъреніяхъ въ искреннемъ желаніи датскаго двора сохранить дружественвыя отношенія къ Россіи и въ предложеніи возобновить трактаты заключенные при августвитей теткъ его величества. Выслушавъ это сообщение, баронъ Корфъ сказалъ что ваходить въ немъ ответь на одну лишь часть своей ноты; относительно же того, расположенъ ли королевско-датскій дворъ оказать удовлетворение справедливымъ требованіамъ императора, онъ не находить ни слова. "Таковъ отвътъ, который его величество приказаль сделать вамь, отвечаль баронъ Беристорфъ;-что же касается до споровъ относительпо голштинскихъ дълъ, то о нихъ надлежитъ быть настолщей негоціаціи. Объясненія подобнаго рода не объщали привести дваа къ соглашению. Датскій дворъ, зорко следившій за дъйствіями барона Гольца въ Петербургь, не только вналь о предметь частныхь его совышаній съ довыренными лицами Петра III, но и досталъ тайными путями koniю мирнаго трактата 24-го априля и многозначительных прибавочныхъ къ нему пунктовъ. * Въ дипломатическихъ кругахъ Петербурга говорили еще гораздо ранве,-и разумвется не могь не слыхать этого датскій посланникъ, - что война между Россіей и Даніей есть дело решеное, что императоръ, за одникъ изъ техъ ужиновъ где онъ предавался большой откровенности, много сменася, говоря что Данія дваветь видь будто надвется устоять противь соединенныхъ силъ Россіи и Голштиніи, армію которой положено быдо довести до двънадцати тысячъ **; всего этого не могъ на знать датскій дворъ, а потому военныя приготовленія производились тамъ съ большою дъятельностію.

Надо признаться что оборовительныя средства, которыя приготовляла Данія, были немаловажны; по св'яд'вніамъ барона Корфа ***, она им'вла къ концу зимы 1761—62 г. тридцать линейныхъ кораблей съ 1.852 пушками и 15.166 матросами, восьмнадцать фрегатовъ съ 400 пушекъ и 3.000 мораковъ,

^{*} Реаяція барова Корфа отъ 20-го мая.

^{**} Резація Остермана 16-го мая, къ коей приложены экстракты изъ денешъ барона Поссе, изъ Петербурга. (Дила Шеед.)

^{***} Резація отъ 23-го февраля и 2-го марта.

наконець восемь различнаго наименованія меньшихь судовь, съ 63 орудіями. Кром'в того, предволагалось построить еще десять кораблей, пять фрегатовъ и семь мелкихъ
судовъ. Вывозъ хафба изъ Даніи, Норвегіи и датской части
Голштиніи быль воспрещень; посл'ядовало распоряженіе объ
укомплектованіи сухопутной арміи, боевой составъ или ордеръ-де-баталь коей предполагалось довести до 9 баталіоновъ
гренадеръ, 43 баталіоновъ мушкетеръ и 1 баталіона егерей, а
въ кавалеріи до 38 вскадроновъ кирасиръ, 28 вскадроновъ
драгунъ и 6 вскадроновъ гусаръ. * Назначено было устроить
на голштинской границі лагерь на 40.000 челов'якъ, начальство
надъ которымъ предполагалось поручить генералу, пользовавшемуся въ то время высокою репутаціей, Сенъ-Жермену, **
бывшему въ посл'ядствіи военнымъ министромъ Франціи.

Переговоры между тьмъ не прекращались, котя съ объихъ сторонъ дълались военныя приготовленія. Ръшеніе принятое датскимъ дворомъ сообщено было конференции, которая, собравшись 21-го мая, признала справедливымъ не отвергать безусловно предложение Даніи о новомъ обсужденіи споровъ съ нею по голштинскимъ деламъ, но, съ другой стороны, принять меры чтобъ это не сделалось только предлотомъ къ оттяжке времени. Въ такомъ смысле былъ ваписанъ на имя барона Корфа рескриптъ. Въ немъ изъяспялось прежде всего что, очевидно, Данія не намърена вступить на путь соглашеній, "но почитая долгое и спокойное владение похишенными землями за право, видимымъ образомъ ищетъ только выиграть время, въ такомъ чалніц, что не всегда армія наша будеть въ близости къ доставленію праведнаго удовлетворенія, а тімь временемь могуть обстоятельства сделаться и полезными Даніи, такъ что протяжениемъ вновь спокойнаго похищенныхъ земель владънія, мишмое на нихъ ся право утверждалось бы еще болье". Нашъ интересъ, напротивъ того, писалъ канцлеръ, требуетъ воспользоваться настоящими обстоятельствами, а именно сосвяствомъ какъ съ Голштиніей, такъ и съ датскими владъніями нашей арміи, только что прошедшей школу военныхъ трудовъ и поприще побъдъ. Правда, театръ военныхъ дъйствій, -еслибы до нихъ дошло дело, -представляеть для насъ

^{*} Прилож. къ реляціи барона Корфа отъ 1-го ная.

^{**} Реавція барова Корфа оть 4-го априля.

печдобство отдаленности, но это неудобство отчасти отстранено пріобритеніемъ Кольберга, а король прусскій, съ своей стороны, предложиль, по особой дружбь своей. Штетинь въ качествъ плапъ-д'арма для русской арміи и, въроятно, не откажется дать и Кюстринъ, если это окажется нужнымъ. Правда и то, что многіе дворы неблагосклонно взирають на усиленіе наше на Балтійскомъ морв и потому доброжелательствують Даніи; но мы не знаемъ ни одного между ними. отъ котораго могда бы Ланія подучить двиствительную помощь. Напротивъ того, король прусскій "совершенно въ наmuxъ unтересахъ", a Швеція, если она не будеть въ состояніи воспользоваться затрудненіями Даніи, ни въ какомъ случав мешать намъ не будеть. Не взирая однакожь на все эти важныя политическія соображенія, заключаль графъ Воронцовъ, мы решаемся принять предлагаемыя датскимъ дворомъ негопіаціи, съ темъ впрочемъ чтобъ окт происходили въ Берлинъ, непремънно подъ медіаціей короля прусскаго, и открылись не позже 1-го іюля по старому стилю; а дабы не могло дело затянуться, предложенія, которыя русскій дворь имъетъ представить, должны имъть характеръ ультиматума: непринятіе ихъ окончательно разрываетъ переговоры. Баропъ Корфъ поставлялся въ извъстность что онъ назначенъ, вмъств съ конференцъ-совътникомъ Сальдерномъ, въ последствии известнымъ дипломатомъ, быть представителемъ Россіи на берлинскомъ конгрессь. Ему предписывалось немедленно сообщить датскому двору решеніе русскаго правительства и просить о назначения въ Берлинъ своихъ уполномоченныхъ къ означенному сроку, и притомъ съ такими инструкціями, чтобъ они могли принять или отвергнуть русскія предложенія въ семидневный срокъ, не ссылаясь на недостатокъ полномочій. Бароку Корфу разрешалось сообщить датскому двору, что въ случав согласія онаго на всв вышецзложенныя условія, медіатору предоставлялось откинуть некоторыя требованія. заранве указанныя въ Петербургв.

Когда рескриптъ, содержаніе котораго здісь приведено, быль полученъ барономъ Корфомъ, короля датскаго не было въ Копенгагені; неділи за три предъ тімъ онъ предприняль потвядку въ Шлезвигь и Голштинію съ цілію, между прочимъ, осмотрівть расположенныя тамъ войска. ** Сділавъ необходимыя приго-

^{**} Резація барона Корфа отъ 1-го іюня.

^{*} Рескриптъ барону Корфу отъ 24-го ная.

товленія, баронъ Корфъ отправился вслёдъ за нимъ (19-го іюня); но достигнувъ берега, опъ принужденъ быль остановиться за непогодой и ждать пока море утихнеть. Король находился въ это время въ Травендаль, куда поспышиль и Корфъ, однако никакъ не могъ поспъть ранъе 28-го иона. • Тотчасъ же по прибытіи опъ виделся съ Беристорфомъ и сообшилъ ему о согласіи русскаго двора на конгрессъ и объ условіяхъ на коихъ онъ возобновляєть переговоры. Латскій министръ замізтиль. что когда два правительства желають покончить существующія между ними недоразуменія. то обыкновенно мъсто и время для переговоровъ о томъ назначаются съ обоюднаго согласія, каковое еще нуживе относительно медіаціи; однако, прибавиль Беристорфъ, король соглашается на всв сдвланныя императоромъ предложения и сдвлаль уже назначенія на предполагаемый конгрессь; онь опасается только что датскіе уполномоченные не поспъють къ сроку, такъ какъ имъ необходимо взять съ собою различные документы хранащіеся въ копентагенскихъ архивахъ. Противъ этого нечего было возражать; баронъ Корфъ и самъ опасался опоздать, хотя предполагаль выбхать въ ту же ночь. Авиствительно, онъ добрался до Берлина лишь 5-го іюля.

Мы видъли, что графъ Воронцовъ, въ депешъ отъ 24-го мая къ барону Корфу, указывалъ на Швецію, какъ на страну которой не было причинъ опасаться. Въ ней царствовалъ Адольфъ-Фридрихъ, бывшій администраторъ Голштиніи, родной братъ покойнаго отца Петра III. Молодой императоръ, отъ природы расположенный върить въ исполнимость всъхъ своихъ желаній, былъ убъжденъ, что такой близкій родственникъ и притомъ членъ Голштинскаго дома неминуемо войдетъ во всъ интересы его политики. Опъ тъмъ болъе предавался этой надеждъ, что между Швеціей и Пруссіей, какъ мы видъли, за дъло шло къ миру, и было заключено перемиріе; но хотя мирный трактатъ между Адольфомъ-Фридрихомъ и королемъ прусскимъ былъ дъйствительно подписанъ (22-го мая ст. ст.), условія его не оправдали однакожь ожиданій императора. Окончивъ продолжительную войну, веденную безъ внергіи,

^{*} Реанція барона Корфа отъ 29-го іюна.

^{**} Peasnis ors 6-ro isons.

^{***} См. га. II.

T. LXXXI.

но за то не принестую никакихъ выгодъ, иведское правительство было радо наступившему затемъ спокойствио и вовсе не намеревалось принимать участія въ столкновеніяхъ приготовлявшихся между Россіей и Даніей. Говоря съ русскимъ посланникомъ при стокгольмскомъ дворъ, графомъ И. А. Остерманомъ, шведскій министръ иностранныхъ дваъ Экеблать постоянно выражаль желаніе чтобы на свверв установилось общее спокойствіе, чтобы несогласія между Россіей и Ланіей уладились мирнымъ путемъ, но не подаваль никакого повода ожидать содъйствія Швеніи. Чтобы вывести тведскій дворъ изъ круга этихъ неопределенностей. графу Остерману поручено было сообщить стокгольмскому министерству о положеніи нашихъ сношеній какъ съ Ланіей, такъ и съ Пруссіей, и дать ему почувствовать, что по причинъ близкато родства шведскато королевскато дома съ русскимъ, отъ него ожидается, что онъ подкръпитъ домогательство императорскаго правительства. Для этого, писаль канцлеръ графу Остерману, * "Шведскій дворъ могь бы дать пристойно датскому двору выразуметь, что легко можеть Швеція подкрыпить притязанія наши самымъ дыломъ". Ему было приказано также вывъдать, не найдеть ли королевское правительство возможнымъ, "въ случав, если двла между Россіей и Даніей дойдуть до разрыва, оказывать русскимъ кораблямъ вспоможение въ шведскихъ гаваняхъ и доставлять предметы потребные арміи въ Померанію, празумвется, за справедливое вознагражденіе. Министръ выслушаль все что сообщиль ему русскій посланникь и обыщаль доложить королю, а чрезъ нъсколько дней отвъчалъ ему, что король твердо решился не вступать въ обязательства которыя могач бы быть предосудительны для спокойствія Швепіц; ** впрочемъ, шведское правительство не отказывало русскимъ кораблямъ въ дозволеніи заходить въ принадлежащія ему гавани для исправленій и пополненія своихъ запасовъ; оно не отказывало и въ получении изъ шведскихъ владений различныхъ потребныхъ для арміи предметовъ, но заявляло, что не сочтетъ себв въ правв отказать и Даніи въ подобныхъ же услугахъ, если она будеть просить о томъ. Не менее сдержанности обнаружило шведское правительство и въ сношеніяхъ своихъ съ Пруссіей. Фридрихъ обратился къ королю шведскому съ

^{*} Peckp. 24 мая (Дъла Шведск. 1762 г.)

^{**} Pea. Остермана, 4, 11 u 18 іюна.

письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему заключить тройственный союзъ (Швеціи, Россіи и Пруссіи), но и это предложеніе было отклонено. Адольфъ Фридрихъ хотвлъ мира и болве ничего.

Обратимся теперь къ дъламъ курландскимъ. Можно было предвидеть что съ началомъ новаго царствованія они примуть пеблагопріятный для принца Карла обороть, зная какое нерасположение обнаружиль къ этому принцу Петръ. при первой съ нимъ встрече. Въ последствии неприявнь эта еще усилилась и обратилась въ некотораго рода отвращение. Молодой саксонскій принцъ, покончивъ дела свои въ Петербуртв. отправился въ армію генерала Фермора, при которой дівлаль, въ качествъ волонтера, кампанію 1758 года. Но вскоръ оттуда пришли неблагопріятныя о немъ извъстія: * говорили, что въ сражении при Цорндорфъ онъ предадся постыаному бытству. Въ дълахъ московскаго архива министерства иностранных дель сохранилось письмо, которое принпъ писалъ по этому случаю императринь. Онъ оправлывался, жаловался на клеветниковъ, личныхъ враговъ, завистниковъ, интригу и т. л. Не видя особенной надобности изследовать это обстоятельство, мы заметимь, что оно ни мало не изменило къ нему расположения императрицы, а къ неблагосклонности, какую при первой встрече обнаружиль къ нему великій квазь, присоединило еще презрівніе. Императрина Екатерина говорить въ своихъ Запискахъ, что во время втораго посъщенія принцемъ Петербурга, въ 1759 году, Петръ Оедоровичь решительно не хотель говорить съ нимъ, "какъ съ отъявленнымъ негодяемъ".

Въ числъ владътельных особъ, которымъ приготовлены были извъстительныя грамоты о вступлени на престолъ новаго императора, находился и принцъ Карлъ, какъ признанный нашимъ дворомъ герцогъ Курляндии; но Петръ не согласился подписать этой грамоты, какъ видно изъ надписи, сдъланной на ней: Е. И. В—омъ совсъмъ отмънена". **

Желая выяснить свое положение при Митавскомъ дворъ, Симолинъ поспътилъ испросить себъ инструкцию, *** напо-

^{*} Зап. Ekamepanы.

^{**} *Дпла Курлянд.* 1761 г. **№ 4.**

^{***} Резація отъ 8 анваря 1762 г.

миная вывств съ темъ что окъ еще не получилъ повелена формальнымъ образомъ объявить герцогу и рыцарству о вступленіи на престодъ новаго императора. На это представленіе последоваль следующій весьма категорическій отвътъ: "Мы предписываемъ и желаемъ, чтобы оныя (прежия инструкціи) оставляя вовсе, поколику касаться могуть до совершенняго въ Курляндіи утвержденія ныпъшняго герцога, обратили вы, напротивъ того, въ защиту и подкриление поборствующаго за водьвость и преимущества свои рыцарства u aboparctea, kou eme ne cataanu cemy npurny npucaru, nogкрыплая ихъ при всякомъ случан (сколько справедливость о соблюдении правъ ихъ въ приости позволить можеть) въ прежнихъ мавліяхъ къ сопротивленію и отнюдь не преклоняя въ пользу герцога къ принужденному единогласию." * Въ втихъ словахъ заключался самый кругой поворотъ въ отвотеліи прежлей политики по Курляндскимъ дівламъ, повороть, который, какъ можно предугадывать изъ всего вышеиваоженняго, быль очень сочувственно принять въ Курляндіц; нашему резиденту было гораздо легче поддерживать оппозицю въ отношеніи герцога нежели склонать рыпарство на его сторону. "Наставление сие, писалъ Симолинъ отъ 29 января въ отвъть на полученный имъ рескриптъ, приняль я въ такое правило, по которому поступать могу съ надежнымъ успъхомъ къ пріобретенію действительнаго исполненія воли и намівренія вашего императорскаго величества." Приближалось время открытія поваго лапатага: онь быль открыть 20-го января (1-го февраля). Вопросъ редигозный должень быль и теперь стать кампемь преткновенія. Почти всв кирхшпили, которые обнаружили опповипію на прежнихъ ланатагахъ, прислади и на нынатий депутатовъ съ прежними иструкціями. Переговоривъ съ накоторыми изъ нихъ. Симолинъ доносилъ: "Ласкаю себя, что неприметныя мои внушенія.... принесли желанный свой плодъ и очеть обрадовали тахъ, кои доныма дайствовали противъ герцога. По всякому чалнію, здішній сеймикь (ландтагь), который для гервога теперь не весьма авантажень, вскорости уничтоженъ быть можеть подъ такимъ претекстомъ, дабы депутаты имьли время до будущаго сеймика согласовать всь кирхипили къ стараніямъ о соблюденіи персости своей

^{*} Рескриптъ 22 явваря.

религіи, правъ и преимуществъ, а я межъ тыть не премину свои внушенія распространять." *

Между темъ герцогъ, извъстясь о вступленіи на престоль Петра III, посившиль отправить къ нему извъстнаго уже намъ тенерала Лашеналя съ собственноручнымъ поздравительнымъ письмомъ. Ланатагъ, съ своей сторокы, тоже пожелаль послать делугацію въ Петербургь, и выбрадь для этого фонъ-Гейкинга и камеръ-юнкера Плетенберга, людей, которые въ предшеднемъ году были посылаемы въ Варшаву отъ къкоторыхъ кирхипилей для принесенія жалобъ на своего нареченнаго герпога; первый изъ этихъ депутатовъ вовсе не присягалъ Карлу, а последній известень намы какы партизань Бирона. Такое назначение, колечно, не могло быть приятно принцу Карлу, темъ более что о решени ландтага опъ вовсе не быль предувъдомаенъ.** Получивъ наконепъ извъщение о ръшении принятомъ лапатагомъ, принцъ уведомиль его что отправление генерала Лашеналя имъетъ характеръ совершенно партикулярный, и что онъ желаль бы принять участіе въ торжественной депутаціи, отправляемой въ Петербургь, предлагая принять въ составъ депутаціи вместо Гейкинга, какъ не присягавшаго ему, капплера Кейзерлинга. Чтобъ объявить Симолину объ этомъ новомъ предметв препиранія ландтага съ герцогомъ, нарочно забъжалъ къ нему извъстный намъ предсъдатель братской конференціи 1758 года, нына дандботень-маршалъ Клопианъ, только что обращенный русскимъ резидентомъ къ убъяденіямъ непріязненнымъ принцу Карлу. Онъ говорилъ Симолину, что назначение Гейкинга и Плетенберга сдъдано по его старанію, и что онъ будеть настацвать дабы никакъ не допустить смъны котораго-либо изъ нихъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Это вполяв удалось ему. Ландтагь отказался изм'внить составь депутаціи назначенной по большинству голосовъ, но предложилъ принцу присоединить къ ней уполномоченняго и отъ себя, присовокупляя, что въ противномъ случав пошаеть своихъ депутатовъ безотлагательно. На это принцъ отвъчаль что онь не хочеть препятствовать отправлению депутаціи, но не можеть принять въ ней никакого участія, такъ какъ одинь изъ ся члежовъ принадлежить къ чисач явныхъ его противниковъ.

Двла принца Карла, не блестящія и въ то время когда его

^{*} Реа. Симоа. отъ 29 яввара.

^{**} Реалція отъ 2 и 9 февр. и прилож. къ никъ.

усердно поддерживала императрица Елисавета, сделались теперь крайне сомнительными. Главное затруднение составляль. по-прежнему, религіозный вопросъ. Ландтаги собирались, но они настойчиво требовали чтобъ онъ по крайней мере даль обязательство воспитывать летей своихъ въ протестантской религи, и чтобы при этомъ былъ постановленъ законъ, который устраналь бы отъ престола лицо, которое, хотя бы и принявъ протестантство, въ последствии перешло бы въ католипизмъ. * Это требование было повторено и на ландтать собравшемся въ копит зимы 1761 — 62 года, на которомъ принцъ Карлъ имълъ ничтожное число преданныхъ ему депутатовъ. Въ виду такого заключенія курляндскихъ чиновъ, принцъ и теперь, такъ же какъ и прежде, распустиль лапатагь. Сторона пепріявленная герцогу, и во главъ ея Клопманъ, ръшительно входившій во вкуст новой политики русскаго двора, были рады роспуску ландтага, надъясь усилиться къ новому ландтагу еще нъсколькими новыми голосами. "Нынъшній сеймикъ пять недъль продолжался, писалъ по этому поводу Симолинъ, а окончился безплодно, и чаять можно, что при начатіи новаго, принцъ едва ли не лишится и вышепомянутыхъ шести кирхшпилей съ своей сторовы." По закрытіи ландтага и предъ отъездомъ своимъ изъ Митавы, депутаты, какъ обыкновенно, явились во дворецъ откланяться. Обратясь къ принцу, ландботенъ-маршалъ выразилъ сожалвніе что минувшій ландтагь противъ воли своей не дошель до конпа". При этихъ словахъ, питетъ Симолинъ, "герцогъ не могъ скрыть своего неудовольствія и ландботенъ-маршалу ответствоваль на сіе, что онь желаеть, что хотя бъ депутаты возвратились и себя такимъ образомъ предуготовили, дабы впредь не были подвержены отвъту предъ королемъ и республикою". Депутаты разътхались. Вследъ за ними отправился и принцъ, сначала въ Варшаву, а потомъ въ Германію на воды, поручивъ свои интересы въ Курландіи совътнику Цигенторну (сделавшему не мене крутой поворотъ какъ и Клопманъ, только въ противоположную сторону), человъку, по словамъ Симолина, всемъ пепавистному. По тому же свидътельству, кирхшпили вообще одобрили образъ дъйствій своихъ депутатовъ, равно какъ и савланныя ими назначенія въ петербургскую депутацію.

^{*} Ред. отъ 28 феврала.

Эта депутація принята была въ Петербургі весьма благосклонно. Туда же приглашень быль оберь-бургграфь баронь Офенбергь. Между этими лицами и довіренными совітниками императора происходили частыя совіщанія; очевидно, что-то важное для Курляндіи замышлялось въ Петербургі, а такь какь въ то же время прибыль туда изъ міста своей ссылки Биронь и быль при дворі милостиво принять и даже обласкань, то несомнівннымь казалось, что онь будеть возстановлень на митавскомь престолі. Въ дійствительности, однакожь, императорь имісль совершенно другіє виды. Устройство Курляндіи входило въ кругь тіхь соображеній, совокупность которыхь можно назвать политическою системой Петра III. Онь предполагаль отдать Курляндію родному дядів своему, герцогу Георгу Лудвигу Гольштейнь-Готторпскому.

Герпоть Георгь Лудвить или, какъ его чаще называли, принтъ Георгъ, генералъ прусской службы, былъ, по собственнымъ его словамъ, "изъ Гольштейнъ-Гогторпскаго дома, одинъ такой несчастливый принцъ, который ни маетностей, ни удълу никакого не имъетъ, и принужденъ, яко простой партикулярный человыкь, чрезь 26 лють искать въ военной службъ пропитанія своего". * Жалобы принца Георга были, кажется, несколько преувеличены; изъ бумагь, хранящихся въ архивь министерства иностранных дель, видно, напримерь, что его супруга, урожденная принцесса Гольштейнъ-Бекская, владела именіями въ Восточной Пруссіи **, хотя весьма можеть быть что они приносили очень незначительные доходы. Какъ бы то ни было, но принцъ Георгь былъ очень радъ, когда, въ началъ 1761 года, великій князь, его племянникъ, предложилъ ему принять на себя управление Голштиніей въ качествъ генераль-губернатора. Около того же времени умерла его тёща, герцогиня Гольштейнъ-Бекская, получавшая изъ русской казны 15 т. р. ежегодной пенсіи; принцъ Георгъ поспешилъ обратиться съ ходатайствомъ къ императриць о назначени ему хотя части этой пенсіи, присо вокуплая при этомъ, что онъ уже оставиль прусскую службу.

^{*} См. въ Дъламъ Голит. 1761 года, № 2, письмо пр. Георга № гр. Воромпову.

^{**} Дъла Голит. 1759 года, № 2. См. ходатайство ся предъ императрицей объ оснобождении отих имъній отъ контрибуцій.

на которой, по его словамъ, одна необходимость досель его удерживала.

Между тыть императрица скончалась, и генераль-губернаторъ Голштиніи не успаль еще перебраться въ Киль изъ Кенигоберга, гав постоянно проживала его супруга, какъ вступаеніе на престодъ Петра Ослоровича дало новый повороть колесу его фортуны. Въ самый день кончины Елисаветы Петровны. ея преемникъ написалъ къ нему грамоту съ извъщениемъ о вступленіи на прародительскій престоль "къ общему удовольствію" его поддавныхъ, и съ приглашеніемъ прибыть въ Россію вивств съ семействомъ своимъ. Съ этою грамотой быль посланъ флигель-адъютантъ подполковникъ Семенъ Порошинъ. * на котораго было возложено и сопровождать принца Георга до Петербурга. Графу П. И. Панину, назначенному между твиъ въ должность Кенигсбергского губернатора, было предписано ** отдавать императорскому дядь воинскую честь какъ владътельному принцу, всъмъ вообще военнымъ начальникамъ, чрезъ мъста расположенія которыхъ приниъ должевъ быль проважать, - встрвчать его съ пушечною пальбой, а для сообразнаго съ его достоинствомъ трактованія отправлены были придворные служители со столовымъ серебромъ. Въ то же время во всъ города отъ Рига до Петербурга пославы были указы о заготовленіи лошадей для провзда высокихъ путешественниковъ, а Симолину было приказано стараться чтобы въ Митавъ принцу была приготовлена торжественная встрача... Взявъ изъ суммъ Кенигсбергского управленія шесть тысячь рублей, принив вывхаль 12 января; принцесса пустилась въ путь особо и насколько позже. Въ Петербурга ихъ встретили съ величайтею торжественностью и почетомъ. Принцу пожалованъ былъ титулъ Высочества: *** несколько дней спустя опъ получилъ чипъ фельдмаршала, а въ исходъ мая сделань быль членомь высшаго совета, установленнаго. какъ гласилъ императорскій манифесть, чтобы подъ руководствомъ самого государя "трудиться надъ многими до того принадлежащими двлами".

^{*} Дъла Голит. 1761 г. № 3.

^{**} Дпла Прус. 1762 г. № 7, см. реаяціи гр. Павика отъ 13 и 14 яввара; а также Дпла Голит. 1769 г. № 19.

^{***} См. Опред. воени. колл. 1762 г. за анварь и февраль, въ архивъ овой коллегіи, въ Москвъ.

^{****} П. С. З. № 11.538. Одновременно съ принденъ Георгонъ возъвышенъ былъ и принцъ Гольштейнъ-Векскій, находивнійся въ рус-

Взглядъ Петра на положение Курляндскаго вопроса былъ саваующій. Онъ находиль, что такъ какъ принцъ Караъ и курляндское рыпарство не утвердили еще взаимною присягой взаимныхъ между собою отношеній, то нать достаточныхъ причинъ признавать водворение этого принца въ Митавъ совершившимся фактомъ. Но если не признавать государемъ Курляндіи принца Карла, то неизбежно приходилось признать герпогомъ Бирона; съ этимъ вполнъ соглашался Петръ, но онъ былъ увъренъ что этотъ последній, находясь въ полной зависимости отъ русскаго правительства и проникнутый благодарностью за свое освобождение, не усомнится отречься отъ своихъ правъ въ пользу принца Георга, особенно когда ему будеть предложено приличное вознаграждение. Къ переговорамъ съ нимъ по этому предмету и было приступлено немедленно по прибытіи его въ Петербургъ изъ ссылки. Но, повидимому, эти переговоры шли не такъ успъщно какъ надъялся императоръ, и вотъ почему права Бирона были выставляемы предъ Курлянацами слишкомъ долго и слишкомъ настойчиво, въ ущербъ интересамъ Голштинскаго принца. До самаго исхода мая мъсяца Симолину писалось только о Биронв и его правахъ; въ такомъ же смысле данъ быль ответь и курляндской депутаціи при ел отпускъ. Императоръ съ сожальніемъ замъчаетъ, говорилось въ этомъ отвъть, * "сколь мало съ фундаментальными правами герпогства Курляндского сходственно имъть имъ католическаго принца своимъ герцогомъ, умалчивая о другихъ нарушеніяхъ ихъ правостей". Обо всемъ этомъ депутаты были уполномочены объявить курляндскому рыцарству и земству и присовокупить, "что Е. И. В., безъ утраты времени, чрезъ своего акредитованнаго министра о еще потребноме къ сему полезному намерению имъ дать знать изво-AUTE".

Объ втомъ потребномъ для блага Курляндіи предполагалось возвістить чрезъ особое вполнів довіренное лицо, а именно чрезъ извістнаго уже намъ А. В. Гудовича. ** На него возлагалось, какъ видно изъ заготовленной на его имя

ской службь еще въ царствование Блисаветы. Въ продолжение изсколькихъ недъль опъ былъ сдъланъ фельдиаршаломъ, петербургскимъ генералъ-губерваторомъ и членовъ помянутаго совъта.

^{*} Дъла Курл. 1762 г. № 5.

^{**} Тамъ же, № 8. Рескривтъ былъ заготовленъ на его имя 2-го мая.

инструкціи, объяснить Курляндцамъ, что принцъ Карлъ, какъ католикъ, не можетъ быть терпимъ на герпогскомъ престоль, и что прежній и единственно законный ихъ герпогъ Эрнств-Іоганъ, будучи на свободв, долженъ вступить въ свои права. Но Гудовичу поручалось открыть "наиболе благонамъреннымъ" изъ Курляндцевъ что Биронъ отказывается отъ своихъ правъ въ пользу принца Георга. "Если, сказано между прочимъ въ этой инструкции, усмотрите вы какое-либо между ними (Курляндцами) со стороны польскаго двора и республики опасеніе, то можете всехъ и каждаго нашею и короля Прусскаго протекціей обнадеживать, а въ случав надобности и формально сіе обладеживаніе дать. Но за верхъ вашего искусства и всехъ услугь поставили бы мы, еслибъ вы предуспали до того довести, чтобы княжества Курлянаское и Семигальское, яко вольныя и отъ Польши только зависящія, а впрочемъ ни защищенія, ни правосудія, ниже маавитей помощи никогда не имъютія, отдали себя съ своимъ герцогомъ въ нашу протекцію, подъ гарантію его величества: а кондиціи могуть себъ выговорить какія сами пожелаютъ."

Посольство Гудовича не состоялось, а Симолину не было открыто то къ чему съ такимъ жаромъ и, такъ сказать, не торгуясь стремилось русское правительство. Соглашение съ Бирономъ подвигалось туго, и еще 3-го іюня канцлеръ видълъ себя вынужденнымъ сообщить Симолину о сво-ихъ видахъ лишь намеками: "Мы никогда допустить не можемъ чтобы приндъ католической въры владълъ герцогскимъ престоломъ, въ противность фундаментальныхъ земскихъ уставовъ, писалъ онъ съ твердостію, которой могь бы позавидовать самъ Фридрихъ, защитникъ протестантизма; но затьмъ онъ дълалъ заключеніе, намекавшее на неопредвленпое положение дълъ въ Петербургъ: "мы намърены, писалъ онъ. геопога Эриста-Іогана на нокоторое время во владеніи герпогствомъ Курландскимъ оставить, темъ наипаче что окъ, въ разсуждени партикулярныхъ своихъ обстоятельствъ, ложетъ-быть, склонится уступить Курляндію другому геруогу евангелической върги". Ръшеніе императора было твердо, но не легко было привести оное въ исполнение. Для этого, и именно съ цълію * лищить принца Карла его доходовъ, а

Digitized by Google

^{*} Переводъ съ этого рескрипта, какъ видно изъ пои токъ на отпускъ онаго, былъ сообщенъ принцу Георгу.

съ ними и средствъ набирать себв приверженцевъ, тънъ же рескриптомъ повелевалось на герпотскія именія снова наложить секвестръ. Этотъ рескриптъ, не взирая на свои недомолвки, могъ раскрыть Симолику истивное положение дель: во онъ полученъ былъ въ Митавъ около 10-го ионя, а тамъ между твиъ пачалась силькая агитація на почве Бироповыхъ правъ. Главнымъ поводомъ къ ней было возвращение Гейкинга и Плетенберга и возникшее между ними разногласіе. Плетенбергь возвратился первымъ, именно въ концъ апръла или началь мая. Не заважая въ Митаву, опъ провхаль прямо къ своему двду, каммергеру Бутлеру, къ которому послъщило собраться окрестное дворянство, и завсь начались толки. которыми Симолинъ былъ очевь не доводенъ. Между темъ Гейкингъ оставался еще въ Петербургъ. Будучи болъе своего товарища сторовникомъ Россіи, овъ вполяв вошель, когда остался одинъ, въ виды русскаго правительства, по крайней мъръ на сколько они были ему открыты. На отпускной аудіенціи государь сказаль ему, что опъ "герцога Эриста-Іогана, законнаго государя Курландіц, не токмо освободиль, но и хощеть его такь подкрыпить, чтобы при песомпъпномъ его правъ, счастіе и благополучіе Курляндіи.... на крыпкомъ основаній находилось." Прівхавъ въ Митаву, Гейкингъ сделался усерднымъ провозглащателемъ правъ Бирона; не довольствуясь словесною пропагандой въ столицъ герпогства, овъ написалъ циркулярное письмо, заключавшее въ себъ отчетъ о петербургской его повзакъ, и разосладъ овое по кирхшпилямъ. Естественно, письмо это попало въ руки партіи начавшей группироваться вокругь старика Бутдера и Плетенберга. Посавдній изънихъ счель своею обяванностію дать отпоръ Гейкингу, и написаль ему письмо, распущенное также по рукамъ во множествъ копій, въ которомъ выражалось удивленіе, что нікоторымъ словамъ инструкпіц, данной имъ ландтагомъ, бывшій его соделегать даль совершенно произвольное и неодобряемое имъ, Плетенбергомъ, толкованіе. "Находащіяся въ нашей инструкціи слова объ измъненіяхъ, которыя Курлянаія по положенію своему претерпъ-

^{*} См. реавціи Симодина отъ 25-го мая и 15-го іюня, а также придоженія къ нимъ. Въ особомъ ділів (№ 5) о пребываніи въ Петербургів куралядскихъ депутатовъ имінется заготоваенная для нихъ нота, изъ поміты на коей можно заключать что Плетенбергъ убхаль еще въ апрілав.

ваза,—писалъ онъ,—въ ономъ писымъ не только упомавуты, но и въ такой силъ истолкованы, якобы благородное рыцарство и земство оными словами о несогласіи между ими и его королевскимъ высочествомъ разумьло. При моемъ въ Петербургъ пребываніи о несогласіяхъ кои въ герцогствъ состоять ничего упомануто не было,—а потому, безъ сомвънія, ваше высокоблагородіе по отъвздъ моемъ такую негоціацію начали." Но, заключаль Плетенбергъ, такіе переговоры съ иностранными державами я почитаю законопротивными и протестую противъ всякаго съ моей стороны участія въ нихъ. Такое колкое объясненіе вызвало отвътъ Гейкинга, который, не вдаваясь въ полемику со своимъ противникомъ, пользовался случаемъ чтобъ еще разъ во всеуслышаніе провозгласить о правахъ Бирона....

Между темъ переговоры съ Бирокомъ окончились. Когда именно овъ подписалъ отречение въ пользу принца Георга, на это нать правых указаній въдалах московскаго архива, но это должно было, очевилно, произойти въ промежутокъ времени между 3-го ионя, -- когда графъ Воронцовъ извешаль Симолина что Биронь можето - быть согласится отречься отъ своихъ правъ, и 8-го іюня, когда былъ подписань уполномоченными союзный трактать съ Пруссіей, въ которомъ упоминается объ отречени Бирона какъ о факть уже совершившемся. * Недовольный, повидимому, образомъ действія графа Воронцова, принцъ Георгь решился взять въ свои руки курляндскія двав вообще. Въ рескрипть отъ 3-го іюня распоряжение касающееся секвестра герцогскихъ имъній сдълано согласно его собственноручной запискъ (на нъмецкомъ языкь, съ переводомъ Сальдерна); все последующие рескрипты составлялись первопачально по-нъмецки, очевидно для того чтобъ быть предварительно представленными принцу, для удобствъ котораго велено обыли Симолину ** писать свои донесенія и по-русски, и по-яфмецки. Впрочемъ, это посавднее распоряжение сдвавно было 25-го іюня и заключается въ томъ же рескрипта, коимъ резиденту нашему было разръшено объявить, что герцогъ Эрнстъ-Іоганъ "только претекстомъ служитъ", и что овъ уступилъ свои права на Курляндію принцу Георгу.

^{*} См. Приложение.

^{**} Курляндскія дпла, № 3.

Но такая запутанная политика произвела запутанность и въ подожени дель. Въ продолжение полугода Симолину приходилось формировать партію въ третій разь и произвоапть агитацію въ пользу третьяго претегдента. Умы начивали разаражаться: самымъ полатливымъ людямъ полжно быдо надоветь и казаться неприличнымъ переменять безпрестапно свое политическое знамя. Признаніе въ серіозпыхъ затрудненіяхь, съ которыми предстояло бороться Симолику, сквозить въ следующихъ словахъ его денещи отъ 15-го ионя _Нынь, пишеть окъ, здесь три партіи, одна для прикца Карла, другая для герцога Эрнста-Іогана, и третья для его высочества герпога Гольштейнъ-Готторпскаго. Первою руководствуеть извъстный Гейкингь (однофамилець члена петербургской депутаціи), который предъ симъ бываль въ Дрездень и при всякомъ случав показывалъ свою неблагонамъренность къ россійскому двору. Его поступки всегда были сомнительны и только къ тому простиралась, дабы завести въ земляхъ несогласія. Окъ напоследокъ соединился съ совътникомъ Цигенгорномъ и получилъ себъ кредитъ у принца Карла, отъ котораго гауптманомъ дубенскимъ пожалованъ. Сей Гейкингь и Цигенгориъ употребляють всякіе способы на составленіе и содержаніе партіи принца Карла, состояшей главныйше въ арендаторахъ (герцогскихъ имъній), которые хотя и не стали платить до должнаго указу (герцогскому правительству), однакожь пребывають въ сомивни по учиненнымъ отъ оныхъ Гейкинга и Цигенгорна нескладнымъ внушеніямъ, а именно, что здівшнее правленіе никоимъ образомъ отмънено быть не можетъ, потому что оно защищение имъетъ отъ другихъ дворовъ, своихъ свойственниковъ, и что будто его величество король прусскій самъ склоненъ за него заступать у вашего императорскаго величества.... Темъ которые мив о семъ сообщали я доказывалъ неосновательность такихъ вредныхъ самому благу разсужденій и безнадежных робыцаній, присовытывая поступками заслуживать милость и награждение вашего императорскаго величества.... "Что же касается до другой и третьей партіи, продолжаль Симолинь, то изъ нихъ некоторые являють склонность къ тому и другому, однакоже наплаче ожидають, какая далже принята будеть резолюція отъ вашего императорскаго величества въ разсуждении наложеннаго ареста на герпотскіе доходы. Подлинно, что секвестръ много можетъ

дей отвовать въ здешнихъ делахъ и совоемъ уничтожить партію принца Карла; ибо искусство доказало, сколь они Курлянапы привыкли размъривать сентименты и предавность къ своимъ партикулярнымъ видамъ, почему современемъ иногда можно будеть соединить всь партіи въ пользу того, котораго ваше императорское ведичество истиню намерены назначить къ симъ герцотствамъ. Но неизвъстность "истинныхъ" намъреній русскаго двора приводила въ смущеніе самыхъ преданныхъ его сторонниковъ, и, съ другой стороны, ободряло его противниковъ. Полемика между Плетенбергомъ и Гейкингомъ подала поводъ къ новымъ заявленіямъ. По извъстію Симолина, къмъ-то было написано и пущено по рукамъ безыменное письмо, авторъ котораго, позволяя поведение и честные сентименты Плетенберговы обругать и обвинить всячески Гейкинга, будто онъ поступаль противу земскихъ законовъ, върности и обязательства рыцарства, содержание онаго столь отважно, сколь и возмутительно для зафтняго шляхетства. Авторъ, вступая не въ принадлежащее для него разсужденіе, не только защищаеть право и преимущество короля и республики польской, показывая на трактаты при избраніи герцога Бирона и принца Карда.... но и не стыдится научать, что ваше императорское величество не можете мъшаться въ это дело, яко потому единственно отъ короля и республики зависящее, не упоминая однако о техъ гарантіяхъ, которыя даны отъ всепресвътавищихъ ващихъ предковъ на подлежащия республикъ провинціи и, устрашая, уговариваеть шляхетство самыми неосновательными мивніями, не иметь сношеній съ чужими дворами, но върными оставаться его королевскому высочеству."

Агитація, которую производили накоторые члены курляндскаго дворянства, начинала принимать довольно непріатное для нашей политики направленіе. Плетенбергь, вмасть съ тестемъ своимъ Вигандомъ, отправился въ Литву для свиданія съ княземъ Чарторыйскимъ, канцлеромъ литовскимъ, посль чего онъ предполагалъ вхать въ Варшаву; въ августь ожидали возвращенія изъ-за границы принца Караа, и трудно предвидать чамъ кончились бы дала въ Курлявдіи, еслибы за нихъ не взялась наконецъ менве прихотливаа и болье твердая рука. Но рескриптъ на имя Симолина, извъщавшій его объ отреченіи Бирона въ пользу принца Георга, быль последникь въ царствование Петра; три дна спустя вступила на престолъ Екатерина. Какъ извъство, она устранила сделку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и настояла на прямомъ и безусловномъ возстановлении перваго изъ нихъ въ его правахъ; 4-го августа подписанъ былъ императрицей акть, которымь она снимала секвестрь съ герцогскихъ имъній и возвращала Бирону всь владънія дарованныя ему лично Анкой Іоанновной. Съ своей стороны, Бирокъ. отрицаясь за себя отъ всякихъ претензій противъ Россіи. обнадежиль въ дъйствительномъ исполнении обязательствъ, данныхъ герпогомъ Карломъ Елисаветв Петровив, и между прочимъ взялся отстроить православную перковь въ Митавъ, къ чему, какъ можно судить по словамъ заключеннаго въ 1762 г. акта, едва ли было и приступлено. Биронъ отправился сначала въ Ригу, откуда ему было удобиве нежела изъ Петербурга вести переговоры со своими приверженцами плавиствовать на своихъ противниковъ. Изъ донесенія Симолина и рижскаго генераль-губернатора Брауна оказывается, что рыцарство не обнаружило непріязни къ Бирону. Для однихъ онъ быль единственнымъ герцогомъ, уклонение отъ върноподданства которому было преступленіемъ; другіе, и такихъ было весьма много, склонялись на его сторону изъ опасенія католическаго вліянія, которое, безъ сомивнія, не вамедлило бы обнаружиться при принца Карла. Для всехъ, наконецъ, освобожденіе герпогскихъ имьній отъ долговъди секвестра стояло на первомъ планв. Что касается до короля Августа, то онъ долго протестоваль противъ решенія принятаго новымъ русскимъ правительствомъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, это решеніе было неизменно, а съ другой, настояянія короля въ рользу своего сына не встрвчали поддержки въ польскомъ сенать, то онъ былъ принужденъ, наконецъ, признать совершивнійся факть и покориться ему.

Между тыть съ прусскимъ дворомъ продолжались дыятельныя сношенія. Вслыдъ за подписаніемъ въ Петербургы мирнаго договора 24-го апрыля, назначенъ быль къ берлинскому двору полномочный министръ, и для этого весьма въ то время важнаго поста избранъ былъ молодой человыкъ, которому въ послыдствіи суждено было занять видное мысто въ ряду русскихъ военачальниковъ, администраторовъ и дипломатовъ,—князь Н. В. Репнинъ, сынъ стараго генерала, состоявшаго ныкоторое время оберъ-гофиаршаломъ при

великокняжескомъ дворъ. Ему было только 28 летъ; по еще ражее, именко въ 1759 году, мы уже встречаемъ его,-правда, не облеченнымъ еще властио, но уже въ весьма видномъ положени, — именно военнымъ агентомъ съ русской сторовы при французской арміи, откуда онъ посыдаль въ Петербургь свои замечанія о ходе военныхъ действій. Это было блестящее начало. Репникъ могь быть увърекъ что окъ будетъ осыпакъ въ Берлика знаками вкиманія, а вниманіе короля Прусскаго ручалось за милости императора. Положение Репнина представляло и особливыя вытолы: ему приказано было представиться непосредственно самому Фридриху, такть прямо туда гдт король находится и, сабдовательно, состоять лично при немъ: нося званіе полкомочнаго министра, онъ быль видоть съ тамъ облечень и обязанностями принадлежащими военному агенту. Репяциъ вывхаль изъ Петербурга больной, *** и поскакаль прямо въ Бреславль, гдв была главная квартира короля. Въ Бреславлъ же находился гр. З. Г. Червышевъ, который въ предшествующее парствоване состояль со своимъ корпусомъ въ распоряжении австрійского федьамаршала Лауgora, a no npekpameniu войны со стороны Россіи, савасваль ивъ Силезіи въ Познань. Репнинъ немедленно отыскаль Червышева, а тоть, пользуясь боевою безъртикетностію, тотчась же доложиль королю о прибытіи русскаго послапника. Аудіенція назначена была на следующее утро: обязавность министра иностранных дель исполняль въ настоящемъ случав королевскій генераль-адъютанть Круземаркъ: онъ ввелъ князя Репнина въ кабинетъ Фридриха Веанкаго. Посав обычнаго "комплимента" Репнинъ передалъ королю о желаніи своего государя: образовать конференцію

^{*} См. дъла Веен. топографическаго дело подъ означеннымъ годомъ.

^{**} См. рескрunтъ на имя Репвина отъ 16-го мая въ Дилако Прусск. № 10.

^{***} Ріпнинъ выбхаат 11-го мая; указъ о его назначеніи посабдоваат 8-го мая; но рескриптъ на его имя подписань 16-го, сабд. черезъ пять дней посаб его выбяда. Вачімъ такъ меданан рескриптомъ нан зачімъ такъ спітници отправленіемъ Репнина изъ Петербурга, кажется, пельяя объяснить ничімъ нимить какъ сустанвостью и путаницей, которая замічается во вейхъ відометванъ съ самаго мачала воваго царотвованія.

для разръменія датско-голитинских споровъ на условіяхъ, которыя намъ уже извъстны. Король отвъчаль что нужныя приказанія уже посланы графу Финкенштейну, "которому, доносить князь Репнии», король просить чтобъ сами в. и. в. прямо повельвать изволили, а онъ ему указаль в. и. в-ва приказамъ во всемъ повиноваться". Король пригласилъ русскато пославника въ тотъ же день отвъдать его походной кухни, и точно такое же приглашеніе повторилъ назавтра. Оба раза у него объдаль и гр. Чернышевъ, и оба раза король пилъ за здоровье своего дорогато сосъда и друга, присовокупляя, по словамъ Репника, "что онъ не можеть довольно часто столь дражайшее здоровье питъ". *

Еще больше ласокъ было расточаемо въ Петербургв посланнику Прусскаго короля. Баронъ Гольцъ, какъ уже было сказано, прівхаль 21-го февраля в. ст.; едва оправивпись отъ дороги, овъ поспъщив къ британскому пославнику. Посланникъ принялъ его очень дружелюбно, оставиль объдать у себя, и за столомъ сообщиль ему всь необходимыя севдвия о положени дваз при петербургскомъ дворъ, пазвавъ какъ техъ на которыхъ было можно разчитывать королю, такъ и техъ которые были неприявленно къ нему расположены. Число последнихъ, доносилъ Гольнъ, дваеко превосходить число первыхь"; но, прибавляль овь, со словъ своего собестаника, вобразъ мыслей новаго государа и расположение изскольких лиць, мизнія которых в. в. выслушиваеть, повидимому, объщноть намь успава. ** Дайствительно, за исключениемъ самого Петра, въ довольно большомъ числе денешъ прусскаго дипломата мы находимъ весьма мало именъ этихъ доброжелателей, а именно, принца Георга и Сальдерна-только; къ числу ихъ можно, пожалуй, по догадкамъ, присоединить еще 4-5 человъкъ, каковы М. И. Воронцовъ, Н. И. Корфъ, Гудовичъ, Гольштейнъ-Бекъ. За то расположение государя къ Фридриху выразилось самымъ сильнымъ образомъ. Вотъ какъ описываетъ баронъ Гольцъ свою первую аудіскцію у Петра III. ***

"Вчера я представлялся е. в-ву императору. Едва давъ мяв комчить очень коротенькое приветствие по поводу всту-

^{*} Прусск. два д. № 10, рез. кв. Репвива отъ 30-го ионя.

^{**} Депеша отъ 28-го фев. (6-го марта).

деп. отъ 25-го фев. (8-го марта). т. ыхи.

пленія его на престоль и засвильтельствованіе дружбы в. в-ва, императоръ выразиль мив живвития увърскія въ уваженіц, дружов и безконечномъ почтеніц, которыя онъ всегда виталь къ в. в-ву и которыя надвется доказать самымъ неавусмысленнымъ образомъ; къ этому е. в. прибавилъ мив на ухо, что имъеть еще многое сообщить мнв. Аудіснція происходила предъ обълней. Прусскій пославникъ последоваль въ перковь за государемъ, который указаль ему мъсто возав себя. Во время богослужения, продолжяеть Гольпъ, императоръ много говориль со мною какъ о в. в-въ, такъ и о прусской арміи, о которой онъ имбеть поразительно полныя свідінія; ніть полка въ арміц в. в-ва, въ коихъ онъ не зналь бы поименно трехъ или четырехъ последне-назначенныхъ командировъ и многихъ старшихъ офицеровъ. По выходь изъ перкви, мен было приказано объдать у ихъ в-въ. Во время стола е. в. посладъ мив сказать на ухо, что онъ пьеть безъ перемоніи за здоровье в. в-ва, и что этоть тость болье всъхъ ему интересевъ. Посав объяз е. в. спросидъ у меня, снабженъ ли я полномочіемъ для того чтобъ окончить двла какъ можно скорве, чего е. в. желаетъ больше всего на свете; а отвечаль что в. в-ву угодно было доверить мне полномочія, и что я ожидаю лишь приказаній и изложенія видовъ е. в-ва относительно устройства делъ одинаково жеавтельнаго обоимъ дворамъ, на что е. и. в. объщалъ доставить мяв чрезъ явсколько дней выражение своихъ мыслей."

Вечеръ того же дня баронъ Гольцъ провелъ во дворцъ и уживалъ у государя, съ которымъ игралъ въ карты, и который показывалъ ему разные имъющіеся у него портреты Прусскаго короля. Наконецъ послѣ ужина Петръ распространился въ разговорахъ съ нимъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ терпълъ въ предшествующее царствованіе за то что не скрывалъ привязанности своей къ королю Прусскому, и въ заключеніе выразилъ желаніе имъть прусскіе ордена Чернаго Орда и За заслугу.

Таковъ былъ пріємъ оказанный государемъ прусскому посланнику. Этотъ послідній былъ съ перваго же для поставленъ въ такое положеніе, что ему нечего было заботиться о томъ мало или велико число друзей Пруссіи въ Петербургі, пока государь былъ живъ и оставался візренъ своему образу мыслей. Впрочемъ Гольцъ, чтобы сділать удовольствіе Петру, долженъ былъ сблизиться съ приверженными Пруссіи, изъ коихъ первымъ быль принцъ Георгъ. Какъ извъстно, этотъ принцъ поставленъ былъ на такую высоту, что викто въ Россіи не могь съ нимъ считаться. Но часть дипломатического корпуса не согласиаась сделать въ его пользу уступки изъ общепринятыхъ правиль этикета. Представители дворовъ французскаго, австрійскаго и испанскаго, носившіє названіє послоєт, не хотвли сделать ему визить первые, кота, какъ сообщаль канцлерь именемъ государя нашимъ миссіямъ, мы требовали этого какъ дъла совитестнаго съ достоинствомъ нашего дома": упрявые въ деле этикета, дипломаты объявили что имъ необходимо для этого разръшение ихъ правительствъ, а наше, съ своей стороны, дало имъ знать, что до того времени они не будуть допущены на аудіснцію для представленія своихъ върительныхъ грамотъ. * Государь былъ чрезвычайно раздражень этимъ недостаткомъ уваженія къ своему дядь, и напротивъ, очень признателенъ темъ посольствамъ которыя были более сговорчивы. Баронъ Гольцъ, разумеется, тотчасъ же поспъщиль савлать визить принцу, и за то, на другой же день после пріемной своей аудісиціи, онъ поаучилъ приглашение отъ государа къ объду у его дади. **

Между тыть баровъ Гольцъ получиль отъ своего короля депешу, въ которой ему предписывалось не начинать самому переговоровъ о замиреніи, а ожидать предложеній о томъ съ русской стороны. *** Поэтому, не взирая на явный къ тому вызовъ со стороны самого государа въ день достопамятной аудіенціи, Гольцъ не дълаль никакихъ предложеній. Предписаніе Фридриха было основано на върномъ пониманіи характера Петра III. Дъйствительно, въ своемъ нетерпъніи онъ пригласиль къ себъ прусскаго посланника и выразиль желаніе имъть составленный въ Берлинъ проектъ мирнаго трактата, заявивъ съ своей стороны, что онъ совершенно расположенъ возвратить Пруссіи занятыя русскими войсками ея провинціи, возстановить прежнія границы, и гарантировать оспариваемыя Австріей прусскія графства Глацъ и Силезію, требуя въ замънъ лишь гарантіи Гольштейна. Мить кажется, что кромъ того императоръ не чуждъ мысли

^{*} Циркуларъ отъ 10-го нарта.

^{**} Домесскіе от 25-го феврала (8-го марта).

^{***} Рескрuпть оть 22-го февраля н. ст.

о наступательномъ и оборонительномъ союзв съ вашимъ величествомъ, писалъ Гольцъ, * при чемъ ему хотилось бы получить въ свое распоряжение отрядъ прусскихъ войскъ, взамънъ чего овъ готовъ 12-ти-тысячный русскій отрядъ присоединить къ прусской арміц. ** Баровъ Гольнъ однажды намекнуль государю, что король очень быль бы доволень, еслибы могь набирать рекруть въ прусскихъ провинціяхъ занятыхъ еще Русскими, и получиль увъреніе, что тотчась же сдвляно будеть наллежащее распоряжение. *** Изыскивая средства саблать удовольствіе Фридриху, государь приказаль своему посланнику въ Швепіи стараться чтобы власть короля швелскаго, женатаго на сестрепрусского короля, сильно ограниченная конституріей 1720 года, была увеличена. "Ваше величество изволите усмотреть изъ этого, до какой степени простирается привязанпость императора къ семейству вашему, ибо, я думаю, едва ли когда-либо русскій государь ходатайствоваль за усиленіе верховной власти въ Швеціи, поносиль по этому поводу Гольиъ.

Разумбется, за всв эти услуги Фридрикъ могъ отплачивать своему поклопнику и другу только мелкими любезностами. Такъ, напримъръ, но первому слову барона Гольца, окъ послешить послать Петру ордекъ Черкаго Орда. † Подпесеніе и принятіе этого ордена сопровожаваось большою торжественностію; знаки онаго возложены были на государя принцемъ Георгомъ. "Всавдъ за темъ, пишетъ Гольвъ, его императорское величество прошель въ апартаменты гдв ваходились придворные, чтобы засвидьтельствовать объ удовольствіц, которое ему доставило это доказательство дружбы вашего величества, причемъ онъ показывалъ письмо ваше многимъ дамамъ и кавалерамъ. Около двухъ часовъ, его

^{*} Донес. отъ 2-го (13-го) марта.

^{**} Донес. отъ 26-го марта (6-го апръяв).

^{***} Деп. отъ 2-го (13-го) марта.
*** Деп. отъ 26-го марта (6-го апръзя).

[†] По этому поводу Фридрикъ, не пропускавній случая посміжнься даже вадъ самыми серіозвыми вещами, писаль къ автлійскому посманнику въ Бермина: "Вотъ очень странный кавалеръ (ордена Черваго Ораа), аюбезвый г. Митчель: овъ продовольствуеть 80 т. человъкъ на мой счеть (въ Востечной Пруссія); это, впроченъ, единственный изъ каналеровъ этого ордена, который довноваеть се-62 Takia Boadhoctu" (Oeuvres de Fred, Berlin, XXV).

величество съдъ за столъ. Онъ провозгласилъ здоровье вашего величества, о чемъ салютаціонные выстрѣлы цэвъстили господъ посланниковъ французскаго и австрійскаго." * Послъ объда, какъ разкавываетъ Гольцъ, государь еще долго разговариваль съ нимъ о желавіи своемъ, чтобы поскоръе получены были изъ Берлина мирныя предложенія, и затъмъ, подозвавъ канцлера, выражалъ ему сочувствіе за его предавность Пруссіи, за которую онъ будто бы много пострадаль въ предшествующее царствованіе.

Такимъ образомъ баровъ Гольцъ могъ быть совершенно спокоенъ въ отношении Петра, а его воля все ръщала и всему давала направленіе. Темъ не менье онъ съ безпокойствомъ замвчалъ, какъ мало было въ Петербургв людей разливания образъ мыслей своего государя. Въ депешь оть 2-го (13-го) марта онъ просцав короля какъ можно спъшить присылкой проекта мирнаго трактата, потому что промедленіемъ могли бы воспользоваться люди противной партіи, число которыхъ очень велико". Нівсколько дней спустя, собравь болье свыдый о настроени умовь въ Петербургв, онъ писаль въ Берлинъ, что французское посольство не теряетъ надежды на сохранение обязательствъ заключенных покойною императриней, ибо извъстный дюбименъ государя и главный деленъ Волковъ вполне преданъ врагамъ Пруссіи, о чемъ свидътельствуетъ-де перехваченная депеша французскаго посланника. "Этотъ Волковъ, писаль Гольпъ, имветь чинь статскаго совътника и состочтъ секретаремъ при его императорскомъ величестви: опъ авиствительно принадлежить къ лиго и получаеть деньги отъ нея. Надъюсь, что перехваченный документь поможеть намъ сломать ему шею. Генераль Мельгувовъ и Шуваловъ, фаворитъ покойной императрицы, принадлежать къ Волковской тайкъ. Первый, говорять, будеть послань къ вашему величеству съ благодарностію за орденъ. Онъ вполнь принадлежить нашинь непріятелямь, но императорь, который не подозраваеть этого, весьма расположень къ нему и будеть очень признателень за коротій пріємь ему въ Бердинь, о чемъ я считаю долгомъ довести до свъдънія ваmero величества. Что касается до Шувалова, то окъ сделанъ вчера начальникомъ кадетскаго корпуса, благодаря его

^{*} Деп. отъ 12-го (23-го) марта.

другу Мельгунову. Всв эти господа искусно скрывають отъ государя свою игру, но я льщу себя надеждою, что помянутая депета поможеть намъ съ Кейтомъ обличить ихъ. Я приготовляю описаніе личностей, окружающихъ императора. Осмѣливаюсь увърить вате величество, что въ этой странъ все интригуеть (dans се рауз-сі tout est cabale), и даже женщины въ своихъ любовныхъ ташияхъ работають въ пользу кого-нибудь или чего-нибудь."

Утвердившись на такой точкі зрінія, баронь Гольць просиль короля оказать какую-нибудь примичную и значительную любезность" Е. Р. Воронцовой, что, віроятно, было бы пріятно и государю, прислать табакерку съ королевскимъ портретомъ Сальдерну и ордень Чернаго Орла принцамъ Георгу и Гольштейнъ-Бекскому, изъ коихъ послідній не иначе какъ со слезами на глазахъ, писаль баронъ Гольць, говорить о дружбів императора къ вашему величеству. Признательностію всікъ этихъ лиць, близкихъ къ государю, прусскому посланнику казалось не безполезнымъ заручиться въ виду непріязненности почти всего двора къ Пруссіи. Особенно безпокоиль его Мельгуновъ, котораго онъ называль однимъ изъ самыхъ способныхъ людей въ Россіи.

Въ последнихъ числахъ марта пріёхалъ графъ Шверинъ, адъютантъ Фридриха, и привезъ проектъ мирнаго трактата съ письмомъ корола. Государь выразилъ Гольцу желаніе чтобы конференціи открылись немедленно и назначилъ Волкова, очевидно не подозревая что прусскому дипломату такое назначеніе было не совсемъ пріятно. Но такъ такъ вопросъ о мирѣ былъ решенъ и, притомъ, такъ какъ баронъ Гольцъ ежедневно видаль государя, бесероваль съ нимъ и пользовался величайшею доверенностію съ его стороны, то дело не могло ни затануться, ни уклониться отъ того характера самопожертвованія, который былъ неоднократно заявленъ самимъ государемъ. Трактатъ былъ подписанъ 24-го апреля, а ратификаціи обменены 24-го мая. Затемъ оставалось положить основанія прочному союзу между Россіей и Пруссіей, который составляль предметь горячихъ желаній Петра III.

П. ЩЕВАЛЬСКІЙ.

^{*} Деп. отъ 12-го (23-го) и 27-го жарта (7-го апръзд.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Насколько разъ упомянутая бротпора Memoires sur les affaires de Courlande, какъ сказано, появилась въ 1763 году въ польскомъ перевода и съ опроверженіями. Она появилась подъ заглавіемъ Memoriał o kurlandskim interessie, а возраженія — подъ заглавіемъ Observacye nad tym memoriałem, texte en regard, пунктъ противъ пункта. Эти Observacye, какъ уже замъчено, написаны въ интересъ Бироновой династіи. Между прочимъ въ нихъ положительнымъ образомъ отвергаютъ извёстіе объ отреченіи его отъ курландскаго престола. Вотъ что в этой бротпора говорится по этому поводу (стр. 66):

. Что касается отреченія, которое герпоть Эристь-Іоаниь доажевъ быль подписать, то известие о томъ весправедливо. Правда, BE DEDCTEOBERIC HOTDE III AOSUBAQUED OTE ROTO OTDOUCHER, RO RO menhe shpro u to, tto ort noctosano orkashisacs (temu shronish). имъв въ виду обязавности свои относительно Ръчи Посполитой и герцоготва. Ответъ его написанъ въ саедующихъ выражениях: "Прошу ваше императорское величество лучше отослать меня въ "Ярославль. Я вкаю что какожусь во власти вашего императорскаго BEAUTECTES U TTO BM MOMETE DRURYAUTH MERS UCDOSMUTH BCE TO вамъ будеть угодно. Но дозвольте миф, всемилостивфитий государь, вывхать изъ вашего государства, а потомъ прикажите спро-,сить мена, желаю ли я отречься отъ права, которое имаю на мои , герпогства. Умоляю при этомъ ваше императорское величество привать во ввиманіе, что еслибм даже ималось отъ меня самое ,торжественное отречение за подписью моею и сыновей моихъ, "то и ово не могао бы дать nukakoro права другому; а то право, "которое было бы дано вашинь императорскимъ величествомъ, "(npunny leopry!) ne umbao бы другаго основанія, кром'я ваасти вашей, приводимой въ исполнение. Петръ III, пораженный этимъ етветомъ, жаловался на герпога накоторой особа, которая, не будучи очень благосклонна къ герцогу, совътовала императору высмать сывовей Бирова, подъ видомъ поручевія имъ какого-вибудь вачальствованія, на границы Лапландіи или Китая, выражая надежду, что герпогъ, изъ родительской любви, решится исполнить но варшую волю. Намъ вецевество что дукаль сделать Петръ III, во

внаемъ то что окъ приказалъ написать отреченіе, и что казначенъ былъ для подписакія окаго тотъ самый день въ который окъ былъ визвергнутъ съ престола, и герцогъ не получилъ повеленія явиться для подписи. Такинъ образомъ актъ отреченія остался не подписаннымъ, и это есть тотъ самый, о которомъ его сыкъ, последній герцогъ курляндскій, упоминаеть въ письме своемъ къ бароку Квюгге.

Я долженъ сказать что акта объ отречени Бирона я не могъ найти на абазка москонского архина иностранных абаз. Тама не межье инф кажется совершенно невозможными чтобы графи Воровновь и барокъ Гольнь решились водписать торжественный акть (артикуль II, секретный трактать 8-го іюна), вы которомы говорится объ отречени Бирона какъ о факта совершившенся, не имъя въ вилу положительнаго и формальнаго его отреченія. Возможно ли чтобы баровъ Гольпъ осменинся представить къ ратификаціи своего государя столь опрометчиво составденный и ни на чемъ не основан! ный акть, и чтобы Фридрихь II приложиль къ нему свою подпись-Дале: какимъ образомъ могло случиться чтобы Бировъ не получиль приглашенія явиться для подписанія отреченія хоть наканунь дня для того назначеннаго? Въроподобно ди и то, чтобъ этотъ номинальный герцогь, - еще недавно вреставть и еще теперь, какъ говорить самъ, находившійся во власти Петра ІІІ, - осмелился предложить чтобъ его отпустили за границу и уже потожъ спрашивали о желаніи отречься отъ престола? Все это въ высщей степени невъродтно. Можно предположить, что по вступлении на престоль Екатерины, когда виды русскаго правительства на Курляндію соверmenno изибнились, акть отреченія Бирона быль уничтожень, и что автору Observacye открымся просторъ писать объ этомъ все что ему вздумалось.

[•] Францъ Шицтъ сообщаеть содержаніе 2 секретнаго артикула трактата 8-го іюня 1762 г. въ таконъ симель, что фактъ стреченія Бирола будто бы не подтверждается; celui-ci (Бироль) veut céder la Courlande, говорить Шицтъ, передавая содержаніе помянутаго артикула; но это явная ошибка со стороны почтеннаго автора; въ подлиняемъ текстъ именно сказано: "отрекся" и "отказалося".

СОЮЗЫ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ

I.

Англія есть, безспорно, страна, гдв принципъ ассопівній. подавтій въ другихъ містахъ поводъ къ построенію столько песбыточных утопій, получиль самое обширное, разпообразное и плодотворное примъненіе. А между тыть пыть страны на земномъ шаръ, гдъ бы чувство индивидуальной пезависимости было развито до такой степени, и где бы человькъ умьль такъ двятельно польвоваться своими личными средствами. Эта индивидуальная эпергія и эта способность каждаго обдальвать свои дала, не требуя посторонней помощи, болье всыхъ другихъ причинъ содыйствовали необыкновенному развитію производства и размноженію всевозможных предпріятій. Но многія изъ этихъ предпріятій.число ихъ постоянно возрастало по мере усовершенствовавія орудій производства, требовали ассопіаціи силь и капиталовъ. Въ другихъ странахъ правительства поставили себъ правиломъ завъдывать предпріятіями превышавшими средства частныхъ лицъ, потому ли что они опасались что добровольныя ассопіаціи окажутся для того педостаточными, цаи потому что они не желали допускать образованія государствъ въ государствъ. Въ Англіи это чувство недовърія правительства къ ассопіаціямъ существовало такъ же какъ и въ прочихъ странахъ, и вотъ почему до последняго времени онв и тамъ подчинены были ствскительной регламентаціи и подозрительному надзору; по такъ какъ правитель-

ству приходилось иметь дело съ племенемъ внергическимъ, предпрішичивымъ и быстро принимавшимся за работу, то оно не могло расширить кругь собственной двятельности въ ущербъ деятельности частныхъ лиць въ такихъ размерахъ, какъ то делалось въ другихъ старанахъ. Вотъ почему въ Англіи, гдв общественныя работы гораздо значительные чемъ въ какомъ-либо изъ европейскихъ государствъ, не имвется даже и министерства публичныхъ работъ. Громадная сеть дорогь, канадовъ, жедезных путей, телеграфовъ, пеpechkammas ee bo bobx 5 nanpabaeniax 5. naburanionnus auniu. приводятия ее въ сообщение со всеми пунктами земнаго шарасуть явло своболной ассопіаціи. Наконецъ, съ техъ поръ какъ акціонерныя компаніц могуть тамъ своболю основываться. ассопіаціи разикожились по всемь отраслямь труда, захватывая все болье и болье ть сферы, которыя считались прежде собственностью индивидуальной деятельности. Конечно, въ этомъ громадномъ развитіи діятельности не обощлось бевъ всевозможныхъ васупотребленій. Образованіе большихъ компаній слишкомъ часто подавало поводъ къ необувданному ажіотажу, и между темъ какъ некоторыя изъ этихъ предпріятій пріобратали чрезмарные барыши, другія, по большей части дурко организованныя и еще хуже управляемыя, шли вало и разрушались, напося огромные убытки акціонерамъ и публикъ. Но такое перавенство въ распредълени барышей и рисковъ развъ не заключается въ самомъ свойствъ промышленности, а злоупотребленія, неразлучныя со всакимъ развитіемъ двятельности, развів не присущи природів человівка? Пытаясь искоренить засупотребленія, какъ часто разрушають жизненный принципь предпріятій, подобно темь вевыжественнымъ хирургамъ, которые убивають человъка, стараясь избавить его отъ какого-пибудь заокачественнаго пароста! Такъ, напримъръ, я помию какъ восхищалось бельгійское правительство, -- ово восхищается этимъ и теперь, -что оно выстроило дучнія линіи бельгійской жельвно-дорожвой сети и заведывало ими. Еслибъ ово предоставило эти линіи компаніямъ, то эти последнія несомненню пріобржаи бы вначительные барыши, что привело бы въ негодованіе поборниковъ равенства и вызвало бы множество враждебныхъ разглагольствій противъ "правительственваго феодализма"; но эти значительные барыши послужили бы

преміей для привлеченія капиталовъ къ жельзно-дорожной промышленности, и бельгійская сеть, не полная еще и ныне и раздробленная между множествомъ начтожныхъ мелкихъ компаній, которымъ государство, влад'ввшее желфэными дорогами, ставило безпрерывно преграды изъ опасенія ихъ конкурренціи, выстроилась бы гораздо скорфе и эксплуатировалась бы гораздо выгодиве для публики. Такимъ образомъ въ Англіи исключительные барыши, полученные первыми компаніями отъ Манчестера до Ливерпуля, отъ Ловдона до Бермингама и пр., привлекаи такое обиліе капиталовъ къ устройству этихъ усовершенствованныхъ путей сообщения, что всафаствіе одновременной постройки множества повыхъ линій, пифра барышей этой обширной промышленности понизильно сравнительно съ другими отраслями труда. Былъ ли бы достигнуть такой результать, еслибы, правительство наложило свою руку на лучшія линіи, предоставивъ частнымъ предпріатіамъ только наимение выгодныя и наимение заманчивыя? Быль ли бы окъ достигнутъ, еслибы, подъ предлогомъ противодъйствія ажіотажу, правительство ствскимо операціи, съ помощью которыхъ капиталъ собирается и примъняется къ производительнымъ предпріятіямъ? Быль ли бы окъ, каконецъ, достигкуть, еслибы правительство взяло ассоціаціи въ свою опеку, вившиваясь постоянно въ ихъ двав и администрацию? Немьзя отрицать что дурвая администрація компаній, неспособность и недобросовъстность администраторовъ, поощряемая безпечностью и невъжествомъ акціонеровъ, причинили въ Англіи громадныя бедствія; но во всякомъ деле необходимо пройти тяжелую тколу чтобы достигнуть некотораго совершенства, и потому, действуя часто очевь дурво въ своихъ предпріятіяхъ, совершенно для нихъ новыхъ, процая чрезъ всякаго рода опыты въ ущербъ себъ и другимъ, основатели, администраторы и акціонеры компаній окончили темъ что научились своему делу къ выгоде для самихъ себя и для другихъ. Конечно, опыты еще не кончились; до сихъ поръ существують и доаго еще будуть существовать компаніи дурно управляемыя, нечестные администраторы и легковърные акціонеры, но чъмъ болье будеть учреждаться компаній на свой собственный страхъ, темъ скорве и многосторонные будеть ихъ образование въ этомъ двав. Опыть, сказаль Франклинь, есть школа гдв уроки обходятся дорого. Это правда, по опъ могъ бы прибавить, что уроки эти

доставляють гораздо болве того чего они стоять, и что избавиться оть нихъ до сихъ поръ еще не найдено средства.

Въ числе благъ, источникомъ коихъ было это общирное развитіе промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ предпріятій, должно указать на заразительность примъра. Въ странь тав ассоліаціи размножались безпрерывно, разнообраза свою дентельность, рабочіе классы не могли не воспольвоваться въ свою очередь орудіемъ, могущество коего постоянно бросалось имъ въ глаза, не могли не попытаться примънить его къ своему положению и къ своимъ спеціальнымъ потребностямъ. И дъйствительно, они не преминули исполнить это, и въ кастоящую микуту не межье самихъ выстих классовъ усвоили себъ принципъ ассоціаціи. Мы увидимъ ниже что употребленіе, которое они двляють изъ вего, еще сильно отзывается ихъ невъжествомъ, страстями и предразсудками, и если ассопіаціи капиталистовъ повели ко множеству скандаловъ, то въ исторіи ассоціацій рабочихъ встретятся еще более темныя стороны; если въ высшихъ сферахъ не отступили отъ самыхъ позорныхъ обмановъ, то въ низшихъ сферахъ, менве утонченныхъ и болве грубыхъ, ниспустились до убійства. Можно только сказать, что злоупотребленія, даже преступленія, совершивніяся въ средв рабочихъ, редко были влодомъ индивидувльной и эгоистической корысти, стремящейся удовлетворить себя въ ущербъ общему интересу, по что, напротивъ того, всв заоупотребленія совершались почти всегда въ виду удовлетворепія какого-пибуль общаго интереса, и вследствіе этого, они являются менве позорными и унизительными.

Между этими ассоціаціями самыя важныя, хотя оні долгое время были меніе других извістны, суть союзы рабочихь (Trades Unions). Можеть-быть, и до сихь порь мы имізи бы о нихь только смутныя и неполныя свідінія, еслибы два событія, возбудивнія по различными причинами впечатлівніе въ Англіи, не обратили на нихь общаго вниманія и не вызвали бы слідствія объ ихъ положеніи. Мы разуміземи, вопервыхь, "Шеффильдскія преступленія", вовторму — приговоръ произнесенный 16-го января 1867 года судомъ Королевиной Скамьи и поставивній союзы рабочихъ какъ бы вяй закона.

Шеффильдскія преступленія надвлали столько тума, что бевполезно было бы припоминать ихъ въ подробности. Давно

уже союзы рабочихъ этого города обвинались въ терроризив относительно диссидентовъ-рабочихъ и въ употребдении средствъ заимствованныхъ у средневъковыхъ судиациъ. Въ 1859 году рабочій, по имени Линлей, быль убить посреди залы. наполненной людьми, неслышною пулей, вылетившею, конечно, изъ духоваго ружья, и никто не могь открыть убійны. Другія жертвы пали при самыхъ вагадочныхъ обстоятельствахъ, Наконецъ 8-го октабря 1866 года, ящикъ съ порохомъ взорвало въ жилище одного рабочаго, по имени Ферно, и онъ только чудомъ избъжалъ смерти. Полозрънія тотчасъ же пали на союзъ пилоточильщиковъ (Trade Union Saw Grinders), отъ которато онъ отделдася: но секретарь этого союза. Бродгедъ, умълъ съ адскимъ искусствомъ отвратить эти подоэрвнія объщаніемъ награды въ 200 фунт. ст. тому кто сообщить сведенія, по которымь можно было бы открыть виповника преступленія. Подобныя же покушенія были савланы въ Макчестеръ, и они остались также не разоблаченными, но произведи гаубокое впечатавніе.

Приговоръ суда Королевиной Скамьи былъ вызванъ жалобой одного бродфордскаго союза рабочихъ противъ своего казначея, похитивнаго у него сумму въ нъсколько десатковъ фунтовъ. Союзъ призвалъ его къ суду бродфордскаго трибувала, который освободилъ его; тогда истны подали на аппелляцію въ судъ Королевиной Скамьи, который утвердилъ приговоръ трибунала, на томъ основаніи, что такъ какъ союзы рабочихъ не были признаны закономъ, то они и не имъютъ права владътъ собственностью. Приговоръ этотъ процзвелъ сильное волненіе между союзами рабочихъ, изъ коихъ въкоторые владъли сотнями тысячъ фунтовъ стерлинговъ и вслъдствіе означеннаго приговора становились въ зависимость отъ въроломныхъ казначеевъ. Они потребовали наконецъ чтобъ ихъ поставили подъ охрану общаго права.

Правительство, привявъ это прошекіе и вибств съ твиъ желая добраться до источника таинственныхъ шеффильдскихъ убійствъ, назначило следственную коммиссію, коей поручено было разъяснить положеніе и действія союзовъ рабочихъ и темъ самымъ разведать, нетъ ли въ ихъ цели и устройствъ достаточныхъ поводовъ къ лишевію ихъ покровительства законовъ, подобающаго только предпріятіямъ полезнымъ и законнымъ. Коммиссія эта состояла изъ десяти членовъ, привадлежавшихъ къ самымъ противоположения

нымъ мивніямъ. Предсвавтелемъ ся быль серъ-Вильямъ-Эрль, одинъ изъ наиболье уважаемыхъ судей Англіи, а въ чисав членовъ ся быль одинь перъ, лордъ Личфильдъ, четыре члена палаты общинъ, съръ-Данівль Гучъ, директоръ главной западной жельзной дороги, лораз Элько. г. Робакъ и г. Т. Гёггсъ, демократическій писатель. Изъ пепринадлежащихъ къ пардаменту: г. Эдмокаъ Гедъ, бывшій губернаторъ Канады, г. Меривель, бывшій члень индійскаго правительства. г. Матьюсъ, владъленъ желъзваго завода и пр. Словомъ, они представляли всевозможныя гарантіи со стороны образованія, различіе же мивній ся членовъ служило ручательствомъ въ ея безпристрастіи. Сверхъ того, для дополненія сафдствія рфшено было назначить двв полъ-коммиссіи, на которыя возложена была спеціальная обязанность разыскать источники таинственных убійствъ въ Шеффильд и въ Манчестеръ. Эти двъ подъ-комичесии спабжены были полномочиемъ предоставлять свидътелянъ, показанія коихъ они потребують, привилегію того спасительнаго принципа акглійской уголовной процедуры, на основаніи коего свидітель, обязанный присягою говорить правду предъ трибуналомъ, не можетъ самъ подлежать пре-CABAOBARIO SA DESBARIA. DOAVVERBIA OTO RETO STUME DYTEME. "Право это, говорить авторъ сочиненія, изъ котораго я заиметвую вышеприведенныя сведенія.

"сдвавлось въ рукахъ коммиссіи орудіємъ гораздо болье могущественнымъ чвмъ бы оно могло быть въ рукахъ обыкновеннаго трибунала, ибо ничто не ственяло поприща ся изслъдованій, и она, не обязанняя постановлять приговоръ или осуждать обвиняемыхъ, спвшила отправлять на скамьи свидътелей всехъ кого ей указывали смутныя подозрвнія общественнаго мивнія. Если ихъ признаніе было искреннее и полное, то коммиссары выдавали имъ свидътельство о прощеніи, обозначая проступки и преступленія, въ которыхъ они сознали себя виновными. Сообщикамъ, на которыхъ они указывали, оставалось последовать ихъ примеру, если они желали воспользоваться тою же льготой. Но свидътель, который нарушилъ бы клятву, скрылъ бы хотя малейшую долю истины, подвергся бы всей строгости трибуналовъ."

Вооруженная этимъ ключомъ открывавшимъ ей доступъ къ совъсти людей наиболъе преступныхъ, коммиссія дъйствовала съ такимъ искусствомъ и осмотрительностью, что успъла получить признанія отъ всъхъ виновныхъ и отъ главнаго изъ нихъ, секретара Бродгеда, который ръшился разоблачить все, чтобы получить свидательство о прощеніи. Оказалось что она заплатила иза кассы союза пилоточильщикова убійців несчастнаго Линлея, что она также устроила покушеніе, жертвами коего едва не сділались Ферно и его семейство, что она наконеців дійствовала терроромів на пользу союза и не отступала ни преда какима преступленіемъ. Тімть не меніве ему выдано было свидательство о прощеніи, и странное діло (что, впрочемъ, можно объяснить правственныма изученіемъ такъ-называемой raison d'Etat, кака ее понимали во всі времена, кака ва самыха высшихъ, така и ва самыха скромныха сферахъ), общее мивніе рабочиха осталось все-таки благопріятно Бродгеду, и въ послідствіи, ва вознагражденіе за предапность, коей она представиль столь прискорбныя доказательства, его выбрали снова казначеемъ союза пилоточильшиковъ.

Но между тъмъ какъ подъ-коммиссіи бросали свъть на эту мрачную страницу исторіи союзовъ рабочихъ, коммиссія продожала свои изследованія объ организаціи и общей деятельности сихъ ассоціацій. Она изучала преимущественно тъ которыя основались въ строительной промышленности, въ разработкъ жельза, каменнаго угля и въ судостроеніи, не оставляя безъ вниманія и другихъ. Десять томовъ іп folio, за-ключающіе въ себъ отчеть о сорока восьми засъданіяхъ коммиссіи и отвъты на двадцать тысячъ вопросовъ, были уже обнародованы; къ нимъ были присоединены другіе документы, между прочимъ собраніе депешъ всъхъ представителей Англіи за границей, сообщающее драгоцівныя свъдьнія объ ассоціаніяхъ рабочихъ всъхъ странъ.

Это интересное савдствіе, извлектее на світь факты неизвістные или неопреділенные, хотя и важные въ выстей
степени, представлено въ сокращеніи въ небольтой книжків,
появивтейся подъ заглавіемъ Ассоціаціи Рабочия въ Англіи,
безъ имени автора, но приписываемой графу Парижскому.
Относительно изложенія, эта книга составлена очень хорото,
асно и содержить въ себі все существенное. Прибавлю, что
интересь ся заключается въ фактахъ, ею излагаемыхъ, кота
она могла бы быть и еще интересніве. Относительно доктринъ,
а опасаюсь что она не совсімъ придется по вкусу классу
такъ-навываемыхъ буржув и доктринеровъ, составляющему
политическихъ кліентовъ Орлеанскаго дома. Въ вей графъ
Парижскій выражаетъ особенное сочувствіе рабочимъ, не

спешить осудить ихъ, несмотря на то что въ педрахъ союзовъ рабочихъ совершены были даже преступленія; онъ тщательно изыскиваеть какія услуги опи оказали и могуть еще оказать рабочему классу, какія у нихъ дурныя и хоротія стремленія, наконецъ, какія могуть быть произведены въ нихъ реформы, и какого развитія они могуть достигнуть. Онъ полагаетъ что они могутъ превратиться въ "кооперативныя" общества. Относительно этого пункта я не разделяю его инвиія. Мив кажется, что союзамь рабочихь суждено развиваться совершенно въ иномъ смысле, но что темъ не мене имъ предстоитъ важная роль. Что бы ни говорили ихъ противники, ихъ можно назвать, какъ назваль пъкогда Тітев лигу противъ клібных законовъ, "великимъ фактомъ", и превосходная книга, написанная графомъ Парижскимъ съ пълію познакомить съ ними публику, заслуживаеть такой же известности, какою пользовалась 25 леть тому назадъ книга Бастів: Кобдень и Лига.

Попытаюсь изложить са сущность, или, лучте сказать, представить вкратив накоторыя изъ наиболее важных сообщеній этой книги, и потомъ представлю мои возраженія противъ мизній автора относительно будущности ожидающей союзы рабочихъ.

II.

Соціалисты утверждають, что "саларіать есть посліднее видоизм'явеніе рабства". Мнівніе это, конечно, ложное; ибо, если
мы допустимь его, то окажется что всякій человікь получающій вознагражденіе подъ формой заработной платы,
при каких бы то ни было обстоятельствах и въ какомъ бы то ни было положеніи, не можеть быть вознаграждаемь сообразно съ достоинствомъ своего труда, что онь
необходимо будеть эксплуатируемь тімь кто пользуется
втимь трудомъ. Но развіз мы не видимъ множества людей,
получающихъ (подъ вазваніемъ жалованья, вознагражденія
и пр. настоящую и значительную заработную плату? Вольмемъ,
наприміръ, хоть драматическихъ артистовъ, получающихъ

не долю въ барышахъ драматическихъ предпріятій, но настоящую заработную плату, которая по своему свойству. если не по цифръ, совершенно то же что и вознаграждение рабочаго на фабрикъ. Изъ нихъ многіе, конечно, совершенно довольны своею участью, и еслибы какой-нисоціалисть началь объяснять г-жв Патти что ее "эксплуатировали" въ Россіи, потому что она получала тамъ опредвленную плату, а не долю барыша отъ ея представленій, то она, конечно, посмъялась бы отъ души надъ такимъ объясненіемъ. Итакъ, подъ видомъ заработной платы, какъ и подъ всякою другою формой, можно получать вознаграждение соразмърное съ трудомъ и даже далеко превытающее трудъ. Но прежде всего необходимо чтобы договоръ между покупщикомъ и продавномъ былъ совершенно свободень, и чтобы ни одинь изъ нихъ не зависьль отъ произвола другаго. Слишкомъ часто случалось, однако, потому ди что законъ предоставляль хозяину, покупщику труда, преимущество надъ продавномъ-работникомъ, или потому что хозяинъ, постечению естественныхъ или искусственныхъ обстоятельствъ, становился распорядителемъ рынка, онъ могъ предписывать свой законъ рабочему и принуждать его довольствоваться тіпітит вознагражденія за тахітит труда. Это-то особенное явленіе, по недостатку достаточнаго анализа, ошибочно превращено было соціалистами въ общій sakons.

Въ Англіи, гдъ рабочіе ранъе чъмъ на материкъ были освобождены отъ узъ рабства, они все-таки долгое время находились въ состояніи подчиненности, въ которое были поставлены рабствомъ. Возложивъ на нихъ полную ответственпость за ихъ существованіе, а равно и за существованіе ихъ семействъ, замънивъ только недостаточнымъ пособіемъ отъ приходовъ пособія которыя обязаны были имъ доставлять ихъ господа, въ то же время постарались ограничить какъ можно болье свободу для ихъ действій и держать ихъ постоянно въ подчиненномъ положении относительно предпринимателей, съ которыми имъ приходилось заключать условія о варабетной плать. Парламенть состоявтій (что необхопринять на видъ) изъ представителей высшихъ классовъ, послъ страшной чумы 1348 года, которая, обезлюдивъ города и селенія, естественно повела къ повышению ваработной влаты, дошель до того что установиль тахітит T. LXXXI.

Digitized by Google

заработной платы, и, по словамъ Маколея, эта система тахітит была еще всюду примъняема въ конць XVII въка. Овъ сообщаетъ, напримъръ, что "предъ наступленіемъ 1685 года, судьи Варвикскаго графства, пользуясь властью предоставленною имъ актомъ Елизаветы, опредълили, въ продолженіц ихъ третной сессіц, тарифъ заработной платы въ графствъ и объявили подлежащимъ наказанию всякаго хозяина который будеть платить, и всякаго работника который будеть принимать плату выше цифры! ими определенной. Эта плата назначена была отъ марта по сентябрь обыкповенному полевому работнику по четыре шиллинга въ недвлю безъ харчей, а съ сентября по мартъ она попижалась до трехъ съ половиной шиллинговъ въ неделю. Въ подкрилаение этого закона изданы были другие, съ працю держать рабочаго въ состояніи стеснительной зависимости; такъ напримъръ, въ силу Master and servant act, недавно отмененнаго, хозячну вершли на слово во всехъ препирательствахъ отпосительно назначенія заработной платы. На основаніи другихъ актовъ, всякая ассопіанія или комбинація, которую рабочіє могли бы придумать для повышенія таксы заработной платы, была запрешена подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. При Эдуардь VI отрызывали уко человыку уличенному троекратно въ означенномъ проступкъ. Несмотра на все это, рабочіе, чувствуя настоятельную необходимость поддерживать другь друга противъ хозяевъ, употреблявшихъ относительно ихъ во зло свои политическія привилегіи, составляли общества, но до 1824 года, когда отменены были законы о стачкахъ, общества эти оставались тайными. Таковъ быль союзь чугуно-литейшиковь, существующій до сихь порь и, можетъ-быть, самый могушественный изъ всехъ ангийскихъ союзовъ рабочихъ, основание коего относится къ 1810 году. "Члены его," говорить авторь разбираемой нами квиrn ** --

"избирали темную ночь чтобы сойтись вывств, на одномъ изъ торфяныхъ болотъ, называемыхъ *moors* и во множествъ встрвчающихся между холмами центральной Англіи. Тамъ-то собиралась подписка на общественный капиталъ; тамъ подго-

^{**} Les Associations ouvrières en Angleterre. La. V.

^{*} Makogoti. Исторія Англіи со єступленія на престоль Iakosa II. T. I, гл. 3.

товаяваеть забастовка долженствовавтая обнаружиться безъ всякой видимой стачки между рабочими, тамъ же раздавались имъ пособія, если они оставляли работу, и прежде чёмъ дневной свётъ могъ освётить эти невинные заговоры, прежде чёмъ утренній крикъ тетерева (grouss), единственнаго обитателя этихъ пустынь, могъ привлечь вниманіе охотника, архивы общества были тщательно зарываемы въ землю, и каждый изъ заговорщиковъ направляль путь свой въ ближайтій городъ."

Эти тайныя ассоціаціи, побуждаемыя чувствомъ непависти, koтopoe легко объяснялось направленнымъ противъ нихъ преследованіемъ, слишкомъ часто прибегали къ насилію; оне объявляли войну машинамъ, главнымъ результатомъ которыхъ было сокращение ручной работы, иногда даже овъ грабили и сожигали фабрики. Такъ было, напримъръ, въ Ноттингамскомъ округь, въ то время когда континентальная война (1811 года) почти совершенно разстроила шляпную промышленность. Въ продолжении пъсколькихъ лътъ рабочие опустошали этоть округь, несмотря на всю строгость законовъ. Въ течени одного 1813 года восемнаднать изъ нихъ были повышены въ Йоркь. Дошло до того что объявлена была смертная казнь тому кто изломаеть станокъ. Наконепъ было строжайте запрещено содъйствовать выселенію рабочих в изъ королевства, такъ что если рабство и было отменено, то никакъ нельзя сказать чтобы законъ установилъ равенство между хозяиномъ и рабочимъ.

Все это въками построенное зданіе угнетенія и неравенства исчезло вынь, унесенное великимъ либеральнымъ потокомъ, искоренившимъ запретительную систему и множество другихъ устарвлыхъ учрежденій. Съ 1824 года, достопамятнаго отивной законовъ остачкахъ, тайныя общества сопротивленія. организовавшіяся между рабочими вопреки строгости законовъ, могли устраиваться и действовать явно. Они не замедации размножиться и въ настоящую минуту существують почти во всекъ отрасляхъ промышленности. Некоторые изъ никъ пріобрели, какъ мы увидимъ ниже, важное значеніе. и распространили свои вътви по всей Великобритании и даже въ колоніяхъ. Следственная коммиссія не представила ихъ статистики и номенклатуры, но авторъ разбираемой нами квиги, на основаніи свідівній собранных коммиссіей, полагаеть что въ составъ ихъ входить до 800.000 членовъ, составаяющихъ относительно энергіи и промышленныхъ способностей пайть рабочихь Великобритании. Мы не находимь также въ ся отчетв даже приблизительного исчисления средствъ, коими эти ассопіаціи, принявшія родовое названіе союзовь рабочиль, могуть располагать, но средства эти должны составлять значительную сумму; такъ, напримъръ, мы видимъ что союзь чугуно-антейщиковь имель въ 1865 году дожеда 36.297 фунт. ст. (болве 225.000 рублей), что въ томъ же году ассоціація соединенныхъ механиковъ, заключающая въ себв болве 30.000 человъкъ, собрала 86.885 фунт. ст. (болве полумилліона руб. сер.) и владветь запаснымь капиталомъ во 140.000 фун. ст. (болве 900.000 р.). Накоторыя другія не уступають ей ни богатствомь, ни силой, и мы не преувеличимъ, если приблизительно опредвлимъ въ 121/2 милліоновъ рублей сумму взимаемую союзами съ той части рабочаго населенія, которая входить въ ихъ составъ. Наконепъ, число ихъ и значение возрастають съ каждымъ годомъ. И несмотря на то, они не пользуются узаконеннымъ существованіемъ. До 1824 года они подвергались преследованіямъ, нынъ они только терпимы, и мы видимъ что приговоръ суда Королевиной Скамьи предоставляль ихъ на производъ веродомству ихъ агентовъ. Приговоръ этотъ основанъ быль на обычномъ правъ Англіи, объявляющемъ недъйствительнымъ и беззаконнымъ всякое обязательство "противпое общественному благу". Юриспруденція трибуналовъ постановила, что всякое соединение хозяевъ или рабочихъ, имъющее цълію подъйствовать на условія труда, есть дствененіе торговли противное общественному благу". На этомъ и основанъ быль приговоръ, объявившій что виновникъ хищенія произведеннаго въ ущербъ союзу не подлежитъ судебному пресавдованию. Впрочемъ, съ техъ поръ произошли некоторыя перемъны въ законодательствъ по этому предмету. Въ 1868 году изданъ былъ законъ, временно опредвляющій то что въ статутахъ союзовъ должно считаться "стесненіемъ торговли вреднымъ для общественнаго блага". Таково, напримъръ, запрещеніе сдільной работы или ограниченіе рабочаго времени. Союзы подчиняющиеся этому закону, который конечно будеть еще улучшень, могуть обращаться къ правосудію, и такимъ образомъ одинъ изъ нихъ успълъ 19-го декабря 1868 года добиться осужденія своего казначея, уличеннаго въ растрать денегь. Но законное положение ихъ не опредълено еще вполнь, и они тогда только будуть пользоваться привидегіяни общаго прява предоставленными акціонерными компаніями, когда законодательство ясно обозначить что въ имъ дійствіямъ "сообразно съ общественными благомы и что ему противно".

Какъ бы то ни было, несмотря на неопредвленность имъ законнаго положенія, несмотря на грозную и разорительную борьбу которую имъ приходится выносить, они усилинов и покрыми своєю сѣтью все Соедименное Королевство. Разсмотримъ же цѣль, которую они имѣютъ въ виду, средства употребляемыя ими для доотиженія оной, вліяніе ихъ, способъ организаціи и дѣйствія, а также что въ никъ полезно и что вредно.

Ш.

Главная цель устройства союза рабочихъ есть поддержка и возвышение по возможности паны на товаръ, продавцомъ коего является рабочій, то-есть на трудъ; въ виду этой-то пада ови организують стачки и завязывають съ своими хозасвами. также соедивившимися вывоть, борьбу на жизнь и смерть по окончаніи которой, они, смотря по обстоятельстванть, остаются побъдителями или побъжденными. Но кромъ этой существенной прац для которой они основались, они принали на себя большую часть обязанностей падавших на общества взаимнаго вспомоществованія. Нѣкоторыя изънихъ, однако, устроены единственно съ цълію поддерживать или возвышать заработную плату и обозначаются между всеми наяваніемъ Промысловыя Обществу (Trades Societies), но боль**тая часть ихъ имьетъ смышанный характеръ: они доставалють** пособіе своимъ членамъ въ случав несчастія или бользви, ени беруть на себя расходы по ихъ погребению, застраховывають ихъ инструменты: наконень есть и такіе которые лривимають на себя обезпечение пенсіи отарикамь и изуваченнымъ. Это различие давтельности союзовъ подало поводь ка горячима прелівив на сладственной коммиссіи, и насмотра на аргументы филантроповъ въ польву соодинения прист торговой и филантропической, очевидно, что эти две рван наохо вяжутся между собою: когда союза рабониях являеть вначительныя помертвованія для поддержанія забастовки, то онь поставляеть себя ва невозножность пожения вой рель вспоногательнаго, общества, въ «акумев

больни и пр., а если, на основании последняго соображенія, онь не вы состояніи поддерживать начатую борьбу, то вспомогательное общество, вы свою очередь, вредить союзу. Вследствіе втого весьма вівроятво, что кругь дійствія будеть разділяться все болье и болье, и что союзы рабочих предоставать наконець свои обязанности, вы качествів вспомогательних обществь, Дружськими обществоми (Friendly societies), столь многочисленными вы Англіи. Впрочемы и теперь уже эти посліднія обязанности иміють лишь второстепенное значеніе, и на діль филантропическая цізль ассоціаціи всегда получивена ся коммерческой цізли.

Какимъ образомъ устроены союзы? Организація ихъ естественно изминяется смотря по составу общества, но имветь одну общую черту-складчину, или дань взимаемую каждымъ союзомъ съ его членовъ, что и составляетъ, какъ во множествъ другихъ обществъ, соціальную связь. Эта складчина измъnaetca, cmotpa no ofmectbant, ott ognoro nernu go muaaurra u ARKE AO ABYN'S MUAAURIOB'S BE REABAIO; CBEPN'S TORO, NOAOKERS довольно значительный взнось при вступленіи въ союзь. Вообme benoce ogunakobe dan beene vaenobe, sa uckampenieme reкоторыхъ обществъ, именно общества Лондонскихъ типографщиковъ, гдъ подписка распредъяются соразмърно съ заработною платой каждаго, съ темъ чтобы потомъ и пособіе распредваваось сообразно съ втими взносами. Исполнительный советь, избираемый ежегодно тайною балдотировкой и вожни членами, управляеть делами общества. Советь этоть избираетъ себъ президента, казначея и секретаря. Часны совъта получають поденное вознаграждение, казначей и секретарь положенное жалованье, и этой превосходной системв возпагражденія за услуги каждаго союзы рабочихъ обязавы своимъ стройнымъ управленіемъ. Рашенія относительно вабастовокъ, назначение вознагражденій, наконецъ допущеніе и искаючение членовъ принадлежать исполнительному совъту. Общее собраніе предоставляєть себів право изслідовать ghicthia ynpabaeria, a takke onperhaath cymwy benoga u врибавлять къ опому, въ случав надобности, добавочный нааогъ. Но эта организація, довольно простав и, повидимому, самая естественная для всякаго общества, усложнается во maps toro kaka acconiania pacnagaeres na orghannas группы въ равачиныхъ местностить. Каждая группа, соотавляя сътеь, ванимаеть округь болье или менье обширный,

избираеть свой комитеть, имветь свою спеціальную кассу. но обязана давать отчеть о своемь управлении и о своихъ средствахъ центральному комитету. Этотъ последній состоить вообще изъ уполномоченныхъ, избираемыхъ на шесть мъсяцевъ различными вътвяями, сообразно съ числомъ ихъ членовъ, и изъ двухъ служащихъ, секретаря и казначев, избираемыхъ прямо голосами всёхъ членовъ. Ипогла также комитеть каждой вытви облекается поперемынко исполнятельною властью. Въ некоторыхъ обществахъ, каждая вытвы управляеть своими финансами по своему благоусмотрению съ темъ условіемъ, чтобъ опъ, въ случав надобности, предоставляли ихъ въ распоряжение исполнительнаго комитета; въ другихъ запасный капиталь, по удовлетвореніи обыкновенныхъ расходовъ, вносится въ общую кассу и назначается на общія потребности, или распредвляется между ветвами сообразно съ ихъ спеціальными нуждами. Члень одной вытви, мыняющій мысто жительства, къ концу года становится по праву членомъ вътви основанной бливь его новаго местопребыванія; простой билеть выдаваемый ветвью. которую овъ оставляеть, открываеть ему доступь въ другую. Принадлежность къ обществу прекращается, когда рабочій перестаеть уплачивать свой взпось, и въ этомъ случаю опъ теряеть всю сумму своихъ прежнихъ взносовъ. Онъ можеть быть также исключень изъ ассоціаціи за нарушеніе правиль или за дурные поступки.

Чтобы дать болье полное и точное понятіе о финансовомъ устройствь союзовь рабочихь, о ихъ средствахь и повинностяхь, заимствуемь у нашего автора следующій аналивь бюджета одного изъ самыхъ значительныхъ союзовъ—Общества соединенныхъ плотниковъ и столяровъ.

"Общество соединенных плоткиковъ и столяровъ ввимаетъ съ каждаго изъ своихъ члековъ, вопервыхъ, одновременный взносъ въ пять шиллинговъ, потомъ по шиллингу въ недвлю, и сверхъ того по три шиллинга въ треть, что составляетъ 3 фунта 18 шилл. ежегоднаго взноса. Суммы собираемыя такимъ образомъ поступаютъ въ общій капиталъ для покрытів всюхъ расходовъ, которые могутъ разделяться на три статьи: І. Взаимныя пособія. ІІ. Дела промысла (Trade-pur-ровев). ІІІ. Общіе расходы.

"I. Взаимным пособія распредвамотся савдующимъ образомъ: 1) пособіе въ случав бользии, по 12 шиллинговъ въ недълю, въ теченіе 26-ти-педъль и потомъ по мести миллинговъ въ недълю до тъхъ поръ пока оно будетъ нужно; 2) пособіе отарикамъ, по пяти миллинговъ въ недълю тъмъ которые состоятъ членами болъе 12-ти лътъ, по семи тъмъ которые состоятъ таковыми болъе 18-ти лътъ, и по восьми тъмъ которые состоятъ таковыми болъе 25-ти лътъ; 3) расходы по погребенію, три фунта 10 милл., если покойный состоялъ членомъ союза менъе полугода, если же болъе этого срока, то 12 фунтовъ.

"И. Расходы по дваамъ промысла суть следующіє: 1) поддержка забастовокъ одобренныхъ обществомъ; каждый членъ не имеющій работы получаетъ по 10 шиллинговъ въ первыя 12 недель, и по шести въ 12 следующихъ; 2) поддержка членовъ оставшихся безъ дела, назначаемая по 15 шиллинговъ въ неделю, если удаленіе ихъ последовало не по причине ихъ дурнаго поведенія; 3) застрахованіе противъ потери инструментовъ полное, если владельцы ихъ состоятъ членами общества боле шести месяцевъ, или иначе въ 5 фунт. стерл.; 4) премія переселенія въ 6 фунт. или выше, если то дозволяютъ средства общества; 5) вознагражденіе въ случае несчастія; 6) пособіе выдаваемое другимъ обществамъ съ целію поддержать забастовки.

"III. Общіе расходы заключають въ себь опредъленное жалованье секретарямъ, вознагражденіе уполномоченнымъ и членамъ совъта, наемъ конторъ и помъщеній для собраній и печатаніе документовъ.

"Расходы эти по первой стать в простирались въ 1865 году до 1.635 фунт., по второй до 2.790, по третьей до 2.307, что въ общей сложности составляетъ 6.742 фунта. Доходы простирались до 10.488 фунт., что даетъ избытокъ въ 3.746 фунт., поступившій въ запасный капиталь."

Таковъ, съ небольшими варіантами, механизмъ союзовъ рабочихъ. Какъ можно судить по вышеприведеннымъ цифрамъ, союзы рабочихъ облагаютъ своихъ членовъ довольно тяжелыми повинностями. Среднимъ числомъ оки взимаютъ съ нихъ по два фунта въ годъ съ заработной платы, которая среднимъ числомъ полагается въ Англіи до 50 фунтовъ. Конечно, это много, особенно если принять въ соображеніе что нѣкоторые изъ этихъ союзовъ не выдаютъ пособій въ случав бользни или увѣчья, и что во всякомъ случав эти пособія ненадежны, ибо необходимость поддерживать забастовку совершенно истощаетъ средства общества, не оставляя ничего на пособіе въ случав бользни и пр. Несмотря на то, болъе 800.000 рабочихъ добровольно подчиня-

отся уплать этого тяжкаго налога, въ убъждени что союзы рабочихъ, вооружая ихъ могуществомъ, присущимъ ассоціаціи, и принуждая такимъ образомъ хозяевъ и само правительство считаться съ ними, доставляютъ имъ гораздо болье того во что они имъ обходятся. Правы ли они или нетъ? Для решенія этого вопроса обратимся къ разсмотренію действій союзовъ рабочихъ и того вліянія коимъ они пользуются.

IV.

Подъ вліяніемъ законодательныхъ монополій, главныя черты коихъ мы изложили выше, многочисленныя элоупотребленія и действія явнаго угнетенія были безпрерывно совершаемы въ ущербъ рабочимъ классамъ. Союзы рабочихъ много содъйствовали искорененію этихъ злоупотребленій и преобразованію самого законодательства. Благодаря ихъ митингамъ и петиціямъ, парламенть отмениль, два года тому назадъ, несправедливый законъ master and servant act. Эта отмыва отозвалась и за границей. Франція последовала примеру Англіи, отывнивъ 1.781 ст. угодовнаго колекса, сходную съ master and servant act, и та же реформа совершается въ Бельгіи. Въ каменноугольной промышленности, до конца прошедшаго стольтія, рабочіе подчинены были настоящему рабству, такъ какъ они обязаны были работать въ копяхъ до техъ поръ, пока это угодно было ихъ хозяевамъ; если опи опредължись въ другое мъсто, то хозяинъ могь вытребовать ихъ, и они подвергались наказанію розгами, какъ воры, за то что они дерзнули похитить свой собственный трудъ. Какъ только этотъ беззакопный обычай быль отменень, козяева употребили всв старанія чтобы возстановить его косвеннымъ путемъ. Такъ водворилась повсюду система truck-shop или платежа натурой. Truck-shop не что иное какъ лавка устроенная владвльцемъ на своемъ заводв, изъ которой онъ выдаетъ своимъ рабочимъ въ кредить събстные припасы, напитки и пр., заставляя платить страшкыя гркы, употребляя даже угрозы для побужденія къ потребленію и удерживая изъ заработной платы, выдаваемой въ отдаленные сроки, то что приходится по расчету за продавное по лихвенной швив. Союзы

рабочихъ, выставляя на видъ злоупотребленія этой системы. вызвали противъ нел пегодованіе общественнаго мителія, что поведо къ запрешению си парламентомъ. * Они также содъйствовали улучшению условій работы въ копяхъ. Такъ, напримъръ, союзы съверной Англіи, купно съ шотландскими, потребовали вифивательства закона противъ дурной вентиляціи копей и противъ употребленія на работы женщинъ и літей. Въ 1842 году, уступая ихъ настоянамъ, парламентъ запретиль подвемную работу женщинамь, атакже и двтямь ниже 12-ти авть. Заочнотребленія, которыя авазацсь при этомъ, были поистикь чудовищныя: тестильтия двти употреблялись въ продолжение 16-ти часовъ въ сутки на то чтобы отворять и затворять двери въ глубикв темной галлереи. Что касается до женщинъ употребляемыхъ на работы въ тотландскихъ каменноугольных копяхь, то онв принуждены были изъ глубины тахты взбираться на поверхность по прямымъ и скользкимъ австницамъ съ номей угля во сто киллограммовъ за плечами. Другое влоупотребленіе, на которое жаловались рабочіе въ каменноугольныхъ копахъ, была конфискація ихъ заработной платы въ техъ случаяхъ, если оказывался какойнибудь недовъсъ въ ящикахъ съ угаемъ, которые они должны были наполнять за определенную пену. Жалобы союзовъ рабочихъ были такъ настоятельны, что парламентъ наконець уступиль имъ, издавъ актъ, въ силу коего рабочимъ предоставлено было право избирать надемотрщика за взвъшваніемъ угля, который долженъ быль получать содержание отъ нихъ и отъ владъльца. Многие хозяева пытались обойти этотъ законъ, удаляя рабочаго назначаемаго въ эту должность, тотчась по его избраніи, и запрещая ему доступъ къ колямъ, подъ твиъ предлогомъ что окъ уже ве принадлежить къ заведению. Но союзы не думали уступать Takony npotubosakonnony pacnopakenio: Tako, nanpumbos, одинь изъ этихъ контролеровъ, г. Нормаселль, нынъ президенть союза въ южномъ Йоркширь, энергически поддерживаль свое право. Восемнадцать дней сряду его отгонали отъ копей, куда опъ являлся для исполненія своей должности, и овъ обратился къ трибуналамъ; перехода отъ одной инотанціи къ другой, овъ довель своихъ хозяевь до суда Кородевиной

^{*} Эте запрещеніе предложено было дордоми Анан (нымі дорди Шафтеебери), и утверждено палатой община на 1831 году.

Сканъи и принудиль имъ возстановить его въ должности. Могь ли бы онъ выказать такую эпергію, и достало ли бы у него средствъ вести процессъ, еслибъ онъ не пользовался правственною поддержкой и кассой союва? "Безъ сомивнія," говорить нашъ авторъ, —

"было бы преувеличеніемъ приписать исключительно вліякію союзовъ рабочихъ все что сдівлала Англія для искорененія злоупотребленій и улучшенія быта рабочихъ, но несомвівлю также, что своею настойчивостью въ защить своихъ законных интересовъ, какъ вообще предъ публикой, такъ и предъ парламентскими коммиссіями, они ускорили изданіе законоположеній, благотворныя послівствія коихъ ощущаются вынь. Они должны были восторжествовать надъ силой предвнія, надъ отвращеніемъ, вообще разумнымъ, англійскаго народа ко всякой регламентаціи, и наконець надъ оппозиціей огромнаго числя хозяєвъ."

Если подлежать сомпенію действительность даже таких законовъ какъ изданные парламентомъ для запрещенія truck system и злоупотребленій относительно работы женщинь и дітей. то какъ не согласиться что вліяніе какой бы то ни было регламентаціи всегда ограниченно, а часто и совсемъ ничтожно? За то неоспоримо то вліяніе, которое организація могущественныхъ обществъ рабочихъ имъла на прекращение влоупотребленій силы. Еслибы жертвы этихъ заочнотребленій оставались изолированы, безъ связи между собою, то какъ долго еще пришлось бы имъ страдать! Человъка изолированнаго и лишеннаго средствъ притесняють не обинуясь; но съ нимъ считаются, подумають хорошенько прежде чемь подать ему поводъ къ закопной жалобъ, когда его поддерживаютъ тысячи людей и тысячи фунтовъ стерлинговъ. Итакъ, помимо вліянія которое они могли иметь на таксу заработной платы, союзы рабочихъ оказали значительную услугу рабочему классу, эпергически содъйствуя уничтожению остатка законовъ и обычаевъ рабства.

Если они положили преграду притвененіямъ, которымъ слишкомъ часто подвергали хозяева отдельныхъ работниковъ, то съ другой стороны они имели благотворное вліяніе
и на нравственность рабочаго класса. Многіе союзы подвергаютъ пене пьяницъ и негодяевъ, и даже изгоняютъ ихъ изъсвоей среды. Когда рабочій оставляетъ същев, союзъ выдаетъ ему билетъ, по предъявленіи коего онъ можетъ

быть принять въ другую вътвь. Билеты эти бывають различныхъ цвътовъ. Особаго цвъта билетъ выдается тъмъ которые отсылаются за пьянство и дурное поведеніе. Красный билетъ, котя ихъ и принимаютъ съ нимъ, служитъ однако дурною рекомендаціей предъ будущими товарищами; бълый билетъ выдается членамъ пробывшимъ въ союзъ менъе года; лучній билетъ есть черный. Въ чугуно - литейной промышленности, союзы, по сознанію самихъ козяевъ, много содъйствовали искорененію злоупотребленій вощедшихъ въ обычай между рабочими, а именно похищенія кусковъ руды, которые они тайно бросали въ печь чтобъ увеличить количество выплавляемаго чугуна. Итакъ они могутъ имъть и даже имъютъ благотворное вліяніе на вравственныя привычки рабочихъ и содъйствують возвышенію ихъ достоинства, доставляя возможность противодъйствовать угнетеніямъ.

По отношенію къ улучшенію правственныхъ привычекъ и осужденію безчестныхъ поступковъ, которыми рабочіе слишкомъ часто отвъчали на притъсненія, противупоставляя воровство и расхищеніе экстлуатаціи,—союзы рабочихъ оказали рабочимъ и самимъ козяевамъ услуги, отрицать которыя невозможно. Но вывінательство ихъ въ опредъленіе таксы заработной платы и условій труда не всегда имбетъ благотворное дъйствіе, иногда даже приноситъ положительный вредъ; если же принять въ соображеніе роль, которую они играли въ стачкахъ и забастовкахъ, то понятны становятся и фанатическій энтузіазмъ возбужденный ими съ одной стороны, и жестокая вражда которую они не безъ основанія вызвали противъ себя съ другой стороны.

V

Невозможно отрицать, что въ настоящее время, въ особенности въ западной Европъ, между рабочими классами господствуетъ сильное недовольство. Причины втого недовольства многоразличны. Главная, повидимому, заключается въ неспособности ихъ управляться самими собою,—недостатокъ, который можно исправить только въ теченіе времени и постеденно; затъмъ слъдуютъ законы, которыми пытались отдать

ихъ на произволъ предпринимателей промышленности и ко-TODЫE, NO CHACTIO, HAMIRAIOTE ROBCIOAN UCHESATE; SATEME CARдують еще естественныя затрудненія, съ которыми они должны бороться, чтобы поставить трудь свой въ наизучтія по возможности условія. Слиткомъ часто сбыть, которыть они располагають, стеснень ограниченностью ихъ средствь, дороговизной сообщеній, недостаткомъ свідівній о положеніи ават на рынки труда и пр. Подъ вліянісить этихъ причинъ. отчасти естественныхъ, отчасти искусственныхъ, они накодятся вообще въ невыгодныхъ условіяхъ для обсужденія цифры заработной платы. И когда рабочимъ запрещено перемъщаться и входить между собою въ соглашение, чтобы отказываться отъ работы по ценамь до крайности пониженнымъ, ови неръдко принуждены отдавать maximum труда за minimum заработной платы. Прибавьте къ этому что новыя машины, которыя въ окончательномъ результать обращают-од къ ихъ же выгодь, въ началь производять имъ неравномървую конкуренцію и устраняють ніжоторых в изъ пихь оть той отрасли промышленности, куда вводятся; прибавьте еще переворотъ произведенный на всемъ пространствъ образованнаго міра приливомъ золота, банковыхъ билетовъ и бумажныхъ денегь, что подняло цвны на всв средства суще-ствованія, между твиъ какъ заработная плата, вследствіе особыхъ условій въ которыхъ находится трудъ, не могла вовыситься въ соразм'врности. Эти посл'яднія причины были ясно обозначены, во время следствія о рабочихъ союзахъ, г. Гевиттомъ, железнымъ заводчикомъ Соединенныхъ Штатовъ, который, однако, несправедливо приписалъ исключительво имъ недовольство рабочихъ классовъ, положение коихъ, особенно во Франціи, савлалось еще тягостиве всавдствіе подстрекательствъ соціализма, хотя соціализмъ способенъ гораздо скорве ухудшить чвит улучшить оное. Въ Соединенныхъ Штатахъ недовольство менве вначительно чемъ въ другомъ месть, потому что трудъ тамътоварз болье prodkiй чымъ въ Европь, и сверхъ того вемля тамъ предлагается рабочимъ по дешевой цень. "Малоценность земли, говорить г. Гевитть, есть неизбъжное противовъсіе, предупреждающее излитнее пониже-ніе заработной платы. И дъйствительно, если всякій работвыкъ имъетъ возможность покупать у государства земли по жень почти только поминальной, то кузнець оставляеть жельзный заводь, какъ только замвияеть что получаемая имъ плата не превышаеть того что онь можеть пріобрасти обработкой поля даннаго ему на вышеизложенных условіяхъ. Американца ничто не привязываеть ни къ его мъстожительству, ни къ его профессіц, и возможность сдваяться землевладваьцемъ въ far West постоянно занимаеть всв мечты рабочихъ, а потому удержать ихъ въ мастерской возможно только предоставлепіемъ имъ значительныхъ выгодъ. Совершенно иное вилимъ мы въ большей части Европы, и совершенно понятно. что введеніе машинь производить тамь временныя волненія гораздо болье опутительныя чымь въ Америкь. Характеристическій примеръ этого находимъ въ показаніи г. Насмита, знаменитаго изобрътателя механическихъ орудій (machines-outils) для построенія машинъ. Такъ какъ каждое изъ RUXE, no ero caobane, beinoargete abao natu uau mectu beмесленниковъ, то онъ могъ значительно сократить число рабочихъ. Вскоръ новыя усовершенствованія дали ему даже возможность поручить одному человыку надворъ за двумя, тремя, четырьмя, и даже пятью или шестью механическими орудіями; это дало ему возможность снова умельшить личный составъ, и онъ отдаль въ руки одного человъка сколько возможно было орудій, прибавляя только за каждое изъ нихъ къ заработной плать по одному шиллингу въ недалю. Это было далеко неравномарно съ выголой, которую я получаль отъ его работы, говорить самъ г. Насмить. За одно орудіе я ему даваль по 16-ти шиллинговь въ педвлю, а за шесть по 21 шиллингу. Эти пять добавочныхъ шиллинговъ доставляли мив шесть фунтовъ стера. экономіи. Давая ему только 21 шиллингь, я вознагражаваь его очень скудно, но я могь избаловать его, повышая плату. Чрезмерная заработная плата, выдаваемая одному, могла бы повести къ повышению ся во всемъ заведении. Къ тому же мой ремесленникъ былъ доволенъ. Я былъ хозяинъ, овъ рабочій, и эта сделка удовлетворяла насъ обоихъ. Но оче-. видно, что часть приходившаяся на ручную работу при такой перемънъ значительно уменьшилась, и введение механическихъ орудій, какъ благотворно оно ни было, въ началь наносило положительный ущербъ рабочимъ.

Поставленные такимъ образомъ въ условія естественно наи искусственно неблагопріятныя, чему содійствоваль, по крайней міррі временно, самый прогрессъ, рабочіє, для повышенія своей заработной платы или для поддержанія ея, когда она грозила пониженіемъ, прибівгали преимущественно къ

стачкамъ и забастовкамъ, то-есть къ соглашению рабочихъ одной профессіи отказываться отъ работы, или, если угодно, производить искусственный голодь до техь порь, пока покупщики не согласятся на ихъ требованія. Конечно, это способъ грубый и вредный не только для хозяевъ, предпріятія коихъ задерживаются, и для рабочихъ, лишающихся дохода, но даже и для посторовнихъ, отнюдь не участвующихъ въ стачкъ: такъ, напримъръ, стачка между кондукторами паровозовъ прерываеть необходимыя сообщенія, къ великому ущербу публики; стачка рабочихъ на бумагопрядильняхъ оставляеть безъ работы ткачей, и пр. и пр. Но какъ ни грубъ и какъ ни вреденъ этотъ способъ, темъ не менее, при нынешнемъ положеніц вещей, онъ по большей части есть единственное средство, которымъ рабочіе могуть обуздать беззаконныя притазакія предпринимателей промышленности, предписывающих имъ законъ на рынкъ. Когда рабочіе не могуть ни свободно перемъщаться, ни сговариваться между собою относительно прекращенія работы, хозяева слишкомъ часто употребляють во зло ихъ положение, чтобы довести ихъ заработную плату до тіпітит; когда существуеть право] стачекъ и забастовокъ, то хозяева опасаются убытка, нераздучнаго съ остановкой работы, и остерегаются доводить до крайности преимущества, которыми они пользуются относительно рабочихъ. Итакъ право отачки, признавное за рабочими, есть узда противъ беззаконныхъ притязаній предпринимателей промышленности, но едва ли нужно присовокупаять, что если употребление этой узды можеть воспрепятствовать излишку мъстваго притьсненія, то оно не можеть имъть надлежащаго вліянія на общую таксу заработной платы. И дъйствительно, если рабочіе ограничиваются временнымъ удаленіемъ съ рынка ніжотораго количества труда, то едва оканчивается стачка, какъ отношение между спросожь и предложением возстановляется по-прежнему, и нать аричины чтобы рыночная цвна изменилась. Но этого мало еще. Если это временное удаление извъстнаго количества необходимаго труда обратило заказы, которые следовало выполнить, въ другія м'вста, если спросъ на трудъ вследствіе этого самаго уменьшается, между тыть какъ предложение посав стачки остается прежнее, то вывсто повышения, стаквувшіеся рабочіе должны подчиниться пониженію, и положеніе ихъ не улучшится, а ухудшится. Вотъ почему оки и должны употреблять это грубое оружіе съ крайнею осмотрительностью, чтобы не нанести ранъ самимъ себъ.

Весьма несправедливо было бы, какъ основательно замъчаетъ нашъ авторъ, обвинять союзы рабочихъ въ томъ что ови придумали стачки или забастовки, или даже размножили ихъ. Стачки и забастовки устраивались въ Англіи въ то время, когда союзы рабочихъ были весьма малочисленны и существовали только въ формъ тайныхъ обществъ; онъ устраивались на материкъ, въ странахъ, гдъ вовсе нътъ союзовъ рабочихъ. Стало-быть, союзы рабочихъ не создали ихъ, иногда даже они имъ противодъйствовали; но они несомнънно сдълали ихъ болъе опасными, какъ разумнымъ руководствомъ ими, такъ и значительными средствами, которыя предоставлены въ ихъ распоряженіе. Чтобы понять это, необходимо изслъдовать нъкоторыя явленія втой борьбы между трудомъ и капиталомъ, изучить ихъ тактику и оружіе употребляемое съ объихъ сторонъ.

VI.

Между важивищими изъ стачекъ, которыя чаще всего сопровождались беззаконными притязаніями и предосудительными авиствіями, особенно замвчательны стачки рабочихъ по строительной части, подъ которою разумется множество профессій: плотники, столяры, маляры, кирпичники, каменотесцы, штукатуры, каменьщики (между ними авъ совершенно различныя профессіи, изъ коихъ одна исполняеть постройки изъ кирпича, другая изъ кампа, -bricklayers и stone такова), поденщики и пр. въ числъ болье 900.000, изъ коихъ болъе трети принадлежать къ различнымъ союзамъ. Благолара развитію, котораго достигли всякаго рода постройки, и значительному, иногда слишкомъ обильному капиталу на нихъ употребляемому, требованія рабочихъ этихъ профессій въ теченіе тридцати льть почти постоянно возрастали, и по всему въроятию, ихъ заработная плата поднялась бы естественно, еслибы даже и не организовались союзы. Относительно кирпичниковъ надо заметить, что въ распределени заработной платы они пользуются естественнымъ преимуществомъ. Кирпичи должны быть изготовляемы въ районъ

nauforbe fauskons ks noctpoükams, taks kaks noabosuts uxs. издалека значило бы чрезмерно уведичивать ихъ пенность. и всабдствіе этого кирпичники могуть возвышать свои требованія, не опасаясь въ этомъ ограниченномъ района конкурренцій кирпичей выделываемых на значительном разстояніи. Союзы рабочихь по строительной части вздумали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ для повышенія заработной платы, такъ и для уменьшенія рабочихъ часовъ. что въ сущности одно и то же. Подъ всеми формами и во всвят отрасляхъ промышленности, какъ справедливо замвчаеть нашь авторь, союзы пресавдують эту двоякую пвль. Иногда они присоединяють къ ней требование замыны саваьной платы поденною, подъ темъ предлогомъ что первал система ведеть къ чрезмърной эксплуатаціи сидь рабочаго. Въ строительномъ дъль, впрочемъ, поденная или часовал плата предпочитается какъ козяевами, такъ и рабочими, ва исключениемъ маларовъ и кирпичниковъ; но темъ не менъе возникають распри при работь за поденную плату: между рабочими бывають люди особенно двятельные и искусные. ихъ-то преимущественно приглашають хозяева, предоставаяющіе имъ особыя преимущества, которыя должны служить примъромъ и поотрекіемъ для другихъ. Эти преимущества, безспорко вполка законныя, возбуждають неудовольствіе массы, которая обозначаеть характеристическимъ названіемъ "лошадей съ бубенчиками" этихъ рабочихъ приглашенныхъ для примъра, и требуетъ, когда она считаетъ себя боаве сильною, чтобы плата для всехъ была равная. Впрочемъ, предметомъ препирательствъ между союзами и хозяевами сдъавлась прежде всего самая такса заработной платы. Въ 1833 году, восемь автъ спустя посав отмены законовъ о стачкахъ, анверпульскіе союзы рабочихъ попытались вытребовать новый тарифъ отъ предпринимателей построекъ и, въ случав отказа, грозили общею забастовкой. Хозяева не только воспротивились этому требованию, но съ своей стороны составили союзь, члены коего обязались отпустить рабочихъ, которые не откажутся отъ участія въ Trades Unions. Рабочіе не согласились на это, а хозяева положили закрыть свои мастерскія, противопоставляя такимъ образомъ стачкъ встречную стачку, обозначенную въ Англіи названіемъ Lockом. Въ недваю потребление кирпичей въ Ливерпуль упало съ милліона до 20,000. Однако хозяева не ограничились этимъ: T. LEEKL.

они выписали рабочихъ изъ другихъ мъстъ Англіи. Союзы разставили часовыхъ у дверей въ мастерскія для убъжденія nnikakung ne broaute be orden, nocab uero une npobokatu на жельзкую дорогу и уплачивали за ихъ обратный путь. Борьба прододжавась шесть мъсяпевъ. Наконепъ рабочіе принужбены были уступить, потерявъ 72.000 ф. ст. заработной платы и издержавъ 18.000 для поддержанія забастовки. Они принуждены были принять суровое условіе отказаться оть союзовъ, что повело къ распадению последникъ. Но эти союзы не замеданан организоваться вновь. Въ 1847, 1859 и 1861 годвуж борьба возобновидась, особенно въ Лондонъ, и послъ размичныхъ перипетій, хозяева перестали требовать выхода ивъ союзовъ, условіе, которое опи непремѣпно палагали на рабочихъ въ первое время, и согласились выдавать заработную плату по часамъ. Въ 1864 году произопло новое столкновеніе въ Манчестеръ, и на втоть разъ по доводьно пустой npayant.

"Муниципальная администрація въ Манчестеръ занималась постройкой ассизнаго суда, огромнаго и красиваго зданія, парушившаго пъсколько однообразіе этого закопченаго города. Завъдывавшій работами г. Кетль, на котораго рабочіе уже неблагосклонно смотрым, какъ на имостранца, поставиль во главъ поденщиковъ привезеннаго имъ съ собою мастера. Обычай требоваль чтобъ этоть вновь прибывшій заняль последнее место, такъ какъ наиболее старые рабочіе всегда пользуются особыми преимуществами. Поденщики протестовали противъ такого нарушения обычаевъ, и когаз комитетъ ихъ союза не успълъ вытребовать исполнения ихъ желанія отъ г. Кетля, то они потребовали спачала у пред-принимателя, а потомъ у архитектора, удаленія г. Кетля, и получивъ отказъ, устроили забастовку. Такъ какъ вследствіе etoro pashoraccia pacora bricklayers chia npepbara, to noсавдніе обвиними въ этомъ перерыві г. Кетая, потребовам себі 25 фунтовъ вознагражденія, и получивъ отказъ, устроши и съ своей стороны забастовку. Тогда началась ожесточенная борьба. Потребовали рабочихъ изъ Лондона для замещения техъ что отказывались работать, но лондонское общество bricklayers вступилось чтобы не допустить ихъ ле работы и заплатило за ихъ обратный путь. Г. Кетаь исказ рабочихъ во всехъ частяхъ Англіи, но везде встречаль противодъйствие со стороны манчестерскаго союза, решившагося во что бы то ни стало не допускать никого до его построекъ. Союзъ разставляетъ часовыхъ, управиваетъ вновь прибывшихъ, грозить имъ. Напрасно г. Кетав помъщаеть илъ въ недостроенныхъ зданіяхъ и кормить ихъ на овой счеть: полиція окружающая ихъ не въ состояніи оградить ихъ отъ соблазна, и весьма немногіе могуть устоять отъ предложенія пяти, даже семи фунт. десяти шила., которыми товарищи покупають ихъ отъвядь. Предпривиматель, желавшій удержать г. Кетля, не можеть найти себв рабочихъ ни для какого двла. Наконецъ, несмотря на всв свои усилія, bricklayers видять что каменная работа вскорв будеть окончена; они платать столярамь чтобъ и тв устроили вабастовку, но напрасно: зданіе ассивнаго суда оканчивается безъ нихъ и наперекоръ имъ." *

Эти "кирпичники" принадлежать къ числу самыхъ буйвыхъ и невъжественныхъ рабочихъ Англіи. Между ними именно встрвчаются неленыя теоріи и злоупотребленія, которыя особенно выставляются на видъ противниками соювовъ для доказательства вреднаго действія ассопіацій. Умственное развитие ихъ до крайности ограничено, и наибоаве распространенныя между ними идеи представляють какую-то дикую смъсь коммунизма и протекціонизма, они ненавидять машины и стараются прежде всего воспрепятствовать введенію этихъ "искусственныхъ рукъ". Они хотять обязать хозяевъ чтобы тв равномврно распредвляли между ними работу, не допуская различія въ заработной плать, обусловливаемаго большею діятельностью или большимъ искусствомъ. Они доходять даже до того что применяють къ своей промышленности принципы запретительной системы доведенные до крайности. Такимъ образомъ они разделили территорію на безчисленное множество округовъ. Каждый округь должень удовлетворять самъ себя: хозяевакирпичники обязаны употреблять на работу исключительно рабочихъ округа, употреблять глину добываемую только въ округа и не продавать кирпичей пигда крома предаловъ своего округа, подъ страхомъ попасть подъ запрещеніе. Опи предъявили еще требованіе, которое поддержали также многіе другіе союзы, чтобы не допускать хозяевъ до приглашепія рабочихъ не принадлежащихъ къ ихъ союзамъ. "Такъ какъ союзъ, говорили они въ подтверждение своего требованія, имветь цвлію возвысить заработную плату всвять рабочихъ, то несправедливо чтобы некоторые ихъ нихъ пользовались ихъ усиліями, не неся на себів ихъ повинностей. Если хозяева вольны выбирать себв рабочихъ, если последніе

^{*} Les Associations ouvrières en Angleterre, rabba IV.

вольны чуждаться наших ассоціацій, то мы, члены союза, также вольны оставить техт и другихт лицомъ къ лицу". Они довели это притязаніе до такой степени что наложили запрещеніе на мастерскія г. Гауройда въ Бродфордь и г. Диксона въ Блекпуль, потому что эти предприниматели употребляли на работу собственныхъ сыновей, не участвовавшихъ въ союзахъ. Наконецъ, понявъ какъ нельза лучше, несмотра на свое невъжество въ политической экономіи, что заработная плата опредъляется на основаніи закона о спрось и предложеніи, они требують ограниченія числа ученниковъ и устраненія отъ ихъ профессіи всякаго кто не прошель установленной школы. Это послѣднее притязаніе повторяется впрочемъ во всѣхъ отрасляхъ строительной промышленности и во многихъ другихъ. Вотъ аргументы, ко-ими рабочіе подкръпляють свое притязаніе:

Въ большей части профессій этой промышленности, новичокъ обязань въ настоящее время заключить съ хозячномъ контракть объ ученіц, на основаніц коего онъ обязуется служить ему за уменьшенную плату въ течение пяти или семи лътъ. Когда онъ сдълается столь же опытнымъ какъ настоящій мастеръ, то работая такимъ образомъ за уменьmенную плату, онь расплачивается по-своему за полученное имъ воспитаніе, которое замінить ему капиталь; но рабочіе, съ которыми онъ занимался, утверждають тогда, что такъ какъ они употребляли часть своего времени на его обученіе, то плата за него следуеть имъ, а не хозяцну. А если труды наши остаются безмездными, говорять они, то мы имъемъ по крайней мъръ право не принимать учениковъ или ограничивать число ихъ какъ намъ заблагоразсудится. Когда ученикъ становится въ свою очередь мастеромъ, онъ считаетъ незванымъ гостемъ, недобросовъстнымъ конкуррентомъ всякаго рабочаго, который не прошель той же школы, а также и такого, который, бывъ ученикомъ въ одной профессіи, вздумаль потомъ перейти въ другую и вторгнулся, хотя бы въ самой ничтожной степени, въ область чужой спеціальности. Мы не требуемъ, говорять они, чтобы законъ вступался въ наше дело и распространяль на эту собственность то же покровительство, какое дается адвокатамъ, врачамъ и другимъ такъ-называемымъ либеральнымъ профессіямъ, мы стараемся обезпечить ее себъ устройствомъ союзовъ. Аргументы вти, очевидно, болве оригинальны чемъ убедительны. Можно преобразовать условія ученичества, если они недостаточно справедливы, но не будетъ ли то возвращеніемъ къ монополіи корпорацій, если рабочіе каждой профессіи пріобретутъ право ограничивать число учениковъ и не допускать къ своей профессіи техъ которые пріобрети сведенія въ оной, не прошедши чрезъ установленное обученіе? Относительно этого пункта, такъ же какъ и относительно многихъ другихъ, рабочіе остались верны старому порядку, но если мы видимъ и между образованными классами какъ много людей которые не могутъ отделаться отъ своихъ устарелыхъ понятій, то что же удивительнаго, если такія понятія господствують между классами невъжественными?

Способы, къ какимъ прибъгають рабочіе нъкоторыхъ союзовъ, и въ особенности союзовъ по строительнымъ работамъ, для успъха въ борьбъ съ предпринимателями, еще хуже ихъ теорій. Такъ, напримъръ, кирпичники не довольствуются наложеніемъ запрешенія на хозяєвъ, отказывающихся выполнить ихъ требованія. Они отправляются по ночамъ мять и давить необожженные кирпичи, что они называють проводить слъпую лошадь. Когда забастовка объявлена, рабочіе остающіеся за дівломъ считаются врагами. Они также стараются всеми средствами застращать рабочихъ другихъ округовъ, которыхъ выписываютъ хозяева для ихъ замъны. Между неучаствующими въ забастовкъ есть разрядъ наиболье для нихъ ненавистный. Это такъ-называемые черные бараны (black sheep), пользующеся забастовкой для обезпеченія себ'я временно высокой заработной платы, съ тыть чтобъ искать себь работы въ другомъ мыть, когда двери мастерскихъ открываются снова для ихъ товарищей. Иногая ихъ озлобление противъ втихъ въроломныхъ братій доводить ихъ до убійства; противъ такихъ-то диссидентовъ направлены были теффильдскія и манчестерскія покутенія. Между влостными продълками кирпичниковъ особенно отличается обычай наполнять иглами глину, изъ которой делаются кирпичи. Составляются проскрипціонные списки, называемые черными листами, въ которые вносятся, вмъсть съ рабочими отказавшимися отъ забастовки, тв. которые, поссорились съ союзомъ или нарушили какое-либо изъ

постановленій онаго, а иногда даже тв которые простымъ показаніемъ предъ судомъ содъйствовали осужденію какогонибудь товариша, обвиняемаго за его ревность къ пользамъ союза, перешедшую за предваы установленные закономъ. Говорять, что въ обществъ каменьшиковъ ведется черный листь, заключающій въ себв до 2.500 имень, изъ коихъ пвкоторые внесены въ него съ 1841 года. Членамъ союза запрещается работать съ теми что внесены въ черный листь, или же, если нетъ возможности выглать ихъ изъ мастерской, то запрещается говорить съ ними. Это называется "посылать въ Ковентри". Бывали случаи, что некоторые рабочіе, занимаясь въ продолженіи наскольких в недаль со множествомъ товарищей, не могли добиться оть нихъ отвъта на самые необходимые вопросы. Этимъ средствамъ застрашиванія хозяєва съ своей стороны противопоставляють таковыя же. Они обязываются не повышать платы рабочимъ безъ разръшенія ассоціаціи къ коей принадлежать, и эта ассопіанія также составляєть черные листы съ запрещеніемь употреблять внесенныхъ въ оные рабочихъ: такъ, напримъръ, руководители забастовокъ напрасно стали бы стучаться въ двери мастерскихъ, -- ихъ устраняють, какъ опасныхъ враговъ. Это война, перенесенная въ сферу труда и по временамъ отличающаяся всемъ ожесточеніемъ междуусобной pacnpu.

Но не савдуетъ забывать что война эта велась задолго до возникновенія союзовъ. Союзы только савлали ее болве правильною и, какъ мы увидимъ ниже, пъсколько улучтими способъ ся веденія. Даже въ строительной промышленности встречаются рабочіе, пытающіеся противодействовать забастовкамъ, когда онъ кажутся имъ недостаточно мотивированными, и поддерживающие хозяевъ противъ безравсудныхъ требованій рабочихъ. Г. Вильямсъ, секретарь Національнаго Союза штукатуровъ, дававшій показаніе въ савдственной коммиссіи, приводить примъръ забастовки въ Абериствиль (въ Вельсь), гдв штукатуры, занимавшіеся при постройка двухъ гостиницъ, пользуясь спашностью работы, вдругь потребовали повышенія платы и уменьшенія рабочихъ часовъ. Предприниматель обратился къ г. Вильянсу, и союзъ, решивъ что рабочіе не правы, не только отказался ихъ поддерживать, но еще самъ доставиль другихъ въ замънъ удалившихся. Еще нъсколько подобныхъ

примъровъ было заявлено коммиссіи: такъ, напримъръ, мъстныя вютови начинали забастовки, которыя центральный комитетъ, взевсивъ надлежащимъ образомъ факты, предписывалъ имъ прекратить, угрожая въ противномъ случав оставить ихъ безъ поддержки. Иные союзы принимали на себя обязательство доставлять хозяевамъ нужное для нихъ число рабочихъ, и въ этомъ начинаетъ проявляться та полезная роль, которую со временемъ будутъ занимать союзы.

VII.

Въ промышленностяхъ жельзо-дълательной и каменноугольной случались стачки размеровъ еще более колоссальныхъ чемъ въ промышленности строительной. Первое место въ этомъ отношении запимаетъ стачка 1865 года, панесшая жельзной промышленности въ Стаффордширь такіе убытки, отъ которыхъ она и теперь еще не можетъ поправиться. Какъ хозяева, такъ и рабочіе крытко организовались въ этой местности, и союзы ихъ располагали значительными средствами. Союзы владвльцевъ железными заводами составились даже прежде союзовъ рабочихъ. Въ Стаффордширъ автъ пятьдесять уже существуеть ассопіація, предположившая себъ, между прочимъ, постановить правила о заработной плать и обезпечить ся однообравіе. Другая устроившаяся на стверт Ассоціація жельзным заводчиков споверной Англіи есть настоящее страховое общество противъ стачекъ. Каждый владеленъ застра-- ховываетъ противъ стачекъ свои доменныя печи, письменно обязуясь уплачивать, по требованію секретаря, сумку пропорціональную числу этихъ печей и доставляемому ими доходу. Если рабочіе оставдяють его, то ассопіанія выплачиваеть ему, смотря по застрахованію, по 4 или по 3 фунта въ недваю на каждую печь, отделяя эту сумму отъ капита-AS COCTABURMATOCA UST NOANUCHLINE ACHETE, BROCUMBINE BCTми членами. Этоть капиталь, предоставленный въ распораженіе общества, простирался 1-го декабря 1866 года до 48.000 фунт, стер. Всаваствіе этого мы видимъ что въ 1864 году союзы хозаевъ принимають наступательное положение

и провозглатають lock out, дабы принудить рабочихъ отказаться отъ союзовъ, только что введенныхъ между ними. Союзы рабочихъ въ Гатестедь и Брайрлейгилль соединились между собою для противодъйствія имъ и протянули борьбу mесть мъсяневъ, издержавъ на нее 17.000 фунт. стерд. Они были побъюдены прибытіемъ бельгійскихъ рабочихъ, заступившихъ масто такъ что участвовали въ забастовка. Въ томъ же году, такъ какъ производство железа понизилось, и при саравлись менре выгодны, соединенные владваьпы заводовъ стоворились понизить почти на 10% заработную плату. Брайрлейгилльскій союзь рабочихь согласился на это понижение, которое казалось ему достаточно мотивированнымъ, вследствіе стесненнаго положенія железной промыmленности; но значительное число рабочихъ отказалось уступить, и забастовка устроилась. Такъ какъ ее поддерживали союзы различныхъ частей Англіи, то владельны железныхъ заводовъ постановили обтій lock out, и отъ 17-го марта до 2-го апрыя доменныя печи потухли во всей Англіи. Жельзодвазтельная промышленность какъ будто прекратилась, и савды этого насильственнаго застоя ощущаются еще и донынь. Впрочемъ, общественное мивніе не одобрило этого lock out, грозившаго разстроить жельзную промышленность и повергавшаго въ нищету рабочихъ, которые не противились понижению заработной платы и лаже поринали упорство своихъ товарищей. Одни только рабочіе сввернаго Стаффордшира еще продолжали борьбу, по и опи, пакопецъ, принуждены были покориться. Потерю заработной платы, причиненную забастовкой рабочихъ и пресловутымъ lock out заводчиковъ сдвлавшимъ забастовку всеобщею. исчисляють въ 320.000 фунт. стерл., не считая суммъ израсходованных союзами рабочихъ. Потери заводчиковъ были не межье значительны, а потому ни тв, ни другіе долго не забудуть пагубныхъ савдствій этой борьбы.

Въ каменно-угольной промышленности не встрвчалось такой громадной забастовки; но союзы въ ней размножились, и борьба, источникомъ коей было въковое углетеніе, стъснявшее углекоповъ и оставившее глубокіе следы, отличалась всегда особенною энергіей. Рабочіе дъйствують обыкновенно путемъ ограниченія: вмъсто того чтобъ устраивать забастовку, они постепенно уменьшають свою работу, такъ чтобы получать только по три, потомъ по два шиллинга и, наконець, по одному въ день (заработная плата выдается соразмърно количеству добытаго угля). Вслъдствіе такой системы добываніе угля становится ничтожнымь, между тъмъ какъ общіе расходы по разработкъ шахты остаются тъ же; а углекопы, получая пособіе изъ кассы союзовъ, не допускають этою чисто номинальною работой замънять себя другими рабочими. Но ограниченію владъльцы копей противопоставляють lock out, отсылають рабочихъ и выписывають другихъ изъ прочихъ округовъ и изъ-за границы. Борьба происходитъ тогда съ различными успъхами. Въ 1864 году рабочіе южнаго Йоркшира одержали важную побъду, послъ интересныхъ перипетій заслуживающихъ упоминанія.

"На этотъ разъ (говоритъ нашъ авторъ) борьба возгоръдась наперекоръ мивнію союза. Наперекоръ ему, рабочіе Окса и Торпклифа устроили забастовку; союзъ отказался ихъ поддерживать, и они вышли изъ него, но отъ забастовки пе отказались. Хозяева же, вмъсто того чтобы воспользоваться этимъ разладомъ, постановили общій lock out и закрыли вов окрестныя каменно-угольныя копи. Когда уже три тысячи рабочихъ, изъ коихъ едва одна треть принадлежала къ союзу, были такимъ образомъ уволены, союзъ ръшился вступиться въ дъло и потребовать отмъны lock out. Посредничество его увънчалось успъхомъ. По прошестви 19-ти недъль, владъльцы Окской копи были оставлены ихъ компаніонами, и lock out быль отмъненъ. Въ слъдующемъ году союзъ пожалъ плоды втого своевременнаго сопротивленая. Когда онъ потребовалъ повышения заработной платы на 10% что мотивировано было првтущимъ положениемъ каменно-угольной промышленности, то хозяева не только согласились на эту прибавку, но вступили въ соглашение съ союзомъ чтобы побудить и другихъ на такую же уступку. Сопротивлявшіеся хозяева поражены были ограниченіемъ, такъ какъ рабочіе уменьшили свои труды до трехъ шиллин-говъ въ недвлю, а когда владвльцы Ториклифской копи уволили своихъ рабочихъ, то ихъ конкурренты поддержали своею подпиской оскудъвнія средства союза, такъ что последній, издержавъ 5.000 фунт. стерл., одержаль, наконець, побъду и добился повышенія заработной платы, еженедъльнаго платежа и офиціальнаго признанія союза небольшимъ числомъ владвавцевъ, до сихъ поръ отказывавшихся вступать въ переговоры съ его представителями."

^{*} Associations ouvrières. Ta. VI.

Но союзы не везав такъ счастанвы. Нъкоторые владъльцы колей ведуть противь нихъ войну на смерть; они безъ пошады выгоняють рабочихъ вступающихъ въ эти союзы, и темъ или другимъ способомъ успеваютъ ихъ разстроить. Одинъ изъ нихъ. г. Маркемъ, директоръ колей Стевли. оставленный рабочими за то что онъ требоваль удаленія ихъ USB COMSA, COSBAAB UNB HA MUTURIB BE TY CAMYRO MURYTY. когда средства союза истощились. Онъ успълъ отвлечь отъ него накоторыхъ изъ нихъ и тотчасъ же велаль раздать имъ мяся и пива. Эти вышедшіе изъ союза рабочіе устроили большой объдъ, на который, по внушению г. Маркема, пригласили тахъ изъ своихъ товарищей, которые не соглатались присоединиться къ нимъ. Человъкъ триста, четыреста. говориль одинь изъ свидетелей, дававшихь показание въ коммиссіи, оставшіеся върными союзу, бродили по окрестпостамъ съ пустымъ желудкомъ. Когда они увидили массу говядины, приготовленную для пиршества, то готовы были съвсть ее всю; они собрадись на обедъ, каждый навася вдоволь, и на другой день все вервулись къ работв.

- Стало-быть, опросили свидътеля,—объдъ имълъ вліяніе на распущеніе союза?
- Она имела самое благопріятное вліяніе, простодушно ответиль тоть.

Несмотря однако на эти средства и множество другихъ, союзы размножились, и накоторые изъ нихъ пріобрали несомивиную важность. Замвчательнийшій изъ нихъ Національная Ассоціація, организовавшаяся въ Лидсь и читьющая уже 35.000 членовъ. Она есть не что иное какъ конфедерація союзовъ устроенныхъ въ различныхъ округахъ, изъ коихъ каждый имветь свои особые бюджеты и статуты. Она взимаетъ только по одному пенни съ каждаго члена, предоставляя этимъ м'естнымъ обществамъ независимое ведене ихъ дель. Она инфеть только пелію придавать ихъ усилівить общее направленіе, когда різчь идеть объ изданіи законовъ паиболе благопріятныхъ для углекопа, объ охраненіи правъ каждаго члена и пр. При стачкахъ она дъйствуетъ Totako kooberno; pacxogamu na onaxa santayiota mactные союзы, которые по временамъ бываютъ очень сильны. Такъ, напримъръ, союзъ южнаго Йоркшира, основаннай въ 1858 году, подраздъляется на 48 вътвей и заключаетъ въ себъ 7.000 членовъ, уплачивающихъ 10 шиллинговъ при вступленіи и еженедільный взнось оть девяти пенсовь до тиллинга. Тімь не меніе, Національная Ассоціація играєть вначительную роль, и президенть ея, г. Макъ-Дональдь, сообщиль слідственной коммиссіи, что въ теченіи семи літть его президентства, сначала въ Шотландскомъ Обществі, потомъ въ Національной Ассоціаціи, онъ принималь участіє въ 1.600 собраніяхъ, ивъйздиль 230.000 миль и написаль 17.000 писемъ.

Этотъ Макъ-Дональдъ лицо весьма интересное и оригинальное. Біографія его, изложенная нашимъ авторомъ, даетъ понятіе чъмъ была недавно еще рудокопная работа въ Акгаіи и вмъсть съ тъмъ показываетъ, сколько ума и энергіи употребляютъ нѣкоторые рабочіе на служеніе союзамъ:

"Макъ-Дональдъ родился, по его собственнымъ показаніямъ предъ следственною коммиссіей, въ Шотландіи, сорокъ леть тому назадь, и на девятомъ году отъ рожденія началь работать въ жельзныхъ рудникахъ. Нужно было вставать и вимой, и летомъ въ два часа утра и возвращаться въ родительское жилище въ семь часовъ вечера. Въ продолжение 16 или 17 часовъ, ребенокъ возилъ телъжки по галлереямъ, мъстами не болье 18-ти дюймовь въ вышину, съ дурною вентиляціей, гдв угольная кислота скоплялась иногда въ такомъ количествъ, что три, четыре лампы, поставленныя рядомъ, давали слишкомъ слабый светь для нагрузки руды. Поэтому-то изъ двадцати товарищей Макъ-Дональда ни одинъ не пережиль этого тягостнаго детства. Въ другомъ рудникъ, гдь опъ работаль, съ нимъ вместь занимались до тридцати мальчиковъ и значительное число девочекъ. Все опи, за искаюченість Макъ-Дональда и его брата, умерли отъ тягостной, несоразмерной съ ихъ силами работы; они угасли въ пвыть льть подъ вліяніемь зараженной атмосферы, подобно жалкимъ лампамъ, не дававшимъ свъта въ ихъ рукахъ. Несмотря на все эти страшныя испытанія, и едва достигнувъ эрвлаго возраста, молодой Макъ-Дональдъ посвятиль себя самой тяжелой рудокопной работь чтобы получить белые жалованья и поскорве улучшить свое положение. Овъ привался за прорытіе галлерей въ копяхъ, гдв нужно было работать по кольно въ водь и подъ дождемъ, постоянно падающимъ съ потолковъ. Чтобъ избъжать, говорить онь, нежался весь въ воду до начала работы. Несмотря на эту утомительную работу, онъ посвиналь вечерние классы, въ то время только-что основанные для рабочихъ. Потомъ, какъ только онъ сколотиль маленькую сумму и достигь двадцати одного года, онъ разделилъ свою жизнь на двое: летомъ онъ продолжаль ручную работу; зимой отправлялся въ Глазговскій университеть, изучая тамъ языки греческій и латинскій, риторику, математику; шесть мъсяцевъ его студентской живни стоили ему 60 фунт. стерл. Наконецъ онъ сделался секретаренъ союза, и для отправленія этой должности оставиль кирку и заступь. Въ настоящее время довіріе встять его товарищей доставило ему президентство Національной Ассоціацій рудокоповъ.

Понятно могущество, котораго могли достигнуть союзы, руководимые подобными людьми, и бааготворное вліяніе, которое они могуть им'ять на матеріальное и правственное улучшеніе рабочихъ классовъ.

VIII.

Это благотворное вліяніе проявляется преимущественно въ хдопчатобумажной промышленности, глф союзы многочасденны и прочно организованы. Долгое время война забастовокъ, которой козяева противопоставляли свой lock out, продолжалась съ ожесточеніемъ въ этой громадной промышлекности, какъ и во всехъ прочихъ. Но мало-по-малу рабочіе добились исполненія своихъ главныхъ требованій, а именно отывны truck-shops; наконецъ, въ продолжение американскаго кризиса, вскоръ истощившаго средства союзовъ, хозяева оказали великодушную помощь своимъ рабочимъ. Вследствіе этого отношенія удучшились, и чувство взаимной вражды уступило место обоюдному желанію достигнуть полюбовнаго соглашения. Тыть не менье союзы рабочихъ остаются kptnko opranusoванными. "Справедливая acconiania бумаго-прядильщиковъ" въ графствахъ Ланкастерскомъ, Честерскомъ, Йоркскомъ и Дербійскомъ, заключаеть въ себъ около двукъ третей рабочикъ этого промысла и составляеть конфедерацію тридцати шести вътвей. Она управляется совътомъ уполномоченныхъ, въ числъ 200 членовъ, и исполнительнымъ комитетомъ. Каждая вътвь имъетъ свою особую кассу и можеть, по желавію, употреблять ее исключительно на расходы по забастовкамъ или отдълять часть для обезпеченія помощи своимъ членамъ больнымъ иди немошнымъ. Центральная администрація взимаеть обыкновенно только по четверти пенни въ недваю съ каждаго изъ своихъ часновъ.

^{*} Les associations ouvrières en Angleterre, rabba VI.

Но въ случав надобности, она можетъ наложить чрезвычайную контрибуцію, или для поддержанія містной забастовки. затвянной какою-либо вътвью, или для покрытія расходовъ по общей забастовкъ. Вывств съ тъмъ она предоставаяеть себв право отказывать въ своемъ утверждении мъстнымъ забастовкамъ которыя она не находить основательными, и правомъ этимъ она нервако пользовалась. Кромъ того, въ твиъ забастовкамъ, которымъ она не могла воспрепятствовать, ока употребляла свое вліяніе для противоавиствія всякому насилію и беззаконному поступку. Наковель, между ся уполномоченными и доверенными лицами отъ хозяевъ открыты были конференціи для составленія тарифовъ заработной платы. Принятые какъ тою, такъ и другою стороной за законъ, эти тарифы повышаются и понижаются смотря по тому насколько положение рынка дозволяеть увеличивать или принуждаеть уменьшать пену ручной работы. Главная цель ассоціаціи добиться введенія этихъ тарифовъ повсюду гдв они еще не введены, побудить къ соблюдению ихъ во всехъ статьяхъ и следить за цвной продуктовъ сырыхъ и выдвланныхъ, дабы требовать во-время повышенія заработной платы и противиться ея понижению только въ техъ случаяхъ, когда въ немъ не настоить надобности. Она поставила себъ также задачей наблюдать за исполнениемъ закона ограничивающаго десятью часами работу на мануфактурахъ и даже клопотать, чтобъ это время сокращено было до восьми часовъ,--сокращеніе, которое рабочіе всіхъ профессій считають необходимымъ для сохраненія ихъ физическихъ силь и для развитія ихъ умственныхъ способностей. Въ отношеніяхъ своихъ съ козяевами она обнаруживаетъ миролюбіе и вместв съ темъ серіозное знаніе положенія промышленности и условій рынка. Такъ напримъръ, въ письмъ адресованномъ въ 1867 году къ стокпортскимъ владетелямъ филатуръ желавшимъ уменьшить заработную плату, союзъ, принимая во вниманіе скопленіе продуктовъ на рынкт, посовътоваль имъ лучте сократить рабочее время. "Войны, финансовые кризисы, говориль онь имъ, парализовали нашъ отпускъ: теперь нужно не увеличивать производство и не стараться понапрасну понижениемъ заработной платы открывать рынокъ запертый скопленіемъ продуктовъ, но напротивъ того, сократить производство. Лучше оставьте

вати мастерскія при половинной работь. Такимъ образомъ, какъ справедливо замъчаетъ нашъ авторъ, чёмъ болье распространяются и укрыпляются союзы рабочихъ, тымъ сдержанные они становятся въ своихъ действіяхъ. Когда они малочисленны и изолированы, то ихъ нередко одушевляетъ духъ нетерпимости: по мёрю того какъ они возрастаютъ, они ясные понимаютъ ответственность за свои действія, избирательный механизмъ, постоянно примъняемый въ ихъ средь, почти всегда ставитъ во глань ихъ людей достойныхъ, и большая часть рабочаго класса имъетъ столько благоразумія, что повинуется таковымъ и следуетъ ихъ примъру, хотя эти избранники отнюдь не делаются орудіями всёхъ страстей и предразсудковъ господствующихъ между рабочими.

Авторъ приводить еще множество другихъ рабочихъ сорозовъ, историческій очеркъ которыхъ онъ излагаетъ по документамъ следственной коммиссіи. Въ числе ихъ замечательна лондонская ассоціація типографіциковъ, установивтая въ 1810 году вывств съ хозяевами тарифъ сохраняв-тій силу до 1866 года. Тогда только онъ былъ насколько повышень, въ виду повышения приз на все предметы. За искаюченіемъ трехъ, четырехъ, всв лондонскіе типографшики приняли тарифъ за основание своихъ контрактовъ съ рабочими; тв и другіе соблюдають его какъ парламентскій акть. и всв споры возникають лишь отъ способа истолкованія онаго. Ассоціація типографщиковъ не только обезпечиваеть матеріальное вспомоществованіе своимъ членамъ, но составила также для употребленія ихъ значительную библіотеку. Портные, умы которыхъ, повидимому, темъ безпокойне чемъ болве осуждено на неподвижность ихъ тело, часто заводять ссоры со своими хозяевами. Одна изъ ихъ забастовокъ подала поводъ къ приговору заслуживающему упоминанія. Всявдствіе митинга собиравшагося 22-го апрыя 1867 года въ залв Альгамбры, портные-рабочіе постановили вступить въ забастовку противъ 88 хозяевъ и отказались отъ занятій въ числъ 3.000 человъкъ. Они разставили часовыхъ вокругъ жилищъ хозяевъ, дабы воспрепятствовать имъ вербовать повыхъ рабочихъ. Къ насиліямъ они не прибъгали, но когда появлялись рабочіе подряженные хозяевами, то старались отговорить ихъ и даже платили значительное вознаграждение чтобъ они удалились. Этоть способъ picketing быль заявлень хозяевами предъ уголовнымъ судомъ, и хотя не было соверmeno nukakoro nacuaia, но судъ присажныхъ объявиль ихъ виповными въ заговоръ (соперігасу). Рабочіе, въ свою очередь, старались найти въ действующихъ законоположенияхъ оружие противъ своихъ хозяевъ. Извъстясь То гг. Метчель и Гаррисъ адресовали къ остальнымъ членамъ ассоціаціи пиркуляръ направденный противъ рабочихъ-уніонистовъ съ приглашеніемъ не давать имъ занятій, они пытались вызвать судебный приговоръ противъ нихъ за подобный образъ действій. Г. Друштть, президенть лондонскаго союза портныхъ-рабочихъ, поддерживаемый однимъ изъ первыхъ адвокатовъ Англіи, сэръ-Джономъ Кольриджемъ, предъявилъ въ свою очередь обвиненіе противъ президента и секретаря ассоціаціи хозяєвъ въ составленіи загогора съ целію лишить рабочихъ средствъ къ жизни. Но судъ не нашелъ законнымъ дать ходъ этому обвинению, хотя не допускать хозяевъ къ принятию на службу рабочихъ путемъ циркуляра почти одно и то же что не допускать путемъ устваго убъжденія рабочихъ къ занятію въ мастерскихъ. Приговоръ этотъ сильно взволновалъ рабочій классъ и помъщенъ въ числъ притесненій, устраненія коихъ требують союзы рабочихь, заявляя не безъ некотораго основанія, что онъ постановлень въ силу устарівляго законодательства, таготвешаго надъ ними и запрещавшаго рабочимъ то что дозводялось ихъ хозяевамъ.

Союзы портныхъ-рабочихъ въ особенности содъйствовали основанио Международной Ассоціаціи, имъющей цълію распространеніе союзовъ рабочихъ на материкъ, и въ особенности недопущеніе въ Англію рабочихъ материка, которыхъ, въ случав забастовокъ, приглашаютъ къ себъ хозаева. Международная Ассоціація поддерживается пособіями нъкоторыхъ союзовъ рабочихъ, но субсидіи получаемыя ею изъ этого источника незначительны, ибо англійскіе рабочіе, люди по преимуществу практическіе, нисколько не расположены приносить жертвъ ради распространенія какойлибо идеи, и содъйствуютъ всякому учрежденію только соразмърно съ пользой отъ него получаемою. Подъ руководствомъ прежнихъ французскихъ выходцевъ, пропитанныхъ революціонно-соціалистскими идеями и въ среду коихъ легко могли пробраться политическіе черные бараны, Международная Ассоціація до сихъ поръ распространня болье дурные обычаи союзовъ рабочихъ чѣмъ хорошіє. Вмъшательство ея въ женевскія и бельгійскія заба-

стовки породило прискорбныя насилія и возбудило агитацію, направленную болье къ поддержанію нькоторыхъ политическихъ замысловъ чымъ къ улучшенію быта рабочихъ.

IX.

Для пополненія этого краткаго очерка исторіи союзовъ рабочихъ, мы должны упомянуть о различныхъ попыткахъ, которыя были сделаны для примиренія интересовъ козяевъ и рабочихъ посредствомъ третейских судовъ или путемъ участія рабочихъ въ барышахъ предпріятій, дабы положить конепъ начетистой и пагубной борьбъ между забастовками и lock out. Эти третейские суды учреждены были въ 1864 году, по иниціатив'в г. Кеттля, въ строительной промышленности Вольвергамитона, а въ 1860 году, въ шляпвой промышленности Ноттингама, г. Монделлой, Въ Вольвергамртонь. г. Кеттль, избранный третейскимъ сульей въ одной забастовкъ, созвалъ съ одной стороны уполномоченныхъ отъ хозяевъ, съ другой плотниковъ, штукатуровъ и кирпичниковъ, и собраніе это, подъ его председательствомъ, составило тарифъ заработной платы, который долженъ былъ оставаться въ силв въ теченіе одного года. Всв хозяева участвовавшіе въ этой конференціи обязаны были выставить установленный тарифъ въ своихъ мастерскихъ и выдавать копію съ онаго каждому рабочему, котораго они приглашали, объявляя ему что этоть тарифъ составляеть основание шхъ контракта. Во всякомъ случав, этотъ контракть можеть быть уничтоженъ въ течение 24 часовъ, въ случав если объ стороны недовольны одна другою, но цена заработной платы не изменяется въ теченіе года. Такъ какъ этимъ способомъ ручная работа опредвляется въ началь сезона построекъ, то предприниматели могуть съ полною увъренностію составлять свои смъты, а рабочіе, съ своей стороны, обезпечены отъ пониженія заработной платы, которое прежде совершенно внезапно измъняло условія ихъ быта. Это было, какъ замвчаеть нашъ авторъ, настоящею продажей на срокъ, заключенною объими сторонами, и каждая изъ нихъ, въ случав надобности, можеть прибытнуть къ покровительству законовъ, такъ какъ уполномоченные, заключившіе оную, дійствовали въ качестві

повъренныхъ отъ хозяевъ и отъ рабочихъ. Слъдка эта была вовобновлена по истеченіи срока, что служить явнымъ доказательствомъ, что она оказалась выгодною объимъ сторонамъ, и г. Кеттль быль приглашень въ Ковентри, въ Ворсестеръ и въ другія м'вствости для введенія той же системы. Въ Ноттингам'ь третейское посредничество, учрежденное по иниціативъ г. Монделлы, положило конецъ враждебному настроеню, вызывавшему безпрерывныя забастовки. Когда дела шли дурко. говориль г. Монделла въ своемъ показаніи предъ следственною коммиссіей, мануфактуристь притесняль рабочаго чтобъ уменьшить заработную плату насколько возможно. Когда же наступала благопріятная минута, дівла шли лучше, и плата могла быть повышена, козяева, несмотря на увеличившійся спросъ на трудъ, всеми силами старались не допускать повытенія. Рабочіе отправляли къ нимъ депутатовъ отъ своихъ союзовъ. Иногда ихъ выгоняли подъ темъ предлогомъ что не признавали существованія союзовъ, иногда имъ отвівчали: "Увидимъ что сдълаютъ сосъди". Оботедти всъхъ хозяевъ и встритивъ повсюду такой пріемъ, рабочіе возвращались къ себъ и провозглашали забастовку, которая длилась смотря по обстоятельствамъ. Тогда между мануфактуристомъ и рабочимъ начиналась борьба, все-таки оканчивавтаяся рано или поздно соглашениемъ. Недучше ди же было приступить къ этому соглашенію до борьбы? Вотъ что думаль г. Монделла наканунь lock out, вызваннаго частною забастовкой, продолжавшеюся 11 недвль. Овъ успвлъ созвать къ себв уполномоченныхъ отъ хозяевъ и отъ союзовъ рабочихъ и установить сообща основанія постояннаго третейскаго суда, которому предоставлялось решеніе всекъ вопросовъ о заработной плате. Судъ этотъ состоитъ изъ десяти хозяевъ и такого же числа рабочихъ, избранныхъ подачей голосовъ всеми членами союзовъ. Воть уже восемь леть въ немъ председаеть г. Монделла.

"Изъ сорока пяти ховяевъ (говорить нашъ авторъ), сорокъ два признали авторитетъ третейскаго суда и образовали общество для его поддержки, а десятеро уполномоченныхъ отъ рабочихъ, избранные воею массой ихъ товарищей, служатъ представителями двадцати тысячъ человъкъ. Третейскій судъ установляетъ тарифъ заработной платы, которая назначается съ дъла; тарифъ этотъ остается въ силъ до тъхъ поръ, пока дозволяетъ положеніе рынка, и если какоенибудь колебаніе цівнъ требуетъ его изміненія, то сторона требующая опаго должна представить свою претензію въ

T. LYXXI.

Digitized by Google

третейскій судъ за мѣсяцъ. Впрочемъ, измѣненія эти совершаются полюбовно. Нерѣдко рабочіе отказывались отъ повышенія платы, которое они сначала считали законнымъ, когда хозяева доказывали имъ, на основаніи цифръ, что подъ гнетомъ иностранной конкурренціи, они не могутъ согласиться на ихъ требованіе безъ потери рынковъ, гдѣ они сбываютъ свои продукты. Для вящаго ихъ убѣжденія, хозяева отправляли нѣкоторыхъ изъ ихъ товарищей-рабочихъ во Францію и въ Германію. Съ другой стороны, они сами въ преніяхъ съ рабочими научились здраво судить объ условіяхъ труда: такъ, по представленію послѣднихъ, они рѣшились никогда не требовать отъ нихъ болѣе десяти-часовой работы. Согласіе водворилось между ними до такой степени, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ ни одного рѣшенія третейскаго суда не при-

ходилось пускать на голоса.

"Ръшенія его служать авторитетомъ для целаго округа. Если нъкоторые рабочіе, какъ это случалось раза два или три, задумають имъ воспротивиться, то они не въ состояніи долго поддерживать свои притязанія. Хозяєва, не признавшіе открыто третейскаго суда, принуждены все-таки на дъль сообразоваться съ его приговорами, ибо если кто-либо изъ нихъ вздумаетъ выдавать рабочимъ жалованье ниже тарифа, принятаго прочими фабрикантами, то последніе не только не помогають ему или не счатають своимъ долгомъ следовать его примеру, какъ это делается въ другихъ местахъ, но уничтожаютъ всв его усилія, соединяясь съ рабочими и доставляя занятія темъ что его оставили, для противодействія этому несвоевременному пониженю. Такимъ образомъ хозяева и рабочіе, соединенные общими интересами, на діль образують одну ассоціацію, управляемую решеніями третейскаго суда. Рабочій классъ обязанъ ему существенными улучшеніями. Онъ ему главнымъ образомъ обязанъ строгимъ соблюдениемъ закона, который прежде явно наруmanca, закона запрещавшато trukh-shups со всею вереницей ихъ злоупотребленій. Онъ обязань ему также уничтоженіемъ многихъ предразсудковъ, какъ, напримъръ, вражды противъ машинъ, которая заставила Luddites взяться за оружіе. Вследствіе этого союзы рабочихъ, бывшіе въ этой отрасли промышленности только промысловыми обществами (Trade Societies) и не имъвшіе никогда вспомогательнаго фонда, дошли до того что не двлають почти никакихъ издержекъ." *

Добрый примъръ вызвалъ подражаніе. Третейскій судъ, подобный вышеописанному, установился въ кружевной промышленности въ Ноттингамъ, и г. Монделла приглашенъ былъ для организаціи таковыхъ же въ рудокопныхъ округахъ Стаффордшира, въ строительной промышленности Брадфорда

^{*} Les Associations ouvrières en Angleterre. La. IX.

и даже въ промышленности изготовленія пиль въ Шеффильяв, съ помощью твхъ же союзовъ, которые несколько летъ тому назадъ не отступали ни предъ какимъ преступленіемъ для обезпеченія своего господства.

Кромъ третейскихъ судовъ, установляющихъ полюбовно, на основаніи положенія рынка, таксу заработной платы и даже опредвляющихъ цвиу за трудъ въ какой-либо промышленности на извъстный періодъ времени, средствомъ противъ забастовокъ служать такъ-называемыя кооперативныя общества. Авторъ разбираемой нами книги видимо склоняется на сторону этого последняго средства: по его мижнію, кооперативныя общества будуть главнымъ орудіемъ сліянія интересовъ въ классахъ капиталистовъ и рабочихъ. Въ полкрыпленіе этого миннія онъ приводить результаты, правда, весьма замъчательные, опыта сдъланнаго г. Бриггсомъ. владъльцемъ koneti Whitwood and Methley Junctions въ южномъ Йоркширъ. Этотъ г. Бриггсъ, выдержавшій ожесточенную борьбу противъ союзовъ, задумалъ попытаться положить имъ конецъ преобразованиемъ своего предприятия въ кооперативное общество. Онъ вельдъ подвергнуть опънкъ свои копи, которыя и были опенены въ 90.000 фунт. стерл. Тогда онъ составиль общество, капиталь коего разделень быль на 9.000 акцій по десяти фунтовь каждая. Онъ и его товарищи оставили за собою двъ трети акцій чтобы завъдывать администраціей, остальную треть предложили публика, и главнымъ образомъ рабочимъ, коимъ предоставлены были, при внесеніи денегь за акціи, большія льготы. Съ другой стороны, г. Бриггеъ решился допустить рабочихъ къ участію въ барышахъ по эксплуатаціи на следующихъ условіяхъ: заработная плата будеть выдаваться по той же таксв что и въ сосванихъ копяхъ, и акціонеры получають по 10% съ своего капитала. Если цифра барыша не достигаетъ этихъ процентовъ, то о дальнишей раздачи не можетъ быть и рвчи; по если она превышаетъ ихъ, какъ бываетъ обыкновенно, то излишекъ разделяется пополамъ между акціонерами и рабочими. Сумма заработной платы, полученная каждымъ изъ сихъ последнихъ въ течение года, служить основаніемъ распределенію между ними этой доли барыша. Какъ бы то ни было, въ видахъ привлеченія рабочихъ къ пріобрътению акцій, доля назначенная акціонерамъ-рабочимъ была вдвое значительные доли прочихы акпіонеровы. Эта

привилегія оправдывается только въ половину; она можетъвозбудить озлобление между двумя разрядами рабочихъ, и поощряя однихъ, она отвращаеть другихъ. Темъ не мене, до сихъ поръ опыть доставиль превосходные результаты: разработка копи увеличилась, благодаря приманкъ, которую представляетъ рабочимъ возможность воспользоваться долей барыша, а также и надзору, который они имъють другь надъ другомъ. "Когда въ галлереяхъ, говорилъ одинъ изъ нихъ въ следственной коммиссіи, мы находимъ на полу гвоздь, то мы его подбираемъ, повторяя следующую фразу, обратившуюся у насъ въ поговорку: "Все-таки прибавокъ къ барышамъ въ концъ года." На 989 взрослыхъ рабочихъ, употребляемыхъ въ копи, 144 пріобрели въ теченіе трехъ льть 178 акцій, — результать скромный, но весьма благопріятпый для будущаго. Комбинація заслуживаеть несомнівню полнаго одобренія, но, по моему мижнію, она далеко не имъетъ того значенія, которое ей приписываетъ авторъ разбираемой нами книги. Въ дурные годы, напримъръ, рабочіе, сверхъ ихъ заработной платы, не получають никакой доли, и доля эта ничтожна сравнительно съ общею сумной заработной платы. Прибавимъ, что она могла бы пріобръсти нъкоторую важность только подъ условіемъ чтобы рабочій участвоваль въ рискахъ, какъ и въ барышахъ, что отпюдь не поведеть къ улучшению его положения. Итакъ участие въ предпріятіи, встрвчающее сверхъ того на практикв важныя затрудненія въ невъжествь рабочихъ и въ скудости ихъ средствъ, не представляетъ истинно практическаго решенія вопроса о заработной плать, и поэтому-то мы крыко сомитваемся чтобы кооперативныя общества могли, наконецъ, заступить место союзовъ рабочихъ, или чтобы союзы рабочихъ преобразовались въ кооперативныя общества.

X.

Въ нашей экономической системъ есть пробъль, который долженъ быть пополненъ со времени введенія свободы труда. Пробъль этотъ есть отсутствіе посредника между предпринимателемъ промышленности потребляющимъ трудъ, и рабочимъ производжимъ его. Во встяхъ прочихъ частяхъ системы посредники существуютъ: въ цивилизованныхъ странахъ, производитель какихъ-нибудь продуктовъ или услугъ только въ видъ исключенія входить въ прямыя

сношенія съ потребителемъ. Торговля, служащая посредницей между темъ и другимъ, пустила свои ветви повсюду и дала возможность разомъ и производителю пріобръсти болье общирный и выгодный рынокъ, и потребителю пріобрътать необходимые для него предметы правильные и лучшаго качества. Разсматривая тщательные союзы рабочихъ и изыскивая, имъють ли они разумное основаніе, мы находимъ что они производять торговлю трудомь, служать посредниками между рабочимъ и предпринимателемъ промыпленности, полобно тому какъ купенъ есть посредникъ между производителемъ и потребителемъ, и что они обязаны оказывать объимъ сторонамъ, то-есть хозяину и рабочему, услуги, возможность которыхъ мы узнаемъ уже изъ свъдъній собранныхъ савдственною коммиссией. Отибочно было бы предподагать, что предпринимателю промышленности выгодно заключать договоръ прямо съ рабочимъ, взятымъ отдельно. Безъ сомнинія, въ большей части случаєвь, действуя такимь образомъ, овъ пріобратаетъ большія преимущества. Столатіе тому назадъ Адамъ Смитъ заметилъ, что "землевладелецъ, фермеръ, мануфактуристь, купель вообще могуть прожить годь или два фондами, которые у нихъ въ рукахъ, не употребляя ни одного рабочаго; между темъ какъ большая часть рабочихъ не могли бы безъ ванятія просуществовать и недели, весьма немвогіе изъ нихъ протянули бы мъсяцъ и, конечно, не напілось бы на одного, который могь бы прожить годъ. Но вообще хозяинъ также мало можетъ обойтись безъ рабочаго, какъ и рабочій безъ хозяина, хотя потребность перваго не такъ безотлагательна." * Другими словами, козяинъ въ большихъ размврахъ располагаетъ временема и даже пространствома, въ томъ смысле, что онъ можетъ отправляться гораздо свободнье для пріисканія рабочихъ чьмъ рабочіе для пріисканія хозяевъ. Итакъ въ подобныхъ случаяхъ овъ можетъ предписывать законъ рабочему, налагать на него maximum труда въ замынь тіпітит заработной платы. Но опыть начинаеть доказывать, что съ точки зрвнія хорошо понимаемых винтересовъ самихъ козяевъ, эта возможность предписывать законъ рабочему и пользоваться его слабостію въ высшей степени вредна. Я оставляю даже въ сторонъ чувство озлобленія противъ хозяевъ, возникающее по этому поводу между рабочими,

^{*} Agama Chuta Bozamemeo nayiŭ. Kr. 1, ra. VIII.

и гибельныя потрясенія, которыя могуть быть следствіемъ этихъ дурныхъ чувствъ. Я держусь чисто матеріальной стороны вопроса. Опыть доказываеть, что побуждая рабочаго къ труду выше его силъ въ замънъ недостаточной платы, употребляя во зло работу женщинъ и дътей, въ окончательномъ результать достигають разстройства физическихъ, умственныхъ и правственныхъ силъ рабочаго населенія. Рабочій истошается избыткомъ усилій отъ него требуемыхъ, и это истощение совершается еще быстове. вследствіе возбуждающих средствъ, каковы напримеръ кръпкіе напитки, къ которымъ опъ прибъгаетъ для своего подкрыпленія. Что изъ втого оказывается? По прошествіи нъкотораго времени, при подобной системъ, качество труда понижается, хорошіе рабочіе, столь же необходимые какъ и хорошія машины, становятся все рівже, и между тімь какъ легко добывать по дешевой цене дуркую работу, все дороже и дороже становится искусная, разумная и добросовъстная работа человъка молодаго, сильнаго и честнаго. Итакъ, въ окончательномъ результать злоупотребление труда обращается во вредъ предпринимателю промышленности, который предполагаеть имъ пользоваться, точно такъ же какъ и рабочему, становящемуся его жертвой. Но злоупотребленіе это неизбъяко до тъхъ поръ, пока рабочій остается лицомъ къ лицу съ козянномъ. Какъ бы ни былъ расположенъ козяинъ обращаться съ рабочимъ какъ можно справедливъе, можеть ли опь не воспользоваться своимъ естественнымъ преимуществомъ при назначении заработной платы? Если рыбы много на рынкъ, а покупщиковъ мало, то развъ продавцы не принуждены бывають отдавать свой товарь за безцівнокъ, зная что опъ испортится, если они не сбудуть ero? Покупщики, пользуясь удобнымъ случаемъ, поступятъ отнюдь не безчестно, и несправедливо было бы обвинять ихъ въ намъреніи эксплуатировать торговцевъ. Последніе могуть жаловаться только на обстоятельства заставившія ихъ потерпить убытокъ. Не то ди же самое бываеть съ рабочимъ. представляющимъ на рынокъ продуктъ который окъ не ло-Усеть долго сохранить при себь? Не совершенно ли естественно что хозяинъ, который имъетъ менве потребности въ покупкъ его чъмъ рабочій въ продажъ, и который находить его въ изобили, будеть платить за него ниже настоящей цъны, и рабочій будеть не въ правы обвинять

хозячна въ намереніи его экспауатировать? Виной этого зда — обстоятельства, и ихъ-то измънить необходимо. Необходимо создать положение, при которомъ рыба не привозилась бы на рынокъ въ излишествъ, при которомъ, можно было бы удалить ее съ рынка и сохранить до боле благопріятной минуты, такъ чтобъ она не испортилась. Такоето повое положение и пытаются создать въ настоящее время союзы рабочихъ для производителей и продавновъ труда. Что делають они? Они собирають рабочихь одной профессіи, и требуя отъ нихъ небольшаго взноса, предоставляють къ ихъ услугамъ коллективный капиталь, дозволяющій имъ на будущее время, при назначении заработной платы, располагать, наравив съ козячномъ, временемъ и пространстволь. И дъйствительно, между тымь какъ рабочій, изолированный и предоставленный своимъ собственнымъ средствамъ, редко могь оставаться более трехъ, четырехъ дней безъ работы, между темъ какъ "его рыба портилась тотчась же", рабочій принадлежащій къ союзу увіврень что онъ получить субсидію пока не найдеть работы, то-есть располагаетъ еременемъ. Если же у него нътъ работы достаточно вознаграждаемой въ той мъстности глъ онъ находится, то союзь выдаеть ему изъ своего "фонда на переселеніе" сумму необходимую на перевздъ; стало быть онъ располагаеть пространствомо; такъ какъ это придаетъ правильность условіямь, при которыхь опредыляется такса заработной платы, то рабочій и можеть получить справедливое вознаграждение.

Воть существеннай услуга, которую уже оказывають союзы рабочихъ и которую они будутъ оказывать все боле и болье обымъ сторонамъ, почти одинаково заинтересованнымъ въ достижении правильнаго устройства таксы заработной платы. Создавая торговлю трудомъ, они дадутъ возможность рабочимъ найти болье выгодное и болье правильное помъщение для своего труда и вмъстъ съ тъмъ доставятъ предпринимателямъ промышленности болье надежный запасъ этого необходимаго продукта. Можно пойти еще далье. Изучая роль, которую они уже играютъ въ Вольвергамптонъ и Ноттингамъ, можно предположить что они, наконецъ, замълатъ розничную продажу труда продажей ез оптомъ, какъ поступаютъ посредники въ другихъ отрасляхъ торговли, что козяева будутъ, ваконецъ, прямо съ ними договариваться

для доставленія потребнаго имъ труда, не сносясь лично съ рабочими, и темъ изобъгая клопотъ, издержекъ и потерь разнаго рода. Имъ останется только сосчитать количество трула имъ доставленное и провърить качество, а въ случав несостоятельности онаго, они будуть иметь противъ ответственной ассоціаціи средство, которое большею частію остается номинальными въ отношеніи отдельнаго рабочаго. Можно допустить также что, покупая трудъ оптомъ у ассоціаціи спабженной капиталами, они будутъ пріобретать его въ кредить, какъ и прочее суровье, или, по крайней мъръ, будуть уплачивать за работу векселями подлежащими учету, и что втимъ способомъ они въ состояни будуть сберечь значительную долю оборотнаго капитала, употребляемаго ими на выдачу заработной платы въ розницу. Безъ сомивнія, все это одни предположенія, но предположенія основанныя на естественномъ ходъ, которому саъдовали создание и развитие прочихъ посредниковъ производства.

Союзы рабочихъ еще не дошли до этого, но очеркъ ихъ исторіи, представленный нами на основаніи свідівній собранныхъ графомъ Парижскимъ, свидътельствуетъ что они уже совершили значительные успъхи. Возникновение ихъ встръчало множество затрудненій. Строго запрещенные закономъ, они устраиваются подъ формой тайныхъ обществъ: члены ихъ собираются ночью, въ пустыряхъ покрытыхъ верескомъ, и изъ этихъ гонимыхъ сборищъ раздаются вопли гнъва и вражды противъ предпринимателей промышленности покровительствуемыхъ закономъ. Сопротивление злоупотреблениямъ саларіата организуется въ формъ заговора: на кару назначаемую закономъ противъ стачекъ, стакнувшиеся рабочіе отвівчають насиліемь противь отказывающихся дівствовать заодно съ ними; тайныя судилища изрекають приговоры вероломнымъ братьямъ, изменяющимъ делу рабочихъ, и осужденные подвергаются казни, а полиція не въ состояніи отыскать виновныхъ. Изрекающіе и исполняюmie приговоры этого народнаго Vehmgerichte убъждены что они выполняють священный долгь; подобно тому какъ прежиля политика ставила интересы государства выше обыкновенныхъ законовъ справедливости и узакопала самыя гнусныя преступленія, ссылаясь на raison d'Etat, интересъ профессіи становится верховнымъ закономъ для рабочаго въ борьбъ съ привидегированнымъ каассомъ, котораго онъ

считаеть своимь естественнымь врагомь. Онь объявляеть войну машинамъ, которыя представляются ему пособницами предпринимателей промышленности; истребители машинъ опустошають самые промышленные округи Англіц; ихъ преследують, ловять, вешають. Законь торжествуеть, не порядокъ возстановляется только на поверхности; враждебныя страсти таатся въ сердцахъ, и какъ только наступять благопріятныя обстоятельства, он'в вызовуть, можеть быть, сонівльную революцію. Но въ присутствіи этихъ грозныхъ стоякновеній, государственные люди, одушевляемые справедливостью и просвыщенные наукой, подають свой голось, равсматривають жалобы рабочихъ и решають удовлетворить ихъ на сколько она законны. Законы о стачкахъ от**мъняются**, **и вмъстъ** съ тъмъ совершается реформа старинной системы торговой монополіц; новый духъ справедливости и свободы пов'явлъ надъ Англіей, и реформы устраняють опасность революцій. Союзы рабочих перестають быть тайными обществами, они размножаются свободно и вербують въ свои рады цвъть англійских рабочихь. Безь сомньнія, въ началь они сохраняють еще страсти и привычки созданныя прежнимъ порядкомъ: можно разомъ измънить законы, но нельзя разомъ изминить дурныя чувства, возниктія и развившіяся въ сердцахъ подъ вліяніемъ ственительныхъ и несправедливыхъ законовъ; нельзя также разомъ заменить наукой невежество. Союзы рабочихъ въ начале употребляють свое могущество и свои средства на служение страстямъ и невъжеству рабочихъ классовъ. Они дълаютъ стачки болве грозными, и война между рабочими и хозяиномъ, ограничиваемая прежде извъстною мъстностью, становится общею. Она даже дълается безпощадною, потому что хознева, испуганные новою силой, возрастающею противъ нижъ, не только отказываются признать ее или вступить съ нею въ переговоры, но еще требують отъ своихъ рабочихъ чтобъ они отказались отъ союзовъ. Рабочіе доведенные до крайности уступають, но какъ только пріобрътають какія-нибудь новыя средства, то устраивають снова ассоціаціи, могуществу коихъ хозяева воздали честь попытками къ ихъ преследованію. Они возстановляють союзы и на служеніе имъ посвящають тоть же сліпой фанатизмъ, который вызваль ніжогда кровавые мятежи Luddites и въ последнее время повель къ шеффильдскимъ покушеніямъ.

Но, по естественному механизму ассоціацій, самые образованные и смышленые рабочіе приглашаются для руководства союзами. Опыть даеть имъ мало-по-малу более върныя понятія объ отношеніяхъ труда къ капиталу. Она подьзуются организованнымъ могуществомъ, коимъ располагають все разумиве и все менве прибъгая «къ насиліямъ. Они объясняють общественному мижнію жалобы рабочихъ; они обращаются съ петиціями къ парламенту о преобразованіи truck system и объ изм'яненіи законовъ о работв женщинъ и двтей на фабрикахъ, они требують отмвны master and servant act u, наконецъ, подчинения общему праву союзовъ рабочихъ, еще лишенныхъ покровительства законовъ. Эти справедливыя требованія принимаются одно за другимъ во вниманіе; только последнее еще не получило полнаго удовлетворенія, но рабочіе не отчанваются добиться его. Мы помнимъ какъ два года тому назадъ, на конгрессъ Международной Ассоціаціи въ Лозаннь, когда изложены были законы относительно союзовъ рабочихъ, когда заявлено было о решеніи суда Королевиной Скамьи, дозволявшемъ безчестному кассиру безнаказанно расхищать кассу союза, то континентальные члены ассоціаціи, въ особенности Французы, произнесли по этому поводу всевозможныя революціонным тирады; но англійскій уполномоченный поднялся, прося ихъ не метаться въ это дело и объявляя что онъ съ друзьями своими представиль этоть вопрось парламенту, и что они не сомивваются въ решени его согласно съ справедаивостію. Съ другой стороны, не прекращая выдачи субсидій рабочимъ при забастовкахъ, вожди союзовъ скоро замътили экономические недостатки такого порядка, несостоятельность его въ большей части случаевъ и огромныя потери которыя онъ наносилъ самимъ рабочимъ въ техъ редкихъ случаяхъ, когда имъ удавалось одержать побъду. Прежде они поллерживали всв забастовки безразлично, потомъ стали подвергать ихъ разбору, отличать полезныя забастовки отъ вредныхъ, поддерживать первыя и запрещать вторыя. Можетьбыть, не далека уже минута, когда рабочіе совершенно откажутся отъ нихъ и примутся за средства болве действительныя и мене начетистыя для воспрепятствованія понижению заработной платы. "Обвинять союзы рабочихъ въ цаобрѣтеніи стачекъ и забастовокъ, говорить по этому поводу нашъ авторъ. —

"почти все-равно что утверждать будто бы изобрътеніе пороха есть причина вськъ нашихъ войнъ. Введеніемъ въ эту борьбу болье искусной тактики они, конечно, сдълали ее серіознъе, но изъ этого не слъдуетъ чтобъ они вызывали ее чаще. Стараясь завоевать себъ мъсто въ общественномъ порадкъ, они неръдко переходили за предълы своего законнаго вліянія, но когда мъсто это ими уже завоевано, то они могутъ сявлаться современемъ и новымъ влементомъ производительной силы, и прочнымъ залогомъ согласія. Многіе изъ ихъ вождей уже высказывають громогласно надежду на такую счастливую будущность."

Такимъ образомъ, убъдась что заковъ спроса и предложенья управляеть ценой на трудь также какъ и ценой на все прочіе предметы, союзы рабочихъ, наиболе разумные, устроили, какъ мы видели въ начале этой статья, капиталь для переселенія, съ целію очистить рынокъ отъ излишка труда. ственяющаго его, и что они правильно выдають пособіе твиъ изъ своихъ членовъ которые перемвщаются чтобы найти рынокъ болве выгодный. Чрезъ посредство своихъ корреспондентовъ они извъщаются о положеніи рынка и доставляють рабочимь сведения о положении спроса и предложенія работы въ различныхъ частяхъ Англіи и колоній, чего ови прежде были лишены. Мы видели также что въ хлопчато-бумажной промышленности, напримъръ, они довольно върно знають колебанія производства, чтобы по нимь соразміврить свои требованія по самому положенію спроса; словомъ, они начинають заниматься торговлей труда какъ опытные негоціанты. Итакъ, мы безошибочно можемъ сказать, что появившись на свъть въ формъ новаго боеваго орудія, они сделаются мало-по-малу средствомъ къ установленію порядка и мира въ области труда. Рабочему, производителю труда, не доставало содъйствія торговли въ спошеніяхъ съ покупщикомъ, которому слишкомъ часто обстоятельства, а иногда и законы, дають возможность опредвлять условія рынка. Содъйствіе это доставляють ему союзы рабочихь; они дають ему возможность продавать трудь свой на техь же условіяхъ равенства относительно покупщиковъ которыя уже сушествують, благодаря посредничеству торговли, въ прочихъ отрасляхъ мены. Союзы рабочихъ упраздилють жалобу на -эксплуатацію рабочаго козячномъ при системъ саларіата",

^{*} Les Associations ouvrières en Angleterre, ra. IX.

которая преимущественно предъ всякою другою причиной распространила соунализмо между невъжественными массами материка, лишенными права ассоціаціи; жалобу, основанную на томъ что изолированіе рабочаго лишеннаго средствъ слишкомъ часто предоставляло его на произволь козяина, но незаконную въ томъ смыслъ, что на козяина нельзя было возлагать отвътственности за положеніе котораго онъ не создаваль и отъ котораго онъ имълъ къ тому же самыя обманчивыя выголы.

Итакъ, движение союзовъ рабочихъ имъетъ исключительную важность, и читатели, пробъжавъ это извлечение изъ дъльной книги которую написалъ графъ Парижскій съ пълію познакомить съ ними Францію, вероятно, не обвинять меня въ преувеличении за то, что я назваль ихъ селикимъ фактомъ. Очевидно, они не замедлять распространиться на материкъ подобно другому великому факту-свободной торговлъ, иниціатива коей также принадлежить Англіи, и желательно было бы чтобы правительства и предприниматели промышленности, оцънивъ всю пользу этого факта, заключающаю въ себъ услуги которыя оказываетъ "торговля трудомъ", не испугались борьбы и безпорядковъ сопровождавшихъ введение ихъ въ Англіи, и чтобъ они поощряди ихъ учрежденіе, а не противились ему. Когда механизмъ, отсутствіе или недостаточность коего породили жалобы послужившія орудіемъ соціализму, пріобрететь настоящее развитіе, то соціализмъ, потерявъ всякій raison d'être, если не исчезнеть совершенно, то по крайней мірь утратить свое вредное вліяніе на общественный порядокъ.

Во Франціи учрежденіе союзовъ рабочихъ встрвчаеть еще препятствіе закона въ стать 291-й уголовнаго кодекса, запрещающаго не-торговыя ассоціаціи. Въ настоящую минуту отміны этой статьи настоятельно требують публичныя собранія. Не знаю, уступить ли правительство втому требованію; если оно отвергнеть его, то, можеть-быть, окажется возможнымь обойти препятствіе, которое 291-я статья полагаеть развитію "торговли трудомь", устройствомь асссоціацій рабочихь съ тою же цілію какую иміють Trades Unions, но подъ фирмой торговыхъ ассоціацій. Какъ бы то ни было, графъ Паражскій оказаль своимь соотечественникамь великую услугу, представивь имь совокупность фактовь, которые

вывела на свътъ слъдственная коммиссія о союзахъ рабочихъ и которые, можетъ-быть, заключаютъ въ себъ, вмъстъ съ ръшеніемъ проблемы о правильномъ опредъленіи таксы заработной платы безъ всякаго вмъшательства правительства, лучшев средство противъ соціализма и самую дъйствительную предохранительную мъру противъ опасностей соціальной революціи.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ

ВЪ ЦАРЪГРАДЪ

Лътомъ 1863 года я жилъ въ Царъградъ и весьма внимательно савдиль за твив что творится въ Польшв. Глупостей я двлаль много, и въ оправдание себв могу привесть только одно, что делалъ ихъ отъ чистаго сердца. Возился съ Черкесами праваго фланга, которые меня чуть-чуть не выбрали себъ въ султаны, да и выбрали бы, еслибы не испугались Поляковъ. Возился я съ Болгарами, которымъ хотвлъ вичтить пигилизмъ; возился съ Поляками, дело которыхъ казалось мив совершенно правымъ; и въ то же время, котя съ весьма малымъ успахомъ распространалъ ассигнаціи "Земаи и Воли", тайнаго общества, которое не знаю изъ кого состояло, и которое почему-то предложило мяв быть его агентомъ. Ассигнаціи эти были литографированы очень красиво на съренькой бумажкъ и выдавались каждому жертвовавтему на общество, въ видь квитанцій и въ видь свидьтельствъ о гражданской правственности. Было ихъ у меня тукъ двести. Съ невероятными усиліями собраль я для "Земли и Воли" рублей двадцать пять, а остальныя бумажки пришлось куда-то забросить.

1863 годъ быль годъ чрезвычайно тажелый и горькій для всехъ бывшихъ въ оппозиціи съ правительствомъ. До этого года казалось что всевозможныя мнимо-прогрессиеныя идеи имъютъ у насъ успъхъ, и что побъда останется на сторонъ людей называвшихъ себя передовыми. Еслибы Поляки были

поблагоразумиве, и еслибъ они держались системы маркиза Велёпольскаго, — можетъ-быть, дело ихъ было бы выиграно и, можетъ-быть, не совершилось бы страшное паденіе на-щей революціонной партіи. Поляки постарались сами испортить свое дело. Непужныя и фразистыя демонстраціи, ненужный протесть противь умеренности Велепольскаго силой вызвали повстаніе. Повстаніе разбудило въ русскомъ народъ чувство патріотизма; все встрепенулось, партіи слились въ одно целое. Позабылись всевозможныя домашнія дрязги, и русскій народъ, какъ всегда, дружно всталь для сохраненія своего государства. Исчезли партіи, исчезли домашніе счеты.... Это была одна изъ торжественнъйтихъ минутъ русской исторіи. Все слилось воедино, все встало какъ одинъ человъкъ, чуть только Поляки сдълали внутренній вопросъ івопросомъ международнымъ. Сочувствуя имъ тогда всею душой, я съ ужасомъ виделъ, что они въ своихъ делахъ обращаются къ протекціи французскихъ и англійскихъ консуловъ, и что они грозять чамъ ино-страннымъ вмешательствомъ. Какъ я ни плохо зналъ тогда русскій народь, но я инстинктомъ поняль что дівло ихъ будеть проиграно. Покуда споръ между ними и нами быль споромъ домашнимъ, до тъхъ поръ на ихъ сторонъ было много партизановъ изъ Русскихъ. Они свою распрю съ нами изъ домашней сдълали общеевропейскою, вынесли соръ изъ избы-и оборвались.

Раздосадованный и глубоко оскорбленный неудачей польскаго двла, которая очевидно влекла за собой неудачу и нашего революціоннаго двла,—въ хандрв, въ тосків сидвль я въ своей квартирів въ Царіградів и ясно совнаваль что мы, русскіе революціонеры, заживо умираемъ, что нашь візкъ прошель, что наша роль сыграна, что двлать намъ боліве нечего, а особливо тімъ изъ насъ которые, подобно мит, имъли несчастіе сдвлаться эмигрантами. Особенно різко пришлось мит это замівтить по моимъ тогдашнимъ сношеніямъ съ старообрядцами. До начала возстанія дунайскіе старообрядцы относились къ Полякамъ съ нізкоторымъ сочувствіемъ. Большая часть изъ нихъ были выходцы изъ такъназываемаго "вабраннаго края", т.-е. изъ западныхъ губерній, и помінили, что во времена Різчи Посполитой имъ въ Польшів жилось недурно. Если шляхта и Евреи нізсколько и тіснили своихъ Малоруссовъ и Бізоруссовъ, то старообрядцы наши

жили въ Польшт свободно и ничего противъ нел не имъли. Въ систему дъйствій тогдатней русской революніи и польской инсуррекціи входиль плань привлечь на свою сторону старообрядцевъ, благо и они принадлежали къ числу недовольныхъ правительствомъ. Планъ этоть, созданный отчасти мною самимъ, и для которато я забрался въ Турцію, двятельно приводился въ исполнение. Какъ ни мало было у меня сноmeniu съ дунайскими сектами, но я добился все-таки того, что уговориль двоихь изь вліятельный шихь между ними людей подать или турецкому, или румунскому, или нашему правительству, адресъ въ пользу Поляковъ. Переговоры эти происходили въ Царъградъ, въ моей квартиръ; и эти два человъка, по слову которыхъ дъйствительно могь бы создаться подобный адресь, согласились со мною, и согласились совершению искрению. Я не имъю ни мальйшаго повода думать чтобъ оки хитрили со мной. Вопервыхъ, у нихъ не было никакой цъли меня обманывать, а вовторыхъ-они такъ глубоко прониклись моими убъжденіями и такъ искрепно къ нимъ пристали, что сомнъваться въ нихъ я ве имъль и не имъю до сихъ поръ ни мальйшаго основанія. Изъ Царятрада они убхали: одинъ въ Турцію, другой въ Молдавію, снабженные отъ меня прокламаціей, написанною мною самимъ, - съ осьмиконечнымъ крестомъ въ началъ, - церковными буквами, которую я за довольно серіозныя деньти и съ большимъ рискомъ сумваъ отлитографировать въ Царвградь. Затьмъ комитетъ "Земли и Воли" прислалъ жав ящикъ своихъ прокламацій, -- къ русскимъ офицерамъ, къ русскимъ солдатамъ, къ русскому народу, -- который я, тоже съ невъроятными усиліями, украль изъ Турецкой таможни. Украль, потому что въ Турціи все-таки существуеть иностранная цензура, и какъ турецкое правительство подъ часъ ни сочувствуетъ всему что можетъ насолить русскому правительству, но все-таки офиціально подобныхъ штукъ опо не поощряеть. При помощи разныхъ связей, ящикъ этотъ быль мною изъ таможни выкраденъ, принесенъ въ мою квартиру. Стало-быть, дунайскіе старообрядцы были спабжены въ изобиліи всемъ что ихъ могло, если не двинуть, то подтолкнуть на протесть и на пропаганду противъ русскаго правительства.

Нравственно подчинивъ себъ ихъ вліятельныхъ людей, я вполнъ въровалъ, что дело идетъ впередъ, и что не сегодня—

вавтра появится старообрядскій протесть противь образа двиствій правительства относительно Поляковь. Місяца два или три выжидаль я этого заявленія, выжидаль терпізливо, спокойно. Какь вдругь одинь изь этихь моихь агентовь воротился въ Константинополь съ Дуная, проживь на родинь съ місяць или съ два.

- Ну, что же, подали адресъ? спросиль я его.
- Сейчасъ, братецъ ты мей, я въ русскомъ посольствъ былъ. Подалъ.
  - Да какъ же овъ написавъ? koniu вътъ?
  - Ить гръхъ какой, не захватиль съ собой.
  - Что жь тамъ написано, въ протеств въ вашемъ?
- Ну, что написано! Написано и такъ, и этакъ, слово въ слово какъ съ тобой говорили. Одно слово, все въ порядкъ.

Какъ написано было, и что было написано-а не добился: мой старикъ очевидно хитрилъ и юлилъ, служилъ и нашимъ и ващимъ: но попятно было, что если опъ не доставилъ мяв копіи адреса, то адресъ этотъ паписанъ не совсемъ въ томъ токв который быль для насъ нужень, и я пересталь разспра**шивать.** Мяв стало груство, тажело, и за насъ, чающихъ движенія воды, и за Поляковъ... Місяца черезь три я узналь содержаніе поданнаго имъ адреса, и то узвалъ стороной, именно отъ Садыкъ-паши, которому былъ данъ за него нагоний въ Блистательной Портв. Въ этомъ адресв задунайскихъ старообрядцевъ было сказано, что они "всъ готовы положить головы за Русь за матушку, за Царя за батюшку". что они благодарять Государя за освобождение крестьянь и за облегчение старой въръ, а что такъ какъ теперь Поляки бунтують, то они въ случав нужды, - "буде тебв, Царь Государь, попадобимся, -Поляка въ бараній рогь свернуть: выраженій я не помню, но смысль быль таковь. Замівтьте, что это писали турецкіе подданные, поуходившіе изъ Россіи кто за въру, кто за бороду, кто за шалости. Старообрядецъ, который отъ души взялся устроить подобное дело въ Молдавіи, тоже прівхаль въ Царьградь, и какъ человінь неспособный агать, но на столько лично ко мет привязанный что не ръшался меня огорчать, только моталь головой и говориль, что старики на это дело несогласны, что дело совсемъ не подходящее-опи люди темпые, и что наконепъ, еслибы написали имъ изъ Москвы, съ Рогожскаго кладбища, что такой адресъ подавать саедуеть, то они бы его подали, но что изъ T. LEERI.

Москвы питуть имъ чтобы молились объ избавлении отъ всякаго врага и супостата.

Дело было очевидно проиграно. Было горько, тажело, досадно, но каждый человект имеетъ слабость обнадеживать себя и предполагать что далеко еще не все потеряно, что после зимы весна наступитъ. Не котелось верить что приходится слагать оружіе, признавать себя побежденнымъ; что саедуетъ самому себе признаться въ несостоятельности своихъ доводовъ, въ пеприложимости своего ученія.

Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ дней, помнится, весной 1863 года, явился ко миъ поручикъ Гориштейнъ и отрекомендовался по-русски, съ сильнымъ польско-еврейскимъ акцентомъ, что онъ служитъ въ турецкихъ казакахъ и очень желаетъ со мной познакомиться. Это былъ господинъ весъма невысокаго роста, весьма бълокурый и нъсколько рыжеватый, съ длиннымъ еврейскимъ носомъ и съ еврейскими глазками. Изъ разказовъ его оказалось, что онъ родился въ Бердичевъ, гдъ и былъ сданъ въ солдаты, служилъ въ какихъ-то драгунахъ, и въ Крымскую войну, изъ истодованія на русскій деспотизмъ, перешелъ къ союзникамъ, очутился въ Турціи, поступилъ въ турецкіе казаки, дослужился до поручика и сдълался при Садыкъ-пашъ чъмъ-то среднимъ между коммиссаромъ-провіантмейстеромъ или квартирмейстеромъ и факторомъ.

Какъ всв Евреи, которыхъ судьба вырвала изъ ихъ міра, онь быль большой либераль и человыкь нетрусливый. Поляковъ опъ ненавиделъ, а себя считалъ Украинцемо и мечталъ о возстановленіи малороссійскаго гетманства. Съчи Запорожской, въ которой, по его словамъ, никто не хлопоталъ о стръ, въ которой уважалась личная доблесть и всякаго рода рыцарства, а на ссору Евреевъ съ Малоруссами смотрых какъ на отсталость, ... вамъ скажу", говорилъ онъ мев своимъ гортаннымъ акцентомъ, "что Еврей, который родияся въ Бердичевъ, такой же Украинецъ какъ и хлопъ, что если двиствительно въ старыя времена казаки въшали на одной осинь Жила, ксендза и пса, то это было деломъ совершеню домашнимъ, и свою ненависть къ католикамъ и къ Евреямъ основывали они на религіозномъ фанатизмъ. Теперь времена другія. У насъ на Українь народъ теперь сталь образованвъе: Евреи считають себя такими же гражданами какъ и

жаопы, и до такой степени освободились отъ предразсудковъ, что я самъ вмъ не только трефное мясо, но даже и свивину. Какъ Украинецъ, я терпъть не могу Поляковъ. Это аюди съ предразсудками, которымъ ихъ шлахетскія права дороже правъ человъческихъ, которые больше говорять чъмъ менають, у которыхъ политическаго такта неть. У насъ въ полку съ ними возня постоявно. Военная служба требуетъ диспиплины. Посмотрите какъ въ Россіи все это устроено: воротникъ мундира всегда долженъ быть застегнуть на всв пуговины. Турки еще до сихъ поръ не привыкаи къ порядку. У нихъ всегда или галстукъ на боку, или капавейка изъ подъ-мундира торчить, или же туренкіе офицеры носять разповарные сапоги, изъ рукавовъ высовывается оборванвая рубатка. Но Туркамъ это можно простить, потому что они еще не такъ давно стали цивилизоваться, болье привыкли къ народному костюму: тогда какъ Полякамъ, которые у насъ служать, подобная небрежность совершенно непростительна. Вы меня никогда не застанете незастегнутымъ, потому что я былъ въ русской службъ. Хоть в врагь Русскихъ, т.-е. Москалей, но еслибъ я имълъ власть, я бы въ турепкомъ войскъ ввелъ исключительно русские порядки. Къ счастно еще, что у насъ въ казацкомъ и въ драгинскомъ полкахъ большая часть офицеровъ были въ русской службъ и дисциплину (понимаютъ. По-моему, безъ палки съ солдатами ничего не подълвешь".... Поручикъ Горитейнъ, иначе Хуртидъ-бей, * чрезвычайно меня заинтересоваль, и я не преминуль воспользоваться его знакомствомъ, а воспользоваться имъ стоило. Оказалось что овъ правая рука Чайковскаго, который тогда быль во Оракіи, а жева его жила въ Скутари, т.-е. въ томъ же Константинополъ. только на азіятской сторонь Босфора, и я отправился къ ней съ визитомъ.

Мадамъ Садыкъ-паша была высокая, худенькая старутка,

^{*} Вст не-мусульмане состоящіе въ турецкой службт: Полаки Нъмцы, Французы, Англичане, не переходя даже въ мусульманство, выбирають себт какое-нибудь мусульманское има, такъ какъ съ именами не-мусульманскими Турки справляются съ большимъ трудомъ. Горвитейнъ не былъ ренегатомъ, но носилъ турецкое има единственно для удобствъ Турокъ.

которая въ молодости, должно-быть, обладала замъчательною красотой. Несмотря на ея тестьдесять авть, вся ея фигура лышала такою грапіей и такимъ изяществомъ, какія встрвчаются далеко не каждый день. Тонкія черты липа. нвсколько горбатый посъ, маленькія руки, маленькія ноги и маленькія ути-все заявляло, что въ молодости она не одного человъка свела съ ума. Я знаю исторію этой женщины. Она была дочь Андрея Спядецкаго, извъстнаго виленскаго профессора математики, блистала въ лучшихъ виленскихъ кружкахъ, жила богато, широко и влюбилась въ какого-то русскаго генерала (кажется, Римскаго-Корсакова), который въ ковить трилиатых в головъ быль зачемъ-то пославъ въ Турийо и умерь, говорять, на Дунав, сраженный тамошкимъ тифомъ. Несчаствая женщина бросилась отыскивать его могилу. Судьба запесла ее въ Константинополь. Она была карактера восторженнаго, увлекающагося-Константинополь ей понравился. Она завела грумовъ, верховыхъ лошадей и производила фуроръ. Въ это время въ Константинополь попаль Чайковскій, такой-же блестяцій; они сощлись и, по ея милости, опъ сделался мусульманиномъ. Опъ обвенчался съ нею по-мусульмански, и она жила въ гаремв; выходила изъ дому въ желтыхъ сапогахъ, въ фередже и въ япиакъ, т.-е. съ бълымъ покрываломъ на головъ и съ турецкимъ салопомъ на плечахъ. Въ гаремъ у Чайковской кромъ ея, разумъется, никого не было, и доступъ къ ней вовсе не былъ затруднителенъ. Домъ Чайковскаго распадался, какъ домъ всякаго турецкаго паши, на двв половины-на мужскую и женскую. Ходъ на объ половины быль отдъльный. На мужской половинь (селамлыкъ-гостиная) кромь дивановъ ничего не было: на женской половинь была красивая европейская мебель, тамъ объдали, пили чай, и тамъ можно было провести время какъ въ любомъ европейскомъ домъ. Старуха Спядецкая ходила дома какъ европейская дама, въ чепчикъ, и изъ всего восточнаго, какъ она, такъ и Чайковскій, носили только короткія лисьи тубки, похожія на наши телогоройки: костюмъ чрезвычайно удобный и чрезвычайно красивый. Побывавъ раза два или три у Сиядецкой, женщины очень остроумной, хандрящей до накоторой степеви, брюзгациой, но въ то же время чрезвычайно милой и запимательной, я познакомился и съ самимъ Михаиломъ Иларіоновичемъ, по

возвращени его изъ Оракіи. Съ нею и съ нимъ мы почти постоянно говорили по-русски.

Потомокъ какого-то малороссійскаго гетмана, если не отибаюсь, Выговскаго, Чайковскій родился въ Бердичевскомъ увзяв Кіевской губерніи и вырось въ уніатствъ. Католиковъ и Поляковъ онъ не терпваъ, но стоялъ, по семейнымъ традиціямъ, за свободу южной Руси. Сынъ богатаго пом'вщика, овъ былъ отправленъ родителями въ Одессу, гдт и кончилъ курсь въ лицев.

Въ чисав тогдашнихъ профессоровъ быль Гулакъ Артемовскій, изв'ястный украинофиль, который вдохнуль молодому человъку преувеличенныя идеи о южно-русской на--родности, о ея самостоятельности, о ея казакахъ и о јея курганахъ. Михаилъ Иларіоновичъ ходидъ въ своемъ имъни на клиросъ по праздникамъ, на псовую охоту вздилъ по буднямъ, жилъ себъ бариномъ, какъ вдругъ наступилъ 1832 годъ, когда зашевелились всв земли бывшей "Ръчи Посполитой". Полный веры въ будущность Украйны и въ то же время, какъ уніать, дорожившій союзомъ этой Украйны съ Польшей. Чайковскій видшался въ инсуррекціонные комитеты, и въ одно прекрасное утро къ нему нахаывуда въ домъ полипія со взводомъ жандармовъ. Сконфуженный, испуганный, онъ не могь отказать имъ въ правъ произвести розыскъ, и ждалъ что его отвезутъ въ Бердичевъ, какъ вдругъ весь его дворъ и весь его домъ наполнился мужиками. Староста съ нъсколькими мужиками вошли къ нему въ кабинетъ, гдв опъ јендваъ јев полипейскими, поклонились ему и, не говоря худаго слова, скрутили полицейскимъ руки назадъ:-- пашего пана не трогайте, нашъ панъ добрый, мы за него Бога молимъ". Хотя довольный, но все-таки испуганный этимъ заявленіемъ преданности своихъ крестьянъ, Чайковскій освободиль полипейскихь, но въ тоть же вечеръ спаряднат изъ своихъ дворовыхъ отрядъ украинскихъ казаковъ и вступилъ въ возстаніе: другаго выхода ему не было.

Польская кампанія, какъ извъстно, кончилась тъмъ что польское войско перешло чрезъ границу и прошло отъ Варшавы до Парижа, напъвая знаменитую мазурку: "Jeszcze Polska nie zginięła....." Чайковскій тоже присоединился къ регулярному войску, и тоже очутился въ Парижъ. Опъ быль человъкъ свътскій, образованный, хотя и довольно поверхностно,

быль хорошь собой, бойко говориль по-французски, умъль блистать. Кое-какіе доходы съ имънія доходиди до его рукъ-Окъ быль поэть въ душь, фактасть, каждому двлу отдавался прижомъ. Года черезъ два посат привода своего въ Парижъ женияся на какой-то Француженкъ. Бракъ этотъ оказаяся печлачнымъ: опъ ли вышелъ виноватъ, или опа-въ супружескихъ отношеніяхъ постороннему человъку судьей быть трудно,-только дело разрешилось темъ что они, приживъ двухъ сыновей, разошлись. Человъкъ талантливый, одаревный живымъ воображениемъ, негодуя на русское правительство и, въ то же время, негодуя на Поляковъ, Чайковскій взялся за перо и сталь писать въ Париже разказы изъ украинскаго быта. Разказы его отчасти напоминають Гоголя, Основъяненко, Шевченко и вообще всехъ южно-русскихъ писателей, которые старались изобразить казацкій бытъ. Талантъ у Чайковскаго не изъ очень сильныхъ; отсутствіе серіознаго изученія южно-русской исторіи въ высочайтей степени заметно, какъ съ темъ вместе заметно и его политическое пристрастіе къ Полякамъ, хотя лично онъ ихъ не терпълъ. Запорожские и всъ вообще малоросеійскіе казаки являются у него благородными рыцарями, которые борются противъ польскихъ притязаній. Но борьба съ Поляками представляется у него скоръе рыцарскимъ турниромъ чемъ вопросомъ о народномъ существовании. Не терпя Поляковъ, Чайковскій все-таки находить въ нижь светлыя стороны, и если обвиняеть ихъ, то обвиняеть въ мазурской бездарности и безтолковости, и признаетъ что они съ Южно-Руссами составляють чуть не одно плема. тогда какъ Москали народъ-де туранскій, лишенный всякихъ гражданскихъ и личныхъ добродетелей, развратный, полукочевой, жаждущій завоеваній и подавляющій всякаго рода свободу. Лучшіе романы Чайковскаго пропитаны исключительно такимъ направленіемъ. Бунты малороссійскихъ казаковъ противъ Польши подъ перомъ его являются не то рыпарскими подвигами, не то недоразумъніями. Всю вину разлада Южно-Руссовъ съ Шолаками сваливаетъ онъ на мъстную администрацію. Южно-русскій и польскій народъ братья, которыхъ ссорили безтолковая шлахта и безтолковые ісвушты, грешившіе избыткомъ усердія. Но такъ какъ Полаки и Южно-Руссы принадлежать къ чиствитему

славянскому племени; такъ какъ ни въ техъ, ни въ другохъ **кът**ъ примъси туранской крови, преизобилующей-де у Москалей, то самою судьбою они обязаны жить по-братски, не уступал другь другу ни въ чемъ и охраняя каждый свою независимость. Союзь ихъ, потому, не только можеть, во и должевъ быть естественнымъ, ибо у нихъ есть одинь общій врагь-выродившаяся Чудь, говорящая славянскимъ нарвчіемъ и исповедующая схизму, т.-е. Москали. Южно-Руссы, какъ народъ принадлежащій къ европейскому племени, не чужды общеевропейской пивилизаціи, что и доказывается существованіемъ у нихъ магдебургскаго права, а вдвойнъ доказывается еще тъмъ, что основатель ржно-русскаго государства, великій князь Владиміръ, равно какъ и бабка его. великая княгиня Ольга, были уніатажи (!). Восточный обрядь, которому следуеть южно-русская народность, разумъется, соблюдать должно, такъ какъ этотъ обрядъ не только народный, но и завъщанъ равноапостольными Кирилломъ и Меноліемъ. Но изъ-за обряда ссориться съ пивилизованными народами Запада — не сливаться во едину, святую, соборную и апостольскую церковь, значить не что иное какъ заявлять свою отсталость...

Покуда Чайковскій писаль свои разказы изъ казацкаго быта, скучаль въ вмиграціи и задыхался въ средв своей семейной жизни, покойный князь Чарторыйскій точно такъ же скучаль и задыхался.

Князь Адамъ Чарторыйскій быль русскимъ министромъ, играль важную роль въ сіверо-западномъ край и чуть-чуть не надвль на себя корону Ягеллоновъ. Долго таиль старикъ свои вавітныя мечты о возстановленіи Польши, ловко обманывая наше правительство. Возстаніе 1832 года выбросило князя Адама въ Парижъ и отняло у него всякое политическое значеніе. Но бывшій русскій министръ, состоявшій вътісныхъ родственныхъ связяхъ съ испанскими Бурбонами, магнатъ, капиталистъ—волей-неволей быль личностью весыма и весьма замітною въ Парижів. Его принимали въ лучшихъ парижскихъ домахъ; Польша и тогда была въ модів, и тогда пользовалась сочувствіемъ въ ущербъ Россіи. Кандидать въ Польскіе короли не могь оставаться въ Парижів незаміченнымъ. Старикъ Талейранъ не преминуль свести съ нимъ знакомство.

— Скучно инв здвсь въ Парижв, сказаль разъ князь

Адамъ Талейрану.—Мы, Поляки, народъ безтолковый; мы народъ рыцарскій, народъ способный на величайтія самопожертвованія, но признаюсь вамъ, у насъ, по крайней мірті въ массъ, до такой степени господствуетъ отсутствіе здраваго смысла, что Москали разбиваютъ насъ на каждомъ тату. Посмотрите на натихъ эмигрантовъ здісь во Франціи, віздь насъ сюда потао нізсколько тысячъ. Мы безполезны для васъ и безполезны для натего святаго діла. Діло свое въ Польті мы потеряли всліндствіе натей собственной неурядицы; а здісь, въ Западной Европів, мы безполезны и для себя, и для васъ.

Князь Адамъ говорилъ это, разумъется, искренно и, разумъется, съ тою тоской, съ которою можетъ Полякъ говорить о безтактности польскихъ дъятелей.

- Жалко мив васъ, килзь, отвечаль Талейранъ, и жалко мив васъ твиъ болве, что я не въ силахъ пособить вашему двлу. Вашъ благородный, хотя, какъ вы говорите, легкомысленный народъ не можеть не заслуживать сочувствія каждаго образованнаго человъка. Я Французъ, а вы зваете что даже во времена великой революціи Французы прежде всего были патріотами. Солдать уважаеть солдата хотя бы цэъ вепріятельскаго лагеря, et la Pologne étant la France du Nord et les Polonais les Français du Nord-notre gloire est souillée par les Cosaques du Don. Наконецъ, по-просту говора, насъ смущаеть возрастаніе грубой московитской силы, основанной на деспотизм'в и ужь разъ поругавшей Францію казацкими бивуаками aux champs Elysées; вы сами, cher ргіпсе, понимаете что въ интересы прогресса и цивилизаціи входить возстановленіе Польши, ибо Польша, c'est la barrière de la civilisation contre l'Asie. Ho a, старый дипломать, поступиль бы на вашемь мъсть не такъ какъ поступають vos compatriotes.
- Какъ же бы вы поступили, спросиль князь Адамъ, сильно заинтересованный словами подобнаго эксперта въ дипломатическомъ лалв.
- А воть какъ, клязь, отвъчаль опъ:—Пруссія и Австрія, которыя владіють частями Польши, ныніз до такой степени ничтожны, что вы не можете считать ихъ вашими серіозными врагами. Въ коалиціи опі, разумітется, могли иміть ніжоторое значеніе, но значеніе это опі получили только чрезъ поддержку Русскихъ. Это два государства, которыя даже и

существують только по желанію русскаго императора. Франція могла бы ихъ уничтожить, по наше новое французское правительство, нашъ гоі bourgeois, до такой степени не энергичны и безцвътны что, какъ не помогли, вамъ, такъ и не помогуть. У васъ есть одинъ врагь, c'est l'empire moscovite—врагь сильный, врагь серіозный, который способень сжечь Москву, и который пользуется обанніемъ на всемъ азіятскомъ и европейскомъ востокъ. Дайте ему свободу, онъ перепесетъ свою столицу въ Константинополь, и граница его протянется съ берега Адріатическаго моря, подъ ворота Въны. Кто еще знасть? Не даромъ боятся Англичаве что опъ завладветь и Индіей: Московиты въ наше время играють роль бича Господня надъ Европой; только ими и держится деспотизмъ, только на нихъ и опирается вся реакція, ихъ штыками поддерживаются все мелкіе германскіе тровы..... Поставьте себв задачей, квязь, спасти отъ нихъ пивилизацію. Вы и ваши соотечественники знаете ихъ порядки, ихъ языкъ, ихъ правы, ихъ пріемы, следите за ихъ действіями на Востокъ и, работая для Европы, охраняя ее отъ нашествія варваровь, вы освободите отъ кихъ ваше собственное отечество. Я знаю что между вашими эмигрантами есть много людей талантливыхъ, способныхъ ко всякаго рода дипломатической двятельности. Пошлите ихъ на Востокъ и поставьте стражами противъ русскихъ интригъ. *

Князь Адамъ задумался—совъть быль въ самомъ дъль очень не глупый......

- Хорото, сказаль опъ, да съ чего же начать?
- Начать, отвъчаль Талейравь, по-моему, надо съ турецкаго посольства. Турецкій вопрось стоить теперь на очереди: постарайтесь сблизиться съ Портой и постарайтесь имъть при ней своихъ агентовъ.

Князь Адамъ познакомился съ турецкимъ посольствомъ въ Парижъ и сталъ приглашать къ себъ его членовъ, одного за другимъ. Члены посольства были Турки, весьма не житрые, бойко депетавшие по-французски; но ни одинъ изъ

^{*} Подробности этого разговора переданы миз ащами, слышавшими его отъ самого княза Адама, въ числе которыхъ я могу упомянуть покойнаго князя Витольда; такъ что, если я ошибаюсь въ словахъ, то пикакъ не ошибаюсь въ общемъ симсле и въ духе этого разговора.

нихъ не оказался пригоднымъ для задуманнаго дъла. Вниманіе княза остановилось только на одномъ Туркъ; это быль Решидъ-эфенди, человъкъ еще молодой, развязный, поватливый, имъющій большія связи въ Стамбумъ и серіозко изучающій всякія европейскія отношенія. Чарторыйскій и Решидъ сблизились, поняли другъ друга, сознали выгоду союза Польши съ Турціей, и въ весьма скоромъ времени, при ходатайствъ французскаго посольства, Решидъ-эфенди превратился въ Решидъ-пашу, получилъ всевозможную поддержку и сдълался великимъ визиремъ.

Въ это самое время, въ средъ польской эмиграціи, задъкался отъ своего неудачнаго брака Михаилъ Иларіоновичь Чайковскій. Князь Адамъ, отыскивавшій нужнаго человіка между Турками, точно также отыскивалъ его и между Поаяками. Какъ-то въ горькую минуту, когда старикъ Чарторыйскій раздумывалъ объ устройстві польскаго агентства на Востоків, вошель къ нему Чайковскій.

- Князь, сказаль онъ, —я слышаль, вы затвваете какоето дело въ Турціи, а меня давно тянеть на Востокъ, тамъ жизнь шире, тамъ предки мои, украинскіе казаки, играм роль. Въ Париже скучно, я бы хотель туда поехать. Не дадите ли мне какой-нибудь миссіи: дело Польши и дело казачье, на мой взглядъ, одно и то же; врагь у насъ общій, освободимся отъ него; возстановимъ наши права и заживемъ или врагами, или братьями.
- Послушайте, отвічаль бывшій русскій министрь,—а вась знаю, пане Чайковскій, за человіжа талантливаго, умнаго и діятельнаго; такихь людей какъ вы миі нужно; по позвольте миї, въ мои літа, быть скептикомъ. Поізжайте на Востокъ, діялайте тамъ что хотите, я вамъ достану рекомендательное письмо во французское посольство; но остальное, то-есть сближеніе съ Турками, вы сами себі устройте. Если вы его устроите, стало-быть, вы годитесь для діяла, если віть, стало-быть, не годитесь. Поізжайте, и да благословить васъ Богь за ваше чистое побужденіе, за вашу любовь із нашей общей отчизні! Пишите мий, а тамъ увидимъ.

Чайковскій очутился въ Царвградв.

— Странно мив было, разказываль онь мив, — въ первый разъ попасть на Востокъ! Много стараго проснулось у мена въ душв: такъ и показались мив наши чубатые казаки, на

чайкахъ (на лодкахъ) разъевзжавшіе по Черному морю ч показывавшіе свою геройскую удаль. Не одинь нашь гетмань. попавшись въ павиъ, мънялъ въру христіанскую на исламъ. и опать ворочался домой христіаниномъ, и опать вель войско запорожское и казацкое противъ Татаръ, и опять разоралъ берега Чернаго моря. Когда я вошель въ стамбульскія улипы. я почувствоваль кровную связь между мною и моими отнами. Малороссія и Турція иміноть между собою тісную связь, которая основана не только на рыцарскомъ духв обвихъ народностей, но и на общей выгодъ бороться противъ варваровъ Москалей. Я вручилъ свои рекомендательныя письма французскому посольству и, первымъ деломъ, обзавелся драгоманомъ; по-турецки а тогда, разумвется, не зналъ ни слова. Мы отправились къ тогдашнему великому визирю. Это быль старый Турокъ, коть и одетый по-европейски, вследствіе реформы введенной султаномъ Махмудомъ, но сохранившій всв старые турецкіе порядки. Окъ жиль по-старому. на широкую ногу; къ нему каждый могь приходить обълать, не булучи съ нимъ знакомъ и не ложилалсь его приглашенія. У него еще водились старинные турецкіе чубуки, украшенные жемчугомъ, изумрудами и брилліантами. Я вошель къ нему, поклонился и, по турецкому обычаю, присват на софв. Драгоманъ мой сват подав меня. Прошао съ полчаса покуда пата переговориль съ прочими постителями... Ваше высочество, заставиль я говорить своего драгомана, который бавдивать, красивать и удиванася моей рвчи. во который должень быль переводить все что я говориль:вате высочество, вы великій визирь въ Турціи, а я польскій шляхтичь и потомокь украинскихь казаковь. Въ последнее возстаніе я воеваль съ Московитами, и по ихъ милости, за то что защищаль права и вольность Украйны, потеряль отечество и должень быль искать пріюта во Франціи. Во Франціи миз было не только скучно, по тамъ я чувствоваль себя безполезнымъ. Какъ вамъ извъстно, каждый шляхтичъ имъетъ право на польскую корону. Быть польскимъ королемъ я, само-собою разумъется, не собираюсь; вопервыхъ. потому что я казакъ, а вовторыхъ, потому что, откровенно сказать, не надъюсь что меня въ польскіе короли выберуть; во я человъкъ способный, искренно люблю свое отечество, и искренно хлопочу о его освобожденіи, и прівхаль я къ

вамъ въ Турцію за твиъ, чтобы предложить вашему высочеству и правительству Блистательной Порты мой личный союзъ. Врагь у насъ съ вами общій; вы не знаете его языка, вы не знаете его системы, вы не знаете его плановъ. Я берусь охранять васъ противъ русскихъ интригь, и объщаю вамъ что буду союзникъ надежный и полезный. Дайте мнъ дъло, укажите какія интриги ведеть здёсь петербургское правительство: я вамъ распутаю всевозможные узлы. Если вы мнъ не върите, то я, не справивая вашего позволенія, самъ возьмусь за дёло, и вы не раскаетесь въ гостепріимствъ, которое вы мнъ, казаку и польскому шляхтичу, окажете.

Великій визирь, какт разказываеть Чайковскій, удивился, по пожаль ему руку, поблагодариль его за предложеніе.... и мъсяца черезь два Чайковскому было положено Высокою Портой жалованье.

Не могла Порта не положить ему жалованья и не признать его офиціальным польским агентом, потому что действительно у нея не было, да и нътъ человъка преданнъе и распорядительные его. Извыство, что Турки народъ вообще очень чествый и крайне неспособный къ веденію какого-дибо рода интригь. Они завоеватели, но не администраторы и не дипломаты. Съ водвореніемъ ихъ въ Европъ, дипломатами ихъ были Греки, и большинство представителей ихъ при европейскихъ державахъ до сихъ поръ набирается изъ фанаріотовъ. что видно даже по именамъ ихъ посланниковъ. Но въ конпъ прошлаго и въ началъ нынфинаго въка Греки сильно потерали кредить у Порты, которая не безъ основанія заподозрила ихъ въ симпатіи, если не къ Россіи, то къ идев возстановленія Византійской имперіи, и потому стала искать новыхъ пособниковъ. Самымъ лучшимъ изъ нихъ оказался, разумъется. Михаилъ Иларіоновичъ Чайковскій. Онъ изумиль Порту богатствомъ своихъ сведеній о ходе мнимыхъ русскихъ интригь на Балканскомъ полуостровъ. Чуть не каждый день открываль онъ русскихъ агентовъ; вездъ указываль на заговоры и измену: Порта приходила въ ужасъ и пенила его какъ столъ и опору Оттоманской Имперіи. Какіе это агенты и какіа интриги раскрывались-вопросъ другой. Стоило Болгарину или Греку по торговымъ двламъ побывать въ Москвъ, или просто въ Одессв, и воротиться оттуда съ деньгами русскаго чекана, чтобы на него былът поданъ доносъ будто онъ

подославъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дваъ. Поставить икону русскаго письма въ сербскую церковь значило, да и до сихъ поръ значить, стремиться подойти подъ власть святвитаго синода, то-есть стряхнуть съ себя иго пареградской патріархіи. Чайковскій первый подняль вопросъ о богослужебныхъ книгахъ: какъ извъстно, въ Турпіи въть типографій для печатавія славянскихъ церковныхъ книгь. Книги, по которымъ совершается богослужение у Болгаръ и у Сербовъ, или рукописныя, или до такой степени старыя, * что педостатокъ въ церковномъ обиходъ составляеть весьма серіозный вопрось для містнаго благочестиваго славянскаго населенія. Недостатокъ этоть пополнялся и до сихъ поръ пополняется изданіями святьйшаго синода. Но въ этихъ изданіяхъ на выходъ поминается имя Государа Императора и всего парскаго дома, для обозначенія когда напечатана книга. Въ требникахъ указывается чинъ моленія за царствующій домъ, и даже въ такихъ ужасныхъ выраженіяхъ какъ: "благочестивъйшаго, самодержавнъйшаго, великаго Государа Императора нашего.... "побъды на супротивныя даруяй", "христолюбивое воинство", словомъ, много вещей, которыя, разумъется, несовмъстны съ върноподдан-ствомъ Славянъ Высокой Портъ, а точно также и съ подчиненіемъ тамошнихъ православныхъ перкви пареградской. Въ этихъ требникахъ хотя и поминаются вседенскіе патріврхи, по святвитій синодъ кидается въ глаза болве чвиъ патріархи Константина-града и Новаго Рима.

Чтобъ отличиться предъ турецкимъ правительствомъ, заслужить его довъріе и въ то же время препятствовать южвымъ Славянамъ на каждомъ тагу ихъ сближенія съ Россіей, Чайковскій напалъ на эти требники и сдівлалъ изъ нихъ чуть не государственный вопросъ. Турки, которые богослужебныхъ книгъ христіанскихъ не читаютъ, потому что они и своихъ книгъ не читаютъ, перепугались, узнавъ что дібствительно во многихъ христіанскихъ церквахъ молятся за "благочестивійтаго, самодержавнъйтаго Государя Императора", за его христолюбивое воинство и за святьйтій правительствующій синодъ. Цареградская патріархія тоже обрадовалась этому

[•] За исключеніемъ двукъ-трекъ кашть печатавныхъ въ типографіи Болгарина г. Экварка.

открытію-со Славянами у пея распря идеть не на животь, а на смерть. Превозносители единства константинопольской перкви уже начали истреблять древне-болгарскія библіотеки и поэтому оказались отличными пособниками Чайковскому въ раз**ру**шеніц московитскихъ интригь. Они тоже спасали Саввянь отъ милы и хлада съвернаго. Побщими силами, фанріоты, Поляки, Армяне-католики, при помощи французскаго посольства, раскинули по Турніи праую свть шніоновь. Французскіе консулы, обыкновенно, народъ не получившій блестящаго образованія: ихъ набирають изъ мелкихъ чивовниковъ парижскаго министерства иностранныхъ дваъ, ал изъ людей! почему-либо имъющихъ протекцію у министра Какъ Французы вообще, французскіе консулы убъядены что Парижъ есть центръ міра, что Французы самый передовой народъ, что интересы Франціи суть интересы пр вилизаціи, и что еслибы какой-пибудь катаклизмъ погубиль Францію, то родъ человіческій впаль бы въ варварство. Есл Французъ вдеть служить въ Турнію, то опъ смотрить на себя исключительно какъ на миссіонера-проповъдника французской пивилизаціи, какъ на человека который должень вкуmuть варварамъ достоинство парижскихъ модъ, bons mots и заставить ихъ благоговъть предъ существующимъ франпузскимъ правительствомъ, которое, во всякомъ случав, единственный на земномъ шаръ провозвъстникъ илей великой naniu.

Несмотря на врожденную Французанъ потребность къ двательности и агитаціямъ, французскіе дипломатическіе агенты никакъ не могли сойтись со Славянами, потому что драгоманами у нихъ были, по большей части. Греки, фанаріоты, дурно расположенные къ Славянамъ. А Славяне сам сойтись съ Французами не могли, потому что по-французски не знають. Чайковскій блестящимь образомь разрубия этоть гордіевь узель. Теперь почти въ каждомъ францурскомъ консульствъ переводчиками, секретарями, по краблей мъръ разсыльными, служать Поляки, разумъется изъ эмигрантовъ, и эти Поляки непремънно агенты или Чарторыйскаго или Мерославскаго. Намъ кажется, что если Турџа просуществуеть еще авть съ двадцать, то даже и консумы французскіе будуть кровные Поляки, что ужь и начинается. Понятно подъ какой надзоръ попади Славяне, и какъ прочно и кръпко организовалась эта своего рода полиція.

Важдый изъ членовъ ея ужь и прежде быль туркофиломъ, а сверхъ того, связанный личнымъ интересомъ съ французскимъ правительствомъ и съ Hôtel Lambert, онъ долженъ, во что бы то ни стало, заявлять свою двятельность неусыпнымъ надзоромъ за мъстными славянскими и греческими передовыми людьми. Рапортъ требуется съ него, по крайней мъръ, разъ въ мъсяцъ. Хоть эти рапорты и пишутся въ видъ простыхъ дружескихъ писемъ, хотя въ сношеніяхъ между собою эмигрантовъ нътъ ничего офиціальнаго и формальнаго, но все-таки каждому хочется отличиться другъ предъ другомъ своею дъятельностію. Матеріалу много не наберешь, но за спаетнями дъло никогда не станетъ: одинъ сказалъ такое-то неосторожное слово, другой другое, и изъ-за неосторожнаго слова выходить исторія.

Но благодаря польской безтактности, эта организація шпіоновъ оказывается теперь крайне вредною для самого польскаго діла. Славяне везді встрічали Поляковъ по-братски, слушали ихъ разказы о русскомъ варварстві, о Сабири, качали головой, крутили усы и говорили что все-таки Бізлый Царь нашъ Царь, потому что онъ христіанскую впру исповіздуєть.

Въ странъ подобной Турпіи, гдъ свободному слову и свободному мижнію довольно просторно, если не по закону, то по турецкой безпечности, люди редко ссорятся изъ-за убъжденій. Болгары и Сербы отлично сжились бы съ Поляками, которые учили ихъ мазуркъ и французской кадрили, на сторонъ которыхъ былъ прекрасный полъ, видящій въ нихъ избавителей отъ духоты теремовъ; но Поляки, первымъ же двломъ, до такой степени круго повели пропаганду противъ Россіи и противъ православія, что отъ нихъ все малопо-малу стало отпатываться. Поляки вездъ видъли русскія деньги, вездъ видъли русскія интриги. Они во имя интересовъ пивилизаціи стали подавать доносы на Славянъ. Доносы эти оказывались большею частію неосновательными, основанными или на недоразуменияхь, или на пустыхъ сплетвахъ, такъ что Турки и Греки, при всемъ желаніи найти поводъ къ обвинению, оправдывали подсудимыхъ, предварительво наделавъ имъ, разумется, всевозможныхъ непріятностей.

Чемъ крепче усаживались Поляки во французскихъ консульствахъ, чемъ более сближались они съ австрійскими консулами, которые ихъ, впрочемъ, не очень-то долюбливаютъ,

тьмъ тире и тире становилась пропасть между ними и южными Славянами. Передовые люди славянства съ Поляками не ссорятся и не заявляють къ нимъ ни мальйшей вражды, но за то довольно назвать себя въ Турціи Полякомъ чтобы никто изъ мъстныхъ жителей вамъ не довърялъ. Русскаго, Француза, Англичанина зазовутъ въ гости, Поляка никогда, развъ въ случать крайней надобности, или когда того непремъню требуетъ въжливость.

Болгаре считають почти преступленіемъ, изменой паролвому двау, говорить съ Поляками о своихъ народныхъ льавхъ: а когда Поляки завели для нихъ, при помощи Франпузовъ, унію, то Болгаре перестали даже знаться съ Франпузами, возненавидели Англичанъ и Американцевъ за проповеди протестантства, и не изъ особенной преданкости православию, а просто потому что перемъна въры, по мъствымъ условіямъ, значить здівсь переміна народности. Армяне грегоріанскаго въроисповъданія патріоты, Армане - уніаты считають себя почти Французами и более соблюдають интересы инсилизаціи чемъ армянской народности. По миаости Поляковъ болгарскій пародъ чуть-чуть не распался на нъсколько въроисповъданій, по милости Поляковъ затрудвево поступленіе болгарской молодежи въ наши гимпазіи и университеты; затруднено полученіе русскихъ книгъ, газетъ, хотя французскія и всакія другія, даже революціонныя, опи могуть читать совершенно свободно; по милости Поляковъ болгарскія перкви лишены перковной утвари, приходскіе увздные учителя подвергаются ежеминутной опасности быть обвиненными въ пропагандъ панславизма. Словомъ, Чайковскій, служа Польшь, сдылаль услугу Россіи, потому что южвые Славяне, кром'в Россіи, не видять теперь ни одной державы, ни одной силы, которая помогла бы имъ безкорыство. Если Россія для нихъ очень мало двлаеть, то все-таки она вичего имъ положительно не объщветь и не интригуеть въ ихъ средь, какъ интригують Французы и Австрійцы.

Другимъ, тоже блестящимъ дѣломъ Чайковскаго были споменія съ Кавказомъ, при помощи его агента-Поляка, настоящаго имени котораго я теперь не помию, но извѣстваго въ Сербіи и на Кавказѣ подъ именемъ Ленуара. Это былъчеловѣкъ очень бойкій, ловкій, дѣятельный, умѣвшій воюду пробраться и вездѣ замутить воду. Чайковскій сблизился въ Царѣградѣ съ горцами нашего праваго фланга, которые

постоянно вздили въ Царьградъ, какъ мы Русскіе вздимъ въ Парижъ. Царьградъ для Черкесовъ имълъ значение столины міра. Тамъ они заимствовались манерами, тамъ учились грамотв, утверждались въ мусульманствв, узнавали о поли-тикв и заискивали протекции у Порты. Порта никогда ни въ чемъ не отказываеть и объщаеть все. Вы можете лобиться аудіенціи у великаго визиря и представить ему записку о выгодахъ заведенія турепкихъ колоній въ Архангельски, или подать прошение о присылки туренкихи войски въ Костромскую губернію, которую вы намерены взбунтовать и савлаться въ пей владетельнымъ княземъ вассальнымъ Турціи. Вамъ скажуть что это очень трудно, но если вы станете настаивать, вась попросять подождать покуда дело поступить въ "Диванъ" (государственный совъть). Но если и тамъ дело затянется, то вы можете просить пересмотреть ваше прошеніе; положительнаго отказа вамъ не будеть. Вамъ будутъ говорить что Порта очень ценить ваше предложеніе, обсуждаеть его, и готова помочь вамъ коть сію минуту, по при настоящемъ положении ся дипломатическихъ отношеній съ прочими державами, она находить себя вы-нужденною попросить васъ подождать. Порта никогда ни отъ чего не отказывается; она поддерживаетъ всехъ, она объщаетъ все, она сочувствуетъ всему и не дълаетъ ровно ничего. Черкесы постоянно получали отъ Порты завъренія что она очень сочувствуеть ихъ двлу, и что поможеть имъ, по что такъ какъ въ настоящую минуту политическія, финансовыя и другія отношенія... то Черкесамъ надобно подождать. Черкесы и ждали, пока не подвернулся Чайковскій со своимъ агентомъ.

Вопервыхъ, разсуждалъ онъ, Черкесы народъ такой же рыцарскій народъ какъ Поляки и Южно-Руссы,—это народъ который имъетъ дворянство, то-есть который чтитъ и личную доблесть, и доблесть предковъ; а народъ который могъ произвести изъ себя родовую аристократію имъетъ стремленіе къвыстимъ идеаламъ, къ идеаламъ чести, рыцарства, сталобыть ко всему изящному и великому. Аристократъ, не нуждаясь въ черной работъ, можетъ жить жизнью рыцаря и поэта, а потому ему не чуждъ доступъ къ сокровищницъ искусствъ и знанія, въками накопленной родомъ человъческимъ. Онъ почерпнетъ изъ нея науку и искусство и передастъ ихъ массъ чернаго народа. Благородному племени Черке-

Digitized by Google

совъ грозить печальная участь быть завоеванными грубыми и дикими Московпами. Между тъмъ, по естественному духов. ному сродству, Полякъ всегда любилъ Черкеса, а Черкесъ всегда видьль въ польскомъ шляхтичь такого же рыцаря, какъ онъ самъ. Въ союзъ Польши и юной Руси непремънно долженъ вступить Лонъ, родина столькихъ рыпарей. Уралъ. Волга и естественнымъ образомъ-Кавказъ. Сдвлать это твиъ легче. что въ русской арміц на Кавказ'я служить пропасть офицеровъ и солдать-Поляковъ; стоить только "кличъ кликнуть", и всъ сорвуть съ себя мундиръ надвтый на нихъ деспотизмомъ и перейдуть въ ряды Черкесовъ. У Черкесовъ, при по-мощи Поляковъ, Малороссовъ, линейныхъ, донскихъ, волжскихъ и томскихъ казаковъ, которые, разумъется, какъ вародъ рыцарскій, тоже не преминуть стряхнуть съ себя петербургское иго. Кавказъ освободится, и деспотизму Москалей на ютв будетъ положенъ прочный предвлъ. Западная Европа, само собою разументся, рада будеть подобному освобожденію отъ всемертващаго царства зимы и поддержить святое дело.

Черкесскіе князья слушали и похваливали этоть проекть. Говорили съ ними люди очевидно умные, бывалые, имъющіе связи-люди, на языкъ которыхъ постоянно вертвлись даже Черкесамъ извъстныя имена вождей европейской дипломатіи, и Черкесы стали принимать къ себъ въ горы польскихъ агентовъ. Но на правомъ фланга, какъ извъстно, преобладаль полнейшій феодализмь. Черкесскіе пин (князья) ссорились между собою, племя ходило на племя, кровкая месть поднимала пълыя войны: о Кавказъ никто не заботился, даже власть Шамиля, этого горнаго революціонера и организатора, туда не проникала. Кавказскій правый фланть кипаль своими домашними делами, которыя совершенно заслоняли отъ него всякіе интересы пивилизаціи и всякіе политическіе союзы съ Дономъ, съ Украйной и съ Польшей. Ленуаръ, отправивmiйся туда изв Стамбула организовать Черкесовъ и переманивать къ нимъ русскихъ солдатъ и офицеровъ изъ Полаковъ, чуть-чуть было не погибъ. Въ него измъннически выстрвации, пуля засвла, кажется, въ животъ. Онъ прожидъ съ нею года три или четыре и умерь гдв-то на Западв, чутьли не въ Женевъ, въ страшныхъ мученіяхъ. Польскіе солдаты и польскіе офицеры точно также не пошли къ горцамъ, потому что горцы не двлали ни мальйшаго отличія между

Полякомъ и Русскимъ и всехъ пленныхъ одинаково обращали въ рабство. Пойти въ горы значило добровольно пойти въ рабы, а если и не въ рабы, то вмешаться въ домашнія распри Черкесовъ, въ которыхъ не та такъ другая сторона грозила смертью.

Несмотря на всёвти неблагопріятныя обстоятельства, Чайковскій пользовался огромнымъ уваженіемъ Черкесовъ, по крайней мърв ихъ пии. Масса народа, разумъется, его не знала, но для князей Чайковскій былъ все-таки провозвъстникомъ новыхъ началъ, истолкователемъ политики и безкорыстнымъ другомъ независимости Кавказа. Онъ совътовалъ имъ сближаться между собою; стараться улаживать взаимныя недоразумънія; организовать нъчто въ родъ Швейцарской республики. Въ послъдствіи даже конституція Швейцарскаго Союза была переведена для нихъ на татарскій языкъ и ходила у нихъ по рукамъ.

"Но, говорили Черкесы, мы слабы тыть что у насъ ныть центральной власти. Намъ нуженъ султанъ. Повиноваться Шамилю мы не хотимъ, потому что Шамиль человъкъ жестокій, потому что онъ одно племя возвышаетъ предъ другимъ, и потому что Шамиль вводитъ равенство. А вотъ еслибы нашелся человъкъ умный, ученый, храбрый воинъ, который принялъ бы исламъ и пошелъ бы къ намъ въ султаны, пришелъ бы къ намъ съ войскомъ, умълъ бы насъ усмирять въ нашихъ распряхъ,—было бы намъ хорошо."

Въ архивъ Hôtel Lambert я самъ видълъ письма стариковъ праваго фланга къ князю Адаму, съ просъбой прислать имъ одного изъ своихъ сыновей въ султаны, и съ приглашеніемъ польской эмиграціи поселяться въ горахъ, вместо того чтобы сидеть безъ дела во Франціи, въ Англіи, въ Италіи, вивсто того чтобы безъ всякой цвли драться съ Арабами въ Алжиръ, или съ Парагвайнами въ Южной Америкъ. Почему Чарторыйскій не исполниль этой просьбы, почему не сбываль онь многочисленную польскую эмиграцію на Кавказъ, мяв неизвъстно. Можетъ-быть, онъ самъ не въриль въ возможность подобнаго дела, а дело было тогда, т.-е. въ сороковыхъ годахъ, кажется, весьма исполнимымъ. Доставка оружія на Кавказъ изъ Самсуна и Трапезунда была деломъ вовсе не труднымъ. Доставка людей точно также не представляла большихъ затрудненій. А разъ проложивъ дорогу польской эмиграціи на Кавказъ, устроивъ изъ нея отдельный отрядъ и даже земледельческія колоніи, можно было смело разчитывать на дезертирство Поляковъ изъ кавказскаго корпуса, можно было вести войну съ нами систематическимъ образомъ, и если не отнятъ у насъ Кавказъ, то сделать его больнее чемъ онъ былъ. Наконецъ можно было разчитывать, что въ случать какого-нибудь столкновенія нашего съ Англіей и Франціей, даже съ Турціей, горы были бы для насъ потеряны. На югъ отъ насъ стояла бы тогда грозная, неприступная крипость, разсадникъ всевозможныхъ безпорядковъ у насъ, притонъ всекъ нашихъ враговъ, центръ украинофильской и всякаго рода другой сепаратистской пропаганды.

Но по обстоятельствамъ, которыя будуть разказаны мною посль, Чайковскій быль разжаловань Hôtel Lambert'омъ. На его мъсто поступилъ знаменитый Вержбицкій, потомъ мъсто Вержбинкаго заняль графъ Костельскій, теперь флительадъютанть его величества султана, господинъ, который завъряеть въ дружескомъ разговоръ будто онъ побочный сынъ прусскаго короля, котораго прусскаго короля—я не знаю. Наконецъ, около начала шестидесятыхъ годовъ, въ Лондонъ явился полковникъ Іорданъ. Полковникъ Іорданъ, урожеженецъ Кракова, участвоваль весьма двятельно въ галинійскомъ возстаніц въ 1846 году, потомъ въ 1848 году весьма двятельно участвоваль въ венгерскомъ возстаніи, затемъ пріъхалъ въ Турцію и, не мъняя въры, въ Крымскую войну быль при защить Карса съ генераломъ Вильямсомъ. Турки называли его Іорданъ-бей, и такъ какъ онъ былъ человъкъ довольно сведущій, некогда даже студенть Краковскаго университета, то Hôtel Lambert выбраль его своимъ агентомъ.

Путнаго въ Царвградв Іорданъ, сколько я видвлъ, ничего не двлалъ и ничего не сдвлалъ. Онъ завелъ себв маленькую виллу въ Феери-Кои и маленькую канцелярію въ Перв, куда прівэжалъ каждый день, откуда постоянно велъ какую-то огромную корреспонденцію, гдв онъ держалъ секретаря и гдв, какъ вообще у Поляковъ, происходила комедія, будто всв занятія идутъ оважныхъ государственныхъ вопросахъ.

Человъкъ въ высшей степени нервный, желчный, даже до нъкоторой степени мистикъ (онъ много занимался спиритизмомъ), полковникъ Іорданъ всегда былъ озабоченъ, всегда былъ занятъ, во всъхъ мелкихъ польскихъ эмигрантахъ

вилья своихъ враговъ и всегда носиль въ кармань револьверъ. Человъкъ еще не старый, ему — было лъть всего 38, много 40,-хорошій навздникъ и, по всей въроятности, боепъ, онъ былъ, какъ всв Поляки, подозрителенъ до невозможности. Вообще Полякъ отличается отъ Русскаго темъ что самъ въ себя не върить. Русскій во врагахъ своихъ видить дюдей или безтолковыхъ, или сумащедшихъ, но не видитъ въ нихъ людей подкупленныхъ. Полякъ, кромъ подкупленныхъ, никого не видить. Съ Русскимъ вы можете спорить о томъ видно ли жителямъ планеты Сатурнъ окружающее ее кольпо, или пътъ; Полякъ, которому вы станете доказывать что кольно Сатурна жителямъ Сатурна не можетъ быть видно, непремънно заподозрить вась что вы имжете въ этомъ дъл какойнибуль политическій интересь, и непремінно предположить что вы подкуплены мъстнымъ русскимъ посольствомъ. Полковнику Іордану постоянно казалось что русское посольство имъетъ противъ него какія-то невъроятныя злоумышленія. У Чайковскаго разъ сторъль его деревянный домикь, у полковника Іордана разъ загорълся его тоже деревянный домикъ, и оба они, котя не кланавшіеся другь съ другомъ на улинь, приписывали это несчастие интригамъ нашихъ дипло-MATORS.

Полковникъ Іорданъ, съ своей стороны, въ Россіи никогда не бываль, Россіи никогда не видаль, и самь говориль мнь что я второй Русскій съ которымъ онъ разговариваетъ. "Первый Русскій, говориль онь мив, —сь которымь я виделся и которому протянуль руку, быль Бакунинь, вы-второй." И затыть оказалось, что его свыдынія о Россіи имыли тоть самый колорить который процентаеть во французскихъ журналахъ, а именно тотъ, что у насъ генералы чуть не топчутъ людей по улицамъ; что на перекресткахъ у насъ стоять городовые вооруженными бичами, которыми, для того чтобы не заснуть, клещуть прохожихъ; что у насъ деспотизмъ хуже бухарскаго, коканскаго или авганскаго; что мы завоевали Польшу исключительно для того чтобы грабить ее, и существуемъ мы только на деньги Царства Польскаго и западнаго края. Полковникъ Іорданъ върилъ во все это въ простоть души, и воть ему-то и пришлось вести дело съ Черкесами какъ преемнику Чайковскаго.

Во имя "прогресса и цивилизаціи", полковникъ Іорданъ вступился за благородное племя Черкесовъ, особенно праваго фланта, гдв есть свои пши, и не зная совершенно Россіи, списвася съ Hôtel Lambert и отправилъ черкесскихъ депутатовъ въ Англію. Депутаты эти были три старика, изъ которыхъ одинъ,—не помню теперь его имени,—былъ изсвченъ почти какъ котлета въ бояхъ съ Русскими. Дикіе Черкесы и тутъ вполнъ покориансь Полякамъ, которые во имя цивилизаціи представили ихъ королевъ Викторіи. Королева Викторія, какъ и члены парламента, ни въ чемъ имъ не отказали и ни въ чемъ положительно ихъ не обнадежили. Само собою разумъется, для Англіи было бы чрезвычайно лестно завоевать Кавказъ. Но для того чтобы завладъть Кавказомъ нужно было поднять новую европейскую войну съ нами, а это для Англичанъ пріятнымъ быть не могло.

Трое пши воротились назадъ въ Царыградъ въ то самое время когда я туда прівхалъ.

- Ну, что же? спрашиваль я ихъ.
- Да ничего, отвъчали они весьма грустнымъ тономъ, намъ объщали много *Инглизъ*. Скажи по совъсти, Василійвфенди, сдълаютъ ли они что-нибудь для насъ?

Мвв стало жалко Черкесовъ.

— Ничего, друзья, вамъ Инглизы не подвлаютъ. Самое лучшее что вы можете сдвлать, это—помириться съ нами, съ Русскими.

Тутъ-то между мною и Черкесами и начались переговоры....

в. кельсіевъ.

ФЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ *

Сто сорокъ лътъ назадъ, 9-го февраля 1729 года, въ Костромъ, у костромскато купца Григорія Волкова, родился сывъ, названный Оедоромъ. **

Будущій основатель русскаго театра еще ребенкомъ литился отца, остался сиротою вивств съ братьями Гаврилою и Григоріемъ, которые были еще меньте его. Вдова Волкова, Мареа Романовна, вскорт по смерти перваго мужа, вытла замужъ за ярославскаго купца Полуткина, который

^{*} Статья ета была читана въ собраніи Московскаго Артистическаго Кружка, 9-го феврала вынъшняго года, когда кружокъ праздвовалъ память два рожденія Ө. Г. Волкова.

^{**} Что О. Г. Волковъ родился 9-го февраля утверждають всь его біографы, какъ-то: Новиковъ въ своемъ Опыто историческаго словаря о россійских писателях (стр. 32), безыменный авторъ Banucoke, npunadrescamure ke ucmopiu pocciückazo meampa (naпечатанныхъ въ № 19 Pycckazo за 1868 г.), этой древивитей автописи вашего театра, митрополить Евгеній въ Словари севтскими писателей (т. І, стр. 93), князь А. А. Шаховскій въ Льтописи русскаго театра (помышенной въ Репертуарт 1840 г., № 6, стр. 3), Н. И. Гречъ въ Историческом взглядь на русскій тватрь до navala XIX emoinmin (Pycckan Talin, etp. 36), II. H. Apanoba въ Очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія русскаго театра (Драматическій альбомь, стр. XIV), а также въ своей Лотописи русскаго театра (стр. 49), и другіе. Только одинь Коробановь, въ квига своей Основание русскаго театра (стр. 21), говорить, веизвъстно на какомъ основаніи, что О. Г. Волковъ родился 2-го явваря 1729 г. Показаніе Коробанова ничемъ не подтверждается, а nokasanie Ingukaoned. Aekcukona, usq. Hammapa (t. XI, ctp. 853) что О. Г. родился 2-го февраля, должно-быть, простая опечатка.

имъя кожевенные, селитряные и сърные заводы, * велъ больтой торгь въ Ярославль и Петербургь. Выйля за Полуткина. Мареа Романовна переселилась вывств съ двтьми въ Ярославль. У Полушкина не было своихъ детей, и онъ любилъ пасынковъ какъ родныхъ сыновей. Изъ трехъ братьевъ, Оедоръ особенно отличался своими способностями. ** Въ то время у сосланнаго въ Ярославль герцога Бирона жилъ немецкій пасторъ. Этотъ-то человъкъ первый способствовалъ развитію Оедора Волкова, который ходиль къ нему учиться вивств съ некоторыми изъ своихъ товарищей, въ томъ чисав съ сыномъ ярославскаго протојерея, Иваномъ Асанасьевымъ Нарыковымъ, въ последстви знаменитымъ актеромъ **Імитревскимъ.** Пасторъ, имя котораго, къ сожальнію, не сохранила исторія, уча Волкова и товарищей наменкому языку. даль имъ также и первое понятіе объ искусствахъ. *** Чтобъ еще болье развить прекрасныя способности своего пасынка, Полушкинъ отправилъ его въ Москву учиться въ Заиконоспасскую академію. **** Скоро молодой Волковъ обогналь своихъ сверстниковъ по академіи; успъхи его въ наукахъ были блестящіе, немецкій языкъ Волковъ зналь такъ. что говориль на немъ какъ природный Немець. + Свободное же время Волковъ посвящаль любимому имъ и дорогому ему еще съ детства искусству. Онъ съ раннихъ летъ пель по

^{*} См. Опыть историческаго словаря о рос. писателямь Новикова (стр. 32), Записки, принадлежащія кь исторіи россійскаго театра (Русскій за 1868 г. № 19). Въ этих запискахъ, равно какъ и у Новикова, отчить Волкова, Полуткинъ, называется Федоромъ; а князь А. А. Шаховскій называеть его Иваномъ Трофамовичемъ (см. піесу его Федорь Григорьевичь Волковь, или день розбденія русскаго театра, въ Репертуарь 1840 г. № 6.)

^{**} Cm. ctathio Kacatkuna 6. Γ . Bolkoss, noming. By Mockoschuws Budomocmaws sa 1858 r., N 44, 9kyukloneduseckiŭ Aekcukous (t. XI ctp. 353).

^{***} См. у Н. И. Греча его Историческій взглядь па русскій театрь до пачала XIX впка (стр. 39), а также его же статью Очерки дражатической поззіи въ Репертуарт 1840 г., а равно и въ Энциклопедическом Лексиконп изд. Паютара, т. XVII, стр. 22, и въ стать В Касаткина Ө. Г. Волковъ (Москов. Впдом. 1858 г. № 44).

^{****} Cm. Anmonucs pycckaro meampa knasa A. A. IIIaxobekaro. (Penepmyaps 1840 r., N 6.)

[†] Си. Словаръ Новикова (стр. 32) и Записки принадлежащів къ исторіи россійскаго театра (Русскій, № 19, за 1868 г.).

нотамъ и хорошо игралъ на скрипкв и на давидовой арфв. и кромъ того съ успъхомъ и любовью посвящаль свои досуги живописи, которой онъ выучился еще въ детстве, самоучкой, занимаясь срисовываниемъ окружающихъ его предметовъ. ** Самоучкою же Волковъ выучился разыба и скульптурь, и успыль въ нихъ въ весьма замычательной степени. Доказательствомъ тому служать парскія врата, сделанныя Волковымъ въ прославской перкви Св. Николая Надвина. Они изображають тайную вечерю. На пунцовомъ фонв церковной завъсы выдъляется золотая ръзьба, представляющая горницу (въ восточномъ вкусв). Фигура Спасителя нарисована, отъ нея идуть фигуры Апостоловъ, сдвланныя рельефомъ: ближайшія къ Спасителю барельефомъ, болве отдаденныя рельефомъ, а самыя отдаленныя горельефомъ; красота, отчетливость и изящество работы делають это произведеніе весьма замвчательнымъ. Весь иконостасъ, какъ говорять, исполнень по рисунку Волкова и замечателень по вкусу и изяществу находящихся въ немъ иконъ, по своему художественному достоинству ръзко отличающихся отъ старинной манеры нашихъ иконописцевъ. ***

По словамъ Новикова, въ Ярославлъ сохранилосъ множество картинъ "выдумки и работы Волкова", **** который также занимался и лъпною работой. † Онъ сдълалъ также и бюстъ Петра Великаго изъ мрамора. †† Наконецъ, въ Заиконоспас-

^{*} См. Отечественныя Записки (изд. Свиньина, за 1822 годъ, № XXXII, стр. 301.).

^{**} См. Словарь Новикова (стр. 32) и Записки, припадлежащія къ исторіи рос. театра (Русскій за 1868 г., № 19.) Въ Отечественных Записках Свиньина за 1823 г. Ж XXXV (стр. 372) разказывается, что одинь изъ родственниковъ Волкова подариль П. П. Свиньину картину, представляющую сцену изъ какой-то трагедіи, и въ етой сцень Волковъ изобразиль самого себя и своихъ братьевъ (см. также ст. Касаткина въ Москов. Впдом. за 1858 г. № 44).

^{***} Врата эти и иконостасъ сдъланы Волковынъ въ то время какъ опъ возвратился въ Ярославль послъ своей первой поъздки въ Петербургъ.

^{****} См. Опыть исторического словаря о рос. писателяхь Нови-

⁺ См. Драмат. Альбомь Арапова (стр. XIV).

⁺⁺ См. Опыть исторического словаря Новикова (стр. 33.)

ской академіи суждено было ему познакомиться съ темъ, въ чемъ всв искусства стремятся къ своему соединению, съ театромъ. Еще при царъ Оедоръ Іоанновичъ московская Заukonocnacckaa akagemia, no npumbpy akagemiu kiesckou, gosволяла своимъ ученикамъ, дважды въ годъ, "давать комедіи, что звло полезно къ наставлению и къ резолюціи, сіе есть честной смелости", то-есть съ целію назиданія и для развязности воспитанниковъ академіи. * Въ духовномъ регламенть 1722 года предписано семинаріямъ "заставлять въ свободное время учениковъ разыгрывать нравственныя комедін". Поэтому студенты Заиконоспасской академіи, во время святокъ и другихъ праздпиковъ, разыгрывали театральныя піесы, а преподаватели академіи сочиняли для нихъ духовныя драмы, которыя, вивств съ мистеріями Өеофана Прокоповича, Димитрія Ростовскаго и др., а также и пъкоторыми свътскими піесами, оставшимися еще отъ театра царя Алексвя Михайловича, и составляли репертуаръ Заиконоспасской академін. ** И Мольеръ быль игранъ на

^{*} См. Исторію славяно-греко-латинской академіи, соч. Смирпова (стр. 189).

^{**} Въ развые торжественные (церковные) дви, предъ начатиемъпоста, а иногда и во время свътскихъ торжествъ, въ академіи были разыгрываены комедіи: О пиролюбию и Лазарь, Изображеніе втораго пришествія Господня, Царство міра идолослуженіемь раззоренное и возстановленное христіанствомь, Бозсів наказанів гордых в уничижителей чрез смиренного Давида, и др., сочипенныя для этихъ случаевъ учителями академіи. До пасъ дошан программы этихъ півсь, въ которыхъ всего дийствія вици и событія івроглифически образив являются (Древияя Вивліовика IX, 461). Въ академіи игрались также историческія траги-комедіи Өеофана Прокоповича: Убівнів Ярополка братоми Владиміроми, ч Bradunips oms mener neorpie ke commy coancereckomy apusedenный, написанныя по академическому обычаю и игранныя сначала въ Kiebt, notont by Mocket (Anmonucs pycckazo meampa Apanoba, стр. 22), а также его мистеріи и духовныя драмы Димитрія Ростовckaro: Ycnenckan, Anumpiesckan, Possedecmsenckan, Bockpecenckan, Эсопры и Агасферы и Кающійся грышники. Къ репертуару Заикопоспасской академіи могли припадлежать и следующія светскія піссы, сохранившіяся отъ времень царя Алексія Михайловича: 1) О Prenmainen kopoin Inupckons u o Mupandonn cunn ezo u o прочихь; 2) О честномь измыникь, вы ней же первая персона арууют (герпогъ) Фредерикт фонт-Поплей; 3) Донт Педро, почи-

сцень этой академіи: игрался его Le medecin malgre lui, подъ заглавіємъ Докторъ принужденный, или въ переводь временъ цара Алексьа Михайловича, или въ переводь одъланномъ, какъ говорять, царевною Софьею Алексьевною. Въ этихъ-то театральныхъ представленіяхъ академіи участвовалъ Волковъ, отличался какъ актеръ и страстно полюбилъ сценическое искусство, ставшее цълію его жизни.

По окончаніи ученія въ 1746 году, когда Волкову было семнадцать леть, Полушкинь отправиль его въ Петербургь * съ кожевеннымъ товаромъ. Тамъ Оедоръ Григорьевичъ поступиль въ пемецкую торговую контору для навыка въ бухгалтеріи и торговав. Кромв того, Полушкинъ поручиль ему вести въ Петербурга вса его торговые отпуски и разчеты. Талантливой и богатой натуры Волкова хватало на все. Торговыя дела своего вотчима онъ велъ прекрасно, а запятіями своими по конторь онъ заслужиль полную дюбовь козаина, который за его быстрый, двятельный умъ и за замъчательныя способности полюбиль его какъ сына. Разъ хозяинъ взяль его въ придворный театръ, въ которомъ давалась италіянская опера. Туть-то въ первый разъ Волковъ увидаль настоящій театрь и пришель вы страшный восторгь. Волковъ весь спектакль быль словно какъ въ лихорадкъ. Въ то время въ сухопутномъ кадетскомъ корпусъ устроенъ быль небольшой домашній театрь, на которомь кадеты разыгрывали сочиненія своего корпуснаго офицера, А. П. Сумарокова. Услыхалъ Волковъ объ этихъ спектакляхъ, и больпо захотвлось ему побывать въ нихъ, а чего намъ хочется, того ны большею частію добьемся. И Волковъ попаль за кулисы на одинъ изъ калетскихъ спектаклей. Играли Синава и Тривора Сумарокова. Самъ Волковъ разказываль, объ

танной шляхта, и Атариллись, дочь его; 4) Прельщенный любящій; 5) Тюрежный заключенникь пли принць Пикельгярингь; 6) О крыпости Грубетона, вы ней эбе первая персона Александры, царь Македонскій; 7) Сципій Африканскій, погубленіе королевы Софонизбы; 8) О графинь тріерской Геновевы; 9) Два завлеванные города, вы ней эбе первая персона Юлій Цезарь; 10) Постоянный Папиньянусь; 11) Порода Геркулесова, вы ней эбе первая персона Юпитеры; 12) О Баязеть и Тамерлань: 18) Докторы принуэбденный (Русская Талія, 1825 г., стр. 11—12, и Дражатич. Альбомь, изд. Арапова, стр. VI).

[•] См. Опыть истор. словаря, Новикова, стр. 33.

этомъ спектакав, что когда "онъ увидвать кадета Бекетова въ роли Синава, то пришелъ въ такое восхищеніе, что самъ не зналъ гдв былъ, на земав или на небесахъ". Съ этихъ поръ въ немъ зародилась мысль завести во что бы то ни стало свой театръ. * И вотъ Волковъ неотступно сталъ стремиться къ осуществленію этой мысли. Онъ сталъ посвщать бывшую тогда въ Петербургв нъмецкую комедію и италіянскую оперу. Посъщалъ также и французскіе спектакли. **

Всего ближе сошелся Волковъ съ италіянскою оперною труппой и познакомился съ нъкоторыми ея членами. Овъ сталъ изучать устройство театра, срисовывалъ декораціи, чертилъ распредъленіе сцены, спималъ модели, изучалъ театральный механизмъ и разспрашивалъ артистовъ италіянской оперы о правилахъ сценической игры и постановки. Все

^{*} Cm. Inmonuce pyckaro meampa knasa A. A. IIIaxobekaro (Penepmyaps 1840 r., № 6).

^{**} Въ это время, то-есть въ 1748 и 1749 годахъ, "былъ въ Петербургъ, какъ разказываетъ Я. Я. Штелинъ, съ своимъ комедіавтскимъ обществомъ г. Аккерманъ, который имълъ свой собственный театръ, сдъланный имъ самимъ, комедіанты сего общества и самъ директоръ ихъ Аккерманъ, прославившійся посла въ Гамбурга и Бераинь, играли довольно хорошо". Посыщая этоть театрь, Волковь познакомился и сблизился, благодаря отличному знанію намецкаго языка, какъ съ самимъ Аккерманомъ, такъ и съ его лучтими въ то врема актерами, "панталономъ Гельфердингомъ и гардекиномъ Скеаяри". Изъ бумать А. П. Сумарокова известно, что Гельфердингь особенно отличался въ серіозныхъ, а Школарій въ комическихъ ролахъ. Въ это же время въ манеже герцога Курляндскаго, переделанномъв театръ, подъ дирекціей Сериньи, который обязался за 25.000 р. въ годъ представлять еженедфльно комедіи и трагедіи, давала спектакли фравпузская труппа. Лучшими актерами въ ней считались: Белуа, Ракуръ, Розимундъ, Префлери и актриса Префлери. На Италіанскомъ театря въ это время давались большія оперы: Александры, Титово жилосерdie (La clemenza di Tito) Esdokcia, Jemogonme u komuneckia: Servapadrona, Dgiocatore u пр. Еще въ 1787 г. придворный капельмейстеръ Арайя поставиль первую лирическую драму Aliasare, а всавдъ за нею и вторую Semiramide. Изъ певицъ особенно славились въ то время: Нунціата и Манфредини; изъ певцовъ кастраты: Карсемини, Салети и буффъ Компаси. Представленіями отими, разказываетъ Штелинъ, "дворъ и публика весьма довольны были". (См. статью Касаткина въ Моск. Впд. 1858 г., № 44).

видънное и слышанное имъ о театральномъ дъл онъ записываль, чтобъ втими записками, рисунками и чертежами воспользоваться въ послъдствіи при устройствъ задуманнато имъ русскаго театра. * Не переставалъ Волковъ заниматься и другими искусствами, какъ-то: живописью и музыкой, которую онъ изучилъ въ это время гораздо основательнъе, но большую часть свободнаго времени посвящалъ на переводы нъмецкихъ и италіянскихъ піссъ. А между тъмъ онъ не препебрегалъ и своими занятіями по конторъ и торговыми дълами отчима, которыя онъ привелъ въ цвътущее состояніе.

Два года прожилъ Волковъ въ Петербургв и потомъ возвратился въ Ярославль. Мать и вотчимъ встретили его съ благодарностью и любовью. Вскорт Волковъ умтель пріобрвсть всеобщее уважение Ярославцевъ какъ умный, дельный и образованный человъкъ. Тутъ-то Волковъ приступаеть къ осуществленію своей зав'ятной мечты, своего задушевнаго желанія, къ устройству русскаго театра. Прежде всего опъ принялся готовить актеровъ для своего театра, сталъ обучать драматическому искусству братьевъ своихъ, Григорья и Гаврилу, а также и своихъ знакомыхъ мальчиковъ, двухъ братьевъ Поповыхъ, Чулкова, Нарыкова и др. Разказывая имъ о вильнныхъ имъ въ Петербургь театральныхъ представленіяхъ, Волковъ нередко пробоваль разыгрывать съ ними въ своей комнать разныя сцены и піесы. ** Онъ сумълъ вдохнуть въ своихъ молодыхъ учениковъ любовь къ театру, учепіе шло въ прокъ, и вотъ, убъдившись что актеры его достаточно уже приготовлены, онъ задумаль въ день именинъ своего вотчима устроить спектакль. Театромъ для этого спектакля Волковъ избралъ одно изъ каменныхъ зданій со сводами, служившее Полушкину кожевеннымъ амбаромъ. *** Въ этомъ амбаръ, тайно отъ вотчима, Волковъ устроилъ театръ, съ декораціями и машинами, осветиль его плошками и добыль для оркестра двъ скрипки и гусли.

Въ день именинъ Полуткина, послъ объда, Волковъ пригласилъ вотчима и его гостей посмотръть устроенное имъ

^{*} См. Опыть историч. словаря Новикова, стр. 34; Іптопись Русскаго театра князя Шаховскаго (Репертуарь 1840 г., № 6).

^{**} См. статью Kacarkura O. Г. Boskoes (Mock. Bnd. 1858 г., N 44).

^{***} См. Ярославскій сборникь 1851 г., стр. 181, примыч. 6.

театральное представленіе. Въ чисть гостей Полуткина находились тогдатній арославскій воевода Мусинъ-Путкинъ и арославскій поміщикъ Майковъ (отецъ стихотворца Василія Ивановича Майкова). Войдя въ амбаръ и увидавъ устроенный въ немъ Волковымъ театръ, гости были пріятно поражены новымъ для нихъ зрізлищемъ. Но восторгь еще боліве увеличился, когда предъ ними была сыграна піеса Эсоирь. *

За Эсоирью последовала пастораль Эсмонг и Бероа, слова которой были переведены съ немецкаго, а музыка сочинена самимъ Волковымъ. Бероу игралъ Нарыковъ, Эвмона—меньшой Поповъ. ** Гости Полуткина, не исключая и самого воеводы, были въ восторге. Мать Волкова плакала, Полуткинъ былъ вне себя отъ восхищенія. Особенно удивили его облака, которыя "ходили вверхъ и внизъ какъ настоящія". *** Успехъ решилъ участь Волкова; съ этой минуты онъ былъ актеръ, и званію этому остался веренъ до самой смерти. Когда, въ последствіи, при восшествіи на престолъ, импера-

[•] Большая часть біографовъ Волкова, начиная съ князя А. А. Шаховскаго, говорять, что піеса Эсепрь вырожнию была тапереведенная съ пъмецкаго "комедія о томъ, какъ Артаксерксъ вельль повъсить Анана", которая давалась еще при парт Алекств Михайловичъ. Но съ такою же въроятностью можно предположить что это была написанная Св. Димитріемъ Ростовскимъ піеса Эсепрь. Въ пользу втого предположенія говорять любовь и уваженіе, которыя питаль Волковъ къ произведеніямъ Димитрія Ростовского, піесы котораго. какъ мы увидимъ въ последствін, онъ даже не поскучаль переписать каллиграфически для Екатерины II. Правда, по словамъ княза Шаховскаго, въ піесь данной на первомъ прославскомъ спектакав Ө. Г. Волковъ играль роль Артаксеркса, а въ піссь Димитрія Ростовскаго царь назывался Агасферомъ, но развъ кн. Шаховской, полагая что игранная піеса была комедіц о томъ, какъ Артаксерксь вельдъ повысить Амана", не могъ, передавая разказъ Джитревскаго объ этомъ спектакав, вивсто имени "Агасферъ" поставить имя "Артаксерксъ"?

^{**} См. Льтопись русскаго театра (Реперт. 1840 г.). С. Н. Гаинка въ своихъ Очеркажь жизни и избранным сочинениям А. П. Сумарокова, говорить, будто со саовъ П. И. Сумарокова, что для перваго своего спектакая въ сараф, Волковъ сыграль Хорева Сумарокова и Люкаря противу воли Мольера, но вто показание не подтверждается никакими другими источниками.

^{***} Слова Полушкина, переданныя И. А. Диитревскимъ князю А. А. Шаховскому. (См. его Литопись русскаго театра.)

трица Екатерина II жаловала его дворянствомъ и 700 душъ крестьянъ, онъ отказался.* Онъ со слезами благодарности просиль государыню, чтобъ вту награду она пожаловала его женатому брату, а ему позволила остаться въ томъ званіи и состояніи, которому онъ обязанъ своею извъстностью и самыми монаршими милостями. Императрица исполнила его желаніе. **

Мусинъ-Путкинъ и Майковъ просили Волкова не прекращать театральныхъ представленій; они сами пожертвовали на устройство театра вначительныя суммы, а Майковъ даже предлагаль для театра свой собственный домъ. *** Потомъ они уговорили ярославскихъ дворянъ и купцовъ сделать пожертвованія на театръ. Волковъ сталь въ томъ же кожевенномъ амбаръ по праздникамъ давать спектакли, въ которыхъ разыгрывалъ піесы вынесенныя изъ семинаріи, какъто мистеріи Св. Димитрія Ростовскаго, Шемякинг судт и нъкоторыя переведенныя самимъ Волковымъ въ Петербургъ піесы. Скоро въ одномъ изъ сараєвъ на заводъ вотчима, находившемся на берегу Волги, на мъстъ гдъ Ярославцы любили гулять въ летнее время, Волковъ также устроилъ небольшой театръ. **** Такъ продолжалось до смерти Полушкина. Со смертію его, Волковъ, сделавшись самъ хозаиномъ, приступиль къ постройкъ настоящаго театра, къ пожертвованнымъ

^{*} Историческія извъстія о россійском театрь (Съверный Архивь, ч. IV, стр. 179), Энциклопедическій Лексиконь, т. XI, стр. 355, Основаніе русскаго театра, Коробанова, стр. 41.

^{**} Коробановъ и Араповъ утверждаютъ, что вта милость оказана была среднему брату Федора Григорьевича, Гавриль, но съ большею достовърностью можно сказать, что если она была оказана, такъ меньшому его брату, Григорію. Доказательствомъ втого служитъ то, что Гаврила Волковъ и по смерти своего брата Федора Григорьевича остался актеромъ, какъ ето мы видимъ изъ штата актеровъ 1767 г., который приведенъ Гречемъ въ его Историческомъ езгляди на русскій театръ (Русская Талія 1825 г., стр. 28), и въ которомъ подъ № 5 значится: "Гаврила Волковъ—стариковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ, 400 руб. жалованія въ годъ Между тъмъ Григорій Волковъ скоро оставиль театръ и вступиль въ гражданскую службу Русская Талія, стр. 24.) Не сдълаль ли онъ етого по полученіи дворянства и 700 душъ крестьянъ?

^{***} Cm. Pyckyn Taxin, crp. 20.

^{****} См. Ярославскій литературный сборникь 1851 г., стр. 114.

Прославцами деньгамъ приложилъ свои собственныя, и началъ строить дереванный театръ по всемъ правиламъ тогдамняго механизма. Въ этомъ театръ онъ самъ былъ и архитекторомъ, и машинистомъ, и декораторомъ, и композиторомъ, и авторомъ, и режиссеромъ и, первымъ актеромъ.

Театръ этотъ быль торжественно открыть въ 1750 году представленіемъ оперы Метастазіо Титово милосердів (Свеmenza di Tito), переведенной съ италіянскаго саминъ Волковымъ. * Оркестръ состояль изъ помещичьихъ музыкантовъ (въ то время было много крипостныхъ дворовыхъ оркестровъ). хоры пъли архіерейскіе пъвчіе, а труппу Волкова составляли два его брата, патріаршіе дворяне Нарыковъ и два Попова, регистраторъ Иконпиковъ, пирильникъ Шумскій, ава купеческіе брата Егоровы, Михайловъ, Чулковъ и родственникъ Волкова Соколовъ. ** Нарыковъ и Поповъ играли женскія роли. Устройство театра, при тогдашнемъ предубъжденіи противъ спеническихъ игрищъ, не безъ хлопоть обоплось Волкову, но онъ восторжествоваль. Ярославны скоро полюбили его театръ и охотно посъщали его, такъ что скоро Волковъ могь уже брать плату съ своихъ зрителей; театръ Волкова былъ постоявно половъ. *** Занимавшіе переднія скамейки платили по пятаку, среднія-по алтыну, а заднія по копфікь. ****

^{*} См. статью Штелива въ С. Петербургском в Выстика 1779 г., т. IV, стр. 92, Ярославскій литературный сборник стр. 116, также у Арапова въ его Драматическом в Альбоми, стр. XVI, у Коробанова въ его Основаніи русскаго театра, стр. 25, и въ Энциклопедическом в Лексикони Плютара, т. XI, стр. 354.

^{**} См. Ярославскій литературный сборникь, также у Арапова и у Коробанова.

^{***} Pycckas Talis crp. 20.

^{****} Гречь въ своемъ Историческом в езгляди на русскій театрь (см. Русскую Талію, стр. 20) говорить, что Воаковь сталь брать за входь плату: въ кресла 25, въ партеръ по 10, въ галлерею по 5, въ раекъ по 3 коп. То же самое повторяеть и Серебраниковъ въ Ярославском в литературном сборники (стр. 116), основывая эти слова на показаніи П. Сумарокова въ Отечественных Записках 1822 г. (декабрь, ХХХІІ, стр. 303). Касаткинъ же, въ стать своей О. Г. Волковъ (Московск. Впдом. 1858 г., № 44), опровергаеть это показаніе, говора что "въ театръ Воакова, конечно, не было еще ми крессах, ни партера, ни галлерей, но только одни райки". Но почем

Скоро о театръ Воакова узнали и въ Петербургъ. Въ 1751 г. въ Ярославаь была командирована коммиссія для изследодованія заочнотребленій по винными откупами. Вы состави этой коммиссіи находидся сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ. Онъ часто посъщаль театръ Волкова и по прівздв въ Петербургь разказаль объ этой новинкь, объ ярославскомъ русскомъ театръ, генералъ-прокурору князю Никитъ Юрьевичу Трубепкому, а князь доложиль объ этомъ императрицъ Елисаветь Петровив. Императрина была чрезвычайно доволька сообщенною ей новостью и тотчась же повеляла немедленно вызвать ярославских комедіянтовъ. Сепатскій регистраторь Лашковъ быль немедленно послань въ Ярославль съ приказаніемъ привезти въ Петербургъ всю трупну Волкова. Молодые актеры, въ числъ 14 человъкъ, были снабжены отъ казны теплою одеждой и на почтовыхъ привезены прямо въ Царское Село, гав въ то время жила Елизавета. * Она негерпаливо желала видать ихъ игру, ласково приняла ижъ и приказала имъ на другой же день прівзда представить на ея домашнемъ театръ трагедію Сумарокова Хореез. **

же не было? Вёдь ужь туть дёло идеть не о кожевенномъ сараё, а объ особомъ зданіи, построенномъ Волковымъ со спеціальною цёлію служить театромъ и притомъ построенномъ по образцу петербургскаго придворнаго театра, въ которомъ, следовательно, могли быть даже и ложи. И почему въ театре Волкова могли быть только райки? Скорее можно согласиться, что у него въ театре могъ быть только партеръ.

^{*} Историческое извъстие о Россійскомъ театръ, изъ записокъ А. М. (см. Съверный Архивъ, ч. IV, стр. 179); Основаніе русскаго театра Коробанова (стр. 25 и 26); Лътописъ русскаго театра Къ. А. А. Шаховскаго (Репертуаръ 1840 г. № 6); Русская Талія (стр. 20).

[•] Митрополить Евгеній въ своемь Словарт русских сеттских писателей (т. І стр. 96) говорить, что Ярославцы по прівздъ своемь прежде всего сыграли Кающагося грышника Димитрія Ростовскаго, а потомъ уже сыграли Хорева, Синава и Трувора и Гамлета, во вто извъстіе не подтверждается другими источниками. Князь Шаховской въ своей Лютописи русскаго театра приводить савдующее тогдатье распредъленіе ролей въ Синава и Труворю: Синавъ О. Волковъ, Труворъ стартій Поповъ, Гостомыслъ—Гр. Волковъ, Въстникъ—Гаврила Волковъ, пажь—Иванъ Соколовъ, Ильмена—Иванъ Нарыковъ.

Императрица сама наблюдала за приготовленіями къ спектаклю; въ ея присутствіи кроили и шили костюмы. Вія играль Θ . Волковъ, Хорева — Поповъ, Астраду — Гр. Волковъ, а Оспельду — Ив. Нарыковъ. Когда онъ былъ одеть въ костюнъ Оспельды, императрица сама стала убирать ему голову брилліантами.

- Какъ твое имя? спросила императрица.
- Нарыковъ, отвъчалъ молодой семинаристъ.
- Нътъ, ты очень похожъ на кавалера польскаго посомства графа Дмитревскаго, сказала Елизавета,—и потому а хочу чтобы ты принялъ его фамилію. *

И перекрещенный императрицей Дмитревскій сдівавь данное ему имя знаменитымъ.

Представленіе молодыхъ Ярославцевъ такъ поправилось императрицѣ, что имъ приказано было дать еще немедленно четыре представленія, въ которыхъ они повторили Хорева, потомъ дали Синава и Трувора, Артистону и наконецъ Галлета въ Сумароковской передълкѣ. ** Особенно поправилось представленіе Хорева. Тронутая до слезъ государыня призвала къ себѣ автора піесы, Сумарокова, подарила ему перстень съ своей руки, обласкала Волкова и труппу его оставила при дворѣ.

Вскоръ послъ того высочайте повельно было лучших членовъ труппы, Оедора Волкова, брата его Григорія, Ливтревскаго, Шумскаго и Попова помъстить въ кадетскій корпусъ въ первую роту, "для необходимаго театральным артистамъ обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастики". *** И актеры Волковской труппы поняли эти драгоцівнныя слова. Они сділались не только актерами, но и высокообразованными людьми. Дмитревскій былъ въ послівдствіи членомъ Россійской академіи, обога-

^{*} Cm. Pycckym Talim (crp. 39).

^{**} П. Сумароковъ (см. Отеч. записки изд. Свиньина 1822 г. декабрь, № XXXII, стр. 306) говоритъ, что со времени предстаменій Ярославцевъ, "кадеты уже не были призываемы ко двору для представленій", какъ это дълалось прежде.

^{***} Anmonucs pycckazo meampa, kn. A. A. IIIaxobekaro (Penepmy aps., 1840 r., Nº 6). Истор. взелядь на русскій театрь Греча (Русская Талія, 1825 г., отр. 21).

тиль русскій театры многими піссами, какъ переводными, * такъ и оригинальными, быль первымъ устроителемъ театральнаго училища, своими совътами помогаль многимь начинаюшимъ артистамъ и литераторамъ, написалъ похвальное слово Сумарокову (помъщенное во 2-й части сочиненій и переводовъ Россійской академіи), несколько мелкихъ стихотвореній (напечатанных въ Трудолюбивой Пчель) и исторію русскаго театра, къ сожальню, утраченную. И накоторые другіе изъ товарищей Волкова прославились какъ литераторы: Поповъ издалъ свои сочиненія и переводы подъ названіемъ Лосигова и написаль десять томовъ русскихъ сказокъ и старинныя диковинки, кром'в того онъ написаль несколько стихотвореній, славанское баснословіе, одноактную комелію Отгадай, не скажу и комическую оперу Анюта, немного уступающую Аблесимовскому Мельнику, и перевель ивсколько піесъ, въ томъ числе Севильскаго упрольника Бомарте. Чулкову принадлежить Пересмъшника и множество другахъ забавныхъ разказовъ, и кромъ того оригинальная одноактива комедія Какт хочешь назови. Соколовъ сочиниль комедію Сибирскій шаманз и другія піесы, игранныя на театрів съ большимъ успъхомъ. О литературныхъ трудахъ О. Г. Волкова a ckasky nocats.

Жадный къ знаніямъ и убѣжденный что безъ науки мертво и само искусство, Волковъ до того желалъ просвѣщенія что, не находя въ тогдашнемъ Петербургь нужныхъ для себя пособій, не только не жалѣяъ своего жалованья, по даже закладывалъ свою одежду чтобы добыть изъ-за моря нужныя книги: Коробановъ, въ своемъ сочиненіи Основанів русскаго театра, приводить любопытное "покорнѣйшее доношеніе въ канцелярію Шляхетнаго кадетскаго корпуса, находящихся въ ономъ комедіантовъ Федора и Григорія Волковыхъ". Въ этомъ доношеніи Ф. Волковъ просить выдать ему и его брату причитающееся имъ за весь 1756 годъ жалованье, чтобы выкупить вещи заложенныя имъ для уплаты за выписанныя имъ изъ-за моря книги, на покупку которыхъ онъ заложилъ свою лисью епанчу за 19 рублей, да

[•] Онь перевель трагедіи: Бесерлей, Игрокь, Безбозсникь, оперы: Діанино дресо, Рюдкая вещь, передільна на русскіе правы комодіи: Раздумчиські, Демократь, Лунатикь, и сочиниль оперу Танюша или счастливая встрыча и др. півсы.

суконный красный плащь за 13 руб. А Григорыю Волкову нужны были 2 руб. для покупки Жильблаза на французскомъ языкъ. * Поступившинъ въ корпусъ товарищамъ Волкова, а также и присоединеннымъ къ нимъ восьми молодымъ придворнымъ пъвчимъ, было назначено жалованья по

"Hokopratimes gonomenie.

"Предъ нѣкоторымъ временемъ выписалъ я Оедоръ Волковъ изъва моря потребныхъ для меня нѣсколько книгъ театральныхъ и проспективическихъ, но какъ я не имълъ заплатить за оныя готовыхъ у себя тогда денегъ, іто принужденъ былъ нѣкоторыя свои вещи, о которыхъ упомявуто будетъ, заложивъ, занять и на то употребитъ. Но понеже тѣ заложенныя вѣщи мнѣ нынѣ, а особливо для наступающаго вимняго времени, весьма нужны, то, какъ необходимо должно оныя откупить такъ и вновь покупкою исправиться, такожъ и мвѣ, Григорью Волкову, потребное для себя по причинѣ приходящаго вимняго времени купить надлежитъ, а что и кому надобно о томъ въ приложенномъ ресстрѣ изяснено.

"Того ради канцелярію Шляхетнаго кадетскаго корпуса покормійте просимъ въ разсужденіи предписанной необходимости выдать принадлежащее намъ, Ел Императорскаго Величества жалованье за весь вынішній 1766 годъ, сколько причтется.

"И на сіе покоричите просимъ учинить милостивую резолюцію. Семтября 1756 года. Өедоръ Волковъ, Григорей Волковъ.

Ревстръ: Өедору Волкову. На выкупъ:

Епанчи лисей	19	руб.		kon.	
Haama cykonnaro kpacnaro	18				
Ha nokynky:					
Тулупа калышкаго	8				
Штановъ кафовыхъ	3				
Фуфайки теплой	1				
Одвала бумажнаго	3		50		
На сапоги валичныя	2		50		
На содержание служителей	5	,	_		
На пудру и помаду и протчей мелочной рас-					
ходъ	2		_		
Итого.	57		_		•

^{*} Both by nogaumukt eto gonomenie:

[&]quot;Въ канцелярію Шляхетваго кадетскаго корвуса, ваходящихся въ опомъ комедіавтовъ Оедора и Григорья Волковыхъ

50 руб. и по парѣ въ годъ суковнаго платъя, Өедору Волкову по 100 руб. * Менѣе способные товарищи Волкова, не поступивтие въ корпусъ, были награждены и отправлены обратно въ Ярославль. ** Въ корпусъ же поступило 12 человъкъ, какъ ярославскихъ актеровъ, такъ и спавтихъ съ голоса придворныхъ пѣвчихъ. *** Ихъ было велѣно содержатъ во всемъ противъ кадетовъ, "а вмѣсто мундира сдѣлать изъ дикаго одинакаго сукнаго платъя того же цвѣта и подбоя съ телковыми или гарусными петлями и пуговицами, таяпы съ волотымъ позументомъ, да каждому по одной парѣ чулковъ

Григорью Волкову.

Шубы волчей	14		_	,	
Сапоговъ личныхъ	2	,	5 0	,	
Пряжекъ съ композиціей	1	,	_	,	
Фуфайки теплой			_		
Четырекъ томовъ Жилблаза на франц. азыкъ.			_		
Штановъ кафовыхъ		••	-		
Двукъ паръ чулковъ шелковыхъ			50		
Струнъ скрипичныхъ	_2	,	-		
Итого.	26		_		

(Cm. Ocnosanie Pycckaso meampa, Kopobanoba, crp. 106-109).

^{*} Какъ это видко изъ отношенія изъ кабинета ея императорскаго величества, въ канцелярію шляхетнаго кадетскаго корпуса, отъ 8-го марта 1756 года, за подписью барока Черкасова; отношеніе это помъщено въ приложеніять къ книгъ Коробанова Основаніе Русскаго театра (стр. 98—99).

^{**} Это были: регистраторъ Иконвиковъ, купеческій сынъ Скачковъ, два брата Егоровы и Михайловъ (см. От. Зап. 1822 г., XII, 304, 306).

^{***} Избранные въ актеры пъвчіе и Ярославцы поступали въ кадетскій корпусь для обученія ихъ въ следующемъ порядке: въ 1852 г., 14-го марта певчіе: 1) Петръ Власьевъ, 2) Григорій Емельяновъ, 3) Павель Ивановъ, 4) Козьма Лукьяновъ, 5) Оедоръ Максимовъ, 6) Евстаеій Григорьевъ и 7) Лука Ивановъ. Того же 10-го сентября "арославскіе комедіанты: 1) Иванъ Дмитревскій и 2) Алексей Поповъ". Въ 1754 г. 20-го января, ся императорскаго величества певчій Прокофій Приказный. Того же года февраля 26-го и марта 21-го московскіе комедіанты: 1) Григорій и 2) Оедоръ Волковы (см. Списокъ комедіантовъ, обучавшихся въ кадетскомъ корпусь, приложенный къ книгь Коробанова Основаніе русскаго театра, стр. 104).

гарусныхъ, съ двумя парами батмаковъ, а бълье и на рубатки и манитки онымъ давать противъ кадетъ, а тпатъ и прочей амуниціи не давать. * Занятія въ кадетскомъ корпусть не препятствовали обучающихся въ немъ комедіантовъ довольно пертако приглатать во дворецъ, гдт они, для удовольствія императрицы, давали свои представленія. Эти комедіанты состояли подъ начальствомъ оберъ-тталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова и сначала садились за общій столь съ кадетами.

Кромѣ наукъ, молодыхъ актеровъ обучалъ декламаціи капитанъ-поручикъ Мелиссино, еще прежде прославившійся своею игрой въ роли Кія въ Хоревъ: Съ ними занимался также драматическимъ искусствомъ и самъ Сумароковъ, которому Волковъ не мало обязанъ своею простою, полною чувства игрой. Сумарокову и Мелиссино въ втихъ занятіяхъ помогали также капитанъ-поручикъ Остервальдъ и прапорщикъ Свистуновъ. ** Въ свободное отъ занятій время Волковъ принался было за устройство маленькаго театра изъ куколъ, имъ самимъ весьма искусно сдъланныхъ, но не кончилъ его. *** Кромѣ того Волковъ, по-прежнему, занимался музыкой, рисованьемъ и другими предметами, какъ говоритъ митрополитъ Евгеній, "коихъ знанія ему недоставало". ****

Въ 1752 году поступили на сцену первыя русскія актрисы Зарина и Михайлова; въ 1756 г. къ нимъ присоединились еще двъ сестры Марья и Ольга Ананьины и Мусина-Пушкина, всъ три офицерскія дочери, † а 30-го августа того же года былъ данъ сенату именной указъ объ учрежденіи

^{*} Тамъ же, стр. 104—105. Въ посатаствіи актерамъ даны были и шпаги.

^{**} Ск. Очерки жизни и избр. соч. А. П. Сумарокова, изд. С. Н. Гаинки, т. I, стр. 54.

^{***} См. Опыть истор. словаря о россійск. писателяхь Новикова, стр. 38.

^{****} Словарь русских свътских писателей, т. І, стр. 97.

[†] Въ посавдствіи Марья Ананьина вышла замужь за Григорья Волкова, Ольга — за Шумскаго, а Аграфена Михайловна Мусина-Пушкина—за Дмитревскаго. Она играла, какъ показано въ штата актеровъ 1767 г., роли первыхъ субретокъ въ комедіяхъ и королевъ въ трагедіяхъ, и получала жалованья 600 руб. въ годъ (см. Русскую Талію, стр. 29).

русскаго театра. * Съ этого указа офиціально считается начало русскаго театра. **

Указомъ этимъ повельвалось: избрать, кромъ обучавшихся въ корпусы пывчихъ и Ярославцевъ, приличное число актеровъ и актрисъ и на содержаніе ихъ отпускать ежегодно изъ штатной конторы 5.000 руб.; дирекція театровъ поручалась бригадиру Александру Сумарокову. Первымъ актеромъ былъ назначенъ Ө. Г. Волковъ. Такъ какъ постройки въ Головинскомъ дворцъ еще не были окончены, то для русской труппы былъ отданъ другой театръ, находившійся возлітняю деревяннаго дворца. Спектакли давались два раза въ недълю. Публику въ театръ пускали безденежно, и мъста

^{** 80-}го августа 1856 г. высочайте было повельно праздвовать столежной юбилей русского театра, по потомъ это торжество, по случаю коронаціи Государя Императора Александра Николаевича, было отложено до 6-го декабря того же года.

^{*} Вотъ этотъ указъ: "Повельли мы нынь учредить русской для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать Гоаовинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ острову, близь кадетскаго дома. А для опаго повельли набрать актеровъ и актрисъ: актеровъ изъ обучающихся певчихъ и Ярославцевъ въ калетскомъ корпусь, которые къ тому будуть надобны, а въ дополнение еще къ вимъ актеровъ изъ другихъ веслужащихъ людей, также и актрисъ примичное чисмо. На содержавіе оваго театра опредвлить по симв сего нашего указа, считая отъ сего времени въ годъ денежной суммы по 5.000 руб., которую отпускать изъ штатсъ-конторы всегда въ началь года по подписании нашего указа. Для надвирания дома опредвляется изъ копіистовъ лейбъ-кампаніи, Алексви Дьяконовъ, котораго пожаловали мы армейскимъ подпоручикомъ, съ жадованьемъ изъ положенной на театръ суммы по 250 руб. въ годъ. Опредванть въ опый домъ, гдв учрежденъ театръ, пристойный карауль. Дирекція того русскаго театра поручается оть насъ бригадиру Александру Сумарокову, которому изъ той же суммы опредъаяется сверхъ его бригадирскаго оклада раціонныхъ и деньщичьихъ денегь въ годъ по 1.000 р., и заслуженное имъ по бригадирскому чину, съ пожалованья его въ оный чинъ, жалованье, въ дополнение къ полковничью окладу додать и впредь выдавать полное годовое бригадирское жаловање; а его, бригадира Сумарокова, изъ армейскаго списка не выключать. А какое жаловатье, какъ актеранъ и актрисамъ, такъ и прочимъ при театръ производить, о томъ ему, бригадиру Сумарокову, отъ двора данъ реестръ. О чемъ нашему се-BATY YTURUTE no cemy namemy ykasy." (Cm. Hoan. Coop. 3ak. t. XIV, стр. 613. № 10.599).

отдавались по чинамъ. По словамъ записокъ Штелина. * съ 1757 г. стали въ театръ пускать публику за депьги, которыя и причислялись къ 5.000 р. ассигнованнымъ на содержаніе театра. Тогдашній репертуаръ составляли піесы Сумарокова. Хераскова. Дмитревского и др. Піесы Ломоносова игрались весьма редко, какъ свидетельствуетъ Штелинъ. ** Не мало игралось піесъ переводныхъ, и въ числе ихъ Полівовть Корпеля и Андромака Расина, и почти весь Мольеръ. Особеннымъ успъхомъ изъ піесь Мольера пользовались Амфитріонг. Скапеновы обманы и Люкарь протива воли. Въ это время талантъ Волкова выказался въ полномъ блески и, по словамъ современниковъ, превосходилъ даже дарованіе знаменитаго Лмитревскаго. Читая стихи своихъ ролей песколько протяжно, на распевъ, Волковъ своимъ звучнымъ и гармоническимъ голосомъ и исполненною страсти игрою, по словамъ современниковъ, увлекалъ и соотечественниковъ, и иностранцевъ. Штелинъ въ С.-Петербиреском Въстицкъ за 1779 г. называетъ характеръ его игры бъщенымь. *** то-есть порывистымь, исполненнымь жара и васхновенія. Хотя Волковъ быль актерь самоучка и не видаль ведикихъ образновъ драматическаго искусства, но иностранцы, видъвшіе его игру, отзывались о немъ какъ о великомъ актеръ. **** По словамъ Штелина, "Волковъ съ одинаковою силою играль и комическія, и трагическія роли. † Авторъ Недоросля, Фонвизинъ, въ своемъ "Чистосердечномъ признаніи", говоря о знакомствъ своемъ съ Волковымъ, называеть его "мужемъ великаго разума, который имфлъ большія способности и могь бы быть человъкомъ государственнымъ".

Въ 1759 г., Сумароковъ, радъя о распространеніи русскаго театра, испросилъ высочайшее разръшеніе отправить Волкова съ Шумскимъ въ Москву, для устройства и тамъ русскаго театра. †† Въ Москвъ они нашли театръ уже устро

^{*} С.-Петербургскій Впстикь 1779 г. т. IV, стр. 98.

^{**} Тамъ же, стр. 99.

^{***} Тамъ же, стр. 94.

^{****} Драматическій Альбомь Арапова, стр. XVIII.

⁺ С.-Петербургскій Впстиикь 1779 г. т. IV, стр. 94.

^{††} Опыть истор. словаря о россійских писателях Новиков, стр. 39; Записки, принадлежащія къ исторіи россійскаго театра (Русскій 1868 г., № 19).

енвымъ въ домв Локатели, у Краснаго пруда. Театръ этотъ состояль подъ покровительствомъ Московскаго университета. Директоромъ этого театра быль М. М. Херасковъ, а актерами большею частію студенты Московскаго университета. Изъ нихъ особенно отличались, какъ актеры, И. И. Булгаковъ и Д. И. Фонвизинъ, въ последствии авторъ Недоросля.* Въ самый день прівзда Волкова въ Москву, на этомъ театрв играли двв увеселительных драмы: Обращенный мірь и Сердечный жагнить, переведенныя съ италіянскаго студентомъ Е. Булгаковымъ, а также комическую драму Графя Карамелм, тоже переведенную съ италіянскаго студентомъ Каринымъ. ** Вскоръ по возвращени Волкова въ Петербургъ. театръ въ домъ Локателли разстроился, и Волковъ выпросиль разръшение перевести въ Петербургъ съ московскаго театра знаменитую тогдашнюю актрису Троепольскую съ жадованьемъ по 600 р. въ годъ, *** а также и ся мужа, актрису Михайлову, съ жалованьемъ по 450 р., **** и нъсколькихъ московскихъ студентовъ, особенно отличавшихся на Локателлісвомъ театръ, † Волкову хотвлось видеть, какое впечатленіе произведеть на настоящемь театр'в замечательная драма moralité Imurpia Poctobokaro Kamuitca epimunuks, u ons Buпросидъ позволение сыграть ее. Императрица, всегда благоволивтая къ талаптацвому Волкову, дала свое согласіе и Кающійся грошнике быль представлень со всемь великолепісмъ возможнымъ въ тогдатнее время. ††

Въ самое Рождество 1761 года скончалась императрица Елизавета Петровна, и по случаю ел кончины, театры были закрыты, но со вступленіемъ на престолъ Екатерины II въ 1762 году, какъ говоритъ Штелинъ, "начались паки на всътъ театрахъ представленія." ††† Спектакли, какъ русскіе, такъ и

††† С.-Петербургскій Вистинк 1779 г. т. ІV, октабрь, стр. 255.

^{*} Драматическій Альбомь Арапова, стр. XIX.

^{**} Cm. статью Kacarkuna Mockos. Впдом. 1858 г. № 47.

^{***} См. Русскую Талію, стр. 29.

^{****} См. темъ же.

[†] Драматическій Альбомь Арапова, стр. XX, Русская Талія стр. 24.

^{††} Энциклопедическій Лексиконь Плюшара, т. ХІ, стр. 855. Основаніе русскаго театра Коробанова, стр. 88. Ярослав. литерат. сборникь 1851 г., стр. 120—121. Яраматическій Альболь Арапова, стр. ХХІ. Есть также указанія, что при императриць Елизаветь играна и другая драма Димитрія Ростовскаго, Эсепрь.

иностранные, были распределены по днямъ, и для русскихъ назначена была середа.*

Осенью 1762 года, по случаю коронаціи Екатерины, придворнымъ актерамъ было предписано отправиться въ Москву, но по прівздв въ эту столицу Волковъ игралъ одинътолько разъ, въ трагедіи Сумарокова Семира. Это была его последняя роль.

По случаю прибытія Екатерины въ Москву для коронаціи, открылся рядъ блестящихъ праздниковъ. Въ числъ ихъ одно изъ первыхъ мъстъ занимаетъ громадный маскарадъ, мысль и устройство котораго принадлежатъ Волкову. Сочинивъ планъ своего великолъпнаго сатирическаго маскарада: Тор-Эсествующая Минереа, Волковъ обратился къ Хераскову, который изготовилъ ему объяснительные къ его программъ стихи. Сумарокова Волковъ упросилъ написатъ хоры, а нъ-которые написалъ самъ. Послъ большихъ хлопотъ, все было наконецъ устроено: костюмы и матины были готовы, и 30-го ляваря 1763 года появилась афита, которою извъщалось:

"Сего мъсяца 30-го и февраля 1-го и 2-го, то-есть въ четвертокъ, субботу и воскресенье, по улицамъ: Большой Нъмецкой, по объимъ Басманнымъ, по Мясницкой и Покровкъ, отъ 10-ти часовъ утра за поляни, будетъ въздить большой маскарадъ, названный Торэсествующая Минеера, въ которомъ изъявится гнусность пороковъ и слава добродътели. По возвращении онаго къ горамъ, начнутъ кататься, и на сдъланномъ на то театръ представятъ народу разныя игралища, пляски, комедіи кукольныя, фокусъ-покусъ и разныя тълодвиженія, станутъ доставать деньги своимъ проворствомъ, охотники бъгаться на лошадяхъ и прочее; кто оное видъть желаетъ, могутъ туда собираться и кататься съ горъ во всю недълю масленицы, съ утра и до ночи, въ маскъ и безъ маски, кто какъ похочетъ, всякаго званія люди."

Наступили назначенные дни, и этотъ громадный маскарадъ тронулся торжественнымъ шествіемъ по московскимъ улицамъ. Двъсти огромныхъ колесницъ, устроенныхъ мехапикомъ Брегонціемъ, были везены запряженными въ нихъ, отъ 12-ти до 24-хъ въ каждой, разубранными волами. Дъйствовавшихъ въ этомъ маскарадъ, большею частію набранныхъ изъ охотниковъ, было до 4.000 человъкъ. **

^{*} Тамъ же, сентябрь, стр. 166 и 167.

^{**} Отечественныя Записки, 1823 г., № 35, стр. 372. Ярославскій

Маскарадное мествіе открывалось предвозв'ястникомъ торжества со свитою и разделено было на отделения. Предъ кажаымъ несли на богато-украшенномъ шеств особевный знакъ. Первый знакъ былъ обвътанъ куклами и колокольчиками съ надписью: "Упражненіе малоумныхъ". За нимъ следоваль коръ певцовъ и музыкантовъ, пересмежавтій слабомысліе и дурачество. Это быль дворь Момуса. Больтія литавры издавали произительный звукъ, и два знамени Момуса бренчали звонками: везди прсколько театровъ. на которыхъ вертвансь и прыгали куклы, а по сторонамъ вхало двенадцать человекъ на деревянныхъ коняхъ съ погремушками. Флейтщики и барабаншики шли въ блестящихъ кольчугахъ. Далве вхалъ верхомъ Родомонтъ, представитель глупыхъ забіякъ, бренча своею саблей и поглялывая на всв стороны съ презрительно, наглою осанкой; за нимъ савдоваль каррикатурный пажь, поддерживая его длинную косу. Служители комическаго старика-пустохвала, въ шутовскомъ платыв, несли открытый портшезъ, въ которомъ сидълъ пустохвалъ, спъсивясь богатствомъ и щегольствомъ. Потомъ шелъ надутый педантъ, сопровождаемый скоморохами, книгохранительница сумазброднаго врада волокла коробъ съ его фоліантами; дикари, представляя невъждъ, бъжали гурьбой за педантомъ. Лалве следоваль ардекинъ. Левнадцать человъкъ въ шутовскомъ платьъ, съ бубнами и погремушками, скакали предъ быкомъ, которато вели двое прислужниковъ; на быкъ сидълъ человъкъ, держа въ рукъ домъ, вертящійся на всв стороны. Момусь, покровитель шутовства, со своею свитой, заключаль первое отделение маскарада, и далеко раздавались съ присвистомъ и прискачкой хоры весельчаковъ.

Второе отделене представляло *пъянство*, следующее за невежествомъ. Знакъ предъ нимъ былъ увенчанъ виноград-

литературный сборникь, стр. 123. Подробности этого маскарада описаны въ особой книжкъ, напечатанной въ 1763 г. въ Москвъ при университетъ, но эта книжка составляетъ большую ръдкость, и я пользовался не ею, а перепечаткой ея въ Москвитянинть 1850 г. за октябрь мъсяцъ, стр. 109—128. Къ сожалънію, книжка эта въ Москвитянинть, какъ говоритъ Касаткинъ въ № 48 Москосск. Впосмостей за 1858 г., перепечатана съ нъкоторыми цензурными пропусками. При описаніи этого маскарада я пользовался и статьей Малака за 1840 годъ.

ными кистями, надъ которыми возвышалась козливая голова: нались на знака: Смиха и безстыдство. Показалась украшенная хрусталемъ и раковинами пещера Пана, окруженная плятущими и поющими нимфами. Сатиры и вакханки въ зеленыхъ вънкахъ, съ жезлами обвитыми виноградными кистями, шли съ плясками; иныя несли корзины винограда, другія прыгали, звеня въ бряпалки и стуча въ тамбурины. Дряжлые сатиры жали на козаахъ, пересивхаемые бътущими за ними; двое подвигались на свиньяхь и двое шли съ обезьянами. Колесница Бахуса везена была тиграми. Коздоногая свита следовада за Бахусомъ, стуча въ тамбурины: вели осла на которомъ покачивался пьяный Силенъ, поддерживаемый сатирами. Наконепъ, народъ съ кохотомъ вильдъ какъ пъянины ташили силяшаго на бочкъ толстаго, красполицаго откупщика; къ бочкъ были прикованы пъпями корчемники и пъловальники съ мърками. Двъ стойки съ винными флягами, окруженныя игравшими на гудкать, балалайкахъ, рыляхъ и волынкахъ, заключали отдъленіе Бахуса, сопровождавшееся хоромъ пьянипъ.

Предъ третьимъ отдъленіемъ маскарада быль знакъ ши щить съ надписью: Дъйстей злыхъ сердеуъ. Знакъ этотъ представляль астреба терзающаго голубя, паука спускающагося на муху, кошачью голову съ мышью въ зубать и лисицу давящую пътуха. Нестройный хоръ пъвцовъ и музыкантовъ шелъ въ видъ разныхъ животныхъ, представителей Эзоповыхъ басенъ. Наконецъ появилосъ Несогласіе, окруженное бойцами и борцами, которые нападали другъ на друга, махая ножами и кинжалами; три фуріи, хлещущія бичами, преслъдовали ихъ.

Отделеніе четвертое представляло Обмань. На знаке была изображена маска, окруженная змении, кроющимися вы розака, съ надписью: Пагубная прелесть. За знакомъ шли претаны и цыганки, пьющіе, поющіе и плятущіе; колдуны и ворожей приманивали стаю чертей и чертенять. Обмань, окруженный аферистами и прожектерами, быль предшествуемы хоромъ, исчислявшимъ разные виды обмановъ.

Отделеніе пятое было посвящено посрамленію невъжсеть. На знакт выставлень быль нетопырь, черныя стти и ослиная голова. Хоръ представляль слинкъ, ведущихъ друга друга; четыре человтика, держа замерящихъ зити, грти и отдували ихъ. Невъжество величалось на ослъ, и толпа лъвивыхъ, эъвая, сопровождала Праздность и Злословіе.

Отавленіе местое обличало ябеду и лихоимство. На знакв видно было изображение гарпіи, окруженной крапивой, крючками, денежными мътками и изломанными въсами. Подъ знакомъ надпись: Всеобщая пагуба. Ябедники, сопровождаемые духами ябеды, и стряпчій крючкотворецъ открывали тествіе. Подъячіе тли со знаменами, на которыхъ написапо было крупными буквами: застра. Нъсколько замаскированных длиными, огромными крючьями тащили за собою взяточниковъ, обвъщенныхъ крючками; повъренные и сочинители ябедъ шли съ сътъми, опутывая и стравливая идущихъ людей разнаго званія; хромая Правда тащилась на костыляхъ съ переломаенными въсами, сутяти и аферисты гнали ее, колотя въ спину туго набитыми денежными мъшками. Лихоимство, прислуживаемое криводушниками, сильло на айнахъ, изъ которыхъ вылуплялись гарпіи. При хорь: "Взятки жизни красота", два пріятеля, Кривосудъ Обираловъ и Взятколюбъ Обдираловъ, вхали, бесвдуя о взяткахъ, а прислужники ихъ разсыпали вокругь на пути крапивныя свиена. Наконецъ шли обобранные тяжущіеся съ пустыми мешками, печально опустивъ головы.

Отделеніе седьмое имело на знаке изображенія летающихъ четвероногихъ звърей и человъческое лицо, обращенное внизъ: оно представляло лірв на выворотв. Хоръ былъ въ одеждахъ на изнанку, два трубача вхали на верблюдахъ, а литаврщикъ на быкъ, четверо шли задомъ; слуги въ ливреяхъ везли открытую карету, въ которой разлеглась лоmадь; щеголи везли другую kapery, съ посаженною въ ней обезьяною; ивсколько карлицъ съ трудомъ поспевали за великанами, за ними полвигалась люлька со спеленатымъ въ ней старикомъ, котораго кормилъ мальчикъ. Въ другой люлькъ лежала старушка, играла въ куклы и сосала рожокъ, а за нею присматривала маленькая дівочка съ розгой; накопецъ, везли свинью, покоющуюся на розахъ; за нею брелъ оркестръ певновъ и музыкантовъ, въ которомъ главныя лина были: поющій осель и козель игравшій на скрипкь; четыре малара вхали на коровахъ. Діогенъ съ фонаремъ въ рукъ катился на бочкъ. Гераклитъ и Демокритъ, смъхъ и горе, песли шаръ земной, а за ними шесть вътряныхъ мельницъ, махая крыльями, представляли любителей пустословія. Отделеніе восьмое назначено было къ осменнію Тщеславів и спъси. Знакъ укращался павлиньимъ квостомъ, окруженнымъ нарцизами, а подъ ними зеркало съ отразившенося въ немъ надутою карей и съ надписью: Самолюбіє безъ достоинется. Хоръ составляли невольники. За трубачами и литаврщиками сандовали скороходы, слуги, пажи, гайдуки, предшествуя пышной каретъ спъси и окружая ее.

Отделеніе девятое представаваю Мотовство и Бидность съ сопровождающими ихъ. На знаке виденъ быль опрокинутый рогь изобилія, изъ котораго сыпались золото и соръ, съ надписью: Безпечность о добрть. Хоръ тель въ павтьяхъ общитыхъ картами, два знамени были составлены изъ множества ститыхъ картъ. Потомъ ти рядомъ пиковый валетъ, король и дама, после того червонные, потомъ бубновые. Ихъ сопровождала слепая фортуна. За нею ти съ гордымъ видомъ счастливые игроки, печальные и съ растрепанными волосами ти прочигравтиеся, за ними брели девнадцать нищихъ съ котомками.

Целая толпа картежниковъ, съ колодами картъ, сопровождала шествіе, замыкавшееся колесницей Венеры, съ сидящимъ возле нея Купидономъ. Несколько мущинъ и женщинъ привязаны было цевтами къ колеснице; наконецъ, шли Роскошь, Бедность и Скупость со своими последователями: мотами, убогими и скрягами въ характерныхъ маскахъ; четырнадцать кузнецовъ шли за скрагами; за ними подвигалась огнедышащая Этна, на которой Вулканъ съ циклопами ковалъ громовыя стрелы на пораженіе пороковъ.

Все это составляло только половину маскараднаго шествія, другая была еще великольпные.

Она открывалась колесницей Юпитера громовержца, и последующія за ней группы были одна другой пріятиве. За хоромъ пастуховъ, игравшихъ на флейтахъ, следовали девнадцать пастушекъ. Хоръ детей съ оливковыми ветвами славилъ дли золотаго века и сошествіе Астреи на землю.

Двадцать четыре часа, въ одеждѣ блестящей золотомъ, окружали золотую колесницу, въ которой Астрея призывала улыбкой радость. Ее сопровождалъ хоръ поэтовъ, увънчанныхъ лаврами; далѣе появился цѣлый Парнасъ съ музами и Аполлонъ въ колесницѣ.

Земледальцы съ орудіями полевыхъ работъ, искусства,

науки, художества, при звукѣ трубъ и литавръ, предшествовали колесницѣ Добродѣтели, которую окружали сановитые старцы въ бѣлой одеждѣ и лавровыхъ вѣнкатъ. Герои, наиболѣе прославленные исторіей, ѣхали на бѣлыхъ конахъ; за ними шли законедатели и философы. Хоръ дѣтей, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ зеленѣющими вѣтвями, съ вѣнками на головахъ, предшествовалъ колесницѣ торжествующей Минервы. Надъ нею видна была Побѣда и Слава. Хоръ и оркестръ гремѣли:

> Веселитеся вароды, Воздухъ, и земля, и воды, Матерь ваша, Россы, вамъ . Затворила Ява храмъ.

Маскарадное шествіе заключалось горой Діаны, озаренною лучезарными світилами.*

Три дня двигался этотъ маскарадъ по московскимъ улицамъ. Несмотря на холодную погоду, балконы и окна были наполнены зрителями; самыя крыши домовъ были покрыты любопытными, и кромъ того множество народа провожало эту процессію по улицамъ, а еще болъе многолюдныя толпы встръчали ее, по возвращеніи, у зимнихъ горъ, освъщенныхъ разноцвътными огнями. **

Но дорого заплатиль Волковь за втоть маскарадь: онъ стоиль ему жизни. Разъвзжая верхомь для наблюденія за порядкомь маскарада, Волковь сильно простудился и слеть въ постель. Новиковъ *** говорить, что Волковъ получиль сильную простуду, потомь горячку, и скоро, несмотря на всв медицинскія пособія, его не стало. Онъ скончался 4-го апрыла 1763 г., на 35 году отъ рожденія. Какъ разказывають Записки принадлежащія къ исторіи Россійскаго театра, твло Волкова съ великольпіемъ и богатою церемоніей погребено въ присутствіи знатньйшихъ придворныхъ кавалеровъ и великаго множества людей различнаго сословія въ Андронниковъ монастырь". ****

^{*} Masks 1840 r. Mockosckis l'ydepuckis Bndomocmu 1852 r., N 52, Anmpakms 1864 r. N 48.

^{**} CTates Kacatkura be Mock. Bndom. 1858 r. Nº 48.

^{***} Опыть исторического словаря о россійских писателях, стр. 40.

^{****} *Pycckiŭ* 1868 r. № 19.

Сумароковъ на смерть Волкова написаль элегію, посвя-

Большая часть литературных трудовъ Волкова состоитъ изъ переводовъ. ** Кром'в пасторали Эвлонз и Берва, переведенной съ въмецкаго, имъ переведена съ италіянскаго опера Метастазіо Титово милосердів, и еще въсколько комедій съ въмецкаго. Овъ перевель также въкоторыя комедіи Мольера, а именно: Любовъ докторъ, Жоробъ Данденъ, Les précieuses ridicules и Сицилівуъ. Кром'в того, имъ переведены съ французскаго піесы: Волшебный повсъ Руссо и Обланутый, прибитый и довольный опекунъ Данкура.

** Ласкинь вы своей статью, Ө. Г. Волковь, основатель русскаго театра, помещенной вы Русским Видомостам 1869 г., № 38, говорить, что Волковь, переды отывадомы своимы вы Петербургы, поставиль на своемы Ярославскомы театры комедію своего сочиненія: Всякой Еремей про себя разумий, по неизвыстно откуда г. Лыскимы заимствоваль вто свыдыніе.

^{*} Воть эта "Элегія къ Дицтревскому на смерть Волкова": Продей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный, Воспавчь и возрыдай и растреваи вавсы! Преставился мой другь, прости мой другь любезвый! На въки Воакова пресъклися часы! Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ. Пегасовъ предо мной источникъ замерзаетъ. Расиновъ я театръ явиль, о Россы! ванъ. Богина! я тебъ поставиль пышный хрань! Въ пебытіе теперь сей храмъ перепесется, II ocnobanie ero yme rpacerca. Се сиысла моего и тщакія плоды! Се въка пълаго прилежность и труды! Диитревскій! что зачлень ны съ сей теперь судьбою! Разстанся Волковъ пашъ со мною и съ тобою, И съ музами на въкъ. Возари на гробъ его. Оплачь, оплачь со мной ты друга своего, Котораго, какъ насъ, потомство не забудеть: Переломи кинжаль; котурна ужь не будеть. Простись съ отторженнымъ отъ драмы и отъ насъ. Простися съ Воаковымъ уже въ посавдній разъ. By nocabanemy kaky the cy nume urpaniu apomaaca, И молви, какъ тогда Оскольду извъщался, Пустивъ днесь горькія струп изъ смутныхъ гаазъ: Коликимъ горестямъ подвластвы человъки! Прости, любезный другь, прости, мой другь, на въки!

^{***} Библіографическія записки, 1858 г., № 7, стр. 208 и 209.

Изъ оригивальных вреивнеденій Волкова, кроит програмны маскарада Торусествующая Минеера, извістно нісколько пісень, а именно; "Ты проходищь мимо кельи дорогая" и "Станемъ, братцы, піть старую пісено", слова и музыка которыхъ сочинены самимъ Волковымъ. " До насъ дошла также его эпиграмма, сказанная имъ на какого-то господчика:

> Всадвика хвалатъ: хорошъ нолодецъ. Хвалатъ другіє: хорошъ жеребецъ. Полно, не споръте: и кень и дътина Оба красивы, да оба скотина.

Новиковъ, бывшій студентомъ въ то время какъ Волковъ прівзжаль въ 1759 г. въ Москву, свидетельствуеть, что Осдоръ Григорьевичъ писалъ, много стихотвореній, и между прочимъ сталъ сочинять изъ 40 строфъ оду Петру Великому, но остановился на 15-й строфъ, и не кончилъ. Новиковъ говоритъ что "ода сія достойна великой похвалы". **

О. Г. быль первымь русскимь опернымь композиторомь. Извъстно, что музыку первой русской оперы Дефаль и Прокрись написаль иностранець Арайн, точно также и ко второй оперь Альцеста музыку написали иностранцы Раупахь
и Старцерь, на третью Селевкъ—опять иностранець Арайн,
но на четвертую Танюша, или счастливая естръча (комическая опера въ двухъ дъйствіяхъ и въ русскихъ правахъ,
соч. И. А. Дмитревскаго) музыку написаль уже Русскій, а
именно О. Г. Волковъ. Такимъ образомъ основатель русскато театра является и первымъ русскимъ опернымъ композиторомъ. ***

[•] Новиковъ Опыть Историческаго Словаря Россійским писателей стр. 41.

^{**} См. тамъ же.

^{***} Въ библіотекъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ кранится коллекція старинныхъ афишъ, собранная покойнымъ актеромъ Носовымъ. Въ этой любопытной колфекціи сохранилась и афиша Танюши. Приводимъ вполнъ эту любопытную афишу: "Сего 27-го поября 1756 года, на Васильевскомъ островъ, на Головинскомъ вольномъ театръ, россійскими придворными актерами будетъ представлена Танюша, или Счастливая встрюча, комическая опера въ 2-къ дъйствіятъ и въ русскихъ правахъ, соч. перваго придворнаго актера И. А. Дмитревскаго, музыка актера Ө. Г. Волкова. Дъйствующія лица: Старостьковъ, помъщикъ— Ө. Волковъ, Буркинъ, увтеръ-офицеръ—С. Розсевскій, Савелій, староста деревни—Н. Клутъ імяхь.

Уважва драматическія произведенія Димитрія Ростовскаго, Волковъ съ большимъ тщаніємъ переписаль его піссы и поднесь ихъ императриць Екатеривь II, а та подарила ихъ любителю русской старивы, квязю Г. Г. Орлову. *

По свидвтельству Дмитревскаго, литературные труды Волюва уважались его современниками, по онъ быль недоволенъ ими и охотно замвияль на сценв свои переводы чужими. Такая черта бевпристрастія и отсутствія авторскаго самолюбія не очень-то обыкновенна. Волковъ вскорв даже уступиль и пожалованный ему титуль "перваго придворнаго актера". Хотя большая часть его біографовъ и говорять, что только после смерти Θ . Г. Волкова титуль этоть достался его ученику, И. А. Дмитревскому, но изъ афиши оперы Танюша видно, что уже въ 1756 г., т.-е. при жизни Волкова, и съ небольшить черезь годъ после изданія указа объ учрежденіи русскаго театра, титуль этоть принадлежать Дмитревскому, а Волковъ назывался просто актеромъ.

Волковъ быль средняго роста, ивсколько полонь, съ открытымъ и умнымъ выражениемъ лица, со выощимися по плечамъ темно-русыми волосами и звучнымъ гармоническимъ голосомъ. Изъ дошедшихъ до насъ его портретовъ, самымъ сходнымъ считается сдъланный его другомъ, въ свое время извъстнымъ граверомъ Чемесовымъ. ** Новиковъ гово-

таресь, Танюша, дочь его—Е. Бплоградская, Варшнька, педругь ед—Мусипа-Пушкина, Алексый, жепить Тапи—Г. Маршикевичь, Өедуль, садовникь—Григ. Волковь, Фока, сынь его, жепить Вари—Я. Шумскій. Гости, сауги и крестьяне. Начало будеть въ 5 часовь, (Сн. Историческій очеркь русской оперы, В. Моркова, стр. 2, 8 и 159).

^{*} Князь А. А. Шаховской въ своей Лютописи русскаго театра (Репертуарь 1840 г., № 6) говорить: "Семь изъэтихъ трагедій были списавы въ Ярославлі учредителенъ русскаго театра О. Г. Волковымъ и поднесены императриці Екатерині ІІ. Я, узвать о тогь, выпросиль позволеніе покойнаго государа императора Алексавдра Павловича отыскать сію рукопись въ библіотекі Эрмитака, во исквые мое было безполевно. Иванъ Асанасьевичь Дмитревскій, учествовавшій въ перепискі трагедій Св. Димитрія, сказаль мий что государыня пожаловала икъ ревнителю всего россійскаго, квано Г. Г. Орлову; тогда я обратился въ библіотеку мраморнаго дворинівности в принадлежавшаго и купленнаго въ казну со всямь въ вемъ находящимся, но и въ ней не нащлось желаемаго."

^{**} Подъ этимъ портретомъ находится сабдующая надпись: "Желая сохранить память сего мужа, выръзвать я сіс лица его изображеніе со врученіемъ онаго Николаю Николаевичу Мотонису и Григорію

рить о Волковь: "Съ перваго взгляда казался онъ нъсколько суровъ и угрюмъ, но сіе исчезало когда находился онъ съ корошими своими пріятелями, съ которыми умълъ онъ обходиться и услаждать бесъду разумными и острыми шутками. Житія быль трезваго и строгой добродътели: друзей имълъ не многихъ, но наилучшихъ, и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоществовать."

Волковъ всю жизнь свою посвятилъ искусству, оно одно занимало всю его душу, и въ сердив его не оставалось мъста для другой любви. Волковъ не былъ женатъ, и какъ увъраютъ, никогда не былъ даже влюбленъ.*

В. РОДИСЛАВСКІЙ.

Васильевичу Козицкому, по завъщавно его самого, любезнаго моего и ихъ друга. Свидътельствую искревском мою съ вимъ дружбу. Евграфъ Чемесовъ." Свимокъ съ этого портрета приложемъ къ Драматическому Альбому П. Н. Арапова.

Изъ прославской дъятельности О.Г. Волкова, квязь А. А. Шаховской сделаль півсу Оедорь Григорьевичь Волковь, или день рожденія русскаго театра, напечатанную въ Репертуарь 1840 г., № 6. Въ своей Аптописи русскаго театра кв. Шаховской говорить объ этой піссь, что она "представляеть это происшествіе (т.-е. устройство перваго Волковскаго спектакая въ Ярослават) сколько можно ближе къ истинъ", по, къ сожваннію, онъ не сохраниль въ ней можно ближе къ истинъ", но, къ сожалнию, онъ не сохраниль въ неи вполив исторической правды и сдвавлъ не мало апахронизмовъ. Такъ, желая не оставить піссу безъ женской молодой роли, онъ въель въ нее вымышленное лицо Групи, крествицы Ислуткива, и заставиль ее играть роль Вереы. На театръ Волкова не было актрисъ, и Ваня Нарыковъ исполняль въ день рожденія русскаго театра объ женскія роли. Пісса кн. Шаховскаго была играна въ московскомъ Малонъ театръ и въ день стольтвяго юбилея русскаго театра, 6-го декабря 1856 г., а на Большонъ театръ игрались въ ототь день двъ піссы, выбранныя по конкурсу, нарочно объявленному для стольтвято юбилея русскаго театра. В. Р. Зотова и графа вому для столетняго юбилея русскаго театра: В. Р. Зотова и графа В. А. Соллогуба. Въ піесъ графа В. А. Соллогуба О. Г. Волковъ авляется однимъ изъ главныхъ дъйствующихъ лидъ. Намъ извъстны еще двъ піесы, въ которыхъ Волковъ является тоже дъйствующимъ лицомъ, а именно: піесь Куликова, игранная въ 1860 г. на сценъ Александринскаго театра, и другая—. Начало русскаго театра", по-иншенная въ Дитскоме эсурнали Зальсскаго за 1859 годъ. Московскій Артистическій Кружокъ 9-го февраля ныменняго года празд-новаль панать Всакова. Торжество началось звупокойною объдней и паннихидой, отслуженными въ Андроньевскомъ монастыръ архимандритомъ этого монастыря съ братіей, а вечеромъ въ Кружкъ прочтена была авторомъ этой статьи біографія Волкова, потомъ аюбителями сыграва пісса кв. Шаховскаго бедора Грисорьссича Bankoss, а въ заключение парочно написанный діалогъ (действую-щими лицами котораго являются Жизнь, Искусство и Веселость) былъ прочитанъ его авторомъ, кн. Кугушевымъ. 19

два вечера

РАЗКАЗЪ.

(Посьящается баронессь А. Н. Д.)

L

Было около десяти часовъ вечера. Въ Москвъ, въ столовой большаго стараго дома, накрывали чай. Два лакея суетились, бранились и носили изъ буфета то поднось съ чатками и стаканами, то клюбъ и печенья въ корзине и прочія принадлежности чайнаго комфорта. На особой тареакъ быль привесенъ калачъ. Мъдный поддонникъ подъ самоваръ обозначаль уже его будущее место по правую руку отъ подноса съ чатками. Высокій лакей принесь ткатулку съ часть и сахаромъ и поставилъ ее рядомъ съ самоваромъ на особомъ маленькомъ столикв. Потомъ онъ принесъ высокій жестаной ящикъ и поставиль его на стуль рядомъ съ маленькимъ столикомъ. Сделавъ все это, онъ сталъ скоро и пебрежно приставаять стулья къ столу, подбрасывая ихъ предварительво кверху. Онъ поставиль уже несколько стульевъ, когда другой лакей внесъ въ комнату тяжелый самоваръ. Мелкимъ. частымъ шагомъ поднесъ онъ его къ столу и почти уровиль на поддонникъ; освобожденными руками отряжнулъ что-то съ груди своей, потомъ поправиль волосы на голове и почесаль ее. Затымь подошель къ стыть, всталь на стуль, и прибавиль отня въ большой керасиновой ламив, висвышей на ствяв. Потомъ, свявъ съ роями две горевшія свечи и поставивъ ихъ на обоихъ концахъ чайнаго стола, почтительно отошелъ отъ стола въ уголъ компаты, и повернувшись въ него лицомъ, сталъ, какъ бы скрываясь отъ всъхъ, надъвать на руки чистыя питяныя перчатки.

- A мяж привесь перчатки? спросиль высокій лакей ставивній стулья.
  - Самъ не можешь сходить? отвічаль тоть грубо.
  - Да въдь я просиль тебя!
  - Я спрашиваль, Лукерья Семеновна не даеть.
- Вреть все. Норовить какъ бы васупротивъ товарища сдъять.

Въ отвътъ на это обладатель перчатокъ фыркнулъ на всю компату. Высокій лакей нахмурился, и обставивь, наконець, кругомъ стола стулья, отправился въ гостиную, откуда слы**тался тумный и веселый женскій говоръ. На одну секунду** голоса стихли, но потомъ опять ваговорили. Наконепъ послышалось какъ что-то было сдвинуто съ мъста, и немного погодя въ залу весело вбъжала невысокая, рыженькая модолая аввушка, съ червыми, бойкими глазками. Полкилывая и затемъ довя руками связку ключей, она направилась прямо къ копи стола гав быль самоваръ, быстро открыла ткатулку, всыпала чай въ серебряный чайникъ такого же металла и стала наполнять его kunяткомъ. Паръ топкою и сильною струей стремился ей въ лицо. Накрывъ полотенцемъ налитый кипаткомъ чайникъ, она стала проворно пересыпать изъ жестянки въ шкатулку сахаръ. За ней въ компату, жернымъ шагомъ, вошла высокая, полная, седая женщина оъ очень кроткимъ и добрымъ лицомъ, и свла на противоположномъ самовару конце стола. Это была мать семейства и жела главы дома, отставнаго генерала, находившагося въ это время съ гостемъ въ своихъ собственныхъ апартаментахъ. За матерью, почти рядомъ, вошли три ея младшія дочери, развыхъ летъ и наружностей. За ними следовала Немка, пріятельница жившей пікогда въ домів гувернантки, отличавшаяся необыкновенно высокимъ ростомъ, здоровысть траосложением и необыкновенно спокойным харак-TEDOME.

Стартая дочь, Nadine, разливала чай. Вторая, высокая и корошенькая брюнетка, Lise, свла подлв нея. Третья, любимица матери, кроткая, съ въчно заспанными глазками, Маруса, съла, какъ и подобало, около родительницы, а младшая,

еще очень юная Sophie, по привычка, вароятно, сидать съ гувернанткой, которой еще не успала забыть, усылась радомъ съ Намкой близь самовара.

Разговоръ, прекратившійся было на время перехода изъ гостиной въ залъ и должно-быть очень интересовавшій старшихъ членовъ семьи, начался снова.

Первая заговорила Nadine.

— Я вамъ говорю, maman, что Саша не можетъ понравиться Евгенію Александровичу, и именно потому что ея лицо совершенно не въ его вкусъ. Я помию, что до его отъъзда отсюда, шесть лътъ тому назадъ, ему нравились блондинки. А какая же Саша блондинка?

Въ это время лакей, надъвній чистыя перчатки, сталь разносить на поднось чай. Не получивній перчатокъ слуга несъ свади корзину съ харбомъ. Калачъ остался на столь. Высокая Нъмка разръзала его на мелкія части.

- Что ты, другъ мой, говоришь! сказала мать, взявъ овою чашку съ подноса:—какъ будто въ людяхъ вравится одно только лицо, или вообще одна наружность. Евгеній Александровичъ відь не такъ молодъ и вівтренъ какъ ты, дружокъ мой. Саша дівнушка умная, образованная, развитая и такъ мила что, я увірена, онъ будеть отъ нея безъ ума.
- Алтакъ въ этомъ не увърена, мама, сказала вторал дочь. Я ему сегодня цълый день толковала про нее и даже показывала ему ел карточку, но онъ сказалъ что она ему вовое не правится.
- О, какія еще вы діти, друзья мои, сказала мать, и немного погодя прибавила:—да будеть ли Саша сегодня? Воть ужь десять часовь, а ея еще віть.
- О, она навърное будеть, поспъщила отвътить Nadine.— Сата сказала что она изъ концерта непремънно прівдеть, и притомъ прибавила, что если въ концерть будеть скучно, то она ранъе окончанія попросить мать убхать оттуда.
- Что же, Nadine, ты не посылаеть папа и Евгенію Александровичу чай? спросила мать.
- Папа сказаль чтобъ я не посыдала чай къ нему, что они сюда придуть, и ему уже ходили докладывать что чай готовъ.
- Знаеть, мама, какъ странно! ваговорила вторая дочь.— Еще до прівзда Евгенія Александровича я говорила Сать о немъ. Я говорила ей о нашей давнищией дружбь съ вимъ, о

его умѣ, о его добротѣ. Разказывала ей всѣ подробности о немъ, о его жизни и вообще старалась приготовить ихъ встрѣчу и заинтересовать ее имъ. Сегодия вдругь она говорить мнѣ, когда мы ѣздили звать ее къ намъ: "Пріѣхать къ вамъ, друзья мои, я пріѣду непремѣнно, вы сами знасте какъ я васъ люблю, но встрѣчей съ вашимъ Нагибинымъ меня не убѣждайте, потому что вашъ соизіп интересуетъ меня очень мало."

- Какъ же ты кочеть, Lise, чтобы Сата могла тебъ имаче отвъчать? Можеть ли ее, въ самомъ дълъ, интересовать Евгеній Александровичь, котораго она никогда не видала и не знала?
- Но въдь я, мама, ей про него все, все разказала. Я даже разказала ей что знаю про его несчастную любовь къ Борениной. Оказывается что она эту исторію уже слышала отъ кого-то.
- На это я твой скажу, Lise, что ты сдилалась такою болтуньей, мой другь, что это становится даже неприлично. Я это уже не разъ въ теби замичала. Ты такъ еще молода, что теби о подобныхъ вещахъ и знать бы не слидовало, а тимъ болие говорить.

Вторая дочь, выслушавъ такую річь матери, преизнесенную почти строго, вокочила съ своего стула, подбіжала къ ней и стала цівловать, приговаривая:

— Мана, прости меня. Я думала что могу говорить то что знаю, и темъ более про Евгенія Александровича, котораго аюбаю.

Слова прерывались подвлужии.

— Нельва, мой другь, говорить все что знаешь и въ особенности то что касается другихъ. Едва ли Евгеній Алекоандровичъ, несмотра на любовь твою къ нему, будеть втимъ доводенъ.

Говора это, мать отвічала поцілувии на поцілуи своей дочери.

Патетическая сцена была прернана приходомъ гдавы дома, отставнато генерала Ащеулова, въ сопровождении молодаго неловъка высокаго роста съ оченъ пріятною и благородною наружностію. Темные волосы, выразительные червые глаза, матовая блідность лица дізлали молодаго человіжа интерестымъ и даже красивымъ. Это былъ Евгеній Александровичъ Нагибинъ, родственникъ и другь семейства Ащеуловыкъ. Онъ

mель тихо и весело повади высокаго, отараго и плетиваго генерала.

- Евгеній Александровичы идите сюда! садитесь здівсы говорили громко и разомы три голоса: матери и двухы ел старшихы дочерей.
- Иду и сажусь между двума сестрами, если только это окажется возможнымъ.
- Возможно и очень, Евгеній Александровичь, говорила Lise, и пересівть на рядомъ стоявшій стуль, уступила свое місто Нагибику.
- Знаете ли вы, Евгеній Александровичь, что значить сидівть между двума сестрами? Вы притомъ сами напросились.
- Если я самъ напросидся, такъ ужь это ничего не значить, Елизавета Сергвевна.
- Ну, это-то все равно. Это значить что вы въ нынвинемь году будете женаты, и непремыяло.
- Ужь это решительно невозможно, такъ какъ я думаю викогда не жениться. Вы это слышали отъ меня не разъ.
  - Еще бы, сказаль гелераль.
- : Генераль очень любиль вставлять въ свою речь возгласъ леще бы^с.
- Евгеній Александровичь! говорила Nadine: готовьтесь сегодня познакомиться съ нашею милою Сашей и положительно сдёлать такъ чтобъ она вамъ поправилась.
- Разъ какъ вамъ это такъ упрямо кочется, то этого не будеть, отвъчаль онъ шутя. (Ему подали въ это время чай.)—Вы знаете что я также капризенъ, продолжаль онъ тъмъ же шутливымъ тономъ,—а вы говорили такъ много корошаго про вашего друга Оленину, что я подовръваю въ вашихъ разказахъ о ней значительную долю пристрастія.
- Я прекращаю разговоръ о вей, скавала, обидъвшись, Nadine. Вопервыхъ, прекращаю его потому, что окъ можетъ повести насъ опять къ спору, который бываетъ между нами такъ часто съ минуты вашего прівзда, а вовторыхъ, можетъ быть не далве какъ черезъ полчаса вы увидите ее сами.

Въ это время въ передней послышался зволокъ.

— A можетъ-быть даже и pante? ckasaль Нагибинъ.

Чрезъ въсколько секундъ после ввонка въ комнату не вошла, а скоръе влетъла, улыбаясъ и согнувнисъ тъломъ напередъ, молодая, высокая и красивая дъвушка лътъ двадцата. Эта брюнетка, со жгучими червыми главами, была ожидаемая Сама, то-есть Александра Николаевна Оленина. Не глядя ни на кого, не поворотивъ даже хорошенькой головки въ ту сторону откуда отремились къ ней на встречу все четыре сестры Ащеуловы, она подбежала къ жене генерала, необыкновенно живо и градіозно нагнулась, поцеловала ее и проговорила: "Добрый вечеръ, милая Антонина Егоровна". Отъ нея она также скоро подскочила къ генералу, протянула ему руку и сказала: "Здравствуйте, ваше превосходительство". Затемъ, повернувшись назадъ, стала перецеловывать всёхъ сестеръ обступившихъ ее, успевая въ то же время снимать со своихъ маленькихъ рукъ белыя перчатки.

Здороваясь, сестры говорили всв заравъ, и гостья успъвала отвъчать всемъ на вопросы. Необыкновенно живая натура ся давала ей возможность и способность и слушать, и отвъчать, и дълать все что нужно, въ одно время.

- Какъ! Ты одна Саша? спросила ее геперальта, когда поцвауи окончились. Генеральта поворачивала въ это время свою голову въ разныя стороны, и какъ будто искала кого-то.
- Мы не дождались окончанія концерта, и я завезла татап къ Синицынымъ, а сама скорви сюда къ вамъ. Я должна буду отсюда завхать за татап.

Все это проговорено было Олениной очень скоро и самымъ пріятнымъ, ввучнымъ голосомъ.

— Знаеть, Nadine, продолжала Оленина,—кого я видъла сегодня въ концертъ? Ну, угадай? Звършищева, того самаго о которомъ я тебъ разказывала. Мы еще вхали съ нимъ вывств въ прошломъ году изъ Петербурга до Берлина.

Последнія слова она проговорила еще скорей.

- Помию, помию, отвічала та.
- Опъ такъ исхудалъ, бъдвый, что его уввать нельзя. Я ему говорю: М-г Звъринцевъ, мы, въроятно, ваюблены, что такъ похудъли, и влюблены можетъ-быть на столько, что вамъ необходимо лъчиться гомеопатіей. Опъ сталъ конечно допытываться, почему опъ долженъ непремънно лъчиться гомеопатіей, и я ему сказала: потому что тамъ есть лъкарство подъ названіемъ "ignatia", помогающее, что можно прочесть въ лъчебвикъ, отъ несчастной любви.

Всв засивались.

— Это ты ему сказала, Саша?

- Да, а что? Согласись сама, что еслибы любовь его не была неочаства, то онь не исхудаль бы такъ.
  - Но почему ты думаещь что онь исхудаль отъ любви?
- О! Навърное такъ. Онъ такой сердечкинъ, сказала она шутливымъ, но ръшительнымъ тономъ, не допускавшимъ возраженія.
- Ну, Сама, перебила ихъ генеральша, иди сюда, садись чай пить. Прежде, впрочемъ, позволь тебъ представить Ев-генія Александровича Нагибина, ты о пемъ върно уже слышала. Проту сойтись съ нимъ, жаловать его и полюбить такъ же какъ мы его любимъ.
  - Да, еще бы, оказаль тепераль.

При словахъ "позволь тебъ представить", Нагибинъ всталъ и отвъсилъ самый почтительный поклонъ, накловивъ нивко голову. Въ это врема Оленива въ первый разъ взглянула ва него. По окончаніи ръчи генеральни, она направилась къ-Нагибину съ протявутою рукой. Нагибинъ пожалъ эту руку, сохраная самый серіозный видъ.

— Очень рада, monsieur Нагибинъ. Я такъ много саммала про васъ отъ ващихъ и моихъ друзей, говорила она, любезно улыбалсь ему,—и только одно, одно, хорошее....

Оленина свла за столъ, и ей подали чай. Всв уже отпили свой и свободно слушали са неумолкаемый и веселый разказъ про концертъ. Она говорила скоро и непринужденно. Въ разказъ она часто перебрасывалась съ одного обстоятельства на другое.

Говора, она оборачивала голову во всё стороны, часто сміналась и еще чаще мінала выраженіе на своємъ хороменькомъ и умномъ личикъ. Всё съ удовольствіемъ и почти съ увлеченіемъ слушали са півучій разказъ, полный остроумія. Ея веселость и необыкновенная оживленность обательно и заразительно дійствовали на всёхъ. Генераль каждую минуту говориль: "сще бы". Лиза хохотала отъ души, такъ же какъ и сама Оленина. Обращансь къ Нагибину, разкащица принимала болье серіовный видъ и довольно часто останавливала на менъ свой взглядъ.

Чай быль окончень, но разказь, вероятно, никогда бы не кончился, еслибы Лиза не встала, не сяватила Оленину подъруку и не умчала ее въ гостиную. Всё точно сговорились встать съ своихъ местъ и последовали за ними. Генераль пошель первый, какъ и подобало по чину и положению.

Маадшаа изъ сестеръ, схвативъ за руку высокую Намку, потащила ее за нимъ. Прислуга стала убирать чай и столъ.

Въ дверяхъ, Надива подошла къ Нагибину и спросила его:

— Какъ правится вамъ Саша? Только прошу говорить откровенно.

Онъ какъ-то особенно умыбнумся и отвъчамъ не сразу:

- Вы прежде, Надежда Сергвевна, спросите: понравилась аи мев она? А потомъ ужь, судя по моему отвъту, спросите: kaks?
  - Вы этимъ хотите сказать что Саша вамъ не понравилась!
- -- Вы приказали говорить откровенно. Да, она мев не особенно правится.
- Какъ хотите, а я ръшительно не могу и не хочу вамъ върить, Евгеній Александровичь, сказала Nadine почти сердито.
- Напрасно. Мий ийть причины скрывать. Не подумайте пожалуета чтобъ я хотиль только упорствовать, прибавиль Нагибинь.

Въ вто время Лива, подъ руку съ Олениной, опять пронесаись мимо нихъ обратно въ залъ. Lise кричала и звала:

— Nadine! Евгеній Александровичь! Возвратитесь въ заль! Сама будеть піть.

Nadine повернулась назадъ и сказала Нагибину:

— Веричтесь, послушайте ее.

— Сейчасъ, спо секунду, отвъчалъ онъ, и ускорилъ свои таги, но направлявлъ въ гостиную, а не назадъ.

Nadine, возвратась въ вааъ, подошла къ роллю, где Олевина разбросала уже все ноты.

— Вашъ Нагибинъ положительно дуренъ и мив не правится, Nadine, сказала Оленина, быстро повернувшись къ подошедшей.—Прости меня что говорю такъ откровенно о вашемъ другь. Онъ даже не симпатиченъ и какой-то чванный, надутый, продолжала она, дълая гримаску при втихъ словахъ.—Не фатъ ли онъ? Вы, можетъ-быть, слишкомъ свыклись съ нимъ и потому многаго въ немъ не замъчаете, друзъа мои?

Лиза стояла туть же и во всё глава смотрела на сестру. Слова Олениной, казалось, не понравились объимь сестрамъ.

Надина, едва скрывая свое неудовольствіе, отошла отъ рояля, а Лиза свла за рояль и стала брать аккорды. Оленина взяла въ руки ноты, выбранныя ею изъ хаоса остальныхъ, подотла къ Лизъ и сказала:

— Хочеть, а спою тебѣ *Гръшницу*! ты такъ любить этотъ романсъ! Я ръшаюсь сегодня пъть, а между тъмъ чувствую, что послъ концерта буду пъть дурно.

— Ты не можеть п'ять дурно, Сата, сказала Лиза.—Ну, а начинаю, прибавила она и сыгоала akkomnanuments.

Оленина начала пътъ. Ел симпатичный, полный и сильный голосъ ръшительно задъвалъ душу. Замътно было, что она училась много и дъльно. Романсъ удался совершенно. Перешли къ другому, который она спъла еще лучше. Когда второй романсъ былъ конченъ, Надина обратилась къ Олениной съ просъбой:

- Сата, спой, пожалуста, для меня, последнюю песнь Вани изъ Жизни за Дара. Ты ее такъ хорото поеть.
- Съ удовольствіемъ, мой ангелъ, сказала Оленина, и стала искать поты.

Во время приів въ валь вошель генераль подъ руку съ Нагибинымъ. Генеральша оставалась въ гостиной и, по светму обыкловенію, раскладывала пасьянсъ. Нъмка, въроятно въ память своей прівтельницы, ушла укладывать Софи спать. Было ужь болье одиннадцати часовъ.

Генераль, войдя въ заль, съль на стуль у самой дверт. Нагибинь тихо перешель компату поперекь, сталь въ двухъ шагахъ отъ рояля и смотрель прямо въ лицо Олениюй.

Пвска была кончена.

Генераль громко сказаль, захлопавь руками:

- Чудесно, Александра Николаевна, превосходно, и прибавилъ:—"еще бы!"
- Monsieur Нагибинъ, вы очень непріятный слушатель для поющихъ, сказала Оленина, поворачивалсь къ нему.— Вы смотрите такъ упорно и прямо въ лицо. Она сдълала удареніе на слові: "упорно".
- Будьте списходительны, mademoiselle Оленина, отвъчать онь, подходя къ ней ближе.—Слушающій васъ вабываеть невольно и себя, и все. Слушая васъ, можно дъйствительно не вникнуть въ то что дълаешь, а потому я употребляю мъры предосторожности и отхожу подалье, къ окну.

Овъ отомель къ окну.

— И хорошо сдвавете, я буду свободиве пвть. Спвтъ былъ еще романсъ. Нагибивъ не унимался.

- Вы очень строги, mademoiselle Оленина, сказаль онь, подходя опять къ ней.—Такая хорошая півица какъ вы не можеть быть півицей неопытною, а такую півицу едва ли можеть конфузить или какъ-нибудь безпокоить взглядь слу-шателя, и притомъ очарованнаго ся півнісмъ.
- -- Конфувить и безпокоить, положить, что нѣть, но мішать и немного ственять положительно можно даже всякую пъвицу, я это всегда испытываю на себъ. Вообще, прибавила она, — это иногда можеть быть непріятно, а потому я и требую оть вась впередь чтобы вы всегда стояли, когда а буду пѣть, воть туть. Она, указала, улыбаясь, на окно.
- Слушаю-съ, и буду такъ исполнителенъ, что если во врема вашего пънія буду находиться и въ другой комнать, то тотчасъ же явлюсь сюда.

Оленина не отвічала. Она перебирала ноты.

- Не поете ли вы, monsieur Нагибивъ? вдругъ спросила ова, повернувнись къ нему.
- Онъ прежде пват и, говорять, очень не дурно, отвъчала за него Лиза; но вообрази себъ, Саша, что посав одной исторіи, говорила она лукаво, смотря на Нагибина, —онъ пересталь пвть и танцовать, и этому, кажется, уже шесть літь. Исторія эта, продолжала она, —была въ роді той отъ которой лічать твоимъ лікарствомъ, то-есть лікарствомъ которое ты совітовала сегодня Звіринцеву.

Она, говоря это, смінявсь.

- У Нагибина слегка подернулось лицо.
- О, такъ вотъ что! сказала Оленина протяжно.

Ona при этомъ улыбалась, устремляя удивленный взглядъ на него.

- Я не знаю и не понимаю о чемъ говорить вашъ общій другь Елизавета Сергвевна, но я двиствительно не пою и не танцую болве шести лівть.
- Но это странно, monsieur Нагибинъ. Вы еще такъ молоды, и отказаться отъ всего этого, и въ особенности отъ тавцевъ, это предосадно; я любаю ихъ сама на столько, что мив кажется только и живу настоящею жизнью на баль, когда танцую.
- Я хоть этого вполив не понимаю, но допускаю, что въ вати лета и въ положени совершенно спокойномъ и безза-

ботномъ можно съ удовольствиемъ относиться къ балу и ко всемъ его предестамъ, сказалъ Нагибинъ.

- Вы говорите что это возможно только въ положени беззаботномъ, и допускаете это положение во мив? Развъ я кажусь вамъ беззаботною?
  - Да, извините, вы мив кажетесь немного такою.
- Monsieur Нагибинъ, но это не любезно говорить такія сужденія прямо въ глаза.

- H Re Mory Arath, mademoiselle Ozenuna.

Она покрастьла и повервулась къ нему спиной. Она нагнула свою головку и положила указательный палецъ правой руки на губы. Она молчала какъ будто надувшись. Lise и Nadine смъялись и смотръли на нее. Послъдняя даже встала съ своего мъста и подошла ближе къ ней. Нагибинъ тоже немного покрастълъ, но улыбался.

Молчаніе даплось не долго.

- Я не позволяю вамъ впередъ, monsieur Нагибинъ, заговорила Оленина, полушутя,—говорить мнв такія вещи прямо въ глаза. Слышите? мягче прибавила ока, повернувшись опять къ нему.
- Слышу, что вы запрещаете мив говорить вамъ про васъ правду, а приказываете лгать. Хорошо-съ, извольте; вы пели сегодня замечательно дурно, mademoiselle Оленина, протяжно и натянуто проговориль онъ.
- Молчите, monsieur Нагибинъ, или я разсержусь, говорила она досадливо.—Лиза, прибавила она,—давай танцовать, сдълаемъ туръ вальса? Nadine! душка! сыграй намъ, просила она ее, подбъжавъ и : ълуя ее.
- Съ удовольствіемъ отвівчала Nadine, пошла и сіла къ розлю.

Оленина обняла правою рукой талію Лизы, и онв понеслись подъ звуки вальса и закружились по комнать какъ вихрь. Платья ихъ, высоко подымаясь, задъвали стулья, столъ, рояль, Нагибина и даже самого генерала. Нагибинъ сперва столь и серіозно смотрыть на беззаботно и весело вертящуюся пару. Когда пара дълала восьмой кругъ по компать, серіозность его не выдержала, онъ сталъ понемногу улыбаться, и наконецъ повесельть совствиъ. Когда танцовавшія, утомленныя и запыхавшись, освободились другь отъ друга и почти упали въ изнеможеніи одна на диванъ, а другая на стулъ, его лицо опять измънило выраженіе, и на немъ

отразилось чувство не то зависти, не то досады. Можетъбыть, ему думалось, что и онъ могъ бы также повертвться, можетъ-быть даже еще скоръе, еще долье, но что-то мънало ему и не позволяло. Наконецъ, можетъ-быть, просто чтонибудь вспомнилось ему.

— Уфъ! я устала, проговорила Оленина, перевода духъ. — Я едва жива. Lise, ты закружила меня.

Грудь са высоко и часто подвиналась.

- Помилуй, Саша, это не я, а ты. Я давно готова была остановиться.
- Дотанцоваться, а пожалуй, на этотъ разъ върнъе, докружиться до такого изнеможения, сказаль со своего мъста Нагибинъ громко, — едва ли можетъ доставить удовольствіе! Мять кажется, что mademoiselle Оленина котъла только доказать мять на дълъ справедливость сказаннаго ею относительно еа любви къ танцамъ!
- Это видно что monsieur Нагибинъ никогда не любилъ танцовать и никогда не находилъ въ танцахъ удовольствія, отвъчала Оленина. Когда я несусь и кружусь въ вальсь, то чувствую такую предесть въ этой быстротъ движенія, въ замираніи духа, что закрываю глава и отдаю себя на волю провидънія.
- И провидъніемъ вашимъ дълается въ это время не болъе не менъе какъ ангажировавшій васъ кавалеръ, сказалъ Нагибинъ насмъшливо.
- Хота бы и такъ. Вы даже можете стать имъ, если рѣтитесь подойти и пригласить меня танцовать.
- На этотъ разъ обязанность вашего провидения такъ легка и доступна всякому, что я въ состояни поблагодарить и отказаться отъ этой роли.
- По случаю особенной легкости и доступности этой роли, я ее и предлагаю вамъ, сказала Оленина.

Нагибинъ поклонился. Оленина нахмурилась. Лиза, отдохнувъ, подошла къ ней, и поцеловавъ ее, спросила:

- Ты отдохнула, Саша?
- Да, отвічала та, поднимаясь съ дивана; пойдемъ къ твоей maman въ гостиную, да и пора сбираться, прибавила она, смотря на свои часы.
- Еще бы, проговориль генераль, сидывній все врема безмольнымъ зрителемъ и слушателемъ на стуль у двери.

Онъ всталь и направился къ себъ.

Всв остальные вошли въ гостиную. Генеральта продоз-

Оленяна подошла къ ней, поправловала ее шаловливо и нежно, и сказала:

- Мы безпокоили васъ, добрая Антонина Егоровна? Я такъ шумъла, дурачилась.
- Напротивъ, друвья мои, я люблю когда вамъ бываетъ весело и бываю довольна когда вы веселитесь. Хоротно что вспомнила, вдругь вспохватилась генеральша. Она положила карты и откинулась на спинку кресла.—Я хотила тебя просить, Сама, продолжала ока. Оленика въ это время стала около нея на кольни, мило нагнула голову, приготовляясь слушать, и руками оперлась на ручки кресла.-Я хотыл теба просить, Саша, повторила генеральша,—чтобы ты сказала твоей тамап, что я проту ее прівхать завтра къ вамъ въ карты поиграть. Ко мев обвишала прівхать обвдать вдова Кокова, которую ты знаешь, а старикъ Лёфнеръ прівдеть вечеромъ. Окъ третьяго для только пріфхаль изъ деревни и опать скоро увзжаеть. Твоя maman любить играть съ нимъ. Не забудь, скажи же ей все это и проси прівхать, да пораньше. Для партіц мужу будеть еще кое-кто. Ты тоже пріtaket.
- Очень рада, вы въдь знаете съ какимъ удовольствіемъ я къ вамъ взжу, Антонина Егоровна. Завтра воскресенье и день Грязевыхъ, но я все-таки прівду къ вамъ, если только тамап не потребуетъ моей повздки туда. У Грязевыхъ такая скука, такая натянутость, прибавила Оленина, задумываясь.
  - Такъ не забудь же сказать maman.
- Не забуду, конечно, а теперь прощайте, chère Антонина Егоровна, мив пора вкать за maman.
  - Ну, ступай, прощай, не смею удерживать. Оне поцеловались.

Оленина встала съ коленъ, вынула перчатки изъ кармана и стала надевать ихъ.

Нагибинъ ходилъ около оконъ и отыскивалъ свою шаяпу. Nadine и Lise, обнявшись, стояли около Олениной.

— Завтра утромъ, говорила Оленина натагивая перчатки,—я опять важу верхомъ въ манежь. Отчего никто изъ васъ

ни разу не прівдеть посмотреть какъ я важу чан взглянуть на мою лошадь? Говорять, я уже не дурко сижу и сивло важу.

— Я песколько разъ сбиралась, отвечала Lise,—и всякій разъ не удавалось. Что-вибудь непременно мещало. Вотъ и завтра это невозможно: папа все утро, кажется, будоть разъ-важать.

Проговоривъ это, она вопросительно взгланула на мать.

— Да, дъти, сказала генеральта,—и не мътайте ему, не просите у него кареты.

Перчатки были надъты. Нагибинъ наконецъ отнескалъ свою шляну и подощелъ къ столу у котораю всъ столди.

- Ну, прощай, Lise, прощай, Nadine, говорила Оленина, причась въжно по въскольку разъ съ каждою. Прощайте еще разъ, сказала Оленина генеральнив, и нагнувнись къ вей, поциловала ее. Оленина пошла было изъ гостиной, но остановилась, повернулась къ Нагибину, скоро и нижко присъла ему и проговорила:
  - Очевь рада что познакомилась съ вами.

Она почти побъжвав изъ гостиной. Сестры провожван ее. Нагибинъ покаонился на эту фразу, но уже всима ей, и она не видала поклона.

- Такъ до завтра? говорили сестры по очереди.
- Да, да, до завтра, adien, прощайте, слышался полось Олениной изъ смежной комнаты, а потомъ изъ передвей.

Слова заключились еще въсколькими попълуами. Нагибина молча, задумавшись, стояль у стояв и смотръль какъ генеральша доканчивала пасьянсъ.

Сестры веркулись что-то говора въ гостикую и свав доже у стола. Послышался скрипъ отъ колесъ кареты отъважавшей по замерящему свъгу.

- Что призадумались такъ, другъ мой Евгеній Александревичь? сказала генеральша, не поднимал глазъ отъ картъ.
  - Я немного усталь сегодня, Автонина Егоровна.
- Отъ какихъ это трудовъ, батютка мой, продолжала гонеральта, не переставая то снимать карту съ одной кучки и перекладывать ее на другую, то считая, то тыкая пальцемъ по картамъ. Иной разъ целая кучка приподнималась и пересматривалась, и опять клалась на свое место. — Отъ какихъ трудовъ утомились такъ? поделитесь съ нами, говорила она.
  - Отъ многихъ, Антонина Егоровна, а главное, отъ нечера т. 12xxi.

Digitized by Google

проведеннаго хота и весело, но все-таки въ обществъ, отъ котораго, живя въ деревив и сида за дъломъ, а было отвыкъ совствъ.

- Матап, перебила его Nadine,—едва ли что кромъ скуки тогло такъ утомить сегодня у насъ Евгенія Александровича. Онъ цільній вечеръ смотріль какимъ-то букой, ко всему относился съ такимъ неудовольствіемъ, что, казалось, онъ всіми силами отарался доказать намъ какъ ему не правится Саша.
- Этоть выводь, Автонина Егоровна, сказаль Нагибинь, сделянь изъ того ответа, который а даль Надежде Сергеевне на вопрось ея о томь какь меё правится Оленина.
  - Что же вы отвічали? спросила генеральша.
  - Я сказаль что она мяв не правится.
- И правду отвівтили? сказала старуха пытливо, смотра ежу прямо въ глаза.
- Истинную, отвечаль Нагибинь, выдерживая твердо ел взглядь.

Генеральша перестала на него смотръть и собирала карты. Нескончаемый пасьянсъ былъ наконецъ оконченъ, ко всеобщему удивлению.

- Насильно миль не будешь, не нравится, такъ не нравится, говорила она раздумыван и перетасовывая карты и затыть вкладывая ихъ въ особый футляръ.—Да и что жь ему говорить неправду? Кому это нужно? Что до меня касается, сказала она помолчавъ немного,—я Сашу очень люблю, она мять очень симпатична. Она своею молодостью и энергіей оживляеть меня, старуху. Я выдь давно ее знаю, у ней славная душа, и дъвочка она ужная и съ хорошими правилами.
- Противъ этого, конечно, а ничего не могу сказать, а ее такъ мало знаю. Впрочемъ, несмотра на то что она мив не поправилась, а все-таки нахожу ее очень милою и оригинальною. Первое впечатавніе она производить однако не совствивыгодное для себя: она кажется слишкомъ самонадъянною и самоувъренною.

Съ этими словами Нагибинъ сталъ прощаться. Окъ приблизился къ генеральнъ, взялъ ея руку, и поцъловавъ, сказалъ:

- Покойной почи, Антонина Егоровна.
- Прощайте, мой другь. Прівдете завтра? спросила она, цвауя его въ 106ъ.
  - Можетъ-быть, по навърное не объщаю.

- Какъ такъ? Отчего не объщаете? Нътъ, какъ хотите, сказала она ръшительно,—извольте пріъхать.
- Постараюсь. Употребаю всв силы свои, говориат онъ шутливо и улыбаясь,—чтобы преодолеть всв превятствія и явиться къ вамь.

Онъ пожалъ по очереди руки объимъ сестрамъ, простился общикъ покловонъ и пошелъ.

— А что вы утроме дълето, Евгеній Александровичь? кричала ому всябдь генеральша.

Онъ остановился.

- Утроиъ.... (Онъ задумался на секунду.) Утроить... все буду вздить по двламъ.
  - Объдать прівдете?
- Благодарю васъ, завтра не могу. Вфрифе что доставлю себф это удовольствіе после завтра, если позволите.
- Въдь вы знаете, другъ мой, что мы вамъ всегда очень, очень рады.

Нагибинъ поклонияся еще разъ. Всё отвётили на его поклонъ наклоненіемъ головы, и онъ вышель.

II.

Въ семействъ Ащеуловыхъ, по отъъздъ гостей, поговорили немного и недолго. Генераль, побывавь въ своихъ апартаментахъ и возвратясь въ гостиную, быль не мало удивленъ, не найдя тамъ уже никого изъ гостей. Когда ему сказали что уже довольно позано, что уже около часа ночи, онь пересталь удиваяться отвезду гостей, торжественно произнесъ "еще бы", простился съ супругой, перекрестиль и перепъловалъ дътей, пожелалъ имъ покойнаго сна, которымъ самъ уже не всегда пользовался, спросиль прівдуть ли Оленины завтра, и пошель опять въ свою половину, положивъ руки въ карманы панталовъ, для чего пришлось приподнять доводьно высоко генеральское пальто по боканъ и показать красную подкладку, мъстами уже не кръпкую. Онъ любилъ носить это пальто и привыкъ держать руки всегда въ карманахъ брюкъ. Вообще генераль быль человъкъ привычекъ. Антонина Егоровна простилась съ дочерьми совершенно такъ же какъ и генералъ, и захвативъ съ собою футляръ съ картами, отправилась въ свою спальню. Сестры последовали за

ней, говоря о томъ кто будеть завтра, и что необходимо завтра провести вечеръ повессиве.

Олевина завхала за матерью, какъ говорила, къ Саницыньить. Игра въ карты не была еще окончена, но играли двънадцатый робберъ. Масате Оленина была въ выигрышъ всъ одиннадцать робберовъ, и теперь у ней уже была записана партія 13. Хотя эта неблагонадежная цифра и безпокоила ее, ибо, по выраженію Лефнера, это означало чортову дюжину, но все-таки она нашла что дочь прівхала за ней совершенно во-время, и была ею довольна.

Лочь Олениной была милая и хорошая дъвушка, какъ отзывались о вей всв ее знавшіе. Она была умпа и хороша собой: всв находили ее такою. Мать считала ее капривною и своенравною, по несмотря на это мобила дочь и незашетно подчинялась ей во всемъ. Сама Оленина уже три года вывзжала въ свътъ, много веселилась, но никогда еще никто ей серіозно не правился. "Всь какъ-то на одинъ ладъ", отзывалась ока о всехъ своихъ знакомихъ мущикахъ. Уже давно слышала ока о Нагибинъ и знала о немъ всъ мельчайшів подробности отъ своихъ друзей Ащеуловыхъ. Она считала ихъ всехъ увлеченными имъ и въ своей причудливой головкъ укладывала и его также въ разрядъ всъхъ тъхъ которые были жев на одинъ дадъ". Она давно подготовлялась Ашеуловыми къ прівзду Нагибина и къ знакомству съ нимъ. Она звала всю эту зваменитую исторію его несчаствой любви къ Борениной. Она знала что эта песчастная любовь была причиной его отъезда изъ Москвы, его одиночества и большой перемъны его какъ въ правственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Любопытство, и только одно любопытство увидать героя этой знаменитой исторіи придавало предстоявшей встрвив пекоторый интересъ для Олениной.

Теперь она встрътила его, она увидала этого разочарованнаго героя, какъ называли его всъ. Вхавти отъ Ащеуловыхъ въ каретъ одна, а потомъ домой отъ Синицыныхъ съ матерью, она перебирала въ головъ всъ мельчайтія подробности проведеннаго вечера. Ее вдругъ поразила оригинальность Нагибина, которой она не ожидала. Ее удивило его странное обращеніе съ ней, и въ особенности то что онъ почти не обратилъ на нее вниманія, по крайней мъръ такого, какое обращали на нее всъ, и какого она сама бы желала. Ее озадачило то что онъ вовсе не положъ на тъхъ которые всв "на одина ладъ". Она жалела что не всмотреавсь въ него больше, подробиве. Въ особенности ей было досадно сознаться что онь мало говориль съ ней, и какъ будто не имълъ на это никакого желанія, а скоръй быль занять чемъ-то своимъ собственнымъ. Не можеть же быть чтобъ онъ быль до сихъ поръ влюблень, когда после этой исторіи прошло уже въсколько льть. Если онъ даже не танцуетъ никогда на вечеражъ, разсуждала она, онъ все-таки могъ бы, коть изъ одной любевности, согласиться на ед приглатеніе и протанцовать съ ней. Она мысленно начинала сравнивать его то съ темъ, то съ другимъ, и къ удивлению своему, находила его лучше, или проще, или интересиве, или просто спокойнъе тъхъ кого она знала. Былъ ли онъ въ самомъ двав что-то другое и лучше ихъ? Все это сильно ванимало ел воображение, даже какъ будто безпокоило и мучило ес. "Завтра увижу его опять, всмотрюсь больше въ вего и постараюсь разгадать его," решила она внутри себя. "Нужно будеть упросить тамап повхать туда пораньше, такъ часамъ къ семи. Онъ върно у нихъ объдаетъ, и я буду иметь время побоже поговорить съ нимъ и разъяснить себъ что опъ такое. Можетъ-быть даже опъ прівдеть въ мавежь! Можеть-быть захочеть посмотрыть какъ я взжу! Онъ. кажется, саышаль какъ я объ этомъ говорила и какъ просила Ащеуловых прівхать посмотреть меня и мою ло-тадь. Она кончила темъ что была бы очень и очень довольна еслибь окъ прівхаль въ манежь. И мысли о немъ давили ее какъ комемаръ и въ каретъ, и у Синицыныхъ, потомъ дома и даже въ постели.

Нагибинъ, надъвъ тубу въ передней Ащеуловыхъ, вышелъ на крыльно и крикнулъ: "Иванъ!"

Къ подъезду, скрыпя, подъехали сани. Прозябная отъ сильнаго морозу лошадь едва дала возможность Нагибику сесть въ никъ и помчалась такъ что кучеръ съ трудомъ сдерживаль ес. Сани не выехали еще изъ воротъ, а носъ Нагибину защипало, и онъ принужденъ былъ спрятять его еще глубже въ воротникъ шубы.

Прозабтій конь друга Нагибила, князя Б., у котораго онз остановился прівхавъ изъ деревни на несколько дней, скоро подкатиль его къ дому. Когда, на звонь колокольчика, дернутаго нетерпеливою рукой, выбежаль слуга, Нагибинь

Digitized by Google

спросиль его: "дома ли князь?"—"Дома-съ", быль ему отвъть слуги, "князь никуда не выъзжали." Нагибинь бъгомъ, перескакивая ступеньки невысокой лъствицы, вбъжаль въ большую передамою, освъщенную ярко большою лампой, и не дожидаясь слуги затворявшаго за нимъ дверь, сбросиль съ себя шубу и калоши. Не свимая шляпы, онъ прошель три небольшія темныя комнаты и подошель къ двери четвертой, изъ которой въ щели виднълся свъть.

- Ты спить, Александръ? спросиль онъ, взявшись за ручку двери.
  - Нътъ еще, и не думаю, входи скоръй.

Нагибинъ вошелъ въ спальню друга, и тамъ только снялъ свою шляпу.

Молодой другъ Нагибина сидълъ въ бархатномъ халать у письменнаго стола, на которомъ столли лампа и двъ свъчи.

- Откуда ты и что такъ веселъ? спросиль окъ входившаго. Нагибинъ поставиль на отоль шляпу и сталь быстрыми шагами мърить компату, потирая руки.
  - Я объдаль и провель вечерь у Ащеуловыхъ.
  - Ну, разказывай что тамъ было. Хочеть вина?

Откупоренная бутыяка краснаго вина стояда на стояв возяв стакана и книги перемаранной карандатомъ.

— Нътъ, не хочу, и прежде чътъ разказывать, скажи миъ, пожалуста, внаеть ли ты какую-нибудь Оленину?

Сказавъ это, овъ остановился у стола.

- Знаю, конечно, какъ не знать! Да туть одна только и есть Оленина: Alexandrine.
  - Ну да, эту....
- Знаю, какъ не знать эту красавицу! Я у нихъ часто бываю.
  - Hy u npekpacaco....

Нагибинъ помодчалъ немного и потемъ прододжаль:

- Да ты, можетъ-быть, изъ числа са поклопниковъ?
- Нетъ. Никогда и не былъ. Я просто хорошъ съ ними, потому что былъ товарищемъ са брата по полку и съ техъ поръ знакомъ.
  - A! протянуль Нагибинь.—Ну, что это за особа, Оденика? Я спраниваю тебя, зная твой верный и во многихь случаяхь безпристрастный взгладь.
  - Alexandrine Ozenuna? Славная давутка, началь князь.— Она очень умна, очень начитанна и оригинальна. Ната

молодежь еа боитса, еа ума, еа насмышекь; притомъ она отказала тремъ искателемъ еа руки, за которыми бытали многія наши маменьки съ ихъ дочками. Она очень жива, эпергична и какъ-то своенравна. Инымъ она кажется вытраною, но я ее знаю совсымъ съ другой стороны. Свою сварливую матушку она даже держить подъ башмакомъ. Вотъ все что я знаю и что могу сказать тебь о ней.

— Я проведь съ ней сегодня вечеръ. — Нагабинъ, говоря это, подошелъ къ столу и сълъ въ кресло. —Скажу тебъ, продолжалъ онъ немпого подумавъ, — что она сдълала на меня какое-то странное, но вмъстъ съ тъмъ сильное впечатлъніе. Я терпъть не могу всякія неожиданности. Я прівжаль сюда по дъламъ, давно уже избъгалъ Москвы, а тутъ какъ нарочно навязываются неожиданныя впечатлънія.

Онъ говорилъ это раздраженнымъ голосомъ.

- Да это, братецъ, всегда такъ бываетъ, и ты напрасно не тревожь себя и не удивляйся: все приходитъ и является такъ гдъ не ожидаещь. Попробуй потерять что-нибудь, ты ни за что не найдешь потеряннаго такъ гдъ будень искать, а непремънно оно окажется въ совершенно противоположномъ мъстъ.
- Нать, вообрази себь, заговория опать Нагибинь, какь бы не слушая его замечанія, что появленіе Олениюй въ компать меня совершенно переродило. Я не увналь себа. Я чувствоваль что каждую минуту я оживанася, освежался и становился другимь человыкомь. Ея действительно необыкновенно живая натура действовала на меня какъ влектричество. Мить даже страшно и совтетно становилось за свои ощущенія. Я такъ боялся выдать себя всемь и въ особенности ей самой. Вообрази! втар мить неоднократно толковали о ней Ащеуловы, даже показывали ся карточку,—ну, что хочешь, а я ничего тогда не находиль въ ней.

Сказавъ это, Нагибинъ ударилъ себя по головъ, всталъ, и потомъ опять съвъ, продолжалъ:

- Я всеми силами старался подавить въ себе все подвижавшееся во мять, быль даже грубъ оъ ней, и витьсть съ темъ чуть было не пошель танцовать когда она завертелась съ Lise Ащеуловой. Меня такъ и подмывало.
  - Ну, да зачемъ же дело стало?
- Помилуй, Александръ, сказалъ перемънивъ тонъ Нагибинъ,—въдь я ужь нъсколько лътъ не танцую. Я не могу даже

вообразить себя танцующимъ. Да ты, наконедъ, знаемъ, что я никогда не мюбилъ этого глупаго движенія.

- Однимъ словомъ, что бы тамъ ни было, Евгеній, а ты съ первой встрічи влюбился, сказаль князь.
- Ну, этого, положимъ, явтъ, и бытъ не никогда можетъ, сказалъ Нагибинъ, приподнимаясь съ кресла.—Меня даже удивляютъ что на меня могло бытъ сдълано впечататяне, въ которомъ теперь признаюсь. Еще болъе удивляюсь, что я могъ поддяться этому впечататяню.

Они помолчали немного. Нагибинъ ходилъ по компать.

— Однако прощай! Тебв и мнв пора спать. Я даже усталь отъ цвлаго дня.

Нагибинъ протянуль руку, проговоривъ это.

- Прощай. Отъ души желаю тебв покойной вочи после такихъ впечатлевній, сказаль князь, улыбаясь и пожимая ему руку.—Кстати: что ты делаешь завтра? не поедешь ли вътеатръ вечеромъ?
- Съ удовольствіемъ. Я еще и не быль въ театръ. Повдемъ. Я коть и объщаль прівкать къ Ащеуловымъ опать вечеромъ, но не поъду; успъю быть у никъ и послъзавтра.
  - А утромъ что делаеть?
- Да надо къ Пирогову съвздить за деньгами, если онъ самъ ихъ утромъ не привезетъ. Потомъ еще кой-куда надо. Думалъ деже въ манежъ съвздить, давно не видалъ его, а въ былое время я посъщалъ его часто.
  - Браво! значить въ манежъ я вду не одинъ?
- Развъ ты вдень? Зачънъ ты вдень? спранивалъ Нагибинъ съ воляениемъ и какъ-го перынительно.
- Какъ зачемъ! Завтра воскресенье, а по этимъ днямъ тамъ бываютъ многіе, играетъ музыка, и вообще бываетъ девольно весело.
- Ты говоришь: иного бываеть, сказаль Нагибиль раздушывая,—такъ ступай одиль, а я не повду. Не кочу съ Москвой бливко сталкиваться, темъ более что скоро покидаю ее.

• Они простились и разоплись.

Не совежить покойно засыпаль Нагибинъ. Онъ долго и долго ворочался и заснулъ почти подъ утро.

III.

На другой день, Ащеуловы встали довольно поздно изъ-за объденнаго стола. Быль уже седьмой часъ вечера, когда все семейство чиню провожало въ гостиную изъстоловой вдову Кокову.

Во всехъ компатахъ было полное освещение. Генералъ велъ отъ обеда подъ руку въ свой кабинетъ обедавшаго у нитъ постоянно по воскресеньятъ толотаго господина, своего партнера за картами. Толстый господинъ занималъ видное место, и какъ всегда по праздникамъ, такъ и сегодня, былъ въ вицъ-мундире съ металлическими пуговицами.

— Еще бы не покурить, Михаилъ Ивановичь, послъ объда, говорилъ генералъ.—Пойдемте ко мят, а эдъсь ръдко камъ разръшають это удовольствіе, а съ трубочкой и показываться не позволяють. Развъ только иногда поздно вечеромъ выхожу сюда съ трубочкой.

Генераль всякое воскресевье повтораль это толстому господину посль обыда.

Въ гостиной въ это время вдова Кокова усаживалась въ

- Вы відь знали, Антонина Егоровна, моего покойнаго Михайла Степановича, помните какой быль різдкій человіжь.
- Какъ мяв не знать его, какъ мяв не помнить вашего мужа, добрая и милая Ольга Ивановна! говорила генеральна.
  —Въдь до женитьбы своей онъ былъ какъ родной въ домв моей покойной матушки.
- Онъ быль редки человекъ, повторяла Кокова.—Вообравите, оставалось всего три месяца до патидесятилетнято вобилея службы, и вдругъ....

Кокова не договорила,

— Да, Ольга Ивановна, при такомъ случав невольно вспомнишь о томъ что жизнь наша въ рукахъ Всевышнаго, и не можемъ мы знать нашего часа, а должны быть всегда готовы перейти въ другую жизнь. Это же самое налагаеть на оставшихся здвеь обязанность безропотно переносить всв посылаемыя намъ испытанія.

Онь задумались объ посль такого разсужденія.

Въ компату вошель лакей и сталь приготовлять ломберный столь для карть.

- Къ nana проти Кузнецовъ и Заливайскій, сказала вотедтая Nadine.
- Подойдите ко мић, моя милая Надежда Сергвевна, сказала Кокова ласковымъ голосомъ,—и поцелуйте меня.

Nadine весело исполнила ся желаніс.

- Кого вы ждете къ себъ, моя милая, сегодня?—и недождавшись отвъта, Кокова продолжала:—а васъ видъли третъвго дня на Кувнецкомъ мосту съ какимъ-то молодымъ человъкомъ. Я все, все, внаю, говорила она вкрадчиво и взявъ за руку Nadine. Что жъ, я очень рада, это очень хорошо.
- Этотъ молодой человъкъ, Ольга Ивановна, отвъчала Nadine, понявъ смысаъ последнихъ словъ Коковой,—былъ никто чной какъ Нагибивъ. Вы его знаете.
- Ахъ, батюшки! Какъ инв не знать его? Онъ иой бликайmiй сосъдъ по имънію. Что жь его у васъ не видать? Иль уже опать укатиль?
- Натъ, опъ не увхалъ и, въроятно, сегодна будетъ у насъ.

Изъ спальни чревъ гостиную пронеслась, а не пробъжва Lise.

- Что это, ужь не пожаръ ли? испуганно и безпокойно спративала Кокова, вскакивая даже съ кресла.
- Нътъ, ничего, Ольга Ивановна, успокойтесь, говорила Nadine, усаживая ее опать.—Lise пробъжала такъ скоро, въродтво, потому что Оленины приъхали.
- Она меня даже испугала. Я смерть какъ боюсь чожара.

Всавать за втими словами действительно въ гостивую вошла нивенькая, но еще не очень старая женщина съ добрымъ лицомъ и съ остатками прежней красоты ва немъ. Это была Оленина. За ней шла, праудсь съ Lise, ез дочь.

Генеральта потла къ никъ на вотричу.

- Здравствуйте, Елена Дмитревна, заговорила генералта, протягивая объ руки входившей. Онъ дважды попълвались.
- Здравствуйте, Антонина Егоровна. Добрый вечеръ, Ольга Ивановна. Давно ны не видались, говорила Оленина.

Ев дочь, подвловавшись съ генеральшей, присыла Коко-

вой, выслушала отъ нея: "здравствуйте, моя красавица"; потомъ горячо поцівловалась съ Nadine, и всів втроемъ, взявшись за руки, весело направились изъ гостиной.

Въ дверяхъ окт встретили старика во фракт, въ червомъ парикт и съ Георгіемъ въ петлицъ. Это былъ Лёфнеръ, отставной генералъ, некогда лихой кавалеристъ, сохранивній и до сихъ поръ любовь къ молодымъ дъвушкамъ, лошадамъ и картамъ.

Когда овъ говорилъ своимъ густымъ басомъ, то всв присутствующіе чувствовали себя не совсемъ ловко и спокойно.

— Воть овъ, мои милыя барышки, говориль овъ ухмылаясь, и каждой отдъльно одною рукой пожималь руку, а другою трепаль по рукъ сверху.

Всв три присваи ему.

— Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ! Наконецъ-то пожаловали! пожалуйте сюда, раздались голоса старухъ. — Пожалуйте. Ждемъ васъ съ петерпъніемъ!

Лёфнерь пошель на зовь, а дівицы, освободившись отвего ласкъ, направились въ заль, откуда скоро послышались музыка, півніе и хохоть. Лёфнеръ подошель къ ручкамъ старушекъ. Послі привітствій и недолгаго разговора, генеральша встала, сказавъ что "не зачімъ терять золотое время", съ чімъ вполні согласилась Оленива, любившая почграть въ карты, и подошла къ готовому карточному столу. Она зажгла дві свічи у горівшихъ уже другихъ двукъ и такимъ образомъ поставила по свічі на четырехъ концахъ стола. Дві свічи обыкновенно зажигались прежде, для того чтобъ успіли обгоріть боліве, и чтобы світъ такимъ образомъ падаль не съ одной высоты и не портиль зрінів. Генеральша распечатала колоду и подала вынимать карты.

Лёфперу пришлось играть первый робберь съ Коковой, и даже выбирать место и сдавать, такъ какъ у него оказалса тузъ пикъ.

— Какое мъсто выбрать намъ, матушка Ольга Ивановна, говорилъ Лёфнеръ, подходя къ столу.

Окъ взялся сперва за спинку одного кресла, потомъ неръшительно перешелъ къ другому.

— Здесь, матушка, сядемъ, чтобы не проиграть.

Онъ остановился у другаго кресла.

— Нътъ, ужь къ стъпъ не сяду, говорила Кокова.—Я тамъ

всегда проигрываю. Ступайте ужь вы туда. Да еще въ разризъ стола, противъ щели выбралъ миста, говорила опа, видимо педовольная выборомъ мистъ. — Ахъ, какой! Михайло Степановичъникогда, бывало, не садетъ противъщели первый.

Всѣ сѣли. Лёфнеръ погадалъ и началъ сдавать синим. Въ отдъленіи у генерала уже играли въ карты.

Въ заль двицы, поигравъ и попъвъ немного, ходили втроемъ и тихо разговаривали.

Оленина разказывала какъ она утромъ была въ манежь. какъ тамъ было весело. Она разказала, какъ почти все вреня взацав съ княземъ Б., молодымъ человъкомъ котораго ова во многомъ отличаеть отъ другихъ: что она была очель рада его видеть, и прочее въ этомъ роде. Оленина разказывала, по обыкновению, оживленно и весело, но Лиза и Надина хорошо замътили безпокойство въ ен главахъ и вообще замътили его во всей въ ней. Она оглядывалась всякій разъ когда дверь въ корридоръ отворялась. Если кто-вибудь входилъ изъ корридора, она провожала вошедшаго взглядомъ до его ухода въ дверь кабивета или буфета, какъ будто чего-то ожидала отъ проходивнаго. Сестры заметили что она несколько разъ спросила ихъ: гдв папа и съ квив онь играстъ въ карты какъ будто, называя дипъ, онв кого-пибудь пропустили или не назвали. Оденина требовала отъ сестеръ въ свою очередь подробнаго разказа о томъ какъ окъ провели день, кто у нихъ объявать и прочее. Вдругь въ передней раздался ввопокъ, заставившій Оленину взярогнуть и перешьпиться въ лиць. Въ валу вошла однако дъвина де-Моль, подруга Лизы, знакомая тоже и Олениной.

Всь, кромъ Олениной, обрадовались ся прівзду.

Ходить вчетверомъ оказалось неудобно и тесно. Премпочли състь на диванъ, стоявшій въ углу около рояля, съ небольшимъ столикомъ предъ нимъ, относивтимся во время чая къ большому столу подъ шкатулку съ чаемъ и сахаромъ. Съли на диванъ и стульяхъ.

Дъвица де-Моль имъла разкать въ запасъ, которымъ и заняла собесъдницъ. Она съ ужасомъ и подробно передавата о томъ что съ вими случилось и чего еще ве знали Ащеуловы. Дъло состояло въ томъ что вчера утромъ, когда она возвращалась съ тёткой съ Кузнецкато моста парой въ саняхъ, около магазина Депре на Петровкъ стояла чъя-то лошадъ, запряженная тоже въ сани, и когда они поровиались об нею, то эта лошадь чуть было не схватила зубащи съ головы тетки капоръ. Испуганная тетка чуть-было не вытолкнула влемянницу изъ саней, шарахнувшись въ ел сторону отъ злой лошади, и при этомъ такъ закричала, что собственная ихъ пара попесла, и притомъ такъ понесла, что кучеръ уже не могъ справиться и повернуть въ Столешниковъ переулокъ, а долженъ былъ профхать по Петровкъ и чревъ Страствой бульваръ. Такъ онъ испугавныя и вернулись домой.

Надина и Лиза, ужасаясь разказа о такомъ необыкновенпомъ проистествіи, то покачивали головой, то говорили: "ахъ! каково! какъ это ужаспо! неужели!" и произносили разпыя другія сочувственныя восклицанія.

Оленина сидвла задумчиво, чего съ ней до сихъ поръ почти пикогда не случалось. Она ничего не слыхала изъ разказа и продолжала молчать когда онъ быль оконченъ.

Въ это время дверь изъ буфета отворилась. Оленина опять выпростула и выпрамилась на дивань, какъ будто ждала чегото, но вошель тоть самый лакей который вчера надываль въ углу былыя перчатки, и оталь сдвигать отоль и приготовлять чай.

Оленина ждала Нагибина, а его все не было. Не былъ онъ ни въ манежѣ, ни за обѣдомъ Ащеуловыхъ, и теперь его не было. Она страдала, не вида его.

Нагибинъ въ это время быль въ театръ. Онъ бы навърное исполниль свое ръшительное намъреніе и не прівхаль къ Ащеуловымъ, еслибы не другь его князь Б. Послъдній не видался съ Нагибинымъ пълый день и встрътился лишь въ театръ, куда они взяли рядомъ билеты. Какъ только вошель въ театръ опоздавшій Нагибинъ, князь разказаль ему про свою твлу верхомъ въ манежт съ Олениной, и о томъ какъ подаль поводъ къ самымъ разнообразнымъ и подробнымъ разспросамъ, случайно сказавъ что Нагибинъ остановился у него. Самолюбіе. Нагибина было задъто окончательно; не дождавшись даже антракта, онъ покатилъ къ Ащеуловымъ.

По отъевять Нагибина, другь его, подумавъ о тщете сего міра и странностяхъ людскаго характера, просидель въ театрів до конца спектакля.

Чайный столь у Ащеуловыхь быль почти уже накрыть, по стулья еще не были поставлены вокругь стола, когда Нагибинь, съ чувствомъ некоторой затаенной робости, вошель изъ переднейвъ компату отделявшую последнюю отъ гостиной.

Направо въ дверь была видна зала съ чайнымъ столомъ, а подалъе виденъ былъ диванъ и сидъвнія на немъ. Войда, онъ заглянуль было въ залу, выказавъ намъреніе войти туда, но почему-то поворотилъ и помелъ въ гостиную. Онъ слышалъ голоса Лизы и Надины звавніе его, но все-таки твердо и покойно на видъ вомелъ въ гостиную. Сділавъ общій поклонъ при вході, онъ увидалъ радостно повернувміяся къ пему лица генеральни и Коковой. Нагибинъ подомелъ къ первой и поціловалъ ел руку, затівнъ протлиулъ руку съ визкимъ и почтительнимъ поклономъ Коковой, а потомъ Лёфверу, и поклонился Олениной.

— Здравствуйте, другь мой, скавала генеральта, праув его;—

что ракьше не прівхали?

Въ то время какъ онъ кланялся всматривавшейся въ него Олениной, Ащеулова протянула вою руку, указывая на него, и сказала:

- Елека Диитревна! представляю вамъ Евгенія Алексанаровича Нагибина, о которомъ вы уже знасте отъ насъ.

— Очень, очень рада познакомиться, М-г Нагибинъ, сказада Оленина. Она откинулась направо на ручку кресаа, выказывая желаніе пожать его руку. Нагибинъ постівшиль къ ней, сказавъ:

— Я имълъ честь встръчать васъ, лътъ семь тому назадъ, у тетки моей княгини Горецкой, но это такъ давно, что вы, въроятно, забыли меня.

— Чтобъ именно это были вы, не помню и не сибю уверать. Но помню корошо, что всякій разъ какъ я бывала у покойной тетушки вашей, а это случалось часто, она представляла мив своего племянника и приговаривала: это мой единственный оставшійся близкій родной. Такъ это вы были? Очень, очень рада. Мы были очень дружны съ вашею тетушкой, досказала Оленина и опять обратилась къ столу. Она вообще не любила чтобы что-пибудь мъщало теченію игры и въ особенности мъщало запоминать ее; тымъ болье на этотъ разъ спѣшила она прекратить разговоръ, такъ какъ играла съ Лёфнеромъ, который никогда не прощальей ошибки въ игръ.

— Вы въдь видъли, Александръ Ивановичъ, обратилась она къ Лёфнеру,—что а второй разъ спесла трефу?

— Виділь, матушка, виділь и посмотрю, сказаль онь, ударяя съ силой рукой по столу, бросивь на середину его карту:— что вы теперь снесете?—Онъ сделаль удареніе на слов'я теперь".

Нагибина счель эту минуту самою удобною чтоба уда-

Онъ однако не сразу вышель изъ гостиной. Онъ подошель, снимая перчатки, къ круглому столу, стоявшему около дивана съ большою лампой подъ абажуромъ; приподняль одинъ альбомъ, взглянулъ въ средину его и положилъ на шъсто; потомъ приподнялъ другой и тоже положилъ; потомъ, такимъ же образомъ, еще два. Онъ бросилъ перчатки въ шляпу, отнесъ ее къ окну и поставилъ на стулъ стоявшій около. Потомъ подошелъ опять къ столу, вынулъ часы, подвесъ ихъ ближе кълампъ и накоторое время, скоръе думая о чемъ-то, смотралъ на нихъ.

Положивъ часы обратно въ карманъ, поигралъ немного пъпочкой, подошелъ къ карточному отолу, заглявулъ въ карты Коковой и наконеръ ръшился направиться изъ гостиной.

Нагибиять медленно вомель въ залъ, и первые встретивние его глаза были глаза Олениной. Онъ почти сконфузился. Она опустила ихъ тотчасъ же.

- Здравствуйте, Евгеній Александровичь, кричала Lise, протянувь ему руку. Овь прибавиль шагу, пожаль руку ей, потомъ Nadine, затімь покловился дівиць де-Моль и потомъ Олениной.
- Отчего вы такъ поздно? откуда вы? спрашивала его Nadine.
  - Я быль въ театръ, надо же развлечь себя.
- Это хорошій признакъ, Евгеній Александровичъ, вы начиваете желать развлеченій, значить возвращаетесь къ обыкновенной человіческой жизни, говорила она.—Видите, какъ прійвать въ Москву благотворно подъйствовалъ на васъ! Я не приглашаю васъ садиться съ нами, потому что несуть самоваръ, и мы переходить всё къ столу.

Переходъ къ столу однако не удался.

Перешав действительно только она одна, начава опять всыпаніе чая лопаточкой и затемъ разливаніе его.

Нагибикъ вынулъ nanupocy и отошелъ късколько шаговъ, чтобы закурить ее у рояля. Папиросы разръшались въ залъ, по только самаго топкаго калибра. Лиза съ дъвщей де-Моль встали съ своихъ мъстъ и пошли. Въ это время молодой, краснощекій, не высокаго роста съ курчавою головой офицеръ скорыми шагами вошель въ "комнату, очевь низко и ломаясь раскланялся, и подошель къ Nadine.

— Наконецъ а имъю и честь, и врема быть у васъ, началъ онъ очень развязно, и затъмъ продолжалъ что-то въ этомъ родъ и токъ.

Лиза съ девицей де-Моль исчезли куда-то.

Нагибинъ, закуривъ папиросу, стоялъ у розля и упрямо смотрелъ на Олекину.

Нѣсколько разъ Оленина тоже взыядывала на него, но встрътивъ его упорный взглядъ, быстро отводила глава въ сторону.

Такъ протио песколько минутъ.

Офицерь громко, часто и иного говориль что-то Nadine.

— M-г Нагибинъ! вдругъ приподнявъ ръщительно глаза на него, сказала Оленина.

Нагибинъ подотель къ дивану.

— Наше знакомство началось такъ стравно, вродолжава она;—мы съ первой встречи почти поссорились, и вы, кажется, намерены его такъ продолжать?

Оленива говорила примирительно.

Нагибинъ немного подумаль и отвечаль улыбавсы:

- Простите, но и вы миз казались готовою продолжать начавшееся знакомство не изменяя его характера.
- Я? Нисколько. Я даже готова найти всё ваши странвости естественными, въ уважение вашего гора. Въ особенности эти странности можно простить после вашего долгаго одиночества и затворничества.
- Я согласевъ, mademoiselle Alexandrine, что одиночество или, по-вашему, затворничество могутъ имътъ свое вліяніе на умънье человъка вести себя въ обществъ. Я, какъ от-шельникъ, прощу у васъ прощенія, за высказавшіяся, совершеню противъ моего желанія, странности.
- Охотно извинаю и искренно уважаю вашу нелюдимость, какъ следствіе вашего горя.
- Какимъ это горемъ вы объясняете мою желюдимость и мои странности, mademoiselle Alexandrine? Я не знаю о чемъ вы говорите.
  - Не запирайтесь, Евгеній Александровичь, а знаю ваше горе. Простите что затронула его, не им'я на то викакого права. Но я другь вашихъ друзей, не забывайте этого. Опи

разказали мит ваше прошлое. Я не менте другей вашихъ сумтю понимать его и сочувствовать ему.

— Благодарю васъ, Александра Николаевна, но это дела давно минувшихъ дней. Я самъ уже начинаю забывать свое прошлое; не вспоминайте о немъ. Съ техъ поръ прошло много времени, я сталъ другимъ человекомъ, едва ли къ чему-нибудь годнымъ.

Онъ говорилъ искренно.

- Не върю, Евгеній Александровичь, говорила Оленина ласково и улыбаясь.—Вы право все тоть же. Вы только придумали извъстнымъ образомъ нести свой кресть. Вы страдали много и долго, и наконецъ привыкли страдать, воть и все. Я, допуская привычки вообще, допускаю и возможность свыкнуться съ страданіями.
  - Можетъ-быть вы и правы.
- Я, признаюсь вамъ, не вполне доверяю, продолжала она,горькимъ жалобамъ нашихъ московскихъ Манфредовъ: я не вырю въ притупление чувствъ въчеловымь, въ невозможность снова воскреснуть для счастія и въ прочія подобныя этимъ мечты напускнаго разочарованія. Въ искренность же вашего гора, Евгеній Александровичь, говорю искренно, я върю. Я вполнь убъждена что вы удалились въ деревню, бъжали отъ общества, не для того чтобы прослыть Байрономъ. Скажите, Евгеній Александровичь, положа руку на сердце: неужели ваше горе не ослабъло до сихъ поръ? Провъръте себя корошевько, не въ воображени ли вашемъ живетъ ово теперь болье чымь вы сердин; не гостить ли оно увась потому что вы свыклись съ нимъ, пожалуй полюбили его и сами его отъ себя не отпускаете? Попробуйте сами разстаться съ нимъ, не удерживайте только его, и, върьте мив, оно само пройдеть. само васъ покинетъ. Въчное горе, какъ въчная радость, невозможны. Конечно, я еще не знаю жизни, я еще неопытна. и жила только одною мыслію, по пов'ярьте моей неопытности, она удыбнулась при этомъ, — вы все тотъ же Евгеній Александровичъ. Вы живете нелюдимымъ, вы поссорились, такъ сказать, съ обществомъ, но не потому чтобы вамъ непремыню этого хотелось, не потому чтобъ у васъ явилась потребность къ такой жизни, а потому что вамъ вообразилось что это такъ надо. Потрудитесь теперь вообразить, говорила она опять улыбаясь,-что вы все это делали неразсудительно. Не ствоняйте себя необходимостью горя, и у T. LXXXI.

васъ неминуемо проявится потребность жить иначе, проявится желаніе воротиться къ кругу оть котораго вы оторвами себя добровольно.

- Покуда этого желанія еще не проявлялось, сказаль На-

гибинъ медеско.

— Погодите, проявится. Вы все тотъ же какинъ вы были предъ вашинъ горемъ. Повърьте инъ, Евленій Александровичъ, убъкдала она его.

Онъ съ увлечениемъ смотрвав на нее. Она продолжала:

- За вами остались всё данима чтобы вы могач быть еще счастивымъ. Это счастіе легке межеть мешться и после страданій, каке за бурей бываеть прекрасмая погода.
- Все это, можеть быть, и такъ. Благодарю насъ за пророчество, Александра Николаевна, но вы забываете что буря наносить иногда существенный вредъ гдв проходить, разораеть и часто совержение уничтожаеть существующее въприродъ.
- Время и силы природы возстановляють опустоменія причиненныя бурей, сказала она.
- Да, и на мъстъ, напримъръ, пораженныхъ деревьевъ вырастиотъ иногда новыя.

Оленина улыбнулась.

- Можетъ-быть, а теперь миню удовольствіе говорить уже съ Евгеніемъ Александровичемъ вторымъ? спросила она.
  - Пожалуй, сказаль опъ тоже сивась.
- Евгеній Александровить второй, вы все стоите! Позвольте предложить вамъ м'всто на дивинв.
- Благодарю васъ, отвътилъ опъ, и сълъ на диванъ почти радомъ съ ней, такъ какъ мъсто, на которое она указала ему, оказвлосъ именно радомъ.

Заботами Надины имъ подвли чай и поставили предъ ними маленькій столикъ. Они продолжали говорить, говорими очень дружески, и никто не мізналь имъ.

Лиза съ дъвицей де-Моль возвратились изъ своего путешествія по другимъ компатамъ въ заль и устлись къ чайному столу. Лишь только онъ пришли, ихъ атаковалъ курчавый офицеръ, ръшительно не любившій столть покойно на одномъ мъсть. Всякое слово его, произносимое притомъ громко, сопровождалось жестомъ объихъ рукъ, для чего онъ подымалъ ихъ вмъстъ съ саблей, которую все время держалъ предъ собой. Опуская руки, онъ сильно стучалъ саблей объ полъ.

Чъмъ громче было словесное выраженіе мысли, тъмъ сильнье отзывался полъ. Онъ горячо доказываль что княгина Пудовикова должна была, даже была вынуждена, и что наконець ей было крайне необходимо дать тоть баль, о которомъ уже было разглашено по городу. Онъ доказываль эту необходимость тъмъ, что княгина купила на дняхъ домъ, и прибавиль къ этому что многіе находили его выводъ совершенно логичнымъ. Покончивъ съ домомъ и баломъ, онъ перешелъ къ кучеру дъвицы де-Моль. Онъ ръшительно находиль невъроятнымъ чтобы кучеръ не могь повернутъ въ Столешниковъ переулокъ ихъ пары. Онъ говорилъ что онъ самъ умъетъ хорошо править, что понимаетъ это дъло въ совершенствъ, такъ какъ не разъ правилъ тройками, и даже въ темныя ночи. Онъ просилъ повволенія рекомендовать имъ хорошо извъстнаго ему кучера.

Оленина говорила въ это врема Нагибину:

- Неужели ізы такъ-таки совершенно одни провели эти годы въ деревиъ?
- Да, совершенно одинъ. Я не разъ, впрочемъ, уважалъ оттуда и побродилъ по свъту. Былъ почти целый годъ за границей. Одну виму прожилъ въ Петербургв. Путешествовалъ немного по югу Россіи, но последнее врема и жилъ почти безвытвяно въ деревить.
- Я очень мало знакома съ жизнію въ деревить, и мить кажется, я не въ состояніи была бы прожить въ ней одна даже короткое время.
- Если можно свыкнуться со страданіями, Александра Николавна, то можно привыкнуть къ деревит и ея скукт. Человъкъ притомъ легко можетъ жить одною своею внутреннею жизнью.
- Конечно, это возможно, но я думаю, что не все люди одарены такою способностью.
- Mrb кажется что человъкъ, въ случав надобности и необходимости, можетъ оказаться ко всему способнымъ.
- Евгеній Александровичь, вы мив вчера казались неспособнымъ говорить даже такъ, какъ вы говорите сегодня. Pardon! проговорила она.—Вчера мив было досадно смотрыть на васъ, и и дала себы слово, во что бы то ни стало, доискаться въ васъ способности быть человыкомъ въ обществы съ другими людьми.
  - И вижу, вы доискались! Какъ легко открыть человъку

его способности! Я самъ былъ убъжденъ что не могу даже разговориться, а вы только покапризничали со мной, и я оказался уже Нагибинымъ вторымъ.

Опи оба засмъялись.

- Если ужь мив это удается, то я буду продолжать kanpusничать. Можно, Евгеній Александровичь? спросила она, понижая голосъ.
  - Должно, если вамъ удаются капризы, отвечаль онъ.

Чай окончился. Столъ былъ убранъ. Nadine, посмъявшись съ курчавымъ офицеромъ, подошла къ роялю и заиграла вальсъ, тотъ же самый увлекательный вальсъ, который она играла наканунъ. Офицеръ быстро отстетнулъ свою саблю, однимъ скачкомъ поставилъ ее въ углу, а другимъ подлетвлъ къ дъвицъ де-Моль и раскланялся предъ ней, стукнувъ шпорами. Дъвица де-Моль положила свою руку ему на плечо, объ обхватилъ ея талію, и они закружились.

— Cama! Душка! кричала Лиза, направляясь къ Олениной. — Пойдемъ со мной.

Оленина съ готовностью приподнялась съ дивана и опъ, такъ же какъ и наканунъ, весело вавертълись по компать.

У Нагибина опять что-то защемило въ груди, когда Оленина пошла танцовать. Онъ впивался въ нее глазами. Она улыбалась ему, когда приближалась къ дивану. Сдёлавъ нъсколько круговъ по залъ, дъвщы остановились. Офицеръ подбъжалъ къ Лизъ, та согласилась, и они понеслись. Оленина подошла къ Нагибину; онъ приподнялся съ дивана.

- Евгеній Александровичь второй, хотите быть моимъ провидъніемъ? сказала опа улыбаясь, и подвинулась къ нему очень близко. Она смотръла ему прямо въ глаза и улыбалась.—Нагибинъ второй, продолжала она тономъ просящаго,— не имъетъ причинъ отказываться.
- Напротивъ, окъ-то и имветъ ихъ, потому что первый такцовалъ когда-то.
  - Ну, что жь! идете? умоляла она его глазами.

Нагибинъ оставался минуту въ нерешимости.... и уступилъ.

— Евгеній Александровичь, что съ вами? Браво! браво! раздались голоса Лизы и Надины, когда онъ увидали его танцовавшимъ. Лиза аплодировала и кричала, подпрыгивая: — Прелесть, прелесть!

Когда они остановились, Оленина крыпко пожала руку Нагибину. У него закружилась голова отъ непривычных для него движеній, и онъ потянуль руку къ головъ. Лиза бросилась въ гостиную разказывать это необыкновенное происшествіе матери.

Надина подошла къ Нагибину. Все какъ будто были обрадованы.

— Это мы должны тебя благодарить, Саша, обратилась она къ ней.—Теперь, Евгеній Александровичь, вы не можете болье отказываться отъ танцевъ.

Опъ продолжалъ держать себя за голову.

— Матап даетъ намъ прекрасную мысль, говорила Лиза, возвращаясь изъ гостиной. — Она совътуетъ протанцовать французскую кадриль.

Мысль поправилась. Офицеръ расшаркивался уже предъ девицей де-Моль.

- A вы должны быть опять моимъ провидениемъ, Евгеній Александровичъ, и если эта роль легка и непротивна вамъ сегодня, вы танцуете со мной? Да? допрашивала его Оленина.
- Да вотъ вамъ дама чтобы руководить ею, отдълывался Нагибинъ, указывая на Лизу.
- А я хочу чтобы въ со мной танцовали, вѣдь вы позволили мнѣ капризничать.... говорила она шутливо. — Идемте, слышите! я прошу васъ, безъ всякихъ отговорокъ, прибавила она, взявъ его за руку.

Нагибинъ шелъ какъ школьникъ котораго ведутъ на расправу.

- Я уже забыль какь танцують. Я перезабыль фигуры, говориль онь.
- Я вамъ и укажу, и напомню, упрямый и самолюбивый человъкъ, говорила Оленина, ведя его за руку.

Надина заиграла. Офицеръ охорашивался, стоя съ дъвицей де-Моль около двери въ буфетъ. Нагибинъ съ Олениной стали противъ нихъ.

Начали кадриль.

Лиза стояла около Нагибина, смѣялась и показывала ему что надо дѣлать.

Нагибину какъ будто поправилось тапцовать, онъ не на тутку развеселился и расходился. Кадриль тапцовали тумно и весело. Офицеръ ловко и старательно исполнялъ свою обязанность и запималъ безъ умолку дъвицу де-Моль разговоромъ.

Во время кадрили вышелъ генералъ изъ своихъ апарта-

ментовъ и провожалъ увзжавшаго толстаго господина въ вицъ-мундиръ. Генералъ любезно здоровался по дорогъ и жалъ руки тъмъ кого еще не видалъ. Увидавъ Нагибина танцующимъ, онъ остановился, улыбнулся и почти закричалъ:

— Ба, Евгеній Александровичь! танцуєть! Прогрессь! Воть

не ожидалъ! Еще бы! прибавилъ опъ.

Господинъ въ вицъ-мундиръ проигралъ, а потому шелъ чревъ залу скоро, обходя танцующихъ, и все кланялся, прискакивая на одной ногъ.

Къ концу кадрили въ залу вышли партнеры генерала. Партія генеральши въ это время тоже окончилась. Кокова торопилась, чтобы отъбхавъ въ карете Ащеуловыхъ, успеть прислать ее для отвоза Лёфнера.

Генеральша со старухой Олениной тоже вышли въ залу.

Къ нимъ подошли партнеры генерала.

Кадриль кончилась.

— Благодарю васъ, Александра Николавна, за возвращепіе меня къ жизни, говорилъ Нагибинъ, кланяясь ей.

Оленина ничего не отвъчала, но нъкоторое время не вынимала своей руки изъ руки Нагибина.

- Когда вы вдете? вдругь спросила она его не громко.
- -- Хотвлъ вхать после завтра.
- Опять въ деревню? и надолго?
- Да, опять въ деревню и, въроятно, надолго.
- Что васъ тянетъ туда?
- Не знаю. Но въдь и здъсь нъть причивъ оставаться? сказаль онъ, немного подумавъ.

Она взглянула на него во все глаза. Потомъ улыбнулась и сказала:

- Причинъ нътъ для Нагибина перваго.
- А для втораго? развъ есть? живо спросиль онь.
- Сата! вдемъ! раздался голосъ Оленивой старухи.

Оленина стала прощаться, не отвітивъ ему ничего. Она прощалась молча, медленно, не такъ какъ обыкновенно. Оленины пошли въ переднюю. Нагибинъ слідоваль за ними. Всі пошли провожать.

Оленина мать протяпула руку Нагибину и сказала:

— Я буду очень, очень рада, monsieur Нагибинъ, видъть васъ у себя.

Нагибинъ молча и низко поклонился.

Въ передней была толкотня, въ ней сделалось уже такъ тесно, что офицеръ съ девицей де-Моль и Nadine отрети-

ровались въ залу. Люди суетились, отыскивая верхнюю одежду. Генералъ только что проводилъ своихъ партнеровъ и оставался въ передней, держа подъруку Лёфнера.

Нагибинъ пробрадся къ Олениной-дочери. Она протянула ему руку, онъ кръпко сжалъ ее. Онъ отыскалъ ея шубу и стадъ подавать ее ей.

- Такъ прощайте, сказала она:—вы ръшительно ъдете?
- Не знаю. Не решиль. Можеть-быть и совсемь не уеду.
- Почему? проговорила она, точно обрадовавшись этому отвъту.

Онъ набрасываль ей тубу на плечи.

- Почему? повторила она.
- Нагибинъ второй страстно хочеть остаться въ Москвъ. Какъ вы ему посовътуете? Ръшайте скоръй!

Голосъ его дрожалъ немного.

Она поблівдивля. Глаза ся сдівлались влажны. Она держалась за візшалку рукой и молчала, пока лакей малівлаль ей теплые сапоги.

- Когда и куда вы здете, monsieur Нагибинь? спросила его громко мать Олениной, понти уже въ дверяхъ которыя вели въ свии. Она не выходила, поджидая дочь.
- Отвівчайте, умоляю вась, что должень и сказать вашей матери? шепталь окъ.

Она молчала.

- Ради Бога, отвічайте скорій что я должань сказать.
- Оставайтесь, промоденда она едва саышнымъ голосомъ.
- Теперь не зду никуда, madame Оленина, а останось въ Москвъ, сказаль онъ громко, твердо и радостно.
- Еще бы, проговориль генераль, ванахнувъ рукой для чего-то кверху.
- Очень рада, воть и прекрасно! Конечно оставайтесь: въ Москвъ вессата, отвъчава старука Оленина.
- Еще бы, произнесъ генералъ внушительно и повторилъ слова Олениной: "въ Москвъ весельй", какъ эхо повторяетъ чужіе звуки, не повимая икъ смыма.

Черезъ мъсяцъ, обрядъ вънчанія соверженъ быль у Николы Явленнаго, на Арбатъ, въ 8 часовъ вечера. Кареты стояли въ два ряда по улицъ, вплоть до самыхъ Арбатскихъ веротъ.

C. TAHBEBL.

АРТЕЗІАНСКІЙ КОЛОДЕЗЬ

BB MOCKBB

Поверхность земнаго шара представляеть намъ воду и суту. Вода, образуя моря или океаны, покрываетъ около трехъ четвертей всей эемпой повержности, и разделена на ней весь-'ма перавномърно. Внутри земнаго шара вода также занимаеть большое пространство, перерызывая его какъ бы жи**лами** во вобкъ возможныхъ паправленіяхъ. Вытекая оттуда на материки или сушу, она собирается въ источники, ручьи и наконецъ въ ръки, эти водяные пути, разпообразно извивающісся. Несмотря на все это, вода, составляющая одну цвъ самыхъ жизненныхъ стихій, не вездь, не во всьхъ странахъ находится въ томъ изобиліи, въ какомъ она необходима для растеній, для животныхъ и для самого человівка. Лабы восполнить этоть недостатокь, мы часто принуждены бываемь прибъгать къ искуственнымъ способамъ для добыванія воды изнутри земли. Въ настоящее время эти способы доведены до замъчательнаго совершенства, и представляють больтой интересъ не только въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи, но и по своимъ паучныхъ основаніямъ. Я намфрекъ въ настоящей статыв сказать квсколько сдовъ вообще объ этихъ способахъ, и потомъ остановиться на одномъ USB RUXB NO DECUMYMECTRY.

Какіе же это способы?

Самые употребительные способы для добыванія воды изнутри земли—*колоду*ы, обыкновенные или рытые, трубчатые или американскіе, и буровые или артезіанскіе. Рытые или обыкновенные колодцы всемъ известны и не требують никакихъ объясненій. Трубчатые или американскіе изобретены недавно, и въ короткое время успели уже обратить на себя всеобщее вниманіе. Они придуманы Американцемъ Нортономъ, и потому называются иначе Нортоновскими колодцами.

Подъ названіемъ Нортоповскаго или американскаго колодца разумъются кованыя жельзныя трубки, навинчиваюшіяся одна на другую, въ большемъ или меньшемъ числь, по мвов надобности, и вбиваемыя въ землю до глубины того слоя, въ которомъ находится вода. Каждая трубка длиною въ сажень, а въ діаметр'в отъ 11/4 до 2 дюймовъ, и въсколько болве. Существенная часть всего аппарата состоить изъ кованой жельвной трубки А (фиг. 1), имъющей стальное остріе и спабженной отверстіями на пространствю около двухъ футовъ, начиная со дна. Трубка эта вбивается въ земаю при помощи бабы С, которая поднимается на блокахъ В. и при паденіи ударяется о выдающуюся часть D. Посліваная состоить изъ двукъ штукъ, которыя вмъсть свинчиваротов на трубкъ, и, для большаго спъпленія между собою и съ трубкой, на внутренией поверхности покрыты зазубринами. Когда эта выдающаяся часть, при движеніи трубки внивъ. приблизится къ земль, ее отвинчивають и прикрыпляють къ трубки на большей высоть. Часть, поддерживающая блоки, такимъ же образомъ перевинчивается выше, и по мъръ надоблости, привинчиваются ко вбиваемой трубки новыя, чтобы увеличить длику ел. Впрочемъ, въ колодиахъ подзивитато и лучшаго устройства, блоки, при помощи коихъ подпимаютъ бабу, прикрыпляются къ особому постоянному треножнику. какъ это видно на фиг. 3, чрезъ что устравлется перевинчиваніе этой части и сберегается время. Какъ только трубка вбита въ слой, содержащій въ себ'в воду (что узнается обыкновенно посредствомъ лота, опускаемаго въ трубку), къ ней прикрыпляется такъ-называемый очистительный насосъ (cleansig pump); а когда начнеть течь чистая вода, то его замъняють простымъ насосомъ. Очистительный насосъ вытягиваеть песокъ и землистыя части, окружающія нижнюю часть трубки, и образуеть вокругь нед резервуарь для воды, какъ это показано въ В на фиг. 2. На томъ же чертежь С обозначаеть верхнюю границу слоя содержащаго воду. Увеличивая число колодиевъ и соединая ихъ верхнія отверстія, можно получить значительное количество воды. Въ Англіи такое устройство примънено съ большимъ успъхомъ въ накоторыхъ мануфактурныхъ заведеніяхъ и пивоварняхъ.

По новости предмета, а полагаю, будеть нелишнимъ описать нъсколько опытовъ, которые были произведены въ Англіи съ Нортоновскимъ колодцемъ, и указать при этомъ еще на нъкоторые дополнительные къ нему механизмы.

При опытахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, прежде всего быль опущенъ въ землю трубчатый кололезь, савланный по образпу тахъ которые въ настоящее время употребляются Ангичанами въ Абиссиніи, и которымъ они обязаны почти вськи успъхами своей абиссинской экспединіи. Трубка имда въ діаметръ не болье одного дюйма съ четвертью; баба въсила 70 фунт. Трубка эта въ 17 минутъ была вбита двума работниками на глубину 14 футовъ. Лотъ, опущенный въ трубку, показалъ въ ней около пяти футовъ воды. Тогда быль привинченъ насосъ, и чрезъ 19 минутъ, считая отъ вачала работы, вода накачивалась уже совершенно свободно. Преддожили выкуть трубку, чтобы вильть сколько кужно време-HU AAR STOTO, U MERISE VEME BE DOATODE MURVIE BOCK SING рать быль вынуть изъ земли, при помощи рычага. За тыс трубка въ 2 дюйма въ діаметръ была вбита на 30 фут. мубивы, сравнительно, въ столь же короткое время, и было получено значительное комичество воды. Потомъ подвергац испытанію трубку еще большаго діаметра, и при этомъ понадобилось употребить особый механизмъ. Трубка больтаго діаметра оказываеть весьма сильное противольйствіе ударамъ бабы: после каждаго удара опа отскакиваетъ или приподнимается; необходимо было уничтожить это противодъйствіе. Нортонъ достигнуль этого весьма остроумным механизмомъ, представленнымъ на фиг. 3. Онъ состоить изъ noперечной перекладины, которая накладывается на верхній конецъ трубки. Къ обоимъ концамъ этой переказдины прикратляются особые снаряды въ видь двухъ призить, на которыя уже дыйствуеть сила, удерживающая трубку отъ приполедмакія къ верху. Оть нижних концовъ призиъ проведены цени къ вороту, при помощи которато можно, смотра по вадобности, подвергнуть трубку большему или меньшему давления, оть 4 до 20 тоннъ. Такимъ образомъ противодъйствие трубки уничтожается, и она свободно уступаеть ударамь бабы. При описываемомъ опыта трубка безъ труда была вбита на 14

футовъ, и въ ней оказалось до 5 фут. воды, которая, по мъръ выкачиванія, становилась все чище и чище.

При употребленіи Нортоковскаго колодца необходимо обратить внимание еще на некоторыя обстоятельства. Бываютъ случаи что трубка засоряется, и вода не въ состояни проникать въ нее, несмотря на то что достигла уже слоя содержащаго въ себв воду. Это случается, когда трубка проходить чрезь сыпучіе пески, или чрезь вязкія глины. — обстоятельства, составляющія, какъ изв'єстно, большое препатствіе и при копаніи обыкновенных володиевъ. Засореніе происходящее отъ сыпучаго песку, въ Нортоновскомъ колодив предотвращено тыкь, что въ продыравленную часть трубки вставляется другая, также продыравленная, а въ промежутокъ между ними помъщвется проволочная сътка; это устройство, очевидно, служить вывсто фильтра. Въ песчано-сыпучихъ почвахъ оно вполнъ удовлетворяетъ пъли, но не можеть воспрепятствовать засореню трубки вязкою тачной. Въ последнемъ случае поступають такъ: наполняють трубку водою и производять на нее сильное давленіе. Этимъ давленіемъ вода продавливается сквозь засорившіяся отверстія, и темъ очищаєть ихъ.

Нортоновскій колодезь имветь большое преимущество предъ обыкновеннымъ, въ особенности относительно своей подвижности, или возможности перенесенія его изъ одного маста въ другое, относительно дешевизны и скораго добыванія воды. Но употребленіе его ограничивается только извъстными почвами; овъ можеть быть опускаемъ исключительво только въ рыхлыя и магкія почвы, легко уступающія острому концу трубки; напротивъ, тамъ гдв почва состоитъ изъ известняка, песчаника и другихъ твердыхъ породъ, такой колодезь пеприложимъ. Въ настоящее время во Франпіи и Англіи принято за правило снабжать войска Нортоновскими колодиами во время передвиженія ихъ по такимъ мъстамъ которыя не богаты водой, и особенно хорошею водой. Въ предвляхъ Россіи, безъ сомнинія, найдется много такихъ мъстностей, въ которыхъ Нортоновскіе колодны могуть быть употреблены съ большою пользой.

Вообще, какъ обыкновенные, такъ и Нортоновскіе колодщы удовлетворяють, такъ-сказать, только первой потребности, по тому количеству воды которое ими доставляется. Но для того чтобы добыть воду гораздо въ большемъ и постоянномъ или неизмъняемомъ количествъ, устраиваются буровые или *артезіанскіе* колодцы. Такъ называютъ ихъ отъ французской провинціи Артуа или *Артезіи*, гдъ съ давняго времени они имъли обширное и счастливое примъненіе.

Артезіанскій колодезь,—это вертикальная скважина, которая, при помощи буренія, опускается на большую глубину, на 50, на 100, 200 саженъ и болье, вообще до водянаго слоя имъющаго большій или меньшій наклонъ. Посредствомъ этой скважины вода собственнымъ напоромъ поднимается до самаго верха, или даже выше его и бьетъ фонтаномъ.

Артезіанскіе колодиы въ настоящее время сделались самою насущною потребностью, не только какъ средство добывать подземную воду для домашняго употребленія, но и какъ могучая авижущая сила. Артезіанская вода выходить большею частью такимъ непрерывнымъ и обильнымъ потокомъ, что можеть служить для разнообразнейшихъ пелей въ промышленности и сельскомъ хозяйствъ. Трудно исчисанть вов примъненія артезіанской воды какъ движущей силы. Ова вращаеть мельничныя колеса, движеть огромные молота вы фабричных заведеніяхь. На сахарныхь, винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводахъ въ Англіи давно употребляють почти исключительно эту воду. Целые города спабжаются артезіанскою водой; проведенная подземными трубами, она служить для орошенія улиць, садовь, бьеть фонтанами, составляющими украшеніе и освъженіе города. Внъ городовъ служить для орошенія дуговь и полей. Кром'в того, артезіанская вода обладаетъ особеннымъ свойствомъ, именно постоянною температурой и вообще более высокою чемъ температура окружающаго воздуха, а иногда и очень высокою. Это свойство воды въ наукъ содъйствовало решению весьма важнаго физическаго вопроса, именно, определению внутренней теплоты земли, а въ жизни получило общирное приложеніе. Этою теплою подземною водой сограваются огромныя фабричныя заведенія и оранжереи для охраненія экзотическихъ растеній отъ холода; артезіанская вода проводится также въ пруды гдъ содержится рыба, не выдерживающая крайностей температуры, ни большаго холода зимой, пи сильнаго тепла летомъ; артезіанскою водой, имъющею постоянную температуру, можно устранить эти крайности. Наконеръ, употребляють ее непосредственно для теплыхъ ваннъ. Такое обширное примънение артезианской воды очень

много зависило отъ того, что втотъ способъ добыванія ея даеть самые обильные и самые постоянные результаты, и въ то же время есть самый дешевый изъ всихъ извистныхъ способовъ.

Жителямъ Африки, Азіи и Америки артезіанскіе колодиы, повидимому, были известны съ самыхъ отдаленныхъ временъ, жотя далеко не въ томъ видъ, какого достигли они въ посавдствіи. Въ западной Европъ древньйтіе артезіанскіе колодцы принадлежать Италіи и устроены тамъ, какъ полага-ють, въ началь XII въка. Въ Россіи буреніе артезіанскихъ колодиевъ относится также къ весьма отдаленному времени. Первопачальное учреждение ихъ въ Пермской губернии исторически извъстно со второй половины XVI стольтія, а въ Старой Русь, въ Новгородской губерніи, еще со времень древнихъ Новгородцевъ, почти за 400 леть до насъ. Те и другіе были устроены собственно для добыванія соленой воды или подземныхъ разсоловъ, употреблявшихся для выварки соли. Послѣ такого ранняго появленія артезіанскихъ колодцевъ въ Россіи, казалось, можно было ожидать что они сдълаются у насъ столь же обыкновенны какъ и въ другихъ странахъ Европы, но вышло наоборотъ. По странной судьбѣ многихъ подезныхъ начинаній въ нашемъ отечествѣ, мы должны были и въ этомъ отстать отъ западной Европы. До триднатых в годовъ нынышняго стольтія у насъ почти не было другихъ артезіанскихъ колодиевъ, кромъ пермскихъ и старорусскихъ. Къ сожальню, и въ настоящее время они не имъють того обширнаго приложенія, какого бы следовало ожи**дать** отъ нихъ.

Вопросъ объ артезіанскихъ колодиахъ, полагаю, не можетъ быть безынтересенъ для читателей. Но это такой обширный предметъ, что желающій изложить его затрудняется не столько педостаткомъ, сколько обиліемъ матеріала. Мяв предстоитъ сдвлать выборъ. Но можно ли колебаться въ этомъ выборъ? Зачемъ ходить далеко за примерами, когда на нашихъ глазахъ, въ самой Москвъ, производится буреніе артезіанскаго колодиа? И какой колодезь въ Европъ или въ другой части света можетъ представить намъ болье интереса чёмъ тотъ который устроенъ для нашего собственнаго удобства?

Московскій артезіанскій колодезь еще не доведень до конца и возбуждаеть много толковь вы публикь, впрочемь,

весьма естественных, какъ по новости предмета, такъ и потому что не все же на столько знакомы съ физическими условіями Москвы чтобы въ состояніи были болье или менте асно представить себь: осуществимо ли у насъ такое предпріятіе, или неосуществимо; если осуществимо, то въ какой степени; удовлетворить ли опо потребностямъ города и т. п. Въ настоящей статьт я постараюсь ответить на эти вопросы. Но прежде нежели перейду къ описанію самого колодца, нахожу необходимымъ предпослать нъсколько общихъ понятій, относящихся къ этому предмету.

Вопервыхъ, откуда происходить подземная вода, питающая артезіанскіе колодны? Составляеть ли она внутри земли особые водоемы, образовавшеся со времени самого происхожденія земли, или накопляется тамъ мало-по-малу, постоянно прибывая по мъръ истощенія ся ключами и другими способами? Много было ученыхъ споровъ объ втомъ предметв, наконепъ решили что подземная вода есть та же самая, которая составалеть моря или океаны на поверхности земли. Горькая морская вода, обращаясь въ паръ отъ действія солвечной теплоты и очищаясь такимъ образомъ отъ посторовнихъ примъсей, переносится вътромъ на материкъ, плаваетъ надъ нимъ въ воздухъ въ видъ тумана или облаковъ, и потомъ ниспадветь на землю дождемъ и спъгомъ. Туть одна часть воды испаряется, входить въ растенія, уносится ріжами, а другая проникаеть въ землю на больтую или меньтую глубину. Оттуда она опять подымается на поверхность земли, собирается въ ръки и посредствомъ ихъ возвращается въ моря чтобы снова начать свое нескончаемое круговращеніе.

Какимъ образомъ однако вода, падающая изъ атмосферы въ видъ дождя или снъга, пробирается внутрь земли?

Опыты показали что почвы, составляющія самую верхкою оболочку земли, не пропускають воды на большую глубину; даже посль сильныхъ и продолжительныхъ дождей онь смачиваются не глубже трехъ, четырехъ или шести футовъ. Однь только песчаныя почвы пропускають воду какъ сквозьрышето. То же самое отчасти надо сказать о всыхъ трещиноватыхъ породахъ, каковы въ особенности трещиноватые известняки. Но и въ этихъ случаяхъ вода останавливается на первой встрытившейся ей плотной породь, также на глинахъ и мергеляхъ. Это та самая вода которая добывается обыкновенными и Нортоновскими колодиами. Въ самыя же нъдра вемли или на большую глубину вода проходить совствить другими путями.

Извъстно что земная кора состоить изъ различныхъ слоевъ, изъ которыхт одни плотны и непроницаемы для воды, а другіе рыхлы и до того скважисты, что въ состояни воспринимать, всасывать и пропускать сквозь себя воду. Къводопровинаемымъ слоямъ принадлежатъ по преимуществу пески, рыхлые песчаники и трешиноватые известняки, а къ непронипаемымъ слоямъ относятся гливы или мергели, и всв плотныя породы. Кроив того извъстно, что въ иныхъ мъстахъ земные слои имъютъ положение горизонтальное или плоское какъ столъ, а въ другихъ болъе или менве изогнуты и подпяты. Такъ почти во всехъ долинахъ, окруженныхъ горами чач возвышелиостями, они представляются въ видв огромной чаши или котловины. Это значить что въ самой срединъ долины слои болъе или менъе плоски, а по направлению къ горамъ или возвышенностямъ и на ихъ склонахъ они бывають приподияты. Теперь легко представить себв что атмосферкая вода, падающая въ видь дождя или скъга ка эти приподнятые кверху слои, необходимо должна пробираться по трещинамъ, и особенно чрезъ рыхлыя породы, далеко внутрь земли, и образовать въ ней слои пропитанные водой, совершенно параллельные съ теми слоями которые воды не пропускають. Действительно, если опускать трубу или скважину внутрь земли на значительную глубину. то можно встретить иногая несколько таких водяных слоевь. принадлежащихъ различнымъ глубинамъ и разделенныхъ между собой плотпыми слоями.

Кавалось бы, вода, провиктая въ такія гаубокія въдра, должна бы была оставаться вкутри земли. Но мы знаемъ что она опять выходить наружу. Какая же сила подымаетъ воду на поверхность земли или даже заставляеть ее бить фонтаномъ, какъ въ артезіанскихъ колодиахъ?

Восхождение воды изнутри земли объяскяется гидростатическимъ давлениемъ или закономъ сообщающихся трубокъ. Законъ втотъ состоитъ въ томъ, что если возъмемъ трубку изогнутую въ два колъна, въ видъ латинской буквы U (фиг. 4), и нальемъ воды въ вту трубку, то вода въ обоихъ колънахъ будетъ стоять на одинаковой высотъ. Теперь поло-

жимъ, что одно кольно втой трубки вставлено въ сосудъ, взъ котораго она непрерывно наполняется водой, и что другое кольно вкизу отръзано и заперто краномъ (фиг. 5). Когда отопремъ кранъ, вода, стремящаяся придти въ уровень, или достигнуть той же высоты, на которой стоитъ она въ сосудъ, будетъ бить изъ короткаго кольна фонтаномъ. Это физическое явленіе объясняется тымъ, что каждая частица воданаго столба находящагося въ трубкъ испытываетъ на себъ давленіе, соотвътствующее тому положенію въ какомъ находится она относительно верхняго горизонта воды. Давленіе водянаго столба находящагося въ длинномъ кольнъ и побуждаетъ воду подниматься чрезъ короткое кольно.

На основаніи этого физическаго закона, какъ извістно, проводится вода въ разныя части города, и устраиваются фонтаны. Наши городскіе фонтаны изъ мытищинской воды устроены на основаніи того же закона. Мытишинская вода проведена до Москвы изъ села Большихъ Мытишъ и полвата въ резервуаръ, устроенный въ Сухаревой башив; оттуда она спускается сперва вертикальными трубами, а потомъ горизонтальными или наклопенными, въ разныя части города. Все это устройство въ сущности представляеть собою нашь аппарать фигуры патой. Сосудь наподненный водой, это резервуаръ Сухаревой башни; длинное кольно съ небольшимъ отръзкомъ другаго, это вертикальныя и друга трубы, распредвляющія мытищинскую воду по городским улицамъ. Теперь, если этой водъ, протекающей по трубамъ и какъ бы запертой краномъ, въ какомъ-либо мъсть открыть выходъ наружу, посредствомъ вертикальныхъ трубокъ то она, стремясь достигнуть той же высоты, на которой стоить въ резервуарв Сухаревой башки, будеть бить фовтакомъ, потому что фонтакныя трубки имеють такую маную высоту сравнительно съ высотою резервуара Сухаревой башни, что представляются какъ бы короткимъ кольномъ согаутой трубки.

Строго говоря, вода, протекающая по трубамъ, никога не въ состояніи достигнуть той самой высоты, до которой ова должна была бы достигнуть вследствіе гидростатическаго закона. Такъ въ московскихъ фонтанахъ вода не въ состояніи подняться до высоты резервуара Сухаревой башки; втому препятствують: треніе воды о трубы, сопротиваеніе

воздуха и пакоторыя другія причины, значительно сдерживающія движеніе воды.

Искусственные фонтаны, о которыхъ мы говорили, какъ бы на были они различны по своему наружному устройству, въ сущности одинаковы между собою, потому что всв имъютъ сходство съ сообщающимися трубками и основаны на гидростатическомъ законъ. На основани того же закона происходять и естественные фонтаны, именно поднятіе воды изнутри земли ключами и артезіанскими колодцами. Это также фонтаны.

Представимъ себъ, что какая-либо часть земной коры имветь видь чаши или котловины, состоящей изъ различныхъ слоевъ, изъ которыхъ одни проводятъ воду, а чрезъ другіе она проходить не въ состояніи. На предлагаемомъ чертежь (фиг. 6) представлена именно такая котловина, состоящая изъ трехъ словъ а, b, с, изъ коихъ верхній и нижвій, известнякъ и глина, непроницаемы для воды, а средній, песчаный, проницаемъ. Атмосферная вода, падая на поднятые края этой котловины, будеть проникать только върыхлый песчаный слой b, и не находя себв выхода ни вверхъ, ни внизъ, наполнитъ его собою. Вследствіе того гидростатическаго закона, о которомъ мы говорили выше, вода, находящаяся въ самой срединъ котловины, въ точкъ р, будетъ подвержена давленію или напору водянаго столба, котораго высота рв. Теперь, если въ верхнемъ известняковомъ слов савлается отверстіе dp, естественное или искусственное, то этимъ самымъ водъ, заключающейся въ песчаномъ слов в. будеть отрыть выходь, и она, повинуясь действующему на нее давленію, поднимется до высоты рь, выше поверхности земли, и будетъ бить фонтаномъ.

Объяснимся еще иначе. Всякій водяной слой, находящійся въ вышеозначенных условіяхъ, представляеть собою нашъ аппарать (фиг. 5), какъ бы обращенный сифонъ съ однимъ длиннымъ кольномъ, сифонъ, у котораго не достаеть другаго, короткаго кольна. Когда это недостающее короткое кольно замънится естественною трещиной въ землъ, составится родникъ или ключъ, а когда, вмъсто трещины, пробуримъ вертикальную и правильную скважину, получимъ артезіанскій колодезь. Вода въ обоихъ случаяхъ будетъ подыматься до той высоты, до которой достигнетъ водяной слой въ верхнемъ поднятомъ краъ. Чъмъ значи-

Digitized by Google

тельнъе высота, на которой находятся поднятые края, тъмъ выше будеть подыматься вода.

Такимъ образомъ буровую скважину или артезіанскій колодезь можно сравнить съ короткимъ кольномъ такого сифона, у котораго длинный шее естественное кольно открывается на высокихъ склонахъ какой-либо горы, и тамъ изъ атмосферныхъ осадковъ, дождя и сныга, почернаетъ свой запасъ, какъ бы изъ сосуда постоянно наполненнаго водой.

На основаніи предложенной теоріи легко рышается самый важный практическій вопросъ относящійся къ артезіанскимъ колодцамъ, именно: какія мыстности должны быть избираемы для заложенія артезіанскихъ колодцевъ, или какія мыстности служать ручательствомъ за успыхъ подобныхъ предпріятій.

Изъ того что мы сказали выше следуеть само собою, что при выборь мъстностей для артезіанскаго колодца прежде всего необходимо обратить внимание на ея наружный видъ или рельефъ. Вообще она должна имъть видъ болье или менье обширной котловины, или такого пространства, которое бы кругомъ или съ нъкоторыхъ сторонъ замыкалось возвышенностями или горами. Далве, слои, составляющие такую котловину, пеобходимо должны быть болве или менве изогнуты, или по крайней маръ имъть наклонение, и представлять видъ чаши, краями своими выходящей наружу. Наконецъ, необходимо чтобъ эта чаша или котловина состояла изъ породъ рыклыхъ, легко проводящихъ воду, и другихъ плотныхъ, не проводящихъ воды. Всв эти требованія понятны сами собою. Я савлаю только одно замъчание. Полъ названіемъ котловинъ, избираемыхъ для заложенія артезіанскихъ колодпевъ, не надо разумъть такое пространство, которое бы непременно замыкалось близкими горами или возвышенностями. Напротивъ, горы или возвышенности могуть находиться иногда на весьма большомъ разстояни. Нѣкоторые артезіанскіе колодцы быють посреди пространнайшихъ равнинъ; гда же, спрашивается, искать водяныхъ столбовъ, которые бы своимъ давленіемъ понуждали воду выходить наружу? Этихъ столбовъ надо искать за предвлами того пространства которое можно обнять глазомъ, за 50, за 100, за 200 версть и более. Можеть показаться сомнительнымъ, чтобы подземные водяные олои могли имъть такое огромное протяжение, въ 200 верстъ и болье. Дъйствительно, еслибы не было достовърно извъстно, что простравства земли въ 200 или 300 верстъ весьма часто имъютъ совершенно одинаковое образованіе. Впрочемъ, въ доказательство того, что подземные водяные слои простираются иногда очень далеко, мы укажемъ на явленіе замъченное многими мореплавателями. Посреди морей есть ключи пръсной воды: вода этихъ ключей, безъ всякаго сомнъмія, должна притекать съ твердой земли, ниже морскаго дна, между тымъ какъ такіе ключи встръчались мореплавателямъ въ разстоявіи ста миль и болье отъ ближайшаго берега.

Посав этихъ общихъ повятій объ артезіанскихъ колодиахъ, перехому къ частному описанію Московскаго артезіанскаго колодиа.

Устройство въ Москвъ артезіанскаго колодца вызвано тъмъ затрудвительнымъ положеніемъ, въ какомъ находятся городскіе жители относительно свабженія ихъ водой. Это положеніе весьма ярко и со всею точностью изображено барономъ Дельвигомъ въ его отчеть о дъйствіи Московскихъ водопроводовъ *, горнымъ инженеромъ Бабинымъ въ той запискъ которая была читана имъ въ Обществъ Любителей Естествозванія, и потомъ представлена въ Московскую городскую думу, ** и ваконецъ самою думой въ докладъ коммиссіи объ устройствъ въ Москов артезіанскаго колодца.

Москва въ настоящее время снабжается водой посредствомъ двухъ искусственныхъ водопроводовъ: одного изъ ключей села Большихъ Мытищъ ***, а другаго изъ ключей Сокольничьей рощи. Первый доставляетъ въ сутки до 500 тысячъ ведръ, а второй до 40 тысячъ ведръ. Сокольничьемъ водопроводомъ снабжаются колозцы въ Сокольничьей слободъ и два Каланчевскіе, противъ станціи Николаевской желъвной дороги, а Мытищинскимъ—всъ городскіе фонтаны, водоразборные колодцы и 36 отдушенъ для пожарныхъ случаевъ. Количество воды, доставляемое Москвъ означенными водопроводами, оказывается слишкомъ недостаточнымъ для жителей. Такъ мяюте изъ обывателей, при всемъ желаніи провести

^{*} Журп. путей сообщенія, 1860 г. кв. 2, 1861 г. кв. 4 и 1864 г. кв. 1. Также въ Руководство къ устройству водопроводовъ.

^{**} О водоснабувении Москвы и проекть устройства вы ней артеsianckazo колодиа. 1865 г. 11 февраля.

^{***} Въ разстояніи одной версты отъ села Больших Мытища и въ
15 верстахъ отъ городской заставы по Ярославскому моссе.

мытищинскую воду въ свои дома, не могуть пользоваться этимъ удобствомъ. Въ Москвъ до настоящаго времени мытищинская вода проведева всего въ 51 зданіе, но и это удобство, по окончаніи контрактамить сроковъ, должно быть прекращево. Недостатокъ воды чувствуется еще болье во время пожаровъ, особенно въ тъхъ частяхъ города которыя удалены отъ Москвы-ръки и Яузы; городскіе фовтаны не въ состояніи удовлетворить этой потребности. Наконецъ, по той же причинъ, Москва терпить большое неудобство въ гитеническомъ отношеніи: городскія канавы, водосточныя трубы и улицы, не будучи достаточно промываемы, заражають воздухъ вредными испареніями.

Какое же однако количество воды можеть быть достаточно для Москвы, чтобъ устранить всв означенныя всудобства?

Количество воды, необходимое для города, зависить прешнушественко отъ степеки благосостоянія и промышленных 38пятій его жителей. Въ Англіи на одно домашнее употреблевіе каждаго жителя полагается около трехъ ведръ въ сутки, во Франціи около двухъ. Принявъ среднее изъ этих данныхъ, то-есть два ведра на человака, и прибавивъ къ этому ведро на тушение пожаровъ, выходитъ, что на каждаго городскаго жителя необходимо никакъ не менье трехъ ведръ въ сутки. Такимъ образомъ, принимая населеніе Москвы въ 400 тысячь, оказывается, что для потреблевія ея жителей необходимо иметь воды до жилліона деухо сото тысяча ведра ва сутку, а Mockba получаетъ всего 540 тысячь ведръ, не болве одного ведра съ четвертью на человъка. Значить, ей недостаеть еще отъ 660 до 700 тысячь ведръ. Но въ этоть разчетъ не входить вода для промышленных заведеній и для очистки водостоковъ, въ противномъ случав потребовалось бы по крайней мере по шеста ведръ на человъка.

Городское управление давно старалось довести спабжение Москвы водой до того количества какое ей пеобходимо. Главное внимание его въ этомъ отношении всегда обращалось на Мытищинские ключи. Первоначальнымъ проведениемъ ихъ въ городъ мы обязаны генералу Бауру, которому поручено было императрицей Екатериною II спабдить Москву водой (1779 г.). По проекту Баура предполагалось провести въ городъ мытищинской воды около 330 т. ведръ въ сутки, такъ что, во тогдашнему населению Москвы въ 250 т., приходи-

допровода, уже послѣ смерти Баура, вмѣсто предполагаемыхъ 330 т. ведръ, Москва получала менѣе 200 т. ведръ, а потомъ и вовсе ничего.

Въ 1828 году городское управление поручило гепералу Япиту исправить Мытишивскій водопроводь. Изслінованіе показало, что главное повреждение водопровода произошло ва протяжени отъ Москвы до села Алексвевскаго, а на всемъ остальномъ пространств'в вода притекала еще въ достаточномъ количествъ. Не находя возможнымъ исправить поврежденную часть водопровода, Янить устроиль близь Алековевскаго села водоподъемныя машины, и съ помощио ихъ провель воду по чугуннымъ трубамъ, въ количествъ 180 т. ведръ въ сутки, въ резервуаръ, устроевный имъ въ Сухаревой башив, и оттуда пусталь ее въ фонтаны: Шереметевскій, Никольскій, Варварскій, Театральный и Воскресевскій. Къ сожальнію, и эти исправленія, кончивтіяся въ 1834 году и стоивтія городу до 725 т. асс., не принесли ожидаемой пользы. Всявдствіе усиливтейся ветхости водопроводныхъ и бассейныхъ построекъ въ самыхъ Мытишахъ, притокъ воды, сначала довольно обильный, сталъ постоянно уменьшаться, и наконець въ 1848 году мытишивской воды получалось менже 100 т. ведръ.

Снова должны были приступить къ исправленіямъ водопровода. Кромъ того, не вадъясь, чтобы Мытищинскіе ключи въ состояніи были дать болье 330 т. ведръ въ сутки, положили пополнить это количество проведеніемъ воды изъ рѣки Москвы. Для подъема этой воды, въ количествъ около 275 т. ведръ, генераль Максимовъ, управлявшій тогда водопроводомъ, предложиль установить три паровыя машины. Въ то же время было предложено имъ 40 тыс. ведръ провести изъ Сокольничьяго водопровода на Богоявленскую площадь, независимо отъ тъхъ 40 тыс. которыя тоть же водопроводъ доставляль въ Каланчевскіе колодцы и другія мъста. Такимъ образомъ предполагалось доставлять Москвъ около 685 тыс. ведръ въ сутки. Но прежде нежели этотъ проектъ успъль вполнъ осуществиться, прежде нежели всъ предположенныя работы были по-кончены, снабженіе города москворъцкою водой оказалось

весьма неудобнымъ, потому что водопроводы по цваниъ месяцамъ оставались въ бездъйствіи: весною отъ засоренія всасывающихъ трубъ мутною водой, а зимой отъ замерзанія воды въ водопроводахъ. Одинъ изъ этихъ недостатковъ, конечно, можно было бы устранить фильтраціей москворъцкой воды, а другой—болье глубокимъ проложеніемъ трубъ, но устройство фильтровъ для очищенія 275 тыс. ведръ въ сутки, поддержаніе этого устройства и новое проложеніе трубъ потребовали бы такихъ же издержекъ какія были уже употреблены на проведеніе москворъцкой воды, около 140.000 руб. сер. (безъ прокладки трубъ).

Все это заставило городское управленіе снова обратиться къ Мытищинскимъ ключамъ и сділать попытку: нельзя ли увеличить ихъ притокъ. Къ счастью, такое увеличеніе оказалось возможнымъ. Баронъ Дельвигъ, вступившій въ управленіе водопроводомъ послів генерала Максимова, нашель что мытищинскіе ключи слишкомъ подперты, и что количество даваемой ими воды можетъ быть увеличено пониженіемъ подпорнаго горизонта воды въ бассейні и водопроводть. *
Такимъ пониженіемъ баронъ Дельвигъ достигъ того что Мытищинскіе ключи, вмісто 330 тыс. ведръ въ сутки, стали давать 500 тыс. Получивъ столь счастливый результать, онъ полагалъ что, въ случав надобности, темъ же способомъ можно будеть еще болье увеличить количество мытищинской воды, но последующіе опыты не оправдали этого ожиданія.

Послѣ втого, городское управленіе, для восполненія недостающаго количества воды, обратило свое вниманіе на другіе ключи, находящіеся въ самой Москвѣ и по сосѣдству съ нею. Изъ такихъ ключей болѣе другихъ извѣстны: ключи Ходынскаго поля, близь Андреевской богадѣльни, за Трехгорною заставой, на Дѣвичьемъ полѣ (колодезь Вавилонъ), за Рогожскою заставой, въ Преображенскомъ, на Введенскихъ

^{*} Дѣло въ томъ что Мытищинскій бассейнъ не быль достаточно углубленъ въ тотъ слой который ваключаетъ въ себѣ воду, такъ что многіе ключи этого слоя не втекли въ бассейнъ. Баронъ Дельвигь углубиль его во всю толщу водянаго слоя, до самой почвы, и чрезъ то даль возможность образоваться гораздо большему притоку ключевой воды. Сообразно съ этимъ былъ пониженъ горизонть воды и въ водопроводѣ, который находится съ бассейномъ совершенно въ такихъ же условіяхъ въ какихъ сосуды инфющіе между собою сообщежіе и наполненные водой.

горахъ, близь Андроньева монастыря и на Пресне. Самыми обильными изъ числа поименованныхъ ключей оказались находящісся близь Андреевской богадельни и на Ходынскомъ поле за Тверскою заставой.

Анареевскіе ключи расположены немного выше горизонта ръки Москвы, внизу обрывистаго берега, и представаяють две группы: одну при самой богадельне, где находится семь колодцевъ, а другую въ некоторомъ разстояніи отъ богаджавни, гдв находится одинъ колодезь. Есаи соединить всв эти колодны однимъ общимъ водопріемникомъ, то, по приблизительному соображенію, можно будеть получить изъ нихъ до 100 тыс. ведръ въ сутки. Но для проведенія этой воды въ Замоскворвчье, въ замынь тамошнаго мытишинскаго водоснабженія, потребуется поднимать ее значительно выше чемъ воду изъ ходынскихъ каючей. Притомъ андреевская вода не столь хорошаго качества какъ ходынская. Значить, проведение воды изъ ходынскихъ ключей имъетъ преимущество предъ андреевскими, даже въ томъ случав еслибъ они не въ состояни были давать болье 100 тыс. ведръ въ сутки, то-есть столько же сколько и андреевскіе. Но Ходынскіе ключи и въ этомъ отпошеніи имеють большое преимущество предъ Андресвскими. Когда въ 1867 году, по распоражению правления IV округа путей сообщенія, быль заложень колодезь на Ходынскомъ поль, именно близь скаковаго круга, то оказалось что тамошніе ключи могуть доставлять около 300 тыс. ведрь въ сутки, особенно если опустить колодезь еще на большую глубину.

Городская дума, получивъ эти свъдънія, просила правленіе IV округа, углубить Ходынскій колодезь сколько нужно, и въ точности опредълить то количество воды на которое могутъ расчитывать городскіе фонтаны.

Согласно съ желаніемъ думы, Ходынскій колодезь былъ углубленъ въ 1868 году, и въ октябрѣ того же года измѣрено количество воды имъ доставляемое. Измѣреніе это производилось особою коммиссіей, составленною изъ лицъ командированныхъ правленіемъ IV округа и распорядительною городскою думой. Опыты производились непрерывно съ 9-го по 16-е октября, и привели къ тому заключенію, что Ходынскій колодезь въ состояніи доставлять отъ 270 тыс. до 300 тыс. ведръ въ сутки, и что на то же количество должны быть разчитаны трубы, насосы и машины для проведенія воды въ городскіе фонталы.

Устройство Ходынскаго колодца обощлось городу въ 21.874 руб., а окончательное устройство водопровода предположено въ 79.425 руб. Значить, полное устройство дополнительнаго водоснабжения на 300 тыс. ведръ въ сутки обойдется въ 101.299 руб.

Городская коммиссія была того мивнія что, принимая во вниманіе количество и качество воды Ходынскаго колодца, вышеозначенная заграта не можетъ считаться непроизводительною, даже если, въ последствіи, на содержаніе новаго дополнительнаго водопровода, сверхъ этой временной суммы, потребуется еще ежегодный расходъ до 17.000 руб. На основаніи этого отзыва, городская дума решила отпустить сумму потребную на устройство Ходынскаго водопровода и просила правленіе IV округа чтобъ устройство это было окончено въ возможно-скорое время, именно къ осени текущаго 1869 гола.

Такимъ образомъ Москва можетъ надваться, что къ ковцу ныявшияго года она будетъ получать воды около 840 т.
ведръ въ сутки. Цифра сама по себъ довольно значительная,
но далеко не достигающая того количества какое необходимо для полияго удовлетворенія городскихъ жителей. Откуда же взять недостающее количество воды? Казалось, всъ
средства были истощены. Но въ вто самое время горный
инженеръ Бабинъ предлагаетъ городской думъ устроить въ
Москвъ артезіанскій колодезь. Это едипственный и надежный исходъ изъ того затрудненія, въ которомъ находится
городъ, и потому предложеніе г. Бабина было принято думою съ полнымъ сочувствіемъ и безъ всякихъ колебаній.

Само собою разумъется, что проектъ г. Бабина предварительно былъ подвергнутъ думой всестороннему обсуждению. Для этого была составлена есобая коммиссія изъ лицъ принадлежащихъ къ думъ, изъ составителя проекта и еще двухъ приглашенныхъ, занимающихся научно этимъ предметомъ.

Вопросы обсуждавшеся въ коммиссіи преимущественно были таковы: находится ли Москва въ техъ физическихъ условіяхъ какія пеобходимы для артезіанскаго колодца? Откуда возьмется вода, и какая вода, будеть ли она годиться для питья, не получится ли такой же разсоль какой дали

накоторые изъ прежнихъ артезіанскихъ колодцевъ въ Россіи? Наконецъ, будетъ ли она въ достаточномъ количествъ для города, и не потребуется ли съ его стороны еще какихъ-либо дополнительныхъ устройствъ, водоподъемныхъ машинъ и т. п.? Вопросы чрезвычайно серіозные и заслуживающіе того чтобы мы на нихъ остановились, прежде нежели перейдемъ къ самимъ буровымъ работамъ.

Для того чтобы решить находится ли Москва въ благопріятныхъ условіяхъ для артезіанскаго колодца, надо припомить тв обстоятельства, на которыя обращается внимапіе вообще при выборь мьствостей для заложенія такихъ колодцевъ. Эти обстоятельства были уже мкою указакы. Для этого пеобходимо, вопервыхъ, чтобы положение занимаемое Москвой имело видъ котловины, или такого простравства, которое бы со всехъ сторовъ или съ векоторыхъ было окружено возвышенностями или горами. Вовторыхъ, эта котловина должна состоять изъ слоевъ рыхлыхъ, легко проводящихъ воду, и другихъ плотныхъ, не проводящихъ воды. Кром'в того, эти слои должны быть болве или менве изогнуты, или по крайней мере иметь наклонение, и чрезъ то представлять видъ чаши, краями своими выходящей наружу. Воть условія необходимыя для успыха артезіанскаго колодиа. Спративается: положение Москвы удовлетворяеть ли этимъ **ТОЛОВІЯМЪ?**

Съ перваго взгаяда можетъ показаться сомнительнымъ чтобы пространство, посреди котораго находится Москва. было котловиной. Повидимому, въ соседстве ся нигае неть такихъ возвышенностей или горъ, относительно которыхъ она представлялась бы лежащею въ котловинь. Въ близкомъ сосъдствъ дъйствительно нътъ, но если мы взглянемъ на географическую карту Россіи, то увидимъ что Москва лежитъ въ котловинъ, или въ такомъ пространствъ, которое почти со всых сторокъ замыкается значительными возвышенностими. Съ съверо-запида и запада ее окружаютъ Ваздайскія горы, а съ юга и юго-запада такъ-пазываемая Орловская вызвышенность, простирающаяся отъ Витебска до Воронежа. Эти возвышенности подымаются отъ 900 до 1000 футовъ вадъ уровнемъ моря, между темъ какъ положение Москвы надъ моремъ равилется только 490 футамъ. Очевидно, все пространство между валдайскими и орловскими возвытенностами представляеть котловину, и Mockes занимаеть въ ней почти самую средину.

Такимъ образомъ въ физико-географическомъ отношеніи, или по наружному виду, Москва находится въ котловинъ. Но таково ли внутреннее образованіе этой котловины какое требуется для артезіанскаго колодца?

Московскую котловину по преимуществу составляють двв системы слоевь, лежащія одна падь другою. Древній ная изъ нихь, или нижная, называется въ геологіи девонскою системой, а боліве новая, или верхняя—системою горнаго известняка, или просто горнымь известнякомь. Послідній называется иначе каменноугольнымь известнякомь, потому что заключаеть въ себі каменный уголь, тоть самый который въ настоящее время возбуждаеть большой интересь по своимъ разработкамь въ Тульской губерній и другихь лежащихь на орловской возвышенности.

Относительное положеніе и другія свойства девояских и горноизвестняковых слоевт, составляющих Московскую котловину, опредълены весьма иногими изследованіями. Для того чтобы дать боле осязательное понятіе о техт результатах, ка которыма привели эти изследованія, здесь прилагаются два чертежа, представляющіе геологическій разрема Московской котловины по направленію оть севера ка югу. Это изображеніе того что мы увидели бы, еслибы слои, составляющіе Московскую котловину, были разреманы вертикальною плоскостью сверху до низу, оть поверхности до самаго основанія.

Въ одномъ изъ прилагаемыхъ разръзовъ (фиг. 7) можно видьть относительное положение системъ девонской и горноизвестнаковой. Девонская система, подъ буквами d и е, составляетъ тутъ самую нижнюю часть котловины, и вибстъ съ
тъмъ высокия окраины ея, валдайскую съ съвера и орловскую съ юга. По среднему протяжению котловины девонская
система покрыта горнымъ или каменноугольнымъ известнакомъ, который представленъ буквами b и с.

Указаннымъ разръзомъ я желалъ передать одну общуюидею о внутреннемъ образовании Московской котловины. Другой разръзъ, представляющій только южную половину котловины, отъ Орла до Liockвы, и составленный на осночаніи буровыхъ скважинъ, производившихся около Серпужова, Подольска и Москвы, гораздо наглядные перваго, и ведеть ко многимъ соображениямъ.

Туть ясно видно, что объ системы, девонская и горноизвестняковая, состоять изъ различныхъ слоевъ, а, b, с, d, е и f; однъми изъ этихъ буквъ обозначаются породы плотныя или непроницаемыя для воды, именно глины и известняки, а а другими—породы рыхлыя или песчаныя, пропускающія воду. Замътимъ при этомъ, что песчаные слои, пропускающіе воду и представляющіе для насъ особенный интересъ, находятся только при основаніи котловины, именно въ нижнемъ ярусь горнаго известняка d, и особенно въ нижнемъ ярусь девонской системы f.

Изъ того же разръза видно, что слои, образующие котловину, не горизонтальные, не плоскіе, а имъющіе паденіе или наклоняющіеся, и наклоняющіеся по направленію къ Москвъ. Это наклоненіе или паденіе слоевъ не болье одной сажени на версту, и потому на небольшомъ пространства замачено быть не можеть; но что оно действительно есть, это доказывается теми измереніями, о которых в говориль выше, а еще болье буровыми работами, которыя производились около Серпухова, Подольска и около Москвы за Трехгорною заставой. Девонскіе слои въ Валдайскихъ горахъ и въ Орловской возвышенности, какъ видно изъ прилагаемыхъ разръзовъ, выходять своими краями наружу, и лежать на высотв отъ 900 до 1.000 фут. вадъ уровнемъ моря, вапротивъ, въ Подольски, въ 35 верстахъ отъ Москвы, такіе же слои встрычены буровою скважиной уже болье чыть на 400 фут. ниже уровня моря. Столь глубокое залегание девонскихъ слоевъ. сравнительно съ окраинами котловины, безъ сомивнія, могло произойти только вследствіе наклоненія ихъ по направленію къ Москвъ. Такое же наклонение представляютъ и слои горнаго известака. Это видно изъ того, что каменный уголь, заключающійся въ этихъ слоду, * на южной окрайнь котловины, именно около Тулы, выходить на самую поверхность земац; напротивъ, въ Серпуховъ онъ лежитъ уже на глубинъ 300 фут., а въ Подольскъ еще глубже, на глубинъ 750 фут. Это также есть саваствіе наклоненія слоевъ.

^{*} На фиг. 8 каневлый уголь въ слов d представлень червыми лиміями.

Итакъ физическое положение Москвы совивщаеть всв условія, обезпечивающія услъхъ артезіанскаго колодца: она лежить посреди обтирной котловины, и такой котловины, какая требуется для артезіанскаго колодца, именно: состоить изъ слоевъ двоякаго рода, плотныхъ или непроводящихъ воды, и рыхлыхъ или проводящихъ воду; притомъ тъ и другіе слои, наклоняясь по направленію къ Москвъ, представляются огромною чатей. Наружные края этой чати, Валдайскія и Орловскія возвышенности, необходимо должны воспринимать въ себя атмосферную воду и проводить ее по рыхлымъ песчанымъ слоямъ до самой Москвы. Понятно, что если въ какомъ-либо мъстъ Москвы пробурить скважину до песчаныхъ слоевъ, то вода въ нихъ заключающаяся, повенуясь собственному напору, подымется по скважинъ до самой поверхности земли, или выше ея.

Глубина Московской артезіанской скважины, по всыть соображеніямъ, должна быть значительная, потому что песчаные слои, заключающіе воду, находятся, какъ замъчено было выше, только въ самой нижней части котловины, по крайней мъръ на глубинъ 200 или 220 саженъ.

Показавъ полную возможность получить въ Москвъ артезіанскую воду, перехожу къ вопросамъ относительно качества и количества этой воды, то-есть, будеть ли она годиться для питья, и получится ли въ такомъ количествъ чтобы могла удовлетворить требованіямъ города.

Всякая артезіанская вода, къ какой бы котловить она ни принадлежала, питается обыкновенно атмосферною водой, тоесть дождемъ и сибгомъ падающимъ на окраины котловины. Понатно, чъмъ обширите окраины, воспринимающія атмосферную воду, тъмъ артезіанская вода должна быть обильны. Москва въ этомъ отношеніи находится въ самыхъ счаставыхъ обстоятельствахъ. Окраинами, воспринимающими атмосферную воду, служать для нея валдайскія и орловскія возвышенности, имъющія весьма обширное протяженіе. Притомъ онт такъ расположены, что почти кругомъ обхвать вають котловину, вслъдствіе чего атмосферная вода почти со встакъ сторонъ должна притекать къ Москвъ, занимающей самую средину котловины. Едва ли во всей Европейской Россіи можно указать еще на другую мъствость, столь же благопріятную для артезіанской воды какъ Москвъ. Воф

болье замычательные артезіанскіе колодцы въ Россіи получамоть воду изъ одной какой-либо окраины; такъ, пермскіе съ западнаго склона Урала, а Старорусскіе, почитающієся одними изъ самыхъ обильныхъ въ целой Европе,—съ одной западной стороны Валдайскихъ горъ. Можно полагать наверное, что Московскій колодезь не долженъ давать менев полмилліона ведръ въ сутки. Предположеніе это кажется намъ темъ боле вероятнымъ, что Петербургскій артезіанскій колодезь, устроенный за четыре года предъ симъ, воспринимаетъ воду изъ весьма пологой окраины, и все-таки даетъ въ сутки около 300 т. ведръ.

Изъ тъхъ же примъровъ, на которые я указалъ, слъдуетъ, что Московская артезіанская вода, какъ выходящая изъ пепрерывныхъ слоевъ, подымающихся своими краями болъе чъмъ на 400 фут. надъ уровнемъ Москвы, по всей въроятности, будетъ битъ на столько выше городскихъ улицъ, что для распредъленія своего по трубамъ не потребуетъ никакихъ подъемныхъ механизмовъ.

Что касается до качества ожидаемой нами воды, то Москва и въ этомъ отношеніи находится въ весьма благопріятныхъ условіяхъ. Многихъ смущаетъ то, что Московская котловина съ востока и запада окружена такими мъстностями, которыя издавна изв'ястны по своимъ подземнымъ разсоламъ, каковы Пермская и Новгородская губерніи. Но ни та, ни другая мъстность не могуть имъть вліянія на Московскій колодезь, какъ лежащія вив Московской котловины. Кромъ того, пермскіе разсоды принадлежать со всемь къ другой формаціи чемъ та изъ которой предполагается подучать московскую артезіанскую воду. Нельзя сказать того же относительно старорусскихъ разсоловъ, также принадлежащихъ къ девонской формаціи, какъ и московская артезіанская вода. Повидимому, это обстоятельство должно было грозить намъ опасностью, но изъ геологіи очень хорошо извъстно, что одна и та же формація, по различію мъстныхъ условій, при которыхъ она образовалась, можеть быть весьма неодинакова. Есть много девонскихъ мъстностей которыя вовсе не заключають въ себъ ни каменной соли, ни разсоловъ. Даже и та девонская формація которая лежить на западномъ склопъ Валдайскихъ горъ, и къ которой относятся старорусскіе разсолы, не на всемъ протяженіи обнаруживаетъ одинаковый характеръ, и тутъ соленые разсолы являются чисто мъстнымъ обстоятельствомъ. Прибалтійская окрачна этой формаціи, именно Лифляндская губернія, имъетъ до 20 артезіанскихъ колодцевъ, и ни одинъ изъ нихъ не даетъ соленой воды, всъ пръсную. Значитъ, присутствіе соли не составляетъ для девонскихъ формацій необходимой принадлежности; напротивъ, большею частью соли въ нихъ не бываетъ. Къ такимъ же формаціямъ, то-естъ, не заключающимъ въ себъ соли, принадлежитъ и девонская формація московской котловины. По крайней мъръ до сихъ поръ неизвъстно чтобы гдъ-нибудь находились въ ней каменная соль или разсолы. Послъ этого трудно предполагать чтобы московская артезіанская вода была соленая, а не пръсная.

Положимъ однако, что вследствие какихъ-либо обстоятельствъ, пепредвиденныхъ наукою, получится вода соленая, непригодная ни для питья, ни для приготовленія пищи. Городъ и въ этомъ случав ничего не потеряетъ. Въдь употребленіе воды не ограничивается однимъ домашнимъ бытомъ. Отчего же не пропустить ее подземными трубами по всей Москвъ, какъ это сдълано въ Парижъ, и не употреблять для орошенія улицъ, садовъ, и для устройства фонтановъ на площадяхъ, не только для украшенія города, но и для освъженія воздуха въ лътнее жаркое время? Московскій колодезь, по всей въроятности, будетъ давать не менъе полумилліона ведрь въ сутки. Развъ нельзя такую массу воды съ огромною выгодой употребить на тушеніе пожаровь? Притомъ надо заметить, что для пожаровъ эта вода, по содержанию въ ней солей, должна быть гораздо дъйствительные обыкновенной. потому что выдаляющіяся изъ нея соли облегають предметы и затрудняють ихъ горвніе. Она дучте обыкновенной воды для пожаровъ еще въ томъ отношеніи, что и въ самую холодную зиму будеть имъть довольно высокую температуру. Кром'в того, соленая артезіанская вода, по своему химическому составу, въ нъкоторыхъ случаяхъ можетъ имъть какос-либо врачебное употребленіе. Превосходнымъ примъромъ этого служать артезіанскіе разсолы Старой Русы, въ Новгородской губерніц. Ніжогда они употреблялись для выварки соли, а въ настоящее время нашли болве выгоднымъ употреблять ихъ почти исключительно для врачебныхъ ванкъ. Тамошніе разсолы оказались особенно полезными противъ золотупных бользней и привлекають къ себь множество больных со всъх концовъ Россіи. Другой примъръ представляеть петербургская артезіанская вода. По разложенію академика Струве, она имъеть одинаковый химическій составь съ минеральною водою Крейцнахъ, съ тою только разницей, что петербургская вода втрое слабъе Крейцнахской. Значить, въ нъкоторыхъ случаяхъ петербургская артезіанская вода можеть замънить собою столь извъстную по своимъ цълебнымъ силамъ Крейцнахскую воду.

Сообразивъ всв предыдущія обстоятельства, коммиссія признала проектъ г. Бабина основаннымъ на точныхъ научныхъ данныхъ и весьма важнымъ для экономін городскаго козяйства. На основаніи этого доклада, дума утвердила проектъ г. Бабина, и для производства работъ пригласила его же, какъ лицо давно извъстное по своей опытности.

По утвержденіи проекта, прежде всего надо было избрать мъствость гав удобнее заложить колодезь. Выборъ такой мъстности былъ порученъ той же коммиссіи и производителю работъ. Они избрали для этого верхнюю часть Avsckaro бульвара, по следующимъ соображениямъ. Вопервыхъ, въ этой мъстности углубление скважины можно было начать почти прямо съ той формаціи полъ которою должень находиться воляной слой, именно съ горнаго или каменно-угольнаго известника, прикрытаго тутъ небольшими наносами и юрскими глинами. Вовторыхъ, эта мъстность находится недалеко отъ наибоаве населенныхъ частей города, и какъ городская собственность, не требовала никакихъ издержекъ. Кромъ того, въ пользу ся говорили: близость ся къ Яузъ, на случай отвода артезіанской воды во время постройки зданія, въ которомъ поставится резервуаръ для распредвленія воды по городу; возвышенное положение мъстности, необходимое для того чтобъ уменьшить высоту зданія для резервуара; возможность, при окончательномъ открытіи артезіанскаго колодца, устроить туть особую площадь, уничтожениемъ верхней части Яузскаго бульвара и нижней Покровскаго. Наконецъ, въ случав неудовлетворительных качествъ воды, ее легко отвести на близьлежащія по правому берегу Яузы пустопорожнія земли, гдв артезіанская вода можетъ быть употреблена какъ врачебное средство, если окажется для этого пригодною, и наконець какь фабричный двигатель, еслибы качества ея не дозволями дать ей другое навна-

Буреніе началось 4-го февраля 1867 года. Проходя юрскія и горноизвестняковыя формаціи (на фиг. 8, бук. a u b), г. Бабину приходилось бороться съ большими затрудненіями, то съ пловучими песками и сильнымъ притокомъ воды, то съ глипами, которыя заваливали скважину, то съ обвалами твердыхъ породъ, то, наконецъ, съ тъми кремнистыми прослойками которые такъ обыкновенны въ нашемъ горномъ известнякъ. Одинъ изъ такихъ прослойковъ, встрътивтийся ва глубинъ 68 саженъ, оказался столь кръпкимъ, что, при толщинь не болье семи вершковь, могь быть пройдень только въ двв недваи, причемъ лезвее долотъ, изготовляемыхъ обыкновенно изъ лучтей англійской стали, иступлялось совершенно послъ двухчасовой работы. Для устраненія пловучихъ песковъ, встретившихся на глубине семи аршинъ отъ поверхности, и сильнаго притока воды потребовалось самое тщательное закрылленіе. Для втого основная труба или матица, служащая для пачала и паправленія скважины, была заделана въ шахте бетономъ, на портландскомъ цементь, и кромъ того ограждена трубой изъ котельнаго жеавза. Для устраненія глинистыхъ обваловъ, встретившихся въ верхнемъ ярусъ горнаго известняка на двухъ различныхъ гаубинахъ (671/2 и 911/2 саж.), оказалось необходимымъ поставить еще двв такъ-называемыя осадныя трубы, одну въ другую. Но всавдъ за постановкой посавдней изъ этихъ трубъ, при дальявищемъ буреніи, обнаружился обваль твердыхъ породъ, который гораздо опасиве глинистыхъ, и надо было поставить еще третью осадную трубу, такъ что діаметръ скважины отъ 321/2 дюймовъ уменьшился до 171/3 дюйм.

Несмотря на всё эти препятствія, требовавшія большаго искусства для ихъ устраненія, успёхъ буровыхъ работъ превзошель тё ожиданія которыя были высказаны г. Бабинымъ въ предложеніи своемъ объ устройстве колодда. Основываясь на буреніи Подольской скважины, самой глубокой и самой близкой къ Москве, г. Бабинъ испративалъ на буреніе 4½ года, причемъ предполагалось вести работу следующимъ образомъ: въ первый годъ углубить скважину на 40 саж., во второй — на 50, въ третій — на 60, въ четвертый на 65, и на пятый годъ покончить работу. По этому разчету, къ марту ныневшняго года буровая скважина должна

была бы имъть около 100 саж. глубины, между тъмъ какъ къ этому времени она была опущена на глубину 136 саженъ.

Буреніе Московскаго колодив превзошло наши ожиданія еще въ другомъ отношеніи. За основаніе работъ и всехъ предположеній относительно колодия быль принять г. Бабинымъ геологическій разрізъ, на который я имыль уже случай указывать (фиг. 8). Онъ составленъ горнымъ инженеромъ, полковникомъ Романовскимъ, который болве пятналиати деть занимался изследованиемь подмосковных в губерній, въ особенности для отысканія тамъ каменнаго угля: съ тою же целью производилось имъ и бурение около Серпухова, Подольска и около самой Москвы, за Трехгорною заставой. Понятно, что после такихъ продолжительныхъ изследованій. онъ имъль возможность составить себъ весьма близкую идею о геологическомъ строеніи Московской котловины. Эту идею онь выразиль приводимымь мною разрезомь. Буреніе Московскаго колодиа должно было служить самою лучшею повъркой того въ какой степени идеально составленный разрызь согласчется съ авиствительностью. Геологія ныявшняго времени есть наука столь же положительная какъ и другія естественныя науки, и потому мы не сомнівались, что между геологическимъ разръзомъ и дъйствительностью не будетъ большой разнины, но никакъ не могли налвяться чтобъ идеальный разръзъ и действительность, такъ сказать, совпали между собой, или были сходны до мальйтихъ подробностей. Это истинное торжество науки. Буровою скважиной пройдены тв самыя породы которыя ожидались по разръзу, и что особенно замъчательно, почти на той же самой глубинв на которой предполагалось ихъ встретить. Такъ, напримъръ, слой красныхъ и зеленоватыхъ глинъ, постоянно встрвчающися въ нашемъ горномъ известякъ, подъ Серпуховымъ лежигъ наружь, а около Подольска встръченъ буровою скважиной уже на глубинь 50-ти саженъ. При разстоянін Подольска отъ Москвы въ 35 версть, а по прямому направлению итсколько менте, этотъ слой, при падении въ одну сажеть на каждую версту, должень быль оказаться въ Москвъ на 35 саженъ глубже нежели въ Подольскъ, и слъповательно встретиться на глубине отъ 80 до 90 саженъ. И дъйствительно, слой красныхъ и зеленоватыхъ глинъ встръченъ московскою скважиной на гаубинь 86 саженъ.

Digitized by Google

Укажемъ еще на другой примъръ совпаденія разрыза съ дъйствительностью, примъръ, который ижветъ большое про-мышленное значение. Каменный уголь, принадлежащій къ нижнему ярусу горваго известяка, на южной окраина котаовины, именно въ Тульской губерніи, составляеть довольно толстые слои и выходить почти на самую поверхность земли. Но тв же слои, по направлению къ Москвъ, становатся все товые и опускаются на большую и большую глубину; полъ Серпуковымъ они встръчены буровою скважиной на глубинь 55 саж., а близь Подольска—107 саж. Суда по этому. каменный уголь подъ Москвой долженъ быль совершенно выклиниться, или образовать едва заметныя прослойки, и опуститься на большую глубину. По вычисленію, такіе прослойки предполагалось встретить на глубине около 145 саженъ. И дъйствительно, буровая скважина встретила ихъ на глубивъ 142, 144 и 147 саж. Значитъ, вопросъ о московскомъ каменномъ углъ можно считать совершенно поконченнымъ; уже пътъ надобности дълать новыя попытки открыть каменный уголь въ самой Москвъ, потому что каменный уголь лежить туть на глубинь оть 142 до 147 сажень, и такими пичтожными прослойками, которыя не заслуживають ни малейшаго вниманія.

Наконецъ бурсніе показало намъ еще одно совпаденіе цасальнаго разрыза съ дыйствительностію, совпаденіе представляющее особенный интересъ, потому что имветъ прямое отношеніе къ устройству самаго колодца. Мы несколько разъ упоминали, что одни песчаные слои въ состояніи дать артезіанскую воду, и что такіе слои въ московской котловинь находятся только въ нижнемъ ярусв горнаго известняка и въ нижнемъ девонскомъ ярусъ. Строго говоря, самыми на-дежными или объщающими наибольшій притокъ воды, по всвиъ соображениямъ, почитались одни девонские песчаные слои. Эти соображенія основаны преимущественно на томъ что песчаные слои нижняго девонскаго яруса толсты, непрерывны, и вследствие этого должны свободно проводить воду. между темъ какъ песчаные слои нижняго горнаго известняка не такъ удобны для движенія воды, потому что, отъ частой перемежаемости съ глинами, они тонки и не совствиъ правильны. Кром'в того, девонскія окраины, выходящія наружу, лежатъ гораздо выше и круче чвиъ окраины нижняго

горнаго известняка; значить, атмосферная вода, падающая на девонскія окраины, должна подмиаться по скважинь выше чыть та которая падаеть на окраины горнаго известняка. На основаніи этихь наблюденій, г. Бабить въ предложеніи своемь объ устройствь Московскаго колодна, настаиваль на томь что для полнаго успыха необходимо опустить скважину до вижнихь девонскихь песчаниковь, какъ свободно проводящихь воду, не отрицая однако что артезіанская вода можеть показаться и въ томь случать, когда буровая скважина достигнеть нижнаго горнаго известняка. Все это не только оправдалось, но и преввошло ожиданія. Едва достигли скважиной до перваго песчанаго слоя, принадлежащаго къ нижнему горному известняку, какъ открылась вода, и поднялась въ скважинь выше прежняго уровня на пять сажень.

Объяснимъ это обстоятельство несколько подробне. Мы говорили выше что слой пловучаго песка, встретившийся на глубинь семи аршинъ отъ поверхности, потребоваль закръпить матипу бетономъ и оградить ее еще трубою изъ котельнаго жельза. Такое закрыпленіе оказалось столь прочнымъ, что притокъ воды изъ пловучаго песку вовсе прекратился, и горизовть ел, по мъръ отливки, понижался все боаве и болве, пока бурение не сравнялось съ первымъ слоемъ известняка, лежащаго на глубина десяти саженъ. При дальвъйшемъ бурекіи и после спуска первыхъ осадныхъ трубъ, вола понизилась еще на сажень, и въ этомъ положении, то-есть на одиннадиати саженяхъ отъ поверхности, не повышаясь и не полижаясь, оставалась на одномъ горизонть въ теченіе восьмивалати мъсяцевъ буренія. Но когда буреніемъ достигли рыхлыхъ песчаниковъ нижняго горняго известняка, дававшихъ первую возможность открыть артезіанскую воду, она вдругь подпалась на пать сажень выше прежнаго уровня и остановилась такимъ образомъ на шести саженяхъ отъ поверхности. Въ присутствіи коммиссіи, назначенной городскою думой для обсавдованія этого факта, пробовали отливать воду, но она тотчасъ же снова принимала свое прежнее положеніе. Можно было бы подумать что прибывшая вода произошла отъ поврежденія матицы и отъ боковыхъ притоковъ, но стыны ея, по тщательному осмотру, оказались въ совершенной исправности. Значить, поднявшаяся вода действительно есть артезіанская, то-есть вытекающая изъ нижняго горнаго известняка и имъющая свое начало изъ окраинъ котловины, изъ тамошнихъ атмосферныхъ осадковъ.

Могуть спросить однако: почему же этоть первый притокъ артезіанской воды остановился на шести саженяхъ отъ поверхности, а не бъеть фонтаномъ?

Это обстоятельство объясняется свойствомъ техъ песчапыхъ слоевъ, изъ которыхъ поднялась вода. Песчаные слоч пижняго горнаго известняка, давшіе эту воду, вопервыхъ, не имъють достаточной толщины и правильности, какія необходимы для свободнаго движенія воды; вовторыхъ, наружныя окрачны этихъ слоевъ, воспринимающія атмосферную воду, недостаточно возвышены надъ мъстомъ гдъ производится буреніе. Еслибы наружное отверстіе буровой скважины, находящееся теперь на высотъ верхней части Яузскаго бульвара, можно было понизить на семь или на восемь сажеть, еслибы, напримъръ, оно было вровень съ горизонтомъ Яузы, то и этотъ притокъ билъ бы фонтаномъ. Казалось, отчего же было пе заложить скважину ниже чемъ верхняя часть Яузскаго бульвара: мы имели бы теперь быющую артезіанскую воду. Такъ, во эта вод , быющая фонтаномъ надъ горизонтомъ Яузы, потребовала бы для распределенія своего по городскимъ улипамъ, имъющимъ большею частью весьма высокое положение сравнительно съ Яузой, водоподъемныхъ машинъ и постройки весьма высокаго зданія для резервуара. Наконецъ, малое поднятіе первой артезіанской воды очень много зависить и оть буровой скважины въ ел теперешнемъ состояніи, именно отъ того что теперешняя скважина не вездв имветь одинаковый діаметрь. Вследствіе постановки осадныхъ трубъ, она представляется въ видь борожнаго бинокая, узкимъ концомъ обращеннаго къ низу. При такомъ устройства, подымающаяся вода должна встрачать переходы изъ меньшаго діаметра скважины въ большій, и чрезъ то значительно ослабляться въ своемъ движени.

Принявъ во вниманіе все предыдущее, коммиссія постановили такое заключеніе: вопервыхъ, что поднявшаяся въ буровой скважинъ вода есть дъйствительно артезіанская, и что на открытіе ся перваго притока, котя и не слишкомъзначительнаго, должно емотръть какъ на весьма утъщительное обстоя гельство, доказывающее несомнънную возможность

имъть въ Москвъ артезіанскую воду; вовторыхъ, что дальвъйшее продолжение буровыхъ работь въ настоящее врема желательно болъе чъмъ когда-либо; втретьихъ, необходимо чтобы прежде нежели буровая скважина достигнетъ нижнихъ девонскихъ слоевъ, объщающихъ самый главный притокъ воды, были приняты мъры, которыя оградили бы отъ случайностей внезапиаго поднятія воды, и вмъстъ съ тъмъ дали бы возможность судить о дъйствительномъ ея напоръ.

Последнее заключение коммиссии имело въ виду чтобъ артезіанская вода, внезапно поднявшаяся изъ нижнихъ девонскихъ слоевъ, не встретила для себя какихъ-либо препятствій въ самой скважине, и не уклонилось отъ настоящей дероги. Для устраненія такихъ случайностей, по мижнію г. Бабина, необходимо чтобы діаметръ скважины былъ одинаковъ по всей ея длине, для чего онъ предложилъ поставитъ во всю скважину одну цельную трубу одинаковаго діаметра, а пространство, которое останется между поставленною трубой и трубами уже находящимися въ скважине, заделать гидравлическимъ цементомъ.

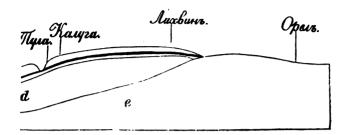
Посав осмотра коммиссіи и сдвланнаго ею заключенія, буреніе открыло еще два обстоятельства, служащія новымъ доказательствомъ что мы приближаемся къ своей цвли. Одно изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что на глубинв 147 саж. встрвтился третій прослоекъ каменнаго угля, впрочемъ, такой же ничтожный какъ и два первыхъ. Значитъ, заключеніе наше относительно московскаго каменнаго угля остается въ прежней силъ. Второе обстоятельство касается артезіанской воды; продолжая углублять скважину по нижнему горному известняку, буреніе встрвтило новый песчаный слой, также заключающій въ себв воду, но незначительный по своей толщинв; вода, выступившая изъ этого втораго слоя, поднялась въ скважинв на 14 вершковъ выше прежняго уровня.

Итакъ по устройству московскаго артезіанскаго колодца мы быстро приближаемся къ желанной цели. Въ настоящее время буровая скважина опущена на глубину 148 саж. По всему вероятію, осталось углубить ее еще на 70 саженъ, или песколько более, чтобы получить воду изъ нижнихъ девонскихъ слоевъ, воду, которая бы выступила въ большомъ количестве, и была бы въ состояніи подняться выше буровой сквайчны. Однимъ словомъ, мы наканунъ одного изъ самыхъ замъчательныхъ событій въ льтописяхъ Москви. Безъ всакаго сомньнія, Москвичи съ большою признательностію отзовутся о Викторъ Алексьевичъ Бабинъ, какъ составитель проекта и производитель работъ, и о той коммиссіи, которой городская дума довърила обсудить дотоль небывалов у насъ предпріятіе, и выскавать ей свое мижніе. Коммиссіи предстояль тяжелый трудь: вопервыхъ, самой убъдиться въ возможности предлагаемаго проекта, и вовторыхъ, другихъ убъдить въ томъ же. Коммиссія превозмогла вти затрудненія единственно твердымъ внутреннимъ сознаніемъ, что обсуждаемое ею предпріятіе принесетъ громадную пользу городу и избавить его отъ столь же громаднихъ издержекъ. Скажимъ же ей, городской думъ, и ея главнымъ двигательнъ наше русское спасибо.

г. щуровскій.

 π

d

ПАНУРГОВО СТАДО

РОМА-НЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Bakontuakt.

18-го сентября 1861 года, утромъ, въ половинъ девятаго часа, Хвалынцевъ шелъ въ университетъ. Въ этотъ день открывались лекціи. Шелъ онъ бодро и весело, въ ожиданіи встръчъ со старыми товарищами, со знакомыми профессо-

pamu.

"Что-то предстоить на нымамній годь? какія дваа, какіе интересы? будеть ам все такь же, по-прежнему, процевтать своя домамная, университетская "публицистика"? что Сбормых студентскій? что "касса", сходки? Фимерь, конечно, по-прежнему будеть въщать, что "педагогика разділавается на три половины, изъ которых в первая говорить о воспитаній, но вторая равно о воспитаній, а за то третья.... тоже о воспитаній". Ну да, впрочемь, Фимерь — Боть съ нимь! Еще одинь годь—кандидатскій дипломъ въ руки—и гуляй себт Константинь Семеновичь по бълому світу, распоряжайся своею личностью какъ признаемь удобиве!"

Весело мечтая такимъ образомъ, Хвалындевъ почти и не замътилъ какъ очутился предъ университетскимъ подъ-валомъ.

— A! старая гвардія! привітанно, какъ стараго знакомаго, встрітня его въ сіняхъ, на площадкі, почтенный универси-

тетскій швейцаръ.—Старая гвардія! добро пожаловать! съ повымъ курсомъ, съ новымъ счастьемъ!
— Здорово, Савельичъ! Спасибо тебъ! А что новаго?

- О, новаго много много новаго! полны карманы наложишь новостей, и то не оберешься! махнувъ рукой, ухиыльнулся старый Савельичъ.—Письмо есть къ вашей милости, пъсколько двей ужь лежить.

И порывшиеь у себя на столикъ, гдъ у него обыкновенно раскладывались письма адресованныя въ университеть на имя студентовъ, онъ старчески внимательно, поодаль отъ глазъ, разобралъ надпись и подалъ Хвалынцеву запечатанный конвертъ.

- Ну, ладно, после прочтемъ на досугь, проворчалъ себь подъ носъ студентъ, и сунувъ письмо въ боковой карманъ разстегнутаго сюртука, повъсилъ пальто и быстрыми шагами поднявся наверхъ по австнить. Какъ разъ на верхней пасщадкъ, носъ къ носу, столкнулась съ нимъ единая отъ полипейско-университетскихъ властей.
- Ай, ай, господинъ Хвалынцевъ, опять воротнички! опять воротнички у васъ выпущены! и въ прошломъ году воротнички, и въ позапрошломъ воротнички, и нынче опять воротнички, говорила власть, тщетно стараясь принять авторитетный тонь, ибо чувствовала что въ последние годы авторитеть ел сильно расшатался.
- Ну да, Александръ Ивановичъ, и воротнички, и волосы длинноваты, это въдь мой всегдатний недостатокъ! Ничего, свои яюди, какъ нибудь сочтемся! полушутя, полунебрежно ответиль студенть, проскальзывая въ дверь мино власти, которая только развела руками да головой во савдъ ему покачала.

Въ длингомъ университетскомъ корридоръ, тамъ и сямъ, около аудиторій, слонялись довольно уже людныя группы студентовъ. Въ этихъ слоняющихся группахъ даже непривычный глазъ могъ бы сразу отличить новичковь отъ "старой гвардіи", по выражению Савельича. Старая гвардія бойко ходила, грожю говорила, весело смиллась и держала себя по-домашлему "своижи людыми", съ видимою независимостью; новички же, талательно застегнутые на всв пуговицы, отличались несивлостью движеній и взглядовъ, и въ выраженіи лица еще всеивао воснаи робкое и почти идеальное благоговъніе ко "гряму navku".

Мимоходомъ кивнувъ кой-кому головой, кой-кому пожавъ на ходу руку, Хвалынцевъ миновалъ наконецъ длинный корридоръ и спустился внизъ, въ курильную компату, прозванную студентами по-просту "коптилкой". Тамъ—все по-старому: тв же грязножелтыя ствны, тв же двв-три убогія скамьи, тотъ же дымъ и окурки, тотъ же подсявповатый сторожъ со своимъ запахомъ, и тотъ же бородатый маркитантъ въсиней поддевкъ, а у маркитанта все тв же неизивняные бутерброты съ колбасой и сыромъ да слоеные пирожки съ ябло-ками, вкусъ которыхъ уже много летъ отмънно хорошо зна-комъ всему университету.

Коптилка была полна молодежью. Кромъ синихъ студентскихъ воротниковъ, составлявшихъ, конечно, значительное большинство, туть въ разныхъ углахъ видивлось довольно таки много военных усовъ съ офицерскими погонами, нъсколько черныхъ чамарокъ и кавказскихъ чекменей, нъсколько поддевокъ, партикулярныхъ сюртуковъ и жакетокъ. Несмотря на ранній чась утра, табачный дымь уже стоядь коромысломъ, и не одинъ десятовъ молодыхъ звучныхъ голосовъ кричаль и надседался что соть мочи, горячо стараясь перекричать всехъ остальныхъ, чтобы подать свое личное миеніе въ какомъ-то общемъ споръ. Что это быль за споръ, свъжему человьку разобрать не представлялось ни мальйшей возможности, потому что коптилка была преисполнена невообразимымъ гамомъ и гуломъ. Въ одной изъ группъ, присловась спивою къ окну, стояла молодая и довольно недурненькая собою дввушка, съ кокетацво отброшенными назадъ короткими волосами, въ синей катемировой юпкъ, безъ кринодина, и съ узенькою денточкой синаго галстучка, обдегавшаго мужской стоячій воротичокъ батистовой манишки: Фланелевая темная гарибальдійка скрывала ся стройную таано. Дъвумка, поминутно шура изъ-подъ синихъ очковъ свои глазки, курила наотмашъ папироску и горячо о чемъ-то говорила приой группъ разпомерстной молодежи. Подле нел, взмостившись на подоконникъ и свъсивъ оттуда ноги, сидель и ораторотвоваль молодой студеать вы золотыхы очкахы. Выразительные глаза и красивое, но не совсемъ пріятное анно его носило на себъ явный отпечатокъ еврейскаго типа. По его костюму, которому овъ тщательно старался придать аемократическую пебрежность, все-таки ясно можно было

видать, что студенть этоть-сынь очень богатых роди-

- A! Хвальниевъ! Вотъ и онъ! здравствуй! Сюда, сюда! скоръй сюда! дъло есть! Саышалъ? накинулось на студента нъсколько наиболъе знакомыхъ ему молодыхъ людей, едва лишь окъ успълъ переступить порогъ коптилки.
- Въ чемъ дело, господа? kakoe дело? гамъ такой что и разобрать вичего невозможно.
- Общее двло! Петлю надъ нами затагивають! мертвую петлю! говорать, сходки запрещены, кричали развые голоса.
  - Какъ запрещены? возразиль удивленный Хвалындевъ.
- Да это не все: kacca отъ насъ отобрана, пособія изъ нея присуждаются не студентами, а инспекторомъ; редакторовъ и депутатовъ будеть избирать правленіе университета.
- То есть, увиверситетскій совыть? въ виды наиболье точной поправки спросиль Хвальниевь.
- Натъ, не совъть, а правленіе, то-есть канцелярія: секретарь, синдикъ, казначей и чиновлики.
  - Вадоръ! Это не имветъ спысла!
  - О омысать не говорять, говорять о факть.

Хвалынцевъ педоумћао пожадъ пасчами.

- Вы вынче держали переходной экзамень? спросиль его об окомка студенть въ золотымь очкахь и съ еврейскимь типомъ лица.
  - Натъ, не держалъ; а что?
  - А то что, значить, похерять изь университета.
- За что? Коли я во праву могу не держать изъ третьяго въ четвертый!
- По праву? было такое да спамло! Теперь, если вы не держите экзамена, или не выдержали его, вонъ безъ дальних разговоровъ! Свидътельства о бълмости тоже похерены: и бълмий, и богатый—все равно плати 50 рублей, а нътъ ихъ—вонъ! Матрикулы какія-то вводять....
- Какъ... что... матрикуам?... Это еще что такое? что это за матрикуам?
- Topts und seastel... Acraro noratia ra etote cuete as umberca.
- Господа, да этого быть не можетъ! этому вършть немья! проговорилъ озадаченний Хваменцевъ.
  - Пов'врить кака на собственной ткур'в вочувствуеть.
  - Да вы что? Вы за правительство, что ли? вызывающимъ

товомъ обратился къ нему одинъ изъ бливь-стоявшихъ оту-

Хвалынцевъ вспыхнулъ, и несмущенно глада ему въ глаза, произнесъ твердо и отчетливо:

- За заравый симент. Все это, повтераю, не инфетъ симсиа. Кто вамъ сказалъ это?
- Да вы откуда сами-то? Изъ Японіи, что аи, прівхали? Кто сказаль!... Весь городъ говорить! въ газетахь офиціально отпечатано!
- А намъ-то было ли объявлено офиціально чрезъ попечителя, чрезъ ректора, чрезъ начальство?
- Начальство!... Xa, хa, хa! Начальство струсило!... Ero u nėть, оно u ne nokasывается!
  - Что же дваать теперь?
  - Объ этомъ-то воть и толкуется!

«Хвалынцевъ, по прівздв изъ Славнобубевска, все літо, почти до вчерашняго дня, прожиль у одного своего пріятеля, въ тити и глути чухонской деревутки на финалидскомъберегу, прожиль безъ газеть, безъ писемь, безъ новостей, и теперь вернулся въ Петербургь къ началу курса, не имъв обо всіхъ университетскихъ переміналь ни малійшаго понатія. Все услашнанное въ коптилкі ударило его какъ обухомъ. Чувство досады и злобы охватило его. Какъ, за что, почему? закипали въ немъ протестующіе вопросы.

Число людей наполнявшихъ коптилку съ каждою минутой возрастале, и общій шумъ становился все сильные. Саравлось ужь очень тесно и душно, табачный дынъ жаз глаза, шумъ голосовъ, старавшихся перекричать друга друга, немилосердно раздирает барабанную перепонку. И все-така невозможно было повять что-либо въ этомъ гамв, и чамъ больше наполимась коптилка; тыть запутанные становилось явао. Кажами въ отдельности внаяв какія причины выявали STY CXOAKY, HO RUKTO HE DORUMAAD O YEME BE CYMINOCTU DE дакную минуту идеть весь этоть гваать, о чемь и кто собственно спорить, чего кто хочеть, что савдуеть предпринять u na trò pimurbon? Jekuin yme uutasuch be ayautopiare, во о нихъ не думали: большинство студентовъ было въ коптиака. Ежеминутно то одина оратора, то варуга насколько заразъ вскакивали на скамейки, на подоконники, кричали, макали руками, тщетно требул слова-шумъ не умолкаль. А если кому изъ втихъ ораторовъ и удавалось на изоколько мтаовеній овладіть вниманіємь близь-стоящей кучки, то вдругь на скамью карабкался другой, перебиваль говорящаго, требоваль слова не ему, а себі, или вступаль съ предмественникомъ въ горячую полемику; слушатели подымали
новый крикъ, новые споры, ораторы снова требовали вниманія, снова взывали надебдающимся до хрипоты голосомъ,
жестикулировали, убъждали, ораторовъ не слушали, и они,
махнувъ рукой, послі всіхх усилій, покидали импровизованную трибуну чтобъ уступить місто другимъ, или спова появиться самимъ же черезъ минуту, и, увы! все это было совершенно тщетно. Прошло уже около часу, а діло не примло еще даже къ намеку на какой-либо результать.

Хвалынцевъ сталъ приглядываться къ группамъ спорщиковъ, стараясь уловить коть въ одной изъ нихъ какую-нибудь нить настоящаго серіознаго дела, и вдругъ, къ удивленю своему, увидель старую знакомую физіономію, которую никакъ не ожидаль встретить здесь въ эту минуту.

Посредний одной кучки, як красной кумачовой рубатки и вы драновомы нальто, стоялы и разглагольствоваль Ардалюны Михайловичы Полояровы. Вокругы него раздавались равнородные голоса, но имы нестройный хоры то и дело покрывался басистымы голосомы Ардаліова. Оны собственно не говорилы, а только время оты времени перебивалы говоры другихы своими возгласами и замычаніями, но большей части отрицательнаго окойства.

- Шесть явть мы пользовались правомъ сходокъ и правомъ узакопеннымъ, слышалось въ его группъ.
- Что сходки? Оходки вздоръ-оъ! вдругъ перебилъ Половровъ:—не въ сходкахъ сила! Сила въ наоъ самихъ, коли мъс опла!
  - Депутаты... раздавался опать чей-то голосъ.
- И депутаты въ сущности вздоръ! еще ръшительнъе и розно начего не выслушавъ перебивалъ Ардалонъ. Что такое депутаты?
- -- Да вы чего же собственно хогите? уципился за него одинь отуденть, видимо раздосадованный этимъ безусловнымъ подведениемъ всихъ студентокихъ муждъ и потребностей подъ катеворию вздора.
- Я-гот... А вы чего? увертанно отгрывнулся Полояровъ. — Да мы-то внаемъ чего хотимъ, а вы все это отрицаете: чето же, по-вашему, нужно? Что же не задоръ?

— Что не вздоръ? А потрудитесь сами догадаться, отвътиль Ардаліонь, и безъ церемоніи повернувшись къ студенту спиной, сталь опять разглагольствовать.—И ничего этого не нужно!... матрикулы.... Вы говорите матрикулы?... И матрикулы вздоръ! А надо показать что мы сила, что съ нами нельзя шутить безнаказанно.... Дъйствовать надо!

Ардаліона никто не слушаль, его мижнія никто не спрашиваль, но онъ насильственно врывался съ нимъ въ кружковый споръ, и когда несмотря на это громогласно насильственное вторженіе, его все-таки не слушали, онъ продолжаль колотить воздухъ словами, не обращаясь ровно ни къ кому, и разражался всемъ этимъ словоизверженіемъ единственно ради услажденія своей собственной особы. Ему очевидно хотвлось взять первенство въ спорахъ, заставить всехъ внимать одному себъ, порисоваться предъ всею толпой, но толить втой было теперь не до Полоярова, и потому, volens nolens, онъ услаждался самъ собою.

Но на одно мгновеніе ему удалось-таки приковать къ себъ почти всеобщее вниманіе.

Въ коптилку вошли два-три студента, гладко прилизанпые, подвитые, съ проборомъ на затылкъ, въ бълыхъ жилетахъ, чистенькіе, щепетильненькіе, съ тоненькими папиросками въ зубахъ. Вошли они, очевидно, не ради сходки, а ради тоненькихъ папиросокъ и славныхъ пирожковъ.

- Къ чорту аристократовъ! Долой обложилетниковъ! громовымъ голосомъ заоралъ Ардаліовъ Михайловичъ, нарочно для этого вскочивъ на скамейку и гивно сверкая глазами.
- Аристократы вовъ! ретиво подхватиль съ подоковника сывъ очень богатыхъ родителей, во что бы то ни стало стремившися быть "студентомъ волкомъ", ибо "волки" составлям антарктическій полюсь "бізожилетниковъ".
- Долой! вонъ! еще болье возвысиль голосъ Ардаліонъ, столь удачно поддержанный возгласомъ съ подоконника:— Вонъ аристократы! Имъ нътъ и не должно быть мъста между честнымъ студентствомъ!

Толпа вскинула взглады на молодецкую фигуру Полоярова, затъмъ перевела ихъ на жиденькія фигурки аристократи-ковъ, и мъсколько десятковъ голосовъ завопили: "Вонъ! вонъ отсюда!" и аристократики удалились, впрочемъ не безъ старанія изобразить на лицахъ презрительную выдержку собственнаго достоинства.

- Господа! за что же? Развъ они не такіе же студенты? Развъ они не товарищи наши? попытался-было Хвалынцевъ противустать вопящимъ голосамъ. Что за разъединеніе! Быть-можеть имъ также было бы близко и дорого наше общее дьло! За что же мы лишаемъ ихъ права принять въ немъ участіе?
- За то что они аристократы! ретиво возразиль богатый студенть еврейскаго типа.
- Но они студенты! горячо вступиася Хвааынцевъ.—Единодутія, господа, надо! Чемъ больте насъ будеть безъ разанчія касть и сословій, темъ аучте!

Нъсколько крайнихъ изъ "волчьей партіи" възъялись на Хвалыниева.

- Заступникъ аристократовъ! Адвокатъ бъложилетниковъ! раздались ихъ пегодующіе возгласы:—Противъ всъхъ! противъ общественнаго мивнія!
  - Подъ судъ! подъ судъ за это! равкнувъ чей-то голосъ.
- Подъ судъ адвокатовъ и заступниковъ! Подъ судъ барскихъ лизоблюдовъ! подхватили еще нъсколько голосовъ.— Сходку собрать, сходку! Судиты Выгнаты Къ чорту! Это изъвна общему дълу! Это подлосты!

Хвалынцевъ побагровьяъ отъ негодованія.

- Кто произнесъ слово подлость, тотъ глупъ! смъло и громко сказалъ онъ, обводя взоромъ сомкнувшуюся вокругъ него
  многочисленную кучку.—Если онъ не трусъ, то пусть выйдетъ сюда, и я докажу ему почему я считаю его глупынъ.
  Суда же я не боюсь, потому знаю что я правъ, а что я не
  барскій лизоблюдъ, такъ вто знаютъ мои товарищи, и порукой въ томъ мое трехлѣтнее студентство. На такую выходку можно отвъчать только презръпіемъ. Но, господа! съ жаромъ заключияъ онъ:—умоляю васъ, оставинте на время наши личные счеты: судить меня вы услъете и посять, напередъ подумаемте лучше о нашемъ общемъ дѣлѣ! Да только
  потолковъе!
- Браво! браво! Молодецъ!... Двльно! Хорото! закричани и захлопали вокругъ него въ ладоти, и за твиъ немедленю поднялся прежній гамъ и шумъ, и споры, и опать потерялась всякая возможность разобрать что-либо въ этой кутерьмв и безладицъ.

Хвалынцевъ, убъдясь наконецъ что сегодня туть ника-

кихъ тоаковыхъ результатовъ не добьешься, собрался уже подняться наверхъ и идти въ аудиторію, какъ вдругь до его плеча кто-то дотронулся.

— Господинъ Хвалынцевъ.... извините.... позвольте вамъ напомнить о себъ, обратиася къ нему высокій, по очень еще молодой человъкъ, въ сильно заношенномъ партикулярномъ платьъ:—мы съ вами видълись еще въ Славнобубенскъ... помните, литературное-то чтеніе.... Шишкина, можетъ, помните? Шишкина.... Читали еще вмъстъ.... Я вотъ Шишкинъ-то самый и есть!

И онъ раскланялся съ широкою, добродушно-привътливою улыбкой.

- A, какъ же, какъ же! Помню! протянулъ ему руку Хвалынцевъ.—Какими вы судьбами здвсь? Давно ли?
- Съ середивы августа.... Обстоятельства, знаете, изкоторыя заставили призхать. Я туть съ однимъ товарищемъ, можеть знаете, Свитка Василій? Ну, такъ я воть съ нимъ.... Поступиль вольнослушателемъ.
- Ну, очень пріятно встрівтиться! еще разъ пожаль ему руку Константинь Семеновичь, намівреваясь удалиться.
- Господинъ Хвалынцевъ, котя я и не знаю васъ, но позвольте отъ души пожать вамъ руку! подойдя къ обоимъ, проиэнесъ молодой человъкъ въ черной чамаркъ.

Хвалынцевъ поглядель на него недоумъвающимъ удивлен-

- Акъ, вотъ и кстати! Позвольте познакомить! предупредительно вифшался Шишкинъ. — Мой товарищъ, про котораго я сейчасъ говорилъ, Василій Свитка! Васъ называть не нужно: онъ уже знаетъ васъ.
- Да, подтвердиль съ поклономъ товарищъ Шишкина, жотя я только сегодня впервые узпаль васъ, но я васъ уже уважаю.
- За что же это? късколько смущенно пожалъ плечами Хвалыниевъ.
- За вашъ честини и смълый поступокъ отчетливо и съ пріатно въжливою улыбкой проговориль Свитка, немного склоняясь предъ Константиномъ Семевовичемъ:—вы не задумались сдълать вызовъ на объясненіе тому глупцу который оказался трусомъ; вы одинъ почти противъ всъхъ не вадумались смъло высказать ваше мязніе въ защиту этихъ

аристократиковъ. Дъйствительно, кикто не имълъ ни мальйшаго права и повода оскорбить ихъ такимъ образомъ, пока оки имъютъ честь косить студентскій мундиръ. И вы одивъ только противъ всъхъ возвысили голосъ. Это съ вашей стороны и смъло, и честно. Позводьте за это пожать вашу руку!

Слова вти, кота Хвалынцевъ и нашелъ ихъ какъ-то выдъланно фразистыми, весьма пріятно пощекотали его самолюбіе, и онъ добродушно, крѣпко и съ видимымъ удоволь-

ствіемъ стискуль протякутую ему руку.

Тонкій фиміамъ осторожной лести закраяся въ темный уголочекъ его души. Хвалынцеву было и пріятно, несмотря на подмъченную фразистость Василія Свитки, и вмъсть съ тъмъ почувствоваль онъ себя какъ-то гордъе, удовлетвореннъе.

- Мы, конечно, будемъ встрвчаться здвсь, продолжалъ Свитка,—а потому мив было бы очень, очень пріятно считать васъ своимъ знакомымъ.
- Ну, такъ будемте знакомы! охотно согласился Константинъ Семеновичъ, въ третій разъ потрясая руку Свитки:—и будемте безъ фасоновъ, по-студентски!
- Ба, ба, ба! знакомыя все лица! пробасиль надъ самымъ его ухомъ голосъ Ардаліона Полоярова.—Здравствуйте, Шишкинь! Сегодня мы съ вами еще и не поздоровались. А въдъвы, кажись, господинъ Хвалынцевъ? прищурился онъ на студента.
- Такъ точно, господинъ Хвалынцевъ, съ твердымъ удареніемъ, сухо и въ упоръ ему отвітилъ Константинъ Семеновичъ.
- Ну вотъ, я васъ и узналъ! Здравствуйте! Давайте лапку! И не дожидаясь чтобы студентъ протявулъ ему руку, онъ безпеременно взялъ его повыше кисти и хлопнулъ его ладонью по всей своей пятернъ, въ которой сжалъ и потрясъ пальцы Хвалынцева.
- Однако, милостивый государь, вы ужь слишкомъ тово.... безъ церемоніи! ръзко замътилъ ему обозлившійся Хвалынцевъ.
- Что за церемовіи, помилуйте! Мы въдь не аристократы какіе! беззастъпчиво возразиль Полояровъ:—что на душь, то и на дъль.
- Все это прекрасно, только я-то, помнится, никогда не имълъ съ вами фамильярнаго зг «комства.

— Э, батенька, я и ни съ къмъ церемонныхъ-то знакомствъ не имъю! махнулъ рукой Ардаліонъ: — я въдь человъкъ прамой. Мы въдь съ вами никакихъ столкновеній не имъли: такъ чего же намъ?!.. А что если я тогда былъ секундантомъ у Подвиляньскаго, такъ это что жь? дълое прошлое! А я собственно ни противъ васъ, ни противъ Устинова ничего не имъю, да и все вто, знаете, въ сущности-то, одна только ерунда! Ей-Богу, ерунда! Порядочнымъ людямъ изъ-за такого вздора расходиться нечего! Все это—се-сонъ-де-пустаки! Дайте-ка мив папироску.

Хвалынцевъ только и могь улыбнуться да пожать плечами на эту до наивности безстыдную наглость, и желая поскорый отвязаться, подаль ему раскрытый портъ-сигаръ.

- Э, вишь ты, какія у васъ богатыя папиросницы, замвтиль онъ, вытягивая сигаретку;—во всемъ-съ видна дворянская-то струйка! А мы, батенька, по простоть: коли есть курево, такъ въ бумажномъ картузикъ носимъ. Оно и дешево, и сердито! Вы долго еще пробудете здъсь?
  - До конца лекцій.
  - Ну, такъ върно еще встрътимся. До свиданья!

Хвалынцевъ небрежно кивнулъ ему головой, подалъ еще разъ руку Шишкину и Свиткъ, и удалился изъ шумной и аымной коптилки.

II. Славнобубенскія въсти.

Придя домой въ самомъ скверномъ настроеніи духа, Хваминцевъ вспомнилъ что въ карманѣ у него есть письмо. Взгиянулъ на конвертъ: штемпель славнобубенской почтовой конторы. "Върно отъ Устинова," подумалъ онъ, рэспечатывая, и не ошибся: письмо, дъйствительно, было отъ него.

"Любезный другь Копстантинъ Семеновичъ!

"Давно уже собирался писать тебь, долго раскачивался, раскачивался (то льнь, то дьло) и наконецъ раскачался. Приготовься выслушать длинный рапорть, если это тебя хоть сколько-нибудь интересуеть. Съ чего бы только начать? По свойственному людямъ себялюбію, начну прежде всего съ самого себя. Поживаю отлично скверно, до того скверно, что бъжаль бы куда глава глядять, да жаль что некуда! И не

то чтобы быль нездоровъ-петь, мать-природа въ избытка надълила меня вождельнимъ, а просто жить скверно, въ нравственномъ смыслъ. Едва ли даже повършнь ты, если в скажу, что глупая и пошлая клевета о моей принадлежности къ тайной полиціи получила самое широкое развитіе, проникла во все углы и закоулки богоспасаемаго Славнобубенска и въвлась во всеобщее убъждение столь прочно, что шпіонство мое стало на степень непреложнаго, несомивинаго факта. Это поставило меня въ невыносимое положение, не лишенное, однако, самыхъ комическихъ сторонъ. Разныя власти и чиновники, у которыхъ рыльце въ пуху, стали сильно меня побаиваться и оказывать всяческія любезности, но ты хорошо поймешь то чувство которое заставляеть мена уклопаться отъ воспріятія ихъ любезностей. Та вта уклончивость еще болье упрочиваеть въ нихъ убъжденіе что я "тайный агенть". Зачастую приходится мнв получать безыменныя письма, съ просьбами "донести куда савдуеть". И еслибы ты только могь представить себв. какихъ невообразимыхъ мерзостей, какихъ извътовъ, подвоховъ и подкоповъ исполнены эти анонимныя писанія. Вся закулисная сторона славнобубенской жизни, отъ стола любаго присутственнаго мъста до арестантской камеры, отъ пріемной губернатора до спальной чужой женывсе это служить удобнымь матеріаломь для этихь писемъ, гнусныхъ до примитивной, наивной, несознающей себя подлости! Хотя къ заигрываніямъ властей и можно иногда относиться съ комической точки зрвнія, но, вода твоя, жить въ этой средв и знать что каждый чувствуеть въ тебѣ шпіона, это невыносимо! Я совершенно бросиль общество, нигат не показываюсь, со встми почти пересталь кланяться, и все-таки тяжело! Въдь это приходится ежедневно выносить правственную пытку. Я ретивее ударился въ свои занятія, въ учительство -- но увы! прежде столь сильное правственное вліяніе мое на учениковъ теперь совершенно исчезло: а ничего не могу подвлать! Самолюбіе, сознаніе своего человъческаго достоинства, чувство долга, наконецъ, не позволяють мив смалодушничать, бросить все, признать себя побъжденнымъ и бъжать отсюда, я еще борюсь пока, и буду бороться, но борьба, подчасъ, черезчуръ ужь тяжела становится, тяжела потому что безцильна, потому что этимъ донкихотскимъ боемъ съ вътряными мельницами только свое а,

свое самолюбіе твшить, а въ результать бокамъ твоимъ все же больно! Какъ тамъ ни презирай среду за ея баранью глупость и пошлость, а она вотъ все-таки деспотически давить тебя, и ты ежеминутно чувствуеть надъ собой силу ея гнета!

"Но довольно пока о себъ, поговоримъ вообще о градъ Славнобубенскъ. Заъсь — чортъ его знаетъ! — какая-то невообразимая кутерьма происходить. Возьмемъ, напримъръ, гимназію. На последнемъ учительскомъ совъть, Феликсъ Подвиляньскій внесь на всеобщее обсужденіе вопросъ: не признаетъ бли совътъ благопотребнымъ и даже необходимымъ, для наиболве успъщнаго умственнаго и нравственнаго развитія учениковъ, и для ознакомленія ихъ съ ходомъ событій современной жизни Россіи, въ которой имъ придется быть двягелями, допустить въ гимназіи безпредятственное чтеніе Колокола и прочихъ заграничныхъ изданій? Коментаріевъ я никакихъ не дълаю, по скажу что предложение эго, пущенное на голоса, отвергнуто большинствомъ одного только голоса, и то лишь изъ приличія поданнаго председателемъ противъ Подвиляньскаго. Въ чиновныхъ и чиновничьихъ сферахъ проявился какой-то новый. особенный жанръ; ругать на поваль все что носить на себъ русское имя, дарить высокомфрнымъ презръніемъ все что отличается русскими симпатіями. Слово патріота стало у насъ какимъ-то позорящимъ ругательствомъ. Председатель казенной палаты однажды не на тутку обиделся, когда къ нему обратились чтобъ онъ даль въ какомъ-то вопросе свое мненіе, "какъ добрый патріотъ", и отвечаль что онъ слишкомъ считаетъ себя развитымъ человъкомъ чтобы держаться такихъ узкихъ, отжившихъ понятій, какъ нельпое понятіе о патріотизмъ. Особенно дамы преуспъвають. Эти-то съ чего? ужь Господь ихъ знаетъ! Саышно что кое-гав по городу гуляють какія-то прокламаціи, подъ названіемъ Великоруссь и Къ молодой России, но видъть ихъ самому еще не приходилось, а толки-то-толки объ этомъ предметь идутъ горячіе и нескончаемые! Впрочемъ, Славнобубенскъ вообще веселитов, Завсь живеть некто графъ Северинъ Маржецкій, высланный сюда на жительство по политическимъ двламъ. Я, конечно, его не знаю, но кажется, что это открытая, честная и добрая душа. Онъ очень богатъ и постоянно щедрою рукой помогаеть, безъ разбора, всемь славнобубенскимь беднымь.

Его очень квалять. Онъ живеть открыто, бываеть за-просто у очень многихъ, даже и не изъ важныхъ, а у себя задаетъ еженедывно вечера, на которые съвзжается, безъ разбору, чуть не весь Славнобубенскъ. Воть что значить пивилизованный человъкъ: ссыльный и притомъ аристократъ по происхождению, а ни тъни ненависти къ Русскимъ, ни тъни кичливости въ выборъ своихъ знакомствъ - ровенъ, милъ и любезенъ со всеми, безъ различія. Я раза два видель его въ городскомъ саду: старикъ, а еще, можно сказать, красавепъ. Наши барышни и барыни просто съ ума по немъ сходать, и распавають все какіе-то польскіе гимпы, которые у насъ туть теперь въ большой моде между барышиями. Ну, что жь бы тебъ еще сказать о Славнобубенскъ? Ахъ, да! Жандармскій полковникъ Пшецыньскій, арестовавшій тебя въ Высокихъ Спежкахъ, педавно получилъ Аппу на тею за Спржковское укрощеніе, и по этому поводу лихо откалываль (съ орденомъ на шев) мазурку на семейномъ вечерв въ летпемъ помъщени клуба. Это обстоятельство можеть напомить тебь мудрое изречение россійскихъ прописей, что "усердіе не остается безъ награды".

"Всв эти новести я знаю черезъ Татьяну Николаевну, которая поручила тебв очень и очень кланяться. Ты, ввроятно, вскорв увидишь ее въ Петербургв. Онв съ теткой намвреваются провести тамъ виму. А мив, стало-быть, будетъ еще грустиве и темиве въ моей и безъ того неприглядной жизни. Это ввдь единственный домъ гдв я бываю, гдв я просто отдыхаю душой, гдв мив тепло и уютно, а теперь этого не будетъ.... Только и останется у меня одинъ старый маіоръ Петръ Петровичъ. Да, впрочемъ, и его-то жизнь не приглядпве моей. Съ дочкой-то его, кажись, что-то не корошее. Она скрываеть, отецъ не видить, а кончится чвмъ-пибудь некорошимъ. У меня просто душа болить за этого старика, да и ее-то, бъдную, жаль.... Мерзавецъ Полояровъ!

"Нашъ бывшій кружокъ совершенно распался; впрочемъ, это началось при тебъ. Воскресная школа осталась безъ всякаго призора, потому что съ завъдывателями ея случился изкоторый скандаликъ. Заодно ужь посплетничаю тебъ и объ этомъ! Въ послъднее время завъдывала ею знаменитая Лиденька Затиъ, виъстъ съ плюгавенькимъ Анцыфровымъ. Только вдругъ, въ одно прекрасное утро, по Славнобубенску разнесса слухъ что Анцыфровъ (вообще, по отъъздъ Полоя-

рова, ютившійся подъ ея крыдышкомъ) похитиль Лиденьку отъ мужа; другіе же разказывали что не Анцыфровъ Лиденьку, а Лиденька Анныфрова похитила и увезда съ собою въ Питеръ, но при этомъ взяла отъ мужа обязательство въ ежемъсячномъ обезпечении, и тотъ, будто бы, далъ таковое съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ, видишь ли, сколько великихъ дъягелей эмигрировали изъ Славнобубенска, и все это богатство достается на долю вашего Питера! Однако. довольно сплетничать. Скажи-ка лучше что это за слухи о новыхъ правилахъ опубликованныхъ для университетовъ? Чемъ вызвана такая явная несправелливость относительно бъдняковъ, если только это справедливо? Въдь я, напримъръ, будь я теперь въ университеть, я бы не имълъ возможности кончить курсъ. За что все сіе бысть? Пиши мяв. пожалуста, обо всемъ объ этомъ, а пока желаю тебф всякаго благоnoavuia.

"Твой Андрей Устиновъ."

Это письмо ивмънило настроеніе Хвалынцева. Въсть о скоромъ прівздъ Горевой окрымила его, какъ птицу въдасномъ воздухъ, севтлою радостью. "Она прівдетъ.... Она не забмла своего объщанія; она помнить его, вельла ему очень, очень кланяться"—Хвалынцевъ еще и еще разъ перечель вто мъсто изъ Устиновскаго письма—"чего же болье? Теперь-то и жить, теперь-то и работать!... Зная что она тутъ, близко,—она, такая свътлая, умная, милая, хорошая,— что она будеть награждать его трудъ своимъ вниманіемъ, участіемъ, дарить за него своею лаской. Господи! да тутъ чего же не сдълаеть! да тутъ почувствуеть силы Атланта! Одинъ, еще одинъ только годъ труда — а тамъ рука объ руку, вмъстъ, ступай, работай, наслаждайся и живи, живи!"

Хвалынцевъ вспрыгнулъ съ кушетки, и быстрыми шагами радостно заходилъ по комнать.

Ш. Прокламація и сходка 28-го сентября.

Всю недълю въ университетъ продолжались волиенія. Большая и шумная сходка собралась 20-го сентября. Предъ началомъ ея было вывълено воззваніе, приглашавшее студентовъ къ единодушію, но единодушія, столь желаемаго въ данныхъ обстоятельствахъ, не было, кота необходимость его

сознавалась почти каждымъ членомъ университетской корпорапіи. На этой сходкі, равно какъ и накануні присутствовало въ ствнахъ увиверситета очень много постороннихъ линъ, служащихъ и ве служащихъ, которыя видимо заявляли свое сочувствие студентскому делу. Сходка 20-го сентября не выработала никакихъ опредъленныхъ положеній, не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, кромв того что всеобщее педовольство возросло еще болве. Опо возростало съ каждымъ днемъ, и у многихъ переходило въ озлобленіе. Толковали что всякія сходки положительно и безусловно воспрешены дополнениемъ къ министерскимъ правиламъ отъ 21-го іюня, но никто изъ начальствующихъ лицъ не появлялся предъ студентами съ объявлениемъ объ этомъ воспрешеніи. Ни начальство, ни полипейско - университетскія власти ни разу не появились ни на одной студентской сходкъ: они словно исчезли куда-то. Студенты же вполнъ за собою считали свое тестильтнее право сходокъ, пока имъ не объявлено прямо и формально о ихъ воспрещении, и пока не розданы еще вновь вводимыя матрикулы. Всв эти ани университеть быль полонь народомь и вивщаль въ ствихъ своихъ аудиторій до полуторы тысячи человівкъ.

23-го сентября, въ субботу, съ утра еще въ сборной залъ стояла огромная толпа. На дверяхъ втой залы была вывътена прокламація, которая потомъ висъла безпрепятственно въ теченіи мести часовъ сряду. Ни единая дума изъ начальства, по примъру предыдущихъ дней, не появлялась даже въ виду студентовъ.

Хвалынцевъ еще внизу, въ швейцарской, услышалъ о какой-то прокламаціи, и вм'вств съ нъсколькими товарищами спъшно направился въ сборную комнату, изъ которой одни выходили, другіе входили, такъ что отливъ постоянно пополнялся новымъ приливомъ, и такимъ образомъ толпа ни на минуту не уменьшалась.

Не безъ труда пробрадся Хвалынцевъ поближе къ дверямъ на которыхъ висъло воззваніе, желая поближе разузнать въ чемъ діздо.

Одинь изъ студентовъ читаль громко и явственно:

"Нашъ въкъ желъзный, въкъ царей, Штыковъ, ваконовъ безтолковыхъ, Плодитъ безъ счету не людей — Людинекъ, драниенъкихъ, грошовыхъ." "Правительство бросило намъ перчатку, теперь посмо-"тримъ, сколько наберется у насърыцарей чтобы поднять ее. "На словахъ ихъ очень много: куда ни обернешься — вездъ "красные, только какъ бы намъ не пришлось красныть за нихъ.

"Студенты буйствуют, студенты своевольничають", "брюзжать съдоволосые столны отечества (прямые столны), и вотъ являются предъ глазами публики декреты: впускать въ "университеть только платящихъ (вырэжаясь прямъе: дупить "невъжествомъ массу); запретить всякія сходки (то-есть, di-"videre et imperare, а какъ imperare—почувствуемъ въ послъд-"ствіи). Вотъ покуда два обращика нъжности.

"Этого мало? Да конечно. Но это только цвътки.... Но что же намъ дълать? Да нечего... молчать. И поэтому молчите,

"молчите, молчите.

"Русскій народъ издавна отличался долготерпъніемъ. Били пасъ Татары — мы молчали просто, били цари — молчали и "кланялись, теперь бьють Нъмцы—мы молчимъ и уважаемъ пихъ.... Прогрессъ!... Да, въ самомъ дълъ, что намъ за охота "заваривать серіозную кату? Мы въдь тирокія натуры, го"товыя на грязные полицейскіе скандальчики, подъ пьяную "руку. Это только тамъ гдъ-то на западъ есть такіе дурни, "которыхъ ведетъ на подвиги одно пустое слово—la gloire.

"Теперь намъ запрещаютъ рѣшительно все, позволяютъ "намъ сидъть скромно на скамьяхъ, слушать цензурованные "страхомъ лекціи, вести себя прилично, какъ слъдуетъ въ "классъ, и требуютъ не разсуждать, слышите ли — не разсу-"ждать!... Ха, ха, ха!"

По толив пробъжаль громкій смехъ. Чей-то голось выкрикнуль: "слушаємъ, ваше превосходительство! ради стараться!" и общій смехъ разлился еще друживе.

"Но, господа", снова продолжаль чтець: "если, паче чаянія, "взбредеть намь что и мы тоже люди, что у нась есть голо-"вы чтобы мыслить, языкь — чтобы не доносить, а говорить "то что мыслимь, есть цілыхь пять чувствь — чтобы воспри-"нимать ощущенія оть правительственныхь ласкъ и глазомь, "и ухомь, и прочими благородными и неблагородными частя-"ми твла, что если о всемь втомь мы догадаемся нечаянно? "Какь вы думаете, что изъ этого выйдеть? Да ничего.... По-"смотрите на эпиграфь и увидите что выйдеть."

— Вздоръ! Не правда! Межь нами найдутся чествые люди!

Это незаслуженные укоры! раздались тамъ и сямъ протестующие возгласы.

"Всв данныя имеются у насъ теперь чтобъ обмануться въ лиашихъ словахъ", говорилось далее въ прокламаціи.

— И обманетесь! обманетесь! Вы ужь и обманулись! громко отвъчали на это слушатели.

Студенть продолжаль читать:

"Мы—легіонъ, потому что за насъ здравый смысль, обще"ственное мивніе, литература, профессора, безчисленные круж"ки свободномыслящихъ людей, западная Европа, все ауч"тее, передовое за насъ. Насъ много, болье даже чъмъ шпіо"новъ. Сто́итъ только показать что насъ много. Теперь кто
"же противъ насъ? Пять, тесть олигарховъ, тирановъ, под"лыхъ, крадущихъ, отравляющихъ рабовъ, желающихъ бытъ
"господами; они теперь выворачиваютъ только тулупы чтобы
"пугать насъ, какъ малыхъ дътей, и чтобъ еще болье уподо"битъся своей братъв—звърямъ, но бояться ихъ печего, сто"итъ только пикнуть что мы не боимся; потомъ противъ насъ
"нъсколько тысячъ штыковъ, которые не смъють направитъ
"противъ насъ. Вотъ и все. Что же тутъ стратнаго?"

Иванъ Шишкинъ, стоявшій и слушавшій въ толпъ, какъто вдругь почувствоваль что и точно ничего нътъ страшнаго.

"Итакъ всв, кто не боится, пусть сплачиваются въ мас-"су и.... пусть будетъ что будетъ. Худаго не можетъ быть. "Мы не за худое."

— Бояться?!.. Хе-хе! Чего бояться? Плевать! съ выразительною интонаціей прибавиль Ардаліонъ Полояровъ и, ради пущей изобразительности, отмінно хорошо плюнуль на поль, словно бы втимъ самымъ дійствіемъ торжественно и всенародно подтвердиль что и взаправду плевать на всіхъ и вся. Его выходка ніжоторымъ весьма понравилась: ее встрітили одобрительнымъ сміжомъ — обстоятельство очень польстившее Полоярову.

"Главное, бойтесь разногласія и не трусьте внергическихь "жъръ", въщала далье прокламація. "Имъйте въ головъодно: "стрплять съ насъ не стромъ, изъ-за университета въ Пе-"тербургъ вспыхнетъ бунтъ. Уже теперь наши начальники "твердятъ, покачивая головами: "Столица не спокойна" "На "нашихъ мы менье надвемся чъмъ на Полякосъ. Въ нихъ "болье благороднаго самоотверженія; они умъли ство поку-"шаться нъсколько разъ на пріобрътеніе своей свободы, "умвли безъ страка идти на пытку, въ рудники, страдать за "идею, и поэтому нашъ братскій призывъ кънимъ—принять "самое двятельное участіе въ общемъ двяв, подвлиться съ "нами своею внергіей."

Кое-гдъ между слушателями послышался легкій говоръ, и шепотъ сомнънія.

"Энергія, внергія, внергія!" гласила въ заключеніе прокламація: "Вспомнимъ что мы молоды, а въ это время люди "бываютъ благородны и самоотверженны; не пугайтесь ничего, повторяемъ еще разъ, хотя бы пришлось всему уни-"верситету идти въ келью богомольнаго монастыря.

"Судите!... Но не напоминайте собою эпиграфа." *

Когда окончилось это чтеніе, Хвалынцевъ пробрадся въ корридоръ, который быль полонъ народомъ. Едва успълъ Константинъ Семеновичъ перекинуться кое - съ къмъ изъ знакомыхъ нъсколькими словами, какъ мимо него понеслась огромная гурьба, съ криками: "на сходку! на сходку! въ актовую залу!" Студенты бъжали, опережая другъ друга. Увлеченный общимъ потокомъ, и Хвалынцевъ направился туда же.

Комнаты, прилегающія къ актовой заль, были биткомъ набиты народомъ. Въ толив пробыталь сильный ропотъ: двери залы оказались запертыми. Начальство, думая помъщать сходкъ, отдало приказъ не отпирать ихъ. Нъкоторые предлагали собраться, все равно, въ XI-й аудиторіи, но XI-я аудиторія, устроенная амфитеатромъ и самая общирная изъ всвхъ остальныхъ, не могла вместить въ себе всего числа людей желавшихъ присутствовать на сходкъ. Напрасно прождавъ здесь довольно долгое время и видя въ этой замкнутой двери явное намереніе пометать сходке, студенты подняли сильный ропоть. Толпа оставалась въ нервшительности что ей дълать и на что ръшиться, какъ вдругь кому-то пришла мысль направиться въ корридоръ смежный съ актовою залой, куда выходили стеклянныя двери. Толпа повалила на этотъ зовъ, -- въ корридоръ раздался трескъ и звонъ вышибленнаго стекла, чья-то рука чрезъ образовавшееся отверстіе отодвинула задвижку, которою дверь запираласьи препятствіе было устранено. Шумный потокъ тесной и густой толпы хлынуль въ актовую залу и въ минуту наполнилъ ее.

^{*} См. Колоколь 1861 г., аистъ 116, стр. 966. "Матеріалы для истеріи гоненія студентовъ."

Тотчась же потребовали профессора, исполнявнаго должность ректора, для объясненій о новыхъ правилахъ. Смущенный профессоръ, вмъсто того чтобы дать какой-либо ясный, категорическій отвъть, сталь говорить студентамъ о томъ что онъ—профессоръ, и даже сынъ профессора, что профессоръ, по родству души своей со студентами, отгадываетъ ихъ желанія и пр. и пр., но ни слова о томъ что студенты должны разойтись. Раздались свистки, шиканье, крики—профессоръ спъшно удалился.

И воть, окончивъ такимъ образомъ разчетъ съ исправляющимъ должность ректора, студенты на этой сходкъ окончательно ръшили: новымъ правиламъ не подчиняться, 50 рублей не платить, матрикулы, которыя будутъ розданы, и билеты для входа уничтожить. Сходка, продолжавшаяся болъе получаса, разошлась шумно.

IV. Шествіе въ Колокольную улицу.

· 25-го числа, въ понедъльникъ утромъ, придя по обыкновенію на лекціи, Хвалынцевъ былъ остановленъ предъ запертою дверью университета, около которой стояла все болье и болье прибывавшая кучка молодежи.

- Въ чемъ дело, господа? Чего вы туть стоите?

— А воть читайте, полюбуйтесь!

На дверяхъ было прибито краткое объявленіе, гласившее что чтеніе лекцій въ университеть прекращено впредь до дальныйшихъ распоряженій.

— Вотъ тебъ, бабутка, и Юрьевъ день! остриль кто-то въ кучкъ.

Съ университетскаго двора прошло несколько человекъ студентовъ, которые объявили что точно такія же объявленія вывешены на всехъ наружныхъ дверяхъ, и что — еще сюрпризъ!—лабораторія и студентская библіотека, какъ они сами въ томъ убедились, точно также закрыты.

— Ergo: университеть закрыть! почти единодушно решили въ толпе.

А толпа съ каждою минутой все росла, такъ что до середины мостовой улица была занята ею. Среди молодежи были очевидны которые увъряли что сосъднія зданія кадетскаго корпуса, академіи наукъ и биржи заняты жандармами, спрятанными на всякій случай. Извъстіе это, весьма быстро передававшееся изъ устъ въ уста, иныхъ встревожило, а инымъ весьма польстило самолюбію: а въдь насъ, дескать, боятся!

- Ничего что жандарміоны! Палки у насъ здоровыя! Справимся! съ молодцоватою самонадвянностью, громко заявляль Ардаліонъ Полояровъ, потрясая, всемъ на показъ, своею козьмодемьянскою палицей. А! и вы, батенька, здёсь! замътивъ Хвалынцева, подошелъ онъ къ нему.
- Да я-то здесь, это не удивительно, отвечаль тоть: а воть вамъ-то что здесь делать? Ведь вы не вольно-слушатель?
- Гм.... Хотя и не вольнослушатель, по посвіцаю. Я— другь науки! съ комически важною улыбкой заявиль Ардаліонъ, словно бы ему и самому-то казалось смышнымъ что онъ другь науки. Знаете, какъ это говорится: "атісия Plato, sed major amicus veritas", такъ выдь это, кажется? А ужь я, батенька, за правду всегда и везды.... Это ужь мы посточить! съ тыть и возьмите! говориль онъ внушительно, опираясь на свою дубину.
- А вы слышали, ваши славнобубенскіе друзья здівсь, въ Петербургів, сообщиль ему Константинь Семеновичь.
- То-есть какіе это друзья? нахмурясь и какимъ-то подозрительнымъ тономъ, нервшительно и неохотно спросилъ Полояровъ.
- Господинъ Анцыфровъ и госпожа Затцъ, пояснилъ Хвалынцевъ.
- A! да, да! какъ же! здѣсь, здѣсь! съ прояснившимся лицомъ подхватилъ Ардаліонъ Михайловичъ:—мы даже вмѣстѣ живемъ: коммуну себѣ составили.
  - Какъ это коммуну? удивился Хвалынцевъ.
- А такъ, какъ есть, пастоящую коммуну, на основаніи соціалистовъ. Въдь вы, сударь мой, въроятно, маракуете кое-что въ соціалистахъ. Ну, тамъ, знаете, Фурье, Сенъ-Симонъ, Бюхнеръ, Молешотъ, Прудонъ.... ну, тамъ, Фохтъ еще.... ну, и прочіе—маракуете?
- Положимъ что маракую, удостовърилъ его Хвалынцевъ, съ трудомъ воздерживаясь отъ улыбки при этомъ вавилонскомъ смъшеніи именъ.
- A когда маракуете, такъ и нашу коммуну поймете. Самое любезное двло! Дайте-ка папироску! У васъ хоротія.

Толпа студентовъ между тъмъ возросла до девятисотъ человъкъ, увеличиваясь партикулярными лицами, такъ или иначе пріобщившими себя къ студентскому кругу. Улица была уже почти запружена, поэтому нъсколько наиболье вліятельныхъ личностей, пользовавшихся авторитетомъ между товарищами, желая предупредить неумъстное столкновеніе съ полиціей, подали мысль отправиться на большой дворъ чтобы быть такимъ образомъ все-таки въ стънахъ университета, не подлежащаго въдъню общей блюстительницы градскаго порядка, и толпа хлынула въ ворота.

Долго еще шумъли, судили, рядили внутри двора, но никто еще не зналъ окончательно на что слъдуетъ ръшиться въ данномъ положеніи. Наконецъ притащили откуда-то лъстницу и приставили ее къ стънъ. Эта лъстница послужила трибуной для ораторовъ. Полояровъ вскарабкался на дрова сложенныя въ большомъ количествъ тутъ же на дворъ, и съ высоты своего поста ежеминутно порывался въщать народу. Рядомъ съ нимъ взгромоздились еще нъсколько личностей, и между ними та хорошенькая студентка которую замътилъ Хвалынцевъ недълю тому назадъ въ курильной комнатъ.

На лестнице то появлялись, то исчезали фигуры студентовъ, несколько ораторовъ сменяли одинъ другаго; толпа то слушала, то шумела среди всеобщихъ совещаній.

- Депутатовъ! послать къ попечителю депутатовъ за объясненіемъ! раздавались изъ среды ел громкіе голоса.
- Нътъ, ждать на дворъ пока пріъдеть попечитель, кричали другіе.
- Чего тамъ ждать! просто всемъ, какъ есть всемъ идти къ попечителю и требовать объясненій! взывали третьи.
- Требовать немедленнаго открытія университета! «уничтоженія матрикул»! отм'яны платы! слышались разные голоса.
- Господа! господа! вопиль на дровахь Ардаліонь Полопровъ:—господа, я прошу слова! Если мы общественная сила, господа, то надо действовать решительно и силой взять то что намь принадлежить. Высадимы просто любыя двери и займемы университеть! И университеть будеть открыть, и выгнать нась изъ него не посмеють. Войдемте, господа, силой.

Хвалынцевъ пробрадся къ лестнице, и после некоторыхъ усили ему удалось вскарабкаться на эту трибуну.

— Господа! громко и ръшительно началъ онъ: — одну минуту терпънія и вниманія! Выслушайте меня!

Студенты въ теченіе трехъ лють успыли хорото узнать Жвалынцева. Въ очень многихъ кружкахъ онъ пользовался любовью, какъ добрый и честный товарищъ, и уваженіемъ какъ хоротій, дыльный, работящій студентъ. Поэтому, при появленіи его на люстниць, толпа замолкла и приготовилась выслушать.

— Законъ запретилъ намъ выбирать и посылать нашихъ депутатовъ для заявленія нашихъ нуждъ и потребностей, началь онъ свою речь:—исполнимте законъ, не станемъ ему противиться.

Кое-гдъ зашикали, пъсколько голосовъ закричали: "вопъ! долой!" но Хвалынцевъ не смутился.

- Между темъ, намъ надо же знать: за что, какъ, по какому случаю закрыть университеть? продолжаль онъ: — наконецъ, если начальство нашло нужнымъ прекратить чтеніе лекцій, то зачемъ заперты университетская и наша собственная, студентская, библіотеки? зачемъ заперта лабораторія, тогда какъ и те, и другая бывають открыты постоянно и даже во время каникулъ, когда нетъ лекцій? Мы имеемъ полное и неоспоримое право знать за что насъ лишили лекцій, лабораторіи и библіотекъ? Съ насъ взяли установленную плату за слушаніе лекцій, за право быть студентами; следовательно, мы имеемъ право на слушанье лекцій и право на объясненіе, за что и надолго ли насъ лишили университета?
- Браво! браво! Такъ! Хорошо! одобрительно закричали въ толпв.

Хвалындевъ выждалъ пока умолкъ этотъ крикъ одобренія и продолжаль:

— Но какимъ путемъ добиться необходимыхъ объясненій? Депутаты запрещены; адресы письменные и запросы наши, какъ уже доказано фактомъ, не передаются по назначенію. Что же дълать? Мнѣ кажется что тѣ которые предлагаютъ отправиться всѣмъ университетомъ къ попечителю и требовать у него объясненій имѣютъ на своей сторонѣ тотъ мансъ что это—единственный возможный намъ путь, послѣ запрещенія депутатовъ. Но такъ какъ въ сосѣднихъ зданіяхъ спрятаны жандармы, то это явно показываетъ что отъ насъ ожидаютъ уличныхъ безпорядковъ и демонстрацій. Господа! обманемте ихъ ожиданія и надежды! Мы пойдемъ всѣмъ университетомъ къ попечителю, но пойдемъ

такъ что никому не удастся, при всемъ желаніи, сдълать изъ насъ фрондеровъ и демонстраторовъ. Пока мы еще не лишены права свободно и чинно ходить по улицамъ. Поэтому я, господа, предлагаю: отнюдь не выходя изъ предъловъ легальности, идти смирно, благочинно, не по улицъ, а по тротуару, по два, а много по три человъка въ рядъ, на извъстномъ разстояніи пара отъ пары, чтобы не мъшать постороннимъ прохожимъ и чтобы насъ не могли назвать толпой. Куреніе папиросъ, громкіе возгласы и прочее, тому подобное строго устраняется. Согласны ли вы, господа, на мою программу?

— Браво! Хорошо! Отлично! Согласны! Всв согласны! дружно подхватили въ толпв, и Хвалынцевъ сошелъ съ лвстницы, привътствуемый горячими рукожатіями многихъ сво-

ихъ товарищей.

— Хвалынцевъ! Господинъ Хвалынцевъ! кричалъ ему съ дровъ Ардаліонъ Полояровъ: — все это отлично, только легальность-то эта ужь вовсе напрасно! А по-моему, коли идти, то такъ чтобы чертямъ было тошно! Дернуть бы эдакъ марсельезку хорошенькую, или "Долго насъ помъщики душили", а то что такъ-то! Идти какимъ-то пансіономъ благородныхъ дъвицъ! Ну, на чорта ли это похоже! Надо, господа, заявить открыто что мы—сила, прежде всего! У насъ за плечами вся западная Европа стоитъ и смотритъ на насъ, а мы вдругь—пансіономъ благородныхъ дъвицъ! Ха, ха, ха, ха!

— Депутатъ! депутатъ отъ медицинской академіи! Слутайте! смотрите! затумвли въ толпв, и двиствительно на лвстницв показался какой-то медико-хирургическій студентъ и объявилъ, что онъ, отъ лица медиковъ, выражаетъ сочув-

ствіе студентамъ университета.

Медику похлопали, покричали "браво", пожали руки въ знакъ благодарности.

После него вскарабкался на лестницу какой-то офицеръ и тоже заявиль, съ своей стороны, сочувствие.

И офицеру тоже хлопали, покричали "браво" и пожали руки.

Офицеръ сошелъ съ трибуны и присоединился къ той группъ гдъ стояло нъсколько чамарокъ, и между ними Василій Свитка съ Иваномъ Шишкинымъ, которые тоже пожали ему руку, горячо и благодарно, какъ доброму и близкому знакомцу. — Господа! Товарищи! раздался на дровахъ звучный и полный увлечения женский голосокъ.

Толпа обернулась на этотъ зовъ: на дровахъ стояла и махала платкомъ хорошенькая студентка.

- Желаю вамъ полнаго, счастливаго успѣха, говорила она:— отъ всей души желаю! Только помните одно, господа: какъ можно более единодушія! Единодушіе! единодушіе и единодушіе! Это мое последнее слово!
- Браво! браво, Попова! Браво, студентка! Молодецъ Попова! Благодаримъ! зашумъла толпа, и чинно, тихо, въ величайшемъ порядкъ, стала выходить съ университетскаго двора на набережную.

Путь лежаль чрезъ Дворцовый мость и по Невскому проспекту отъ Адмиралтейства до Владимірской.

Василій Свитка нагналъ дорогой Хвалынцева.

— Спасибо вамъ, великое спасибо! заговорилъ онъ, горячо пожимая ему руку:—недълю тому назадъ вы показали благородную смълость противъ толпы, а сегодня показали хорошее умъне владъть этою толпой и направлять ее. О, это золотое качество! Это драгоцънное свойство, а я вижу, что вы имъ отлично владъете. И главное, умъли направитъ-то съ величайшимъ тактомъ и вполнъ легально. Вотъ что важно! Отъ этого много зависить!

"Чего этотъ баринъ все комплименты мив говорить!" пробъжала мысль въ головъ Хвалынцева; но самолюбіе было опять-таки польщено и заглушило зародышъ сомивкія. "А впрочемъ онъ, кажется, хорошій господинъ", успокоительно убаюкалъ себя Константинъ Семеновичъ и не безъ удовольствія отвътилъ привътомъ на горячее пожатіе Свитки.

- Эхъ, право! заговорилъ подошедшій въ эту минуту Полояровъ:—и на кой чорть вы эту тишину и спокойствіе выдумали! Этимъ только мы показываемъ имъ будто боимся ихъ. Съ марсельезкой-то эффективе было бы.
- Ну, ступайте на другой конецъ улицы и пойте себъ,
   коли вамъ нравится! досадливо оборвалъ его Хвалынцевъ.
  - Кто? Я-то? насмъшливо пришурился Полояровъ.
  - Да, вы-то!
  - Да меня... полиція забереть.
- Ну, воть то-то же и есть. А вы не смущайтесь, вы покажите ей ваше гражданское мужество.

- Хе, хе... Оно конечно... Но, знаете, одинъ въ поль не воинъ. Кабы всв, другое двло; всвхъ не тронутъ! А вы, господинъ Хвалынцевъ, я васъ полюбилъ, ей-Богу полюбилъ! продолжалъ Ардаліонъ, отчасти въ протекторскомъ, отчасти въ подлаживающемся тонъ: я васъ не зналъ прежде... Въдъ я, признаться сказать, думалъ все что вы шпіонъ.
- Представьте, что я зналь вась прежде и всегда думаль что вы дуракь, съ дерзкимъ смъхомъ и твердо глядя ему въ глава, напрямикъ отвъчалъ Хвалынцевъ.

Полояровъ отпатнулся назаль и побагровьль отъ злости. Онъ всегда быль нагль съ теми кто смущался полояровскимъ свойствомъ, и чемъ кто более смущался, темъ наглость его становилась сильней и назойливей; ею онъ постоянно браль верхъ и придаваль себъ токъ авторитета. Но варугъ коса пашла на камень. Онъ никакъ не ожидалъ подобнаго отпора и осъкся сразу. Овъ почувствоваль ясно что Хвалынцевъ не трусить и никогда, ни въ какомъ случав, не струсить предъ его внушительною особой. Даже вся закипъвшая въ немъ злость въ минуту оказалась безсильною предъ твердымъ, прямымъ и спокойнымъ взглядомъ студента. Онъ почувствоваль себя какь-то правственно слабве Хвалыпцева. почувствоваль какую-то подчиненность более сильному и сивлому человыку, и потому сразу въ душь возпенавидыль его. Но ни непависти, ни даже оскорбленія показать не ръшился, а такъ какъ эта пилюля была имъ проглочена въ присутствій другихъ лицъ, то Ардаліонъ моментально сообравиль за лучшее-обратить все дело въ тутку.

- Хе, хе, хе!... Однако вы, батенька, тово... тутникъ... ей Богу, тутникъ! принужденно улыбаясь мило пріятельскою улыбкой, заговориль онъ:—такъ-таки и дуракъ, по-вашему? Хе, хе, хе!... Нѣтъ-съ, батенька, кто знаетъ мена поближе, тотъ не скажетъ что Ардаліонъ Полояровъ дуракъ, да и вы не скажете когда узнаете... Но тутникъ, право, тутникъ!
- За тутку туткой, отвічаль Хвалынцевъ:—знаете пословину: что посветь, то и пожнешь.
- Да я не обижаюсь!... Кто же вамъ сказалъ что я обижаюсь? На все обижаться, такъ и печенокъ не хватитъ!... Въдь брань на вороту не виснетъ, скажу я вамъ другую пословицу. Да это все се-сонъ-де-пустяки, а дайте-ка мив лучше папиросочку. Смертъ, курить хочется!
  - Въдь быль же уговоръ-на улиць не курить.

— Да что мив уговоръ! Я человъкъ независимый и ливреи не ному, хотя бы и студентской. А впрочемъ, коли скупитесь дать, мы и свою доставемъ.

И онь, подъ благовиднымъ предлогомъ куренія, отсталь отъ Хвалынцева.

:— Какъ вамъ правится втотъ субъекть? спресилъ посящаній у Василія Свитки:

— Знаю я его. Пустельга; ни къ чорту не годенъ! съ пре-

зрительною жиной махнуль рукой Свитка.

Колонна студентовъ чинно танулась по Невскому приспекту. Множество встрвчныхъ посторонилхъ апръ, оглядывая от изумаениемъ вто собрание студентскихъ фуражекъ шинелей и пальто, спешили осведомляться въ чемъ дело и присоединялись къ шествію. Такимъ образомъ вропессія тякулась почти на цваую версту, и все унеличивалась постоянно присоединяющий ися партівми разных в липь, мущинь и женшинь, военных, мораковъ, гимпаристовъ, чиновниковъ, каделовъ и даже уличныхъ разнощиковъ. Студенты, межь тамъ, несмотря на возрвотающее скоиние народа, шли порарно, либо по три человъка, чтобы не ванимать весь тротуаръ, не производить замещательства на улице, и въ некоторомъ разстояни между парами, дабы, по возможности, менве походить на корпоративное екопище. Но масса ихъ синихъ окоминей была такъ велика, что стараніе это осталось осперименно тинетнымъ, и местию, непольно, само по себъ принимало видимый жарактеръ уличной демонетраціи. На дорога встрателся имъ попечитель, который вхаль въ университеть. Ошь не остановидся и провхаль мимо, Но узвань, уже въ университеть, жаль съ которою отправились студенты, поспещиль вернуться домой.

Въ Колокольной удине толпа остановилась предъ домомъ

rat kuan noneuntean.

У подъезда столит полицеймейстеръ съ казакомъ ординарцемъ, и потребовалъ чтобы отуденты немедленно же разопилсъ.

— Мы разойдемся тогда, отрачали ему,—когда получимъ объясление отъ попечителя. Если вамъ угодно чтобъ это случилось поскорфе, то пошлите за нимъ своего козака.

Полицейнейстеръ отказалов и въ бездъйствіи продолжаль

стоять себф у подъфзда. . '

Толпа запрудила всю улицу. Любопытные изъ публикт

взбирались на ступеньки состаних подътвяють, на тумбы, на фонари, на фундаменть ограды Владимірской церкви, чтобы съ болте возвышеннаго пункта видъть что происходить въсредъ студентской толпы. Чревъ пъсколько минутъ прітахаль и попечитель.

Его окружили и стали требовать объясненій. Попечитель, совершенно справедливо находя неудобнымъ объясненіе съ толной на улиців, просиль ее разойтись.

Въ эту минуту показались въ улице конные жандариы.

— Жандармы! давить будуть! векрикнуло въсколько человъкь, и вся толна пришла въ ярость. Забыто было и объленене, и попечитель. Раздались свистки, шиканье и крики: "вонь! вонь!"

Жандармы тагомъ двигались далве.

Толпа всею гурьбой кинулась къ нимъ на встрвчу и охватила ихъ съ фронта и съ фланговъ. Среди криковъ и миканъя, поднялись въ воздухъ палки, въ особенности знаменитая дубина Ардаліона Полоярова работала исправно, "ради пользы общественной". Жандармы удалились.

Студенты снова окружими попечителя и продолжали объ-

- Но что же вамъ угодно, наконецъ, гоепода? въ видимомъ затрудненіи спросиль попечитель.
- Долой матрикулы! долой министерстве! долой патидестти-рублевую плату! все долой! съ трудомъ можно было разслышать крики въ общемъ шумъ и гвалть раздраженной толпы. Съ минуты одержанія побъды надъ жандармами, спасительное благоразуміе было забыто, дурныя страсти и буйные инстипкты стали усиленно бродить и разгуливаться въ толов.
- Мы хотимъ знать почему закрыть университеть? приступили къ попечителю немногіе изъ наиболе баагоразумныхъ и скромныхъ въ своихъ требованіяхъ.

Попечитель пожаль плечами. Почти получасовые резоны и убъждения его имъли тоть смысль, что объясняться на улицъ онь не можеть, а дасть отвъть въ университеть.

— Нътъ, на умицъ! здъсъ же! сейчасъ! вопилъ Полояровъ:
университета пътъ! университеть закрытъ! значитъ, въ университетъ нельзя давать объясненій! Требуйте, господа, на умицъ! Напирайте, не отпускайте!... На умицъ, чортъ вовъми.

на улица! завопиль онь, въ заключение, что было мечи, во всю свою здоровенную глотку.

Многіе подхватили его возгласъ.

Между темъ въ Колокольной заблистали медныя каски пожарныхъ, появились отряды городовыхъ съ револьверами, жандармовъ съ саблями и рота стрелковаго баталіона, которая была остановлена на пути своемъ въ крепость, куда шла для занятія карауловъ. Отряды эти загородили выходъ изъ улицы со стороны Владимірской.

- Войско! Сбродъ всякій! Сволочь полицейская! Гнать ихъ отсюда! Вонъ! долой! снова поднялись яростные крики и вопли, и толпа вторично готова была ринуться на войско, какъ вдругъ раздался резкій звукъ сигнальнаго рожка.
- Господа! насъ атакують!... вто атака!.... Въ насъ будуть стралаты сейчась стралають! смутно пронесся по толив тревожный говоръ. У многихъ вырвался короткій вопль ужаса. Ужасъ и томительная тоска ежемгновеннаго ожидания отравились на многихъ лицахъ. Многіе побледнели, перепугались и, растеранные, заметались во все стороны. Подпалась суета, смятеніе, суматоха. Тамъ и самъ непріатно разко послытался женскій визгь. Смущеніе и паника были написаны почти на каждой мгновенно побледневшей физіономіи. Ардааіодъ Полопровъ, бледный, дрожацій, перепуганный, сустился чуть ли не болье всьхъ, и усердно работая руками и ногами, какъ можно скорве искалъ себя выхода изъ толпы, и накоперъ, прорвавшись кое-какъ къ тротуару, въ попыхахъ опрокинуль какую-то торговку съ яблоками, разсыпаль весь ея товаръ и, словно заяпъ подъ кочку, далъ поскоръй стрекача въ первый попавтійся подътвять, въ которомъ и скрылся бавгополучно за стеклянною дверью.
- Ахъ, трусы, трусы! злобно и презрительно ворчаль себъ сквозь зубы Василій Свитка:—и туть постоять за себя не могуть!... А для довершенія вффекта, хорошо кабы разомъ горошкомъ хватили, подумаль онъ:—последствія, дасть Богь, были бы добрыя.... поднялось бы скорей.
- Господа, чего вы! стараясь придать себъ спокойствіе и хладнокровіе, громко обращался къ студентамъ стоявшій рядомъ со Свиткой Хвалынцевъ:—не стыдно ли? Студенты, мущины!... Стрълютъ? Ну, что же, умъйте стоять честными людьми, коли дъло дошло до этого!

Его слова и спокойный видъ подвиствовали на многихъ.

Многамъ стало и въ самомъ деле стыдно, особенно после того какъ голосъ Хвалынцева былъ поддержанъ молодою девушкой студенткой.

Чрезъ минуту болве половины всей этой толпы уже очнулось и было готово встретить отень. "Ура!!" громко и радостно вырывалось изъ нея, вместе съ другими ободрительными криками и возгласами.

— Господа! успокойтесь! опаснаго нать ровно начего, снув по толпь, убъкдали между тыть насколько офицеровъ.—Это не пальба и не атака, это сигналь "разсынать цыпь"; васъ просто хотять опыпить, окружить всъ выходы и забрать удачные.

Убъжденія и доводы компетентныхъ людей возымъй достодолжное дъйствіе и на остальныхъ студентовъ. И они тоже вскоръ оправились отъ паники, вполнъ овладъвъ собою. Вывсть съ тъмъ вернулась прежняя самоувъренность, и вся толпа снова ринулась къ жандармамъ.

Во всеобщей суматохъ, жандармскій офицеръ и два-три солдата, епертые со всъхъ сторонъ, обнажили сабли. Это уже переполнило чашу ярости и раздраженія. Снова раздались крики: "войско вонъ! полиція вонъ!"—и толпа уже сиъле двинулась къ выходу изъ улицы.

Войско на пъсколько таговъ подалось впередъ, по попечитель, почтенный кавказскій генераль, сталь между солдатами и толпою, и этимъ быстрымъ, удачнымъ движеніемъ ему счастливо удалось предупредить столкновеніе.

Войско разступилось и пропустило мимо своихъ рядовъ толпу студентовъ съ попечителемъ, который шелъ въ головъ молодежи. Эта толпа направилась обратно въ университеть, гдв должно было произойти объщанное объяснение.

Между тыть высть объ этомъ проистествіи быстро разпеслась по городу. Толпы народа, всяхъ званій, возрастовь и состоянія, затопили близьлежащія улицы. Многіє провожали это тествіе, многіє ограничивались простыть любопытствомъ, глазівньемъ. Вездів тал самые разпорічивые толки. Въ иныхъ кучкахъ выражали сочувствіе студентамъ, въ другахъ сочувствіе полиціи.

— Это, братцы, все дворяне, все поміншичьи діти бунтують, объясняль одинь зипунь съ солдатокими усами:—это все за то что царь крестьянь у нихь отняль да волю даль, такъ это они таперича за то за самое!

- Нътъ, это все Поляки! Извъстно, на то и Полякъ чтобы бунтовать! Полякъ завсегда бунтуетъ! объясняли другіе зипуны и чуйки, и это послъднее объясненіе было наиболье общимъ, наиболье распространеннымъ въ простомъ народь.
- Это, братцы, они за то что, слышно, ихнее заведеніе вакрыли, толковали иные извощики:—мы это доподлинно знаемъ, потому завсегда возимъ ихъ на Островъ въ это самое заведеніе.

Уличные мальчишки бъгали по улицамъ, висли на флакгахъ студентской толпы и, подпрыгивая, кричали: "бунтъ! бунтъ!..."

Ардаліонъ Полояровъ, убълсь наконець что никакой серіозной опасности нъть и не будетъ, покинулъ свое временное убъюще въ сънахъ за подъъздомъ, и присоединась къ толив студентовъ, уськалъ и натравливалъ мальчишекъ:

- Кричи, ребята: "Рѣжь публику! Рѣжь публику" кричи! жарь погромче! На прявики получите!
- Господинъ Полояровъ! Что вы глупости-то дълвете? обернувшись на него, досадливо огрызнулся Хвальниевъ— или вамъ, въ самомъ дълъ, угодно натравливать на насъ полицио?
- А что же? Я—ничего! осклабясь, оправдывался Ардаліонъ:—я ихъ только добру учу, чтобъ они "республику" кричали... Общественное мивніе, знаете... Это ничего! эте все пустое!...

Между темъ студенты снова собрались на университетскомъ дворъ. Когда они подходили къ цъли своего нутетествія, то увидъли что на площади, жежду университетомъ и академіей, готовъ уже былъ отрядъ жандармовъ. За университетомъ тоже стояли солдаты, спъщно вызванные изъ казармъ Финландскаго полка.

Начальство пожелало объясниться со студентами чрезъ депутацию.

- Но въдь депутаціи запрещены самимъ начальствомъ? возразили на ихъ желаніе.
  - Все равно; высымайте депутатовъ.

Это "все равно" породило въ толпъ недоумъніе: какъ же, моль, такъ? часъ тому назадъ депутаты запрещены, черезъ часъ опять дозволены; законъ межь тыкъ не отминенъ, а говорятъ "все равно, высылайте". Въ этомъ "все равно" студенты явно увидъли свою побъду, свое торжество. Сту

денты уполномочили для переговоровъ бывшую редакціонную комиссію и еще нівсколько другихъ товарищей.

Объясненія депутатовъ съ начальствомъ длились довольно долгое время. Толпа студентовъ на университетскомъ дворю терпъливо ждала возвращенія уполкомоченныхъ. Къ ней присоединилось много постороннихъ лицъ: партикулярныхъ ц военныхъ, моряковъ, медиковъ, юнкеровъ и воспитанниковъ развыхъ учебныхъ заведеній.

Въ вто время на дворъ вошелъ, свдой какъ лупь, адмиралъ, который пріобрвль себв всесвітную почтенную извістность своими учеными морскими путешествіями. Онъ шелъ міврными шагами, заложивъ руки назадъ, и смотрвль на толпу. Толпа почему-то нашла его взглядъ гордымъ и презрительнымъ. Студенты встрітили его сміжомъ, а одинъ изъ нихъ, выступивъ впередъ, назойливо обратился къ нему шутовскивъжливымъ тономъ:

— Ваше превосходительство! позвольте у васъ попросить папироску! Ваше превосходительство, одолжите пожалуста папироску! Ваше превосходительство! а, ваше превосходительство! я прошу папироску! Я у васъ прошу, ваше превосходительство! одну только папироску—не болве, ваше превосходительство!

Студенты хохотали.

Старикъ внимательно поглядълъ на стоявшихъ вблизи морскихъ офицеровъ, и не сказавъ ни слова, пошелъ со двора.

Наконецъ появились депутаты. Толпа съ ветерпъніемъ жаднаго любопытства бросилась къ нимъ навстричу.—"Что? какъ? въ чемъ дъло?" раздалась со всъхъ сторонъ перекрестная перестрълка тысячи вопросовъ.

- Господа! объявили депутаты:—начальство поручило передать вамъ, что университеть будеть открыть 2-го октября.
- Браво! очень хорошо! Но зачемъ не сегодня? Зачемъ не сейчасъ? Мы требуемъ сегодня же! сейчасъ! сію минуту!! безъ оттяжки! безъ разговоровъ! раздались въ зале шумным замечанія.
- A закрыть опъ noka, продолжали депутаты,—какъ бы вы думали, для чего?
  - Hy? Ry?!
- Закрыть онь пока только.... для изготовленія матрикуль. Толпа засм'ялась. Натяжка этого объясненія была слишкомъ очевидна.

— Библіотека и лабораторія будуть открыты съ завтрашняго же дня, то-есть съ 26-го септября, передавали далье депутаты, — и никто изъ студентовъ арестованъ не будетъ. Намъ дяно честное слово въ непременномъ исполненіи этихъ обещаній.

Это извъстіе было встръчено одобреніемъ толпы, но многіе выразили недовърчивое сомнъніе.

— За симъ мы передали ръшеніе субботней сходки, продолжали депутаты: — мы объявили, что студенты новымъ правилямъ ни въ какомъ случат подчиняться не будутъ, и что если начальство не хочетъ отмънить ихъ, то пусть лучше не открываетъ университета, а если начальство вздумаетъ употребить старинную тактику, то-есть, по одному заставлять подписывать матрикулы, то студенты, конечно, подпишутъ ихъ, но правилъ исполнять не будутъ, такъ какъ въ этомъ случать согласіе ихъ будетъ вынужденное.

Эти слова были встрвчены точно также вэрывомъ самыхъ мунныхъ одобреній въ одной части студентовъ, тогда какъ другая часть была недовольна такимъ ответомъ: она требовала безуеловнаго уничтоженія матрикулъ.

— Наконецъ, господа, депутація поручилась что студенты тотчась же по выслушаніи ел отвъта разойдутся, завершили свой отчеть уполномоченные:—поэтому, господа, не ставьте насъ и себя въ ложное положеніе, разойдемся спокойно!

Студенты, кучками толкуя между собой, немедленно стали очищать университетскій дворъ и расходиться въ разныя стороны отдільными группами. Очень многіє были недовольны и пеудовлетворены отвітомъ.

— Браво! викторія! весело тумвать Полояровъ:—почти полная викторія! То-есть, такъ сказать: "ты победиль, Галилеяния»!

V. Докладчикъ "Центра".

Въ этотъ же самый день, часу въ восьмомъ вечера, Василій Свитка слізъ съ извощичьихъ дрожекъ на углу Каноперской улиць, въ Коломив, и спітно поднялся по лістиців большаго каменнаго дома. На одной изъ дверей, выходившихъ на вту лістицу, была прибита доска съ надписью; этипографія І. Колтышко". Опъ постучался и спросиль управляющаго типографіей. Рабочій отворявшій дверь проводиль

его въ типографскую контору. Тамъ сидваъ и сводилъ какіето счеты человъкъ льтъ тридцати, довольно щедунивий, рыжеватой наружности.

- А! воть вы! Наконецъ-то, нетерпъливо обратился овъ по-польски къ вошедшему изъ-за своей высокой конторки:— ито такое было сегодня? Что за происшествіе? Садитесь и разказывайте скорве. Наши рабочіе болтають: бунть?
- - Ну, бунтъ не бунтъ, а могао бы быть окоао того.

И Свитка разказаль исторію вывъшваго утра.

Управляющій выслушаль вишательно и пунктуально, кака бы формальное служебное донесеніе, и спросиль:

- — А нати? Какъ держали себя нати?
- Съ величайшимъ тактомъ. Да въдь наши не дураки, анцомъ въ гразь не ударятъ! похвалияъ Свитка съ самодовольжено миной.
  - Однако, что жь ови?
- Да что жь... Посав суботней сходки, мы вечером собрали свой сеймикъ. Утромъ тамъ была прокламаціа... въ вышихъ заискивали. Мы положили—на время отбросить стврую систему и сблизиться. Оно лучше; дъло будетъ казаться болье общимъ.
- Hy, а между вожаками были наши? любопытно опросиль управляющій.
  - Hu одного! Дело вели Русскіе.
- Ни одного?!... Прекраско! Если такъ, то дъйствительно въ тактомъ.
- Мы поръшим еще на сеймикъ иниціативу предоставить Русскимъ, а самимъ отнюдь не выдвигаться. Быть въ толиви дело другое. Мы чество были въ толив и чество вели себяво въ вожаки—ни, ни!
- А относительно сліянія, какое впечатлівніе на Русскикъ? спросиль управляющій.
- О, еще бы! подхватиль Свитка.—Очень польщены! Мпогіе відь сомпівались. Наши вообще не балують ихъ общемість, повтому теперь тів очень и очень довольны. О братотвів кричать.
- Кричать? Гм... Ну, и пусть ихъ кричать!
- На здоровье! Наших ведь оттого не убудеть! Итакъ, папе Лесницкій, будуть ине какія инструкціи? впадая въ несколько офиціальный тонь и съ получоклономъ подымалсь от места, спросиль Свитка.

— A какъ же, какъ же!... Подождите, торопиться еще некуда, удержаль его управляющий, и вотавъ изъ-за конторки, вакодиль, руки въ карманы, по комнать въ сосредоточенвомъ обдумывании чего-то.

На явкоторое время наступило модчаніе, наполняемое мізрными шумоми типографской скоропечатной машины за отряюй.

- Вотъ въ чемъ двло, медленно началъ Лъсницкій, кайъ бы обдумывая каждое свое слово:—на дняхъ въ Дентръ было совъщаніе.... Рътено, по возможности осторожно и съ обдуманнымъ выборомъ, притагивать къ двлу и Русскихъ, то-есть, собственно къ нашему двлу, поясниль онъ;—обстоятельства еще покажуть впереди какъ выгодине: направить ли ихъ на свою особую двятельность, какъ уже направлена "Земля и Воля", а мы будемъ въ этомъ случав только, мезамвтно для нихъ, руководить и контролировать; или же изъ наиболе пригодныхъ сдълать прамыхъ нашихъ бой-довъ? Объ этомъ теперь еще вопросъ въ Центръ.
- Да развѣ мы сами не саравимся? съ горделиво-увъровнымъ достоинствомъ спросилъ Свитка;—развѣ петербургскій Центръ все еще не полагается на одив польскія, народовыя силы?
- Э, выть, не въ томь двяо! перебиль управляющій:—вопервыхь, говоря откровенно между нами, Русскіе импють очень основательную пословицу насчеть того что выгодно чужими руками жарь загребать. Это одно. А другое воть въ чемь: русскіе бойцы въ нашемъ двять очень хорошая декорація предъ Европой, предъ глазами западнаго общественнаго мятнія.
- То-есть, какъ же такъ? сомнавалов и морщась спросилъ Свитко.
- А очень просто! Если ужь Москали, наши заклятые враги, наши палачи, сами идуть очистительными жертвами въ польскій народовый лагерь и быотся за польскую независимость, развів этоть факть не освящаеть еще боліве предъ глазами всего міра наше святое діло? Намъ дужень извівстнаго рода декорумь. Если ужь сами Русскіе за насъ, то Европа и подавно! Была бы общественная совість на нашей сторонів, и намъ облегчится побіда! Присутствіемъ русскихъ бойновъ правительство будеть озадачено, сконфужено; оно не будеть знать кого наконець считать своими, дав

враги, гдъ друзья его, оно вконецъ уже растеряется и рукветь.... по крайней мъръ рукветъ для Польши. Вотъ для чего нужвы памъ Русскіе! Можете вы указать на кого-нибудь изъ под-кодящихъ между студентами? заключилъ онъ вопросомъ, останавливаясь предъ Свиткой.

Тотъ подумалъ и назвалъ пъсколько именъ.

- Но болбе всехъ, какъ мев кажется, значительно промолвиять окъ, —будетъ подходить одинъ...
  - Кто такой? съ живостью спросиль Лесвицкій.
    - Студентъ Хвалынцевъ.
- A!... Я пемпожко саыхаат ужь про пего.... Что жь, какъ
- Я наблюдаль его и даже, такъ сказать, вышупываль смегка.... воть въ эти последніе дни.
  - Да, ну, и что жь?
- Да вотъ какъ скажу: человъкъ сивлый, ръшительный, въ крутыя минуты хорошо владъетъ собой.... Говоритъ немного, но бойко и ръзко, и при втомъ отлично умъетъ опираться на легальность.... Я ужь въ немъ эту черточку подмътилъ. Все старается въ колею легальности!
  - А, это очень важно! въ скобкахъ заметиль Лесницкій.
- То-то же и ссть! не безъ самодовольствія отозвался Свитка:—на товарищей имбетъ вліяніе. Когда всв думали что будуть стрвлять, онъ стоялъ рядомъ со мной, ну, и онъ быль одинь изъ немногинъ которые висколько не смутились... напротивъ, безъ излишняго азарта, совствиъ спокойно пристыцилъ товарищей, и тв оправились.... Да, да, имбетъ вліяніе!... И въ то же время на сознательное увлеченіе способенъ.

Свитка, въ подтверждение своей характеристики, разказаль еще поведение Хвалынцева въ коптилкъ и на университетскомъ дворъ.

- Ого! да этоть совстви годится! Такихъ бы побольше! подаль свое мятніе управляющій, не безь удовольствія потирая руки.—Хорошо! Очень хорошо! Я сообщу о немъ.
- Такъ что же, пане Лъспицкій, вербовать даете благословеніе?
- Вербовать! Вербовать непремѣнно! Найдите возможность показать намъ его. Да и остальныхъ, кого думаете, тоже вербуйте.
- Хорото, а Хвалынцева покажу вамъ поближе при первомъ удобномъ случав.

— Очень желаю. А noka до свиданія; теперь можете отправляться, наскоро откланялся управляющій.

Свитка удалился, а Лъспицкій, почти немедленно по его уходь, отправился во внутренніе покои смежной квартиры, съ экстреннымъ докладомъ о только что полученныхъ повостяхъ.

VI. Сходка 27-го септября.

На другое утро многіе студенты явились въ университетскую библіотеку за книгами. Дверь была заперта, и на ней равно какъ и на всекъ наружныхъ выходахъ, прибито было объявленіе, что по случаю повторившихся безпорядковъ, чтеніе лекцій прекращено, и входъ въ университеть закрытъ впредь до дальнейшихъ распоряженій.

Туть же было узвано что вся депутація, высланная вчера, и много другихъ студентовь арестованы въ ночь и отправлены въ казематы крепости. Некоторые очевидцы ночнаго арестованія товарищей сообщали, что опо было производимо вить законныхъ основаній: арестуємымъ не предъявляли предписанія начальства, не объявляли причинъ ареста, а некоторыхъ постороннихъ лицъ будто бы брали по подозренію что они разделяють студентскій образъ мыслей.*

Всвять студентовъ арестованныхъ въ эту ночь было сорокъ

После векоторых совещаній, положено было собрать на завтрашній день новую сходку, въ десять часов утра, на университетском дворе.

Студенты начали собираться въ университеть ранње назначеннаго срока, еще до девяти часовъ. Предполагалось

^{*} Въ "Офиціальной записка по далу о безпорядках, въ С.-Петербургскомъ университета" читаемъ: "Въ дала коммиссіи находится актъ о заарестованіи студента Колениченко. Приставъ Выборгской части, Ф., арестованій его, выразился въ офиціальномъ актъ сладующимъ образомъ: "Хотя въ списка студентовъ, подлежащихъ аресту, Колениченко и не значится, но онъ, приставъ, счелъ не лимъмитъ и его арестоватъ! Колениченко жилъ въ отдальной квартира, одинъ, и у него никто не проживалъ изъ лицъ подлежавшихъ аресту. Такимъ же образомъ одинъ изъ надвирателей 3-й части арестоватъ одного гимназиста, яв то что онъ, по мнанію его, надвирателя, "раздалетъ образъ мыслей студентовъ".

вотупить въ новое объяснение съ попечителемъ. Онъ вскоръ привхалъ и былъ окруженъ въ швейцарской толпою, которая обратились къ нему съ упреками. Попечитель объяснялъ что депутаты арестованы административною властью въ смыслъ вачинщиковъ всъхъ происшедшихъ безпорядковъ. Но всъ объяснения не приводятъ ни къ какому результату. Въ это время привхалъ генералъ-губернаторъ и вивстъ съ попечителемъ удалился въ университетскую канцелярию.

Между тъмъ студентовъ собралось уже довольно много, и сходка на дворъ была открыта. На мъсто арестованныхъ явились новые руководители, и вотъ, послъ долгихъ преній, быль принять большинствомъ голосовъ адресь министру. Смыслъ адреса заключался въ томъ что въ университеть викакихъ зачинщиковъ нътъ и не было, что всъ студенты одного и того же мнънія и дъйствовали единодушно безъ чышъ было подстрекательствъ, и потому пустъ начальство или освободитъ арестованныхъ товарищей, или же забереть остальныхъ. Прикатили откуда-то кадку, опрокинули сее вверхъ дномъ, положили на нее листы бумаги и приступили къ подпискъ адреса.

- Вдругъ раздался барабанный бой. Это подходиль Финлиндскій полкъ въ полномъ составъ. Часть его помъстили у однихъ воротъ университетскаго зданія, часть у другихъ. На набережной, предъ воротами, разържали верхомъ, въ кас-кахъ съ султанами, видимо озабоченные нъсколько тенераловъ, адъютантовъ и штабъ-офицеровъ. Попечитель стоялъ въ воротахъ, между студентами и войскомъ. Онъ былъ въ простомъ сюртукъ и фуражкъ. Тротуаръ по набережной былъ занятъ массами самой разнородной публики и густою ценью городской полиціи и жандармовъ.

Однако, не взирая на это грознее предупрежденіе, студенты різшились не расходиться до окончанія сходки и, въ случай нападенія войска или жандармовъ, стоять смирно и отнюдь не пускать въ дізло палокъ. Подняли вопросъ, избрать ли депутатовъ для подачи адреса, или идти съ нимъ опать всею массой, какъ третьяго дня? Большая часть видіза въ посліднемъ способі ручательство въ томъ что всізкъ ихъ арестуютъ, а коли брать, то пусть берутъ всізкъ. Противная же партія говорила, что хотя очень візроятно что депутатовъ и арестуютъ, но лучше аресть нісколькихъ

человівка чіма стычка са войсками. Многіє не ручались за то что они хладнокровно, беза сопротивленія, выдержата натиска солдать, а тогда все діло будета испорчено. И наконеца, тествіе массой останется еще ва запасів, кака посліднее, крайнее средство. Большинство голосова рішило избрать депутатова.

Въ это самое время была отдана команда, и баталіонъ сталь входить на университетскій дворъ.

Въ публикъ, стоявтей на набережной, раздались свистки, тиканъе и громкіе крики протеста и негодованія.

Приказано тогчасъ же ударить отбой, и войска возвратились на прежнее мъсто.

Студенты продолжали стоять и выбирать депутатовъ. Ръшили отправить ихъ съ адресомъ сейчасъ же, и ожидать возвращенія.

Едва успели те отправиться и дойти до вороть, какъ раздались крики: "депутатовъ забрали! депутаты арестованы!" и вся толна ринулась къ воротамъ выручать ихъ.

Городскія власти старались успокоить взволнованную массу и убъждали что депутаты никакт не будуть арестованы, что онв, власти, просто хотять только переговорить немного съ ними, и повтому просять господъ студентовъ ни мало не безпокоиться, а возвратиться во дворъ и безъ опасеній продолжать свою сходку.

Властямъ отвівчають что третьяго дня, кочью, арестовали же депутатовъ прошлой сходки.

Власти на это возражають, что хотя и точно депутаты арестованы, но онь, власти, туть ни при чемь, и что, наконець, если депутаты и арестованы, то отнюдь не какъ депутаты, а какъ зачищики, и что поэтому пусть господа студенты, пожалуста, ни мало не тревожатся и сдълають такое одолжение удалиться во дворъ и продолжать свои пренія.

Студенты отвічнють что удаляться во дворь они не желають, а чтобы сдівлать пріятное властямь, пожалуй, согласны отступить на нівсколько сажень.

Власти очень любезно соглашаются на вти несколько саженъ, и затемъ вступають въ объясненія съ депутатами, говоря что оне ни подъ какимъ видомъ не могутъ пропустить ихъ къ министру. Депутаты отвечають что въ

такомъ случав студенты пойдуть всею массой. Шествія массы власти опять же никакъ не желають. Выборные говорять что студенты точно такъ же его не желають, и что поэтому нало пропустить ихъ. выборныхъ. Власти отвечають что пропустить ихъ не могутъ. Безплодный споръ на эту тему лантся около четверти часа: объ стороны говорять и много аюбезнаго, и много довольно ръзкаго другь другу, но къ соглашенію придти не могуть. Наконець, власти соглашаются пропустить депутатовъ, по съ темъ условіемъ чтобы студенты не дожидались ихъ ответа, а разошлись бы немедленно. Студенты на это не соглашаются и настапвають на пропускъ безусловномъ. На безусловный пропускъ опять-таки власти не соглашаются. Объ стороны спорать и выходять изъ себя. Наконерь власти объявляють что онв имвють приказъ считать сборище студентовъ за обыкновенную толпу. такъ какъ университетъ закрытъ и, савдовательно, студентовъ не существуетъ. Депутаты соглащаются что и въ самомъ дъль закрыть, и что поэтому власти, пожалуй, и могуть думать что студентовь не существуеть, что они, депутаты, даже готовы на время согласиться въ этомъ со ваастями, но въ такомъ случав зачемъ же призвали убъждать насъ попечителя? Ведь онъ, стало быть, намъ больше не начальникъ! Власти обходять молчаніемъ столь коварный вопросъ и объявляють депутатамь, что если студенты тотчасъ же не разойдутся, то чрезъ полчаса будетъ двинуто войско. Депутаты объявляють объ этомъ сходки, которая рвшаеть что, пожалуй, можно и разойтись, что депутаты могуть отправиться съ адресомъ въ другое время, а буде кто желаетъ узнавать новости касательно университета, то для этого, начиная съ завтрашняго дня. ежедневно собираться въ два часа пополудни на Невскомъ проспекть, гдь и можно будеть сговориться насчеть плана дывствій. Но расходясь, студенты требують чтобы войско, пеизвестно для чего, отступило на сто таговъ. Власти отдають приказъ, и войско отступаетъ. Студенты спокойно проходять мимо рядовь и расходятся. Власти разъезжаются, войско уходить въ казармы.

VII. Въ два часа на Невскомъ.

На савдующій день, въ два часа пополудни, Невскій проспекть представляль очень оживленное зрълище. Это было не то обычное оживленіе, какимъ онъ кипить ежедневно между часомъ и четырьмя. Такое оживленіе было на немъ, копечно, какъ всегда, и въ этотъ день, но оно носило на себъ совершенно особый отпечатокъ, благодаря вчеращиему ръ шенію сходки.

Къ двумъ часамъ, тамъ и сямъ, стали появляться небольшія группы студентовъ. Они ходили обыкновеннымъ прогудочнымъ образомъ, встрвчались съ другими подобными же группами, остававаннымись, горячо толковали между собою и расходились, или же составляли одну слитую группу, которая принимала совывстную прогулку, разомкнувшись однако же на отолько, чтобы къ ней не могь придраться никакой полицейскій хожалый. Туть происходили встречи съ новыми кучками, от повыми группами, члены одники переходями на мъсто другихъ, и снова расходились, и снова патыкались на новыя кучки. Такимъ образомъ, между университетскою моаодежью шель обмыть мыслей, замычаній, наблюденій и новостей, и все это, при помощи широкихъ тротуаровъ Невскаго проспекта, живо передавалось изъ одной группы въ другую, изъ другой въ третью и т. д. Множество лицъ, такъ чан иначе близкихъ студентству и принадлежавшихъ университету въ качествъ вольнослушателей, любителей, студентокъ, и множество лиръ къ университету не принадлежащихъ, но почему-либо сочувствующихъ студентскому движевію, явились тоже на Невскій. У большей части изъ нихъ въ какомъ-пибудь аттрибуть костима проглядывалъ синій цвать — пвать воротниковь студентской формы. У многихъ служащихъ были надъты синіе галстуки, или синія ленточки ва шаявъ. Ардаліовъ Полояровъ вывъсцав на свою скомканвую войлочную шляпу широкую синюю атласную ленту, которой хватило бы на прави длинный кушакъ женскаго платыя. Этою лентой онъ позаимствовался у Лиденьки Затиъ, и такимъ образомъ, съ широко развъвающимися позади его синими хвостами, разгуливаль по Невскому, сожалья объ одномъ, что его козъмодемьянская дубина не могла быть, ради сей оказіи, перекрашена въ синій цвъть. Женщины тоже отличались чъмъ-нибудь синимъ: ленточкой, галстучкомъ, шлянкой, платьенъ, зонтикомъ, или чъмъ-нибудь подобнымъ. Синій цвътъ долженствовалъ изображать собою видимый знакъ сочувствія студентскому ділу и какъ бы давалъ право предъявителю его на участіе въ разспросахъ и преніяхъ о студентскихъ интересахъ.

Это быль какой-то день синаго цвъта на Невскомъ про-

Разныя офиціальныя лица озабоченно и шибко катались въ это самое время туда и сюда вдоль по Невскому. Они видмательно посматривали на бродячія кучки синих окольшей, на группы служащихъ и женщинъ, отличавшихся какоюлибо синею вывъской, и казалось ожидали что вотъ-вотъсейчасъ что-то такое вспыхнетъ, что-то начиется....

Но ничего не вспыхивало, и ничего не начиналось.

Время мло, синія кучки млялись, полиція, и явная и не явная, усердно наблюдала—первая наблюдала, занимая фронтовою вытяжкой свои посты, вторая—въ различныхъ образахъ мыыряла тутъ и тамъ, вездъ и нигдъ, принохивилась, прислушивалась, старалась какъ-нибудъ затесаться пронежь синихъ кучекъ, и той и другой было здёсь вынче количество иврядное, но... все-таки вичего не вепыхивало, и ничего ве начиналось...

И Василій Свитка, и пань Ліспицкій, и Ивать Шишкивътоже гуляли по Невскому, но только безъ мальйшихъ вининихъ отличій синяго цвівта. За то маленькій Анцыфровъ, виботь съ Лиденькой Затць, пришпилили себів ціллы кокарды, одить къ мерлушечьей шапків, другая къ лівому плечу на бурнусів, и въ такомъ видів, подъ ручку, прогуливались рядомъ съ Ардаліономъ Полояровымъ, который сегодня рівшительно обращаль на себя всеобщее вниманіе своими развівающимися по вітру лентами.

— Ба! Хвалинцевъ! Вотъ и вы, наконецъ, появились! растопыривъ руки, загородилъ ему дорогу Полояровъ. — Слыхали-съ? Университетъ-то?... Казарму сдълали! Рота солдатъ и день и вочь внутри дежуритъ, ворота всъ заперты, никого не впускаютъ, и даже тъ кто живетъ-то тамъ, такъ и тъвыходятъ не иначе какъ съ билетомъ.... Вотъ оно, какіе порадки!

- Что жь, этого надо было ожидать, пожаль плечами студенть.
- Натъ, но это.... это чортъ знаетъ что! Это свинство! Это возмутительно! входя въ паеосъ, продолжалъ Ардаліонъ.
- Возмутительно! Свинство! Подлость! пищаль изъ-подъ его руки Анцыфровъ.
  - Что жь прикажете дълать?
- Что делать? А вотъ! Идти и выглать! пояснилъ Арда-
  - Поставять целый баталіонь.
  - И баталіонъ выгнать!
- И баталіонъ выгнать, и всехъ выгнать! поддакиваль и горячился плюгавенькій.

Хвалынцевъ, не желая продолжать пустыхъ рвчей, махпуль рукой.

- Ступайте и выгоните, сказаль онь, надъясь поскоръй отъ нихъ отвязаться.
- Нътъ, господияъ Хвалынцевъ, вмѣшалась Лиденька Затцъ: въ васъ, я вижу, развитъ испозволительный индифферентизмъ, вы равнодушны къ общему дѣлу. Если вы порядочный господинъ, то этого нельзясъ, или вы не принадаежите къмолодому покольню и заодно съ полиціей, а только такой индифферентизмъ... Вы должны отъ него отказаться, если вы честный господинъ, и если хотите чтобъ я васъ уважала.

И пошла, и пошла Лиденька, какъ мелкою дробью, сыпать словами на эту тему.

Хвалынцевъ, не дослушавъ ея, въжливо приподнялъ фуражку и поднялся на лъсенку къ Домпнику.

- Э? батенька! Постойте-ка минутку! На два слова! догвалъ его Полояровъ: — вы куда? Къ Доминику?
  - Какъ видите.
- Ну, такъ и я съвами зайду. Потолкуемте малость самую. Они вошли въ ресторанъ, Хвалынцевъ усълся за особымъ столикомъ и спросилъ себъ котлетку. Полояровъ помъстилса туть же подлъ него и погребовалъ себъ того же.
- Н-да-а-съ, я вамъ скажу, пришли времена! со вздохомъ началъ онъ вполголоса, подозрительно и сурово озираясь во всё стороны:—знаете ли что, будемте-ка лучше говорить потише, а то вёдь здёсь, поди-ка, и стёны уши имъютъ.... Всё,

T. LXXXI. 22*

вездів, повсюду, весь Петербургь стоить и подслутиваеть.... весь Петербургь! Я вамъ скажу, то-есть, на каждомъ піату, повсюду-съ!... Что ни тумба, то шпіонь, что ни фонарь, то подинейскій!

- Такъ лучте не говорить, если вы такъ опасаетесь. Да и не къ чему: все и безъ того хорошо извъстно, новаго ничего въдь не скажемъ, замътилъ Хвалынцевъ.
- Какъ знать-съ, можетъ что и новое въ голову придетъ, возразилъ Ардаліонъ: мысль требуетъ обмъна. Теперича я вотъ какъ полагаю: времена-съ, батюшка мой, такія, что всъ честные дъятели должны сплотиться воедино, тогда мы, точно, будемъ настоящею силой. Каждый на это дъло обязанъ положить свою лепту.... Тутъ рядомъ идутъ принципы вкономическіе, соціальные и политическіе. Знакомы вы съ соціалистами?
  - Вы ужь мив предлагали однажды этотъ вопросъ.
- Да-да, помню!... Ну такъ, стало-быть, съ вами толковать можно. Мы, батенька, проводимъ въ жизнь эти самые принципы, для насъ они дъло плоти и крови-съ!
  - To-есть, кто же это "мы"? спросиль студенть.
- Мы! то-есть, я, напримъръ.... я, Анцыфровъ, Затцъ.... Воть пріятель есть у меня одинъ, Лукашка,—у, какая у бестіи богатая башка, я вамъ скажу! Ну, вотъ мы, и еще есть нъкоторые.... Люди-то найдутся-съ! У насъ, сударь мой, слово нейдетъ въ разладъ съ дъломъ.
  - O! Въ самомъ дълъ? улыбнулся Хвалындевъ.
- Да вы не улыбайтесь сомнительно! подхватиль Ардалень:—я вамъ не пустяки болтаю. Да воть какъ скажу вамъ: прежде всего принципы экономические и соціальные. Нужно весь строй этого глупаго и подлаго общества радикально измінить, переділать, сломать и уничтожить; все это должно рушиться!
- И что же будеть тогда? спросиль студенть, съ нашвно-
- А будеть то чему уже положено некоторое начало, утвердительно сказаль Полояровъ.—Да воть, коть наша коммуна, къ примеру сказать. Это, дело прочное-съ, и опо привьется, оно пойдеть въ жизнь, потому у насъ все общее: общій трудь, общій фондь. Я, напримерь, литераторь (это слово произнесь окь съ оттенкомъ горделивато достоинства).

ву, занимаюсь литературнымъ трудомъ, пописываю статейки тамъ въ разныхъ журналахъ и получаю, значитъ, свою плату; аругой коробки клеитъ, третья при типографскомъ дѣлѣ— каждый свое зарабатываетъ, и въ общій фондъ, на общія потребности. Квартира у насъ общая, чай-сахаръ общій, столъ общій, а главное—убѣжденія общія. Тутъ, сами видите, принципъ вкономическій тѣсно связанъ съ соціальнымъ. Это, батютка мой, разумный и явный протестъ противъ неравномърнаго распредѣленія капиталовъ, противъ вксплуатирующаго собственничества, протестъ за право каждаго на святой трудъ, и борьба противъ обособляющихъ элементовъ.

- То-есть что же вы разументе подъ обособляющими элементами? спросилъ Хвалынцевъ, котораго понемногу стали забавлять полояровскіе куріозы.
- Обособляющіе элементы, это... это, какъ бы вамъ сказать... Велите-ка прежде дать мив еще водки рюмку, а потомъ и обособляющіе элементы пойдуть у насъ!

Хвалындевъ тотчасъ же исполнилъ просъбу Полоярова.

— Обособляющіе элементы, это, изволите ли видіть, началь онъ поучающимь тономь, — напримірь, чинь, сословіе, каста—это обособляющій элементь; капиталь сосредоточенный въ одніжь рукахь, который естественно требуеть эксплумаціи чужаго труда—то же обособляющій элементь; потомъ, напримірь, семья — опять же обособляющій элементь. Поэтому борьба противь касть, сословій, противь неравномірнаго распреділенія богатствь, противь семьи, брака и тому подобныхь мерзостей составляеть задачу новыхь людей нашего времени. Стало-быть, вы видите что туть, изь свази принциповь экономическихь и соціальныхь, вытекають сами собой и принципы политическіе, додуматься не трудно! Понимаете-сь? многозначительно подмитнуль онь глазомъ. — Дайте-ка мнів папироску!

Хвалынцевъ подозвалъ гарсона и сталъ расплачиваться.

— Э-хим.... Послушайте, батенька, отворотясь отъ гарсона, тиме чемъ вполголоса обратился Ардаліонъ къ Константину Семеновичу:—заплатите-ка ему заодно ужь и за меня.... совоемъ изъ ума вонъ: деньги забылъ, не захватилъ съ собой.

Хвалынцевъ со всею любевною предупредительностью поопфииль исполнить просьбу Ардаліона Михайловича.

— Н-да-съ, батюшка мой! закуривъ папироску, глубоко и

какъ-то интимно вздохнулъ Полояровъ, какъ обыкновенно вздыхаетъ человъкъ, когда сбирается соткровенничать отъ сердца.—Вотъ, вы видите меня. Кромъ честнаго труда, ничего не имъю, а между тъмъ вы знаете ли, что я.... что вотъ этотъ самый Ардаліонъ Полояровъ, говорилъ онъ, начиная входить въ нѣкоторый умъренный паеосъ и тыча себя въ грудь указательнымъ пальцемъ;—н-да-съ! вотъ этотъ самый человъкъ, не далъе какъ нынъшнею весной, могъ бы бытъ богачомъ, капиталистомъ! Да въдь какъ-съ! Громадный капиталъ вотъ уже совсъмъ въ рукахъ былъ, взять бы его да въ карманъ положить, а я нътъ-съ! И не то чтобы капиталъ-то сомнительный,—нътъ, своимъ собственнымъ честнымъ трудомъ добытый, никому за него не обязанъ!

— И что жь? спросиль Хвалынцевъ.

Полояровъ махнулъ рукой.

- Э! дуракъ былъ.... не умълъ пользоваться! съ досадой сорвалось у него съ языка, и студентъ замътилъ какъ лицо его передернула какал-то скверная гримаска досадливаго сожальнія о чемъ-то. Но Ардаліонъ вдругъ спохватился.—То-есть, вотъ видите ли, сталъ онъ поправляться въ прежнемъ рисующемся тонъ:—все бы это я могъ легко имъть, капиталъ, цълый капиталъ, говорю вамъ, потому, все это было мое, по праву, но.... я самъ добровольно отъ всего отказалсъ
  - Это для чего же? полюбопытствоваль студенть.
- Для идеи! да, милостивый государь, для идеи-съ и изъза идеи-съ! съ удареніемъ и внутительно-горделиво отчеканилъ Полояровъ.—Я всёмъ пожертвовалъ, все бросилъ: и не
  задумался, нётъ, въ ту жь минуту бросилъ и отказался!...
  Даже, если ужь вы такъ знатъ хотите, связи съ любимор
  женщиной порвалъ, какъ только почуялъ первый кличъ идеи.
  Натъ братъ, батюшка мой, наставительно прибавилъ онъ
  почти тепотомъ:—это тотъ же аскетъ: тамъ гдъ дъло идеи,
  кътъ ни отца съ матерью, ни дома, ни любовницы, ни
  капитала, всёмъ жертвуеть, все отвергаеть!
- Такъ и слъдуетъ! со скрытою ироніей похвалиль его Хвалынцевъ.

Полояровъ, тъмъ не менъе, принялъ это за чистую монету.
— А, вы понимаете это! Вашу руку! Дайте пожать ее! многозначительно промолвилъ онъ.—Послушайте, голубчикъ, уменя до васъ будетъ одна маленькая просьбица, вдругъ

перемъния она тона и заговория въ фамильярно-заигрывающемъ и пріятельски-заискивающемъ родъ:—не можете ли одолжить мнъ на самый короткій срокъ сущую бездълицу: рублишекъ десятокъ, не болъе.... Я долженъ за свою послъднюю статью получить послъзавтра.... Мы съ вами сочтемся.

- Нътъ, извините, не могу, къ сожальнію! отозвался Хвааынцевъ.
- Гм.... не можете.... Hy, такъ хоть пятитницу дайте....
  - Къ сожальнію, и въ этомъ принужденъ отказать вамъ.
- Э, да въдь вы, голубчикъ, мы знаемъ васъ! Вы человъкъ денежный! Въ нъкоторомъ родъ собственникъ! подмитивалъ Полояровъ:—у васъ деньга водится!... Одолжите, если не можете пяти, хоть зеленую.... Ей Богу! честное слово, отдамъ, какъ только получу.

Хвалынцевъ, видя что тутъ ничего не подълветь, вынулъ и далъ ему трехрублевую бумажку.

- Сочтемся! пробурчаль Ардаліонь, пряча ее въ кармань и даже не кивнувъ головой. А послутайте-ка, батенька, примолвиль онь, —переходите-ка въ нашъ лагерь, въ нашу коммуну! Ей-богу, самое любезное дъло! Вы подумайте! Это статья дъльная. У насъ въдь и женщины есть въ нашей общинь, какъ-то двусмысленно прибавиль Полояровъ, словно имълъ затаенную мысль поддъть; на этотъ соблазнительный крючокъ Хвалынцева.
- Натъ, слуга покорный, иронически поклонился Константинъ Семеновичъ, и пошелъ изъ ресторана.

Полояровъ подозрительно и сурово поглядълъ ему во слъдъ и мрачно нахлобучилъ на глаза свою войлочную шляпу. Длинные хвосты широкихъ лентъ, развъваясь, понеслись за нимъ сзади. Онъ вышелъ на Невскій и пошелъ отыскивать Анцыфрова съ Лиденькой, которыхъ и нашелъ, наконецъ, у Аничкина моста.

- Послушай, Полояровъ, это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! запальчиво обратилась къ нему Лиденька (съ прівздомъ въ Петербургъ она очень прогрессировалась и, не ственяясь никъмъ и ничъмъ, "по принципу", говорила Полоярозу съ Анцыфровымъ прямо "ты").—Это чортъ знаетъ что! Съ какой стати ты водишься съ этимъ господиномъ?
- Съ какимъ господиномъ? покосясь на нее, проворчалъ Ардаліонъ: — чего ты?!

- Съ этимъ фатишкой, аристократишкой.... Чего ты увязался за нимъ къ Доминику?
- Увязался!... Вовсе не увязался! Я самъ по себъ былъ. Скоръй же ужь онъ самъ за мной увязался, а ужь никакъ не я! оправдывался Полояровъ.
- Я изъ нашего давешняго разговора совершенно убъдилась что этотъ господинъ и невъжа, и подлецъ! раздраженно тараторила Лиденька: — заодно съ жандармами, заодно съ полиціей! Оправдываетъ правительство...
- . Ну, гдъ же оправдываетъ! попытался было заступиться Ардаліонъ.
- Пожалуста, ты не противоръчь! перебила Затцъ:—сама знаю что говорю! Учить меня нечего! Этотъ гнусный индифферентизмъ, втотъ небрежный тонъ, какъ будто удостоиваеть, списходить, говоря съ нами; еле поклонился.... уходить, руки не протягиваетъ.... Нахалъ, подлецъ, фатишка и мерзавецъ! А ты съ нимъ якшаеться!
- Да, честное же слово, онъ самъ! Я и не думалъ.... Мив что? Мив на него плевать! отчурался Ардаліонъ отъ ея нападеній.
- А мы съ Анцыфровымъ положительно убъждены что втотъ господинъ въ связи съ третьимъ отделениемъ! брякнула вдругъ Лиденька.
  - Ну, вотъ!... Почему ты думаеть?
  - Такъ. Это мое убъжденіе.
  - На чемъ же оно основано?...
- А хоть на томъ что онъ не арестованъ.... Почему овъ не арестованъ, когда другихъ то и дело берутъ?... Зачемъ? Почему? я тебя спрашиваю....
- Гм!... глубокомысленно промычаль Полояровь, подумавь надъ ея словами: а впрочемь, чорть его знаеть! Мив и самому, пожалуй, сдается, что туть что-то подозрительное....
- Да ужь повърь что такъ. У меня на этотъ счетъ похъв Отличный нюхъ есты горячо убъждала Лиденька.—Наконецъ, вспомни, въ Славнобубенскъ эта дружба его съ отъявленнымъ, патентованнымъ шпіономъ; развъ это не достаточное докавательство?
- Ну, да чортъ съ нимъ! Шпіонъ такъ шпіонъ! Намъ-то что? Не знаться съ нимъ больше, да и вся недолга! порфшилъ Полояровъ.

- Нѣтъ, братъ, Ардаліота, ты этого такъ пе говори! вмѣтася золотутный пискувокъ: — это такъ оставить нельзя! Долгъ каждаго порядочнаго господина, если мы узнали такую штуку, нашъ прямой долгъ чести предупредить поскоръй порядочныхъ людей объ этомъ, а то въдь другіе пострадать могутъ....
- Конечно! разументся! подхватила Лиденька:—Чемъ боже шпіоновъ будуть известны, темъ боже мы безопасны. Вскоре столкнулись они съ одною студентскою кучкой и ватесались въ нее.
- Господа, будьте остороживе со студентомъ Хвалынцевымъ, внушительно-въскимъ топомъ предупредила Лиденька.
  - Съ Хвалынцевымъ?... Что такъ? отозвались ей изъ кучки.
- Да ужь такъ!... мы только для вашей же пользы предупреждаемъ: будьте поостороживи! погрозился Анцыфровъ: внаете, чай, писенку:

"У отца у нашего Ловкихъ слугъ довольно...."

Студенты переглянулись. По лицамъ ихъ пробъжала тънь сомпънія, недоумънія.... Однако сообщеніе Лиденьки было принято къ свъдънію.

Два-три такихъ "будьте поостороживи", оброненныя въдвухъ, трехъ кучкахъ, послужили совершенно достаточнымъ поводомъ чтобы молва полетвла изъ одной группы въ другую, изъ другой въ третью и т. д., и т. д. — и твнь сомивна на личность честнаго товарища была брошена, а иные приняли ее тотчасъ же, срязу, за несомивную истину.

VIII. Герой въ иныхъ витаетъ сферахъ.

Выйда отъ Доминика, Хвалынцевъ пошелъ по направлению къ Полицейскому мосту. Не доходя Голландской церкви, близь магазина Юнкера, онъ почувствовалъ что кто-то легонько дотронулся сзади до его локтя, обернулся, и вдругь онъмълъ отъ неожиданнаго радостнаго изумленія.

Предъ нимъ стояла Татьяна Николаевна Горева. Лицо ея улыбалось и радовалось.

- Господи!... Да вы ли это? воскликнуль студенть, протагивая ей объ руки.—Здравствуйте! Когда? Давно ли?
- Вчера только прівхали, отвівчала она голосомъ переполненнымъ волненія. А какъ я рада что встрівтилась!... Віздь я все думала, да ломала себіз голову какими бы судьбами отыскать васъ? хопілла дать знать, увіздомить, говорила она, глядя ему въ лицо свізтлыми, радостными глазами: сегодня утромъ даже въ университеть нарочно съіздила, но тамъ Богъ знаетъ что такое: все заперто.... солдаты.... останавливають, не пропускають, такъ ничего и не добилась! Вдругь выхожу отъ Юнкера, а вы туть какъ туть!... Ну, какъ я рада! Здравствуйте еще разъ! Да жмите же что ли руку-то крізпче! Ну, воть такъ! Теперь хорошо, по-дружески! Да что это у васъ такое множество студентовъ на Невскомъ? Это у васъ всегда такъ бываетъ?
- Нътъ, не всегда, отвъчалъ Хвалынцевъ, но что и какъ, это слишкомъ долго разказывать.
- Ну, хорошо, разкажете и послѣ; а теперь вамъ нечего дѣлать? Если нечего, то пойдемте къ намъ. Тетушка рада будетъ. Мы здѣсь близехонько: въ Малой Морской, Hôtel de Paris. Хотите?

Хвалынцевъ предложилъ ей руку, и они отправились.

Тетка обрадовалась ему какъ родному. Объ онъ оставили его у себя объдать, - и Константинъ Семеновичъ, незамътно ни для нихъ, ни для самого себя, досидель въ ихъ номере до поздняго вечера. Разговорамъ и распросамъ съ объихъ сторонъ не было конца и, - какъ это всегда бываетъ у хорошихъ, сердечно близкихъ и давно невидавшихся знакомыхъ. которымъ есть что попередать другь другу, разказы перебивались вопросами, вопросы разказами, одинъ разговоръ быстро, по мгновенно блеснувшему, кстати или не кстати. воспоминанію, смінялся другимь, другой перебивался вдругь виезапнымъ вопросомъ или замъчаниемъ, затъмъ опять переходиль къ продолжению старой, оставленной темы. Туть фигурировали и Славнобубенскъ, и Москва, и Петербургъ, и общіе знакомые, и книги, и новыя сочиненія, и студенты, и кой-какія маленькія сплетни, къ которымъ кто жь не питаетъ маленькой слабости?-и театръ, и вопросы о жизни, о политикъ, о Лиденькъ Затиъ, и музыка, и современныя событія, и тв особенные полунамски, полувзгляды, полуулыбки, которыя очень хорошо и очень топко бывають понятны людямь, когда у нихь, при встрычь, при взглядь одного на другаго, сильный и порывистый начинаеть биться сердце, и въ этомъ сердцы сказывается какое-то особенное радостно-щемящее, хорошее и свытлое чувство.

Кажется, ужь обо всемъ вдосталь наговорились, а между тъмъ и Татьяна Николаевна, оставшись одна предъ своей постелью, и Хвалынцевъ, возвращаясь къ себъ домой, оба одинаково и равно чувствовали что темы для разговоровъ далеко еще не истощены, что далеко не все еще сказалось, о чемъ бы хотълось высказаться, что много и много еще нужно будетъ передать другъ другу....

Хвалынцевъ сталъ бывать у нихъ ежедневно. Весь молодой, внутренній міръ его, на первые дни, такъ всецѣло наполнился этимъ присутствіемъ, этою близостью любимой дѣвушки, что онъ рѣшительно позабылъ все остальное на свѣть—и университетъ, и сгудентовъ, и науку, о которой еще такъ ретиво мечталъ какую-нибудь недѣлю тому назадъ. Для него, на первыхъ порахъ, перестало быть интереснымъ или, просто сказать, совсѣмъ перестало существовать все что не она.

Почти приме чи напролеть проводиль онь съ нею у тетки. Татьянъ Николаевнъ такъ жадно хотвлось все видъть, все осмотръть, все узнать, со всъмъ познакомиться—чувство слишкомъ хорошо знакомое встыть людямъ долго заживтимся въ провинціи и попавтимъ наконецъ на] "свътъ Божій". Хвалынцевъ взялся быть ея неизмъннымъ чичероне. Ей хотвлось быть и въ Эрмитажь, и въ музеяхъ, и въ публичной библіотекть, и въ академіи художествъ, и въ оперть, и въ русскомъ театръ, и во французскомъ, и на клубныхъ семейныхъ вечерахъ, и послушать какъ читають россійскіе аптераторы на публичныхъ чтеніяхъ, и поглядеть на этихъ россійскихъ литераторовъ, каковы-то они суть въ натуръ, по наружности; словомъ, желаніямъ Татьяны Николаевны не было конца, и кидалась она на все это съ жадною любознательностью новичка, который наконець-то дорвался до столь желаннаго и долго жданнаго предмета, о которомъ ему еще такъ давно и такъ много мечталось.

Проводя у Горевыхъ почти все свое время, Хвалынцевъ только вскользь успъвалъ слъдить за ходомъ университетскихъ событій, за движеніемъ и толками въ обществъ,

которые были вызваны этими событіями. А между темъ въ городъ толковали что пъсколько гвардейскихъ полковъ заявляють сильное движение въ пользу студентовъ и положительно отказываются идти, если ихъ пошлють противь них: что студентовъ и многихъ другихъ лицъ то и дъло врестовывають, хватають и забирають гдв ни попало, и какь ни попало, и днемъ, и ночью, и дома, и въ гостяхъ, и на улица, что министръ не приняль университетской депутаціи съ адресомъ. О новыхъ правилахъ и матрикулахъ, распубликованныхъ министерствомъ отъ 28-го сентября, въ общества ходили самые нелестные толки. Большинство публики образованныхъ слоевъ было ими сильно недовольно. Заграничныя газеты то и авло печатали самыя неутвшительныя корреспонденціи изъ Россіи, преисполненныя затаеннаго морадства: для нихъ Россія представлялась теперь крипостью, подъ которую повсюду подведены пороховыя мины, крипостью, которая сама себя подкопала. Газеты вти весьма злобно и остроумно критиковали министерскія правила. Колоколь биль набать, и даже Le Nord заметиль что многів изъ этихъ правилъ годны скорве для десятильтнихъ мальчищекъ чемъ для студентовъ. Петербургская журналистика хранила молчаніе, и только изръдка гдь-нибудь, между строками, прорывался темный, сочувственный студентамъ, намекъ на современныя университетскія событія. Толковали между студентами и въ обществъ что всъ офицеры артиллерійской академіи подали по начальству рапорть, въ которомъ просать удерживать 5% изъ ихъ жалованья на уплату за быныхъ студентовъ; съ негодованіемъ передавали также что стипендіи беднымъ студентамъ будуть отныне выдаваться не въ университеть, а чрезъ полицію, въ полицейскихъ камерахъ; толковали что профессора просили о смягчени новыхъ правилъ, потомъ просили еще чтобъ имъ было поручено изследовать все дело, и получили отказъ и въ томъ, и въ другомъ, просили о смягченіи участи арестованныхъ студентовъ-и повый отказъ. Накоторые въстовщики распространяли, подъ рукой, служи, будто студентовъ въ крипости пытають, что ихъ будуть ссылать въ Сибирь, растреливать, и много еще подобныхъ неавпостей, и эти посавднія неавпости, точно такъ же какъ и въсти основательныя, находили таки свое приложение въ некоторыхъ сферахъ общества, и распространялись даже усердные и скорые чыть извыстів болые положительнаго и разумнаго свойства.

Хвалынцевъ, увлеченный теперь дълами своего сердца боаве чъмъ дълами студентства, не былъ на сходкъ которая собралась около университета 2-го октября—день, въ который начальство словесно объщало открыть лекціи; но лекціи открыты не были. По этому поводу на сходкъ произошли нъкоторыя демонстраціи, результатомъ которыхъ были немедленные аресты. Между прочимъ арестовано тутъ же нъсколько лицъ къ университету не принадлежавшихъ.

11-го октября, вернувшись поздно вечеромъ домой, Хвалынцевъ нашелъ на столъ у себя слъдующее письмо:

"Нужды нать что письмо это безь подписи. Будьте твердо уварены что вамъ пишеть другь и тайный вашь доброжелатель. Вы въ права принять или отвергнуть совать, внушенный уваженіемъ и искреннимъ расположеніемъ къ вамъ. Зачамъ вы покинули вашихъ товарищей, ваше общее дало? Васъ не видать было нигда: ни въ условные часы на Невскомъ, ни на сходка 2-го октября, ни на частныхъ сходкахъ у товарищей. Многіе озадачены вашимъ поведеніемъ. Завър уже успали пустить слухи что вы (не расхохочитесь только!), что вы—шпіонъ. Сколь ни глупо, а многіе варятъ. Вамъ надо поведеніемъ своимъ снять съ себя эту мерзкую клевету. Завтра открывается университетъ для взявшихъ матрикулы. Не-матрикулисты намарены собраться предь начаюмъ лекцій чтобы не допустить малодушныхъ товарищей своихъ покориться министерскимъ фуркуламъ. Имъ помашають, ихъ не допустятъ заявить свою покорность и смиренномудріе. Мы ждемъ васъ завтра, какъ честнаго товарища, на предстоящей сходкъ.

"Вать искренній доброжелатель."

Письмо это и озадачило, и раздосадовало Хвалынцева. "Что за тайный доброжелатель? Что за контроль надъ частною жизнью человъка, надъ личными его отношеніами? Мена не видать тамъ-то и тамъ-то! Да вамъ-то какое дъло? И сейчасъ уже "шпіонъ".... Господи, какъ это у нихъ все скоро!... И глупо, и больно, и досадно!..."

И вервно крута пальцами въ трубочку письмо, Хвалывцевъ заходилъ по комнать. Онъ принялъ къ сердцу полученное извъстіе, и втайнъ его печалило, грызло и бъсило заявленіе о его шпіонствів: "что это—пельпое ли предостереженіе, съ цівлью постращать, или въ самомъ діят правда? Кровь кидалась ему въ голову какъ только начиналь овъ думать и воображать себів что его фамилія сопоставляется "съ этимъ словомъ". Хвалынцевъ—шпіонъ!.. "Э, нівть, мои милые, я вамъ докажу... я вамъ докажу что такъ нельзя!.. Это ужь слишкомъ!.." злобно бормоталъ онъ, стиснувъ зубы, а разсудокъ межь тівмъ скромно подшептываль въ это самое время простой вопросъ: "чівмъ же ты это, любезный другь, имъ докажешь?" И досадливая злоба еще пуще подступала къ его сердцу.

Онъ долго не могъ уснуть. Все одна и та же оскорбитель ная мысль, все то же злобное чувство, даже и въ короткомъ, перерывчатомъ сиъ, не давали ему покоя.

ІХ. Студентскій день.

Утромъ, часу въ одиннадцатомъ, онъ повхалъ къ Горе-

Татьяна Николаевна сразу зам'втила что ему какъ-то не по себъ.

- Что съ вами нынче? почти на первомъ же словъ спросила она.
- A вотъ, прочтите и узнаете, отвѣтилъ онъ, подавая вчераннее письмо.

Та развернула бумагу и быстро принялась читать. По са лицу можно было видеть какое впечатление производить на песе это послание.

- Какія мерзости! вырвалось у нея съ негодованіемъ, когда она дочла до последней строки:—неужели это правда? Неужели и у васъ такія нелепости распространяются таку же легко и быстро какъ въ Славнобубенске?
  - А что жь, мудренаго въту!
- Но посяв этого мало-мальски самостоятельному человъку просто жить нельзя! Чуть высказаль мявніе несогласное съ большинствомь—сейчась шиюнь, сейчась подлець! Да это хуже всякаго рабства!

Хвалынцевъ пожалъ плечами.

— Устиновъ правъ: среда, действительно, тотъ же палачь

и деспотъ, тихо сказалъ онъ:—какъ ее ни презирай, а она, помимо твоего презрвнія, дастъ-таки почувствовать себя слишкомъ чувствительнымъ образомъ.

Татьяна Николаевна остановилась въ какой-то внутренней, сосредоточенной борьбв со своимъ собственнымъ раздумьемъ. Решить ли такъ, или эдакъ? высказывалось въ еа взоръ, въ ея суровой морщинъ надъ бровями, въ ея медленномъ и редкомъ подергивании углами губъ. Видно было, что обвинение павшее на Хвалынцева слишкомъ успъло задъть ее за живое.

- Послушайте, Константинъ Семеновичъ! ръшительно подняла наконецъ она на него свои глаза:—хоть вто все и мервость, и глупость, но... мнъ кажется, оставлять безъ вниманія такія всщи не должно. Ваше имя, ваша честь должны стоять слишкомъ высоко! Они не должны ни минуты оставаться подъ какою бы то ни было тынью!
- Что жь прикажите делать? горько улыбнувшись, спросиль онъ.
- Что делать? быстро и оживленно подхватила девушка:—прежде всего разъяснить это дело. Можетъ-быть, все это не болые какъ плоская шутка какого-нибудь благопріятеля, не слишкомъ разборчивато на средства; въ такомъ случаю наказать его за это, выставить его поступокъ на позорътоварищей.
- О, помилуйте! до того ли имъ теперь! перебилъ студентъ.—Въ университеть идетъ дъло поважный моего личнаго самолюбія. Да и едва ли шутка: мы, надо сознаться, слишкомъ скоры на самые рышительные приговоры.

Горева снова задумалась.

- Въ такомъ случав вотъ что: уважаете вы вашихъ товарищей, или ивтъ? Уважаете вы общее мивне студентской массы?-
- Вопросъ даже излишній, возравиль Хвалынцевь:— я самъ студентъ.
- Значить, уважаете, утвердительно заключила дввушка.— Ну, такъ повзжайте сейчась же на сходку! Сейчасъ повзжайте! Тамъ вы сами воочію убъдитесь на сколько тутъ правды, и если да, то постарайтесь своимъ поведеніемъ доказать товарищамъ что они на вашъ счетъ заблуждаются. Повзжайте! Вотъ вамъ рука моя на счастье.... Я буду ждать васъ....

Хвалынцевъ съ любовью и благодарностью поправоваль протянутую ему руку и отправился на сходку.

Подъвзжая къ университету, онъ еще издали увидыт огромную толпу, запрудившую всю набережную. Въ этой толь пв пестрвла самая разнообразная публика, сврвли ряды войска, надъ которыми видивлись тонкія, частыя иглы штыковъ; неколько гарцующихъ на месте всадниковъ заметно выдавались надъ головами; еще дале — стройный рядъ конныхъ жандармовъ.... Все это могло бы предвещать нечто ведоброе, еслибы частое повтореніе подобныхъ явленій за последнее время не пріучило студентовъ смотреть на нихъ какъ на нечто весьма обыкновенное, въ роде необходимой декораціи при театральной комедіи.

Хвалынцевъ расплатился съ извощикомъ и спетно отпръвился петкомъ по набережной. Квартальный надзиратель и пекколько полицейскихъ пропустили его безпрепятственно. Онъ уже съ трудомъ пробирался между рядами солдать съ одной стороны и массою публики съ другой, какъ вдругь дорога ему была загорожена крупомъ строевой лошади. На седать красовался какой-то генералъ.

— Негодяц, говорилъ онъ, показывая на студентовъ,—вало дать имъ хорошій урокъ.

Вся кровь бросилась въ голову Хвалынцева.

— Ваше превосходительство! крикнуль онъ: — будьте поразборчивъе въ вашихъ выраженияхъ!

Генералъ повернулся, желая поймать голосъ осмышенийся встритить его слова столь громкимъ протестомъ.

Нѣсколько человъкъ впереди публики, видимо интересовавшиеся Хвалынцевымъ, разомъ оттерли его и скрыми вътолпъ. Хвалынцевъ рванулся было впередъ, но его задеравати и, закрывая, продолжали оттирать назадъ.

Отчасти сконфуженный генераль шагомъ повхаль дале, къ университету.

Хвалынцевъ, съ трудомъ пролагая себъ дорогу въ толе, отправился въ томъ же направлении. Вотъ засинъли предъ нимъ студентские околыши, вотъ уже онъ примкнулъ къ ихъ толев. На сердиъ у него было такъ смутно и такъ тревовно: онъ не зналъ какъ отнесутся теперь къ нему его товарищи; онъ втайнъ боялся за свое доброе имя и сознаваль что минута встръчи съ ними должна быть роковою, что

после нея нужно решиться на что-нибудь такое, что бы сразу разубъдило ихъ, разсъяло все предубъждения. Но увиъ именно должно быть это что-нибидь таког, въ чемъ оно должно заключаться?—студенть не зналь и не могь еще лать самому себъ яснаго отчега; онъ только былъ твердо увъренъ что что-нидудь такое онъ сделаеть, что оно будеть, и будеть непремънно. У страха глаза велики, говорить пословина. У предубъжденнаго въ какую-либо сторону человъка они точно такъ же велики, а Хвалынцевъ явился сюда уже предубъжденнымъ, настроеннымъ въ извъстномъ направлени, и потому быль способень видьть въ каждомъ взглядь, въ каждомъ пожатіи руки, въ каждомъ словів и движеніи знаменательное для себя явленіе, — явленіе направленное противъ его личности въ дурную, враждебную сторону. Можетъбыть, въ сущности, многаго изъ того что ему казалось вовсе и не было, но ужь опъ-то самъ, по внутреннему настроенію, склопенъ былъ глядеть на все преувеличенными глазами и объяснять себв все такъ, какъ подсказывало ему его собственное, бользненное чувство. Ему показалось что на вего весьма многіе стали вдругь косо глядъть, что въкоторые какъ будто уклонились отъ встречи съ его взглядомъ, отъ его поклона, что самыя рачи какъ будто становились сдержанные при первомъ его появлении въ томъ или другомъ мъсть толпы. Бользненное чувство досады и незаслуженнаго оскорбленія подымалось въ его душь, а на полобпое настроеніе очень много повліяла также и дурно проведенная ночь, и возбуждение нервовъ, и неожиданное столкновеніе съ ораторствовавшимъ генераломъ. "А въдь струсилъ, подло струсиль", самъ себя упрекаль въ душъ Хвалынцевъ:-"следовало бы не прятаться въ толов, а выйти прямо къ нему и честно сказать: "это я сказаль!" а я почти безпрепятственно позволиль оттереть себя.... Арестовали бы - ну, и пускай!... Тогда бы, по крайней мірть, всь внали, всьмъ бы было известно...."

"И все ввдоръ! И никто бы не зналъ, и никому не было бы извъстно!" слъдовалъ въ немъ новый потокъ мыслей:— "то было бы тамъ, а они здъсь, откуда жь бы узнали они? Никто изъ нихъ этого и не увидълъ бы.... Доказать.... Но чъмъ доказать.... Нужно, необходимо нужно что-то такое сдълать, чтобы всъ видъли, чтобы всъ поняли.... Но что такое сдълать?... Что именно нужно?..."

Чемъ боле поддавался Хвалынцевъ этимъ мысламъ, темъ все смутне и тяжеле становилось ему, и онъ вдругъ какъто почувствоваль себя одинокимъ, чужимъ, лишнимъ среди втой толны товарищей, отторгнутымъ отъ нея членомъ, отторгнутымъ вследствіе какого-то тайнаго, неведомаго, высмаго приговора. Ему стало очень горько и больно; досада и влость, и сознаніе своего одиночества, своего безсилія, еще пуще стали сжимать и щемить его душу.

"Какъ я приду къ пей? Что я скажу ей?... Опа въдь ждетъ меня, она сама, можетъ, такъ же страдаетъ", думалось ему. "Нътъ, надо сопълать!... надо сейчасъ доказать имъ.... Но, Господи! Что же я сдълаю!... О, будь толпа за меня, будь я по-прежнему безъ малъйшей тъни въ ея глазахъ, я былъ бы силенъ ею.... я все бы сдълалъ тогда, все было бы такъ лег-ко и такъ просто.... а теперь — чортъ знаетъ! — словно связанъ по рукамъ и ногамъ, словно паутиной какой-то спутанъ...."

— Господинъ Хвалынцевъ! Господинъ Хвалынцевъ! послышался вдругъ ему чей-то дружелюбный, привътливый голосъ.

Константинъ Семеновичъ обернулся на зовъ и увидваъ на тротуаръ набережной, между массой публики, Василія Свитку, который, улыбаясь, махалъ ему рукой.

Хвалынцевъ, погруженный въ свои тяжелыя думы и ощущенія, обрадовался этому голосу, будто какому-то спасительвому, благовъстному звуку. Онъ поспышат пробраться къ Свиткъ, съ чувствомъ, весьма близкимъ къ чувству утопающаго, которому вдругъ представляется доска или сучокъ прибрежнаго кустарника.

Свитка стояль въ рядахъ публики, по нъсколько человъкъ его сосъдей, какъ показалось Хвалынцеву, составляли какъ будто особую кучку знакомыхъ между собою людей. Тутъ былъ и Шишкинъ, и Лъеницкій, физіономія котораго показалась студенту нъсколько знакомою: онъ вспомнилъ что видълъ, кажисъ, этого самаго господина вмъстъ со Свиткой, и въ университетъ однажды, и въ тотъ день когда въ условленные часы гулялъ по Невскому.

Кромъ втого господина, тутъ же стояло нъсколько офицеровъ, между которыми особенно выдълялась фигура капитана генеральнаго штаба съ очень умнымъ, впергическимъ лицомъ. Этотъ капитанъ разговаривалъ съ блоядиномъ чиновничьей наружности, очень скромнымъ и приличнымъ на видъ. Нъсколько выдвинутая впередъ нижняя челюсть и тонкія, подобранныя и сжатыя губы, несмотря на общую болъзненность физіономіи, придавали его лицу какое-то презрительное и вмъсть съ тъмъ энергическое, твердое выраженіе ръшимости и силы. Это лицо было изъ тъхъ что невольно останавливають на себъ нъкоторое вниманіе. Онъ
стояль въ распахнутомъ, бобровомъ пальто, и между развернувшимися бортами его кашне Хвалынцевъ замътилъ какойто орденъ на его шев. Несмотря на то что сърые глаза его
дъшали наглостью, общее выраженіе ума и энергіи, вмъсть
съ изящною скромностью манеры держать себя, имъло въ
себъ нъчто подкупающее и даже располагающее въ его пользу.

- А молодцы матрикулисты! ей-Богу молодцы! не безъ увлечения похвалилъ Свитка, дружелюбно пожимая руку Хвалынцева.
  - А что такъ? спросилъ этотъ.
- Да какъ же! Собрали сходку и торжественно изорвали свои матрикулы.... Это фактъ утвшительный! Нематрикулисты хотвли помешать лекціямъ, но оказалось что и мешать нечему: все само собою сделалось какъ не надо лучше.

Хвалынцевъ съ высоты тротуара огляделъ толпу. Более двухсотъ студентовъ-матрикулистовъ стояли отдельною группой; человекъ полтораста, изъ невзявшихъ матрикулъ, помещались неподалеку отъ нихъ.

Вдругъ раздалось:

— Впередъ!... Обходи!

И рота солдать двинулась на толпу матрикулистовъ. Съ другой стороны ее окружили конные жандармы. Среди крика, шума и свалки послышались удары и вопли.

Вдругъ Хвалынцевъ замътилъ что въ пъсколькихъ шагахъ отъ него грохнулся на мостовую человъкъ. Опъ вглядълся и узналъ знакомаго: то лежалъ одинъ кандидатъ университета, кончившій курсъ пынъшнею весной. Лицо его было облито кровью. Первымъ движеніемъ студента было броситься къ нему на помощь, но чья-то сильная рука предупредила его порывъ.

— Останьтесь!... Куда вы!?.. Бога ради останьтесь! шепталъ ему Свитка, кръпко ухвативъ его подъ руку.

Хвалынцевъ отъ сильнаго волненія не могъ выговорить ни слова, и только взглядомъ и жестами показывая на окровавленнаго человъка, все порывался къ нему.

23

Въ вто время двое солдатъ подняли лежачаго и подсобили ему держаться на ногахъ, а одинъ даже обмахнулъ обшлатомъ грязь съ полы его пальто. Очевидно подъ впечатлъніемъ сильной боли, онъ плохо совнавалъ что дълается вокругъ него и несвязно бормоталъ какія-то слова. Солдаты, подхвативъ его подъ руки, утащили куда-то.

Солдаты окружили и оттвенили на некоторое разстояние толпу матрикулистовъ. Лежащихъ тотчасъ же подняли и от-

правили въ госпиталь.

— Въ крипосты!... Маршъ! скомандовалъ кто-то изъ начальства.

И толпа матрикулистовъ, окруженная конвоемъ, двинулась съ мъста:

— Берите и насъ!... Арестуйте и насъ вивств съ ними! Мы хотимъ быть съ нашими товарищами! раздались вдругъ крики изъ особой толпы нематрикулистовъ,—и вся она хлынула впередъ, на соединение съ арестованными.

Конвой разступился и безпрепятственно допустиль это соединеніе.

Хвалынцевъ спова бросился впередъ.

- Да куда же вы, наконецъ?!.. Куда вы! съ досадой остановиль его Свитка.
- Пустите! рванулся тоть оть него локтемъ: мое мъсто тамъ.... вмъсть съ ними.... Оставьте меня!
- Не оставлю! спокойно возразиль Свитка: прежде всего—это глупо!... Что за неумъстное донъ-кихотство!...
- Какое вамъ дъло до мена!... Мнѣ не нужно нянекъ!... Пустите же, говорю вамъ!

И онъ успълъ вырваться изъ-подъ руки Свитка и кинуася впередъ.

Какой-то городовой налетьль на него, и ухвативь за muвороть, потащиль къ арестованной толив. Хвалынцевь не противился.

— Оставить!... Пусти его, каналья! строго начальотвеннымъ тономъ проговорилъ въ эту самую минуту капитанъ генеральнаго штаба, подоспъвшій на выручку виъсть съ двуматремя офицерами, которые досель стояли въ толпъ, около Свитка.

Городовой тотчасъ же выпустиль шивороть Хвалынцева, и почтительно вытянувшись предъ офицерами, спашно взяль руку подъ козырекъ. Двое изъ нихъ въ ту жь минуту подхватили подъ руки студента и, почти насильно, оттанцили его въ толру народа, на тротуаръ набережной.

А въ это время студенты подъ конвоемъ успъди уже двинуться далбе.

Хвальищевъ, слишкомъ много перечувствовавшій и перестрадавшій въ эту ночь и въ это утро, взволнованный, раздраженный и эосмущенный, видомъ стычки, видомъ крови, наконецъ не выдержалъ. Ощущенія его за все это время были слишкомъ сильны и слишкомъ тягостно-разнообразны. Отворотясь отъ толпы, овъ облокотился на гранитныя перила набережной, судорожно закрылъ лицо руками и нервно зарыдалъ. Это были рыданія бользненнаго озлобленія.

- Полноте.... успокойтесь, тихо говориль ему Свитка, облокотивтийся рядомъ съ нимъ на перила.
- Оставьте, говорю! злобно прошипыть студенть: чего вамь отъ меня надо?... Кто васъ просилъ мъщаться?... По какому праву?...
  - По праву товарища, спокойно пояснилъ Свитка.
- Вы мяв не товарищъ.... Мои товарищи тамъ.... А я не съ ними!...
- Ну, а кого жь бы вы особенно удивили, еслибы была съ ними? съ дружескою насмътмкой возразилъ Свитка:—Эхъ, господинъ Хвалынцевъ! Донъ-кихототво вещь хорошая, да только не всегда!... Я возмущенъ, можетъ-бытъ, не менъе, но.... если мотитъ, то мститъ разумнъе, прибавилъ онъ шепотомъ и оченъ многозначительно:—бытъ бараномъ въ стадъ еще не велика заслуга, коли въ человъкъ естъ силы и способностъ бытъ вожакомъ....

Хвалынцевъ окинулъ его недоумъвающимъ взглядомъ.

— Полноте, успокойтесь, говорю вамъ, продолжалъ Свитка: — первый актъ траги-комедіи, можно сказать, конченъ.... ну, и слава Богу!... Полноте же, будьте мущиной!... Пойдемте ко миъ и потолкуемъ о дълъ... Я довезу васъ.... Я не отпущу васъ теперь одного: вы слишкомъ взволнованы, вы можете надълать совершенно ненужныхъ глупостей. Давайте вашу руку!

Въ токъ Василія Свитки было столько чего-то авторитетнаго, столько спокойствія и благоразумнаго сознанія своего права и силы, и ръшительности, что Хвалынцевъ, успъвшій уже до извъстной степени нравственно ослабъть подъ ударами столькихъ впечатлъній, почти безпрекословно подчинился воль этого новаго и неожиданнаго ментора.

Свитка напяль извощика и повезъ Хвалынцева на свою квартиру, въ 13-ю линю Васильевскаго Острова.

всеволодъ крестовскій.

(Ao cand. №).

УЧРЕЖДЕНІЕ

АРХІЕРЕЙСКОЙ КАӨЕДРЫ

У ТУРЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ *

(ИЗЪ ИСТОРІИ БЪЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.)

V.

Для иноковъ Славскаго монастыря, питавшихъ надежду что на соборномъ совъщаніи 8-го іюля должно последовать окончательное ревшение вопроса о белокриницкомъ священствъ, неудачный исходъ этого новаго собора былъ событіемъ заслуживавшимъ полнаго вниманія. И какъ только депутаты некрасовскихъ обществъ и разныя лица, присутствовавшія на соборномъ засъданіи, оставили монастырь, настоятель инокъ Макарій и прочіе славскіе отцы, вивств съ журиловскими и нъкоторыми другими сторонниками бълокриницкой іерархіи, приступили къ совъщанію что имъ остается предпринять теперь и какъ должно повести дело. Вразумить и привлечь на свою сторону противниковъ і рархіи не оставалось никакой надежды: только что прекратившіяся пренія служили тому очевиднымъ доказательствомъ; не подлежало сомнению, что решение дела они отложили до Покрова только съ намереніемъ оттянуть его и запутать. Съ другой сторовы имелось въ виду что и они сами, приверженцы белокриницкой ісрархіи, теперь не такъ малосильны, чтобы нельзя

^{*} Cm. Pycckiŭ Bromnuks Nº 5.

было однимъ открыть сношенія съ митрополіей по вопросу о священствъ. Итакъ, не взирая на силу и упорство противниковъ, не начать ли дело однимъ, -- не приступить ли къ избранио лицъ на священныя степени? Представлялись въкоторыя затрудненія къ поставленію епископа при такомъ разавлении парода, долженствовавшаго составить его паству; но ничто не могло препятствовать поставлению свяшенниковъ и діаконовъ для самой обители Славской. Итакъ, не избрать ли и не отправить ли въ Ввлую-Кринину достойныхъ изъ числа братіи по крайней мірть для поставленія въ священническій и діаконскій чинъ? Воть о чемъ держали совътъ славскіе отны по отъезде сарыкойскимъ и прочихъ некрасовскихъ депутатовъ, враждебныхъ бълокриницкому священству. Целая ночь прошла въ этихъ совещанияхъ; къ утру посавдовало решение отправить въ митрополію для поставленія во священники и діаконы двухъ достойныхъ иноковъ, которые и были немедленно избраны. "9-го числа сего іюля, —писали старны Славскаго монастыря, —съ возсілніемъ солнца возсіяла въ сердпахъ нашихъ благодать Божія, не взирая на всв развраты противниковъ нашихъ, и сдваали братскій совъть-избрать себь духовника изъ братіи пашей, и съ Божіей помощію избради изъ среды себя двухъ иноковъ: перваго Аркадія, постриженника отпа Лоровея, во сващенники, и втораго Іакова, въ діаконы. " Въ тоть же день изъ Славскаго монастыря дано было знать о состоявшемся решеніи не только журиловскому обществу, изъявивтему особенное усердіе къ принатію бълокриницкаго свашенства, но и въ другія некрасовскія общества-сарыкойское, славское, каменское, людямъ извъстнымъ своею расположенностію къ новоучрежденной ісрархіи. Всв одобряли предпріятіе славских отповъ, желали ему благополучнаго окончанія и спітили ділать посильныя приношенія на необходимые по сему случаю расходы; а журиловское общество, кромъ того, въ надеждъ имъть и собственнаго священника, рътилось приступить къ устроению церкви въ своей слободь.

Вообще сторонники бълокриницкой іерархіи теперь ликовали, какъ будто одержавъ побъду надъ противниками,—"всъ радовались по великомъ безнадежіи, ибо предъ симъ пришли

^{*} Прошеніе, подавное Амеросію славскими отцами, 23-го іюля 1847 г.

въ великое уныніе въ страшныхъ отъ раздорныхъ лиць сопротивленіяхъ". Въ этомъ благодушномъ настроеніи духа они придумали, что напрасно дълаютъ дъло въ половину, что слъдуетъ теперь же, какъ было предположено съ самаго начала, приступить къ избранію и епископа для всъхъ некрасовскихъ слободъ. Полагали, что противная партія не можетъ, да едва ли и ръшится воспрепятотвовать этому дълу; притомъ же разчитывали, что новопоставленный епископъ удобнъе можетъ подъйствовать и на сумнящихся, которыхъ посему и положили "предоставить промыслу Божію и попеченію пастыря, коего опредълить имъ Господъ". **

Для избранія епископа назначено было въ Славскомъ скиту общее собраніе. "По истеченіи нѣсколькихъ дней по избраніи двухъ чиновъ,—писали- славскіе отцы,—внезапу во всѣхъ нашихъ единодушныхъ братіяхъ, какъ въ иночествующихъ, такъ равно и въ мірскихъ, воспылало прежнее усердіе—имѣть намъ у себя епископа, о чемъ все время подвизались. Посему и паки собрались на таковое согласіе 20-го числа іюля мѣсяца, на память святаго и славнаго пророка Иліп." ***

Собраніе происходило въ скитскомъ "молитвенномъ храмъ"; присутствовали, кромъ иноковъ Славскаго скита. избранныя лица отъ обществъ журиловскаго, славскаго, сарыкойскаго и другихъ. По открытіи засъданія, журиловскіе старики обратились съ просъбой къ настоятелю иноку Макарію, чтобы приняль на себя званіе епископа всехь некрасовскихъ старообрядскихъ слободъ. Эта честь была предложена Макарію какъ начальному изъ старцевъ и достойному уваженія за простоту права и добрую жизнь: по способнымъ къ архіерейскому служенію, которое требовало, даже по попятілить Некрасовцевъ, и ума, и знанія правиль церковныхъ, и способности къ управлению, едва ли кто считаль его, а самь опъ-менье всехь. Макарій благодариль за честь, по отъ enuckonства решительно отказался, подъ предлогомъ своей болъзненности. Тогда его же, какъ предсъдателя, начали просить чтобъ указаль достойнаго человъка на сио высокую степевь, - благословиль, кого имъ

^{*} Тамъ же.

^{**} Протеніе, подавное Амеросію журиловскимъ обществомъ.

^{***} Прошеніе Анвросію, 23-го іюля 1847 г.

савдуеть выбрать. Старецъ Макарій всталь съ міста, и указавъ на Аркадія, бывшаго настоятеля Лаврентьева монастыра, сказаль: "воть мужь сильный понести иго enuckoncтва.—его убъждайте!" Здъсь инокъ Макарій высказаль только общее желаніе присутствующихъ, которое, безъ сомивнія ему было извъстно и которое самъ онъ раздъляль вполнъ, —онъ только назвалъ человъка, уже всъми предназначеннаго въ епископы. ибо по общему и справедливому мижнію, во всемъ братствъ Caarckaro монастыря не было никого способиве Apkania стать во главъ вовоучреждаемаго некрасовскаго духовенства, особенно при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, которыя требовали отъ будущаго enuckona много ума и твердости характера чтобъ устроить и привести въ порадокъ перковныя дъла. Итакъ предложение инока Макаріа было встрвчено общимъ сочувствиемъ: "возгласила вся братія.—питуть участники этого собора, — возгласиль весь мірь, всв единодушно возгласили (обращаясь къ Аркадію): буди намъ пастырь и вождь ко спасенію!" *

Натъ сомнанія, что пріобратеніе епископства уже тогда составляло предметь желаній для инока Аркадія, который быль вообще неравнодушень къ власти и почестямъ: соборное прошеніе, притомъ же столь единогласно и усердно предложенное, не могло такимъ образомъ встретить противодъйствія съ его стороны, и онъ, конечно, не замедлиль бы дать свое согласіе. Но въ его жизни было обстоятельство, составлявшее, по силь каноническихъ правиль, одно изъ существенныхъ препятствій къ принятію архіерейскаго сана, которое инокъ Аркадій и считаль необходимымь поставить на видъ собору своихъ избирателей, не безъ надежды однакоже, какъ по всему видно, что въ отношени къ нему это обстоятельство не будетъ признано препятствіемъ непреодолимыма. Въ молодыхъ летахъ, живя въ Кременчуть, Аркадій женился. Потому ли что онъ быль несчастливь въ семейной жизни, какъ утверждають некоторые, ** или потому что пробудилась въ немъ сильная наклонность къ иночеству, которая действительно была въ его характеръ, только, поживъ нъсколько лътъ съ женою, Аркадій ушелъ въ

^{*} Прошеніе журилов. общ.

^{**} См. П. И. Мельникова Очерки попосщины (Русск. Выст. 1867 г. № 2, стр. 645.)

монастырь, склонивъ къ тому же и свою супругу, которая была еще жива въ то время, когда началось дело объ избраніц Аркадія въ епископы. Все это однакоже не могло служить препятствіемъ для Аркадія принять enuckonckiu санъ: препятствіе заключалось въ томъ что жена его, до вступленія съ нимъ въ бракъ, уже находилась въ супружествъ, что онъ былъ женать на вдовъ; а таковыхъ церковныя правила ръщительно воспрещають производить не только въ архіерейскій санъ, по даже во священники и діаконы. Умтя въ виду эти правила, которыя ему хорошо были извъстны, Аркадій могь бы съ твердою решительностью отклонить сделанное ему предложение, даже не входя въ объяснение побуждающей къ тому причины, о которой, надобно заметить, онъ и вообще не любиль говорить. Но сивдаемый желаніемъ епископства, и руководясь любимою старообрядскою мыслію, что въ настоящія, гонительныя для церкви, нужныя времена можеть быть и закону премънение, онъ питаль надежду, что и правила, возбраняющія ему принятіе архіерейскаго сана, по соображении встать обстоятельствъ, признаны будуть тикже подлежащими премъненію, удобообходимыми. Вотъ почему онъ и рышился откровенно объяснить своимъ избирателямъ "богословныя вины", возбраняющія ему безпрекословно принять ихъ предложение.

Итакъ, подобно старцу Макарію, инокъ Аркадій сталъ отклонять отъ себя избраніе на enuckonctво, но не по слабости здоровья, а по недостоинству, и исповъдалъ предъ собо-

[&]quot;Именно, 18 пр. Свв. Апостоль гласить: "Пущеницу, или рабу, или вдосину, или плясавицу поимъ, не священникъ есть." Толкованіе: "Аще кто... вдовицу пойметь, таковый въ священническій чинъ не можеть пріять быти." Правило это подтверждено и ограждено въ пославдствіи новыми постановленіями, вошедшими въ составъ Кормчей. Такъ въ старопечатной Кормчей, въ статьа: От свитка посых заповъды Тустиніана царя, подъ числомъ 2-мъ, содержится заповъды: "заповъдуемъ убо, божественнымъ выну посладующе правиломъ, егда кто на поставленіе епископства приводится... да не будеть съ женою живый, или жену убо имый, не дъвою къ нему пришедту, или вдовицу". То же подтверждено въ заповъдять подъ числомъ 28 и 48. Въ послъдней говорится: "аще чтецъ вторую жену пойметь, или первую убо вдовицу... ктому во инъ церковный степень да не внидеть. Аще же въ кій-либо большій внидеть степень, да извержется".

ромъ истинную причину, ради которой считаетъ себя недостойнымь такого избранія. Для большинства присутствовавшихъ это признаніе было, конечно, новостью; но многіе, особенно выходны Лаврентьева монастыря, давно знали важивитія обстоятельства Аркадієвой жизни. И если первые были нъсколько смущены услышанною ими новостью, то эти последніе, съ своей стороны, поспешили смягчить для вихъ силу впечативнія. Самъ инокъ Макарій, очевидно предупрежденный относительно настоящаго случая, сталь говорить, что вина Аркадія въры не касается, а есть точію "гръховная". подлежащая прошенію, почему и препятствіемъ для пего къ пріятію епископства поставлена быть не можеть, особенно если взять во внимание настоящия обстоятельства, когда для "христіанъ некрасовскихъ" нуженъ именно пастырь, подобный Аркадію. Но съ важивитими доводами въ извиненіе Аркадія и къ убъжденію его принять enuckonckiй санъвыступиль "великій книгчій"— инокъ Евфросинъ. Онъ доказываль, что въ настоящее время церковь существуеть не на "обдержныхъ правилахъ", и потому нынъ руководствоваться церковными правилами въ полной ихъ силв никакъ невозможно: следственно и правила относящіяся къ представленному Аркадіемъ обстоятельству удобно могутъ быть устранены въ настоящемъ случав, ради нужныхъ обстоятельствъ, особенно если последуеть на то общее соборное решение. Вообще, по собственному свидетельству славскихъ иноковъ, "въ ответъ на объявленныя отъ Аркадія пікія богословныя вины, которыя возбранили ему пранять enuckonckyю должность. были представлены еще важиве его причины, по коимъ можно имвть ему на сей предметь разръшеніе". Но Аркадій, повидимому, оставался твердъ въ своемъ решеніи — не принимать архісрейства. Противъ доводовъ Евфросина онъ заметилъ, между прочимъ, что хотя Славскій соборъсудить списходительно о его двлв. но, быть-можеть, совершенно иначе взглянеть на это дъло соборъ Бълокриницкій, отъ котораго собственно и зависить поставление его въ enuckonckiй сань. Евфросинь отвътиль что онъ самъ повдеть въ Бълую Криницу и лично объяснится съ отцомъ Павломъ. "Надъюсь на щедроты Божія, — прибавиль опъ, — что посредствомъ всеосвященнаго собора сіе дело разрешено будеть, послику имъ во всемъ дана власть отъ Бога вязати и решити. « Къ этому настоятель инокъ Макарій съ братіей присоединили и свое моленіе,-

вси вообще рекли ему: возложи, отче, все сіе педоумъпіс. вкупф и немощь свою, на Бога и на Пречистую Его Матерь, Заступницу роду христіанскому, которая едина можеть все наше недоумение разрешить, и немощи наши понести, и все наше намерение во благое произвесть. " Накопецъ и весь народъ, увлеченный этимъ умилительнымъ преніемъ между просящими и отрипающимся, приступивъ къ Аркадію, воскликнуль: "грежи твои, отче, на насъ да будутъ, -- мы за тебя отвътствуемъ". Что Евфросивъ будетъ сопровождать ставленниковъ въ Бълую Криницу, это Аркадію уже было извъстно, какъ дъло заракъе условленное: на его поддержку, да еще на расположение инока Павла онъ и разчитываль главнымъ образомъ, когда решился принять архіерейство и съ этою именно при предложить на соборное разсуждекіе существовавшее къ тому препятствіе. На соборь Славскомъ двло прошло вполив удовлетворительно, что уже ручалось и за върный успъхъ его на соборъ Бълокриницкомъ. и воть Аркадій, какъ бы уступая только общему усердному моленію, послушанія ради, даль посльдній отвіть: "буди воля Госполвя и святыхъ отепъ молитва!"

Такъ последовало въ Славскомъ скиту избраніе enuckona всвит некрасовскихт старообрядскихт слободт, - и, говоря по справедливости, избранъ былъ человъкъ наиболъе способный управлять перковными делами добруджинскихъ раскольниковъ. Теперь, по окончаніи этого важнаго діда, оставалось только отправить избранных липъ въ митрополію для произведения въ назначенныя имъ степени, избравъ почетныхъ депутатовъ для сопровожденія ихъ и представленія митрополиту Амвросію. Отъ Славской обители депутатомъ уже вызвался вхать инокъ Евфросинъ; журиловское общество, какъ принимавшее особенно близкое участие въ дълъ, назначило собственно отъ себя двукъ "нарочитыхъ" людей: старика Григорья Архипова и Исан Иванова; депутатами отъ прочихъ обществъ согласились вхать Савва Рукавишниковъ и братъ его Описамъ Ивановъ съ сыномъ. Затъмъ составлено было отъ всего собора общее прошеніе "высокопреосвященивищему владыкв митрополиту Амбросію и его намъстнику преосвященному епископу Кириллу, и строителю

^{*} Протекіе Анвросію.

^{**} Прошеніе журилов. общества.

киновій высокопреподобиващему архимандриту отцу Геронтію, и смиренному и трудолюбивому отпу, иноку Павлу". Въ этомъ прошеніи изложена исторія избранія всехъ трехъ линъ, представляемыхъ для возведенія въ священныя степени, и разумвется, съ большою подробностью говорилось о томъ, какъ все братство и весь народъ умоляли Аркадія согласиться на принятие епископства, не взирая на препятствуюшія тому "богословныя вины". "Итако, полагаясь на милость Божію и Его Пречистую Матерь", писано далве въ прошеніц, потправляемъ отъ себя къ вашему всеосвященному собору сего, избраннаго промысломъ Вышняго себъ пастыра, отца Аркадія и двоихъ иноковъ: отца Аркадія и отца Іякова, и просимъ освященную главу начальника собора высокопреосващеннъйшаго владыку г. митрополита Амвросія, да воздожениемъ рукъ святительскихъ подучать благодать Святаго Духа, а чрезъ нихъ и мы да получимъ гръхамъ нашимъ разръщение и совершенное прощение. Тъмъ же просимъ васъ: хиротонисай намъ, о святая главо! перваго въ enuckona, а втораго въ священники, третьяго же въ діяконы, и помолися о насъ Господу Богу со всемъ Богомъ собраннымъ соборомъ, да процватеть и прозябнеть милость Божія въ серацахъ всехъ верныхъ, подобно же да возсілеть светь въ сердиахъ во всъхъ сопротивляющихся истинь, да и тіи съ нами въ единомъ согласіи пребудуть, якоже были прежде, ихъ же врагь діаволь завистію оть насъ отторгнуль, да вси вкупъ единодушно усты и сердцемъ прославимъ единаго надо всеми Вседержителя Бога! Ему слава во вежи, аминь. " *

23-го числа это прошеніе было подписано славскимъ настоятелемъ инокомъ Макаріемъ и всемъ братствомъ, согласнымъ на пріятіе священства, также представителями

^{*} Подлин. променіе въ Бълокр. арх. Оно переписано Евфросиномъ; но въ составленіи его, какъ можно судить по складу ръчи, и самъ Аркадій привималь участіе; на немъ есть даже собственноручныя помътки Аркадіа. Такъ, напримъръ: променіе имъеть эпиграфъ: "Благословевъ Господь Богъ Израилевъ, воздвигнувый рогъ (намъ) спасенія намъ ет дому Дасыдось отрока сеоего и прочес." Слова напечатанныя курсивомъ вписаны рукою Аркадіа. Кромъ того, на подъ сдълана его же рукой слъдующая замътка, относящаяся къ этому эпиграфу: "Сей ирмосъ пътъ журиловскими пъвчими при началь сего дъла".

обществъ: журиловскаго, славскаго и сарыкойскаго. * Отъ журиловскаго общества, кромъ того, составлено было особое прошеніе на имя Амвросія, которое должны были вручить ему назначенные отъ нихъ депутаты. Журиловцы также излагали въ краткихъ словахъ исторію избранія Аркадієва и умоляли "высокопреосвященнъйшую особу, куръ митрополита Амбросія, произвести имъ пастыря и учителя Христова стада словесныхъ овецъ, достопочтеннъйшаго во иноцъхъ отца Аркадія въ епископа".

Снабженные этими прошеніями и папутствованные молитвами и благословеніями, депутаты, съ избранными на священныя степени лицами, отправились въ митрополію. Сюда оги прівхали 9-го числа августа місяца, и въ тоть же день представлялись митрополиту Амвросію, которому вручили и привезенныя прошенія отъ обществъ. Выслушавъ переводъ прошеній и получивъ объясненіе о какихъ "богословныхъ винахъ", возбраняющихъ Аркадію принятіе архіерейскаго сана, идетъ різчь въ этихъ прошеніяхъ, Амвросій объявилъ, что по правиламъ церковнымъ, Аркадія дійствительно нельзя произвести ни въ какую священную степень, тімъ паче въ санъ архіерея, и что онъ, Амвросій, вопреки правиламъ, столь яснымъ и різшительнымъ, не поступитъ. Но такъ какъ избраніе Аркадія, яко достойнаго къ пріятію архіерейства,

^{*} Отъ Сарыкойскаго общества подписаны: Вавила Петровъ, Іосифъ Семеновъ, Есимъ Гапъевъ, Алексъй Гавриловъ Рогачевскій, Иванъ Трифоновъ, Артамонъ Каракашевъ. Впрочемъ, подписи всъхъ этихъ лицъ не подлинныя: видно что въ прошеніи только хотъли назвать главныя лица изъ всъхъ трехъ обществъ, согласныя на принятіе священства.

^{**} Прошеніе журиловск. общ. въ Балокр. арх.

^{***} Въ памятникъ происходящих дъл Бълокринцикаго монастыря, подъ 9-мъ числомъ августа 1847 года записано: "Прибыли сего числа изъ Турціи, отъ задунайскихъ пекрасовскихъ старовърческихъ обществъ въ Вълокринцикій монастырь почтенные депутаты: изъ обители Славской инокъ Евфросинъ; изъ казаковъ Григорій Архиповъ и Исай Ивановъ, изъ купцовъ Савва Ивановъ Рукавишниковъ и Описимъ Ивановъ съ сыномъ, и представили г. митрополиту Амбросію, съ письменнымъ протеніемъ отъ обители и обществъ, трежь благоговъйныхъ иноковъ: двухъ Аркадіевъ и Іякова, которыхъ и просятъ хиротонисать для ихъ задунайскихъ старовърческихъ обществъ, перваго въ епископа, втораго въ священноинока, а третьяго въ діякона."

учинено было въ Славскомъ монастыръ по соборному ръшенію, то Амеросій призналь нужнымъ и теперь предоставить дело на разскотрение собора, о составления котопаго u usasati nobeathrie. * Ha mutuie Amenocia Apkaniti u Eфросинъ сначала не обратили большаго вниманія, ибо знали что вся сила не въ Амвросів, а въ чнокв Павль, что этотъ последній управляеть всеми делами по митрополіи и Амеросій безпрекословно подчиняется его указаніямъ; а на инока Павла они разчитывали смело, какъ на человека вполне къ нимъ расположеннаго и умъщияго опънить соображения и планы которыми они въ настоящемъ случав руководились. Дъйствительно, Павелъ принялъ самое живое участие въ ихъ двлв. которое притомъ касалось такъ близко интересовъ новой, его трудами основанной и дорогой его сердну јерархіи: лучшаго архіерея для Некрасовцевъ, какъ давно извъстный ему инокъ Аркалій, опъ не могъ и желать; ему, конечно, было пріятно и то, что ищеть enuckonckaro поставленія отъ митрополита Амеросія тотъ самый игуменъ Аркадій, который нъкогда, и еще въ недавнее время, такъ недовърчиво и съ такими "сумнъніями" отпосился къ его предпріятію объ учрежденій собственных старообрядских епископствъ: такая полная побъда надъ человъкомъ полобнымъ Аркадію могла служить вернымъ залогомъ будущихъ успъховъ бълокриницкаго священства во всемъ старообрядскомъ мірів. Относительно же препятствій къ произведенію Аркадія въ священныя степени, представаяемыхъ каноническими правилами, Павелъ раздълвать мижніе инока Евфросина что препятствія сіц, ради нужных обстоятельствъ, можно признать не имъющими силы, и питаль увъренность что соборъ Бълокриницкій, а затемъ и самъ митрополить Амвросій, съ своей стороны, мижніе это примуть безъ прекословія. Но митрополить Амвросій на этоть разь не оправлаль воздагаемых на него надежда: несмотря на представленныя ему объяснения и доводы относительно возможности отступленія отъ правиль при настоящемь саучар, онь, съ заміча-

^{*} Въ паматники происходящих доль, подътът же числовъ въ графъ "посавдовавших ръшеній", записано: "По силъ прошенія задунайскихъ депутатовъ г. митрополитовъ Амбросіенъ повельно быть собору для лучшаго разсмотрънія, и избранія, и поставленія задунайскимъ обществамъ епископа и посавдующихъ."

тельною въ его положении твердостью, держался своего первоначальнаго мижнія относительно Аркадія. Любимой раскольвиками теоріи "случайных» или нужных обстоятельств». ихъ ученія о перкви, существующей "не по обдержнымъ правиламъ", и тъмъ не менъе будто бы истинной и древлеправославной, Амеросій не принималь и не понималь (хотя самъ принять быль старообрядцями въ силу этихъ именно ложвыхъ теорій и ученій): перковныя правила ясно и рашительно повелевають не возводить въ священныя степени, жще кто вдовицу пойметь", - и этихъ правиль овъ не хотыль нарушить даже для самого Аркадія, несмотря на все его личныя лостоинства. Таково было твердо выраженное мизие Амвросія, мажніе, противъ котораго и соборъ Бълокринипкій идти не могь. Надлежало повиноваться. Для Аркадів такой неожиданно-печальный исходъ его дела быль, разументся, пораженіемъ чувствительнымъ, и въ последствіи, когла заходила рачь объ этомъ событіи, онъ обыкновенно отзывался объ Амвросів очень разко и не обинуясь порицаль его поступокъ; * теперь же, покоряясь обстоятельствамъ, онъ умћаъ съ обычнымъ самообладаніемъ затапть нанесенную ему обиду, и радъ быль что имвль возможность отступить по крайней мере не теряя своего достоинства, ибо могь сказать что решеніе Амеросія вполне согласно съ его собственными желаніями и убъжденіями, которыя енъ такъ ръшительно заявиль на соборѣ Славскомъ и которыми долженъ быль пожертвовать только ради послушанія, покоряясь общесоборному желанію и всенароднымъ моленіямъ.... Не менве прискорбно было и задунайскимъ депутатамъ, что митрополить Амеросій не утвердиль къ поставленію во епископы избранное и излюбленное ими лицо; но ихъ утвшили твиъ что enuckona они все-таки имъть будутъ, и что избраніе Аркалія уотранено для ихъ же пользы, ибо для нихъ, при происходящемъ теперь раздоръ въ некрасовскихъ селеніяхъ, ococeano mairo u neocazamo umbro rahoro enuckona, koторый не могь бы представить противной партіи ни мальйшаго повода къ возраженіямъ отпосительно законности его

^{*} Выше, въ одномъ изъ примъчаній, мы привели уже отзывы Аркадія объ Амеросіи, вызванные именно сдъланнымъ со стороны Кирилла напоминаніемъ, что митрополитъ Амеросій призналь его, Аркадія, недостойнымъ къ пріятію архіерейства.

поставленія. Возвратиться безъ епископа, не довершивь дыла стоившаго такихъ тяжкихъ трудовъ, некрасовскимъ депутатамъ, разумъется, было не желательно, да и сами бълокриницкія власти, въ интересахъ новоучрежденной іерархіи, допустить этого не могли. Итакъ, нужно было избрать новое лицо для поставленія въ епископы задунайскимъ старообрядцамъ. Выборъ остановился, какъ и слъдовало ожидать, на другомъ инокъ Аркадіи, прибывшемъ собственно для поставленія во священника. Митрополить Амвросій одобрилъ и безпрекословно утвердиль этоть выборъ. 11-го августа состоялось опредъленіе—инока Аркадія Дорофеева произвести по степенямъ во епископа, а инока Іакова поставить въ діаконы. *

15-го августа, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, Амвросій поставилъ Аркадія въ діакона; потомъ, 17-го числа, во священника (тогда же посвященъ въ діаконы инокъ Іаковъ); ** а въ слъдующій воскресный день, 24-го августа, назначено было и поставленіе во епископа. Насталь этотъ памятный для задунайскихъ раскольниковъ день. "Священноинокъ Аркадій, милостію Божією нареченный во святъйшую епископію богохранимаго мъста Славы", въ обычное время произнесъ архіерейскую присягу, гдъ между прочимъ давалъ такое объщаніе, ставившее его въ зависимость отъ Бълокриницкой митрополіи: "Еще же и церковный миръ исповъдаю соблюдати и ни единымъ же правомъ противная

^{*} Въ памятникъ происходящих долг подъ этитъ числомъ записано: "По благоусмотрънію г. митрополита Амбросія и всего освященнаго собора, присуждено производить одного инока Аркадія Дороеева по степенямъ во епископа, инока же Іякова въ діякова, а другій инокъ Аркадій сильно забольль." Итакъ въ офиціальномъ документъ, писавшемся "на память предбудущимъ родамъ", инокъ Павелъ скрылъ истинную причину того, почему сей ургдій инокъ Аркадій не получилъ поставленія ни на какую священную степень, и даже для объясненія этого обстоятельства прибътъ ко яжи (мы увидимъ что подобную ложь онъ допустилъ даже въ ставленной грамотъ епископа Аркадія): очевидно, по миънію инока Павла, дъло о поставленіи Аркадія Лаврентьевскаго въ епископы служило не къ чести этого послѣдняго, вообще принадлежало къ числу такихъ, о которыхъ онъ, инокъ Павелъ, считалъ полезнъйшимъ не сообщать правду "предбудущимъ родамъ".

^{**} Памяти. происк. доль.

мулретвовати во всемъ животв своемъ, во всемъ посавача и повинуяся преосвященному господину моему митрополиту бъюкрининкому Амбросию.... И внегда пововеть на къ себъ гоополина мой преосвященный митрополить былокриницкій Амбросій, или въ случав блюститель престода его, безъ велкаго извъта и слова идти мив на соборъ; хотя бы князь, наи боляре, и удерживать ма хотым, отпюдь не буди имъ ослупатися повельнія тосполина споего митрополита бізлоkpununkaro Amépocia nukom ke." Hocramaenie no enuckoва совершиль самъ Амеросій, отъ котораго потошь Аркадій получиль и ставленную грамоту за собственноручною его подписью. ** Въ этой грамоть, по содержавно совершенно оходной со вобми выдаваемыми раскольничьимъ архіереамъ, *** собственно объ Аркадіи и возведеліи его па архісрейскую степень говорилось следующее: "Авъ сипревный Анбросій митрополить, Божіных промыслому удостопынійся удержавати повоучрежаенный призерейскій престель былокриницкій, и подчиненныя сему престолу перкви не дрежаюmuna onuma nochuaru u ykphniaru, akoke nogobaera, so свасеніе. А какъ древаечстивной христівнокой нашей религіц примін общества накодатся вътравних в госудерствикь, и всв оныя, по особымъ снотелнять, предварительно во учрежаскіе архісрейскаго престола въ Вілой-Крижина единодуш-RO CE NOTTERIORE COPARIODAAUCE: NOTORY HERE, YSHEES COREPшенное учрежаение сего престопа, прибыла изъ Турецкой державы задунайских казацких обществъ депутаты съ обшественным прошением, дабы из числа присланных вкупъ съ ними, предъизбранныхъ на всеобщемъ соборъ, тамошняго же Славскаго скита благоговъйныхъ иноковъ двужа Аркадіевт, который по благоусмопирыню нашему ст освящен-

^{*} Bhaokp. apx.

^{**} Палятн. происк. двяд: "Священнопнокъ Аркалій Задунайскаго Славскаго скита.... сего (24-го) числа г-их мипрополитомъ поставленъ епископонъ богоспасаемято мъста Славы и воъкъ задунайскитъ старовърческихъ обществъ." Въ другой графія "Преосвященный епископъ Аркадій Славскій свабденъ ставленною грамотою въ подписонъ самого г-на митрополита Амбровія, съ приложеніемъ его печати."

^{***} Она составлены по образцу ставленной граноты Амеросія, съ которой въ Валой-Криница была сдалана славянскій перевода (Балокр. арх.).

ным собором оказется достойныйшим, того виротониcame nocmenenno u nocmasume enuckonome caaeckume * u ala вськъ прочикъ задунайскихъ слободъ, кои суть въ въръ согазсны и единодушны, понеже они не имеють у себя соботвенно своего заковнаго духовнаго пастыра. Вслюдствів чесе повельно отъ насъ быти правильному соборному разсмотрению въ присутствии моемъ, и по учиненными справками заблагоразсудцай признать наидостойнъйшимъ инока Аркадія Доровесва, котораго аэъ, смиренный митрополить Амбросій, хиротонисавъ постепенно первые въ иподіакона и діакона, потомъ въ пресвитера, и наковецъ произвель въ епископа, вруча ему архипастырскій жезат повоопредыленной епархіи Славской, ако достойну сущу воспріяти архіерейское предстательство." • Эта ставления грамота, выданная Аркадію, кота не отличалась правдивостью, но тамъ не менье саужила для него законнымъ актомъ, окончательно. утверждающимъ его въ званіи "enuckona славскаго и всехъ прочихъ залунайскихъ слободъ".

Итакъ вадунайские старообрядцы, со времени первыхъ начинаній, первыхъ хаопотъ по ділу объ учрежденій білокриницкой іерархіи отпосивніеся къ пему съ особеннымъ сочувствіемъ, паконецъ, посать долгихъ неудачъ и "превратностей", иміли своего епископа! Депутаты ихъ въ Білой-Криниць ликовали; ликовали и білокриницкія власти: ибо Аркадій былъ не только первый епископъ Некрасовцевъ, по и

^{*} Здѣсь инокъ Павель, которому, безъ сомивия, привадлежить редакція ставленной грамоты, очевидно, говорить неправду, опять изъ желанія прикрыть понесенное Аркадіемъ Лаврентьевскимъ пораженіе: въ общественномъ прошеніи задунайскихъ старообрядцевъ воже не говорилось что они предоставляють Амвросію съ освящевнымъ соборомъ избрать достойнъйтаго изъ двухъ Аркадіевъ для поставленія въ врхіерец; напротивъ, они писали ясно и опредъленно: "хиротонисай намъ, о святая главо, перелею (Аркадія Лаврентьевсьго) во епископа, а второво (Аркадія Доровеева) во священника."

^{**} Сборнык Антонія. Въ этотъ свой оборникъ Антоній, пынавмій московскій архієпископъ, жившій макоторое время въ Валой-Криница, вписаль масколько болае важныхъ, по его мнамію, документовъ изъ балокриницкаго архива. Въ числа этихъ документовъ накодится и ставленная грамота Аркадія, которой въ имающихся у насъ буматахъ балокриницкаго архива не обратается.

первый котораго Бізлокриницкая митрополія дала старо-

Своихъ заботь о новоучреждаемой Славской епархіи білокриницкія власти не ограничили только поставленіемъ для нея епископа и діакона. Такъ какъ Некрасовны желали имъть и священника, поставленнаго въ Бълой-Криницъ, на каковую должность и присланъ быль инокъ Аркадій, столь неожиданно получившій теперь епископскую степень, то въ удовлетвореніе этого желанія присудиди послать за Лунай одного изъ лучшихъ священноиноковъ Бълокринипкаго мопастыря. Евфросина, который быль первымъ ставленникомъ изъ всехъ старообрядневъ посвященныхъ Амеросіемъ въ сващенный санъ. ** Отпуская Евфросина, митрополія, дъйствительно, приносила некоторую жертву Славской епископіц, а тыть большую жертву приносиль самъ священноцнокъ Евфросинъ, решившись, ради пользы старообрядства, фхать въ такое мъсто, гдъ не могь ожидать себъ ни особенныхъ выгодъ, ни спокойствія. Была и еще просьба со стороны Некрасовцевъ которую бълокриницкіе правители съ такою же готовностью спешили удовлетворить. Въ побществевномъ протеніи" на имя Амвросія и прочихъ задунайскіе старообрядны писали: "осминиваемся просить вашу святывю снабдить насъ нужными потребами, ибо мы, по скудости нашей,

23*

[•] Правда, по титулу, у Некрасопреть и прежде Аркадія существовать епископъ—намъстникъ митрополіи Кирилль, ибо ему, дане было навваніе епископа майносскаво; но Кирилль, скоро произведенный въ званіе митрополита бълокриницкаго, никогда то своей епархіи не бывать, да и самая эта епархія существовата только ть воображеніи бълокриницкихъ учредителей архіерейства, такъ какъ (и это замъчательно) тизъ встять некрасовскихъ селеній именно одинъ Майносъ не приняль и досель не принимаеть австрійскаго священства. Итакъ Кирилла Майносскаго признать первымъ епископомъ Некрасовцевь и первымъ поставленныхъ въ "иныя государства" въ строгомъ смысль нельзя, и эта честь безспорно принадлежить Аркадію Славскому.

^{**} Въ памятники проистодящить диль, подъ 30-их числоих октября 1846 года (день посвященія Евфросина въ дьяковы), объненъ записано: "Сей инокъ Евфросинъ есть первый самый новопоставляемый въ священно-служители, и изъ числа пяти персонъ избраль его промыслъ Божій жребіемъ въ діакона, въ церкви, на соборномъ богомолебствіи.

пе имъемъ у себя нужныхъ вещей, принадлежащихъ къ церкви Божіей, пи антиминсовъ, ни сосудовъ, ни служебниковъ, ниже потребниковъ, ни прочихъ нужныхъ потребъ,—кромъ только имъемъ одно желапіе." * И вотъ что, по современной записи, сдълано было въ удовлетвореніе этой просьбы Бълокриницкою обителью, въ то цвътущее для нея время богатою всякими церковными потребами: "снабдили епископа Аркадія всею церковною принадлежностію, — какъ-то: святыхъ иконъ цълый иконостасъ, священныхъ одеждъ—ризы и омофоры и прочихъ, книгъ въ ихъ новоучрежденную епископію дали довольно, число новоосвященныхъ антиминсовъ — пять, довольно дали и святаго мура."

Наконецъ пришло время новопоставленному славскому епископу со всею его свитой отправляться восвояси. Для него устроены были торжественные проводы; разставанье было вообще самое радушное: "и провождаема была, сказано въ современной записи, вся ихъ свита отъ всей братіи бъло-криницкой со звономъ и пъніемъ духовнымъ, и со многою радостію и любовными лобзаніи раскланялись."

Путетествіе поваго славскаго епископа совершалось довольно медленно: только въ последнихъ числахъ сентябра достить онъ пределовъ своей епархіи и вступиль въ нее не безъ опасеній. На пути лежало селеніе Камень, известное своею непріязненностью къ белокриницкой іерархіи. Мы видели что еще Амвросія, когда онъ ехаль изъ Константинополя числя некрасовскій осленія въ Брашловь, предупреждали обл опасностать по етороны каменскихъ мителей. И Аркалю нельзя было надеяться отъ нихъ хорошей встречи; даже, но всей вероятности, онъ постарался бы миновать, или проежать поскорве ихъ селеніе. Но случилось не такъ: съ каменскими жителями произошла необыкновенная перемена, какъ скоро они узнали что не только есть у нихъ свой

^{*} Bisokpununkin apxubs.

^{**} Сборишк Антонія. Объ антиминсакъ и въ памятники промежодящих объл ваписано, подъ 24-мъ числомъ августа, что Аркадію выдано ихъ пять. Мура къ тому времени въ Бълой-Кримицъ имълся, дъйствительно, значительный запасъ: его, какъ цветство, сварили постомъ того же 1847 года. (Подробности муроваренія описаны въ статьъ В. В. Борисова: Какъ мы подпли за муромъ съ Билую-Криницу. Русск. Висти. 1864 г. № 3).

^{***} Coopuuks Antonia.

собственный епископъ, но и скоро къ нимъ явится, что они увидять его воочію. "Когда, повъствуеть Гончаровь, прівхаль въ Браиловъ господинъ нашъ новопоставленный епископъ Аркадій, каменскіе услыхали, собрали кругь и объявили міру: что будемъ дівлать? Епископъ въ Браилові и будеть сюда! Міръ весь закричаль: надобно послать стариковъ на встречу ему съ хаебомъ и просить его чтобъ опъ посетиль насъ своимъ честнымъ прівздомъ! И когда узнали что уже вдеть близко: тогда вышли ему на встрвчу, весь народъ отъ стараго и до малаго собралися, и стали. Когда окъ прівхвать до кихъ, оки все поклонилися ему до земли онъ же ихъ благословилъ, и пошли прямо въ часовню съ пъніемъ. Уто было наканунь праздника Покрова Богородицы: каменскіе жители просили Аркадія отправдновать у нихъ этоть праздникъ, и Аркадій съ радостью исполниль ихъ желаніе. Вообще, ему доставиль большое утвшеніе этоть радушный и торжественный пріемъ при самомъ вступленіи его въ предъм спарки, притомъ ме сувланный каменскими MOTEGAMU, OTE ROTORDINE BUTETO ROGOGRATO ONE RE MOTE и ожидать. Само собою разумьется, еще радостиве и торжеотвенные была ветрыча устроенная славскою братіей "срътота ихъ за поароприща со святыми иконами и воругвами и звовомъ и, отъ бевмърныя радости не могуще удержатися, вопіяху до небесь благодарственным песни, покланяющеся и примене, мняху эрети самих вностоловь къ вимъ примедмихъ. * Точно текже ликовали и Журалевиы. O TOME TO BE CARE enuckona Botosvasu, ne choero neproначальнаго избранника, едва ли кому приходило и на мысль при тогдашнемъ правдичномъ настроеніи духа: да и кромф того съ посавдовавшею переменой мирились темв охотиве, что всв знали новопоставлевнаго enuckona Apkania kaks человъка вполев достойнаго полученной имъ степени, и по доброму враву, и по вовдержной живни. Журиловиы, всемъ обществомъ, не преминули даже, вскоръ по привядь новопоставленнаго владыки, препроводить въ Бълую-Кринину благодарственное посланіе Амвросію "за рукоположеніе преосващеннаго enuckona Аркадія и за милосердіє къ пимъ сирымъ и страннымъ и не имъвшимъ где главы подклонити,

^{*} Tamb ste.

а нынв чающимъ обрвсти покой." • Они извъщали также бълокриницкихъ благодътелей своихъ, что по Божіей милости все у нихъ благополучно, построеніе церкви идетъ успъшно, и если Господь поможетъ, въ праздникъ Введенія надъются освятить. Съ первыхъ чиселъ ноября они начали уже разсылать въ разныя старообрядскія общества приглашенія на предназначенное въ этомъ мъсяцъ освященіе храма.

Такимъ образомъ первый некрасовскій епископъ австрійскаго поставленія мирно и съ благими надеждами вступиль въ управленіе своею паствой; но не долго пришлось ему наслаждаться миромъ и благоденствіемъ: прежніе, испытанные и искусные во враждъ противники бълокриницкаго священства не дремали, и для Аркадія съ его клиромъ и малою паствой скоро наступило время тяжелыхъ испытаній.

VI.

Сарыкойскіе депутаты, бывшіе на Славскомъ собора 8-го імая, возвратились домой съ полною ув'вренностью что деао о священотвъ имъ удалось оттянуть до Покрова, и что до того времени можно будеть и совсемь потущить его. Это ови и передали своему сарыкойскому обществу, которое было очень довольно такимъ исходомъ дела. Но вотъ, на другой же дель по прівздв депутатовъ, пришло извістіе что за ночь славскіе отцы успыли не только пышть вопросъ о принятіи былокриницкаго священства, но уже выбради и достойныхъ людей для поставленія въ попы и дьяконы. Это известіе для Сарыкойневъ было чемъ неожиданиве, темъ непріятиве. Вскорв потомъ стало извістно что славскіе иноки съ Журиловцами выбрали человъка и для поставленія въ епископа. Эта вторая, еще болве важная повость привела весь сарыкойскій мірь въ неописанное волненіе. Собради большой кругь, "весь народь отъ стараго даже до малаго". Есауль объявиль что случилось и предложиль міру разсудить что теперь остается делать.

— Всему этому двау причиной Гончаръ! заметили въ толив. Гончаровъ былъ здесь, налицо, — и, кто столлъ къ нему

^{*} Поданивое пославіе, тщательно переписанное по-уставному, въ бълокриницкомъ архивъ. Пославо 1-го ноября 1847 г., в получево 2-го декабря.

поближе, сейчась же схватили его, чтобы приступить къ расправъ. Осипъ Семенычъ не потеряль присутствія духа.

— Господа! сказаль онь:—что вы делаете? Разве въ этомъ делае такъ поступать можно? Туть надо правила разсматривать, по правиламъ действовать!

Одинъ изъ горячихъ Сарыкойцевъ, Андрей Тихой, по сему случаю такъ непригоже выразился о правилахъ, что самимъ Некрасовцамъ стало за него стыдно. Народъ заговорилъ:

— Что жь это такое? На что похоже? Такъ кощунствовать! Гончаровъ воспользовался благопріятною для него минутой и незаметнымъ образомъ вышель изъ толпы, — "помаленьку, задомъ", какъ самъ опъ выражается.

Московскій гость Семенъ Слезкинъ подаль тогда мысль написать въ Москву къ тамошнимъ "христіанамъ", попросить у нихъ совъта какъ поступить въ настоянихъ обстоятельствахъ: можно ли заимствоваться священствомъ отъ Амвросія, о которомъ есть подозреніе что опъ обливаненъ. Сасакинъ указаль и человъка способнаго дать желаемый ответь-дворника изъ Рогожской, Ивана Александрова Гусева, который быль извъстемь между московскими поповцами какъ большой начетчикъ, ревнитель старой въры и горачій противникъ повоучрежденной былокриницкой ісрархіи. Ha kpyry npuradu combra Caeskura; nuchmo nanucara nopyчили Михайль Иванову Кудрявцеву, очень искусному въ составденіц витіеватых раскольничьих впистолій, и приказвач ему непременно упомянуть въ письме что о поливательномъ въ Грекахъ крещении согласно свидътельствуютъ вев Кубакцы живущіе близь Царя-града.

— Это вы напрасно хочете писать, зам'втиль сид'ввшій въ кругу Кубалець Левонъ Горя,—насъ вы не м'вшайте въ это абло.

— Наить Чигалакъ сказывалъ, возразили Левону,—что овъ видалъ какъ Греки обливаютъ.

Въ эту самую пору Чигалакъ, тоже Кубанецъ, шелъ мимо, возвращаясь изъ шинка. Его пригласили въ кругъ и стали равсправивать.

— Левонъ Мартынычъ, скажи ты намъ, Бога ради, мы саышали, будто ты видалъ что Греки обаиваютъ.

— Нътъ люди добрые, самъ я не видалъ, нечего напрасно говорить, отвъчалъ онъ;—а сказывалъ инъ Андрей Лебедокъ, что будто онъ видалъ. Больше я иччего не знаю.

Куаравневъ приготовилъ письмо. Читать его и подписывать вужно было всемъ міромъ, и опять по сему случаю составили большой кругь. Письмо начивалось витісватымъ обращениемъ къ дворнику Ивану Александрову, гав ему восписывались похвалы приличныя только великимъ вселевскимъ учителямъ; "истинныя православныя веры блюстителю, крыкому поборнику догматовъ святыя соборныя и эпостольскія восточныя церкви, зальному прорицателю болественнаго писанія, ревнителю горнаго Іерусалима житія". u пр. и пр. Затвиъ савдоваль разказъ объ Амеросіи и о разногласіяхъ возвикшихъ между Некрасовнами относительno npunatia ota nero chamennukora. "Pomgenie ero, Ampoсія, въ гороль Юнусь... А вблизи сего города Юнуса нати христівне веподалеку жительствовали и вына по торговой части заимствующіе часто бывають и опевидно нфеколько pass suatan respectoe tremente u cauatrementrare noarиконой что въ Грекахъ, въ Юмусь, даже и по всей Гревич. погружаеть маздения до влечь јерей трижам, а потомъ изъ той же купели трижам обливаеть безь погружения. И мы COMY UNE CHILD TEALCTBY RECYMPERED PROYONE, U BACE RELIECTO совъстью уверяемъ что истиню сеть свидътванство." Вина за то что, несмотра на обливанство Амеросіа, многіе час Некрасовневъ согласились принять отъ него священство, въ письме одагалась главными обраноми на Аркадія, Лаврентьева монастыря настоятеля, и того же монастыря инока Кафросила: они на соборахъ защищали Амеросіа и склонили въ его пользу славскихъ иноковъ, такъ же дев слободы, Журиловку и Славу, по ихъ же наотояние избраны епископъ, сващенникъ и діаконъ и отправлаются для поставленія къ митрополиту въ Бълую Криницу. "И теперь вы, милоста-въйшей государь и о Христь благотворитель Іоаннъ Алексамаровичь, - писано было въ заключение, - разсудите сей раздоръ перковный, будеть ли въ семъ раздоръ благодавъ Св. Духа действовать или неть; и просимь вась, Господа ради, если къ вамъ будуть отъ сего числа изъ Бълой Кринипы письмы въ Москву, или изъ-за Дуная о поставлении за Дунай enuckona, и будуть вась уварять что Задунайцы согласны, то не перыте иль письмамъ, Господа ради: попеме мы не согласны отв преческаго патріарха за вышепсявленпое греческое крещение принимать священство, если не докажуть изъ отеческихъ правиль; а если правило велить отъ

таковаго хиротонисанія принимать священство, то безъ со**меж**нія будемъ согласны принять оное отъ былокриницкаго митрополита.... Мы зашедшіе съ давнихъ временъ въ Турпію, и божественных книгь мало у насъ имвется: то, Господа ради, просимъ и молимъ васъ слезно, не презрите натего къ вамъ слезваго прошенія, воспишите къ намъ по поаученіи сей епистоліи, на которомъ вати московскіе и прочіе всь христівне окрестные положеніи основываются и како разумнють о семъ митрополить." Такимъ образомъ Некрасовны обращались къ московскимъ старообрядцамъ за совытомъ и вмысть съ рышительнымъ, по совисти, увирениемъ что Амеросій действительно обливанець. Письмо это, прочитанное на кругу, очень понравилось Сарыкойцамъ; за подписями повтому педостатка быть не могло. Спачала предложили подписаться выдомымъ оторопникамъ былокринипкаго сващенства: Гончарову и Ерентвю Гаптеву. Гончаровъ сказваъ: "я не подпитусь".

- За что не подпишешься?
- За то самое что вы пеправильно написали.
- Какъ неправильно? Въ чемъ неправильно?
- Сами знаете! отвътилъ Гончаровъ и больше говорить не сталъ.

Еремий также отказался отъ подписи: "я забыль за это дило писаты!" Спросили Кубанца Горю, велить ли за нихъ, Кубанцевъ, дилать подписи. Горя тоже сказаль: "насъ понапрасно не подписывайте!"

"И вотъ они сами начали подписываться, разказываетъ Гонгаровъ. Чудо было зръти и удивленію достойно, какъ они со тщанівмъ къ подписи толпились,—другь друга ръяху, даже сдълали шумъ большой: одинъ кричитъ: "меня подписывай!" А я сидълъ и удивлялся безумному ихъ успъху, что другой даже не внаетъ никакой должности христіанскаго порядка, а кричитъ: "подпишите меня!" молитвы ісусовой не умъетъ, а о законъ толкуетъ!"

Все время пока избранцые на священство кандидаты вздили для поставленія въ Белую Криницу, прошло у Сарыкойцевъ въ шумныхъ сов'ящаніяхъ: какъ поступить имъ когда прівдеть новопоставленный епископъ со священствомъ. По словамъ Гончарова, "вс'в стали яко изумлены и яко піяни оть зависти и злобы, и начали ежедневно кругь собирать и

совътовать что будемъ двлать. Итакъ сдвлался народъ что сумазбродный, и между собою ежедневный споръ стали делать, и другь друга ненавидеть, яко врага суща. А бъдные монахи-Іовъ, и Илія, и Филареть, оставя еже по Евангелію житіе пустынное и безмольное, начаща въ мір'я пребывати и нельпая, и странкая, и чуждая инокамъ качаща творити." Въ эго же время одинъ изъславскихъ жителей. Платонъ Семеновъ, горячій противникъ новоучрежавемаго священства, подалъ первую мысль — передать дело на судъ турецкому правительству. "Ежели бы міръ съ умомъ былъ. говорилъ онъ koe-komy изъ близкихъ, — такъ повхалъ бы въ Бабу, да сказалъ бы начальству что наши-де взяли греческую въру, соединились съ Греками, и теперь вамъ, Туркамъ, могутъ зао учивитъ." Когда эти ръчи дошаи до стариковъ, одни ихъ одобряли: "это овъ хорото выдумалъ,такъ и надобно сдвлаты другіе, поразсудительные, говорили что это опаская затья: "при большое противъ Цара кляузы делать, помилуй Богь чего худаго! тогда и намъ бы не досталось страдать!"

Между темъ прівкаль и новопоставленный епископъ. Каменскіе старообрядцы, какъ выше сказано, учивили ему торжественную встречу. Этого событія Сарыкойны викака не ожидали; на каменскихъ они сильно разчитывали какъ на своихъ союзниковъ. Понатно, что случившееся на Камев ихъ сильно раздосадовало. Но окончательный ударъ нанесло имъ извъстіе что въ праздникъ Введенія во храмъ Пр. Богородины назначено торжественное освящение новопостроенной журиловской церкви, что журиловскіе Некрасовцы повсюду разослали уже и приглашенія на это празднество. Сарыкойпы разсудили что такое событіе, какъ освященіе церкви. да еще совершаемое enuckonoms, чего съ незапамятных временъ не бывало у старообрядцевъ, произведетъ сильное впечатавніе на народъ и многихъ увлечеть къ принятію новаго священства, — что поэтому пеобходимо принять самыя решительныя меры противь техь кто вздумаль бы вкать въ Журиловку на праздникъ, -- воспретить повздку даже подъ страхомъ смерти. На этомъ и порешили старики после долгихъ совъщаній. Есаулъ сдълаль по селу закличку: кто повдеть въ Журиловку на освящение церкви, пусть забираетъ жену и детей, и выважаеть совсемь, а то убыоть и разграбятъ.

Угроза, очевидно, направлена была противъ твхъ кого подозрѣвали въ расположенности къ бѣлокриницкому сващенству. Такихъ, кромѣ Гончарова, было извѣстно до пяти зажиточныхъ казаковъ—Вавила Петровъ, Еремѣй Гапѣевъ, Алексѣй Гавриловъ Рогачевскій, Артамонъ Каракатъ. Они также собрались посовѣтоваться что теперь дѣлатъ, и единогласно рѣшили ѣхатъ на осващеніе, несмотря ни на что,—пущай разоряютъ! Чтобы рѣшеніе было прочно, они, по старообрядскому обычаю, встали и положили началь. Рано утромъ, паканунѣ праздника Введенія, Гончаровъ съ женой и дочерью отправился въ Журиловку. Поѣхали и другіе. Народу въ Журиловкѣ собралось довольно; на утро ожидали епископа съ духовенствомъ, и къ празднику все было готово, но праздника справить не удалось.

Въ тотъ же день, наканунъ Введенія, упоманутый выше Платонъ Семеновъ сдълаль доносъ турецкому начальству въ Бабадагъ.

- Вы здёсь начальники? спросиль онь авившись прамо въ собраніе турецкаго меджлиса.
  - Мы пачальники.
  - Что же вы здесь разскатриваете?
  - Какое дело есть, то и смотримъ.
- Ну, такъ плохо же вы смотрите; какбы вы смотрваи хорошенько, не допустили бы себя до разоренія.

Турки встревожились.

- До kakoro разоренія? что такое говорить ты?
- А развъ вы не знаете что наши принали греческую въру и согласились съ Греками дълать вамъ зловредство? Я жальючи васъ говорю вамъ объ этомъ.

Меджлисъ потребоваль чтобъ указаны были главные зачинщики и виновники этого дела. Платонъ назваль прежде всёхъ Гончарова, потомъ епископа, священника и діакона. Въ Славскій скитъ немедленно отправили гаваса за Аркадіемъ и прочими лицами; тогда же послали приказъ въ Журиловку, чтобы Гончаровъ и старики журиловскіе немедленно вхали въ Бабадагь. Когда утромъ 21-го ноября явились они въ кунакъ, меджлисъ уже былъ въ полномъ сборъ, и только что Гончаровъ предсталъ предъ лицо этого судилища, какъ аянъ отдалъ гавасамъ приказъ: хапысъ онъ ра! Гончарова скватили и отвели въ тюрьму. Не входя въ разбирательство дъла, туда же приказали отвести и Аркадія со священно-

инокомъ Евфросиномъ и съ діакономъ, а прочихъ отпустили по домамъ, строго наказавъ чтобы въ следующее воскресенье, 23-го ноября, народъ изо всехъ селеній явился для суда и расправы. Такимъ образомъ этотъ день, котораго Журиловцы давно ждали чтобъ отпраздновать освященіе своей новой церкви, оказался однимъ изъ самыхъ злополучныхъ для епископа и для всего общества Некрасовцевъ принявшихъ облокриницкое священство; съ этого дня начинается для Аркадія и главныхъ его сторонниковъ тяжелая пора испытавій.

Въ воскресевье събхались въ Бабадатъ Некрасовны изъ Сарыков, Славы и Журиловки; прівхаль и настоятель Славскаго скита инокъ Макарій съ братіей; собралось столько народу что не могли и помъститься на дворъ кунака. Аянъ приказалъ гавасамъ падеть полное вооружение, "aku на нфкую великую штурну^к, по выражению Гончарова. Меджаисъ въ полномъ составъ явился производить судъ. Народъ раздълился на дев стороны,-на одной стояли Сарыкойны и савскіе, не расположенные къ былокриницкому священству, на другой-Журиловцы и скитскіе. Стали допрашивать, кто хочеть привять греческую въру, то-есть священство отъ Амвросія, и кто не хочеть. Изъ среды Сарыкойневь выступиль впередъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Амеросіа, Якушка Тюлень, и зычнымъ голосомъ провозгласилъ: "кто не хочеть въ греческую въру? подымай руки!" Весь народъ. кромъ журиловскихъ и скитскихъ, подпяли руки къ верху, даже смотреть было ужасно, замечаеть Гончаровъ, и яко громъ загремълъ, закричали: не хотимъ въ греческую въру!" Тогда и съ противной стороны вышель журиловскій церковный строитель Михайла Андреевъ и также провозгласиль: "кто согласенъ принять епископа? выходи сюда!" Но едва сказаль опъ это, какъ быль схвачень и отведень въ тюрьму къ Гончарову. Потомъ вызвали и прочихъглавныхъ сторонниковъ новаго священства, которые подписались на прошеніи къ Амеросію о поставленіи епископа-изъ Журиловскихъ еще Дмитрія Сеткаря, и славскихъ атамана Викула Каривева и уставщика Есима Гапвева: ихъ также отвели въ тюрьму. Затемъ Макарію со славскими иноками велели отправляться домой. Старенъ Макарій заплакаль уходя, и посмотрявъ на темницу, гдв заключенъ былъ Аркадій съ прочими узниками, громко сказаль: не бойся малое стадо,

яко Отечь нашь небесный благоизволи дати вамь царство! Турки спросили Тюленя что старикъ говоритъ? Тюлень отввчаль: это онь вашу и нашу ввру ругаеть! Макарія вельли воротить и отвести въ тюрьму, куда и пошедъ онъ "съ вели-кою радостію и восторгомъ". Теперь нужно было какъ-нибудь кончить дело съ народомъ, -- хотели именно ото всехъ получить подписку что священства отъ Валокривицкой интрополіи не желають и не принимають. Сарыкойскіе и славскіе готовы были немедленно подписаться; журиловскіе отвічали что не откажутся отъ enuckona и священниковъ, хетя бы за нихъ и пострадать пришлось. Къ нимъ приступили съ угрозами, говорили что разорять въ конецъ, если не дадутъ поличест, исключать изъ казапкаго званія, лишать всяхъ казацкихъ привилегій, станутъ брать харачь и т. п. Журиловны крвпились; однакоже ихъ силой заставили подписаться. Этимъ на первое время и конченъ быль оудъ. Сарыкойскіе и славскіе отправились домой съ торжествомъ и долго пировали по случаю побъды надъ противниками: "хорото кабы ихъ тамъ совсвиъ покончили!" говорили они о посаженныхъ въ тюрьму. У Журиловцевъ, напротивъ, и у славскихъ иноковъ большое было горе.

На следующій день сарыкойскіе и славскіе старики опять прівхали въ Бабадагь и явились предъ меджлисомъ. Здесь разсматривали и читали ставленную грамоту Аркадія; на грамоте была греческая подпись Амвросія, и Тюлевь показаль се Туркамъ за удостопереніе что спискомъ действительно соединияся съ Греквии. Нотомъ разсмотрели вчераннія подписки Некрасовцевъ, обязавшихся не принимать ни епископовъ, ни поповъ отъ Амвросія, и члены меджлиса скрешили ихъ своими подписями. А относительно посаженныхъ вътюрьму постановили содержать ихъ подъ строгимъ карауломъ.

Съ Гончаровымъ посажено было пять человъкъ: инокъ Макарій, Михайло Андреевъ, Дмитрій Сеткарь, Викуль Карньевъ и Есимъ Гапвевъ. Місто, куда ихъ закмочили, представляло замічательный обращикь турецкимъ тюремъ но маленькимъ городамъ. Это быль какая-то холодная, смрадная и темпая жонютия: "Такая была несусвътная тыма, пишетъ Гончаровъ, что даже другь друга въ глаза не видать, а тіснета такая что негав даже и поворотиться; огонь свътили въ нощи и во дни." Къ заключеннымъ никого изъ знакомыхъ и близкихъ не пускади: "Даже кто принесетъ хазба, дондеже не дасть 5 или 6 левовь, такъ не допустять и кавба подать." Аркадію съ двума товарищами отвели тюремное отдъленіе нівсколько почище: "коть и Бога не знають, замівтиль по этому случаю Гончаровь, а законный чинь почитають!"

Семь недвль Гончаровъ съ товарищами просиделъ въ втомъ тажеломъ ваключеніи. Никакія просьбы родныхъ объ облегченіи ихъ участи не имели успеха: противники, торжествовавшіе победу, только глумились надъ заключенными. Такъ однажды Тюлень авился къ ихъ женамъ съ предложеніемъ походатайствовать объ освобожденіи узниковъ: те обрадовались, начали просить его и дали ему каждая по 30 левовъ. Тюлень, действительно, пришелъ въ тюрьму.

- Что, вы все еще сидите? спросиль опъ.
- Сидимъ, отвъчали ему.
- Это ты, Makapiti?
- Это я, отвъчаль инокъ Макарій.
- Ну, что же, хорошо вамъ сидъть?
- Наиъ хорошо, отвъчалъ Макарій,—не знаю, тебъ хорото ли будетъ.
  - Ну, сидите же, сидите....

Этимъ равговоромъ Тюлень и расплатился за полученным имъ десятки левовъ. Между темъ бабадатскія власти разсудили, что содержать въ тюрьме весколько человекъ, и въ

^{*} Подобнымъ же образомъ въ посабдотніи еписываль положеніе заключенных Аркадій (Лаврентьевскій) за письив ка Кириллу: Ва обстоятельствы наши подробно васъ увадомить не достаеть наmero ви разума, ни памяти, ни числа вашихъ бъдствій, развъ что жало воспитеть на сей картіи. Отъ ноября мъсяца, по прибытіи вскорф въ здешнюю страну, точь сичьно сатана возрыча, и отъ вчобы и зависти весь адъ воздвигну своими бысы. Многія искушенія претерпали отъ безбожныхъ Турокъ, чрезъ цалую зику по клевета AOMROU: npegarai dalau typenkou kyctogiu tpoe ocramerraix aunzenuckona, cramennuka u giakona; caabekura geoe-yeranmuka u araмамь; журиловских двое — Митрій Иваньичь Сегкарь, Михаиль Авдрешчь перковный отроштемь, Госифъ Семеновичь Гончаровь. Со-Apphaauch goarge epeng by koriomré cy agmaabhu, by sunree epena. такъ что у многихъ отпали и отболеми подошем. Прочее помолчу,. которыхъ бъдъ не могу и описать: ибо владыка наша желлеть въбудущемъ быти прославленъ. Таже не буду писать подробно о ватихъ изнуреніяхъ, да не прогивнаю Господа, иже вся въсть. (Письмо. отъ 13-го августа 1848 г. въ Сбори. Антонія.)

томъ числе такое значительное лицо какъ епископъ, нельза же безъ сообщенія о томъ высшимъ чинамъ. Во второй половине январа 1848 года, спуста именно семь недёль со времени заключенія Аркадія и Гончарова съ прочими, опи послали донесеніе рущукскому губернатору Садыкъ-паше, при чемъ препроводили и отобранныя отъ Некрасовцевъ подписки о нежеланіи иметь новоучрежденное священство, въ доказательство того что лица содержащіяся подъ стражей единственные и главные виновники заведенія у Некрасовцевъ этого новаго священства. Тогда же, вероятно изъ опасенія ответственности предъ высшимъ начальствомъ, они облегчили несколько и положеніе заключенныхъ.

Когаа журиловскіе узнали что дело ихъ послано въ Рутукъ "къ anamъ", они также отправили туда посольство жаопотать предъ начальствомъ за своихъ узниковъ и вообще объяснить ему сущность дела. Садыкъ-паша выслушаль ихъ, и чтобъ изследовать надлежащимъ образомъ дело, посладъ въ Бабадагъ своего чиновника, который по прівздв въ городъ немедленно началъ слъдствіе. Бабадагскому чиноввичеству не по душъ было это савдствіе; но приходилось всетаки отдать отчеть въ своихъ действіяхъ. Въ общее собраніе мельдиса приглашены были опять сарыкойскіе, славскіе и журиловскіе Некрасовцы. Изъ показаній членовъ меджлиса, также сарыкойскихъ и славскихъ жителей, рушукскому чиновнику не трудно было убъдиться что они дъйствовали безъ достаточных основаній, по личной только враждів и по влобъ на заключенныхъ; единственнымъ законнымъ основаніемъ служили для меджлися подписки данныя самими Журиловцами, что поваго священства и они принимать не желають. На это обстоятельство присланный губернаторомъ чиновникъ и обратиль особенное внимание. Онь спросиль Журиловцевы:

— Вы жалуетесь что заключили вашего enuckona и другія лица, что не дозволяють вамъ имъть духовенство какое вы желаете: зачъмъ же вы сами подписались что этого enuckona и духовенство это принимать не хочете?

— Какъ же намъ было не подписаться, отвъчали Журиловцы, — когда намъ дълали разныя пристрастія и разными бъдами грозили, говорили: коли не подпишетесь, разоримъ селоваше, и харачъ платить будете, и разошлемъ васъ по селеніямъ! За то мы и подписались, страха ради неблагополучнаго событія.

- Неправду вы говорите! закричаль, услышавь это, одинь изъ членовь меджлиса, Мустафа.
- Нать, мы говоримъ сущую правду, емиренно ответили Журиловцы.

— Видно что вы судили неправильно, заметиль по сему случаю рущукскій чиновникь, — и аюдей вонапрасну вы ти-

раните.

Этимъ замъчаніемъ меджаисъ обидълся до крайности; всъ члены поднялись со своихъ мъстъ и выным изъ кунака. Чиновникъ остался одивъ. Окончивъ саъдствіе, опъ успокомат журиловскихъ стариковъ, сказалъ имъ что ихъ дъло правос. На другой день онъ вытребовалъ для допроса троихъ заключенныхъ—Михаила Андресва, Гончарова и инока Макарів. "Пришли гавасы въ тюрьму, повъстнуетъ самъ Гончаровъ, взяли насъ и привели къ нему. Онъ когда увидълънасъ, спросилъ: за что вы посажены? Мы поклонились ему и заплакали слезно. Онъ намъ сказалъ весьма ласково: не бойтесь и разказали все подробно. Онъ намъ еще сказалъ: не бойтесъ; я отпину что ваше дъло справедливо, а самъ поъду въ Тульчу и темъ буду ожидать отъ апанки ответъ."

После втого перваго следетвія Журиловиы действительно ободрились и начали усердно мопотать объ освобожденій заключенныхь. За то и Сарыкойны, въ сеюзь съ бабадатскимъ начальствомъ, напали на нахъ съ новымъ ожесточеніемъ, и послали начальству въ Рушужъ новые допосы, особенно на скитскихъ иноковъ; у себя же поставили правиломъ, если кто вместь съ Журиловиями и всебще прісмяющими новое священство соединится въ моленіи, не иначе принимать такихъ въ общеніе какъ подъ третій чинъ, а кто будетъ крещенъ или венчанъ новыми попами, техъ перекрещивать и снова венчать. Въ этой взаимной борьбе прісмяющихъ и не прісмяющихъ белокриницкое священство прошлю еще два месяца, пока чиновникъ, производившій следствіе,

^{*} Всатдствіе этихь допосовъ едва не разрушена была скитская церковь: "потхали они (Сарыкойцы) къ начальству съ сильною клеветой, и были выпуждены начальники прітхать витсть съ ниши въ скить къ церкви, и хоттли церковь разорить. Но видъвши отцы стали весьма горько и олезно плакать. Видить начальство ихъ горькое рыданіе, умилосердилось, оставило,—только разориле колоколівно." (Гончаровъ).

последъ наконецъ изъ Тульчи все дело въ Рушукъ на разсмотръніе губернатора. Садыкъ-паша разсмотръвъ дъло, и принимая въ разчетъ вовые доносы отъ Сарыкойцевъ, нашель нужнымь послать на место другаго чиновника, боле звачительнаго, Тифтедаря-эфенди, котораго снабдиль важными полномочіями. Тифтедарь на пути въ Бабалагь видвлся въ Тульче съ прежнимъ следователемъ и имель беседу о деле Некрасовцевъ съ тульчинскимъ начальствомъ, которому дело это было довольно известно. Все держались того мавнія что никакихъ опасныхъ для турецкаго правительства замысловъ въ приняти новаго священства со стороны Некрасовцевъ не было, и что лица посаженныя въ тюрьму терпять неволю напрасно, только по злобъ на нихъ противной партіи, не желающей новаго священства. Такимъ образомъ Тифтедарь-эфенди прівхаль въ Бабадагь расположенвый действовать въ пользу журиловской стороны. Онъ прівхаль 9-го апреля, въ Великій Пятокъ, и немедленно савлаль распоражение чтобы сарыкойское, славское и журиловское общества явились для допросовъ. На другой день, въ великую субботу, собраяся меджлись въ полномъ составь: "семнадцать чиновниковъ было, кромъ простыхъ людей". Изъ Сарыкоя, Славы и Журиловки прівхали выборные. Послів допроса и разсмотрънія дъла Тифтедарь-эфенди сдълалъ опредвление-всвять содержащихся въ тюрьмв выпустить на свободу. Бабадагское начольство и на этотъ разъ не котвло подчиниться решению присланнаго губернаторомъ чиновника: сарыкойскіе и славскіе депутаты, съ своей стороны, также требовали настойчиво — не освобождать заключенныхъ. Но Тифтедарь, несмотря на все это, быль твердъ въ своемъ ръшеніи, и узники были бы немедленно выпущены на волю, еслибы не случилось следующее обстоятельство: одинь изъ заключенныхъ, Дмитрій Сеткарь, "изнемогь отъ малодушія и ослабъль въ терпъніи", послаль сказать Сарыкойцамъ что отказывается отъ воваго священства. Сарыкойны и бабалагское начальство воспользовались этимъ обстоятельствомъ и поставили его на видъ рущукскому чиновнику какъ доказательство что и сами заключенные сознаются наконець что они виноваты. Тифтедарь быль приведень этимь въ недоумъніе. Приказаль привести Сеткара на кунакъ: здъсь, къ великому огорчению Журиловцевъ, онъ объявиль, что авиствительно отрекается отъ новаго священства. * Тогда нашач нужнымъ допросить и прочихъ заключенныхъ: привели на кунакъ Михайла Андреева и Гончарова. "И стало начальство насъ спрашивать: вы согласны такъ, какъ Сеткарь? Михайло говорить: а Сеткарь какъ подожидся? Они говорять намъ: отрекитесь поповъ своихъ, за нихъ же вы страждете, и идите къ сарыкойскому (попу) подъ третій чинъ; а ежели не хотите, то сопрвете въ тюрьмъ. Михайло сказаль имъ: дюли добрые, не могу я того сдълать чтобъ отца своего духовкаго проклинать! Видять начальники что мы несогласны. начали Михайла просьбами и ласкательствомъ просить, ухватя его за руки говорять: ты только скажи: истемель, а по-русски сказать: не кочу. И болве часу просили отъ него одного сдова, но не получили." Михайла Андреева съ Гончаровымъ опять посадили въ тюрьму, и всъ усилія Тифтедаоря-вфенди освободить заключенныхъ послъ втого не имъли уже успъха. "Начало начальство Сарыкойнамъ и Славцамъ говорить: у васъ завтра великъ праздникъ, треба ихъ пустить! А они говорять: не пускайте! Дондеже не проклянуть своихъ поповъ и не отрекутся, пусть сидять! Начальникъ сказалъ: у васъ праздникъ великъ, надобно отпустить! А они единогласно кричать: не пущай!.. И ту пору быль Христакій тульчинскій и Татаринъ Абдуль, и тв, варвары CYME, NDOCUAU UND SA HACE; HO ORU U CAYNATE HE NOTRAU. только то и говорять: дондеже не отрекутся enuckona. неаьзя ихъ пустить!" Несмотря на всв свои полномочія, чиновникъ Садыкъ-паши принужденъ былъ отъ нихъ отступиться; увзжая, онъ однакоже даль решительный приказъ бабадагскому начальству-выпустить на свободу всехъ посаженныхъ въ тюрьму, а журиловскимъ старикамъ вельдъ прівхать въ Рушукъ, если ихъ дело затявется еще дольше.

Итакъ бабадагскимъ узникамъ приходилось и праздникъ Паски просидъть въ тюрьмъ. "Когда журиловскіе старики прітхали изъ Бабы, повъствуетъ Гончаровъ, то приложили и себъ и всему міру скорбь на скорбь и плачъ на плачъ: ибо всъ надъялись видъть ихъ (узниковъ) свободными, но когда услыхали что опять посадили ихъ, то вмъсто радост-

^{*} Сеткарь посат этого быль выпущень изъ тюрьны, но потонъ, черезъ недваю, посажень снова, такъ какъ на дват отрекаться отъ новаго священства и идти подъ третій чинь къ сарыкойскому бъглому попу не согласился.

naro topicetes hanage ha bes nasys u puganie u bonge mnors. и отъ многія печали и туги сердечныя мало кто помниль что настоящій день праздникъ есть Паски. И когаз отправи часы, сказали; господа православные христіане! Что же? Будемъ стараться за нашихъ страдальневъ которые сидять въ тюрьмы! Народъ услышаль это слово, всв единогласно сказали: согласны не только стараться, но и умирать готовы всь за нихъ! А Оедосей Яковлевъ Воронивъ сказалъ: господа, я согласенъ свою голову положить за нихъ! Итакъ разовились по домамъ. Это дело было месяца апреля 8-го (117) числа 1848 года, на первый день Пасхи. А потомъ прівкааи къ намъ наши старики и разказали намъ какъ праздновали и разговълись съ горъкими слезами и какъ сказали вов что готовы за касъ умирать. Мы, слышавши отъ кихъ что міръ православныхъ христіанъ, все общество не оставило насъ въ забвеніи, мало обвеселилися, и яко отъ гаубокаго и тяжкаго спа, отъ упынія и печали возбудилися и на волю Божію возложилися."

Какъ только прошав Святан недвля, журиловскіе старики дійствительно отправились въ Рущукъ "стараться за своихъ страдальцевъ". Услышавъ объ этомъ, бабадатское начальство, чтобъ избъжать отвътственности, поспъшило исполнить распоряженіе Тифтедаря-эфенди объ освобожденіи заключенныхъ. На Өоминой недвлъ собрался меджлисъ;
призвали Михайла Андреева, Гончарова, инока Макарія и
объявили имъ что они свободны, могутъ идти по домамъ,
что только епископъ, священникъ и діаконъ останутся до
времени подъ стражей. Услышавъ это, старикъ Макарій
сказалъ начальству:

— Если вы нашу священную особу не пущаете, то и я не пойду отсель; я для нихъ хотя воды принесу, или въ чемъ другомъ послужу имъ.

Но Макарія выслали изъ тюрьмы насильно.

Между тъмъ журиловские старики лично изложили свою жалобу рущукскому губернатору Садыкъ-пашъ. Ихъ покаванія были согласны съ донесеніемъ Тифтедаря-эфенди, и потому Садыкъ-паша изъявилъ готовность имъ покровительствовать. Но чтобы кончить дъло у Некрасовцевъ, жившихъ въ имперіи на особыхъ правахъ и преимущественно въ отношеніи къ религіи находившихся въ исключительномъ положеніи, онъ не видълъ иного средства какъ переписать

всехъ принимающихъ новое священство и непринимающихъ. определить такимъ образомъ которыхъ больше по числу и которыхъ меньше и отаванть однихъ отъ другихъ. Это поручение окъ возложилъ на одного изъ первыхъ своихъ чивовниковъ — Аметъ-эфенци, а въ помощники и спутники ему назначиль дюбимиа своего — Грека Стамакія. Аметьэфенди повхаль сначала въ Мачинъ и Тульчу собрать нужныя ему свідівнія, а Стамакій отправался прямо въ некрасовскія слободы "ревизовать, кто куда согласень". Въ Сарыков всв объявили что новаго священства не принимають: "кота и были согласные, но страха ради утаилися, да ве постраждуть что таково, яко же и мы", замъчаеть Гончаровъ; въ Славъ оказались и согласные, и несогласные на принятіе бізлокриницкаго священства; а въ Журиловкі всіз ръшительно, за исключениемъ какого-то Маргульки, объявили себя на сторовъ епископа и новыхъ поповъ. Придавъ этимъ показаніямъ законную, офиціальную форму, Стамакій представиль ихъ Амету-эфенди, который не замедацав прівхать въ Бабадагъ. Здесь, въ полномъ собрании меджлиса, овъ объявиль чтобъ отнынь ть, которые не хотять привимать повоучрежденное священство, предоставили принявшимъ это священство полную свободу пользоваться имъ безвозоранно. Между твиъ Станакій, еще на пути въ некрасовскія селенія, завзжаль въ Бабадагь и отдаль приказаніе отпустить Аркадія со всіми прочими которые еще содержались подъ стражей, что и было немедленно исполнено.

Такимъ образомъ новопоставленный славскій епискомъ, почти полгода проведшій въ заключеніи *, получилъ наконецъ свободу, и дъло Некрасовцевъ сторонвиковъ бълокриницкаго священства областнымъ турецкимъ правительствомъ ръшено въ ихъ пользу. Впрочемъ и послъ этого противная партія не успокоилась; недовольная судомъ областнаго

^{*} Аркадій со священникомъ Евфросиномъ и діакономъ Іаковымъ взяты были подъ стражу 22-го ноября 1847 года, а освобождены въ первой половинъ мая 1848 года. На допросъ, производившенся въ 1854 г., Аркадій самъ показаль: "были подъ присмотромъ почти шесть мъсяцевъ до 8-го мая 1848 года. Рущукскіе паши Садыкъпаша, а по смерти его Сеидъ-паша, производили сами строгое изслабдованіе, но ничего не открывъ, отпустили насъ свободно с. (Дъло объ Аркадіи, Алимпіи и Осодоръ въ министерствъ внутрев. дълъ. № 46).

начальства, она решилась перенести дело на судъ верховнаго правительства въ Константинополе, и вожди этой партіи съ ужеренностью говорили что австрійскимъ попамъ не бывать у Некрасовцевъ, что заводчиковъ этого новаго священства они опять засадять въ тюрьму и уморять тамъ.

VII.

Угрозы и похвальба Сарыкойпевъ не могли не тревожить Аркадія и преданную ему часть некрасовскаго населенія Добруджи; клеветы, которыми старались они подъйствовать на правительство, были такъ важны что нельзя было оставить ихъ безъ вниманія. Къ этимъ тревогамъ присоединилась новая: въ некрасовскихъ селеніяхъ появилась холера, и народъ началъ впадать въ уныніе. Вообще, первое время по освобожи деніи Аркадія изъ-подъ стражи было исполнено разныхъ тревогь и onaceній; тыть не менье однакоже славскій enucкопъ посрещилъ воспользоваться свободой чтобъ исполнить самыя необходимыя дела, и прежде всего совершить освяшеніе давно приготовленной журиловской перкви, такъ неожиданно оттянувшееся на долгое время, и поставить для журиловскихъ Некрасовцевъ священника, въ которомъ теперь, по случаю повальной бользки, имълась особеккая кужда, тыть больше что священночнокъ Евфросинъ вскоръ по освобожденіи забольль холерой. * Славскіе отпы справедливо разсуждали что такое празднество, какъ освящение церкви, благотворно полействуеть на духъ народа, впадавшаго въ уныніе, и на самихъ противниковъ повоучрежденнаго священства. 27-го мая совершено было это освящение церкви со всвиъ возможнымъ для перваго некрасовскаго enuckona благольніемъ и на вськъ действительно произвело впечатльніе очень сильное: народу казалось, что съ этого времени

^{*} Аркадій Лаврентьевскій писаль въ Білую-Кринцу отъ 19-го августа 1849 года: "Холера у насъ явилась съ Троицына дня и досель еще изрідка тревожить; потянулась далів, въ Турцію. Священвоинокъ Евфросинь весьма быль трудень; но теперь сталь поправляться. Іеродіаконъ Пахомій холерою умре. Отець Стефанъ умре. Аркадій келарь оздравь. Инокъ Макарій, вашъ подкеларщикъ, холерой умре. Писатель сего письма быль болень, но Богь воздвигъ. (Вілокр. арх.).

какъ булто прекратились вов невзгоды; а общества каменское, браиловское, тульчинское тогда же приняли намереніе, по примъру Журидовневъ, и у себя устроить церкви; нашлось также не мало между сарыкойскими и особенно славскими Некрасовнами сочувствующихъ Журиловнамъ и изъявившихъ готовность принять новое священство. Въ последствіи, изветая бълокривинкаго митрополита о своемъ праздникъ. Журиловны писали: "Наша журиловская Покровская перковь освящена мая мъсяца 27-го числа, по освобождении изъ закаюченія нашего епископа съ причтомъ и самихъ насъ: она освящева въ самое буркое время, когда свиренствовали наши предатеди, когда пылало пламя въ нашихъ жилищахъ, тогда, когда леталь мечь надъ главами нашими; она освящена въ самое то время когда воздухъ наполненъ быль вътротлъніемъ, и пародъ умиралъ отъ холеры: въ самое то время явиса всему міру перковь Христова въ нашемъ селенія! По освятепіи же всь бъдствія наши аки вытромъ развыяны быша: пародъ, видя благольніе несказанное, возревновали всь имъть тихое пристанище душамъ своимъ", и пр. * Для новоосвяшенной перкви Аркадій поставиль священника—Даніцаа Григорьева и діакона-Симеона.

Вскорт же по освобожденіи изъ заключенія славскій епископъ открымъ сношенія съ митрополіей; но писаль різдко и съ крайнею осторожностью, такъ какъ Сарыкойцы между прочимъ донесли что славскіе иноки "ходять по границамъ и Німцевъ и прочихъ поощряють чтобы воевали на Турокъ".** Бізлокриницкія власти, съ своей стороны, имізли нужду въ сношеніяхъ съ Аркадіемъ, тогда единственнымъ за преділами Австріи раскольничьимъ епископомъ. Достойно замічанія что въ то самое время: какъ новопоставленный славскій епископъ содержался подъ стражей, въ Бізлой-Криниців также производилось (съ декабря 1847 по іюль 1848 года) строгое

^{**} Въ томъ же письмъ Аркадія. Здѣсь упомянуто еще: "писанныя вами въ Тульчу письмы вами всѣ получены; а отъ насъ пославо вамъ молько одко, а сіе второе*.

^{*} Письмо журиловскаго общества въ Бѣлую-Криницу отъ 30-го августа 1849 г. (Бѣлокр. арх.). Письмо это сочинено и писано Аркадіемъ Лаврентьевскимъ, а подписали его, кромъ журиловскаго сващенвика и діакона, всъ главные дѣятели, пострадавшіе за новое священство: Іосифъ Семеновъ (Гончаровъ), Михаилъ Авдреевъ, Дмитрій Ивановъ (Сеткаръ), Есимъ Гапѣевъ и др.

савдствіе объ Амвросіи, возбужаенное по настояніямъ пусскаго правительства, и самый моластырь Балокрининкій быль закрыть. Тогда сделано было довольно строгое замечание бълокрининкимъ властямъ и за посвящение Аркалія съ лівкономъ, такъ какъ они о прибытіи этихъ иностранцевъ не доносили правительству и разрешенія на посвященіе ихъ не просили, да и самый вопросъ о правъ бълокрининкаго митрополита поставлять епископовъ для заграничныхъ раскольниковъ не былъ на разсмотрвній у правительства. Всявдствіе этого сділано было распоряженіе, чтобы на будущее время, до решенія указаннаго вопроса правительствомъ, въ Быскринипкомъ монастырь подобнаго посвящения иностранцевъ отнюдь не производили, подъ опасеніемъ въ противкомъ случав строгой ответственности. * Государственный перевороть 1848 года, совершившійся въ Австрійской имперіи, помогь благополучному исходу бълокриницкихъ следственныхъ дель: новымъ правительствомъ было признано законное существованіе раскольничьей (липованской) митрополіц въ Буковинь, котя лично митрополить Амеросій и удадень быль навсегая изъ Бълой-Криницы на жительство въ городъ Пилли. Какъ только узнали объ этомъ въ Бълой-Крижиль, намыстникъ Амеросія епископъ Кириллъ, псогласно всевысочайтаго указа отъ 18-го сентября 1844 года, такъ какъ уже имъль право поступить на митрополитскій престоль верховнымъ святителемъ, созвалъ 26-го августа духовный соборъ" для избранія новаго enuckona, "въ предосторожность",

^{*} Both npegnucanie, npucannoe no stony ghay ush Tephobunh oth 20-ro (8-ro) and 1848 roga: An das Kloster Convent zu Fontana Alba. Die im dortigen Kloster im verflossenen Sommer statt gefundene Weihe eines Bischofs und eines Priesters für die Lippowaner im Auslande ohne eingehollter Sicherer, und ohne auch die in das Kloster gekommener fremden Lippowaner beim Dumenium Hadikfalva anzumelden veranlasst mich bis in der obigen Angelegenheit die höhere Entscheidung herablangen wird, zur nachdrüchlichsten Erinerung gegen weitere derlei Vorgänge welche mit nachtheiligen Folgen für das Kloster Convent verbunden seyn würden. Hognucanh: Ishetscheskul. (Подациника въ Былокр. арх.). Bonpeku этому предписанню правительства, въ Былок Кринцъ продолжали ставить архіереевь для заграничных раскольникова, и не дальше кака 3-го января 1849 года поставили перваго епископа для Россіи — пресловутаго Софронія. (Памят. происход. двая.)

скавано было въ офиціальной записи, "на всякій чась смертнаго случая, начиваче по нынъшней облержащей смертоносной бодьзки холеры, дабы не довести завший старовърческій народъ въ прежнее бъдствованіе священствомъ и не навести неудовольствій соседственными державами въ принатіи опять иностраннаго священства", * въ самомъ же дѣлѣ для того чтобъ иметь готоваго наместника Кириллу. какъ скоро этоть последній вступить въ званіе действительнаго "облокриницкаго митрополита и верховнаго святителя всехъ древлеправославныхъ христіанъ". По общему согласію избранъ былъ священночнокъ Онуфрій, котораго и надлежало теперь поставить въ епископы. По этому дему и открымась налобность бълокопнинкимъ властамъ войти въ сношение съ славскимъ епископомъ, который, какъ единственный существовавшій тогда, кром'в Амеросія и Кирилла, раскольничій епископъ, по правиламъ, должевъ, былъ принять участіе въ поставленіи Онуфрія. 23-го августа, когда еще не состоядось и соборное избраніе Онуфрія, инокъ Павель нашель удобнымъ послать Аркадію приглашеніе чтобы пожаловаль на поставление новоизбраннаго епископа. Приглашение это. очевидно, сделано было только для формы, такъ какъ въ Бълой-Крининъ хорошо знали что славскому enuckony, при тоглашнихъ обстоятельствахъ, невозможно было предпринять вутемествіе въ Австрію, и даже полагали что Аркадій все еще находится въ заключении. Поэтому не дожидаясь и отвъта изъ Славской епископіи, въ Бълой-Криниць решились приступить къ поставлению Онуфрія, которое и совершено было 29-го августа однимъ только епископомъ Кирилломъ. Но дабы придать этому действію вполив законный видъ, въ современной офиціальной записи указаны для него следуюшія основанія: "А какъ другой епископъ, задунайскій Аркадій, находится подъ сафдствіемъ у Турокъ и не можеть прибыть, но прислаль от себя отношение, а болве иныхъ единовърныхъ епископовъ нашихъ не предвидится: то на основаніи староцерковнаго законоположенія 28 и 29 запов'я, иже въ Кормчей въ главъ 42, на листахъ 302 и 318, и по силъ правиль монастырскаго устава о святитель и древлесбывшимся святоподобіямъ, самъ единъ г-нъ enuckonъ Кириллъ сего числа соборнъ и надлежащимъ чиномъ произвелъ священника

^{*} Памятникь происход. даль.

Овуфрія Иванова во епископы, опредвливъ ему епархію въ Мунтіи Ибрацловъ съ прочими единовърными тамошними обществами". * Впрочемъ, вскоръ посав этого, и именно 3-го числа септября, препровождено было Аркалію извъщеніе о совершившемся рукоположеніи Онуфрія, съ просьбой прислать согласів на утвержденіе этого криствія. ** Спустя ровно масяць, октября 2-го. Аркалій Лаврентьевскій, отъ имени елавскаго епископа, отвътствовалъ на это извъщение и на первое письмо изъ Бълой Кринины общирнымъ посланіемъ. Признаніе Опуфрія въ санв епископа дано славскимъ вламыкой съ полною готовностью: "Докому вамъ во извъстіе что получили мы ваши письмы, посланныя вами августа 28-го и сентября 3-го, въ двухъ конвертахъ, въ которыхъ просите, изобразить вамъ наше согласіе на соборное ваше действіе согласво 19-му правилу иже во Автіохіи Сирстви собора. Мы объявляемъ съ подтверждениемъ наше согласие нижеследуюнамъ: о поставленіи епископа Онуфрія начтоже прекословимъ, но и подписую своею рукой на конце сего письма. Хотя и двумъ или тремъ enuckonamъ повелеваютъ правила св. отепъ быти на поставленіи епископа, но обаче во время нужды или въ гоневіи мнози святіи отпы единъ enuckonъ enuckona noctasаями, якоже повъствуеть въ прологь, сентября 12-го, священномученикъ Автономъ Корпилія епископомъ единъ постави, и декабря 15-го, въ житіи древлеписьменномъ. Стефанъ Сурожскій Филарета епископа единъ постави, и иніи мнози. И тогда по инвиъ странамъ многимъ епископамъ сущимъ: нывъ же, въ болъзвенное сіе и мятежное время, кольми паче!" На сдвланное же въ первомъ бълокриницкомъ письмъ приглашеніе лично прибыть въ митрополію, Аркадій отвічаль решительным отказом и при этом довольно обстоятельно

^{*} Памятникъ проистод. дъл. Такитъ образомъ и здъсь инокъ Павелъ нашелъ нужнытъ солгать "на память предбудущимъ родамъ". Никакого отношения отъ задунайскаго Аркадія, по дълу о поставленіи епископа Опуфрія, прислано не было и быть не могло: на извъщеніе объ этомъ предполавномъ поставленіи, отправленное изъ Бълой-Криницы 22-го августа, отвътъ былъ пославиъ Аркадіемъ только 2-го октября (какъ видно изъ подлиннаго письма его отъ этого числа), а въ митрополіи былъ полученъ уже въ 1849 году, 25-го февраля (какъ видно изъ собственноручной отмътки самого инока Павла на этомъ письмъ).

^{**} Въ тотъ же день было послано и въ Крайзамтъ донесение о поставлени Онуфрія въ enuckona (Памят. проистод. двяб).

изобразиль затруднительное положение вы какомы находился тогда сдавскій епископъ. "Мы теперь вскорів отъ своего мізота никакъ не можемъ отлучиться, по главной причинъ: первое, хотя Божією помощію и рівшено наше діло отъ начальства и священство оставлено быть на мъсть, но навътнипы ваши сарыкойскіе и славскіе не престають оклеветати пасъ начальству, что будто мы имвемъ списки съ Австрійнами о парскихъ дълахъ; а какъ вамъ уже извъстно что и первъе мы окаеветаны, что будто мы приняли греческій законъ и имваи заговоръ съ ними на цара, и еще окасветали будто namu unoku безпрестанно ходять за границу, туда и сюда. Если вывхать изъ Турпіи, то не токмо что намъ паки возвратиться сюда не попустать, но и оставшее наше священство до конца искоренять и осиротять священствомъ вашихъ единоплеменныхъ, и вотще будетъ все ихъ страданіе, и подвигь, и издержки. Второе: навътники наши сарыкойскіе и славскіе, когда, паче чаякія ихъ, качальникъ наше двао решиль и священство оставиль на месть, тогда они отъ заобы и зависти обратились на скитъ и начали наводить безмъркую на иноковъ клевету и на ръшеніи дъла въ томъ подписались что до священства дела не иметь, а скитъ разорить, и бабинское начальство ихъ руку держить, въ томъ подписались и послали апашь. * И мы посль того посылали человъка къ апашъ, и апаша отказалъ: "когда слободы и бабинское начальство скиту не хошеть, то и а не хощу". И только велель намь зиму въ ските пробыть, а на веску Богъ въсть что будеть. И сего ради мы теперь во многомъ смущеніи и колебаніи пребываемъ. Третіє: путь пашь къ вамь чрезъ Молдаву, а Молдава паполнена русскимъ духомъ: а вамъ извъстно каковъ проходъ нашему званію около русскаго духа! И намъ въ таковыхъ случаяхъ полезнайшее разсуждати подобаеть, якоже Св. Іоаннъ Ластвичникъ глаголетъ: "двоимъ зломъ предлежащимъ легчайтее избирати подобаетъ". Зао есть ослушаніе, завишее же есть сію область священства лишити. Твиъ же и святіи отцы авпости ради преслушающихъ вапрещеніемъ облагаютъ, неудобства же ради отрицающихся, не приходящихъ на соборъ. не истязують." **

^{*} То-есть къ Сендъ-пать, рущукскому гелералъ-губернатору.

^{**} Подацивикъ руки Аркадія Лаврентьевскаго въ Бізлокриницкомъ архиві. Тщательность, съ какою изложены здісь причины не довво-

Козни "враждебниковъ" въ письм в Аркадія ивображены. довольно върно. Ръшеніемъ рушукскаго генералъ-губернатора, какъ мы сказали выше, сарыкойские и славские руководители партіи, противной новоучрежденному священству, были недовольны; они громко вопіяли что Журиловны задариди леньгами губернатора Садыкъ-пашу, почему этотъ последній и решиль дело въ ихъ сторону, что они пойдутъ искать правды въ Царъградъ, принесутъ жалобу самому султанскому правительству. И это не была пустая угроза: Сарыкойны и славскіе выбрали депутатовъ жхать въ Константинополь съ жалобой на Журиловиевъ и на неправидьное решепіе ихъ лала рушукскимъ начальствомъ, именно выбради Ивана Шмаргуна, Якушку Тюленя и Осипа Крученаго. Сначала эти депутаты съвздили въ Бабадагъ за совътомъ и наставленіями къ тамошнему начальству, у котораго постояннопаходили поддержку, и которое теперь особенно раздосадовано было на Журиловцевъ, потому что за нихъ получило строгій выговоръ отъ рушукскаго Садыкъ-паши. Въ Бабалагв депутатамъ вручили жалобу, которую они должны были подать верховному турецкому правительству: бабадагское начальство жаловалось на неправильное решение леав о повоучрежденномъ некрасовскомъ священствъ въ областномъ правленіи и требовало подвергнуть наказанію главпыхъ заводчиковъ этого дъла, каковыми указаны были: епископъ, священникъ и діаконъ, а изъмірянъ: Гончаровъ, Сеткарь и Михайло Андреевъ. Жалобу эту подписали всв члепи бабадатского меджлиса и приложили къ пей "меджлисскую печать". На такой смелый поступокъ они решились въроятно потому что Садыкъ-паща, оказавшій покровительствојЖуриловцамъ, около этого самаго времени умеръ, и на его місто въ Рушукъ ожидался повый гепераль-губернаторъ. Бумаги, которыми бабадагское начальство снабдило сарыкойскихъ депутатовъ, придади этимъ последнимъ еще больше

амощія славскому епископу прибыть на соборъ въ Бѣлую Криницу, объясняется тѣмъ что въ присагѣ при поставленіи на епископство, какъ выше сказано, омъ давалъ объщаніе: "внегда позоветъ мя къ себѣ господинъ мой преосвященный митрополитъ Амбросій, или въ случаѣ блюститель престола его безъ всякаго извѣта и слова ити мнѣ на соборъ; хотя бы князь или боляре и удерживать мя котѣли, отнюдь не буди мнѣ ослушатися повельнія господина моего митрополитъ.

смелости. Воротясь въ село, они съ торжествомъ показывали ихъ своимъ единомышленникамъ: "Видите что мы делаемъ? Не бойтесь, начальство наме, что захотимъ, то и будетъ! Вы только деньги готовьте, а за дело не безпокойтесь: это нама работа!" Денегъ имъ собрали (о чемъ, по свидетельству Гончарова, всего больше и хлопоталъ Тюлень съ товарищами), снабдили всемъ нужнымъ, и они отправились въ Царыградъ.

Журиловиамъ нужно было употребить и съ своей стороны какія-либо міры для зашиты принятаго ими священства въ Константинополь. Похлопотать ради общаго дела вызвался опять Гончаровъ. Константинополь онъ знаяъ хорошо, имъяъ здъсь не мало прілтелей и покровителей, даже среди людей очень близкихъ къ правительству, услугами которыхъ онъ имвать уже случай пользоваться, когда вывств съ инокомъ Павломъ клопоталъ о пріобретеніи Амеросія. И теперь овъ могь поэтому довольно верно разчитывать на успехь; но темъ не мене считаль необходимымъ вести дело съ крайнею осторожностью, и особенно ваботился чтобы вастоящую при своей порзаки въ Константинополь сохранить въ секреть отъ Сарыкойневъ: окъ говориль что влеть по своимъ собственнымъ торговымъ дъламъ, которыя по случаю шестимъсячнаго вреста значительно разстроились. Гончаровъ отправился сначала въ Тульчу, чтобы взять место на парохода. Здесь, къ немалому удовольствио, узналь онъ что константинопольскіе друзья дъйствительно не забыли его: какой-то человъкъ вручилъ ему записку изъ Царяграда, въ которой извещали что одина важный чиновника, "тайныха дела смотритель", посланъ изъ Ливана въ Бабадагъ, и что ему, Гончарову, непременно нужно повидаться съ втимъ чиновникомъ. Такъ какъ оказалось что чиновникъ, о которомъ шла речь, въ это самое время находиася въ Тульчь, то Гончаровъ решился не упускать удобнаго случая съ нимъ повидаться. Свиданіе устроилось, и вотъ какъ описаль его самъ Гончаровъ: "Я тотчасъ пошелъ къ Саввъ Иванову Рукавишникову и разказаль ему все дело. Онь мив говорить: "хорошо, мы пойдемъ съ тобой къ аяну Сеину". Приходимъ мы съ нимъ: сказали ему что мы котимъ съ прівзжимъ чиновникомъ повидаться: взяли два ока черной икры свежей. Аянъ намъ говорить: "корошо что вы теперь пришли, онъ идеть къ Иванче въ гости, и я пойду туда, и все наши старики тамъ

будуть: мы ваше дело знаемъ!" И сказаль мив: "неси туда икру!" Самъ пошель впередъ, а я иду за нимъ. Приходимъмы къ Иванчв. Чиновникъ сидитъ на крыльцт: аянъ подомель къ нему, поклонился и стал оба рядомъ, а я поклонился и сталъ, и икру держу. Онъ глянулъ на меня, а я заплакаль. Аянъ началъ ему разказывать наше дело все по порядку, а потомъ и старики стали разказывать, а я стою и не могу за слезами и слова сказать. Онъ приказалъ Христакію икру отъ меня принять. И какъ они ему разказали все подробно и завтряли, я не могу измърить, какой похвалы или благодарности достойны отъ насъ за толикое ихъ усердіе! Послъ всего сказалъ мит онъ: "казакъ! не бойся, вамъ худо не будетъ ничего!" Я ему поклонился и пошелъ."

Посав этого свиданія съ турецкимъ вельможей, Гончаровъ отправиася въ Константинополь еще съ большею надеждой на успъхъ. Завсь онъ повелъ дело весьма искусно, следилъ за всеми поступками своихъ противниковъ, проникалъ всюду гав надвялся получить нужное сведеніе, отыскиваль благольтелей, предъ которыми кланялся и плакаль, вообще показаль себя такимъ дипломатомъ, съ которымъ трудно было состязаться разнымъ Тюленямъ и Крученымъ. Тюлень съ товаришами быль уже въ Константинополь, когда прівхаль туда Гончаровъ, и этотъ последній, чтобъ удобиве следить за ними, нарочно остановился на одной съ ними квартиръ, которую отыскать ему было не трудно, такъ какъ всв Некрасовпы, прівзжавшіе въ Царьградъ, обыкновенно останавливались въ одномъ мъсть. Здъсь, немедленно по прівздь, Гончаровъ навелъ о нихъ новыя справки: оказалось что именпо теперь они отправились въ Диванъ подавать прошеніе, "разувалъ". Гончаровъ пощель туда же, въ надеждъ встрътиться съ ними на дорогв. Такъ действительно и случилось. Сарыкойны, никакъ не ожидавтие этой встречи, остановиаись въ изумленіи какъ только его увидьли. "Я подошель къ пимъ, разказываетъ Гончаровъ, и поклопился: они стоятъ и только поглядывають на меня, а ничего не говорять. Потомъ Крученый сталь ругаться: "вачемъ тебя принесло сюда!" и многими непристойными словами порицаль. А я съ вами говорю не осердясь, не реснісят, но ласково: "господа, я по своей надобности прівхаль, вы знаете сколько я просидвав! А также имъю жену, и дъти, —чъмъ-нибудь надобно кормиться!" Тюлень говорить своимь: вамь же лучше что онъ

самъ сюда прівхаль, его и такъ прислали бы сюда въ терсаню (тюрьму), а то самъ прівхаль!" А я съ ними говорю все ласково."

Прежде нежели хлопотать у своихъ вельможныхъ пріятелей" и "доброжелателей", Гончарову нужно было узнать содержаніе поданнаго Сарыкойнами прошенія. Онъ отправился къ одному корото знакомому купцу, Решидъ-эфенди, съ которымъ Некрасовды вели обыкновенно торговыя дела, въ томъ предположении что навърное кто-нибудь изъ прівхавшихъ депутатовъ былъ у него и разказывалъ что они дълають въ Константинополь. Гончаровъ не ошибся: Решидъ действительно виделся съ Иваномъ Шмаргуномъ и получиль оть него такія печальныя извістія о самомъ Осипів Семенычь что пришедь въ неописанное изумление когда этотъ последній предсталь предъ нимь своею собственною особой. "Онъ меня какъ увидаль, повъствуеть Гончаровъ, то у него изъ глазъ даже слезы тронулись, всталъ онъ, ухватилъ меня за руку, сталъ разспрашивать, говорить: "вы живы?" Я ему сказаль: "слава Богу!" А потомъ и говорить инв что "Иванъ быль у меня и разказываль за вась что ты ихъ теперь ве увидинь, то-есть васъ. Я у него спросиль почему такъ? Овъ мив сказаль что вы съ Греками соединились въродо воедино и для насъ худо сделать умыслили, а они узнавши скоро дали знать начальству, а начальство приказало посадить ихъ, и есть месть месяцевъ какъ они сидятъ. Садыкъ-пама мното денегь взяль оть нихъ, а наше бабинское начальство дадо намъ *илял*е, и послади насъ сюда, мы по этому делу и прівхали. Выслушавь это, Гончаровь передаль Решиду "настоящую правду, какъ было дело", разказаль и сколько пришлось высильть въ неволь. "Онъ весьма радъ сталъ и говорить: "слава Богу что вы живы. Но върь, Гончаръ, какъ я услыхаль что они говорили объ васъ, и такъ мив жалко васъ стало что даже и торговля сдвлалась не мила!"—"А не внаеть ли ты гдь они разуваль писали?" спросиль Гончаровъ. Оказалось что Решиль-вфенди и это слышаль отъ Ивана, и могь действительно сообщить Гончарову кто писаль для Сарыкойпевь разуваль.

Такимъ образомъ Гончаровъ узнаяъ что было ему нужво и на следующій день отправился къ "разувальщику", взявъ въ подарокъ ему "икры и сукой рыбы". За этотъ подарокъ Гончарову охотно дали точную копію прошенія, съ которою и явился онъ въ тотъ же день къ своимъ могушественнымъ покровителямъ. Гончаровъ, вообще очень осторожный на слово когда приходится говорить о панъ Чайковскомъ и другихъ польскихъ выходнахъ въ Турціи, ради известныхъ пелей покровительствовавшихъ расколу, съ которыми и тогда уже находился онъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, не назваль по имени втихъ пріятелей" своихъ и "доброжелателей"; но изъ самого разказа его можно понать кто эти значительныя дина состоящія въ спощеніяхъ съ турецкими министрами и такъ близко принимающія къ сердцу религіозные интересы Некрасовцевъ. Воть что имевно разказываеть Гончаровъ о великихъ услугахъ, оказанвыхъ ему въ то время цареградскими друзьями: "Пошель я къ своимъ прівтеляма, и начали мы прошеніе читать. Я даже утерпъть не могъ, услыхавши сколько они (Сарыкойцы) канувовъ ваписали на насъ, слезно заплакалъ; а наши доброжелатели стали меня утвиать. — говорять: не бойся ты за это! Взяли и написали прошеніе противъ этого, объясаля насъ, военному министру, сераскиръ-пашъ, и послали со мною своего драгомана (переводчика). Когда мы пришли къ вему, подадъ я ему прошеніе и объясненіе, а драгоманъ ему расказаль все по ряду, какъ было дело. Прочиталь онъ проmenie mnomo nogannoe u obsacnenie, u mos vacz norwals ks садразану, ** а намъ приказалъ съ драгоманомъ домидаться. Часа черезъ два прівхаль назадъ отъ садразана и говорить мив: теперь не бойся ничего; котя и померъ Садыкъ-паша, но на мъсто его будетъ Сеидъ-паша, и жы ему дадиме особое предписание: а ты напиши своимъ старикамъ чтобъ они и епископъ повхали къ пашт пепремънно. Я поклонился ему, и

Итакъ достаточно было Гончарову заручиться рекомендаціей своихъ вельможныхъ "пріятелей" и "доброжелателей", чтобы получить доступъ къ военному министру и чтобы этотъ последній самъ лично тотчасъ же отправился къ великому визирю ходатайствовать за него, хлопотать по его делу. Ответъ привезенный сераскиръ-пашой отъ перваго сановника имперіи могь служить для Гончарова вернымъ

^{*} Эти именно клаузы и были исчислены въ приведенномъ выше писъмъ Аркадія въ Бълую-Кривицу.

^{**} Beaukiŭ Busups.

ручательствомъ, что отнывъ можно не безпокоиться за существованіе и безопасность некрасовскаго священства. Съ этого времени онъ, дъйствительно, вполнъ успокоился за успъхъ дъла, и возвратившись отъ сераскиръ-паши, согласно его приказанію, немедленно написалъ письмо журиловскимъ старикамъ, чтобъ они были "благонадежны" и непремънно повидались бы съ новымъ губернаторомъ Сеидъ-пашей, когда онъ прибудетъ въ Рущукъ.

Свиданіе съ "пріятелями" и съ военнымъ министромъ происходило 26-го мая. Гончаровъ имваъ върное извъстіе, что на савдующій день будеть совершено въ Журиловкі освященіе церкви: на радостяхь ему захотвлось отправдновать надлежащимъ образомъ это событие и самихъ "враждебвиковъ" сдваять невольными участниками празднества. Приготовивъ объяъ, купилъ вина, и принявъ смиренный вилъ, пошель къ Тюленю съ товарищами; "господа! оставьте вы враждовать на насъ и злобиться, давайте мы любовно поторжествуемъ! Сарыкойны подивились немного, съ чего это Гончаровъ придумаль устроить "любовное торжество"; но какъ великіе охотники до подобныхъ торжествъ, не отказались разделить съ нимъ транезу. "И этотъ день, замечаетъ Гончаровъ, они со мною весьма добры были создть сына; а моего расположенія не знають, по какой оказіи я торжествую, - а я того ради что достовърно знаю что наму перковь святили." Въ последствіи сарыкойскіе ходаки узвали. конечно, эту "оказио" и должны были согласиться что бороться съ Гончаровымъ было имъ не по плечу.

Проживъ еще нъсколько времени въ Константинополъ, по своимъ собственнымъ дъламъ, Гончаровъ отправился домой; а сарыкойскіе депутаты все еще дожидались рътенія по ихъ жалобъ, каждый почти день ходили навъдываться въ Диванъ, и все никакого отвъта! Наконецъ имъ вручили бумагу для доставленія новому рущукскому губернатору: это было предписаніе Сеидъ-пашъ заняться дъломъ Некрасовцевъ и кончить его примиреніемъ объихъ враждующихъ партій. Впрочемъ, сарыкойскіе депутаты совстанъ не знали содержанія полученной ими бумаги. На пути изъ Цараграда они нарочно заткали въ Журиловку чтобы похвалиться и постращать Журиловцевъ втою бумагой: "вотъ бумага чтобы ваше дъло разорить, а Гончара и Мишку, и Сеткара, и все священство пошлють въ терсяню!" Съ такою же похвальбой

объявиди о своемъ мнимомъ успъхъ у себя дома, въ Сарыков, на кругу. Потомъ отправились въ Бабадагь, представить бумагу по начальству: здесь сказали что съ этою бумагой имъ нужно вхать въ Рушукъ, "къ апашъ", потому что она адресована на его имя. Сарыкойцамъ ужь и прискучили эти убыточныя повздки въ Рушукъ; по Тюлень съ товарищами урезониль стариковь темь что это въ последній разв, и больше не понадобится вздить: "теперь имъ последнее решеніе будеть, и болве имъ свъта не видать!" Прочитавъ предписаніе изъ Дивана, Сеидъ-паша, съ своей стороны, вельлъ написать приказъ бабадагскому начальству, чтобы позаботились о прекращеніи раздора между Некрасовпами. Опять сарыкойскимъ депутатамъ вручили бумагу, и опать они прівхали домой хвалиться, что скоро enuckona съ Гончаромъ и другими сообщинками посадять въ тюрьму. Оставалось представить бумагу старымъ пріятелямъ-бабадагскому начальству; но прівтели на этотъ разъ ограничались краткимъ отвѣтомъ: "neku, а по-русски: хорошо!" Въ Бабадагь, очевидно, поняли, что и новый генераль-губернаторь не намерень благопріятствовать Сарыкойцамъ, и что дъйствовать вопреки высшему начальству больше не приходится. Неопределенный бабадагскій отвіть, само собою разумівется, не очень поправился Тюленю съ товарищами; но для поддержанія своего достоинства онъ передаль его Сарыкойцамъ по-своему: начальстводе сказало ему, что черезъ пятнадцать дней enuckona и прочихъ съ нимъ совсемъ выгонять изъ Турціи! Народъ обрадовался; нашлись однакоже и такіе, которымъ это извъстіе показалось неправдоподобно: "напрасно такъ говорятъ, замъчали они, не можетъ этого быть". Этимъ невърующимъ пришлось дорого расплатиться за неверіе: собрань быль полный кругь, и старики объявили: "начальство сказало что чрезъ патнадцать дней enuckona выгонять изъ Турціи, а въкоторые сему не върують и пререкують, и народъ смущають". Пререкующихъ вызвали на средину и спросили: "вы говорили что enuckona не выгонять изъ Турпіи? Они сказали: говорили. Тогда ихъ приказали завалить и плетьми свчь." Тогда же выгнаны были изъ Сарыкоя три семьи, о которыхъ извъстно было что онъ согласны принять епиckona.

Между тыть въ Бабадагы все еще медлили исполнениемъ губернаторскаго предписания. Это побудило журиловскихъ т. 12221.

стариковъ вхать въ Рушукъ, чтобы напомнить Сеидъ-пашъ объ окончетельномъ разсмотрении ихъ дела. Губернаторъ отвачаль что пошлеть въ Бабадагь своего чиновника помирить ихъ съ Сарыкойнами. Чиновникъ, Бинь-пата, скоро nnitxaat: no ero nnukasanio, dadagarckoe navasactbo pasoсладо повъстки по некрасовскимъ селеніямъ, чтобы старики и выборные въ наискорфитемъ времени явились на кунакъ для выслушанія окончательнаго рівшенія по ихъ дівлу. Старики собрались, и Бинь-паша въ полномъ собрании меджанса объявиль Сарыкойнамъ и Славнамъ, "чтобы до Журиловневъ и по ихъ священства прив не имъли никакого". — "Нашъ паръ. прибавидь онъ, не пытаеть никого о законъ, кто какъ хочеть, такъ и модится Богу. И воть я говорю вамъ: распипитесь съ Журиловцами въ томъ, чтобы вы одинъ до другаго никакого дъла не имъли, и живите смирно." Сарыкойны, подъ вліяніемъ разказовъ и объщаній Тюленя, никакъ не ожидали такого решенія и крайне смутились; самъ Тюлень вздумаль сделать Бинь-паше возражение.

- Ифендимъ, сказалъ онъ,—въдь мы и опять найдемъ ворота въ Царьградъ!
- А! ты опять повдещь? крикнуль Бинь-паша:—а не хочеть ли, я заколочу тебя въ желвза да отошлю въ тюрьму? Вообще, замвчаеть Гончаровъ, по случаю угрозы Тюлена начальникъ такъ осерчалъ, "какъ будто на него кто жаромъ сыпнулъ"; а Тюлень, когда услышалъ о тюрьмв и кандалахъ, притихъ и "какъ будто онвмвлъ". Вмъств съ этимъ и все его вліяніе на общественныя дъла у Сарыкойцевъ кончилось

Объявивъ решеніе начальства по делу Некрасовцевъ, Биньпаша потребовалъ подписокъ, что та и другая сторона довольны этимъ решеніемъ: "вы не хотите этихъ поповъ иметъ,
сказалъ онъ сарыкойскимъ и славскимъ старикамъ, — такъ
и напишите; а вы, журиловскіе, напишите, что поповъ этихъ
держать будете". Журиловцы немедленно составили приговоръ и подписались, что судомъ остаются довольны: но Сарыкойцамъ все еще не хотелось даватъ подписку. Тогда само бабадатское начальство, прежде такъ усердно державшее
ихъ руку, посовътовало имъ не упорствовать; аянъ-Решидъ
сказалъ: "ну же, подписывайтесь! полно вамъ врать!" Скръпа
сердце и они подписали приговоръ, что до журиловскихъ и
до священства ихъ пикакого дъла иметъ не будутъ: только
они, ради собственнаго утешенія, внесли въ этотъ приговоръ

условіе чтобы правительство воспретило существованіе Славскаго скита. * Такимъ образомъ діло о новомъ священствъ у Некрасовцевъ было наконецъ рівшено: желающимъ иміть вто священство правительство дозволило безпрепятственно имъ пользоваться, оградивъ его вмість съ тімъ отъ всякихъ притязаній и нападеній со стороны тіжъ которые принять его не пожелали.

"Это было, пишетъ Гончаровъ въ заключение своего сказанія,—это было въ 1848 году, сентября 14-го числа, на праздникъ Воздвиженія честнаго креста: кончилъ судъ, отделилъ Журиловцевъ отъ Сарыкойцевъ, чтобъ они до насъ не имъли леда никакого."

VIII.

Первое время после того какъ турецкимъ правительствомъ дозводено безпрепятственное существование новоучрежденнаго священства у Некрасовцевъ, было все еще доводьно тревожнымъ временемъ для славскаго enuckona u его паствы. Особенно смушало его то обстоятельство, что Сарыкойны каопотали предъ начальствомъ объ уничтожении скита, въ которомъ имель жительство Аркадій и находилось значительное число иноковъ вполнъ ему преданныхъ. Отъ монастыря посылали въ Рушукъ ходатая къ Сеидъ-пашъ, чтобъ онь оставиль безъ вниманія и эту просьбу Сарыкойпевь; но губернаторъ не показаль особеннаго желанія действовать въ защиту славскихъ иноковъ и только дозволилъ имъ прожить въ монастырв наступающую зиму. ** Неутвшительно было и то что Сарыкойны и после подписки, которую взяль съ нихъ Бинь-паша, продолжали "дышать огнепальною аростію" противъ склонявшихся къ принятію священства, особенно когда такіе появлялись въ ихъ соботвенномъ селеніи. Но

^{*} Это и имъль въ виду Аркадій, когда писаль въ Вълую Криницу: "павътники наши сарыкойскіе и славскіе, когда, паче чаянія шхъ, пачальникъ наше дъло ръшиль и священство оставиль на мъстъ, тогда они отъ злобы и зависти обратились на скитъ и начали наводить безмърную на иноковъ клевету и на ръшеніи дъла въ томъ подписались, что до священства дъла не имъть, а скитъ разорить.... Въ томъ подписались и послали апашъ (письмо отъ 2-го октября 1848 г.).

^{**} Письмо Аркадія въ Бълую Криницу отъ 2-го октября 1848 г.

мало-по-малу тревожное время проходило, и этому способствовало именно то обстоятельство, что въ средъ самихъ противниковъ новаго священства все больше и больше появлалось желающихъ принять это священство: такихъ желающихъ особенно много появилось въ Славъ, Тульчъ, Браиловъ, такъ что въ началъ 1849 года епархія славскаго епископа была уже довольно общирна и многолюдна.

Въ этомъ году, который можно назвать временемъ упроченія быокриницкой ісрархіи у турецкихь раскольниковь, Аркалій поставиль не мало священниковь и дьяконовь для старообрядскихъ обществъ, гдв образовались такимъ образомъ приходы, и освятилъ несколько перквей. 10-го мая было, напримъръ, освящение церкви въ городъ Браиловъ, 20-го августа — въ селеніи Камень, 28-го августа — въ Тульчь. Особенною торжественностью отличалось это последнее. О немъ писали въ Бълую Криницу: "Чудное позорище! Вси азыцы въ семъ градь ужаснулися видя и слыша торжественвое осващение сей церкви, видя епископа нашего съ шестью сващенники и двомя діаковы освящающаго церковь сію! Иноки и инокини ръдкіе остались по своимъ келіямъ, по вси подвигнулись быть на освящени! Весь градъ наполнился народа нашего!" * Около того же времени готовились къ освящение перкви въ Славскомъ скиту, такъ какъ начальство и по промествии зимы не безпокоило скита и даже позволило запяться устроеніемъ церкви. ** Вообще Аркадій и приближенные къ нему люди были очень довольны своимъ положениемъ; объ одномъ только жалели они, — о томъ что священночнокъ Евфросинъ, раздълявтій первоначальные труды ихъ и огорченія, пожелаль возвратиться въ Бълокриницкій монастырь. Но Евфросинъ потому и уважаль, что его миссія кончилась, что надобности въ немъ уже не было. такъ какъ некрасовскія селенія и монастырь болве не нуждались въ священникахъ. Такимъ образомъ и это обстоятельство только свидетельствовало объ упроченномъ положеній новой і рархій въ Добруджь. Евфросина проводили съ почестями: Аркадій наградиль его наперснымь крестомъ.

^{*} Письмо журиловскаго общества, отъ 30-го августа 1849 г.

Tawn ke.

^{***} Объ этомъ упоминается въ письмъ Аркадія въ Бълую Кривицу отъ 20-го марта 1851 г. "Посланы вами письма отъ обществъ благо-

а журиловское общество препроводило въ митрополію благодарственное за него посланіе, въ которомъ говоридось о немъ съ великимъ уважениемъ: "мы лишаемся изъ среды нашего духовенства одного и самаго перваго сващенника нашего, отца Евфросина, претерпъвавшаго съ нами тюремное заключение: онъ присутствоваль и первенство имбль во всехъ торжествахъ нашихъ; онъ былъ у насъ первый священникъ по enuckoniu. Онъ нынъ оставилъ насъ; возвращается къ вамъ. Мы благодаримъ Господа, благодаримъ и ваше преосвященство за кроткаго и любимаго нами сего священника. Возгласимъ ему вси: аксіосъ, аксіосъ, аксіосъ! Лостоинъ высшей степени за его кротосты! Да просвытится свыть его предъ человъки! Сіе наше начертаніе вручаемъ священноиноку отду Евфросину для поднесенія вашему преосвященству со всемъ вашимъ освященнымъ соборомъ и боголюбивыми иноки. **

Умноженіе паствы и съ темъ вместе расширеніе епархіи славскаго enuckona скоро указали надобность даже въ поставленіи втораго enuckona для Некрасовцевъ. Дело объ этомъ начиналось еще въ 1849 году, и новаго архіерея предполагалось назвать епископомъ майносскимъ, такъ какъ премній майносскій епископъ Кириллъ тогда именовался уже митрополитомъ бълокринипкимъ; вмъсть съ этимъ имълось въ виду возвести Аркадія въ санъ архіепископа, и такимъ образомъ учредить въ Славв архіепископію. ** Въ 1849 году исполнить это преднамърение оказалось пеудобнымъ; но въ савдующемъ году оно было приведено въ исполнение. Починъ этого дела и прежде и теперь принадлежаль собственно былокриницкимъ властямъ: возведениемъ въ архиепископское достоинство они желали оказать внимание и одолжение Аркадію и выфеть упрочить его зависимость отъ новаго былокриницкаго митрополита, которому весьма желательно и

дарныя и священноиноку отпу Евфросину свидотельство о Жалованном кресто. (Вылокриницкій архивы.)

^{*} Письмо журиловскаго общества отъ 30-го августа 1849 г. (Бълокривицкій архивъ.)

^{**} В Памятники происходащих долг подъ 13-их іюня 1849 г. записано: "епископу Аркадію Славскому (послано сообщеніе) касательно о учрежденіи тамо архіепископіи и избраніи на епископію Майносскую достойнаго человъка, и прибыть въ Ибрацловъ для совершенія дъла."

вужно было, чтобы заграничное старообрядское духовенство признало и за нимъ принадлежавния Амвросио права "верховнаго святителя всехъ древлеправославныхъ христіанък. Въ августв 1850 года епископъ Онуфрій, вместь съ саминъ инокомъ Павломъ, отправился въ Цилли для свиданія съ Амвросіемъ и для врученія ему условленныхъ 500 червонцевъ годичнаго жалованья. Предположено было, что на возвратномъ пути оттуда они завдуть въ Добруджу и, если найдуть удобнымъ, лично устроятъ дело объ открытіи новой enuckonской канедры у задунайскихъ старообрядцевъ и объ учрежденіи Славской архіепископіи, съ темъ пепременнымъ условіемъ, чтобы новый архіепископъ, самостоятельно распоражаясь въ предвлахъ своей области даже поставлениемъ епископовъ, самъ однакоже находился попрежнему въ зависимости отъ Бълокриницкой митрополіи. На этотъ случай Кириллъ снабдилъ Окуфрія дов'врительною грамотой, въ которой именно поручаль ему: "если будеть возможность поставить въ Славской епархіи намъстника, то въ рукоположеніи лично содъйствовать славскому господину enuckony Apkagio, a потомъ учредить архіепископію и произвести самого господина Аркадія изъ enuckona въ архіепископа законнымъ правомъ, дабы онъ впредь могь самъ, съ содъйствиемъ своего намъстника, поставлять другихъ enuckonoвъ въ европейской Турдін, и въ Азін, и въ Африкъ, по его собственному усмотрънію, нашей же житрополій должень давать извъстів, и самь архівнискогь славскій долусень зависимь быть непремънно от нашей митрополии." * Въ концъ сентября Онуфрій и Павель прівхали въ Славскій монастырь. Вида что положение и подражи у турецких старообряднев достаточно упрочено, они объяснили Аркадію и старшей славской братія главную цівль своего прівзда. Само собою разумівется, что Аркадій быль не противь возведенія въ сань архіепископа. Никакихъ препятствій не было найдено и къ учрежденію новой архіерейской каседры; но будущаго enuckona нашли удобивищимъ поставить не для Майноса, который съ решительною враждебностью относился къ новой іерархіи, а для города Тульчи. Итакъ пужно было избрать достойнаго человъка на тульчинскую канедру. Объ Аркадіи Лаврентьев-

[•] Довърштельная грамота подписана августа 9-го дня 1850 г. (копія въ Бълокриницкомъ архивъ.)

скомъ, после педавней, всемъ памятной неудачной попытки возвести его въ enuckonckiй санъ, очевидно, не могло быть и речи; выборъ остановился на другомъ лаврентьевскомъ же инокъ. — Алимпіи, который долго проходиль съ усердіемъ разныя монастырскія послушанія, и котораго Аркадій успаль уже произвести во священника. * Формальное избраніе Алимпія на тульчинскую канедру происходило 26-го сентября, въ Тульчь, въ общемъ собраніи духовенства и старшей братіц Славскаго монастыря, также уполномоченныхъ липъ отъ славскаго и тульчинскаго обществъ. Здесь Онуфрій прелъавилъ доверительную Кириллову грамоту на избраніе и поставление новаго enuckona для задунайскихъ старообрядцевъ, въ исполнение которой и учиненъ былъ следующий соборный приговорь: "на вновь опредвленную Тульчинскую епархію избрали мы во enuckona изъ среды всехъ освящевныхъ и иночествующихъ липъ одного Славской обители благоговъйнаго священноинока Алимпія, который есть человъкъ пожилыхъ леть, честнаго и трезваго поведенія, проходиль довольно число летъ въ иночестве и до самыхъ своихъ сединъ нося духовное оно иго безпрерывно въ видъ дъйствительнаго инока, со всякимъ тщаніемъ и усердіемъ, находился въ смиреніи и послушаніи во всякихъ монастырскихъ службахъ, а напивче рано и поздно трудился въ пономарской должности много леть, при наблюдении перковной чистоты и порядка; потомъ быль и окомъ церковнаго устава, сиръчь перковнымъ уставщикомъ; наконецъ во священночнокахъ допынь существоваль для всего братства въ enuckoniu и для здешнихъ единоверныхъ гражданъ и прочихъ окрестныхъ духовникомъ: а потому по видимости нашей и судили его быть достойна cero enuckonckaro cana no camoù истинв. 4 ** 27-го числа, въ тульчинской церкви святаго апостола

^{*} Алимпій, въ мір'я Абрамъ Ивановъ Вскринцевъ, былъ уроженецъ города Калуги; родился въ 1795 г.; въ монастырь (Лаврентьевъ) умелъ им'я отъ роду 20 л'ятъ.

^{**} Приговоръ подписали, кромъ Аркадія и Опуфрія, слѣдующія "сващенныя пица: Славской епископіи священнопокъ Виталій, священноіерей Василій Каменскій, священноіерей Дапіилъ Журиловскій, Славской епископіи діаконъ Өеодосій, діаконъ Симеонъ Журиловскій. Потомъ слѣдуютъ: инокъ Макарій, Славскаго скита настоятель и той же обители соборные старцы, въ томъ чисат Аркадій и Евфросинъ (инокъ же Павелъ въ подписаніи приговора не участвовалъ).

Іоанна Богослова, Аркадій, при соучастій Онуфрія, рукоположиль Алимпія во enuckona. На следующій день, въ томъ же храмъ, происходило избрание и возведение на архиепископскій престоль самого епископа Аркадія. Состоявтійся по сему случаю соборный приговорь гласиль такъ: "при помощи Божіей, мы нижеподписавтнеся, во исполнение грамоты его преосвященства, господина бълокриницкаго митрополита Кирилла, последовавшей отъ 9-го августа сего года, дабы учредить нам'ясто Славской enuckoniu apxienuckonio, весьма желаемъ и усердствуемъ, а также и во архіепископа произвести, согласно предназначению митрополитскому, славскаго господина епископа Аркадія согласуемъ и нимало вопреки глаголемъ: понеже овъ господивъ еписковъ Аркадій есть достоинъ таковаго сана и власти предъ всеми, пынв въ здетней епархіи сущими священными лицы." * Исполпивъ порученіе, Опуфрій и Павелъ прямо изъ Тульчи, чрезъ Браиловъ и Молдавию, отправились въ Бълую-Криницу. **

Такимъ образомъ, по промествіи двухъ лѣтъ со времени злоключеній въ самомъ началѣ постигшихъ перваго епископа задунайскихъ старообрядцевъ, его положеніе было настолько упрочено, что онъ могъ принять званіе архієпископа и имѣть, въ качествѣ намѣстника, подчиненнаго ему друтаго некрасовскаго архієрея. Уже это одно обстоятельство
достаточно свидѣтельствуетъ что турецкое правительство
весьма снисходительно смотрѣло на возниктую у Игнатъказаковъ іерархію, и сарыкойскіе враждебники, число которыхъ притомъ постепенно сокращалось, уже были для нея
не страшны. Но теперь заводчики новой іерархіи у Некрасовцевъ уже не довольствовались и тѣмъ что правительство не

Наконеръ подписались депутаты славскаго и тульчанскаго общества (бълокривицкаго архива копія, съ Павловой помъткой: "а подлинный приговоръ изъ дъла архіепископіи славской").

^{*} Приговоръ етотъ подписали тъ же лица, которыя подписались подъ приговоромъ объ избраніи Алимпія. За подписами слъдуетъ отмътка: "И всъ собормъ сегодня возвели на престолъ архіепископскій господина Аркадія въ храмъ святаго апостоль Іоанна Богослова." (Сборникъ Антонія.)

^{**} Въ современной записи объ учреждении Славской архіепископіи сказано: "епископъ Опуфрій съ инокопъ Павлопъ, чрезъ Браиловъ и Молдавію, возвратились също сего же (1850) года въ октябръ мъсяцъ" (тамъ же).

ственяеть духовенства и предоставило ему полную свободу существованія: имъ желательно было чтобы существованіе ихъ новой јерархіи утверждено было на прочномъ законпомъ основани, чтобы верховное правительство издало законный актъ, которымъ бы навсегда обезпечено было самостоятельное, независимое ея существованіе, и она поступила бы такимъ образомъ подъ защиту и покровительство выстей государственной вдасти. Лабы начать объ этомъ дело въ Константинополь, имъ нужно было заручиться одобрительнымъ отзывомъ о некрасовскомъ духовенствъ мъстнаго начальства, за которымъ они и обращались не одинъ разъ къ бабадатскимъ чинамъ; но эти последніе, быть-можетъ все еще питая перасположение къ нимъ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, въ выдачъ свидътельства ръшительно отказали. Тогда Гончаровъ, полагаясь на свои связи съ вельможными покровителями, решился приступить къ делу и безъ одобренія отъ містных начальство: съ нимъ отправился въ Кенстантинополь, въ качествъ втораго общественнаго депутата, его старый сотрудникь-Михайло Андреевъ. Это было вскоръ послъ учрежденія Славской архіепископіи, и самое возведение Аркадія въ архіепископское достоинство. безъ сомивнія, служило новымъ побужденіемъ безотлагательно начать хлопоты о предоставлении некрасовскому священству особыхъ правъ. Въ марте 1851 года Аркадій Лаврентьевскій писаль между прочимь въ Белую Криницу: "по сіе число у насъ все благополучно. Журиловскіе депутаты, Михайло Андреевъ и Іосифъ Семеновъ Гончаровъ, по общественному двлу находятся въ Царвградв и между прочимъ подали прошеніе министру о нашей архіепископіи, дабы правительство выдало намъ ферманъ (указъ) на утвержденіе, и сія просьба пошла по дистанціямъ. Что будеть, Богь въсть. Къ намъ въ Тульчу назначенъ паша на управленіе, коему будутъ принадлежать наши города и всв наши Некрасовны: слукъ имвемъ, что ему поручено и о нашей архіепископіи произвести секретное следствіе и потомъ донести въ Царьградъ, отколь ожидать должно или ферманъ, или отказъ о опомъ дълъ. Но Гончаровъ не слишкомъ нуждался въ добрыхъ отзывахъ о некрасовскомъ духовенствъ

^{*} Письмо отъ 20-го марта 1851 г. Подлияв. въ бълокривицкомъ

поваго тульчинскаго паши: константинопольские друзья приняди такое живое участіе въ его двав, что ему удалось легко и свободно провести его по всемъ "дистанціямъ". Положеніе діль на Востокі было тогда очень тревожно, и въ виду грядушихъ событій, павъ Чайковскій съ товарищами находилъ весьма кужнымъ тесне сблизиться съ Некрасовцами, и упрочить за собой и за турецкимъ правительствомъ ихъ расположение и предавность дарованиемъ ихъ духовенству такихъ правъ, какими не пользовалось и православное греческое духовенство. Воть почему Садыкъ-паша съ особеннымъ усердіемъ принялся хлопотать по двлу Гончарова. Онъ самъ поручился за совершенную благонадежность въ политическомъ и иныхъ отношенияхъ поваго некрасовскаго духовенства, — и этого ручательства Гончарову было вполнв достаточно чтобы начать дело безъ "одобренія" отъ местныхъ властей; онъ указалъ ему порядокъ дълопроизводства, открыль ему доступь во всв присутственныя места столины и вездв являлся его ходатаемъ и помощникомъ. * При поручительств'в и съ помощію такой высокой особы", Говчаровъ скоро и успътно "прошелъ всъ дистанціи, достигнулъ до самаго высочайшаго императорскаго престола, вступило дело въ государственную канцелярію". Случилось, правда, во время делопроизводства одно обстоятельство, сильно напугавшее Гончарова; но тревога оказалась напрасною. Такъ какъ дело шло собственно о духовенстве, то въ одномъ изъ присутственныхъ мъсть сообразили, что оно ближайшимъ образомъ касается константинопольскаго патріарха, и потому препроводили его для зависящихъ распоряженій въ патріархію. Отъ патріархіи Гончаровъ не ожидаль ничего добраго своему двау, темъ более что зналъ хорото какое бачекое участіе принималь недавно константинопольскій патріархъ въ дъль Амеросія, начатомъ по требованію русскаго правительства. Сильно озабоченный, онъ поспешиль привать меры къ возвращению дела изъ патріаршей канцеляріи, какъ поступившаго туда по отпобкъ. Но оказалось что и самъ патріархъ призналь діло до него не касающимся и потому возвратиль его безь всякихь съ своей стороны

^{*} Объ участіи Садыкъ-пати и прочить въ доставленіи фирмана Некрасовцамъ подробно говорится въ knurh: Расколь, какв орудів вразбебных в Россіи партій, стр. 34—40.

вамечаній. Такимъ образомъ это неожиданное и единственное затрудненіе, встреченное Гончаровымъ, устранилось само собою. Наконепъ въ последнихъ числахъ іюня Гончарову выдань быль самимь султаномь подписанный и засвидьтельствованный высшими сановниками имперіи фирмань, которымъ турецкое правительство еще разъ объявляло свою волю, чтобы съ Игнатъ-казаками, его върными подданными, всъ обходились благосклонно, дабы они подъ его покровительскимъ крыломъ свободнымъ воздухомъ въ благополучіи отдыхали", а относительно религи и духовенства Игнать-казаковъ дълало распоряжение, "чтобы нынъ свободно и въ предтекущія времена пользовались они, Игнать-казаки, своею собственною, отъ другихъ не принадлежащею върой, и чтобы никакая другая церковная власть въ ихъ дъла не мъшалась, импючи (такъ какъ имъють) они собственное свов соященство". * Эти последнія слова имели особенную важпость для Аркадія и всей его паствы: въ нихъ заключалось и признаніе верховною властію д'яйствительнаго, законнаго существованія у Некрасовцевъ ихъ собственного священства. и предоставление этому именно священству полнаго и безпрепятственнаго распоряженія перковными дізлами у Некрасовпевъ.

Полученіе фирмана было истиннымъ праздникомъ для Славckoй apxienuckoniu: старцы возносили молитву за добраго султана, благодарили и осыпали похвалами неутомимаго Осипа Семеновича, поздравляли другь друга съ получениемъ "монаршей милости". По случаю такого радостнаго событія предположено было устроить и нарочитое торжество: "нынъ,писалось въ извъстительномъ посланіи изъ Славской обители,-нынв въ нашихъ архипастырвхъ и во всвяъ отцвяъ и въ мірскихъ положено: въ память сей монаршей милости въ непродолжительномъ времени составить светлый праздникъ во всехъ нашихъ церквахъ и принести Всемогущему Господу Богу и Возбранной Воеводъ Пречистой Богородицъ благодарственныя молитвы и обще молить Господа Бога за кроткаго нашего царя; въчно благодаримъ и молимъ Бога о здравіи и спасеніи трудивтагося безмездно раба Христова Іосифа". Но прежде всего надлежало предъявить фирманъ

^{*} Фирманъ вполнъ напечатанъ въ приложеніять къ книгъ: Расколе kake opydie враждедебных Россіи партій, подъ № 3.

мъстнымъ гражданскимъ властямъ, такъ какъ въ немъ было сказано: повельваемъ всьмъ нашимъ каймаканамъ и начальникамъ, дабы нынвший нашъ фирманъ въ точности и върно исполненъ былъ". "Фирманъ объявили мы, говорится въ томъ же извъстительномъ послани. - тульчинскому каймакану, начальнику пяти городовъ, или увздовъ: овъ принялъ его съ великимъ благоговъніемъ и приказалъ завести въ журналъ кадіи, то-есть прокурора, отъ слова до слова, ради покровительства нашихъ всехъ единоверныхъ. Объявили и въ нашемъ городъ, называемомъ Бабадагъ, и также завели въ журналь. Объявляемъ и въ Мачинъ, ради покровительства Каменской церкви, священства и жителей ея. Затвиъ пожелали какъ можно скорве извъстить о своей радости и ближайшихъ по мъсту жительства старообрядцевъ; съ этою целію составлено было Аркадіемъ Лаврентьевскимъ отъ имени и по поручению архіепископа Аркадія извъстительное посланіе, въ которомъ повъствовалось какъ именно и чрезъ кого полученъ былъ фирманъ; * къ посланію приложена была и точная копія съ самого фирмана. И посланіе, и фирманъ просили, для общаго свъдънія, прочесть по церквамъ: "объявляемъ всемъ нашимъ единовернымъ православнымъ христіанамъ: благоугодно архіепископіи Славской чтобы прочитано было въ церквахъ каменской, и браиловской и всемъ христівномъ до города Яссъ, а изъ Яссъ чтобы въ наискорыйшее время доставили мануиловскимъ церквамъ, а изъ Мануиловки препроводили бы въ Бълокриницкую митрополію, и дабы вручили своеручно отпу нашему и владык высокопреосвященному митрополиту Кирилле и его наместнику владык в Онуфрію со всемъ священнымъ соборомъ и всей богоподвижной братіи, а напиаче трудившимся въ семъ дълв отцамъ Павлу и Алимпію. Къ Павлу и Алимпію въ посланіи сділано было особое, многозначительное обращеніе: "Трудъ вашъ, отцы святіи, принесъ намъ пользу не точію душевную, но и гражданскую. Нашъ добрый императоръ проникнуль угнетеніи наши оть севернаго поветрія, высочайше повельваеть всымь своимь начальникамь, чтобы покровительствовать насъ и дабы мы подъ его крыломъ отды-

^{*} Посланіе это было уже вполи'я напечатано въ той же knur's, на стр. 35—36.

хали, въру свою содержали, церкви и священство безпрепятственно имъли бы свое собственное, а не заимствовали бы отъ Россіи, какъ прежде!"

Такъ рады были въ Славской архіепископіи султанскому фирману, и радовались не напрасно. Полученіе фирмана было важнымъ событіемъ въ исторіи бълокривицкаго священства у турецкихъ раскольвиковъ: съ этого собственно времени его существованіе является совершенно прочнымъ и вполнъ обезпеченнымъ,—утвержденнымъ на законномъ основаніи и съ законно усвоенными ему правами; съ этого собственно времени и Аркадій съ Алимпіемъ получили полную, никъмъ и ничъмъ нестъсняемую свободу распоряженія по дъламъ церковнымъ, въ предълахъ! власти предоставленной имъ Бълокриницкою митрополіей, — свободу, которою они пользовались дъйствительно до самаго того времени какъ взяты были Русскими * и, по распоряженію правительства, отправлены въ Суздальскій Спасо-Евеиміевъ монастырь, гдъ Алимпій умеръ. Аркадій же находится и понынъ.

н. субботинъ.

^{*} О взатіи Аркадія и Алимпія см. въ книгь: Packors kaks opydie.... стр. 50—54.

ОДИНЪ ИЗЪ НАШИХЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ

Въ февральской книжкъ Русского Въстика помъстилъ в пъсколько замъчаній о тъхъ неблаговидныхъ уловкахъ къ которымъ прибъгаетъ Въстинк Европы въ вопросъ о классическомъ образованіи. Въ статью моей представлены были подробныя и обстоятельныя выписки изъ петербургскаго журнала, доказывавшія несомнівннымь образомь что онъ морочиль публику, приписывая разнымь отечественнымь и иностраннымъ ученымъ мяжнія о какихъ тъ никогда не помышаяли, и заставляя ихъ говорить совершенно противное тому что они говорили въ действительности. Доводы мои были до такой степени убъдительны, что я не могь, конечно, ожидать сколько-нибудь серіознаго возраженія на нихъ. Такъ и случилось: Въстникъ Европы благоразунно уклонился отъ спора, но за то излиль на меня цвлый потокъ ругательствъ, утверждая что обнаруживать его продваки значить "истреблять все честное въ молодомъ покольніц^и. Изъ этого я могь только заключить что мы ве совствить сходимся въ понятіямъ о чести, чему въ сущности я очень радъ; но полемическій пріємъ петербургскаго журнала отнюдь не удивиль меня, ибо это одинь изъ самыхъ любимыхъ его пріемовъ.

Въ то самое время, когда выставлены были мною на показъ подвиги *Въстичка Европы*, появилась біографія Т. Н. Грановскаго — одного изъ техъ справедливо уважаемыхъ писателей, авторитетомъ коихъ тщился прикрыть себя этотъ журналъ въ своихъ изступленныхъ нападкахъ на основании нашей учебной реформы. Какое, повидимому, благопріятное для него обстоятельство, еслибъ онъ сознавалъ себя сколь-ко-нибудь правымъ! Стоило бы ему лить обратиться къ упомянутой книгъ чтобы подтвердить свои увъренія что извъстный нашъ ученый дъйствительно колебался когда-нибудь между различными системами научнаго образованія. Но повторяемъ, Въстникъ Европы не могъ сдълать этого, не изобличивъ самого себя безжалостнымъ образомъ. Въ біографіи Грановскаго онъ встрътилъ бы, между прочимъ, слъдующее мъсто:

"Грановскій указываль, что не только непреходящая красота искусства классическаго міра, но и наука его сохраняють вычное значение для человычества. Мало наукъ, кототорыхъ начала не примыкають къ трудамъ греческихъ мыслителей и ученыхъ. Всв мъткія замъчанія высказанныя Грановскимъ указывали на необходимость для здравой педагогіи ставить на первомъ плана древнюю филологію какъ везамънимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія.... Онъ неръдко высказываль замечание что здравый смысль русскаго народа переходить у него въ недостатокъ, дълая его мало способнымъ къ увлечению и энтузіазму, что его поражаеть способность русскаго человъка къ отриданію. Понятно какъ такое воззрвніе усиливало въ немъ желаніе видеть въ своемъ отечествъ систему воспитанія которая развивала бы гармонически всъ способности учащагося, не принося ни одной изъ нихъ въ жертву другой, воспитанія, изъ котораго юноша выносилъ бы чистое понятіе о красотв и возвышенныя чувства нравственнаго долга и человъческаго достоинства...."

Или вотъ еще собственныя слова самого Т. Н. Грановскаго:

"Нельзя не замътить опаснаго заблужденія тъхъ защитвиковъ естествовъдънія, которые видять въ немъ вънець современной образованности и хотять дать ему первое мъсто въ воспитаніи, съ ръшительнымъ перевъсомъ надъ науками историческаго и филологическаго содержанія.... Но этотъ споръ имъетъ не одно теоретическое значеніе; опъ касается высшихъ вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Отъ его ръшенія зависить воспитаніе, и, слъдовательно, участь будущихъ покольній. Смъемъ думать что побъда оставется не на сторонъ такъ-называемыхъ реалистовъ..." Замътъте возвышенный, благородный тонъ которымъ говоритъ Грановскій о задачахъ педагогіи, и сраваите его съ гаерскимъ тономъ г. Стасюлевича, трактующаго о томъ же самомъ предметъ въ своемъ журналъ и объявившаго недавно что учитъ дътей древнимъ языкамъ значитъ "распарыватъ ротъ до ушей латинскими и греческими склоненіями": вы поймете тогда маленькую разницу между ученымъ въ настоящемъ значеніи этого слова и мнимымъ мудрецомъ который, къ стыду нашего общества, забрался было однажды на университетскую каеедру!

Приведенныя нами выписки (а мы могли бы привести ихъ, конечно, несравненно больше) показывають почему Въстникъ Европы, и въ ругательной статью своей противъ меня, и въ своемъ разборъ біографіи Грановскаго, не захотьль коспуться мивній бывшаго московскаго профессора о классическомъ образованіи. Упомянуть объ этихъ мижніяхъ значило бы и Грановскаго причислить къ разряду людей которые исполнены будто бы непонятной вражды къ юкому покольнію п изъ враждебнаго чувства хотятъ "распарывать ему ротъ до ушей": очевидно что г. Стасюлевичь не могь решиться на это, ибо въ настоящее время онъ считаеть выгоднымъ для себя не порицать, а восхвалять покойнаго ученаго. Нъсколько лътъ тому назадъ онъ не счелъ бы, конечно, нужнымъ церемониться съ его авторитетомъ. Извъстно что когда г. Стасюлевичъ пробивалъ еще себъ дорогу, то однимъ изъ первыхъ его дебютовъ была ожесточенная статья противъ диссертаціи Грановскаго объ аббать Суггеріи,—статья, въ которой этоть господинь, хотывшій сділать въ послідствій наши университеты увеселительными заведеніями для всехъ половъ и возрастовъ и такъ успъщно старающійся выяв опошлить самые серіозные вопросы въ своемъ журкаль, горько свтоваль на Грановскаго за то что тоть выразиль мивие о необходимости сделать науку занимательною для нашей публики. Подобная ересь сильно возмутила такого суроваго жреца науки какъ г. Стасюлевичъ! Мы не вспомнили бы. впрочемъ, объ этой статью, еслибы не савдующее куріозное обстоятельство: одинъ изъ учениковъ и друзей Т. Н. Грановскаго написаль на нее отвъть гдъ доказываль самымъ убъдительнымъ образомъ что уже тогда г. Стасюлевичемъ изобретень быль особый ему свойственный пріемь разбирать ученые труды.... "Что же это за произвольное искаженіе словъ автора, говориль онь, что за выпускъ целыхъ фразъ, которыми авторъ поясняеть мысль свою? Мы должны замьтить г. Стасюлевичу, что наука имъетъ также свое судилище и что это судилище награждаетъ подобныя критики своимъ справедливымъ осужденіемъ" (Отечественныя Записки 1850). Итакъ прекрасный обычай искажать чужія мнънія усвоенъ редакторомъ Въстинка Европы не со вчерашняго дня: еще въ то время, когда въ качествъ новичка онъ "робкими тагами" выступаль на литературное поприще, онъ успълъ уже сочинить для себя особый пріемъ, который безъ разбора прилагаетъ теперь къ Грановскому, Ренану, Маколею, Фоулеру и др.

Но, повторяю, а избавиль бы г. Стасюлевича отъ этихъ вепріятныхъ припоминаній и ничего не сказаль бы о безсодержательномъ и пустомъ отвътъ его журнала на мою замътку, еслибы не быль вызвань къ тому нъсколькими выходками въ іюньской книжкъ Впстиика Европы. Одинь изъ его сотрудниковъ, какой-то г. А., увъряетъ именно что въ замъткъ этой "помъщена грязь", и что кромъ того она содержить въчто въ родъ доноса. Вотъ упреки къ которымъ я не могу оставаться равнодушнымъ.

Что касается грязи, то пусть Въстиикъ Европы вникнеть только въ следующее: въ заметке, о которой идетъ речь, я ограничился темъ что съ буквальною точностью представиль искаженія которыя онъ наделаль въ сочиненіяхъ иностранныхъ и русскихъ ученыхъ говорившихъ о классицияме, и возстановилъ подлинные слова этихъ ученыхъ. Мое дело было сопоставить то и другое и сказать публике: смотрите и судите... Въстиикъ Европы называетъ этогрязью. Я также полагаю что дело не совсемъ чисто, но пусть же этотъ почтенный журналъ будетъ безпристрастенъ и сознается что грязь принадлежала не мять.

Теперь о доносахъ... Извъстно что вто самое любимое орудіе къ которому прибъгаетъ г. Стасюлевичъ противъ своихъ противниковъ. Если послушатъ его, то онъ исполненъ самыхъ лучшихъ и благихъ намъреній, но вынужденъ претерпъвать, именно за нихъ, невыносимыя гоненія отъ какойто мрачной партіи, которая клевещетъ, доноситъ на него и старается выставить его вреднымъ человъкомъ. И не одинъ только онъ испытываетъ это бъдствіе: подобную же участъ раздъляетъ съ нимъ большинство петербургскихъ журнать каки.

Digitized by Google

листовъ, недостаточно оцъненныхъ ненавистною Москвой. Изъ Москвы постоянно направлены покушенія опорочить невинность такихъ страдальцевъ за истину какъ гг. Стасюлевичи, Некрасовы, Скарятины, Юматовы.... Вотъ по поводу втой-то пъсни, усердно распъваемой Въстинкомъ Европы и другими подобными ему изданіями, мять хочется представить здъсь въсколько объясненій.

Напіональное и патріотическое ваправленіе, которое возникаеть съ 1863 года въ русскомъ обществъ и отражениемъ коего является журналистика (увы! далеко не во всехъ своихъ органахъ), вынуждено до сихъ поръ дъйствовать при весьма неблагопріятных условіяхъ. Главнейшее его затрудненіе состоить въ томъ что ему приходится имъть дело съ интригой которыя считаеть, конечно, существеннымь своимь интересомъ избътать всякой гласности и окружать себя непронипаемою тайной. Каждый разъ какъ выступала она наружу, достаточно было несколькихъ сильныхъ ударовъ чтобы нанести ей пораженіе. Такія событія какъ польскія возстанія 1830 или 1863 годовъ далеко не страшны сами по себъ: гораздо опаснъе и страшнъе явлевія предшествовавшія этимъ возстаніямъ и непосредственно следовавшія за ними, когда интрига прикрывалась маской благонамъренности и обнаруживала, по вившности, весьма дружелюбныя чувства относительно Россіи. Подъ втой личиной враждебныя намъ силы выиграли самыя лучшія свои побъды. Къ чему привели мятежи 1830 и 1863 годовъ? Ровно ни къ чему. А что достигвуто было въ тв періоды времени когла Польша и запалный край наслаждались, повидимому, образцовою тишиной и спокойствіемъ? Тутъ благопріятели наши успели втихоможу ополячить русское населеніе западныхъ губерній, успали возвести громадное количество шляхты въ дворянское сословіе, искусно возстановляли крестьянъ, съ помощью экзекупій, противъ русскаго правительства, препятствовали исполненію высочайтихъ повельній отпосительно облегченія участи крестьянского сословія въ царствъ Польскомъ, занимали едипомышленниками своими вліятельныя должности въ администраціи и совершили множество подвиговъ рыхъ было бы долго распространяться здесь, но которые одинаково свидътельствують о ихъ ловкости и искусствъ Мы упомянули лишь о Полякахъ. Что же касается Остзейскаго края, то ни разу не происходило тамъ ничего даже

похожаго на возстаніе, что не помівшало, однако, этому краю очутиться теперь въ несравненно боліве отчужденномъ положеніи отъ Россіи чівмъ быль онъ двадцать или тридцать лівть тому назадъ.

Люди глубоко проникнутые національными интересами поставили себъ задачей бороться именно съ втимъ скрытымъ, тайнымъ зломъ, которое разъедало нашъ государственный организмъ и причинило намъ столько бъдствій. Они осмъливаются думать что было бы слишкомъ близоруко выжидать пока эло обнаружится явными емутами и потрасеніми. Въ подобныя минуты выступаеть на первый планъ грубая сила, справедливое торжество коей окупается приой тажкихъ жертвъ и пролитія человъческой крови, къ которымъ никто, конечно, не въ состояни относиться равнодушно. Именно съ пълью избъжать этой печальной необходимости и сделать ненужными усмирительныя и карательныя мъры, должно зорко следить за интригой когда еще она разставляеть свои съти, и не допускать ничего такого что не согласно съ національными интересами страны. Единственно върное для того средство есть полная и безусловная гласность, и печать не можеть оказать лучшей услуги правительству и обществу какъ содъйствовать имъ въ разоблачении всего что имветь въ виду сбить нашу политику съ истиннаго пути и посвять въ умахъ вредныя педоразуменія.

Не трудно понять что подобный образъ действій должень возбуждать неистовое озлобление въ техъ ловкихъ мастерахъ дела, для которыхъ особенно важно что бы все оставалось, по пословиць, "тито и крыто." Какъ? до сихъ поръ они имели возможность работать въ тайне, а теперь самыя искусныя ухищренія ихъ выставляются наружу? Какъ? до сихъ поръ удавалось имъ приводить къ благополучному концу свои предпріятія прежде чемъ кто-вибудь успеваль спохватиться о ихъ замыслахъ, а теперь эти замыслы делаются тотчась же достояніемь всей публики? Стоить ли посль того удиваяться что вся ненависть враждебныхъ Россіи партій обращена противъ техъ нашихъ общественныхъ делтелей которые проникнуты патріотическимъ напра-ваеніемъ: онъ стараются опорочить ихъ намъренія, заподозрить ихъ прии, стараются, наконецъ, набросить трнь на личныя ихъ побуждения и свойства. Онв-то, между прочимъ, усердно клеймять своихъ противниковъ названиемъ

-доношиковъ".... Все это, повторяемъ, какъ нельзя боаве полятно и естественно съ ихъ стороны, но несравненно трудиве понять что между людьми русскими, которымъ долженствовали бы быть, повидимому, дороги русскіе интересы, встрвчается не мало такихъ которые охотно идуть на эту удочку. А между темъ факть этоть несомивнень. Чемъ же объяснить ero? объясняется опъ тымь, что въ обществъ нашемъ находится, къ сожальню, не мало элементовъ которые отчасти безсознательно, а отчасти съ дурными правии поллаются враждебной интригв. Несчастная, антинаціональная система воспитанія, господствовавшая у насъ столь долгое время, непривычка запиматься самыми близкими и дорогими намъ вопросами, всявдствіе ихъ безгласности и подпензурности, фальшивое популярничанье, поздающееся на всякую грубую лесть, неудовлетворенное самолюбіе, наконець корысть, вотъ та мутная вода въ которой ловкимъ людамъ весьма удобно ловить рыбу....

Теперь что касается г. Стасюлевича, то мы отнюдь не думаемъ чтобъ онъ питалъ самъ собою какіе-либо вредные и опасные замыслы. Было бы даже забавно предположить будто овъ проникнутъ какою-то непонятною враждой къ Россіи и русскому народу: что саблалъ ему русскій народъ, и какіе могуть быть у него съ нимъ счеты? Мы не въ состояни предположить чтобы г. Стасюлевичь, совершенно сознательно. рвшился двиствовать заодно съ людьми которые преслыдують враждебныя государству цели и намеренія; но чемь же объяснить въ такомъ случать ожесточение его противъ той части нашей печати которая, по мере силь и способностей, старается върно служить національному дълу? Отчего онъ такъ падокъ на злостныя обвиненія ея въ доносахъ и наушничествъ? Отчего такъ ревностно проповъдуетъ опъ въ своемъ журналь теоріи которыя не имьють ничего общаго съ дъйствительными интересами и потребностями натего общества? По крайнему убъждению нашему, загадка эта объясняется только следующимъ образомъ: Госполь Богъ не надълилъ г. Стасюлевича особенными способностями и талантами; всв литературные и ученые труды его носили на себъ отпечатокъ крайней посредственности и ограничивались весьма жидкими компиляціями; даже познанія его болве чвиъ сомнительны, какъ было доказано ему не разъ и весьма убъдительнымъ образомъ. А между темъ, кажется, самолюбіе

развито въ г. Стасюлевиче далеко не соразмерно со скромными дарами которыми одарило его небо, и безпрерывно побуждаеть его искать популярности и видной роли: отсюда что-то тревожное и лихорадочное во всей его дъятельности, отсюла кокетничанье его съ молодежью во время университетскихъ смуть 1861 года, отсюда печальная шаткость убъкденій, заставлявшая его отстацвать классическую систему образованія, когда заседаль онь въ ученомь комитеть министерства народнаго просвъщения, и издъваться самымъ вультарнымъ образомъ надъ этою системой теперь, когда онъ заискиваетъ расположенія нашихъ петербургскихъ прогрессистовъ извъстнаго сорта.... Понятно что такой дъятель — сущій кладъ для людей болье ловкихъ и изворотливыхъ чемъ онъ самъ: стоить только действовать на его тщеславіе, воспівать хвалы его мудрости, удивляться его либерализму, и онъ будеть съ чужаго голоса говорить что ему самому не пришло бы въ голову, не понимая хорошенько о чемъ и для чего онъ говоритъ. Очевидно что подобные моди не въ состояніи нести полной отвітственности за собственныя действія, и если грешать чемь-нибудь, то разве избыткомъ певинности.

Быть-можетъ, г. Стасилевичу покажется предположение мое черезчуръ неосновательнымъ и голословнымъ. Въ такомъ случав я представлю ему нъсколько доказательствъ.

Въ прошломъ году появилась книга г. Самарина о положеніи дель въ нашемъ балтійскомъ крав. Книга эта вышла за границей; она была допущена въ продажу съ больними ограниченіями, а потомъ и вовсе запрещена, и уже но этому самому совершенно отъ воли журналиста зависело говорить о ней или обойти ее молчаніемъ. Г. Стасюлевичь счель нужнымъ говорить. Открываю декабрьскую книжку Въстника Есропы за 1868 годъ где помещень отчеть объ упомянутомъ сочиненіи, и что же нахожу тамъ? Это не простое пориданіе, нътъ, это бъщеный вопль, какъ будто г. Стасюлевичъ былъ оскорбленъ въ самыхъ священныхъ своихъ правахъ, какъ будто необозримая пропасть разверзлась внезапно подъ его ногами. Не разбирая справедливы ли аргументы автора или пътъ, не касаясь нисколько основнаго содержанія книги, онъ видить въ ней доносъ, — постыдный и возмутительный доносъ.... По мивнію его, г. Самаринъ прибыть къ "полицейскому пріему заглядыванья въ душу", прієму "изобрітенному въ Москвів", и которымъ заразиласьде вся московская журналистика. "Эта система", читаємъ въ
Въстинкъ Европы, "повела бы къ террору, но она выведеть только самихъ авторовъ ея, въ конців концовъ, на
"свізкую воду. Надо надіяться такъ, полагаясь на здравый
"смыслъ русскаго народа который не позволитъ видіять себя
"на привязи и не послушаетъ ничьихъ угрозъ и ничьего под"стрекательства...." Что можетъ быть страшиве подобныхъ
обвиненій, но посмотримъ же въ какой мірть сознательно
дійствоваль г. Стасюлевичъ выступая съ ними противъ одного изъ уважаємыхъ литераторовъ.

Лоносъ!... Но доносить можно не иначе какъ на кого-нибудь. Предполагается всегда что имъются одно или въсколько липъ, которыя должны пострадать отъ доноса: по кто же эти лица въ настоящемъ случав? Развъ г. Самаривъ называлъ кого-нибудь по имени въ своей книгь? Развъ vkaзываль онъ именно на такихъ-то и такихъ-то общественныхъ дъятелей въ балтійскомъ крат, которые onnosunieй своею правительственнымъ распоряженіямъ и непріязнью къ русскому народу способствують нынв отчуждению его отъ Россіи? Раскрываемъ книгу г. Самарина, и видимъ, что въ двухъ или трехъ ея мъстахъ упоминается о г. Вальтеръ, но упоминается по поводу всемъ известной и давно уже забытой исторіи, въ которой самъ г. Вальтеръ решился публично высказать свои ученія; упоминается также о г. Боккъ, но г. Боккъ находится теперь подъ покровительствомъ прусскихъ законовъ, и никакія обличенія не могуть причинить ему ни малейшаго вреда. Г. Самаринъ тщательно избъгаетъ говорить о лицахъ, -- онъ указываетъ только на существованіе зла,—зла, которое возникло не въ самое посаванее время, а создано годами, даже цвлыми десятками леть. подъ вліяніемъ всего строя общественной жизни въ балтійскомъ краф. Предположимъ же теперь что правительство двиствительно истолковало бы слова г. Самарина въ смыслв доноса, и вознамърилось бы прибъгнуть къ системъ террора", которая заставляеть трепетать г. Стасюлевича отъ негодованія и страха: противъ кого же обратилось бы оно съ этою системой? Не огуломъ ли противъ всехъ Немпевъ обитающихъ въ остзейскихъ губерніяхъ? Не это ли испугалоредактора Въстника Европы? Я не имъю чести знать его лично: по писаніямъ и действіямъ его я составиль о немъ

понятіе какъ о человъкъ весьма наивномъ, но не дерзаю однако думать чтобы наивность его простиралась до такой степени. Не смъю предположить чтобы воображеніе г. Стасюлевича было бользненно потрясено картиной всъхъ балтійскихъ Нъщевъ, потрясающихъ цъпями и издающихъ жалостные вопли изъ глубины казематовъ. Пусть онъ успокоится за нихъ....

Изобретенный въ Москве полицейскій пріемъ заглялыванья въ душу!... Но неужели однако утверждать что намецкое общество прибалтійскаго края усиливается сохранить для себя учрежденія отдівльныя от государственных учрежденій остальной имперіи, что русскій языкъ не допускается тамъ ни въ судахъ, ни въ администраціи, ни даже въ школахъ содержимыхъ на казенныя деньги, что на тамошнихъ крестьянь не распространены благод вянія реформы 19-го февраля 1861 года, что православная церковь находится тамъ въ приниженномъ положени и т. п., — неужели утверждать все это значить полицейскимь образомь заглядывать въ дуту?.. Въдь все это факты общеизвъстные и несомнънные. въ которыхъ можетъ убъдиться всякій свернувъ изъ Динабурга по дорогв въ Ригу. Для чего же тутъ заглядывать въ душу, и о какомъ заглядываніи идеть туть рычь? Или, бытьможеть, г. Стасюлевичь негодуеть на московкую печать зачемъ она не восхищается явленіями о которыхъ упомянули мы сейчась, зачемь видить она въ нихъ зло, а не высmee благо для Россіи; но что же дълать если таковъ ел взглядъ, —взглядъ высказываемый ею вполяв искренко, откровенно и на основаніи доказательствъ?

По поводу заглядыванія въ душу мы можемъ указать г. Стасюлевичу на одинъ весьма краснорычивый факть, совершившійся на дняхъ. Профессоръ Дерптскаго университета, г. Ширренъ, издалъ за границей брошюру съ подробнымъ изложеніемъ profession de foi пымецкой партіи въ балтійскомъ крав. Въ брошюры втой говорится что основныя черты въ характеры русскаго народа — распущенность и безпечность, что русскій народъ охотно мирится съ самымъ грубымъ варварствомъ, что онъ не въ состояніи прочивнести ничего прочнаго и долговычнаго, что такимъ былъ онъ всегда и что пытъ даже отдаленныхъ признаковъ (nicht das entfernteste Anzeichen), по которымъ можно было бы предположить объ измъненіи его коренныхъ свойствъ къ дучшему

что народъ этотъ не имветъ ни прошедшаго, ни будущаro (kennt keine Vergangenheit und hat keine Zukunft). uro въ политической и общественной своей жизни онъ постоянво руководился лишь грубыми инстинктами и ни разу не постигалъ яснаго сознанія своихъ цалей и намереній, что овъ исполненъ тупой ненависти ко всякому истинному превосходству и величію, что Русскіе могуть быть терпимы въ балтійскомъ краф лишь какъ пришельцы и иноземцы, что настоящее отечество остзейскихъ Намцевъ не въ Россіи, а на западъ, что къ западу тянутъ они всъми своими симпатіями и стремленіями. Г. Ширренъ читаль въ Дерптскомъ университеть русскую исторію, и можно себъ представить какъ сочувственно относился онъ къ прошлымъ судьбамъ русской націи, какія понятія и убъжденія старался онъ вичшать своимъ слушателямъ! Представимъ же теперь что кому-нибудь (не принадлежащему, конечно, къ рядамъ нъмецкой интеллигенціи) пришлось бы выслушать одну изъ подобныхъ лекий: быль бы онъ справедливъ или нътъ, еслибы закипъло въ немъ негодование въ виду всъхъ этихъ любезностей, расточаемыхъ съ каеедры русскому народу, любезпостей, за которыя г. Ширренъ, какъ акуратный Нъмепъ. никогда не пропускалъ, конечно, срока получать казенное жалованье? И что еслибъ онъ далъ публично высказаться этому негодованію? Было ли бы это "полицейскимъ заглядываніемъ въ душу" или неть? Пусть г. Стасюлевичъ ответить на нашь вопрось, и пусть не забываеть окъ, что въ теченіе тести літь московская печать, столь падкая, по его словамъ, на полицейские приемы, ни разу, къ сожалвнию, не упомянула о характер'в профессорской двятельности г. Ширрена.

Не ясно ли послѣ всего втого что когда г. Стасюлевичъ позоритъ названіемъ донощиковъ всѣхъ кто берется обличать происки нѣмецкой партіи въ балтійскомъ краѣ, то по самому спосному и енисходительному для него объясненію, онъ говоритъ въ чужаго голоса не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ? Я понимаю, напримѣръ, что люди въ родѣ г. Ширрена прибѣгаютъ къ подобнымъ навѣтамъ: это какъ нельзя болѣе въ ихъ интересѣ; нечего удивляться что они не разбираютъ средствъ для ващиты своего темнаго дѣла. Но къ какой стати г. Стасюлевичъ такъ усердно тянетъ съ ними одну ноту?

Если редакторъ Въстника Европы найдетъ приведенный

мною примъръ недостаточно доказательнымъ, то я представлю ему другой, еще болье убъдительнаго свойства.

Въ 1867 году г. Кельсіевъ, глубоко разочарованный своею печальною двятельностью за границей, вознамврился разорвать всякую связь со своимъ прошедшимъ и возвратиться въ отечество. Не было ни мальитаго основанія предполагать чтобъ этотъ переворотъ въ немъ не быль искрененъ. а потому лучшіе люди нашего общества отнеслись сочувственно къ его честной ръшимости и къ великодушнымъ дъйствіямъ правительства, которое не захотьло чтобъ онъ пострадаль за прежнія отноки. Г. Кельсієвь взялся за перо. Ему показалось не лишнимъ познакомить публику со всемъ чемъ обогатиль его опыть въ теченіе прежней скитальческой жизни; но съ перваго же вступленія его на литературное поприще изкоторые изъ органовъ нашей печати отнеслись къ нему съ крайнимъ озлобленіемъ, и особенно сильныя нападки пришлось ему вынести отъ Въстника Есропы. Грушнинкій. престидигитаторъ, рыболовъ, искатель приключеній, и Богь знаетъ сколько еще любезныхъ названій, свидітельствующихъ одинаково объ врости г. Стасюлевича и о его благовоспитанности, посыпалось тотчасъ же на голову г. Кельсіева.

Чему приписать подобныя выходки? Говорили (не подкръпляя, однако, слова свои доказательствами) что г. Кельсіевъ дъйствуетъ неискренно, что онъ рисуется предъ публикой, что въ произведенияхъ своихъ окъ толкуеть безпрерывно о самомъ себъ, упрекали его что на заглавномъ листкъ своей книги или въ объявлении о ней (не помнимъ корошенько) онъ назвался "бывшимъ эмигрантомъ", будто бы желая возбудить интересъ покупателей и т. п. Но если личность г. Кельсіева и выступаеть на первый планъ во всемъ что писаль опъ по возвращении своемъ въ Россію, то развъ это не понятно со стороны человъка говорившаго именно о личныхъ своихъ впечатленіяхъ, о происшествіяхъ въ которыхъ онъ самъ принималъ непосредственное участіе. Пусть укажуть намъ на какіе бы то ни было вообще мемуары, авторы коихъ, повъствуя о лицахъ и событияхъ своего времени, не отводили бы себъ болъе или менъе обширнаго мъста. Допустимъ что г. Стасюлевичъ, съ своей точки зрънія, имът какое-нибудь право быть строго придирчивымъ къ г. Кельсіеву. Сдвавемъ даже еще одну уступку: предположимъ что у редактора Въстника Европы были достаточныя причины

заполозрить искренность г. Кельсіева, хотя онъ и не счель нужнымъ объяснить публикъ что послужило ему основаниемъ дая подобныхъ подозрвній. Мы еще могли бы объяснить себъ въ такомъ случав, его образъ дъйствій, — но нъть, разараженіе г. Стасюдевича было вызвано совершенно другимъ обстоятельствомъ. Почти прямо и безъ обиняковъ обвивлеть опъ г. Кельсіева въ доносахъ, въ томъ, что г. Кельсіевъ присоединился къ какимъ-то писателямъ которые избрали булто бы своею задачей порочить невинность, клеветать на самыя благія наміренія. подслуживаться кому слівачеть наушничествомъ и постыдными навътами. "Чъмъ болъе стараются они (то-есть уже правя компанія, а не одинъ г. Кельсіевъ) прикрываться патріотизмомя, даже либерализмомъ и наилучшими побужденіями, - эти презрънные спекудянты гноя,--тымъ отвратительные они. A масса отъ нихъ не отворачивается: она еще не доразвилась до того чтобы самые пріемы ихъ внушали ей омерзеніе и вызывали съ ея стороны убійственное для такихъ спекулянтовъ отчужаеніе отъ всего что бы они ни производили (Въсти. Евр. іюнь 1868 г.). Итакъ Въстнико Европы высказался: вотъ въ чемъ главная вина г. Кельсіева.

Я показаль сейчась до какой степени безсмысленны подобные же упреки обращенные противъ автора Окраинъ Россіи; по предположимъ что при невъроятныхъ, совершенно пеестественных в натяжкахъ, г. Стасюлевичъ нашелъ бы тутъ ередство вывернуться какъ-пибудь. Онъ можетъ сказать что, правда, г. Самаринъ не называлъ никого по имени, но указываль на целую партию действующую въ духе враждебпомъ государственнымъ интересамъ Россіи, хотя всякій пойметъ что вездъ гдъ только живутъ не идіоты и не суматедтіе, считается гражданскимъ долгомъ каждаго противиться стремленіямъ враждебнымъ своей странв. Онъ можеть сказать что упоминая очень часто въ своей knurb o r. Боккь. г. Самаринъ не имълъ права предположить что нъмецкое общество прибалтійскаго края разделяеть теоріи г. Бокка, котя дело идеть вовсе не о теоріяхь, а о положительныхь фактахъ, о приомъ порядки вещей возникшемъ въ этомъ край. Кто же создаль его? Не одинь же, конечно, г. Боккъ. Вотъ еслибы г. Самаринъ началъ приписывать всв печальныя явленія въ Остзейскихъ провинціяхъ исключительно г. Бокку, на томъ только основаніи что г. Боккъ усерано восхваляеть

ихъ, то это было бы действительно странно; но нетъ ретительно ничего страннаго въ предположении что прибалтійскіе порядки возникли, развились и окрыпли при усиліяхъ не одного лица, а пълой корпораціи или партіи, вполнъ сочувствующей имъ. Лопустимъ, впрочемъ что подобные аргументы, весьма убъдительные для здраваго смысла, не имъютъ викакого въса въ глазахъ г. Стасюлевича. Но пустъ же онъ объяснить намъ теперь, какимъ образомъ г. Кельсіевъ попаль въ разрядъ донощиковъ? Въдь онъ говорилъ лишь о лицахъ съ которыми свела его судьба за границей, и которыя никогда не были русскими подданными? Въ книге его, возбудившей столь пеломудренное негодовапіе Впотника Европы, шла різчь исключительно о галицкихъ Полякахъ или о польскихъ выходнахъ населяющихъ турецкія области, которымъ русское правительство, еслибы даже оно и пожеляло того, не было бы въ состояни причинить ни мальишихъ непріятностей. Кому же доносиль на нихъ г. Кельсіевъ? Авли-пашть или графу Бейсту? Г. Кельсіева не было въ Россіи когда происходило польское возстаніе 1863 года, а потому онъ и не касался его, а говориль дишь о техъ деятеляхъ этого возстанія (какъ напримеръ объ Абихтв) которыхъ онъ зналъ въ рядахъ эмиграціи и которые давно уже поплатились жизнью за свое преступленіе; следовательно вреда отъ него они не могли уже потерпъть. Гдъ же туть допосъ? Откуда же это ожесточение противъ человъка явившагося изобразить происки заграничной революціонной партіи, которая, впрочемъ, сама отнюдь не скрываеть ни враждебныхъ памъреній, ни дъйствій своихъ противъ Россіи? Повторяемъ еще разъ: пусть Въстиикъ Европы обвиняеть г. Кельсіева въ чемъ угодно, но мы касаемся тутъ только самого главнаго возведеннаго на него нареканія, то-есть поползновенія къ допосу. На кого же довосиль онь?....

Надвемся что г. Стасюлевичъ понялъ теперь въ какомъ очутился онъ нелвпомъ положени! По крайней мърв для публики совершенно ясно что всв вти толки о доносахъ имъютъ цълью только помъшать разоблачению интриги, которая прежде всего требуетъ для себя мрака, скрытпости и негласности. Вотъ чего хочется ловкимъ людямъ!
Для этого-то съ такимъ азартомъ готовы они клеветатъ на всякаго кому дороги интересы своего народа, и для

втого сочинены ими особые пріемы которыми стараются они сбить съ толку общественное мивне. Посмотрите. какое трогательное согласіе господствуеть между накоторыми органами нашей печати, не имъющими, повидимому, ничего общаго между собою, какъ скоро заходить рачь о вопросахъ напіональной политики: Въсть, вивств съ заграничными польскими и намецкими газетами, начинаеть кричать о демагогіи. Въстника Европы вопить о доносахь, С.-Петербургскія Видомости притворяются что они не въ состояніи понять какъ еще не надоваи до сихъ поръ толки о польскихъ интригахъ.... И все это лишь бы только замять дело! Г. Стасюлевичъ выразиль даже, какъ мы видели выше, гаубокое сожальніе что публика наша еще не доразвилась до того чтобъ оставаться безучастною и глухою къ своимъ напіональнымъ интересамъ. Отчего же не доразвилась? Напротивъ этотъ періодъ развитія господствоваль у насъ очень долго: было время когда русская печать отличалась образцовымъ молчаніемъ, и когда никто не мъшалъ извъстнымъ партіямъ обделывать въ тихомолку свои дела. Какъ не жальть имъ теперь объ этомъ счастливомъ времени!

Воть все что хотвлось мив сказать г. Стасюлевичу по поводу особаго свойства полемическихъ пріемовъ къ которымъ такъ часто прибъгаетъ онъ въ своемъ журналъ, Отъ него самого зависить теперь объяснить намъ свою роль. Если опъ действуетъ сознательно, если опъ не еснъ только послушное орудіе въ чужихъ рукахъ, то не трудно ему понять какъ всь честные люди должны разумьть его подвиги: если же во всемъ виноваты только его легкомысліе и простота, то не следуетъ терять надежды что у него самого откроются наконецъ глаза на недостойную шгру, которую заставляють его разыгрывать предъ публикой. Пусть г. Стасюдевичь отдасть мив справедливость въ томъ отношени что я стою на сторонъ послъдняго предположения, то-есть на сторонъ circonstances atténuantes. Я не столько поридаю сколько сожалью о немъ; мнъ все еще хочется объяснить его поступки неумъньемъ и неспособностью отдавать себъ ясный въ нихъ отчетъ....

Ощибаюсь я или нътъ? Какъ отвъчать на этотъ вопросъ? Кто въ состояніи проникнуть въ тайну побужденій водащихъ нашими петербургскими консервативами и прогрессистами извъстнаго разряда? Удивительныя вещи соверша-

ются въ этой средъ! Нъсколько мъсяцевъ тому назадъ появилась въ Петербургь книжица, на которую обращено было несравненно менве вниманія нежели она заслуживаетъ того по всей справедливости, а именно: Матеріалы для карактеристики современной русской литературы, соч. гг. Антоновича и Жуковскаго. Заглавіе не совсемъ верно: вместо рисской, следовало бы поставить петербургской литературы, и тогда дело было бы несравненно ближе къ истине. Авторы этого произведения принадлежать къ числу техъ прогрессистовъ, которые стремятся какъ бы обойти прогрессъ. и вождемъ своимъ на этомъ пути избрали извъстнаго друга народа Н. А. Некрасова. Чрезъ нъсколько времени, утомившись попусту толочь воду, рашились они заняться практическимъ осуществлениемъ своихъ теорій и пришли къ убъжденію что журналь г. Некрасова можеть послужить самымъ удобнымъ орудіемъ для этого эксперимента. Но другь народа думалъ иначе. Онъ никакъ не допускалъ мысли чтобъ учение о равномърномъ распредълении богатствъ могло быть примънено къ денежнымъ разчетамъ съ его сотрудниками и увидалъ въ поползновении такого рода нечто въ роде бунта. Это печальное обстоятельство впервые побудило гг. Антоновича и Жуковскаго усомниться въ искренности своего патрона. Многое, что прежде казалось имъ загалочнымъ и неяснымъ, получало теперь определенный смыслъ: такъ, напримъръ, "мы не могли не замътить (говорятъ они, обращаясь къ г. Некрасову), что вы вращаетесь "постоянно въ двухъ полярно-противоположныхъ сферахъ, "то-есть въ нашей и другой, такъ-называемой высшей, котопрая была не только противоположна, но еще и враждебна "нашей, и находитесь съ нею даже въ амикальныхъ отноше-"ніяхъ, будучи въ дружбъ съ нами. Приходя къ вамъ въ ре-"дакціонную комнату, мы иногда на столь, среди кипы либе-"ральныхъ и задирательныхъ статей, встрвчали визитныя карточки съ именами такихъ особъ что статьи въ ужасв задро-"жали бы и спрятали бы имена своихъ авторовъ, еслибы могли "знать въ какомъ сосъдствъ опъ лежать. Мы просто думали "что это дело вашего личнаго вкуса, вследствие естественнато желанія имъть разнообразныя разглеченія которыми ужь "черезчуръ была бъдна наша сфера. Но потомъ мы, съ "свосю проницательностью, еще лучше объяснили дело: мы "рвшили что вы витаете въ выстей сферв неохотно, по

"необходимости, чтобы хорошенько изучить ее и потожь бичепвать въ сатирахъ, что вы собираете въ ней оригиналы для псвоих поэтических каррикатург. Эта наша геніальная догадка подтверждалась тымъ что вы дыйствительно читывали "намъ сатиры на эту сферу, хотя и воздерживались отъ пе-"чатанія ихъ. Такое повтическое самоотверженіе, насильно гнавшее васъ въ сферу столь несоотвътствующую вашинъ поэтическимъ идеаламъ и столь несимпатичную вашей музъ. лсъ любовью воспевавшей меньшую братію, мужиковъ, деревенскихъ русскихъ людей, еще болье возвышало васт вт на-"ших глазак»... Что вы скажете объ этомъ признавіи? И послѣ этого еще говорять что наивность играеть малую родь во всехъ нелепостяхъ которыя происходили и происходять предъ нашими глазами! Въроятно гг. Антоновичъ и Жуковскій еще долго удивлялись бы гражданскимъ доблестямъ г. Некрасова, еслибъ одинъ, какъ выражаются они, "крупный фактъ" окончательно не сбилъ ихъ съ толку. "Вопреки всемъ "нашимъ геніальнымъ соображеніямъ и проницательнымъ до-"гадкамъ, оказалось что вы витаете въ высшей сферв вовсе "не для сатиры и каррикатуры, а для совершенно противо-"положныхъ цълей.... Оказалось что вы прикидываетесь ка-"занскимъ сиротою, который насчеть либерализма ничего "знать не знаеть и въдать не въдаеть, который не повинень лни душою, ни теломъ въ прегрешенияхъ либеральнаго жур-"пала, представляете дело такъ какъ будто весь либерализиъ "проистекаетъ отъ вашихъ сотрудниковъ, которые такъ лов-"ки и изворотливы что умъють замаскировать и скрыть свои "либеральныя аитературныя затви и проказы отъ самыхъ "зоркихъ глазъ, что вы не можете справиться съ ними, что "напротивъ они васъ держатъ въ рукахъ и пр. Неизвъст-"но какъ при этомъ объяснялось существование вашихъ "либерально-забористыхъ стихотвореній; въроятно ихъ то-"же писали ваши сотрудники и насильно заставляли васъ подписываться подъ ними. Какъ бы то ни было, но толь-"ко у высокопоставленныхъ лицъ, имъвшихъ въ своемъ лвъдъніи литературу, сложилось такое убъжденіе: Некрасовъ "благонамъреннъйшій и надежнъйшій литераторъ; все зло пролисходить отъ его генеральнаго штаба, который, пользуясь "невнимательностью или оплошностью своего патрона, распроистраняеть непохвальный крайній либерализмъ; впрочемъ "Некрасовъ все-таки обуздываеть и сдерживаеть своихъ

"сотрудниковъ, и потому они въ его уздъ еще могутъ быть "терпимы, а безъ этого, предоставленные самимъ себъ, они... "и т. д. Вотъ оно какъ дъло повернулосы! Сказанное здъсь не "выдумка, не предположение и догадка, не слухъ или сплетня, "а фактъ, —фактъ дъйствительный, неопровержимый, непре-"ложный, котораго и вы не станете отрицать..."

Испов'ядь, изъ которой мы привели эти строки, не позвометъ сомивваться въ своей искренности уже потому что она касается не личностей только, но самого направленія которому авторы ея служили съ необычайнымъ рвеніемъ. Вотъ что говорять они о такъ-называемомъ "радикализмъ", который однажды, ни къ селу, ни къ городу, началъ проникать въ нашу литературу.

"Каждый изъ нихъ (то-есть изъ доморощенныхъ филосо-"фовъ и литераторовъ), какъ истый снигирь, подхватиль се-"6в какую-нибудь нотку и пошель на всю жизнь развивать "ее по-своему на всв лады. Пока въ моде было только обли-"чать и нести наружу всякій соръ, всякій несъ соръ. Когда двло дошло до болве философических вещей, каждый счи-"талъ нужнымъ выдумать какую-нибудь сверхъестественную "собственную философію. Но такъ какъ все желавшее твоприть не могло умъститься въ литературъ, то явился сонмъ "литераторовъ разносившихъ свои и чужія мысли по своимъ внакомымъ, комментируя ихъ при этомъ, конечно, какъ слъ-"дуеть. Благодаря всему этому стали выходить неожиданные ростки, слагаться философскія тенденціи, переступавшія предвам всякой строгости и даже всякаго смысла. Пошли "въ кодъ сентенціи въ родъ того что заниматься искусствомъ подао, кончившіяся чуть ли не твить что подло трудиться. "Весь этотъ возмутительный и капитальный вздоръ, без-"правственный вздоръ, могъ приводить только въ озлобление людей со смысломъ. Хуже всего было то что эти самые из-"мыслители подобныхъ нравственныхъ пошлостей, при пер-"вомъ допросв о томъ откуда они занялись такимъ вздоромъ, "трусили, отрекались, валили все съ своей больной головы на "здоровую. Спрашивается, какое чувство было здесь торже-"ствующимъ, какое чувство руководило всемъ этимъ пропессомъ и мъшало либерализмъ съ возмущающею пошлостью? "Что кромъ лицемърія и раболъпства предъ модой минуты "могло объяснить такое явленіе? Только не зная какъ и куда идти, болсь постоянно оступиться, показаться нелибе"ральнымъ, нашъ либералъ могъ попадать въ тв непроходи-"мыя дебри, въ которыхъ мы могли его наблюдать...."

Трудно было бы метче и вервее охарактеризовать то фальтивое и гадкое движение которое обуяло одно время нату журналистику и получило особенно сильное развитие въ самомъ началь шестидесятых годовы! Гг. Антоновичь и Жуковскій ловко схватили всв забавныя его стороны, не пощадивъ при этомъ даже самихъ себя; такъ напримъръ, въ одномъ мъсть своей книжицы, они весьма зло трунять надъ расплодившимися теперь переводами книгь естественнаго содержанія. надъ людьми "которые перепортили въ русскомъ переводъ много превосходныхъ иностранныхъ сочиненій и такимъ образомъ перепорченными изданіями загородили путь неиспорченнымъ". Если вспомнимъ что и самъ г. Антоновичъ не мало въ этомъ упражиллся (въ Русскомъ Въстникъ было весьма убъдительно доказано какія свъдънія обнаружиль онь, взявшись перелагать на отечественный языкъ одно авглійское сочиненіе), то всякій оцівнить, конечно, замічательное мужество, съ которымъ опъ отважился нывъ на подобное признаніе. Но діло не въ томъ. Въ настоящее время г. Антоновичъ, трудящійся въ весьма жалкомъ изданьиць, подъ названиемъ Космосъ, опечаленъ по-прежнему различными недоумъніями и сомнъніями, хотя предметь ихъ уже измънился: онъ успъль кое-какъ разгадать г. Некрасова, но вотъ предъ нимъ является новый сфинксъ въ лицъ г. Стасюлевича. Лъло въ томъ что въ Въстичкъ Европы появились воспоминанія о Бълинскомъ И. С. Тургонева, и въ этихъ воспоминаніяхъ нашъ знаменитый романисть поместиль несколько весьма справедливыхъ, но ве совствить лестных замечаній о техт людяхь за которыми съ легкой его руки сохранилось прозвище нигилистовъ. Это обстоятельство повергло г. Антоновича въ грустное раздумье. Въстника Европы, такъ разсуждаетъ опъ, обнаруживаетъ наклонность къ либерализму развившемуся у насъ въ начаав шестидесятыхъ годовъ; въ числе ближайшихъ сотрудниковъ его находится г. Пыпинъ который процевталь некогда въ Современникъ, понъ печатаетъ у себя статъи съ эпиграфами изъ Добролюбова, а не изъ Отцовъ и дотей"; онъ поклоняется кумирамъ предъ которыми еще такъ недавно благоговъли у пасъ юныя и неопытныя головы: чемъ же объяснить что на ряду со всемъ этимъ Въстникъ Европы

выступаетъ съ отзывайи далеко невыгодными для жрецовъ отживнаго культа? Тдв искать разръшенія столь мудреной загадки? Неужди бъдному г. Антоновичу придется снова вспомнить о г. Некрасовъ?...

Вотъ видите ли, г. Стасюжевичъ, сколько перазрешимыхъ вопросовъ возбуждаетъ ваша дъятельность! Не лучше ли же покаяться сразу, если не для насъ, то хоть ради успокоенія гг. Антоновича и Жуковскаго, и сказать имъ: "Друзья мои. я самъ не знаю чего хочу, куда иду и чего добиваюсь. Вся бъда въ томъ что, по остроумному вашему выражению, я — какъ истый снигирь — привыкъ пъть съ чужаго голоса и никогда не полагался слиткомъ на собственный разумъ. Я былъ профессоромъ исторіи, горячо защищалъ одно время классинизмъ и варугъ савлался теперь его противникомъ: я не прочь пощеголять крайнимъ либерализмомъ, и въ то же время, для сохраненія приличія, готовъ потрунить надънимъ: мяв хотвлось бы сохранить репутацію патріота, а вмівств съ тамъ я не пропускаю случая предавать поруганию всякаго кому дороги напіональные интересы. Пожальйте обо мив. но не берите съ меня примъра... Можемъ увърить г. Стасюдевича что подобная исповать будеть разумиве и поучительные всего что опъ до сихъ поръ проповыдываль въ своемъ журналь....

P.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЪТКА

Екатерина Первая, соч. В. В. Андреева (Осымнадиатый Выкь, km. III.).

Издатель Русского Архива, г. Бартеневъ, началъ издавать съ прошедшаго года историческій сборникъ подъ названіемъ Осьмнадиатый Впкг. въ которомъ кромъ сыраго исторического матеріала печатаются и изследованія. Мысаь давать место изследованіямь рядомь съ историческими матеріалами заслуживаеть полнаго одобренія. Вкусь къ чтенію сыраго историческаго матеріала, зам'ятно распространившійся въ русской публика въ посладнее время, есть явленіе доказывающее, конечно, пріобритенную уже трудности побъждать necospemennaro, unorда и довольно неудобопонятнаго языка, желавіе комиться съ подробностями минувшихъ эпохъ и сознаніе важности прямыхъ, непосредственныхъ извъстій; но подобное чтеніе представляєть и ніжоторыя неудобства. Читая какой-пибудь отзывъ или извъстіе современника, положимъ, Петра или Екатерины, отнюдь не следуетъ считать его непреложною истиной. Извъстія и отзывы людей прошедшаго въка о современныхъ имъ дълахъ также разноръчивы какъ нынъшніе толки о событіяхъ и людяхъ настоящаго времени; а такъ какъ невозможно чтобы всякій быль въ состояніи произвести критическую оприку предлагаемыхъ ему мемуаровъ или писемъ минувшихъ эпохъ, то намъ нередко случалось слышать очень странныя мифнія, хотя и основанныя на первоначальных источникахъ. Штелинъ, напримъръ,

составиль свои анекдоты о Петръ Великомъ по разказамъ близкихъ къ Петру людей, его сотрудниковъ; однако тотъ кто сталъ бы руководствоваться Штелиномъ впалъ бы въ грубыя и смъшныя ошибки. Повтому особенно важны изслъдованія и вообще литературно-историческія статьи, гдъ равсматриваются многіе матеріалы, сопоставляются между собою, подвергаются критической оцънкъ, и гдъ слъдовательно люди и событія описываются съ наибольшею правдоподобностію. Объ одномъ изъ такихъ изслъдованій, именно объ изслъдованіи г. Васильчикова о графахъ Разумовскихъ, помъщенномъ въ сборникъ г. Бартенева, мы заявляли недавно со всъмъ сочувствіемъ котораго оно заслуживаетъ.

Но прежде всехъ другихъ качествъ требуемыхъ отъ полобныхъ статей, надобно чтобъ онв были основаны на серіозныхъ, правдивыхъ, авторитетныхъ свидетельствахъ. Въ противномъ случав онв будуть только усиливать неправильвыя понятія сообщаемыя недостовърными свидътельствами. Леть пятнадцать тому назадь за границей были напечатаны мемуары пакоего Вильбув, подлинность которыхъ тогда же подвергнута было сомнинію. Почему впрочемъ не прочесть ихъ, почему не сообщить ихъ въ переводъ русской публикъ, и почему не принять ихъ къ свъдънію, говоря о временахъ Петра и Екатерины I; по положить эти мемуары въ основание статьи о Петръ Великомъ или Екатеринъ, руководствоваться ими преимущественно предъ другими, несомнънными и неогровержимыми матеріалами, значить обнаружить пеумъніе приняться за діло или желаніе щегольнуть оригинальностію въ ущербъ истинъ. А такова именно статья, заглавіе которой выше выписано и которая, къ удивленію, нашла мъсто въ сборникъ г. Бартенева, даже на первомъ мъсть этого сборника. Видьбуа не есть лицо вымышленное, онъ действительно находился въ русской службъ при Петръ I: но чтобъ именно имъ были написаны записки изданныя подъ его именемъ въ 1853 году, это сомительно; да еслибъ и точно опъ былъ ихъ авторомъ, достовърность ихъ ни мало отъ того не выиграла бы. Кастера писаль о Екатеринь II какь очевидець, и пользовался разказами о ней отъ людей лично ее знавшихъ, точно такъ же какъ Штелинъ о Петръ, но тъмъ не менъе ни одинъ серіозный писатель не дасть имъ безусловной въры. Другой писатель изъ числа техъ которыми г. Андреевъ руководствуется

есть Мотлей, напечатавшій въ 1749 году довольно пложую исторію Петра, давно забытую и имѣющую характеръ компиляціи. Кром'в этихъ двухъ писателей г. Андреевъ выставиль подъ своею статьей еще нѣсколько иностранныхъ именъ бол'ве или менфе уважительныхъ, по не удостоилъ поименовать ни Устрялова, ни Соловьева, которые, какъ извѣстно, черпали свои свѣдѣнія въ русскихъ государственныхъ, а первый изъ пихъ и въ нѣкоторыхъ заграничныхъ архивахъ. Изъ Русскихъ одинъ покойный Арсеньевъ удостоился его довѣрія!

За то статья его напоминаеть тв шаловливыя историческія упражненія которыя наполняли наши журналы авть 12—15 тому назадъ и которыя составляють совершенный анахронизмъ въ настоящее время. Екатерина, которая одною рукой поднимала кочерту, держа ее за конецъ, падаетъ у г. Андреева въ обморокъ, неожиданно увидъвъ брата; Петръ удивлялся будто бы способности Екатерины быть императриней, и эта же Екатерина, въ своемъ дворцъ и будучи женой русскаго цара, осведомляется будто бы у шведскаго генерала Шлиппенбаха о здоровьи свосто перваго мужа, драгуна Іогана, и съ тактомъ, которому удиванется г. Андресвъ, замвчаетъ: "не правда ач что мой Іоганъ быль бравый малый? .... Подобныя песообразпости возможны только со стороны автора который гоняется исключительно за пикантностію и черпаеть безразлично изъ источниковъ достовърныхъ и недостовърныхъ, пользуется безъ всякой критики свидетельствами какъ техъ кто по особымъ причинамъ писали папегирики, такъ и тъхъ что писали пасквили. О томъ что Екатерина удивавав будто бы своею способностью быть императрицей свидьтельствуетъ Бассевичъ, министръ герцога Голштивскаго, который держался только благосклонностью своей тещи, а потому свидътельство идущее съ этой сторовы такъ же подозрительно какъ и то которое влагаеть въ уста Екатерины вышеприведенныя несообразныя замичанія о драгунъ Іоганъ. Г. Андреевъ говорить объ этомъ драгунь и о бракь его съ Маріенбургскою сиротой какъ о дьав вполнв достовърномъ; но онъ даже не поименоваль всв существующія о томъ извістія и не даль возможности читателю убъдиться въ несомивниости факта, о которомъ однакожь вовсе умалчивають писатели авторитетные. Г. Андреевъ съ неменьшею увъренкостію говорить о томъ что бракъ между Петромъ и Екатериной состоялся въ 1711 году; но онъ ни слова не говорить о томъ что профессоръ Соловьевъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствъ, и что въ Утеніять Московскаго Общества исторіи и древностей быль напечатавъ въ 1861 году документь, дающій основаніе думать что этотъ бракъ быль заключенъ не прежде, а послѣ Прутскаго похода, именно въ 1712 году. Г. Андреевъ ни слова не говорить о мъстъ рожденія Екатерины, довольствуясь замѣчаніемъ что принявшій ее въ свой домъ пасторъ Глюкъ не имѣль надобности дѣлать о томъ справки. Но если Глюкъ не наводиль о томъ справокъ, то наводиль ихъ Петръ, и собранныя имъ свъдънія давно напечатаны, а г. Устряловъ дѣлаеть съ своей стороны очень остроумныя догадки, уясняющія этотъ вопросъ. Извѣстно ли все это г. Андрееву?

Мы не намврены, впрочемъ, савдить далве за разказомъ г. Андреева, ни опровергать его извъстія. Онъ написалъ свою статейку, очевидно, не задаваясь никакою серіозною мыслію. Она стоила ему не много труда и говорить воображенію читателей: можеть-быть, именно этого онъ и хотълъ достигнуть. Но насъ удивляетъ что подобная статейка, которая нисколько не удивила бы насъ лътъ десять тому назадъ въ Русскомъ Словъ, нашла мъсто въ 1869 году и въ серіозномъ изданіи. Издатель Осьмпадуатаго Въка оговариваетъ что статья г. Андреева была написана прежде чъмъ появился тотъ томъ исторіи Соловьева гдъ говорится о Екатеринъ І. Но въ такомъ случав зачёмъ же было ее печатать?

п. щ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

томъ восемьдесятъ первый.

м а й.

	Cmp.
Кіевскій митрополить Евгеній Болховитиновъ. Гл. I—II.	•
Н. С. Тиконравова	5
Wенитьба Атуева. Разказъ. Я. П. Полонскаео	39
√ Графъ Панинъ усмиритель Пугачевщины. Гл. IV. Д. А.	
Анучина	138
Учрежденіе архіерейской каседры у турецких в расколь-	
никовъ. Га. I—IV. Н. И. Субботина	169
✓ Aссигнаціи въ царствованіе Екатерины II. А. Н. Ку-	010
ломзина	216
Бълые голуби. Гл. XIII—XVIII. П. И. Мельникова	244
Воспоминанія самовара. И. Г	295
Могиканы реализма. <i>Н. И. Соловыва.</i>	336
Литературныя замытки. 1. Joseph II und Katharina von	
Russland, ihr Briefwechsel; herausgegeben von A. R.	
Arneth. Wien, 1869.—2. Poccia u Espona, cou. Aa-	
нилевскаго (Заря №№ I—IV). П. Щ	34 6

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

\ Приключенія доктора Бреди. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. (Окончаніе.) Часть третья. Гл. I—IV.

июнь.

	Cmp.	
Графъ Панинъ усмиритель Пугачевщины. (Окончаніе.) Д. А. Анучина. Судьбы русскаго языка на Жмуди. Бълорусса. Политическая система Петра III. Гл. V. П. Щебаль-	363 404	
ckaro		
Союзы рабочихъ въ Англіи. Густава де-Молинари		
Польскіе агенты въ Царвградв. В. И. Кельсіева		
Өедоръ Григорьевичъ Волковъ. В. И. Родиславскаго	545	レ
Два вечера. Разказъ. С. В. Танъева		レ
Артезіанскій колодезь въ Москвъ. Г. Е. Щуровскаго	610	
Панургово стадо. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IX.B. В.		,
Rpecmoeckaro	641	V
Учрежденіе архіерейской каседры у турецкихъ расколь-	*	
никовъ. Гл. V-VIII. Н. И. Субботина	703	レ
Одинъ изъ нашихъ литературно-политическихъ типовъ. Р.	760	V
Библіографическая зам'втка. Екатерина Первая, соч. В. В. Андреева. (Осъмнадуатый Вюкт, кн. III.) П. Щ.		

въ приложении:

Приключенія доктора Бреди. Романт въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. V—IX.

подписка на 2-е полугодіе.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

"МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ"

выходить два раза въ мъсяцъ книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ, со множествомъ политипажныхъ рисунковъ въ текстъ; къ каждому нумеру прилагается парижская раскрашенная гравюра и большая выръзная выкройка или листъ рисованныхъ выкроекъ и узоровъ.

Въ текстъ Моднаю Маназина помъщаются рисунки полных туалетовъ (фигуры во весь ростъ), кромъ множества головокъ, поясныхъ фигуръ, новыхъ работъ и разныхъ принадлежностей туалета. Сверхъ того въ каждомъ нумеръ помъщаются рисунки наиболье интересныхъ явленій русской современной жизни, виньетки къ стихотвореніямъ, иллюстраціи къ повъстямъ и разказамъ и т. п.

подписная цъна:

на пелгода съ 1-го іюля: въ Петербургъ безъ доставка 3 р. 50 к., съ доставкою 4 р.; въ Москвъ безъ доставки 3 р. 75 к., съ доставкою 5 р.; съ пересылкою въ другіе города 5 р.

Годовая цёна съ 1-го января: въ Петербурге безъ доставки 6 р., съ доставкою 7 р.; въ Москве 6 р. 50 к. и 8 р.; въ другихъ городахъ 8 р.

подписка принимается:

Въ Петербургъ, въ редакція *Моднаю Маназина*, по Литейной, противъ Бассейной, № 45. Въ Москвъ, при книжномъ магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульваръ, д. Загряжскаго.

Гг. иногородные адресують свои требованія въ Петербургь, въ редакцію Моднаю Магазина.

- Bono Francis! Bono! прервазъ Макъ Финъ, махнувъ руkom. — Allons! Allons!
- J'ai l'honneur, monsieur le général, началь опять Франпузь, пъсколько озадаченный.
- Ouil ouil commissaire général, произнесъ Макъ Финъ. Vous savez. Pas général du tout.
- Mais de cette brigade, au moins, n'est ce pas général? продолжаль Французъ. — Je suis le colonel de Tranche Longueville du 4-me régiment, à vos ordres. Auriez vous la bonté, monsieur le général de vous donner la peine....

Къ счастію, въ эту минуту подъвжаль Багшо со штабомъ. Вильмотъ, отлично говорившій по-французски, все разъясниль, и Макъ Финъ возвратился въ мракъ безвістности.

Сдѣланъ былъ привалъ, пили "vin d'honneur" на мельницѣ, и мы снова двинулись, послѣ того какъ полковникъ de Tranche Longueville выразилъ свое мнѣніе что трудно будетъ дѣйствовать въ полѣ, если наши коммиссаріатскіе офицеры будутъ носить золотые галуны на шапкахъ и имѣть видъ генераловъ.

— Это происходить, въроятно, отъ важности, которую вы принисываете ъдъ, говориль окъ, грызя въ то же время палочку шоколада,—но это можеть повести къ недоразушъніямъ.

Мы простились въ то самое время какъ солдаты съ объихъ сторонъ начали брататься. 4-й линейный полкъ произвелъ вообще хорошее впечатлъніе на Бенгальскихъ Тигровъ.

- Они славные ребята, сколько а могъ разобрать ихъ языкъ, Билль, говорилъ одинъ солдатъ другому.
  - Но зачемъ это они носять красные штаны?
- A должно-быть затыть же зачыть ны носимь красныя куртки. Они то же что мы, только выворочены вверхъ ногами.
- Ребята, видъли ли вы офицера въ юпкъ? Прекраскую даму въ мундиръ, съ кадушкой водки?
- Какъ же! Я видълъ, и получилъ отъ нея стаканчикъ. На ней тесть юпокъ. Она, должно-быть, себъ на умъ, коть на вино и не скупится.

При новыхъ крикахъ: Vivent les Anglais! и Bono Francis! мы утли, и черезъ часъ съ пригорка открылся предъ нами изгибъ, въ который връзалось синее море, быощееся о скалы бълою пъной. Солнце садилось за облаками, скрывавтими противоположный берегъ, и поднимался теплый, тяжелый вътеръ. Старики посматривали на небо.

— Къ ночи, кажется, будетъ дождь, замътилъ Багто Потсу, а палатокъ нътъ, да и вообще, можно сказать, никакого убъжища.

Полковникъ былъ совершенно правъ: пошелъ дожав, и ве было палатокъ и никакого убъжища. Да еще какой дожаь! Словно ръка продилась въ ръшето. Нельзя было трубку закурить, шинели промокли насквозь, а между твиъ капитанъ Танжентъ, со своими усердными саперами, отмъривалъ и чертиль работы, долженствующія защитить перешеекь отъ Русскихъ. Полвозу не было. Возы Макъ Фина не являлись. Но человъкъ иногда живетъ надеждой, у которой своя легкая, подкрылающая кухня. Буря понемногу утихла, промочивъ насъ сколько было возможно, и мы успъли выразить мавніе что "это стыдъ" и осыпать укоризнами коммиссара Макъ Фина и пожаловаться на судьбу свою, пока не заснули, тревожимые изсколько тысяченожками, которыхъ дожав выгналь изъ норъ. Такъ покоились мы до утра, и слышался лить крикъ часовыхъ, да лай собакъ изъ отдаленной деревни. Рано утромъ прибыли палатки для штаба, а вследъ за ними и полковой багажъ. Шесть барановъ и быкъ съ громадными рогами, котораго земледельческие труды должны бы избавить отъ предстоявшей ему участи, приведены были подъ конвоемъ къ Макъ Фину, вивств съ кулями муки и другами подобными припасами. Вернувшись съ искусной рекогпосцировки, въ которой пабралъ много грязи и ровно пикакихъ свъдъній, Багто весьма обрадовался улучтенію натего положенія.

- Воть вамъ, Бреди, сказалъ Потсъ, подавая мив бумагу помвченную: "По двламъ службы". —Доктору изтъ отдыха! Двиствительно, это былъ приказъ отъ Макъ Филиппа тотчасъ же явиться къ нему въ Галлиполи, какъ только прибудетъ докторъ Сквилсъ, находившися на пути къ нашему полку.
- Счастливецъ! Вы скоро выберетесь изъ этого предестнаго мъста! Болъзни уже появились между солдатами размъщенными въ городъ.

V. Приключеніе Стендита.

Вечеромъ вхадъ я по грязной, узкой, извилистой дорогь, окаймленной глиняными и деревянными жилищами, составлявшей главную улицу Галлиполи. Всв двери были заперты, окна затворены. Кое-гдв метки меломъ обозначали квар-

тиры офицеровъ. Жителей не было видко, но я замвчалъ мимовздомъ глаза выглядывавшіе изъ ококъ. Я отыскивалъ квартиру главнаго доктора, но не у кого было спросить гдв она. Да еслибъ и было у кого, на какомъ языкъ предложилъ бы я вопросъ? Малони, вхавшій за мною съ моими чемоданами и медицинскими принадлежностями, тоже былъ человъкъ неученый. Я вхалъ, оглядываясь кругомъ, поворачивалсь то въ ту, то въ другую сторону, какъ вдругь кто-то назвалъ меня по имени:

— Бреди! Теренсъ! Куда вы ѣдете?

Я подналь глаза. Стендишь стояль у окна втораго этажа, такь близко оть меня, что я могь рукой достать до него.

— Остановитесь на минуту, и войдите ко мив. Колотите въ дверь изо всей силы, и я буду кричать, а бабка Пападулосъ васъ впуститъ. Я не могу сойти по причинамъ которыя объясню вамъ.

Я оталь стучаться, а Стендинъ началь кричать: скоро посаышаася скрипъ затворовъ, говоръ на новогреческомъ языкъ, и наконепъ дверь отворила дрожащая старуха въ короткой курткъ, панталонахъ и желтыхъ туфляхъ, съ нъсколькими монетами на приглаженных волосахъ. Лвое детей, быстроглазыхъ и длиноволосыхъ, держались за нее. Я вошель въ пріемную-темное, склепообразное пространство, уставленное большими глиняными кружками, напомнившими мяв Али-Бабу и сорокъ разбойниковъ, и скудною мебелью, едва видивешеюся при свете лампады горевшей у ствны предъ иконой святаго. Въ одномъ углу была обезьяна, изъ другаго услышаль я хрюкавье свиньи, кромв того визгь и пискъ привлекъ вниманіе Малони, который просувуль голову въ дверь и спросиль: "Не въ правълимы брать здесь всякую живность какая намъ поправится? Воть туть отличивитій поросенокъ."

Бабка Пападулось проводила меня до подножія весьма скрипучей ліствицы, круто упиравшейся въ потолокъ, въ которомъ проділана была западня. Я поднялся, и просунувъ голову надъ поломъ верхняго этажа, оглянулъ комнату, въ которой ожидалъ меня Стендишъ. Комната была футовъ въ пятнадцать квадратныхъ. Стіны глиняныя, на полу между досками широкія трещины, потолокъ глиняный, потемнівьшій отъ дождя, окна съ рамами безъ стеколъ. Въ одномъ конці находилось возвішеніе, поднимавшееся на пісколько

вершковъ надъ поломъ, прикрытое кускомъ стараго ковра и большимъ плащомъ. Это былъ "диванъ". Револьверъ висталъ на стънъ; въ одномъ углу былъ ящикъ, въ другомъ съдло. Не было ни стула, ни стола; когда я вошелъ, Стендишъ всталъ съ чемодана, на которомъ сидълъ. На немъ была охотничья куртка, большіе сапоги и длинная фланелевая рубашка. Лицо его было не брито, усы запущены.

Мы обмънались привътствіями, и я отъ души разсивалса его наружности.

— Да, смейтесь и изумляйтесь, другь мой! Есть чему! Воть я здесь жертва всехъ "ужасовъ войны", обобранъ, обворованъ, ограбленъ. Я разскажу вамъ все. Начну съ начала.

.Проводивъ васъ, я постарался добыть квартиру, по Франпузы, притедтіе прежде насъ, завладьли почти всыми домами въ городъ. Я не могь достать вичего съестнаго, багажь мой не быль выгружень, поэтому я отправился на Колхиду, пообъдалъ корошо и кръпко заснулъ, какъ вдругъ, ранеконъко, будить меня капитань и объявляеть, что ему телеграфировали съ берега чтобъ опъ тотчасъ же отправлялся обратно въ Мальту. Ветеръ по Дарданелламъ дулъ адскій. Нельзя вообразить себв чтобы море могао такъ разыграться въ такое короткое время. Ближе подойти къ берегу Колхидъ было нельзя, за еслибы капитанъ послаль васъ на берегъ въ лод-"кв. объясниль мив шкиперь,-при такомъ вытры и течени принлось бы долго ждать, и онь могь бы подвернуться непріятностамъ. Я могу высадить вась воть на этоть бригь "что подле насъ, говорить онъ,—тамъ вы легко добудете лодку." Я и отправился съ моими чемоданами да двумя-тремя ящиками провизіи, и какъ ни близко было разстояніе, гребцанъ пришлось порядочно поработать, и не мало хлебнули мы морской воды. Бригь, судно легкое, такъ и плисаль. Нашъ мичманъ подчалилъ лодку къ кормъ, и мы стали искать каната, крича во все гордо, но напрасно. Мы подтянувись къ носу и туть увильли канать висящій съ борта. Я укватился за него и сталь влезать, какъ варугь кто-то пустиль его съ палубы, и я шлепнулся внизъ; и еще милость Божія что я не упалъ въ море, между судномъ и лодкой; по матросы мена укватили. Они взались за канать и стали тянуть его, пока онъ не напрягся свова. Я опять пользъ, и на этотъ разъдобрался до перилъ и вскочилъ на палубу. Одинъ изъ матросовъ вавзъ за мной чтобы подать мои веши. Ни души не было вилво.

Мит было какъ-то жутко оставаться одному, но мои вещи поспътно поднимали, и не успълъ я обдумать что мит дълать, какъ матросъ воротился уже къ товарищамъ, и лодка летъла по течению и вътру къ Количото, винтъ которой уже вертълся, и якорь поднимался.

"Я огаянулся кругомъ и закричалъ. На палубъ, кромъ меня съ моими пожитками, никого и ничего не было. Я пробрался назадъ ко входу въ каюту, толквулъ дверь и собирался сойти внивъ съ вопросомъ: "Есть ли кто тамъ внизу?" какъ вдругъ кто-то кръпко схватилъ меня за руку, и оглянувшись, я увидълъ такого безобразнаго разбойника, хуже какихъ не встръчалъ. Онъ выпучилъ на меня свои злодъйские глаза изъ-подъ густыхъ бровей, словно хотълъ испугать меня. Это былъ приземистый, плечистый парень въ красномъ колпакъ, съ серьгами въ ушахъ, въ малиновой рубашкъ, въ засученныхъ до колънъ панталонахъ, босоногій; за поясомъ былъ заткнутъ у него огромный ножъ. Я оттолкнулъ его, и взявшись за револьверъ, который носилъ подъ кожанкой, сказалъ по-французски:

"— Я желаю говорить съ капитаномъ. Мив нужна лодка довхать до берега. Я заплачу хорошо.

"— Sono Greco, non so Francese.

"Я собрадъ всё мои свёдёнія въ итальянскомъ языкі, пріобрівтенныя въ Мальті, чтобъ объяснить что мий нужно, но негодяй не понималь меня. Я еще разъ попытался сойти въ каюту, но онъ опять схватиль меня за руку, а свободною рукой подаль знакъ, на который явились, Богь въсть откуда, четверо его товарищей. Такой стратной, безобразной тайки не найдеть нигді, кромі какъ на галерахъ. Злобные, голодные дикари, всё обвітанные оружіемъ:

"— Я хочу видеть вашего капитана, и увижу! воскликнуль я, и внезапнымъ, сильнымъ движеніемъ я вырвался у негодяя который держалъ меня. Въ эту минуту судно качнулось, я покатился внизъ по лестнице и ударился объ ноги человека, выскакивавшаго изъ койки въ очень грязной камоть, освещенной только одною висячею лампой. Ему, должнобыть, представилось что къ нему ворвались пираты, или Богъ весть что, ибо не успель я подняться, какъ онъ приставилъ мне ко лбу весьма холодное отверстіе пистолетнаго дула. Полуфранцузскимъ, полуитальянскимъ языкомъ я старался объяснить кто я и что мне нужно, какъ вдругъ

негодяй этоть разразился по-англійски, произнося слова почти такъ же какъ вы, мой милый Терри.

"— Вы входите на мой корабль безъ моего позволенія и требуете лодки, и думаете что я стану подвергать опасности жизнь моихъ людей изъ-за вашего гразнаго золота. Убирайтесь прочь! Чрезъ десять минутъ я отправляюсь въ Хіосъ, въ Сиру... Богъ знаетъ куда; можете выбраться съ корабля какъ взобрались на него! Убирайтесь же, говорю вамъ!

"Я быль совершенно озадачень. Мошенникь этоть быль юноша, съ энергическою наружностью, можно сказать, кра-

сивый. Взглядъ его исполненъ былъ бъщенства.

"— Я въ вашихъ рукахъ, сказалъ я.—Мив и въ голову не приходило что я могу вызвать такой гиввъ, когда, по совъту капитана *Колхиды*, я взявзъ на вашъ корабль чтобы попросить лодки. Мы кричали долго.

кой.—Вы, Англичане, владыки міра. Вы идете куда вамъ угодпо, дълаете что заблагоразсудите, вступаете на чужіе корабли, въ чужіе замки, земли, грабите, захватываете, присвоиваете, и вся вселенная должна находиться въ вашемъ распоряженіи. Отчего я здесь? кричаль онь. — Отчего я здесь въ эту минуту? Оттого что ваше проклятое племя разорило меня! Я принималь грузь въ Одессь, какъ вашь адмираль издаль прокламацію, произнесъ свой приговоръ: объявлена блокада во имя просвъщения и Турпіи. Боже мой! Вы деретесь за Турокъ! Пришлось мев бъжать, оставить грузъ за который я заплатиль, заплатиль все что было у меня, бъжать съ жакою тайкой нишихъ, а вотъ теперь вы являетесь ко мяз на корабль и требуете лодки. Чорть бы васъ взялъ! Еслибъ я вчера не вышель изъ Босфора, и если завтра не выблу изъ Дарданедаъ, вы, пожадуй, заставите меня перевозить англійскія войска. Ступайте на палубу, прочь съ глазъ мошхъ, или я убыю васъ.

"Бъшенство этого негодяя было по истинъ дъявольское. Одну минуту въ головъ моей мелькнула мысль застрълить его, какъ отчаянное средство не быть застрълену. Это, конечно, ускорило бы развязку; по лишнее было бы и пробовать: пистолетъ мой украли у меня изъ-за пояса. Я почувствоваль себя беззащитнымъ. Можетъ-быть, мой безмольный жестъ покорности судьбъ тронулъ разбойника.

"- Не бойтесь ничего съ моей стороны, сказаль онъ,-но

и не ожидайте пичего. Убирайтесь съ корабля какъ взобрааись на него. Чрезъ десять минутъ мы отправляемся. Вы очутитесь въ странномъ обществъ и за страннымъ дъломъ, если останетесь, увъряю васъ. А теперь, повторяю, прочь съ глазъ моихъ.

"Когда а вошелъ на палубу, экипажъ хлопоталъ около моего багажа. Мои бутылки, опоражниваясь, развеселяли ихъ: чемоданы и сундуки были открыты, имущество мое расхишалось. Они взглянули не идеть ли за мной капитанъ. но видя что я одинъ, снова принялись за свое дело. Я былъ разсерженъ и опрометчивъ. Я бросился на нихъ съ крикомъ: "мошенники! оставьте мои вещи!" и началь раздавать полновъсные удары за Англію, водку, провизію и одежду, но бой быль неравный. Меня схватили за ноги, опрокинули на перила и первый встретившійся мне злодей, стиснувъ мне горло, замахнулся пожомъ мив на грудь. Скажу вамъ, что въ эту мунуту всякая-всячина, о жень, дътяхъ и тому подобномъ, промелькнула у меня въ умъ; я увидълъ въ газетахъ извъстіе о себъ, но судно качнулось, и ножъ вонзился въ перила, лишь слегка образавъ мна руку. Чрезъ секунду ударъ, безъ сомивнія, повторился бы, но подбъжаль капитанъ и ударами, пинками и криками остановиль злодвевъ. Однако вино раздражило ихъ.

"— Я велель имъ не трогать васъ. Сторгуйтесь съ ними о лодке. Не хочу приказывать имъ рисковать жизнью. Что сделано, того ужь не поправишь, но вы можете выкупить свое платье. Вы Англичанинъ, у васъ наверное есть волото.

"И сказавъ несколько словъ злобнымъ животнымъ, между которыми одинъ только не гляделъ разбойникомъ съ ногъ до головы, онъ опять пошелъ на корму.

"— Eh ben, Signor! quanto darete per un'barca? enpocuat

Я предложиль наполеовъ. Собаки засмъялись мивът глаза. Они меня обнюхивали, болтая на всевозможныхъ языкахъ, и я, можетъ-быть весьма неблагоразумно, предложиль пять наполеоновъ.

"— Давайте сотню, такъ мы поговоримъ съ вами, отвъчали они.—Время скверное, лодка плохая, грести далеко.

"Пока я торговался съ ними, мучимый внутренно смертельнымъ страхомъ, показалась шкуна подъ французскимъ

флагомъ, идущая къ намъ: она подобрала паруса и минуты черезъ двъ стала на якорь по направлению отъ насъ къ Галливоли, не болъе какъ въ четверти мили. Появление этой шкуны, не знаю почему, ободрило меня.

"— Довольно, сказалъ я, — это мое послѣднее слово. Я дамъ вамъ пать наполеоновъ. Довезите меня до этой шкуны. Я не буду жаловаться на ваше воровство, но больше не дамъ. А если вы задержите меня, такъ поплатитесь дорого.

"- Ну, заплатите же теперь, сказаль мичманъ.

"Я посиль золото въ парусинномъ метмке, прикрепленномъ къ поясу. У меня было наполеоновъ восемъдесять. Какъ вынулъ а метмокъ, какъ заблествли и зазвенели золотые, злоден не выдержали. Мичманъ котель вырвать у меня метмокъ; но я увернулся отъ него, побежаль къ носу корабля, и вскарабкался сколько могъ дальше на бугшпритъ, крича:

"— Ни за что, негодяц! Скорве умру!

"Я ухватился за бугширить рукою и сталь махать платкомъ. Онъ развъвался по вътру; соляныя брызги летвли мнъ въ липо. Я все держался, поглядывая на злодвевъ, которые переговаривались между собою, придумывая какъ бы обойти меня. Но скоро нашлось имъ другое дело. Капитанъ опать появился на палубъ. Не удостоивая меня вниманія, онъ отдалъ приказаніе экипажу, и негодяц, къ которымъ присоединились еще несколько человекъ, начали поднимать якорь. Судно качалось отъ напряженія каната; брызги били мив въ лицо, я едва держался за скользкую мачту. На шкунъ не было признака жизни, моихъ отчаянныхъ сигналовъ не замъчали. Но Провидъніе послало мив въ эту микуту нежданную помощь, и я быль спасень-оть чего-самь не знаю. Идя прямо противъ вътра и теченія, появился во всемъ грозномъ величіи и силь англійскій военный корабль. Онъ вышель изъ-за ближнаго мыса, направляясь къ намъ подъ старымъ, знакомымъ флагомъ. Но увы! Пожалуй онъ остановится, или повернеть къ Галлиполи. Якорь нашъ засель кръпко, не легко было негоднямъ поднять его; однако, опъ подавался при каждомъ оборотъ колеса: но еще скоръе подвигался военный корабль, и я съ замираніемъ сердца, загнувъ назадъ голову, перевъсился въ ту сторону, на сколько возможно, чтобы видны были мои сигналы. Капитань и экипажъ ничего не замъчали, они заняты были своимъ дъломъ. Наконецъ, однако, капитанъ взглянулъ въ томъ же направлени какъ я и увидълъ всемный корабль. Господи, какъ подскочилъ овъ! Какое испустилъ ругательство. Саженяхъ въ двадцати отъ него, или менъе, красовалась выръзанная на носу фигура Ганнибала. Да будетъ благословенъ тотъ человъкъ который изобравилъ древняго Кареагенянина въ полномъ римскомъ облачени, и тотъ кто приладилъ малъйний винтъ въ остовъ втого корабля! На палубъ толпились люди, множество офицеровъ съ золотыми галунами на шап-кахъ, съ телескопами и трубками, и всъ пристально глядъли на меня, какъ я, забывъ о всякой опасности, махалъ плат-комъ и шляпой какъ сумашедшій.

"— Бога ради, помогите! кричалъ я.

"Мит что-то отвичали,—а не могь разобрать что именно,—и исполинъ какъ будто повернулъ въ нашу сторону. Капитанъ бросился ко мит.

"— Перестаньте кричать! Мои люди отвезуть васъ. Я позволяю, только съ условіемъ что вы повдете сейчасъ же. Лодку уже спускають. Скорве! Я не желаю видеть у себя на корабле этихъ господъ!

"Лодку спустили, и самъ не знаю какъ очутился я въ ней. Четыре сидъвніе въ ней негодяя молча и съ опасенініемъ поглядывали на военный корабль, уже очень близко подошедній къ Лоинъ—имя, начерченное золотыми буквами на носу разбойничьяго судна. Они быстро стали грести къ французской шкунъ. Напрасно указывалъ я на военный корабль. Непривлекаемый болье моими сигналами и вида что греческая лодка направляется къ Французу, Ганпибалъ заключилъ что все, должно-быть, благополучно и пошелъ дальше своею дорогой. Чрезъ нъсколько минутъ я, съ оставшимися у меня пожитками, очутился на маленькой шкунъ Belle Etoile изъ Марселя, и разказалъ шкиперу мою исторію.

"— Sacre matin! воскликнуль онь.—Ah! les coquins! Heh! les scélérats! Voyez! ils se sauvent! и т. д. Стоило послутать какія испускаль онь восклицанія, пока греческое судно поворачивало, и потомъ, распустивь паруса, полетало
по теченію какъ птица. Вотъ и конець моего разказа.

Французь, да хранить его Боть на пути по водамъ, Этьень
Полидоръ Матье Детань, какъ написаль онъ инъ весьма
гразною рукой, далъ мнъ лодку до берега. Генераль-квар-

тирмейстеръ отвелъ мий сіе изящное поміщеніе, за которое а плачу г-жіз Пападулосъ весьма дорогую цізну. Я пріискаль слугу, Италіяща знатнаго происхожденія, который теперь, надімось, покупаетъ мий на базаріз пару штановъ. Все что удалось мий спасти вы видите предъ собою. Я послаль первое письмо въ Геркулесъ. Куда ни заброситъ мена судьба, будьте увізрены что я вездіз буду искать случая встрітиться съ вами, и не забывайте своего стараго друга, съ которымъ привелось вамъ очутиться вмістіз на театрів войны."

- А этотъ капитанъ, который, по вашинъ слованъ, такъ корошо говорилъ по-англійски, былъ онъ Англичанинъ?
- Кажется, пътъ; развъ "западный Британецъ", какъ О'Ковнель предлагалъ назвать вашихъ соотечественниковъ.
  - Что же могь ояъ здась дальть на греческомъ брига?
- Этого ужь я не знаю. Экипажъ его казался способнымъ на все. И какъ оно ни странно, а мив думается что я гдв-то прежде уже видваъ его.

Виргиліо, слуга Италіянецъ, явился съ парою греческихъ тароваръ, которые притлись отлично по больтить сапо-гамъ, а я отправился разыскивать главнаго доктора Макъ-Филиппа. Послъ многихъ трудовъ я наконецъ нателъ его во временномъ госпиталъ, не въ слиткомъ хоротемъ настроеніи духа, такъ какъ онъ только что вернулся туда послъ ежедневно повторявтагося пренія съ сэръ-Джорджемъ, который, чувствуя себя всегда здоровымъ, считалъ докторовъ свочми природными врагами. Мнъбыли указаны мои обязанности, и я помъстился съ полдюжиной медиковъ въ домъ греческаго священника. Дъла намъ было довольно. Корабли приходили ежедневно на пути въ Скутари, и съ каждаго приходилось принимать больныхъ.

VI. Виденіе въ Галлиполи.

Въ Галлиполи скоро собралась англійская военная сила тысячи въ четыре человіжь и большое количество французскаго войска. Въ хлопотахъ этой новой жизни я быль почти счастливь одно время; меня отрывали насильно оть заботь и тревоть, которыя овладівали мною на досугів. Но въ почтовые дли заботы и тревоги поднимались во мав снова: товарищи думали что ко мав сильно приступають кредиторы. Добрый мой старикь Бетсъ возвратился въ свое гавздо въ Пиренеяхъ, но скоро перевхаль оттуда въ Канны съ маюромъ Турнбуллемъ, "который сталь очень раздражителенъ въ тахматахъ". Отъ аккуратно велъ переписку со мной. Отъ съръ-Дениса я получалъ по временамъ короткія письма, а однажды пришло въ его пакетъ нъсколько листковъ бумаги, къ сожальню крестообразно исписанныхъ, которыя я читалъ и перечитывалъ пълый день. Письмо это, изъ Лондона, было слъдующаго содержанія:

"Дорогой Теренсъ, дядюшка велитъ мив писать вамъ, поаагая что вамъ будетъ пріятно получить песколько строкъ отъ меня, но онъ уже сообщиль вамъ что все старанія наши отыскать мою милую Мабель остались безуспътны, и сталобыть вы уже знаете что наиболье интересуеть всых насъ. Я очень смущена его унынісмъ. Онъ говорить что считаль себя для нея вивсто отпа. Удивительно что она не написала. Безъ сомивнія, она нашла бы возможность написать, еслибы серіозно захотвла. При всей сдержанности, у ней была привязанность къ намъ и теплое сердце; ужасно ничего не знать о ней! Надъюсь что въ савдующемъ письмъ буду имъть возможность сказать вамъ что мы получили въсти о ней или отъ нея. У бъднаго дядютки пропасть своихъ клопотъ. Онъ очень сердить на жителей Кильмойля и готовъ оставить намърение выстроить заново замокъ. Джеральдъ согласенъ съ нимъ, а я не согласна. Если замокъ и будетъ возстановленъ, такъ въ меньшихъ размърахъ. Вы, въроятно, встрътитесь съ Джеральдомъ, такъ какъ онъ адъютантъ при генералъ Круkenkps, командующемъ бригадой, которая, по словамъ га-зетъ, будетъ помъщена въ Галлиполи. Конечно, вы присмотрите за нимъ, если понадобится. Я надъюсь что ему не потребуется ваша помощь, и вы сами также не будете вынуждены обращаться за пособіемь къ своимъ товаришамъ, докторамъ, по извъстія газеть о бользняхъ въ войскахъ пъсколько тревожать насъ. Дядя мой увърень что Русскихъ не такъ легко будетъ запугать какъ думають изкоторые. Какъ бы я желала быть въ состоянія запугать ихъ! Здесь мы живемъ очень тихо и довольно уединенно. Сэръ-Денись очень занять двлами, и мы не принимаемъ приглашеній, чему я очень рада, ибо вовсе не расположена вывзжать. Сколько мы съ вами пережили съ техъ поръ какъ рвали вивств цевты на аугахъ въ Лохъ-на-Карры! Сколько вынесли мы испытаній и горя! Мы собираемся провести лето за границей, какъ только сэръ-Денисъ устроить дела. Я только поставила условіемъ поселиться певдалек отъ города куда почта ходить исправно, чтобъ аккуратно получать письма. Роза Прендергастъ писама мий вскорй посай вашего отъйзда; она въ очень дурномъ настроеніи духа. Вмёсто того чтобъ йхать въ Соединенные Штаты, она вернулась въ Sacré Coeur въ Анжерй и поговариваетъ о постриженіи. Братъ ел гдітовъ Европі. Онъ и посовитоваль ей искать убіжища въ монастырів. Какъ стратню будеть, если эта война затанется. Вы знаете гді искать утіменія и подкріпленія. Каждое утро и каждый вечеръ я молюсь за васъ и за всіхъ кто намъ дорогь. Не забудьте сообщить мий здорова ли теперь вата голова.

"Вашъ искренній другь навсегда "Мери Бутлеръ."

"Р. S. Безъ постскрипта нельзя. Сэръ-Денисъ много разказалъ мнъ такого чего я не знала, о разныхъ личностяхъ въ
Индіи и о родствъ вашемъ съ нами. Я не совсъмъ хорошо
все понимаю, но сочувствую вамъ еще сильные прежняго.
Мистрисъ Консидинъ старается передать кому-нибудь Лохъна-Карръ. Сынъ ея только и занимается что скачками. Лондонскій повъренный, купившій маленькое имъніе Прендергастовъ, пріобрълъ его для какой-то иностранной дамы; у Розы ничего бы не осталось, еслибы не завъщаніе отца, отказавшаго усадьбу ей, а не Морису, и назначившаго къ ней
душеприкащиковъ. Въ народъ ходятъ престранные толки.
Говорятъ будто слуги Индійцы знали о нападеніи. были заодно съ какими-то иностранцами, которыхъ видъли по сосъдству. Такъ какъ намъ пришлось значительно уменьшить
хозяйство, то дядя отослалъ всъхъ темнокожихъ слугь своихъ обратно въ Индію.

"М. Б."

Хорошо что у солдать есть кто-нибудь кто молится за нихь дома. Они люди набожные, и въ тревогахъ похода, предъ сраженіемъ и после него, не забывають своего Создателя. Но кто можеть думать о Немъ среди стука оружія, когда смерть носится въ воздухь, кругомъ стоны умирающихъ и крики дерущихся? Немногимъ, помнится, отличались мы отъ Турокъ после первой высадки, разветемъ что мувзчинъ призывалъ ихъ къ молитев два раза въ день, и они, большею частію, шли. Насъ никто не звалъ къ молитев, и мы не ходили. Но когда появилась въ лагере холера, когда пришла зима, и мы очутились лицомъ къ лицу съ непріятелемъ боле страшнымъ чемъ Русскіе, тогда стали боле уважать священниковъ, отличавшихся великою бедностью и не имевшихъ средствъ даже переменить свою изношенную одежду.

Никогда не видаль я такого смъшенія экзальтаціи съ унымісмъ, какъ въ этотъ сборъ войскъ въ Галлиполи. Бумъ.... бумъ.... бумъ.... орудіе за орудіемъ; старме дома дрожать, стекла лопаются въ рамахъ, штукатурка валится со стъкъ, черепицы падають съ крышъ на улицу. Греки втайнъ хмуратся, Турки кланяются, восклицая "бисмилла!" всъ собаки лають, коршуны кричать въ испуть.

"Кто такъ еще? Чорть бы взяль это салютованіе! Домъ развадится!" То генераль, то адмираль, то герпогь Кембриакскій пристававшій къ берегу и преспокойно разгуливавшій по городу въ охотничьей курткв, то принпъ Наподеонъ, весь въ перьяхъ и галукахъ, привътствуемый залюмъ изъ ста орудій съ французской эскальы и крикомъ, который произвель такое впечатление на Степлитева слугу Италіянна, что онъ туть же исчезь и болье уже не показывался. Шла пепрерывная борьба за жизнь: провіанта не доставало, на коммиссаріать не всегда можно было положиться. Важные офиперы толпились у клюбныхъ и мясныхъ лавокъ, споря за ломти, за бараньи головы и печенки; однажды я встретиль моего почтеннаго полковника идущаго по удица съ кускомъ мяса на коппъ палки, весьма торжественно, какъ будто это ему правилось. Наконецъ въ одинъ прекрасный день появилась на ствив ветхой греческой хиживы нались маломь. начерченная не весьма прямымъ почеркомъ: "Grand Restaurant de l'Armée Allièe de l'Orient". Hatypanuctu vaubasiotes какъ хищныя птины издалека чують падаль. Пусть тоть кто сомиввается одарень ли человых такимы же чутьемы, обратить вниманіе какъ въ лагерь или въ чужомъ городь люди провюживають пищу. Спустя немного часовь півлый табунь лошадей стояль у двери "большаго" ресторана, а внутри его слышалось вавилонское смешеніе языковъ. Ловкій хозяинъ. припастій прсколько кочней капусты, метокъ картофеля, три бараньи головы, немного муки и мъхъ тенедосскаго вина, скоро быль выпужаень объявить своимы крикливымы посътителямъ что окъ въ состоякіи угостить ихъ только трубкой, табакомъ и кофе. Его оставили въ живыхъ съ условіемъ что на следующій день онъ будеть готовъ удоваетворить всемъ требованіямъ. Какое благополучіе! Не у многихъ изъ насъ было что варить, даже еслибъ и былъ человъкъ способный сварить что-нибудь. Все пригодное какъ-то само собою исчезало изъ котомокъ, если и находилось въ

нихъ, и неводьно, оъ чувствомъ зависти, вспоминались древніе Греки, у которыхъ мясо "жарилось искусно", когда раловой Лобсъ ставиль предъ вами порцію, плодъ его долгихъ стараній. Въ "большомъ" ресторань подавался супъ изъ бараньей головы, не чрезмерно приправленный волосами, масо съ лукомъ и чеснокомъ, куры, не совсемъ лишенныя перьевъ, пилавъ и безвкусныя мичнипы. Можно было имъть хавбъ, вино, туренкій табакъ, и кофе. Такимъ образомъ въ ресторанъ, въ особенности когда завелись ава новые одованные подсвъчника, стъпы вымылись и украгравюрами, великодушно пожертвосились несколькими ванными офицерами объихъ армій, не было недостатка въ великольній и оживленій. Однажам вечеромъ, изливая другь другу обычныя неудовольствія, мы сидвли за доской на козлахъ, служившею намъ столомъ (ока была покрыта желтымъ колинкоромъ, приколоннымъ съ боковъ), суровый капитанъ нашихъ старыхъ знакомпевъ 4-го динейнаго полка объясняль несправедливость, какой подвергся онъ всявдствіе "избирательной системы", молодому прапорщику, который излагаль, съ своей стороны, неудобства покупки мъсть для движенія впередъ по службъ. Артиллерійскій маіоръ, такъ долго каменфвтій на Востокф что трудно было замфтить остатокъ жизни подъ сухою оболочкой, и съ полдюжины офицеровъ заняты были обличениет разныхъ неправильностей, а маіоръ Гудъ, потягивая трубку, сообщаль мяв отрывочныя сведенія о тузомцахъ, -- какъ вдругь мы услышали движеніе въ городъ, невнятный тумъ и крикъ и потомъ вдалекъ барабанный бой.

- C'est l'ennemi! вскричаль капитань Пети.
- Неужели это Русскіе? спросиль мистерь Смить.
- Ну, вотъ! проворчалъ маіоръ.—Откуда взяться Русскимъ? Дъло однако плохое: это пожаръ, а пожаръ, скажу вамъ, не шутка въ такомъ мъстъ.

Маіоръ быль правъ. На небѣ виднѣлось зарево, и летащія головешки доказывали что пожаръ не далеко. Мы побѣжали къ мѣсту.

- Чей домъ горитъ? спросилъ маіоръ.
- Отца Сергія! отвічаль запыхавшійся Грекь съ великою радостью, ибо пожарь всегда подаеть поводь къ мелкому воровству.

- Ахъ, чортъ возьми, это моя квартира! воскликнулъ маюръ.
- . И моя туть же! добавиль я.—Мы живемъдверь о дверь от вами.

Когда я бъжвать по авствиць чтобы спасти мое имущество, за мной савдовала толпа французскихъ солдатъ съ криkomb: "Cassez tout! Cassez tout!" и мив едва удалось убъдить ихъ отказаться отъ этого воваго способа тущить пожаръ. Маіоръ, въ свою очередь, выдержаль такую же борьбу ісь на тими эксргическими союзкиками. Когда дома разрушились, и бабка Пападулось, отенъ Димитрій, отенъ Сергій и другіе почтенные граждане погоръд окончательно, явился, важно маршируя, безъ неприличной поспешности, подъ вачальствомъ полковника Вигноля, сильный отрядъ англійскаго войска съ тремя бочками для тушенія пожара. Къ счастію, повади дома отца Сергія быль большой садь, въ которомъ пріютился священникъ со всемъ своимъ семействомъ, какъ только показался оговь. Садъ быль окружень высокою стеной, горящія развалины служили оградой спереди; мы выбросиаи туда все наше имущество. Цветы были смяты свалами, футлярами для револьверовъ, ящиками съ лекарствомъ, сапогани, саблями, чемоданами: яблони покрылись простынями, одъядами, платьемъ. Мы стали совъщаться съ мајоромъ.

- Гав намерены вы спать сегодня? спросиль а его.—Ведь надо же ночевать гав-нибудь, а теперь не легко будеть найти квартиру.
- Здівсь, отвівчаль маїорь рівшительно. Достаньте одівла два; ночь свіжа. Можемъ протянуть ноги вонь къ тому отню, онь, не бось, не погаснеть. Такъ какъ дома обрушились, такъ задавить насъ нечему. Снаружи разставили часомыхъ; наши люди будуть охранять насъ сзади; слідовательно, мы можемъ преудобно проспать до утра.

И хладнокровный воинъ, постеливъ себъ постель, закурилъ свою неизмънную трубку, раздавилъ ногой нъсколько луковицъ и скоро погрузился въ дремоту. Съ меньшимъ искусствомъ, я послъдовалъ его примъру. На другое утро я былъ пробужденъ лучами солнца, ударявшими мнъ въ глаза, и увидълъ мајора погрузившаго голову въ кадку съ водой, и мистера Малони, проведшаго ночь съ Армянами при лошаляхъ.

— Это все отъ того что священникать позволяють жениться, разсуждаль мистеръ Малони.—Оно ужь и для міраньто тажело, а если священникъ женится, такъ вотъ что происходить. Начинають запивать. Батюшка съ матушкой вчера вечеромъ вытянули цільній міжь вина, и матушка опьящала куже батюшки. Отець Мать тоже любить выпить стакавчикъ, но онь никогда не допивается до того чтобы поджечь-Кильнойль.

На следующую вочь после той въ которую стореми домаотпа Димитріа, отпа Сергіа, г-ми Пападулось и еще мю-TUXE ADVITUE DOTTORNESS FRANCIANE, REMNOTO DOTERBINUES. оть пожара, ны съ мајоромъ Гудомъ разбили вашу палатку въ саду отпа Сергія. Я говорю нашу палатку, потому чтомаюръ, хваливнийся знаність турецкаго азыка, отправился со мной къ почтенному старому мусульманину въ весьма короткой курткъ, весьма широкихъ шароварахъ, и весьма гразпой фескъ, и пользуясь моимъ блестящимъ мундиромъ доктора Бенгальскихъ Тигровъ, съ помощью разныхъ ухищреній и вымысловъ, неизвъстныхъ мив, склониль этого обявательнаго сановника, завъдывавшего палатками, прислать одлу изъ нихъ въ садъ отца Сергія. Садъ священника, какъ я уже ckasaab, быль предпавначень единственно для хозяйственныхъ прией. Въ немъ были деревья покрытыя зремощими фигами и яблоками, по ветхимъ каменнымъ ствнамъ вился виноградъ и абрикосы, но главную роль играль завсь, безъ сомивнія, лукъ. Общирныя гряды этого пахучаго растенія равстилались подъ деревьями, охватывая мівстами островъ картофеля, или пучекъ моркови, и среди этого моря разбили мы свою палатку. Всв наши пожитки были перенесены въ нее, лукъ подъ нею былъ стоптанъ. Джупъ бомбардиръ и Анжело, некогла бригадиръ папскихъ драгунъ, изготовили намъ ужинъ. Онъ состоялъ изъ печенки, трательно зажаренной гомерическимъ способомъ на палкахъ, на огиъ разведенномъ чуть не поль ногами нашихълошалей. Силько чувствовалась приправа лукомъ. Пили мы воду изъ колодца, слегка окрашенную нашими соединенными порціами рома. Десертомъ служили намъ двъ длинныя трубки, купленныя у Турка на базаръ, и горы табаку. Говорили мы о войнъ, о Туркахъ, о Донъ-Кихотв, котораго мајоръ постоянно читалъ по-испански и переводилъ для меня мъстами на англійскій языкъ. Еще разъ стоптали мы докучный лукъ, упрямо поднимавшійся

на свъжемъ ночномъ воздухъ, и легли на простыняхъ по обоимъ бокамъ палатки. "Доброй ночи, докторъ!"—"Доброй ночи маіоръ!" Огни погасли, то-есть каждый изъ насъ задулъ свою свъчку, воткнутую въ бутылку подлъ постели. Только что я засыпалъ, какъ меня заставило вздрогнуть довольно сердитое восклицаніе маіора.

- Вы это, пожалуста, оставьте! Я терпыть не могу такихъ мутокъ!
  - Что оставить, маіоръ? Я ничего не делаль.
- Да вы бросили чемъ-то въ меня и попали мит въ бокъ, вотъ и все.
  - Честное слово, я этого не делалъ.
  - Не двлали?
  - Уверяю васъ. Я было ужь почти заснулъ.
  - Ну, такъ оставьте же. Прощайте.

Я опять засыпаль, вдругь.... брр.... что-то сильно шлепну-ло меня въ ухо.

- Спасибо, маюръ Гудъ, это вы, должно-быть, въ отместку. Ну, теперь намъ можно заснуть.
- Что такое, докторъ? проворчалъ маіоръ изъ-подъ одівяла.— Что вы говорите?
- Говорю что мив попало въ ухо. Брошено славно, нечего сказать.
- Увъряю васъ, мистеръ Бреди, что вы отибаетесь. Я васъ не думалъ трогать.
- Странно. Кто-нибудь, должно-быть, подтучиваетъ надъ нами.

Маіоръ что-то проворчаль, и я опять начиналь дремать, какъ услышаль будто кто-то скребеть рукой снаружи по парусинь палатки. Звукь приближался и сталь такъ внятень что я спросиль: "кто тамъ?" Отвъта не было.

— Маіоръ Гудъ! закричалъ я: — кто-то бродитъ около палатки.

Мы оба поднялись и прислушались.

— Это, вероятно, воры, прошепталь маюрь. — Они хотать выгнать насъ изъ палатки чтобы потомъ стащить что здеть найдется. Держите пистолеть наготове; только не застрелите себя или меня; наденемъ сапоги и подождемъ что будеть.

Я услышаль бряцаніе его mnaru, когда онь обнажаль ее. Мы сидьли навостривь ути.

- Это очень странно, замътилъ маіоръ, —на краю сада ночуютъ Малони, Джупъ, Анджело и Армяне; ворота я самъ заперъ, входя; чрезъ стъны перелъзть нельзя, чтобъ опъ не свалились; нельзя также пробраться спереди чрезъ раскаленные кирпичи; я думаю.... Въ эту минуту палатка сильно потряслась, словно человъкъ упалъ на одинъ изъ державшихъ ее канатовъ.
- Держите вправо! крикнулъ мајоръ, выскакивая изъ палатки.
- Я, съ пистолетомъ въ рукахъ, выскочилъ въ противоположную сторону объжалъ кругомъ и споткнулся на колъ въ ту минуту какъ мајоръ, въ рубашкъ, летълъ мив натръчу, свистя въ воздухъ италіянскимъ клинкомъ.
- Тутъ бродять какіе-то негодян; надо ихъ подкараулить. Оставайтесь въ палаткѣ, ложитесь и не трогайтесь, пока я не позову. Если подойду къ палаткѣ, такъ я два раза кашляну. Я повиновался. Чрезъ нѣсколько минутъ маіоръ вошель, возвѣстивъ кашлемъ о своемъ приближеніи. У лошадей и прислуги все въ порядкѣ, сказалъ онъ. Ворота заперты; стѣны не тронуты. Я заглядывалъ на всѣ деревья. Часовой на улицѣ у пожарища завѣряетъ что пикто не проходилъ; никто даже не двигался въ городѣ уже болѣе часа. Мы, должно-быть, пугнули бродягъ; теперь попробуемте уснуть. Мы опять улеглись. Опять я дремалъ, какъ что-то тихонько шмыгнуло около моего подбородка и коснулось моего носа. Я схватилъ неизвѣстьый предметъ желѣзною рукой. Это былъ макъ, затоптанный нами и теперь приподнявшійся.
  - Я поймаль вора!
  - Kakъ? Гдв? Ч1ò?
  - Это макъ. Онъ щекоталъ меня по носу.

Маіоръ испустиль восклицаніе и скоро захрапіль. Я тоже заснуль. Я странствоваль гді-то на развалинахь Кильмойля, какъ вдругь палатка затряслась, словно хотіла обрушиться. Когда мы оба проснулись, она еще дрожала.

Маіоръ быль очень сердить, и я также.

— Не видна ли вамъ звъзда сквозь парусину въ ростъ человъка? спросилъ онъ.

Я взглянулъ. — Водна.

— Такъ не сводите глазъ съ нея. Взведите курокъ пистолета. Если кто пройдетъ, окликните, и потомъ стрълайте. Я сдълаю то же. Если кто пострадаетъ, такъ самъ виноватъ. Минуты чрезъ двъ звъздочка скрылась, и палатка освътилась двумя вспышками; маіоръ выстрълиль съ своей стороны. Бумъ! грянуло спаружи ружье часоваго. Вскочила военная прислуга и Армяне, крича на разныхъ языкахъ. Лошади стали биться. Мы выбъжали поднимать убитыхъ, и страшно насмъшливое га, га, га раздалось надъ нами въ воздухъ. На улицахъ поднялась суматоха, собаки лаяли, барабаны били тревогу, скорымъ шагомъ сходились патрули.

— По чемъ же вы стрвляли, часовой?

— Да, должно-быть, по привидънію, промолвиль Санди.—Оно шмыгнуло мимо меня, словно мъшокъ съ крыльями, прямо чрезъ раскаленные камни.

Следующую почь мы съ мајоромъ спали въ палатке съ двумя дирами на пустыре за садомъ. До сикъ поръ мы не понимаемъ этого случая и не можемъ принять объясненія свръ-Джорджа, который, услышавъ эту исторію, сказалъ:

— Славную тревогу подняли вы, маюръ Гудъ, съ докторомъ, изъ-за бълой совы, какихъ здъсь очень много.

Вотъ уже второй разъ ссылались на сову чтобъ объяснить явленія которыхъ она едва ли могла быть причиной.

VII. Непріятель подступаеть къ намъ.

Бенгальскіе Тигры опять на пути къ новому м'всту на театр'в войны.

Мы разбили лагерь въ Девив, у красивой речки текущей чрезъ плотину старой мельницы въ глубокій омуть, который каждое утро наполнялся сотнями жадныхъ купальщиковъ. Палатки были раскинуты на склопе отлогой горы надъ берегомъ; въ некоторомъ разстояніи, среди лесистой долины, папоминавшей англійскій паркъ, разстилалось широкое озеро. Тутъ стояли всё полки легкой дивизіи, двинувшіеся отъ Галаиполи въ Варну, а отъ Варны къ этому прекрасному склону. Носились слухи что мы идемъ въ Силистрію на помощь осажденнымъ Туркамъ, и солдаты рады были отделаться отъ ученія и отъ всёхъ упражненій, производившихся на дворе казармъ.

Наша легкая кавалерія разыважаєть по окрествостямь Дукая, отыскивая неосторожныхь казаковь, забравшихся слишкомь далеко оть своей линіи. Слава Богу что мы въ

Digitized by Google

движеніи. Люди здоровы, и полки, еще заствичивые какъ дввицы на первомъ балв, начинають мало-по-малу знакомиться другь съ другомъ; происходять маленькія празднества, незатвиливыя, но пріятныя. Солдаты построили бесъдку изъ сучьевъ и вітокъ, взятыхъ въ сосівднихъ лісахъ. Диванами служать кучи травы и листьевъ и коммиссаріатскія кадки. Простое тенедосское вино очень вкусно. Бесъдка увінена цвітными бумажными фонарями, густая туча табачнаго дыма отгоняєть докучныхъ насівкомыхъ. Ехогітит сіатог virorum, пітніе и громкій хоръ, ибо въ тіт дни легкая дивизія была очень весела и слегка подтучивала надъ достопочтеннымъ вождемъ своимъ и его особенностями.

- Спой намъ песню легкой дивизіи, Петръ.
- Слушайте! слушайте! кричать всв.

И Петръ поеть на народный мотивъ.

Слабости ветерана доставили дивизіонному поэту сюжеть многихъ пъсенъ, погибшихъ для свъта, ибо бъдный Петръ лежитъ нъмой и безгласный подъ глыбой земли у Воронцовской дороги, а съ нимъ и его пъсни.

Опять овъ поетъ на другой мотивъ, и хоръ громко ему подтягиваетъ.

После одного изъ такихъ вечеровъ за попойкой, я утель рано, читать доставленныя мев письма. Я ждаль ответа на грустное посланіе, въ которомъ осмелился выразить.... самъ не знаю что. Когда почта ушла, я передумаль свои слова и испугался чтобъ они не оскорбили ел. У себя я нашелъ однако только короткое письмо отъ мистера Бетса, записку отъ маіора Турнбулля, въ которой овъ выражаль опасеніе что старый другь нашъ дряхаветь, ибо "характерь у него становится нестерпимый", да песколько строкъ отъ моего милаго Джака Виндо. Онъ сдвлался командиромъ Слоко ча.—еще шагь впередъ для него, ибо это быль тяжелый, весьма тяжелый фрегать, принадлежащій къ черноморской эскадрь. Овъ надъялся скоро увидаться со мной на своемъ бортв, или отыскать мою квартиру въ лагеръ. Да, вотъ еще записка отъ Стендиша. Онъ былъ въ Варив, держась, какъ онъ выражался поближе къ своему операціонному базису и продоводьствію. и звалъ меня къ себъ.

"Благородный членъ нижней палаты, писалъ онъ, обратилъ ввиманіе парламента на мою пищу и употребилъ всё старавія чтобъ уморить меня съ голоду, но все-таки для васъ найдется кусокъ чего-пибудь, если вы навёстите меня." Съ большить трудомъ разобрадъ я эти пославія, ибо въ палатку проникали миріады весьма мелкихъ крылатыхъ настокомыхъ и поминутно гасили мою свъчу. Бълая парусина чернъла отъ нихъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ, я легъ на постель, закрылъ лицо простыней и заснулъ.

Голосъ госпитальнаго ординарца разбудилъ меня.

- Что такое? Развъ вельзя позвать мистера Сквилса?
- Онъ уже тамъ. Схватило вдругъ. Люди кричатъ по всему лагерю. (Голосъ ординарца слегка дрогнулъ.) — Нъкоторымъ очень плохо.
  - Что же такое, какъ вы думаете? Отъ дурной воды?
- Извольте посмотръть сами, отвъчаль ординарець робко. Я поспъшиль въ госпитальную палатку. Да, предо мной, лицомъ къ лицу, былъ непріятель котораго я всего болье страшился: холера посътила насъ. Отъ такого непріятеля не было защиты кромъ бъгства. Не безъ смятенія снялся лагерь, и дивизія двинулась къ Монастырю. Но склонъ горы покрыть быль черными буграми.
- Я предостерегаль генерала, говориль Макь Филиппъ.— Дело очевидное. Здесь обычный путь холеры отъ Дуная къ Черкому морю, и ока всегда посещаеть Девку. Посмотрите, подле насъ озеро и долина, изъ которой каждый вечерь белый туманъ поднимается до самыхъ палатокъ; кругомъ леса, стесняющие воздухъ, наполненные гнющими листьями.

Бъдствіе следовало за бъдствіемъ. Пришло известіе что колера разразилась въ Варке, а потомъ появилась и на флоте. Ужасный пожаръ уничтожилъ наши склады и магазины въ городе. Причины его никто не зналъ; но потомъ припомнили что въ самый пожаръ изъ залива вышелъ бригъ, на который не обратили вниманія среди общаго смятенія. Англійскіе офицеры говорили что судно это было греческое и предъявляло французскія бумаги; Французы завъряли что понятія о немъ не имъютъ. Отъ Стендиша я получилъ отчеть о пожаре, въ которомъ онъ говориль между прочимъ:

"Представьте себв что когда мы бъжали къ магазинамъ съ пріятелемъ вашимъ, маіоромъ Гудомъ, который состояль здвов при главномъ штабв, въ узкомъ переулкъ я встрівтилъ этого пегодяя, капитана греческаго брига. Опъ шелъ поспішно съ нісколькими изъ своихъ разбойниковъ въ противоположномъ направленіи. Кажется, опъ узналъ меня, и во всякое другое время я бы поговорилъ съ нимъ, по мы торопились, и только потомъ, соображая развыя обстоятельства да

слухи о греческомъ суднъ вышедшемъ изъ пристави во время пожара, мнъ пришло въ голову что слъдовало бы арестовать его."

Затемъ, после некоторыхъ подробностей о пожаре, Стевдишъ продолжаль:

"Капитанъ Десмондъ, въ которомъ вы принимаете участіе, чуть не отправился на тотъ свътъ. Онъ вдетъ въ отпускъ, въ Константинополь, поправлять свое здоровье."

Джеральдъ былъ плохой корреспондентъ, и въ отвътъ на пъсколько писемъ прислалъ мив лишь одну коротенькую записку, такъ что я махнулъ на него рукой и до сихъ поръ зналъ о немъ лишь по приказамъ касавшимса бригады геперала Крукенкра. Наконецъ пришло желанное время, и союзныя арміи, упустивъ нъсколько драгоцънныхъ недъль, потерявъ въ Болгаріи и Добруджъ не меньше людей чъмъ при Альмъ и Аккерманъ, двинулись въ Крымъ.

- Куда это мы идемъ? спрадиваль сержанть Мурфи у сержанта Валлона.
- Въ Крымъ, отвъчалъ сержантъ Валлонъ снисходительно.—Это то же самое мъсто что крымская Татарія, о которой мы слышали, сержантъ Мурфи.

— Крымская Татарія? Странное имя. Ужь не оттуда ли идеть кремортартарь? замітиль сержанть Мурфи сомнительно.—Місто, должно-быть, здоровое, хоть за то спасибо.

Главная каюта судна Городъ Лондонъ сіяла огнями; по объимъ сторонамъ двухъ длинныхъ столовъ сидъли офицеры въ красныхъ и синихъ мундирахъ: штабные, армейскіе, коммиссаріатскіе, медики. Капитанъ Джонъ Каргиллъ предсъдательствовалъ за столомъ; честные глаза его блестъли подъгустыми бровями, точно сторожевые огни на берегу. По правую руку его сидълъ генералъ дивизіи къ которой я принадлежалъ, будучи временно причисленъ къ штабу. Де-Ласи, статный и воинственный на видъ, выслушивалъ съ улыбкой соображенія своего адъютанта, поясняемыя линіями портвейна, разставленными на столъ, и редутами изъ корвинъ съ изюмомъ и миндалемъ. При каждомъ движенія вепріятеля или союзниковъ, капитанъ Джонъ Каргилаъ съ удовольствіемъ потиралъ руки и говорилъ:

— Такъ, такъ! Это хорошо, подковникъ. Я съ вами согла-

Макъ-Филиппъ разсуждалъ со старшимъ офицеромъ о сравнительных достоинстважь системъ Рейда и Дюгальда Стюарта, иногда вдаваясь въ оценку преподаванія метафивики въ Глазговъ и Элинбургь. Стенлипъ съ великимъ юморомъ чертилъ въ забаву окружавшей его молодежи воображаемую сцену для Лондонской Иллюстраціи: Высацка спепіальнаго корреспондента Геркулеса и смерть издателя Русскаго Инвалида". Меня мучиль Мармалукъ Блоссомъ, докторъ медицины, генеральный инспекторъ госпиталей, недовольный мною за пренебрежение витомологией и за то что я не сохраниль и не прислаль ему некоторыхъ насекомыхъ. погасившихъ мою свъчу въ ту ночь какъ появилась холера. Онъ горълъ любовью къ паукъ и не обильлъ бы мухи, развъ для ея же пользы, или молодаго доктора, развъ для его каставленія. Онъ однако любиль живучіе экземпляры: и чемъ дольше бились они на булавкв, твиъ пріятиве было Марма-Avky Broccomy.

Мы всв стремились къ невидимой еще цели, къ точке въ нъсколькихъ миляхъ на западъ отъ мыса Таркена, и при всемъ томъ вазначение ваше было определение вашихъ плановъ. Съ палубы открывалось такое эрълище, какого не видаль никто изъ насъ, да, можеть-быть, не видали и далекіе предки наши. Еслибы звъзды съ неба спустились на воду, не больше было бы блеска и мерцанія на темномъ морф. Соединенный флоть Англіи и Франціи, вифств съ турецкою вскадрой, провожали свои войска плывшія на сотняхъ кораблей среди киммерійскаго мрака въ страну гдв его обитель. На каждой мачть висьль фонарь. Когда суда скользили по колеблющимся волнамъ, огни мерпали какъ искры на тавющей головеткв. Не наплось бы ни одного человъка на корабль, ни одного во всемъ флоть, у котораго не было бы своихъ заботъ, но чужія заботы не облегчали моихъ. Такъ думаль я въ то время какъ Макъ Филиппъ, подсевъ къ Блоссому, вступиль въ разсуждение о медицинскихъ вопросахъ, которые возникнуть когда мы сойдемся съ непріятелемъ.

— Я согласенъ съ вами что опасно уменьшать жизненную внергію при серіозныхъ операціяхъ, говорилъ Макъ-Филиппъ.—Но боль великій врагъ жизни. Если хлороформъ двлаетъ человъка нечувствительнымъ къ боли, вы согласитесь что его слъдуетъ употреблять, если нътъ положительныхъ указаній на его неумъстность.

- Никакимъ образомъ, возразилъ Блоссомъ.—Я не согласенъ съ вами. Боль можетъ быть весьма полезна. Это знакъ подаваемый природой, сознающею опасность. Я считаю хорошимъ признакомъ, когда больной кричитъ подъ ножомъ. По моимъ замъчаніямъ, спокойствіе часто указываетъ на недостатокъ животной внергіи.
- Ну, если придется, а заору какъ савдуетъ, будьте покойны, усмъхнулся юный капитанъ Потсъ. — Не такъ ли, докторъ?

Но Мармадукъ Блоссомъ и Макъ Филиппъ не были расположены раскрывать Потсу тайны своего искусства, и перешли къ общему разговору о невъжествъ публики въ медицинскихъ вопросахъ. Въ примъръ Макъ Филиппъ привелъ общераспространенное понятие о количествъ страдания.

- Говорять что на поль сраженія, гдь всюду валяются раненые, должно быть огромное количество страданія. Это нельпо! Нельзя сложить страданіе одного человыка со страданіемъ другаго и подвести общій итогь.
  - Конечно, натъ, согласился Блоссомъ. Это безсмыслица.
- Но согласитесь что страдающихъ должно быть множество, вмешался Потсъ,—а ихъ ведь можно сложить.
- Я думаю, вы не станете доказывать, капитанъ Потсъ, что если у одного изъ вашихъ солдатъ болять зубы, и у васъ также, то ему или вамъ отъ этого больнее?
- Нътъ, но я стану доказывать что насъ двое съ зубною болью, и что следовательно зубной боли тутъ вдвое больше чъмъ еслибы былъ только одинъ. Однако я вижу что вы оба собираетесь напасть на меня и бъгу на палубу выкурить сигару.
- Грустно, Макъ Филиппъ, сказалъ докторъ, очень грустно!
- Дъйствительно, Блоссомъ. Сыграемте-ka партію въ maxматы.

Нѣсколько дней спуста а видѣлъ какъ оба вти почтенные джентльмена, засучивъ рукава, среди толпы помощниковъ, пилили, рѣзали, сондировали, забывъ всѣ свои теоріи.

VIII. Bысадка.

Выйдя въ одно утро на палубу, мы увидели предъ собою низкій берегь, похожій на берегь Эссекса во время

отлива. Де-Ласи со штабомъ стояли на задней палубъ вокругь сигнальнаго офицера, который разбираль языкь фавговъ. Намъ приказывали высадиться на лежащій предъ нами плоскій берегь, за которымъ видивлось узкое озеро. Съ другой стороны широкія, ўнылыя съ виду равнины разстилались до горизонта, гдв Чатырдагь съ хребтомъ своимъ поднимался словно острова среди моря. Какъ всв разглядывали берегь, на которомъ многимъ суждено было остаться на въки! Наша экспедиція иміла всю заманчивость приключеній въ неизвъстныхъ странахъ. Начальникъ нашъ зналъ о Крымъ немного больше чемъ Язонъ о Колхиде, когда онъ поднялъ паруса Арго. Ни души не было видно; но говорили что въ немногихъ миляхъ разстоянія высокій берегъ раки, впалающей въ море между нами и Севастополемъ, занять быль войскомъ. Флотъ, наконецъ, подошелъ къ берегу вив легкаго прибоя. Воздухъ омраченъ быль тучами дыма изъ трубъ, служившими какъ бы покровомъ для высадки. По данному сигнаду. отъ боковъ кораблей отчалили длинныя вереницы лодокъ; въ нихъ видивлись синія и красныя пятна, изъ которыхъ въ насколько минуть должны были сомкнуться жельзные баталіоны и овладъть берегомъ.

- Какъ же мы будемъ прибирать раненыхъ? спросиль Макъ Филиппъ у штабнаго офицера.—Если будутъ драться, такъ, полагаю, будутъ и раненые, а походные госпитали Блоссома всъ выгружены въ Варнъ.
- Это дело докторовъ, отвечалъ капитанъ Нефью.—До меня ато не касается.
- А будеть касаться, когда пуля засядеть вамь въ ляжку, возразиль Макь Филиппъ сердито:—тогда вы сочтете это штабнымь деломь. Но что тамъ такое? Видели ли вы когдалибо что-нибудь подобное? воскликнуль онъ, указывая пальцемь на берегь.

Первая лодка Англичанъ пристала, и генералъ съръ-Джорджъ принималъ мъры для завладънія землей. Партія застрыльщиковъ собралась на берегу, а генералъ сталъ взбираться на песчаный бугоръ, не подозръвая того,—что видно было всему флоту,—что кучка казаковъ его замътила и съ копьями на перевъсъ скакала къ нему.

— Держу десять противъ одного что они его заколють, Пикельсъ! вскричалъ Нагетъ.—Смотрите, я, кажется, вижу усмътку на лицъ этого молодца въ мъховой тапкъ что теперь подъъзжаетъ.

- Идетъ! закричалъ Пикельсъ:—золотыми? Держу!
- Нѣтъ, пейдетъ, Пикельсъ, поздно сказали! Вы выждали пока старикъ остановился, а стрълки двинулись впередъ. Ужасная штука. Каково еслибъ они закололи генерала на глазахъ всего флота? Вотъ они. Стрълки по нимъ стръляютъ. Наши строятся; глядите на третью лодку!

Высадиться было не трудно; но что дълать у "печальной волвы" по кольно въ мокромъ пескъ, при недостаткъ пищи и
отсутствіи всякаго убъжища? Воть въ чемъ былъ вопросъ.
Ночью пошельдождь, взмывая камни на взморьт и со свистомъ
клеща по морю, и я очутился въ прекрасномъ обществъ подъ
опрокинутою тельгой, оказавшеюся отличнымъ проводчикомъ
для воды. Я даже не могь чувствовать сострадянія къ бъдному
Стендишу, который лежаль въ холодной ваннъ на пескъ подлъ
меня и погруженъ былъ въ глубокое огчанніе, отгого что записная книжка вся взмокла у него въ карманъ, и письмо въ
Геркилест погибло.

— И я предвижу, вто совершенно несомивнно, пророчествоваль Багшо изъ-подъ зонтика леди Гайрекъ, который она оставила втому доблестному воину, простившись съ мужемъ и вернувшись на корабль,—Русскіе сейчасъ же явятся съ артиллеріей, станутъ по ту сторону озера, и сметутъ насъ съ берега. Почти то же едва не случилось въ Каттервальской твенинв. А съ кораблей стрълять нельзя. Я не далъ бы вотъ чего, заключилъ Багшо, щелкнувъ пальцами и изливъ праую лохань воды съ зонтика себв на шею,—за все здътнее войско. Весьма возможно, что Французы нарочно насъ заманили.

"Отрада является утромъ." Но отрада заключалась лишь въ отсутствіи положительнаго страданія. Вся толпа вокругь меня ожила. Со мною были съвстные припасы на три дня въ котомкв, фляжка съ водкой, мундиръ и шпага, которая подвернулась ночью мив подъ голову, такъ что я всталъ съ прекраснымъ отпечаткомъ королевскаго герба на правой щекв. Вода размочила котомку, такъ что сухари и мясо смвшались вмъств и составили какой-то весьма непривлекательный на видъ пудингъ. Воздухъ былъ очень суровъ, и хоть я не имъю этой привычки по утрамъ, я отыскалъ свою фляжку, откупорилъ ее и влилъ немного водки въ металлическій стаканчикъ. То есть влиль бы, еслибы могь. Но жидкость не показывалась, не слышалось плесканья во внутренности-

Злодъйская рука ограбила меня во время сна. Но у каждаго изъ насъ были туть свои невзгоды и заботы, и каждый принужденъ былъ забыть ихъ для исполненія своихъ обязанностей. Вотъ вдеть вдоль узкаго перешейка между озеромъ и моремъ, сида превосходно на прекрасномъ конъ, старикъ необыкновенно благосклонной, симпатической наружности. Геперальскій плюмажь мягко зыблется на утреннемъ візтеркі: мундиръ могь бы служить образцомъ для любаго парада, сапоги лосиятся такъ же какъ и шпоры. Липо его посило печать привътливой важности. Туть не было тъхъ крупныхъ чертъ какъ у Кромвеля или Тюреня, не было той массивности какъ у Валленттейна, не было гордой красоты Марльборо, не было непреклонной выразительности Веллингтона, огля и толкости Сентъ-Арно. Лицо это отличалось безмятежпостью, спокойствиемъ, почти загадочнымъ, и изяшною благосклонностью. Такія лица можно вильть наль старомодными галстуками въ окнахъ клубовъ въ улице Сентъ-Джемсъ; или у каминовъ въ деревенскихъ усадьбахъ. Этотъ типъ узнаете вы въ семейныхъ портретныхъ галлереяхъ, и многіе де-Линьи, Шварценберги, Галласы восхищали человъчество, общество и арміи подобною наружностью и осанкой. Не столько свита, сколько пристегнутый къ груди пустой рукавъ, возвъстилъ войскамъ что предъ ними лордъ Рагланъ. Были туть полки которые не знали его въ лицо. Но всемъ было известно что вожаь ихъ лишился руки на войне съ Французами, войска которыхъ, служащія племяннику человька носившаго для дорда Раглана въ молодости лишь названіе "Корсиканца", теперь стояли въ одномъ стров съ Англичанами. Онъ провхаль сквозь толпу, теснившуюся на взморые, съ ласковою улыбкой, словно прогуливался въ Роттенъ-Рау.

День проходиль за днемь, мы все стояли, берегь этотъ сталь намъ наконецъ ненавистень. Съ флота подвозили провизію, безпрерывно приходили лодки отъ дымящихся кораблей. Ночи были прекрасны; можно было спать въ плащахъ, съ камнями подъ головой, вмъсто подутки. Я безпрестанно бъгаль отъ одного больнаго къ другому. Стратный непріятель перевхаль съ нами черезъ море.

— Слуга генерада очень плохъ. Нельзя ли вамъ придти къ нему поскоръе?

У края соленаго озера лежить бъднякъ на одъяжь; подав него стоить на кольняхъ молодой человъкъ въ вапачканной.

черной одеждь, держить его за руки и съ непокрытою головой тихо молится. Умирающій слабо повторяєть его слова и глядить въ свътлое, лазуревое небо; тусклый взглядъ возвъщаеть уже приближеніе Утьтителя. Священникя наклоняется, шепчеть что-то на ухо умирающему и скрещиваеть на груди его холодныя руки. Когда поднялся онъ, я испустиль восклицаніе:

- Дикъ Больтонъ! Вы здесь?
- Мы съ вами ужь помочь не можемъ, любезвый Бреди. Нъсколько торопливыхъ вопросовъ, минута посвященная воспоминаніямъ о прошломъ, вотъ все что мы могли дать другъ другу, ибо мы оба нужны были въ другихъ мъстахъ.
- Когда увижусь съ вами, разкажу вамъ о Прендергастъ. Гдв я его видълъ, какъ вы думаете, если только это былъ не двойникъ его? Въ Перв; онъ выходилъ на берегъ изъ каика. Не забудьте же. Вторая бригада третъей дивизіи. Да хранитъ васъ Богъ, до слъдующей встръчи.

Намъ не суждено было встрътиться. Изнуренный усталостью, когда слъдоваль пъшкомъ за арміей, Дикъ Больтонъ сраженъ быль врагомъ котораго привыкъ не страшиться. Онъ покоится подъ курганомъ, который любившая его паства воздвигла надъ его тъломъ среди поросшей виноградомъ долины, въ далекой странъ.

IX. Мы ваступаемъ на вепріятеля.

Большая должна произойти перемена въ человеке чтобъ опъ пересталь увлекаться войной; не столько, можетъ-быть, самымъ пыломъ сраженія, где часто обнаруживается дурная сторона, сколько разнообразіемъ и возбужденіемъ походной жизни. Новое ощущеніе находиться въ опасности отъ людей которыхъ вы никогда не видали, которымъ нетъ причины ненавидеть васъ, которыхъ вы обязаны убивать сколько можете, зная что за это все товарищи будутъ васъ чествовать. У большей части людей надо бы изменить составъ мозга чтобъ они перестали радоваться такому убійству, и надо, кажется, отказаться отъ надежды что настанетъ день, когда народъ судомъ общественнаго мивнія будеть осужденъ какъ убійца за то что вель войну, въ особенности войну удачную.

Я стояль на песчаномъ бугрв и видель какъ войска двигались отъ берега на непріятеля. Зралище было такое что грудь стеснилась и замирало сердце, даже мое, хотя в все время хлопоталь съ больными и только что отправиль на корабли грузъ безнадежныхъ страдальцевъ. Свъжесть утренняго воздуха, оживаенное авиженіе, снующія взадъ и впередъ транспортныя суда, ихъ сигнальные флаги и паруса, торжественный ходъ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, предшествуемыхъ авангардомъ легкихъ пароходовъ, удивительная точность съ какою каждый четвероугольникъ красныхъ мундировъ занималь свое мъсто, какъ бригада строилась за бригадой, и смыкались дивизіи, растягиваясь по волниотымъ лугамъ, усвявнымъ цветами; адъютанты, скачущіе отъ одной кучки всадниковъ къ другой; темныя массы артиллеріи, черная койма стрізаковъ на краю живой волны, катащейся по равнинь; савва кавалерія, сіяющая касками, сабаями, копьями, толпы прислуги, обозныя арбы, то была картина, патъ, не картина, а воплощение войны, исполненное такой грозвой прелести, которою позволительно увлекаться игордиться парямъ. Думаль ли я тогда о моемъ призваніи? Нисколько! Мив хотвлось скакать съ этою пестрыющею кавалеріей или идти во главъ послушной колонны. Зачьмъ принужденъ я ухаживать за жалкимъ пушкаремъ, которому только-что раздавило ногу орудіемъ, и который никогда уже не слдеть на лошадь, не присоединится къ товарищамъ! Гревы разлетаются, предо (мною опять отрезвляющая действительность долга.

Когда ваковецъ пришла моя очередь двикуться съ моими Тиграми, весь энтузіазмъ мой чуть не заглохъ въ удушливой жарѣ походнаго строя. Какой угодно герой, послѣ многихъ двей проведенныхъ въ тѣснотѣ на кораблѣ, при недостатъв воды, въ узкомъ суконномъ платъѣ, вспотѣетъ подъ крымскимъ солицемъ. Я получилъ право купить себѣ лошадь. Однажды утромъ кавалерія захватила нѣсколько жалкихъ туземцевъ, и Татаринъ, весьма смущенный недовѣріемъ къ доброкачественности англійскихъ золотыхъ,—онъ пробовалъ ихъ по-англійски, зубами,—продалъ мнѣ четвероногое, которое непремѣню пало бы отъ старости и слабости, еслибы не бевпрестанное пришпориванье и не окружающій шумъ. Брейтонскія дюны, съ менѣе рѣзкими очертаніями, съ болье синимъ моремъ и съ большимъ количествомъ цвѣтовъ въ

травъ, вотъ мъстность по которой мы идемъ сомкнутымъ строемъ, отъ котораго сіяніе солнца отражается на каждомъ магу несчетными лучами. Предъ нами на горизонтъ, гдъ высится уступами синъющая вершина Чатырдага, поднимаются въ тихомъ воздухъ столбы дыма, то черные, то бъловатые.

Часъ за часомъ мы идемъ впередъ. Идемъ тихо, потому что надо давать роздыхъ людямъ и сохранять порядокъ. Въ одну изъ такихъ остановокъ, когда армія распадается на миаліарды единипъ, когда складывается въ кучу оружіе, закуриваются трубки, и невнятный гуль, сміжь и крикь многихь тысячь 'стоить надъ равниной, мы съ маіоромъ Гудомъ отправились къ нашей кавалеріи, очень красиво прикрывавmeй нашъ фронть легкою бригадой. Мы подържали къ узкой ръчкъ, лъниво текущей къ морю по широкой долинь. У дороги подав моста стояль оштукатуренный домъ; онъ почерныть отъ дыма сгорывших службъ, крыша потрескалась и развалилась. Мајоръ былъ человъкъ предусмотрительный. "Кавалерія наверное не успела общарить это место." сказаль онь. "Войдемте и посмотримь: не осталось ли туть чего-нибудь. Мы слезли, привязали лошадей къ двери почтовой станији и вошли въ домъ. Компата за компатой, все одно и то же: сломанная мебель, открытые, пустые жщики. разбросанное по полу платье, вездв признаки поствинаго бъгства. Когда отворили мы одну дверь, кошка стремительно проскочила у насъ между ногъ и за нею козленокъ; но послъдняго Гудъ въ ту же минуту свалиль выстреломъ изъ револьвера.

— Вотъ намъ и объдъ дня на два! воскаикнулъ онъ.—Да напрасно мы и кошку-то упустили; кошачье мясо можетъ сдъляться ръдкостью. Я обдълаю козленка, а вы ступайте дальше понытать счастья. Не щадите ничего събстваго.

Я сошель на дворь въ ту минуту какъ Стендишъ выбъжаль изъ-за угла съ дымящимся револьверомъ въ рукать, преследуя подстреленную индейку. Онь загналь ее въ тивощія развалины сарал.

— Вотъ! восклиннуяъ онъ:—еще минута, и она бы измерилась какъ есть, съ перьяни. Поистинъ, Теренсъ, на походъ становишъся ужасно голоденъ и безеоръстенъ. Намъ все это кажется шуткой. Какъ бы мы однако озаняюъ, еслиби Французы стали душить нашихъ демашнихъ живочныхъ ексло Клафамъ-Коммона?

И мы, какъ три мародера, повхали дальше, съ добычей за съдломъ, пока не приблизились къ линіи кавалерійскихъ разъъздовъ, остановившихся въ лощинъ. На склонъ впереди ихъ виднълся рядъ всадниковъ, ъхавшихъ къ намъ. Скоро мы увидъли длинныя казацкія пики и маленькихъ лошадокъ.

Казаки наступали размахивая копьями, ихъ лошадки бодро скакали по склону. Вдругъ струйка дыма поднялась отъ одного, потомъ другой разрядилъ карабинъ, и выстрелы покатились по всей линіи, и лошадки запрыгали и заиграли пуще прежняго. Наши разъезды отвечали, и въ ихъ рядахъ произошло такое же движеніе, прыганье и брыканье. Но никто не былъ раненъ, только пыль взвилась съ земли, да пули посвистывали въ воздухе.

— Вотъ вамъ доказательство на сколько полезенъ кавалерійскій огонь, сказалъ Гудъ.—Однако, смотрите, вотъ они собираются атаковать не на шутку.

Онъ указалъ на гору предъ нами. Тамъ дъйствительно поднимался цълый лъсъ копій. Появилась густая масса всадниковъ. Они построились тремя колоннами: центръ былъ синій, правое крыло бълое, а лъвое свътло-сърое.

— Ага! Такъ я и думалъ, продолжалъ маіоръ. — Вотъ лордъ Кардигавъ со своею бригадой. Но гдъ же его орудія? Эти господа скоро дадуть намъ отвъдать своего свинцу.

Разъвзды наши отступали. Казаки съ крикомъ преследовали ихъ. Вдругъ синій центръ разомкнулся и на горв появились восемь черныхъ точекъ. Клубъ белаго дыма вылетель отъ одной изъ нихъ, и въ ту же минуту, съ резкимъ свистомъ, картечь ударила въ землю у самыхъ ногъ моего пони, обдавъ маіора и Стендиша градомъ песку и мелкихъ камней.

— Мы прямо подъ ихъ выстрелами на кавалерію. Оки, пожалуй, принимають насъ ва штабъ по вашему великолепному галуну. Свернемте влево, советоваль нашь менторъ, не перестававшій ни на минуту курить сигару.

Овъ еще не кончилъ какъ бомба лопнула надъ нами и послышался свистъ осколковъ. Вотъ опять выстрълъ, и другой, и третій, ядра сыпались вокругъ насъ. Но Гудъ не допускалъ быстрыхъ движеній.

— Не скачите! Не торопитесь. Тихою рысцой вливо, гос-

Эрвлище было красивое. Кавалерія медленно отступала, поворачивая по-эскадронно и глядя въ лицо непріятелю, а

Русскіе наступали со своими орудіями, словно хотвли настигнуть насъ, пока бригада не ушла подъ прикрытіе артиадеріи и не подоспъла армія. Вдали позади насъ виднълись Англичане, двигаясь какъ морская волна и испещряя зеленые луга красными и бълыми полосами; сквозь тучи пыли отъ лошадиныхъ копытъ и колесъ скачущихъ орудій, мы различали нашу артиллерію, спъщившую на выручку. Русскія пушки не переставали стрълять по кавалеріи, и мъстами падала лошадь, мъшались на минуту ряды, когда ударя ю въ нихъ ядро. Но скоро роли перемънились. Англійская батареа построилась подлѣ насъ и открыла отонь, за нею другая. Русская конница остановилась, подобрала свои орудія и скрылась за горой.

- Что такое? пропыктыть толстый стрыжовый капитана, раскраснывшися оттого что быжаль со своею командой.— Развы завизалось лыло?
- Чуть не захватили врасплохъ нашу кавалерію, вотъ и все, отвъчалъ Гудъ. Спасъ болье случай чъмъ распорядительность. Но люди вели себя прекрасно.

Арміи остановились на ночь у береговъ ръчки. Не думаю что было такъ разчитано и что напередь позаботились о возможности добыть воду. Я знаю что въ эгомъ походъ была какая-то разъединяющая сила, смущавшая новичка. Оно не замътно было, пока полки не располагались биваками. Но тутъ проявлялась ужасная разрозненность: сотни людей бродили по бивачнымъ огнямъ, отыскивая свои полки, обозы и лошади перемъшивались съ рядами. Я привязалъ своего пони у огия, разведеннаго слугою Гуда, и вмъстъ съ нимъ и Стендишемъ, сталъ глядъть со вниманіемъ, какъ Армянинъ жарилъ нашего козленка и индъйку.

— Гдв наши фисташки? спросиль Стендишь весело.—Я въ жизнь мою не объдываль лучше. Теперь трубочку и спать.

Маіоръ быль очень пасмуренъ. Онъ всталь и началь прокаживаться между лежащими людьми, которыхъ почти не было видно, потому что ночь была темная, хотя и звъздная, а огней было мало. Мы со Стандишемъ уже спали, когда онъ вернулся. Онъ слегка коснулся моего плеча и шепнулъ:

— Встаньте и пройдитесь со мною. Мнв нужно сказать вамъ два слова.

Я молча пошелъ за нимъ, осторожно ступая между спя

О подписка на РУССКІЙ ВЪСТНИКЪ въ 1869 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВВСТНИКА, состоящее изъ двънадцати ежемъсячных книжекъ, будетъ въ 1869 г. стоить въ Москвъ и Петербургъ, безъ доставки, четырнадцать рублей; съ доставкой на домъ въ Москвъ пятнадцать рублей; съ почтовою пересылкой во всъ мъста Россіи престнадцать рублей.

Заграничные высылають за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза—16 р.; въ Бельгію—17 р.; во Францію и Данію—18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію—20 р.; въ Швейцарію—21 р., и въ Италію—22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВЪСТНИКЪ принимается: ВЪ МОСКВЪ: ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

Въ колторъ Упиверситетской Типографіи на Страстномъ бульваръ; въ клижной лавкъ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульваръ, въ домъ Загражскаго, и у другихъ квигопродавцевъ Москвы.

Въ квижной межь Базунова, на Невскомъ проспекть, въ домъ Эвгельгардтъ, и у другихъ квигопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мъртахъ Имперін подписва на Русскій Вістника не принимается.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВЪСТ-НИКА, въ Москвъ.

О подпискъ на МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ въ 1869 году.

Цъна за МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ на 1869 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвъ, безъ доставки на домъ, двънадцать рублей сер; съ доставкой на домъ въ Москвъ и почтовою пересылкой въ другіе города пятнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ принимается въ Москвъ, въ конторъ Университетской типографіи, ж Страстномъ бульваръ. Въ Петербургъ, кромъ того, можно подписываться въ книжномъ магазинъ А. О. Базунова, на Невскомъ проспектъ.

wheele

The second secon

B'D. 1914

